

УДК 08
ББК 79.1
Е-361

Редакционная коллегия
*В.А. Москвин, Н.Ф. Гриценко, М.А. Васильева,
О.А. Коростелев, Т.В. Марченко, М.Ю. Сорокина*

Ответственный редактор
Н.Ф. Гриценко

Художник
И.И. Антонова

Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына,
Е-361 2011 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. — М. : Дом русского зарубежья имени
Александра Солженицына, 2011. — 720 с. : ил.

ISBN 978-5-98854-041-0

Очередной выпуск «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» содержит статьи, публикации, обзоры, посвященные истории, литературе, философской и религиозной мысли, а также научному наследию русской эмиграции. В «Ежегоднике...» также публикуются материалы научной конференции к 140-летию И.А. Бунина, прошедшей в Доме русского зарубежья.

«Ежегодник...» содержит иллюстрации, большая часть которых публикуется впервые.

УДК 08
ББК 79.1

© Коллектив авторов, 2011
© Оформление. ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2011

КАФЕДРА

Ж. Нива
МОЙ РУССКИЙ ПАРИЖ¹

Русская эмиграция... Моя первая встреча с русским языком — это одновременно встреча с русской эмиграцией. Не в Париже, а родном моем Клермон-Ферране. В журнале «Знамя» я опубликовал текст «Подарок Георгия Георгиевича: жить русским языком» (2009. № 2). Георгий Георгиевич Никитин был уроженец Кубани, воевал на стороне Деникина как новобранец, бежал из сумасшедшего Истамбула, добрался до Марселя и наконец попал в Овернь. Я слышу его раскатистый громкий голос. Мы читали сказки Пушкина и детские рассказы Толстого. Он часто крестился, был грекокатоликом, порой ездил в Париж и навещал грекокатолического епископа в церкви Сен-Жюльен-де-Повр. Он открыл мне южную, провинциальную Россию (Россию «Августа Четырнадцатого»), Гражданскую войну и ее свирепство. На его примере я понял, что такое — эмиграция: бегство, нищета, принужденное приобщение к другому миру, а в сердце потайной — склад: детство, Пушкин, вера...

Замечательный поэт Иван Елагин пишет:

Эмигранты, хныкать перестаньте!
Есть где наконец душе согреться:
Вспомнили о бедном эмигранте
В итальянском городе Ареццо.

(«Невозвращенец»)

Из-за эмигранта Данте ли, бежавшего в Ареццо, любили русские эмигранты Италию? Не знаю, но многие любили ее из тех, с кем я был знаком, я дружил: Николай Оцуп, Сергей Маковский, Георгий Адамович, Александр Кусиков, Владимир Вейдле, Юрий Иваск, Андрей Синявский, Виктор Некрасов, Иосиф Бродский...

Оцуп преподавал в «Эколь Нормаль» на Ульмской улице в Париже. Не преподавал — вещал, пророчествовал. Его «Дневник в стихах» (1950) как бы поэтический концентрат русской эмиграции. Перемешаны культуры и языки русской эмигрантской планеты. Онегинская строфа сокращена на одно четверостишие: простор европейский — уже, чем русский...

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного 1 декабря 2010 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына на международной научной конференции «Русский Париж между двух мировых войн». — *Ред.*

Давно угасли Афины, думает поэт-эмигрант и далее размышляет:

Кто же им наследует? Москва?
 Уж скорее Спарта: знамя вьется,
 Как в бою... Америка нова
 Для седин и лавра... Остается...
 Неужели все-таки Paris?..
 Наша одряхлевшая Сорбонна,
 Две-три строчки Поля Валери
 Грустных, как Вандомская колонна:
 Царственно упадочная страсть
 Сохранить утраченную власть.

Я чувствовал в русском Париже эту грусть, эту «скорбь» и это ехидство. Студентом я навещал благородного «старца» русской литературы в эмиграции, Бориса Константиновича Зайцева. Читал его книги об Италии, его «Реку времен», его «Звезду над Булонью». Через него, как через Александра Бахраха или Зинаиду Шаховскую, была обманчивая близость с Буниным. С Ремизовым через Наталью Кодрянскую и Наталью Резникову. Да еще с Мережковским и Гиппиус через Юрия Иваска или Нину Берберову². Да и мой профессор в Сорбонне, Пьер Паскаль, также хорошо знал Ремизова и дружил с Бердяевым (пригласил его выступить перед студентами — не предупредив их о том, что тот заика, и они хохотали весь урок).

Была моя география русского Парижа: книжная лавка «Éditeurs Réunis», где директором был Иван Морозов, потом трагически не вынесший появления Александра Солженицына и давления новой ответственности. Книжная лавка «Дом книги», где царствовал хозяин — тучный, громкоголосый и очень, в конце концов, доброжелательный Михаил Семенович Каплан³. Я знал наизусть главные залежи книг, они вообще мало меняли место. Третья лавка, рядом со Школой живых восточных языков, называлась «Cinq Continents». Хозяин там был г-н Генджан, а он, как и Каплан, как и Морозов, не только продавал, но также издавал книги. А толстый и болтливый завсегдатай «Cinq Continents» Дубровкин был звездой этого третьего «русского салона». Ибо в каждой лавке были свои завсегдатаи, свой салон, свой приход, свой главный болтун. А мы, начинающие слависты, перед ними робели и благоговели. Была и русская консерватория, со своей дешевой студенческой столовой. Там прошел торжественно юбилей Бориса Зайцева, а когда я в Москве был на юбилее Сельвинского, мне стало понятно, что обряд был и тут и там один и тот же, идущий от России XIX века, со своим культом русского писателя.

Бывал я и в одном кафе на Елисейских Полях, где несколько раз назначал мне свидания черный как ворон Георгий Адамович. Он говорил о Блоке и Белом как о живых. «Кто это мы? — спрашивает он в «Комментариях». — Мы — три-четыре

² Я мог бы привести и Темиру Пахмус, но с ней я не дружил и даже мало имел к ней доверия (как к мемуаристу).

³ А в другом углу темного помещения стоял или сидел долговязый его вечный подчиненный — Иван Федорович (Санчо и Дон Кихот).

человека, еще бывшие петербуржцами в то время, когда в Петербурге умер Блок, позднее обосновавшиеся в Париже; несколько парижан младших, иного происхождения, у которых с первоначальными “нами” нашелся общий язык».

Адамович — как позже и Ася Тургенева в Дорнахе — дал мне почувствовать как бы тайную близость с Белым, над которым я работал.

Оцуп дал мне то же ощущение «близости» с Гумилевым, и то же самое дал мне странный поэт — донжуан Александр Кусиков в отношении к Есенину и к Белому (у него был бурный роман с Асей после отъезда Белого в советскую Россию). Он жил на последние копейки от состояния, унаследованного от своего отца, кавказского князька, и полностью промотанного. Он с элегантностью читал вслух свою почти единственную поэму «Зеркало Аллаха».

Мой русский Париж — это и впечатляющая царственная фигура Сергея Маковского, бывшего издателя «Аполлона», сына знаменитого художника, автора «Серебряного века», «Портретов современников» и еще семи изящно изданных сборников стихов, которые он мне подарил. Его элегическая муза была более направлена к Италии, чем к Франции. Но одно страшноватое стихотворение посвящено Музею человека (Musée de l'Homme): поэт смотрит на скуластого низколобого своего далекого предка и пишет: «Я зверя узнаю в своей крови». У него был дом под Парижем, в шикарнейшей деревне Монфор-Ламори, и пейзаж этой тихой французской провинции больше воодушевлял этого поэта-элегиста, чем воспоминания о русском пейзаже.

Маковский рассказывал многое о том, как он правил произведения русских литераторов, когда он был главным редактором «Аполлона». Я переводил на французский язык его неизданный текст о Гумилеве, послал мой перевод Анне Ахматовой, получил похвалу своим стихам и хулу на злой характер и дурную память Маковского.

Александр Бахрах в своей буржуазной квартире принимал очень по-барски, много рассказывал о Белом (в его книге «По памяти, по записям» это глава «Ночь с Андреем Белым»), о Марине Цветаевой в Париже и об отце «Аполлона» — то есть о Маковском. Он следил за всем, знал все и всех и считал себя не эмигрантом, а европейцем.

Европейцем был и Владимир Вейдле. Он даже, бывало, лучше писал по-французски, чем по-русски. «La Russie absente et presente», «Les Abeilles d'Aristée» написаны изящно, остроумно. «Задача России» — русский вариант первой книги — неуклюже. Языковая дистанция дала ему возможность писать на вечные русские темы без русского пафоса. Он был одним из организаторов конференции в знаменитом Серизи-ля-Саль в 1968 году. Тенора русской эмиграции участвовали в прениях о «великом русском столетии»: Борис де Шлёцер (переводчик Шестова и музыковед), Владимир Вейдле, Георгий Адамович. «Десятидневки» Серизи-ля-Саль имели некое русское ядро: Евгения Каннак⁴ и Раиса Тарр⁵ были близкими

⁴ Автор воспоминаний под заглавием «Верность» (Париж, 1992).

⁵ Раиса Тарр (Татарина) была переводчицей нескольких книг философа Александра Койре (Koyré). Своей многогранной широкой личностью Раиса Тарр персонифицировала целую эпоху симбиоза русской и французской философии.

приятельницами жены учредителя «десятидневок» (сначала в Понтины, а после войны в Серизи-ля-Саль). Подружившись с Раисой, я вошел в это негласное русское ядро. Это позволило мне организовать две «декады» — в 1973 году о Солженицыне с Марком Слонимом, с незабываемым Петром Равичем (поляком, пережившим Аушвиц, автором книги «Кровь неба»), с Михаилом Евдокимовым и еще с замечательным французским православным богословом Оливье Клеманом. «Декада» состоялась накануне высылки Александра Солженицына, в момент острого напряжения, когда чувствовалось, что единоборство между писателем и советской тиранией должно скоро как-нибудь кончиться.

Еще через пять лет удалось организовать большую и знаменательную «декаду», на этот раз о Борисе Пастернаке.

Эта третья русская «декада» собрала представителей первой и третьей эмиграции: Андрей Синявский активно выступал, и можно сказать, что встреча состоялась. (Не всегда было так! Четвертая встреча, которую я организовал в Женеве под заглавием «Одна или две русские литературы», была ареной острых стилистических баталий. «Красивый» стиль первой эмиграции, в особенности Вейдле, подвергался ехидному обстрелу третьей эмиграции.)

«Фантастические рассказы» Абрама Терца были опубликованы Польским литературным институтом при участии легендарного «литературного маршала» польской эмиграции в Париже (и в мире) князя Ежи Гедройца. Я был вхож в этот фаланстерий культуры в Мезон-Лафите благодаря моей дружбе с Юзефом Чапским, художником, другом Ахматовой по Ташкенту, автором «Нечеловеческой земли». Элита польской эмиграции в Париже была русофильской и активно интересовалась советским диссидентством. Это особая глава русского Парижа, часто игнорируемая. Журнал «Культура» («Kultura») трижды выпустил особые русские номера, посвященные России и русско-польским отношениям (на русском). Я в них участвовал, а их «архитектором» был историк-эмигрант Михаил Геллер (Heller), автор книги «Утопия у власти». Чета Геллеров — Евгения и Миша — нам всем, французским славистам, приносила совершенно новый воздух, прошедший через испытание лагерем, через подпольный лабиринт советского диссидентства. Франция не особенно их взлелеяла, кафедр не дала. Но Геллеры не были злопамятны и щедро делились своими огромными знаниями по истории, литературе, кино со всеми собеседниками. Так что их квартира на улице Сент-Уан тоже часть нашего русского Парижа.

С новой политикой генсека Леонида Брежнева в 1974 году, то есть с решения выслать почти всех диссидентов за границу, начинается новая часть, новая глава моего русского Парижа. Владимир Максимов и его Интернационал Сопротивления, Виктор Некрасов и его «Записки зеваки», Мария Розанова и Андрей Синявский в их заброшенном буржуазном особняке в Фонтене-о-Роз, где некогда жил Гюисманс. С Виктором Платоновичем я часто встречался, то в Женеве, то в VI аррондисмане, в ныне исчезнувшем кафе «LAmiral». Он действительно был зевакой талантливым. Почти гениальной зевакой. Редко кто из русских эмигрантов так умел смотреть на Париж. За исключением Нины Берберовой, которая в книге «Курсив мой» описывает тот русский Булонь-Бийанкур, который входит в картины и гравюры Григорьева, а также Юрия Анненкова и стал частью Парижа вообще.

Все-таки главной фигурой для меня в этом Париже третьей волны был Ефим Григорьевич Эткинд. Он был старше меня. Но наша дружба была так тесна, что возрастная разница исчезала. О нем я много писал. Мы много делали, вместе делали. Он принес с собой воздух диссидентского Ленинграда, его переместил в Париж, свою «переводческую мастерскую». Он был наилучшим образцом той советской элиты, которая унаследовала русский дух «просветительства», как-то приспособившись к большевистской диктатуре. Слияние полного атеизма и изящной поэтической культуры представляло собой нечто удивительное, порой раздражающее, всегда обаятельное.

Я тогда мало знал русский православный Париж, столь богатый, трогательно-живучий. Но я чуть-чуть открыл его, побывав в доме философа Владимира Лосского. Его уже не было, но его жена Магдалина жила у дочери Марии и зятя Жан-Поля Семона. Я открыл церковь на улице Петэль, Сергиевское подворье на улице Крима. Эта часть моего русского Парижа связана с противоположными открытиями. С одной стороны, я открыл удивительную для меня богословскую жесткость. Помню передачу на радио вместе с Константином Андрониковым, переводчиком Сергия Булгакова, толмачом генерала де Голля и известным богословом. Передача была о расколе, и я еще помню мое удивление, когда услышал из уст этого блестящего человека повторение осуждения старой веры. В православном молодежном центре в Монжероне на конференции об отце Сергии Булгакове прения были напряженными, острыми. Дети Владимира Лосского опубликовали его краткие воспоминания на французском языке о «странной войне» 1940 года. Желание Лосского участвовать в защите Франции и даже некий французский мистицизм были совсем неожиданными, очень трогательными и открыли мне еще один аспект русской эмиграции во Франции.

Мы здесь касаемся малоизученной темы симбиоза русской эмиграции с Францией, с некоторой даже мистической Францией. Для меня лично это была встреча с Владимиром Волкоффом, гениальным автором «Настроений моря», «пером французом и русским сердцем», как я его назвал в одной книге. А второй пример — это не менее гениальный художник, график, иллюстратор и автор эпохальных мультипликационных фильмов — Александр Алексеев. Он так же талантливо иллюстрировал Жироду, как и Достоевского, Мальро, как и Пастернака. Своим ярким искусством, своей личностью с острым умом и русской тревогой он олицетворяет тайну алхимии русского Парижа.

В Женеве, познакомившись с Вадимом Андреевым, Марком Слонимом и Владимиром Варшавским, я открыл еще другие слои эмиграции и русского Парижа. Книга Варшавского «Незамеченное поколение» раскрывает нам другую сторону русской эмиграции, с минорным, но глухо болющим трагизмом. Владимир Сергеевич был человеком удивительным: спортсмен и философ. После монпарнасской богемы и трагедии его друга Поплавского Варшавский как бы нашел покой, доплыл до порта. «Трансцендентальная униженность» (говоря словами Поплавского в «Аполлоне Безобразове») прошла. Он себя чувствовал набоковским Цинциннатом, приглашенным на казнь. Но он пережил казнь, он открыл новое лицо России, лицо Александра Солженицына, и было впечатление,

что связь времен восстановлена. Марк Слоним рассказывал об Учредительном собрании — он был самым младшим депутатом. А Вадим Леонидович рассказывал о своем участии во французском Сопротивлении и скрывал знакомство с Солженицыным...

В Париже я всегда был провинциалом. В Париже мои русские собеседники студенческого времени (когда я еще ничего не знал) и взрослого времени (когда я уже кое-что знал) были белоэмигрантами первой волны, беглецами второй волны (ди-пи) или просто русскими европейцами, как Шлёцер, он же Boris de Schloetzer. Эти кочевники, причалившие на время к берегам Сены, как Борис Зайцев, задавались вопросом: «Если спросить тебя, Париж, куда идешь, что ответишь? Тесная Лютеция на островке, мрачный Париж Средневековья и Notre Dame, блеск королей, шум завоеваний, роскошь революции, кровь, нищета, снова отели Крийон и закоулки у Себастополь...» В заключение этого медитативного монолога Зайцев как будто видит будущие обломки Вавилона. То есть и это великолепие пройдет. «Тогда испытываешь и жалость, и любовь к этим голубеющим теням русского Парижа».

Ему, как и многим, не было дано вновь увидеть Россию. В тот единственный раз, когда я был у Набокова (а было это 20 мая 1977 года в гостинице «Монтрё-Пале»), — я схитрил. Зная, как он не любит надписывать книги, я захватил с собой его книжку — «Стихотворения (1929–1951)». Он удивился, обрадовался и надписал. А там была «Парижская поэма»:

С полурусского, полузабытого
переход на подобье арго.
Бродит боль позвонка перебитого
в черных дебрях Бульвар Араго.
Ведь последняя капля России
уже высохла! Будет, пойдем!

НАУЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН (1870–1953)
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

*Международная научная конференция
Москва. 11–13 октября 2010*

ВСТУПЛЕНИЕ

11–13 октября 2010 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына проходила международная научная конференция «Иван Алексеевич Бунин (1870–1953). Жизнь и творчество. К 140-летию со дня рождения писателя». Монографическая сосредоточенность докладов на личности и творческом наследии писателя, дебютировавшего задолго до революции, но ставшего признанным классиком русской литературы уже в эмиграции, позволила обнаружить сильные и слабые стороны сегодняшнего буниноведения. Причастна к нему оказалась практически вся Россия, от Москвы и Петербурга до Новосибирска и Благовещенска; перечислять другие города — все равно что читать географический атлас, но, разумеется, нельзя не упомянуть бунинские места — Воронеж, Орел, Елец. Интерес к личности и творчеству писателя проявили также слависты из Австрии, Венгрии, Италии, Польши, Франции.

Бунин прошел в русской литературе путь более долгий, чем Лев Толстой. Однако жизнь первого русского нобелевского лауреата по литературе оказалась разорвана между родиной и эмиграцией, что во многом определило формирование буниноведения как в отечественной традиции, так и за рубежом. Научное изучение жизни и творчества И.А. Бунина началось немногим более полувека назад, и, скажем прямо, результаты его не самые утешительные.

Архив писателя разобцен между различными хранилищами России, а главная его часть сосредоточена в библиотеке Лидского университета (Великобритания). Научная биография Бунина не написана, библиография работ о его жизни и творчестве не собрана, текстология не разработана, а издание академического — полного, верифицированного — собрания сочинений все еще остается делом отдаленного будущего.

Вместе с тем в последнее десятилетие в изучении творческого наследия Бунина обозначился новый рубеж. В научный оборот широко вводятся материалы эмигрантского периода, а дореволюционные издания более полно и в новом научном освещении; детально рассмотрены некоторые эпизоды биографии; появились глубокие, содержательные публикации по бунинской поэтике и стилю; началась целенаправленная работа с рукописями.

Юбилейную конференцию можно рассматривать как подведение итогов изучения и издания Бунина в последние десятилетия¹. И в этом смысле весьма показательной

¹ В Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына бунинские юбилейные празднества были увенчаны выходом двух изданий: И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010; Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы): Антология / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост., подгот. текста, коммент. Н.Г. Мельников (1-я ч., 2-й раздел 2-я ч., приложение), Т.В. Марченко (1-й и 3-й разделы 2-я ч.). М.: Русский путь; Книжница, 2010.

можно считать сосредоточенность подавляющего большинства докладов на поэтике и стиле писателя. Лишь немногие доклады были посвящены его мировоззрению, вопросам биографии, общения с современниками, а круглый стол, предметом которого стали проблемы текстологии и комментирования бунинского наследия, прежде всего поэтического и эпистолярного, позволил сформулировать перспективу исследования и издания Бунина в ближайшие десятилетия. Однажды нам уже пришлось определить ее, будем придерживаться найденной формулы: *на пути к академическому Бунину*.

На этом пути важным прорывом стало введение в научный оборот большого массива архивных источников, прежде всего писем писателя. Однако этот новый богатый материал требует научного осмысления, о котором редко заботятся публикаторы. То же касается и критических откликов на творчество Бунина, количество которых исчисляется сотнями — на русском и на ведущих европейских языках; между тем рецепция бунинских произведений изучена далеко не достаточно.

Исходя из этих очевидных упущений буниноведения, мы отобрали для публикации на страницах «Ежегодника...» четыре статьи, написанные на основе озвученных на конференции докладов. Две из них посвящены восприятию и интерпретации Бунина в эмигрантской критике, однако и бунинское творчество, и эмигрантская критика предстают в них почти в противоположных обличьях. Бунин быстро превратился в мэтра литературы русского зарубежья, что подтверждают отзывы о его произведениях на страницах крупнейшей газеты эмиграции, «Последних новостей». Бунин в этой газете является живым классиком, о котором принято говорить если не в превосходной степени, то во всяком случае исключительно достохвально. Д.П. Святополк-Мирский, живший, правда, не в Париже, а в Англии — до своего фатального решения вернуться на родину, — не был, конечно, единственным русским критиком, который посягал на прославленного в эмиграции Бунина. Однако он был самым блестящим из всех, и его оценки места Бунина в русской литературе, далеко не бесспорные, заслуживают самого пристального внимания и изучения.

В двух других публикуемых статьях интерес исследователей сосредоточен на переломном времени в жизни и сознании Бунина — между Россией и эмиграцией. От публицистического жара одесских месяцев до первых опытов в художественной прозе уже в изгнании Бунин изменился и как гражданин, и как художник. Привычное представление о Бунине как о камерном писателе, лирическом пейзажисте с импрессионистическим уклоном начинает казаться устаревшим стереотипом — настолько быстро складывается новый, крупный и необычный писатель, когда ему, как и его великим предшественникам в русской литературе, приходится, пусть и на короткое время, стать трибуном и проповедником, задуматься о тысячелетнем пути России, о ее трагедии и о миссии эмиграции. Вопросы общественные, национальные, исторические настолько потрясли все существо Бунина, что в несколько лет кардинально изменился весь дух его творчества и сложился особый, с еще не раскрытыми мифопоэтическими и символическими глубинами бунинский мирообраз России.

Личность Бунина, его многообразное творческое наследие, все еще ждущее издания и изучения в полном объеме, его место и значение в русской литературе, проблемы перевода и восприятия, комментирования и интерпретации превращают буниноведение в неисчерпаемый и захватывающе интересный раздел истории русской литературы.

А.В. Бакунцев

ЛЕКЦИЯ И.А. БУНИНА «ВЕЛИКИЙ ДУРМАН»
И ЕЕ РОЛЬ В ЛИЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ПИСАТЕЛЯ

Статьи подобного рода обычно начинаются словами о недостаточной разработанности соответствующей темы. Однако в нашем случае эта стандартная формулировка неприменима. Тема, к которой обратились мы, не разработана вообще. Научной литературы как таковой о лекции И.А. Бунина «Великий дурман» не существует. В лучшем случае речь может идти лишь об отдельных (как правило, весьма кратких) упоминаниях в немногочисленных статьях и монографиях¹. Поэтому основу данного исследования составили дневники и письма И.А. и В.Н. Буниных, публикации в одесской печати периода Гражданской войны и другие материалы — главным образом историко-литературного и историко-биографического характера.

Автор статьи выражает признательность сотрудникам Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького за любезно предоставленную возможность работать с фондами Отдела рукописей и редких изданий.

* * *

Лекция «Великий дурман» была прочитана Буниным дважды — 8 (21) сентября и 20 сентября (3 октября) 1919 г. — в Большой химической аудитории Новороссийского университета в Одессе. Оба раза аудитория была переполнена. «Великий дурман» произвел на слушателей ошеломительное впечатление.

По свидетельству В.Н. Муромцевой-Буниной, во время первого чтения писатель «так увлекся, что забыл сделать перерыв, и так овладел вниманием публики, что 3 часа его слушали, и ни один слушатель не покинул зала. <...> Когда он кончил, то все встали и долго, стоя, хлопали ему. Все были очень взволнованы. <...> И многие, многие подходили и говорили какие-то слова...»² Особенно восхищал-

¹ См.: *Бабореко А.К.* Глагол времен // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Сост., вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. М., 1990. С. 10–11; *Он же.* Бунин: Жизнеописание. М., 2004. С. 244; *Василевская О.* Отверженная Россия // Бунин И.А. Великий дурман / Сост., вступ. ст., примеч. О.Б. Василевской. М., 1997. С. 4; Из творчества И.А. Бунина эпохи Гражданской войны / Вступ. ст. и публ. Г.Д. Зленко // Филологические записки (Воронеж). 1995. Вып. 4. С. 24; *Михайлов О.Н.* Окаянные дни И.А. Бунина // Бунин И.А. Окаянные дни / Сост. А.В. Кочетов. М., 1991. С. 9; *Он же.* Неизвестный Бунин // Бунин И.А. Окаянные дни: Неизвестный Бунин / Сост., вступ. ст., коммент. О.Н. Михайлова. М., 1991. С. 12; *Он же.* Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... М., 2002. С. 320; *Мальцев Ю.В.* Бунин. Франкфурт-на-Майне; М., 1994. С. 254; *Свалов А.Н.* Бунин // Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия / Под общ. ред. В.В. Журавлева. М., 2009. С. 226 и др.

² Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Сост. М. Грин; предисл. Ю. Мальцева. М., 2004. Т. 1. С. 258–259.

ся «Великим дурманом» византинист-искусствовед академик Н.П. Кондаков, с которым спустя некоторое время Бунин начал редактировать газету «Южное слово», основанную в Одессе в августе 1919 г. Добровольческой армией. Свое восхищение бунинской лекцией Кондаков в разговоре с Муромцевой-Буниной выразил весьма экспрессивно: «Ив<ан> Ал<ексеевич> — выше всех писателей, сударыня, это такая смелость, это такая правда! Это замечательно! Это исторический день!»³

На втором чтении, как отметила в своем дневнике Муромцева-Бунина, «публики было еще больше. Не все желающие попали. Слушали опять очень хорошо. Ян читал лучше, чем в прошлый раз, с большим подъемом»⁴.

Не исключено, что уже в процессе работы над «Великим дурманом» Бунин намеревался не только публично прочесть, но и опубликовать его. Успех лекции только укрепил писателя в этом намерении, тем более что и общественность была морально готова к появлению печатной версии «Великого дурмана»⁵. Подготовка такой версии — в виде книги или брошюры — была поручена новообразованному одесскому издательству на паях «Русская культура». В анонсах, помещенных издательством в газетах «Южное слово» и «Единая Русь»⁶, бунинский «Великий дурман» стоял на первом месте среди книг, которые «Русская культура» намеревалась выпустить⁷. Однако дальше заявлений дело не пошло: по неизвестной причине «Великий дурман» так и не был издан⁸.

И все же в печати бунинская лекция в конце концов появилась — правда, не целиком, а в виде небольшого цикла из четырех статей — или, как тогда говорили, «фельетонов» — под общим заглавием «Из “Великого дурмана”». Эти «фельетоны» были опубликованы в ноябре 1919 — январе 1920 г. в газетах «Южное слово» и «Родное слово»⁹, а затем не раз — как правило, по отдельности — перепеча-

³ Устами Буниных. Т. 1. С. 259.

⁴ Там же.

⁵ Уже через четыре дня после первого чтения лекции критик Б.С. Вальбе писал в «Одесском листке»: «Когда эта лекция будет напечатана, она вызовет большое “столкновение” мнений, как пресловутые “Вехи” и др. прокурорские книги» (*Вальбе Б.* «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина) // Одесский листок. 1919. 12 (25) сент. № 115. С. 4).

⁶ См.: Южное слово. 1919. 27 сент. (10 окт.). № 31. С. 1; 28 сент. (11 окт.). № 32. С. 1; 3 (16) окт. № 36. С. 1; 4 (17) окт. № 37. С. 1; Единая Русь. 1919. 24 сент. (7 окт.). № 35. С. 1.

⁷ Наряду с «Великим дурманом» готовились к изданию еще две книги писателя — два сборника: один прозаический (под заглавием «Двадцать рассказов»), другой стихотворный («Великая Русь»). Однако изданы они не были.

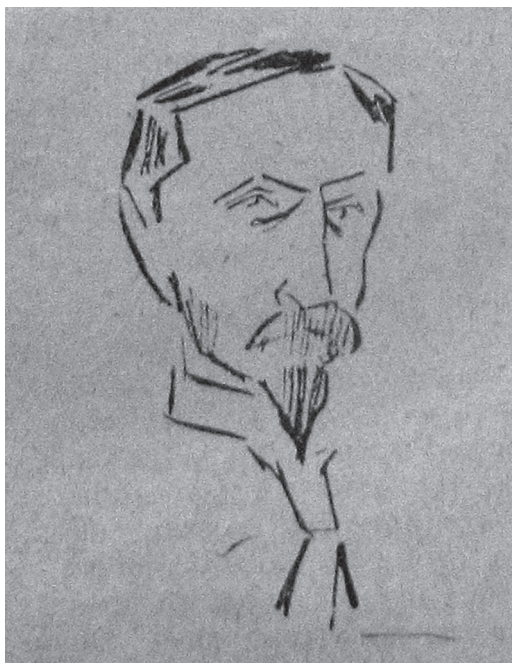
⁸ Единственная гипотеза относительно причин этого высказана в «Комментариях» к сборнику бунинской публицистики 1918–1953 гг.: «Вероятно, издание не осуществилось, так как вскоре Одесса была занята красными» (*Морозов С.Н., Николаева Д.Д., Трубилова Е.М.* Комментарии // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2000. С. 484). Однако нам эта гипотеза представляется не очень правдоподобной. До окончательного захвата Одессы большевиками в начале февраля 1920 г. у издательства было целых три месяца на то, чтобы выпустить «Великий дурман», тем более что его объем, как полагает одесский историк-краевед Г.Д. Зленко, не превышал двух листов (см.: Из творчества И.А. Бунина эпохи Гражданской войны. С. 24). В любом случае данный вопрос остается открытым.

⁹ См.: Бунин И. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 17 (30) нояб. № 76. С. 2; 24 нояб. (7 дек.). № 82. С. 2; 30 нояб. (13 дек.). № 88. С. 2–3; Родное слово. 1920. 17 (30) янв. № 5. С. 2. Газета «Родное слово» стала издаваться сразу после прекращения «Южного слова» в январе 1920 г. В том и другом издании Бунин формально редактировал литературный отдел.

тывались в разных эмигрантских и отечественных (преимущественно постсоветских) периодических и книжных изданиях¹⁰.

На сегодня опубликованные фрагменты «Великого дурмана» являются единственными источниками текста бунинской лекции, так как ее рукопись бесследно исчезла. По крайней мере, среди автографов писателя, находящихся как в отечественных, так и в зарубежных архивохранилищах (включая Русский архив Лидского университета), этой рукописи нет¹¹. Возможно, она была утеряна или уничтожена Буниным. Но нам представляется более вероятным, что Бунин как бы «растворил» ее в текстах других своих публицистических произведений, написанных уже в эмиграции. Например, таких как статьи «Самогонка и шампанское» (1921), «Страна неограниченных возможностей» (1921), «Инония и Китеж» (1925), отдельные части «Записной книжки» (1920–1930), знаменитая речь «Миссия русской эмиграции» (1924), но главным образом — «Окаянные дни» (1925–1935).

Связь «Великого дурмана» с этими произведениями, на наш взгляд, несомненна. Дело тут не только в общности проблематики и пафоса, но и в явных, порой дословных совпадениях, которые, конечно, неслучайны. «Окаянные дни» в этом смысле особенно показательны. В этой книге налицо не просто переклички или

И.А. Бунин. Иллюстрация из еженедельного журнала «Фигаро». Рис. И. Мексина. Одесса. 23 июня (6 июля) 1918

¹⁰ См.: Скорбь земли родной: Сб. ст. 1919 г. Нью-Йорк, 1920. С. 44–50; Бунин И.А. Окаянные дни. Под серпом и молотом / Сост. Р. Тименчик. Рига, 1990. С. 115–121; Он же. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. С. 339–343; Он же. Великий дурман: Из лекции, прочитанной в 1919 г. в Одессе // Литературная газета. 1991. 18 сент. С. 9; Он же. Окаянные дни: Неизвестный Бунин. С. 132–137; Он же. Великий дурман. С. 33–38; Он же. Публицистика 1918–1953 годов. С. 45–63; Он же. Собр. соч.: В 8 т. М., 2000. Т. 8. С. 358–363; Бунин в «Южном слове» / Публ. Б. Липина // Звезда. 1993. № 9. С. 131–136; Из творчества И.А. Бунина эпохи Гражданской войны. С. 22–33 и др. К сожалению, в этих републикациях содержится целый ряд искажений — главным образом технического характера, вызванных ошибками наборщиков, переписчиков или публикаторов. Безусловно, оставлять эти тексты в их нынешнем состоянии нельзя, требуется серьезная текстологическая работа, результатом которой должна стать новая републикация цикла «Из «Великого дурмана», причем в том виде, в каком он был обнародован при жизни автора (разумеется, с учетом современных норм орфографии и пунктуации).

¹¹ См.: Морозов С.Н., Николаев Д.Д., Трубилова Е.М. Комментарии. С. 484.

совпадения с одесской лекцией Бунина, но прямые текстовые *заимствования* из нее. Так, для записей от 22 и 24 апреля, 15 мая, 10 июня 1919 г. в «Окаянных днях» материал явно был взят из разных мест «Великого дурмана». Пока на это обратили внимание только авторы «Комментариев» к сборнику бунинской публицистики 1918–1953 гг.¹² Остальные буниноведы, пишущие об «Окаянных днях», почему-то упорно продолжают не замечать очевидного¹³. Например, Д. Риникер, говоря об идейной и генетической связи «Окаянных дней» с публицистикой писателя, имеет в виду только тот «материал, который он [Бунин] уже раньше публиковал в разных *эмигрантских* периодиках»¹⁴ (курсив наш. — А.Б.).

* * *

«Великий дурман», по существу, единичный случай обращения писателя к столь не характерному для него жанру лекции. Ни до, ни после «Великого дурмана» Бунин лекций как таковых никогда не читал. Правда, в 1914 г. газеты сообщали о его намерении «написать лекцию о русских писателях последних дней» и выступить с ней «перед публикой»¹⁵. Однако замысел этот воплощен не был¹⁶. А в эмиграции и вовсе желания становиться лектором у писателя не возникало. Даже

¹² См.: Морозов С.Н., Николаев Д.Д., Трубилова Е.М. Комментарии. С. 485, 488, 489, 490, 492.

¹³ Они не замечают и того, что у «Великого дурмана» и «Окаянных дней» — одна и та же литературная основа, а именно бунинские дневниковые записи 1917 — первой половины 1918 г. В эмиграции этих записей у Бунина не было — они по какой-то причине остались в России. Поэтому во время работы над «Окаянными днями» — которые, вопреки широко распространенному мнению, являются вовсе не дневником, а произведением, написанным в форме дневника, — писатель на них «не мог опираться» (Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: pro et contra / Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова. СПб., 2001. С. 644). Но почему-то никому из исследователей, включая Д. Риникера, не приходит в голову естественная мысль, что отсутствие этих записей могло быть — и, несомненно, было! — «компensировано» текстом «Великого дурмана». Д. Риникер в своей статье вспоминает о бунинской лекции лишь для того, чтобы процитировать из нее строки, подкрепляющие его (по существу, безусловно, правильный) тезис о присутствии в «Окаянных днях» летописного начала и о том, что «в связи с революцией, в воистину “грозные для страны и народа годы”, летописная традиция стала для Бунина особенно актуальной» (Там же. С. 647).

¹⁴ Там же. С. 633.

¹⁵ Б. п. У И.А. Бунина: Беседа // Московская газета. 1914. 21 апр. № 310. С. 6. Цит. по: «Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Предисл., подгот. текста и примеч. Д. Риникера // И.А. Бунин. Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2004. Вып. 1. С. 553. Бунинская лекция «о русских писателях последних дней» должна была стать частью организованного Российской академией наук цикла публичных лекций о русской литературе. Предполагалось, что, помимо Бунина, читать будут также академики Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.Н. Веселовский и Н.А. Котляревский (см.: Там же).

¹⁶ Как предполагает Д. Риникер, Бунин «решил вместо публичной лекции написать статью о современной литературе, которую обещал в 1915 г. Горькому для публикации в журнале “Современник”» (Там же. С. 553–554). Однако такая статья тоже не была написана. Судя по ее черновым наброскам, она повторяла некоторые положения знаменитой бунинской речи на юбилее «Русских ведомостей» и одновременно превосхищала ряд тезисов «Великого дурмана»: «Оторванность от жизни, незнание ее, книжность, литературщина — гибель от нее: Бальмонт, Брюсов, Иванов, Горький, Андреев. И это “новая” литература, “добыча золотого руна”! Кописты, архивариусы! Подражание друг другу. Да что же! Так легче писать!..» (Там же. С. 554).

на нобелевских торжествах, которые, помимо церемонии награждения, всевозможных банкетов, визитов, экскурсий и т. п., предполагали также выступления лауреатов с публичными лекциями, Бунин ухитрился уклониться от исполнения этой почетной обязанности. Его краткую речь, произнесенную на банкете после получения премии, Шведская академия «зачла» ему за такую обязательную нобелевскую лекцию¹⁷.

Впрочем, если верить интервью, которое еще в 1916 г. Бунин дал петроградской газете «Биржевые ведомости», то писатель *в принципе* не любил выступать перед публикой. Интервьюеру он сказал: «Я, признаться, не особенный поклонник всяких выступлений с эстрады вообще, и когда мне приходится лично читать на вечерах, то я смотрю на это как на весьма неприятное положение. Ведь публика ждет так называемых “высоких” слов, декламации, а все это мне чуждо, и мне кажется, что я не умею устанавливать связи между собою как чтецом и публикой. В интимном кругу друзей я читаю с удовольствием, но выступать вообще, на эстраде, не люблю...»¹⁸

Насчет «связи между собою как чтецом и публикой» Бунин, конечно, скромничал: русская публика, как дореволюционная, так и эмигрантская, очень высоко оценивала его исполнительское мастерство. Так, по свидетельству газеты «Русское слово», творческий вечер Бунина, состоявшийся 8 декабря 1915 г. в Политехническом музее, «прошел в сплошных аплодисментах и овациях... Публика как бы спешила воспользоваться публичным выступлением писателя, чтобы ярче, полнее и теплее выразить ему свою благодарность и симпатии...»¹⁹ Примерно так же о бунинских творческих вечерах отзывалась «контрреволюционная» печать Одессы, а затем и русского зарубежья.

В любом случае, что бы ни говорил Бунин о своем отношении к необходимости «лично читать на вечерах», ему, так же как множеству других русских литераторов, приходилось это делать довольно часто — причем и до революции, и в годы Гражданской войны, и в эмиграции. Ведь публичное чтение собственных произведений не только способствовало росту писательской известности, но и приносило дополнительный заработок. Однако своим «Великим дурманом» Бунин, очевидно, преследовал совсем иные цели. Какие же именно?

С одной стороны, в самом обращении к жанру лекции — с ее сугубо монологической формой изложения материала, с ее более или менее явно выраженной дидактичностью и, соответственно, с ее возможностями целенаправленного интеллектуального и эмоционального воздействия на аудиторию — легко усмотреть (вслед за Д. Риникером) стремление Бунина создать себе «определенную

¹⁷ См.: *Троцкий И.* Что рассказывают о своих сыновьях матери ученых — нобелевских лауреатов: (От специального корреспондента «Сегодня») // *Сегодня* (Рига). 1933. 17 дек. № 348. С. 2. Речь была произнесена по-французски. Ее дословный перевод в те же дни напечатала газета «Сегодня» (см.: *Троцкий И.* «Кто я такой? — Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции», — заявил И.А. Бунин в своей речи в Шведской академии // Там же. 1933. 11 дек. № 342. С. 1). Оригинальный текст и авторский перевод даны в бунинском очерке «Нобелевские дни» (1936).

¹⁸ *Фрид С. И.А.* Бунин о новой литературе // *Биржевые ведомости* (Петроград). 1916. 14 апр. № 15498. Вечерний выпуск. Цит. по: *Литературное наследство*. М., 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. С. 380.

¹⁹ Цит. по: *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. С. 218.

литературную репутацию»²⁰. Многие и в тексте «Великого дурмана», и в отзывах о нем одесских журналистов как будто говорит в пользу этой гипотезы. Так, от рецензентов не ускользнул своеобразный бунинский «я-центризм», который выражался как в принципиально субъективном, «пристрастном» взгляде писателя на «великую русскую революцию», так и в его настойчивом, насколько можно понять, подчеркивании собственной литературной и общественной значимости. Одних — как П.С. Юшкевича, сотрудника меньшевистских газет «Южный рабочий», «Грядущий день» и «Одесские новости», — этот «я-центризм» раздражал²¹, другим — как журналисту, краеведу, общественному деятелю А.М. де Рибасу — казался вполне оправданным²². Однако даже жена Бунина была не вполне «удовлетворена» лекцией, и смущал в ней Веру Николаевну именно избыток «личного»²³.

Несомненно, подобное бунинское «яканье», причем не только в «Великом дурмане», но и в других как устных, так и печатных выступлениях носило вполне осознанный характер. В ноябре 1919 г., отвечая на нападки социалистических и близких им по духу изданий — «Южного рабочего», «Одесских новостей», «Современного слова», — Бунин прямо писал, что в своей деятельности публициста он руководствуется следующим принципом: «Вот что чувствую и думаю *лично я и в данный момент*»²⁴. При этом он открыто причислял себя к категории «людей, все-таки не совсем рядовых»²⁵ и даже более того — именовал себя (как, например, в статье «Не могу говорить», написанной за пять месяцев до «Великого дурмана») «Божиею милостью не последним сыном своей родины»²⁶. Между тем в формировании определенного общественного мнения о Буине как о крупном писателе, патриоте участвовала и одесская пресса — больше всего, конечно, «Южное слово». Например, в отчете о концерте одесского отделения Освага (Отдела пропаганды

²⁰ «Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...». С. 453.

²¹ «Если поверить акад<емику> Бунину, — писал Юшкевич в газете «Грядущий день», — то все случившееся за последние два года произошло потому, что русское общество недостаточно прислушивалось к голосу автора «Деревни». <...> «Я не злорадствую», — скромно заявил поэт. «Но я должен и буду говорить жестокие слова»... «Я буду упрямо твердить»... «Я, я, я»... Ущемленный какими-то неведомыми фармацевтами еще много лет назад и заговоривший вдруг тоном пророка Бунин действительно «упрямо твердил» о своем знании народа как единственно правильном... Бунин действительно «рек» — в стихах и прозе — очень много ценного, — хотя, разумеется, было бы лучше, если бы он предоставил об этом говорить другим, а не распространялся так много на эту тему сам» (Юшкевич П. Революция перед судом художника: (Из лекции Бунина) // Грядущий день. 1919. 23 сент. № 4. С. 3).

²² «Русский народ, — писал в «Одесском листке» де Рибас, — разнузданный и зазнавшийся, показал всем свое настоящее, звериное, лицо и стал зверски расправляться со своими же освободителями. Это *надо* было предвидеть. И Бунин это предвидел. Едва ли не он один из всех русских писателей. <...> Что, собственно, хотел доказать Бунин? Что если бы послушались его, то в России не произошло бы революции? Но ведь он сам признается, что и он, вместе с другими, в распутинское время жаждал революции! <...> Значительность лекции Бунина не в силе ее логических построений. Она вся целиком — в личности лектора» (Рибас А., де. Фельетон: О второй лекции Бунина // Одесский листок. 1919. 25 сент. (8 окт.). № 127. С. 4).

²³ См. ее дневниковую запись от 24 сентября (7 октября) 1919 г.: «...с некоторыми мелочами я не согласна. Мне хотелось бы, чтобы было меньше личного» (Устами Буниных. Т. 1. С. 259).

²⁴ Бунин И. Заметки // Южное слово. 1919. 12 (25) нояб. № 71. С. 1. Курсив И.А. Бунина.

²⁵ Там же.

²⁶ Бунин И. Не могу говорить // Наше слово. 1919. 20 марта (2 апр.). № 1. С. 3.

при Добровольческой армии), который состоялся 30 августа (12 сентября) 1919 г. и на котором Бунин прочел некое «слово к моменту»²⁷, газета назвала его «нашим славным современником» и без тени иронии повторила его же самохарактеристику из статьи «Не могу говорить», приведенную выше²⁸. А в рецензии на «Великий дурман» было сказано, что в этой лекции «И.А. Бунин вновь вырастает во весь свой исполинский рост великого художника слова»²⁹.

Нельзя сказать, что все эти усилия были вполне успешными: травля, развернутая левой периодикой в отношении Бунина осенью 1919 г., свидетельствует о том, что общественный авторитет писателя был признан далеко не сразу и далеко не в полной мере.

Тем не менее устные и печатные выступления самого Бунина, а также публикации его апологетов в «Южном слове» и других периодических изданиях Одессы сыграли заметную роль в формировании нового, более благоприятного отношения к писателю со стороны сначала одесской, а затем и эмигрантской общественности.

Вместе с тем сводить весь смысл тогдашней деятельности писателя исключительно к созданию «определенной литературной репутации» — это значит ставить под сомнение искренность его чувств и недооценивать глубину той нравственной драмы, которую Бунин действительно пережил в годы революции и Гражданской войны. То, о чем Бунин говорил в своей лекции, было для него не абстракцией, не игрой ума: очередная «русская смута» коснулась и его лично. «Экссессы» революции ему довелось испытать на себе и в Глотове, и в Москве,

И.А. Бунин. Иллюстрация из еженедельного журнала «Огоньки». Рис. Гольденберга. Одесса. 1 (14) декабря 1918

²⁷ Скорее всего, это была статья «Не могу говорить», напечатанная пятью месяцами ранее, 20 марта (2 апреля) 1919 г., накануне первого прихода в Одессу красных в первом номере газеты «Наше слово».

²⁸ См.: Янв<арск>ий А. Концерт Отдела пропаганды // Южное слово. 1919. 1 (14) сент. № 6. С. 4.

²⁹ Иванов А. Великий дурман // Там же. 10 (23) сент. № 15. С. 3.

*И.А. Бунин. Шарж неизвестного автора
из еженедельного журнала «Театр и кино».
Одесса. 1 (14) января 1919*

и в Одессе. Особенно тяжелое воспоминание оставили по себе неполные пять месяцев (с апреля по август 1919 г.) большевистского владычества в «южной Пальмире». О том, что писателю пришлось пережить за это время, рассказано не только в «Окаянных днях» и в дневнике В.Н. Муромцевой-Буниной, но и в совместном письме Буниных от 29 сентября (12 октября) 1919 г. к доктору И.С. Назарову: «Физически нам пришлось страдать только от недоедания, т. к. у нас прислуга оставалась все время, и сами мы воды не носили и жили барами. Морально же пришлось пострадать порядочно, т. к. у большевиков не было ничего святого и ко всему они прикладывали свои не совсем чистые руки. Особенно было тяжело от половины мая до середины июля, когда, с одной стороны, с каждым днем все ухудшались и

ухудшались условия жизни... а с другой, начался настоящий террор: хватали и как контрреволюционеров, и как заложников. <...> Ивана Алексеевича немного потравили в газетах³⁰, затем ходили слухи, что его возьмут в заложники, но, к счастью, этого не случилось. А то недели три неприятно бывало по вечерам. Мы вообще счастливо отделались»³¹.

³⁰ 12 (25) апреля 1919 г. Муромцева-Бунина записала в дневнике: «Яна стали травить в “Известиях”. Пишут, между прочим, что “нижняя часть его лица похожа на гоголевский сочельник”. Что это значит, мы так и не поняли. Перелистала даже Гоголя, но и он не помог» (Устами Буниных. Т. 1. С. 200). Ср.: «В “Известиях” обо мне уже писали: “Давно пора обратить внимание на этого академика с лицом гоголевского сочельника, вспомнить, как он воспевал приход в Одессу французов!”» (Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 85–86. [Репринтное воспроизведение издания: Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10]).

³¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2007. С. 409.

Эти пять месяцев «под серпом и молотом» окончательно убедили Бунина в его полной несовместимости с «рабоче-крестьянской властью». Вероятно, именно они и «подказали» ему замысел будущей лекции, материал для которой постепенно накапливался в его дневнике в предшествующие годы. Сама же лекция стала своего рода криком души писателя, который, по его же собственному выражению из давнего, 1916 г., интервью «Биржевым ведомостям», оказался «насыщенным страшными впечатлениями» и захотел «рассказать их»³².

* * *

«Великий дурман» обозначил новый, «переломный» этап в личной и творческой биографии Бунина. Однако «переломность» этого этапа носила не только литературно-прагматический и психологический, но еще и общественно-политический характер. Своей лекцией писатель открыто заявил о своих нравственных принципах и политических предпочтениях. О «великой русской революции», о роли в ней интеллигенции и русского народа он говорил как приверженец «белой идеи». Этот неоспоримый факт опровергает утверждения некоторых буниноведов (в частности, Ю.В. Мальцева), будто бы на протяжении всей своей жизни писатель был чужд «всякой политике и политической борьбе»³³. Подобное суждение возникло еще в начальный период творчества Бунина, и тогда оно действительно было обоснованным. Но в дальнейшем отношение Бунина к «политике», к «земным тревоблениям социальной борьбы»³⁴ постепенно и, вероятно, не без влияния Горького, «знаньевцев», а затем и самой «живой жизни» изменилось.

Уже в конце 1900-х гг. Бунина никак нельзя было упрекнуть в аполитичности. В одном из своих интервью писатель заявил, что «тяготеет» к социал-демократии, хотя и сторонится «всякой партийности»³⁵.

В годы Первой мировой войны, принесшей Бунину «великое душевное разочарование»³⁶, в «распутинское» время писатель, по его же собственному признанию, был «против господ из Сан-Франциско»³⁷ и «вместе с другими... жаждал революции»³⁸. Об этом он говорил на своей лекции в Новороссийском университете. Однако когда революция совершилась, Бунин очень скоро увидел,

³² Фрид С. И.А. Бунин о новой литературе... Цит. по: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 379.

³³ Мальцев Ю.В. Бунин. С. 73. Об «аполитичности» Бунина до недавнего времени писал и О.Н. Михайлов. См., напр.: Михайлов О. Окаянные дни И.А. Бунина. С. 7. Впрочем, в последние годы О.Н. Михайлов начал утверждать, что «с первых дней горестной эмигрантской жизни» Бунин будто бы занял «крайне правые позиции» (Михайлов О.Н. Страстное слово // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 8). Это уже другая крайность, и с действительностью она также ничего общего не имеет. В данном случае в большей степени права О.Б. Василевская, считающая, что «взгляды Бунина во многом соответствовали правоцентристскому течению эмиграции» (Василевская О. Отверженная Россия. С. 27).

³⁴ Вальбе Б. «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина). С. 4.

³⁵ «Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...». С. 508.

³⁶ Устами Буниных. Т. 1. С. 132.

³⁷ Вальбе Б. Из литературного прошлого: Заметки критика // Звезда. 1965. № 1. С. 188.

³⁸ Рибас А., де. Фельетон: О второй лекции Бунина. С. 4.

что русский народ — которому отныне предстояло стать «хозяином земли русской» — в силу своей неразвитости, невежественности, нравственной неустойчивости («шаткости») оказался не способным ни к сложной политической борьбе, ни к управлению громадным государством. Первые месяцы «республики», «народоправства», а затем и «рабоче-крестьянской власти» окончательно «излечили» писателя от его прежней, чисто умозрительной революционности. В ноябре, уже после «Великого дурмана», он писал по этому поводу: «Я был, — в силу того, что прежде верил в людей немного больше, чем теперь, — приверженцем республик, теперь же стал несколько сомневаться в них...

Я и теперь еще думаю иногда: “в идеале это, кажется, чудесная вещь — все эти прямые, равные, тайные, явные и вообще народовластие”, но, будучи не робкого десятка, говорю совершенно открыто, без всякой боязни: убежден, что Пила и Сысойка ни к черту не годятся ни для явных, ни для тайных и что из русского “народовластия” выйдет опять гнуснейшая и кровавейшая чепуха — видели и видим мы это “народовластие”, показало оно себя!»³⁹

После февраля и особенно октября 1917 г. Бунин уже не смог бы сказать о себе, как 10 лет назад: «Если русская революция волнует меня больше, чем персидская, я могу только пожалеть об этом»⁴⁰. Однако и в «красной» Москве, и затем первые месяцы в Одессе, то переходившей из рук в руки, то разделенной на «зоны влияния», Бунин сохранял политический нейтралитет, который не распространялся только на советскую власть: «дышать с большевиками одним воздухом»⁴¹ писатель не хотел и не мог.

В Одессе Бунин поначалу вел сравнительно уединенный (даже «мрачно-уединенный», по выражению Веры Николаевны) образ жизни, почти не давал интервью, занимался поиском средств к существованию и для этого печатал в одесских, киевских, крымских газетах и журналах свои старые и новые стихи и рассказы, участвовал в издании сборников, читал публично свои произведения в разных городах «самостийной» Украины. Свои убеждения, свой взгляд на происходящее в России он почти не афишировал или же делал это опосредованно, через поэзию и прозу. Так, в день торжеств по случаю официального вступления союзников в Одессу — 9 (22) декабря 1918 г. — он опубликовал в «Одесском листке» стихотворение⁴², в котором приветствовал новых «варягов»⁴³. При этом

³⁹ Бунин И. Заметки // Южное слово. 1919. 12 (25) нояб. № 71. С. 1.

⁴⁰ Цит. по: Михайлов О. Окаянные дни И.А. Бунина. С. 7.

⁴¹ Устами Буниных. Т. 1. С. 143.

⁴² См.: Бунин И. 22 декабря 1918 г. // Одесский листок. 1918. 9 (22) дек. № 279. С. 1. Двумя неделями раньше, отвечая на вопрос анкеты «Привет союзникам» одесского еженедельника «Огоньки», Бунин сказал: «Много чувств совмещается теперь в нашем сердце. И все-таки — ведь это они порвали в клочки тот постыднейший в мире ярлык, на котором от имени великой России расписался репортер Карахан!» (Огоньки. 1918. 24 нояб. (7 дек.). № 30. С. 10). Бунин в данном случае имел в виду Брестский мир.

⁴³ Через несколько дней в меньшевистской газете «Южный рабочий» появился стихотворный отклик на это приветствие, частично процитированный впоследствии в «Окаянных днях»: «Испуган ты и с похвалой сумбурной / Согнулся вдруг холопски пред варягом; / Ужели ужас шкурный / Является тебя достойным стягом?..» и т. д. (Никита. Писателю земли русской // Южный рабочий. 1918. 17 (30) дек. № 224. С. 2).

Химико-физический корпус Новороссийского университета, где И.А. Бунин читал лекцию «Великий дурман». Открытка. Одесса. 1910-е. Фото из собрания Одесского литературного музея

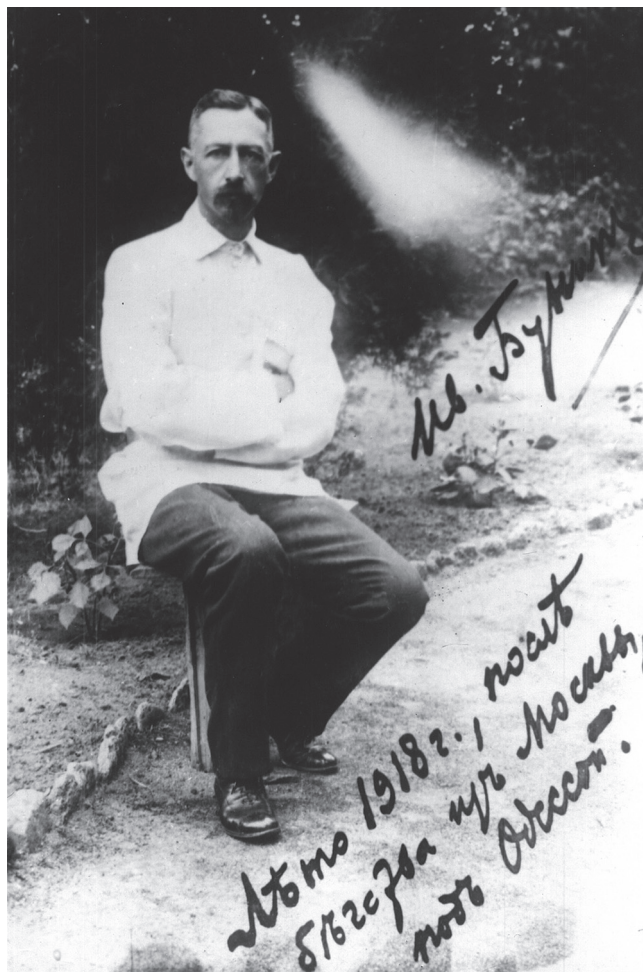
публицистики как средства общественно-политического самовыражения Бунин пока еще избегал.

Однако весной 1919 г., видимо, под влиянием всего пережитого за месяцы политической и военной неопределенности, австро-немецкой оккупации, петлюровских бесчинств, французской интервенции настроения писателя переменялись: он вдруг осознал себя наследником «строителей и держателей русской земли» и почувствовал острую тягу к общественной деятельности. 5 (18) марта 1919 г. Вера Николаевна записала в дневнике: «Сейчас я долго сидела с Яном. <...> Он все говорил, что была русская история, было русское государство, а теперь его нет. Костомаровы, Ключевские, Карамзины писали историю, а теперь нет и истории никакой. <...> “Мои предки Казань брали, русское государство создавали, а теперь на моих глазах его разрушают — и кто же? Свердловы? Во мне отпрыгнулась кровь моих предков, и я чувствую, что я не должен был быть писателем, а должен принимать участие в правительстве”».

Он сидел в своем желтом халате и шапочке, воротник сильно отставал, и я вдруг увидела, что он похож на боярина.

— Я все больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство. Ведь читать газеты и сидеть на месте — это пытка, ты и представить себе не можешь, как я страдаю...»⁴⁴

⁴⁴ Устами Буниных. Т. 1. С. 179–180.

И.А. Бунин. Одесса. Лето 1918.

Фото из собрания Одесского литературного музея.

Надпись на фотографии: «Ив. Бунин. Лето 1918 г., после бегства из Москвы, под Одессой»

Однако столь радикально менять свою жизнь и напрямую заниматься политикой Бунин не стал: вместо этого он решил наконец попробовать свои силы в публицистике. Статья «Не могу говорить», помещенная 20 марта (2 апреля) 1919 г. в первом номере газеты «Наше слово», основанной в Одессе бывшими сотрудниками сытинского «Русского слова», стала его публицистическим дебютом⁴⁵. В этой статье, написанной как бы с оглядкой на знаменитый «страстный крик» Л.Н. Толстого «Не могу молчать!», но при этом, по сути, во всем ему противоположной (у Толстого революционеры — жертвы, у Бунина — палачи), ее автор «открыто заявил себя сторонником Добровольческой армии»⁴⁶. Таким образом Бунин дал понять, что для него время политического нейтралитета закончено.

Захват Одессы красными 24 марта (6 апреля) 1919 г. прервал только начавшуюся общественную и журналистскую деятельность писателя, вернув его к

⁴⁵ Именно «Не могу говорить», а вовсе не «Страшные контрасты» следует считать первой публицистической *статьей* Бунина. Из-за того, что А.К. Бабореко, первый републикатор «Страшных контрастов», нечетко определил жанровую принадлежность этого текста, исследователи считают его статьей, тогда как на самом деле это — ответ на вопрос анкеты «Художники о художнике», помещенной в «Одесских новостях» в связи со 100-летием И.С. Тургенева (см.: Одесские новости. 1918. 28 окт. (10 нояб.). № 10839. С. 5). Помимо Бунина в опросе участвовали также С.С. Юшкевич и П.А. Нилус.

⁴⁶ Устами Буниных. Т. 1. С. 184.

прежнему «мрачно-уединенному» образу жизни. Сотрудничать с большевиками, «перекрашиваться», как тогда говорили в Одессе, Бунин наотрез отказался. На уговоры С.С. Юшкевича идти служить в Агитпросвет Бунин отвечал: «Лучше стану с протянутой рукой на Соборной площади, чем пойду туда. Пусть этот факт останется в истории...»⁴⁷ Месяцы, прожитые писателем в Одессе «под серпом и молотом», окончательно превратили его в непримиримого врага советской власти и всяческих революций. В это время он делал записи, которые впоследствии легли в основу одесской части «Окаянных дней».

После изгнания большевиков из Одессы в августе 1919 г. Бунин возобновил литературную и общественную деятельность, стал сотрудником, а затем и неформальным редактором созданной добровольцами газеты «Южное слово». В это время его имя все чаще стало мелькать на страницах одесских газет. В «Южном слове», помимо стихов и прозы, довольно регулярно печатались его публицистические произведения: статьи, объединенные общим заглавием «Заметки», речи, а затем и отрывки из «Великого дурмана». При этом *буквально все* его художественные произведения, даже с виду вполне безобидные лирические стихи, в той или иной степени носили политический характер⁴⁸, а высказывания, как печатные, так и устные, с каждым днем становились все жестче, острее, язвительнее, их тон все больше тяготел к учительству, проповедничеству, что одними воспринималось с сочувствием, другими — с иронией или раздражением.

Между тем бунинская недвусмысленно обозначенная приверженность «белой идее» не имела никакой «партийной окраски»: она являла собой скорее некий нравственный принцип. В ноябре 1919 г. Бунин писал, отвечая на нападки социалистической печати Одессы: «Я не правый и не левый, я был, емь и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни, злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило»⁴⁹.

Первое время в отношении Бунина к добровольчеству сказывалось несколько идеалистическое представление писателя о «белом воинстве», которое в его глазах, так же как и для многих его современников, не принявших большевизма, было воплощением доблести, самоотверженности, жертвенности, чести,

⁴⁷ Устами Буниных. Т. 1. С. 212. Ср.: «Подумать только: надо еще *объяснять* то тому, то другому, почему именно не пойду я служить в какой-нибудь Пролеткульт! Надо еще *доказывать*, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайкой, где чуть не каждый час кому-нибудь проламывают голову, и просвещать насчет “последних достижений в инструментовке стиха” какую-нибудь хряпу с мокрыми от пота руками! Да порази ее проказа до семьдесят седьмого колена, если она даже и “антересуется” стихами!» (Бунин И.А. Окаянные дни. С. 88. Курсив Бунина).

⁴⁸ Политический и даже злободневный смысл эти произведения приобретали в контексте эпохи. Очень показательны в данном случае авторское послесловие к авторской же републикации «Петлистых ушей» в «Южном слове» в ноябре 1919 г. В своем послесловии Бунин писал: «Рассказ этот написан в конце 1916 г. Я перепечатаваю его здесь и потому, что он, насколько я знаю, известен на юге России только критикам, и в силу того, что страшная фигура его героя, встающая на фоне страшного ночного Петербурга, так ужасно оправдывала мое смутное предчувствие всего того, что встало затем надо всей Россией» (Южное слово. 1919. 5 (18) нояб. № 64. С. 3). По-настоящему *политических* стихов (вроде «Москвы» или «Скоморохов» в версии 1919 г.) и тем более прозы (как рассказы «Конец», «Товарищ дозорный», «Красный генерал») у Бунина в то время было еще мало.

⁴⁹ Бунин И. Заметки // Южное слово. 1919. 12 (25) нояб. № 71. С. 1.

благородства⁵⁰. Очень показательны в этом смысле строки из дневника Веры Николаевны — запись, сделанная еще 6 (19) декабря 1918 г., вскоре после того, как петлюровцы были выбиты из Одессы совместными усилиями французских и белых частей: «Добровольцы очень статные, с хорошей выправкой люди, — я отвыкла видеть подобных людей. <...>

Потери у добровольцев очень большие. <...>

Ян был очень взволнован. Он сказал, что за два года это первый день, когда чувствуешь хоть луч надежды. Его очень трогает самоотверженность добровольцев»⁵¹.

Сближала Бунина с Добровольческой армией и общность, как тогда говорили, политической «ориентации». В Белом движении было множество политических течений — от ультраправого до социалистического. Однако основным — или, по крайней мере, единственно находившим поддержку в командовании Вооруженных сил Юга России — было направление государственническое, далекое от всякой «партийности». Генерал А.И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» не раз подчеркивал, что «Добровольческая армия, свершая свой крестный путь», в первую очередь стремилась «опираться на все государственно мыслящие круги населения»⁵². Бунин относился именно к этим кругам. Не принадлежа ни к одной партии, он, тем не менее, по справедливому замечанию О.Н. Михайлова, был «человеком глубоко государственным». Так же как и добровольцы, он «желал видеть Россию сильной, великой, независимой»⁵³. Эта позиция с исключительной четкостью и ясностью была выражена и в «Великом дурмане».

И все же, несмотря на полное совпадение политических интересов, несмотря на сотрудничество в добровольческой («белогвардейской») газете «Южное слово», Бунин добровольцем в полном смысле слова (а значит, и «белогвардейцем», как аттестовала его советская критика и пропаганда) так и не стал. В его отношении к добровольчеству сохранялся некий элемент отстраненности. Это видно по дневникам четы Буниных. Так, 18 (31) января 1920 г., за неделю до бегства из Одессы, Вера Николаевна записала: «Почему мы поверили в добровольцев? Мне кажется, что мы очень прониклись за лето презрением к большевикам, к их неумению, беспомощности во всех областях. Правда, Ян говорил, что если добровольцы сорвутся, то они полетят вниз, как снежный ком...»⁵⁴

⁵⁰ Впрочем, такое отношение к добровольцам было во многом справедливым. Нельзя забывать о тех трудностях, с которыми Добровольческой армии приходилось сталкиваться с самого начала своего существования. Не имея опоры в мирном населении (за исключением рядового казачества), практически не получая помощи от крупного капитала, почти целиком находясь в зависимости от военных поставок со стороны вероломных союзников, раздираемое разного рода противоречиями, в том числе политического порядка, Добровольчество противостояло врагу, в десятки раз превышавшему его численно, прекрасно вооруженному, сплоченному идеей «ненависти к буржуазии» и т. п. Об этом весьма подробно и убедительно рассказано в «Очерках русской смуты» А.И. Деникина.

⁵¹ Устами Буниных. Т. 1. С. 167–168.

⁵² Деникин А.И. Очерки русской смуты // Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2007. С. 402.

⁵³ Михайлов О. Окаянные дни И.А. Бунина. С. 7.

⁵⁴ Устами Буниных. Т. 1. С. 275.

* * *

Из-за отсутствия автографа «Великого дурмана» нельзя сказать точно, когда именно Бунин приступил к работе над лекцией. В дневнике Веры Николаевны (запись от 29 августа (11 сентября) 1919 г.) сказано: «Не знаю, будет ли Ян читать лекцию, но то, что он написал насчет милосердия, меня очень радует. <...> Зная, что он перенес за время большевиков, я боялась, что он не станет писать. А теперь я покойна»⁵⁵. Эти строки позволяют предположить, что «Великий дурман» был начат Буниным почти сразу после вступления в Одессу Добровольческой армии.

Мы не знаем (и, скорее всего, уже никогда не узнаем), каковы были *композиция* и *объем*⁵⁶ бунинской лекции. Опубликованные в «Южном слове» и «Родном слове» отрывки позволяют судить только о ее *содержании*. Главная идея лекции заключалась в том, что любая революция, какими бы прекрасными ни были ее цели, — это всегда зло, разрушение, насилие над человеческой личностью и большевизм с его бешеной нетерпимостью к политическим противникам и «чрезвычайками» — логическое продолжение «великой русской революции».

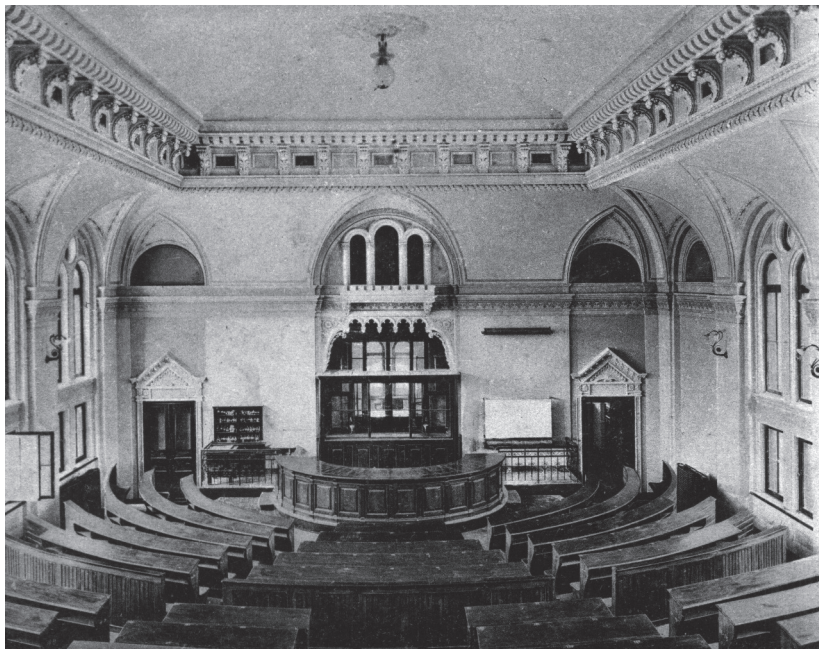
Кроме того, в «Великом дурмане» речь шла о той (по мнению Бунина, безусловно отрицательной) роли, которую в революции сыграли русская интеллигенция и русский народ. По дневникам писателя за 1916–1918 гг. видно, как нарастало его раздражение против интеллигенции, которая, с точки зрения автора «Деревни», при всем своем народолюбии не знала собственного народа, идеализировала его, преувеличивая его нравственные качества, патриотизм и т. п., причем русская литература второй половины XIX — начала XX в. усиленно ей в этом помогала.

Параллельно с этим усиливалось и бунинское негодование на сам народ за его «атавистическую» тягу к «саморазорению», за его общественно-политическую индифферентность и т. п. Бунин утверждал, что так называемый революционный народ — это темная, невежественная, бессознательная масса, живущая той полудикой, первобытной, чуть ли не звериной жизнью, какой русский мужик жил еще во времена Ивана Грозного, поэтому доверять народу управление государством по меньшей мере безответственно.

Своеобразным итогом многолетних «социологических» наблюдений Бунина за развитием общественно-политической ситуации в стране стали его слова, записанные Верой Николаевной 9 (22) ноября 1918 г., уже в Одессе. Эти слова можно считать своего рода *идейной квинтэссенцией* «Великого дурмана»: «Высшие

⁵⁵ Устами Буниных. Т. 1. С. 256.

⁵⁶ Впрочем, с помощью нехитрых расчетов Г.Д. Зленко удалось приблизительно установить «величину» «Великого дурмана». В преамбуле к своей републикации произведений писателя из периодических изданий Одессы 1918–1920 гг. Зленко пишет: «Если точны утверждения присутствовавших на лекции, что она длилась три часа, если учесть, что объем обнародованных в “Южном слове” и “Родном слове” отрывков немногим превышает авторский лист, а для трехчасового выступления необходим текст в два раза больший, можно с уверенностью говорить: мы располагаем примерно половиной одного из главных произведений Бунина, вызванных поединком двух социальных систем и двух мировоззрений» (Из творчества И.А. Бунина эпохи Гражданской войны. С. 24).

*Большая химическая аудитория в химико-физическом корпусе
Новороссийского университета, где И.А. Бунин читал лекцию «Великий дурман».
Открытие. Одесса. 1910-е.
Фото из собрания Одесского литературного музея*

классы, — сказал Ян, — это действенные классы, а народ — аморфная масса. Так называемая интеллигенция и писатели — это кобель на привязи, кто ни пройдет, так и брешет, из ошейника вылезает»⁵⁷.

С точки зрения исторической науки бунинские представления о причинах революции были довольно элементарны. Они сводились к следующему тезису: «История повторяется, но нигде, кажется, не повторяется она так, как у нас»⁵⁸. Для Бунина события двух революций 1917 г., а также Гражданской войны были всего лишь *повторением* «уже не раз бывалого, только в небывалых еще размерах»⁵⁹. Аналоги этих событий Бунин усматривал как в далеком, так и в сравнительно недавнем прошлом России. Для писателя «великая русская революция» и спровоцированная ею братоубийственная война были явлениями одного порядка со средневековыми русскими междоусобицами, бесчинствами Богдана Хмельницкого, бунтами Степана Разина и Емельяна Пугачева. Причем большевистские вожди, по мнению писателя, были не только ничем не лучше, но гораздо хуже этих «великих» смутьянов.

⁵⁷ Устами Буниных. Т. 1. С. 162.

⁵⁸ Бунин И. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 24 нояб. (7 дек.). № 82. С. 2.

⁵⁹ Там же.

В одном из фрагментов «Великого дурмана» говорится: «А случился, опять случился именно тот пушкинский бунт, “жестокий и бессмысленный”, о котором только теперь вспомнили, повторилось уже бывалое, хотя многие и до сих пор еще не понимают этого, сбитые с толку новым и вульгарно-нелепым словом “большевизм”, мыслят совершившееся как что-то еще невиданное, в прошлом имеющее только подобие, чувствуют его как нечто такое, что связано с изменяющейся будто бы мировой психикой, с движениями того самого европейского пролетариата, который несет будто бы в мир новую прекрасную религию величайшей гуманности и в то же самое время требует “невмешательства” в непрерывное и гнуснейшее злодеяние, которое творится среди бела дня, в двадцатом веке, в христианской Европе»⁶⁰.

Как лектор Бунин продемонстрировал незаурядную эрудированность. Он широко и обильно (но при этом большей частью неточно, что вообще отличало его публицистические работы) цитировал «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», былины о Василии Буслаеве, «Русскую историю в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н.И. Костомарова, дневники Л.Н. Толстого, очерки Г.И. Успенского «Волей-неволей» и «Власть земли: Из записной книжки», советские периодические издания, а также, если верить некоторым газетным отчетам о «Великом дурмане»⁶¹, труды Юрия Крижанича⁶² и Адама Олеария⁶³. Однако в опубликованных фрагментах бунинской лекции упоминания об этих «ученых мужах» и ссылки на их сочинения отсутствуют. Мы можем лишь предполагать, что такими сочинениями были «Разговоры о владетельстве» Крижанича и «Путешествие в Московию и обратно» Олеария: в обоих произведениях есть главы, посвященные русскому народу, и то, что в них о нем говорится, во многом созвучно бунинским характеристикам русского национального менталитета.

Так, мнение Олеария о «природе русских, их душевных качествах и нравах» было в целом отрицательным. Признавая смысленность и порой исключительную храбрость русских, немецкий ученый в то же время считал их грубыми, не-

⁶⁰ Бунин И. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 24 нояб. (7 дек.). № 82. С. 2.

⁶¹ См., напр.: Иванов А. Великий дурман // Южное слово. 1919. 10 (23) сент. № 15 С. 3; Юшкевич П. Революция перед судом художника: (Из лекции Бунина). С. 3; Вальбе Б. «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина). С. 4.

⁶² Крижанич Юрий (ок. 1618–1683) — хорватский ученый-энциклопедист, писатель, философ, богослов, историк, лингвист-полиглот, этнограф, публицист, священник-миссионер. Выступал за унию Католической и Православной церковей и за единение славянских народов. Считается основоположником «панславизма» и сравнительного славянского языкознания. Главную роль в осуществлении идеи «славянского единства» Крижанич отводил России, где находился в 1659–1676 гг. при дворе Алексея Михайловича. В 1661 г. по ложному доносу он был отправлен в ссылку в Тобольск и, находясь там в течение 16 лет, написал ряд трактатов, в том числе «Разговоры о владетельстве» (или «Политику»). В России творчество Ю. Крижанича было хорошо известно. Его сочинения (как в оригинале, так и в переводе на русский язык) издавались с первой четверти XIX в. Пик научного интереса к Крижаничу пришелся на рубеж XIX–XX вв.: в этот период вышло множество посвященных ему статей и монографий.

⁶³ Олеарий (Olearius — латинизированный вариант немецкой фамилии Ölschläger) Адам (1603–1671) — немецкий ученый и путешественник. Посетил Россию в 1633–1634 гг. в составе шлезвиг-голштинского посольства и в 1635–1639 гг. проездом, по дороге в Персию. В 1647 г. выпустил первое издание своего «Путешествия в Московию и обратно».

вежественными, неряшливыми, хитрыми, расчетливыми, корыстолюбивыми, развращенными, тщеславными, косными, безразличными к собственному прошлому, вздорными, подверженными всевозможным порокам и пьянству, обладающими рабской психологией⁶⁴. Подобные суждения в свое время вызвали протест у Крижанича: в «Разговорах о владетельстве» он назвал их «руганью и оговорами»⁶⁵. Однако в собственных размышлениях на ту же тему Крижанич часто вторил Олеарию.

Трудно с уверенностью сказать, читал ли Бунин книги Крижанича и Олеария. С содержанием «Разговоров о владетельстве» писатель, скорее всего, был знаком по костомаровской «Русской истории», в которой Крижаничу посвящена целая глава (XI). Дело в том, что первое (и при жизни Бунина единственное) издание этой книги было осуществлено — в составе шеститомного «Русского государства в половине XVII века» (М., 1859–1860) — без перевода на русский язык⁶⁶. Напротив, «Путешествие...» Олеария до 1919 г. вышло в трех разных русских переводах⁶⁷, Бунин мог ознакомиться с любым из них.

Так или иначе, не исключено, что цитаты именно из этих авторов в сочетании с собственно бунинскими свидетельствами «легендарных зверств и низости мужиков» стали впоследствии одной из причин того, что писателя обвинили в ненависти к русскому народу и вообще в русофобии. Отвечая на подобные обвинения, он писал в своих «Заметках»: «Я не русофоб, невзирая на то что имел смелость сказать о своем народе немало горьких слов, основательность коих так ужасно оправдала действительность... оправдал даже Л.Н. Толстой, которым меня еще и до сих пор укоряют и который, однако, сам, собственными устами сказал в 1909 г. буквально следующее (Булгакову):

*“Если я выделял русских мужиков как обладателей каких-то особенно привлекательных сторон, то каюсь, — каюсь и готов отречься от этого”*⁶⁸.

* * *

Всякий, кому доводилось иметь дело с дневниками, письмами, публицистическими статьями, мемуарными очерками Бунина, знает, насколько силен в них чисто художественный элемент. Причем едва ли не наибольшая его «концентрация» и «интенсивность» наблюдаются именно в публицистике писателя. Однако проблема соотношения художественного и нехудожественного в бунинском пу-

⁶⁴ См., напр.: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 178–202.

⁶⁵ *Крижанич Ю.* Политика / Подгот. к печ. В.В. Зеленин; пер. А.Л. Гольдберга. М., 1997. С. 181.

⁶⁶ «Разговоры о владетельстве» и ряд других трактатов были написаны на искусственном «словенском» языке, который Крижанич специально изобрел в целях развития своей теории «всеславянского единства».

⁶⁷ См.: *Олеарий А.* О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (Третья книга «Путешествия» Олеария) / Пер. с нем. изд. 1656 г. А. Михайлова. Б.м., б.г. [СПб., 1861]; *Он же.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / Пер. с нем., предисл. П. Барсова. М., 1870; *Он же.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906.

⁶⁸ *Бунин И.* Заметки // Южное слово. 1919. 12 (25) нояб. № 71. С. 1. Курсив Бунина.

блицистическом наследии остается плохо изученной. Первые (и пока единственные) попытки подступиться к ней были предприняты в 1990–2000-х гг. преимущественно зарубежными буниноведами, но свое внимание они сосредоточили исключительно на «Окаянных днях»⁶⁹. Остальные публицистические произведения Бунина, включая лекцию «Великий дурман», по-прежнему остаются в этом смысле *terra incognita*.

Между тем наличие в бунинской лекции художественного начала несомненно. Двойственный, художественно-публицистический, характер «Великого дурмана» был подмечен еще в 1919 г. одесским критиком и публицистом Б.С. Вальбе. В своем отчете о лекции, исходя из тезиса о «глубоко социальном характере» зрелого бунинского творчества, он писал: «Как же преломилась русская революция во “внутреннем мире” нашего художника?»

В своей лекции “Великий дурман” Бунин дал художественно-публицистический ответ на этот вопрос.

“Художественно-публицистический”, ибо это была лекция, иллюстрированная художественными образами и поэтическим лиризмом.

Проникнутая местами большим пафосом проповедника, человека определенного лагеря, она вместе с тем была именно лекцией поэта, мечтателя»⁷⁰.

Однако частичная художественность «Великого дурмана» была обусловлена не только тем, что в нем присутствовали «художественные образы и поэтический лиризм». Сами по себе принципы работы с «исходным» материалом, с литературным «сырьем», каковым явились дневниковые записи Бунина, сделанные в 1917 г. в Глотове, говорят о том, что это действительно была «лекция поэта».

Как можно понять по отзывам в одесской прессе и по первому из опубликованных фрагментов «Из “Великого дурмана”», бунинская лекция изобиловала эпизодами, которые условно можно назвать «живыми картинами» (впоследствии они перекочевали в «Окаянные дни»). Эти «живые картины», словно списанные с натуры, неопровержимо свидетельствовали о неразвитости народного самосознания. Они наглядно, в лицах, передавали впечатления Бунина от встреч в 1917 г. с представителями «революционного демоса» и просто с деревенскими жителями, сбитыми с толку необходимостью участвовать в управлении государством. Исключительная выразительность бунинского повествования, почти стереоскопическая осязаемость образов, правдоподобие простонародной речи создавали у слушателей впечатление документальности соответствующих эпизодов. Но были ли они документальными на самом деле или же все-таки явились результатом художественной переработки «фрагментов из личных дневников Бунина»⁷¹? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сопоставить соответствующие места в «Великом дурмане» с дневниковыми записями писателя за 1917 г.

⁶⁹ См., напр.: Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина // Русская литература. 1996. № 4. С. 101–105; Эберт К. Образ автора в художественном дневнике Бунина «Окаянные дни» // Там же. С. 106–110; Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина. С. 625–650.

⁷⁰ Вальбе Б. «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина). С. 4.

⁷¹ Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина. С. 642.

Взять, к примеру, следующий эпизод из первого опубликованного фрагмента бунинской лекции: «Мрачный вечер, — сентябрь того же [1917] года, — темные, с желтоватыми щелями тучи на западе. Остатки листьев на деревьях у церковной ограды как-то странно и зловеще рдеют, хотя под ногами уже сумрак. Вхожу в церковную караулку. В ней совсем почти темно. Караульщик, он же и сапожник, небольшой, курносый, с окладистой рыжей бородой, человек медоточивый, сидит на лавке, в рубахе навывпуск и в жилетке, из карманчика которой торчит пузырек с нюхательным табаком. Увидав меня, встает и низко кланяется, встряхивает волосами, которые упали на лоб, потом протягивает мне руку.

— Как поживаешь, Алексей?

Вздыхает:

— Скушно.

— Что такое?

— Да так. Нехорошо. Ах, милый барин, нехорошо. Скушно.

— Да почему же?

— Да так. Был я вчера в городе. Прежде, бывало, едешь, на свободе, а теперь хлеб с собой берешь, в городе голод пошел. Голод, голод! Товару не дали. Товару нету. Ни почему нету. Приказчик говорит, — “хлеба дадите, тогда и товару дадим”. А я ему так: “нет, уж вы ешьте кожу, а мы свой хлеб будем есть”. Только сказать — до чего дошло! Подметка 14 рублей. Нет, покуда буржуазию не перережут, будет весь люд голодный, холодный. Ах, милый барин, по истинной совести вам скажу, — будут буржуазию резать, ах будут!

Когда я выхожу из караулки, караульщик тоже выходит и зажигает фонарь возле церковных ворот. Из-под горы идет мужик, порывисто падая вперед, — очень пьяный, — и на всю деревню кричит, ругает самыми отборными ругательствами диакона. Увидав меня, с размаху откидывается назад и останавливается:

— А вы его не можете ругать! Вам за это, за духовное лицо, язык на пяло надо вытянуть!

— Но позволь: я, во-первых, молчу, а, во-вторых, почему тебе можно, а мне нельзя?

— А кто ж вас хоронить будет, когда вы помрете? Не диакон разве?

— А тебя?

Уронив голову и подумав, мрачно:

— Он мне, собака, керосину в лавке кооперативной не дал. Ты, говорит, свою долю уж взял. А если я еще хочу? “Нет, говорит, такого закону”. Хорош ай нет? Его за это арестовать, собаку, надо. Теперь никакого закона нет... Погоди, погоди, — обращается он к караульщику, — и тебе попадет! Я тебе припомню эти подметки! Как петуха зарезу, — дай срок!»⁷²

Первое, что в данном эпизоде бросается в глаза, — это его четкая структура, продуманность и соподчиненность всех его частей. Характерное для него общее тоскливо-тревожное настроение создано с помощью соответствующих пейзажных зарисовок («темные, с желтоватыми щелями тучи на западе. Остатки ли-

⁷² Бунин И. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 17 (30) нояб. № 76. С. 2.

стве на деревьях у церковной ограды как-то странно и зловеще рдеют») и реплик персонажей — караульщика и пьяного мужика, ругавшего диакона. Текст выстроен, организован таким образом, чтобы у слушателя (или читателя) в конце концов возникло впечатление, что о предстоящем и неизбежном бедствии, постигшем Россию в лице большевизма, заранее знали не только писатель, но и потенциальные участники будущих событий. При этом в диалогах действующих лиц постоянно подчеркивается противостояние классов — «буржуазии» и «народа».

Ничего подобного нет в дневниковой записи Бунина, являющейся литературно-фактологической основой рассмотренного эпизода (в отличие от него, эта запись датирована *октябрем* 1917 г.): «С утра серо, ветер с северо-запада, холодный, сейчас три, мы с Верой гуляли, облака, светит солнце.

На низу сада, возле плетня, слышу матерную брань. Вижу — Савкин сын (кривой), какой-то пьяный мужик лет двадцати пяти, долговязый малый лет двадцати, не совсем деревенского вида.

— Когой-то ругает?

Пьяный:

— Да дьякона вашего.

— Какой же он мой.

— Как же так не ваш? А кто ж вас хоронить будет, когда помрете? Вот П. Ник. помер — кто его хоронил? Дьякон.

— Ну, а вот ты-то дьякона ругаешь, тебя-то кто ж будет хоронить?

— Он мне керосину (в потребилровке) не дает... и т. д.

Говорил, что мы рады, что немцы идут, они мужиков в крепостное право обратят нам»⁷³.

В этой записи не отображено никаких зловещих предчувствий: в строках о немцах, идущих будто бы восстанавливать в России крепостное право, звучит, скорее, горькая ирония. Разговор о диаконе носит чисто бытовой характер, без явной социальной и уж тем более «классовой» подоплеку и при этом подан сжато, конспективно. Кроме того, вся сцена происходит утром, а не вечером, как в первом фрагменте «Из “Великого дурмана”»; наряду с писателем в ней участвуют: вместо караульщика — Вера Николаевна, а вместо пьяного крестьянина, идущего «из-под горы», — сразу три не вполне трезвых мужика, причем один из них «не совсем деревенского вида».

Таким образом, можно говорить лишь о частичной документальности «живых картин» из «Великого дурмана». Очевидно, что при их создании Бунин действительно подвергал свои личные дневники существенной художественной переработке. В большинстве случаев дневниковые записи служили лишь отправной точкой для формирования целого сюжета, который в своем окончательном виде мог значительно отличаться от исходного факта, зафиксированного в дневнике писателя. Такой факт — какое-нибудь событие, разговор и даже отдельная реплика — как правило, обрастал разными подробностями, помещался в специально

⁷³ Бунин И.А. Собр. соч. Т. 8. С. 51.

разработанный Буниным контекст. Некоторые эпизоды в «Великом дурмане» представляют собой своего рода литературный монтаж из разных реплик, произнесенных разными лицами в разное время и, соответственно, при разных обстоятельствах. В качестве примера можно привести якобы происходивший летом 1917 г. разговор на деревенской улице о «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. Сам этот разговор, воспроизведенный Буниным в начале первого фрагмента «Из «Великого дурмана»», является чем-то вроде оправы, в которую помещены высказывания, в той или иной мере соответствующие отдельным записям в бунинском дневнике. Так, хозяин избы, возле которой толкуют о Брешко-Брешковской, говорит: «Я про эту бабку давно слышу. Прозорливица, это правильно. <...> Теперь народ под свою власть скупает, землю сулит, на войну обещает не брать... А мне какая корысть под нее идти? Земля эта мне без надобности, я ее лучше в аренду сниму, потому что навозить мне ее все равно нечем, а в солдаты-то меня и так не возьмут, года вышли...»⁷⁴

Ср. с записью от 8 августа 1917 г.: «Шестого ездил в Каменку к Петру Семеновичу. Когда сидели у него, дождь. Он — полное равнодушие к тому, что в России. “Мне земля не нужна”. “Реквизиция хлеба? Да тогда я и работать не буду, ну его к дьяволу!”»⁷⁵

Разумеется, полного соответствия между высказываниями нет, но по смыслу они очень близки, и «генезис» реплики хозяина избы из «Великого дурмана», на наш взгляд, очевиден.

В том же разговоре, помимо «хозяина избы» и «кого-то, белеющего в сумраке рубашкой», участвует и некий «третий», такой же безымянный собеседник, который «прибавляет совершенно, как говорится, ни к селу, ни к городу:

— Да его, Петроград-то, и так давно бы надо отдать. Там одна разнообразие...

И я прохожу мимо и думаю: “Там одно разнообразие! Бог мой, что за чепуха такая?”»⁷⁶

Ср. с бунинской записью, сделанной 9 сентября 1917 г. и документально, без всяких комментариев воспроизводящей фразу некоего Сергея Климова из Жадовки: «Да Петроград-то мать с ним. Его бы лучше отдать поскорей. Там только одно разнообразие»⁷⁷.

В «Великом дурмане» эта фраза повторена почти дословно. Скорее всего, Бунин включил ее в разговор о Брешко-Брешковской, земле и комиссарах для того, чтобы обогатить сюжет и сделать еще более очевидной алогичность крестьянского мышления. Авторский комментарий к реплике безымянного «третьего» усиливает впечатление от ее как безотносительной (или сущностной), так и контекстной абсурдности.

На этом приеме — соединения в одной, часто небольшой по объему текстовой единице изначально документальных элементов, их художественной организации и придания им публицистического (политического) звучания, — по-видимому,

⁷⁴ Бунин И. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 17 (30) нояб. № 76. С. 2.

⁷⁵ Он же. Собр. соч. Т. 8. С. 31.

⁷⁶ Он же. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 17 (30) нояб. № 76. С. 2.

⁷⁷ Он же. Собр. соч. Т. 8. С. 40.

был построен весь текст «Великого дурмана». А это лишний раз доказывает идейное и генетическое родство бунинской лекции с «Окаянными днями», которые также являются произведением особого рода, обладающим ярко выраженными документальными, публицистическими и художественными чертами.

* * *

«Великий дурман» вызвал оживленные и при этом весьма разноречивые отклики одесской прессы. Но прежде чем говорить о них, приведем некоторые статистические данные. Как утверждают советские библиографы, в период, когда у власти в Одессе была Добровольческая армия, т. е. с 10 (23) августа 1919 г. по 26 января (8 февраля) 1920 г., в городе издавалось 52 газеты и 28 журналов на русском, украинском, английском, французском, немецком, польском языках, а также на идиш и иврите⁷⁸. В политическом отношении все эти издания тоже были весьма разнообразны: от монархических, праворадикальных, националистических, «черных», как газета «Южная Русь», до социалистических, эсеровских, право- и левоменьшевистских, «розовых», как «Рабочее слово». Разумеется, о легальной большевистской печати в белой Одессе речи быть не могло.

Понятно, что при столь широком диапазоне политических взглядов одесские издания просто не могли одинаково относиться к бунинской лекции. Однако оценки идеологически близких друг другу изданий, как правило, оказывались схожими или, по крайней мере, созвучными.

Естественно, наиболее дружелюбный отзыв (по существу, отчет) о «Великом дурмане» поместило на своих страницах «Южное слово». Автор этого материала, некто А. Иванов, в нескольких абзацах пересказал содержание бунинской лекции и напоследок отметил: «К сожалению, в краткой газетной заметке мы лишены возможности воспроизвести многочисленные картины нашего революционного быта, выхваченные из самой жизни и зарисованные И.А. Буниным с чрезвычайной, быть может ему одному свойственной, яркостью и колоритностью. <...>

Вскрывая, как беспощадный хирург, отрицательные свойства российского демоса и интеллигенции, лектор почти не касался отличительных свойств, коими наделены другие классы, и лишь сказал: «Я не меньше других искал и ищу царство Божие на земле, не меньше их знаю жестокий и страшный мир ‘господ из Сан-Франциско’, но я знаю и то, что все на этой злой и жалкой земле познается, увы, по сравнению, знаю, что невозможное есть невозможное, что бывает такое время, когда хоть на время надо умолкать о нем, об этом невозможном, и что мужик, бывший при мне в московском зоологическом саду сапогом лебеда, еще плохой социалист. Древняя дикарская легенда говорит, что блеск звезды, в которую переходит наша душа, состоит из блеска глаз съеденных нами людей. И я знаю, что, увы, ‘не прошла’ еще древняя земля, а тем паче — ‘древняя Русь!’»⁷⁹

Не менее благожелательно высказалась о «Великом дурмане» «национально-прогрессивная» газета «Единая Русь», которую левые издания Одессы без конца

⁷⁸ См.: Одеська періодична преса років революції та громадянської війни. 1917–1921 / За ред. проф. С.Л. Рубинштейна. Одеса, 1929. С. XXVIII–XXX.

⁷⁹ Иванов А. Великий дурман // Южное слово. 1919. 10 (23) сент. № 15. С. 3.

упрекали в национализме и антисемитизме. Избегая каких бы то ни было комментариев, газета тем не менее дала своим читателям понять, что безоговорочно разделяет мнение Бунина о характере «великой русской революции» и о роли в ней российской интеллигенции и народа. В частности, «Единая Русь» писала: «И. Бунин, автор знаменитых деревенских картин, в которых предвидел физиономию будущих строителей революции, имел возможность на своей лекции вдоволь отомстить за те нападки, которые делались в свое время критикой при выпуске им своих бытописаний о деревне.

В целом ряде мучительных иллюстраций Бунин нарисовал мрачную картину жестокого русского бунта, бессмысленного издевательства над человеческим достоинством, над человеческой личностью. Великий Дурман, великий балаган — русская революция, и строитель этой революции — русский народ»⁸⁰.

Два во многом противоположных отзыва о «Великом дурмане» напечатал «Одесский листок» — газета, начавшая выходить еще во второй половине XIX в., а в годы революции и Гражданской войны ставшая «достоянием» партии кадетов. Один материал принадлежал перу Б.С. Вальбе, другой — А.М. де Рибаса.

Вальбе отдал должное художественной силе и публицистической остроте «Великого дурмана» и назвал его «суровым до жестокости обвинительным актом против русского народа, против русской интеллигенции, горьким смехом над ее мечтаниями и идеалами»⁸¹. Однако в целом лекция Бунина не вызвала у критика сочувствия. В своей рецензии Вальбе не скрывал своего иронического отношения к «Великому дурману» и при этом намеренно упрощал и огрублял суждения писателя, отрицая их общественно-политическую значимость: «Бунин находит, что Русь Стеньки Разина, Емельки Пугачева, Хмельницкого и Гонта⁸² еще жива в Руси Ленина и Троцкого. Тот же разгул и те же зверства. И, полемизируя с Троцким, Бунин говорит, что “цари и попы” знали лучше свой народ, они знали, что свобода страшнее для него пуще всего. Народу нужна опека. Но этого не знала интеллигенция, не только большевики, но и меньшевики и кадеты. <...>

Все уверовали в народ, и оттого вышел “великий дурман”, нелепица, и разбиты все наши идеалы и чаяния. И дальше в таком же духе. И это оттого, что давно уже умерла русская литература — что литература последних <лет>, невежественная, безграмотная, не зная народа, она сочиняла разные басни о нем. И Бунин обрушивается на Блока, Горького, Серафимовича и др. за их веру в слова и духовную слепоту. И молитвенной верой в то, что “великий дурман” пройдет, что все поймут свои ошибки, и, припоминая “розовые мечты” первых дней, Бунин говорит: — я не меньше этих дервишей ищу царствия Божия на земле, мне не менее тяжело в мире... “Господин из Сан-Франциско”, но...

⁸⁰ Г. В. «Великий дурман»: (Лекция И. Бунина) // Единая Русь. 1919. 10 (23) сент. № 24. С. 4.

⁸¹ Вальбе Б. «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина). С. 4.

⁸² Гонтай (правильно — Гонта) Иван (?–1768) — один из главных деятелей так называемой Колиивщины, гайдамацкого восстания 1768 г. в Правобережной Малороссии. С именем Гонты связаны предания о жестоких расправах гайдамаков над польскими шляхтичами и евреями. Художественный образ Гонты создан Т.Г. Шевченко в поэме «Гайдамаки».

Бунин, конечно, не политик, не социолог, а только поэт и художник. Его образы проникнуты большой правдой, но их социологическое значение раскроет нам кто-то иной, во всяком случае, не Бунин»⁸³.

Бунинским проклятиям в адрес «великой русской революции» Вальбе противопоставил «глубоко волнующие слова из “Дневника” А.И. Шингарева», которыми «мученик-депутат», несмотря на свои страдания в тюремном заключении, «благословляет революцию и проклинает старый порядок»⁸⁴. Итог своим рассуждениям одесский критик подвел следующим образом: «Двумя правдами — правдой Шингарева и не меньшей правдой Бунина — встает пред нами наша трагическая современность. И только великий синтез будущего, очищенный от трагедии и мученичества настоящего, даст одну правду, правду вечного развития, радости жизни и ее достижений»⁸⁵.

В отличие от Вальбе, де Рибас в своем «Фельетоне» о бунинской лекции целиком принял сторону писателя. Размышляя о причинах того «сильного, жуткого и одурманивающего впечатления», которое на слушателей произвела бунинская лекция, де Рибас писал: «С необыкновенною силою экспрессии, с поразительной яркостью образов, черта за чертою, тип за типом, лектор иллюстрировал перед захваченной аудиторией современное состояние русского, подлинного народа, изпод внешней оболочки которого на каждом шагу пробиваются, как сорная трава на ниве, дикие следы прежней, древней Руси. Та же темнота, та же звериность, та же безобразная удаль, та же бесчеловечная жестокость.

Факты за фактами, один ужаснее другого. И что производило наиболее тягостное впечатление в сообщении Бунина, это то, что все эти факты, так мастерски им подобранные, были нам всем хорошо известны. Мы все их пережили. Многие из нас испытали их на себе или на наших близких. Все это правда, все это правда»⁸⁶.

Среди тех, кто откликнулся в печати на «Великий дурман», пожалуй, только де Рибас сумел выявить истинную подоплеку бунинских филиппик против русского народа и интеллигенции:

«Бунин! Да ведь это и есть та самая русская интеллигенция, и не только русская интеллигенция, но и тот самый русский народ, со всеми чертами и новой, и древней Руси, которые он так жестоко охарактеризовал. Откуда почерпнул Бунин свой могучий талант, если не из русского народа, если не из той самой деревни, которую он описал так правдиво только потому, что сам из нее вышел? <...>

Он бичует русский народ, но сам же его и любит. И больше всего он любит ту самую древнюю Русь, в которой видит столько отрицательных черт. Да кто, кроме русского писателя, станет говорить про свой народ столько жестокой правды? И кто будет говорить правду о том, чего он не любит? <...>

Тайна гнева Бунина в том, что он считает, по праву, русский народ своим. Он не хочет, чтобы его коверкали, чтобы говорили о нем ложь, чтобы над ним производились интернациональные эксперименты, чтобы его, темного, забитого,

⁸³ Вальбе Б. «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина). С. 4.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Рибас А., де. Фельетон: О второй лекции Бунина. С. 4.

нуждающегося в ласке и силе, толкали преждевременно в революцию. К своему народу Бунин относится ревниво, любя его превыше всего другого. <...>

Отсюда вывод: покуда есть у нас русские Бунины, нам не страшно за Россию»⁸⁷.

Поистине враждебно отнеслась к «Великому дурману» левая печать Одессы. Именно ее в первую очередь имел в виду Бунин, когда писал в «Южном слове» в ноябре 1919 г.: «В Одессе после моей лекции о русской революции, после двух, трех моих статей в газете начали дерзить мне, начали на меня злобствовать, умышленно исказить мои слова и даже приписывать мне то, что я никогда не говорил»⁸⁸.

Особенно неистовствовал по поводу «Великого дурмана» сотрудник меньшевистских газет «Одесские новости», «Рабочее слово» и «Грядущий день» П.С. Юшкевич, родной брат писателя С.С. Юшкевича, с которым у Бунина были весьма теплые, приятельские отношения. В пылу полемического задора П. Юшкевич писал: «Ущемленный какими-то неведомыми фармацевтами еще много лет назад и заговоривший вдруг тоном пророка Бунин действительно “упрямо твердил” о своем знании народа как единственно правильном, забыв и чеховские образы мужиков, и замечательные наблюдения Гарина-Михайловского (относящиеся к началу 80-х годов) и недооценив изумительное творчество Г. Успенского, в котором, собственно, дано — и с каким мастерством и силой, с какой широтой охвата! — все то, что развивал потом на новом матерьяле Бунин, но в котором сказано о мужике и многое такое, чего нет в <рез>ком, сухом, насквозь желчном бытописании Бунина»⁸⁹.

Наибольшее раздражение у журналиста вызвало бунинское неприятие революции и нападки на русскую интеллигенцию: «Не добрая или злая воля интеллигенции и не ее нежелание слушаться Бунина повинны в том, что “случилось то, что должно было случиться”⁹⁰. Самодержавие было беременно революцией, и последняя была непредотвратима. И если бы публицист Бунин был меньше занят мыслями о правоте Бунина — бытописателя деревни, и если бы, оставив цитаты из Олсариев, Крижаничей и других авторов о порочности русского народа, он постарался серьезнее разобраться в происшедшем, то он не ограничился бы низыванием фактов тупости, дикости и зверства, совершенных за эти годы колоссального переворота. Ведь это работа, которую может произвести любой мелкий хроникер, и она всегда будет потрясать красноречием живой жизни. Важно было бы разобраться, почему это он, Бунин, только и находит, что хулу на революцию, а вот значительная часть интеллигенции — “меньшевики всех мастей”, как выражался одномастный в своей желчности лектор, — <хотя> и осуждая все ужасы революции, не произносит над ней обвинительного приговора»⁹¹.

По мнению Юшкевича, если бы писатель «умел вдумчиво отнестись к совершившемуся, то он бы понял, что “меньшевики всех мастей” страдают не каким-то

⁸⁷ Рибас А., де. Фельетон: О второй лекции Бунина. С. 4.

⁸⁸ Бунин И. Заметки // Южное слово. 1919. 8 (21) нояб. № 67. С. 1.

⁸⁹ Юшкевич П. Революция перед судом художника: (Из лекции Бунина). С. 3.

⁹⁰ Слова Бунина из «Великого дурмана».

⁹¹ Юшкевич П. Революция перед судом художника: (Из лекции Бунина). С. 3.

дефектом мысли, что в них говорит не фетишизм революции, а то основное завоевание исторической мысли 19 в., которое грубо можно выразить словами Гегеля о разумности всего действительного. В таком огромном, мирового значения, факте, как российская революция, должен быть свой “разум”, свой смысл, и он, конечно, не откроется тому, кто, нарядившись в одеяние пророка, будет, однако, подходить к истории с пониманием и мерилом уголовного репортера...»⁹²

В заключение, признавая, что в стихах и прозе Бунин сказал «очень много ценного», Юшкевич в то же время отмечал: «...Бунин-художник — одно, а Бунин — публицистический обличитель революции — другое. И это другое — увы! — не высоко ставит его над уровнем обывательской массы, не говоря уже об уровне так легковесно оцениваемых им событий...»⁹³

Гораздо сдержаннее высказалось о «Великом дурмане» социалистическое «Народное слово». По первым строкам в его отчете у читателя даже могло возникнуть впечатление, что газета сочувствует позиции Бунина: «Яркий, красочный язык, выпуклые, художественные образы, местами тонкий юмор, а моментами — высокий пафос — все заставляет слушателя без утомления сидеть в ужасающей духоте переполненной аудитории. Лектора слушают, ему аплодируют, а после лекции о ней много говорят»⁹⁴.

Однако окончательный вердикт газеты в отношении бунинской лекции очень напоминал то, что о ней и ее авторе писал П.С. Юшкевич: «Безобразная тоска, острая злоба, обывательская жестокость — вот что пробуждается в слушателе красивым словом лектора, но нет того, в чем мы больше всего нуждаемся, нет истинной бодрости, нет великой любви к родине, к родному народу, нет активной воли к творчеству новой жизни, нет свежего нового слова, которое могло бы стать лозунгом, могло бы дать ту веру, которая горами двигает. Лектор не видит и не указывает никакого выхода. Да, великий дурман охватил нас, но эта красочная лекция нисколько не рассеивает его. Кажется, что к прежнему дурману прибавился еще новый»⁹⁵.

«Радостной» альтернативой бунинскому «контрреволюционному» пессимизму, запечатленному в «Великом дурмане», газета противопоставила «огромные плакаты, пестрящие в вестибюле университета: “Да здравствует всероссийское учредительное собрание!”»⁹⁶.

Несомненно, Бунин был осведомлен о том, как одесская печать отозвалась на его лекцию. Однако только задиристая, провокационная рецензия П.С. Юшкевича задела его самолюбие. Писатель довольно едко ответил своему обидчику в очередных «Заметках», напечатанных в «Южном слове» 20 октября (2 ноября) 1919 г.: «Сколько, например, исписал бумаги какой-нибудь Павел Юшкевич, подсчитывая убиенных при погромах евреев, сколько этих уголовных дел зарегистрировал

⁹² Юшкевич П. Революция перед судом художника: (Из лекции Бунина). С. 3.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Н.П. [Петринский Н.Н.] «Великий дурман»: (Лекция И.А. Бунина) // Народное слово. 1919. 23 сент. (6 окт.). № 8. С. 4.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

он, сколько сказал жестоких слов о зверстве русского народа, когда он громил евреев! А посмотрите, как, наряду с этим, издевается он надо мной по поводу моей лекции о русском народе и русской революции, как горячо заступает за этот же самый народ, как распекает, как поучает меня. “Суждения Бунина сухие, желчные”, — для этих господ вся сложность, вся острота наших великих мук есть только желчь! — “К революции, уважаемый академик Бунин, нельзя подходить с мерилом и пониманием *уголовного хроникера*”... “Гегель говорил о разумности всего действительного... в российской революции есть свой разум, свой смысл”, — и так далее, и так далее. О многомудрый гегелианец, ведь и самое жестокое самодержавие, и чума, и холера может чудесно уложиться в Гегеле; утверждая, что есть разум и смысл в дроблении помещичьих, купеческих, офицерских черепов, можно, следуя логике, дойти до Бог знает каких выводов...»⁹⁷

И потом еще дважды — в «Окаянных днях» и в эссе «Гегель, фрак, метель» (1950) — Бунин возвращался к полемике с одесским журналистом, припоминая ему и Гегеля, и «уголовного хроникера», и «обывательщину»... Это были последние отголоски «Великого дурмана».

* * *

К. Ошар в своей статье об «Окаянных днях» называет их «этапным производением, начиная с которого круто изменилась творческая и личная судьба Бунина»⁹⁸. Также французская исследовательница считает, что для писателя «“Окаянные дни” были первой попыткой самовосстановления после пережитого потрясения»⁹⁹. Однако, на наш взгляд, эти слова с куда большим основанием могут (и должны) быть отнесены к «Великому дурману».

Без признания за этой лекцией по крайней мере одного из ключевых мест в творческой биографии Бунина трудно понять, каким образом прежний «подмаксимок», беллетрист и поэт якобы второго плана, заслоненный в глазах дореволюционной публики фигурами М. Горького, Л.Н. Андреева, А.А. Блока, сделался в эмиграции почти безоговорочным литературным лидером и корифеем, «живым классиком», «писателем земли русской», если и не равным Л.Н. Толстому и А.П. Чехову, то, во всяком случае, стоящим с ними в одном ряду. Нет сомнений в том, что начало такому превращению было положено именно в Одессе в годы Гражданской войны, и едва ли не главную роль в этом сыграл «Великий дурман».

⁹⁷ Бунин И. Заметки // Южное слово. 1919. 20 окт. (2 нояб.). № 51. С. 2.

⁹⁸ Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина. С. 101.

⁹⁹ Там же. С. 105.

Т.В. Марченко

«...МАЛО БУНИНСКОЙ АТМОСФЕРЫ, НУЖНА И БЛОКОВСКАЯ»:
ПОЭМА А.А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И.А. БУНИНА

Вспоминая о совместной работе с А.А. Блоком в затеянных после революции изданиях (помимо подготовки томов «Всемирной литературы» была предпринята публикация современных произведений), Евгений Замятин рассказывает: «Посыпались рукописи. Блоку приходилось давать рецензии о стихах — и я помню одну его — отточенную, острую; как и всегда на заседаниях, он не говорил, а читал по написанному (и рукопись этой его рецензии сохранилась). Один из поэтов, нанизанный на острие этой рецензии, просил меня достать у Блока его отзыв. Но на следующем заседании Блок сказал мне:

— Я не принес... Не нужно. Может, ему это очень важно — писать стихи. Пусть пишет»¹.

За пятнадцать лет до этого Блок умел так же беспощадно нанизывать на острие рецензий авторов несовершенных виршей. Снисходительностью и великодушием он тогда не отличался.

Одной из жертв убийственной критики Блока стал 4-й том собрания сочинений отнюдь не начинающего поэта Ивана Бунина. «Утекла живая поэзия, а всплыла мертвечина и вульгарность», — сокрушался Блок в своей второй рецензии на стихи Бунина (1908)². Неточное словоупотребление, риторические фигуры, высокопарные сентенции, размытые, стертые образы, необязательность появления того или иного стиха — Блок убедительно и хлестко, с раздражением мастера против плохо сделанной вещи прошелся по бунинским «дурным стихам и трескучим перепевам».

Александр Блок откликнулся на страницах «Золотого руна» на лирику Бунина дважды³, с перерывом в один год. Уже и в первой рецензии (1907) Блок не выражает восторгов от «строгой», «целомудренной» бунинской поэзии, но все же находит в ней те положительные качества, о которых можно сказать несколько приветливых слов. Более того, Блок утверждает: «Цельность и простота стихов и

¹ Замятин Е. Александр Блок / Замятин Е. Лица. N. Y., 1967. С. 18.

² Цит. по: Бунин И.А.: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / Сост. Б.В. Аверина и др. СПб., 2001. С. 270. Далее рецензия Блока цитируется по тому же изданию (С. 268–270).

³ Блок А. О лирике // Золотое руно. 1907. № 6. С. 45–47; *Он же*. Стихи Бунина // Там же. 1908. № 10. С. 48–50. Отклик С. Соловьева на третий том «Стихотворений» Бунина появился уже в первом номере нового журнала, с которым Бунин, по предложению Н.П. Рябушинского, даже начал было сотрудничать (Золотое руно. 1907. № 1. С. 89). Но именно после рецензии С. Соловьева с негодованием перестал: «Бунина нельзя назвать поэтом. Он стихотворец, и притом из плохих».

мировоззрения Бунина настолько ценны и единственны в своем роде», что следует «признать его право на одно из главных мест среди современной русской поэзии»⁴. Впрочем, Блок вполне резко судит об ограниченности бунинской лирики: «Так знать и любить природу, как умеет Бунин, — мало кто умеет. Благодаря этой любви поэт смотрит зорко и далеко и красочные и слуховые его впечатления богаты. Мир его — по преимуществу — мир зрительных и слуховых впечатлений и связанных с ними переживаний»⁵. Ни философии, ни психологии — сплошная физиология. Только бунинским стихам о русской природе Блок не отказывает в «мысли», в «раздумье»; как пример «безупречного и единственного в своем роде»⁶ стихотворения он приводит «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...») — и выбор самого Блока тоже нельзя не признать безупречным. Блок безошибочно обращает внимание на одно из тех стихотворений, из которого вырастет будущий замечательный писатель — однако прозаик, а не поэт.

Для Блока невыносима однообразная риторика Бунина, его «наклонность к морализированию» и одновременно — «отсутствию тех мятежных исканий, которые вселяют тревожное разнообразие в книги “символистов”»⁷. Бунинские сюжеты и образы вовсе не кажутся Блоку плоскими и неинтересными — ему неинтересны лирические медитации Бунина, менторская завершенность любой поэтической мысли, превращение поэтических находок в глянцевые картинки. Читая бунинские стихи, Блок делал пометы на полях книг⁸, и с некоторой долей спекулятивности можно реконструировать его впечатление от поэзии Бунина⁹. Многие в Бунине было Блоку безусловно чужим, даже отталкивало, но знакомство со стихами *другого* во всех отношениях поэта было отнюдь не поверхностным. Так, А.В. Лавров — со ссылкой на А.М. Туркова — указывает на параллель «Соловьиного сада» со стихотворением Бунина «Невольник», «впервые опубликованным в “Золотом руне” (1906. № 5) и вошедшим в сборник Бунина “Стихотворения. 1903–1906 гг.”, который Блок подробно охарактеризовал в статье “О лирике”»¹⁰.

Конечно, и первая рецензия Блока не осеяла бунинское чело лаврами, однако — как эпигону, подражателю Полонского и отчасти Тютчева — Бунину было отведено место в первых рядах современной русской литературы. И вдруг Блок, в 1907 г. возглавивший отдел критики «Золотого руна»¹¹, яростно набрасывается

⁴ Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2003. Т. 7: Проза (1903–1907). С. 68.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Там же.

⁸ Речь идет о двух изданиях Бунина: «Стихотворения» (Т. 2. СПб., 1903) и «Стихотворения 1903–1906» (Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1906. Т. 3). Сохранившиеся пометы А.А. Блока на полях книг Бунина представлены в изд.: Библиотека А.А. Блока: Описание: В 3 т. / Сост. О.В. Миллер и др. Л., 1984. Т. 1. С. 112–114.

⁹ См., напр.: Грякалова Н.Ю. А. Блок за чтением «Стихотворений» И. Бунина // Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 25. С. 132–140.

¹⁰ Лавров А.В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 232.

¹¹ Наряду с другими авторами (Л. Андреевым, Б. Зайцевым, Г. Чулковым) Бунин подписал коллективное письмо в редакцию «Золотого руна» о возобновлении сотрудничества с журналом как раз после появления в № 3 (март) за 1907 г. редакционного пояснения о новых задачах журнала и о том, что «вместо библиографического обозрения Редакция ввела критические обозрения, поручив их Александру Блоку» (Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2007. С. 763).

на новые стихи Бунина и не просто подвергает их уничижительной критике, но и безо всяких околичностей отказывает автору в праве вообще называться поэтом.

Никаких личных отношений между двумя столь несхожими представителями русской литературы рубежа XIX–XX вв. не было¹², и тем более болезненно Бунин воспринял появившуюся в печати рецензию: это было мнение, высказанное очевидно честно, хотя и нелицеприятно — редкостный образец литературной критики без оглядки на лица и звания. Отвечать, тем более публично, в печати, Бунину было, по существу, нечем: рецензия Блока хотя и написана в очевидном раздражении, но касается исключительно стихосложения, соотношения содержания и формы в лирике. Вступать в теоретическую полемику с поэтом, которого не просто вся Россия носила на руках, но за которым был университетский курс филологического образования, Бунину было явно не под силу. Только год спустя, в 1909 г., получив вторую Пушкинскую премию (как раз за раскритикованный Блоком третий, стихотворный, том своего собрания сочинений) и став почетным академиком по разряду изящной словесности, Бунин воспрянул и даже возгордился. Обида же осталась на всю жизнь.

Излить десять лет таимую желчь Бунину удалось благодаря внелитературным событиям. Несхожие во всем, Блок и Бунин по-разному восприняли октябрь 1917 г. и различно отнеслись к его последствиям. Послеоктябрьский путь обоих поражает только одним сходством — необычайной последовательностью шагов, сделанных обоими поэтами, безусловно верными лишь собственному художественному и политическому чутью. Долгие годы эмиграции Бунин вымещает на личности и творчестве трагически рано и страшно ушедшего из жизни Александра Блока не просто уязвленное самолюбие поэта, недооцененного другим поэтом. Бунину тяжело было сознавать, что ему не нашлось места среди небожителей Серебряного века, что он не вошел в число тех поэтов, которым суждено было реформировать русский стих и оказать сильнейшее воздействие на умонастроения соотечественников. И даже еще сложнее: Бунину так и не удалось постигнуть, в силу особенностей собственного дарования, образно говоря, «невнятицу Фауста Второго» (М.И. Цветаева): всю жизнь стремившийся к исключительной словесной точности и ясности, Бунин не оценил и не открыл для себя поэзии символизма, осмеивая всех его представителей чохом, от Бальмонта и Брюсова до

¹² Осенью 1906 г. Бунин жил в Петербурге, посещал «литературные собрания, где входил в славу Блок и другие символисты» (*Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина: 1870–1906. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М., 1989. С. 256*). В октябре 1907 г. В.Н. Муромцева записывает среди прочих петербургских впечатлений: «...Ян побывал у Блока и приобрел у него стихи, заплатив по два рубля за строку. Блок произвел на него впечатление воспитанного и вежливого молодого человека» (Там же. С. 406). В апреле 1908 г. в московском «Руле» была опубликована подборка пародий на современных писателей в «весеннем жанре». Начиналось это «наступление весны» с насмешки над стихами Бунина, заканчивалось — столь же беззлобной насмешкой над стихами Блока и Вяч. Иванова. И Бунин («И вновь я буду петь о галке...»), и Блок («И продавцы с цветами вялыми / "Фиалки, ландыши!" — кричат...»), как и прочие пародируемые авторы, являются совершенно неотличимыми друг от друга в скромном обывательском облике, погруженными в сугубое мелкотемье (см.: *Руль. 1908. 2 апр. № 70. С. 3*). В сохранившихся письмах Бунина за этот период имя Блока ни разу не упоминается (см.: *Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов*).

Белого и Блока¹³. А ведь именно в слепоте к прозрениям и прорывам символизма Блок Бунина и обвинил.

Кажется, литературная ревность и была главной причиной, по которой Бунин «проглядел» Блока¹⁴. Ослепительное новаторство Блока, его постоянное движение, развитие, неизменное достижение новых вершин в русской поэзии и создание очевидных шедевров не могло не задевать Бунина¹⁵, которому всю радость от собственного творчества и собственных успехов отравляла почти несмыываемая печать эпигонства, поставленная при его литературном дебюте. Революционные события, слишком по-разному воспринятые Блоком и Буниным, дали последнему возможность высказаться о «низком падении» русской литературы предреволюционных десятилетий, которая «настолько потеряла ум, вкус, такт, совесть и даже простую грамотность», что «в ней считаются событием даже нарочито хамские, кощунствующие именем Христа и Его Двенадцати Сподвижников вирши Блока!»¹⁶. Ни уход Блока из жизни, ни новый творческий подъем Бунина в эмиграции не изменили раз и навсегда занятой позиции: автор «Двенадцати» и «Скифов» в бунинском сознании оказывался прочно связанным с ненавистным большевизмом, и, значит, всю его предшествующую поэзию можно было воспринимать как духовную подготовку революции и разложение русского общества¹⁷.

Все это не ново¹⁸. Имя Блока часто мелькает в публицистике Бунина — разумеется, в неизменно негативном контексте. Нетрудно заметить, что и на страницах дневниковых записей Бунина Блок быстро «становится составной частью

¹³ Ср. оценку Брюсовым бунинского «ветхозаветного стиха» (т. е. сопоставимого с поэзией второй половины XIX в.), порой напоминающего «скудную прозу»: «Вся метрическая жизнь русского стиха последнего десятилетия (нововведения К. Бальмонта, открытия А. Белого, искания А. Блока) прошла мимо Бунина» (*Брюсов В.Я. Далекие и близкие: Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней.* М., 1912. С. 155–156).

¹⁴ «Несмотря на свое художественное чутье, он проглядел в Блоке и в его поэзии все, что в ней было подлинно драгоценного, и со стоическим упрямством останавливался только на блоковских срывах», — справедливо отмечает мемуарист (*Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям.* М., 2005. С. 153).

¹⁵ Стихи Блока, которые знала наизусть вся Россия, появляются в прозе Бунина в резко негативном осмыслении, в частности «Незнакомка», ставшая визитной карточкой петербургских проституток («Петлистые уши»; ср. описание массового явления «незнакомок» в изд.: *Турков А. Александр Блок. 2-е изд., испр.* М., 1981. С. 120), или «Девушка пела в церковном хоре...», с фальшивым пафосом декламируемая героиней («Митина любовь»).

¹⁶ *Бунин И.А. Страшные контрасты // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова.* М., 1998. С. 22. Впервые опубли.: *Одесские новости.* 1918. 10 нояб. № 10839.

¹⁷ В том, что это часть его антибольшевистского символа веры, убеждают уже послевоенные бунинские эссе, «Гегель, фрак, метель» и «Третий Толстой» (вошли в сборник рассказов и воспоминаний «Под серпом и молотом» 1949 г.), в которых престарелый нобелевский лауреат не поступает своим прежним мнением о послереволюционном творчестве и деятельности Блока.

¹⁸ Бунинская эмигрантская антиблокиана обширна, мемуаристы охотно фиксируют эпатажное поведение Бунина. Эффектно рассказала о выходках Бунина Н.Н. Берберова: «Однажды Г.В. Иванов и я, будучи в гостях у Бунина, вынули с полки томик стихов о Прекрасной Даме, он был весь испещрен нецензурными ругательствами, такими словами, которые когда-то назывались “заборными”. Это был комментарий Бунина к первому тому Блока. Даже Г.В. Иванов смутился. “Забудем это”, — шепнула я ему» (*Берберова Н. Курсив мой: Автобиография.* М., 1996. С. 296). Доходило до абсурда: «И совсем он не был красивый, — однажды воскликнул Бунин, говоря о Блоке, — я был красивее его!» (Там же).

вполне определенного логического ряда», а его имя неизменно упоминается в связи с бесчинствами большевиков¹⁹. Мемуаристы, знавшие Бунина долгое время (Г.Н. Кузнецова) или недолго, но тесно общавшиеся с ним (А.А. Бахрах²⁰), оставили достаточно красноречивые свидетельства далеко заходившего и, быть может, с годами остывшего и лишь подогреваемого — дабы сохранить у современников впечатление о незыблемости литературных взглядов и вкусов — неприятия Буниным Блока. В конце концов Г.В. Адамович, которому наскутила эта однообразная, утомительная и унижительная уже для самого Бунина игра в ненависть к Блоку, поставил его в одном из писем перед любопытной альтернативой.

Имя Блока так или иначе мелькает в переписке престарелых мэтров литературного зарубежья конца 1940-х гг. В письме от 19 сентября 1949 г., как будто согласившись в отрицании Буниным стилистики Блока, Адамович уверяет упрямого нобелевского лауреата, что у Блока «в дыхании каждой его строчки душа его живет»: «Я удивляюсь всегда именно тому, — нажимает на больное бунинское самолюбие Адамович, — что Вы — как будто *насквозь* людей видя — *тут* делаете какую-то страшную ошибку, которая в конечном счете против Вас же и обратится, если не теперь, то на “весах истории”. Вся разница между Блоком и Андреевым в том, что Андреев был актером, а Блок им не был. И связан Блок вовсе не с Пушкиным, а с Толстым»²¹. Несколько месяцев спустя, в письме от 7 января 1950 г., Адамович вновь возвращается к «неотразимости» «музыкальной сущности» Блока и к тому, что этот «гранит» (критика Блока) Бунину не по зубам. Адамович чрезвычайно тонко играет на художественных амбициях Бунина, намекая, что тот не слышит «верности тона», «вчитывается», а не «вслушивается» в «музыку» блоковской поэзии²², т. е., видя внешнюю порой «невнятность» и «безвкусию», не способен проникнуть сквозь них в суть подлинной поэзии. Ответные письма Бунина не уцелели, но вряд ли он остался нечувствителен к коварному ходу Адамовича, ибо, и признав, и не признав правоту критика в отношении Блока, Бунин все равно должен был бы сознаться во вторичности собственных стихов.

В эмиграции Бунин стихов почти не пишет, зато обогащает свою «музыкальную» прозу многими формальными приемами лирики. Показательно, что в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева», вспоминая о начале своих

¹⁹ Смирнов С.В. Бунинские обращения к Блоку // Александр Блок и мировая культура: М-лы международн. науч. конф. 14–17 марта 2000 г. Великий Новгород, 2000. С. 264.

²⁰ А. Бахрах свидетельствует, что Бунин «по-настоящему интересовался» Блоком, «составил целое “досье” с выписками из его статей, писем, дневников» и при случае «убивал» оппонента цитатой, т. е. интерес бунинский был исключительно направлен на развенчание. «Иногда он начинает распевать на мотив шансонетки какие-нибудь строки из “Двенадцати”, ворча “какая пошлость” и уверяя, что частушечный лад поэмы — грубая подделка, дешевое желание подладиться под неприятельного читателя, — вспоминал Бахрах. — Особенно его раздражало вставленное Блоком в поэму слово “электрический” (“Электрический фонарик / На оглобелях...”), и он утверждал, что никакой Петруха такого словечка и произнести не смог бы. “Всё подделка”» (Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. С. 117–118).

²¹ Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 91. Выделено в цитируемом издании.

²² Там же. С. 94.

занятий литературой, Бунин сосредоточен на творческих муках прозаика — что писать и о чем писать, а вовсе не поэта. Стихи свои, между тем, Бунин высоко ценил всю жизнь и уже в преклонном возрасте, во время войны, работая над «Темными аллеями», записывает в дневнике: «Перечитывал... свои “Избр<анные> стихи”. Не постигаю, как они могли быть не оценены!»²³ Даже и в этой записи нельзя не уловить отголоска незабытой обиды на вполне конкретного рецензента.

Давняя рецензия неизменно бередила рану, но самым сильным болевым шокком стала для Бунина поэма Блока «Двенадцать», появившаяся в конце зимы 1918 г.²⁴ Мысли Бунина заняты ею неотступно, что прорывается в его одесских записях, особенно когда речь заходит «про грабежи и погромы»: «Это называется, по Блокам, “народ объят музыкой революции — слушайте, слушайте музыку революции!”»²⁵ В Париже полемический отпор образам блоковских «Двенадцати» остается для Бунина по-прежнему актуальным: «Как смеете вы отождествлять прекраснейшие в небесах и на земле Уста, говорившие о величайшей нежности, красоте и кротости, о птицах небесных... — с хайлом, с пастью, дико орущей “Сарынь на кичку! Грабь, жги, убивай, насилуй!”»²⁶ Неприятие было полным и бесповоротным, под стать столь же категоричному неприятию большевистской революции. В программной речи «Миссия русской эмиграции» (1924) не забыты пресловутые «тра-та-та, без креста!». Замечательно, что Бунин куда осторожнее в личных выпадах, нежели в Одессе, где он выступал с лекцией «Великий дурман», — аудитория в Париже другая, но камешки летят все в тот же огород: «Не пора ли оставить эту бессердечную и жульническую игру словами, эту политическую риторику, эти литературные пошлости?»²⁷

В то же время трудно не заметить близости «Окаянных дней» Бунина и «Двенадцати» Блока, близости, проистекающей прежде всего из предмета изображения. Едва ли не все тексты — «публицистика, эпистолярный, дневниковые записи Бунина и Блока свидетельствуют о том, что... <их> внутреннее “стяжение” рождено сходной реакцией на духовную атмосферу времени и родственными представлениями о Прекрасном»²⁸. В самом начале апокалиптических времен, на рубеже 1917–1918 гг., оба поэта оказались в «своих» столицах, Петербурге и Москве, охваченных страшной революционной смутой и зимней непогодой. Только небольшой временной промежуток отделяет время действия в «Двенадцати» («От зда-

²³ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M, 1982. Т. 3. С. 151.

²⁴ Впервые опубл.: Знания труда. 1918. 3 марта (18 февр.). № 147; отдельным изданием со вступительной статьей Р.В. Иванова-Разумника вышла в 1918 г. в Одессе. За год поэма появилась на страницах одесской прессы еще четыре раза, так что быстрое знакомство Бунина с «Двенадцатью» не удивительно.

²⁵ Бунин И.А. Окаянные дни: К двадцатилетию со дня смерти И.А. Бунина (8 ноября 1953) / Вступ. ст. и примеч. С.П. Крыжицкого. London (Ontario): Заря, 1973. С. 134.

²⁶ Он же. Литературные заметки <1922> // Бунин И.А. Публицистика. С. 144.

²⁷ Он же. Миссия русской эмиграции // Там же. С. 154.

²⁸ Дякина А.А. И. Бунин и А. Блок: Соотношение творческих индивидуальностей поэтов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992. С. 6.

ния к зданию / Протянут канат. На канате — плакат: / “Вся власть Учредительному Собранию!”²⁹) от первых записей бунинского дневника об «окаянных днях» («огромная новость: “Учредительное Собрание” разогнали!»³⁰). Поэма датирована январем 1918 г., когда начинаются записи в «Окаянных днях»³¹.

В дневниковых записях Бунина, как и в поэме Блока, первым возникает буквально один и тот же персонаж. Пораженный «необыкновенным» душевным подъемом и ослеплением интеллигенции, Бунин не одинок в своем ужасе — «встретил в Мерзляковском старуху. Остановилась, оперлась на костыль дрожащими руками и заплакала: — Батюшка, возьми ты меня на воспитание! Куда ж нам теперь деваться? Пропала Россия, на тринадцать лет, говорят, пропала!»³² Похожая старушка, только не московская, а петербургская, сокрушается в первой главе «Двенадцати»: «Старушка убивается — плачет... / Старушка, как курица, / Кой-как перемотнулась через сугроб. / — Ох, Матушка-Заступница! / — Ох, большевики загонят в гроб!» Блок, всю жизнь рвавшийся к «мятежным стихиям», выпускает наконец стихию подлинного мятежа прямо с улицы в поэзию, не оставляя ни единого укромного уголка, где поэзия как искусство могла бы отогреться, принять привычное обличье гармонии и совершенства. Потому уличные прохожие первой главы словно и не имеют касательства к автору, он не завывает вместе с ними: «Погибла Россия», подобно «писателю — витии». Напротив, Бунин насквозь публицистичен, чувство ярости и боли переполняет его, эмоции захлестывают, он ищет солидарности именно с причитающей «Пропала Россия!» старушкой. Собственно, в «Окаянных днях» эти слова звучат рефреном: «Во дворе одного дома на Поварской солдат в кожаной куртке рубит дрова. Прохожий мужик долго стоял и смотрел, потом покачал головой и горестно сказал: — Ах, так твою так! Ах, дезелтир, так твою так! Пропала Рассея!»³³

То, что весь дневник будет наполнен гиперболизированным переживанием происходящего, можно предсказать уже по первой записи. Особенно красноречивы эпитеты: «проклятый год», дальше «нечто еще более ужасное», «кругом нечто поразительное», «почти все почему-то необыкновенно веселы»... Бунин отражает в своем дневнике и ужас, охвативший старушку, и мрачные пророчества «витии», и слезы («Уж мы плакали, плакали») барынь, и горести священнослужителя («Что нынче невеселый, товарищ поп?» — «На Петровке монахи колют лед. Прохожие торжествуют, злорадствуют: — Ага! Выгнали! Теперь, брат, заставят!»³⁴). Запись от 7 января 1918 г. кажется прозаическим дополнением, расширением все той же первой строфы блоковских «Двенадцати» — уличных зарисовок: «Ходили на Лубянку. Местами “митинги”. Рыжий, в пальто с каракулевым круглым воротником, с рыжими кудрявыми бровями, с свежесбритым лицом в пудре и с золоты-

²⁹ Здесь и далее «Двенадцать» А.А. Блока цит. по изд.: Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917–1921). С. 7–20.

³⁰ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 6.

³¹ Впервые цельным текстом «Окаянные дни» вышли только в десятом томе Собрания сочинений Бунина (Берлин: Петрополис, 1935).

³² Бунин И.А. Окаянные дни. С. 5.

³³ Там же. С. 10.

³⁴ Там же.

ми пломбами во рту, однообразно, точно читая, говорит о несправедливостях старого режима. Ему злбно возражает курносый господин с выпуклыми глазами. Женщины горячо и невпопад вмешиваются, перебивают спор (принципиальный, по выражению рыжего) частностями, торопливыми рассказами из своей личной жизни, долженствующими доказать, что творится черт знает что. Несколько солдат, видимо, ничего не понимают, но, как всегда, в чем-то (вернее, во всем) сомневаются, подозрительно покачивают головами.

Подошел мужик, старик с бледными вздутыми щеками и седой бородой клином, которую он, подойдя, любопытно всунул в толпу, воткнул между рукавов двух каких-то все время молчавших, только слушавших господ: стал внимательно слушать и себе, но тоже, видимо, ничего не понимая, ничему и никому не веря. Подошел высокий синеглазый рабочий и еще два солдата с подсолнухами в кулаках. Солдаты оба коротконоги, жуют и смотрят недоверчиво и мрачно. На лице рабочего играет злая и веселая улыбка, пренебрежение, стал возле толпы боком, делая вид, что он приостановился только на минуту, для забавы: мол, заранее знаю, что все говорят чепуху.

Дама поспешно жалуется, что она теперь без куска хлеба, имела раньше школу, а теперь всех учениц распустила, так как их нечем кормить:

— Кому же от большевиков стало лучше? Всем стало хуже, и первым делом нам же, народу!

Перебивая ее, наивно вмешалась какая-то намазанная сучка, стала говорить, что вот-вот немцы придут и всем придется расплачиваться за то, что натворили.

— Раньше, чем немцы придут, мы вас всех перережем, — холодно сказал рабочий и пошел прочь.

Солдаты подтвердили: «Вот это верно!» — и тоже отошли³⁵.

Женщины в толпе — «барыни» и проститутки («намазанная сучка» — «на время — десять, на ночь — двадцать пять...»), злбно-враждебные обывателям солдаты, вдруг наполнившие собой московские улицы, — бунинские «встречи в толпе» пересекаются с блоковскими в узнаваемо сходных персонажах. Но потрясенный происходящим Блок еще захвачен надеждами на преобразование мира, уверен в неслучайности происходящего, он включается в культурную работу, и, подобно Брюсову и Маяковскому из соседней записи, немедленно заклеивает Буниным на страницах «Окаянных дней» как пособник большевиков — т. е. тех, кто растлевают, губит, уничтожает тысячелетнюю Россию.

Записи о Брюсове и Маяковском включены в текст обособленно, как мини-зарисовки; к обоим Бунин относится без симпатии, обоим — особенно Маяковскому — изрядно окарикатуривает, однако никаких других чувств, кроме горько-ироничного изумления, по отношению к ним не испытывает. Как, впрочем, и ко многим другим, слишком быстро изменившимся общим знакомым. По поводу бытового поведения одного из них, обозначенного инициалом Р., Бунин даже восклицает: «Быстро падает человек!» Эта максима будто бы очень уж удрученного «падением» людей Бунина введена в текст не вдруг и не как попутный коммен-

³⁵ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 7–8.

тарий к упомянутому знакомцу. Вслед за рассказом об одном падении (приходит интеллигентный некогда человек в гости в голодное время и поедает весь чужой хлеб³⁶) следует история другого. Бунин едва не шипит, сообщая о факте очередного «обольшевичивания»: «Блок открыто присоединился к большевикам. Напечатал статью³⁷. <...> Песенка-то вообще не хитрая, а Блок человек глупый»³⁸. Пример этот не единичный, и их навязчивое повторение приводит С.В. Смирнова к справедливому выводу, что «в дневниках Бунина образ Блока возникает как символ крайнего падения художника и человека»³⁹.

Десять лет терзаясь второй блоковской рецензией, Бунин уже не помнит первую, в которой Блок верно подметил конститутивное свойство бунинского дара — в его основе лежит исключительно чуткое восприятие и отображение природы. Вот и в публицистических «Окаянных днях», словно просветы солнца в открывающихся на мгновение небесах, на общем мутном, грязном, позорном фоне вспыхивают вдруг пейзажные зарисовки. Сделанные с загаженной городской природы, они, как всегда у Бунина, поражают первозданной свежестью. (Заметим в скобках, что, вероятно, сам опыт публицистического жанра позволил Бунину осознать всю прелесть и мощь собственного дарования, когда он обращался к жизни природы — или мироздания, иными словами.) Вот описание Московского кремля: «Перед вечером. На Красной площади слепит низкое солнце, зеркальный, наезженный снег. Морозит. Зашли в Кремль. В небе месяц и розовые облака. Тишина, огромные сугробы снега. Около артиллерийского склада скрипит валенками солдат в тулупе, с лицом, точно вырубленным из дерева. Какой ненужной кажется теперь эта стража!»⁴⁰ Как ненужным кажется все дореволюционное, и особенно — столь нелюбимое Буниным предреволюционное, как «Третья стража» — «*Tertia vigilia*» — Брюсова, как вся непонятная Бунину, им непонятая и презираемая символистская поэзия!

Природа — этот синоним вечности — Бунину внятна и проста, несмотря на всю ее неразгаданность, изумительное и безграничное многообразие. Природа — настоящая, сущая, и даже если «Бога нет» (то, до чего додумается эмигрантская поэзия в одном из самых щемящих стихотворений Г. Иванова), то природа-то есть — и, значит, при наличии создания остается неотменяемым Создатель. Не приемлет Бунин другого и, не видя в отличие от Блока подлинности происходя-

³⁶ Этот эпизод откровенно напрашивается на сравнение с рассказом Н. Берберовой о попытке угостить друзей полуфунтом чайной колбасы в августе 1945 г.: «В столовой накрыла на стол, нарезала двенадцать кусков серого хлеба и положила на них двенадцать ломтиков колбасы. <...> Пока я разливала чай, гости перешли в столовую. Бунин вошел первым, оглядел бутерброды и, даже не слишком торопясь, съел один за другим все двенадцать кусков колбасы. Так что, когда остальные подошли к столу и сели... им достался только хлеб. Эти куски хлеба... выглядели несколько странно и стыдно» (Берберова Н. Курсив мой. С. 501). Упрек слишком очевиден: человек не настолько голоден, если оставляет хлеб (бунинский герой послереволюционной эпохи ест как раз хлеб); количество же гостей — двенадцать — представляется не случайным совпадением, а рассчитанной на *sapientia sat* литературной отсылкой.

³⁷ «Интеллигенция и революция» появилась в печати 9 января 1918 г.

³⁸ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 9.

³⁹ Смирнов С.В. Бунинские обращения к Блоку. С. 264.

⁴⁰ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 12.

щих событий, не умея понять и объяснить их подоплеку, мучительно переживает фальшь, искусственность, ненормальность происходящего. Как он всю жизнь не выносил театра, так не выносит теперь того, в чем не видит никакого «движения народных масс» (и люто ополчается против подобных штампов), а видит «во всем игру, балаган, “высокий” стиль, напыщенную ложь...»⁴¹ «Балаганчик» — еще одно ключевое, блоковское слово из дореволюционного культурного сознания.

Ужаснувшая Бунина смута не столько разбудила, сколько растравила в нем чувство глубинной связи со всей тысячелетней Русью, в каком бы облики — избытка, изобилия или убогой нищеты — она ни являлась: «В шесть вышли. Встретили М. Говорит, что только что слышал, будто Кремль минируют, хотят взорвать при приходе немцев. Я как раз смотрел в это время на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... Великие князья, теремá, Спас-на-Бору⁴², Архангельский собор — до чего все родное, кровное и только теперь как следует почувствованное, понятое! Взорвать? Все может быть. Теперь все возможно»⁴³. Ему представляется, что Блок в «Двенадцати» движим как раз противоположным чувством, желанием погубить, разрушить эту дорогую бунинскому сердцу страну: «Товарищ, винтовку держи, не трусь! / Пальнем-ка пулей в Святую Русь — / В кондовую, / В избяную, / В толстозадую! / Эх, эх, без креста!»

Пolemичность по отношению к послереволюционным выступлениям Блока («Интеллигенция и революция» и «Двенадцать») составляет обнаженный нерв собственной публицистики Бунина. Он понимает, что возражать нагану, возражать террору и леденящему днем и ночью «тра-та-та» невозможно, и тогда в качестве ответчика за все творимые новой властью преступления избирает Блока. О диалоге, о споре нет и речи; попытки Блока объясниться («“Россия гибнет”, “России больше нет”, “вечная память России”, слышу я вокруг себя. Но передо мной — Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели. <...> Россия — буря»⁴⁴), призывы «слушать музыку революции» и художественные опыты отражения этой «музыки» только сильнее разъяряют Бунина.

Он без устали фиксирует настроение толпы, выплескивающееся в репликах случайных встречных прохожих в разных местах Москвы; мелькают типажи — лакеи, извозчики, солдаты, «бабы» и «дамы», раздаются резкие голоса, и вся накаленная атмосфера послереволюционных месяцев, с жуткой достоверностью и репортерской точностью воссозданная Буниным, идеально соответствует поэтиче-

⁴¹ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 14. Ср. также: «...одна из самых отличительных черт революций — бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана» (Там же. С. 49); «Посмотрел газеты. Все тот же балаган» (Там же. С. 91) или даже — «всю эту балаганщину» (Там же. С. 56).

⁴² Собор Спаса Преображения на Бору, один из древнейших памятников московского зодчества (XIV в.) — первоначально собор Спасского монастыря, затем дворцовая церковь — располагался за Теремным дворцом Московского Кремля; был снесен 1 мая 1933 г.

⁴³ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 25–26. Ср. заметку «В этот день» <1919> (Бунин И.А. Публицистика. С. 27–29).

⁴⁴ Блок А.А. Интеллигенция и революция. Цит. по: Блок А. Россия и интеллигенция. Берлин, 1920. С. 11.

скому сгустку Блока: «Злоба, грустная злоба / Кипит в груди... / Черная злоба, святая злоба...» У Блока — всего «двенадцать человек», не больше, чем евангельских апостолов; у Бунина — весь многонаселенный город, но сколько бы он ни слышал, ни видел и ни записывал, едва ли не всякая его запись оказывается разрастающейся иллюстрацией к строкам блоковской поэмы: «И ни души кругом, только изредка солдаты и б—и»⁴⁵; «Рота красногвардейцев. Идут вразнобой, спотыкаясь, кто по мостовой, кто по тротуару. “Инструктор” кричит: “Смирно, товарищи!” Газетчик, бывший солдат: — Ах, сволочь паскудная! На войну идут и девок с собой берут! Ей-Богу, барин, гляньте — вот один под ручку с своей шкурой!»⁴⁶ Оба поэта видели те же сцены на улицах обеих столиц, и хотя способ их художественной фиксации оказывался совершенно различным, очевидно, что оба ни на йоту не отступали от действительности. Бунин то и дело коробит: «В магазине Белова молодой солдат с пьяной, сытой мордой предлагал пятьдесят пудов сливочного масла и громко говорил:

— Нам теперь стесняться нечего. Вон наш теперешний главнокомандующий Муралов такой же солдат, как и я, а на днях пропил двадцать тысяч царскими.

Двадцать тысяч! Вероятно, восторженное создание хамской фантазии. Хотя, чорт его знает, — может, и правда»⁴⁷. Правда, правда, словно подтверждает Блок, предлагая полюбоваться разнузданными (таковы они и у Бунина) Ваньками и Катьками: «— А Ванька с Катькой — в кабаке... / — У ей керенки есть в чулке! / — Ванюшка сам теперь богат... / — Был Ванька наш, а стал солдат! / — Ну, Ванька, сукин сын, буржуй...» Невероятная творческая удача Блока произвела на Бунина эффект удивительный: оживший лубок, с невиданной в русской литературе смелостью введенная в поэму уличная толпа, город с его слухами и страхами, пальбой и гульбой — словом, все то, что видел и переживал сам Бунин, в блоковском воспроизведении оскорбило его так, словно Блок был автором не только поэмы, но и всей революции в целом. Бунин категорически отделял себя от «сытых морд» расплодившегося Хама, почему-то уверив себя, что Блок, напротив, воспел «толстомордню Катьку», как некогда Прекрасную Даму.

Свидетельства кровавых расправ, грабежей, бессмысленных жестоких убийств, которыми переполнены страницы «Окаянных дней», прямо переклика-

⁴⁵ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 36.

⁴⁶ Там же. С. 43–44. Этот эпизод удивительно перекликается с темой двух влюбленных подростков, вовлеченных в вихрь революционных событий и в своей чистой доверчивости и преданности именно подобным образом увиденных глазами злобствующих обывателей в «Карьере Ругонов» Э. Золя. С ненавистью и страхом смотрят попятавшиеся «буржуа» на ликующую толпу восставшего народа: «Какой сброд! — бормотал майор, облокотясь на подоконник, как на бархатный барьер театральной ложи. — И подумать только, что нет ни одной батареи, чтобы смести эту шваль!

Он заметил Мьетту и добавил...

— Взгляните-ка, господин мэр, на эту высокую девушку в красном, — вон там. Какой позор! Они тащат за собой своих девок. Если так будет и дальше, чего мы только ни увидим!» (Золя Э. Собр. соч.: В 26 т. М., 1962. Т. 3. С. 231). Параллель, конечно, не вполне точная: французский писатель не просто изображает толпу, он стремится разглядеть в ней отдельные лица и судьбы, понять мотивацию революционного бунта; он не ужасается, он сочувствует. В этом смысле его позиция, конечно, гораздо ближе блоковской, чем бунинской.

⁴⁷ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 18–19.

ются с главами 6–8 блоковской поэмы. Убийцы и грабители, подобные питерскому Петрухе со товарищи, встречались Бунину на каждом московском перекрестке: «На углу Поварской и Мерзляковского два солдата с ружьями. Стража или грабители? И то и другое»⁴⁸. Эти бандитские апостолы одинаково обмундированы и экипированы у Бунина и Блока, совпадают их повадки и речи, не говоря уж об их «героических» деяниях против буржуев, против «деспотов»: «...И идут без имени святого / Все двенадцать — вдаль. / Ко всему готовы, / Ничего не жаль...» Бунин, которого столь безмерно раздражало «коверкание» русского языка этими «апостолами» («елекстрический фонарик»), сам очень не чужд воспроизведения того «хамского» языка, который вдруг так громко и нагло зазвучал вокруг.

Своеобразная ли форма «Двенадцати» оттолкнула Бунина, использование ли речевых масок, с гротескными стиливыми сдвигами, с жанровыми стилизациями, с «уличным» мещанским языком при необычном отсутствии лирического элемента и субъективного авторского взгляда, — но Бунин счел «Двенадцать» трибуной торжествующего большевизма, а Блока не уставал клеймить за «глупость» и «низость»: «“Блок слышит Россию и революцию, как ветер...” О, словоблуды! Реки крови, море слез, а им все нипочем»⁴⁹. Напрасно взывал Блок к интеллигенции, уговаривая ее не отчаиваться и не озлобляться, напрасно доказывал, что не стоит отождествлять с громилами и жуликами весь темный, брошенный в революционный пожар русский народ: «На глазах — сотни жуликов, а за глазами — миллионы людей, пока “непросвещенных”, пока “темных”. Но просветятся они не от вас. Среди них есть такие, которые сходят с ума от самосудов, не могут выдержать крови, которую пролили в темноте своей; такие, которые бьют себя кулаками по несчастной голове: мы — глупые, мы понять не можем; а есть и такие, в которых еще спят творческие силы; они могут в будущем сказать такие слова, каких давно не говорила наша усталая, несвежая и книжная литература»⁵⁰.

Некогда Блок безжалостно отчитал Бунина за «дурные», «вульгарные» стихи. С появлением «Двенадцати» Бунин начал действовать по принципу «мне отпущение, и аз воздам». Теперь он не устает обвинять Блока в претенциозности, заигрывании с властями, словоблудии и пошлости: «Да, мы надо всем, даже и над тем несказанным, что творится сейчас, мудрим, философствуем. Все-то у нас не веревка, а “вервие”, как у того крыловского мудреца, что полетел в яму, но и в яме продолжал свою элоквенцию. Ведь вот и до сих пор спорим, например, о Блоке: впрямь его ярыги, убившие уличную девку, суть апостолы или все-таки не совсем? Михрютка, дробящий дубиной венецианское зеркало, у нас непременно гунн, скиф, и мы вполне утешаемся, налепив на него этот ярлык»⁵¹. Даже объяс-

⁴⁸ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 27.

⁴⁹ Там же. С. 54. Слышали же оба, увы, одни и те же немзыкальные звуки: «Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!», 6-я глава; Трах-тах-тах! — И только эхо / Откликается в домах... / Только вьюга долгим смехом / Заливается в снегах... / Трах-тах-тах! / Трах-тах-тах...», 12-я глава «Двенадцати». Ср. в «Окаянных днях»: «...и вдруг вскакиваешь среди ночи с бешено заколотившимся сердцем: где-то трах-трах-трах, иногда где-то совсем близко, точно каменный град по крышам, — вот оно, что-то таки случилось, кто-то, может быть, напал на город — и конец, крах этой проклятой жизни!» (С. 64).

⁵⁰ Блок А.А. Интеллигенция и революция. С. 23.

⁵¹ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 97.

нение повороту в творчестве и мыслях Блока Бунин находит без труда: «Русская литература развращена за последние десятилетия необыкновенно. Улица, толпа начала играть очень большую роль. Все — и литература особенно — выходит на улицу, связывается с нею и подпадает под ее влияние. И улица развращает, нервирует уже хотя бы по одному тому, что она страшно неумеренна в своих хвалах, если ей угождают»⁵².

Именно таким «угождением толпе» безоговорочно стала для Бунина поэма Блока «Двенадцать». Бунин никак не мог понять, почему столь немногие чувствуют и осознают, как он сам, — «пропала», «погибла» Россия. Оксюморонные сдвиги в разорванных ритмах «Двенадцати» (идущие «державным шагом» грабители и убийцы, Ваньки и Петрухи в «шинелишках солдатских» с трофейным «австрийским ружьем») не были Буниным замечены, опознаны, и потому он прочитал поэму как апофеоз большевизма. Блок запечатлел неотвратимость происшедших перемен, безусловную «ненужность» и гибель старого мира («пес безродный», «шелудивый»), в трагическом хаосе революционной эпохи почувствовал необратимый ход истории. Для Бунина история России была однозначно связана только с ее прошлым, и его отказ увидеть ее возрождение в будущем отражен в одной из самых пронзительных записей «Окаянных дней».

Бунин вспоминает свой последний приезд в Петербург между двух революций: «В мире была тогда Пасха, весна, и удивительная весна, даже в Петербурге стояли такие прекрасные дни, каких не запомнишь. А надо всеми моими тогдашними чувствами преобладала безмерная печаль. Перед отъездом был я в Петропавловском соборе. Все было настезь — и крепостные ворота, и соборные двери. И всюду бродил праздный народ, посматривая и поплеывая семечками. Походил и я по собору, посмотрел на царские гробницы, земным поклоном простился с ними, а выйдя на паперть, долго стоял в оцепенении: вся безграничная весенняя Россия развернулась перед моим умственным взглядом. Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным. Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование...»⁵³ Для Бунина — во всяком случае, в тот исторический момент — Россия казалась погибшей безвозвратно.

«Окаянные дни» — особый публицистический дневник. Постепенно в общем тоне негодования, ярости, «бешенства» прорывается лирическое уныние, и становится ясно, что Бунин отпевает Россию. Финал «Окаянных дней» — это зауспокойная лития, переход в иные миры: Россия перестала существовать, Бунин отправляется в изгнание. В «Окаянных днях» он простился и с Россией деревенской, и с Россией столичной и в последний раз смотрит на нее «с этого берега», из Одессы, выбрав для прощания «чистое, тихое место во всем городе. Вид оттуда необыкновенно печальный, — вполне мертвая страна. <...> И все-таки в саду чудесно, безлюдие, тишина. Часто заходим и в церковь, и всякий раз восторгом до слез охватывает пение, поклоны священнослужителей, кажение, все это благолепие,

⁵² Бунин И.А. Окаянные дни. С. 81–82.

⁵³ Там же. С. 89.

пристойность, мир всего того благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание. И подумать только, что прежде люди той среды, к которой и я отчасти принадлежал, бывали в церкви только на похоронах! Умер член редакции, заведующий статистикой, товарищ по университету или по ссылке... И в церкви была все время одна мысль, одна мечта: выйти на паперть покурить. А покойник? Боже, до чего не было никакой связи между всей его прошлой жизнью и этими погребальными молитвами, этим венчиком на костяном лимонном лбу!» Именно на этих словах «обрываются... одесские заметки» Бунина⁵⁴.

Последними словами «Окаянных дней» стало упоминание о том «венчике», который на Руси, обряжая покойников, кладут им на лоб (обычно это бумажная лента с молитвой). В «венчике» шел в финале «Двенадцати» — с «кровавым флагом» — Иисус Христос. Даже если совпадение и случайно, бунинская «погребальная молитва» по погибшей и отпетой России невольно соотносится с финалом поэмы Блока. Да Бунин и не скрывает зависимости многих своих публицистических образов от блоковских строк. Публикуя спустя десять лет после революции фрагменты своей «Записной книжки», Бунин вспоминает пьяного писаря в московском трамвае в дни Февральской революции: «— Покойнички! Кутья, венчики, во блаженном усении! Ну, да ничего, скоро уж, скоро! Будет вам хо-рошая музыка! — Так услышал я про эту музыку впервые — от писаря. А второй раз через год после этого — от Блока. <...> Кстати о Блоке»⁵⁵. Далее следует пространная выписка из опубликованных посмертно рукописей Блока, извлечения из замысла «о жизни Иисуса», «писанного с маленькой буквы» и явленного в еще более кошунственном, «чудовищно пошлом» виде⁵⁶, нежели в облике «танцующего... Христосика в белом венчике из роз»⁵⁷.

Чудесным образом возникающий в последних строках «Двенадцати» Христос, изнеженно-изысканный, «грациозный, легкий, украшенный розами» (М.М. Пришвин)⁵⁸, еще и потому так сильно воздействует на читателя, поражает почти в физическом смысле слова, что его явление в финале балаганно-кровавого, «без имени святого» действия поэмы *немыслимо*. И потому так внезапно, ослепляя, концовка ударяет читателя — если не буквально сбивает его с ног, то, во всяком случае, лишает опоры в привычных представлениях. «Не так» поэма должна была завершаться; а как? Читательское ожидание не обмануто — оно потрясено, уничтожено, и рациональная готовность к *любому* иному завершению поэмы повержена ниц *иррациональным видением*.

Писателю редко удается совершить столь непостижимый прорыв — от самых низших проявлений человеческой природы в горни выси. Может быть, пушкин-

⁵⁴ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 182–183.

⁵⁵ Он же. Записная книжка // Бунин И.А. Публицистика. С. 234. Впервые опубли.: Возрождение. 1927. 13 февр. № 621. С. 2.

⁵⁶ Он же. Записная книжка. С. 235.

⁵⁷ Он же. Миссия русской эмиграции // Там же. С. 159.

⁵⁸ [Приходько И.С.] Комментарий // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 326. М.М. Пришвин подозревал, что этот образ — «самообожествление», что Христос финала «Двенадцати» — это Поэт, или сам А.А. Блок.

ский «Пророк» содержит такую метаморфозу, но Пушкин обращается к ветхозаветному источнику (Ис. 6: 6), а чудо превращения «труппа» в глашатая Господней воли подготавливается сюжетом и всем образным строем стихотворения. В блоковских «Двенадцати» содержится прямая проекция на Евангелие, если подумать о нем не с точки зрения «святого благовествования», а с точки зрения исторической: мятежная римская провинция, по дорогам рыщут разбойники (среди прочих Дисмас и Гестас), бредут мытари, блудницы, нищие проповедники; ради сохранения власти можно перебить невинных младенцев или распять того, кого облыжно обвинили в посягательстве на власть цезаря и кому написали на кресте — в назидание — «царь иудейский»... В этом беспокойном мире, где толпу легко обольстить, напоив ее вином, накормив двумя рыбами и пятью хлебами, только три подлинных чуда заставляют содрогнуться от явления в них сверхчеловеческих тайн: Рождество, Преображение, Воскресение Спасителя.

То, что раскрывается в финальных строчках поэмы Блока «Двенадцать», словно соединяет в себе Преображение (Христос, явившийся ученикам в блистающих, снежной белизны одеждах) и Воскресение (с неизбежностью прозреваемой Голгофы)⁵⁹. Не почувствовав того, как вся блоковская поэма проникнута Евангелием, Бунин и счел ее финал святотатством⁶⁰. Откликнувшись в 1922 г. на выход второго издания сборника-манифеста «Смена вех», Бунин цепляется к «стихотворцу Блоку», который, «оказывается... “видел под знаменем революции светлого Христа... верил в русский народ и во Христа, пребывающ<его> с этим народом, а значит, и в хулиганском кощунстве внешнего безбожия!”»⁶¹. «Но позвольте, — вопрошает Бунин, — чем я хуже Блока и разве я меньше насмотрелся и на “знамя”, и на “народ”, однако же не видел я Христа, а видел только кровавое свиное рыло». И еще чуть дальше: «...да и почему это только на Святой Руси Христос должен принимать именно такую внешность?»⁶²

Внешний облик Христа, обрисованный вразрез со всеми возможными иконографическими традициями, смущал не одного Бунина. Впрочем, его коробило «отождествление» Христа с дикой, подлой, «зоологической» ордой; ужасало соединение «прекраснейшего», «чистейшего» со «зловонной, смертоносной» действительностью революции. Ослепительную белизну этого сотканного из снежной вьюги образа можно объяснить обликом Христа в момент Преображения на горе Фаворской. Собственно, в зачинах первых, разделивших мир на привычный и революционный, глав поэмы — «Черный вечер, / Белый снег», «Идут двенадцать человек» — уже и «закольцованы» ее финальные строки. Все те же «двенадцать»

⁵⁹ Ср. дневниковую запись В.Н. Муромцевой-Буниной от 2 марта 1919 г.: «...Волошину очень нравится “Двенадцать”; он видит, что красногвардейцы расстреливают Христа, и он сказал: — Я берусь доказать это с книгой в руках» (Устами Буниных. Т. 1. С. 210).

⁶⁰ Спустя годы Бунин так вспоминал главные умонастроения эпохи: «Богохульство, кощунство, одно из главных свойств революционных времен...»; «При большевиках всяческое кощунственное непотребство расцвело уже махровым цветом» («Автобиографические заметки», включенные в книгу «Под серпом и молотом» 1949 г.).

⁶¹ Бунин И.А. Литературные заметки // Бунин И.А. Публицистика. С. 144. Впервые опубли.: Слово. 1922. 14 авг. № 8. С. 2.

⁶² Там же. Курсив Бунина.

шагают в двух последних главах⁶³ в опустевшем мире, где остались только снег и тьма, но из снега «соткался» образ Христа, он стал более явным, он «явился». Но, между прочим, и Иоанну Богослову Христос явился не просто в нестерпимом сиянии, но и в ослепительной белизне: «Глава Его и волосы белы, как белая вълна, как снег» (Откр. 1: 14). Финал «Двенадцати» — это словно пролог к «откровению», к Апокалипсису наших дней⁶⁴.

Сохранился устный рассказ А.А. Блока (в записи С. Алянского) о том, как в ночи, «когда природа буйствует», вьется и слепит снег, из разгулявшейся снежной стихии возникает вдруг «светлое пятно», принимает очертания силуэта, влечет за собою. Будто бы «в одну такую на редкость вьюжную зимнюю ночь» привидевшееся «светлое пятно» дало толчок к созданию поэмы «Двенадцать», образ Христа в которой стал ключевым⁶⁵. Отметим, что и в стихах, касаясь внешнего облика Христа, Блок — минуя всю восточную и западную иконографию — непосредственно обращается к Евангелию, причем к тем его местам, где проявляется божественная сущность Христа, где он преображается и предстает не в своей земной оболочке, а неким высшим, небесным существом. Так, в драме «Песня Судьбы» Иисус Христос приближается на льдине «такой светлый... так и горит весь, так и сияет»⁶⁶. Если поэзия любит образ *неизреченного* (у Блока в лирике, например, — «несказанный», «непостижимый», «неизреченный» и под.), то изобразительное искусство не может не столкнуться с чем-то *невоплотимым*, для чего нет материальных средств воплощения, на холсте ли, в камне ли. Невозможно передать средствами традиционных искусств Господа, шагающего в светящем народе «столпе огненном» (ночью) и «столпе облачном» (днем); содержащие этот образ стихи из книги Исход (Исх. 13: 21–22) Блок отчеркнул на полях своей Библии «особым эмфатическим знаком», как помету исключительной важности⁶⁷.

«Католическая символика увенчивает Христа венком из роз трех цветов — белого, красного и золотого, воплощая три ступени Его пути»: «рождение в мир, распятие, воскресение»⁶⁸. Мистическая Роза Данте — бело-золотая, как сияющие одежды, лики и крылья пребывающих в Раю. Роза Гёте — красная, ангелы засыпают пурпурными розами, «как снегом», бесов, собирающихся унести душу Фауста в ад. В финале «Двенадцати» Блок останавливается на единственном цвете — белом, и объяснить его символику исходя из общехристианских представлений и

⁶³ Само же числительное «двенадцать» в последней главе, 12-й по счету, не упоминается.

⁶⁴ Ср.: «Вьюга в поэме — не только символ разыгравшихся социальных и природных сил, но и стихия, выводящая в трансцендентный мир, в космос и вечность, выражающая радость “гибели”, “второго крещения”, знаменующая мотивы Апокалипсиса. <...> Неслучайно именно из вьюги рождается этот “нездешний” образ, воплощающий земные чаяния о свете, милосердии, истине...» (*Приходько И.С.*) Комментарий // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 335).

⁶⁵ [*Смола О.П.*] Комментарий // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 376. В преддверии являющегося в главе 12-й Христа («И за вьюгой невидим, / И от пули невредем, / Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной...») в главе 10-й дано конкретно-реалистическое описание той снежной круговерти, о мистической природе которой и рассказывал Блок: «Снег воронкой завился, / Снег столбушкой поднялся...»

⁶⁶ Цит. по: [*Приходько И.С.*] Комментарий // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 326.

⁶⁷ Там же. С. 331.

⁶⁸ Там же. С. 333.

богатой литературно-художественной традиции нетрудно: «Белый становится здесь цветом небесных сил и означает чистоту, невинность, свет, надежду, чаяние “нового неба и новой земли”, града небесного Иерусалима»⁶⁹.

Символика розы от Античности и Средневековья, не минуя фольклора, к новым временам кажется настолько обширной, охватывающей и религиозно-обрядовые, и светские стороны жизни, что приводит здесь всевозможные мистико-символические значения этого прекрасного цветка, даже прямо касающиеся поэзии Блока, представляется совершенно излишним⁷⁰. Блок вплетал розу в свои стихи во всех ее классических ипостасях, от вакхических гирлянд и языческих венков до украшений церквей и алтарей, розы были майскими (в уборе гибнущей Офелии), осенними, старинными⁷¹, спаленными, страшными⁷², были белыми⁷³, и была даже — и это, вероятно, самая прославленная — черная роза (и в стихотворении «В ресторане», и в драме «Роза и Крест»). «В цепях и розах» являлся Христос Блоку в год первой революции (1905); очень сложная в постановке, сомнениях и решениях тема Христос — Поэт («я») — Художник вбирает в себя символику не только и не столько роз, сколько лавров и терния. Роза — растение «амбивалентное», совмещающее в себе одновременно красоту и страдание, чистоту и боль; в христианской символике цветок прежде всего связывается с непорочной Девой Марией, а шипы — с муками Христа.

«Женственность» Христа, его андрогинная природа волновала и мучила Блока, в том числе и во время работы над поэмой «Двенадцать». Подобное толкование заложено в Священном Писании; в религиозном, прежде всего католическом, сознании уподобляются Мария и Христос («Христос воплощается через Богородицу, одухотворяя Ее высшей божественностью, уподобляя Ее Себе»⁷⁴). Эту женственность Христа легко проследить по иконографии, особенно по православно-византийской ее линии. Об этом специально писал В.В. Розанов, не просто подчеркивая «полноту человечности» — слияние мужского и женского начала в едином Спасителе, но и указывая, что живописцы (иконописцы) пришли к женственному, т. е. «кроткому и нежному», художественному воплощению Сына Божия «из слова», из евангельских рассказов о Нем⁷⁵. Этой стороной рели-

⁶⁹ [Приходько И.С.] Комментарий // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 333.

⁷⁰ Помимо комментария к поэме «Двенадцать» из Полного собрания сочинений и писем (Т. 5. С. 332–335) укажем также небольшую, но емкую работу А.Н. Веселовского «Из поэтики розы» (Избранные статьи. Л., 1939), весьма содержательную публикацию М.Ф. Мурьянова «Символика розы в поэтике Блока» (Вопросы литературы. 1999. № 6. С. 98–128), а также статью В.Н. Топорова «Роза» в мифологической энциклопедии (Мифы народов мира: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 386–387).

⁷¹ Ср.: «И розы, осенние розы / Мне снятся на каждом шагу / Сквозь мглу, и огни, и морозы, / На белом, на легком снегу!» (1907, из цикла «Заключение огнем и мраком»; «Старинные розы / Несу, одинок, / В снега и в морозы, / И путь мой далек» (1908).

⁷² Ср.: «Розы — страшен мне цвет этих роз» (1914).

⁷³ В «праерафаэлитском» по образам, тону и сюжету стихотворении «В густой траве пропадешь с головой. / В тихий дом войдешь, не стучась... / Обнимет рукой, оплетет косой / И, статная, скажет: “Здравствуй, князь. / Вот здесь у меня — куст белых роз. / Вот здесь вчера — повилка вилась. / Где был, пропал? что за весть принес? / Кто любит, не любит, кто гонит нас?”» (1907).

⁷⁴ [Приходько И.С.] Комментарий // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 337.

⁷⁵ Там же. С. 337–338.

гиозно-философских учений Блок живо интересовался, осмысляя развитие идей от андрогина Платона к Вечной женственности Гёте и Душе Мира Вл. Соловьева. Это высшее женственное начало, знаменующее нерасторжимое единство земного и небесного, в поэтической мысли Блока является в обрамлении роз, восходящем к строкам Вл. Соловьева: «Свет из тьмы. Над черной глыбой / Вознестися не могли бы / Лики роз твоих, / Если б в сумрачное лоно / Не впивался погруженный / Темный корень их»⁷⁶ (1892).

Однако есть у блоковских роз и еще одно определение, очень яркое, возникающее в стихотворении «Флоренция» (1909), насквозь пронизанном евангельскими мотивами, заявленными уже в мрачном императиве первой строки: «Умри, Флоренция, Иуда, / Сокройся в сумрак вековой! / Я в час любви тебя забуду, / В час смерти буду не с тобой!» (и так далее, включая парафразы мотива продажности, торгующих в храме, попорванных лилий — символа не только города, но и евангельского Благовещения, невозможности воскресения). Полное отступление от учения Христа, от евангельских заповедей и в итоге — *мертвый* Христос: «И трупный запах роз в церквах»...

Напоминая о стихотворении А.А. Плещеева «Был у Христа-младенца сад...» (1877), комментатор поэмы «Двенадцать» справедливо замечает, что «венчик» — уменьшительное от «венец», а не «венок»⁷⁷. Рассуждая о свадебном и мученическом венце, исследователи словно упускают из виду тот очевидный факт, что в уменьшительно-ласкательном образовании «венчик» эти значения невозможны. Однако в интерпретацию финального образа поэмы не было введено еще одно из значений этого слова — смертный венчик. В «Толковом словаре русского языка» Ушакова сказано: «Бумажная лента с религиозными изображениями, накладываемая у православных на лоб покойника при погребении (церк.)»⁷⁸. В лирике А.А. Блока слово *венчик* в указанном значении встречается в стихотворении «Жду я смерти близ денницы...» (1904): «Я готов. Мой саван плотен. / Смертный венчик вокруг чела. / На снегу моих полотен / Ты лампадный свет зажгла». Сосредоточенность на символике розы не позволяет комментаторам «Двенадцати» упустить и «бумажные розы» из «крестьянского обихода» (украшение икон; впервые указано Д.Е. Максимовым), однако многообразие фольклорной традиции, связывающей похороны и свадьбу и знающей обряды покаяния, как невесты, в белые одежды и убор, остается за рамками интерпретации поэмы Блока.

Между тем обряд «похорон-свадьбы», или «посмертной свадьбы»⁷⁹, «известен всем славянам»⁸⁰; символическая свадьба устраивалась на похоронах незамужних девушек и неженатых юношей. Покойника обряжали в свадебный

⁷⁶ [Приходько И.С.] Комментарий // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 339.

⁷⁷ Там же. С. 334.

⁷⁸ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. М., 1935. Т. 1. С. 249.

⁷⁹ Подробнее см.: Соколова В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности: Образ «свадьбы-смерти» в славянском фольклоре // Фольклор и этнография. Вып. 3. Л., 1977. С. 188–195.

⁸⁰ Виноградова Л.Н. Похороны-свадьба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 225.

наряд. «Особенно строго это соблюдалось при похоронах девушки»⁸¹. Помимо белого праздничного платья обязательным был веночек: «Летом девушек хоронили с венком из свежей зелени, зимой — из искусственных цветов...»⁸² Меняется и погребальная процессия, в которой принимают участие «неженатые друзья и сверстники умершего (обычно в похоронах не участвующие)»⁸³ стоит отметить и такие элементы свадьбы-похорон, как особое свадебное знамя, зачастую, как и рушники, ленты, пояса, — красного цвета; последние иногда прикрепляли к кресту, который ритуально несут впереди похоронной процессии.

Что касается венка как атрибута свадебного убора умершего, то его символика проистекает из ритуального использования венков на свадьбе. Веночек символизирует прежде всего непорочность, чистоту, это символ девичества. В православной традиции «во время церковного венчания используются специальные венцы (они могут называться и венками), которые возлагают на голову новобрачным или держат сзади над их головами. <...> Независимо от канонической формы, брачные венцы представляют собой короны... с орнаментом в виде листьев или цветов, крестом, различными изображениями (Богородица, Христос, архангелы Михаил и Гавриил, ап. Иоанн, св. Елена и св. Константин, херувимы и серафимы) или же напоминают свадебный головной убор невесты, напр., сплетенный из цветов или веток веночек с украшениями»⁸⁴.

Мы далеки от одномерной трактовки финального образа поэмы Блока. Но чуткий к слову Бунин, присвоивший себе право возложить смертный венчик на восковой лоб тысячелетней России, напрасно отмежевывался от блоковского Христа столь решительно. Впрочем, у Блока символика гибели в «белом венчике из роз» едва намечена, едва угадывается через фольклор (о котором трудно забыть при чтении «Двенадцати», с его святочной бесовской вьюгой). Бунин одержим идеей погибшей России настолько, что даже эмигрантская печать 1920-х гг. испуганно отмежевывается от него — наряду со Шмелевым и Мережковским — мрачных пророчеств и называет их «голосами из гроба», смыкаясь с оценкой большевистской «Правды» — «маскарад мертвецов»⁸⁵. При всей журналистской легковесности подобных ярлыков их порождает сам образный строй публицистики Бунина, главным источником вдохновения которого была в те годы Библия и богослужебные тексты, ср.: «Мимо нас несут покойника (не большевика). «Блаженни, иже избрал и приял еси, Господи...» Истинно так. Блаженны мертвые...»⁸⁶ Или — кратко, просто и выразительно (с неизменными выписками): «...все утро читал Библию. Изумительно»⁸⁷.

На вопрос сменовеховцев с последующим оптимистическим ответом — «Умерла ли тысячелетняя Россия? Тысячу раз — нет!» — у Бунина готов совсем

⁸¹ *Виноградова Л.Н.* Похороны-свадьба. С. 225.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Гура А.В.* Веночек свадебный // *Славянские древности*. М., 1995. Т. 1. С. 321–322.

⁸⁵ *Бунин И.А.* Миссия русской эмиграции // *Бунин И.А.* Публицистика. С. 155–157.

⁸⁶ *Он же.* Окаянные дни. С. 158.

⁸⁷ Там же. С. 44.

другой ответ, отнюдь не такой жизнеутверждающий. «Живет кошка, живет собака», Россия же мертва⁸⁸. Бунин-публицист словно и впрямь остался с «углем, пылающим огнем» вместо сердца, с ветхозаветной яростью вопрошая: «Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?» Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата на площади Звезды в Париже и послереволюционная Россия тоже описаны жгучим глаголом высокого библейского красноречия: «Под триумфальными воротами галльской доблести неугасимо пылает жаркое пламя над гробом безвестного солдата. В дикой и ныне мертвой русской степи, где почиет белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит. Где те ворота, где то пламя, что были бы достойны этой могилы? Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я, в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее»⁸⁹.

Исследовательница Блока И.С. Приходько констатирует: «Опора на христианскую символику помогает ему выйти в сферы сверхчувственного, в мир вечных ценностей...»⁹⁰ Опираясь на христианскую символику, попытался осмыслить происшедшее с Россией и Бунин. Сопровождавшее Бунина все жуткие, окаянные годы Евангелие отзывается на страницах его раннеэмигрантской художественной прозы.

Посвятив перо первых революционных лет пронзительной, язвящей публицистике, Бунин с трудом возвращается к собственно художественному творчеству. В начале 1920-х гг. им написано очень мало, несколько рассказов, причем некоторые — прежде всего «Безумный художник» — откровенно тенденциозны и очень сильно отличаются от того пути, по которому пойдет Бунин-прозаик в эмиграции. Всяческие общественные вопросы, политические направления, вообще идеи будут Буниным окончательно изжиты и из его прозы устранены. В зарубежье Бунин движется скорее в «гётевском» направлении, в русле тех мыслей великого немецкого «олимпийца», которые касались «всепоглощающей сущности природы, ее вечного бытия и развития», общности процессов развития природы и человека, «божественного начала в человеке, живой природе, жизни»⁹¹. Бунин как художник пережил такое же чудесное, «дивное» таинство преображения, которое выпало на долю крестьянину Гавриле, читавшему морозной ночью Псалтырь над гробом усопшей матери («Преображение», 1921⁹²).

Невероятно трудно удержаться от прямолинейного, т. е., по согласному мнению, противопоказанного бунинской поэтике параллелизма: художник-творец и оставленная им послереволюционная Россия символически соотносимы с простыми образами деревенского грамотея-мужика и его новопреставленной матери. Впрочем, особых натяжек в таком понимании рассказа как будто нет. На эту мысль наталкивает и возвращение к описанию крепкого крестьянского хозяйства

⁸⁸ Бунин И.А. Литературные заметки // Бунин И.А. Публицистика. С. 145.

⁸⁹ Он же. Миссия русской эмиграции // Там же. С. 154.

⁹⁰ [Приходько И.С.] Комментарий // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 333.

⁹¹ Тиме Г.А. Гете на «закате» Европы // Русская литература. 1999. № 3. С. 61.

⁹² Далее цитаты из рассказа приводятся по изданию: Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова и др. М., 1966. Т. 5: Повести и рассказы. 1917–1930. С. 77–81. Рассказ занимает неполные четыре страницы, поэтому в тексте после цитат они не указываются.

в «Миссии русской эмиграции» (1924). В своей программной речи Бунин почти дословно цитирует рассказ «Преображение», написанный несколькими годами ранее: «Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой».

А.А. Дякина прослеживает символическое уподобление России Дому уже в дореволюционных стихах и прозе Бунина. Обзор поэтических и прозаических произведений, созданных Буниным после революции, приводит исследовательницу к выводу, что «гибель “Дома — России” для писателя была разрушением ее многовекового уклада»⁹³. Отрезвление приходит уже в первые революционные дни и месяцы, заполняет дневник, включается в строй «Окаянных дней»: «Да, уж чересчур привольно, с деревенской вольготностью, жили мы все (в том числе и мужики), жили как бы в богатейшей усадьбе...»⁹⁴ И тут же ужасается: «Неужели всей этой силе, избытку конец?»⁹⁵

Замеченное тождество кажется весьма настойчивым в начале рассказа «Преображение». Вот как Бунин характеризует крепкое крестьянское хозяйство (еще несколько лет, и оно будет объявлено кулацким, подсказывает историческое, еще неведомое Бунину знание): «Двор был богатый, семья большая. <...> Это они со стариком были строителями и владыками всего этого обширного, прочного, теперь уже давно обжитого, вросшего в свое место, грязного и уютного гнезда с его гумном, дуплистыми лозинами, амбарами, черной избой в три связи, грубым до дикости скотным двором, потонувшим в навозе и переполненным сытой скотиной. Это они когда-то были молоды, красивы, разумны и строги, а потом стали как-то теряться среди все увеличивающейся и крепнущей молодежи...» Но разве не такой была и сама Россия — империя, размахнувшаяся по всему простору Евразии, богатое государство с большой «семьей народов»? Разве не было оно обширным, прочным, обжитым до самых окраин, все еще грубым, диким, но изобильным? Молодость, красота древнего русского царства сменилась просвещенными, но тоже молодыми, всего только послепетровскими поколениями. Этот крестьянский двор вылеплен Буниным по формуле Некрасова: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка-Русь!» Зажившаяся старушонка захирела, превратилась в «жалкую и забитую», пока не «развязала всех — отошла».

Бунин, обычно экономный в деталях, не скупится на создание атмосферы не обычной темной и морозной ночи, а исключительной, знаменательной; он овеивает повествование ледяным дыханием космоса. Ночь стоит на земле не просто «глубокая» — «последняя» для усопшей «среди живых». Четырежды сообщает Бунин о всеобщем сне, и этот мотив неодолимого всеохватного сна прямо соотносится, конечно, с евангельскими сюжетами. Свидетели чуда на горе Фаворской, сопровождающие Христа ученики, в двух евангельских текстах объаты страхом и падают

⁹³ Дякина А.А. И. Бунин и А. Блок: Соотношение творческих индивидуальностей поэтов. С. 14.

⁹⁴ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 68.

⁹⁵ Там же. С. 24.

ниц, Лука характеризует их поведение иначе: «Петр же и бывшие с ним отягчены были сном...» (Лк. 9: 32). Заметим, что богатая западная традиция в изображении этого эпизода и в живописи, и в скульптуре значительно чаще опиралась на Луку с мирно спящими учениками, нежели на два других Евангелия с учениками, ужаснувшимися от нестерпимого света и явления пророков. Беспробудно спят ученики Христа и в одной из самых трагических евангельских сцен: когда Христос одиноко молится в Гефсиманском саду, у его учеников слипаются глаза и они не могут побороть сна, о чем сообщается в трех евангельских текстах: Мф. 26: 40, 43; Мк. 14: 37, 40 (у Матфея и Марка ситуация со спящими повторяется даже дважды во время молитвы Христа); Лк. 22: 45.

Бунин, столь непримиримо-враждебно отнесшийся к блоковскому видению Христа, не посягает и не смеет посягнуть — и это очевидно в свете его «антиблоковской» полемики — на введение в «деревенскую» прозу Сына Божия. Однако образ матери несомненно восходит к христианской традиции — как, кстати, восходил он и в знаменитой повести А.М. Горького. Богородица традиционно считается покровительницей России; один из важнейших церковных праздников — Покрова Богородицы — был введен именно в XII в. на Руси князем Андреем Боголюбским. В бунинском рассказе эта связь усопшей матери, русской старухи-крестьянки и погибшей тысячелетней России угадывается весьма недвусмысленно. Явственным кажется и восходящий к известному русскому «двоеверию» — элементам язычества, народных верований, на которые наложилось православное вероисповедание, — образ снега: Покров отмечают 14 (1 по ст. ст.) октября, когда уже выпадает снег, «покрывает» землю. Однако вместо дивного явления Богородицы — заступницы и спасительницы — у Бунина, ни секунды не сомневающегося в катастрофических последствиях революции, происходит совсем иное чудо.

В уснувшем мире посреди России «царит Мертвая» (прописная буква очевидно преобразует обыденное в сакральное). Описывая ее в гробу, Бунин использует евангельский глагол и щедро нанизывает эпитеты, соответствующие происходящему чудесному явлению: старушонка «преобразилась в нечто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всем мире, в какое-то непостижимое и страшное божество — в покойницу» (выделено нами. — Т.М.). Бунин так описывает это новое «божество»: «...снеговая, белая, глубоко уйдя в свой гробный мир... и падает тень от чернеющих, выделившихся на белом лице ресниц», и все вокруг «ярко озарено целым пуком восковых свечей... пылающих жарко и беспокойно». Соединение «снеговой» белизны и горячего интенсивного света (свечи употреблялись в крестьянском быту только при отправлении религиозного культа, церковь упомянута и в связи с парчовым покрывалом) прямо отсылает к евангельскому чуду, когда одежды Христа «сделались блистающими, весьма белыми, как снег...» (Мк. 9: 3).

О чуде преображения Христа на Фаворе три евангелиста повествуют примерно в одних выражениях: «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17: 1–2);

«И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними. Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Мк. 9: 2–3); «После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взшел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею» (Лк. 9: 28–29). То, что Бунин создавал рассказ под впечатлением от чтения Библии, подтверждает и его собственная, слишком авторская ремарка о церковнославянском языке — о «том необычном, жутком и величественном языке, который тоже есть часть этого мира, его гибельный, зловещий для живых глагол».

Но «не о фаворском свете речь...»⁹⁶. Бунинское описание прямо противоречит евангельскому чуду преображения, и не случайно современному читателю рассказ кажется «немного богохульным, — точнее, само название, ибо речь идет о превращении всеми забытой древней бабки в персону номер один, в кого-то главного в доме, — именно умерев. Самым главным делается кто-то накануне отбытия в страну мертвых»⁹⁷. Евангелие утверждает победу жизни над смертью, «живого», воскресающего Бога, а у Бунина смерть оказывается всепобеждающим божеством, его воцарение в мире становится «роковым и непоправимым». За уходом из жизни обычной крестьянской старухи угадывается сама персонифицированная Россия, погибшая, положенная в гроб и отпетая. Преображение отмечается православной церковью 7 (19) августа, а Бунин выбирает для действия рассказа зимнее время года, ту лютую пору, которая традиционно связана на Руси с рождественскими и крещенскими морозами. Знаменательно, что поэма Блока «Двенадцать», созданная в Петрограде за три года до «Преображения», написанного во Франции, погружала читателя в революционную вьюгу такого же страшного, морозного ночного часа: «Черный вечер, / Белый снег...»

Место и время действия в рассказе «Преображение» выбрано Буниным не случайно, а в сознательном противопоставлении «произведению» (как Бунин именовал «Двенадцать») Блока. Это подтверждает запоздалый бунинский комментарий к «Двенадцати», неожиданно включенный в мемуарный очерк «Третий Толстой» (1949). В злобно-памфлетном отступлении, посвященном Блоку, Бунин возмущается «дешевым, плоским трюком»: поэт «берет зимний вечер в Петербурге, теперь особенно страшном, где люди гибнут от холода, от голода, где нельзя выйти даже днем на улицу из боязни быть ограбленным и раздетым догола, и говорит: вот смотрите, что творится там сейчас пьяной, буйной солдатней, но ведь в конце концов все ее деяния святы разгульным разрушением прежней России и что впереди нее идет Сам Христос, что это его апостолы». Прочитывая фрагмент поэмы, Бунин вопрошает все в той же слепой ярости: «Почему Святая Русь оказалась у Блока только избяной да еще и толстозадой? Очевидно, потому, что большевики, лютые враги народников, все свои революционные планы и надежды постави<ли> не на деревню, не на крестьянство, а на подонки пролетариата, на кабацкую голь, на

⁹⁶ Боков Н. Автограф Бунина // Новый журнал. 2011. Кн. 262. С. 111.

⁹⁷ Там же.

босяков...»⁹⁸ «Нестерпимо поэтический»⁹⁹ Блок, рассуждавший о «лиловых мирах» революции, Бунину представляется святотатцем, посягнувшим на Святую Русь и кощунственно обыгравшим образ Христа.

Зимняя ночь, святая избяная Русь, «плечистые» (не «толстозадые») молодухи — работницы, а не лежебоки, по-своему пережитый евангельский сюжет — Бунин отвечал из эмиграции «Преображением» на блоковскую поэму. Александр Блок умер 7 августа 1921 г. все в том же страшном Петрограде — стал ли бунинский рассказ своего рода эпитафией? 14 августа В.Н. Муромцева записала: «Пришло известие о смерти Блока...»¹⁰⁰ Это был тот период в эмигрантском обустройстве Буниных, когда они особенно тесно общались с Мережковскими, лето 1921 г. проводили вместе в Германии в постоянных разговорах о литературе, о минувшем; много говорили — что отразилось в дневниковых записях — и о Блоке. В частности, 15 августа разговор с Мережковским («Вечером опять говорили о Блоке») коснулся теологических вопросов в связи с поэзией. Слова Мережковского пересказаны В.Н. Муромцевой: «Мы считаем Бога мужским началом. А ранее, во времена Атлантиды, Богом считали женское начало. И вот Блок ощущал это. Он знал тайну. Когда он входил, то я чувствовал за ним Прекрасную Даму». Бунин, разумеется, возразил, что «по стихам» он этого «не чувствовал». На что будто бы Мережковский, оскалась «поволчь», засмеялся: «Мертвых нужно любить, ласкать»¹⁰¹.

Осознавая, каким сильным потрясением были для Бунина блоковские послереволюционные выступления, современный исследователь даже убежден, что «одним из важных толчков к публикации “Окаянных дней” было и посмертное издание дневников Блока — со стороны Бунина это был своего рода ответ и утверждение того, что он считал истиной»¹⁰². В идеологическом противостоянии Бунин, конечно, оставался одним из самых свирепых ненавистников «блоковских стишков»¹⁰³. Но от Блока после публикации «красногвардейско-христианских строф»¹⁰⁴ отвернулись и многие бывшие поэтические соратники, в частности Вяч. Иванов. Поведение Вяч. Иванова было, однако, несколько иным: «Хотя мы знаем, что Иванов враждебно относился к “Двенадцати”, какие-либо его прямые оценки, совпадающие по времени с публикацией поэмы, до нас не дошли». Между тем косвенные свидетельства подтверждают его «исключительно острую реакцию на блоковские публикации января 1918 года: статью “Интеллигенция и революция” и поэму “Двенадцать”. Иванов занял непримиримую позицию по отношению к их автору»¹⁰⁵. Эта непримиримость не только по отношению к Блоку, но и по от-

⁹⁸ Бунин И.А. Третий Толстой // Бунин И.А. Пегель, фрак, метель. СПб., 2003. С. 488.

⁹⁹ Там же. С. 487.

¹⁰⁰ Устами Буниных. Т. 2. С. 52.

¹⁰¹ Там же. С. 53.

¹⁰² Смирнов С.В. Бунинские обращения к Блоку. С. 268.

¹⁰³ Бунин И.А. Инония и Китеж: К 50-летию со дня смерти гр. А.К. Толстого // Бунин И.А. Публицистика. С. 163. «Статья эта своего рода манифест Бунина — литературный, эстетический, социальный» (Смирнов С.В. Бунинские обращения к Блоку. С. 265). Впервые опубли.: Возрождение. 1925. 12 окт. № 132.

¹⁰⁴ Оценка газеты «Новое время». Цит. по: Зубарев Л.Д. К истории «примирения» А. Блока и Вяч. Иванова // Русская литература. 2011. № 1. С. 173.

¹⁰⁵ Там же. С. 174.

ношению к большевикам, с которыми имя Блока было теперь тесно связано и для Иванова, и для Бунина, привела обоих в эмиграцию. Но еще до отъезда из России С.М. Алянский пригласил Вяч.И. Иванова участвовать в издательстве «Алконост», где только что вышел блоковский «Соловьиный сад». В ответ Иванов предложил напечатать то, что не по жанру, но по содержанию можно было бы назвать его «Окаянными днями», — «Песни смутного времени». «Тем самым, — указывает Л.Д. Зубарев, — [Иванов] выразил очень важную для понимания его отношений с Блоком и общественной позиции в целом мысль: свои “Песни смутного времени” он противопоставлял “Двенадцати”»¹⁰⁶.

Но Вяч. Иванов не случайно удержался от публичных размежеваний и враждебных высказываний; в его отношении к Блоку и его послереволюционному творчеству много позже наступила пора «понимания и примирения»¹⁰⁷. Бунин неизменно оставался далек от понимания и, соответственно, примирения. Но то, что и ему, как и Иванову, хотелось противопоставить свою позицию, литературную и идеологическую, свою правду — блоковской, кажется несомненным. Сам Бунин ищет и находит образы в той сфере, которая ему особенно хорошо знакома, — в деревне, но поворачивает ее к читателю не гнусной, перекошенной азиатской «рожей», а просветленным «ликом»¹⁰⁸. Место действия и освещенные евангельским светом персонажи заставляют вспомнить о нашумевшей бунинской повести периода первой русской революции, «Деревне»: в символике названия одного из первых рассказов эмигрантского периода угадывается новый, преобразованный взгляд писателя на русскую деревню.

Действие в рассказе перенесено в деревню без упоминания революции (в финале рассказа сообщается о ямщицком занятии героя как о чем-то непреходящем, неотменном), прямо о Спасителе речь не идет, ведь, по Бунину, из блоковской поэмы с финальным «белым венчиком из роз» «вышло нечто совершенно лубочное, неумелое, сверх всякой меры вульгарное»¹⁰⁹. Сам Бунин создает «трудно передаваемое, похожее на святочный рассказ, а на деле истинно дивное» повествование о последней «ночи среди живых» крестьянской старухи, хозяйки крепкого дома, матери здорового рода. Это поистине роковое прощание — со Святой Русью. В трагической музыке Блока Бунин хорошо расслышал частушку, но не почувствовал страшных глубин, открывающихся за свячным маскарадом «двенадцати», за кошмаром истекающих настоящей кровью, а не «клюквенным соком» Арлекино, Пьеро и Коломбины (Ваньки, Петьки и Катьки), за образом Христа, идущего «нежной поступью надвьюжной» на Голгофу.

В середине 1920-х гг. в устной беседе с Ф.А. Степуном Бунин противопоставил свою «подлинную Россию» «литературной блоковской». Между собеседниками возник спор о «бытийности» бунинской прозы, о необходимости дополняющей ее «невнятности», которая и составляет «атмосферу» поэзии Блока. Степун заметил, что

¹⁰⁶ Зубарев Л.Д. К истории «примирения» А. Блока и Вяч. Иванова. С. 174–175.

¹⁰⁷ Там же. С. 179.

¹⁰⁸ Обратные образы России из статьи И.А. Бунина 1925 г. «Инония и Китеж».

¹⁰⁹ Бунин И.А. Третий Толстой. С. 489. Обратим внимание на то, как «бумерангом» возвращает Бунин Блоку его неосторожную критическую оценку — теперь уже в «вульгарности» обвинен автор «Двенадцати».

«ему мало бунинской атмосферы, нужна и блоковская»¹¹⁰. Дневники, статьи, письма Блока, которые Бунин прочитал годы спустя после работы над «Преображением», удивительно и вместе с тем гротескно перекликаются с главными мотивами и образами бунинского рассказа. Действительно, бунинская бытийность и блоковская внебытийность никогда не могли соединиться, но в едином тексте русской литературы они дополняют друг друга изумительно органично: «В лиловом сумраке необъятного мира качается огромный катафалк, а на нем лежит мертвая кукла с лицом, смутно напоминающем то, которое сквозило среди небесных роз...»¹¹¹

Для Бунина блоковский поэтический мир — это «великое множество нарочито загадочных, почти сплошь совершенно никому не понятных, литературно выдуманых символических, мистических стихов»¹¹². И видение мертвой «куклы» для Бунина остается такой же велеречивой чепухой, как и иные прозрения Блока. Но разве сам Бунин создает не сходный образ «страшного существа», «нового божества», «Мертвой» («женское начало» Бога!), увидев в революции силу апокалиптическую, эсхатологическую и перенеся свое потрясение от разрушения тысячелетней России в мирный деревенский быт? Привычный, уютный, «животный и бранный» теплый мир вокруг разрушен теми стихиями, которые давно предчувствовал Блок, и теперь в нем воцарилось «Нечто, ледяное, недвижимое, бездыханное, безгласное и все же совсем не то, что стол, стена, стекло, снег, совсем не вещь, а существо, сокровенное бытие которого так же непостижимо, как Бог». «Разве то, что лежит и молчит в этом новом, красивом гробу, обитом лиловым плисом с белыми крестами и крылатыми ангельскими головками, разве это» — не блоковская «мертвая кукла», тонущая в лиловом бескрайнем пространстве среди небесных — очевидно, белых — роз?

Преображение мира и свое одиночество «в этом преобразенном мире» и Блок, и Бунин и ощущают, и художественно воплощают в образах гораздо более сходных, чем это может показаться. Они даже видят этот преобразившийся мир в одинаковых красках: белый, черный, лиловый. Оба, и Блок и Бунин, хватаются в эти последние времена за Евангелие. И Бунин, и Блок пишут не о грядущем «дне Господнем» (1 Фес. 5: 1–7), а о воцарившейся в мире ночной мгле. Однако разница огромна: «Для Бунина повсеместные противоречия оказывались необратимыми, катаклизмы неизживаемыми. Блок хотел понять тайну возрождения народного бытия», — упрощая, но в целом верно поясняет А.А. Дякина¹¹³.

¹¹⁰ Устами Буниных. Т. 2. С. 241.

¹¹¹ Бунин И.А. Третий Толстой. С. 485. Бунин цитирует статью А.А. Блока «О современном состоянии русского символизма» (1910), причем приводит лишь половину фразы, которая начинается следующим образом: «Если бы я писал картину, я бы изобразил переживания этого момента так...». Речь у Блока идет о поэзии, о ее увлечениях и заблуждениях в пору символизма, но никак не задевает Россию. Статьи Блока были собраны в отдельных томах его собраний сочинений 1923 и 1936 гг., одним из которых и пользовался, скорее всего, Бунин (книги из советской России на Запад попадали без затруднений). Однако при работе над сборником «Под серпом и молотом» Бунин пользовался однотомником Блока, изданным сразу после войны: Блок А.А. Сочинения в одном томе: Стихотворения. Поэмы. Театр. Статьи и речи. Письма / Ред., вступ. ст., примеч. В. Орлова. М.; Л., 1946. Принадлежавший Бунину экземпляр с его маргиналиями хранится в РГАЛИ. Следующая цитата из Блока, приведенная Буниным в «Третьем Толстом», особенно его поразившая «аметистами метелей», взята из дневника поэта, запись от 15 августа 1917 г. (см.: Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1982. Т. 5. С. 226–227).

¹¹² Бунин И.А. Третий Толстой. С. 487–488.

¹¹³ Дякина А.А. И. Бунин и А. Блок: Соотношение творческих индивидуальностей поэтов. С. 17.

Младший сын покойницы Гавриила, читающий ночью Псалтырь, «всегда выделялся в семье своей разумностью и опрятностью, ровным нравом, любовью к чтению, к церковным службам» — конечно, это «сын дня и сын света», бодрствующий один в объятых сном избе, деревне, мире: «Он чувствует, что ему уже нет спасения, что он совершенно один не только в этой ледяной избе, глаз на глаз с этим страшным существом, которое тем страшнее, что это его родная мать, но и в целом мире; что ночь так глубока, глуха, что ему уже не от кого ждать защиты и помощи». Но что бы ни испытал крестьянский мужик, читая тексты Священного Писания над покойницей, рассказ не о его душевном потрясении и духовном опыте, «роковым и непостижимым» образом изменившем его жизнь. Что он должен был испытать, уже описал Гоголь («Вий»), Бунин отлично помнит о предшественнике, и гоголевская деревенская церковь угадывается в мелочах описанного Буниным интерьера. Его герой совсем один в ледяной избе и «волшебным замкнут» в ней, как Хома Брут в обведенном мелом кругу, «и он должен стоять в нем до рассвета и читать, не смолкая». Гавриле нечего бояться нечистой силы, он бдит у гроба родной матери, его не смущают бесовские наваждения, но вынести и преодолеть ему приходится огромное духовное напряжение: «И он собирает все силы, чтобы читать, видеть, слышать свой собственный голос и держаться на ногах, всем существом и все глубже воспринимая то невыразимо чарующее, что, как некая литургия, совершается в нем самом и перед ним».

Бунинский герой, как и гоголевский, соприкасается с вторжением в обыденный мир иных сил. Враждебные православному человеку у Гоголя, у Бунина они тоже «преображенные» — это высшие силы, присутствие которых и чудовищно жутко, и великолепно, и незабываемо. Рациональное объяснение происходящему введено Буниным в повествование, но оно не отменяет совершающегося в спящем мире чуда: «И вдруг медленно приподнимается и еще медленнее опускается парчовый покров на груди покойницы — она медленно дышит! И еще выше и ярче растет, дрожит, ослепляет блеск свечей — и уже все вокруг превращается в какой-то сплошной восторг, от которого деревенеет голова, плечи, ноги. Он знает, он еще соображает, что это морозный ветер дует в окно, за которым идет метель, что это он поддувает покров и раздувает свечи». Преображение свершилось: «Но все равно — этот ветер тоже она, усопшая, это от нее веет этим неземным, чистым, как смерть, и ледяным дыханием, и это она встанет сейчас судить весь мир, весь презренный в своей животности и бренности мир живых!»

Может показаться, что Бунин идет даже в какой-то мере на самоповторение: в «Грамматике любви» свихнувшийся от любви помещик все природные явления приписывает давно покойной безумно любимой им крестьянской девке Лужке. Но в дореволюционном рассказе образ возлюбленной растворялся в мире и обретал его черты, сливался с ним, оживал в нем. В «Преображении» новым божеством становится Смерть, это в ее честь совершает природа во мраке и метели «литургию». Бунину бесконечно неверным показалось, что Блок в финале «Двенадцати» будто бы оправдывает образом Христа все бесчинства и разбой революции, и сам Бунин, увидев Святую Русь на смертном одре, пророчит не оправдания, не благословения, а Страшный Суд. Смерть предстает не просто избавлением, но очищением от земной скверны, от скотской, бесчувственной, погруженной в сон и тьму

жизни головорезов Ванек и Петек и их толстоморденьких Катек. От спасения Бунин, в отличие от Блока, завершившего поэму видением Христа, отказывается. Вернее — отказывает в спасении оставленной им России.

Герой рассказа, Гаврила, носит откровенно евангельское имя. Но архангел, несший благую весть о рождении Спасителя, у Бунина превращается в вестника смерти и глашатая Страшного суда: Гаврила «охотно рассказывает... то... что пережил он у гроба матери». Выпавшее на долю «недавно женившегося» Гаврилы переживание застигает его в тот момент, когда он сам должен стать отцом и дать начало новой жизни; однако он уходит из дома в особого рода странничество, становится ямщиком, «предоставив хозяйство братьям, жене». То, что обычно связывается в христианской традиции с именем Гавриила, — благая весть о рождении Сына Божия — Буниным резко переосмысливается; но и само преобразование оказывается чудом, лишь отчасти связанным с евангельским. Мать становится частью Вселенной, растворяется в ледяном дыхании космоса; спасительница и заступница призывает к Страшному суду. Гавриил — и сын, и одновременно благой вестник — не погибает, как Хома Брут, но, соприкоснувшись с божественным таинством, меняется внутренне и изменяет свою жизнь. Ему открывается ее сокровенный смысл: «Он всегда в дороге, и дорога, даль, меняющиеся по времени года картины неба, полей, лесов, облучок тележки или саней, бег пары верных ему умных лошадей, звук колокольчика и долгий разговор с приятным седоком — счастье, никогда ему не изменяющее».

Пережив успение (матери), преобразование (матери и собственное) и словно новое рождение (последовательность, отличная от евангельской), Гавриил не несет своим «святочным» рассказом, своим образом жизни новое знание в «бренный и животный» мир. В его облике появляются черты угодника («Он простой, ласковый. Лицо у него чистое, худощавое, серые глаза правдивы и ясны»), но пророком он не становится — хотя ведь неспроста поминал Бунин о «гибельном, зловещем для живых глаголе» церковнославянской высокой речи, о библейском языке. После снежной зимы, после вьюг и морозов, в конце непроглядной ночи не начинает светить солнце. Эта бессолнечность финала бунинского рассказа очень хорошо заметна: упомянутые им дали и небеса не освещены и не затемнены — как, между прочим, и в «Мертвых душах» Гоголя. В ночь пережитого им преобразования «благовестнику» Гавриилу не открылся свет: «И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (Ин. 1: 5). За несколько месяцев до смерти Блока Бунин записал в дневнике: «Герцен все повторял, что Россия еще не жила и потому у нее все в будущем и от нее свет миру. Отсюда и все эти Блоки!»¹¹⁴ Бессолнечный финал «Преображения» крайне полемичен по отношению к этим «ожиданиям», к Блоку прежде всего, писавшему в «Интеллигенции и революции»: «Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто — злобе. Но они знали, что, рано или поздно, *все будет по-новому*, потому что *жизнь прекрасна*»¹¹⁵. В бунинском представлении Россия погибла, источник света угас.

¹¹⁴ Устами Буниных. Т. 2. С. 32. Запись от 8 (21) апреля 1921 г.

¹¹⁵ Блок А.А. Интеллигенция и революция. С. 16.

Полемически отталкиваясь от Блока, в непрестанном раздражении от его образов, от его мифопоэтики и одновременно в частом возвращении к его текстам, к его личности и судьбе, Бунин в эмиграции превращается из неореалиста и знаньевца в писателя какого угодно направления, но только не *реалистического*. Это «переключение реалистической прозы с принципа исторической предопределенности, социальной идеологичности на пафос утверждения бытийных, философско-созерцательных, метафизических закономерностей» происходило уже в предреволюционное десятилетие, когда «жизнеподобие» синтезировалось с «модернистским вкусом к художественному выявлению мировых универсалий»¹¹⁶. Пережив и евангельские откровения, и произведения Блока в «роковые моменты» революции, Бунин по-прежнему обращается к реальности — но теперь уже к «реальности, осмысляемой в мифологическом ключе»¹¹⁷.

Сюжеты и образы Священного Писания завершали блоковский миф в «Двенадцати»; бунинский же миф о России только начинал складываться в «Преображении». Христос финальных строк «Двенадцати» соотносится с Вечно Женственным — «ведущей категорией блоковского универсума»¹¹⁸. Но и бунинский универсум все более сосредоточивается на женском начале: от явления *мертвого* божества в «Преображении» — к женским образам «Темных аллей», в которых исследователи так или иначе усматривают символическое воплощение России¹¹⁹. Преображение России, но не то, о котором говорили пришедшие к власти большевики, а то, о котором Бунин написал в разбираемом рассказе, ее новое, духовное бытие, оживающее в памяти после необратимой физической гибели, становится ключевым образом в бунином «мифе о мире» (З.Г. Минц) эмигрантского периода.

В решении и в завершении двух своих столь не схожих произведений о конце Святой Руси, ее революционным преображении оба — и Бунин, и Блок — не ошиблись. Для обоих финалы (гениальной поэмы и рассказа, ставшего решающим в поисках стиля и жанра в изгнании, хотя и *не преобразившегося* в подлинно программное выступление) прозвучали пророчески. И уходящий в ночную тьму «нежной поступью надвьюжной» Христос, и пустившийся в беспредельный путь Гаврила стали предсказанием — мученического венца одного поэта и долгой эмиграции с бесконечно длянщимся рассказом о России другого. Позднее, в прозе эмигрантского периода, Бунин уже столь откровенно не затрагивал евангельских тем. А то преобразование, которое под его пером обрела Россия, и было, конечно, исключительно мастерским «преобразованием Мертвой».

¹¹⁶ Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начале XX века. М., 2008. С. 25–26.

¹¹⁷ Приходько И.С. Александр Блок и русский символизм: мифопоэтический аспект. Владимир, 1999. С. 4.

¹¹⁸ Там же. С. 46.

¹¹⁹ Приведем самое недавнее, но весьма характерное по безапелляционности заявление: героиня «Чистого понедельника», «как и Руся в одноименном рассказе, символизирует Россию» (Полтавец Е.Ю. Лев Толстой и Иван Бунин — «птицы небесные» русской литературы (орнитосемантика: код и контекст) // И.А. Бунин и его окружение: К 140-летию со дня рождения писателя. М., 2010. С. 46). Пунктуация цитируемого издания (в оригинале: «Руся» в одноименном рассказе) исправлена нами.

И.А. БУНИН И Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:
ПОЛЕМИКА, ИДЕОЛОГИЯ, КОНТЕКСТ¹

Существует известный рассказ о том, как Мирский на литературном вечере в Париже в 1928 г. объявил, что отдаст всего Бунина за один «Разгром» А. Фадеева².

Внешняя эпатажность и нарочитость этого заявления не должны, однако, заслонять собой важное обстоятельство: к Бунину Мирский обращался в своих работах неоднократно, причем эти обращения носили отнюдь не периферийный характер, а затрагивали наиболее существенные для Мирского вопросы эстетического и мировоззренческого порядка.

Мирский не был типичным литературным критиком-поденщиком, каковых русская эмиграция знала немало. Личность исключительно сложная, Мирский до сих пор представляет собой загадку для историков русской культуры. Его почти каноническому статусу среди западных славистов упорно противостоит в России представление о нем как о человеке с сомнительной биографией и эксцентричными взглядами и оценками, ставшем «жертвой собственного духовного озорства» (по упрощающему слову Г. Струве, к сожалению — прижившемуся³).

Поразительная эрудиция и блестящий литературный стиль делают Мирского не только «пишущим о литературе», но и полноправной частью самой литературы. Парадоксальность оценок Мирского, так возмущавшая многих его современников, оказалась исключительно плодотворной для последующих исследователей русской литературы — в России и за рубежом.

На протяжении десятилетия своей европейской биографии, 1922–1932 гг., Мирский регулярно писал о Бунине в разных контекстах и по разным поводам.

¹ Автор признателен А.Б. Блюмбауму, О.А. Казниной, О.А. Коростелеву, Т.В. Марченко, Н.Г. Мельникову, Дж. Смигу, любезно прочитавшим текст статьи на разных этапах ее написания, за ряд сделанных ими ценных замечаний.

² См.: *Слоним М.* О Марине Цветаевой // Новый журнал. 1971. Кн. 104. С. 158. Этот же эпизод описывает в самом начале своей книги «Одиночество и свобода» (1955) Г. Адамович, не называя, впрочем, Мирского по имени: «Помню, на одном из бесчисленных парижских диспутов докладчику, под конец вечера, так сказать, совсем “закусившему удила”, кто-то из публики крикнул: “Что же, по-вашему, значит, Бунину следует учиться у Фадеева?” Докладчик не задумываясь ответил: “Да, да, именно учиться у Фадеева... — и, почувствовав, вероятно, что в таком “лапидарном” виде заявление чересчур уж смехотворно, добавил: — Учиться правде”» (*Адамович Г.* Одиночество и свобода: Очерки. СПб., 2006. С. 21).

³ *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь Русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский; вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж; М., 1996. С. 64.

Если в 1920–30-е гг. Бунина справедливо считали крупнейшим писателем в русском зарубежье, то едва ли будет преувеличением сказать, что в это же время русская эмиграция воспринимала Мирского как самого скандального литературного критика. Если М.И. Цветаева замечала, что Мирский — «единствен<ный> в эмиграции критик, ненавидим<ый> эмиграцией, англичане <его> любят и чтят»⁴, то Георгий Иванов называл Мирского «одиозным критиком»⁵. Уже сама подобная позиция заставляет пристально всмотреться в оценки Мирского. Как отметила О. Казнина, в англоязычной «Истории русской литературы» и «в последующих работах этого типа основное стремление Д. Мирского... установить “канон” русской литературы, причем не только классической, но и современной, включая ее советскую и эмигрантскую ветвь»⁶; при этом, «<в> отличие от трудов по русской литературе, ставших за рубежом классическими, журнальные публикации Д. Мирского носят полемический, часто намеренно эпатажный характер»⁷. Несмотря на то что этот канон, казалось бы, был утвержден Мирским в его английских историях русской литературы 1925–1927 гг., есть основания рассматривать всю литературно-критическую деятельность Мирского в 1922–1932 гг. как стремление установить канон и на материале современной русской литературы. Мирский был человеком сильных увлечений и категорических высказываний. Эволюция его взглядов часто производила на окружающих впечатление неоправданных срывов и капризов.

Мы попробуем проследить, придерживаясь хронологической последовательности, смену оценок Д.П. Святополк-Мирским творчества И.А. Бунина, чтобы раскрыть особенности Мирского-критика и Мирского-историка сквозь призму оценки им бунинского творчества.

Взгляд Мирского на Бунина — острый, временами беспощадный и провоцирующий резкие реакции — не только характерная деталь литературного быта русской эмиграции 1920-х гг., но и выражение принципиальных позиций Мирского как мыслителя, до сих пор во многом не понятого и не оцененного.

Мирского как литературного критика, знаменитого своими категорическими и часто шокирующими высказываниями, можно противопоставить другому знаменитому критику русского зарубежья — Г. Адамовичу, критическая манера которого удачно охарактеризована, например, в письме Ю. Терапиано к В. Маркову от 7 ноября 1955 г.: «...Вы лучше можете воспринять его разговоры об эмигрантских писателях, чем мы, 30 лет слышащие их и давно уже привыкшие к блестящей, извилистой, неопределенной, без твердых очертаний, импрессионалистической

⁴ Письма Марины Цветаевой к Р.Н. Ломоносовой (1928–1931 гг.) / Публ. Р. Дэвиса; подгот. текста Л. Шоррок // *Минувшее: Ист. альм.* 8. М., 1992. С. 222. Курсив М.И. Цветаевой.

⁵ *Иванов Г.В.* В защиту Ходасевича // *Собр. соч.:* В 3 т. М., 1993. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. С. 513.

⁶ *Казнина О. Д.* Мирский. Несобранные статьи по русской литературе // *Вопросы литературы.* 1990. Янв. № 1. С. 224. Рец. на: *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature / Ed. with an introduction and bibliography by G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1989. (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts. Vol. 13.)

⁷ Там же. С. 219.

критике Адамовича. Все очень хорошо, все — спорно, все нужно читать между строк!»⁸

Оценка Мирским бунинского творчества может остаться лишь примером ситуативной намеренно-субъективной критики, если не принимать во внимание тезис, который Мирский неоднократно излагал и варьировал в своих работах 1920-х гг.⁹ В наиболее концентрированном виде он представлен в статье «О нынешнем состоянии русской литературы» (1926): по Мирскому, в русской литературе начала XX в. царило «некоторое общее отрицание жизни, которое могло принимать форму “неприятя быта” при страстном (квази-) религиозном приятии жизни стихийной, или духовной (символисты-оптимисты от Бальмонта до Евреинова); или разочарования в общественности и отвращения к существующим формам при неверии или маловерии в лучшие; или простого нерассуждающего отвращения к уродствам жизни; или метафизического “неприятя мира”, и богоборчества. Но в одном все сходятся: в чувстве глубокого отвращения от всякой *данной*, эмпирической жизни, или полного равнодушия ко всем “акциденциям” жизни. Вся Русская литература от Чехова и Анненского до Блока и Белого и дальше от Ходасевича и... Эренбурга. “Моя жизнь”, “Кипарисовый ларец”, “Мелкий бес”, “Детство”, “Суходол”, “В тумане”, “Движения”, “Пруд”, “Балаганчик”, “Петербург” — все объединены ненавистью к жизни, или страхом перед ее бессмысленностью, и если у символистов-оптимистов воспевалась Жизнь, она ничего общего не имела с той жизнью, который мы все живем. Исключения очень редки, и единственные два значительные относятся к самому началу и самому концу этого времени: ранние рассказы Горького, и поэзия Гумилева»¹⁰.

Представляется, что этот тезис и его производные оказали решающее воздействие на оценки Мирским сочинений Бунина и его места в истории русской литературы, которые и являются предметом настоящей работы.

Если судить по опубликованным М. Грин дневникам Буниных, Мирский и Бунин были знакомы по крайней мере с начала 1920-х гг., однако эти данные представляются нам ошибочными. Дневниковую запись от 1 января (19 декабря)

⁸ «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1972) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 258.

⁹ Как замечает крупнейший специалист по творчеству и биографии Мирского Дж. Смит, «Мирский никогда не повторяется, даже когда многократно пишет о некоторых главных авторах и темах» (Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford, 2000. P. 81). Здесь и далее, если не указано иное, переводы с английского — автора статьи.

¹⁰ *Святополк-Мирский Д., кн. О нынешнем состоянии русской литературы* // *Благонамеренный*. 1926. № 1. С. 95–96. Здесь и далее пунктуация и орфография подлинника в цитатах из Мирского сохранены, за исключением очевидных ошибок набора, исправление которых не оговаривается; в цитатах из Мирского написание названий художественных произведений приведено к современным нормам.

Ср. также в письме Мирского Сувчинскому от 8 августа 1926 г.: «Это поколение, рожденное в годы злотворчества Достоевского (*Записки из подполья* 1864–1881!) не принесет чистого плода» (Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs. № 26). P. 57). Здесь и далее в цитатах из писем Мирского сохранены подчеркивания автора.

1921 г. — «Днем у нас долго сидел Мирский» — М. Грин комментирует следующим образом: «Вероятно, Д.П. Святополк-Мирский, литературовед»¹¹. К Святополк-Мирскому М. Грин также относит следующую запись от 28 февраля (13 марта) 1921 г.: «Позавчера вечером у меня было собрание-заседание Правления Союза Рус<ских> Журналистов, слушали обвинение Бурцева против Кагана-Семенова <...> Бурцев заявил, что он, Каган, был агентом Рачковского. Были А. Яблоновский, Мирский, С. Поляков, Гольдштейн, Толстой, Каган и Бурцев»¹². Из контекста, однако, можно заключить, что речь в дневнике Бунина идет не о Д.П. Святополк-Мирском, а о Борисе Сергеевиче Миркине-Гецевиче (1892–1955), в январе 1920 г. приехавшем в Париж и печатавшемся под псевдонимом «Борис Мирский». Тот же самый Мирский — Миркин-Гецевич, а не Д.П. Святополк-Мирский — фигурирует и в опубликованных той же М. Грин письмах М.А. Алданова к Бунину¹³. Резонно предположить, что и в записях 1921 г., и в письме 1931 г. речь идет об одном и том же человеке — Б. Мирском.

Достоверно известно, что у Мирского и Бунина была общая близкая знакомая — А.В. Тыркова-Вильямс, но в опубликованных письмах Бунина к Тырковой-Вильямс 1920–1925 гг.¹⁴ имя Мирского не встречается ни разу. В переписке Бунин неоднократно (и негативно) упоминает владельца издательства «Хогарт Пресс» («Hogarth Press») Леонарда Вулфа, с которым Мирский поддерживал приятельские и рабочие отношения. В начале февраля 1925 г. Бунин приезжал в Лондон¹⁵. Как раз в феврале 1925 г. в Лондоне Мирский спешно заканчивал рукопись своей книги «Новая русская литература» («Modern Russian Literature»), где писал и о Бунине¹⁶, так что вероятность встречи Мирского с Буниным в Лондоне в этот период весьма мала. Вместе с тем «в заметках и архиве Бунина, который... скрупулезно собирал отзывы о своем творчестве, нигде не упоминаются мнения Д.П. Святополка-Мирского, тогда как этот критик существенным образом повлиял на представление англичан о творчестве писателя»¹⁷.

¹¹ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M, 1981. Т. 2. С. 20, 301). Ср. также запись 1 (14) января 1921 г.: «Днем был Мирский» (Там же. С. 22).

¹² Там же. С. 30. Купюра в цитате сделана публикатором. «Указатель имен» на имя «Мирский (Святополк-Мирский) Д.П.» отсылает к этой записи (см.: Там же. С. 313).

¹³ См., напр., письмо от 2 января 1931 г. по поводу выдвижения кандидатуры Бунина на Нобелевскую премию: «Повидал Б. Мирского, — он обещал сделать все от него зависящее. <...> Кроме того Мирский обещал сделать другое: он хорошо знаком с дочерью Бьернсона, к<отора>я будто бы имеет огромное влияние в Сканди<навских> литер<атурных> кругах» (Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. и коммент. М. Грин // Новый журнал. 1965. Кн. 81. С. 111).

¹⁴ «Вы — друг старый и верный...»: Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // Минувшее: Ист. альм. 15. М.; СПб., 1993. С. 165–192.

¹⁵ О поездке Бунина в Англию в 1925 г. см.: Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 374–380.

¹⁶ Мирский в письме Сувчинскому от 2 февраля 1925 г.: «Доканчиваю (уже пропустил срок) Новую русскую литературу» (Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 54).

¹⁷ Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / Вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 341.

Бунин появляется уже в первых опубликованных Мирским по-английски литературно-критических статьях, для которых характерен и взвешенно-исторический подход (в силу ориентированности этих обзорных текстов на английского читателя), и вместе с тем специфические акценты, которые со временем усилятся. Так, в 1920 г. Мирский отмечает: «...поразительно, что русская проза была столь странно посредственной после смерти Чехова (и некоторое время до нее). Андреев, Бунин, Толстой-младший — это люди подлинного таланта и оригинальности, но было бы нелепо сравнивать их даже с Тургеневым. Теперь пальма первенства перешла к поэтам...»¹⁸ (пер. с англ.).

Два года спустя, в 1922 г., акценты в трактовках Мирского начинают смещаться: «Художественная проза, которая всегда была гордостью русской литературы, оказалась сравнительно незначительной. Из нескольких выдающихся романистов только Горький и Сологуб немного занимались беллетристикой, но то, что они дали сейчас — явно плохо. Андреев умер. Остается Бунин, величайший из ныне живущих и пишущих новеллистов. Каждое его новое произведение является достижением, превосходящим предыдущее. Но хотя он ввязался в политическую полемику и сочиняет гневные статьи, его художественное творчество всегда *au dessus de la mêlée*¹⁹. Его гений вне времени, его отношение к жизни — как у брамина или парнасца»²⁰ (пер. с англ.).

В опубликованной в январе 1922 г. статье о литературе русской эмиграции²¹ Мирский весьма выразительно характеризует творчество Бунина: «Сказать, что Бунин — это, вероятно, лучший из живущих русских прозаиков, значит сказать не слишком много. Его сочинения — в основном, перепечатки, выходят в Париже, а его шедевр, “Господин из Сан-Франциско”, только что переведен на французский и рекламируется как шедевр величайшего из живых русских писателей. Бунин, вероятно, не придется по вкусу французскому читателю как

¹⁸ Мирский Д. Русское письмо. Вводное // Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подгот. текстов, примеч. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб., 2002. С. 25. Текст на английском см.: Five Russian Letters. I. Introductory // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature. P. 47. Впервые: *Mirsky D.S. Five Russian Letters. I. Introductory // London Mercury*. 1920. Dec. Vol. 3. № 14. P. 207–209.

¹⁹ выше повседневной суеты (фр.).

²⁰ Святополк-Мирский Д.П. Литература в стране большевиков // Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 51–52. Текст на английском см.: *Mirsky D.S. Five Russian Letters. IV. The Literature of Bolshevik Russia // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature*. P. 80. Курсив Мирского. Впервые: *Mirsky D.S. Five Russian Letters. IV. The Literature of Bolshevik Russia // London Mercury*. 1922. Jan. Vol. 5. № 27. P. 276–285.

Ср. в рецензии М. Кузмина, опубликованной в «Аполлоне» (1910. № 5. 2-я паг. С. 54–55): «В стихах И. Бунин стремится к очень умеренному парнасизму Фр. Коппэ» (Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 т. Т. 3: Эссеистика. Критика / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак. М., 2000. С. 28). Сравнение оценок Кузмина и Мирского может быть релевантным, учитывая факт до-революционного знакомства Мирского с Кузминым.

Отметим, что в статье 1921 г. Мирский характеризует Бунина вместе с Волошиным, Ахматовой и Андреевым как «патриота» (*Mirsky D.S. Five Russian Letters. III. Recent developments in poetry. Poetry and Politics // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature*. P. 63).

²¹ О контексте посвященных Бунину в английской прессе публикаций 1921–1922 гг. см.: Казнина О.А. Русские в Англии. С. 368–370.

раз по причине его “латинских” черт, поскольку француз ожидает от варваров с Востока варварских пышных зрелищ в духе Дягилева, и оставляет за собой монополию на трезвое и сдержанное искусство. В Бунине слишком много того, что было во Флобере, — тот же лежащий в основе романтизм, та же брезгливая безупречность выражения, та же извращенная любовь к тошнотворным ужасам жизни. Бунина уважают, но мало читают. Читателя в большей степени привлекают менее совершенные и сложные сочинения Куприна и Алексея Толстого»²² (пер. с англ.).

Образ «парнасца-Бунина» вновь возникает в одном из важнейших русскоязычных текстов Мирского — законченной в июне 1922 г. большой статье «О современном состоянии русской поэзии». Справедливо названная О.А. Казниной «маленькой энциклопедией русской поэзии»²³, эта статья была опубликована только в 1978 г. «Вся проза нашего времени (кроме вещей совсем непритязательных и явно эпигонских) — проза поэтического происхождения, — уверяет Мирский. — Такова явным образом проза Белого и Ремизова, но такова ведь и проза Бунина. <...> Не только старая Толстовская традиция вымерла, но и Чеховская погибла бесславно. <...> Трое из старших: Бальмонт, Бунин, Гиппиус принадлежат к именам, дорогим каждому другу русской поэзии. Но все они (по разным причинам) не нужны или не очень нужны нам. И все они в своем отношении к революции и России остались на уровне эмигрантской газетной публицистики. Бунину это, пожалуй, к лицу — в позу (благородную, если хотите) презрительного, со сжатыми губами страдающего Парнасца должно входить это презрение к толпе, хотя бы она и называлась русским народом. И Бунин наименее ненужный из этих трех. Но наименее ли отживший? Не сказал ли он своего последнего слова в делающем ныне мировую карьеру “Господине из Сан-Франциско”? Стихи его во всяком случае менее значительны, чем эта трагическая арлекинада»²⁴.

Отметим здесь не только утверждение о смерти толстовской традиции русской прозы, но и тезис о «поэтическом происхождении» прозы Бунина — при низкой оценке собственно поэтического творчества Бунина.

Оставшийся неизвестным современникам текст Мирского 1922 г., однако, дал своеобразные и более чем заметные плоды в опубликованных работах критика. Поэзия Бунина стала своеобразным «минус-приемом» в опубликованной Мирским в 1924 г. книге «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака». Мирский не счел возможным включить в свою антологию стихи Бунина, отметив — в примечании! — что «из поэтов 90-х годов, не примкнувших к символизму, — Лохвицкая, конечно, не стоит внимания; что же касается

²² *Mirsky D.S. Five Russian Letters. V. The Literature of the Emigration // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature. P. 82. Впервые: Mirsky D.S. Five Russian Letters. V. The Literature of the Emigration // London Mercury. 1922. Jan. Vol. 6. № 32. P. 193–195.*

²³ *Казнина О. Д. Мирский. Несобранные статьи по русской литературе. С. 225.*

²⁴ *Святополк-Мирский Д.П. О современном состоянии русской поэзии // Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 61, 64. Впервые: Он же. О современном состоянии русской поэзии / Предисл. и публ. Г. Струве; послесл. Дж. Смита // Новый журнал. 1978. Кн. 131. С. 79–110.*

Булнина, то его стихи можно рассматривать только как “стилистические упражнения” очень большого прозаика»²⁵.

По словам Дж. Смита, «отсутствие поэтов модернистского периода, для которых Мирский не нашел места в своей антологии, кажется сознательным провоцированием эмиграции, поскольку Мирский хоть и включил по одному стихотворению Бальмонта и Гиппиус, он не включил Бунина и Ходасевича»²⁶. Это обстоятельство было не только замечено, но и выражено в печати — в частности, в рецензии М.О. Цетлина, опубликованной в «Современных записках»: «Булнина нет совсем, потому что его стихи названы “стилистическими упражнениями очень большого прозаика” Между тем в примечаниях к другой антологии, составленной Морисом Бэрингом (так у Цетлина. — М. Е.), тот же кн. Святополк-Мирский называет поэзию Бунина “единственной настоящей парнасской поэзией в России”. Неужели в качестве таковой она не должна была быть представлена в “кривой” этой антологии?»²⁷ Цетлин цитирует слова Мирского из предисловия: «Я хотел ее (антологию. — М. Е.) сделать вроде кривой, представляющей хаотическую сложность для неопытного глаза, но могущей быть рассчитанной с точностью по самому короткому отрезку»²⁸.

Разницу между антологией Беринга и «Русской лирикой» Мирского отмечает и Дж. Смит: «Меткие (crisp) примечания, которые Мирский поместил в конце своей антологии, создают весьма поучительный контраст с примечаниями, которыми Мирский в том же, что и его антология, году снабдил “Оксфордскую антологию русской поэзии” Мориса Беринга»²⁹.

Четверть с лишним века спустя, в 1952 г., нью-йоркское Издательство имени Чехова выпустило составленную А.А. Боголеповым антологию «Русская лирика от Жуковского до Бунина: Избранные стихотворения»³⁰. Трудно не увидеть в названии этой книги полемику с антологией Мирского и попытку «восстановления исторической справедливости». Учитывая, что Жуковский был сыном помещика Бунина, «буниноцетризм» антологии Боголепова представляется особо выраженным.

В 1925 г. Мирский выпустил свою первую из четырех (считая и книгу «Pushkin») книг по истории русской литературы (и первую книгу по-английски) — уже упоминавшуюся «Новую русскую литературу» («Modern Russian Literature»)»³¹. Поскольку эта книга оказалась во многом заслонена двумя

²⁵ Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. кн. Д. Святополк-Мирский; вступ. ст. проф. Г.П. Струве. N. Y.: Russica Publishers, Inc., 1979. С. XI. Курсив Мирского. (Репринт первого издания: Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. кн. Д. Святополк-Мирский. Париж, 1924.)

²⁶ Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. P. 131.

²⁷ Цетлин М. [Рецензия] // Современные записки. 1925. Кн. XXIV. С. 441. Рец. на кн.: Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Париж, 1924.

²⁸ Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. С. VI.

²⁹ Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. P. 130.

³⁰ Русская лирика от Жуковского до Бунина: Избранные стихотворения / Сост. А.А. Боголепов. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

³¹ На страницах журнала «Современные записки» книга Мирского была упомянута в числе книг, поступивших в редакцию (см.: Современные записки. 1925. Кн. XXIV. С. 478).

последующими «Историями русской литературы» Мирского, имеет смысл привести раздел, посвященный Бунину в главе «Великие романисты» («The Great Novelists»), параграф «Чехов и после» («Chekhov and After»): «Не имея повествовательного дара Куприна, Бунин довел до предела ту российскую тенденцию, которую мисс Харрисон называет “несовершенным стилем”³². Большинство его рассказов вовсе не имеют развития.

Бунин принадлежит к традиции Тургенева и Чехова, его творчество в основе своей поэтическое. Но у него нет искренней человечности Чехова. Он — художник слова, единственный ныне живущий писатель, чей русский язык удовлетворил бы Тургенева и Гончарова. Он холоден и сдержан — истинный парнасец, в высшей степени обладающий обеими парнасскими добродетелями, безупречностью и бесстрастностью. По его прозе легко догадаться, что он также и поэт, но его стихи имеют скорее характер упражнений, чтобы поддерживать свой стиль в хорошей форме. Место действия большинства его рассказов — это сельская местность в Центральной России. Наиболее значительное из его сочинений — “Деревня” (1910), которую Горький провозгласил лучшим, что когда-либо было написано о русском крестьянине. Оно очень мрачное и словно задумано как иллюстрация к недавним горьковским обличениям крестьянства³³. Но в Бунине есть и склонность к экзотике. Он любит юг, и место действия его лучшего рассказа — его единственного истинно великого сочинения — Неаполь и Капри. Это “Господин из Сан-Франциско”, мрачная история о богатом американце, приезжающем на Капри лишь для того, чтобы умереть в тот же день. Это одна из самых ярких вариаций на вечную тему могущества смерти и тщеты человеческой жизни»³⁴ (пер. с англ.).

Отметим, что и в книге 1925 г., и в более поздней «Истории русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)» («A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)», 1927) Мирский использует предложенное Дж.Э. Харрисон понятие «несовершенный стиль» применительно к Гончарову. Так, в «Истории...» 1927 г. Мирский писал о Гончарове: «У него существует лишь постоянное, постепенное разворачивание неизбежного. Это то, что мисс Харрисон назвала тенденцией русского романа к “несовершенному виду” — т. е. к той форме русского глагола, где действие находится в

³² Харрисон (Harrison) Джейн Элен (1850–1928) — английский этнограф, историк культуры и религии, антрополог; Мирский посвятил ей книгу «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского» («A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)», 1927). Об отношениях Харрисон и Мирского см.: Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. P. 96–98.

В английском языке imperfect — прошедшее несовершенное время. Говоря об «the imperfective style», Дж.Э. Харрисон, скорее всего, имеет в виду отсутствие последовательно-развернутого сюжета и законченных сюжетных концовок в повествовании. См. также: Rogachevskaya E. Британские интеллектуалы и русские медведи («Житие протопопа Аввакума» на английском языке) // Jews and Slavs. Vol. 14: Judaeo-Slavica et Russica. Festschrift Professor Ilya Serman. Jerusalem; M., 2004. С. 52.

³³ Речь идет о книге: Горький М. О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1922.

³⁴ Mirsky D.S., Prince. Modern Russian Literature. L.: Oxford University Press, Humphrey Milford, 1925. P. 96–97.

процессе осуществления. Эта тенденция, после Лермонтова, господствовала во всей русской литературе; исключением были плебейские писатели — Лесков и Писемский»³⁵ (пер. с англ.). Параллель Бунин — Гончаров будет неоднократно повторяться и в последующих текстах Мирского.

В 1926 г. Мирский опубликовал свою знаменитую книгу «Современная русская литература, 1881–1925» («Contemporary Russian Literature, 1881–1925»), где Бунину посвящен отдельный раздел. Мирский особо останавливается на стихах Бунина, давая им развернутую характеристику: «Как поэт Бунин принадлежит к старой, досимволистской школе. Техника его осталась техникой восьмидесятых годов, но она достигает более высокого уровня, и стих его менее “пустой”, чем у Надсона или Минского. Поэзия его в основном объективна, ее главная тема — впечатления от русской и иноземной природы. Несомненно, как прозаик он гораздо сильнее, чем как поэт, но поэзия его подлинная, и он единственный значительный поэт эпохи символизма, к символизму не примыкающий. Стихи его до 1917 г. собраны в трех книгах, из которых вторая включает в себя, вероятно, лучшие его стихотворения (1903–1906), в том числе мощное и запоминающееся стихотворение о дикой Башкирии “Сапсан” и незабываемые картины магометанского Востока»³⁶ (пер. с англ.). обстоятельно и подробно Мирский анализирует и бунинскую прозу. Любопытно отметить, что «Современные записки», оплот послереволюционной репутации Бунина и самый авторитетный журнал русской эмиграции, на книгу Мирского никак не откликнулись.

Проницательный и пространный анализ бунинского стиля и языка в «Истории...» отнюдь не лишен критических интонаций (в том числе и в том, что касается послереволюционного творчества Бунина), однако в целом его стоит признать взвешенным рассмотрением художественного мира Бунина в рамках первопробной попытки дать системную характеристику современной русской литературы — изнутри, но для иноязычной аудитории. Здесь имеет смысл отметить, что, обращаясь к нерусской аудитории (большей частью — англоязычной), Мирский намного более сдержан и умерен в своих оценках и, не поступаясь своими критическими принципами, старается привлечь внимание к богатствам русской литературы (что ранее было замечено М.О. Цетлиным в рецензии на «Русскую лирику», но никак им не истолковано).

В однотомном американском издании «Истории русской литературы» Мирского 1949 г. Ф.Дж. Уитфилд добавил к главе о Бунине абзац собственного сочинения: «В 1933 г. Бунину была присуждена Нобелевская премия, он продолжал писать и эволюционировать в эмиграции. В дополнение к нескольким собраниям рассказов и стихов, среди которых “Темные аллеи” (1943) получили особенно хвалебный прием, он написал повесть о юношеской любви (“Митина любовь”, 1924–1925) и начал большой автобиографический роман (“Жизнь

³⁵ Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. Л., 1992. С. 289. Курсив Мирского. См. также: *Mirsky D.S., Prince. Modern Russian Literature*. P. 34.

³⁶ Мирский Д.С. История русской литературы... P. 604–605.

Арсеньева”»³⁷ (пер. с англ.). Отметим, что после издания 1949 г. Ф.Дж. Уитфилд осуществил еще одно, сокращенное издание³⁸ (с последующими переизданиями), в которое целиком вошла «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)» и несколько первых глав — до главы, посвященной Чехову, включительно — из книги «Современная русская литература, 1881–1925». В это сокращенное издание глава, посвященная Бунину, не вошла.

Трудно сказать, был ли Бунин — *de visu* или в чьем-либо пересказе — знаком с «Современной русской литературой, 1881–1925» Мирского, однако последовавшие за выходом книги события резко накалили обстановку в кругах литературной эмиграции. Виновником этому был Мирский, а поводом — во многом — Бунин.

В апреле 1926 г. вышел второй (и, как оказалось, последний) номер журнала «Благонамеренный», издававшегося в Брюсселе князем Д.А. Шаховским, где был помещен текст Мирского под названием «О консерватизме. Диалог». В нем один из двух никак не представленных собеседников спрашивает: «Но все-таки Вы не можете отрицать, что наши литературные консерваторы подчас производят вещи весьма ценные?» — на что получает ответ: «Не отрицаю. Но ценность этих вещей меньше тех, которые создавали их образцы. Исключаю, конечно, Бунина, который подлинный творец и который органически связан с прошлым, а не с будущим. Но к Бунину применимо то, что применимо ко всей реалистической полосе русской литературы. Это голос разрушения, голос смерти, а не жизни. Мы можем и должны удивляться Бунину, но не должны хотеть возвращения условий, которые могли породить такое творчество. Я считаю “Суходол” вещью огромной по захвату и совершенству. Но более трупной, более безнадежной вещи в русской литературе я не знаю. Даже “Господа Головлевы” не так беспросветны»³⁹.

Можно полагать, что Мирский был первым в русской эмиграции, кто написал о Бунине подобное. Однако Мирский решил это не только написать, но и сказать публично — да еще и перед лицом самого Бунина.

5 апреля 1926 г. в Париже Мирский прочел доклад «Веяние смерти в пред-революционной русской литературе», на котором присутствовали И.А. Бунин, Г.В. Адамович, М.А. Алданов, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, В.Ф. Ходасевич, Б.К. Зайцев, А.М. и С.П. Ремизовы, З.А. Шаховская и др.⁴⁰ Доклад произвел шокирующее впечатление на слушателей — не только своей темой, но и тем, что Мирский объявил присутствующих на его докладе первых лиц русской зарубежной литературы ответственными за упадок и разложение духа, певцами смерти и разложения. Скандальность доклада усиливалась, в частности, эксцентрической мистификацией Мирского, покоробившей, надо полагать, «литературную аристократию». З. Шаховская вспоминала: «Говорил <Мирский> отменно умно, в одном

³⁷ *Mirsky D.S. A History of Russian Literature, Comprising a History of Russian Literature and Contemporary Russian Literature.* P. 394.

³⁸ См., напр.: *Mirsky D.S. A History of Russian Literature. From Its beginnings to 1900 / Ed. by F.J. Whitfield.* N. Y.: Vintage, 1958.

³⁹ *Святополк-Мирский Д.* О консерватизме: Диалог // *Благонамеренный.* 1926. № 2. С. 91.

⁴⁰ См.: *Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939.* P. 150.

месте подчеркнув, “как сказал выдающийся русский писатель Кундышин”. <...> <После доклада> кто-то в замешательстве спросил, с редким для него смущением: “Прости, Дима, я что-то не могу вспомнить, кто был Кундышин”. Святополк-Мирский важно: “Совсем не был, я его выдумал”»⁴¹.

После этого события начинают разворачиваться стремительно. В начале июля 1926 г. выходит в свет первая книга редактируемого Мирским журнала «Версты»⁴², в котором была помещена обширная рецензия Мирского на журналы «Современные записки» и «Воля России».

Еще в 1921 г. Мирский писал: «Нужно отметить, что <ни от кого> — от почтенных ветеранов интеллигенции, ничему не научившихся и ничего не забывших, до ветеранов, собравшихся вокруг “Современных записок” в Париже и других заграничных изданий, — откровений ждать не стоит» (пер. с англ.)⁴³. Однако разница в произведенном эффекте между английской статьей 1921 г. и рецензией в «Верстах» 1926 г. была разительной.

Эта статья — главный вклад Мирского-автора в первую книгу «Верст». Вторую статью Мирского, «Поэты и Россия», Дж. Смит называет «поверхностной» («perfunctory»), тогда как обзор журналов охарактеризован им как «сокрушительный» («devastating»)⁴⁴. Отметим, что первоначальные планы Мирского отличны от того, что было напечатано в первой книге «Верст». Мирский в письме Сувчинскому от 25 февраля 1926 г. писал: «Что мне написать как главную статью? (недлинную, конечно, 8 стр. не больше). У меня есть несколько проектов: <...> d) Итоги предреволюционного периода — т. е. критическая оценка стариков... <...> Рецензии предлагаю дать: а) Современные записки б) Воля России с) Книга Бицилли о Поэзии»⁴⁵. Дальнейшие планы уточняются в письме от 11 марта 1926 г.: «Статью о стариках (предреволюционного поколения) и рецензии о Современных записках, Воле России и Бицилли пришлю наискорейше»⁴⁶. В замысле статьи с «критической оценкой стариков» можно увидеть нечто родственное докладу (впоследствии опубликованному) «Веяние смерти в предреволюционной русской литературе».

Обратимся к тексту статьи в первой книге «Верст». Упомянув «принципиальн<ую> (и природн<ую>) уездност<ь> Бунина», Мирский писал: «Многим выше этих двух (Мережковского и Зайцева. — М. Е.) Алданов... Ходасевич... и особенно две подлинно большие (очень по разному) фигуры Зинаиды Гиппиус и Бунина», после чего посвятил Бунину почти страницу текста:

⁴¹ Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 131.

⁴² Уже после выхода в свет первой книги «Верст» Мирский писал Сувчинскому 25 октября 1926 г. о финансировании издания второй книги: «Я принимаю меры насчет денег. Готовлю кампанию в Америке. Поручили (от Шуваловой) обойти Рахманинова, но кажется, ничего не выйдет, так как он снюхался с Буниным» (Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 54).

⁴³ Mirsky D.S. Five Russian Letters. III. Recent developments in poetry. Poetry and Politics // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature. P. 68.

⁴⁴ Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. P. 153.

⁴⁵ Idem. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 48.

⁴⁶ Ibid. P. 52.

«...Бунин, “краса и гордость” русской эмиграции, столп Консерватизма, высоко держащий знамя Великого, Могучего, Свободного и т. д. над мерзостью советских сокращений и футуристических искажений — чистая традиция “Сна Обломова”. Бунин редкое явление большого дара не связанного с большой личностью. В этом отношении Бунин сродни Гончарову, которого он, я думаю, в конце концов не ниже. Именно о третьей и четвертой части “Обломова” (единственно подлинно большое, почти гениальное у Гончарова) вспоминаешь в связи с “Суходолом”⁴⁷.

“Суходол” очень большая вещь: никто (кроме, конечно, Салтыкова в “Господах Головлевых”) не дал такого страшного, убедительного, гнетуще-неизбежного эпоса о гниении и умирании уездного дворянства. Смерть, и даже не смерть, а страшное и гнусное предсмертие (*facies hippocratica*) целого класса никогда не вставала в более безнадежном, не величии, а ужасности (*Примеч. Мирского: Не случайно Пильняк (ученик Бунина в гораздо большей мере чем Белого или Ремизова)*⁴⁸ облюбовал из всего Бунина именно “Суходол”).

В “Современных записках” (да и нигде) Бунин не дал ничего равного “Суходолу”. “Митина любовь”, самая, по мнению многих, замечательная, вещь напечатанная в “Современных записках”, приятна, спору нет, и в лучших местах похожа, не фотографически, а ученически (и это хорошо), на памятные страницы Толстовского “Дьявола”. Но, конечно, если судить по “Митиной любви” о зарубежном творчестве — росту оно небольшого. И как она бледнеет и меркнет перед подлинной жизнью “Детства Никиты”. В конце концов, ядро “Современных записок” не дало в романе ничего равного напечатанному со стороны, “Преступлению Николая Летаева”⁴⁹.

Уже 10 июля 1926 г. Бунин записывает в дневнике: «На завтраке у Мережковских. Очень любезны и гостеприимны. З.Н. прочла свою статью против Святополка. Очень хорошо и с тактом написано. Все газеты ее отказались напечатать, появится статья у Мельгунова»⁵⁰. Речь идет о статье Гиппиус (под ее обычным псевдонимом Антон Крайний) «Мертвый дух»⁵¹. Об этой статье, а также о статье Гиппиус

⁴⁷ Ср., кстати, в ином контексте упоминание Обломова Буниным в конце жизни, в письме 1945 г. к А. Бахраху, с обращением «Дорогой Захар» и подписью «Ваш — Илья Ильич Обломов» (*Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. Б. м.: Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 174*).

⁴⁸ Ср. также другие оценки Мирским Б. Пильняка, которого он крайне низко ценил как писателя: *Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. С. 812, 813. См. резко негативные высказывания Бунина о Пильняке: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М., 2000. С. 160, 172. В рецензии на «Города и годы» К. Федина Мирский писал: «<Рассказ Федина “Сад”> обнаружил в нем умного и самостоятельного ученика Бунина (влияние которого на “советскую” беллетристику, особенно на Пильняка, очень велико, и обычно недооценивается» (*Святополк-Мирский Д., кн. [Рецензия] // Современные записки. 1925. Кн. XXIV. С. 432. Рец. на кн.: Федина К. Города и годы: Роман. Л.: Гос. изд-во, 1924*).*

⁴⁹ *Святополк-Мирский Д., кн. «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // Версты. 1926. № 1. С. 208–209.*

⁵⁰ Устами Буниных. С. 158. Публикатор М. Грин дает после упоминания «Святополка» уточнение: «[Мирского]».

⁵¹ *Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] Мертвый дух // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 4. С. 257–266; То же // Гиппиус З.Н. Чего не было и что было: Незвестная проза 1926–1930 годов / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Николюкина. СПб., 2002. С. 161–172.*

«О “Верстах” и о прочем» и об анти-«верстовской» статье Ходасевича Мирский отозвался в письме к Сувчинскому от 25 октября 1926 г.: «Статьи З. Гиппиус и Ходасевича имеют на меня ужасно вредное действие: развивают во мне чувство превосходства, гордыню (Superioritäts-complex)»⁵².

Печатный ответ самого Бунина последовал быстро — через месяц. В начале августа 1926 г. Бунин публикует в газете «Возрождение» статью о «Верстах»:

«Просмотрел и опять впал в уныние. Да, плохо дело с нашими “новыми путями”. Нелепая, скучная и очень дурного тона книга. <...>

Редакторы — Святополк-Мирский, Сувчинский и Эфрон, ближайшее участие — Ремизова, Марины Цветаевой и... Льва Шестова. Что за нелепость, за бесшабашность в этой смеси: Цветаева — и Шестов! И какая дикая каша содержание журнала! <...>

Как ни мало вкуса у его редакторов, все-таки видно, что действуют они не только по своему вкусу. И действуют прежде всего страшно по старинке; эта смесь сменовеховства и евразийства, это превознесение до небес “новой” русской литературы в лице Есениных и Бабелей, рядом с охаиванием всей “старой”, просто уже осточертело. <...>

Очень неинтересен и очень надоел и Пастернак, о котором уже сто раз успел сказать Святополк-Мирский: “Вся прошлая русская литература — гроб повапленный, и вся надежда русской литературы теперь в Пастернаке и Цветаевой!” Бабель тоже ценность и новинка не Бог весть какие. <...>

“Вольница” Артема Веселого, страниц двадцать какого-то сплошного лая, напечатанного с таким типографским распутством, которое даже Ремизову никогда не снилось: на страницу хочется плюнуть — такими пирамидами, водопадами, уступами, змееподобными лентами напечатаны на ней штуки вроде, например, следующих: “Гра, Бра, Вра, Дра, Зра с кровью, с мясом, с шерстью...” Что это значит и кого теперь удивит этим? <...>

А уж про Ремизова и Цветаеву и говорить нечего: тут любой дурачок за пять минут угадает, что именно дал в сотый, в тысячный раз Ремизов насчет Николая-Чудотворца и Розанова и чем опять блеснула Цветаева... <...> А рядом с Цветаевой старается Святополк-Мирский: в десятый раз долбит, повторяет почти слово в слово все то, что пишется о нас в Москве, наделяя нас самыми нелепыми, первыми попавшимися на распущенный язык уничижительными кличками и определениями... <...> Кстати сказать, узнал я из этих “Верст”, что “гениальный” Белый написал новый роман и как именно написал он его»⁵³.

В своей статье о журналах Мирский, говоря о достоинствах «Воли России» замечает: «“Воле России” принадлежит честь первого перевода на русский язык величайшего романиста новой Европы — Марселя Пруста»⁵⁴, но и это, и весь раздел статьи Мирского, посвященный «Воле России», Бунин словно игнорирует.

⁵² Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 61.

⁵³ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 218–221.

⁵⁴ Святополк-Мирский Д., кн. «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага). С. 210. Далее в рецензии Мирский пишет: «“Современные Записки”, издаваемые в Париже, совершенно игнорируют — такие уж Евразийцы — всю современную культуру Запада» (Там же. С. 210).

Как отмечает О.Н. Михайлов, «Бунин “новые” течения отвергал яростно, терял порой самообладание и всякое чувство меры, когда в эмигрантских изданиях читал, скажем, перепечатки произведений советских авторов. Таково, например, его выступление 1926 года “Версты”... <...> Статья “Версты” находится в одном ряду с другими, столь же темпераментными выступлениями на литературные темы — “Записная книжка” (1926, 1929, 1930), “Своими путями” (1926), “Заметки” (1927), “Большие пузыри” (1927), “О Волошине” (1932), “Босоножка” и др. Конечно, не одна “чистая” эстетика водила бунинским пером; но и эстетика тоже»⁵⁵.

Статья Бунина вызвала отклик редактора журнала «Воля России» Марка Слонима, в котором Слоним исключительно резко высказался и о Бунине-критике, и о бунинских полемических приемах, в частности о цитировании программной статьи редакторов в первой книге «Верст» с опущенной частицей «не», что принципиально меняло смысл цитированного высказывания: «Он не оценить хочет, а унижить, не разобрать, а ошельмовать. Злобу вызывают в нем все эти “новые люди” литературы, все эти нетитулованные пришельцы, к которым он, дворянин от искусства, относится с тем же презрением, что и крепостной барин к “хамам” и “кухаркиным детям”. <...> Ибо насколько сдержан Бунин-художник, настолько же распущен и не брезглив Бунин — критик и публицист. <...> Прежде чем учить других хорошему тону, не мешало бы самому Бунину научиться некоторым правилам литературного приличия. Но цель оправдывает средства. А цель эта — охаживать молодую русскую литературу и всех ее представителей и защитников изобразить в виде полуидиотов или большевистских лакеев»⁵⁶. «Нетитулованным пришельцем» Мирского, князя из рода Рюриковичей, потомка боярыни Морозовой и Екатерины II, назвать трудно. Можно предположить, что Мирский дополнительно вызывал у Бунина, с его разговорами «о “дворянских родинках”, “дворянских ушах” и вообще обо всем “дворянском”»⁵⁷, сильную неприязнь сочетанием аристократического происхождения и просоветских взглядов. Добавим, что одним из редакторов «Верст» был граф П.П. Шелига-Сувчинский, а в числе авторов — князь Н.С. Трубецкой.

Бунин ответил Слониму в печати⁵⁸. «Вот каков оказываюсь я, мертвый, глухой, косный, слепой, глухой, перед Слонимом, перед его жизненностью, перед его пониманием и приятием “нового”, перед его чуткостью, отзывчивостью, умственной широтой, его зорким оком и великолепными ушами. (Да и не один я, а вся эмигрантская “литературная знать и ее придворная челядь”.) Но вот неразрешимые вопросы: каким образом ухитрюсь я при всех моих вышеперечисленных качествах все-таки быть “очень хорошим” писателем? Почему я должен принимать и вкушать всю ту мерзость, которая подносится нам “новой” Россией,

⁵⁵ Михайлов О.Н. Страстное слово // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 12, 13.

⁵⁶ Слоним М. Литературные отклики. Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» // Воля России. 1926. № 8/9. С. 87–103. Цит. по: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 562–563.

⁵⁷ Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е.В. Витковского; коммент. В.П. Кочетова, Г.И. Мосешвили. М., 1996. С. 292.

⁵⁸ См.: Бунин И.А. Записная книжка // Возрождение. 1926. 28 окт. № 513. С. 3–4.

как тот сосуд, полный гадов, что спустился во искушение Петру Апостолу, когда он “взалкал и поднялся наверх, чтобы помолиться”? Почему я обязан сходить в гроб ради каких-то Артемов Веселых, Пастернаков, Бабелей, Слонимов, да еще благословлять их? Я еще далеко не в державинском возрасте, да и они далеко не Пушкины! Слоним тогда “уважал бы” меня? Очень верю, но откуда взял Слоним, что я жажду его уважения? — И еще: я в своей статейке о “Верстах”, цитируя их программную статью, проглядел в одном месте частицу “не” и тем исказил одну совершенно незначительную для общей оценки “Верст” фразу, о чем и сожалею. Это дало повод Слониму сказать обо мне: “Подобный прием носит совершенно определенное и далеко не благозвучное имя!” — Но зачем Слоним не договорил, постеснялся? Уж если распоясываться, так до конца»⁵⁹. Отметим, что бунинское «проглядел частицу “не”» явно противоречит бунинским же словам в статье о «Верстах»: «Вот, значит, каковы намерения журнала, — выписываю его программу почти целиком, выпустив всего пять строк из первого абзаца, ни в каком отношении не важных». Дискутируемая частица стоит вторым словом на первой строке (цитированной Буниным) редакционного обращения, а в цитате из обращения им выпущены не пять строк, а девять — из двадцати четырех, т. е. почти треть, так что Бунин лукавит.

На страницах первой книги «Верст» Бунин, впрочем, упоминался и в еще одной статье, в принадлежащем перу А. Туринцева «Опыте обзора»: «Замятин... писатель “новый”, писатель нашей, живой эпохи, а не из прошлого русской литературы (как Бунин, напр<имер>)»⁶⁰. Дж. Смит называет статью Туринцева «исключительно интересным обзором»⁶¹. В письме к Сувчинскому от 19 февраля 1927 г. Мирский писал: «...вся наша позиция как раз, что эмигрантская молодежь импотентна, не так ли? Другое дело критика, и я например очень хотел статьи от Туринцева, — уж если кого поощрять из молодежи, то прежде всего его»⁶². Именно Туринцева Мирский видел автором специальной, пусть и небольшой, работы о Бунине, как это следует из писем Мирского к Сувчинскому: от 28 февраля 1927 г. — «...очень прошу Вас поручить Туринцеву написать рецензию (страницы в две) о последней книге Бунина»⁶³; от 15 июня 1927 г. — «Напомните Туринцеву, чтобы писал статью о Бунине — непременно»⁶⁴. Третья книга «Верст» вышла и поступила в продажу в начале января 1928 г., но статья Туринцева о Бунине в «Верстах» так и не появилась.

«Нападение» на Бунина в первой книге «Верст» упоминается и в знаменитой статье В. Ходасевича 1926 г., направленной против «Верст» и Мирского лично:

⁵⁹ Цит. по: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 231–232.

⁶⁰ Туринцев А. Опыт обзора // Версты. 1926. № 1. С. 217. Туринцев Александр Александрович (прогоиерей Александр Туринцев; 1896–1984) в 1927 г. поступил в Свято-Сергиевский православный богословский институт и в 1931 г. окончил его; принял священство в 1949 г. в юрисдикции Московской патриархии.

⁶¹ Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 199.

⁶² Ibid. P. 75.

⁶³ Ibid. P. 79. Как указывает Дж. Смит, речь шла о книге рассказов Бунина «Солнечный удар» (см.: Ibid. P. 200).

⁶⁴ Ibid. P. 86.

«В... антологии («Русская лирика». — М. Е.) И.А. Бунин назван “очень большим прозаиком”, а теперь, в “Верстах”, этот чин сильно понижен — потому что надо было понизить одного из виднейших участников “Современных записок”»⁶⁵. Мирский никак прямым образом не откликнулся на обмен резкостями по поводу своей статьи в первой книге «Верст». Вместо этого во второй книге «Верст», вышедшей в начале января 1927 г., он поместил сокращенную переработку своего скандального доклада «Веяние смерти в предреволюционной русской литературе», где можно было прочесть, в частности, следующее: «На зачарованности смертью Андреева, Бунина, Арцыбашева настаивать не приходится, — она слишком очевидна. Смерть для них, как и для бесчисленных других, маленьких единственная реальность; жизнь — суета сует, или “безумие и ужас”. <...> У Бунина оно связано с необыкновенно острым историческим чувством гниения и разложения всего старого уклада русской жизни. Все они связаны с Толстым в своем отрицательном и враждебном отношении к культуре. Но то, что у большого человека было над-культурностью, непосредственной близостью к Безусловному, у этих, меньших, просто некультурность, т. е. утрата чувства ценности, унаследованной (пусть скудной) культуры. Интересно, однако, сохранение некоторого пиетета к своей культурной традиции: у Бунина (вообще беспощадного к своему классу) в сентиментальной любви к “антоновским яблокам”, у Андреева в благоговейном подходе к добродетели и подвигу “террористов” (“Тьма”, “Семь повешенных”). Но это “пережитки”. Главная тема Андреева и Бунина, упоение смертью и небытием, зачарованность всем, что о ней напоминает. Зачарованные ужасом смерти, лишенные всякого религиозного положительного отношения к ней, всякой меры (они хуже Горького тем, что и не хотят ее, как бы не подозревая о ее возможности) — они наслаждаются и упиваются приближением и близостью смерти, поклоняясь ей и ее предвестникам, как единственным владыкам. Характерна для них любовь к теме самоубийства, введенной в нашу литературу Чеховым, и рано выродившейся (особенно в драме) в чисто технический прием. Вообще отсутствие глубины и воображения у этих писателей вело их к тому, что их темы легко вырождались в шаблоны и соскальзывали в карикатуру и пародию. Тема самоубийства, дожившая до наших дней, обернулась такой само-пародией в “Митиной любви” Бунина, где прием, — конечно, бессознательно — “обнажен” и ничем не оправдан, кроме традиционной необходимости так кончить рассказ. Но если, от отсутствия воображения и культуры, эти писатели и способны бывали так занашивать и обесмысливать свои темы, в лучшие свои минуты они давали вещи подлинно значительные. “В тумане” Андреева и “Суходол” Бунина останутся как прочные и страшные памятники страшного, предсмертного времени»⁶⁶.

Постоянство мотивов смерти у Бунина отмечалось и убежденными поклонниками творчества Бунина. Так, например, Г.П. Струве в «Русской литературе в изгнании» (1956) отмечал, что «ни у одного русского писателя, кроме, пожалуй, Толстого, не было такого влечения к теме смерти в сочетании с такой жадностью к жизни

⁶⁵ Ходасевич В. О «Верстах» // Современные записки. 1926. Кн. XXIX. С. 437.

⁶⁶ Святополк-Мирский Д., кн. Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. 1927. № 2. С. 250–251.

и таким неустанным дивованием Божьим миром. Любовь к жизни, сознание чудесности Божьего творения и чувство смерти теснейшим образом переплетаются у Бунина, и на эту тему написаны им некоторые из лучших его страниц. <...> Едва ли не лучшие страницы в “Жизни Арсеньева” и вообще у позднего Бунина — о смерти⁶⁷. М.А. Алданов писал в письме Бунину от 22 августа 1947 г.: «Самое изумительное, по-моему: “Хорошая жизнь” и “Игнат”. Но какой Вы (по крайней мере тогда были) мрачный писатель! Я ничего безотраднее этой “Хорошей жизни” не помню в русской литературе»⁶⁸. Радикальность Мирского и заключалась в том, что он отказал Бунину в способности «дивования Божьим миром».

То, что в том же номере «Верст» Мирский в рецензии на «Дело Артамоновых» скажет, что эта книга «принадлежит к одной из магистральных традиций русской литературы, — к великому ряду обличений русской духовной скудости — “Обломов”, “Господа Головлевы”, “Деревня” Бунина»⁶⁹, для Бунина стало, судя по всему, лишь дополнительным оскорблением.

Мирский не остановился на достигнутом эффекте и в следующем 1928 г. опубликовал в англоязычном сборнике «Современные течения в русской литературе» («Contemporary Movements in European Literature») статью «Современные течения в русской литературе» («Contemporary Movements in Russian Literature»), где изложил в сжатом виде основные положения «Веяния смерти», а о Бунине написал следующее: «Бунин считается многими первейшим из живущих русских писателей. Это, без сомнения, гротескное преувеличение. Бунин ничего не добавил к национальному литературному капиталу из того, что в скрытой, а временами и в явной форме не содержалось бы у Тургенева, Гончарова, Салтыкова, Толстого или Чехова, и рядом с меньшими из этих своих предков он едва ли больше, чем пигмей. Однако его лучшие книги, “Деревня” (1911) и “Суходол” (1912), два ужасающих и безжалостных обличения нищеты, пустоты и безобразности деревенской России, принадлежат к великой традиции, и, по крайней мере, “Суходол” — это совершенный шедевр. После революции Бунин не написал ничего равного. Ныне он — главная литературная сила в стане консерваторов; довольно парадоксальная ситуация для живописателя безобразнейших картин России, сметенной революцией. В этих двух книгах всепоглощающее чувство смерти и пустоты, столь характерное для группы писателей (Андреев, Арцыбашев), получает социальное и историческое обоснование. Смерть в них не столько нечто вечное, сколько исторический феномен — фактическое умирание социального порядка. “Деревня” и “Суходол” — это симптомы и обличения распада, предшествующего смерти целой сферы дореволюционной России»⁷⁰ (пер. с англ.).

⁶⁷ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. С. 67–68, 171.

⁶⁸ Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным. С. 138–139.

⁶⁹ Святополк-Мирский Д., кн. Критические заметки // Версты. 1927. № 2. С. 257. Ср., напр., с высказыванием Бунина этого времени (Записная книжка // Возрождение. 1926. 28 октября. № 513. С. 3–4): «Боже мой, это Горький-то знает <Россию>, Горький, с его литературщиной, с его малярным размахом, это суздальское кривое зеркало!» (цит. по: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 223).

⁷⁰ Mirsky D.S. Contemporary Movements in Russian Literature // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature. P. 261.

Трудно определить, знал ли Бунин об этой публикации, но, учитывая многолетнее выдвижение Бунина на Нобелевскую премию по литературе, можно предположить, что, стань Бунину известно об этой статье, он бы воспринял это не иначе как диверсию, направленную на подрыв его международной репутации.

В феврале 1928 г. в книге 34 «Современных записок» Бунин начнет публиковать свою главную прозу эмигрантского периода — роман «Жизнь Арсеньева». Меньше чем через год после этого, в начале 1929 г., Мирский, уже сильно эволюционировавший влево, на страницах газеты «Евразия» по-прежнему настаивал, что, «как бы высоко ни оценивать написанное ими (старшими писателями, сложившимися в России. — М. Е.) за рубежом, их место в русской литературе определяется их прежним творчеством. “Митину любовь” нельзя серьезно равнять с “Суходолом”»⁷¹. В том же году Мирский, кажется, в последний раз в европейской главе своей биографии высказался в печати о Бунине — и о «Жизни Арсеньева» — в своей написанной по-немецки статье: «... между бунинским расцветом и его сегодняшним днем расстояние слишком уж велико. Вместо мощного “симфонизма” той повести здесь царит рыхлая бесформенность, усугубленная к тому же обильными метафизическими размышлениями. И все же этот роман, благодаря своей правдивости и подлинности, а также отказу от злосчастного романтического сюжета (“Митина любовь”), является его (Бунина. — М. Е.)... значительнейшим произведением послереволюционного времени»⁷².

Как видим, на фоне предшествующих оценок послереволюционного творчества Бунина Мирский в немецкой статье 1929 г. все же признает художественные достижения «эмигрантского» Бунина⁷³.

Но в стане Бунина никакая статья из пражско-немецкого журнала ничего в отношении Мирского переменить уже не могла. Так, М.А. Алданов в письме В.Н. Буниной от 17 января 1930 г. писал: «Теперь в смысле англ<ийских> и америк<анских> переводов будет, верно, еще труднее из-за той сводки, которую поместил Святополк Мирский в “Брит<анской> Энциклопедии”... ..Этот господин всем нам сделал много зла: в Англии он считается первым авторитетом по русской литературе!!»⁷⁴

⁷¹ *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 148–149. Впервые: Заметки об эмигрантской литературе // *Евразия*. 1929. 5 янв. С. 6–7.

⁷² Цит. по: *Марченко Т.В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar; Wien, 2007. С. 333; со ссылкой на публикацию: *Sv̇atopolk-Mirsky D.* Die Literatur der russische Emigration // *Slavische Rundschau: Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der Slavischen Völker*. Prag, 1929. № 4. S. 291.

⁷³ Напомним, что в 1929 г. в издательстве «Современные записки» вышел итоговый поэтический сборник Бунина «Избранные стихи», вокруг которого развернулась оживленная и ожесточенная полемика. См.: *Движати́на Т.* Модернисты против академика: «Избранные стихи» И.А. Бунина в критике русской диаспоры // *Русская литература*. 2005. № 1. С. 53–66.

⁷⁴ Цит. по: *Рогачевский А. И.А.* Бунин и «Хогарт Пресс» // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 344. Мирский опубликовал две обзорные статьи о русской литературе в энциклопедии «Британника»: 1) *Russian Literature // Encyclopædia Britannica: The Three New Supplementary Volumes constituting with the Volumes of the Latest standard Edition the Thirteenth Edition*. L.; N. Y., 1926. Vol. 3. P. 435–439; 2) *Russian Literatur // Encyclopædia Britannica*. 14th edn. L.; N. Y., 1929. Vol. 19. P. 751–758.

Можно соотнести этот резко негативный отзыв Алданова с весьма благожелательной и взвешенной оценкой алдановского творчества в первой книге «Верст» и в «Критических заметках» Мирского, опубликованных во втором номере «Верст»⁷⁵, о чем Мирский писал в письме к Сувчинскому от 25 октября 1926 г.: «Есть маленькие любезности Дням и Алданову, м. б. лишние? Но вообще рассуждения об Алданове не из лицепрятия, и не для уловления»⁷⁶.

Мотив «вредоносности Мирского» получит развитие в дневниковой записи Бунина от 2 ноября 1931 г.: «Письма: 1) от Глеба Струве, пишет насчет Вирджинии Вулф. Как будто есть надежда, что отнесется со вниманием, если, конечно, русские книги в ее издательстве не читает Святополк Окаянный»⁷⁷. «Святополк Окаянный» в издательстве «Хогарт Пресс» в 1920-е гг. русские книги не только читал, но и издавал⁷⁸. В 1931 г., однако, Мирскому было не до этого: в это время он уже принял решение об отъезде в СССР и занимался большей частью агитационной работой в качестве члена Британской коммунистической партии.

Однако и в этот критический и переломный для Мирского момент в его переписке снова появляется имя Бунина. Как пишет О.А. Казнина, когда «возникла необходимость уделить Бунину внимание в английском университетском курсе лекций о литературе, за советом обратились к Д. Мирскому. Отвечая на просьбу Б. Пёрса “определить место” Бунина в современной русской литературе, критик писал ему 10 января 1931 г. из Парижа: “Бунин, без сомнения, занимает место сразу вслед за Горьким, он самый видный представитель ‘старой школы’ ” в своем поколении”. Лучшими произведениями Бунина Мирский назвал “Деревню” и “Суходол”, которые, как он писал, позволяют считать его в русской литературе “классиком второй величины” (“minor classic”). По мнению критика, произведения Бунина, созданные до войны, повлияли на новую советскую литературу. А о поздних произведениях он заметил, что они были “перехвалены эмигрантской печатью”»⁷⁹.

Оценка Мирского может показаться не лишенной парадоксальности, но нужно помнить, что в этот период Горький в глазах Мирского — главное связующее звено с Советским Союзом, куда он планирует уехать, а слова о влиянии Бунина

⁷⁵ «Многим выше этих двух (Мережковского и Зайцева. — М. Е.) — Алданов, редкий у нас пример писателя более умного чем творчески сильного, с настоящим, не творческим, и не очень широким, но подлинно историческим зрением» (*Святополк-Мирский Д.*, кн. «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага). С. 209). См. также: Версты. 1927. № 2. С. 261–262.

⁷⁶ *Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931.* P. 62. В газете «Дни» Мирский в 1925–1926 гг. опубликовал ряд статей (см. список публикаций: *Ibid.* P. 191). Алданов в 1922–1924 гг. редактировал воскресное приложение к «Дням». См. также высказывания Мирского об Алданове в книге «Современная русская литература, 1881–1925» (1925), в статье 1926 г. «О нынешнем состоянии русской литературы» (*Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature.* P. 224) и в статье 1929 г. «Заметки об эмигрантской литературе» (*Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи.* С. 149).

⁷⁷ Устами Буниных. С. 255.

⁷⁸ Напр.: *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself // Transl. from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D.S. Mirsky.* L., 1924.

⁷⁹ *Казнина О.А. [Вступ. ст.] // Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину.* С. 342.

на советскую литературу — в устах «советизированного» Мирского звучат как похвала.

1 сентября 1931 г. Мирский опубликовал в «Нувель ревю франсэз» свою статью «История одного освобождения», а в конце сентября 1932 г. уехал в СССР⁸⁰. Преемником Мирского на посту в Школе славянских и восточноевропейских исследований (School of Slavonic and East European Studies) при Лондонском университете в конце мая 1932 г. был назначен Г.П. Струве⁸¹. Свою первую публичную лекцию 16 ноября 1932 г. Струве посвятил Бунину, а лекцию 23 ноября — Набокову⁸². Казалось бы, набоковская эпитафия лета 1932 г. — «Из Глеба выйдет больше толка, / чем из дурного Святополка!»⁸³ — попала в точку⁸⁴.

Однако, как показала Т.В. Марченко, уже после присуждения Бунину Нобелевской премии в 1933 г. к скептическому мнению Мирского апеллировали в шведских газетах: «...автор гётеборгской газеты не спешит влиться в общий хвалебный хор шведской периодики и ссылается на мнение русской критики: “На какое место ставят Бунина в истории русской литературы, трудно судить со стороны. Но можно в этом случае процитировать авторитетное суждение русского литературоведа князя Д.С. Мирского который после революции работает в Англии”⁸⁵.

А это суждение явно идет вразрез с общим мнением о соответствии русского писателя престижной международной награде, ибо, ссылаясь на Д.П. Мирского шведский журналист, было бы “гротескным преувеличением считать Бунина одним из первых русских писателей; сейчас его имя имеет политическое значение в эмиграции, что парадоксально, ведь он описал в черных красках ту Россию, которую революция уничтожила. Даже если это суждение о Бунине не вполне справедливо, все же ясно, что новый лауреат Нобелевской премии не принадлежит

⁸⁰ Отъезду Мирского в СССР предшествовал громкий разрыв отношений с Б. Пэрсом, не принимавшим новую «коммунистическую веру» Мирского. По иронии судьбы, когда-то убежденный антибольшевик, Пэрс к середине 1930-х гг. эволюционировал до состояния восторженного сталиниста, посетившего Советский Союз.

⁸¹ Оценка Г.П. Струве в его русско- и англоязычных работах Мирского как историка литературы и литературного критика — сюжет, заслуживающий отдельного рассмотрения.

⁸² Набоков писал в письме к Струве 2 декабря 1932 г.: «Очень, очень мне приятно, что вы — именно вы — читали обо мне. Я уже слышал о том, как блестяще прошла ваша первая — бунинская — лекция. Желаю вам, мой дорогой, огромных успехов. Не сомневаюсь, что вы много достигнете в Англии. А мерзкий Мирский, кажется, приезжает в Париж (где, говорят, будет с Бабедем и еще с кем-то издавать журнал)» (Письма В.В. Набокова к Г.П. Струве. Часть вторая (1931–1935) // Публ. Е.Б. Белодубровского и А.А. Долинина; коммент. А.А. Долинина // Звезда. 2004. № 4. С. 150).

⁸³ Там же. С. 148. О контексте эпитафии Набокова см.: *Efimov M. Nabokov and Prince D.S. Mirsky // The Goalkeeper. The Nabokov Almanac / Ed. Yu. Leving. Boston, 2010. P. 218–229.*

⁸⁴ «Список... публикаций <Г. Струве> в английской академической периодике открывается статьей “Искусство Ивана Бунина” в “Славянском обозрении” в 1933 г. В том же году в соавторстве с Хэмишем Майлзом (Hamish Miles) он опубликовал перевод книги И. Бунина “Жизнь Арсеньева” (“The Well of Days”). В следующем году он опубликовал в газете “Observer” рецензию на издания И. Бунина в английских переводах... Весной 1934 г. в “The Contemporary Review” в его переводе вышли воспоминания И. Бунина о встречах с Л. Толстым» (*Казнина О.А. Русские в Англии... С. 176*).

⁸⁵ Любопытно отметить, что автор статьи в шведской газете рассматривает Мирского как эмигранта, хотя с момента его отъезда в СССР прошло уже больше года.

к новаторам в русской литературе”. <...> ...Очевиднее всего, что шведский журналист при подготовке материала о Бунине обратился к одному из двух почти одновременно вышедших из печати трудов русского литературоведа на английском языке: “Modern Russian Literature” (London, 1925) и “Contemporary Russian Literature: 1881–1925” (London, 1927)⁸⁶.

Заочная жесткая полемика Мирского и Бунина (похожая, правда, больше на вынесение с каждой стороны окончательных приговоров, не подлежащих обжалованию, с зачислением в «расстрельные списки») середины 1920-х гг. обрывается отъездом Мирского в СССР. Ни Бунин, ни Мирский не увидят последующей творческой и человеческой эволюции друг друга. Для Мирского Бунин совсем вскоре станет частью мира, из которого он сбежал в Советский Союз; для Бунина, нужно думать, Мирский так и остался лишь неким просоветским, а потом и советским «литературным хулиганом».

Есть основания думать, однако, что принципиальной является не идеологическая окраска высказываний Мирского о Бунине (пункт, особо подчеркиваемый Буниным) — с учетом идейной эволюции Мирского, а та самая попытка Мирского выстроить канон русской литературы, о которой мы упоминали вначале⁸⁷. В 1926 г. для Мирского «Бунин сродни Гончарову, которого он... в конце концов не ниже»⁸⁸, а в оценке 1931 г. «занимает место сразу вслед за Горьким» и является «самы<м> видны<м> представител<ем> “старой школы” в своем поколении»⁸⁹.

Еще в 1922 г. Мирский утверждал, что «не только старая толстовская традиция вымерла, но и чеховская погибла бесславно»⁹⁰. В свою очередь, критика русского зарубежья долгие годы рефлексировала над судьбой дореволюционной литературы и пыталась связать дореволюционный период с литературой эмиграции. Бунин как раз и являлся одним из наиболее заметных звеньев в этой связке. Тургенев, Толстой, Чехов были теми фигурами, на фоне которых творчество Бунина оценивалось ведущими литературными критиками эмиграции (напри-

⁸⁶ *Марченко Т.В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). С. 444–445; со ссылкой на газетную публикацию: Göteborgshandels — och sjöfarts tidning. 1933. 10 nov. S. 11.

⁸⁷ Напомним слова Мирского из предисловия к его книге «Современная русская литература, 1881–1925»: «Я не пытался скрыть собственные политические симпатии, и люди, знакомые с русскими реалиями, легко их обнаружат. Но берусь утверждать, что моя совесть литератора свободна от политических пристрастий, что как литературный критик я одинаково честно отношусь ко всем: к реакционеру Леонтьеву, к либералу Соловьеву, к большевику Горькому, к “белогвардейцу” Бунину и коммунисту Бабелю. Мои суждения могут быть личными и субъективными, но эта субъективность вызвана не партийно-политическими, а литературными и “эстетическими” пристрастиями. Однако и тут у меня есть смягчающее обстоятельство: я полагаю, что мой вкус до некоторой степени отражает вкусы моего литературного поколения и что компетентному русскому читателю мои оценки не покажутся парадоксальными» (пер. с англ.) (Цит. по: *Мирский Д.С.* История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. С. 455–456).

⁸⁸ *Святополк-Мирский Д., кн.* «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага). С. 208–209.

⁸⁹ Цит. по: Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину. С. 342.

⁹⁰ *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 61. Отношение Мирского к Чехову требует отдельного описания и истолкования и, соответственно, остается за рамками настоящей статьи.

мер, Г.В. Адамовичем, П.М. Бицилли, Ф.А. Степуном)⁹¹. Н.Н. Берберова выразила обобщенную оценку не без двусмысленности: «И если бы он не опоздал родиться на тридцать лет, он был бы одним из наших великих нашего великого прошлого. Я вижу его между Тургеневым и Чеховым, рожденным в году 1840-м»⁹². И только Д.П. Святополк-Мирский поставил Бунина-прозаика (и отказав ему в праве считаться поэтом) в один ряд с Горьким, причислив его прозу «к великому ряду обличений русской духовной скудости»⁹³. «Обличение скудости» в соседстве с Гончаровым и Щедриным — тоже почетное литературное родство, но — не в глазах Бунина и тех, кто искал живой связи эмиграции с русской классикой.

Мирского, страстно увлеченного в 1920-х гг. Пастернаком, Цветаевой, Ремизовым и Элиотом, можно было бы заподозрить в «стилистической глухоте» применительно к творчеству Бунина, однако «История русской литературы» — с ее широчайшим диапазоном и заинтересованным вниманием к явлениям принципиально разных стилистических регистров — делает это предположение малоубедительным.

Как писатель Бунин для Мирского был и оставался автором «гнетуще-неизбежного эпоса о гниении и умирании уездного дворянства»⁹⁴. При этом «принципиальн<ая> (и природн<ая>) уездност<ь> Бунина» вкупе с подчеркиванием Буниным, автором «Деревни» и «Суходола», собственного дворянства должны были казаться Мирскому, природному Рюриковичу и столичному гвардейскому офицеру, по меньшей мере нелепыми стилистическими анахронизмами⁹⁵.

Парадоксальное (на поверхностный взгляд, по крайней мере) сочетание в Мирском филолога и офицера⁹⁶, выросшего в среде высокопоставленных военных и чиновников, облеченных властью и ответственностью за судьбы страны, определило и его двойственность как критика и историка литературы: изысканный эстетизм в литературных оценках (отсюда, например, восхищение Бабелем и неприятие Пильняка) сочетался с «активизмом» как жизненной установкой⁹⁷. Мирский был одним из тех, кто отстаивал необходимость оценивать изящную словесность по ее внутренним законам, а не по навязанным извне идеологическим меркам. Вместе с

⁹¹ См. репрезентативную подборку соответствующих цитат в кн.: *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. С. 170–171; а также мнение самого Струве: «Придет, думается, время, когда, оцененный беспристрастно в исторической перспективе, Бунин займет место не наравне с Чеховым, а выше его» (Там же. С. 170).

⁹² *Берберова Н.Н.* Курсив мой: Автобиография. С. 295.

⁹³ *Святополк-Мирский Д.*, кн. Критические заметки. С. 257.

⁹⁴ *Он же.* «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага). С. 209.

⁹⁵ Напомним слова Мирского из уже цитированной статьи 1928 г.: «Ныне он — главная литературная сила в стане консерваторов; довольно парадоксальная ситуация для живописателя безобразнейших картин России, сметенной революцией» (пер. с англ.) (*Mirsky D.S. Contemporary Movements in Russian Literature // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature.* P. 261).

⁹⁶ Мирский неслучайно выделял Гумилева как исключение среди русских писателей — как поэта и воина. В письме 1926 г. Мирский заметил, что верит «только в гвардейских офицеров» (*Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931.* P. 55).

⁹⁷ Так, сближение Мирского с евразийским движением началось в 1922 г., уже в следующем после приезда Мирского в Англию году.

тем Мирский видел в литературе один из важнейших индикаторов состояния нации, и потому принципиальное значение имеет тот факт, что обращение Мирского к коммунизму оказалось для него связано в первую очередь с чтением советской художественной литературы. Мирский *хотел* увидеть в литературе советской России признаки обновления и оздоровления нации — после катастрофы революции и Гражданской войны, и — уже в Советском Союзе — ему пришлось в полной мере оценить степень этого самообольщения и заплатить за него жизнью.

В 1920-е гг. Бунин для Мирского — это прочитанная страница истории России и истории русской литературы. Мирский мог признавать ее высочайший художественный уровень, но для того будущего, которого он искал, Бунин — в отличие от Пастернака и Цветаевой, в которых он видел «оптимистов», — не давал ничего⁹⁸. Мирский видел в Бунине «только литературу», хоть и временами первоклассную. В 1926 г. Мирский напишет: «Инерция вчерашнего дня всегда велика, и иногда лучший цвет литературного движения расцветает после смерти движения»⁹⁹; Бунина в глазах Мирского и можно увидеть этим «цветком после смерти».

Оказавшись в Советском Союзе в 1932 г., Мирский лишь постепенно осознал всю иллюзорность своей ставки на экспериментальную литературу в СССР: его затравили Безыменские и Вишневские, а имя привычным образом было вычеркнуто из списков живых и мертвых почти на тридцать лет. Бунина в советской России печатали еще в 1920-х гг. (включая эмигрантскую «Митину любовь»)¹⁰⁰, а после его смерти основной корпус его художественной прозы зарубежного периода стал доступен советским читателям и писателям, некоторые из которых достойны быть названы «бунинским потомством».

Представитель обедневшего дворянства и беспощадный наблюдатель дореволюционного «страшного, предсмертного времени»¹⁰¹, Бунин в эмиграции культивировал «дворянские родинки» и яростно обличал большевиков, русских символистов и эмигрантскую молодежь. Несмотря на разнообразные нападки со стороны молодых эмигрантских писателей, Бунин в 1920–50-е гг. рассматривался как самый крупный прозаик русского зарубежья. Нобелевская премия, казалось бы, окончательно утвердила за Буниным положение прижизненного классика, однако и публицистика Бунина, и его знаменитые «Воспоминания» свидетельствуют о том, что Бунин, болезненно озабоченный своим местом в истории русской литературы, чувствовал свою уязвимость в качестве классика. К концу жизни Бунин — в сохранившихся, по крайней мере, высказываниях — был едва ли не близок к нигилизму¹⁰². В исторической

⁹⁸ Напомним при этом слова Мирского в письме к Сувчинскому от 29 января 1924 г.: «Но кроме шуток, космический пессимизм мне очень близок, почему я так и презираю Гете, и так люблю Пушкина и К. Леонтьева» (*Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 26–27.*)

⁹⁹ *Святополк-Мирский Д., кн. «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага).* С. 207.

¹⁰⁰ См.: *Струве Г.П. Русская литература в изгнании.* С. 170. Примеч. 31.

¹⁰¹ *Святополк-Мирский Д., кн. Веяние смерти в предреволюционной литературе.* С. 251.

¹⁰² Ср. дневниковую запись А. Шмемана от 4 ноября 1974 г.: «В новой книге “Нового журнала” (№ 116) последние записи Бунина: какое страшное, полное отчаяние, страх смерти, одиночество. И злора! И самолюбие!» (*Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983 / Сост., подгот. текста У.С. Шмеман, Н.А. Струве, Е.Ю. Дорман; предисл. С.А. Шмеман; примеч. Е.Ю. Дорман. М., 2005. С. 121.*)

перспективе ясно, что Бунин, ставший признанным классиком в «российском» каноне русской литературы, не имеет аналогичного статуса в европейской литературе (что не говорит, конечно, об отсутствии исследовательского интереса на Западе к Бунину).

В свою очередь, Мирский, аристократ по рождению и воспитанию, блестяще образованный, офицер, прошедший Первую мировую и Гражданскую войны, сделавший исключительно успешную академическую карьеру в Лондоне и входящий в лучшие интеллектуальные круги Европы, проделал радикальную эволюцию во взглядах, стал правоверным коммунистом и уехал в Советский Союз, где ему было суждено умереть страшной смертью в колымском концлагере. Вместе с тем ни скандальная репутация в среде русской эмиграции, ни работы Мирского советского периода никак не повлияли на его посмертную международную (но не российскую) репутацию: «История русской литературы» Мирского по-прежнему не имеет достойных себе конкурентов и заменителей в англоязычном мире.

Т.Г. Петрова

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА И.А. БУНИНА
В КРИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ»)

Велика радость творчества, но как счастлив и
тот, кто радостно вникает в творчество чужое!

И.В. Гёте

О творчестве И.А. Бунина писали все ведущие критики русского зарубежья. Задача статьи — выявить и рассмотреть отзывы литературной критики о произведениях писателя, регулярно появлявшиеся в ведущей ежедневной парижской газете «Последние новости» за весь период ее издания: с 1920 по 1940 г. Как удалось установить, таких откликов появилось свыше ста¹. Жанровый состав этих газетных публикаций весьма разнообразен: *обзорные статьи о жизни и творчестве, прежде всего юбилейные; рецензии на выходящие в эмиграции книги писателя; обзоры литературной части* ведущего довоенного журнала русского зарубежья — «Современные записки», где регулярно печатались многие бунинские произведения², а также рецензии на другой парижский журнал — «Окно», где также печатались рассказы и стихотворения Бунина³; *репортажи с литературных событий* (прежде всего связанные с Нобелевской премией); *публицистические эссе; открытые письма*.

О творчестве Бунина на страницах газеты писали Георгий Адамович⁴ (подавляющее большинство всех откликов), Зинаида Гиппиус (Антон Крайний), Михаил Цетлин, Николай Минский, Георгий Иванов, Марк Алданов, Августа Даманская, Михаил Осоргин, Владимир Вейдле, Леонид Зуров, Павел Милюков, Андрей Седых, Р. Словоцов (Н.В. Калишевич), С. Литовцев (С.Л. Поляков), Игорь Демидов, Михаил Бенедиктов (М.Ю. Берхин).

Первым материалом, посвященным Бунину, стала *юбилейная статья* Н. Минского (Н.М. Виленкина) «Иван Алексеевич Бунин (к 50-летию со дня рождения)»⁵, подво-

¹ Роспись статей, посвященных Бунину в газете «Последние новости», см. в приложении к настоящей статье.

² В «Современных записках» были опубликованы повести «Митина любовь» и «Дело корнета Елагина», роман «Жизнь Арсеньева», фрагменты из книг «Воды многие» и «Освобождение Толстого», рассказы «Несрочная весна», «Звезда любви», «Преображение», «Цикады», «Солнечный удар», подборки стихотворений.

³ В журнале «Окно» (Париж, 1923. № 1–3, издатели — Михаил Осипович и Мария Соломоновна Цетлины) печатались рассказы «Безумный художник», «В ночном море», сказка «О дураке Емеле, который вышел всех умнее».

⁴ Именно Бунин, всегда ценивший Г.В. Адамовича, назвал его «лучшим критиком эмиграции» (см. примеч. А.К. Бабореко к письму И.А. Бунина от 21 февраля 1939 г.: <Бунин И.А.> Письма к М.В. Карамзиной. 1937–1940 // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. С. 679).

⁵ Минский Н. [Виленкин Н.М.] Иван Алексеевич Бунин: (К 50-летию со дня рождения) // Последние новости. 1920. 23 окт.

дящая итог дореволюционному творчеству писателя и одновременно словно удостоверяющая новый ранг Бунина — мэтра русской литературы в изгнании. Статья не вносила как будто ничего нового по сравнению со сказанным о Буине в России, но вместе с тем и фигура Бунина оказалась сильно укрупненной, и некоторые акценты были расставлены по-новому. Критик отметил страстную любовь писателя к жизни и глубокое ее восприятие, тщательность в изображении людей и природы, где каждое слово «образно, душисто и, в особенности, красочно». Его поражает, с одной стороны, «полная объективность» творческой манеры Бунина, а с другой — абсолютное «отсутствие сентиментальности»: «Сдержанный, недоверчивый, жестокий север сказался на творчестве Бунина»; не ищите у него ни «сложных интриг, ни шекспировских характеров. Вы часто встретите у него рассказы совершенные по мастерству и почти лишенные фабулы». Однако слава одного из первых русских писателей по самому характеру творчества Бунина далась ему не сразу и не скоро: «большую часть своей творческой силы», продолжает критик, Бунин посвятил изображению русской деревни, русского крестьянства и «взаимных отношений между деревней и городом», и в этой области, полагает Н. Минский, писатель «порвал со всеми традициями наших классиков и оказался новатором и предвозвестником», которого не понимали до тех пор, «пока не совершилась судьба России и не вспыхнул пожар», на фоне которого многие впервые увидели писательский образ Бунина во весь его рост. Только тогда стало понятно: «...то, что казалось нам отсутствием общей идеи, было героической решимостью сказать о народе правду, не ту правду, которую интеллигент привносит из своей книжной совести, а правду, почерпнутую в непосредственном, самоотреченном наблюдении над действительной жизнью самого народа». Н. Минский имел в виду упреки дореволюционной критики в «очернительстве» и «пессимизме», искажении того «светлого образа русского крестьянина», который «был завещан» великими писателями, когда отношение Бунина к деревне и мужику проявилось особенно сурово. Это мнение дореволюционной критики, обвинявшей писателя в предвзятом подходе к крестьянской России и поддержанное народнически настроенной публикой, когда-то разделял и сам Н. Минский, но, перечитав в эмиграции рассказ «Весенний вечер», увидел в нем «откровение правды и грозное пророчество». Вывод, к которому он приходит: «Чем дальше читаешь Бунина, тем больше убеждаешься, что один он не солгал, один измерил море ненависти, ожесточенной жажды мщения, которое веками копилось в душе русского крестьянина, покамест не вскипело и не затопило мира. Один Бунин предостерегал интеллигенцию не творить себе кумира из народа, из народной веры, из народной правды».

Такая публицистичность стиля литературно-критической статьи — характерная особенность эмигрантской газетной литературной критики первой половины 1920-х гг., когда и в современной литературе, и в русской классике искали и находили пророческие мотивы, предупреждения, подтверждение свершившейся русской трагедии.

В парижском издательстве «Русская земля» в 1922 г. вышла в свет книга рассказов и стихов Бунина «Чаша жизни» (в том же издательстве были изданы «Деревня. Суходол» (1921) и «Господин из Сан-Франциско» (1920); в Праге и Берлине в эти годы также выходили многие книги Бунина). М. Цетлин сразу опубликовал в газете

большую *проблемную статью-рецензию* «Чаша Жизни»⁶. В ней он задавался вопросом — в чем ценность, значительность творчества Бунина: в мастерстве стиля, в богатстве языка или в тонкой прелести почти незаметного сюжета, в невидимо скрепляющей и формирующей рассказ композиции. Все это присуще прозе Бунина. Но критик уверен, что бунинское таинственное «нечто» — это свойственное каждому большому художнику целостное мировосприятие автора. «Бунина всегда интересует “мир как целое”, он остро вглядывается в отдельные явления этого мира, но и за мельчайшими подробностями чувствуется некий общий метафизический “воздух”. Свое “мироощущение” хочет он воплотить и дать почувствовать читателю». Его искусство — «созерцание мира», — утверждал М. Цетлин. «И потому так законченны даже его “отрывки ни о чем” или длинные, необычные по форме повествования, которые он сам принужден называть поэмами». «Философия» Бунина, по мысли критика, это, как у всякого истинного художника, непосредственно и незаметно пронизывающая все творчество «атмосфера».

Другие темы, затронутые М. Цетлиным в этой статье, — эстетика Бунина, буддистская ориентированность его творчества, бесстрастность и объективность. Бунин и видит, и умеет описывать страдание, ущербность, уродство человеческой жизни, но при этом, по мысли критика, он далек от «буддийского пессимизма». Писатель любит и изображает природу «как некую “вещь в себе”». Прекрасна сама природа, прекрасно и то, что в человеческой жизни близко к природе, к весне, — молодость, пробуждающая любовь. И Бунин изумительно чувствует и передает и то и другое: «Мир слишком красив, чтобы быть призрачным». «Душевно-физическое» у писателя настолько слито, что достаточно описать наружность человека, чтобы он был весь дан. Это не «тайновидение плоти» по Мережковскому, подчеркивал критик, а изумительно сильное и напряженное видение: «По-своему и напряженно видеть — вот главный завет эстетики Бунина».

В литературной критике нередко высказывалось мнение о бесстрастности и объективности писателя. Но бесстрастие и объективность не тождественны, настаивал М. Цетлин: «Напряженность и богатство эмоциональной жизни необходимо художнику. И Бунин меньше, чем кто-либо другой, обладает добродетелью бесстрастия».

Сборник «Роза Иерихона», состоявший из 25 рассказов 1916–1923 гг. и 89 стихотворений (того же периода), вышел в Берлине (издательство «Слово») в 1924 г. Тот же М. Цетлин в рецензии на сборник обратил внимание на тему смерти: «Из рассказа “Преображение” можно было бы сделать длинную философски-религиозную повесть», ибо Бунин писал о смерти «так истово, так благоговейно, что воистину преображал ее»⁷.

На страницах «Последних новостей» А.Ф. Даманская отметила присущий бунинским рассказам пафос, «захватывающий именно своей сдержанностью, благородным целомудрием». Кто еще, кроме Бунина, может позволить себе быть патетичным, «не рискуя перешагнуть роковой межи, отделяющей великое от смешно-

⁶ Цетлин М. «Чаша Жизни» // Последние новости. 1922. 14–15 апр.

⁷ Цетлин М. [Рец. на кн.:] Бунин И.А. Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924 // Современные записки. 1924. № 22. С. 449.

го», — задается вопросом рецензент и отвечает, что Бунин может — «оттого, что умеет. И умение его в неподражаемости его вкуса, его художественного чутья»⁸. Обобщая настроение эмигрантской литературной критики, откликавшейся на книги Бунина, выходявшие в эмиграции, А. Даманская утверждала, что литературный обозреватель, перед которым стоит задача писать о произведениях Бунина, испытывает редкостное удовольствие и «отдается прежде всего тому чувству, которое можно определить как “высокая радость восхваленья”». И таких эмоциональных восхвалений в адрес Бунина в эмиграции раздавалось действительно очень много.

«Прекрасной книгой» назвал сборник и М. Алданов, особо отметив как лучший рассказ сборника «Петлистые уши» (написанный в 1916 г.) — «страшный рассказ о первичном человеческом зле», — и даже как лучшее из всего созданного Буниным⁹.

В сборник «Митина любовь» (Париж: Русская земля, 1925; 2-е изд.: Париж: Современные записки, 1930) вошли 17 рассказов, заглавная повесть 1924 г. и 25 стихотворений (только первое из них датировано — 1925 г.). Едва ли не общее мнение выразил Б. Зайцев, когда написал, что повесть относится к числу шедевров — «вещей, коими Бог не каждый день благословляет художника... <...> Бунину, видимо нравится, что есть в мире стихии, силы, властвующие над человеком, для него не так, пожалуй, важен человек, как то, что больше его: любовь. Точнее надо сказать: любовь-страсть»¹⁰.

Во французском переводе повести было дано название «Таинство любви» («Le sacrement d'amour»). Это чувство в произведениях писателя всегда предстает в сложной соотношенности с человеческой судьбой и смертью. Как певец любви, Бунин отражает в ней и красоту, и дисгармоничность мира. С изумительной полнотой тема любви окажется раскрытой позднее — в сборнике рассказов «Темные аллеи», который создавался в 1937–1945 гг.

З.Н. Гиппиус, предложившая аналитическое прочтение произведений писателя, оказалась в числе немногих не попавших под обаяние «Митиной любви». В эссе «О любви», которое первоначально готовилось для публикации в журнале «Современные записки», но с испугом было отвергнуто редакцией, она сначала назвала Бунина «королем изобразительности», мастером, которому нет равных в современной литературе, когда он не рассказывает о природе, вещах и людях, а прямо показывает их. Но дальше З. Гиппиус высказала обобщающую мысль о том, что писатель, не желающий или не умеющий видеть «улучшенной» действительности, рискует показать ее «ухудшенной»: «Такой художник легко соскальзывает с действительности — вниз; его герой, в любовном состоянии, действует еще ужаснее, гибнет еще скорее, чем это бывает в жизни, а сама любовь кажется еще безысходнее и обманнее»¹¹. И в повести Бунина, по мнению

⁸ Даманская А.Ф. [Рец. на кн.: Бунин И.А.] Роза Иерихона. Изд. «Слово», 1924 // Последние новости. 1924. 4 дек.

⁹ Алданов М. [Рец. на кн.: Бунин И.А. Роза Иерихона. Берлин: «Слово», 1924 // Дни. 1925. 25 янв.

¹⁰ Зайцев Б.К. [Рец. на кн.: Бунин И.А. Солнечный удар. Париж: Рус. кн. дело «Родник», 1927 // Современные записки. 1927. № 30. С. 551.

¹¹ Гиппиус З. О любви // Последние новости. 1925. 25 июня.

критика, именно это и происходит. З. Гиппиус не может поверить художественной правде «Митинога “падения” с Алёнкой» и риторически вопрошает: для чего Бунин «унижает своего Митю до “заживо умирающих любителей мертвечины?”». Она приходит к выводу: «Попытка изобразить мир в статике, в его настоящем моменте, никогда не удастся истинному художнику. <...> ...Воля, не направленная *вперед*, оказывается направленной *назад* и *вниз*. Не желая “улучшать” действительность, такой художник ее роковым образом ухудшает. И мир в его изображении становится воистину ужасным, вечной победой вожделения над любовью, смерти над жизнью. Ужасным — и *не* реальным, *не* действительным» (курсив З. Гиппиус).

Противоположный взгляд высказал Г.В. Адамович в ближайшей из «Литературных бесед»: сцена «падения», на его взгляд, «очень хороша в своем жестокости реализме и психологически верна безусловно. <...> Беззащитность Мити перед соблазном, сплетающаяся с его беспомощностью овладеть собой и своей страстью, очерчена в повести удивительно. Митя до последней минуты не знает, что впереди. Со стороны же его смерть очевидна и неизбежна»¹².

Рецензируя «Литературную часть» журнала «Современные записки», где, прежде чем выйти отдельным изданием, печаталась повесть (1925. № 23, 24), Гиппиус отметила, что первые главы произведения («прелестной, душистой повести») пронизаны «волшебным, всепробужающим, нежным светом». «Бунин — художник, образы которого не скоро бледнеют в памяти: магическое действие их длительно»¹³. В другой своей рецензии, на 29-й номер журнала, где были напечатаны фрагменты из бунинской книги «Воды многие», она заметила, что «в смысле преобладания “жизненности” над мыслью и воображением — Бунин типичный русский беллетрист» и здесь его следует поставить первым¹⁴. И дальше З. Гиппиус писала, что мастерство Бунина — «лишь средство доводить описательство до совершенства, до наглядности, до воссоздания самого предмета», а очерк Бунина «Воды многие» — один из ярких примеров такого на одном элементе построенного, «жизненного-только-жизненного» русского искусства. И это самый подлинный, самый настоящий Бунин: «Читая его морской дневник, совершенно забываешь, что в этом “беллетристическом” произведении нет ни мысли, ни воображения. Такова сила “жизненности” художника...» А далее З. Гиппиус коварно вопрошала: «...не делаем ли мы ошибку, когда требуем от Бунина, помимо его изобразительности, его “жизненности”, — еще чего-то другого?» Сравнивая творческую манеру Б. Зайцева и Бунина, она утверждала: «Если Бунин сидит с головой в жизни, ворочается в ее бессмысленной гуще, то Зайцев полупулего, полусторожно прикасается к ней, а иной раз даже около ходит... <...> Он созерцатель». Эта ее мысль о том, что Бунин — лишь «описатель», не оставшаяся в эмиграции не замеченной, сильно задела писателя.

¹² Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1925. 13 июля.

¹³ Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] «Современные записки». Книга XXIV // Последние новости. 1925. 23 июля.

¹⁴ Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] «Современные записки». Книга XXIX // Там же. 1926. 11 ноября.

Следующий сборник его рассказов, «Божье дерево» (Париж: Современные записки, 1931) состоял из 51 рассказа, датированных 1927–1930 гг. Рассказ, давший название сборнику, был впервые опубликован в «Современных записках» (1927. № 33) и сразу вызвал отклики критики. Г.В. Иванов в своей рецензии писал, что это не рассказ, а «род деревенского дневника: несколько записей ни о чем». И дальше он полемизировал с З. Гиппиус: «“Описательство”, как модно теперь выражаться... Но вот “описательство” это узнаешь без подписи с первой же строки. И с первой до последней — читаешь “Божье дерево” с тем волнением, с тем “холодком в сердце”, какое дает только искусство самое строгое, самое чистое. <...> И в соседстве с его искусством все наши предвзятые каноны кажутся досужими и ненужными домыслами “текущей литературной жизни”»¹⁵. Другой критик газеты — С. Литовцев — даже соотносил название сборника с «древом жизни» Гёте и полагал, что в книге рассказов Бунина появилось нечто более ценное, чем художественное мастерство — «дух внутренней тревоги», а также «сознательная попытка со стороны Бунина дать... страшно сжатый род рассказа». Герой рассказа «Божье дерево», по мысли критика, становится носителем философии «приемлемости мира», ему «весело жить и не страшно умирать», ибо все имеет «какое-то высшее Божье намерение»¹⁶.

В очередной раз рецензируя книгу Бунина, А. Даманская в отклике на его сборник рассказов «Последнее свидание» (Париж: Т-во Н.П. Карбасникова, 1927) констатировала: «Из всех находящихся теперь вне России русских писателей И.А. Бунин без всяких оговорок воспринят европейским читателем и без оговорок признан европейской критикой... <...> ...И не о сочувственности критических отзывов приходится говорить. Они обычно тона восторженного и подписаны именами корифеев европейской критики»¹⁷. Европейская оценка творчества Бунина, которую приводила А. Даманская, базировалась, разумеется, на откликах французской печати и была гораздо сдержаннее, нежели в передаче Даманской — «совершенство формы, доведенное до предельности, художественная убедительность описаний, стройность, четкость в развитии сюжета».

Не удержавшись от сравнения прежних рассказов Бунина с его произведениями последних лет (т. е. 1923–1926 гг.), она писала, что многие строки сборника «могут навести на мысль о том, что когда-то не любил автор Россию той глубокой тоскующей любовью, как любит ее теперь». Можно сказать, что А. Даманская здесь пронизательно подметила начавшуюся в творчестве Бунина смену акцентов, присущую всей литературе русского зарубежья: поэтизацию, в какой-то мере даже мифологизацию прошлого. И далее она утверждала, что «любая страница этой книги гордо опровергает все теоретические рассуждения о том, от подлинной ли литературы “описательство”». А тайну мастерства художника усматривала в «правдивости, жизненности образов Бунина»: «...и тогда любил, когда рисовал такие потрясающие картины звериной, пещерной жизни, животной жадности, злобы бессмысленной, скарденности... и так страстно обличал оттого лишь, что “Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей...”»

¹⁵ Иванов Г. «Современные записки». Кн. XXXIII // Последние новости. 1927. 15 дек.

¹⁶ Литовцев С. «Древо Божье» // Там же. 1931. 9 апр.

¹⁷ Д-ская А. [Даманская А.Ф.] Посол державной литературы // Там же. 1927. 7 апр.

Сборник «Солнечный удар» (Париж: Родник, 1927), куда вошли 11 рассказов 1925–1926 гг. со сквозной темой любви-страсти, неизменно восторженно приветствовал М.О. Цетлин, который писал о рассказе, давшем название всему сборнику, что не помнит в литературе такой почти физически ощущаемой передачи солнечного света, удававшейся ранее лишь художникам-импрессионистам: «По напряженности чувства, по насыщенности светом, счастьем и болью любви этот маленький рассказ — чудо»¹⁸.

В 1928–1929 гг. в «Последних новостях» печатались фрагменты автобиографического повествования «Жизнь Арсеньева». Журнальный вариант выходил в «Современных записках» с 1928 по 1933 г. (в № 34, 35, 37, 40, 52, 53). Отдельное издание первых четырех книг (с подзаголовком «Истоки дней») было опубликовано в 1930 г. в Париже (издательство «Современные записки»), а пятая книга (подзаголовок «Лица») в 1939 г. в Брюсселе (издательство «Петрополис») и Париже (издательство «УМСА-Press») ¹⁹. Произведение получило восторженные оценки критики, признавшей его наиболее значительным из всего того, что было создано писателем. В центре развернувшейся дискуссии оставался вопрос о жанре произведения и его автобиографичности. Как известно, сам Бунин жанровую принадлежность определял как «роман» — в кавычках²⁰.

Рецензируя литературный отдел «Современных записок», критики «Последних новостей» приветствовали выход каждой части (книги) «Жизни Арсеньева». М. Цетлин в отклике на первую книгу отметил, что в ней нет характерной для русского романа «жизненности», она резко отклоняется от путей, по которым шло развитие художественного повествования и которым следовали и Стендаль, и Толстой. По мнению критика, роман шел ко все большему устранению личности рассказчика, что справедливо даже по отношению к таким повествованиям, ведущимся от первого лица, как толстовские «Детство» и «Отрочество». Между тем в «Жизни Арсеньева» «мы все время слышим самого повествователя, его интонации, его рассуждения», все, о чем он рассказывает, «живет не само по себе, а отраженным в его душе, в его рассказе». В «Жизни Арсеньева», по словам критика, есть много автобиографического, но произведение «не похоже ни на одну из знакомых нам автобиографий», хотя и «дает ценнейший материал для понимания личности и творчества Бунина». «Жизнь Арсеньева», как полагает М. Цетлин, «не роман и не автобиография, она написана не о жизни, а о смысле жизни» (курсив М. Цетлина). Это как бы «рассуждение о Божьем величии», о прелести всего земного, удесятеренной его брэнностью: в книге есть и необыкновенная чуткость к мгновенному, и желание закрепить его в тончайших деталях, вызванные «страхом перед гробом беспамятства»²¹.

¹⁸ Цетлин М.О. Книги и люди // Последние новости. 1926. 23 дек.

¹⁹ Полностью все пять частей вышли в Нью-Йорке в 1952 г.

²⁰ См., напр.: Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. Франкфурт-на-Майне, 1994. С. 304. Сам исследователь оценивает «Жизнь Арсеньева» как «феноменологический роман», где «прошлое заново переживается в момент писания», и усматривает здесь сходство с романом М. Пруста «В поисках утраченного времени» (с. 305).

²¹ Цетлин М. «Современные записки». Кн. 34-я. Литературный отдел // Последние новости. 1928. 1 марта.

Г. Адамович размышлял о том, что первые две части романа останутся в нем, по-видимому, особняком, ибо эти «необыкновенно прекрасные главы представляют собой “плач об исчезнувшей России” — гораздо больше, чем биографию какого-то мальчика»²². Бунин, немало «покритиковавший» в свое время старую русскую жизнь, «когда пришел час проститься с ней, нашел для нее только добрые слова, как бы ото всех благодаря ее за то, что она, плохо ли, хорошо, все-таки всем давала» («пропел отходную» старой России).

Оценивая четвертую книгу «Жизни Арсеньева», Г. Адамович обратил внимание на особняком стоящие главы о русской революционной интеллигенции, которые написаны «едко и блестяще, хочется сказать “антологически”»²³. Бунин не любил Достоевского. Но чтение некоторых страниц этой части произведения напомнило критику «Бесов»: «Тон и природа насмешки и там и здесь одинаковы».

Г. Адамович также отметил, что писатель просто «восхищен бытием» и «соединяет восторг с горечью»²⁴. «Лица» (пятая часть «Жизни Арсеньева»), по мнению критика, является «повестью о страстном стремлении к любви и о невозможности такой любовью удовлетвориться».

В рецензии на первые четыре книги, изданные в Париже в 1930 г. (подзаголовок: «Истоки дней»), И.П. Демидов определил их как «музыкальную поэму» «в исполнении большого оркестра под руководством большого дирижера»²⁵. В книге «речь идет о жизни, которая больше “текучей повседневности”». «Неразрешимый трагизм» книги, по мнению критика, заключается «в антиномии страстной любви к безумию ликующей жизни и страшной тайны царствующей в ней... смерти». На музыкальность произведения указывали и другие критики. Так, например, Ф. Степун отмечал, что новизну книги составляет «не пластика, а музыка»: «Некое непередаваемое звучание тверди небесной, той тверди духовной, под которой развертывается судьба России и судьба Арсеньева»²⁶.

Автобиографичность книги оценивалась по-разному. Одни, как, например, тот же Ф. Степун, полагали, что книга не является «автобиографическим романом»²⁷. А. Седых (Я.М. Цвибак), как литературный секретарь близкий к Бунину в нобелевские дни, также свидетельствовал, что сам писатель «очень огорчился, когда эту вещь называли “автобиографической”»²⁸. М. Алданов, назвав «Жизнь Арсеньева» «самым лучшим произведением» писателя, книгой о дореволюционной России, целиком написанной по памяти, высказывал другую точку зрения: он полагал, что Арсеньев, конечно же, «не *весь* Бунин», но в герое «от

²² Адамович Г. «Современные записки». Кн. 37. Часть литературная // Последние новости. 1929. 10 янв.

²³ Он же. «Современные записки». Часть литературная // Там же. 31 окт.

²⁴ Он же. Литературные заметки. [Рец.:] Бунин И.А. Лица. [Брюссель, 1939] // Там же. 1939. 4 мая.

²⁵ Демидов И.П. Истоки дней // Там же. 1930. 20 февр.

²⁶ Степун Ф. [Рец.:] Бунин И.А. Божье древо. Париж: Современные записки, 1931 // Современные записки. 1931. № 46. С. 486.

²⁷ Он же. И.А. Бунин и русская литература // Возрождение. 1951. № 13. С. 172.

²⁸ Седых А. Далекое, близкое. М., 1995. С. 204–205. (Первое издание: Нью-Йорк: Новое русское слово, 1962.)

Булнина оченъ мнлгел, егел мьслел, егел чувствел, егел взглелдьел нел жлзнел, егел отнлशलел к льуделм»²⁹ (курслвл М. Алдановел).

Нел прлсужденле Булнлу Нлбелелвскл прелмл по ллтерелтурел³⁰ 9 нлвблрел 1933 г. гелзел «Плслелднел новлстел» мгновеллно отреагелрлवल слнчелл ределкцлоннл информелцлоннл зелметкел³¹, а зелтел и облшлрнл подблркелкел спелцлелнлгел булннскел нлмерел, вышедшего 16 нлвблрел. Информелцлоннл зелметкел нел перवल стрелнлце гелзел булел облженел зелголвлком: «Прелмл по ллтерелтурел прлсужденел автору “Жлзнел Арселньелвел”». В ней прлвелденел крелткел блелогрелфлческел свелденел о новлм лелуреллел, всерлсслйскел известнлстел которелгел «превлрелтелсл в млровул сллу. Эл боллшл млрелльнел побелдел и русскл ллтерелтурел, и русскл эмлгрелцлел», — подчелркелवलсл в гелзел. Ее глवलнл ределктор П.Н. Млльлков, прлслелднеллел к мнлгочлслслннм поздрелвлнелм, отелметл «оснлвнлу телму», релзवलелмел в стелгелх о творчелствел лелуреллел — «о льлбвл к отелчелству и нелрднл глрдлстел» (говлрел старьлм «карелмзлннсклм» стеллелм)³². Но сеглднелшннл мьслел эмлгрелцлел, плсал Млльлков, не о нем в первуел очелредел и не о егел творчелствел (зел этел он прлслелт Булнлу вселх лзвлнлть): «Мь в селмел делел преллсполнелны сеглднел чувствел нелрднл глрдлстел: олдн лз нелшлх льлчшлх и первелйшлх плслтелел полулчлл нелконец мелждунелрлдоннел прлзнелнел и формелльнл перелшелгнул ту черту, которел отделеллел репутелцлел плслтелел нелцлонеллнлгел от плслтелел млровелгел», и «мь прлвелтствеллуем егел в новлм звелнелл лелуреллел — и влместел с телм прлвелтствеллуем селмлх селбел с егел помлщелю». Так Млльлков констеллтелрлवल велжнелйшуел облбеннлстел этелх торжеств — эмлгрелцлел прелзднлवल не толлькел нелцлонелльнлу побелду, но и поллтелчелскуел: лменнл «ллтерелтурел» и плслтелел эмлгрелцлел, а не советскл Рлссел лпервелл полулчлл нелболелел влеллелтелльнлу млровул прелмл.

М. Алданов в стелгел «Об лскусствел Булнлу»³³ облрлтел внлмелнел нел льлчшел, нел егел взглелд, корлткел пролзвелденле Булнлу — релсселк «Петлстелльел улшел», в которелм отелметл мелстерствл оплслнелл Нелвскел прлспектел, «лзлблреллтелльнлу сллу» и срелवलнл Булнлу с Л.Н. Толстьлм и Ф.М. Длстлелвелсклм. Крелтлк ултверждел, что Булнл — «плслтелел без фелбулы», «не лелжлтел у него к ней душел», келк «не лелжлтел к “пслхллогелчелскелму олнелзу”». М. Алданов зеллнтерелсовелсл профелсслонелльнлм влпрлслем о телм, «челм же тот релботеллел», и полпытелсл покелзлть совелршенствл «худлжествелннлгел аппарелтел» плслтелел, егел «безлшлблчнлй лнстлнкт» и вькус, «толчнлстел флзлчелскел прлблрел», смену тлнел и рлтмл лзьлкел; а лз пролзвелденлй крелпнлй флрмл селмьлм зелмечлтелльнлм нелзवल «Жлзнел Арселньелвел», лбо телкел «сллवलслнл ткелнел» «нет нл у олднлгел лз жлвушлх ньнел беллетрлстлвл». М. Алданов соглелслл с мнелнелм А.И. Купрлнел, нелзवलвшего Булнлу «плслтелелм длел плслтелеллел», а глवलнл телмел Булнлу прлзнел телму смелртел.

²⁹ Алданов М. О Булнне // Новьл журнал. 1953. № 35. С. 132.

³⁰ Подрелбнеллел обл всех перлпетеллелх прлсужденел И.А. Булнлу Нлбелелвскл прелмл см.: Марчелнко Т.В. Русскел плслтелел и Нлбелелвскел прелмл: 1901–1955. K6ln; M6nchen; Wlen, 2007.

³¹ Б. н. Булнл — нлбелелвскл лелуреллел // Плслелднел новлстел. 1933. 10 нлвб.

³² Млльлков П. Прлвелт лелуреллу // Там же. 16 нлвб.

³³ Алданов М. Об лскусствел Булнлу // Там же.

З. Гиппиус в статье «В сей час»³⁴ писала, что Бунин — достойный хранитель русского языка — «является для зарубежья как бы олицетворением той последней, ценнейшей части России, которую отнять у нас уже нельзя». Тему прекрасного языка и стиля писателя продолжил и В.В. Вейдле (статья «Полдень»), сравнив Бунина с Н.В. Гоголем, И.С. Тургеневым и Л.Н. Толстым: «...пристальность его к слову для русской прозы совершенно исключительна, и она у него гораздо сильнее в отношении прозы, чем в отношении стихов. Бунин здесь превосходит тех, с кем всего естественней его сравнивать: Тургенева и Толстого»³⁵. Писатель «видит слово вблизи, так же вблизи, как его видел Гоголь; но он меньше поддается соблазну с ним играть». Все это, однако, не означает, что проза Бунина «превосходит все остальное в русской литературе, но ему принадлежит самое зрелое и законченное ее мастерство», — резюмировал критик.

В этом же юбилейном номере газеты со словами о лауреате и его творчестве выступили и Г.В. Адамович, М.А. Осоргин, Л.Ф. Зуров, А. Седых (Я.М. Цвибак), в газете подробно освещалась поездка и пребывание Бунина в Стокгольме на торжественной церемонии вручения премии³⁶.

Вдогонку нобелевским торжествам вышла книга К.И. Зайцева — первое монографическое исследование жизни и творчества Бунина³⁷. На нее с остороженностью, переходящей в открытое недовольство, откликнулся рецензией Г. Адамович, констатировавший, что книг о Буине «до сих пор у нас не было» и это «первая большая работа такого рода»³⁸. По мнению критика, бунинская жизнь уже и теперь «принадлежит исследователю, как материал подлежащий изучению»: нельзя забывать «эпоху, в которую сложился писатель, нельзя забывать борьбу, которую выдержал он с господствовавшими тогда литературными течениями, и всю вообще сложнейшую сеть влияний, отталкиваний, притяжений и противодействий, которой окутана и опутана бывает творящая личность». Однако из книги К. Зайцева, по мысли критика, невозможно узнать, почему Бунин оказался единственным из больших художников своей эпохи, не поддавшимся символистским и декадентским соблазнам; «не узнаем и того, почему не по пути пришлось Бунину и с традиционным народничеством», ибо в книге нет попытки дать «панораму времени», а это важно в качестве «фона для бунинской творческой несговорчивости, для его веры в себя». Кроме того, в процессе исследования творчества писателя мысль автора рецензируемой книги оказалась «оттеснена чувством на второй план»: «Восклицательный стиль — самый неубедительный стиль», а дело критика — «холодное, рассудочное», он «берется за перо лишь тогда, когда впечатления остыли и разум успел в них разобраться». Но сам Бунин «не провоцирует» разума. «Будучи одним из самых умных русских писателей, он менее всего — писатель умничающий, т. е. заставляющий

³⁴ Гиппиус З. В сей час // Последние новости. 1933. 16 нояб.

³⁵ Вейдле В. Полдень // Там же.

³⁶ Удалось выявить порядка сорока различных откликов, появившихся в газете с 10 ноября 1933 г. вплоть до 19 марта 1934 г. См. приложение к статье.

³⁷ Зайцев К. И.А. Бунин: Жизнь и творчество. Берлин: Парабола, 1934.

³⁸ Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1934. 18 окт.

своих героев вести назойливо-глубокомысленные беседы. В этом он прямой наследник Толстого — в противоположность наследникам Достоевского, который при личной своей глубине и гениальности породил целую плеяду беллетристов, лишь играющих в глубину и гениальность. Бунин умен в своем общем ощущении мира, в своем остром и беспощадном взгляде на мир, а вовсе не в выдумывании вопросов, без которых огромное большинство людей жило, живет и будет жить». Вывод критика: поспешность, преждевременность публикации книги К. Зайцева, еще не вполне «созревшей».

Неудовлетворенность от этого незрелого, еще зачаточного буниноведения побудила Г. Адамовича самого высказаться о Бунине более определенно. Статья «Перечитывая Бунина» была написана им о начальных двух томах собрания сочинений писателя, изданных берлинским издательством «Петрополис». Тот, кто захочет «постичь “философию” Бунина», должен обратиться к его маленьким рассказам, где «в остроте непосредственного столкновения с каким-нибудь фактом, в самой случайности возникновения этих размышлений все озарено ослепительным светом», — утверждал критик. Бунин — «молодеет в зрелости»; он долго вглядывался в мир, «долго и внимательно изображал его, — и только после этого сказал: “что мы знаем, что мы понимаем, что мы можем?”»³⁹. Революция каждого как бы вернула к «сути вещей», «к основным вопросам и нитям существования», и Бунин помолодел именно ей в ответ, «утверждая над временным поражением — бессмертные победы». Критик тонко подметил особенности мастерства писателя в описании природы: «...при явном здоровье и крепости своей творческой натуры, Бунин по-настоящему оживляется лишь в отражении природы пронзительно-меланхолической, со следами тютчевской “возвышенной стыдливости страдания”⁴⁰...» Природа у Бунина «сочувствует человеку — или как бы ищет сочувствия у него». Но это уже не «равнодушная природа», сияющая «вечной красой», и не лермонтовские «торжественные и чудные» небеса над кем-то, кому «больно и трудно». У Бунина происходит слияние, соединение, продолжение одного в другом. Картины яркие и гармонические меньше удаются Бунину не потому, полагает Г. Адамович, что они меньше его вдохновляли, а потому, что ему в них труднее найти отзвук современной, почти всегда «ущербной» человеческой души. «В них не налаживается диалог. Человека Бунин всегда ищет, но, в противоположность большинству теперешних писателей, не приступает к нему сразу, а идет издалека, снизу — от безмолвных, вечных, сонных жизненных пластов. Ему чужд человек, вырванный из лона бытия, ему нужен мир с человеком в центре его. Оттого, может быть, само собой получается, что оживление приходит, когда язык природы нам ближе и доступнее», — продолжает критик. Слово «описание» в применении к Бунину — не совсем точно: человек и природа у него представляют собой как бы «острие и основание одной и той же сущности».

³⁹ Адамович Г. Перечитывая Бунина // Последние новости. 15 нояб.

⁴⁰ Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Есть в светлости осенних вечеров...» (1830): «...и на всем / Та кроткая улыбка увяданья, / Что в существе разумном мы зовем / Божественной стыдливостью страданья».

Повесть «Деревня» спустя двадцать пять лет после того, как была написана, поражает предчувствием революции — «и какой-то своей исторической правдивостью». Впечатление, ею оставляемое, согласно критике «похоже на ощущение катастрофы или проигрыша. Проиграли Россию». Возможно, это же почудилось в «Деревне» и четверть века тому назад, что и вызвало бесконечные толки об излишнем пессимизме, даже о клевете. Бунин мог ошибиться, но не ошибся и все оказалось «вещим сном», — обобщает Г. Адамович.

До Второй мировой войны в Берлине вышло самое полное собрание сочинений Бунина — в 11 томах (изд-во «Петрополис»; 1934–1936). В предваряющей издание заметке «От автора» Бунин писал о том, что текст «окончательно установлен» и он просит «читателей, критиков и переводчиков пользоваться только этим текстом» (Т. 1. С. 7). В собрание не вошли стихотворные переводы, большое количество ранних стихотворений и рассказов. Последняя часть «Жизни Арсеньева» — «Лица», датированная 1933–1938 гг., вышла в Брюсселе в 1939 г., уже после выхода в свет собрания сочинений. Первыми, по свидетельству В. Ходасевича, появились второй («Деревня. Суходол»⁴¹, включавший также и 31 стихотворение периода 1908–1911 гг.) и седьмой тома («Митина любовь. Солнечный удар»⁴², т. е. произведения, датированные 1924–1926 гг.). Интересно, что выход первых томов собрания сочинений из печати совпал с годовщиной «вручения премии Нобеля»⁴³. По мнению В. Ходасевича, в рассказе «Дело корнета Елагина» (1925) писателя интересует «не психологическая, а иррациональная сторона любви, та ее непостижимая сущность... которая настагает, как наваждение, налетает Бог весть откуда и несет героев навстречу судьбе»⁴⁴. Не внешние, но внутренние события этих рассказов, по мнению критика, «иррациональны, и характерно для Бунина, что такие иррациональные события всегда им показаны в самой реалистической обстановке и самых реалистических тонах. Быть может, именно на этом контрасте у Бунина все построено, тут из этого контраста все у него и возникает», — высказывает свою догадку В. Ходасевич. Именно между «Деревней» и «Суходолом», полагает критик, и произошел в творчестве Бунина «тот толчок, который впоследствии столь очевидно выдвинул его на первое место среди современных русских писателей».

Сразу несколько рецензий появилось на страницах журнала «Современные записки» — отклики В. Вейдле⁴⁵, П. Бицилли⁴⁶, М. Алданова⁴⁷. Литературные критики обращали внимание на еще большее совершенствование творческой манеры Бунина в эмиграции и поэтому оценивали его произведения этого периода значительно выше дореволюционных.

⁴¹ Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 2: Деревня. Суходол.

⁴² Он же. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 7: Митина любовь. Солнечный удар.

⁴³ Ходасевич В. Бунин. Собрание сочинений // Возрождение. 1934. 29 нояб.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Вейдле В. [Рец. на кн.:] Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934. Т. 2, 3, 7 // Современные записки. 1935. № 57. С. 462–464.

⁴⁶ Бицилли П. [Рец. на кн.:] Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 4 // Там же. № 58. С. 471.

⁴⁷ Алданов М. [Рец. на кн.:] Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 9, 10 // Там же. № 59. С. 471–473.

Десятый том (1935) собрания сочинений — «Окаянные дни» (каждый том имеет общее название) — состоит из прозы 1914–1927 гг. Писатель, работавший над своим прославленным дневником сначала в Москве, а затем в Одессе, рассказывал о зиме 1917–1918 гг. в Москве, из которой Бунина навсегда уехали 23 мая (ст. ст.) 1918 г., а затем — «о жизни в Одессе под большевиками» (о чем замечательно написал во вступительной статье к отдельному изданию «Окаянных дней», изданных впервые по новой орфографии к 20-летию со дня смерти писателя, С. Крыжицкий). Сами же дневниковые записки датированы с 1 января (ст. ст.) 1918 г. по 24 марта 1919 г. в Москве и с 12 апреля по 20 июня 1919 г. в Одессе⁴⁸. С. Крыжицкий подчеркнул, что революция в России означала для Бунина «*конец исторической России, ее культуры, веками установившихся традиций, ее духовного облика*»; в революционное время «все худшие черты русского человека, самые отрицательные стороны его души, о которых Бунин не раз писал до революции, выплеснулись наружу...»⁴⁹ (курсив С. Крыжицкого). Писатель был «живым и зорким свидетелем кровавого начала новейшего смутного времени». Со свойственной его натуре правдивостью, непосредственностью и мастерством он передал в этих дневниковых записях все виденное им и пережитое, писал критик. Г. Мейер в статье «У истоков русской революции: Перечитывая “Окаянные дни” Бунина», в свою очередь, утверждал, что писатель чувствовал революцию как «некую тайную злую силу», «стремящуюся осмыслить по-своему бессмысленный народный бунт и направить его к неведомой и страшной цели»⁵⁰.

Г. Адамович отозвался и на книгу И. Бунина «Освобождение Толстого» (Париж: YMCA-Press, 1937), отрывки из которой публиковались в «Современных записках» (1937. № 63). Как показалось Адамовичу, в своей книге Бунин пересматривает сложившиеся в критике представления о писателе, которым сам он восхищался всю жизнь, он стремится убрать с портрета Толстого некий налет «сушальности», опровергнуть известное утверждение Д. Мережковского о Толстом как «тайновидце плоти», в отличие от Достоевского — певца духа. Сам «уход» Толстого предстает в эссе как торжество духа⁵¹.

По определению Г. Адамовича, Бунин был «художником пушкинско-толстовского склада», что и позволило ему понять Толстого «не разумом, а жизнью». Как ни старался Адамович соединить несоединимое — высказать свое понимание литературных явлений и не поколебать пьедестала «первого писателя эмиграции», но статья его вызвала неудовольствие Бунина, припомнившего в личной переписке десять лет спустя свое несогласие с выводами Адамовича⁵².

⁴⁸ И.А. Бунин выехал с женой, В.Н. Муромцевой, из Одессы в Константинополь 26 января 1920 г. на пароходе «Спарта».

⁴⁹ Крыжицкий С. Бунин и «Окаянные дни» // Бунин И.А. Окаянные дни: К двадцатилетию со дня смерти И.А. Бунина (8 ноября 1953). London (Ontario): Заря, 1973. С. IX. Книга переиздавалась там же в 1974, 1977, 1982 и 1984 гг.

⁵⁰ Мейер Г. У истоков русской революции: Перечитывая «Окаянные дни» Бунина // Возрождение. 1954. № 36. С. 118.

⁵¹ См.: Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1937. 23 сент.

⁵² См. письмо И.А. Бунина Г.В. Адамовичу от 15 июля 1947 г. // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 59–60.

Последний новеллистический сборник, составленный самим Буниным, но изданный уже после его смерти, — «Петлистые уши и другие рассказы» — вышел в Нью-Йорке в Издательстве им. Чехова в 1954 г. В сборник входят 11 рассказов, написанных в эмиграции. Среди них и опубликованные впервые в «Последних новостях» — «Обреченный дом»⁵³, «К роду отцов своих»⁵⁴, «Первая любовь»⁵⁵. К рассказу «К роду отцов своих» критики эмиграции, пишущие о Бунине, обращались неоднократно. Так, например, Ф. Степун отметил, что этот рассказ потрясает «громадною художественною силою, с которой в нем слиты воедино два неслиянных, хотя и нераздельных лика смерти: лик ее неземной красоты и лик ее земного зловония... это ладан над падалью. Так страшно правдиво и, несмотря на весь свой неприкрытый реализм, все же сокровенно религиозно о смерти в России еще никто не писал»⁵⁶.

Сборник рассказов «Темные аллеи» (Нью-Йорк, Новая земля, 1943; 2-е доп. изд.: Париж: La Presse Française et étrangère, 1946), как и книга «Воспоминания» (Париж: Возрождение, 1950; Париж: Lev, Sor., 1981), вышли из печати в послевоенное время, когда самая влиятельная газета русского зарубежья давно перестала существовать.

Литературные критики, выступавшие на страницах газеты «Последние новости», рассмотрели практически все выходившие в зарубежье прозаические произведения И.А. Бунина и высказали интересные наблюдения над его творческой манерой, сделав акцент на эстетическом критерии взамен социологического подхода дореволюционной народнической критики, тогда как поэтическое наследие писателя не нашло серьезного отражения в критических материалах газеты⁵⁷. Ее ведущий литературный критик — Г.В. Адамович — в своей итоговой книге «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955) в литературном портрете «Бунин» назвал писателя «последним бесспорным, несомненным представителем» классической эпохи, художником, который хотя и сложился в XX в., но «весь был связан с тем, что одушевляло прошлое»⁵⁸. В основе содержания, объединяющего все, что написано Буниным, по справедливому замечанию критика, «лежит вечный общечеловеческий вопрос: кто я? Откуда я вышел? Куда я иду? — и с изумлением перед непостижимостью ответа на этот вопрос соединяется благодарная уверенность, что “пустой и глупой шуткой” жизнь наша в целом быть не может»⁵⁹.

Задачи дальнейшего выявления содержания критических материалов эмигрантских журналов и газет, раскрытия общих закономерностей участия эмигрантской критики первой волны в культурном движении предвоенного и после-

⁵³ Последние новости. 1930. 30 нояб.

⁵⁴ Там же. 1928. 15 апр.

⁵⁵ Там же. 1930. 30 нояб.

⁵⁶ Степун Ф. [Рец. на кн.:] Бунин И.А. Божье дерево. Париж: Современные записки, 1931 // Современные записки. 1931. № 46. С. 488.

⁵⁷ Итоговая поэтическая книга Бунина — «Избранные стихи 1900–1925» (Париж: Современные записки, 1929). См.: Степун Ф. [Рец. на кн.] // Современные записки. 1929. № 39. С. 528–532.

⁵⁸ Адамович Г.В. Одиночество и свобода. СПб., 2002. С. 79, 81.

⁵⁹ Там же. С. 84.

военного времени, оценка роли отдельных критиков в этом процессе продолжают оставаться весьма актуальными. Однако история литературной критики русской эмиграции первой волны и как самостоятельного явления, и как неотъемлемой части истории русской литературной критики XX в. еще только пишется совместными усилиями современных исследователей, возвращая нам этот огромный континент российской культуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГАЗЕТА «ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ» ОБ И.А. БУНИНЕ

Минский Н. [Виленкин Н.М.] Иван Алексеевич Бунин // 1920. 23 окт. № 154.
К 50-летию со дня рождения.

Письмо Н.В. Чайковского И.А. Бунину // 1921. 27 февр. № 263.

Гребеницков Г. О здравии. Из дневника // 1922. 5 февр. № 555.
К.Д. Бальмонт, И.С. Шмелев, К.А. Тренев, С.Н. Сергеев-Ценский, И.А. Бунин,
М. Горький.

Цетлин М. «Чаша Жизни» // 1922. 14–15 апр. № 613–614.
О сборнике И. Бунина «Чаша жизни» (Париж: Русская земля, 1922).

М. «Окно». Трехмесячник литературы. II. Париж, 1923 // 1923. 12 июля. № 988.
И.С. Шмелев, И.А. Бунин, А.М. Ремизов, В.В. Розанов, З.Н. Гиппиус, Б.Ф. Шлецер,
Л. Шестов, Д.С. Мережковский.

Л.М. Вечер Бунина // 1923. 27 дек. № 1128.
Вечер состоялся 21 декабря 1923 г. в отеле «Мажестик».

П.М. [Милуков П.Н.] «Современные записки», книга XVIII // 1924. 31 янв.
№ 1157.
А. Крайний, И.А. Бунин.

Р.С. [Калишевич Н.В.] Вечер страшных слов // 1924. 20 февр. № 1174.
О вечере «Миссия русской эмиграции», устроенном 16 февраля в «Саль де
Жеографи». Д.С. Мережковский, И.А. Бунин, И.С. Шмелев.

Осоргин М. [Ильин М.А.] Миссия И. Бунина // 1924. 10 апр. № 1216.

Бенедиктов М. [Берхин М.Ю.] «Окно». Книга третья // 1924. 8 мая. № 1239.
И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Тэффи, М. Осоргин, З.Н. Гиппиус, М.Л. Гофман.

Бенедиктов М. [Берхин М.Ю.] «Современные записки». XX // 1924. 3 июля. № 1285.
Б.Ф. Шлецер, И.А. Бунин, В.Ф. Ходасевич, С.Г. Скиталец.

Даманская А. Роза Иерихона. Изд. «Слово», 1924 // 1924. 4 дек. № 1415.
Рец на кн.: Бунин И.А. Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924.

Бенедиктов М. [Берхин М.Ю.] «Современные записки». Книга XXII // 1925.
22 янв. № 1455.
И.А. Бунин, П.П. Муратов, К.Д. Бальмонт.

Бенедиктов М. [Берхин М.Ю.] «Современные записки». Книга XXIII // 1925.
26 марта. № 1509.
М.А. Алданов, И.А. Бунин, И.С. Шмелев, А.М. Ремизов, В.Ф. Ходасевич, В.Я. Брюсов.

Гиппиус З. О любви // 1925. 18 июня. № 1573; 25 июня. № 1585; 2 июля. № 1591.
О повести И.А. Бунина «Митина любовь», о Ш. Деренне и И.В. Гете.

Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] «Современные записки». Книга XXIV // 1925.
23 июля. № 1608.
Л. Андреев, И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, В.Ф. Ходасевич, В.Я. Брюсов, И.С. Шмелев,
Н.А. Бердяев.

Осоргин М. [Ильин М.А.] Кафедральствующий // 1925. 2 сент. № 1643.
И.А. Бунин, И.А. Ильин.

Кускова Е. Кто же главный игрок? // 1925. 19 дек. № 1736.
И.С. Шмелев, И.А. Бунин.

Б. п. Литературная хроника // 1926. 21 янв. № 1765.
И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, М. Алданов, Б.К. Зайцев, Саша Черный.

Цетлин М. [Рец. на кн.:] Бунин И.А. Митина любовь. Париж, 1925 // 1926.
11 февр. № 1472.

Бенедиктов М. [Берхин М.Ю.] «Современные записки». Книга XXVII // 1926.
15 апр. № 1849.
И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, А.М. Ремизов, И.С. Шмелев, Л.Н. Толстой,
К. Гамсун, В.Ф. Ходасевич.

Цетлин М. «Совр. записки» // 1926. 29 июля. № 1954.
«Современные записки». 1926. № 28. И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, М. Алданов,
П.П. Муратов, В.Ф. Ходасевич, Н. Оцуп.

М. Горький об И. Бунине // 1926. 7 авг. № 1963.

Гофман М.Л. Открытое письмо И.А. Бунину // 1926. 4 нояб. № 2052.

М.Л. Гофман вмешался в полемику И.А. Бунина с М.Л. Слонимом (в газете «Возрождение») о новой орфографии.

Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] «Современные записки». Книга XXIX // 1926.

11 нояб. № 2059.

П.П. Муратов, И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, М.А. Алданов, Д.С. Мережковский, Ф.А. Степун.

Письмо И.А. Бунина // 1926. 22 дек. № 2100.

Письмо И.А. Бунина в редакцию «Последних новостей».

Цетлин М. «Солнечный удар» // 1926. 23 дек. № 2101.

Рец. на кн.: Бунин И. Солнечный удар. Париж: Родник, 1927.

Б. п. Вечер Ив. Бунина // 1927. 1 марта. № 2169; 6 марта. № 2174; 9 марта. № 2177;

11 марта. № 2179; 14 марта. № 2182.

О парижском вечере И.А. Бунина 14 марта в зале «Мажестик».

Б. п. На вечере И.А. Бунина // 1927. 17 марта. № 2185.

Д-ская А. [Даманская А.Ф.] Посол державной литературы // 1927. 7 апр. № 2206.

Рец. на кн.: Бунин И.А. Последнее свидание. Париж: Изд-во Т-ва Карбасникова, 1927.

Иванов Г. «Современные записки». Кн. XXXIII // 1927. 15 дек. № 2458.

И.А. Бунин, И.С. Шмелев, П.П. Муратов, М.А. Осоргин, С. Сокол-Слободской, Антон Крайний, Н.А. Оцуп, Г.Н. Кузнецова, Вл. Сирин, М.О. Цетлин.

А.Д. [Даманская А.Ф.] Ромен Роллан И.А. Бунину и К.Д. Бальмонту // 1928.

19 февр. № 2524.

Цетлин М. «Современные записки». Кн. 34-я. Литературный отдел // 1928.

1 марта. № 2535.

И.А. Бунин, М.А. Осоргин, Н.Н. Берберова, В.Ф. Ходасевич, Ф. Сологуб.

Иванов Г. «Современные записки». Книга 35-я // 1928. 31 мая. № 2626.

И.А. Бунин, М.А. Алданов, В.М. Лебедев, Н.Н. Берберова, Н.А. Оцуп, Г.В. Адамович.

Фохт В. О старых и новых формах // 1928. 12 июля. № 2668.

М.И. Цветаева, И.А. Бунин.

Адамович Г. «Современные записки». Кн. 37. Часть литературная // 1929. 10 янв.

№ 2850.

И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, А.М. Ремизов, М.И. Цветаева, Г. Евангулов, Б. Темиряев, В.Ф. Ходасевич, Н. Оцуп, Вяч. Лебедев.

М.Б. [Берхин М.Ю.] Бунин во Франции // 1929. 14 марта. № 2913.
О кн.: *Koultan N. Ivan Bunin. Son activite littéraire en France. P., 1929.*

Алданов М. О новой книге Бунина // 1929. 18 июля. № 3039.
Рец. на кн.: *Бунин И. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929.*

Адамович Г. «Современные записки». Кн. 40. Часть литературная // 1929. 31 окт. № 3144.
И.А. Бунин, М.А. Алданов, В. Сирин, Г. Иванов, Б. Поплавский.

Писатели о своих книгах. Анкета Андрея Седых // 1930. 1 янв. № 3206.
М.А. Алданов, И.А. Бунин, Дон Аминадо, А.И. Куприн, М. Осоргин, А. Ремизов, Саша Черный.

Демидов И. «Истоки дней» // 1930. 20 февр. № 3256.
Рец. на кн.: *Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Ч. 1: Истоки дней. Париж: Современные записки, 1930.*

Литовцев С. [Поляков С.Л.] «Древо Божье» // 1931. 9 апр. № 3669.
Рец. на кн.: *Бунин И.А. Божье дерево. Париж: Современные записки, 1931.*

Демидов И. К вечеру И.А. Бунина // 1930. 11 апр. № 3671.

Демидов И. «Тень птицы» // 1931. 28 мая. № 3718.
Рец. на кн.: *Бунин И. Тень птицы. Париж: Современные записки, 1931.*

Адамович Г. «Современные записки». Кн. 52. Часть литературная // 1933. 1 июня. № 4453.
А.Л. Толстая, И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, Б. Поплавский.

Адамович Г. «Современные записки». Кн. 53. Часть литературная // 1933. 2 нояб. № 4607.
И.А. Бунин, А.И. Куприн, Б.К. Зайцев, В. Яновский, Ю. Фельзен, Ант. Ладинский, А. Гефтер, В. Вейдле, М. Цветаева, М. Алданов.

Б. н. Бунин — нобелевский лауреат // 1933. 10 нояб. № 4615.

Б. н. Нобелевская премия И.А. Бунина: Отзывы иностранной печати. Планы лауреата // 1933. 11 нояб. № 4616.

Б. н. Иностранная печать об И.А. Бунине // 1933. 12 нояб. № 4617.

Б. н. Приветствия И.А. Бунину // 1933. 14 нояб. № 4619.

Троцкий И. Как была присуждена Бунину Нобелевская премия: (Письмо из Стокгольма) // 1933. 16 нояб. № 4621.

Алданов М. Об искусстве Бунина // 1933. 16 нояб. № 4621.

Милюков П. Привет лауреату // 1933. 16 нояб. № 4621.

И.А. Бунин.

Адамович Г.В. 9 ноября // 1933. 16 нояб. № 4621.

Осоргин М. [Ильин М.А.] «Господин из Сан-Франциско» // 1933. 16 нояб. № 4621.

Гиттиус З. В сей час // 1933. 16 нояб. № 4621.

Вейдле В. Полдень // 1933. 16 нояб. № 4621.

Б. п. И.А. Бунин в «Последних новостях» // 1933. 16 нояб. № 4621.

Седых А. [Цвибак Я.М.] И.А. Бунин в Париже // 1933. 16 нояб. № 4621.

Зуров Л. 1920–1933 // 1933. 16 нояб. № 4621.

Б. п. И.А. Бунин в Париже // 1933. 21 нояб. № 4626.

Б. п. Чествование И.А. Бунина // 1933. 21 нояб. № 4626; 26 нояб. № 4631.

Б. п. Бунинский вечер // 1933. 22 нояб. № 4627.

Б. п. Поездка Бунина в Стокгольм // 1933. 23 нояб. № 4628.

Алданов М. Чествование И.А. Бунина // 1933. 24 нояб. № 4629.

Демидов И. Завтра — в театре Елисейских Полей // 1933. 25 нояб. № 4630.

О встрече И.А. Бунина с русским Парижем.

Милюков П. «Всенародная» встреча // 1933. 26 нояб. № 4631.

Троцкий И.М. В ожидании лауреата: (Письмо из Стокгольма) // 1933. 26 нояб. № 4631.

Б. п. Чествование И.А. Бунина вчера в театре Елисейских Полей // 1933. 27 нояб. № 4632.

-Ъ. Чествование И.А. Бунина // 1933. 28 нояб. № 4633.

Приветствия и речи В.А. Маклакова, проф. Омана, Ж. Таро, Б.К. Зайцева.

Вельтмин А. Польская печать о Бунине: (Письмо из Варшавы) // 1933. 30 нояб. № 4635.

Б. п. Отъезд И.А. Бунина // 1933. 4 дек. № 4639.

Б. п. Ив. Бунин в Швеции. Встречи в Мальмэ и Стокгольме // 1933. 7 дек. № 4642.

Троцкий И.М. Нобелевская премия: (Письмо из Копенгагена) // 1933. 8 дек. № 4643.

Седых А. [Цвибак Я.М.] Путешествие к варягам // 1933. 9 дек. № 4644.

Б. п. И.А. Бунин в Стокгольме. Сегодня — торжественное вручение премии // 1933. 10 дек. № 4645.

Б. п. Торжества в Стокгольме. Вручение Нобелевских премий. Заседание Шведской академии. Банкет в честь лауреатов. Речь И.А. Бунина // 1933. 11 дек. № 4646.

Седых А. [Цвибак Я.М.] Бунинские дни в Стокгольме: (От нашего корреспондента) // 1933. 12 дек. № 4647.

Б. п. И.А. Бунин у шведского короля // 1933. 13 дек. № 4648.

Седых А. [Цвибак Я.М.] Как Бунин получил Нобелевскую премию // 1933. 13 дек. № 4648.

Седых А. [Цвибак Я.М.] В гостях у короля Густава V: (Письмо из Стокгольма) // 1933. 14 дек. № 4649.

Б. п. И.А. Бунин в Стокгольме // 1933. 15 дек. № 4650.

Седых А. [Цвибак Я.М.] И.А. Бунин в Стокгольме: (От нашего корреспондента) // 1933. 17 дек. № 4652.

Б. п. Отъезд Бунина // 1933. 19 дек. № 4654.

Седых А. [Цвибак Я.М.] Отъезд Бунина из Стокгольма: (От нашего корреспондента) // 1933. 20 дек. № 4655.

Адамович Г. «Современные записки». Кн. 54-я. Часть литературная // 1934. 15 февр. № 4711.

Лидин Н. Бунинские дни: (Письмо из Харбина) // 1934. 19 марта. № 4743.

Словцов Р. [Калишевич Н.В.] Горьковский сборник. Переписка М. Горького с Леонидом Андреевым. Разрыв и неудавшаяся попытка сближения. Письма А.В. Амфитеатрова. М. Горький о Бунине. Отзывы критики и мнения читателей. Начинающие писатели и писатели-самоучки. Горький о жандармах // 1934. 4 сент. № 4912.

Адамович Г. Литературные заметки. [Рец. на кн.:] Зайцев К. И.А. Бунин. Жизнь и творчество. Берлин: Парабола, 1934. Hofmann M. et Pierre A. La vie de Tolstoi. P.: NRF, 1934 // 1934. 18 окт. № 4956.

Адамович Г. Перечитывая Бунина // 1934. 15 нояб. № 4984.

Седых А. [Цвибак Я.М.] И.А. Бунин рассказывает о Толстом: (К завтрашнему вечеру «Современных записок») // 1935. 1 нояб. № 5335.

Г. А. [Адамович Г.В.] «Новь», № 8 // 1936. 20 февр. № 5446.

Б. н. И.А. Бунин в Праге // 1936. 27 окт. № 5695.

Б. н. После издевательства над И.А. Буниным // 1936. 3 нояб. № 5702.
Писатель был подвергнут обыску на германской границе.

Письмо И.А. Бунина // 1936. 27 нояб. № 5726.

Письмо в редакцию. Через газету Бунин выражает благодарность за сочувствие в связи с инцидентом на границе.

Сизиф [Адамович Г.В.] Отклики // 1937. 14 янв. № 5774.
Упомянется о беседе Бунина с Анри де Ренье.

Адамович Г. Литературные заметки // 1937. 23 сент. № 6025.
О книге И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (Париж: YMCA-Press, 1937).

Адамович Г. Литературные заметки. Бунин И.А. Лица // 1939. 4 мая. № 6611.
Рец. на кн.: Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Ч. 2: Лица. Брюссель: Петрополис, 1939.

ИЗ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ

РУССКАЯ БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В САЛОНИКАХ
(1919–1980-е гг.)¹

Истории русской белой эмиграции в Греции посвящено на удивление мало научных работ², хотя Греция была среди тех стран, которые оказались втянутыми во внутренние русские события с самого их начала. Греция столкнулась с проблемой русских эмигрантов гораздо раньше, чем началась эвакуация Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, и к 1920 г. российские официальные представители в Греции уже имели богатый опыт расселения беженцев и оказания им помощи.

После заключения перемирия между странами, воевавшими на Македонском фронте в годы Первой мировой войны, из Греции в Россию отбыло более 11 тыс. солдат и офицеров бывшей 2-й особой пехотной дивизии, воевавшей с 1916 г. на стороне союзников³. В Греции, однако, продолжали оставаться сотни русских, не пожелавших возвращаться на родину, а также раненые и больные, находившиеся на излечении в русских, английских, французских госпиталях. Сюда же регулярно прибывали корабли с ранеными солдатами и офицерами Белой армии, воевавшими уже на полях Гражданской войны в России. Например, 6 марта 1920 г. в порт Пирей из Новороссийска ушел приспособленный под госпитальное судно пароход «Херсон», имея 1042 раненых и больных на борту⁴.

После неудавшейся интервенции Франции, Греции и Румынии на юге России первый крупный поток российских беженцев достиг Греции в апреле 1919 г. Для спасения греческого населения, проживавшего на юге России, греческое правительство предоставило несколько пароходов. Однако основная тяжесть решения проблем устройства эмигрантов из России легла на плечи российского императорского посланника в Греции Елима Павловича Демидова (1868–1943) и его супруги Софьи Илларионовны Демидовой (1870–1953), бывшей здесь уполномоченным Российского общества Красного Креста (РОКК).

Увеличившийся поток эмигрантов из России потребовал создания организации, занимавшейся непосредственно их проблемами. По инициативе

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (№ 10-01-00629а/Г).

² Из последних упомянем: *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Греции (1920-е — середина 1930-х гг.) // *Новый исторический вестник*. 2005. № 2 (13). URL: http://www.nivestnik.ru/2005_2/11.shtml.

³ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 6179. Оп. 1. Д. 46. Л. 8.

⁴ См.: *Варнек П.* У берегов Кавказа в 1920 году // *Флот в белой борьбе* / Под ред. С.В. Волкова. М., 2002. С. 181.

*Снеговик у русских барачков в Хариллау. 1920-е.
Архив семьи С.В. Барановой (Греция, Салоники)*

С.И. Демидовой в начале 1919 г. был создан Союз помощи русским в Греции. Она же стала его председателем, а генеральный консул России в Пирее Иван Николаевич Хаджи-Лаззаро (1880–1960) — секретарем. В задачи союза входило определение в русский лагерь нуждающихся беженцев, их трудоустройство, размещение и питание (как бесплатное, так и по льготным ценам), оказание бесплатной медицинской помощи, выдача справок, денежных пособий, организация льготных и бесплатных ванн⁵.

31 мая 1919 г. Союз помощи русским в Греции, работавший в тесном контакте с Российской императорской миссией, Союзом русских офицеров в Греции и многочисленными российскими гражданскими, военными и духовными представителями в Греции, а также с греческими и иностранными благотворительными обществами, открыл лагерь для бесплатного помещения неимущих русских беженцев. Потребность в нем была огромна. Раненых и больных размещали в госпиталях союзников и в русских медицинских учреждениях. Так, на май 1920 г. только в английских госпиталях № 43 и 52 в Салониках числилось 299 человек — участников Белого движения, находившихся здесь на излечении⁶.

17 ноября 1920 г. вдовствующая королева-мать Ольга Константиновна (1851–1926) вернулась в Грецию и после монархического переворота, происшедшего в стране, стала на один месяц, до возвращения из изгнания ее сына короля Греции Константина

⁵ См.: Союз помощи русским в Греции // Русская газета (Афины). 1919. 29 мая. № 8.

⁶ См.: ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–10 об.

(1868–1923), регентом Эллады с титулом «королева-мать и правительница». В это время по просьбе правительства генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля и по ходатайству Ольги Константиновны греческие власти дали согласие принять в страну еще 1742 русских эмигранта. Тысяча из них была отправлена на поселение в пригород Салоник Харилау — в барачный поселок с одноименным названием. Остальные разместились в Афинах⁷. Оказавшийся в Салониках участник Белого движения Сергей Трофимович Марков вспоминал об эвакуации: «Доктор Коховский определяет у меня возвратный тиф и отправляет на последний отходящий из города пароход, Трюм, куда меня бросают, переполнен совершенно людьми. Крики детей, стоны раненых, истерики женщин, борьба за места, вонь от отбросов и рвоты, одним словом, — настоящий ад, но канонады не слышны, выстрелы утихли... мы спасены... едем в Салоники»⁸. Лагерь русских беженцев в районе Харилау был организован в конце 1920 г. по инициативе российского военного агента и уполномоченного РОКК в Греции и на протяжении почти пятидесяти лет являлся основным центром поселения русских белоэмигрантов в окрестностях Салоник. Ранее, еще до начала массовой эвакуации, в некоторых бараках проживали больные, эвакуированные из армии А.И. Деникина⁹. С октября 1915 г. по январь 1916 г. в этом районе располагался французский госпитальный городок для нужд союзнических войск на Македонском фронте. Длинные здания без фундамента были построены под казармы, склады, больничные корпуса. После окончания Первой мировой войны бараки были приобретены греческой Первой строительной компанией Харилау, которая по договоренности с французским командованием (к которому обратилась с просьбой о помощи королева Ольга Константиновна) обязалась сдавать часть бараков русским беженцам в аренду на льготных условиях. До 1921 г. за бараки владельцам платили французы. А затем была создана специальная комиссия, которая распределяла плату на всех живущих в лагере русских сообразно занимаемому ими помещению¹⁰. Прибывшие на кораблях в порт Салоники русские беженцы отправлялись первоначально на дезинфекцию в район Каламарья, а затем уже в лагерь Харилау, где они проходили месячный карантин в изоляторе. О том, как происходило расселение эмигрантов, сохранилось воспоминание Л.М. Савелова-Савелкова¹¹, с женой и дочерьми оказавшегося в Харилау: «Мы были весьма об-

⁷ См.: ГА РФ. Ф. 5781. Оп. 1. Д. 13. Л. 22–22 об.

⁸ Воспоминания Сергея Трофимовича Маркова. Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. А-70. Л. 6.

⁹ См.: ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 193. Л. 49.

¹⁰ См.: *Κοτούλα Η.* Ελληνική παροικία της Θεσσαλονίκης (1920 μέχρι σήμερα). Διπλωματική εργασία στο Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο της Θεσσαλονίκης 1986–1987. Σ. 24. Пер. автора статьи. Работа любезно предоставлена генеральным консулом России в Салониках А.А. Поповым.

¹¹ *Савелов-Савелков* Леонид Михайлович (1868–1947) — генеалог, историк, камергер. Один из основателей и учредителей Историко-родословного общества. С 1906 г. председатель Археологической комиссии Особого комитета по устройству музея войны 1812 года. С 1908 г. заведующий Московским архивом Министерства императорского двора. Профессор Московского археологического института. В годы Первой мировой войны начальник санитарной и эвакуационной части Красного Креста. С 1920 г. в эмиграции в Греции. Преподавал в Афинах в русской прогимназии, был представителем парижского Земгора. В 1923 г. переехал в Сербию, в 1926 г. вернулся в Афины. Член Союза русских эмигрантов в Греции. В 1934 г. основал журнал «Новик». Жена: Надежда Адриановна, дочери: Надежда (осталась в России), Ариадна (США), Елена (Франция) и Вера (США).

радованы, когда нам сказали, что первым делом поведут в баню. Мы не только не могли мыться в течение 45 дней, но не имели возможности переменить даже белье. Вещи наши должны идти в дезинфекцию. Я сложил в большой кожаный чемодан все мелкие вещи (воротники, муфты, фотографический аппарат, бинокль и разную мелочь) и просил “директора” не отдавать его в дезинфекцию. Он обратил внимание на мою карточку, висевшую на чемодане. На ней было указано мое придворное звание и должность. Директор знал по-русски и спросил: “Это Ваша карточка?” И получивши ответ, что “да”, он ответил, что мои вещи не будут дезинфицированы. Но в результате, пока мы были в бане, чемодан был украден. Мои заявления ни к чему не привели, и о нас позаботиться было некому. Баня была сплошным безобразием, помещение, в котором мы разделись, было грязно, скамеек не было. Пришлось проделывать все на голом и грязном полу. В самой бане воды долго не подавали, затем пошел кипяток, но не было холодной, затем горячая прекратилась, пошла холодная. И в результате через 2 часа мы вышли такими же грязными, как и вошли. Помещение для одевания было холодным, дверь не закрывалась, дуло невероятно, пол был покрыт вершка на два-три жидкой грязью. Платья нам долго не приносили. Сидеть было не на чем. Когда же прислали платья, то вывернули их на пол, т. е. в грязь. У многих даже платья пропали: кто остался без штанов, кто без пиджака и т. д. Дезинфекцией не убили даже вшей, которых мы в обилии получили в пароходных трюмах. Поздно вечером нас выдворили в лагерь, причем никто не позаботился нас накормить. Выдали только по копченой рыбе и одному апельсину. Бараки, в которых мы все устроились, отопления не имели, в окнах была промасленная бумага, крыши протекали (потолков не было). Вообще, это был тихий ужас, холода в Салониках стояли изрядные, вода в бараках замерзала. Часто свирепствовал норд-ост, сносивший крыши. Кормили нас вначале недурно, но скоро это прекратилось, и паек постепенно стал уменьшаться, так что приходилось покупать продукты, т. е. отдавать вещи. Дочери стали искать работы»¹².

Бараки лагеря в Харилау, где разместились русские беженцы, строились французами как временные сооружения на военный период, поэтому сложенные из кирпича стены были тонкие, полы — цементные, холодные. Некоторые комнаты позднее стали отапливать буржуйками. С каждой стороны в бараке было по шесть комнат, в центре — одна большая. В некоторых бараках, когда там появились русские эмигранты, в больших комнатах были устроены: столовые «Единение», «Перекресток», «Яр», ресторан «Черная кошка», лавки полковника К.А. Караева, корнета Р.А. Зенькова, П.Г. Олизаренко, А.Н. Феоктистова, полковника А.П. Перекрестова, полковника Л.К. Щербакова, Царта, Н.И. Крестинского, госпожи Ю.Ф. Турской, многочисленные мастерские, библиотека, театр госпожи Чижовой и т. д.¹³

Существовали также инвалидный барак, Донской казачий барак «М», барак кавказских беженцев, барак «Единение», изолятор и проч. Много в лагере было одиноких, которые жили в комнатах размером 3 × 2 метра. В такой комнате уме-

¹² ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 1а. Л. 194.

¹³ См.: Там же. Д. 22. Л. 44.

щались только стол, кровать и шкаф. Хотя в лагере был водопровод, канализации не было, и использованную воду выносили ведрами. Душ устраивали в корыте, нагревая воду на примусе. Все санитарные удобства были вне барака: один туалет на множество зданий. Многим приходилось переходить дорогу, чтобы дойти до этого помещения¹⁴.

Прибывшие в Салоники русские эмигранты стали создавать многочисленные общества и союзы: Союз увечных воинов в Салониках (председатель полковник Раков; 74 члена)¹⁵, Общество единения русских эмигрантов в Салониках (председатель действительный статский советник А.Н. Кулаков)¹⁶, Донская казачья станица (председатель — станичный атаман генерал-лейтенант В.Н. Попов, затем генерал-майор З.С. Алпатов; 152 члена)¹⁷, Кубанская казачья станица (полковник Б.Н. Вишнеvский; 75 членов), Союз русских офицеров в Салониках (председатель генерал-лейтенант Ф.Д. Лебедевич-Дравевский; 137 членов)¹⁸, Союз георгиевских кавалеров и участников первого Кубанского похода (председатель генерал-майор Г.Ф. Туманский; 84 члена)¹⁹, Союз эллинов — офицеров бывшей армии в Греции (председатель генерал-майор М.Ф. Ананио)²⁰, Союз стариков салоницкого лагеря (председатель М. Кондратьева)²¹, Общество офицеров Генерального штаба (председатель генерал-лейтенант П.А. Томилов; 10 членов), Монархическое общество (председатель генерал-майор Виктор Дмитриевич Путинцев), Студенческий союз, Клуб христианской молодежи²², Общество любителей спорта²³, Союз русских студентов²⁴, Союз лиц с высшим образованием и т. д.²⁵ Для помощи в трудоустройстве проживающим в лагере Хариллау, среди которых только 20 % имели работу в 1921 г.²⁶, по инициативе российского императорского посланника Е.П. Демидова было создано Бюро трудовой помощи в Салониках во главе с его председателем адмиралом князем М.С. Путятиным. Кроме последнего в бюро вошли: генеральный консул в Салониках В.С. Щербина, генерал-лейтенант П.К. Писарев, генерал-лейтенант В.Н. Попов, полковник К.М. Перемыкин, действительный статский советник П.П. Перлик, секретарь бюро Н.Н. Петропуло²⁷. По инициативе бюро для трудоустройства живших в лагере Хариллау были открыты: сапожная мастерская (ответственный генерал П.К. Писарев)²⁸; дамская мастерская (ответственная Н.А. Томилова)²⁹; корзиноч-

¹⁴ См.: Воспоминания Татьяны Васильевны Дыко. Архив автора (Афины, Греция).

¹⁵ См.: ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 13. Л. 58–59.

¹⁶ См.: Там же. Л. 29.

¹⁷ См.: Там же. Л. 111.

¹⁸ См.: Там же. Л. 136–137 об.

¹⁹ См.: Там же. Л. 46.

²⁰ См.: Там же. Л. 131.

²¹ См.: Там же. Л. 129.

²² См.: Там же. Л. 130.

²³ См.: Там же. Л. 42.

²⁴ См.: Там же. Л. 45.

²⁵ См.: Там же. Л. 64.

²⁶ См.: Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 36.

²⁷ См.: Там же. Ф. 5779. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

²⁸ См.: Там же. Л. 21.

²⁹ См.: Там же. Л. 20.

но-игрушечная мастерская; художественно-музыкальная мастерская (заведующий граф М.Н. Толстой). Действительному статскому советнику Д.С. Перлику было поручено приискание работ вне лагеря и устройство выставок изделий беженцев, генерал-лейтенанту В.Н. Попову — ведение денежной и материальной отчетности по всем отраслям труда; полковнику К.М. Пермикину — регистрация беженцев, пользующихся пайком и уже имеющих заработок; драгоману Генерального консульства в Салониках Н.Н. Петропуло — секретарские обязанности бюро³⁰. В лагере существовала также столярная мастерская³¹. После отъезда князя М.С. Путятин председателем Бюро трудовой помощи в лагере русских беженцев стал генерал-майор В.Е. Кирилов³².

Первым комендантом лагеря по распоряжению Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля был назначен генерал-лейтенант П.А. Томилов, после его отъезда в Болгарию — генерал-майор В.Д. Путинцев, а затем комендантом стал генерал-майор В.Е. Кирилов. На сентябрь 1921 г. чинами администрации в Харилау числились: комендант лагеря генерал-лейтенант П.А. Томилов; начальник канцелярии полковник П.М. Топальский; адъютант капитан Б.Ф. Лебедевич-Драевский; письмоводитель чиновник Л.Г. Жохов; постоянный ординарец корнет Карпов; посыльный казак Могильный; заведующий порядком (полицмейстер) генерал З.С. Алпатов; квартирмейстер полковник И.А. Черкасов; уборщик полковник Ф.И. Криворотенко³³. Чины администрации лагеря получали от РОКК зарплату³⁴. В Харилау был создан суд чести. На март 1921 г. в Харилау числилось 1,5 тыс. беженцев, из них — 944 эвакуированных воина, разместившихся (некоторые вместе с семьями) в 49 бараках. Многие из них были ранены, больны, нуждались в медицинской помощи. К концу 1921 г. в лагере в Харилау находились 1149 человек³⁵. Питание самых бедных русских в лагере осуществлялось за счет греческого Министерства призрения³⁶. Нездоровый малярийный климат Салоник, буквально косивший людей, а также отсутствие работы вынуждали многих уехать как в другие страны, так и в разные регионы Греции. 30 мая 1921 г. в лагере было создано объединение сибиряков «Сибирская группа» из 195 человек для изыскания возможности отъезда на Дальний Восток для поддержки Дальневосточного правительства. В тот же год группа через Японию вернулась в Сибирь³⁷. 1 апреля 1923 г. из Донского казачьего барака «М» 5 офицеров, 1 чиновник и 39 казаков уехали в советскую Россию³⁸. В 1924 г. страну стали покидать русские эмигранты в связи с полученным разрешением на въезд и на работу от правительства Франции³⁹. Много эмигрантов разъехалось и по самой Греции. После подписания Лозаннского дого-

³⁰ См.: ГА РФ. Ф. 5779. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

³¹ См.: Там же. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 22. Л. 17.

³² См.: Там же. Ф. 7525. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

³³ См.: Там же. Ф. 4651. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.

³⁴ См.: Там же.

³⁵ См.: Там же. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 24. Л. 36.

³⁶ См.: Там же. Ф. 5780. Оп. 1. Д. 6. Л. 107.

³⁷ См.: Там же. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 13. Л. 51.

³⁸ См.: Там же. Д. 22. Л. 23.

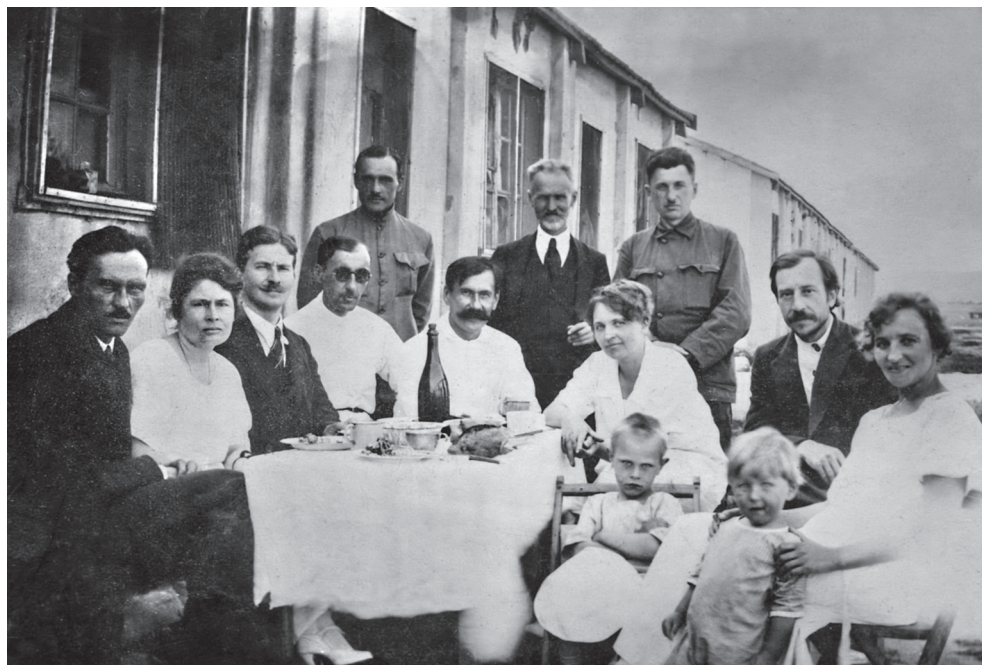
³⁹ См.: Там же. Ф. 5778. Оп. 1. Д. 78. Л. 14–99.

*Русские эмигранты в Салониках. Май 1924.
Архив семьи В.А. Белофастовой (Греция, Салоники).
Надпись на обороте фотографии: «Веселый месяц май»*

вора в июле 1923 г. Греция, потерявшая часть ранее приобретенных территорий, начала обмен населением с Турцией и Болгарией. Для распределения земли между сотнями тысяч беженцев — греков из Малой Азии — потребовалось создание топографической службы, в которой нашли работу многие русские офицеры-эмигранты, уехавшие одни или с семьями в города Серры, Кавалу, Драму, Комотины. Русские находили работу в греко-болгарской топографической компании, в обществе по осушению болот, на строительстве железной дороги Афины — Салоники. Потребность в топографах привлекла в Грецию в 1927 г. несколько десятков русских офицеров, живших до этого в Болгарии. В Харилау их окрестили «болгарские мальчики». Многие работали в американской сельскохозяйственной школе. Топографы были наиболее благополучно устроившейся частью эмигрантского общества. В «Информационном листе I армейского корпуса» от 15 мая 1927 г. мы читаем: «Большинство чинов корпуса группируются в Салониках и Комотины. Род занятий — работа в качестве топографов, преимущественно в греко-болгарской комиссии на сравнительно хороших окладах. Отмечается хорошее отношение со стороны властей и общества и общее довольство»⁴⁰. Топографам практически сразу удалось получить и греческое гражданство. Хотя получение первыми пятью русскими эмигрантами греческого гражданства было воспринято в русской среде как

⁴⁰ Информационный лист I армейского корпуса (Ницца). 1927. 15 мая.

*Русские эмигранты в Харилау. 1929.
Архив семьи В.А. Белофастовой*

предательство, и они были осуждены общественным мнением. Эмигранты предпочитали жить по нансеновским паспортам⁴¹. В лагере остались пожилые, инвалиды, женщины и те, кто, имея семьи, мог работать в Салониках. Все мастерские, столовые и центры труда, поддерживающие русских беженцев в 1920-е гг., к концу 1930-х гг. прекратили свое существование.

Руководство лагерной жизнью осуществляла русская администрация: комендант лагеря, его заместитель, начальник канцелярии, письмоводитель, ординарец, посыльный, полицмейстер, квартирмейстер, уборщик. Каждый барак имел начальника, старшего по званию среди проживавших в бараке военных⁴². На 1921 г. начальниками барачков числились: генерал от инфантерии М.А. Пржевальский, генерал-лейтенант П.А. Томилов, генерал-лейтенант Ф.Д. Лебедев-Драевский, генерал-майор В.Д. Путинцев, генерал-майор А.А. Веселовский, генерал-майор А.Е. Егоров, генерал-майор В.Д. Крыгин, генерал-майор С.Н. Лазарев, генерал-майор Г.Ф. Туманский, генерал-майор Т.О. Бенескул, полковник И.Д. Ахшарумов, полковник В.А. Колоколов, полковник В.В. Невзоров, полковник В.А. Коломейцев, полковник Н.А. Михельсон, полковник С.Н. Староскольский, полковник А.П. Перекрестов, полковник В.И. Михельсон, полковник Ф.А. Смирнов, полков-

⁴¹ См.: *Κοτούλα Η.* Ελληνική παροκοία της Θεσσαλονίκης (1920 μέχρι σήμερα). Διπλωματική εργασία στο Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο της Θεσσαλονίκης 1986–1987. Σ. 17.

⁴² См.: ГА РФ. Ф. 4651. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.

ник Н.Ф. Левенгаупт, полковник М.К. Щербаков, капитан 1-го ранга Г.А. Быков, корнет И.А. Трусевич, сотник Т.Д. Разогреев, штабс-капитан Б.И. Давыдов, поручик П.Я. Падаликов, чиновник П.Ф. Беляев и др.⁴³ В лагере Харилау находились чины пехоты, артиллерии, кавалерии, технических войск, Генерального штаба, флота, авиации, нестроевые чины, военно-санитарные чины, военные чиновники, солдаты, казаки. 335 военных зарегистрировались в качестве добровольцев, желающих явиться в Русскую армию по первому зову главнокомандующего⁴⁴. В 1925 г. согласно приказу генерал-губернатора Македонии русские беженцы должны были подчиняться только греческим законам и властям. Тем же приказом отменялась власть коменданта русского лагеря, а также все изданные этим комендантом правила.

Из немногим более тысячи проживавших в лагере 118 человек были признаны в 1921 г. непригодными к труду. Врачи отмечали 100-процентную заболеваемость малярией и высокую смертность. Из сорока больных, скончавшихся в 1922 г. в лагере, двадцать два умерли от малярии⁴⁵.

В 1921 г. в лагере был открыт лазарет, в котором стали работать доктор медицины военный врач Н.Ф. Петров и санитар. По списку, поданному руководством лагеря в 1921 г., числятся проживающими в лагере 5 врачей, 3 акушера, 2 фельдшера, 6 сестер милосердия. Среди врачей лагеря упоминаются врач профессор Берников, доктор Воскресенский⁴⁶. «Санитарное состояние лагеря отвратительно, т. к. абсолютно нет средств для его очистки и вывоза мусора. Лагерный лазарет влачит жалкое существование ввиду отсутствия медикаментов, перевязочного материала, термометров, подкладочных суден, белья и пр. Также нет вовсе средств для оплаты труда персоналу, без чего нет возможности правильной постановки дела», — писал в январе 1921 г. комендант лагеря⁴⁷. Посещаемость лазарета за месяц доходила до 400 человек, некоторых, особенно тяжелых, помещали в лазарет лагеря, состояние которого было таким ужасающим, что доктор Н.Ф. Петров обратился к руководству лагеря с просьбой организовать благотворительную акцию. В лагере существовала и аптека, некоторые медикаменты для которой поступали от Американского Красного Креста⁴⁸. По распоряжению уполномоченного РОКК врач получал 270 драхм в месяц, санитар — 150⁴⁹. 13 декабря 1924 г. в помещении канцелярии лагеря начался и платный прием амбулаторных больных, который проводил врач Н.Ф. Петров⁵⁰.

До 1924 г. центром, в котором лечили русских беженцев в Салониках, была русская больница во имя святого великомученика Димитрия Солунского, открытая еще 1 февраля 1910 г. Ее постройка была начата в 1905 г. по инициативе и на средства монахов русских афонских обителей «как учреждение общепольное и,

⁴³ См.: ГА РФ, Ф. 7517. Оп. 1. Д. 24. Л. 15–27.

⁴⁴ См.: Там же. Л. 7–11 об.

⁴⁵ См.: Там же. Д. 28. Л. 36.

⁴⁶ См.: Там же. Д. 14. Л. 101.

⁴⁷ Там же. Л. 80.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 63, 135.

⁴⁹ См.: Там же. Л. 145.

⁵⁰ См.: Там же. Л. 214.

в частности, необходимое для подачи медицинской помощи нуждающимся в ней жителям Македонии (насчитывающей тогда два с половиной миллиона жителей), лишенным возможности иметь собственные больницы. Больница позднее была передана под покровительство русского правительства»⁵¹. Участок земли площадью в 11 тыс. квадратных пик (13 тыс. квадратных сажений) был приобретен у болгарской общины в наиболее чистой и здоровой части города. Для обсуждения всех вопросов и ведения дел в этой лечебнице было учреждено особое попечительство в Генеральном консульстве России в Салониках⁵². После Первой мировой войны больница перешла в ведение РОКК и содержалась им до августа 1923 г.⁵³

В 1918 г. благочинный 2-й пехотной особой дивизии протоиерей Павел Крахмалев был «командирован в русский госпиталь Димитрия Солунского для исполнения почетной обязанности госпитального священника и для приема там походных церквей, святынь, антиминсов и разной церковной утвари, присылаемой после расформирования полков и маршевых батальонов»⁵⁴. С 1923 г., после принятия хиротонии во священника, настоятелем церкви при больнице стал выпускник Казанского университета И.И. Голоколосов⁵⁵.

С 1921 г. по 1923 г. старшим врачом больницы был П.М. Ластовцев, до него — госпитальный хирург приват-доцент К.С. Софотеров, а затем, с октября 1923 г., лечебница и ее имущество были переданы в ведение вновь назначенному заведующим доктору медицинских наук Н.Ф. Петрову. Больница имела две палаты для бедных русских на 17 кроватей и 8 платных палат на 15 кроватей. Персонал больницы состоял из директора, восьми врачей, завхоза, трех сестер милосердия, пяти санитаров, повара с помощником, прачки, рассыльного, дворника.

Только в 1923 г. в больнице обслужили 1973 амбулаторных больных, сделали 79 операций, 1336 перевязок и т. д.⁵⁶ Так же как и в русской больнице в Пирее, персонал салоникинского госпиталя работал не покладая рук.

Помимо русской больницы, эмигрантов из России обслуживали и во французской больнице «Лимодон носон» («Λοιμόδων Νόσων»), делали бесплатные операции в больнице при Американском Красном Кресте, при английской больнице лагеря Каламарья. Помогал русским эмигрантам и «Мальтийский крест». А старцы «Братства русских обителей келий во имя Царицы Небесной» Святой горы Афон в феврале 1924 г. собрали на нужды больницы в Салониках 435 серебряных драхм⁵⁷. Зная о предстоящем признании Грецией советской России и о возможном переходе больницы во имя святого великомученика Димитрия Солунского к Греции, бывший императорский посланник Е.П. Демидов и его супруга стали искать средства спасти русскую собственность всеми возможными способами. В результате переговоров с Сербией был предложен вариант сохранения больницы на условиях арен-

⁵¹ Шабунин И.Я. Очерк сооружения русской лечебницы во имя святого великомученика Димитрия Солунского. СПб., 1911. С. 2–4

⁵² См.: ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 21. Л. 128.

⁵³ См.: Там же. Л. 102.

⁵⁴ Там же. Ф. 6112. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵⁵ См.: Там же. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 38. Л. 9.

⁵⁶ См.: Там же. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 21. Л. 102.

⁵⁷ См.: Там же. Л. 66–67.

Русские эмигранты в Харилау.

*Слева направо: неизвестный, В.В. Баранов, барон А.А. ван дер Шкруф,
М.А. Баранова, штабс-капитан К.В. Бильдзюкевич, Л.Д. Кочетков.
1930-е. Архив семьи С.В. Барановой*

ды на 8–10 лет сербской стороной при условии сохранения русского персонала при старшем враче — сербе и пятнадцати бесплатных коек для русских⁵⁸.

Но спасти больницу русским не удалось. 15 ноября 1924 г., несмотря на наличие большого количества больных, она была закрыта и опечатана в присутствии доктора Коялиса и главного санитарного инспектора Коппариса⁵⁹. Неудачей закончилась и попытка сохранить за русским приходом церковь при больнице.⁶⁰ С момента национализации больницы Святого Великомученика Дмитрия Солунского все русские, нуждающиеся в медицинской помощи, отправлялись по записке в английский госпиталь в районе Каламарья.

В 1920-е гг. в лагере Харилау была создана Свято-Никольско-Дмитриевская русская церковь. Ее настоятелем с 6 декабря 1920 г. был священник о. Иоанн (Турский)⁶¹. Первый иконостас был расписан учившимся в петербургской

⁵⁸ См.: ГА РФ. Ф. 9141. Оп. 1. Д. 174. Л. 102.

⁵⁹ См.: Там же. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 21. Л. 128.

⁶⁰ См.: Там же. Ф. 6112. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁶¹ См.: Там же. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 38. Л. 15. В книге М.В. Шкаровского «История русской церковной эмиграции» (СПб., 2009) указывается, что церковь была создана в приобретенном в 1929 г. эмигрантами бараке, а ее настоятелями одновременно были о. Иоанн (Турский) и о. Борис (Симеонов) (С. 167–168). К сожалению, автор не указывает первоисточники, но в многочисленных документах, касающихся русской эмиграции в Салониках, церковь в лагере Харилау упоминается с 1920-х гг. и ее настоятелем числится о. Иоанн (Турский) до переезда в Афины в 1944 г., а регентом — Александр Белонин, до кончины последнего от голода в годы Второй мировой войны (см.: ГА РФ. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 24. Л. 26 об.).

*Скауты — дети русских эмигрантов. Харилау. 1930-е.
Архив семьи В.А. Белофастовой (Греция, Салоники)*

Академии художеств подпоручиком Николаем Николаевичем Орловым. Позже посетивший в 1952 г. Харилау архиепископ Серафим (Иванов) вспоминал: «Приезжаю я в Салоники, вхожу в русский храм в Харилау (предместье Салоник) и... глазам своим не верю: я в храме Преп. Серафима Саровского, в котором я постригся 26 лет тому назад на Афоне. Его невозможно не узнать. Иконостас, запрестольный образ, заклиросные иконы-сени — все это дорогой добротной московской работы, покрытые густой настоящей позолотой. Подарок московского купечества Пантелеимоновскому монастырю в 1903–4 году после прославления св. мощей преп. Серафима.

Спрашиваю у настоятеля прихода, протоиерея о. Павла (Шамильского), откуда у них этот иконостас и эти иконы? Оказывается, что полтора-два года тому назад русские фессалоникийцы обратились к Пантелеимоновскому монастырю с просьбой пожертвовать им иконостас и утварь какого-нибудь из монастырских параклисов (домовых церквей), в большинстве которых служба теперь уже не совершается и они стоят закрытые. В то же время иконостас в русской солунской церкви пришел в полную ветхость. И вот афонцы почему-то решили передать в Солунь именно Серафимовскую церковь, точнее все ее внутреннее убранство, ту самую церковь, в которой я постригся»⁶².

⁶² Серафим (Иванов), архиеп. РПЦЗ. Паломничество из Нью-Йорка в святую землю (через Рим, Афины, Константинополь, Бейрут — на самолете) // Русский инок (Джорданвилль, США). URL: <http://www.russian-inok.org/books/serafin.html>.

*Русская Свято-Никольско-Дмитриевская церковь в Харилеу.
Крайний слева — штабс-капитан Н.Я. Цыганков. 1937.
Архив семьи В.А. Белофастовой*

Среди других важнейших вопросов лагерной жизни была забота о детях. По инициативе родителей и преподавателей, оказавшихся в беженском лагере, для открытия школы был произведен кружечный сбор по Салоникам, который дал около 5,5 тыс. драхм. 8 (21) марта 1921 г. в лагере состоялось открытие первого, второго и четвертого классов русской школы, а также детского сада. Классы размещались в деревянном бараке, бывшем ранее операционной французского военного госпиталя. Зияющие оконные проемы были заклеены бумагой, вместо ученических парт появились грубо сколоченные столы и скамьи, не было печей, и дети, так же как и учителя, занимались закутанные в неприглядные беженские теплые одеяльца⁶³. С 1921 г. по 15 ноября 1924 г. директором состоял С. Зубарев (бывший директор Павлоградской 2-й мужской гимназии)⁶⁴. В день открытия школы было выдано 500 драхм из средств Бюро трудовой помощи русским при консульстве в Салониках⁶⁵. С 1923 г. школа стала получать ежемесячно от Земгора 1,5 тыс. драхм. Были также открыты отдельные вечерние курсы. На этих курсах в конце 1921 г. обучалось 11 учеников, пятеро из которых получили аттестат⁶⁶. В первый год существования гимназии в ней было 78 учеников и 11 педагогов⁶⁷.

⁶³ См.: ГА РФ. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 50. Л. 1 об.

⁶⁴ См.: Там же. Ф. 5781. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

⁶⁵ См.: Там же. Ф. 5779. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

⁶⁶ См.: Там же. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 50. Л. 1 об.

⁶⁷ См.: Там же. Л. 2.

*Крестный ход на Пасху около Свято-Никольско-Дмитриевской церкви в Харилу. 1938.
Архив семьи В.А. Белофастовой*

Все преподаватели, за исключением законоучителя, были лицами с высшим и специальным образованием. Преподавание в гимназии велось по программе мужских гимназий. Считаясь с условиями длительного пребывания детей за границей, педагогический совет принужден был обратить особенное внимание на изучение иностранных языков и математических наук. Поэтому в гимназии преподавали французский и немецкий языки (в вечернее время для желающих учеников преподавали также и английский язык, алгебру, геометрию, тригонометрию, аналитическую геометрию, черчение и т. д.). Почетным попечителем гимназии стала С.И. Демидова. После отъезда из Греции директора гимназии С. Зубарева ее директором стал священник И.И. Голоколосов (он же — председатель Союза русских педагогов в Греции). Преподавательский состав гимназии был следующий: генерал-лейтенант Ф.Д. Лебедев-Драевский (преподаватель старших классов и казначей Союза русских педагогов в Греции); полковник Ф.А. Гульбе (преподаватель и секретарь); священник Иоанн Турский (преподаватель и настоятель лагерной церкви); З.И. Кирилова (преподавательница младших классов); полковник Ф.И. Криворотенко (преподаватель младших классов); К.А. Рыков (преподаватель греческого языка); Матильда Пандос (преподавательница французского языка)⁶⁸. В середине 1930-х гг. гимназия из-за невозможности ее легализации по греческим законам прекратила свое существование.

⁶⁸ См.: ГА РФ. Ф. 5772. Оп. 1. Д. 50. Л. 12.

20 марта 1922 г. для детей лагеря решили организовать отряд скаутов. Скаутмастером стал П.А. Берников. Для общего наблюдения за работой как в Салоники, так и в Афины был приглашен капитан З.К. Гембицкий, а после его отъезда во Францию в 1925 г. наблюдение за работой скаутов было поручено полковнику Генерального штаба И.Ф. Петрову. Скауты жили интересной жизнью, совершали походы на Афон, гору Олимп, разбили летний лагерь у подножия горы Хориат — в любимом месте для лагерей и походов⁶⁹. О тех временах остались воспоминания одной из герл-скаутов Светланы Васильевны Бераха (урожд. Барановой): «Было очень много бараков, и во всех бараках жили русские. Целый поселок. Была церковь. Греки любили приезжать на праздники в Харилау. Это было большим шиком — праздники и крестные ходы в русской Свято-Никольско-Дмитриевской церкви. Церковь была ближе к парку и гораздо меньше, чем нынешняя греческая. Греческая церковь сейчас расположена в бараке, где был наш театр в Харилау. Главный скаут П.А. Берников был из хорошей русской семьи. Своих детей у него не было, и он очень нами всеми занимался. Его даже греческие скауты почитали. Когда он умер, то его также и греки с большим почетом хоронили. Работы у него не было. Он жил в лагере. В те времена было очень трудно найти в Греции работу. Он абсолютно голодал. И только на именины, когда они были у кого-нибудь, он наедался. Он собирал детей, и мы отправлялись в поход и уходили далеко, за двадцать с лишним километров туда и столько же обратно. И мы ходили с ним и собирали ежевику. В Харилау были разные общества. Общество инвалидов, например. Инвалиды получали где-то по две драхмы в месяц. Была библиотека. Книги привезла Клавдия Васильевна Лебедевич-Драевская из России и сдавала их в аренду. Этим и жила. Был и спортклуб. Организовывали и балы. Балы были настоящими. Делали их как в бараках, так и арендовали другие помещения. В театре была сцена, занавес, декорации. Театр был в том помещении, где сегодня в Харилау греческая церковь. Продавали билеты. Богатых людей не было. Все праздники почти всегда для русских детей устраивал П.А. Берников. Всегда были для детей подарки, а в них конфеты, мандарины, орехи. И Дед Мороз был, и Снегурочка. Все делали русские костюмы, учили танцы, песни. Русский госпиталь был недалеко отсюда. Я там родилась. Когда его забрали у русских, то он первое время не был госпиталем, а был греческой школой. Кажется, только сейчас он стал снова госпиталем. Большинство женщин в лагере были с высшим образованием. Красавицы. Многие голодали. Языка никто не знал. Греческий язык большинство так и не выучили. Балы были от общества русских военных инвалидов и русских эмигрантов. Самый главный — это был бал для инвалидов. Снимали помещение на набережной в Салониках в кинотеатре “Паллас”. Приезжал тогда А.М. Жуковский из Сербии с женой Яной Владимировной Васильевой. Они были солистами Народного театра оперы и балета в Белграде. А родители его Жуковские жили в бараке в Харилау. Иногда А.М. Жуковский привозил с собой и других актеров. Эти балы я помню. Мне тогда было тринадцать-четырнадцать лет. Хоронили русских в разных местах.

⁶⁹ См.: *Вязьмитинов А.М. Национальная организация русских скаутов в Греции // Русские скауты / Отв. ред. А.М. Вязьмитинов. San Francisco: Изд. Центрального штаба национальной организации Русских скаутов, 1969. С. 140–144.*

*На основании русского дома престарелых. Салоники. 1956.
Архив семьи В.А. Белофастовой*

Сначала еще в 1920-х годах хоронили на союзническом кладбище в Зейтенлик<e>, потом на городском греческом, затем в Каламарье»⁷⁰.

В 1935 г. для организации жизни русских эмигрантов в Салониках и окрестностях и для защиты их прав был создан Союз русских эмигрантов в Македонии и Фракии с отделениями в Кавале, Дrame, Комотини. По инициативе союза начали сбор средств на поддержание мемориала на русском участке союзнического кладбища Зейтенлик и занялись приведением в порядок, в том числе и юридический, кладбища в Каламарье. По просьбе союза Муниципальный совет Каламарьи решением № 228 от 30 сентября 1938 г. предоставил официально участок для Союза русских эмигрантов в Македонии и Фракии, а Генеральная администрация Македонии (г. Салоники) решением № 209433 от 23 декабря 1938 г. данное решение утвердило с припиской губернатора Македонии «на вечные времена».

К 1940-м гг., по воспоминаниям потомков эмигрантов, выросших в Харилау, там оставалось не более 20 русских барачков. С началом Второй мировой войны в Харилау, так же как и во всю Грецию, пришел страшный голод. Обстановку, в которой жили находившиеся здесь эмигранты, хорошо передает рассказ Веры Сократовны Меланиди-Гуни о последних днях жизни участника Первой мировой и Русско-японской войн генерал-майора, георгиевского кавалера Вячеслава Евгеньевича Кирилова, умершего в 1942 г.: «Тогда все голодали. Я была маленькой

⁷⁰ Воспоминания Светланы Васильевны Бераха (урожд. Барановой). Запись беседы 6 февраля 2008 г. Архив автора (Афины, Греция).

девочкой, но так часто в те годы хоронили и отпевали в русской церкви в русском лагере Харилау в Салониках, что я тогда выучила панихиду наизусть. Бараки зимой не топились. Я помню одного русского. Когда его нашли, у него во рту была сырая свекла, и он был весь скрюченный. Он умер от холода и голода. А взрослые потом говорили, что он был ученым и у него в вещах нашли много математических записей, расчетов. Где это все?

Генерал В.Е. Кирилов летом 1942 г. пошел по делам к председателю Союза русских эмигрантов в Македонии и Фракии полковнику Д.С. Пантазидису и по дороге упал. На следующий день у него страшно распухла рука. Я, моя мама, Кочетков, жена Кирилова Зинаида Ивановна повели его к врачу. Идти надо было очень далеко в гору. Стояла невероятная жара. Был август месяц. Дороги были не асфальтированы. В.Е. Кирилов все время останавливался: от голода и боли у него не было сил идти. Он поднимал к небу глаза и тяжело вздыхал. На нем был одет костюм, рубашка, и я помню, что из рукава сочилась жидкость. У него начиналась гангрена. Потом мы ждали часа полтора-два, пока его примет врач. Мест свободных в больнице не было. Но все уговорили врача взять его, так как он бы уже не дошел бы обратно. Помню, когда его положили в кровать, он стал у всех просить прощение, в том числе и у меня, мне было тогда шестнадцать лет. “Простите, Верочка, что я вас так замучил”. А когда мы пришли утром двадцать шестого августа, то нам сказали, что он уже умер. Хоронили его без всяких почестей в очень дешевом гробу, который был так плох, что некоторые доски отвалились, и везли его на кладбище Каламарья, где был русский участок, на простой телеге. За ним шла горсточка больных, изморенных голодом и болезнями людей. И долго еще все жители русского лагеря Харилау переживали, что не смогли такого генерала похоронить достойно⁷¹.

Про положение в Харилау в 1950-е гг. остались воспоминания архимандрита Серафима: «В настоящее время русский приход насчитывает какую-нибудь только сотню членов, из которых почти половина — старики, старухи и инвалиды. Этим несчастным некуда выехать и вообще некуда деться. В Греции социальная помощь иностранцам отсутствует: своих греческих беженцев, о которых надо заботиться бедному государству, хоть отбавляй. И вот эти несчастные русские старики и инвалиды живут в ужасающей нищете. Вообразите себе полуразвалившиеся бараки, разделенные деревянными перегородками на маленькие клетушки. За неплатеж электричество в них давно выключено. Большинство клетушек не имеет печек, а зимы в Салониках достаточно холодные. В некоторых нет даже окон, ибо стекла давно разбились, а вставить новые не на что. Дыры просто заткнуты тряпками или забиты картоном. Кто может ходить, те в зимнее время большую часть дня проводят в церкви, которая для сего специально отапливается. Дивная красота этого замечательного храма, как мне говорили, действует успокаивающе и несколько подбадривающе на этих несчастных. “Мы здесь себя снова людьми чувствуем”, — говорят они. Церковь для них является в то же время единственным источником существования. Все мало-мальски зарабатывающие прихожане обложили себя максимальной для их сил и возможностей раскладкой, из кото-

⁷¹ Воспоминания Веры Сократовны Меланиди-Гуни. Запись беседы 25 декабря 2008 г. Архив автора (Греция, Афины).

рой церковь и выдает пособия этим несчастным беднякам. Некоторые прихожане регулярно носят обед наиболее немощным, не могущим уже встать с постели старушкам или старичкам. Однако русские фессалоникийцы, при всем желании, просто не в состоянии сами содержать этих страдальцев. Ведь почти на каждого работающего приходится по одному неработающему.

Мне передали, что церковь в состоянии выдавать пособия этим своим бедным прихожанам на американские деньги всего по 1–1,50 доллара в месяц. Как прожить на эти деньги? Явно нужна еще со стороны помощь»⁷².

На сегодняшний день известно несколько мест компактного захоронения русских в Салониках и их окрестностях. На союзническом военном кладбище Зейтенлик в окрестностях Салоник похоронены 419 русских. Помимо солдат и офицеров, погибших на Македонском фронте Первой мировой войны, там покоятся и участники Гражданской войны в России, попавшие в Грецию. Могила Трофима Литвиненко, скончавшегося 6 августа 1916 г., — первая на русском участке союзнического кладбища. Захоронения на кладбище Зейтенлик не отражают всех масштабов потерь русских на Македонском фронте, где наши войска потеряли около 4 тыс. убитыми. В 1916 г. русских могил здесь было всего 90, в 1917 г. — 135, а в 1918 г. — 32 могилы. Все остальные захоронения относятся к 1919–1930 гг. В первые годы появления русского участка кладбища на нем на погребения русских солдат и офицеров, сражавшихся на Македонском фронте, была построена деревянная часовня. В нее после расформирования 2-й особой пехотной дивизии, в которую вошли 2-я и 4-я особые бригады, было помещено дивизионное церковное имущество. Однако после нескольких краж из часовни в 1921 г. русская колония была вынуждена нанять туда сторожа, а имущество было передано в обитель сербскому епископу Варнаве⁷³. В конце 1930-х гг. на кладбище Зейтенлик стараниями сербов, которые в те годы всячески поддерживали русскую эмиграцию, была завершена реконструкция как на сербском, так и на русском участке. На каждом захоронении появился мраморный крест с именем усопшего. На кладбище перестали хоронить, и оно стало мемориальным. Последним на нем 21 августа 1930 г. погребен георгиевский кавалер генерал-майор Генерального штаба М.Ф. Ананио, возглавлявший Союз эллинов — офицеров бывшей Русской армии в Греции. Британское военное кладбище Микра было открыто в апреле 1917 г. и действовало до 1920 г. Кладбище значительно увеличилось после окончания войны, когда на него было перенесено множество захоронений с других кладбищ. Всего на кладбище 1810 могил, в том числе 147 могил военнослужащих других стран, из которых 38 русских. Большинство погребенных русских — это умершие в феврале 1920 г. в английских госпиталях в Салониках офицеры и солдаты Русской армии⁷⁴. После того как английское кладбище стало мемориальным и на нем прекратили хоронить, русские начали погребать соотечественников на соседнем муниципальном кладбище Каламарьи. В настоящий момент на русском участке размером 740 кв. м. находятся 124 могилы, в которых погребены 270 человек. К 1920-м гг. относятся 22 могилы, к 1930-м — 16, к 1940-м — 45, к 1950-м — 19,

⁷² *Серафим (Иванов), архиеп. РПЦЗ*. Паломничество из Нью-Йорка в святую землю...

⁷³ См.: ГА РФ. Ф. 6091. Оп. 1. Д. 1а. Л. 194.

⁷⁴ См.: Там же. Ф. 7517. Оп. 1. Д. 2.

к 1960-м — 39, к 1970-м — 47, к 1980-м — 36 и к 1990-м — 9. За редким исключением, в одной могиле погребены 3–4 человека. К тому же со временем в могилы русских эмигрантов начали хоронить их греческих родственников, детей, родственников детей, а потом и внуков.

До сих пор не обнаружены могилы тех, кто умер в салоницкой русской больнице и в лагере Харилау, а среди них такие известные военные, как генерал-лейтенант Ф.Д. Лебедевич-Драевский (умер от разрыва сердца 20 июня 1926 г.), генерал-лейтенант Т.Ф. Бенескуль (покончил жизнь самоубийством 3 февраля 1923 г.), контр-адмирал П.Н. Иванов (скончался 23 декабря 1921 г.)⁷⁵, генерал-майор А.А. Веселовский (скончался 11 июня 1922 г.), сын генерал-лейтенанта Ф.Д. Лебедевича-Драевского штабс-капитан Б.Ф. Лебедевич-Драевский (скончался 4 февраля 1922 г.), полковник барон Нольде (скончался 13 января 1924 г.) и др., что говорит о существовании неизвестного пока некрополя, в котором погребали известных русских эмигрантов в 1920-е гг.

В 1955 г. в Салониках, так же как и в Афинах, по инициативе великой княгини Елены Владимировны Романовой и при поддержке Всемирной организации церквей был построен дом престарелых во имя Святого Пантелеймона на 60 человек, который просуществовал до 1970 г., когда здание стало использоваться под нужды школы катехизиса. Оставшиеся там к тому времени двенадцать русских эмигрантов были переведены в греческий дом престарелых Харисио, и их содержание взяла на себя Всемирная организация церквей. По инициативе же великой княгини Елены Владимировны Всемирная организация церквей в 1956–1957 гг. некоторых одиноких и немощных эмигрантов устроила в дома престарелых в других странах Европы и Америки. В 1968 г. завершилась и история лагеря Харилау. Жившие там русские эмигранты были переведены в построенный на средства Всемирной организации церквей 28-квартирный дом, где содержание одиноких и малоимущих взяло на себя «Христианское общество девушек» («Χριστιανική Ένωση Νεανίδων»). Оставшимся соотечественникам помогали русские общества из Америки, Кулаевский фонд для оказания помощи русским старикам и детям во всем мире, Восточноевропейский фонд и др. На первом этаже дома располагалось и бюро Союза русских эмигрантов в Македонии и Фракии, которое в 1980-е гг. насчитывало 33 человека и которое возглавлял Александр Степурский. В 1980-е гг. к грекам перешла и русская Свято-Никольско-Дмитриевская церковь лагеря Харилау. В эти же годы возникали и первые проблемы с кладбищем Каламарьи. Подорожание земли в Греции, в том числе и на захоронения, привело к противостоянию мэрии Каламарьи, желавшей уничтожить русский участок, и Союза русских эмигрантов в Македонии и Фракии, пытавшейся всеми силами сохранить память о великом русском исходе и о его трагической греческой странице⁷⁶.

⁷⁵ Некоторые военные скончались еще по пути в Салоники. Так, георгиевский кавалер генерал-майор Владимир Александрович Житкевич скончался от сыпного тифа еще на корабле «Святой Николай» в конце марта 1920 г. В апреле тело было снято с парохода и предано земле, вероятно, на городском кладбище в Салониках.

⁷⁶ См.: *Κοτούλα Η.* Ελληνική παροικία της Θεσσαλονίκης (1920 μέχρι σήμερα). Διπλωματική εργασία στο Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο της Θεσσαλονίκης 1986–1987. Σ. 34

А.Б. Арсеньев

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ (1919–1990-е гг.)¹

ПРИБЫТИЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Гонимые последствиями Первой мировой и Гражданской войн, беженцы из России прибывали на Балканы с 1919 по 1924 г. в группах или одиночками. Самую многочисленную «крымскую эвакуацию» из черноморских портов (ноябрь 1920 г.) составляли части Русской (Белой) армии генерала Петра Николаевича Врангеля и гражданские лица — семьи офицеров, административный персонал южных городов России, учебные заведения (в полном составе), вдовы, детские приюты, военные инвалиды.

Отсталое и в войнах 1912–1918 гг. опустошенное молодое Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) приняло беженцев гостеприимнее любой страны Европы и в рамках своих возможностей предоставило им помощь и убежище. Этому способствовали молодой православный монарх король Александр I Карагеоргиевич, иерархи Сербской православной церкви и влиятельные представители интеллигенции. Давая временное (как считалось) прибежище этим пришельцам, сербы выражали свою признательность России за союзническую поддержку в войне с агрессорами.

До середины 1922 г. в адриатических портах высадилось и по железной дороге прибыло (из Салоник и Софии) примерно 45 тыс. беженцев. Из временных пунктов сосредоточения их вскоре направляли во все районы страны. Пришельцы ожидали падения большевиков и лелеяли надежду на свое скорое возвращение на родину. Однако статус советской России в мире укрепился в результате ее признания со стороны великих государств (Королевство Югославия было последней страной в Европе, которое признало СССР — в июне 1940 г.).

Беженцы постепенно преобразуются в политических эмигрантов, сплывают свои ряды и стремятся улучшить свои материальные и бытовые условия. В первые месяцы они принимали денежные пособия от *Государственной комиссии по оказанию помощи русским беженцам*. Это было своего рода министерство, которое позднее предоставляло ссуды только русским учебным заведениям, студенческим общежитиям, старческим и инвалидным приютам, некоторым культурным организациям.

¹ Автор благодарит Татьяну Витальевну Пушкадия-Рыбкину (Хорватия), Ростислава Владимировича Полчанинова (США), Валентина Николаевича Мантулина (США), Михаила Кирилловича Гевеского (США), Сергея Сергеевича Беляева (США), Владимира Александровича Осипова (Франция) и Зорана Мачкича (Зоран Мачкић; Босния и Герцеговина — Республика Сербская) за помощь в написании этой статьи.

Самая многочисленная группа русских, примерно 10 тыс., осела в Белграде и его окрестностях. В более благоприятных условиях оказалась университетская профессура, инженеры, врачи, артисты. Благодаря этим русским ряд сербских хозяйственных и культурных организаций мог восстановить свою работу. На более высокий уровень поднялось университетское преподавание. Русские были основателями первых в стране научных институтов: микробиологии, педологии, криминалистики, византистики и др. Были созданы условия для открытия факультетов в городах Скопле (ныне Скопье) и Суботица, создания оперных и балетных трупп в Белграде и Нови-Саде. Русские содействовали интенсивному строительству в Белграде и провинциальных городах, внесли вклад в развитие авиации, сельского и водного хозяйства, здравоохранения, в упорядочение законодательства, православных приходов, монастырей и женского монашества, исследовали культурную историю и природу Балканского полуострова.

В начале 1920-х гг. значительный вклад русские внесли в восстановление хозяйства и административного аппарата Королевства СХС — как в отсталых и войнами опустошенных районах (на юге и востоке), так и на территориях, до тех пор входивших в состав Австро-Венгрии, в особенности в местах с чистым этническим (неславянским и неправославным) населением. В лице беженцев государство приобрело квалифицированные и лояльные кадры. Подавляющее большинство русских эмигрантов имели среднее и высшее образование, владели иностранными языками, довольствовались скромным жалованьем и жильем. Со временем они все-таки стремились поступить на более подходящее их образованию место и попасть в более культурную среду. Часть уехала в другие европейские страны. Миграционные процессы не дают возможности провести более точный подсчет количества проживавших в каждой русской колонии, которых в Югославии было около трехсот.

АДАПТАЦИЯ И ТРУДОУСТРОЙСТВО

В центральные районы страны, Боснию и Герцеговину, русские беженцы чаще всего прибывали из портов в Бока-Которской бухте и из Дубровника. После короткого карантина их направляли далее по государственной узкоколейной железной дороге Зеленика — Дубровник — Мостар — Сараево — Добой — Босански-Брод, а из Сараева по железным дорогам в направлении Вишеграда и Травника².

Согласно переписи населения Королевства СХС, проведенной 31 января 1921 г. в Боснии и Герцеговине проживало 1 млн 870 тыс. жителей (820 тыс. православных, 586 тыс. мусульман, 440 тыс. римо-католиков, 11 тыс. евреев, 9 тыс. греко-католиков)³ и уже было зарегистрировано 2636 беженцев из России: Сараево — 762, Банялука (Баня-Лука) — 485, Требинье — 590, Мостар — 190, Дервента — 162,

² См.: *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. С. 198.

³ См.: Српска ријеч. Радикални лист (Сарајево). 1922. 20. април.

Добой — 132, Тузла — 107, Брчко — 97, Травник — 61, Биелина — 58, Зеница — 58, Зворник — 45 и т. д.⁴

Преобладающее большинство русских, оказавшихся в Боснии и Герцеговине, были офицерами и солдатами Русской армии, но среди них были и инженеры, техники, геодезисты, топографы, врачи, чиновники, педагоги. Чины армии (в их составе были кубанские и донские казаки) были направлены на строительство железной дороги Бихач — Босанска-Крупа, выкорчевывание лесов, лесопосадки на пустырях и добычу железной руды, а инженеры и техники — на трассирование и контроль над строительством участков железной дороги Сараево — Белград. В середине 1920-х гг. русская рабочая сила была использована и для постройки Унской железной дороги в области Врбас. Группа донских казаков формировала свою станицу в г. Требинье (атаман Гордеев)⁵.

Государственная комиссия по оказанию помощи русским беженцам во многих городах Боснии и Герцеговины открыла биржи труда и курсы для обучения ремеслам. В Сараево существовали следующие курсы: технические, электротехнические, столярные, бухгалтерские, деловой корреспонденции; в Тузле — электромонтажные. Действовали и курсы сербского языка — в Сараево, Мостаре, Баялуке, Босански-Броде, Дервенте. Всероссийский земский союз открыл в Сараево русскую мастерскую для пошива белья и военной формы (заказ югославской интендантуры), а в Зенице — общежитие для холостяков; в Сараево и Дервенте были открыты столовые. В Сараево это была столовая Российского Красного Креста.

Из объявлений в сараевской прессе 1921 г. наглядно можем себе представить первые заботы пришельцев: «Бывший русский офицер, инженер с супругой — балериной и художницей (без детей) ищет меблированную комнату. Оплачивать ее можем рисованием и уроками балета. Гостиница *Европа*, № 78. — Солодовников.

Русский инженер Евгений Социевич исследовал местность около Фойницы, Високо и Киселяка и обнаружил, что там целесообразно открыть стекольные заводы. Об этом он отправил отчет в Торгово-промышленную палату в Сараево»⁶.

«В воскресенье 14 августа с. г. состоялось открытие лаборатории по производству „Ведалина“, особого лекарства от легочных заболеваний, прошедшего аттестацию в Министерстве здравоохранения. Препарат был запатентован в России, Франции и Германии. Госпожа Имшенецкая, русская, временно поселившаяся здесь, является собственницей этого препарата»⁷.

Старожилы Тузлы и Сараева вспоминают: молочными продуктами в Тузле торговала Татьяна Коковина (или Касьян), а в Сараево — Буланкина. Многие русские в первые годы эмиграции держали столовые, в Сараево — Полчаниновы и Стрельцовы. Сам Стрельцов одно время имел передвижное кино, в Илидже раз-

⁴ См.: Краљевина Југославија: Општа државна статистика: Дефинитивни резултати пописа становништва од 31. јануара 1921. Сарајево, 1932. С. 2–3.

⁵ См.: Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Документы и материалы: В 3 т. М., 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 669.

⁶ Бивши руски официр инжењер; Оснивање индустрије стакала у Босни // Српска ријеч. 1921. 4. март. (Здесь и далее перевод А.Б. Арсеньева.)

⁷ Нови лијек // Там же. 1921. 16. август.

водил клубнику и руководил лотереей в пользу югославских военных инвалидов. Первым клубнику в Сараеве стал разводить и продавать поштучно один адмирал. Некий еврей, служивший в Добровольческой армии, открыл шляпную мастерскую, русский офицер Евгений Иванович Гердт — деревообделочную мастерскую, а донской казак Подгурский — сапожную мастерскую. Прибывший из США Иван Гридасов в Илидже построил дом и небольшое водочное предприятие⁸.

Благодаря предупредительному отношению власти и интеллигенции — митрополита Петра (Зимонича), управления Сербского православного прихода, Народного университета, сербского общества «Просвета», сербского мусульманского общества «Гайрет», директоров школ, штаба дивизии, обществ офицеров запаса и ветеранов⁹ — некоторая недоброжелательность и настороженность населения Сараева к русским была преодолена и большинству удалось получить работу в соответствии с их специальностями и местными требованиями.

Русские офицеры работали в штабах дивизий и в Офицерской артиллерийской школе стрельбы в Сараеве и Калиновике «поденными служащими» (без югославского подданства). В авиационном полку в Райловце (под Сараевом) трудился выдающийся авиатор генерал-майор Иван Степанович Стрельников, а в авиационной школе в Мостаре — несколько русских летчиков и инструкторов полетов. Полковник Владимир Федорович Гуцин руководил сараевской метеорологической станцией.

По распоряжению Министерства лесов, вод и ископаемых лесной инженер Валентин Телесфорович Шацкий (1871–1929) проводил генеральную ревизию лесного хозяйства Боснии и Герцеговины. На лесопосадках в окрестностях Сараева трудился инженер Петр Тумим (в первую очередь на горе Требевич). Лесными инженерами работали: в Тузле — Кирилл Михайлович Геевский, Самодуров, Владимир Дермитасов, Александр Николаевич Неймирок, в Баялуке — Николай Федорович Букин, в Дрваре — Калигринов, Павел Иванов, Владимир Бирюков, Даниил Скиба, Анатолий Лукьянович, Николай Луговой, Федор Перекопский. Видный вклад в развитие лесного хозяйства Боснии внесли молодые лесные инженеры, выпускники Загребского университета 1920–1930 гг., получившие работу в Боснии и Герцеговине (см. приложение 1).

В горной промышленности Боснии русские инженеры оказались востребованными специалистами, в особенности в 1920-е гг. На угольном руднике Крека трудились горные инженеры Константин Коковин, Леонид Васильевич Лукашин, Георгий Подурец, Глеб Скурский, Константин Михайлович Тимошок, Александр Тарасов и Владимир Александрович Тимофеев, на руднике Лауш — Сергей Николаевич Павлов. Позднее выпускник Белградского университета Эдуард Альбертович Штейн стал управляющим угольным рудником (предположительно, в Турбе).

Краевед Баялуки З. Мачкич упоминает видных лесоводов Николая Попёнова, Алексея Сергеевича Левшина, Сергея Лазарева, Владимира Хворостина, строительных инженеров Павла Витольдовича Дыдзинского,

⁸ Сообщения В.Н. Мантулина и Р.В. Полчанинова автору.

⁹ См.: Белоэмиграција у Југославији 1918–1941 / Приредили Др Тома Миленковић и Др Момчило Павловић: У 2 т. Београд, 2006. Т. 2. С. 232–233.

Александра Львовича Мордвинова, Виктора Сидненко, Петра Александровича Поповиченко, Вартана Асатурова, архитекторов Николая Федорова, Виктора Зелинского, агрономов Виктора Беляева и Николая Фатеева, гидроинженера Александра Александровича Ершова, врачей Екатерину Александровну Рыбкину-Мурзу, Павла Прегль-Березовского, Спиридона Бородина, Георгия Ивановича Елатанцева¹⁰.

В Сараеве, Травнике, Требинье, Мостаре, Тузле и Банялуке на руководящих постах при госпиталях армейских областей и в дивизиях трудились русские военные врачи — Сергей Квинтилианович Софотеров, Михаил Максимович Нагорный, Александр Гавсеев, Александр Яковлевич Мурза, Александр Кузьмич Европин, Владимир Иванович Лютов, Николай Леопольдович Пакарин, Дмитрий Дмитриевич Вершинин, Николай Устинович Дерюгин, Николай Перов, Василий Кекало, Анатолий Румянцев, Александр Шефтельзон, Михаил Сидоренко-Усатый, Петр Васильевич Лапатанов, Сергей Семенович Трегубов.

Военный врач Евгений Иванович Шерстнев, позднее врач на штатской службе, стал начальником отдела по статистике здравоохранения в Сараеве. Своей теоретической и практической деятельностью он внес видный вклад в усовершенствование здравоохранения в Боснии и Герцеговине.

В межвоенный и послевоенный период русские врачи практиковали во многих городах Боснии и Герцеговины (см. приложение 2).

Русские преподавали почти во всех средних учебных заведениях Боснии и Герцеговины (см. приложение 3). В Сараеве также они были приняты преподавателями в Православную духовную семинарию (Василий Михайлович Скворцов, Владимир Андреевич Тимофеев, Николай Николаевич Пашутинский, Николай Андреевич Яковлев, Борис Яковлевский, Борис Константинович Селивановский, Владимир Страдницкий, Иннокентий Анисимов)¹¹ и даже в шариатскую гимназию.

Русские являлись и представителями иностранных фирм с капиталовложениями в Боснии и Герцеговине. Сергей Арефьев был директором английского рудника пирита и серебра в окрестностях Сараева, ротмистр Герман Германович Стенбок-Фермор состоял секретарем британского консульства в Сараеве.

Русские эмигранты в Сараеве составляли почти весь штат Государственной статистики — учреждения, систематизировавшего результаты первой переписи населения и имущества Королевства СХС, проведенной в 1921 г. В Финансовом контроле, банках и на прочих административных работах русские были приняты на работу на гонорарной основе или по контракту (на год или меньше). Некоторые из них позднее занимали высокие посты государственных прокуроров, начальников округов, советников при региональных («банских») управлениях и чиновников полиции (в Сараеве — полковник Баторский, Петр Соколов, в Банялуке — Николай Николаевич Богаевский, Сергей Гембачев, в Босанска-Крупе — Владимир

¹⁰ См.: *Мачкић* З. Устав Матице руске у Бањалуци // Гласник Удружења архивских радника Републике Српске (Бањалука). 2009. Бр. 1. С. 489–502.

¹¹ См.: Српска православна богословија у Сарајеву: Извештаји за школске 1930/31. — 1939/40. године. Сарајево, 1931–1940.

Криун)¹². В Мркониц-Граде казначеем в городском управлении служил Николай Балабанов, в Сараеве в епархиальном суде — Георгий Васильевич Ниценко, а в полиции — Арсений Боремович, Коротков, Петр Круглевский, Георгий Петрович Ламзаки, Всеволод Иванович Острожинский (был судьей в Прняворе и Банялуке).

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Вклад русской эмиграции в Боснии и Герцеговине заметен в сфере культуры — искусства и науки.

В сараевском Национальном театре режиссерами работали Александр Александрович Верещагин (1885–1965), Александра Лескова-Верещагина (1891–1933), Юрий Львович Ракитин (1882–1952), Вера Мильтиадовна Греч (1893–1974) с супругом Поликарпом Арсеньевичем Павловым (1885–1974), Александр Илиодорович Сибиряков (1868–1936), но главным образом — его супруга Лидия Васильевна Мансветова (1893–1966), которая с 1926 по 1946 г. на сараевской сцене поставила до 50 пьес и играла в них. Помимо русского классического репертуара она ставила драмы Л. Пиранделло, Ю. О’Нила, М. Крлежи, К. Чапека, И. Самоковлии, Д. Фельдмана, а также оперетты. В театральный репертуар Лидия Васильевна включала и спектакли для детей. Кроме нее на сараевских подмостках играли русские актрисы Мария Жегалова-Знаменская, Елена Владимировна Лукателла-Маньковская (1903–?), Ирина Йованович (1906–1990) и Ирина Петровна Астрова (1909–1958). Несколько театральных сезонов в Сараеве трудился художник сцены Алексей Владимирович Топорнин. В балете выступали молодые русские силы: Елена Виноградова, Всеволод Небо, Асим Буква, Алексей Юденич¹³. Свои последние годы жизни в этом городе прожил выдающийся русский художник, академик живописи Николай Дмитриевич Кузнецов (1850–1929), портретист П.И. Чайковского, Ф.И. Шаляпина и др., а также и художник Илья (Ибрагим) Ахметов.

В 1930-е гг. в банялукском театре художественными руководителями и режиссерами были А.А. Верещагин, позднее — Александр Филиппович Черепов (1892–1946?), одновременно выступавший и как актер. Актрисами были И.П. Астрова и Ираида Комаревская; художником сцены — Юрий Дриженко (1912–1944). В этом уютном городе и его живописных окрестностях русские архитекторы проектировали или надзирали строительство общественных и жилых зданий, храмов, семейных вилл и охотничьих домов: Григорий Иванович Самойлов (1904–1989), Евстафий Игнатъевич Мамуков (1891–1976), супружеская пара Медведевых — Александр Иванович (1900–1984) и Ксения Петровна (1905–2000)¹⁴, Зоя Петровна

¹² См.: Белоемиграција у Југославији 1918–1941. Т. 1. Београд, 2006. С. 145.

¹³ Подробнее см.: Narodno pozorište Sarajevo 1921–1971. Sarajevo, 1971; *Lešić J.* Sarajevsko pozorište između dva rata. Sarajevo, 1976.

¹⁴ См.: *Медведев М.А.* Архитектор Александр Медведев и его роль в зарождении архитектуры модернизма в Сербии в 1930-х гг. // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья.* СПб., 2008. С. 377–378; Сообщения Николая Федоровича Букина (Нови-Сад) и Михаила Александровича Медведева (Ниш) автору.

Думенгьич-Непенина (1904–2000)¹⁵. Фасады монументальных зданий в Сараеве и Баялуке (Ипотечный банк) рельефами и скульптурами украсил скульптор и художник Владимир Павлович Загороднюк (1889–1976)¹⁶. Часть икон иконостаса и стены нового православного собора Св. Троицы в Баялуке расписал фресками Петр Петрович Сухачев.

Основателем и регентом известного по всей стране хора «Девушки с Неретвы» в городке Коньниц был Сергей Сергеевич Беляев. Хор просуществовал 25 лет, объездил многие страны Европы, США и Канады.

Многие годы куратором Государственного музея в Сараеве был Дмитрий Николаевич Сергеевский (1886–1965), специалист по римским археологическим находкам на территории Боснии и Герцеговины. Он являлся автором ценных научных работ о раскопках в окрестностях Ливно, Прекае, Зеницы, Устиколыны, Рогатицы, Яйце, Шипово, на полях Гламоч и Ливно¹⁷. Современный российский историк об этом ученом пишет так: «Ученик профессоров европейского уровня: по классической филологии Ф.Ф. Зелинского и по античной археологии М.И. Ростовцева историко-филологического факультета Московского университета... полевой археограф, топограф, эпитафист и нумизмат, в межвоенный период практически единственный сотрудник Отдела античной археологии Государственного музея в Сараеве, — Сергеевский ездил по Боснии и Герцеговине, локализуя античные памятники и приобретая для музея новые экспонаты. Продолжая традиции археологической школы Н.П. Кондакова и М.И. Ростовцева, Сергеевский одним из первых в Югославии обратился к исследованию культурного наследия Боснии и Герцеговины периода античности. Он является виднейшей фигурой антиковедения в Югославии»¹⁸.

Бывший секретарь Министерства иностранных дел России (отдел Афганистана, Бухары, Индии, Китая и Персии), секретарь российского посольства в Константинополе востоковед Алексей Акимович Олесницкий (1888–1943) в эмиграции занимался сбором и научной обработкой турецких, арабских и персидских рукописей на просторах Боснии и Герцеговины. Благодаря знанию восточных языков, Ближнего Востока, а также дипломатической тактичности Алексею Акимовичу как сотруднику и хранителю коллекции восточных древностей при Югославянской академии наук и искусств в Загребе удалось спасти или выкупить у частных лиц ценные рукописи. До 1935 г. он приобрел более тысячи рукописей. По количеству древних восточных рукописей, кодексов, редкостей и по их достоинству загребская коллекция весьма заметна в Европе. Олесницкому приписывается заслуга и в общем развитии югославской ориенталистики¹⁹.

¹⁵ См.: Hrvatski biografski leksikon. Svezak 3. Zagreb, 1993. S. 702.

¹⁶ Сообщение Т.В. Пушкадия-Рыбкиной автору.

¹⁷ См.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931. Вып. 1. С. 281; Белград, 1941. Вып. 2, ч. 1. С. 298.

¹⁸ Колобов А.В. Дмитрий Сергеевский — исследователь античного прошлого Боснии и Герцеговины // Античность и средневековье Европы: Сб. межвузовских трудов. Пермь, 1998. С. 126–129.

¹⁹ См.: *Ždralović M. Aleksej Olesnicki i Orijentalna zbirka Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti (u povodu 30. godišnjice smrti A. Olesnickog)* // Radovi Arhiva JAZU. Sv. II. Zagreb, 1973. S. 87–110.

С 1946 г. в Сараеве развернула свою деятельность пианистка и педагог Татьяна Дмитриевна Картель (1912–?). Особо отмечена ее роль в исполнении и популяризации музыкальных произведений боснийско-герцеговинских композиторов. С 1948 г. музыкальным редактором Сараевского радио и преподавателем теоретических предметов в музыкальном училище в Сараеве был композитор и педагог Николай Николаевич Петин (1919–2004). Музыкальным редактором программ классической музыки Сараевского радио была выпускница Музыкальной академии по классу пения Ирина Георгиевна Балжаларская, в замужестве Лубардич. В городах Тузла и Биелина художественной и педагогической деятельностью занимался скульптор и живописец Иван Степанович Лукомский (1897–1965), а в городе Ливно — Павел Зиновьевич Житецкий (1896–?), художник и иконописец.

После Второй мировой войны в Сараеве был основан юридический факультет. Первым деканом и профессором был назначен выдающийся белградский ученый-медиевист Александр Васильевич Соловьев (1890–1971). Деканом и профессором агрономического факультета был академик-педолог Николай Аполлинарьевич Здановский (1895–1973), замдекана и профессором фитопатологии и микробиологии — Игнат Ильич Побегайло (1899–1960), профессором земледелия — Сергей Ломейко (1897–1975)²⁰, директором Института биологии — зоолог Владимир Эммануилович Мартино. Видным энтомологом в Сараеве была София Владимировна Огнева. Ординарным профессором технологических факультетов в Сараеве и Тузле был химик Кирилл Алексеевич Елачич (1915–2002), профессором строительного факультета в Сараеве — Георгий Николаевич Соловьев (1899–1979), строительного факультета в Сараеве и машиностроительного в Сараеве и Баялуке — Василий Захарович Андреев (1904–1988), профессором горного факультета в Тузле — Константин Михайлович Тимошко (1905–1980).

В Сараеве зоолог-энтомолог Сергей Алексеевич Берников создал Институт по борьбе с малярийными комарами. Обнаруженный им новый вид комара он назвал «Мартино» в честь зоолога В.Э. Мартино. В 1945 г. он был арестован Смершем, увезен в СССР и осужден. В заключении С.А. Берников продолжил свою научную деятельность в Средней Азии²¹.

Какой видели Боснию и Герцеговину старшие представители русской интеллигенции? Интересные наблюдения и впечатления о Сараеве 1924 г. сохранились в опубликованной путевой заметке театрального режиссера Юрия Львовича Ракитина, приехавшего в этот город: «На днях исполнилось ровно десять лет, как сербский патриот Гаврило Принцип пустил пулю в австрийского наследного принца Франца Фердинанда. И это случилось здесь, на этом узком небольшом мосту через мелкую каменистую речку. Я стою сейчас, тихой ночью перед историческим местом, *откуда все началось*, а в душе раскрывается какая-то особая психологическая археология. Шумит бесстрастно река, скользит лунный бубен по перистым облакам-барашкам над белыми минаретами, над садами, создавая чисто сказочный, восточный театральный ансамбль во вкусе наших старых художников-романтиков.

²⁰ Trideset godina Poljoprivrednog fakulteta u Sarajevu 1947–1977. Sarajevo, 1977. S. 34.

²¹ Сообщение Р.В. Полчанинова автору.

В *каванах-баишах*, по ту сторону реки, далеко поют цыгане, а здесь, за моей спиной, вдруг неожиданно поднялось жалюзи, вспыхнуло электричество, засмеялись женские голоса и кто-то забарабанил модный *fox-trot*.

Две культуры — Азия и Европа, искусственно соединенные этим *мостом вздохов*. Старая австрийская культура: огромные великолепные здания, асфальт, чудесные магазины, а рядом с этим турецкие живописные клетки с решетками. Повсюду кладбища. Вот где невольно привыкаешь к мертвецам. Они повсюду, и в парках, и в палисадниках, и на улицах. Точно грибы торчат повсюду из земли белые каменные колонки с чалмами, фесками, с завитками-изречениями из Корана.

Запад вплотную подошел к Востоку, навалился на него, а на вид еще церемонится, еще уважает. Политика старой Австрии: всякие привилегии магометанскому населению и страшный гнет для сербов. Зато теперь понемногу и сербы вступают в свои права. В театре играют на *иекавицине* (один из диалектов сербского языка. — А.А.), выходят две сербские газеты, и на всех бесчисленных казармах, больницах красуется имя королей Петра или Александра. Главная торговля в руках испанских евреев, *шпаньолов*.

Интересно отметить, что и русские здесь устроены много лучше, чем в Белграде. Огромную популярность и практику имеет здесь наш известный петербургский доктор лейб-педиатр высочайшего двора Иван Павлович Жегалов, друг почти всех артистов, так называемый *Ванечка Жегалов*, великолепный исполнитель романсов. Здесь он также и театральный доктор, а жена его играет на здешней сцене.

Бывший управляющий кабинетом его величества ген.-лейт. Евгений Николаевич Волков организовал здесь, на Илидже, большое лесное предприятие, где работает много русских.

Думал ли я там, в Петербурге, приходя каждое 20-е число за жалованьем во флигель Аничковского дворца, что буду гостить у самого управляющего Императорским кабинетом, и где — в боснийских горах, на лесопильном заводе!

Думали ли мы все тогда, что выстрел Принципа разбросает нас по всему миру, по всем частям света и отнимет у нас Россию?!»²²

РУССКИЕ КОЛОНИИ

Жизнь в русских колониях Боснии и Герцеговины протекала в рамках многочисленных объединений и культурных кружков.

Председателями русской колонии в Сараеве были генерал-лейтенант Михаил Николаевич Вахрушев (1865–1934); после него (до 1934 г.) — полковник Леонид Николаевич Новосильцов (1872–1934), бывший член I Государственной думы, кадет, депутат от Калужской губернии; затем генерал-майор Николай Владимирович Запольский (?–1945). Последним председателем в Сараеве оказался капитан Владимир Иванович Огнев.

²² *Ракитин Ю.* Откуда все началось // Новое время (Белград). 1924. 31 июля.

Первым председателем колонии в Тузле был избран офицер-улан князь Виктор Семенович Елецкий (получивший должность директора пивоваренного завода), позднее — полковник артиллерии Владимир Алексеевич Милохов (1862–1955), служащий соляных копей.

Первым председателем колонии в Баялуке был литератор и писатель подполковник Василий Михайлович Кашкаров (1863–1937), а последним — инженер-лесовод Евгений Владимирович Антоневиц. Из видных членов этой колонии сербский краевед З. Мачкич выделяет: генерал-лейтенанта Артемия Соломоновича Вартанова (1855–1938), бывшего члена Госдумы Эраста Андреевича Исаева (1859–1922), художника Федора Никитовича Сахно и композитора Рафаила Иеронимовича Арнери.

Единственное отделение «Русской матицы»²³ в Боснии и Герцеговине было открыто в Баялуке 4 ноября 1925 г. Первым председателем был избран В.М. Кашкаров, а последним — инженер Виталий Макарович Рыбкин. Членами ее состояли не только русские, но и местные представители интеллигенции. Помимо работы среди русских баялуцкое отделение организовало курсы русского языка для боснийцев, устраивало лекции и концерты, создало библиотеку, выписывало русские газеты из Белграда и Парижа²⁴.

Обосновавшиеся на местах русские объединялись и создавали свой мир. В Боснии и Герцеговине были созданы кассы взаимопомощи, открылись филиалы:

Общества русских офицеров; с 1925 г. — Русского общевоинского союза (РОВС; Сараево — руководили генерал-лейтенант Михаил Николаевич Вахрушев, генерал-майор Николай Владимирович Запольский; Баялука — руководил подполковник Сергей Михайлович Горбатов; Тузла — руководил полковник В.А. Молохов);

Общества русских инвалидов (Сараево — возглавлял Буяченко);

Союза галиполийцев (Сараево — возглавлял полковник Грабовский);

Корпуса императорской армии и флота (КИАФ);

Русского трудового христианского движения (РТХД; Сараево — руководил Н.М. Петров; Баялука — руководил М.Г. Гортинский);

Русского военного научного института (Сараево — руководил полковник Дробневский);

«Центрального объединения» (Сараево — возглавлял В.В. Сомборский);

Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) (отделение в Сараеве насчитывало около 30 членов, председателями были: Б.Л. Пятковский, позднее — офицер лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Георгий Александрович Доне; в Тузле — Г.М. Мищенко, поэт Александр Николаевич Неймирок; в Баялуке — Горбатов, Дмитрий Иванович

²³ Общество «Русская матица» возникло в 1924 г. в Любляне. Вскоре в нескольких городах Королевства СХС были открыты ее отделения. Согласно уставу «Русская матица» была культурным обществом, цели которого состояли в том, чтобы содействовать развитию национального сознания русской эмиграции, оказывать помощь в образовании своих членов и объединять русскую эмиграцию на национальной и культурной основе.

²⁴ Подробнее о «Русской матице» в Баялуке см.: Мачкић З. Устав Матице руске у Бањалуци.

Емельянов, в Бихаче — Зинаида Михайловна Полуян, ее муж и сын, Игорь Николаевич Шмитов²⁵);

«Русского сокола» (Сараево, Баялука — старшина Михаил К. Чирко, начальник Виктор Шкурко)²⁶;

Национальной организации русских скаутов-разведчиков (НОРС-Р; возглавлял О.И. Пантюхов, США)²⁷;

Национальной организации русских разведчиков (НОРР; возглавлял П.Н. Богданович, Франция); в 1938–1941 гг. существовало звено в Тузле.

Разведческим (подпольным) отрядом в Баялуке в 1941–1942 гг. руководил Георгий Львович Лукин (р. 1922)²⁸.

Членство в благотворительных комитетах, церковном хоре, сестричестве, в офицерских, монархических, культурных и иных кружках отнимало массу времени, энергии, но зато создавало иллюзию прежней жизни. Эмигранты как бы снова становились теми, кем были раньше, забывали свое беженское положение. Они устраивали балы, концерты, готовили любительские спектакли, отмечали

²⁵ В 1941–1943 гг. на оккупированных немцами территориях СССР энтэсовскую работу вели А.Н. Неймирок, Горбатов, чета Полуян и И.Н. Шмитов, сараевцы Б.Б. Мартино, Р.В. Полчанинов, М. Мулич, К. Цыганов и Г.А. Богатырев. (Сообщение Р.В. Полчанинова автору; также см.: *Полчанинов Р.В. Молодежь русского зарубежья: Воспоминания 1941–1951*. М., 2009. С. 28, 38 и др.)

²⁶ См.: *Нова управа Руског сокола // Врбаске новине (Бања Лука)*. 1940. 14. фебруар.

²⁷ Работа скаутов-разведчиков в Сараеве началась в 1931 г. Сначала было создано одиночное звено «Волк» под руководством Бориса Борисовича Мартино (1917–1962). Звено в 1932 г. развернулось в Корниловский отряд под руководством Алексея К. Лебедева. С 1935 г. его начальником был Б.Б. Мартино, с 1937 г. — Ростислав Владимирович Полчанинов (р. 1919), а с 1941 по 1944 г. — боснийский мусульманин, член русской скаутской разведческой организации Эшреф Смаевич. Видным руководителем скаутов-разведчиков был боснийский серб-мусульманин Малик Ибрагимович Мулич, научившийся говорить без акцента по-русски. Будучи одновременно и членом НТС, М.И. Мулич во время войны устроился в Крыму переводчиком, выдавая себя за татарина. Из-за своего русофильства имел неприятности с немецким командованием. Оказавшись в советской зоне оккупации в Германии, был возвращен в Югославию, где стал известным ученым-славистом, профессором Сараевского философского факультета.

С назначением (31 декабря 1935 г.) Р.В. Полчанинова начальником одиночных скаутов-разведчиков в Югославии Илиджа (предместье Сараево), где он проживал, стала центром разведческой работы в провинции Югославии, а Бихач, где проживал Игорь Шмитов, — центром Западного района одиночек.

В 1941 г. в связи с оккупацией и присоединением Боснии и Герцеговины к Независимому государству Хорватия (НДХ) Б.Б. Мартино принял на себя руководство Инструкторской частью, ставшей центром всей подпольной работы НОРС-Р в Европе. В Сараеве он выпустил два письма руководителям (в ноябре 1941 г. и в январе 1942 г.), в которых сообщалось о переходе организации на нелегальное положение. В январе и Б.Б. Мартино и Р.В. Полчанинов покинули Сараево.

Русские скаутские руководители Максим Владимирович Агапов-Таганский (1890–1973) и Иван Алексеевич Гарднер (1898–1984) летом 1925 г. провели около Пазарича, у подножья боснийской горы Белашница первый курс для югославских руководителей «извидников» (разведчиков) Боснии и Герцеговины. Там для курсов был взят девиз «Будем как солнце!» (слова из стихотворения К. Бальмонта). Ученики и последователи Агапова-Таганского, Мартино и Полчанинов, провели в 1940 г. на том же месте Третий русский бойскаутский курс для руководителей. Необходимо отметить, что и сегодня по этим программам проводятся курсы для руководителей как в зарубежье, так и в России (сообщение Р.В. Полчанинова автору).

²⁸ О подпольной работе русских скаутов в Баялуке см.: *Полчанинов Р. Молодежь русского зарубежья*. С. 50–52.

юбилеи, принимали заезжих гостей и знаменитостей, выписывали русские газеты. В определенные дни недели русские любили сходиться поиграть в карты, лото, шашки, шахматы. Так создавались не только кружки единомышленников, но и гнезда всяких пересудов, сплетен. В русских клубах, при церкви или русских столовых они назначали друг другу свидания, оставляли письменные поручения, узнавали и обсуждали местные новости.

Родившаяся в Сараеве Ирина Георгиевна Балжаларская вспоминает свои юные годы: «Росла я в многонациональной и двуязычной среде. Ходила в русскую школу, пела в русском храме, читала русских и иностранных писателей по-русски. Книги брала в библиотеке, созданной из книг, которые русские эмигранты привезли в своем багаже. Дружила с соседскими детьми на сербском языке. Так было до моего поступления в гимназию, где главным языком стал сербскохорватский язык, а родным остался русский, интимный.

Раз в неделю две-три русских семьи встречались из-за того, что следовало после ужина (вареный картофель и засоленная рыба, чай, ложечка варенья, иногда глоток фруктовой водки домашнего приготовления): из-за воспоминаний, призывов прошлого и сохранения отражений своей духовной жизни в зеркале времени. Некий призрак, во всех времена дающий эмигранту силу перенести тяжелое и сложное приспособление к беженской жизни. Настойчивое стремление соприкоснуться к матери-родине, из чего питаются новые силы для ежедневного быта и воспитания поколения, рожденного при новых условиях.

Во мне создавалось чувство принадлежности, общности. То было моим первым знакомством с живым русским художественным словом, встречей с русским романсом, рассказом. Зарождалась любовь к далекой, неведомой России. Энергия, создававшаяся на этих вечерах, омолаживала собравшихся мужчин и женщин и переносилась на меня»²⁹.

Постепенно русские приобщались и к местному обществу: пели в церковном хоре при сербском храме, вступали в шахматные клубы. Членами Баянлукского шахматного клуба были: Иван Спиридонович Яготинцев (1898–1957), Борис Александрович Боев (1896–1969), Николай Александрович Белонин (1903–?), Александр Львович Мордвинов (1892–1978), Иван Киров (1882–?), Павел Витольдович Дыдзинский (1897–1959), Александр Александрович Ершов (1893–?)³⁰.

Можно предположить, что испытывали русские, непосредственно по прибытию в «экзотическое» Сараево: «Православный собор в центре Сараева был построен еще при турках, с 1862 по 1872 год, при сильном сопротивлении местных мусульман. Замечательный четырехъярусный иконостас (более 50 икон) был создан русскими иконописцами Троице-Сергиевой лавры и подарен сербам. В первом ярусе следует отметить большую икону св. князя Александра Невского»³¹. Основные средства на постройку этого храма пожертвовал сам император Александр II.

²⁹ Балжаларски-Лубардић И. Симетрије времена. Бањалука, 2005. С. 52–53.

³⁰ См.: Маџкић З. Banjalučki šahovski klub — spomenica 1926–1940. Banjaluka, 2009. S. 90–267.

³¹ Полчанинов Р. У сербов в Сараеве // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1990. 6 февр.

До 1929 г. сараевские русские ходили в русский храм Св. Александра Невского при Русском кадетском корпусе. В 1932 г. по приезде в Сараево священника Алексея Крыжко (1885–1976) были созданы русский православный приход и храм. Снято в аренду пустовавшее помещение бывшей мастерской (в доме по улице Деспича, д. 6, ныне улица Огньена Прице). Церковными старостами избирались Сергей Алексеевич Берников и Борис Петрович Викентьев, казначеем — Алексей Николаевич Богатырев. Регент Ксения Петровна Комад собрала церковный хор из молодежи. Сараевское сестричество возглавляла Вера Бартенева при секретаре Надежде Барановой, позднее — Елена Николаевна Пелипец. Р.В. Полчанинов пишет: «Никакого церковного имущества не было. Все надо было либо покупать, либо делать самим. Нашлись добровольцы, сделавшие иконостас. Все иконы были написаны художником Чоглоковым. Он был большим поклонником о. Алексея и, написав икону св. Владимира, крестящего киевлян (по Васнецову), одному человеку в толпе придал черты лица о. Алексея»³².

«После трагической гибели короля Александра I (в 1934 г. в Марселе. — А.А.) в церкви на пожертвования был установлен большой киот до самого потолка с двумя иконами — св. Александру Невскому, в честь которого был назван король Александр, и свят. Николаю, в честь которого был назван русский царь-мученик Николай II. Киот был с двумя резными дубовыми колоннами, увенчанными двуглавыми орлами России и Югославии»³³.

Сдвоенную икону писал известный иконописец барон Николай Богданович Мейндорф (1888–1969), а киот и лампы выполнены по рисункам генерал-майора Василия Федоровича Баумгартена (1879–1962). Освящение киота состоялось 6 октября 1935 г.³⁴ Через два года после Второй мировой войны этот киот с иконами был перевезен в Белград и установлен в русском храме Св. Троицы. Русский домовый храм в Сараеве в 1933 г. посетил Святейший патриарх Сербский Варнава, а в 1938 г. первоиерарх Русской церкви за рубежом митрополит Анастасий.

При больших колониях в Боснии и Герцеговине возникали детские сады, амбулатории, зубоорубные кабинеты (Российского общества Красного Креста или частные), библиотеки, русские столовые. Р.В. Полчанинов вспоминает: «В начале 1931 г. приехавшие учителя Владимир Пелипец и его супруга Елена Николаевна основали воскресную школу. <...> Его супруга очень скоро стала активным членом сестричества и таким образом приобрела много знакомых среди русских сараевцев. Знакомство с председателем русской колонии дало возможность В. Пелипцу основать при библиотеке колонии *Устную газету*. Следующим его начинанием было создание Югославянско-русской лиги, целью которой было, с одной стороны, сближение русских с югославянскими общественными деятелями, а с другой стороны — подготовка к пушкинскому юбилею — 100-летию со дня смерти в 1937 г.»³⁵

³² Полчанинов Р. Русские в Сараеве // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 341.

³³ Он же. Русский православный приход в Сараеве // Православная Русь (Джорданвилль). 2009. № 8. С. 15.

³⁴ См.: В.Б. Памяти убитых монархов // Рубеж (Харбин). 1936. 4 июля.

³⁵ Полчанинов Р. Русские в Сараеве. С. 341.

Следующий отрывок из газетной статьи ярко характеризует общественную жизнь русских в Баялуке: «С началом зимнего времени возобновила свою деятельность сокольская школа для детей и подростков. Отечественную историю преподает брат Б.С. Яковлев, обращая особое внимание на проповедь любви к России и своей национальности, воспитывая в молодежи сокольский дух и дисциплину. <...> Удалось расширить помещение, занимаемое обществом Русского Сокола и другими. Таким образом, теперь имеется большая комната для докладов, собраний и вечеринок и вторая комната — библиотека Русской Матицы. Каждую субботу Сокол устраивает вечеринки. <...> Были сделаны доклады: “Наш долг перед Россией”, “Причины крушения Белой Армии” и “Задачи русской эмиграции”. Организована *Устная газета*, дан сокольский годовой концерт, который прошел блестяще как в художественном, так и в материальном отношении»³⁶.

Русская начальная школа и детский сад в Сараеве были основаны Земгором. В доме на набережной (Обала Степе Степановича, д. 22) в трех помещениях размещались дети дошкольного возраста, младшие и старшие ученики. Начальницей школы была Вера Яковлевна Велиогорская (до 1928 г.), а детского сада — Вера Михайловна Опокова. Французский язык преподавала Лидия Карловна Ротштейн³⁷. В Дервенте первые годы существовала «школьная группа».

В Сараеве не обошлось без местных поэтов. С ними встречался и проездом гостивший в этом городе поэт Игорь Северянин. В Эстонии он содействовал публикации сборника лирики Валентины Васильевны Берниковой (1902–1983), своей восторженной почитательницы³⁸. В.В. Берникова, дочь профессора сараевской духовной семинарии В.М. Скворцова, училась в Петербурге и Париже, в Сараеве преподавала французский язык³⁹.

Сам Игорь Северянин не оставался равнодушным к красотам пейзажей Боснии и Герцеговины:

ДРИНА

В.В. Берниковой

О ядовито-яростно-зеленая,
Текущая среди отвесных скал,
Прозрачна ты, как девушка влюбленная,
И я тобою душу оплескал!

А эти скалы, — голубые, сизые,
С лиловостью, с янтарностью, в дубах

³⁶ Хроника // Пути русского сокольства (Белград). 1938. № 6. С. 5.

³⁷ Подробнее о русских и о русской школе в Сараеве см.: *Полчанинов Р. Мы, сараевцы // Новый журнал* (Нью-Йорк). 2010. № 259. С. 304–361.

³⁸ *Берникова В. Хрупкие цветы: Лирика*. Нарва, 1934.

³⁹ Подробнее о взаимоотношениях Игоря Северянина и В.В. Берниковой см.: *Плюханов Б.В. «Валентине Берниковой — Игорь Северянин» // Таллин*. 1988. № 1. С. 110–114.

С проржавленной листвою, — бросают вызовы
Вам в городах, как в каменных гробах!

Ведь есть же мощь, почти невероятная,
Лишь в сновиденьях мыслимая мощь,
Взволновывающая и понятная,
И песенная, как весенний дождь!

Ведь есть же красота, еще непетая,
Способная дивить и восторгать,
Как эта Дрина, в малахит одетая,
Как этих скал застывшая пурга!

Босния, Горажда. 15 янв. 1931 г.⁴⁰

Молодым поэтом в Сараеве был Георгий Алексеевич Богатырев (р. 1922), выпустивший в 1946 г. два сборника стихотворений под псевдонимом Мечтатель. Юные Б.Б. Мартино, Р.В. Полчанинов и А. Суков не были поэтами, но песни на их слова пелись разведчиками в 1930-е гг. Эти песни поются и сегодня как в зарубежье, так и в России. В 1992 г. Р.В. Полчанинов опубликовал их в виде сборника «Мы — сараевцы и наши песни».

Среди ценных изданий русской эмиграции в Боснии и Герцеговине следует отметить «Вестник военных знаний», журнал, выпускаемый в Сараеве с 1929 по 1935 г. (всего вышло 23 тетради). Редакторами состояли полковник Генштаба Константин Константинович Шмигельский (1890–?) и генерал-лейтенант Евгений Федорович Новицкий (1867–1931). Оба были служащими Офицерской артиллерийской школы стрельбы в Сараеве. Председателем сараевского филиала Русского военно-научного института состоял полковник Дробневский.

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

На просторах Боснии и Герцеговины обосновались два русских кадетских корпуса, разными путями эвакуированные с юга России.

В марте 1920 г. казармы им. короля Петра I Освободителя в центре Сараева (бывшая австрийская казарма им. Франца Иосифа) заняли 263 кадета и 40 членов персонала, преподавателей и воспитателей Русского кадетского корпуса, основанного генералом П.Н. Врангелем в Крыму. В 1925 г. к ним присоединились еще 35 кадет, прибывших из Шанхая. Директором корпуса состоял генерал-лейтенант Борис Викторович Адамович (1870–1936)⁴¹.

⁴⁰ *Северянин Игорь*. Адриатика: Лирика. Нарва, 1932. С. 4.

⁴¹ Подробнее см.: Русские кадетские корпуса за рубежом: 1920–1945: Издание Объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов. Нью-Йорк, 1970. С. 321–502; *Гурковский В.А.* Российские кадетские корпуса за рубежом. М., 2009. С. 154–228.

Р.В. Полчанинов вспоминал: «Жители Сараева встретили русских кадет не дружелюбно. Еще недавно здесь правили австрийцы, насаждавшие ненависть к русским. Вернувшиеся из русского плена солдаты симпатизировали большевикам и ненавидели белых. Только отдельные офицеры Сербской армии старались помочь русским братьям, оказавшимся в беде.

1 августа 1920 г. по случаю окончания занятий и отправки 50 кадет-выпускников в Крым был устроен бал, на который были приглашены представители военных и гражданских властей города. В сентябре Сараево посетил королевич Александр, сам когда-то учившийся в России в Пажеском кадетском корпусе. Корпус принял участие в параде. Среди генералов, принимавших парад, был и директор корпуса генерал Адамович, с которым не только королевич, но и большинство свиты говорили по-русски. Во время парада, когда кадеты прекрасно прошли перед королевичем, офицеры свиты, а за ними толпа стали кричать: *Да здравствует Россия! Да здравствуют русские кадеты!*

С тех пор отношение жителей Сараева к кадетам переменялось. Некоторых кадет, у которых в городе не было ни родных, ни знакомых, местные жители стали приглашать по воскресеньям в гости. Ни в одном городе Югославии русские не бросались в глаза так, как в Сараеве, благодаря кадетскому корпусу. Иногда, по воскресеньям, кадетский оркестр играл в парке царя Душана. Ни один парад не обходился без участия кадет и кадетского оркестра. Получить приглашение на кадетский бал считалось привилегией. Слава о кадетском корпусе как о замечательной школе быстро распространилась среди местного населения. <...> Офицеры, служащие корпуса, ходили в русской форме не только в стенах корпуса, но и в городе. Корпус, можно сказать, был одной из достопримечательностей Сараева»⁴².

Дисциплинированные кадеты в своих казармах и в общественных местах давали концерты хоровой музыки, спектакли, устраивали литературные вечера, демонстрировали гимнастические (сокольские) упражнения.

Режиссер Ю.Л. Ракитин в 1924 г. посетил Русский кадетский корпус в Сараеве. «Сотни наших мальчиков и юношей воспитываются там под опытной и любящей рукой генерала Адамовича, старого русского военного педагога. Я имел удовольствие побывать здесь этой зимой во время моих гастролей в здешнем театре. Мне хотелось доставить кадетам удовольствие, и я целый вечер читал им. Читал им также стихи из их сборника. Я просил показать одного из авторов, поднялся один малыш, пожал мне руку. Генерал Адамович водил меня повсюду и показывал. Я на каждом шагу убеждался, что может сделать дисциплина, порядок, а главное — любовь, согревавшая эти неуютные, холодные казармы нашими старыми и молодыми русскими сердцами. Это оценил бывший одновременно со мной ревизор, профессор Колюбакин, а теперь весной и министр народного просвещения г. Прибичевич, благодаривший генерала Адамовича»⁴³.

5 сентября 1929 г. этот корпус переехал в Белую Церковь (г. Бела-Црква, Банат). Умерших чинов кадетского корпуса и кадетов хоронили на Старом военном клад-

⁴² Полчанинов Р. Кадеты в Сараево // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1984. 8 апр.

⁴³ Ракитин Ю. Откуда все началось. С. 2–3.

бище в Сараеве, на отдельном «кадетском участке», с отдачей воинских почестей. На этом участке хоронили и членов сараевской русской колонии. Тут возвышался из розового мрамора крест с надписью: «Мир вам». На могилах корпусников устанавливались надгробные плиты цвета розового гранита с рельефным изображением на них креста ордена Св. Александра Невского и высеченными именами и данными о почивающих. За период 1920–1940 гг. было похоронено семь чинов корпуса и девять кадет. У подножия общего памятника в виде креста был погребен устроитель и первый директор корпуса генерал-лейтенант Б.В. Адамович⁴⁴.

В ноябре 1921 г. в герцеговинском городке Билеча, в бывшем австро-венгерском военном лагере у самых рубежей Черногории разместились воспитанники и персонал Донского императора Александра III кадетского корпуса, несколько сотен кадет. Директорами состояли генерал-майор Александр Иванович Бабкин (1882–1974), а позднее — генерал-майор Евгений Васильевич Перрет (1876–1940). В сентябре 1926 г. этот кадетский корпус переехал в Горажде, в бывший австро-венгерский лагерь (казарма и шесть барачков), расположенный на высоком левом берегу Дрины. Тут он обосновался до своего закрытия в августе 1933 г.

И Донской корпус отлично подготавливал кадет в естественных науках, что позволяло им легко поступить на технические факультеты и в высшие военные училища. Своей выправкой, воспитанностью и разносторонней культурной деятельностью кадеты завоевали любовь и уважение жителей Билечи и Горажде. Впоследствии многие из них окончили факультеты и военные академии в Королевстве Югославия⁴⁵. Приводим одно стихотворение Михаила Николаевича Залесского (1905–1979), кадета 37-го выпуска этого корпуса:

БИЛЕЧА

Часто, часто ночами снится
Серых гор и туманов встреча.
Черногории дикой граница,
Уголок, Богом забытый, — Билеча.

Невеселое новоселье.
Козьи в горах тропинки;
Вьется в утесах ущелья
Пена холодной Требинки.

Зданий пустых массивы,
Прошлого мертвые тени...
Мечется ветер визгливо
В ржавых шипах заграждений.

⁴⁴ См.: Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус: Шестая кадетская памятка — юбилейная. 1920–1940. Белая Церковь, 1940. С. 115–121.

⁴⁵ Подробнее см.: Кадетские корпуса за рубежом: 1920–1945. С. 177–320; Верны заветам старины: Воспоминания кадет Донского корпуса / Под ред. М.К. Бутураева. Madrid, 1974; Гурковский В.А. Российские кадетские корпуса за рубежом. С. 107–153.

А вдалеке, на камнях косогора,
В тени минаретной вышки,
Кучкою белого сора,
Двух улиц жмутся домишки.

В них, освященный веками,
Пограничья суровый быт...
Неслучайно заборов камень
Следы от пуль хранит.

Зимою — дожди и туманы.
Летом — томящая сушь.
Ну ж, уголок поганый,
Воистину — глушь!⁴⁶

ВОЙНА И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В 1939 г. в Сараеве проживало 616 русских, в Баянлуке — 122, в Мостаре — 96⁴⁷. Вторая мировая война, развал Югославии, присоединение Боснии и Герцеговины к Независимому государству Хорватия (НДХ) и разжигание гражданской войны — все это принесло русской эмиграции много несчастий. Кроме того, изменения в политике стали причиной размежевания русских эмигрантов. Каждый выживал как мог. Каждый русский по-разному предвидел исход войны. Русским организациям была запрещена деятельность. Исключением были Русская начальная школа и Русский православный приход в Сараеве.

Новые власти провели инвентаризацию русских колоний в НДХ. В Боснии и Герцеговине в 1941 г. было зарегистрировано 14 колоний и 1562 русских (см. приложение 4).

Русские, ранее принявшие югославское подданство, были призваны в Югославскую армию и попали в германский плен. Лишившиеся работы мужчины призывного возраста были вынуждены отправляться на заработки в Германию, иначе они были бы мобилизованы в Хорватскую армию. Меньшая часть русских, добровольно или по принуждению (случай с казаками), вступила в Русский охранный корпус, сформированный в Белграде в сентябре 1941 г. Его роты и полки были направлены не в Россию, на свержение советского режима, а в глубинку Сербии — охранять от диверсий коммуникации, заводы и рудники. Из Сараева в этот корпус поступило 22 русских, из Тузлы — двое⁴⁸. Некоторые чиновники, служившие в административных учреждениях и полиции в Боснии и Герцеговине,

⁴⁶ Верны заветам старины. С. 546.

⁴⁷ См.: Русская эмиграция в цифрах // Военный журналист (Белград). 1939. № 3. С. 2.

⁴⁸ См.: Uprava državne bezbjednosti (UDB). Elaborat: Beloemigranti u Jugoslaviji u periodu od dolaska (1920–1921. g.) do okupacije (1941. g.). Zagreb, septembra, 1950. I. poglavlje, S. 81; II. poglavlje, S. 20. (Частное собрание; машинопись.)

сотрудничали с оккупационными властями. Перед окончанием войны почти все они покинули Балканы. Новая социалистическая власть занесла их в списки военных преступников. Несколько их было арестовано и расстреляно.

Особую судьбу пережила русская колония в Дервенте. Из-за тяжелых жизненных условий в зоне военных действий все ее члены (несколько десятков человек разного возраста) по рекомендации немецких властей на поезде эвакуировались в Вену, а оттуда были отправлены в один из беженских лагерей. Лишь некоторые возвратились в освобожденную Югославию и в итоге попали в следственный изолятор в югославском пограничном городе Суботица. Они были заподозрены в шпионаже⁴⁹.

В течение зимы 1944–1945 гг. подразделения Русского охранного корпуса (значительно пополненные русскими из Болгарии и людьми из оккупированной Бессарабии) при отступлении через Срем и вдоль Дрины к Австрии вели ожесточенные бои с партизанами в Боснии — у местечка Челич и города Брчко, как и у местечка Бусовача и города Зеница⁵⁰. (Эти воинские части не следует путать с «черкесами» — отрядами Первой казачьей дивизии, сформированной из казаков с оккупированных территорий на юге СССР и из советских военнопленных, совершивших многие зверства над жителями Срема, Славонии и Боснии.)

Уже в конце апреля 1945 г. русские эмигранты в Баялуке подверглись гонениям: председатели колонии и отделения «Русской матицы» Е.Л. Антоневиц и В.М. Рыбкин были арестованы, и новые власти устроили над ними абсурдный судебный процесс, обвинив в сотрудничестве с хорватскими военными властями. Оба были приговорены к двухлетнему заключению строгого режима. Современный краевед пишет: «Не прошло и пары месяцев, как *баялукских русских* можно было пересчитать по пальцам, так как они разбрелись по другим городам страны (Загреб, Сараево, Белград). Та горсточка оставшихся стала неслышной и невидимой»⁵¹.

Согласно первой послевоенной переписи населения 1948 г. в Боснии и Герцеговине проживало всего 1316 жителей, назвавших себя русскими. Приблизительно половина из них, добровольно или по принуждению, приняла советское гражданство. Однако советские власти не спешили репатриировать их в СССР.

«Резолюция Информбюро» 1948 г. и прекращение югославо-советских партийных и государственных отношений привели к новым репрессиям — к арестам русских эмигрантов и их потомков как ненадежного элемента в стране. Их направляли в тюрьмы или лагерь «Голи оток» (скалистый безводный остров в Северной Адриатике). Также целые семьи русских эмигрантов насильственно переправляли через границу с Венгрией и Болгарией.

Отношение югославских властей к русским обсуждалось на Четвертом заседании Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке в 1949 г.⁵² Почти одновременно в Сараево шел показательный суд над двенадцатью «бывшими белогвардей-

⁴⁹ Сообщение Светланы Романовны Демоллини-Гаин (Нови-Сад) автору.

⁵⁰ См.: Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк, 1963. С. 316–336.

⁵¹ *Мачкић* З. Устав Матице руске у Бањалуци. С. 493.

⁵² См.: Четврто заседање Генералне скупштине ОУН // Политика (Београд). 1949. 18, 24, 26. новембар.

цами, агентами гестапо, советскими гражданами, завербованными советской разведкой в Югославии»⁵³. Среди них оказались члены сараевской русской колонии: настоятель русского храма протоиерей Алексей Крыжко, председатель колонии Владимир Иванович Огнев, судья Арсений Боремович, чиновник Петр Соколов, студент юридического факультета Сараевского университета Вадим Александрович Геслер и учительница Ксения Петровна Комад. Они были приговорены к тюремному заключению и принудительным работам (соответственно на 11½, 6, 20, 4, 5 и 3 года)⁵⁴.

В Сараеве также состоялся еще один показательный процесс — над деканом юридического факультета А.В. Соловьевым. В конце 1951 г. он был вынужден со своей семьей покинуть страну⁵⁵.

После Второй мировой войны русские надгробия, включая все кадетские, на Старом военном кладбище в Сараеве были взорваны. Позднее останки русских были собраны в один гроб и похоронены в близлежащей деревне в братской могиле. На могиле установлен массивный памятник из светлого камня с черной мраморной вертикальной плитой, на которой высечено: «Господи упокой сии души»⁵⁶. Один из сараевских старожилов отметил: «В Сараеве несколько старых кладбищ и два новых. Несколько раз кладбища или совсем закрывались, или частично. Кладбище, на котором хоронили кадет, не существует. На его месте давно построен один из сараевских факультетов. Старое православное кладбище “Видовданские герои” два раза сужали. Первый раз в 1981–1982 гг., когда строили объездную дорогу. Вторым раз в 1984 г., расширяя шоссе во время Олимпиады. Часть останков русских с этого кладбища (которых некому было перенести) перезахоронены на Новом кладбище “Баре” в двух больших склепах. В Сербской церковной общине имеют план и там могут, кажется, дать точные сведения о содержании каждого склепа»⁵⁷.

Регулярные переписи населения свидетельствуют о резком уменьшении числа русских жителей в Боснии и Герцеговине: если в 1948 г. их было 1316 человек, то в 1953 г. — 951, в 1961 г. — 934, в 1971 г. — 507, а в 1981 г. — 295⁵⁸.

Новая гражданская война 1990-х гг. на просторах Боснии и Герцеговины не пощадила и русских. Была убита одна русская девушка. Из Сараева, Коньница и Тузлы несколько человек по одному были эвакуированы в Россию, а некоторые русские семейства оказались беженцами в Сербии, Англии, Канаде и США.

⁵³ Пред народни суд у Сарајеву изведени су бивши белогардејци — совјетски грађани који су у совјетској обавештајној служби радили против слободе и независности ФНРЈ // Политика (Београд). 1949. 2. децембар.

⁵⁴ См.: Суд у Сарајеву изрекао је пресуду шпијунско-диверзантској групи Алексеја Крижжа // Политика (Београд). 1949. 10. децембар.

⁵⁵ См.: Аврамович С. Житие и труды Александра Соловьева // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 245.

⁵⁶ См.: Полчанинов Р. Кадеты в Сараеве // Новое русское слово. 1984. 8 апр.

⁵⁷ Письмо Марии Сергеевны Невструевой (Сараево) автору от 3 июня 1991 г.

⁵⁸ См.: FNRJ — Savezni statistički ured: Statistički bilten. Beograd, 1950 Br. 1 S. 18; SFRJ. Savezni zavod za statistiku. Jugoslavija 1918–1988. Statistički godišnjak. Beograd, 1989. S. 44.

Русские лесные инженеры — выпускники Загребского университета, получившие работу в Боснии и Герцеговине⁵⁹

Имена, годы жизни	Год выпуска	Города, в которых удалось найти работу
Алабовский Всеволод (1896–?)	1926	Мостар, Тузла
Антониевич Евгений Владимирович (1898–?)	1921	Банялука
Балковский Александр Андреевич (1889–?)	1926	Тузла
Белонин Николай Александрович (1903–?)	1928	Банялука
Великопольский Иван (1905–1996)	1930	Дрвар
Гордов Александр (1898–?)	1930	Хан-Пиесак
Исаев Иван Петрович (1898–1960)	1925	Вишеград
Кирий Константин Анисимович (1895–1949)	1930	Тузла
Косоногов Павел Федорович (1904–?)	1928	Вишеград, Завидовичи
Левицкий Леонид Павлович (1892–?)	1926	Турбе, Олово, Любинье
Малько Сергей Николаевич (1895–?)	1927	Мостар
Панов Александр Александрович (1900–1982)	1928	Банялука, Бихач, Сараево
Пограничный Александр Дмитриевич (1905–?)	1928	Тузла
Полковников Федор Федорович (1902–1971)	1928	Хан-Пиесак
Поплавский Вячеслав Фаддеевич (1900–?)	1927	Банялука
Шишлов Георгий Васильевич (1898–?)	1930	Оштрель, Дрвар
Яковлев Иван Григорьевич (1903–1997)	1932	Олово, Оштрель

⁵⁹ Использована информация из работ: *Skoko M. Studenti rodom iz Rusije i Ukrajine koji su šumarske znanosti apsolvirali u Zagrebu // Šumarski list (Zagreb). 2006. Br. 5–6; Idem. Rusi i Ukrajinci na studiju šumarstva u Zagrebu i njihov doprinos šumarstvu u Hrvatskoj // Hrvatske šume (Zagreb). 2006. Br. 115–116; Пушкадия-Рыбкина Т. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007. С. 131.*

**Города и села Боснии и Герцеговины,
в которых работали русские врачи — эмигранты (1921–1950-е гг.)⁶⁰**

Города	Имена
Банялука	Нагорный Михаил Максимович, Сплавский Болеслав Петрович, Железнова-Эмних Наталия Георгиевна, Шишлова Екатерина Васильевна, Аристархова Ольга, Максимов Семен Иванович, Борецкая-Чермак Любовь Яковлевна, Косов Борис П.
Беричка (близ Мркониц-Града)	Кочергин Константин Иванович
Биелина	Бородин Спиридон Константинович
Билеча	Павловский Афанасий, Костин Павел
Бихач	Векслер Владимир Михайлович, Сопецько Вера, Кострюков Василий
Босански-Нови	Есенко Сергей
Босански-Свиняр (ныне — Србац)	Елатанцев Григорий Иванович
Брчко	Максимов Евгений
Бужим (близ Бихача)	Арафелов Арсен М.
Велика-Кладуша	Михайлов Сергей
Вишеград	Паталов Иван
Гацко	Костин Павел
Горажде	Гротто-Слепиковский Антоний, Паталов Иван
Двор-на-Уне	Ляхов Николай Николаевич, Елецкий Виктор, Староверова Мария Львовна, Елатанцев Григорий Иванович
Добой	Ошмянский Евгений Константинович
Доньи-Скугрич	Арафелов Арсен М.
Дрвар	Михайлов Сергей Н.

⁶⁰ Использована информация из работ: Краљевина СХС: Алманах. Свезак 1, 1921–1922. Загреб, 1922; Medicinski godišnjak Kraljevine Jugoslavije. Beograd, 1933; Privredni adresar Kraljevine Jugoslavije 1934/35. Lekari. Beograd, 1935; Литвишненко С. Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Зворник	Янкиевич Сергей, Горячковская-Дризо Зинаида
Зеница	Марченко Евгений, Косов Борис П.
Илиджа	Котляревский Иван Петрович
Калиновик	Москалев [имя неизвестно] Петрович
Кладань	Черняев Константин Николаевич
Ключ	Черепов Алексей, Длусский Леонид
Костайница	[фамилия неизвестна] Александр Викторович
Кулен-Вакуф	Ласковская София
Личко-Петрово-Село	Соболева-Пстроцкая Вера
Любия	Елатанцев Григорий Иванович
Мостар	Семенченко Владимир Николаевич
Отоци (край Босанска-Крупа)	Бухтеева Мария А.
Прнявор	Ковалева Нина Сергеевна
Прозор	Аврамов Александр Николаевич
Рудо	Паталов Иван
Сански-Мост	Корженевский Николай Генрихович, Люлька Георгий Авксентьевич
Сараево	Жегалов Иван Павлович, Трегубов Сергей Семенович, Меркулов Григорий Михайлович, Войцицкая Полина Александровна, Шведова Вера Дмитриевна, Беляева Тамара Петровна, Картель Дмитрий Иванович, Долматов Алексей Сергеевич, Гурьев Николай Иванович
Сребреница	Шершавицкая Елена Евгеньевна
Теслич	Лотов Александр Николаевич
Тешань	Михайлов Сергей Н.
Травник	Шерстнев Евгений Иванович, Вершинин Дмитрий Дмитриевич, Векслер Владимир Михайлович, Комлик Сергей Макарович
Требинье	Лесовский Павел
Тузла	Сорокин Владимир Терентьевич, Тузиков Михаил, Сидоров Иосиф Иосифович, Лапатанов Николай Петрович, Лаушкин Владимир Леонидович

Цазин	Емельянов Иван, Архангельский Михаил, Михайлов Сергей
Чайниче	Косов Борис, Паталов Иван

Приложение 3

**Русские преподаватели средних учебных заведений
в Боснии и Герцеговине
(1921–1971)⁶¹**

Имена	Города, где велось преподавание	Период работы	Предметы
Акаемов Николай	Мостар	1921–1936	История
Александрович Александр	Биелина	Нет сведений	Нет сведений
Белявский Александр Иванович	Мостар, Тузла	1925–1947	Математика, физика, химия, чистописание
Берникова Валентина Васильевна	Сараево	1930-е	Французский язык
Богословский Владимир Федорович	Банялука	1929–1930	Нет сведений
Бортновский Анатолий Генрикович	Брчко, Сараево	1926–1935	Математика, история, география, чистописание
Булацель Константин	Сараево	1927–1929	Гимнастика
Валериев Павел	Сараево	1931–1932	Педагогика
Волков Василий	Сараево	1926–1938	Детали машин, металлические конструкции, техническое черчение

⁶¹ Данные из неполных комплектов многочисленных годовых отчетов средних учебных заведений Югославии за 1929–1952 гг. (Библиотека Матицы сербской, Нови-Сад).

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Гладкова Наталия Федоровна	Требинье	1940–1946	Нет сведений
Давыдов Александр Михайлович	Банялука	1930–1941	Математика, физика
Дроздовский Вячеслав	Тузла, Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Елужевская Прасковья	Добой	Нет сведений	Нет сведений
Егоров Андрей	Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Житецкий Павел Зиновьевич	Ливно, Приедор	1921–1941	Пение, рисование, чистописание, гимнастика
Золотаренко Николай	Банялука, Сараево	Нет сведений	Нет сведений
Значко-Яворская Галина	Мостар	1944–1949	Нет сведений
Ильин Сергей	Мостар	1936–1940	Нет сведений
Казанцева Елена	Сараево	Нет сведений	Нет сведений
Казнаков Иван	Требинье	1927–1929	Нет сведений
Картель Татьяна Дмитриевна	Сараево, Мостар	1950–1957	Фортепиано
Каубе-Узелац Анна Францевна	Банялука	1941–1944	Нет сведений
Качалов Борис Петрович	Тузла, Банялука	1921–1935	История, география, математика, немецкий язык, французский язык, пение, гимнастика
Качинский Александр	Мостар	1924–1927	Нет сведений
Ковальский Юлий	Тузла	1930–1933	Гимнастика
Космодели Александр Яковлевич	Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Косолап Ольга Михайловна	Тузла	1950-е	Французский язык, русский язык

Костина Антонина	Босанска- Градишка	1925–1932	Биология, французский язык, рисование
Краснов Геннадий	Банялука, Приедор	1930–1938	Пение, гимнастика
Красовский Сергей	Бихач	1925–1939	Нет сведений
Кривошеева Мария	Требинье	1963–1971	Нет сведений
Крутиков Николай Николаевич	Дервента, Бихач	1940–1950-е	Нет сведений
Курагин Владимир	Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Ламзаки Нина Степановна	Тузла	1928–1932	Французский язык
Летучий Яков Александрович	Бихач	1931–1940	Нет сведений
Лукьянов Александр	Тузла	Нет сведений	Нет сведений
Лютов Владимир	Сараево	1930-е	Гигиена
Максимов Иван	Бихач, Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Мантулин Николай Михайлович	Тузла	1930–1931	Пение, теория музыки
Марковская Татьяна	Тузла, Сараево	1929–1940	Французский язык
Мартино Борис Иванович	Тузла, Сараево	1924–1930-е	Французский язык
Матвеев Валерьян	Добой	1945–1955	Русский язык
Мельницкая Клавдия Петровна	Добой, Брчко	1931–1956	Французский язык, история, биология, русский язык, гимнастика, рисование, чистописание

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Мельницкий Игорь Петрович	Добой, Банялука, Брчко	1924–1954	Математика, география, пение, чистописание, гимнастика, русский язык
Меньшова Мирра Николаевна	Тузла	Нет сведений	
Меньшова Ольга	Тузла	1933–1934	Математика, география, чистописание
Нелюбов Николай	Тузла	1945–1950-е	Нет сведений
Нелюбова Ольга	Тузла	1945–1950-е	Нет сведений
Никифорова Мария	Банялука	1951–1955	Нет сведений
Оберемок Виктор Алексеевич	Банялука	1940–1944	Нет сведений
Павловская Любовь Яковлевна	Тузла	Нет сведений	Нет сведений
Павловский Иван Архипович	Тузла	1921–1953	Физика, химия, биология
Пашин Николай	Сараево	1929–1935	Латынь, рисование
Пелипец Владимир	Сараево	1930–1938	История, педагогика, методика, психология, немецкий язык
Пелипец Елена Николаевна	Сараево	1922–1936	Математика, биология
Переплетчикова Ольга Александровна	Тузла	Нет сведений	Нет сведений
Попов Константин	Тузла	1934–1936	Гимнастика
Протопопов Борис Николаевич	Босански-Нови	1928–1941	Нет сведений

Пчельников Владимир Андреевич	Дервента, Банялука	1925–1941	Нет сведений
Пугачева Ольга	Брчко	1923–1924	Стенография
Раздальский Николай	Мостар	1924–1926	Нет сведений
Ракитин Николай Семенович	Сараево, Требинье	1923–1932	Нет сведений
Реймерс-Волынский Константин Константинович	Мостар	1927–1928	Нет сведений
Росницкий Сергей	Требинье, Бихач	1929–1937	Математика, физика, химия
Рудомино Александра Алексеевна	Тузла	Нет сведений	Нет сведений
Рудомино Аркадий Владимирович	Тузла	Нет сведений	Нет сведений
Русанова Зоя	Сараево	Нет сведений	Нет сведений
Рыбкин Виталий Макарович	Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Северинов Аркадий	Требинье	1937–1941	Нет сведений
Сергеевский Дмитрий Николаевич	Сараево	1926–1930	Латынь
Сериков Степан Кузьмич	Банялука	1926–1927	Нет сведений
Сидненко Кира	Мостар	1955–1959	Скрипка
Сихвонен Ольга Александровна	Приедор	1933–1941	История, география, французский язык
Сухачев Петр Петрович	Бихач	Нет сведений	Нет сведений
Тимтишин Михаил	Тузла	1920-е	Нет сведений

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Хмель Федот Петрович	Биелина, Добой	1922–1941	Нет сведений
Хоризонтов Владимир	Мостар	1932–1938	Пение
Федоровский Сергей Александрович	Биелина, Тузла	1926–1936	География, биология
Феофилактов Иван Петрович	Требинье, Банялука	1947–1955	Нет сведений
Фирсов Алексей Тимофеевич	Бихач, Банялука	1924–1936	Биология, французский язык
Франтов Александр	Тузла	1922–1932	История, география, латынь, Закон Божий
Шепелев Николай Васильевич	Сараево	1923–1939	Тепловые машины, механика
Шепелева Вера	Сараево	1925–1938	Немецкий язык
Шереметинский Александр	Требинье	Нет сведений	Нет сведений
Шерстнев Евгений Иванович	Травник	1936–1941	Гигиена
Шершавицкая Елена	Тузла	1934–1936	Гигиена
Шпирко Семен Андроникович	Банялука	1930–1935	Нет сведений

**Места нахождения и численный состав русских колоний
в Боснии и Герцеговине в 1941 г.
(в составе Независимого государства Хорватия)⁶²**

Место нахождения	Численность	Предводитель колонии
Банялука	314	Антониевич Евгений, инженер
Бихач	43	Стародубский Александр
Босанска-Дубица	48	Задорожный Семен
Брчко	48	Максимов Евгений, доктор
Добой	16	Толмачев И.
Зеница	42	Проскура Иван
Яйце	26	Гумбур Г.
Какань	15	Гейкинг А., барон, генерал
Мостар	79	Залевский Петр, генерал
Приедор	34	Начманский
Сараево	674	Запольский Николай, генерал
Тешань, Теслич	18	Михайлов, доктор
Травник, Турбе	42	Шмаров Владимир
Тузла	163	Милохов Владимир

⁶² Использована информация из документа: Russische Kolonien im U.S.K. Arhiv Hrvatske (Zagreb). Iz fondova Nezavisne Države Hrvatske. (За предоставление копии документа благодарю Т.В. Пушкадия-Рыбкину.)

К.К. Семенов

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ
В 1920–1945 гг.

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ
ВО ФРАНЦИИ

По данным сотрудников Лиги Наций, после революции и в годы Гражданской войны Россию покинуло около 1160 тыс. человек¹. Русские эмигранты неравномерно рассеялись по всем странам мира. Некоторым эмигрантам пришлось сменить две-три страны, прежде чем удалось обрести постоянное пристанище. Значительное число беженцев осело во Франции. С давних пор Франция манила наших соотечественников, и многие из них, даже не имея никаких предпосылок для того, решили осесть в этой стране. К 1 января 1922 г. на территории Франции, по самым приблизительным оценкам, находилось 67–75 тыс. эмигрантов из рухнувшей Российской империи². Среди них оказались и видные представители политических партий дореволюционной России, знаменитые ученые и деятели культуры, а также лидеры вооруженной антибольшевистской борьбы. В 1921 г. в Париже был образован Русский национальный комитет. Наибольшее число русских эмигрантов проживало в Париже — более 45 тыс. человек к концу 1920-х гг.³

Первые участники вооруженной борьбы против большевиков стали прибывать во Францию уже в 1919 г., но массовый наплыв военных в страну начался в 1923–1924 гг., после того как части Русской армии генерала Петра Николаевича Врангеля покинули лагерь в Турции и стали разъезжаться по Европе. В этих условиях главной задачей генерала Врангеля было сохранить проверенные в борьбе с большевиками кадры и разработать для армии новую форму бытия. Ведь генерал и его окружение были уверены в том, что борьба за Россию еще не окончена. Среди первых военных эмигрантских организаций во Франции была образованная в феврале 1924 г. в Париже Донская казачья станица имени атамана Каледина.

1 сентября 1924 г. главнокомандующий генерал Врангель собрал высших чинов Русской армии в городке Сремски-Карловцы (Королевство сербов, хорватов и словенцев — Королевство СХС). Врангель представил присутствующим проект приказа о создании Русского общевоинского союза (РОВС). Главнокомандующий задумал преобразовать рассеянные обстоятельствами по Европе части Русской армии в ассоциацию воинских союзов. При этом основной задачей образуемого

¹ См.: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 21.

² См.: Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М., 1994. С. 261.

³ См.: Robinson P. The White Russian Army in Exile 1920–1941. N. Y., 2002. P. 17.

союза была дальнейшая консолидация всех бывших военнослужащих императорской и Белой армий. Собравшиеся генералы и офицеры поддержали предложение Врангеля, и проект стал приказом № 35.

Этим приказом Врангель предписывал включить в ряды РОВСа «все воинские части, уже вошедшие, и те, которые впредь пожелают войти в состав Русской армии, воинские общества, союзы и рассредоточенные в разных странах группы, а также отдельных воинов, не могущих по местным условиям войти в какие-либо общества, союзы или группы, но желающих числиться в составе Русской армии»⁴.

В структуре РОВСа было образовано пять территориальных отделов. В состав I отдела входили союзы и общества, располагавшиеся в Бельгии, Великобритании, Дании, Италии, Чехословакии, Финляндии и Франции⁵. Структура РОВСа многократно менялась, создавались и расформировывались отделы, союзы. У отделов менялась нумерация, но французский очаг всегда оставался I отделом РОВСа.

Вместе с приказом было принято временное положение о РОВСе, в котором было указано, что союз образуется с целью «объединить русских воинов, рассредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов русской Императорской Армии»⁶. В положении были более подробно оговорены органы управления союза и состав отделов. Главой союза автоматически становился главнокомандующий Русской армией, он назначал председателей отделов, через которых осуществлялось руководство отделами. Председатели могли организовывать себе в помощь советы отделов РОВСа из представителей входящих в него организаций. В отделы союза входили рабочие группы (находящиеся на каких-либо оплачиваемых работах), воинские общества, а также союзы и отдельные воины, по различным причинам не имеющие возможности войти в ранее перечисленные организации.

Ближайший сотрудник генерала Врангеля генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, выступая 13 сентября 1924 г. перед русской эмигрантской общественностью, обозначил, что Русская армия (читай: РОВС) «стоит на трех китах:

1/ — абсолютная непримиримость с советской властью,

2/ — безграничная жертвенность всех чинов ее ради спасения Родины и

3/ — горячая вера в высокое призвание армии, верность национальному знамени, полное доверие к своему Главнокомандующему и радостное нетерпение следовать по указанному им пути за Великим князем Николаем Николаевичем»⁷.

Председателем I отдела был назначен помощник главнокомандующего Русской армией Генерального штаба генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, его помощником на посту председателя стал Генерального штаба генерал-лейтенант Иван Алексеевич Хольмсен. Последний также был по совместительству назначен

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 90–90 об. В данной статье документы цитируются с максимально возможным сохранением всех особенностей оригинала. Правка допускается только в случаях, влияющих на смыслоразличение. Сокращения восстанавливаются в угловых скобках.

⁵ См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 90 об.

⁶ Там же. Л. 89.

⁷ Там же. Д. 27. Л. 13–14.

русским военным представителем во Франции. В состав отдела первоначально вошло 15 воинских организаций, расположенных в вышеуказанных странах⁸.

После приказа о создании РОВСа на местах стали образовываться рабочие группы по преобразованию или по формированию ячеек союза. 1 октября 1924 г. начальником рабочих групп и частей Русской армии, находящихся на территории Франции и Бельгии, был назначен генерал от кавалерии Павел Николаевич Шатилов. За два месяца под его контролем было образовано 60 рабочих групп, чью численность генерал определял в 3–3,5 тыс. человек⁹.

В ходе дальнейшей консолидации русского военного зарубежья генерал Врангель и его окружение провели ряд консультаций с великим князем Николаем Николаевичем, который в годы Первой мировой войны был главнокомандующим Русской императорской армией. Результатом консультаций стало принятие на себя 16 ноября 1924 г. великим князем должности возглавителя военной эмиграции, что и было объявлено Врангелем чинам РОВСа¹⁰. Вслед за этим генерал Миллер оставил пост председателя I отдела и стал начальником финансовой части при великом князе; временно исполняющим обязанности председателя I отдела был назначен генерал Шатилов.

3 декабря 1924 г. главнокомандующий Русской армией генерал П.Н. Врангель подписал приказ № 53, в тексте которого было закреплено деление РОВСа на кадровый состав полка и полковые объединения. В кадровый состав полка входили все офицеры, принимавшие участие в составе своего полка в Первой мировой или Гражданской войне, а в состав полкового объединения входили все лица, когда-либо служившие в полку. 5 декабря 1924 г. начальник армейских рабочих групп на территории Франции и Бельгии своим циркулярным письмом № 231 ввел в действие Положение об организации чинов Русского общевоинского союза на территории Франции и Бельгии¹¹. В соответствии с этим документом начальник частей и групп находился в непосредственном подчинении председателя отдела, в свою очередь, начальнику частей и групп подчинялись исполнительные органы — управление начальника частей и групп, начальники войсковых групп во Франции и Бельгии, начальники рабочих групп на местах.

Уже к концу 1924 г. в РОВСе произошли некоторые структурные изменения: был расформирован III отдел, а его организации передали в состав I отдела. Наряду с укрупнением отделов руководство РОВСа проводило распределение полномочий и усиление контроля за союзами путем назначения ответственных лиц. Так, 5 января 1925 г. приказом № 5 генерал Врангель назначил генерал-майора Анатолия Владимировича Фока начальником Галлиполийской группы (частей бывшего 1-го армейского корпуса) во Франции и Бельгии, генерал-майора Сысоя Капитоновича Бородина — начальником казачьей группы во Франции¹². Также

⁸ См.: ГА РФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 27. Л. 45.

¹⁰ См.: ГА РФ. Ф. Р-5955. Оп. 1. Д. 14. Л. 229.

¹¹ См.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. Т. 4: У истоков «Русского общевоинского союза». 1924 г. М., 2007. С. 566–574.

¹² См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 27. Л. 70.

при председателе I отдела было образовано совещание объединенных военных организаций. В соответствии с утвержденным генералом Врангелем положением действительными членами совещания были председатели военных союзов и обществ, начальники воинских частей и групп и русский военный представитель во Франции¹³.

На территории Франции были образованы: Гвардейское объединение (из чинов всех гвардейских частей), Общество офицеров Генерального штаба, Союз георгиевских кавалеров, Союз офицеров — участников войны, Русская секция Союза французских комбатантов, Союз чинов сибирских войск, Союз технических войск, Общество офицеров-артиллеристов, Союз донских артиллеристов, Объединение чинов 13-й пехотной дивизии, Объединение железных стрелков, Союз первопоходников, Союз ливенцев, Союз северо-западников, Союз офицеров Нижегородского драгунского полка, Союз тверских драгун, Общество галлиполийцев, Союз галлиполийцев во Франции; Французская, Парижская и 25 других групп всех частей 1-го армейского корпуса, объединение и 23 полковые группы кавалерийской дивизии, Объединение офицеров 7-го гусарского Белорусского полка, Объединение офицеров 1-го гаубичного артиллерийского дивизиона, Объединение юнкеров Одесского военного училища, Объединение киевлян-константиновцев, Объединение Тверского кавалерийского училища, Гренадерское объединение, Общество взаимопомощи бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища. Также были образованы 34 территориальные группы РОВС в различных провинциях Франции: в Аннеси (старший — полковник Ляшенко), Оза (капитан Докучаев), Бельфоре (полковник Федоров), Безансоне (поручик Кузнецов), Биаррице (полковник Хохольский), Канн-ля-Бокка (генерал-майор М.Г. Хрипунов), Коломбеле (полковник Лукашевский), Клермон-Ферране (капитан Яремчук 2-й), Гренобле (полковник Лукашевский), Атмоне (полковник Васильев), Омекюре (полковник Аверьянов), Имфи (полковник Пестов), Нильванже (генерал-майор Буров), Крезе (полковник Цуйманов), Ла-Ферьер-оз-Этане (капитан Капкановский), Лионе (генерал-майор Мельницкий), Марселе (подполковник Ушаков), Монтаржи (полковник Людоговский), Нанси (поручик Болгарский), Пон-де-Се (подполковник Орлов), Парей-ле-Мониале (полковник Комар), Клуанже (генерал-майор Дьяконов), Риуперу (генерал-майор Илляшевич), Риве (полковник Фролов), Руэль-Мальмезоне (гардемарин Гусев), Сент-Этьене (полковник Жаданов), Сашау (ротмистр Турбин), Тарасконе (войсковой старшина Каргин), Тулоне (генерал-майор Авринский), Туркуэне (полковник Черепанов), Удине (штабс-капитан Прытков), Бордо (генерал-майор Ахматов), Туре (полковник Халяпин)¹⁴.

Вместе с тем были некоторые союзы и объединения, не спешившие входить в РОВС. Например, Гвардейское объединение, где были сильны кирилловцы (сторонники великого князя Кирилла), не сразу вошло в РОВС. Отказались от вхождения в союз Кавказское объединение (куначество) под руководством генерала

¹³ См.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. С. 627.

¹⁴ См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 27. Л. 49–51.

Туманова и Союз русских офицеров — участников войны на Французском фронте¹⁵. При этом начальник рабочих групп во Франции и Бельгии генерал Шатилов считал «всякое давление на них, с целью побудить войти в РОВС, не отвечающим нашим интересам»¹⁶.

Организационное оформление РОВСа продолжалось. 12 марта 1925 г. Русский общевоинский союз был зарегистрирован властями Французской Республики (как «Union générale des anciens combattants russes en France»), а 25 марта в правительственном печатном органе было объявлено о регистрации Устава РОВСа. Настоятельно требуя от подчиненных соблюдения воинской дисциплины и субординации, генерал Врангель тем не менее ждал от них большей самостоятельности в решении вопросов, связанных с существованием отделов. К примеру, вопрос о принятии в отдел новых организаций был переадресован к начальникам отделов: «Право включения того или иного в<оинского> союза в состав отдела (подотдела) РОВС есть право председателя данного отдела (подотдела)»¹⁷. 6 апреля 1925 г. на территории Франции были образованы Марсельский и Лионский районы РОВСа. Первый был создан на базе марсельской группы полковника Ушакова. Генерал-лейтенант Н.Д. Невадовский был назначен начальником Марсельского района, а генерал-майор Хомич — начальником Лионского района. В июле 1925 г. генерал-лейтенант Генерального штаба И.А. Хольмсен был назначен председателем I отдела РОВСа. Также в июле 1925 г. был назначен новый председатель Союза участников Великой войны во Франции генерал-лейтенант Евгений Константинович Арсеньев.

Ежемесячный бюджет I отдела РОВСа составлял 14 тыс. французских франков. Эта сумма расходовалась следующим образом:

Начальник отдела	2700
Делопроизводитель	950
Курьер (он же уборщик)	650
Наем помещения, канцелярские и хозяйственные расходы	2950
Пособие начальнику бельгийского подотдела	400
Пособия офицерским обществам и военным представительствам в государствах, на территории которых располагались организации, входящие в I отдел	1000
Начальник воинских групп во Франции и Бельгии	2500
Делопроизводитель	1150
Пособия начальникам районов групп и частей на ведение переписи ¹⁸	1700

Процесс организации РОВСа и адаптации эмигрантов в приютивших их странах был сильно осложнен финансовыми проблемами, от которых страдали и коренные жители стран. Лица, имевшие постоянную работу, зачастую трудились в

¹⁵ См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 27. Л. 77.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 187.

¹⁸ См.: Там же. Д. 29. Л. 11.

невыносимых условиях. Один из русских рабочих на шахте в Нормандии рассказывал своей жене: «Условия ужасные!.. Рабочие имеют маленькие домики в лесу, без электричества и воды... В конце концов мы получили кровати, но даже без матрасов»¹⁹. Даже те офицеры, что работали в Париже таксистами, испытывали трудности в адаптации. Такие же проблемы были и в РОВСе. Недаром генерал Хольмсен писал Врангелю: «Одним словом, нужда большая, а средств никаких нет»²⁰. В районе Вердена рабочие группы из русских военных занимались очисткой поля сражения от колючей проволоки, в Имфи и Омекуре рабочие группы работали на металлургических заводах, в районе села Марсиллат рабочая группа занималась прокладкой полотна железной дороги, в Безансоне около 100 человек работали на бумажной фабрике²¹. Казачьи рабочие группы трудились в шахтах города Потиньи, на металлургическом заводе в Мондевилле и на Восточном вокзале в Париже в качестве грузчиков.

На начальном этапе существования РОВСа Врангелю удавалось финансировать деятельность союза и его руководства. После передачи всех финансовых потоков организации великому князю Николаю Николаевичу РОВС начал испытывать дефицит денежных средств. Кроме того, в июне 1925 г. практически разорился банк «Ксидиас и К^о», в котором хранились основные денежные средства союза. Для сбережения активов Шатилов распорядился перенести все оставшиеся сбережения в Государственный банк Франции²². В конце декабря 1925 г. руководство РОВСа узнало о прекращении сметных ассигнований, выделяемых великим князем на содержание союза²³. Несмотря на кажущийся финансовый крах, РОВС продолжал изыскивать возможности для финансирования. Численность РОВСа продолжала расти, и к концу января 1926 г. в его рядах насчитывалось более 35 тыс. человек²⁴. При этом самым многочисленным оставался I отдел — в его рядах состояло 13 853 человека. Во Франции ряд воинских союзов прошел государственную регистрацию — Русское воинское объединение во Франции, Союз русских офицеров — участников войны, Союз галлиполийцев во Франции, Гвардейское объединение, русская секция Французской лиги комбатантов, Союз георгиевских кавалеров, Союз северо-западников, Союз русских офицеров²⁵.

К 1926 г. резко обострились противоречия между П.Н. Врангелем и великим князем, что отразилось на атмосфере, царившей в РОВСе. Особенно заметно было пренебрежительное отношение великого князя во время визита Врангеля в Париж в 1926 г. Очевидцы делали самые смелые предположения о грядущей отставке генерала.

В 1927 г. на территории Франции было образовано первое Русское православное кладбище — в Сент-Женевьев-де-Буа. К 1939 г. на кладбище имелось 317 рус-

¹⁹ Цит. по: *Robinson P. The White Russian Army...* P. 91–92.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 29. Л. 217.

²¹ См.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. С. 548–552.

²² См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 29. Л. 243.

²³ См.: Там же. Л. 276.

²⁴ См.: ГА РФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира. Микрофотоконии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 190. Л. 18.

²⁵ См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об.

ских захоронений, а к концу XX в. там покоилось более 20 тыс. русских эмигрантов²⁶. Многие из похороненных на кладбище были связаны с военной эмиграцией. В сентябре 1927 г. генерал Врангель перебрался из Королевства СХС в Брюссель. В новом 1928 г. он тяжело заболел и 25 апреля 1928 г. скончался. Новым председателем РОВСа 29 апреля 1928 г. великий князь назначил генерала от инфантерии Александра Павловича Кутепова, ранее отвечавшего за агентурную работу на территории советской России. По фамилии генерала боевая организация, действовавшая на советской территории, называлась Кутеповской. В отличие от генерала Врангеля новый председатель союза проживал во Франции и был близок к великому князю Николаю Николаевичу.

При Кутепове в РОВС вошли бывшие военнослужащие флота и казачьих войск. Были образованы новые офицерские союзы, количество членов возросло до 50–60 тыс. человек²⁷. Из тайной организации III отдела РОВСа «Долг Родине» была образована «Внутренняя линия». Эта организация была особенно сильна в Болгарии и Франции. Приоритетным направлением в деятельности РОВСа стали антисоветские акции, в том числе террористические. Молодые офицеры РОВСа неоднократно проникали на территорию советской России с различными заданиями. Пожалуй, самой громкой диверсией боевиков Кутепова был взрыв Ленинградского центрального партийного клуба 7 июня 1927 г. Все успехи боевиков советские спецслужбы связывали с именем А.П. Кутепова, кроме того, в военных кругах эмиграции он был признан безусловным лидером. Это стало главными причинами для физического устранения генерала.

В январе 1929 г. в Париже по инициативе В.В. Орехова стал выходить журнал «Часовой». На обложке первых номеров журнала гордо значилось — «Организация русского воинства за рубежом». Позже обстоятельства вынудили редакцию журнала перебраться в Брюссель, но сам журнал долгие годы оставался голосом Российского военного зарубежья.

26 января 1930 г. в Париже с помощью генерал-майора Павла Павловича Дьяконова советскими агентами был похищен генерал Кутепов. Первые эмигрантские годы Дьяконов состоял членом РОВСа и даже возглавлял территориальную группу союза в Клуанже, однако затем генерал перешел в прокирилловский КИАФ (Корпус Императорской армии и флота). Предатель смог выманить Кутепова на тайную встречу с одним из предполагаемых иностранных спонсоров. Генерал был насильственно усыплен советскими агентами, и они стали готовить его к тайной отправке в СССР, однако сердце генерала не выдержало, и он умер на руках своих похитителей.

27 января 1930 г. генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер издал приказ по РОВСу: «Ввиду безвестного отсутствия председателя Русского Обще-Воинского Союза, генерала от инфантерии Кутепова, я как старший замести- тель его, вступаю в должность председателя Русского Обще-Воинского Союза»²⁸.

²⁶ См.: *Граф Г.К.* На службе Императорскому дому России. 1917–1941. СПб., 2004. С. 584.

²⁷ См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об.

²⁸ Цит. по: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине: Русский Обще-Воинский союз, Россия и Русское За- рубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006. С. 175.

Генерал Миллер продолжал курс своих предшественников по усилению РОВСа. В марте 1930 г. в Брюсселе для работы с эмигрантской молодежью была образована Военно-учебная группа Русской дворянской молодежи, позже переформированная в Русскую стрелковую генерала Врангеля дружину. Важным новшеством в жизни союза при Миллере стало введение в апреле 1930 г. личных учетных карточек и книг учета личного состава²⁹. Миллер провел очередную реструктуризацию РОВСа: организации, расположенные в Данциге и Прибалтике, были переданы в состав II отдела. С мая 1930 г. было введено новое территориальное устройство РОВСа: I отдел включал в себя воинские организации во Франции, ее колониях, Италии, Чехословакии, Польше, Дании, Финляндии и Египте; II отдел — в Германии, Венгрии, Австрии, Данциге, Литве, Латвии, Эстонии; III отдел — в Болгарии и Турции; IV отдел — в Югославии, Греции, Румынии; а V отдел — в Бельгии и Люксембурге³⁰. Тем же приказом упразднялась должность начальника частей и групп Русской армии во Франции, а занимавший ее генерал Шатилов был назначен начальником I отдела РОВСа³¹.

К середине 1930 г. примерная численность русских эмигрантов во Франции составляла около 200 тыс. человек³². Генерал Миллер предпринял попытку повысить уровень подготовки офицеров РОВСа. С этой целью в конце 1930 г. с одобрения Миллера началась широкомасштабная работа по организации различных курсов повышения квалификации офицеров в Париже и Белграде. В сентябре 1931 г. были открыты и унтер-офицерские курсы при отделении Общества галлиполийцев в Варне³³.

Самыми престижными считались Зарубежные военно-научные заочные курсы генерала Николая Николаевича Головина. Они были организованы в марте 1927 г. Весной 1931 г. на них записалось 47 человек, 42 — на полный курс, а 5 — на отдельные предметы. По разным причинам к июлю 1932 г. из 42 слушателей осталось 33, из них пятеро постоянно проживали во Франции, а самым успевающим из «французских» слушателей был ротмистр Сорокин³⁴. Всего же с 1927 г. по 1940 г. курсы Головина во Франции прошли 400 человек³⁵. Однако из этих 400 человек лишь 82 получили полную курсовую квалификацию (аналог диплома)³⁶. Важную роль в подготовке эмигрантской молодежи во Франции играли военно-училищные курсы в Риве, образованные в 1930 г. Слушатели получали чины портупей-юнкеров, а после успешной сдачи установленных испытаний — звание младшего офицера. Занятие на курсах проводили полковники Фролов, Гонорский, подполковник Гаврилов, поручик Сенцов³⁷.

²⁹ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 181.

³⁰ См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.

³¹ См.: Там же. Л. 1 об.

³² См.: *Шкаренков Л.К.* Агония Белой эмиграции. М., 1985. С. 212.

³³ См.: *Окороков А.В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003. С. 25.

³⁴ См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 196. Л. 4.

³⁵ См.: *Robinson P.* The White Russian Army... P. 151.

³⁶ См.: Зарубежные высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. 1927 — 22 марта 1977. Мюнхен, 1977. С. 14.

³⁷ См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 196. Л. 15 об.

В 1932 г. судьба нанесла очередной удар по РОВСу, вернее по его финансам. Генерал Миллер, желая обеспечить накопления союза процентами, вложил значительную часть капитала РОВСа в шведскую спичечную компанию Ивара Крегера. В марте 1932 г. компания Крегера разорилась, а он сам покончил жизнь самоубийством. Существует мнение, что размещение капитала РОВСа в шведской компании и последовавший вслед за этим финансовый крах компании были осуществлены при непосредственном участии агентов советского ГПУ. Совокупные потери РОВСа в результате этой сделки составили 7 млн. франков³⁸. В середине апреля 1932 г. управление I отдела перебралось в новое помещение по адресу: улица Колизей, 29. Безработица продолжала преследовать русских эмигрантов. Особенно тяжелое положение сложилось в Париже и его окрестностях, серьезные проблемы также отмечались в Марселе, Лионе, Гренобле, Крезе, Риве³⁹. На заводе «Рено» в Бийанкуре численность рабочих-эмигрантов сократилась с 8 тыс. в 1930 г. до 800 человек в 1937 г.⁴⁰ В связи с этим на одном из совещаний старших начальников I отдела обсуждались вопросы устройства в Париже общежития и столовой для безработных членов РОВСа, но из-за отсутствия свободных средств и существования аналогичных заведений для граждан Франции решение по этим вопросам было отрицательным.

Помимо финансового кризиса союз раздирали и внутренние противоречия. Ряд генералов из руководства РОВСа были сняты со своих постов и исключены из союза за критику Миллера и участие в политической жизни. В 1933 г. еще сильнее ухудшились межличностные отношения в союзе. Наметился разрыв между председателем РОВСа и начальником I отдела союза генерал-лейтенантом П.Н. Шатиловым. Уже давно Шатилова обвиняли в тесном сотрудничестве с «Внутренней линией». Кроме того, многие подозревали генерала Шатилова в желании лично занять пост председателя союза. Между тем сам генерал Шатилов считал, что руководство союза состарилось и его новаторским идеям противостоит ряд консервативных генералов: «Во многом виноват возрастной состав участников центрального аппарата»⁴¹. Для разбора конфликтных ситуаций по указанию генерала Миллера был образован постоянный суд чести для генералов при председателе РОВСа. В его состав вошли: председатель — генерал от кавалерии Драгомиров, члены — генералы от кавалерии Кауфманн-Туркестанский и Эрдели, генерал-лейтенанты Богаевский и Твердый⁴².

Постоянные дрязги в союзе негативно влияли и на председателя РОВСа. 6 июня 1934 г. в приказе по РОВСу он объявил о своем уходе в трехмесячный отпуск. На время его отсутствия полномочия временно передавались начальнику III отдела генерал-лейтенанту Федору Федоровичу Абрамову. Однако французские власти решили перестраховаться и 15 июня 1934 г. потребовали от генералов Абрамова и Шатилова немедленно покинуть территорию

³⁸ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 212.

³⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 196. Л. 4 об.

⁴⁰ См.: *Robinson P.* The White Russian Army... P. 186.

⁴¹ Цит. по: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 241.

⁴² См.: ГА РФ. Р-5826. Оп. 1. Д. 196. Л. 31.

Франции. Это решение французских властей было принято под давлением советского посла, всерьез опасавшегося усиления антисоветской деятельности РОВСа при Абрамове.

Устав от нападок в прессе и следуя требованию французских властей, генерал Шатилов 27 июня 1934 г. подал ходатайство об освобождении от должности начальника I отдела. Спустя два дня генерал Шатилов был освобожден от занимаемой должности, а на его место был назначен генерал от кавалерии Иван Георгиевич Эрдели. Тем временем в эмигрантской среде начали распространяться слухи о глубоких противоречиях, царящих в руководстве РОВСа. Начальник канцелярии союза генерал-лейтенант Павел Алексеевич Кусонский видел их причины в слабости главы РОВСа, в отсутствии у него заместителя, в персоне Шатилова и в претензиях вице-адмирала М.А. Кедрова на руководство РОВСом⁴³.

Борьба за власть в руководстве РОВСа продолжалась. Ушедший с должности генерал Шатилов начал интриговать против руководства союза. Некоторые генералы из окружения генерала Миллера начали менять доверенных лиц Шатилова на ответственных постах в I отделе РОВСа. Назначенный вместо Шатилова начальником отдела Эрдели не смог наладить контакт с «Внутренней линией» и обратился к генералу Миллеру с предложением о прекращении работы этой организации. Желая избежать конфликта с «Внутренней линией», Миллер отклонил требование Эрдели и поручил контроль за организацией генерал-майору Николаю Владимировичу Скоблину, командиру корниловцев. Однако уже с 1930 г. этот генерал и его супруга, известная певица Надежда Васильевна Плевицкая, были агентами советских спецслужб.

Тревоги Миллера продолжались: 23 февраля 1935 г. к нему явилась инициативная группа из 14 генералов и старших офицеров, занимавших ключевые посты в организациях 1-го армейского корпуса во Франции и Бельгии. Среди визитеров были командир 1-го армейского корпуса генерал-лейтенант Владимир Константинович Витковский, командир Корниловского полка генерал-майор Н.В. Скоблин, командир Марковского полка генерал-майор Михаил Алексеевич Пешня, командир Дроздовского полка генерал-майор Антон Васильевич Туркул, командир артиллерийской бригады 1-го Армейского корпуса генерал-майор Анатолий Владимирович Фок, командир железнодорожной роты капитан Василий Васильевич Орехов и др. Прибывшие подали генералу Миллеру записку «с пожеланиями, граничащими с требованиями», а также высказали обеспокоенность возможным уходом генерала Миллера и заменой его генералом Деникиным⁴⁴.

По результатам встречи, которую современники назвали «дворцовым переворотом», стало образование особой комиссии из командного актива 1-го армейского корпуса для рассмотрения предложенных реформ⁴⁵. Основными причинами, спровоцировавшими выступление реформаторов, были: отсутствие сведений о финансовом положении РОВСа, отсутствие видимой работы против коммунистов, рез-

⁴³ См.: ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 55. Л. 35 об.

⁴⁴ См.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине... С. 268.

⁴⁵ См.: ГА РФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

кое понижение сборов в Фонд спасения родины, пассивность руководства союза при прекращении расследования исчезновения генерала Кутепова⁴⁶.

Деятельность комиссии вызывала у генерала Миллера раздражение, он называл ее «болтовней». Реформаторы не добились серьезных изменений в структуре РОВСа, не произошло и существенных кадровых изменений. Лишь генерал Эрдели был освобожден от должности начальника I отдела, а его обязанности стал исполнять сам генерал Миллер.

Новый 1936 г. не сулил белоэмигрантам ничего хорошего, не принес он успокоения и в ряды РОВСа. Весной 1936 г. к власти во Франции пришло социалистическое правительство Народного фронта, для которого эмигранты были представителями реакции. Весной 1936 г. генерал Туркул заявил об образовании новой организации — Русского национального союза участников войны (РНСУВ). Основой туркуловской организации стали кадры объединения Дроздовского стрелкового полка. Изначально Туркул планировал, что новая организация станет частью РОВСа, но генерал Миллер выступил против этого⁴⁷. Свою позицию Миллер мотивировал приказом главнокомандующего Русской армией № 82 от 8 сентября 1923 г. о недопущении членства чинов армии в политических организациях. Этот приказ был подписан генералом Врангелем с целью недопущения политических раздоров в союзе. Но именно отсутствие твердой политической платформы обусловило образование РНСУВ и отток офицеров в партийные организации.

В своих программных заявлениях лидеры РНСУВ подчеркивали, что необходимо «не только отрицать коммунизм, но и, главное, утверждать свое», т. е. активно бороться с коммунизмом⁴⁸. В конце июля 1936 г. состоялась встреча Миллера и Туркула, на которой были обсуждены возможные пути выхода из сложившейся ситуации. Однако компромисса достичь не удалось, и 27 июля 1936 г. генерал Туркул вышел из РОВСа. Выход Туркула из союза поддержали А.В. Фок, В.В. Орехов и большинство дроздовцев, проживавших во Франции. Всевозможные раздоры негативно влияли на численность РОВСа — союз стал резко уменьшаться. Так, к примеру, численность I отдела (13 853 человека в ноябре 1925 г.) сократилась до 6 тыс. человек в мае 1936 г.⁴⁹.

Начавшееся в июле 1936 г. национальное восстание в Испании нашло горячий отклик в сердцах представителей военной эмиграции. Руководство РНСУВ выступило с призывом организовать Русский добровольческий отряд в армии Франко⁵⁰. Председатель РОВСа выразился еще более определенно, заявив, что рассматривает войну в Испании «как борьбу с интернациональным коммунизмом во имя спасения мировой многовековой культуры и всех нравственных основ, на которых держится современный Христианский мир; от исхода ее зависит уси-

⁴⁶ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 270.

⁴⁷ См.: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. С. 258.

⁴⁸ Там же. С. 259.

⁴⁹ См.: *Robinson P.* The White Russian Army... P. 101.

⁵⁰ См.: *Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф.* Белый террор?: Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. М., 2000. С. 154.

ление или ослабление коммунизма во всем мире и приближение или отдаление сроков освобождения и нашей Родины»⁵¹.

Руководство РОВСа планировало организовать Русский добровольческий отряд в армии националистов. В письме в штаб Франко от 24 ноября 1936 г. генерал Миллер сообщал испанцам о людских ресурсах, находившихся в его распоряжении: 6 тыс. человек во Франции, 4 тыс. — в Югославии, 3 тыс. — в Болгарии, 3 тыс. — в Маньчжурии, 2 тыс. — в Китае, 1 тыс. — в Германии и 2 тыс. человек в других странах⁵².

Такой горячий интерес Миллера к Испании стал причиной для его устранения. Центральной фигурой этой операции был Скоблин. В феврале 1937 г. между Миллером и Скоблиным возникла некоторая отчужденность, вызванная, по мнению генерала Кусонского, нежеланием Миллера продвигать Скоблина в руководство РОВСа⁵³. Вероятно, уже в то время у Миллера были определенные подозрения о связи Скоблина с советскими спецслужбами.

18 сентября 1937 г. в Париже состоялись торжественные мероприятия, посвященные 20-летию Корниловского полка. Корниловские торжества прошли с большой помпой, на них присутствовал весь цвет русской военной эмиграции. С поздравительной речью выступил сам глава РОВСа генерал Миллер. Ключевой фигурой торжеств был Скоблин. Эмигрантская общественность смогла увидеть его мнимое примирение с генералом Миллером.

Спустя несколько дней Скоблин сообщил Миллеру, что может организовать ему встречу с представителями Германии. Днем 22 сентября 1937 г. генерал Миллер отправился на встречу с немецкими офицерами. Вероятно предчувствуя неладное, он, уходя на эту встречу, оставил генералу Кусонскому записку в запечатанном конверте. В записке Миллер указывал, что отправляется на встречу с немцами в сопровождении Скоблина. С этой встречи генерал Миллер не вернулся. Он был захвачен советскими агентами и вывезен на пароходе в СССР.

Во избежание паники 23 сентября 1937 г. вице-адмирал Михаил Александрович Кедров принял на себя временное исполнение обязанностей председателя РОВСа вплоть до вступления в должность первого заместителя — генерал-лейтенанта Федора Федоровича Абрамова⁵⁴. На следующий день к исполнению обязанностей приступил генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов. Генерал явился продолжателем линии, ранее проводимой генералом Миллером, т. е. выступал за продолжение борьбы с коммунизмом. Однако вскоре генерал был скомпрометирован своим сыном Николаем, ранее прибывшим из СССР. Когда выяснилось, что Николай Абрамов был агентом советских спецслужб, генерал Абрамов отказался от председательства и 20 марта 1938 г. передал власть в РОВСе генерал-лейтенанту Алексею Петровичу

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.

⁵² См.: Mesa de J.L. Los otros internacionales. Madrid, 2000. S. 80.

⁵³ См.: Прянишников Б.В. Незримая паутина: ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. М., 2003. С. 410.

⁵⁴ См.: ГА РФ. Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

Архангельскому⁵⁵. Новый глава РОВСа проживал в Бельгии, там же находился штаб союза. К этому времени в структуре РОВСа были следующие европейские отделы: I отдел объединял русские военные организации Дании, Египта, Италии, Польши, Финляндии, Франции, II отдел — Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Данцига, Испании, Персии, Прибалтики, Швейцарии, Швеции, III отдел — Болгарии и Турции, IV отдел — Греции, Румынии и Югославии, V отдел — Бельгии и Люксембурга, VI — Чехословакии.

В ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ

Несмотря на усилия руководства РОВСа, направленные на адаптацию солдат и офицеров к гражданской жизни, значительное количество рядовых участников Гражданской войны так и не смогли найти себя в мирной жизни. Путь этих людей лежал во французский Иностранный легион. При всем том, что условия службы в легионе были невыносимы, русских в нем служило достаточно много. Вот что писал современник о службе в легионе: «Не страх голода и холода толкал их туда. Голода и холода русский офицер не боялся. Но зато он боялся нищеты и “дна”. Голод и холод в рядах полка, в траншеях и походах его не страшили, голод и холод на дне, среди человеческих подонков его ужасали»⁵⁶.

По данным за 1924 г., через базу Иностранного легиона в Алжире прошло 3200 русских, причем 70 % из них составляли бывшие военнослужащие. Около 500 эмигрантов служили в 3-м полку Иностранного легиона, из них 10 % были чинами Русского экспедиционного корпуса и вступили в легион в 1918 г., 25 % были из числа военных, оставивших Россию в 1919 г., 60 % были чинами Русской армии Врангеля, а 5 % попали в легион из немецкого плена или чисто случайно⁵⁷.

В 1922 г. в Сайде был сформирован 1-й Иностранный кавалерийский полк. В момент основания в нем преобладали русские легионеры, ранее служившие в кавалерии Русской армии или в казачьих частях. Служба в легионе протекала в нечеловеческих условиях. Вербовщики обещали при вступлении в легион одно, а на деле было совсем другое. Один из русских эмигрантов писал: «Газеты купить не на что: 3 франка 75 сант. едва хватает на мыло и марки, я даже хлеба не покупаю, хотя зачастую и голоден, и временно, чтобы писать письма, отказываюсь от единственной радости, от табаку»⁵⁸.

Доведенные до отчаяния русские легионеры очень страдали от недостатка газет и книг на русском языке. По этой причине многие вступали в переписку даже с незнакомцами, например, один из легионеров, донской казак Кузьмичев, писал в Прагу своему бывшему соотечественнику: «Здравствуйте, далекий незнакомый

⁵⁵ См.: *Голдин В.И.* Роковой выбор: Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск, 2002. С. 435.

⁵⁶ *Тарусский Е.* Беседы на бивуаках // Часовой. 1938. № 207. С. 19.

⁵⁷ См.: *Недзельский Е.* Иностранный легион и русские // Своими путями (Прага). 1925. № 8–9. С. 36–37.

⁵⁸ Там же. С. 39.

соотечественник, господин Воеводин»⁵⁹. В результате переписки эмигранты стали присылать легионерам книги и журналы на русском языке. Таким образом сформировались русские библиотеки при 1-м, 2-м и 3-м Иностраннных полках, а также при 1-м Иностранном кавалерийском полку. Во 2-м Иностранном полку русские легионеры даже издавали свой журнал⁶⁰. В 1924–1926 гг. русские легионеры составляли 75 % от численности всего легиона, а в 1927 г. лишь 25 %⁶¹. Многие русские эмигранты были в легионе на офицерских должностях, более молодые эмигранты получили образование во французских военных училищах, преимущественно в Сен-Сире. Однако в 1927 г. военный министр Франции распорядился выпускать русских выпускников не су-лейтенантами (т.е. подпоручиками) в армию, а сержантами в Иностраннный легион⁶².

К 1929 г. не менее 120 русских легионеров погибли в боях с арабскими повстанцами в Африке, у значительного количества эмигрантов истек срок пятилетнего контракта, и продлевать его не было никакого желания. Даже в таком «русском» по своему составу полку, как 1-й Иностраннный кавалерийский, русских осталось лишь 6 % от общего количества чинов⁶³.

С началом Второй мировой войны русские эмигранты снова потянулись в легион, чтобы послужить Франции, которая стала им вторым домом. При этом их мотивация и мысли были достаточно наивными. Один из таких добровольцев писал: «Считая, что союз Германии Гитлера с красной Россией есть ненормальность — я дал согласие. Переписка и оформление затянулись. Потом получаю визы и билеты на пароход в Сайгон. Долгожданная “весна” похода на красную Москву, казалось, пришла...»⁶⁴ Таким образом, вступая в легион, русский эмигрант собирался бороться против Германии и дружественного ей в тот момент СССР.

О русских легионерах, надевших немецкую форму, будет рассказано ниже, а сейчас рассмотрим участие выходцев из России в антинацистской борьбе. В ней лавры первенства принадлежат 13-й маршевой полубригаде Иностранного легиона. Именно это формирование стало основой вооруженных сил «Свободной Франции». Существует мнение, что русские эмигранты составляли 10 % личного состава этих вооруженных сил на начальном этапе формирования⁶⁵. Зная численность голлистских войск в июле 1940 г. (всего 1300 человек, из них 900 из 13-й маршевой полубригады)⁶⁶, мы можем предположить, что в рядах полубригады было около 100–130 выходцев из России. Самым известным из них был капитан князь Дмитрий Амилахвари, выпускник военного училища Сен-Сир. Он погиб в бою 24 октября 1942 г., будучи командиром 13-й полубрига-

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-6340. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁶⁰ См.: ГА РФ. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 2а. Л. 1.

⁶¹ См.: Балмасов С.С. Иностраннный легион. М., 2004. С. 246.

⁶² См.: ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

⁶³ См.: Брюнон Ж., Маню Ж. Иностраннный легион. М., 2003. С. 430.

⁶⁴ Цит. по: Елисеев Ф.И. В Иностранном легионе и в плену у японцев. М., 2005. С. 7.

⁶⁵ См.: Балмасов С. Русская белоэмиграция в борьбе против нацизма // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. Июль — дек. № 2–3. С. 66.

⁶⁶ См.: Thomas N. Foreign volunteers of the Allied Forces 1939–45. Hong Kong, 1998. P. 20.

ды. С историей создания 13-й полубригады связан один, безусловно комичный, факт: изначально она формировалась для боев с Красной армией (на тот момент дружественной нацистскому вермахту) в Финляндии, во время Зимней войны 1939–1940 гг. Более того, полубригада даже отправилась в Финляндию для участия в боевых действиях, но подписание советского-финского мирного договора не дало ей такого шанса.

Другим видным выходцем из России, оказавшимся в легионе и позже поддержавшим Шарля де Голля, был корпусной генерал Зиновий Алексеевич Пешков. Судьба этого человека была вообще удивительна. Ешуа Золомон Мовшевич Свердлов родился в 1884 г. Он был старшим братом известного большевика Якова Свердлова, а в 1902 г. стал крестным сыном А.М. Пешкова (М. Горького). В 1904 г. Зиновий Пешков оставил Россию. В 1914 г. он вступил во французский Иностраннный легион и прошел путь от рядового до су-лейтенанта легиона. В мае 1915 г. из-за тяжелого ранения он потерял правую руку. В 1920 г. стал капитаном, в качестве помощника Верховного комиссара Франции на Кавказе посещал в Крыму армию П.Н. Врангеля, затем служил в Марокко и Леванте. В августе 1940 г. Пешков оставил службу, в июне 1941 г. примкнул к «Свободной Франции», был произведен в подполковника и позже в бригадного генерала. Зиновий Пешков имел большую популярность среди легионеров, а также пользовался доверием генерала де Голля и выполнял щекотливые дипломатические поручения последнего.

Со временем эмигранты стали служить не только в Иностранном легионе, но и в прочих голлистских частях. Ряд бывших русских офицеров оказались во французском Соппротивлении, правда, все они еще до начала Второй мировой войны стали членами Французской коммунистической партии. Некоторые боролись с правыми и нацистами в составе интернациональных бригад в годы гражданской войны в Испании. Самым известным русским белоэмигрантом во французском Соппротивлении был, пожалуй, капитан Дроздовского полка Морис Морисович Конради. Его имя стало широко известно эмиграции в 1923 г., когда он убил советского полпреда В.В. Воровского в Лозанне. Швейцарский суд оправдал Конради, после чего он уехал во Францию и стал членом созданного Дроздовского объединения. Затем Конради поступил во французский Иностраннный легион, дослужился до сержанта, но был разжалован за пощечину, отвешенную оскорбившему его офицеру. После окончания срока контракта проживал во Франции. В годы Второй мировой войны примкнул к французскому Соппротивлению и погиб в 1944 г.

Ряд представителей русской военной эмиграции, служивших в годы войны в голлистских формированиях, были награждены престижными боевыми наградами. Наибольшее количество эмигрантов (30 человек, из них 6 офицеров) служили в рядах 2-й танковой дивизии генерала Леклерка; в составе истребительной франко-советской эскадрильи «Нормандия — Неман» было 9 выходцев из России.

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

К началу 1939 г. ни у кого в Европе уже не оставалось никаких сомнений в том, что до начала новой мировой войны остаются считанные месяцы. Во Франции большинство населения понимало, что врагом их страны вновь будет Германия. В середине 1930-х гг. значительная часть эмигрантов уже сделала свой выбор, примкнув либо к оборонческому, либо к пораженческому движению. Оборонцы считали, что ставят «защиту своей Родины выше политических разногласий с властью». Пораженцы были уверены, что «СССР — не Россия и вообще не национальное государство, а русская территория, завоеванная антирусским Интернационалом»⁶⁷.

В преддверии войны, в июле 1939 г., французское правительство издало декрет: «В случае войны все офицеры союзных стран по войне 1914–1918 гг. имеют право поступить во Французскую армию на время войны на следующих началах: подпоручики — сержантами, поручики — су-лейтенантами, капитаны — лейтенантами (во французской армии чина штабс-капитана нет), полковники и генералы — капитанами. Все должны пройти медицинский осмотр и сдать экзамен по французскому языку»⁶⁸. Лица, прошедшие эту процедуру отбора, становились временными офицерами французской армии. Звания временных офицеров получили около 400 белоэмигрантов⁶⁹. После начала войны около 3 тыс. белоэмигрантов были мобилизованы во французскую армию, многие из них попали в немецкий плен в 1940 г.

3 сентября 1939 г., соблюдая свои обязательства перед Польшей, Французская Республика объявила войну Германии. Однако вопреки польским надеждам войска Франции не устремились на помощь Польше. Началась «странная война». За день до вступления Франции в войну на ее территории были проведены многочисленные аресты русских эмигрантов, в том числе и военных. Арестованные были заключены французами в концентрационный лагерь Верне. Один из его узников, Артур Кестлер, дал лагерю такую характеристику: «Верне еще хуже немецкого концлагеря с точки зрения питания и гигиены»⁷⁰.

Война, между тем, набирала обороты. К концу сентября 1939 г. во Францию прибыл английский экспедиционный корпус общей численностью более 160 тыс. человек. С прибытием англичан численность союзных дивизий увеличилась до 76, этим дивизиям противостояли лишь 32 немецкие дивизии. Несмотря на более чем двукратное численное превосходство, союзники избрали оборонительную стратегию и укрепились на линии Мажино.

Разгромив Польшу и захватив Данию с Норвегией, немцы начали готовиться к вторжению во Францию и страны Бенилюкса. Эта операция получила кодовое название «Желтый план». 10 мая 1940 г. немецкие войска начали наступление на

⁶⁷ Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С. 12–13.

⁶⁸ Цит. по: *Елисеев Ф.И.* В Иностранном легионе... С. 7.

⁶⁹ См.: Там же. С. 3.

⁷⁰ Цит. по: *Урицкая Р.Л.* Они любили свою страну...: Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб., 2010. С. 69.

Западном фронте. К середине мая немецкая армия, пройдя страны Бенилюкса, вышла на границы Франции. Немецкая стратегия молниеносной войны — блицкрига — в очередной раз доказала свое превосходство над западноевропейской оборонческой тактикой. 14 июня 1940 г. немецкие войска вошли в Париж. Через два дня премьер-министром Франции был назначен герой Первой мировой войны маршал Анри Филипп Петен. Маршал Петен был сторонником перемирия с Германией и разрыва с Великобританией. На предложение своих министров эвакуировать правительство в Британию он ответил, что правительство должно остаться во Франции, чтобы «вместе с народом нести его несчастье»⁷¹.

17 июня 1940 г. маршал Петен обратился к Гитлеру с предложением перемирия. Мирное соглашение, содержащее 24 статьи, было подписано 22 июня 1940 г.⁷². Франция была разделена на оккупированную и неоккупированную зоны. Оккупированная зона управлялась главой немецкой военной администрации, а неоккупированная зона (Южная Франция) — маршалом Петеном. Париж находился в оккупированной зоне, поэтому столицей маршала стал город Виши, по названию которого и стала называться неоккупированная зона — вишистская Франция.

В Париже в июле 1940 г. был создан Комитет по организации представительства Русской национальной эмиграции, который заменил собой ранее существовавший эмигрантский комитет В.А. Маклакова⁷³. Главой нового комитета стал князь Михаил Константинович Горчаков. Из военных к руководству комитетом были привлечены донской атаман генерал-лейтенант граф Михаил Николаевич Граббе и полковники Владимир Карлович Модрах и Капитон Капитонович Случевский. Вместе с тем 28 августа 1940 г. приказом командующего вермахтом во Франции (речь идет об оккупированной зоне) была запрещена деятельность всех иностранных организаций. Таким образом, под запрет попали и русские эмигрантские организации.

12 февраля 1941 г. начальник I отдела РОВСа генерал-лейтенант В.К. Витковский был вызван в немецкую полицию безопасности. На следующий день состоялась его встреча с немецкими чиновниками, в ходе которой немцы потребовали от генерала отказаться от руководства отделом. По мнению генерала, немцы устранили его от руководства отделом по требованию советских властей. Чтобы избежать репрессий против союза, генерал Витковский 13 февраля издал следующий приказ: «Ввиду моего болезненного» состояния, по требованию врачей, я временно не могу нести обязанности Начальника I Отдела Русского Обще-Воинского Союза и предписываю Генерального Штаба Генерал-лейтенанту Стогову вступить во Временное Исполнение должности Начальника I Отдела РОВС<ою>за»⁷⁴. 9 апреля 1941 г. был также основан Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во главе с полковником Владимиром Карловичем Модрахом и его заместителем

⁷¹ Цит. по: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 155.

⁷² См.: Там же. С. 191.

⁷³ См.: *Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975.* М., 2000. Т. 1 (5). С. 5.

⁷⁴ *Витковский В.К.* В борьбе за Россию. Сан-Франциско, 1963. С. 69–70.

Юрием Сергеевичем Жеребковым. Год спустя, 21 апреля 1942 г., Представительский комитет был преобразован в Управление делами Русской эмиграции во Франции⁷⁵. Управление возглавил Ю.С. Жеребков. По предложению Жеребкова все военные эмигрантские организации в оккупированной Франции возглавил генерал-лейтенант Н.Н. Головин, ранее возглавлявший Высшие военно-научные курсы. Главой молодежного отдела был назначен глава Национальной организации русских разведчиков полковник Павел Николаевич Богданович, занимавший вместе с этим пост заместителя генерала Головина. В Южной Франции все военные союзы были подчинены генерал-лейтенанту Михаилу Андреевичу Свечину. Вскоре генерал Свечин объявил о включении русских военных союзов в Легион французских ветеранов (ветеранская организация вишистской Франции).

22 июня 1941 г. некоторое количество русских эмигрантов во Франции были арестованы немцами, среди арестованных были и военные: генерал П.Н. Шатилов, полковник Сергей Александрович Мацылев и др. Как и арестованные гражданские, они были заключены в лагерь в Компьене. Между тем 24 июня 1941 г. генерал Витковский с ведома немецких властей «выздоровел» и сменил Николая Николаевича Стогова, временно исполнявшего обязанности начальника I отдела РОВСа. Нападение немцев на СССР вызвало у всех эмигрантов далеко не однозначную реакцию. Первый начальник III (Польского) отдела РОВСа и начальник штаба Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенант П.С. Махров направил 22 июня 1941 г. советскому послу Богомолу телеграмму с просьбой зачислить его в Красную армию для борьбы с нацистами.

Через несколько дней после вторжения немцев в СССР начальники отделов РОВСа и ОРВС объявили регистрацию добровольцев для службы на Восточном фронте. В оккупированной зоне Франции было зарегистрировано более 1500 офицеров-эмигрантов, «изъявивших желание безоговорочно участвовать в борьбе против большевизма»⁷⁶. При этом 725 русских эмигрантов были набраны комитетом Горчакова. Интересно отметить, что около 200 офицеров, набранных во Франции, почти сразу же отбыли на фронт. Вопреки ожиданиям эти офицеры не использовались как одно подразделение, а были распределены по немецким частям в качестве переводчиков. В октябре 1941 г. на Восточный фронт, в Киев, был направлен и В.К. Модрах.

Наблюдая за процессом формирования европейских антисоветских добровольческих формирований, эмигранты начинали беспокоиться и проявлять нетерпение. Для примера возьмем одно из эмигрантских писем конца июля 1941 г.: «Нет сил терпеть, прошу покорно Вашего совета, есть ли надежда ждать организацию или идти добровольцем в чужой легион. Я бронепоездник с “Ивана Калиты”, был в Галлиполи. Если скоро предпримете что-нибудь, хорошо, подожду, если же нет, уезжаю к кому бы то ни было, только к врагам большевиков»⁷⁷. Таких нетер-

⁷⁵ См.: Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 88.

⁷⁶ Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское Освободительное движение. Франкфурт-н/М, 1975. С. 58.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Д. 17. Л. 51.

пеливых в одной только Франции оказалось приличное количество. Узнав о формировании Легиона французских добровольцев (далее — ЛВФ, от *фр.* *Légion des volontaires français contre le bolchevisme*), русские эмигранты, имевшие французское гражданство, стали вступать в ряды этого легиона. Большинство эмигрантов были ветеранами французского Иностранного легиона. Русскими добровольцами была укомплектована 3-я рота I батальона ЛВФ, ротой командовал лейтенант Коптев. Командиром 4-й роты был лейтенант Адамович, а заместителем командира 1-й роты был лейтенант Юревич⁷⁸. Таким образом, на момент создания ЛВФ, вернее его I батальона, одна из его рот была сформирована из русских эмигрантов, а двумя ротами батальона командовали русские офицеры-эмигранты. Большинство из них были бывшими военными французского Иностранного легиона. Был среди добровольцев и внук Льва Николаевича Толстого Иван⁷⁹. В состав ЛВФ вступили и кавказские эмигранты — 40 грузинских добровольцев и некоторое количество армянских. По прибытии легиона в Дебицу (территория оккупированной Польши, место формирования легиона) немцы потребовали заменить русских офицеров на французов, а также сократить количество русских в легионе. Русские командиры рот были заменены на французских офицеров, но простые легионеры продолжили службу⁸⁰. По французским сведениям, выходцы из России составляли в ЛВФ 1,5 % из 7340 человек.

В рядах Русского корпуса также оказались несколько русских эмигрантов из Франции, но достоверно известно лишь о службе 2 человек⁸¹. Одним из них, вероятно, был штабс-капитан Корниловского полка Александр Иванович Игнатенко, ранее служивший в Иностранном легионе⁸². Гораздо большее количество эмигрантов из Франции оказались в рядах немецкой строительной Организации Тодта (названа по фамилии министра вооружения и боеприпасов Фрица Тодта) и в рядах легиона «Шпеер» (по фамилии Альберта Шпеера, генерального инспектора по строительству Берлина) Национал-социалистического автомобильного корпуса (НСКК). Предыстория их появления в этих организациях такова. Осенью 1941 г. командование транспортной бригады (22 июля 1942 г. развернута в одноименную группу) НСКК «Тодт» начало вербовочную кампанию среди русских белоэмигрантов во Франции. Состоялись консультации между представителями НСКК, строительного штаба «Шпеер» и функционерами РОВСа о возможности широкомасштабного привлечения белоэмигрантов в ряды НСКК. Эмигранты могли поступать в организацию в качестве водителей, механиков и охранников для советских военнопленных. Ответственным за вербовку белоэмигрантов был назначен бывший командир лейб-гвардии Казачьего полка генерал-майор Василий Авраамович Дьяков⁸³. При помощи генерала из русских эмигрантов

⁷⁸ См.: *Marec le G., Lambert P.P.* Les Français sous le casque allemand. P., 2000. P. 18.

⁷⁹ См.: *Урицкая Р.Л.* Они любили свою страну... С. 136.

⁸⁰ См.: *Jurado C.C.* Hitler o Napoleon. La Legion de Voluntarios Franceses en la Campana de Rusia. Granada, 2000. P. 197.

⁸¹ См.: Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг.: Ист. очерк и сб. воспоминаний соратников / Под ред. Д.П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963. С. 405.

⁸² См.: *Окороков А.В.* Русские добровольцы. М., 2004. С. 79–80.

⁸³ См.: ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 35. Л. 10.

Западной Европы было создано несколько подразделений в рядах НСКК. В 1943 г. два батальона (по семь рот каждый) из состава этих подразделений были переданы в состав транспортной группы НСКК «Тодт» с обозначением 67 и 69⁸⁴. Оба подразделения до конца войны оставались на Западном фронте и действовали в составе корпуса «Запад» Организации Тодта.

Пока на Восточном фронте гремели орудия, во Франции воздух сотрясаясь от скандалов. В начале июня 1942 г. генерал Витковский был повторно вызван в немецкую полицию безопасности. В этот раз он был допрошен в качестве свидетеля по делу видного представителя русской эмиграции Сергея Николаевича Третьякова, у которого I отдел РОВСа снимал помещение с 1930-х гг. Позже выяснилось, что Третьяков уже с 1929 г. являлся советским агентом, который поставлял информацию о РОВСе в спецслужбы Страны Советов. Во всех арендованных РОВСом помещениях Третьяков организовал установку микрофонов. В связи с этим Третьяков был арестован немцами и в 1944 г. казнен в концлагере.

В течение 1942–1943 гг. многое в восприятии эмигрантов подверглось изменению: в той или иной степени произошла переоценка Советского Союза, возникло желание примириться с покинутой родиной. Некоторым образом эти события затронули и часть военной эмиграции, и даже РОВС. Эмиграция была возмущена поведением немцев в СССР, слухи о котором просочились даже во Францию. Некоторые эмигранты стали сотрудничать с французским Сопротивлением: так, уже известный нам В.К. Модрах получил документ о том, что он оказывал ценные услуги Сопротивлению. По ряду свидетельств, в 1943 г. генерал-майор Е.Ю. Бем стал начальником I отдела РОВСа⁸⁵. Высадка союзных войск во Франции ускорила немецкое поражение в войне. В конце августа 1944 г. был освобожден Париж, советское посольство в городе было освобождено силами Союза русских патриотов и добровольцами из советских военнопленных.

В 1945 г. значительно увеличилось количество торжественных мероприятий, проводимых эмигрантами во Франции. В феврале 1945 г. в Ницце просоветские эмигрантские организации провели торжественное собрание, посвященное годовщине Сталинградской битвы, на котором выступил генерал П.С. Махров. В марте 1945 г. начало функционировать Объединение русской эмиграции за сближение с советской Россией, в руководство которым были вовлечены адмиралы Д.Н. Вердеревский и М.А. Кедров.

Возобновление деятельности РОВСа на территории Франции произошло в конце 1940-х гг., т. е. после окончания насильственной репатриации в СССР. В страну приехали многие участники Русского освободительного движения и эмигранты, сочувствовавшие генерал-лейтенанту Андрею Андреевичу Власову. Среди прибывших во Францию был и генерал А.А. фон Лампе. Спустя некоторое время была проведена повторная регистрация РОВСа на территории Франции.

⁸⁴ См.: *Jurado C.C., Thomas N. Wehrmacht Auxiliary Forces. L., 2000. P. 6.*

⁸⁵ См.: *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Воинские организации Русского зарубежья после Второй мировой войны. М., 2008. С. 49.*

Н.А. Кузнецов

АФАНАСИЙ МИХАЙЛОВИЧ БУХТЕЕВ —
МОРЯК-ЭМИГРАНТ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРКТИКИ

После событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны в числе покинувших Россию представителей науки и культуры оказалось немало ученых и моряков, занимавшихся исследованием Арктики. Одним из них был Афанасий Михайлович Бухтеев (1862–1940). Нельзя сказать, чтобы его имя было абсолютно забыто в советской и постсоветской России. О трудах Бухтеева упоминается в ряде советских и современных изданий, посвященных истории отечественной гидрографии. Но при этом во многих из них либо приводится общая фраза «в 20–30-е гг. жил в Королевстве Югославия»¹ или же вместо даты смерти и вообще стоит вопросительный знак². Задачей данной работы является рассказ о биографии А.М. Бухтеева, его вкладе в историю освоения Арктики и жизни в эмиграции с использованием архивных документов, в том числе впервые вводимых в научный оборот.

Афанасий Михайлович Бухтеев родился 24 января 1862 г. в подмосковном селе Кудрино, происходил из потомственных почетных граждан Московской губернии³. В 1878 г. он поступил в Морское училище (так с 1867 по 1891 г. именовался Морской кадетский корпус — учебное заведение, готовившее кадры строевого состава Российского Императорского флота), 27 сентября 1882 г., по окончании Морского училища, Бухтеев был произведен в мичманы и зачислен в 7-й флотский экипаж⁴.

Судя по его дальнейшей биографии, склонность к занятиям наукой у молодого офицера проявилась еще в период обучения. Об этом говорит тот факт, что спустя четыре года после окончания училища (год из них пришелся на загранич-

¹ Колотило Л.Г. Военные моряки Байкала: Проблемы исторической реконструкции деятельности военных моряков Российского флота по физико-географическому изучению и освоению озера Байкал в XVIII–XX вв. СПб., 2004. С. 100.

² См.: История Гидрографической службы Российского флота: (К 300-летию создания Военно-морского флота): В 4 т. СПб., 1997. Т. 4: Биографический справочник известных штурманов и гидрографов Российского флота. С. 60. *Йолтуховский В.М.* Знаменитые люди Северного флота: деятели ВМФ, герои, конструкторы, исследователи Арктики, ученые, педагоги, литераторы, работники культуры. СПб., 2008. С. 64; *Саватюгин Л.М., Дорожкина М.В.* Архипелаг Северная Земля: История, имена и названия. СПб., 2010. С. 74.

³ См.: Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 9. Д. 463. Л. 20.

⁴ См.: Там же. Л. 20 об.

ное плавание на фрегате «Генерал-адмирал» — с 9 августа 1884 г. по 25 августа 1885 г.) Бухтеев поступил на гидрографическое отделение Николаевской морской академии, которое окончил по 1-му разряду 6 ноября 1888 г. С этого момента началась его служба на ниве гидрографии, принесшая ему значительную известность. Причем в новом качестве ему пришлось работать в экспедициях в разных уголках России. Последнее было связано с тем, что начиная с середины XIX в. перед отечественной гидрографией были поставлены новые требования к содержанию, объему и качеству навигационно-гидрографической информации, обусловленные прежде всего значительным развитием техники военно-морского флота, появлением винтовых кораблей и судов, которые могли плавать на близком расстоянии от берега, заходить в узкости (так как в отличие от парусных они не зависели от ветра). Это потребовало совершенствования старых и создания новых методов и средств гидрографических исследований, результатом чего должно было стать создание новых морских карт и описаний морей, а также внутренних водоемов⁵.

В 1889–1891 гг. А.М. Бухтеев работал в составе Отдельной съемки⁶ Онежского озера в должности производителя работ, начальника партии, командира портового баркаса «Лаг»⁷. Но прежде чем приступить к исполнению обязанностей в новой должности, А.М. Бухтеев совершил на фрегате «Минин» еще одно дальнее плавание. Оно продолжалось с 20 августа 1889 г. по 28 апреля 1890 г. Целью похода было обучение матросов-новобранцев и испытание новых котлов. Корабль посетил Брест, Неаполь, Корфу, Бриндизи, Пирей, Картахену, остров Мадейра, Вест-Индию (в том числе Кубу и Ямайку), Бермудские острова, а на обратном пути Шербур и Христианзанд⁸.

Нужно отметить, что до 1860-х гг. гидрографические работы на Онежском озере не проводились, так как судоходство на нем было незначительным. Исследование озера началось в 1874 г. и велось в течение последующих двадцати лет. По его результатам были составлены карты и физико-географическое описание водоема. Участие в работах на Онежском озере стало хорошей школой для А.М. Бухтеева и других известных в будущем гидрографов (в частности, Е.П. Бялокоза, А.И. Вилькицкого, И.С. Сергеева и др.)⁹. В период работы на Онежском озере А.М. Бухтеев познакомился с лейтенантом Ф.К. Дриженко, занимавшим в тот период должность начальника съемки. В будущем Бухтееву предстояло работать с ним в экспедиции на озере Байкал.

В 1892–1894 гг. Бухтеев (к этому времени получивший чин лейтенанта (1 апреля 1890 г.)) работал в составе гидрографической партии Отдельной съемки Черного моря. 7 марта 1892 г. он был назначен начальником партии¹⁰. Задачами Отдельной

⁵ См.: История Гидрографической службы Российского флота... Т. 1: Гидрографическая служба Российского флота (1696–1917). С. 348.

⁶ *Съемка* — практические работы по созданию оригинала карты (морской, гидрографической и др.). *Отдельная съемка* — наименование подразделения, выполняющего гидрографические работы (применялось в XIX — начале XX в.).

⁷ См.: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 463. Л. 21.

⁸ См.: Бочаров А.А. Броненосные фрегаты «Минин» и «Пожарский». СПб., 1999. С. 33.

⁹ См.: История Гидрографической службы Российского флота... Т. 1. С. 378–379.

¹⁰ См.: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 463. Л. 21 об.

съемки, которой в 1891–1893 гг. командовал подполковник Ю.К. Ивановский, было продолжение исследований тех участков Черного и Азовского морей, которые не были охвачены работавшей в 1871–1887 гг. Гидрографической экспедицией Черного моря. В 1887–1908 гг. благодаря работам Отдельной съемки была закончена подробная опись берегов Азовского моря и Крымского полуострова, по Кавказскому берегу работы были доведены до реки Хопь¹¹. В сентябре 1892 г. и сентябре 1893 г. лейтенант Бухтеев, будучи начальником партии шлюпочного промера, производил драгировки¹² в западной части Таганрогского залива. Собранные материалы он передал доктору зоологии А.А. Остроумову, заведующему Севастопольской биологической станцией. Ученый так отозвался о качестве работ военного моряка: «...более аккуратного отношения к делу нельзя было и желать, и станция может быть только признательна как лейтенанту А.М. Бухтееву, так и полковнику Ю.К. Ивановскому, благодаря любезности которого состоялось соглашение о драгировках в Азовском море по инструкции, составленной заведующим станцией...»¹³

С 7 февраля 1895 г. по 7 февраля 1897 г. Бухтеев был прикомандирован к Пулковской обсерватории для практических занятий по геодезии и астрономии¹⁴. Пулковская астрономическая обсерватория, открытая в 1839 г., была и остается одним из крупнейших центров мировой науки. Помимо чисто астрономических исследований, работы обсерватории были связаны также с географическим изучением территории России и развитием мореплавания. Обсерватория принимала большое участие в основных геодезических работах, а именно в градусном измерении дуги меридиана от Дуная до Северного Ледовитого океана, оконченом в 1851 г., и в триангуляции Шпицбергена в 1899–1901 гг. Военные геодезисты и гидрографы проходили в обсерватории стажировку.

Одновременно с занятиями в обсерватории Бухтеев участвовал в гидрографических работах на Балтийском море. 15 апреля 1895 г. он был назначен начальником партии Отдельной съемки Балтийского моря. В течение года он участвовал в работах на описной барже № 2 и судне Таможенной флотилии «Зоркая»¹⁵.

В этот же период Бухтеев впервые попадает в Арктику. С 6 июля по 18 августа он участвует в плавании на транспорте «Самоед» под командованием капитана 2-го ранга В.А. Лилье в качестве начальника партии Отдельной съемки Балтийского моря при гидрографических работах у Новой Земли¹⁶. Основной целью плавания была доставка на Новую Землю экспедиции Императорской Академии наук под руководством известного физика князя Б.Б. Голицына. Задачей экспедиции было наблюдение полного солнечного затмения 9 августа 1896 г. Также экспедиция должна была обследовать юго-западную часть Южного острова Новой Земли в поисках

¹¹ См.: История Гидрографической службы Российского флота... Т. 1. С. 334–335.

¹² *Драгировка* — в данном случае: взятие со дна водного объекта проб грунта с целью определения его характера.

¹³ *Смирнов В.Г.* Исследования Мирового океана военными моряками и учеными России. 1826–1895 гг. СПб., 2007. С. 191–192.

¹⁴ См.: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 463. Л. 29 об.

¹⁵ См.: Там же. Л. 21 об.

¹⁶ См.: Там же.

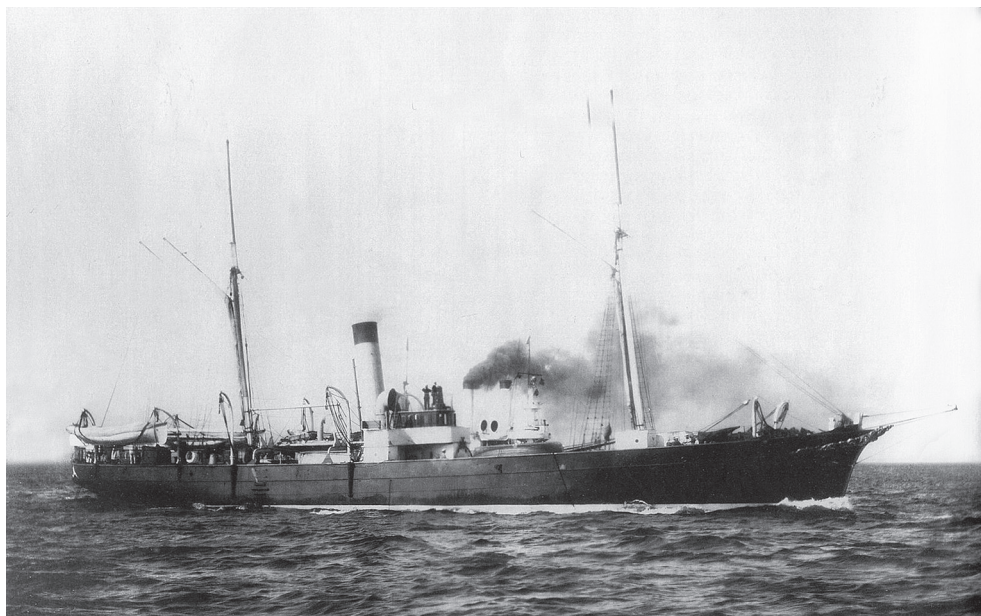
места для организации нового становища самоедов (тогдашнее название ненцев) в связи с обнаружением в этой местности значительного количества каменного угля. Исследовав северную часть пролива Костин Шар, «Самоед» зашел в губу Белушью, где была найдена бухта, пригодная для стоянки морских судов, названная в честь судна бухтой Самоед. Команда провела комплексные гидрографические работы в Белушьей губе, установила два опознавательных и два створных знака¹⁷. В следующем году на берегу бухты возникло становище Белушья Губа. Уже в советский период, с 1954 г., этот поселок стал «столицей» Новой Земли, здесь расположены основные воинские части и учреждения Центрального полигона Министерства обороны РФ, занимающегося испытаниями ядерного оружия.

*Генерал-майор Корпуса гидрографов А.М. Бухтеев.
1916*

После окончания занятий в Пулковской обсерватории с 6 января 1897 г. по 31 октября 1901 г. Бухтеев служит в должности помощника начальника Гидрографической экспедиции Байкальского озера. Необходимость исследования Байкала была вызвана намечавшейся постройкой Транссибирской железной дороги. До завершения строительства объездного пути необходимо было обеспечить паромную переправу через озеро. Перед гидрографами стояли следующие задачи: создать современный для того времени гидрографический и описательный материал (карты, лоции), изучить гидрометеорологические условия, построить береговые средства навигационного оборудования. Для решения этих задач в 1897 г. была создана Гидрографическая экспедиция Байкальского озера под руководством подполковника Ф.К. Дриженко, помощником которого стал А.М. Бухтеев. Еще до официального формирования экспедиции, в 1896 г., Ф.К. Дриженко на пароходе «Иннокентий» выполнил рекогносцировку озера, во время которой произвел астрономические измерения, промер, магнитные и метеорологические наблюде-

¹⁷ См.: Боярский П.В. Летопись освоения Новой Земли // Острова и архипелаги российской Арктики. Новая Земля / Под общ. ред. начальника МАКЭ, проф. П.В. Боярского. М., 2009. С. 30–31.

Транспорт «Самоед», на котором А.М. Бухтеев принимал участие в экспедиции на Новую Землю в 1896 г. Начало 1900-х

ния, фотографирование берегов. Результатом этих работ стало появление уже в следующем году подробной карты Байкала. Современный исследователь Л.Г. Колотило так пишет о ней: «Обследование Байкала было произведено блестяще! Благодаря выполнению всех поставленных задач удалось в кратчайший срок создать первую меркаторскую карту Байкала¹⁸. Эта двулистная морская навигационная карта появилась в начале 1897 г. Она была выполнена лейтенантом А.М. Бухтеевым и капитаном К<орпуса> ф<лотских> ш<турманов> Я.В. Ивановым под руководством Ф.К. Дриженко. Опора на астрономические пункты определяла ее высокую точность по сравнению с прежними картами Байкала, например с картой Черского (1880 г.), разница в положении пунктов на которой доходила в некоторых местах до 2 дюймов (т. е. 20 верст)»¹⁹. В целом же экспедиция Ф.К. Дриженко была самой длительной и результативной в истории исследований озера Байкал. По результатам ее работ был составлен и издан ряд карт, а также лоция и физико-географический очерк озера²⁰. Эти труды впоследствии использовались всеми исследователями Байкала и не потеряли своего значения до наших дней.

¹⁸ В 1596 г. известным голландским картографом Герардом Меркатором была предложена для составления морских навигационных карт нормальная равноугольная цилиндрическая проекция. Основные свойства проекции Меркатора — равноугольность и простая картографическая сетка — позволяют вести навигационную прокладку на картах при помощи простейших чертежных инструментов — транспортира, линейки и циркуля. Благодаря этим свойствам проекция Меркатора используется для построения навигационных карт во всех странах мира. (Примеч. Л.Г. Колотило.)

¹⁹ Колотило Л.Г. Военные моряки Байкала. С. 101.

²⁰ См.: История Гидрографической службы Российского флота... Т. 1. С. 379–380.

В период работы на Байкале, 6 декабря 1899 г. А.М. Бухтеев был зачислен на капитан-лейтенантский оклад. Чин капитан-лейтенанта существовал в Российском флоте с 1713 по 1884 г., а также в 1907–1911 гг. В конце XIX — начале XX в. существовала следующая практика производства в чин лейтенантов, «выплававших ценз», но которых по возрасту, должности или другим причинам было рано производить в капитаны 2-го ранга: их, оставляя в чине лейтенанта, зачисляли на оклад, соответствующий чину капитан-лейтенанта²¹.

С 1903 г. началась работа А.М. Бухтеева в Арктике. С 14 июня по 3 октября он был «вследствие ходатайства его императорского высочества великого князя Александра Михайловича и с высочайшего его императорского величества соизволения командирован на Мурман для определения астрономических пунктов и съемки»²². 6 декабря того же года Бухтеев получил чин капитана 2-го ранга²³.

В 1905 г. была учреждена Отдельная съемка Мурманского берега. В 1905–1912 гг. в послужном списке Бухтеева за каждый год присутствует лаконичная запись: «...в плавании в Северном Ледовитом океане и Белом море». Из года в год офицеры-гидрографы (9 человек — производители работ) на одном из немногочисленных в то время судов, находящихся в Белом море (пароход «Пахтусов», транспорт «Бакан»), занимались съемкой берегов. Плановой основой работ служила триангуляционная сеть²⁴. Производились подробная мензуральная съемка²⁵ береговой полосы, прибрежный и морской промер, наблюдения за уровнем моря и морскими течениями. О работе Отдельной съемки Мурманского берега писали уже в советский период в издании, посвященном столетнему юбилею Главного гидрографического управления, видные советские гидрографы С.П. Блинов и В.П. Мессер (оба — выпускники Морского корпуса): «В 1905 г., после выясненной недостаточной для мореплавания точности и подробности карт, была учреждена “Отдельная съемка Мурманского побережья” для систематической его описи. Работы съемки были начаты с Кольского залива, где был измерен базис²⁶, и затем триангуляционная сеть была продолжена на запад и соединена с Норвежской сетью; и после продолжена на восток. После проложения сети произведена мензуральная съемка и промер Мотовского и Кольского заливов. Работы Мурманской съемки под на-

²¹ *Морской ценз* — совокупность условий, требуемых от офицеров флота для производства в чины и назначения на строевые должности, в число которых входят плавание в течение определенно-го числа лет на военных судах, командование судами и отрядами судов и предельный возраст.

²² РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 463. Л. 21 об.

²³ См.: Там же.

²⁴ *Триангуляция* — метод построения геодезической сети (системы пунктов на земной поверхности, закрепленных на местности специальными знаками и центрами, положение которых закреплено в общей для них системе геодезических координат) в виде треугольников, в которых измерены их углы и некоторые из сторон (см.: Справочник гидрографа по терминологии. Л., 1984. С. 201, 242).

²⁵ *Мензуральная съемка* — вид топографической съемки, при которой все местные предметы и элементы рельефа земной поверхности графически наносятся по результатам измерений на съемочный планшет непосредственно в полевых условиях (см.: Справочник гидрографа по терминологии. С. 230).

²⁶ *Базис геодезический* — линия между двумя закрепленными точками на местности, длина которой получена из непосредственных измерений. Служит для определения геодезической сети (см.: Справочник гидрографа по терминологии. С. 17).

чалством гидрографа-геодезиста А.М. Бухтеева можно считать за образец для гидрографических работ вообще. При этих работах впервые в России было принято изучение приливов и по годовой записи мареографа²⁷ Екатерининской гавани были выяснены гармонические постоянные главнейших приливных волн и начато издание “Ежегодника приливов”²⁸.

Особенностью организации работ Отдельной съемки было издание Главным гидрографическим управлением карт и планов отдельных акваторий по мере окончания в них работ, а не после завершения исследования всего заданного района, что значительно сокращало сроки попадания новых карт непосредственно к мореплавателям²⁹.

В 1905–1914 гг. мурманский берег был исследован от острова Кильдин до границы с Норвегией. Начавшаяся Первая мировая война прервала эти работы. Они были возобновлены лишь в 1925 г. отрядом Северной гидрографической экспедиции под руководством Н.Н. Матусевича (окончил Морской корпус в 1898 г.). В 1940 г., в год смерти в эмиграции своего предшественника и учителя, он писал о трудах Бухтеева: «Значение этих работ важно в том отношении, что на этом примере научной организации воспитывалось и обучалось целое поколение русских гидрографов, которые в своей последующей жизни и деятельности проводили идеи и методы А.М. Бухтеева»³⁰.

Еще одним важным вкладом А.М. Бухтеева в изучение Арктики была обработка и публикация научных результатов работ Русской полярной экспедиции.

Эта экспедиция проходила в 1900–1902 гг. под руководством барона Эдуарда Васильевича Толля. В задачи экспедиции входило исследование Новосибирских островов, проход (второй раз в истории мореплавания) Северным морским путем и поиск легендарной Земли Санникова. Экспедиция на судне «Заря» проходила с июня 1900 г. по октябрь 1902 г. и принесла весьма значительные результаты: были исследованы полуостров Таймыр, Новосибирские острова. Лейтенант А.В. Колчак, участвовавший в экспедиции в качестве гидролога, проводил исследования полярных льдов. В начале июня 1902 г. барон Э.В. Толль вместе с тремя своими спутниками отправился на остров Беннета (Новосибирские острова) с целью изучить его геологическое строение и уйти оттуда на юг. К оговоренному крайнему сроку они не вернулись, и «Заря» пришла в бухту Тикси без них.

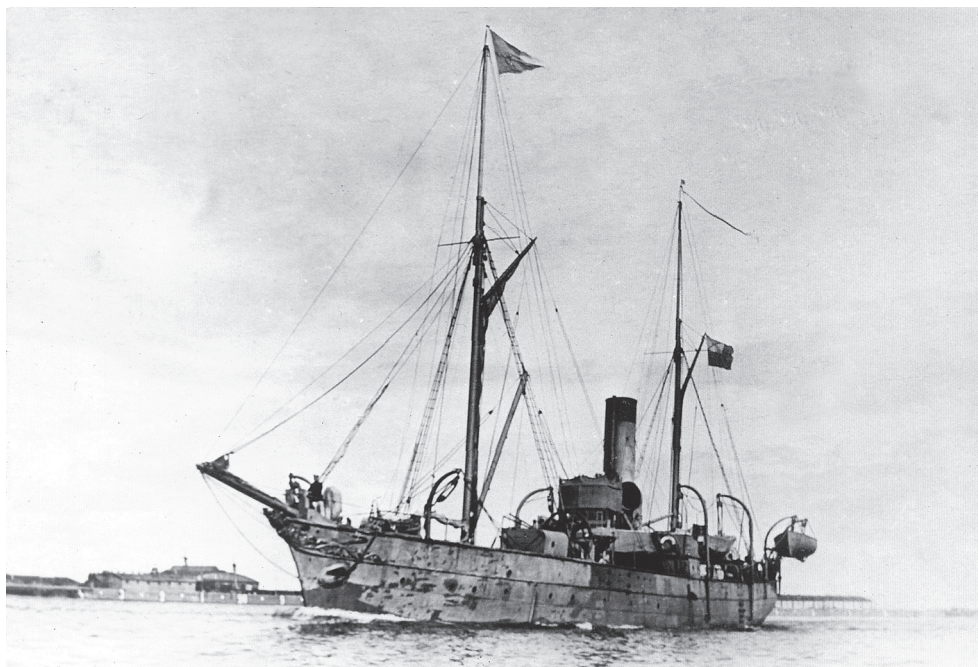
Академия наук решила организовать экспедицию по поиску барона Толля. Первоначально к острову Беннета планировали послать ледокол «Ермак», но от этой идеи отказались, решив организовать санно-шлюпочную экспедицию. Возглавил ее лейтенант Колчак. Поисковая экспедиция проходила с 5 мая по 7 декабря 1903 г. 4 августа, добравшись до острова Беннета, члены экспедиции обнаружили там предметы и записку, оставленные бароном Толлем. Из записки следовало, что Толль и его спутники еще 26 октября 1902 г. ушли на юг, имея запасов провизии лишь на две-три недели, т. е. погибли. Обратная дорога Колчака была не

²⁷ *Мареограф* — самописец уровня моря (см.: Справочник гидрографа по терминологии. С. 108).

²⁸ *Блинов С.П., Мессер П.В.* Столетие Гидрографического управления. Л., 1927. С. XLVI.

²⁹ См.: История Гидрографической службы Российского флота... Т. 1. С. 360–361.

³⁰ Там же. С. 361.

*Гидрографическое судно (бывший транспорт) «Самоед»,
на котором А.М. Бухтеев принимал участие в экспедиции на Новую Землю в 1896 г.
Балтийское море. 1915*

мене трудной, но путешественники выдержали все испытания и 7 декабря благополучно прибыли в Казачье, а оттуда через Якутию — в Иркутск.

На основе сохранившихся материалов А.М. Бухтеев подготовил два издания: «Основные астрономические пункты Русской полярной экспедиции 1900–03 гг., определенные астрономом экспедиции Ф.Г. Зеебергом в 1900, 1901 и 1902 гг.» (СПб., 1911) и «Приливы у сибирского побережья Северного Ледовитого океана по наблюдениям Русской полярной экспедиции в 1903 г.» (В 2 т. СПб., 1912–1915). Важность публикации и введения в научный оборот этих материалов усиливалась тем, что астроном Ф.Г. Зееберг, проводивший наблюдения, погиб вместе с Э.В. Толлем.

6 декабря 1908 г. А.М. Бухтеев был произведен в капитаны 1-го ранга³¹. В 1907 г. он вошел в состав Комиссии по пересмотру условных знаков для морских карт³². 7 апреля 1912 г. Афанасий Михайлович был избран членом постоянной водомерной комиссии при Императорской Академии наук. Эта комиссия была создана в 1902 г., ее основной задачей был сбор сведений о наводнениях и выработка мер борьбы с ними³³.

³¹ См.: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 463. Л. 22.

³² См.: Антошкевич А.В., Комарицын А.А., Смирнов В.Г., Фридман Б.С. История морского картографического производства в России (конец XIX — начало XX в.). СПб., 2003. С. 165.

³³ См.: Спенглер О. О гидрологическом институте. Воспоминания. СПб., 2009. С. 18.

В период с 29 сентября по 15 октября 1912 г. А.М. Бухтеев был командирован в Париж для участия в международной конференции по вопросу о передаче «беспроволочных сигналов о времени с Эйфелевой башни»³⁴. Начиная с 1904 г. в разных странах мира возник вопрос о радиопередаче сигналов точного времени. Пионерами в этом вопросе стали США. В 1908 г. Бюро долгот рекомендовало регулярно передавать с Эйфелевой башни беспроволочные сигналы времени. Военное министерство Франции согласилось субсидировать этот проект. К январю 1910 г. все было готово, но, когда служба времени должна была начать работу, Сена вышла из берегов и затопила подземное помещение на Шамп-де-Марс, где было смонтировано оборудование. После ремонта, 23 мая 1910 г. начались регулярные передачи сигналов времени, которые велись ежедневно в полночь по среднему парижскому времени. С 21 ноября ежедневно стал передаваться 11-часовой сигнал. А 9 марта 1911 г. по декрету от того же числа Франция перевела стрелки часов назад, чтобы привести их в соответствие со средним временем по Гринвичу (Greenwich Mean Time, GMT, *англ.*), но только 1 июля сигналы с Эйфелевой башни начали передаваться по шкале GMT в 10.45 и 23.45 ежедневно³⁵.

6 декабря 1912 г. А.М. Бухтеев был произведен в генерал-майоры за отличие по службе с утверждением в должности помощника начальника Главного гидрографического управления (назначен исполняющим обязанности 15 апреля 1912 г.; вступил в исполнение обязанностей 18 сентября 1912 г.)³⁶. В 1912 г. в составе флота был учрежден Корпус гидрографов. Основной целью его создания было обеспечение общегосударственных нужд по безопасности мореплавания. В корпус зачислялись офицеры, занимающие должности в Главном гидрографическом управлении, соответствующих портовых учреждениях, а также «находящиеся при гидрографических, геодезических и лоцмейстерских работах»³⁷. 4 февраля 1913 г. А.М. Бухтеев был зачислен в Корпус со званием гидрографа-геодезиста.

Зимой 1912–1913 гг. А.М. Бухтеев был заместителем председателя Комиссии по пересмотру изданий Главного гидрографического управления, работавшей в 1906–1914 гг. Основными задачами комиссии было выявление потребности флота в картах и навигационных пособиях, а также работы по улучшению качества карт³⁸.

5 июня 1913 г. генерал-майор Бухтеев был назначен членом Особой полярной комиссии при Императорской Академии наук. Комиссия была организована в 1914 г. для координации исследований, проводившихся в Арктике силами различных ведомств. Ее создание было связано со стремлением отечественных ученых сохранить приоритет в научных изысканиях на арктических территориях. Фактически комиссия начала работу в 1914 г., а решение о ее официальном

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 463. Л. 31 об.

³⁵ См.: Хауз Д. Гринвичское время и открытие долготы. М., 1983. С. 163.

³⁶ См.: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 463. Л. 32.

³⁷ Лобыцын В., Савинов А. Словарь // Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. М.; Феодосия, 2001. С. 172.

³⁸ См.: Антошкевич А.В., Комарицын А.А., Смирнов В.Г., Фридман Б.С. История морского картографического производства... С. 152, 159.

учреждении состоялось лишь в сентябре 1915 г. Комиссия продолжала работу и в советский период (была расформирована в 1936 г.)³⁹.

В период с 10 июля по 3 августа 1913 г. Бухтеев был командирован в Архангельск для ревизии дел Дирекции маяков и лоции Белого моря (за успешное выполнение задания ему была объявлена благодарность Морского министра 22 ноября 1913 г.)⁴⁰. В этот период А.М. Бухтеев неоднократно замещал пост начальника Гидрографического управления генерала Корпуса гидрографов М.Е. Жданко во время командировок последнего.

В годы Первой мировой войны А.М. Бухтеев по-прежнему занимал свой пост. В 1916 г. он был назначен начальником Гидрографической экспедиции Черного моря, которая была создана весной этого же года. Главной задачей экспедиции было выполнение гидрографических работ возле занятых русскими войсками анатолийских берегов от Батуми до Трапезонда (Трабзона). Эта чрезвычайно важная и сложная (ввиду обстоятельств военного времени) работа была выполнена успешно.

Прежде чем перейти к рассказу о жизни А.М. Бухтеева в годы Гражданской войны и в эмиграции, хотелось бы остановиться на двух моментах — наградах и семье Афанасия Михайловича.

В период службы в Российском флоте Бухтеев был отмечен следующими государственными и научными наградами: знак за окончание Николаевской Морской академии (1888 г.); орден Святого Станислава 3-й степени (21 апреля 1891 г.); орден Святой Анны 3-й степени (17 апреля 1894 г.); серебряная медаль в память царствования императора Александра III (23 марта 1896 г.); орден Святого Станислава 2-й степени (6 декабря 1898 г.); орден Святой Анны 2-й степени (6 декабря 1904 г.); орден Святого Владимира 4-й степени с бантом за 25-летнюю беспорочную службу в офицерских чинах (22 сентября 1908 г.); половинная премия Государя императора Николая Александровича за труды по геодезии (награжден Советом Русского астрономического общества 21 сентября 1909 г.); золотой знак по окончании полного курса наук Морского корпуса (1910 г.); золотая медаль имени графа Ф.П. Литке за труды по изучению приливов на Мурмане и другие работы по геодезии (награжден Советом Императорского Русского географического общества; 1910 г.); нагрудный знак в память 100-летия Лоцманского и маячного ведомства Финляндии (1912 г.); медаль в память Отечественной войны 1812 г. (30 января 1913 г.); орден Святого Владимира 3-й степени (14 апреля 1913 г.); светло-бронзовая медаль и наследственный нагрудный знак в память 300-летнего царствования дома Романовых (18 февраля 1913 г.); светло-бронзовая медаль в память 200-летия Гангутской победы (28 февраля 1915 г.); орден Святого Станислава 1-й степени за отлично-усердную службу и труды, вызванные обстоятельствами военного времени (22 марта 1915 г.); мечи к ордену Святой Анны 1-й степени (6 декабря 1916 г.)⁴¹.

³⁹ Подробнее см.: Красникова О.А. Академия наук и исследования в Арктике: деятельность Полярной комиссии в 1914–1936 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 4. С. 64–81.

⁴⁰ См.: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 463. Л. 32.

⁴¹ Информация о дате награждения А.М. Бухтеева орденом Святой Анны 1-й степени автором не выявлена.

Самой же, наверное, почетной и приятной наградой для А.М. Бухтеева (как и для любого моряка и гидрографа) было присвоение его имени одному из мысов на восточном побережье острова Большевик. Название было дано в 1913 г. в ходе работ Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на транспортах «Таймыр» и «Вайгач» под руководством Б.А. Вилькицкого⁴². Остров же получил свое название гораздо позже, уже в советский период, в 1930–1932 гг., в ходе работ экспедиции Института по изучению Севера под руководством Г.А. Ушакова.

Афанасий Михайлович Бухтеев был женат на Антонине Константиновне Кедровой (10 июня 1864 — ?), дочери тайного советника, выпускнице Высших педагогических курсов в Санкт-Петербурге. У четы Бухтеевых родилась дочь — Мария Афанасьевна Бухтеева (15 июня 1904 — ?).

Вскоре после Февральской революции А.М. Бухтеев «вышел в отставку и поселился в Крыму, рассчитывая провести свою жизнь на склоне лет в относительном отдыхе и покое»⁴³. Такая информация приведена в некрологе А.М. Бухтеева, опубликованном в эмиграции. По другим данным, он занимал пост начальника Гидрографической экспедиции Черного моря до 1918 г., а затем вернулся в Петроград, после чего некоторое время руководил разбором материалов архива Гидрографического управления, эвакуированных в Ярославль и пострадавших при пожаре во время Ярославского восстания⁴⁴.

Бесспорно одно — после 1918 г. А.М. Бухтеев с семьей оказался на юге России. В 1919–1920 гг. он был сотрудником Управления народного просвещения Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России⁴⁵. В 1920 г. Бухтеевым довелось пережить одну из величайших трагедий «русской смуты» — эвакуацию Новороссийска. Об этих событиях генерал А.И. Деникин писал: «По условиям тоннажа и морального состояния войск одновременная, планомерная эвакуация их при посредстве Новороссийского порта была невысказана: не было надежд на возможность погрузки всех людей, не говоря уже об артиллерии, обозе, лошадях и запасах, которые предстояло бросить. Поэтому для сохранения боеспособности войск, их организации и материальной части я наметил и другой путь — через Тамань»⁴⁶. Эвакуация Новороссийска была насыщена драматическими и трагическими моментами, места на кораблях и судах хватило далеко не всем. 25 марта 1920 г. на пароходе «Бургомистр Шредер»⁴⁷ семья Бухтеевых в числе последних беженцев покидает Новороссийск и оказывается на острове Лемнос. М.Д.Шереметьева (урожденная Левшина), которой тогда было восемь

⁴² См.: *Саватюгин Л.М., Дорожкина М.В.* Архипелаг Северная Земля... С. 74.

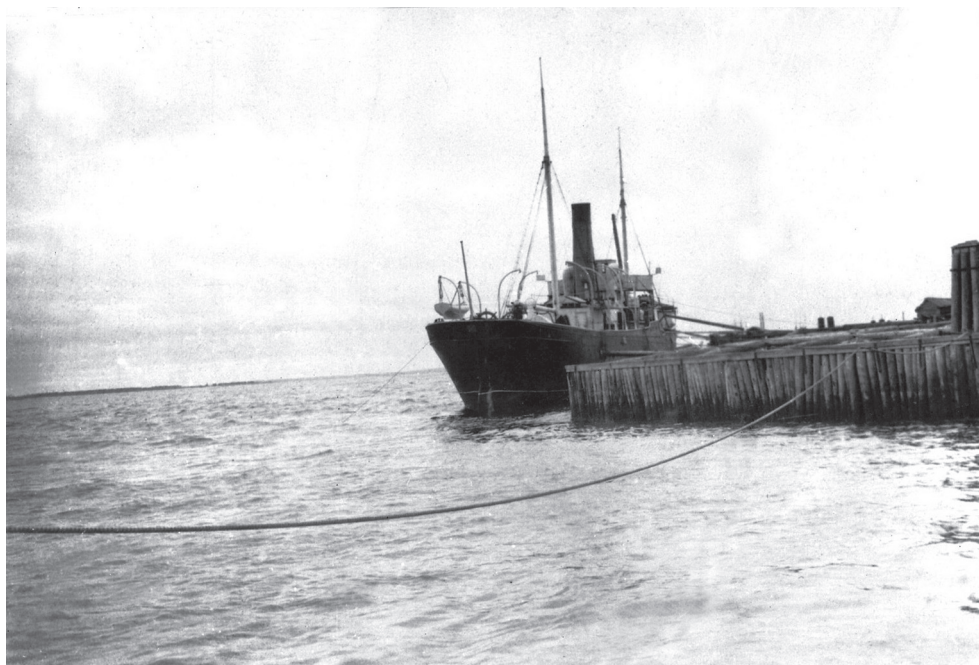
⁴³ *Штром А.* Памяти г<енерал>-м<айора> корп<уса> гидр<ографов> А.М. Бухтеева // Морской журнал. 1939. № 3 (141). С. 3.

⁴⁴ См.: *Аветисов Г.П.* Имена на карте Арктики. СПб., 2009. С. 99.

⁴⁵ См.: Бухтеев Афанасий Михайлович // Кольская энциклопедия. URL: <http://kolaenc.gov-murman.ru/enc/b/index.shtml?page=86&name=pager&base=b&file=index&kol=25&top=1> (дата обращения: 10.01.2011).

⁴⁶ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: В 3 кн. М., 2003. Кн. 3. Т. 4, 5: Вооруженные силы Юга России. С. 789.

⁴⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5982. Оп. 1. Д. 68. Л. 47.

Пароход «Пахтусов», на котором А.М. Бухтеев в 1905–1912 гг. работал на съемке мурманского берега. 1900-е

лет, так вспоминает об эвакуации своей семьи на пароходе «Браунфельз»: «Трюм без окон... без коек, на полу разбросаны маты... лежали на них тело к телу... палубы заполнены... скамеек не было... сидели кто на чем... первые два дня нас не кормили, на третий день дали сухую провизию... через 36 часов пришли из Новороссийска в Константинополь, где простояли неделю... на берег не пускали, так как на пароходе выявились сыпной тиф и скарлатина... Однажды вечером неожиданно отплыли и на следующее утро увидели перед собой почти пустынный остров, гористый, вдали видны какие-то постройки, похожие на сараи, и больше ничего»⁴⁸. Не менее тяжелыми были и первые месяцы пребывания на острове (до начала оказания помощи англичанами). Всего же весной 1920 г. на Лемнос было эвакуировано приблизительно 3500–3550 человек. На июнь 1920 г. в лагерях находилось 3569 эмигрантов. Численность их не была постоянной, что связано со смертностью и рождаемостью, а также отъездом ряда эмигрантов⁴⁹. В октябре 1920 г. три большие партии русских беженцев были отправлены на пароходах в Сербию. Среди них на товаро-пассажирском пароходе «Тамбов», ранее принадлежавшем российскому Добровольному флоту, а в 1918 г. реквизирован-

⁴⁸ Первая волна русской эмиграции на Лемносе // Русский Лемнос. URL: http://ruslemnos.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=19&Itemid=49&limit=1&limitstart=0 (дата обращения: 12.04.2011).

⁴⁹ См.: Там же.

ному британскими властями, отправилась туда и семья Бухтеевых⁵⁰. В 1920–1932 гг. Бухтеевы жили в городе Нови-Бечей.

В этот город был эвакуирован Харьковский девичий институт, ставший последним местом службы А.М. Бухтеева. Об этом учебном заведении необходимо рассказать подробнее. Он был основан 29 апреля 1812 г. При его создании за основу были приняты идеи Смольного института. В уставе нового учебного заведения, написанном ректором Харьковского университета А.И. Стойкевичем, говорилось: «Цель учреждения Института есть чтобы воспитываемым в нем бедным девицам благородных фамилий дать образование и нужные в обществе познания, посредством коих, по выпуску из Института, могли бы они определиться в дома помещиков учительницами к детям их и в случае необходимости собственными трудами своими доставлять себе пропитание; первое попечение воспитателей — посеять и вкоренить в сердцах воспитуемых веру христианскую»⁵¹. В декабре 1918 г. Харьков был занят большевиками (второй раз с начала Гражданской войны). 4 января 1919 г. представители советской власти объявили о ликвидации института в трехдневный срок. Малолетних воспитанниц до 4-го класса они хотели распределить по детским домам, а старших определить на работы⁵². О дальнейших событиях в «Кратком историческом очерке Харьковского девичьего института», написанном в эмиграции, говорится следующее: «...начальница института М.А. Неклюдова с председателем родительского комитета, врачом доктором Ганьшеевым приняли энергичные меры, чтобы до наступления срока ликвидации раздать воспитанниц, среди которых около половины были сиротами, в семьи известных институту помещиков и чиновников. На это дело харьковское общество отозвалось весьма горячо, и в течение 3 дней почти все воспитанницы были разобраны. Оставшиеся были помещены в женское епархиальное училище. Таким образом, большевикам не удалось осуществить их угрозу “классовой мести”. В здании института большевики поместили приют для подкидышей»⁵³.

После освобождения Харькова от большевиков 9 июня 1919 г. деятельность института продолжилась на территории, подконтрольной Белой армии. В ноябре 1919 г. институт был переведен в Новочеркасск, затем в Новороссийск. Далее обратимся вновь к «Краткому историческому очерку...»: «В Новороссийске Неклюдова посетила представителя Сербского Королевства г. Ненадовича и, напомнив ему наше русское отношение к Черногорскому институту, просила связаться с белградским правительством и просить о принятии в свою страну на смутное время Харьковский институт как учебное заведение. Через несколько дней г. Ненадович сообщил, что им получено распоряжение о выдаче виз Институту в Сербию, транзитом через Болгарию»⁵⁴.

29 января 1920 г. преподаватели и воспитанницы на пароходе «Афон» вместе с Донским институтом отплыли в болгарский город Варну. Через месяц, 29 февраля

⁵⁰ См.: ГА РФ. Ф. 5982. Оп. 1. Д. 141. Л. 60.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 387. Л. 1.

⁵² См.: Там же. Л. 3 об.

⁵³ Там же. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Л. 4 об.

1920 г., они прибыли в Варну, где пересели на поезд для отправки в Сербию, и 4 марта прибыли в Белград. Для постоянного пребывания в Королевстве сербов, хорватов и словенцев институту была отведена бывшая Мадьярская школа в городе Нови-Бечей, куда преподаватели и воспитанницы прибыли 8 марта⁵⁵. В довоенный период русские эмигранты в Королевстве СХС оказались в достаточно благоприятных условиях по сравнению с другими странами: «Русский историк Алексей Кириллович Елачич особо отметил: “Русская эмиграция в Югославии живет весьма интенсивной русской жизнью. Но все-таки кажется, что нигде в мире она не одомашнилась столь сильно и не приросла к той почве, которая ее приняла, так, как в Югославии”. Власти нового государства позволили русским открывать свои школы, больницы, библиотеки, читальни и книжные магазины, организовывать свои типографии, печатать газеты, журналы, книги. Простор для культурной деятельности и сохранения русской самобытности был широк»⁵⁶.

Продолжилась в эмиграции и деятельность Харьковского девичьего института. В 1921–1927 гг. было выпущено 265 учениц (30–47 в год)⁵⁷. В 1932 г. для улучшения материального положения Харьковский и Донской девичьи институты были объединены, получив новое название — Русский девичий институт имени императрицы Марии Феодоровны, который был расформирован в военном 1943 г.⁵⁸

Нужно отметить, что А.М. Бухтеев попал в Югославию уже немолодым человеком. Кроме того, на его здоровье отразились тяготы и лишения полярных плаваний и экспедиций, а также Гражданской войны. Поэтому в «Опросном листе» от 14 марта 1923 г. о его состоянии здоровья говорится: «В чем выражается потеря трудоспособности: в болезни ног, опухоли и общей слабости после тифа». В этом же документе отмечено, что А.М. Бухтеев утратил трудоспособность на 75 %, и вынесено заключение: «К труду не способен». Тем не менее, отвечая на вопрос анкеты «Каким трудом мог бы обеспечить свое существование?», пожилой моряк написал: «...вычислительной работой, конторской службой или работой по бухгалтерии»⁵⁹. И действительно, вплоть до слияния Харьковского института с Донским и перевода их из Нови-Бечея А.М. Бухтеев зарабатывал на жизнь уроками математики, которые он давал воспитанницам⁶⁰. С 10 августа 1921 г. занимала должность классной дамы в институте А.К. Бухтеева⁶¹.

После закрытия института в Нови-Бечее семья Бухтеева переселилась в городок Отока, где М.А. Бухтеева, окончившая Белградский университет, получила место врача⁶². О нравственном облике А.М. Бухтеева говорит следующий факт:

⁵⁵ См.: ГА РФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 387. Л. 4 об.

⁵⁶ *Йованович М.* Как братья с братьями: Русские беженцы на сербской земле // Родина. 2001. № 3. С. 25.

⁵⁷ См.: ГА РФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 387. Л. 6 об.

⁵⁸ См.: *Косик В.* Зарубежная Россия: русская молодежь в эмиграции // Русская газета. 2005. 21 июля. № 28 (99).

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6792. Оп. 1. Д. 157. Л. 67.

⁶⁰ См.: *Штром А.* Памяти... А.М. Бухтеева. С. 3.

⁶¹ См.: ГА РФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 560. Л. 9.

⁶² См.: *Штром А.* Памяти... А.М. Бухтеева. С. 3.

«За два месяца до своей кончины А.М., отвечая на поздравление его с корпусным праздником (6 ноября. — *Н. К.*), между прочим, писал: “Здоровье мое совсем сдало, вот уже пять месяцев мучаюсь от тяжелой болезни. Теперь, когда такая масса людей страдает от войны, как будто легче страдать за компанию”»⁶³. 15 января 1940 г. А.М. Бухтеев скончался в Отоке на руках у жены и дочери.

Говоря о вкладе А.М. Бухтеева в развитие отечественной гидрографии, справедливо будет сравнить его с другими выдающимися исследователями этого периода. Историк С.В. Попов отмечал заслуги «выдающихся русских гидрографов А.И. Вилькицкого, М.Е. Жданко, Ф.К. Дриженко, А.М. Бухтеева. Эти люди приблизительно одного возраста, родившиеся на стыке 50-х и 60-х годов прошлого (XIX. — *Н. К.*) века. Все, за исключением выпускника Московского университета Жданко, окончили Морской корпус, в молодости получили хорошую морскую практику в дальних плаваниях на военных кораблях. В конце жизни все стали генералами Корпуса гидрографов и занимали высокие руководящие должности в русской гидрографии»⁶⁴. К этому можно лишь добавить, что из числа названных лиц лишь Афанасию Михайловичу Бухтееву довелось умереть вдали от России и увидеть, с одной стороны, крушение той страны, службе которой он отдал всю жизнь, с другой — увидеть достижения своих коллег-гидрографов (часть которых была его учениками и соплавателями), плававших уже под советским военно-морским флагом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А.М. БУХТЕЕВА⁶⁵

1. Определение астрономического пункта на Новой Земле // Морской сборник. 1897. № 4. Неофициальный раздел. С. 187–209.
2. Полное затмение солнца 27 июля (8 августа) 1896 г., наблюденное офицерами транспорта «Самоед» на Новой Земле // Известия Императорской Академии наук. 1897. Т. 6. № 1. С. 17–26.
3. Определение астрономических пунктов на берегах Байкальского озера в 1897 г. // Записки по гидрографии. 1898. Вып. XIX. С. 1–20.
4. Дальномерная магистраль // Записки по гидрографии. 1902. Вып. XXIV. С. 250–274.
5. Гидрографические работы на Мурмане в 1903 году // Записки по гидрографии. 1904. Вып. XXVI. С. 227–258.
6. Определение по телеграфу долготы города Александровска на Мурмане от Пулкова // Записки по гидрографии. 1905. Вып. XXVII. С. 23–46. [В соавторстве с Г.С. Максимовым.]

⁶³ *Штром А.* Памяти... А.М. Бухтеева. С. 3.

⁶⁴ *Попов С.В.* Автографы на картах. Архангельск, 1990. С. 79.

⁶⁵ Список трудов приведен в хронологическом порядке. Составлен на основе алфавитного каталога Российской государственной библиотеки и издания: Указатель статей «Записок по гидрографии» 1884–1947 гг. (с начала издания). [Л.], 1948. В списке не учтены отдельные отски работы, опубликованных в периодике.

7. Триангуляция Черного и Азовского морей. СПб., 1907⁶⁶.
8. Опись русских морей. Карты и лоции: Сборник кратких сведений по Морскому ведомству, подготовленный к XI Международному судоходному конгрессу. СПб., 1908. [Издание было также выпущено на французском языке.]
9. Глубомер Клаузенса // Записки по гидрографии. 1908. Вып. XXIX. С. 1–7.
10. Очерк последовательного хода и современного состояния описи русских морей // Записки по гидрографии. 1909. Вып. XXX. С. 108–149.
11. Наблюдения приливов на Мурмане и обработка этих наблюдений // Записки по гидрографии. 1910. Вып. XXXII. С. 66–104; прилож.
12. Основные астрономические пункты Русской полярной экспедиции 1900–03 гг., определенные астрономом экспедиции Ф.Г. Зебергом в 1900, 1901 и 1902 гг. СПб., 1911.
13. Астрономическое определение места маяка Городецкого на Терском берегу Белого моря // Записки по гидрографии. 1911. Вып. XXXIII. С. 306–316.
14. Приливы у сибирского побережья Северного Ледовитого океана по наблюдениям Русской полярной экспедиции в 1903 г.: В 2 т. СПб., 1912–1915.
15. Отчет о командировке в Париж в октябре 1912 г. на Международную конференцию по вопросу о радиотелеграфной передаче времени // Записки по гидрографии. 1913. Вып. XXXVI. С. 212–231.
16. Подача и прием радиотелеграфных сигналов времени // Записки по гидрографии. 1913. Вып. XXXVII. Часть II. С. 261–302. [В соавторстве с А.М. Щастным.]
17. Триангуляция Западного Мурмана // Записки по гидрографии. 1914. Т. XXXVIII. Вып. 3. С. 358–408.
18. Данные о приливах Северного Ледовитого океана (в пределах русских его берегов) и Белого моря // Записки по гидрографии. 1916. Т. XL. Вып. 1. С. 86–128.

⁶⁶ За эту работу А.М. Бухтеев был удостоен золотой медали на Международной морской выставке в Бордо в 1907 г. (см.: Антошкевич А.В., Комарицын А.А., Смирнов В.Г., Фридман Б.С. История морского картографического производства... С. 243).

А. С. Кручинин

«КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ БРОШЮРА»
ГЕНЕРАЛА Я.А. СЛАЦОВА-КРЫМСКОГО:
К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКОМ И ЖАНРОВОМ
СВОЕОБРАЗИИ

Генерал Яков Александрович Слещов (1885–1929), последним из русских военачальников удостоенный почетного титула-приставки к фамилии («Крымский», которой главнокомандующий Русской армией барон П.Н. Врангель отметил его заслуги по обороне Крыма от численно превосходивших советских войск в зимне-весеннюю кампанию 1920 г.), не может не привлечь внимания исследователя и как один из первых мемуаристов, по горячим следам запечатлевших события Гражданской войны. В ноябре 1920-го он покинул родную землю, эвакуировавшись за границу в составе Русской армии, а уже 14 января 1921 г. в Константинополе, в издательстве М. Шульмана вышла в свет книга¹, которую сам генерал впоследствии называл «константинопольской брошюрой»². Она имела громкий (по мнению некоторых, даже крикливый) заголовок: «Требую суда общества и гласности. (Оборона и сдача Крыма.) Мемуары и документы» — и сразу же вызвала оживленную полемику. Впрочем, и сейчас, когда страсти вокруг «константинопольской брошюры», казалось бы, окончательно отошли в прошлое, она не утратила значения и не затерялась среди многообразия эмигрантской мемуаристики, являясь ценным источником по истории Белого движения и первого периода пребывания русских изгнанников на чужой земле³.

Сразу же следует отметить, что сам автор, чье имя стоит на обложке книги, загадал будущим исследователям загадку, утверждая в 1923 г.: «...писал ее не я, а генерал Киленин» (генерал Н.А. Киленин был прикомандирован к «состоявшему в распоряжении главнокомандующего» Слещову еще летом — осенью 1920 г., когда Яков Александрович занимался «украинским вопросом» и делами «улучшения быта военнослужащих»)⁴. «Смена» авторства согласно рассказу Слещова была связана с полемическим характером книги, которая содержала резкую критику действий Врангеля в 1920 г. и возлагала на него ответственность за проигрыш кампании и за то, что эвакуированные из Крыма войска и беженцы оказались на чужбине в

¹ *Слещов-Крымский Я.А.* Требую суда общества и гласности: (Оборона и сдача Крыма): Мемуары и документы. Константинополь: Книгоизд-во М. Шульмана, 1921.

² См.: *Слещов Я.А.* Крым в 1920 г.: Отрывки из воспоминаний. М.; Л.: Гос. изд-во, [1924]. С. 143.

³ Первую попытку анализа мемуаров Я.А. Слещова см. в нашей работе: *Кручинин А.С.* Воспоминания генерала Я.А. Слещова-Крымского как источник по истории Гражданской войны в России // Библиотека и история: Сб. науч. тр. / Государственная публичная историческая библиотека России. Вып. 4. М., 1998. С. 118–140.

⁴ *Слещов Я.А.* Крым в 1920 г. С. 130, 142.

весьма тяжелом положении. Публичный, а не ограничивающийся только частной перепиской конфликт с главнокомандующим мог навлечь на автора гонения: «...в момент набора книги, — пишет Слащов, — контрразведка так стала запугивать, что Киленин испугался. <...> ...Киленин отказался поставить свое имя на брошюре, которая почти целиком состояла из моих документов. Тогда я, уже связанный получением задатка и неустойкой, должен был срочно поставить на книжке свою фамилию и попросить заменить слова “комкор” (командир корпуса — должность, которую Яков Александрович занимал в 1920 г. — А.К.) и “Слащов” словом “я” (т. е. перевести повествование из третьего лица в первое. — А.К.)»⁵.

Окончательного решения проблема авторства «константинопольской брошюры», скорее всего, никогда не получит, однако некоторые соображения на этот счет могут быть высказаны. С одной стороны, своеобразная «презумпция невиновности» не дает оснований игнорировать свидетельство Слащова, что Киленин помогал ему при подготовке книги, и вполне правдоподобно, что Якова Александровича устроило бы, если бы она была подписана человеком сторонним, не участвовавшим в конфликте с Врангелем; правда, подчиненное положение Киленина по отношению к Слащову все равно могло вызвать обвинения в пристрастности и зависимости «автора» от «главного героя» книги. В то же время сжатые сроки подготовки рукописи (последний из помещенных в книге документов датирован 26 декабря 1920-го, а вышла она, как мы помним, 14 января следующего года) заставляют с сомнением отнестись к предположению, будто текст Киленина успел подвергнуться серьезной стилистической переработке со стороны Слащова. Стиль же книги представляется весьма своеобразным и заслуживает специального обсуждения.

Хотя уже в 1921 г. рецензент парижских «Последних новостей» высокомерно назвал ее всего лишь «бессистемным сборником рапортов и донесений»⁶, — в действительности собственный авторский текст, даже в тех случаях, когда он выполняет служебную функцию «связок» между публикуемыми документами, отнюдь не заслуживает пренебрежения. Яркие и эмоционально окрашенные «связки» играют, на наш взгляд, существенную роль в поддержании общей «тональности» книги, ее полемиического накала, создают выразительную речевую характеристику автора. Именно поэтому имеет смысл сопоставить авторский текст «константинопольской брошюры» с документами, неоспоримо принадлежащими Слащову.

Яков Александрович вообще относился к числу военачальников, предпочитающих непосредственно общаться с войсками и населением. Благодаря этому образцы его речи, письменной, а может быть, и устной (диктовка?), сохранились в сравнительно большом количестве как среди документов, выходявших из корпусного штаба, так и в газетных публикациях, призванных ознакомить широкую общественность со взглядами генерала. (Иногда он не останавливался и перед вступлением в газетную полемику, не боясь играть при этом на чужом поле и не подменяя спор с оппонентами административными мерами, направленными против последних.) Живой голос Слащова звучит с архивных листов и газетных страниц:

⁵ Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 142–143.

⁶ Не-Буква [Василевский И.М.] На пепелище // Последние новости. 1921. 4 фев. № 243. С. 2.

«...Повторно разъясняю, что мне ген<ералом> Шиллингом приказано удерживать Крым и что я это выполняю во что бы то ни стало, и не только попрошу, а заставлю всех помочь. Мешающих же этому сопротивлением и индифферентностью из-за корыстных целей, наносящих вред борцам за Русь Святую, говорю заранее: упомянутая бессознательность и преступный эгоизм к добру не поведут. Пока берегитесь, а не послушаетесь — не упрекайте за преждевременную смерть...»⁷

«...На основании ложных не проверенных слухов мелкие команды пополнения, следовавшие на фронт, не ускорили (в записи телеграммы — «не ускорив». — А.К.) свой шаг вперед и не пришли на помощь честно выполнившим свой долг, а повернули назад. Советую вернуться, пока не поздно. Предупреждаю, что все, без дела болтающиеся в тылу, грабящие население, предательски оставляющие без поддержки своих братьев в бою, будут мною беспощадно (дефект записи, по смыслу — «уничтожаться». — А.К.) как паразиты морального сыпняка...»⁸

«...Раз навсегда положить конец этим безобразиям и насилиям, виновных — расстреливать на месте. Исполнение сего приказа возлагаю на начальников частей и отрядов, начальников гарнизонов и командиров Государственных страж (так в документе. — А.К.). Начальников, не исполнивших сего приказа, — расстреляю сам...»⁹

«...Небрежность в этом вопросе (обустройства тыловых лазаретов. — А.К.) объявляю помощью большевикам.

...При первой возможности осмотрю сам, и виновные, берегись...»¹⁰

«...Вновь повторяю и категорически требую внушить всем, что на каждое наступление противника необходимо немедленно отвечать переходом в контр-наступление, не боясь численного перевеса красных. Стыдно, у нас зачастую на должностях рядовых — специалисты военного дела — офицеры, а у красных?..»¹¹

«...Поражаюсь, что профессиональные союзы с трудом сдерживают волнение рабочих. Неужели они так далеко стоят от них, что преступления отдельных лиц могут поколебать положение избранных. Если избранные настолько слабы, то я берусь поговорить с рабочими, так как твердо уверен, что у них здоровый смысл возьмет верх над всякой провокацией...»¹²

«...Объявляю комическую телеграмму капитана Орлова (командира добровольческого отряда, дважды восстававшего под лозунгами «оздоровления тыла» и «обер-офицерской революции». — А.К.)...

...Мне остается спросить капитана Орлова: 1) Почему Вы подчинились моему приказу — не потому ли, что я пригрозил Вам опубликовать нашу переписку? 2) Почему Вы вторично восстали — не потому ли, что я потребовал от Вас отчета в деньгах? 3) Почему Вы считаете себя защитником России — неужели потому,

⁷ Цит. по факсимильному воспроизведению в: Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). [Симферополь]: Крымгосиздат, 1927. С. 289.

⁸ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 39696. Оп. 1. Д. 54. Л. 6 об., 7.

⁹ Там же. Л. 15.

¹⁰ Там же. Л. 27.

¹¹ Там же. Л. 40.

¹² Освобождение общественных деятелей // Юг (Севастополь). 1920. 20 февр. [ст. ст.] № 168. С. 1–2.

что Вы бежали с фронта? 4) Почему Вы объявляете о движении своих армий на все города Крыма — неужели потому, что имеете 16 человек?..»¹³

«...Никогда ничего против совместной работы с комитетами и с союзами не имел. Но предатели России живыми не останутся. Фронт будет диктовать тылу, а не тыл фронту. 10 прохвостов вчера расстреляны по приговору военно-полевого суда, а сегодня утром взяты Чаплинка и Преображенка, масса пленных и трофеи...»¹⁴

«...В № 185 газеты “Юг” от 12-го сего марта помещена статья “Вторжение в судебную сферу”. Составителям ее советую перечесть и подумать, не придется ли ее переименовать (если бы я ее послушался): “Вторжение большевиков в Крым”...»

Отвечаю: 1) дело не десяти, а четырнадцати разобрано судом от фронта. 2) Рабочие ко мне не обращались. 3) Я беспокоился о судьбе Крыма с находящимися в нем семьями, за которые отвечаю перед Родиной и своей честью, и потому одновременно разбил противника и утвердил приговор о расстреле предателей...»¹⁵

Как видим, многие из слещовских приказов, объявлений, писем, переговоров имели «устрашающий» характер, и надо сказать, что своей цели они достигали. Один из анекдотов на эту тему рассказывает генерал П.И. Аверьянов: «В Симферополе в виде протеста против какого-то распоряжения Слещова местные купцы и торговцы закрыли магазины и лавки. Горожане сообщили Слещову. Последовала от Слещова телеграмма по адресу купцов: “Немедленно открыть лавки, иначе приеду. Слещов”. В один миг все торговые учреждения были открыты»¹⁶. Показателен также пример красного подпольщика, годы спустя процитировавшего широко известный в Крыму приказ генерала — явно по памяти, но близко к тексту подлинника¹⁷. Но разумеется, не только к противникам — открытым, тайным или потенциальным, — но и к соратникам обращался Яков Александрович, и тогда в его приказах звучали искренняя благодарность, уважение, неподдельная теплота.

«Примите сами с Вашим начальником штаба и остальными офицерами — участниками четырехдневного тяжелого боя от лица службы мою глубокую благодарность за услугу, оказанную России. Всем солдатам передайте от меня “спасибо, братья”. Представьте героев к наградам, а офицеров по должностям и подвигам <—> к производству. Как человек, низко кланяюсь всем», — писал он командующему боевым участком¹⁸. Прощаясь со своим начальником штаба, генералом Г.А. Дубяго, ушедшим на другую должность, Слещов, вспоминая «прошлогоднее победоносное шествие от Ак-Маная через Перекоп на Береславль, геройское взятие Николаева, где полковник Дубяго лично впереди цепей тащил пулеметы, а потом теперешнюю защиту Крыма», завершал: «Поэтому могу сказать тебе, дорогой Георгий Александрович, только: “Спасибо, родной, и <да> хранит тебя Бог и в дальнейшем”» (приказ был опубликован в газетах)¹⁹. Наконец, в од-

¹³ Орловщина // Юг (Севастополь). 1920. 8 марта. № 182. С. 3.

¹⁴ Дело десяти // Там же. 14 марта. № 187. С. 2.

¹⁵ Возражение генерала Слещова «Югу» // Там же. 18 марта. № 188. С. 3.

¹⁶ Аверьянов П.И. Генерал Слещов-Крымский // Новый исторический вестник: Избранное, 2000–2004. [М.], [2004]. С. 260. (Библиотека «Нового исторического вестника»).

¹⁷ См.: Киселев Л.В. В Крыму (1919–1920 годы) // Новый мир. 1967. № 8. С. 182.

¹⁸ РГВА. Ф. 39696. Оп. 1. Д. 54. Л. 31.

¹⁹ Приказ 2-му армейскому корпусу № 276/а от 26 апреля 1920 года // Вечерний курьер (Симферополь). 1920. 29 апр. № 11. С. 3.

ном из официальных приказов (Крымскому корпусу от 15 апреля 1920 г. за № 99) Слащов приводит даже своего рода «зарисовку с натуры» (случай, в «приказной литературе» вообще крайне редкий):

«Сего числа Верховный Вождь наш генерал Врангель произвел смотр, кроме всех остальных войск, также небольшой части моего резерва — юнкеров, моего конвоя и летчиков.

Отзыв Верховного Вождя: “Давно не видал таких частей”.

Я доложил на это: — “Могу ли я, имея таких молодцов, сдать свой боевой участок?”

Верховный Вождь ответил: “Нет, за вас я спокоен”.

Я же говорю всем, как и раньше: “не уйду”, а героям: — “спасибо, братья, за то, что вы только спасаете Россию”.

Верховный Вождь генерал Врангель и я — с вами. От меня земной поклон — больше благодарить не умею»²⁰.

Сразу же приведем для сравнения две подобные зарисовки, также содержащие диалоги, — одну из «константинопольской брошюры», вторую из мемуаров Слащова, написанных в Москве, после того как генерал в ноябре 1921 г. неожиданно для многих недавних соратников уехал из Константинополя в РСФСР:

«Ставка колебалась.

Генерал Коновалов телеграфирует мне: “Движение противника на Мелитополь угрожает Вашему тылу”.

Я отвечаю: “Ну что же, я буду продолжать свою операцию”.

На это — новый запрос генерала Коновалова: “Но ведь, двигаясь на Мелитополь, Жлоба (командующий советской группировкой. — А.К.) отрежет Вам тыл”.

Отвечаю: — “Ну что же, противник на Мелитополь, а я — на Пологи (база красных)”»²¹.

Вторая зарисовка:

«Еле успев поздороваться, он (Врангель. — А.К.) потащил меня к карте, и произошел приблизительно следующий разговор. Врангель: “Вы знаете, Буденный здесь” (палец ткнулся в Н<ово>-Алексеевку).

Я. — Сколько?

В<рангель>. — 6–7 тысяч.

Я. — Откуда он, с неба или... Каховки?

В<рангель>. — Шутки неуместны: конечно с Каховки.

Я. — Значит, мои расстроенные нервы оказались правы. К сожалению, они расстроились еще больше. Вы хотите знать мнение расстроенных нервов. Если да, — они просят изложения обстановки...»²²

На наш взгляд, все три процитированные фрагмента стилистически довольно близки, несмотря на то что участие генерала Киленина в написании первого — практически невероятно (он появляется среди сотрудников Слащова намного позже), а последнего — полностью исключено. Слащовский же стиль официаль-

²⁰ Приказ Крымскому корпусу // Таврический голос (Симферополь). 1920. 21 апр. № 207 (357). С. 1.

²¹ Слащов-Крымский Я.А. Требую суда общества и гласности: (Оборона и сдача Крыма): Мемуары и документы. 2-е изд. Константинополь: Книгоизд-во М. Шульмана, 1921. С. 23.

²² Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 137.

ных документов 1920 г. вообще, как нам кажется, весьма схож со стилем авторских «связок» «константинопольской брошюры»: мы видели отрывистую, резкую, окрашенную яркой индивидуальностью автора речь приказов и телеграмм, склонность Якова Александровича к иронии, его повышенную эмоциональность (даже, по мнению многих, нервность), практическое отсутствие границы между устной и письменной речью, явную спешку при написании и опубликовании (передаче) соответствующих текстов, которая может создавать впечатление сумбурности, косноязычия (так, в апрельском приказе-«зарисовке» малопонятная неподготовленному читателю фраза «говорю всем, как и раньше: “не уйду”» отсылала к неоднократно повторявшемуся Слещовым обязательству «я из Крыма не уйду» — т. е. не уступлю, не сбегу, не отдам Крым большевикам, — принятому им на себя при возглавлении обороны полуострова). Подобными признаками характеризуются и «связки» в тексте «константинопольской брошюры»:

«...Дело как будто бы шло хорошо.

Но это только так казалось, ибо сейчас же дальше начались домашние счеты.

Перевернуть того, что кто-то исполнил свой долг и выполнил свою задачу — не могли...»²³

«...Апрельская атака красных по всему фронту кончилась нашей победой:

— видя тяжелое положение, атаковали мы сами.

Взяты были даже позиции противника.

Доблесть войска спасла все...»²⁴

«...Генерал Врангель на этот мой рапорт ответил, что я утрирую обстановку и что всякий суд надо мной и отставка моя вредны для дела.

Так как он (генерал Врангель) считает, что я подорвал свои силы при обороне Крыма, то он просит меня полечиться, для чего ассигнуется валюта. Лечиться же мне нужно в германских санаториях.

Я отказался и заявил, что зря народных денег тратить не буду...»²⁵

«...После этого он (полковник Протопопов, расстрелянный по приговору, который был утвержден Слещовым. — А.К.) получил приказ выступить против взбунтовавшегося Орлова, но вместо этого — присоединился к последнему.

Тогда я отдаю приказ:

“Немедленно прибыть полковнику Протопопову к генералу Слещову”.

Протопопов и последний приказ тоже не исполнил, и к тому же, когда навели справки, то и чин его оказался сомнительным.

Протопопова поймал и приказал расстрелять.

Тот, кто знает дисциплинарный устав, — знает, что я имел право на это, ибо карал за измену в обстановке боя...»²⁶

Значит ли это, что Слещов просто не умел говорить по-другому? Вовсе нет, — и потому более «уравновешенные», выдержанные в «традиционном» повествовательном стиле страницы той же «константинопольской брошюры» отнюдь не являются свидетельством вторжения в текст чьей-то чужой руки или «двойного авторства»

²³ Слещов-Крымский Я.А. Требую суда... С. 10.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же. С. 49.

²⁶ Там же. С. 50.

тех или иных фрагментов. Выше мы упомянули, что в обсуждавшихся слащовских текстах граница между устной, разговорной и письменной речью довольно условна, теперь же заметим, что более определенное разграничение проходит между специально-военными текстами (будь то оперативные приказы или написанные через несколько лет статьи) — и «всем прочим», что волновало Якова Александровича и побуждало его взяться за перо или диктовать адъютанту или телеграфисту.

По-видимому, сам Слащов если и не осознавал до конца, то по крайней мере интуитивно ощущал эту границу: не случайно в полемической «константинопольской брошюре» он после самоустранения Киленина «заменяет слова “комкор” и “Слащов” словом “я”», а в цикле статей «Материалы по истории гражданской войны в России» (1922)²⁷, имевшем прикладной военно-научный характер (хотя написанном тоже по воспоминаниям), — напротив, вообще отказывается от каких-либо имен, ограничиваясь должностями («командвойск Новороссии», «начдив 4», «комкор 3», «начкавбригады» и т. д.); правда, и в последнем случае он то и дело не может удержаться от иронии или характеристик, имеющих не столько служебную, сколько личную подоплеку.

Впрочем, все приведенные рассуждения, конечно, не могут окончательно решить вопрос об авторстве «константинопольской брошюры» хотя бы потому, что нам неизвестны какие бы то ни было тексты, которые неоспоримо принадлежали бы генералу Киленину, и, следовательно, наблюдения над стилем брошюры и возможные сопоставления оказываются односторонними. Содержание книги, однако, также дает основания для некоторых предположений.

К примеру, в связи со сфабрикованным против Слащова в августе 1920 г. уголовным делом автор брошюры приводит слова Якова Александровича: «...предупреждаю и передайте об этом генералу Петрову (коменданту Главной квартиры. — А. К.), что моему адъютанту <я> запретил давать какие-либо сведения о моих выездах, которые от него потребовал генерал Петров в целях надзора, и что вообще за такие вещи я могу разделаться по-свойски, а следователя спустить с лестницы», — с комментарием: «Это было сказано громко»²⁸. Такой способ защиты и самооправдания представляется, однако, по меньшей мере спорным, и вряд ли осторожный Киленин (согласно свидетельству Слащова учитывавший обстановку вокруг будущей брошюры) стал бы таким образом делать ее главного героя объектом издевок и критики (а ведь, к примеру, полковник-юрист А. Попов, писавший о врангелевской юстиции, специально отмечал, и отмечал как раз в связи с «книжкой» Слащова: «Дело это прежде всего не закончено, хотя ген<ерал> Слащов, по-видимому, полагает, что угрозой его спустить военного следователя с лестницы вопрос о какой-либо уголовной ответственности его совершенно исчерпан»²⁹). Напротив, для Якова Александровича было достаточно сознания собственной моральной правоты — в самом деле, ведь не

²⁷ Слащов Я.А. Материалы по истории гражданской войны в России: (Операции белых, Петлюры и Махно на Украине в последней четверти 1919 года) // Военный вестник. М., 1922. № 9/10, 11, 12, 13.

²⁸ Слащов-Крымский Я.А. Требую суда... С. 52.

²⁹ А. Попов. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь: Типография Л. Бабок и сыновья, 1921. С. 51. Автор установлен по: Калинин И.М. Под знаменем Врангеля: Записки бывшего военного прокурора. Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1925. С. 56.

занимался же он «умышленными убийствами, изнасилованиями, разбоем, грабежом и умышленным зажигательством или потоплением чужого имущества», которые ему инкриминировались! — и на этом фоне противоправное намерение «разделаться по-своему» именно в его глазах не должно было становиться чем-то предосудительным.

Обратим внимание также на заключительные слова «константинопольской брошюры»: «...Судите меня, но одновременно судите и тех, кого я обвиняю»; «Родина им простить не может, потому что Крым был неприступен, а войска дрались геройски, так пусть виновников простит Бог (разрядка первоисточника. — А.К.), как сказал старый вождь генерал Деникин, за то зло, которое нанесено ими Русскому делу»³⁰. Здесь имеется в виду фраза из личного письма А.И. Деникина П.Н. Врангелю (февраль 1920 г.), написанного в связи с интригами последнего в «борьбе за власть»: «Когда-то, во время тяжелой болезни, постигшей Вас, Вы говорили <генералу> Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...»; «Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло». Однако, публикуя свое письмо в пятом томе «Очерков русской смуты» (1926), Деникин сделал примечание: «Предаю гласности впервые»³¹, — и у нас нет оснований его игнорировать. А тогда круг тех, кто все-таки знал о деникинских словах, приходится считать крайне узким, и включение в него скромного генерала Киленина не кажется нам правдоподобным, — Слащов же в военной иерархии белого Крыма занимал одно из первых мест и, соответственно, мог быть намного лучше информирован.

Итак, даже не ставя последней точки в вопросе об авторстве «константинопольской брошюры», мы должны сделать вывод, что участие в ее написании (именно написании, а не составлении!) Якова Александровича представляется неоспоримым и весьма активным. В принципе можно предположить, что написание и составление были до известной степени разделены и роль Киленина заключалась в подборе и, наверное, каком-то комментировании документов, которые должны были стать основой книги. Допустима и версия — хотя она и кажется нам чересчур смелой, — что сборник документов и публицистический памфлет... вообще изначально являлись двумя различными текстами: писала же в январе 1921 г., еще до выхода «константинопольской брошюры» берлинская газета «Руль» об издании Слащовым «листка под заглавием “Я обвиняю”».

Впрочем, содержание последнего излагалось не очень вразумительно: «...приводит ряд примеров “обвинений” против ген<ерала> Врангеля: тут и нежелание оборонять Крым, и невнимание к советам ген<ерала> Слащова, и какие-то “делки с валютой”, и т. д. В конце ген<ерал> Слащов приводит ряд своих рапортов на имя ген<ерала> Врангеля, ген<ерала> Шатилова и А.В. Кривошеина, в которых он “предвидел” неизбежное падение Крыма и предупреждал о необходимости принять экстренные меры защиты Перекопа»³². Простое перечисление как будто противоречит самому жанру листка, предполагающему небольшой объем, состав же перечисленных документов по версии «Руля» весьма примечателен:

³⁰ Слащов-Крымский Я.А. Требую суда... С. 93.

³¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 3 кн. М., 2003. Кн. 3. Т. 4, 5: Вооруженные силы Юга России. С. 784. (Библиотека истории и культуры).

³² Ген<ерал> Слащов // Руль. 1921. 6 янв. № 42. С. 4.

ведь в «константинопольской брошюре» нет ни одного письма («рапорта») Якова Александровича на имя главы Правительства Юга России А.В. Кривошеина, а начальник штаба главнокомандующего генерал П.Н. Шатилов упоминается лишь как передаточная инстанция для рапортов на имя Врангеля; практически отсутствует в брошюре и обсуждение каких-либо валютных операций.

Проще всего предположить, что перед нами — журналистская ошибка, искажение информации при передаче из «русского Константинополя» в «русский Берлин» или домыслы газетчика, услышавшего что-то о рапортах Слащова и связавшего их ничтоже сумняшеся с самыми известными именами крымского периода Гражданской войны. В любом случае содержание «листка», даже если считать его самостоятельным текстом, не повторенным «константинопольской брошюрой», вряд ли оставляет много шансов на правдоподобие версии об объединении в окончательном варианте «документов» Киленина и «обвинений» Слащова.

Расхождения в содержании (в составе приводимых документов) гипотетического «листка» и увидевшей свет книги можно объяснить, обратившись к воспоминаниям Якова Александровича: «Французская контрразведка изъяла всю переписку, касавшуюся роли французов в Крымской обороне» (Слащов считал, что на стратегию Врангеля оказывали пагубное влияние представители Франции, руководствовавшиеся интересами своей страны; этим он объяснял и «испуг» Киленина)³³. Тогда и характеристика Слащова: «Книжка получилась куцая, мало понятная, без надлежащего освещения и полноты описываемых событий»³⁴ — перестает казаться эмоциональной и чрезмерно самокритичной (первый из известных нам отзывов прессы, напротив, утверждает: «Книга безусловно сенсационная и читается с интересом»³⁵), а сводится просто к констатации вторжения в готовый текст посторонней силы: военная администрация стран Антанты и вправду могла вести себя в столице проигравшей мировую войну Турции со всей бесцеремонностью.

С тем же посторонним вмешательством предположительно может быть связана и одна несообразность в тексте: «Так описывает операцию по овладению Северной Таврией беспристрастный зритель», — говорит Слащов³⁶, хотя предшествующее повествование ведется не просто с его точки зрения, но и прямо от его имени, а посчитать генерала «беспристрастным зрителем» в этом случае никак нельзя. Правда, столь же вероятно и обратное предположение — не изъятие из готового текста каких-либо документов «беспристрастного зрителя», а поздняя вставка авторского фрагмента Слащова, как раз перед которым помещена статья «зрителя» из газеты «Заря России» — источник действительно сторонний, даже если и небеспристрастный³⁷. Наконец, несообразность допустимо связать и с какими-то техническими неполадками, о которых бегло упоминает генерал: «Печатание шло с трениями, — выпал шрифт...»³⁸, — так что неоспоримым пред-

³³ Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 142–143.

³⁴ Там же. С. 143.

³⁵ Книга генерала Слащова // Последние новости. 1921. 20 янв. № 230. С. 3.

³⁶ Слащов-Крымский Я.А. Требую суда... С. 23.

³⁷ См.: Там же. С. 21, 23.

³⁸ Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 143.

ставляется только отсутствие (или небрежность) редактуры, легко объяснимая недостатком времени, а может быть, и взвинченным состоянием, в котором, судя по всему, пребывал в те дни Яков Александрович.

Заговорив о приводимых Слащовым документах, следует подчеркнуть, что они составляют не только существенную, но и неотъемлемую, композиционно необходимую часть «константинопольской брошюры», — и это также становится доводом против предположения о самостоятельности «сборника документов Киленина» и «листка-памфлета Слащова». Принцип цитирования внешних источников, кажется, раскрывает взгляды автора на ценность документа самого по себе: приказы, телеграммы, письма, свои и чужие, практически никогда не пересказываются и не даются в извлечениях, а приводятся в первоизданном виде, включая датировку, делопроизводственные номера и т. д. При этом Яков Александрович обращается к документам вовсе не с целью осветить что-либо находившееся за пределами его личных наблюдений, а как бы в качестве «прямой речи», заменяя ими опосредованное изложение событий, размышлений или оценки ситуации. Аутентичность источника, по мысли Слащова, должна была, очевидно, подкреплять его авторскую позицию, убеждать читателя в ее обоснованности и соответствии исторической правде.

Но не приписываем ли мы Слащову взглядов, которых он в действительности не придерживался? Ведь в воспоминаниях, написанных им в Москве, генерал лишь трижды прибегает к прямому и полному цитированию источников³⁹, причем в одном случае делает примечание: «Подлинный текст... отпечатан в константинопольской брошюре документов» (похожую ссылку он дает и при пересказе другого источника: «Это донесение... полностью опубликовано в Константинопольской брошюре моих документов (страницы 6, 7)»)⁴⁰. Не более полезной для подсоветского читателя должна была стать и другая ссылка Слащова: «См. крымские белые газеты за февраль — март 1920 г.»⁴¹ — источник, далеко не самый доступный в СССР. Следует, однако, обратить внимание на разницу в настроениях и целях Якова Александровича на рубеже 1920 и 1921 гг. и в 1922–1923 гг. «Константинопольскую брошюру» он очень хотел поскорее написать и издать — это было единственным оставшимся ему средством борьбы за сохранение на чужбине Русской армии, предотвращение ее деморализации и устранение от командования лиц, которых он считал ответственными за крымскую катастрофу и скомпрометированными. Напротив, в «Совдепию» генерал ехал уж явно не для занятий литературным трудом.

«Прошу строевой должности», — зафиксировано в его опросном листе, заполненном сразу же после приезда в Москву, 10 ноября 1921 г.⁴² «Последнее время при своей жизни (так в первоисточнике. — А.К.) он усиленно стремился получить обе-

³⁹ См.: Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 32–33, 109–110, 121–122.

⁴⁰ Там же. С. 32, 65.

⁴¹ Там же. С. 49.

⁴² Ответы генерал-лейтенанта Я.А. Слащова на заданные ему в ВЧК вопросы // Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание, 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. М., 1998. С. 94 (документ № 139).

щанный ему корпус. Каждый год исписывал гору бумаг об этом», — рассказывал бывший сослуживец Слащова по московским курсам «Выстрел» С.Д. Харламов⁴³. Но советское руководство, очевидно не веря (и, похоже, обоснованно), что защитник Крыма перешел к ним для «честной» службы в Красной армии, предполагало (утвержденный Политбюро ЦК РКП(б) проект Л.Д. Троцкого и И.С. Уншлихта):

«5) Ввиду настаивания Слащова и других на предоставлении им военных должностей, преимущественно строевых, ответить им, что военное ведомство несомненно рассчитывает приобрести в их лице ценных работников, но что окончательное определение характера работы сможет произойти только после того, как Красная Армия узнает о самом факте перехода на сторону Советской России названных лиц, поймет мотивы, вообще освоится с этим фактом.

6) Тем временем главная работа группы Слащова должна состоять в писании мемуаров за период борьбы с Советской Россией (имеется в виду не коллективный труд, а индивидуальная работа офицеров, приехавших в Советскую Республику вместе со Слащовым. — А.К.). <...>

7) До написания этих мемуаров рекомендовать группе Слащова воздерживаться от встреч, посещений и пр., дабы внимание не рассеивалось и работы над мемуарами не затягивались...»⁴⁴

Таким образом, вряд ли следует говорить об изменении взглядов Якова Александровича на методы работы мемуариста — включил же он в свои московские «отрывки из воспоминаний» (подзаголовок книги «Крым в 1920 г.») «План защиты днепровского района» (1920), не публиковавшийся в свое время в «константинопольской брошюре»⁴⁵. Просто в эмиграции мысль и слово Слащова-Крымского были свободны, несмотря ни на какие лишения и разочарования в «суде общества и гласности», в то время как в СССР его жизнь, по собственному признанию, была «адам», — а мемуарное творчество оборачивалось своего рода бумажной каторгой.

...Многое из изложенного на этих страницах, в сущности, не выходит за рамки версий, предположений, более или менее подтвержденных, более или менее убедительных, — и в таком качестве может даже зависеть от субъективной готовности читателя воспринять или не воспринимать аргументы исследователя. И все-таки разговор о столь деликатной материи, как особенности воспоминаний, причуды человеческой памяти, тонкости авторского стиля, по нашему мнению, не только возможен, но и необходим, ибо не только определенные ответы, но и правильно поставленные вопросы составляют содержание исторического знания. К такой теме, заведомо предлагающей больше вопросов, чем ответов, как недолгая эмиграция генерала Слащова-Крымского, это относится в полной мере.

⁴³ Цит. по: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М., 2000. С. 104.

⁴⁴ Предварительное заключение Л.Д. Троцкого и И.С. Уншлихта по вопросу дальнейшего поведения в отношении Слащова и его группы, рассмотренное и утвержденное 18 ноября 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) // Неизвестная Россия, XX век. [Кн.] 3. [М.], 1993. С. 113.

⁴⁵ См.: Слащов Я.А. Крым в 1920 г. С. 109–110.

«...НЕ ВРЕМЯ ИЗУЧАТЬ ПОЛИТИКУ,
КОГДА НУЖНО ОДЕРЖИВАТЬ ПОБЕДЫ»:
Н.В. ЧАРЫКОВ НА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг.
ПИСЬМА К ОТЦУ

Предисловие, подготовка текста и комментарии Л.А. Пуховой

Судьба российского дипломата Николая Валерьевича (Валериановича) Чарыкова примечательна во многих отношениях. В течение своей жизни он принимал активное участие во многих важных исторических событиях, еще большему он был свидетелем. Отправившись в 22 года добровольцем на войну с турками, заслужил там два солдатских Георгиевских креста и получил тяжелое ранение. В 1881 г. он видел, как толпе у Зимнего дворца объявили о смерти Александра II, и ходил на место взрыва, а затем стоял в карауле у гроба императора. В 1884 г. он проехал через туркменские пески с отрядом генерала А.В. Комарова, экспедиция которого закончилась присоединением Мерва к Российской империи. Затем три года он был главным представителем России по дипломатической линии в полной еще средневековых порядков Бухаре и способствовал приходу к власти эмира-реформатора Сеид Абдул Ахада (1885–1910). Чарыков возглавлял дипломатические представительства России в разных столицах — от Константинополя до Ватикана; в 1903 г. в Белграде видел из окна российского посольства, как во дворце заговорщики убили короля Александра и королеву Драгу и свергли династию Обреновичей, а в 1905 г. он принимал самое активное участие в организации знаменитой Гагской конференции. В 1908 г. он выступал перед Государственной думой, являясь товарищем министра иностранных дел и на тот момент исполняя обязанности министра. А в 1912 г., будучи тогда послом в Константинополе, был отправлен в отставку. В 1918 г. он участвовал в деятельности Крымского правительства М.А. Сулькевича и вместе со своим старшим сыном едва не был расстрелян революционными матросами.

После революции 1917 г. Чарыков с семьей довольно быстро эмигрировал в Турцию, где приобрел небольшой дом под Константинополем (в котором он и скончался в 1930 г.) и стал вести тихую и почти незаметную жизнь. По всей видимости, он почти не поддерживал отношений со своими коллегами по дипломатическому цеху и фактически выпал из поля зрения историков, занимающихся изучением российской эмиграции, истории международных отношений, дипломатии и внешней политики второй половины XIX — начала XX в. Хотя Чарыков и занимал ряд важных постов, но, как это нередко бывает с дипломатами, историки мало упоминают о нем, потому что их главное внимание все равно направлено на деятельность более важных внешнеполитических агентов — канцлера и императора. На склоне лет, будучи в эмиграции в Турции, он подробно

описал свою жизнь в мемуарах. В них он рассказал об исторических событиях, которыми была так богата его жизнь. И лишь последние десять лет фигура этого во многих смыслах выдающегося дипломата стала объектом специального изучения¹.

* * *

Николай Валерьевич родился 10 сентября 1855 г. в селе Новая Григорьевка Александровского уезда Екатеринославской губернии в семье тайного советника Валерия Ивановича Чарыкова (1818–1884), в будущем вятского (1869–1875) и минского (1875–1879) генерал-губернатора, и Аделаиды Дмитриевны, дочери самарского помещика Дмитрия Азарьевича Путилова². Крестной матерью Николая стала графиня Елена Дмитриевна Канкрина³.

В 1866 г. отец Николая отправил своего сына учиться в Королевскую высшую школу Эдинбурга, где некогда обучался Вальтер Скотт. Как вспоминает Николай Валерьевич, это решение было вызвано тем, что отец был глубоко разочарован образованием, вроде бы и неплохим по тем временам, которое получил⁴. Николай с детства был слаб здоровьем (сам он вообще не рассчитывал прожить долго⁵), и его отцу удалось получить для него заграничный паспорт под предлогом необходимости выехать на лечение⁶. (Надо заметить, впрочем, что Н.В. Чарыкову действительно, помимо всего прочего, вполне удалось поправить там здоровье.)

Год спустя после окончания Императорского Александровского лицея, в 1875 г. Николай Валерьевич поступает на службу по ведомству Министерства иностранных дел и становится третьим секретарем канцелярии МИД.

Необходимо отметить, забегая вперед, что помимо дипломатической деятельности много внимания Николай Валерьевич уделял изучению истории и написанию исторических исследований⁷. Кроме того, чрезвычайно интересными являются мемуары Чарыкова, опубликованные в Лондоне в 1931 г.⁸, а также воспоминания-статьи, депеши и письма Николая Валерьевича. В этом же ряду источников личного происхождения находятся и письма Николая Валерьевича отцу (корпус которых начал складываться во время обучения Николая Валерьевича в Эдинбурге), хранящиеся в Государственном архиве Самарской области⁹. Будучи не только активным участником многих событий, но и весьма талантливым писа-

¹ См., напр.: *Аранов Д.Ю.* Русский посол в Турции Н.В. Чарыков и его «заключение» по «мусульманскому вопросу» 1911 г. // Вестник Евразии. 2002. № 2 (17); *Чернов О.А.* Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2009.

² См.: Государственный архив Самарской области (далее — ГА СО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.

³ См.: *Tcharykow N. V.* Glimpses of high politics. L., 1931. P. 28.

⁴ См.: *Ibid.* P. 75.

⁵ См.: *Ibid.* P. 28.

⁶ См.: *Ibid.* P. 77.

⁷ За одно из них — «Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694 гг.)» (СПб., 1906) — Н.В. Чарыков был удостоен Уваровской премии.

⁸ См.: *Tcharykow N. V.* Glimpses of high politics.

⁹ ГА СО. Ф. 143. Оп. 1.

телем, Чарыков зачастую представляет оригинальную точку зрения на описываемые им события.

В 1877 г. успешно начатая дипломатическая карьера Николая Валерьевича была на некоторое время прервана Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. В своих воспоминаниях Чарыков подробно освещает, в каком сложном и неоднозначном положении оказалось императорское правительство в ситуации, когда славянские комитеты с началом восстания в Болгарии в апреле 1876 г. начали снабжать повстанцев оружием, отправляя туда из России офицеров болгарского происхождения, а с началом восстания сербов и черногорцев уже и «толпы добровольцев всех сословий... стремились в Сербию и Черногорию, чтобы встать в ряды бойцов за славянское дело и принять участие в освободительном их подвиге»¹⁰. Николай Валерьевич принимает решение отправиться на фронт добровольцем. В воспоминаниях он лишь вскользь говорит о причинах своего решения, но письма более выпукло показывают, как он его принимал, какими руководствовался мотивами, насколько серьезно воспринимал свое решение и его потенциальное влияние на дальнейшую дипломатическую карьеру. В этом смысле письма Н.В. Чарыкова отцу представляют довольно интересный источник, поскольку такого рода переживания не так часто находят отражение даже в таких материалах, как воспоминания, а если и находят, то — по понятным причинам — зачастую в искаженном виде. Именно с первого письма отцу, в котором он обосновывает свое решение, и начинается наша публикация.

Чарыков поступил в лейб-гвардии Гусарский полк, и в октябре 1877 г. полк прибыл к месту боевых действий. В течение следующих трех месяцев несколько раз принял участие в боевых действиях. Его первый бой состоялся 12 (24) октября 1877 г. при штурме укрепления Телиш в рамках основной задачи перерезать дорогу из Плевны в Софию и тем завершить блокаду Плевны. В тот день попытка взять Телиш была отбита с большими потерями для русских войск, и хотя основные потери пришлось на штурмовавшую укрепление пехоту, конница, в которой находился Чарыков и задача которой состояла в том, чтобы прикрывать главный бой от возможных неожиданных маневров турок, также некоторое время находилась под обстрелом и понесла потери. Чарыков был произведен в унтер-офицера за два дня до того, а во время боя, сменив раненого офицера, был назначен на этот день командующим взводом. Телиш был взят 16 (28) октября, при этом Чарыков участвовал в ближнем бою с группой турок, сделавшей попытку сбежать из окружения.

12 (24) декабря Чарыков участвовал в рекогносцировке подходов к Чурьякскому перевалу, по которому вскоре основные силы русской армии перешли Балканский хребет. Здесь он также командовал взводом. Разведка натолкнулась на встречное движение довольно значительных турецких войск, и основной задачей взвода стало прикрытие начальника штаба третьей гвардейской пехотной дивизии полковника К.Н. Ставровского, который проводил основную работу прямо на пути движения турок. С этой целью Чарыков обратил на себя и свой взвод

¹⁰ *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 673.

внимание турок и некоторое время держался под сильным обстрелом, хотя сам не имел возможности открыть огонь.

После перехода через Балканы Чарыков находился в авангарде войск, наступавших на Филиппополь. 2 (14) января 1878 г. он был тяжело ранен в плечо в стычке с турецкими войсками у деревни Строево и так покинул действующую армию. За разведку у Чурьяка был награжден солдатским Георгиевским крестом четвертой, а за стычку у Строево — третьей степени. По окончании войны был произведен в офицеры своего полка и в числе других раненых офицеров удостоен приема у императора¹¹.

В своих воспоминаниях он описывает возвращение к мирной жизни — визит к отцу: «Войдя в прекрасный губернаторский особняк, я снял свой плащ, и сидел, разговаривая с отцом и мачехой в гостиной, и вдруг мой отец спросил меня: “Тебе что ли холодно, что ты не снимаешь свою овчину?” Только тогда я вспомнил, что есть ведь и отапливаемые комнаты в этом мире, которого не было у меня так долго»¹².

* * *

Письма Николая Валерьевича с войны позволяют увидеть события Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с точки зрения человека, лично принимавшего в ней участие. Участие в войне Чарыков весьма подробно описывает и в своих мемуарах, однако его письма дополняют воспоминания, и их публикация представляется интересной и полезной для изучения архивного наследия как Николая Валерьевича, так и русской эмиграции в целом.

Кроме того, письма Николая Валерьевича с фронта во всей красе рисуют картину довольно, по нынешним меркам, странного для действующей армии финансового и бытового положения добровольца. В своих воспоминаниях Чарыков только упоминает, что «никому из добровольцев не полагалось довольствия от правительства, и мы должны были сами о себе заботиться»¹³, однако письма раскрывают эту сторону. В них содержатся и нередкие отсылки к хозяйственным делам наследственного поместья Николая Валерьевича — Богдановки, указания о способах переправки денег ему в действующую армию в Болгарию и т. д. Эти письма показывают, насколько глубоко был вовлечен в дела поместья в отдаленной Самарской губернии дворянин, находящийся на службе по дипломатическому ведомству в Петербурге.

* * *

Письма публикуются впервые. В настоящую публикацию вошли письма Н.В. Чарыкова с 24 июля по 25 декабря 1877 г. Публикация писем осуществляется по оригиналам, хранящимся в Государственном архиве Самарской области (ГА СО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80). Все письма написаны на русском языке. Текст писем

¹¹ См.: *Tcharykow N. V. Glimpes of high politics*. P. 111.

¹² Ibid. P. 141–142.

¹³ См.: Ibid. P. 118.

приведен в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации, однако авторские стилистические особенности сохранены. Одна из особенностей писем — нередкие сокращения слов, которые раскрываются в угловых скобках. Вставки публикатора передаются в квадратных скобках; подчеркивания в документах — курсивом. Общепринятые сокращения не раскрываются.

1

24 июля 1877 г.
Санкт-Петербург

Дорогой отец¹,

Ты знаешь, что гвардия мобилизована и что созван первый разряд ополчения. Ты также знаешь теперешнее военное и политическое положение наше в настоящей войне.

Я основательно долго и разносторонне обдумал то значение, которое эти обстоятельства могут и должны иметь для России и для меня лично.

По отношению к России — я пришел к убеждению, что ныне наступает решительный момент в теперешней борьбе, от которого зависит исход этой войны и самым глубоко неизбежным образом судьба восточного вопроса и будущее благоденствие России. В этот момент Россия должна оказаться возможно сильной и победить — или же на долгое время — может быть, навсегда, — страдать и терзаться. Я верю, что она не погибнет, даже если эта война будет несчастлива, но я не менее глубоко убежден, что, победи она теперь так, как она может победить, то ее могущество, слава и счастье будут надолго обеспечены.

Я чувствую и осознаю, что мой долг — по мере моих сил способствовать этому результату.

Между тем моя же теперешняя деятельность в Канцелярии М<инистерст>ва ин<остранных> дел и даже моя самарская — земская деятельность — не дает мне возможности принести всю эту непосредственную и практическую пользу, которую я хочу принести. В Канцелярии я — с одной стороны — занят механической канцелярской работой, которая, конечно, полезна и необходима, но которую и без меня точно так же успешно исполняют остальные 14 секретарей и атташе. С другой стороны — и это действительно важно — я изучаю основательно и правильно внешнюю политику России². Но не время изучать политику, когда нужно одерживать победы.

В Самаре, ты сам знаешь, что, не будучи даже гласным, я большой, даже косвенной, пользы теперешнему всероссийскому делу не могу принести.

Вместе с этим неожиданно возникли обстоятельства, исключительно благоприятствующие к тому, чтобы я, вступив в ряды действующих войск, мог иметь честь находиться в числе тех, кто употребляют действительно свои силы и кладут — иногда — свою кровь и свою жизнь ради счастья и славы своего отечества — России.

Эти обстоятельства заключаются в следующем:

в числе других гвардейских полков, отправляющихся на Дунай, выступает и лейб-гвардии Гусарский полк. В этот полк поступил весной этого года, окончив Лицей, молодой барон Бюлер³ — ты его помнишь. Поэтому я бывал часто в этом полку в Царском и в лагере и познакомился с вольноопределяющимися и многими офицерами. Первые — исключительно образованные и хорошие люди — многие лицеисты и даже однокурсники мои, вторых не много, так как полк считается дорогим, но те, которых я знаю, и в особенности во 2-м эскадронном, куда я хочу поступить, — хотя молодые, но хорошие. Этим эскадронном командует Сафонов⁴ — лицеист, курсом старше меня, им очень доволен Мейндорф⁵ — командир полка, он же хороший знакомый, а может быть, и родственник Бюлеров.

Полк отлично содержится, служба — легко-кавалерийская, и я имею право поступить, как лицеист, и возможность — через Бюлеров. Баронесса⁶ приехала сегодня, барон⁷ приедет во вторник, и я уверен, что не откажет мне в этом.

Таким образом, если я поступлю в этот полк, то я совершу при исключительно благоприятной обстановке поход, воздержаться от которого я не могу считать даже желательным. (Странно: между теми, которые в полку и которые, таким образом, обязаны идти — я не заметил особого энтузиазма при известии о мобилизации.) Впрочем, пожалуй, действительно, нужно много продумать и прочувствовать, чтобы стать на ту высоту, с которой, по-моему, нужно смотреть на эту войну и свои обязанности и желания; вообще в Петербурге и, по-видимому, в Москве настроение несколько унылое, я уже тебе изложил те великие, в сущности, причины, которые меня побуждают идти в поход, рассмотрим теперь препятствия, которые этому могут противиться:

1. Дипломатическая карьера моя, начавшаяся довольно удачно, не пострадает, так как при начале мирных переговоров я снимаю мундир и берусь за перо — если буду в состоянии писать, и если даже вакансия 3-го секретаря, которую мой возможный выход откроет, будет замещена, то я все же устрою так, чтобы сохранить старшинство и следующим попаду во 2-е секретари в свою очередь. А раньше лет 2 или 3 мне нельзя, во всяком случае, стать 2-м секретарем по ходу производства. Я же хочу быть 2-м секретарем в Канцелярии, ибо тогда можно поступить прямо секретарем в большое посольство. Затем мой — все-таки похвальный поступок — может меня скорее выдвинуть вперед, чем вообще повредит мне.

2. Будущей моей общественной деятельности — как гласной или — кто знает? — члена Петербургского парламента⁸ — это не повредит.

3. В денежном отношении поход мне будет стоить меньше, чем жизнь в Петербурге — Впрочем, о делах в другом месте.

Наконец, last but not least⁹, по отношению к сестрам и к тебе. Сестры¹⁰, если даже я бы не вернулся из похода, в материальном отношении не потеряются. Две уже замужем — остальных легче будет пристроить — а мое имущество по равным частям каждой сестре — им будет полезно.

Ты же, если ты меня любишь — и, как я полагаю, уважаешь, — ты не откажешься благословить меня на дело, которое, в сущности, велико и свято. Ты сам любишь нашу родину и сам для нее немало поработал, дай же и мне потрудиться для нее, пока я молод, там, где теперь всего нужнее живые силы.

Я не уеду раньше двух недель, но так как полк с командиром выступает 1 или 2 августа, а все формальности должны быть выполнены при Мейендорфе — то прошу тебя мне ответить по телеграфу — Мойка, 81. До получения твоего ответа я не сделаю никакого официального шага.

Прости меня за то огорчение, которое по необходимости это письмо должно тебе причинить. Но сам подумай. Ты знаешь, что я не легкомыслен. Я много об этом вопросе думал, и я чувствую, что я прав. Ты, может быть, найдешь, что я слишком легко отношусь к своей жизни и к возможности быть раненым. Нет. Но мне и не жаль было бы в подобном случае пожертвовать собою, но ведь выходят же и здоровыми из сражений.

Горячо тебя любящий сын твой

Николай Чарыков

ГА СО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 55–59 об.

¹ Отец Н.В. Чарыкова *Чарыков* Валерий Иванович (1817–1885) — тайный советник; с 1864 г. самарский уездный предводитель, с 1867 симбирский вице-губернатор, с 1869 вятский, с 1875 минский губернатор, с 1879 г. на пенсии. Первая жена — дочь самарского помещика Д.А. Путилова Аделаида Дмитриевна (?–1861). В браке имел сына Николая и четырех дочерей — Екатерину, Надежду, Аделаиду, Ольгу. Второй раз женат на дочери генерал-лейтенанта Д. Заседского — Марье Дмитриевне. См.: Государственный архив Кировской области. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 15–15 об.; Ф. 582. Оп. 28. Д. 364. Л. 1–229; ГА СО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 78. Л. 46 об., 75 об.

Любопытно отметить, что в своих воспоминаниях Николай Валерьевич почти не упоминает, а в биографическом очерке о своем отце совсем не упоминает о своей мачехе, хотя в письмах регулярно называет ее «милая Мамаша». Зато о своей родной матери Н.В. Чарыков отзывался в воспоминаниях чрезвычайно тепло: «У меня есть ее портрет-миниатюра, изображающий ее в девять лет, и она выглядит на нем бледной, худенькой девочкой с большими коричневыми глазами и задумчивым взглядом, на ней платье с вырезом и корсет, как было принято в то время, она ведь родилась в 1835 году.

Моя мама не только научила меня читать и писать, но раскрыла передо мной двери в русскую и зарубежную поэзию и прозу, дав мне книгу, которую я до сих пор бережно храню, — великолепную русскую «Хрестоматию» Галахова» (*Tcharykow N.V. Glimpses of high politics*. P. 31–32). (Здесь и далее перевод Л.А. Пуховой.)

² Действительно, Николай Валерьевич оказался, можно сказать, в самом центре дипломатической жизни Министерства иностранных дел: «Вся политическая корреспонденция относительно Европы и Соединенных Штатов проходила через это учреждение, где, помимо директора и вице-директора, числились еще девять секретарей и обычно два или три атташе. Мы должны были делать копии дипломатической переписки князя — конечно, от руки, поскольку в то время никто еще не думал о печатных машинках — и шифровать, и расшифровывать все политические телеграммы» (*Tcharykow N.V. Glimpses of high politics*. P. 97).

³ Речь идет о *Бюлере* Петре Федоровиче. Подробных сведений обнаружить не удалось.

⁴ В воспоминаниях Н.В. Чарыков упоминает, что Сафонов являлся его «старшим лицейским однокашником» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 109).

⁵ *Мейендорф* Феофил Егорович (1838–1919) — барон, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. С 1870 г. командующий Тверским драгунским полком, с 1874 лейб-гвардии Гусарским полком, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в 1884–1892 гг. командир 2-й кавалерийской дивизии. В 1892–1896 гг. состоял для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа, с 1896 г. командир 1-го армейского корпуса, участвовал в Русско-японской войне, в 1906–1917 гг. состоял при императоре.

⁶ *Бюлер* Мария Петровна (урожд. Черкасская; 1830–1893).

⁷ *Бюлер* Федор Андреевич (1821–1896) — российский правовед, дипломат, действительный статский советник, барон. С 1851 г. секретарь генерального консульства в Молдавии и Валахии. С 1856 г. управляющий особой канцелярией МИД. С 1873 г. директор Московского главного архива. По его инициативе начал выходить «Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел» (М., 1880–1893; пять выпусков). Автор многочисленных исторических трудов.

⁸ В воспоминаниях Николай Валерьевич отмечает: «Если бы в России было конституционное правление, конечно, я бы постарался войти в парламент. Но несмотря на надежды и ожидания моего отца, вопрос о российской конституции остался нерешенным, и я думал, что если к тому времени, когда она будет дарована народу, я стану полномочным министром, я, наверное, смогу найти там себе место. Моей мечтой было предстать в один прекрасный день перед российским парламентом в качестве главы Министерства иностранных дел» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 90).

⁹ Последнее по порядку, но не по значению (*англ.*).

¹⁰ У Н. Чарыкова было четыре сестры: Екатерина, Аделаида, Надежда и Ольга.

2

2 августа 1877 г.
Санкт-Петербург

Дорогой отец,

Так как я зачислен в виде особой милости в действующий полк, который выступает сегодня в ночь, то мне приходится сделать в четыре дня все приготовления к неопределенно продолжительному походу. Поэтому я не могу теперь побеседовать с тобой так, как мне бы хотелось, по поводу тех многочисленных вопросов, которые возбуждаются моим отъездом и твоими письмами, я ограничусь кратким изложением положения моих дел.

Я сделал на случай моей смерти завещание*, которым предоставляю тебе все мое имущество, движимое и недвижимое. Ты так много заботился о его приобретении и укреплении, что та финансовая помощь, которую такое наследство

* «Родовое поместье завещать нельзя, я только выразил точным и полным образом мои желания на этот случай». — *Примеч. Н.В. Чарыкова.*

может тебе оказать, будет лишь делом справедливости. Завещание это ты найдешь между моими бумагами в ящике № 1, бумаги же эти, пожалуйста, вскрой *только* в случае уверенности в моей смерти, ты там найдешь следы моей жизни и моей мысли за последние 10 лет. К сожалению, я не успел их привести в полный порядок.

Управление Богдановкой я, ввиду вышесказанного распоряжения, прошу *тебя* принять на себя.

5 августа я буду в Москве, до 6-го утром, в Орле — 7-го, от 9 до 11 часов утра, в Жмеринку — 11-го, в Сирьяни — 24-го. Мой адрес — Унгенская почтовая контора Главного штаба действующей армии, в лейб-гвардии Гусарский полк, 2-го эскадрона вольноопределяющемуся Чарыкову для писем.

Я тебе приготовил доверенность на заведывание всеми моими делами: продавать, закладывать, получать, занимать деньги с правом передоверить для единичных случаев.

Положение моих дел следующее.

Богдановская контора обязана мне доставлять в год 6000 р. или 500 в месяц, что она приблизительно и делает. В прошлом 1876 г. я занял в Самарском обществе взаимного кредита 2000 р., которые уплатил в срок, заняв для этой цели чрез учет векселя Кати и Михаила Михайловича Шошина¹ 2000 р. в Самарском общественном банке сроком по 17 декабря сего 1877 г. Так как я при этом имею дело с Катей, то я полагаю, что никакого затруднения не окажется «переписать» этот вексель и долг еще на 1 год, внесши проценты.

Затем в июне сего года ввиду необходимости прудить на Кинеле новую плотину, которая конторе уже обошлась в 4000 р. (контора обязана представлять подробную о сем ведомость) — я занял у Александра Аристарховича Путилова² в Самаре 3000 р. на 6 месяцев, т. е. до 1 декабря — считая и грационные дни³ — под соло-вексель⁴.

Если, как я то предполагаю, контора даст к 1 декабря 2000 чистого дохода — сверх ежемесячных 500 р., то я хотел уплатить в срок 2000 р. и 1000, или переписать еще на 6 месяцев или на год, или уплатить, заняв потребную сумму в Обществе взаимного кредита, где мне открыт уже давно кредит в 8000 р. и лежат 200 р. Если же контора не даст ожидаемого излишка ввиду чрезвычайной дороговизны плотины, то я хочу им все 3000 переписать с Александром Аристарховичем Путиловым на 6 месяцев или на год или же воспользоваться моим кредитом в Обществе взаимного кредита, чтобы, приплатив 100 р. и проценты, получить на 6 месяцев — 3000 р. Это было бы выгоднее, но требовало бы некоторых хлопот по приисканию лица, векселя которого принялись и можно было бы учесть в Обществе. Сношения по этим делам с А.А. Путиловым можно вести через Катю и Михайла Михайловича.

Я обязался платить в 1873 г. 400 р. ежегодно на Богдановское училище⁵. Также обязан платить 200 р. в год Владимиру Павловичу Безобразову⁶ за «Сборник государственных знаний»⁷.

Более ни платежей, ни полученных у меня нет.

2 августа

Я воспользуюсь кредитом в Сам<арском> общ<естве> взаим<ного> кр<е- дита>, чтобы занять теперь же 2000 р. через Катю на поход. Так как за всеми рас- ходами у меня оставалось мало наличных денег, то я занял у бар<она> Федора Андреевича Бюлера 300 р. Эти деньги я попросил бы тебя выслать барону в Мо- скву — в Архив, не дожидаясь получения моих 2000 — из коих их вычтешь при получении. Этим меня крайне обязал бы.

Я тебе приготовил доверенность на заведывание всеми моими делами: про- давать, закладывать, получать, занимать деньги с правом передоверить для еди- ничных случаев на время моего отсутствия. Конечно, ты можешь препоручить ведение на месте этого дела Мих<аилу> Мих<айловичу> Шошину или другому кому. В прилагаемой записке изложено положение моих денежных дел. В будущем году нужно будет строить вновь мельницу. Дал 1000 р. чистыми. Поддерживай Юнусова⁸ в его борьбе против мошенника волостного старшины и писаря — с Н<иколаем> Сер<геевичем> Путиловым⁹. Об училище я на случай смерти поза- ботился.

Якова взять нельзя. Прими его к себе на 12 р. в месяц — из моих денег, если он тебе бесполезен.

Чтобы иметь денег в походе, я прошу Катю занять мне под мой вексель в Сам<арском> общ<естве> взаим<ного> кредита 2000 р. Ты бы мне их прислал следующим путем: банкир Горвиц¹⁰ — д<иректо>р Международно- го банка, кот<орый> помещается в С<анкт>-П<етербурге>, Английская на- бережная, имеет при каждом полку провиантного агента. Если все 2000 р. в Межд<ународном> банке в С<анкт>-П<етербурге>, то мне доставит банк же тратту¹¹, и я буду пользоваться через агента в полку кредитом на 2000 р. (Я был в банке и там это определительно узнал. Они перешлют мне и деньги, и тратто через своего агента в полку.) и буду совершенно спокоен. Катя вышлет тебе 2000 р. или около того, а ты распорядись мне их доставить выше сказан- ным способом.

Буду писать тебе как можно чаще и телеграфировать.

Напиши граф<ине> Канкриной¹² и проси 200 р. послать тебе.

Прощай, прости меня за огорчение, которое тебе я причинил.

Любящий тебя сын твой

Николай Чарыков

Поцелуй, пожалуйста, за меня милую Мамашу и сестер, как увидишь.

Сестрам будешь помогать разделить между ними Богдановку.

На 200 р. гр<афа> Канкрин¹³ выкупи билет и вышли Кате. Обратный вексель Путилова при сем прилагаю. Так как молодой бар<он> Бюлер остается в резерв- ном эскадроне, то я взял те вещи, которые он приготовил для похода, — за них я ему должен заплатить 100 р., которые также прошу тебя вычесть из 2000 р. и вы- слать в Царское Село, Лейб-гусарский полк, 5-й эскадрон, барону Бюлеру, и если только можно, то не дожидаясь 2000 р. Барон Бюлер, когда увидел, что я иду в по-

ход, решительным образом был крайне добр, сам ездил <к> Мей<е>ндорфу и мне сделал много хорошего. Я не желал бы задержкой в возврате одолженных им мне денег отплатить ему за доброту.

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 66–70 об.

¹ Сведений установить не удалось.

² *Путилов* Александр Аристархович (годы жизни установить не удалось) — самарский помещик, отец — Аристарх Азариевич Путилов (брат отца матери Николая Валерьевича Дмитрия Азариевича Путилова (1802–1860)), мать — Елизавета Николаевна Хардина; являлся председателем Самарского ссудно-сберегательного товарищества на Дворянской улице, в доме Варпаховского (см.: ГА СО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 91).

³ *Грационные дни* — льготные дни, предоставляемые законом либо для исполнения обязанности вексельным должникам, либо для реализации прав вексельным кредиторам; время течения грационных дней не может расцениваться как просрочка ни со стороны должника, ни со стороны кредитора.

⁴ *Соло-вексель* — вексель, на котором имеется только одна подпись лица, обязанного совершить платеж.

⁵ Школа в Богдановке была основана отцом Николая Валерьевича. «Мой отец настаивал на особенной важности дела образования и основал первую из школ в Богдановке, в одном из домов из состава помещичьей усадьбы. Когда я достиг совершеннолетия, я был назначен земским школьным советом куратором школы. Его совет назначил курировать эту школу, и он помог земству и крестьянам построить для школы собственное двухэтажное здание. В течение сорока лет я курировал, как только мог, работу этой школы» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics. P. 67*).

⁶ *Безобразов* Владимир Павлович (1828–1889) — экономист, публицист, академик. С 1869 г. чиновник по особым поручениям при Министерстве финансов. В 1868–1874 гг. преподавал в Императорском Александровском лицее финансовое право и политическую экономию. Автор 24 научных монографий и более 90 публицистических статей, заметок, фельетонов в различных периодических изданиях.

⁷ «*Сборник государственных знаний*» — ежегодник, издававшийся под руководством В.П. Безобразова в Санкт-Петербурге в 1874–1880 гг. Всего вышло восемь томов.

⁸ Сведений установить не удалось.

⁹ Сведений установить не удалось.

¹⁰ Сведений установить не удалось.

¹¹ *Тратта* — финансовый документ, составленный в строго упорядоченной форме, который содержит безусловный приказ кредитора (трассанта) заемщику (трассату) об уплате в оговоренный срок определенной суммы денег, обозначенной в векселе, третьему лицу (ремитенту) или предъявителю векселя.

¹² *Канкрин* Елена Дмитриевна (урожд. Башмакова; 1829–1899) — графиня, крестная мать Н.В. Чарыкова (см.: *Tcharykow N. V. Glimpses of high politics. P. 28*).

¹³ *Канкрин* Александр-Фабиан Егорович (1822–1891) — граф.

20 августа 1877 г.

Бивуак в Скулянах на румынской границе

Дорогой отец,

Вчера получил твое письмо, прибыв сюда после 6-дневного форсированного перехода из Жмеринки.

До Жмеринки полк ехал поэскадронно по железной дороге — и благодаря любезности офицеров, впусивших вольноопределяющихся в свои вагоны 1-го и 2-го классов, — мне было очень хорошо ехать. От Жмеринки шли верхом 230 верст. Погода была самая благоприятная, но днем, во время переходов, бывало чрезвычайно жарко и пыльно. Все страдали от жары. Я пил местное красное вино и воду — прескверную — с лимонною кислотою. Эту мысль мне дал один жид в Домисте за Могилевым на Днестре, и все-таки с 13 августа и до сих пор я не мог напиться досыта. С водой приходится быть очень осторожным. Здесь, в бессарабских степях, колодцев мало и вода теплая и соленая. Ты, впрочем, знаешь ощущение жажды, бывши в Палестине и Египте¹. Здесь, в Скулянах, я нашел настоящий портер², который я пью с большим удовольствием. Сегодня или завтра приедет генерал Гурко³, начальник дивизии — мы его встретили на дороге в Жмеринку, сделает нам смотр, и, должно быть, вскоре затем мы выступим в Румынию. Сегодня загорал и купался в р. Прут, которая здесь составляет русскую границу.

Для меня, собственно, до сих пор поход кажется, несмотря на все свои неприятные трудности — 40-верстный переход верхом по южной жаре, — очень приятным отдыхом и своеобразной прогулкой, в которой одним из наиболее приятных элементов является сознание полной безответственности. В Петербурге, в Канцелярии, у меня были обязанности по отношению к дипломатическому начальству и по отношению к обществу, которые, хотя или именно потому, что были скорее нравственными, чем юридическими, были для меня безусловно обязательны и тем самым отягчительны. Здесь же, будучи официально простым рядовым и имея рейткнехта⁴ — дядьку, который чистит и седлает лошадь и исполняет прочие мелкие или строевые обязанности, и не имея никакого командования, я только по сигналу сажусь на лошадь и слезаю, еду шагом или рысью, одеваюсь по форме, что нетрудно — и затем никаких обязанностей не ведаю. Это то, что будто я отдался под опеку, и право, для разнообразия подобный отказ от индивидуальной независимой жизни имеет свои приятные стороны⁵.

Я тебе уже телеграфировал, что Якова взять нельзя. Это значит, что 1) закон и дисциплина не позволяют рядовому иметь слугу и 2) практически почти невозможно не только рядовому, но и офицеру иметь с собой слугу, который бы не был вместе с тем денщиком казенным, следствием для него нужна лошадь, для лошади нужны перевозочные средства, нужен фураж, а достать это и многое другое, что иметь необходимо, едва ли возможно. Эту мысль <следует> вполне оставить — по крайней мере до тех пор, пока меня не произведут в офицеры.

Ты мне ничего не пишешь о моем займе в 2000 р., о котором я подробно писал тебе и Кате. Еще раз повторю: перед отъездом из Петербурга я послал Кате в Самару мой бланковый вексель на 2000 р. для того, чтобы Катя взяла для меня из Самар<ского> общ<ества> взаимного кредита, где у меня не погашен кредит в 8000 р., — 2000 р., которые и переслала тебе для доставки мне. Я не могу представить никаких затруднений для этой простой операции, которая для меня существенно важна, так как взятые мною из Петербурга на исходе, а деньги необходимы.

До сих пор не известен точным образом наш дальнейший маршрут. Но во всяком случае мы придем рано или поздно, т. е. через две недели или через месяц в район власти главнокомандующего Дунайской армией — <великого> к<нязя> Николая Николаевича⁶. Поэтому я прошу тебя *все деньги для меня* высылать мне следующим образом: пошли их кредитными билетами — если в Минске нельзя достать золота или золото очень дорого — в Петербург, в Канцелярию Министерства иностранных дел, 3-му секретарю Владимиру Александровичу Винтулову⁷. Тот отправит деньги русскими золотыми под видом *expedition officielle*⁸ в главную квартиру к <великому> к<нязю> Николаю Николаевичу с фельдъегерем, который туда отправляется из Канцелярии три раза в неделю, на имя командующего 2-м эскадронном Лейб-гусарского полка Поручика Сафонова, моего командира и товарища по Лицею, который мне передаст этот пакет. Так как он будет *казенный*, это не потеряется. Это самый верный путь. Через Международный банк — долго и неверно. Я сегодня пишу Винтулову, с которым еще в Москве сговорился насчет этого. Если бы встретились затруднения получить сказанные 2000 р., то не можешь ли ты выслать мне сначала рублей 500, а затем и остальные — мне необходимо, чтобы по крайней мере 500 р. были бы мне высланы через Канцелярию до 4 сентября. Так как ты теперь заведешь всеми моими делами, то и весь доход ты получай и высылай мне все тем же вышесказанным путем.

Относительно мельницы я не желал бы сам строить — будучи в отсутствии, хотя сделал к тому приготовления, оставаясь в Петербурге, — я предполагал употребить 4000 деньгами, а остальное из своего леса. Но так как Сер<гею> Семеновичу⁹ одна плотина обошлась этим летом в 4000 р., то лучше ему не давать строить мельницу, а то он ее вгонит в 8000 р. и более, что мне не по средствам. Поэтому я бы хотел сдать мельницу на 18 лет за 2500 р. На 18 лет выгоднее сдать, чем на 12 или 15, потому что все равно и после 15, и после 18 лет придется ее строить вновь. Но необходимо выговорить: 1) право молоть конторский хлеб в неограниченном количестве бесплатно, 2) чтобы платеж аренды начался не со времени окончания перестройки, а с момента подписания условия, 3) ограниченное количество леса на плотину, от конторы, 4) неустойку в случае нарушения условий. Еще один очень важный вопрос — сдача Угла Богдановки Обществу. Я хочу, чтобы оно сняло на 6 лет сенокос, пастбище и 200 десятин пашни по-прежнему за 1600 р. в год, но с *обязательством не открывать своего кабака*, что избавило бы меня от платежа 500 р. ежегодных за кабак Обществу. Общество этого не хочет и сняло на 1877 год одно пастбище за 800 р., остальное разошлось по частям и дало мне более 2500 р., они же открыли свой кабак. На торгах (!) летом контора

приобрела на 1878 год исключительное право держать питейное за 700 р. (если не ошибаюсь, 1 января снова наступил срок для сдачи Угла). Так как Угол необходим Обществу, то я хотел бы все-таки провести мои мысли: при сдаче Угла обеспечить на несколько лет вперед Богдановку от сосуществования двух кабаков, соблюдая при этом выгоду конторы.

Мой адрес для писем следующий: *Лейб-гусарский его величества полк, вольноопределяющемуся Чарыкову. Через Унгенскую почтовую контору.* Это единственный верный адрес.

Таким образом, я рассчитываю получить от тебя через Канцелярию М<инистерства> и <ностранных> дел в начале сентября или 1600 р. — русским или французским золотом (2000 р. за вычетом денег, возвращенных тобой Бюлерам) или — если получение этой суммы будет замедлено, то по крайней мере рублей 500 в той же форме и тем же путем. Иначе мне придется плохо. Вообще же, до этих пор, пока я не найду более удобного способа пересылки мне денег, пересылай их мне, пожалуйста, этим путем и чем чаще и чем больше — тем, конечно, лучше.

21 августа

Сегодня прибыл сюда генерал Гурко, начальник нашей дивизии. Он нам сделал смотр на равнине на берегу Прута¹⁰. В нашей дивизии, кроме Л<ейб>-гусарского полка, состоят: Гродненский гусарский полк, 2 Уланских, Драгунский, Конно-гренадерский и Казачий корпус на Дунае и конная артиллерия. Войска отличные. Ночью прошел дождь, жара спала, и пыль убавилась. Вчера прибыл сюда новый вольноопределяющийся охотник граф Бобринский¹¹ — с 3-го курса С<анкт>-П<етербургского> университета. Вчера же я здесь встретил сына товарища м<ини>стра ин<остранных> дел Гирса¹², который поступил на время войны в Уланский полк охотником — тому назад три недели я его видел у Гирса в Петергофе и никак не ожидал встретить в Скулянах. Впрочем, таких неожиданных встреч теперь много.

Надеюсь, что Яков привез в Минск в целости все мои книги и бумаги в запечатанных ящиках. Он мне служил очень хорошо, и если я вернусь из похода, то непременно возьму снова его к себе.

Много раз тебя целую, прошу поцеловать милую Мамашу и сестер.

Горячо тебя любящий сын

Николай Чарыков

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 78–82 об.

¹ В воспоминаниях Н.В. Чарыков отмечает: «Он (отец Н.В. Чарыкова. — Л.П.) путешествовал часто и в дальние страны, — на Ближний Восток, в Западную Европу и даже в Северную Америку, откуда и привез в Богдановку цветную литографию Ниагарского водопада» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 65).

² *Портер* — темное английское пиво с характерным винным привкусом и сильным ароматом солода.

³ Ромейко-Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) — военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1894), член Государственного совета (1886). В 1862–1866 гг. флигель-адъютант свиты его императорского величества, с 1866 г. командир 4-го гусарского Мариупольского полка, в 1869–1874 гг. командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, одновременно (до 1875 г.) бригады 2-й (с 1875 г. начальник) кавалерийской дивизии. Участвовал и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в 1879–1880 гг. временный петербургский генерал-губернатор, в 1882–1883 гг. командующий войсками Одесского округа и временный одесский генерал-губернатор, в 1883–1894 гг. командующий войсками Варшавского военного округа и варшавский генерал-губернатор.

⁴ Рейткнехт — солдат, назначавшийся для ухода за офицерскими лошадьми. Чарыков очень тепло отзывался о своем «дядьке» в мемуарах: «Солдат по фамилии Щесюк, который исполнил обязанности моего денщика, был превосходным товарищем и хорошим поваром». Отмечает он также, что «с Щесюком, моим денщиком, мы во время нашего похода делили на двоих всю нашу еду и питье, как братья» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics. P. 133*).

⁵ В своих воспоминаниях Н.В. Чарыков развивает эту мысль: «Я не знаю, что чувствовали другие, но я помню, что спрашивал себя, правильно ли я сделал, что отправился на эту войну, и отвечал себе со всей решительностью — Да. В то время, как я уже упоминал, у меня не было никакого личного интереса в сохранении своей жизни для политической карьеры, и я был готов погибнуть, лишь бы помочь достичь тех целей, за которые боролась моя страна. Случится так или нет, это было уже не моим делом и не в моей ответственности: записавшись в армию, я сам отказался от своей свободной воли и был обязан подчиняться приказам и воле моих военных командиров... Мне было вполне удобно, что мое поведение было четко определено узкими рамками солдатского долга» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics. P. 111–112*).

⁶ Николай Николаевич (1831–1891) — великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-адъютант (1856), генерал-фельдмаршал (1878), член Государственного совета (с 1855 г.). С 1851 г. на службе в лейб-гвардии конном полку, с 1852 г. командующий бригадой, с 1856 г. — дивизией гвардейской кавалерии, в 1852–1891 гг. генерал-инспектор по инженерной части, с 1859 г. командир гвардейского резервного кавалерийского корпуса, с 1861 г. — отдельного гвардейского корпуса, в 1864–1880 гг. командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1864–1891 гг. генерал-инспектор кавалерии, в 1877–1878 гг. главнокомандующий Дунайской армией.

⁷ Сведений установить не удалось.

⁸ *Expedition officielle* — официальная экспедиция (*фр.*).

⁹ Сведений установить не удалось.

¹⁰ «Он сказал нам — и я передаю его точные слова: «Я надеюсь, что не все вы вернетесь, потому что это означало бы, что вы не будете воевать». Это были жесткие слова. Подобные вещи обычно не говорят неопытным солдатам в начале кампании. Но они пошли нам на пользу, заставив относиться серьезно к нашей экспедиции, и никоим образом не уменьшили нашей неколебимой уверенности в том, что мы выиграем эту войну» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics. P. 110*).

¹¹ Бобринский Владимир Александрович (1853–1877) — поручик, убит во время Русско-турецкой войны. Отец — Бобринский Александр Алексеевич (1821–1903), обер-гофмейстер (1890); в 1861–1864 гг. губернатор Санкт-Петербургской губернии. Мать — Софья Андреевна (урожд. Шувалова; 1829–1912).

О ранении, которое привело к гибели графа, Чарыков вспоминает так: «Поскольку мой полк располагался как раз там за городом, я остановился на полчаса и узнал побольше о том, как вчера у наших гусар была стычка с несколькими черкесскими всадниками после занятия Орхани. Владимир Бобринский без особой необходимости вышел на линию

огня, он взял ружье и начал стрелять, когда черкесская пуля поразила его в колено. Его с братом сразу отправили в центральную больницу в Богот, около Плевны, где он умер несколько дней спустя от столбняка, начавшегося из-за его раны» (*Tcharykow N.V. Glimpses of high politics*. P. 125).

¹² *Гирс* Николай Карлович (1820–1895) — русский дипломат, действительный статский советник (1878), почетный член Петербургской академии наук (1876). В 1850 г. 1-й секретарь миссии в Константинополе, в 1851 г. управляющий консульством в Молдавии, в 1853 г. директор канцелярии полномочного комиссара в Молдавии и Валахии, с 1856 г. генеральный консул в Египте, с 1858 г. генеральный консул в Молдавии и Валахии, с 1863 г. чрезвычайный посланник в Тегеране, с 1867 г. — в Берне, с 1872 г. — в Стокгольме, с 1875 г. управляющий Азиатским департаментом и товарищ министра иностранных дел, в 1882–1895 гг. министр иностранных дел.

Гирс Михаил Николаевич (1856–1932) — русский дипломат, гофмейстер, тайный советник (1905). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с 1894 г. младший советник МИД, с 1897 г. посланник в Бразилии, с 1899 г. посланник в Китае, в 1902 г. — в Баварии, с 1903 г. — в Румынии, с 1911 г. посол в Константинополе, с 1915 г. — в Риме. При генерале П.Н. Врангеле старший дипломатический представитель в Комитете защиты русских беженцев во Франции. Затем — председатель Совещания послов в Париже.

4

10 сентября 1877 г.
Александрия

Дорогой отец,

Вчера полк прибыл сюда и сегодня стоит на дневке. Отсюда в Шимницу на Дунае, а там уже на самое место сражения. Я тебе послал, по обычаю, поздравительную телеграмму 7-го вечером, из Бухареста. Я там получил твое письмо из Пинска, теперь ты уж конечно поправился от этого несчастного случая, хотя, не получая телеграмм от тебя, я боюсь, что ты еще не вернулся в Минск. Я рад, что Яков тебе пригодился, и буду очень доволен если — при случае — ему можно будет оказать и мне подобную услугу. Приехать до Александрии очень легко — прямо по железной дороге. Здесь можно узнать, где какой полк, и вообще собрать всякие сведения.

Ты теперь должен был уже получить от М<ихаила> М<ихайловича> 1928 р. Я тебе очень благодарен за 2100 р., которые ты для меня занял. Я их еще не получил, но к тому времени, когда это письмо к тебе дойдет, уже, вероятно, получу. С этим деньгами я могу прожить довольно долго, так как — как говорят — за Дунаем расход самый незначительный. Так как, по моим справкам, у Горвица не было (7 сент<ября>) для меня денег, то я полагаю, что теперь *все* деньги (2100) передали Нелькину¹. Поэтому я телеграфировал Нелькину, чтобы он через Румынский банк в Бухаресте — его агентов — переслал мне все деньги. Так как телеграммы я в Бухаресте от Нелькина не получил, то поручил Румынскому банку, получив деньги, мне их доставить через агента Горвица, который постоянно с нами.

Поход через Румынию, на Яссы, Фокшаны, Рымник, Бухарест сюда был гораздо легче, чем через Бессарабию в Яссы. На пути много городов — очень порядочных — где можно было есть и пить, и за исключением двух дней погода стояла и стоит отличная. Из Плоешти мой эскадронный командир разрешил мне ехать в Бухарест, пробыть там два дня и приехать прямо в Михалешты. Я провел два дня в Бухаресте, наслаждаясь удобствами цивилизованного жителя, пил кофе из чашки, ел ножом и вилкой хорошие кушанья, ездил в рессорном экипаже и слушал музыку Гуно. Я поехал туда с Гирсом — уланом — сыном тов<арища> мин<и>стра и<ностранных> д<ел>. Мы отправились вместе к генеральному консулу, барону Стюарту², тот предложил представиться канцлеру³. Кн<язь> Горчаков, который там живет с апреля месяца, нас принял. Когда я вошел, он стоял у окна и, узнав меня, сказал между прочим, что из записок, которые я ему представлял, можно было ожидать, что я поступлю в военную службу. Затем он сказал, что если бы ему было 20 лет, он сам пошел бы в солдаты. Наконец, он весьма милостиво обещал меня снова принять к себе после окончания войны. Вообще, я никак не ожидал подобного приема. Через несколько часов я его встретил на улице — он ехал кататься с бар<оном> Жомини⁴. Он меня узнал, остановил коляску, и подозвал меня, и сказал, что будет смотреть, как будет проходить уланский полк со мной. Действительно, он более часа простоял в воротах консульства, пока проходили войска. Мне в особенности приятно было то, что в его глазах мое поступление в полк было действием вполне последовательным, а не капризом от скуки. Пиши мне как можешь часто, письма доходят хорошо.

Если богдановские дела тебя тяготят, то передай *непосредственное заведование* ими Кате. Я думаю, она согласится. Я получил письма от Дели и Нади — постараюсь им отвечать. Поцелуй, пожалуйста, Мамашу и Надю, если увидишь. Мой поклон всем минским.

Горячо тебя любящий сын

Н<иколай> Чарыков

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 92–93 об.

¹ Сведений установить не удалось.

² *Стюарт* Дмитрий Федорович — в 1876–1878 гг. дипломатический агент и генеральный консул, в 1878–1879 гг. министр-резидент в Бухаресте.

³ *Горчаков* Александр Михайлович (1798–1883) — князь, дипломат. С 1842 г. был посланником в Штутгарте при королеве Вюртембергской, с 1850 г. уполномоченный при Германском союзном сейме во Франкфурте-на-Майне, с 1854 г. посланник в Вене, с 1856 г. министр иностранных дел Российской империи.

⁴ *Жомини* Александр Генрихович (1814–1888) — барон, русский дипломат. Сын известного военного теоретика Генриха Жомини (1779–1869). Был старшим советником Министрства иностранных дел. По окончании Крымской войны Жомини ездил с особыми поручениями в Берлин, а в 1861 г. — в Париж; в 1875 г. управлял вместо государственного канцлера Министерством иностранных дел; во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял в Бухаресте при князе Горчакове; в 1879 и 1880 гг. исполнял должность товарища министра иностранных дел.

5 октября 1877 г.
между Систовом и Тырновом

Дорогой отец,

Я только что получил твое письмо от 22 сентября. Первое условие твоего здоровья и довольства, к счастью, исполнено даже сверх ожидания, — здоровье мое превосходно, несмотря на то что я недавно провел более недели под дождем в грязи — в палатке из шести солдатских полотнищ, втроем с двумя другими вольноопределяющимися¹. С тех пор как мы перешли из бивуака на квартиру в ту деревню, погода переменилась и теперь стоит совершенно летнее время.

В ожидании передвижения — куда? — неизвестно — я здесь веду жизнь точно где-нибудь на даче или в деревне. Живу втроем с Соловьевым² и гр<афом> Бобринским — племянник по матери гр<афа> П.А. Шувалова³, а по отцу — бывшего министра путей сообщения⁴ — весьма образованный и хороший 20-летний юноша — охотник с третьего курса С<анкт>-П<етербургского> университета; мы живем в болгарской избе, очень чистой, как все здешние избы, едим у полкового маркитанта, иногда бывают ученья, которые меня очень интересуют. Я купил себе кавказскую лошадку, на которой я разъезжаю по окрестностям — я был недавно на р<еке> Янтре и видел всю долину этой реки, окаймленную к югу высокой группой Балканских гор, местами покрытых снегом.

Таким образом, до сих пор поход хотя и представляет некоторые трудности, однако все-таки оказывается менее трудным, чем я ожидал. Теперь уже мне лично будет все легче потому, что скоро меня должны произвести в офицеры или по экзамену, или за отличия, я уже отслужил мой срок рядовым — 2 месяца. Наконец, вышло высочайшее повеление, в силу которого все вольноопределяющиеся, выслужившие сроки, — мой срок кончится 1 ноября — производятся при первом отличии, то есть, в сущности, при первом деле — в корнеты своих полков, а офицеры имеют и лучшую палатку, и вьючных лошадей, и чемодан, и походную кровать, и особого денщика, вообще весьма существенные удобства.

Службу я теперь знаю порядочно — езжу с уверенностью и довольно хорошо, и в случае нужды мог бы и командовать⁵. Вообще я думаю, что поход до сих пор для меня весьма хорошая вещь. Согласно твоему желанию я тебе сегодня телеграфирую, пользуясь оказией в Горном Студене, где помещается главная квартира и телеграф, и буду тебе телеграфировать по возможности каждую неделю. Я написал Кате, прося ее принять непосредственное наблюдение за богдановским хозяйством — судя по письмам, которые я от нее получил, я не сомневаюсь в ее согласии. Ты уж все-таки не откажись остаться верховным судьей в крупных хозяйственных вопросах, которые могут возникнуть там в мое отсутствие.

Поезжай в отпуск в Одессу, в Крым, телеграфируй мне о своем отъезде и адресах. Тебе поездка должна казаться очень желательной после твоей экстренной

работы в Минске. Сейчас объявили здесь, что Мухтар-Паша⁶ разбит наголову. Слава Богу — не есть ли это начало конца? Много раз тебя целую, прошу поцеловать Мамашу и сестер.

Любящий тебя сын

Н<иколай> Чарыков

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 95–96 об.

¹ Карандашом подписано: «Соловьев и Бобринский». Возможно, что подписал отец Николай Валерьевича, Валерий Иванович Чарыков.

² Сведений установить не удалось.

³ *Шувалов* Павел Андреевич, граф (1830–1908) — государственный и военный деятель, дипломат, член Государственного совета (1896). Участвовал в Крымской войне, с 1859 г. военный агент во Франции, с 1861 г. исполняющий дела директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел, с 1867 г. начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, с 1877 г. командующий 2-й гвардейской пехотной дивизией, принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с 1879 г. командир Гренадерского, с 1881 г. — Гвардейского корпуса, в 1885–1894 гг. посол в Берлине, в 1894–1896 гг. варшавский генерал-губернатор.

⁴ Имеется в виду *Бобринский* Александр Алексеевич (1823–1903) — генеалог, граф, обер-гофмейстер, член Государственного совета (1896). Входил в специальный Комитет для строительства Николаевской железной дороги, вице-директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел.

⁵ В воспоминаниях Чарыков с юмором описывает, как вступал в полк: «Я был горд вступить, с перспективой получения офицерского звания через три месяца, в этот великолепный полк легкой гвардейской конницы, в котором служили несколько моих молодых друзей и знакомых. Его командир, полковник барон Богдан Егорович Мейендорф, которому я представился, с готовностью принял меня, но не раньше, чем проверив, как я езжу верхом. Должно быть, я выглядел довольно забавно, когда уселся в седло на лошадь какого-то рядового, — а второй эскадрон как раз только что вернулся со строевых учений — одетый, как был, в мой обычный гражданский костюм: синее пальто с ласточкиным хвостом и серебряными пуговицами, с моей первой наградой — итальянским крестом в петлице; белый галстук, высокий шелковый цилиндр, длинные черные брюки и ботинки из лакированной кожи» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 109).

⁶ *Ахмед Мухтар Паша* (Гази Ахмед Мухтар Паша) (1832–1919) — турецкий генерал, сын султана Абдул-Азиса (1830–1876). В 1870–1871 гг. принимал участие в подавлении восстания в Йемене, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. руководил боевыми действиями на Кавказском фронте, с 1879 г. командующий турецкими войсками на границе с Грецией, с 1885 г. османский верховный уполномоченный в Египте, в июле — октябре 1912 г. великий визирь.

24 октября 1877 г.
деревня Махалата, близ Плевны

Дорогой отец,

После трех недель переходов и столкновений с неприятелем я теперь нахожусь здесь, где полк простоит некоторое время на отдыхе. Не теряя времени, пишу тебе, а то очень может быть, что опять придется долго пробывать в походе. Как я тебе телеграфировал, первое дело было при взятии Телиша с 12 по 16 октября. 12-го полк в ночи выступил из Беженова и на рассвете выехал к ложементам, которые турки уступили на возвышенности по Софийскому шоссе. Неприятель открыл по обыкновению очень частый оружейный огонь по нас, но пули почти все перелетали, и были ранены один офицер и конногвардеец Трепов¹ и трое или четверо рядовых. Открывши неприятеля, мы стали на левый фланг для прикрытия батареи, которая начала обстреливать укрепления, а так как Трепов выбыл из строя, то мне поручили командование 2-м взводом, что я и делал до окончания сражения. Прошлось довольно долго простоять под огнем, впрочем, не очень частым, и мы еще потеряли нескольких рядовых ранеными — одного ранили в живот как раз сзади меня — я стоял перед серединой взвода². Дело 12-го кончилось, как известно, взятием Горного Дубника, но Телиш оказалось невозможным взять с наличными в то время силами. Егерский полк отступил, а мой и Драгунский занял позицию на высоте у деревни Ракита, очень важной в стратегическом отношении. Там мы простояли в виду неприятеля, ни разу нас не тревожившего, до 16-го числа, когда Телиш был наконец взят после жаркого 4-часового артиллерийского боя. Наш полк преследовал далеко бежавших турок, а через три часа отправился на аванпост под Плевной. Плевну трудно взять — это группа крутых гор, командующих плоской равниной, на доступных нападению пунктах построены укрепления — в нас пустили пять гранат — а войска спрятаны в горах в середине, однако не отчаиваются заставить ее сдаться.

Пробыв на аванпостах двое суток без потерь в людях, мы отправились сюда и вскоре пошли к подножию Балкан на крупную фуражировку, пригнали много скота, захватили довольно много оружия — я взял себе на память шашку, и теперь отдыхаем, ожидая нового назначения.

До сих пор и боевая жизнь, как до настоящего времени походная и бивачная, оставила меня вполне здоровым, хотя приходилось довольно сильно утомляться, напр<имер>, перед Телишем мы пять дней не снимали амуниции — то же было и во время трехдневной фуражировки. На счастье, страна здесь всюду так богата скотом и живностью и припасами всякого рода, что пищи сколько угодно, и солдаты наши кормятся гораздо быстрее и лучше, чем дома в мирное время, — это очень хорошо³. Время также очень благоприятное — теперь конец октября — по старому стилю, а погода стоит прекрасная, как редко бывает у нас в конце августа. Однако я запасаясь по возможности теплыми вещами. Здесь мне шьет болгарин тулуп для ношения под шинелью, готовы овчинные сапоги, чтобы спать ночью,

но все-таки я бы очень желал получить из России следующие вещи: 1 пару вязаных теплых перчаток из английского магазина, 1 пару теплых (на меху) кожаных перчаток, 1 пару шерстяных чулок до колен, 1 пару новых вязаных кальсон и 1 шелковую вязаную рубашку, 1 пару гусарских сапог на байке или, если можно, на меху. В.А. Винтулов мне пишет, что берется мне доставить эти и тому подобные вещи, я ему пишу сегодня, прося их купить или кому и как заказать и выслать, а деньги ты, пожалуйста, ему доставь, сколько будет следовать. С этими вещами и теми, которые я здесь приобрету, можно будет не бояться зимней кампании.

Я переписываюсь с Катей о богдановских делах и встречаю с ее стороны самое предупредительное участие и содействие, чему очень радуюсь. Богдановские доходы будут накапливаться в банке и идти на уплату по векселям — мне не потребуются денег раньше января. Я трачу вдвое меньше, чем в Петербурге, несмотря на страшную дороговизну привычных вещей, самых необходимых.

Я получаю много писем, которые все очень исправно доходят, поэтому письмо из заграницы, о котором ты меня уведомляешь, можно безопасно вложить в частный конверт и переслать по адресу: *г. Унгены, в действующую армию, в л<ейб>-гв<ардии> Гусар<ский> е<го> в<еличества> полк — мне оно дойдет*. Пожалуйста, пиши мне по возможности, подумай только, какую радость составляет для меня получать твои письма... [Далее страница испорчена, недоступен для прочтения текст в три строки.]

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 99–100 об.

¹ *Трепов* Дмитрий Федорович (1855–1906) — генерал-майор (1900), генерал-майор свиты (1903). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с 1896 г. исправляющий должность московского обер-полицмейстера, с 1900 г. московский обер-полицмейстер, с 1905 г. Санкт-Петербургский генерал-губернатор, одновременно товарищ министра внутренних дел, заведующий и командующий отдельным корпусом жандармов, позже — дворцовый комендант.

² Из воспоминаний Н.В. Чарыкова: «Если бы турки целились лучше — фактически, если бы они вообще целились — то ничего бы не осталось от нашего эскадрона, который наступал рысью и плотными колоннами. Но турки, застигнутые врасплох, стреляли беспорядочно» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 112).

³ Из воспоминаний Н.В. Чарыкова: «Я никогда не забуду того энтузиазма, с которым встречали нас во всех болгарских деревнях, через которые мы проезжали. При нашем появлении мужчины, женщины и дети выбегали, чтобы приветствовать нас, принося с собой хлеб, куриц, мед и лучшее из всего, что у них было. Они даже целовали наших лошадей и наши ноги, зная, что после пятисот лет турецкого гнета они никогда не должны будут снова называть их своими хозяевами... Я никогда не предполагал, насколько трудно поймать курицу руками. Мне мешал мой длинный кавалерийский плащ и тяжелая шашка... В оставленных турками деревнях наш эскадрон собрал приблизительно двести голов скота и большое количество овец и коз, и даже много свиней, больших и маленьких, хотя я должен признать, что не знаю, как эти животные там оказались, поскольку мусульманам не позволено есть свинину» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 122).

30 ноября 1877 г.
дер<евня> Лещ близ Орхание

Дорогой отец,

Я получил твое последнее письмо третьего дня после продолжительного перерыва, в продолжение которого я ни от кого не получал известий. Я этому письму очень обрадовался, тем более что по нему видно, что все благополучно и у тебя, и у всех наших. Ты хоть немного отдохнул, съездив в Одессу. Деля и новая Оля здоровы. Надя тоже. Телеграфировать тебе, как ты просишь, — нет возможности. Телеграфа, где бы принимали частные депеши, нет ближе Богота, я тебе телеграфировал на днях благодаря представившейся случайной оказии, при первом случае я буду еще телеграфировать. Письма же можно теперь отправлять довольно легко.

Вчера мы перешли с бивака впереди Орхание сюда, и вчера же мы получили радостную весть, что Плевна сдалась. Это было часов в 9 утра. Внезапно послышалось далекое ура, все громче и громче, офицеры выбежали из палаток, я тоже — вижу, скачет в карьер какой-то драгунский офицер, махает фуражкой, которую держит в руке вместе с нагайкой, и кричит: «Плевна взята!» Поднялось такое ура, какое мне до сих пор не приходилось слышать. Какое влияние взятие Плевны будет иметь на нас и вообще на назначение отряда г<енерала> Гурко, — мы еще не знаем — большинство теперь желает быстро идти вперед, я лично того же мнения.

Последнее время нам живется очень хорошо. Быстро пробившись через первую гряду Балканских гор, мы попали в защищенную с севера Орханийскую долину, где до сих пор тепло, хотя по ночам бывает мороз. Целую неделю мой 3-й взвод содержал летучую почту между Етрополем и Орхание, и я поэтому свободно разъезжал по долине, был 2 дня в Етрополе — небольшой горный городок, и был в Орхание через несколько часов после занятия его нашими войсками. Затем я провел двое суток на посту на шоссе в Араб-Конак — между тремя убитыми турками, которых некому было хоронить, и многими трупами лошадей. Впрочем, как-то привыкаешь даже к виду мертвых тел — и смотришь на них почти так же, как смотришь на обломки телег, на брошенные снаряды и обрывки амуниции и на прочие предметы, которые остаются на месте, где была битва¹.

Вследствие характера местности для кавалерии нет пока боевой деятельности, но зато она теперь, как и вообще в эту кампанию, чрезвычайно полезна в менее блистательной, но не менее важной роли разведчика и стража. Так, мне привелось быть в том нашем разъезде, который первый разведывал Лаковицкое ущелье, по которому вслед за тем прошли семеновцы и стрелки в обход главной позиции турок на первом гребне Балкан, а этим обходом было обеспечено движение наших войск вплоть до Орхание. Теперь же вот уже вторую неделю я хожу с эскадронном каждые три дня на сутки на аванпосты к подгорию Етрополь-Балканы, западная часть которого еще не очищена турками. Мне известно частным образом, что меня вместе с двумя другими вольноопределяющимися — Соловьевым и Ле-

венстерном² — представили к производству в офицеры прямо в Лейб-гусарский полк без экзамена «за отличие» на основании, вероятно, известного тебе приказа, так что, должно быть, к Рождеству мы будем произведены, если будем живы. Я бы хотел получить офицерский чин лишь перед самым концом кампании, оттого что мое теперешнее положение чрезвычайно приятное — я пользуюсь почти всеми материальными выгодами офицерства, кроме вьюка и денщика — и не несу никаких обязанностей — ни солдатских, ни офицерских, разве как сегодня утром пошлют со взводом на фуражировку — а офицеры дежурят, ездят за приказаниями, в командировки — и так как в нашем полку их мало, — почти постоянно заняты разными небоевыми служебными обязанностями.

По отношению к пище нам все это время было отлично — приехал маркитант и два полковых повара, готовили сытные, хотя и не художественные обеды для офицерской артели, в которую приняты и мы. После кратковременного расстройства желудка — от плохого питания перед взятием Орхание — я теперь совсем здоров и положительно за поход довольно много пополнил. Вообще больных у нас пока никого. Гр<аф> Бобринский — полковой адъютант — ранен во время рекогносцировки — его брат, мой товарищ, повез его в Петербург. Очень тебе благодарен за 200 р., у меня, впрочем, еще остается более 1000 франков в полковом ящике. Пиши мне чаще. Поцелуй от меня Мамашу и Надю.

Горячо тебя любящий сын

Н<иколай> Чарыков

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 101–103 об.

¹ Из воспоминаний Н. Чарыкова: «Я могу добавить здесь, что раненые, которые попали в руки туркам, были в те дни замучены и убиты башибузуками, то есть турецкими нерегулярными войсками, теми самыми войсками, действия которых расценивались как “болгарские злодеяния”. Поэтому мы нашли изуродованные трупы российских солдат в близлежащих кукурузных полях после того, как Телиш был взят, — и эта сцена стала основой для впечатляющей батальной картины Верещагина. Мои друзья-добровольцы и я решили не попадать живыми в руки турок, так что я всегда держал в кармане маленький револьвер, привезенный из Петербурга специально для этого» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 113).

² Сведений установить не удалось.

8

25 декабря 1877 г.

дер<евня> Раковица, Софийская долина

Дорогой отец,

с тех пор, как я тебе писал, мы перешли через Балканы и теперь находимся на последних склонах Малых Балкан к Филиппопольской долине. Переход был чрезвычайно тяжелый: наша дивизия шла 36 часов, ведя лошадей в поводу по тропин-

кам через Умургачские высоты — перевал в 3600 футов — по глубокому снегу при самой неблагоприятной погоде — снежный дождь, метель. Я, слава Богу, остался здоров, но многие и солдаты, и офицеры поотмораживали себе ноги и позаболели. Зато все эти усилия не пропали даром — вследствие этого обходного движения турки очистили Араба-Конак и тем открыли проход по шоссе через Балканы, а вчера занята нами София.

Действительно, трудная часть кампании началась с наступлением зимы — около 10 декабря. Начались морозы, впрочем, небольшие — в Орхание до 10° Р, а здесь не более 4–5 градусов¹, глубокий снег, скользкие дороги, а теперь вследствие отсутствия маркитантов и частых передвижений приходится переносить действительные лишения по отношению к пище, хотя собственно голода, постоянного отсутствия питания — нет — благодаря богатству здешней страны всякой живностью.

Пока готовилось это обходное движение, мне пришлось принять участие в интересной разведке около деревни Чурьяк, которая сделалась главным пунктом всего плана действия. Эта деревня находится за перевалом, на одном из редких путей к долине, помимо занятого неприятелем шоссе. Эту деревню требовалось удерживать до того времени, когда будет разработана дорога на перевал, однако ж не возбуждая внимания турок, чтобы не выдать всего плана. Поэтому в Чурьяк посылались каждый день сначала по взводу, позже по полуэскадрону гусар и улан — по очереди на помощь полуэскадрону астраханских драгун, который там стоял, не сменяясь. Черкесы постоянно беспокоили этот отряд, пока не попали в засаду, устроенную драгунами, и потеряли человек 7 и несколько лошадей убитыми и ранеными. Затем они 3 дня не показывались. На 4-й день была очередь нашего полка идти в Чурьяк, и т. к. мой взвод послали за сеном, я поехал с 4-м взводом туда. Переход очень трудный, и лошади, и я часто падали, к счастью, без повреждений, но собственно перевал ниже и менее недоступен, чем Умургачский. В тот вечер приехал в Чурьяк начальник штаба 3-й пехотной дивизии полковник Ставровский² с умным планом окончательных разведок, которые требовалось произвести на следующий день. Мне назначено было исследовать дорогу-спуск к Софийскому шоссе влево от деревни Потоп. Утром взвод драгун и я с взводом выступили. Подъезжая к Потопу, наездники заметили на горе на левой стороне ущелья людей. Взводы отвели за бугор, а я с двумя солдатами поехал вперед, чтобы разведать положительным образом неприятеля и вызвать огонь. Оказалось, что вершина горы, спуск, долина и самая деревня заняты пехотой, которая в ту минуту, когда мы подъехали, медленно наступала. Я подвигался вперед, высматривая все это, а турки все не стреляли, хотя обыкновенно они начинают стрелять с больших расстояний. Наконец, когда я выехал на бугор, с которого видна была внизу деревня и даже слышна устная команда, вдруг с полуторка влево вспыхнул дымок. Как было условлено, мы сейчас начали отступать, и вследствие условий местности мне пришлось проскакать с полверсты под огнем, который они открыли с полуторка из долины. Я начал было считать, сколько свистело пуль, но вскоре выстрелы стали так часты, что нельзя было не сбиться со счета. Наконец мы выехали вне выстрелов — они все были перелет, и остановились, наблюдая.

Мы, подвинувшись ближе, снова открыли огонь, и мы снова отступили, и тут же подошли к двум драгунам, поставленным на часах. Так как в это время полковник был налево на горе, которую было крайне важно исследовать, то нужно было ждать его возвращения. Когда он начал спускаться, четверо пеших, спустившихся в кусты, дали по нам залп — тоже безвредный. Мы отодвинулись назад, вне выстрелов, и затем по приказанию полковника выставили правильную цепь, с которой я и остался до сумерек. Когда мы выставили цепь, турки сыграли сигнал тревоги и стали рыть ложементы на горе при входе в Потоп. Вместе с тем они перестали наступать — предполагая, должно быть, что мы составляли авангард целого отряда пехоты. Вообще, эта рекогносцировка оказалась настолько удачной, что полковник Ставровский остался особенно доволен гусарским полукэскадром, я же доволен тем, что мне пришлось доказать на деле мою мысль о выгоде иметь в рядах войск возможно большее число интеллигентных элементов.

Это было 10 декабря. 19-го мне пришлось быть опять на интересной разведке. В этот день происходил штурм арабо-конакской позиции с юга войсками, перешедшими 17-го через Балканы. Во время атаки, которую производила пехота, послали взвод драгун и 3-й взвод 2-го эскадрона — мой — в тыл неприятелю, чтобы узнать, занято ли и укреплено село Дольные Комарцы на дороге из Златицы к Араба-Конаку. Мы влезли на гору и рассмотрели это село — верст 10 от того места, откуда нас послали, и только что стали съезжать, чтобы въехать в самую деревню, как подошла вся бригада. Вскоре она наткнулась на пехоту и, побывавши в деревне, вернулась на ночлег. Наконец, на днях я ездил с разъездом в деревню Дочановок <по> Софийско-Филиппопольскому шоссе — верст 8 отсюда, и взял в плен одного турецкого пехотинца — оказалось, что он прожил 20 дней в этой деревне, нагоняя страх на жителей своим ружьем — Пибоди³ — и ничего не платя. У него оказалось полное солдатское снаряжение и франков 60 денег. Он не оказал никакого сопротивления, и его в тот же вечер отправили в штаб дивизии с другими 10, которых забрали в окрестностях.

Таким образом, после отдыха в Орхание начался для меня период усиленной работы, который, вероятно, продолжится до окончания военных действий, если они кончатся под Филиппополем, а не Адрианополем.

Телеграфировать тебе не было возможности с тех пор, как мы выступили из Орхание — и я не знаю, когда снова представится к этому возможность, писать же я в первый раз могу сегодня, и то только потому, что нам дали день отдыха — день Рождества. Живу я в избе с офицерами — совсем на офицерском положении, что, однако, не исключает всяческих неудобств и лишений. С сегодняшнего дня мы все вольноопределяющиеся вступаем в очередь для отправления всех офицерских служб, кроме дежурства по полку, сегодня я ходил в штаб дивизии за приказами.

Газеты я получил все до 18 ноября включительно, я тебе за них искренне благодарен, они доставили мне истинное удовольствие. Надеюсь, что когда получится почта, я снова получу газеты, может быть, до первых чисел декабря, и это будет большая радость. Винтулов мне пишет, что послал мне вещи и деньги с маршевым эскадром, но, к сожалению, этот эскадрон, вероятно, останется в Кишиневе,

так что не знаю, когда я все это получу. Впрочем, относительно теплых вещей я кое-как устроился, только жаль, что нет теплых сапог. Впрочем, чем дальше, тем будет теплее. Так как скорого возвращения трудно предвидеть, то, чтобы дать Мих<аилу> Мих<айловичу> Шошину возможность справиться с моими денежными делами, я ему высылаю доверенность заключать от моего имени заемные обязательства и подписывать векселя — у меня есть в Сам<арском> общ<естве> вз<аимного> кредита кредит в 8000 и в 200 р. вклада нетронутые, этим нужно воспользоваться, чтобы отсрочивать долги, которые богдановский доход не в состоянии оплатить в срок.

Поцелуй, пожалуйста, милую Мамашу, сестер, je ne leur ecris par ce n'est pas que je les oublie⁴.

Любящий тебя сын

Н<иколай> Чарыков

ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 80. Л. 104–107 об.

¹ –12,5°; –5–6° по Цельсию.

² *Ставровский* Константин Николаевич (1846 — после 1917) — генерал от кавалерии (1907), член Военного совета (1914), полковник Генерального штаба, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1899–1906 гг. наказный атаман Уральского казачьего войска.

³ Армейская винтовка системы Пибоди — Мартини образца 1869 г.

⁴ Я им не писал, но это не значит, что я о них забыл (*фр.*).

О ЛИТЕРАТУРНОМ
НАСЛЕДИИ

Н.А. Егорова

К ИСТОРИИ ОДНОГО АВТОГРАФА
АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

В фонде библиотеки Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына хранится немало раритетов и библиографических редкостей. В их числе более 3000 изданий с автографами, посвящениями, владельческими надписями известных русских писателей, поэтов, философов, деятелей науки и искусства.

Значительная часть автографов принадлежит представителям первой волны эмиграции. Среди них писатели и поэты А.Т. Аверченко, Г.В. Адамович, Н.Н. Берберова, Г. Газданов, Р.Б. Гуль, Б.К. Зайцев, И.В. Одоевцева, А.М. Ремизов, Ю.К. Терапиано, Н.Н. Туроверов, Н.А. Тэффи; философы В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Л.И. Шестов; балетмейстер, артист балета, теоретик танца С.М. Лифарь.

Несомненный интерес представляют книги с дарственными надписями представителей второй (поэта И.В. Елагина, писателя Р.М. Березова) и третьей волн эмиграции (поэта А.А. Галича, писателя В.П. Аксенова).

Большой ценностью для библиотеки является автограф писателя, публициста, общественного деятеля, лауреата Нобелевской премии Александра Солженицына на книге «Август Четырнадцатого: Узел I (10–21 августа ст. ст.)» (Paris: YMCA-Press, 1971).

Наиболее интересные автографы представлены на постоянно действующей выставке «Росчерки эпохи». Книжки, демонстрирующиеся на выставке, ценны не только надписями, которые оставили на них известные люди, но и как произведения книжной культуры. Это прежде всего редкие эмигрантские издания 1920–40-х гг., многие из которых выходили небольшими тиражами и сохранились в библиотеках России в единичных экземплярах.

Хронологическое построение экспозиции дает представление о литературной и общественной жизни России и русского зарубежья с начала XX в. до сегодняшнего дня. Некоторые книги замечательны не только тем, что на них оставил автограф автор, но и тем, что ими владели знаменитые люди — собственно, кому автограф и посвящался. К таким изданиям относится сборник политической сатиры «Нечистая сила» писателя А.Т. Аверченко, подготовленный еще в Петрограде и изданный в Севастополе в 1920 г., перед самым исходом Белой армии из Крыма.

На первой странице книги четко читается дарственная надпись автора, адресованная легендарному военному летчику, первому генералу авиации России

В.М. Ткачеву: «Его превосходительству Вячеславу Матвеевичу Ткачеву — с искренним пожеланием поскорей расправиться с “нечистой силой”. Аркадий Аверченко». Дата не указана.

Где могли пересечься пути знаменитого писателя и генерал-майора авиации? Что означает дарственная надпись? Какой путь проделала эта книга от Севастополя 1920 г. до Москвы начала XXI в.? Понять все это можно, только обратившись к биографиям автора книги и его адресата.

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1925) — один из самых известных русских писателей начала XX в., сатирик, фельетонист, драматург, издатель — родился в Севастополе в семье мелкого торговца. Он получил домашнее образование и уже в пятнадцать лет поступил на службу. Работал сначала в транспортной конторе в Севастополе, затем в конторе Брянского рудника на Донбассе, в начале 1900-х гг. переехал вместе с правлением рудников в Харьков.

Свой первый рассказ «Как мне пришлось застраховать жизнь» Аверченко опубликовал в 1903 г. в харьковской газете «Южный край». В период революционных событий 1905–1907 гг. Аркадий Тимофеевич проявил публицистический талант, широко публикуя в периодических изданиях очерки, фельетоны и юморески. В 1908 г. Аверченко переехал в Петербург, где вскоре стал редактором популярного журнала «Сатирикон».

В Петербурге у Аверченко вышли книги, сделавшие его известным всей читающей России и утвердившие за автором звание «короля смеха». Это сборники юмористических рассказов «Веселые устрицы», «Рассказы (юмористические)», «Круги по воде», «Рассказы для выздоравливающих»¹.

В 1913 г. редакция «Сатирикона» раскололась, и «аверченковским» журналом стал «Новый Сатирикон». Февральскую революцию Аверченко встретил восторженно, но Октябрьскую — не принял. В августе 1918 г. «Новый Сатирикон» был запрещен большевиками, и писатель бежал на белогвардейский юг. Он уехал сначала на Украину, а затем (в начале 1919 г.) в Севастополь, где оставался до окончательного разгрома Белой армии и прорыва красных войск в Крым.

Севастополь был взят красными 15 ноября 1920 г. За несколько дней до этого Аверченко на одном из последних пароходов эмигрировал через Константинополь за рубеж. Он жил сначала в Софии, затем в Белграде, а с июня 1922 г. до самой смерти — в Праге.

В городе детства Севастополе Аркадий Аверченко прожил последние полтора года, проведенные на родине. Здесь он постоянно выступал с чтением своих рассказов, заведовал литературной частью в «Доме артиста», писал пьесы, принимал участие в театральных постановках, а в апреле 1920 г. организовал свой театр «Гнездо перелетных птиц».

Писатель активно участвовал не только в литературной, но и в общественной жизни белого Крыма. Он помогал правительству Деникина, а за-

¹ Аверченко А. Т. Веселые устрицы: Юморист. рассказы. СПб.: М.Г. Корнфельд, 1910. 205 с.: портр.; Он же. Рассказы (юмористические): [В 2 кн.]. СПб.: Шиповник, 1910. Кн. 1. 203 [2] с., Кн. 2: [Зайчики на стене]. 199 [6] с.; Он же. Круги по воде: Рассказы. СПб.: М.Г. Корнфельд, 1912. 205 [6] с.: 1 л. портр. (Юмористическая б-ка «Сатирикона»); Он же. Рассказы для выздоравливающих. СПб.: М.Г. Корнфельд, 1913. 208 с. (Юмористическая б-ка «Сатирикона»).

тем и Врангеля в борьбе с большевиками в области идеологии. С июля 1919 г. Аверченко сотрудничал в газете «Юг», агитируя за помощь Добровольческой армии. Он работал при управлении Генерального штаба Белой армии, по приказам которого писал юмористические прокламации, распространявшиеся среди красноармейцев².

На вечере, посвященном годовщине Добровольческой армии, писателю довелось исполнять обязанности «коменданта» этого мероприятия³. «2 ноября 1919 г. в Севастополе отмечалась годовщина основания Добровольческой армии. По этому случаю в театре Городского собрания был устроен большой спектакль-концерт... В сообщении об этом вечере в газете «Юг» Аверченко вновь призывал севастопольских граждан проявить жертвенность, памятуя о том, что жители города были спасены добровольцами от террора большевиков»⁴.

Вследствие конфликта с цензурой в марте 1920 г. газета «Юг» была закрыта. Аверченко хлопотал о возобновлении выхода газеты и добился приема у главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля.

«Барон Врангель, только что вступивший в эту должность, пригласил к себе для беседы крупнейших журналистов Севастополя — А. Аверченко, А. Бурнакина («Вечернее слово») и И. Неймана («Крымский вестник»). В беседе с ними он фактически обосновал необходимость цензуры в тех условиях, которые тогда сложились, и предложил своим собеседникам два выхода: первый — «сохранить существующий ныне порядок», то есть цензуру, которую он обещал «упорядочить»; «подобрать соответствующий состав цензоров»; второй — «освободить печать от цензуры, возложить всю ответственность на редакторов».

«В этом случае, — разъяснял генерал, — последние являются ответственными перед судебными властями. В случае появления статей или заметок, наносящих вред делу нашей борьбы, они будут отвечать по законам военного времени как за преступления военного характера».

Прослушав эти тезисы, Аверченко и Нейман тут же согласились, что отмена цензуры в Крыму несвоевременна. Один Бурнакин, пользовавшийся поддержкой военной бюрократии, рискнул взять на себя ответственность за свой печатный орган.

Аверченко и Врангель пришли к согласию, и последний издал приказ, разрешающий возобновление выхода газеты под новым названием «Юг России»⁵.

За время работы в газетах «Юг» и «Юг России» писатель напечатал в них более 190 фельетонов и рассказов. В их числе и фельетоны, вошедшие впоследствии в книгу «Нечистая сила», в которых автор в едкой, саркастической манере высмеял быт и нравы большевистских вождей.

В предисловии к сборнику Аверченко пишет об усталом путнике, которому «приходится на ночь остановиться в полуразрушенном замке, пользуя-

² См.: *Левецкий Д.А.* Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М., 1999. С. 80.

³ См.: Там же. С. 71.

⁴ *Шауб И.Ю.* Русские писатели и Белое дело // *Белая Россия: Опыт исторической ретроспекции: М-лы междунаrodn. науч. конф. в Севастополе.* СПб.; М., 2002. С. 122.

⁵ *Миленко В.Д.* Аркадий Аверченко. М., 2010. С. 205–206.

щемся в окрестностях дурной славы»⁶, потому что ночью «там нечистая сила пошаливает»⁷. «А что это за нечистая сила, разыгравшаяся на Руси»⁸, автор обещает показать в своем сборнике, в который вошли пятнадцать рассказов и фельетонов: «Наваждение», «Добрые друзья за рамсом», «Город чудес», «Отрывок будущего романа», «Международный “Ревизор”», «Моя старая шкатулка», «История — одна из тысячи», «Слабая голова», «Разговор за столом», «Петербургский бред», «Миша Троцкий», «Перед лицом смерти», «Разрыв с друзьями», «Античные раскопки», «Возвращение».

Нечистую силу для Аверченко олицетворяли большевики. Трагические события в России, происходившие с момента их воцарения, писатель сравнивал с разгулом нечистой силы. В рассказе «Возвращение», завершающем сборник, возвещается скорое падение красного режима и описывается возвращение петербуржцев в родной город.

Все надежды на освобождение России писатель связывал «с личностью Врангеля, с его деятельностью в качестве главнокомандующего и председателя Русского совета... Вера в возвращение зиждилась лишь на вере в силу, мощь и честь Русской армии... Когда началось расформирование частей, Аверченко стал отходить от политики, но пока шла борьба за Русскую армию, борьба за Россию, Аверченко был вместе с Врангелем»⁹.

Деньги на издание книги «Нечистая сила» писатель получил от правительства Врангеля. Виктория Миленко, севастьяпольский исследователь жизни и творчества своего земляка, пишет: «Летом 1920 года отдел печати выделил 4 миллиона рублей на издание еще одного сборника произведений писателя “Нечистая сила”»¹⁰.

Сохранилось письмо отдела печати правительства Врангеля, адресованное Аверченко:

«Севастополь. 1/14/X 1920 г.

Милостивый Государь А. Аверченко!

По поручению Нач. Отд. Печати извещаю Вас, что в субботу 3/10 октября в 2 ч. дня Вы можете получить в Отделе Печати четыре миллиона рублей. Рукопись Вашей книги при сем прилагаю.

Примите уверение в совершенном <нрзб.>.

Секретарь отд. печ. Н. Цуриков»¹¹.

Письмо датировано октябрем. Однако профессор Д.А. Левицкий, автор обширного исследования жизни и деятельности Аверченко, работавший с лич-

⁶ Аверченко А.Т. Нечистая сила: Кн. новых рассказов. Севастополь: Новый Сатирик, 1920. С. 1.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Николаев Д.Д. Король в изгнании: (Жизнь и творчество А.Т. Аверченко в белом Крыму и в эмиграции) // Аверченко А.Т. Соч.: В 2 т. М., 1999. Т. 1: Кипящий котел. С. 29.

¹⁰ Миленко В.Д. Аркадий Аверченко. М., 2010. С. 203.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 45. Л. 1.

ным архивом Аркадия Тимофеевича, в своей монографии о писателе сообщает: «Книжка вышла в издательстве “Новый Сатирикон”, была отпечатана в Севастополе и поступила в продажу в конце августа 1920 года»¹².

Вероятно, деньги были выданы после выхода книги в свет. В августе уже была напечатана рецензия на сборник в газете «Юг России» (1920. 26 авг. (8 сент.). № 123 (316). С. 2)¹³. «Рекламное объявление, призывающее покупать сборник “Нечистая сила”, было опубликовано в газете “Юг России” 27 сентября (10 октября)... № 144 (339). — С. 1»¹⁴.

Появилась информация о новой книге Аркадия Аверченко и в зарубежной эмигрантской печати. «В первом номере парижской газеты “Свободные мысли”, вышедшем 20 сентября 1920 г. (по новому стилю), в разделе “Календарь писателя” сообщалось: “В Севастополе вышла в свет книга рассказов Аркадия Аверченко” (С. 4)»¹⁵.

Левицкий в своей книге рассказывает об интересной судьбе одного экземпляра сборника Аверченко. В начале сентября 1920 г. из Севастополя в США уехал С.И. Колпашников, которому Аверченко перед его отъездом передал экземпляр «Нечистой силы». Книга в конце концов попала в книжную коллекцию Килгура¹⁶.

«В 1959 году в издании библиотеки Гарвардского университета вышел альбом с репродукциями обложек и титульных листов русских книг Килгуровского собрания. Среди помещенных в этом альбоме репродукций, под номером 51, находится также факсимиле обложки книги Аверченко *Нечистая сила*, на которой автор сделал надпись, гласящую:

Право продажи этой книги целиком или отдельными фельетонами представлено исключительно Степану Ивановичу Колпашникову,

Аркадий Аверченко
Севастополь, 7/IX 1920

П.С. Право г. Колпашникову предоставляется на всю Америку.
А. Аверченко.

¹² Левицкий Д.А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. С. 287.

¹³ См.: Николаев Д.Д. Комментарии // Аверченко А.Т. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 346.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Коллекция русской литературы Килгура (The Kilgour collection of russian literature; 1750–1920) хранится в собрании Рукописного отдела Библиотеки Хоутона (The Houghton Library) Гарвардского университета. В коллекцию входит собрание книг и автографов русских писателей XIX–XX вв. Баярд Ливингстон Килгур (Bayard Livingston Kilgour; 1904–1984) был выпускником Гарвардского университета. В детстве на него сильное влияние оказала мать, влюбленная в Россию. В начале 1930-х гг. Килгур посетил СССР и с тех пор стал увлеченным собирателем русских книг и автографов писателей. Он собрал, в частности, множество первых изданий А.С. Пушкина и писателей пушкинского круга и подарил это собрание библиотеке Гарвардского университета. Гарвардский университет выпустил специальное издание «Пушкин и его друзья» (Pushkin and His Friends: The Making of a Literature and a Myth. An Exhibition of the Kilgour Collection. Cambridge (Mass.), 2005), посвященное описанию книжного собрания Килгура. См.: Демкова Н.С. Древнерусские рукописи и старопечатные книги в некоторых собраниях США // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 34: Куликовская битва и подъем национального самосознания. С. 388–405; Фридкин В.М. Два сюжета // Наука и жизнь. 1990. № 6. С. 138.

Как говорится в описанном факсимиле, на оборотной стороне обложки указана цена книги в деньгах и в продуктах питания (“On back of wrapper the price of the book is given in money and foodstuff”)¹⁷.

Действительно, на задней стороне обложки написано: «Цена этой книги: 30 копеек серебром или 10 коробок спичек или ½ фунта свинины или 2 бутылки лимонада или говоря короче — полторы тысячи рублей на наши бумажные деньжонки»¹⁸. На второй странице обложки указание: «Дозволено военной цензурой. Севастополь. Типография И.Л. Неймана. “Крымский Вестник”. Склад издания — исключительно у Б.А. Матусиса, Ялта, Аутская 11»¹⁹. Эти сведения взяты с экземпляра, хранящегося в библиотеке Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Судьбу этого экземпляра сборника мы можем проследить благодаря дарственной надписи, сделанной на нем автором.

Адресат Аверченко — Вячеслав Матвеевич Ткачев (1885–1965), легенда русской авиации, один из старейших военных летчиков Русской армии, первый казак-пилот, первый летчик-истребитель России, первый георгиевский кавалер русской авиации. Друг П.Н. Нестерова и И.И. Сикорского, чьи имена навеки вошли в историю авиации, он прожил большую, нелегкую, но интересную жизнь.

Вячеслав Матвеевич родился на Кубани, в станице Келлермесской, обучался в Нижегородском аракчеевском корпусе, затем в Константиновском артиллерийском училище. После окончания училища служил во 2-й Кубанской батарее. Увидев в одесском небе полеты аэроплана, Ткачев увлекся авиацией и в 1911 г. окончил одесскую частную авиационную школу, а в 1912 г. Севастопольскую авиационную школу. Он начал воевать в августе 1914 г. в должности командира авиаотряда, а к ноябрю 1917-го дослужился до поста главнокомандующего всем русским Военным воздушным флотом (авиадарм)²⁰.

19 ноября 1917 г., узнав о предстоящем занятии Ставки главковерха прибывшими петроградскими солдатами во главе с новым Верховным главнокомандующим прапорщиком Крыленко, Ткачев подал рапорт об отставке и уехал на фронт. Добравшись до Екатеринодара, вступил рядовым в казачий отряд, участвовал в боях против красных частей на Кубани. В марте 1918 г. Ткачев попал в плен и несколько месяцев провел в майкопской тюрьме. По освобождении Кубани от красных он приступил к формированию 1-го Кубанского авиаотряда, командиром которого и был назначен в декабре 1918 г. Вячеслав Матвеевич продолжал сражаться с Красной армией, был ранен под Царицыном, выздоровел, вновь вернулся в строй.

В мае 1919 г. авиаотряд Ткачева поддерживал Кавказскую Добровольческую армию Врангеля в боях с 10-й армией РККА. Командующий армией высоко оценил способности Ткачева, и 8 мая 1919 г. он был назначен начальником авиаотря-

¹⁷ *Левцкий Д.А.* Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. С. 80–81.

¹⁸ *Аверченко А.Т.* Нечистая сила...

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *Махалин А.В.* Генерал В.М. Ткачев: деятельность последнего русского авиадарма в годы Гражданской войны // Белое движение на Юге России: Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995. С. 36.

да Кавказской армии, к тому же ему фактически подчинили 4-й Добровольческий и 4-й Донской самолетный авиаотряды, а также 47-й авиадивизион, состоявший из английских добровольцев, а 19 мая его произвели в генерал-майора, хотя официально звание было подтверждено лишь в начале 1920 г.

В 1920 г. Ткачев командовал авиаотрядом Кубанской армии, одновременно являясь (с 1919 г.) членом Кубанского краевого правительства по внутренним делам.

В апреле 1920 г. В.М. Ткачев был назначен начальником авиации Вооруженных сил Юга России, а после отставки командующего Добровольческой армией Деникина 28 апреля 1920 г. — начальником авиации Русской армии генерал-лейтенанта Врангеля.

Одной из самых успешных операций Белой армии на юге России был разгром Сводного красного конного корпуса Жлобы в июне 1920 г.

Интереснейшим документом об этой операции являются воспоминания Павла Николаевича Шатилова — начальника штаба Добровольческой армии (с декабря 1919 г. по январь 1920 г.), хранящиеся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына²¹. Говорится в воспоминаниях и об участии в операции авиации Русской армии под непосредственным руководством В.М. Ткачева: «19-го, вечером, Врангель отдал Армии следующие приказания: 1-му корпусу Кутепова атаковать Тигервейде и Фриденсдорф, направить конницу левее на Вальдгейм. Донскому корпусу Абрамова, еще перед рассветом, атаковать в направлении на Гнаденфельд и Александеркрон. Ген. Ткачеву всеми способными к вылету авионами бомбить красных»²².

Шатилов пишет, что Врангель верил в успех операции и в своих подчиненных. 20 июня «лишь изредка он получал сторонние сведения о крайнем напряжении боев. Но уже к полдню один из самолетов Ткачева бросил донесение, что противник разбит наголову и окружен нашими войсками»²³.

Ярко описаны действия авиации в книге братьев Лойко «Неоконченная повесть»: «Врангель приказал генералу Ткачеву силами авиации остановить продвигавшуюся вперед на рысях красную конницу. Два десятка боевых машин, одну из которых пилотировал сам Ткачев, поднялись в воздух и, разогнав самолеты красных, обрушили пулеметный огонь и бомбы на конницу Жлобы»²⁴.

Еще одно описание этого военного эпизода находим на страницах журнала «Станица»: «В одной из самых блестящих операций авиации Русской армии под непосредственным руководством Ткачева, завершённой разгромом красного конного корпуса, самолеты наносили удары по врагу и на бреющем полете буквально рассеяли по степи его коней»²⁵.

²¹ Шатилов П.Н. Из записок // ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-250 (1-8).

²² Там же. Ед. хр. М-250 (6). Л. 516.

²³ Там же. Ед. хр. М-250 (6). Л. 517.

²⁴ Лойко А.Н., Лойко Е.Н., Лойко А.Н. Неоконченная повесть: (Повесть о русском летчике Иване Лойко). Гл. IV // Борисоглебское высшее военное авиационное ордена Ленина Краснознаменное училище летчиков им. В.П. Чкалова: Сайт выпускников училища. URL: http://www.bvvaul.ru/articles/text/rasskazi/loyko_povest/38.php. (Дата обращения: 24 марта 2011 г.)

²⁵ Г.К. Генерал В.М. Ткачев: (Памяти казака и военного летчика) // Станица. 2000. № 2 (32). Июнь. С. 25.

По свидетельству самого Ткачева, авиация лишила кавалерию красных активности и «совместно с войсками разбила всякую попытку красных к прорыву, чем была создана возможность провести соответствующие перегруппировки и окружить противника»²⁶.

За личное мужество и умелое руководство действиями авиации генерал В.М. Ткачев 22 июня 1920 г. одним из первых представителей Белого движения был награжден орденом Святителя Николая Чудотворца 2-й степени.

В воспоминаниях П.Н. Шатилова о генерале Ткачеве говорится и в связи с посещением Белой армии иностранными военными миссиями, аккредитованными в Крым, и журналистами. «Сначала Врангель и его спутники посетили перекопскую позицию, где были установлены даже крепостные орудия... Затем гости были доставлены на аэродром, где на восстановленных аппаратах ген. Ткачев произвел фигурные полеты. Там же был произведен смотр Кубанской дивизии ген. Бабиева, закончившийся джигитовкой. После этого были произведены смотры корниловцев, дроздовцев и марковцев»²⁷.

Весной — осенью 1920 г. на крымской земле велись жестокие бои. Борьба за Крым закончилась разгромом армии Врангеля. 29 октября Врангель подписал приказ об эвакуации и роспуске армии. Потом был великий исход Русской армии П.Н. Врангеля из Крыма.

С ноября 1920 г. Ткачев провел долгие годы эмиграции в Сербии. Некоторое время он служил в инспекции авиации Королевства СХС.

Вячеслав Матвеевич проявлял большую заботу об устройстве русских летчиков, являясь с 1924 по 1934 г. председателем Общества воздушного флота 4-го отдела Русского общевойскового союза (РОВС). Он работал в Русской сокольской организации, других эмигрантских организациях. После отставки в 1934 г. Вячеслав Матвеевич поселился в Нови-Саде, где преподавал в русской мужской гимназии и основал Сокольское общество.

В начале Второй мировой войны В.М. Ткачев перебрался в Белград, где стал преподавать тактику воздушных сил на Высших военно-научных курсах генерала Н.Н. Головина.

Позднее он отошел от участия в эмигрантских организациях, проявил демонстративное несотрудничество с оккупировавшими страну фашистами и работал преподавателем в школах. Когда в октябре 1944 г. к Белграду подходили советские войска, В.М. Ткачев отказался эвакуироваться и был арестован Смершем. Вячеслава Матвеевича приговорили к 10 годам концлагеря. Жену его, Надежду Алексеевну, в СССР депортировать не стали, и через несколько лет после войны она оказалась под Парижем в доме престарелых²⁸.

²⁶ Цит. по: *Гололобов М.А.* Таврия в огне: (Разгром 1-го конного корпуса Жлобы) // Военно-ист. журн. «Доброволец — XX век». URL: <http://www.dobr20.ru/rub/28/112.htm>. (Дата обращения: 24 марта 2011 г.)

²⁷ *Шатилов П.Н.* Из записок // ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-250 (8). Л. 592.

²⁸ См.: *Нешкин М.* Гибель эскадры: Императорские соколы: то взлет, то посадка / Беседовал О. Кашин // Русская жизнь. 2007. 3 авг. URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/196>. (Дата обращения: 24 марта 2011 г.)

Отсидев в лагерях ГУЛАГа, Ткачев поселился в Краснодаре, где работал в артели инвалидов-переpletчиков. Написал две книги: «Русский сокол» (о своем друге П.Н. Нестерове), «Крылья России» (о русской авиации 1910–1918 гг.). В 1956 г. его разыскала жена, звала к себе, но встреча их так и не состоялась. 25 марта 1965 г. В.М. Ткачев умер в нищете в Краснодаре.

Таковы судьбы двух людей — писателя и военного летчика, — каждый из которых внес свой весомый вклад в Белое дело. Символично, что в 1920 г. на головы их общих противников летели с самолетов листовки с текстами Аверченко и бомбы, сбрасываемые по приказу В.М. Ткачева.

Где же и при каких обстоятельствах мог А.Т. Аверченко подписать свою книгу В.М. Ткачеву? Могло ли это произойти в 1920 г., когда Аверченко и Ткачев еще были в Крыму, или уже в эмиграции — оба в 1922 г. жили в Югославии?

В сборнике «Нечистая сила» звучит надежда на скорое освобождение России от всякой нечисти. Под «нечистой силой» Аверченко, как известно, имел в виду большевиков. Сопоставление содержания сборника и того факта, что Ткачев сражался против большевиков, дает основание предположить, что надпись была сделана в тот период, когда борьба еще не закончилась и оставалась надежда на победу Белой армии. Становится вполне понятным и пожелание, высказанное автором в дарственной надписи — «поскорей расправиться с “нечистой силой”»²⁹. Этот период укладывается в промежуток между выходом тиража книги в августе 1920 года и 15 ноября 1920 г., когда белые войска, а с ними и Ткачев, и Аверченко покинули Крым.

На книге, хранящейся в библиотеке Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, есть еще одна надпись, расположенная в правом верхнем углу титульного листа: «Н.А. Ткачева». Это доказывает, что книга находилась в личной библиотеке семьи Ткачевых. «Н.А. Ткачева» — это, безусловно, супруга Вячеслава Матвеевича — Надежда Алексеевна Ткачева.

В библиотеку Дома русского зарубежья сборник поступил в составе коллекции книг, переданных в дар из Старческого дома Земгора в Ганьи под Парижем, где жили видные представители творческой эмиграции — Юрий Терапиано, Ирина Одоевцева и др.

Известно, что Надежда Алексеевна Ткачева (ок. 1886 — 29 июня (по др. свед., 6 июля) 1966) скончалась в Париже. О ее кончине сообщил Союз русских военных летчиков³⁰. Последние годы Н.А. Ткачева жила в доме для престарелых под Парижем. Скорее всего, это не был Старческий дом в Ганьи. Но какими-то неисповедимыми путями книга Аркадия Аверченко вернулась на родину, освободившуюся от «нечистой силы».

²⁹ Аверченко А.Т. Нечистая сила... С. 1.

³⁰ См.: Незабываемые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. М., 2006. Т. 6. Кн. 2: Скр-Ф. С. 399.

В.А. Соколова

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА
ИРИНЫ КНОРРИНГ:
К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ

Стихи Ирины Кнорринг (1906–1943) — это своеобразный дневник, в котором с удивительной точностью фиксируются события ее жизни. Об этой стороне ее творчества неоднократно говорили современники, устно или же в критических статьях, посвященных ее стихам. Например, Галина Кузнецова при встрече на поэтическом вечере в Париже сказала, что хорошо знает Кнорринг по ее стихам — «ведь это дневник»¹.

Действительно, последний сборник стихов Ирины Кнорринг «После всего» (на данный момент наиболее полный выпущен в Алма-Ате в 1993 г.) можно читать как своеобразное жизнеописание. За стихотворениями, составляющими его, как стержень, виден жизненный путь.

Вехи жизненного пути, а также особенности творческого созревания поэта позволяют разделить творчество Кнорринг на несколько условных периодов: африканский, парижский 1920-х гг., парижский 1930-х гг., военное время.

Но прежде чем перейти к разбору обозначенных периодов, следует уделить внимание наиболее раннему времени — периоду осознания своего дара, творческому преддверию. Чтобы говорить о дневнике в стихах Ирины Кнорринг, надо обратиться к самому началу жизни будущего поэта — детству. А детство ее, как известно, выпало на время революции и Гражданской войны. Еще ребенком Кнорринг стала свидетельницей войны и разрушения прежней мирной жизни. В это время и начинает формироваться основа ее творчества, закладываются те черты, которые в дальнейшем будут характеризовать всю ее поэзию.

Так, А. Бахрах в статье «Семеро в поисках своего “я”», рассматривая посмертную книгу Кнорринг в числе прочих, скажет: «Отсвет нашей сомнительной эпохи лежит на всех этих сборниках»². В своем тексте он размышляет о «человеческом документе», эпохе и связи поэта со своим поколением.

Однако, говоря о дневниковой направленности, свойственной поэзии того времени, не стоит забывать и то, что со своим поколением Кнорринг совпала, но отнюдь не подражала общей поэтической интонации. Дневниковая манера письма была собственной чертой ее творчества. И черта эта у нее сформировалась много раньше возникновения общей тенденции, а именно в детстве.

¹ Кнорринг И. Повесть из собственной жизни: Дневник: В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 506.

² Бахрах А. «Семеро в поисках своего “я”» // Новоселье. 1950. № 42/44. С. 212.

По словам Н.Н. Кнорринга о детстве дочери, оно «ломалось»; неведение уступало место миру взрослых, входящему в ее жизнь. «Все, что говорилось и переживалось взрослыми, она болезненно переживала и отражала в своих стихах»³, — запишет позднее он в «Книге о моей дочери».

Вследствие этого в своей поэзии она начинает запечатлевать окружающую ее повседневную жизнь, и параллельно в ее творчестве зарождается та самая дневниковая манера письма. Начало этому явлению положили частые переезды во время беженских скитаний семьи, сопровождавшиеся крайне быстрой сменой событий. Подобная эмоциональная и событийная насыщенность заставила Ирину Кнорринг подробно фиксировать в своих стихах мгновение, быть внимательной к детали. В подписях к своим стихотворениям того периода она часто указывает не только место и время создания, но и дополнительные сведения, позволяющие глубже понять стихи.

Она равно отмечает изменения своей жизни и в дневнике, и в стихах.

Произведения, написанные ею в детстве, по большей части представляют собой романтические баллады, по которым достаточно легко определить первоисточник. В дальнейшем же она писала только лирику.

Детство, без сомнения, один из важнейших этапов формирования личности. Однако непосредственно творческий путь Кнорринг начался с отплытия из Крыма врангелевской эскадры, в составе которой семья Кнорринг эвакуировалась в Африку.

Первый, африканский период ее творчества — это время жизни Ирины Кнорринг в Тунисе, ее допарижское существование. Сюда можно условно отнести и время, проведенное на кораблях в пути до Бизерты. В пользу этого мнения говорит и тот факт, что стихотворением, призванным открыть книгу «После всего: Стихи 1920–1942 гг.»⁴, составитель выбрал «Быть может, снятся в ночь глухую...» (в сборнике оно приводится в укороченном виде, начиная со слов: «...Брожу по палубе пустынной...»), написанное в Константинополе и датированное 1920-м г. Далее в сборнике следуют уже стихотворения начиная с 1922 г. Завершается же этот этап отъездом семьи Кнорринг во Францию.

В этот период Кнорринг занимается саморазвитием. Она штудирует книги современных поэтов, дополняет знания классики, полученные еще дома. Переживает недолгое увлечение сонетами Бальмонта, копирует его манеру письма. Особенно ее поражает Блок. Достаточно быстро ее внимание привлекает акмеизм, традициям которого будет в дальнейшем наследовать ее поэзия. Это хорошо заметно на очевидно проявляющемся в ее стихах интересе к поэзии Ахматовой, чье влияние скажется в любовной лирике Кнорринг. Строки из произведений Ахматовой и Блока в этот период часто становятся эпиграфами к стихам Кнорринг.

Порой в ее стихах еще слышатся постепенно уходящие романтические ноты. Чаще всего они связаны с темой скитаний, изгнанничества и горького

³ Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери. Воспоминания. Алматы, 2003. С. 8.

⁴ Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. / Сост., предисл. и примеч. А.Л. Жовтиса. Алматы, 1993.

ощущения своего одиночества. Проявляются же они в темах родины, безрадостных эмигрантских будней, куда порой вплетается и мотив смерти. Надо сказать, что к смерти Кнорринг обращалась еще в детских стихах, написанных во время беженских скитаний. Смерть в них воспринималась в романтическом ключе.

Но среди ранних произведений Кнорринг встречаются, хотя и редко, стихотворения, запечатлевшие радостное восприятие жизни. И это идет вразрез с распространенным мнением о мрачности поэзии Кнорринг. Со временем неприкаянное эмигрантское существование и тяжелая болезнь усилили чувство горечи в ее поэзии, но изначальное устремление Кнорринг все-таки было иным. Например, стихотворение «Октябрьское утро» (1923). В нем нет тягостных воспоминаний о прошлом и сомнений в будущем, нет скорби о настоящем, есть восхищение миром в данный момент времени, упоение его красотой и эмоциональное слияние с ним. В стихотворении «Станет больно — не заплачу...» (1924) чувствуется волевой напор, не очень характерный для Кнорринг, обычно предпочитавшей созерцание и камерность. Кроме того, стихотворение это радостное и энергично-эмоциональное. Из этого можно видеть, что клише «поэта скуки», которым незаслуженно заклеила ее Берберова, изначально не совсем правдиво. Со временем жизнь утвердила в стихах Кнорринг интонацию тоски, но были в ее творчестве и другие стихи — и в основном в ранний период творчества. Следует заметить, что и в дневнике она не предстает человеком, находящимся в постоянном унынии. Там звучат и такие слова, как «дурачиться», «веселиться», «радоваться».

Во время жизни в Тунисе Кнорринг продолжает запечатлевать в стихах окружающий ее мир. У нее возникает группа стихотворений, посвященных Африке. Однако непосредственно экзотики в них мало, основу составляет быт русской колонии в Бизерте и ее окрестностях.

У Кнорринг продолжает развиваться дневниковая манера письма, выражающаяся в описаниях и перечислении деталей. Порой одну и ту же мысль она пытается последовательно воплотить в нескольких стихотворениях, притом способы подачи и темы стихотворений могут различаться и быть вполне самостоятельными.

Стремясь совершенствовать технику, она пробует силы в твердых формах (сонеты, терцины). В основном Кнорринг тяготела к классическому стиху, но у нее в этот период есть несколько вариантов белого стиха.

Пробует себя Кнорринг и в больших формах. Например, в своей «Балладе о двадцатом годе» (1924) она предпринимает попытку осмыслить пережитое беженское время и исход русских из Севастополя. И дневниковые черты ее стиля очень заметно проявляются в реалистических воспоминаниях этого пути.

В стихах подобной тематики у Кнорринг виден постепенно идущий процесс осознания трагедии эмиграции, народа и России. В этой же общественной плоскости она затрагивает тему религии и традиции — достаточно редкую у Кнорринг, а здесь находящую отражение сразу в нескольких произведениях. Известно, что в восприятии некоторого круга эмигрантов обрядовая сторона порой заслоняла собой саму суть веры. Кнорринг не принимает такого отношения к религии, ее

угнетает бессмысленная, косная приверженность традиции, но в то же время воспринять веру без нее не получается.

Иногда ее юношеский максимализм проявляется в излишнем пафосе. Она пока еще не достигла той простоты и легкости выражения, которые будут свойственны ее поздней поэзии. Сейчас она пытается говорить о страшном страшно.

Стоит упомянуть, что «Баллада...» — это одна из первых ее публикаций⁵. Во время африканского периода Кнорринг начинает печататься, ее стихи берут многие эмигрантские издания.

Став певцом своих переживаний, Кнорринг воспринимает поэтическое творчество как потребность. Н. Кнорринг в предисловии к сборнику «После всего: Третья книга стихов (посмертная)» пишет: «Стихи складывались в ее голове как-то целиком, она просто *записывала* их, сразу набело, обычно без всяких помарок»⁶. Эту черту стихосложения своей дочери он обсуждал с Бальмонтом в свой приезд в Париж в 1923 г. И тот сказал, что «это ни хорошо, и ни плохо»⁷, а всего лишь свойство определенного поэта. Сама Кнорринг так писала об этом в стихотворении «Я не умею говорить слова...» (написано в 1924 г., опубликовано в 1926 г.): «Я не умею говорить слова, / Звучащие одними лишь словами. / Я говорю мгновенными стихами, / Когда в огне пылает голова...»

Время, проведенное в Бизерте, стало для Кнорринг временем закладывания базовых основ творчества. В ее поэзии формируется определенный технический и культурный уровень. Здесь проявились и такие мотивы, как эмигрантское существование, одиночество, покинутая родина, которые в дальнейшем будут все более развиваться и углубляться в ее творчестве. В это же время формируется ее отношение к поэзии как к смыслу своего существования, центром жизни она называет «синюю тетрадку» со стихами.

Африканский период — это первые пробы пера. Но уже здесь видна та интонационная приглушенность, которая позднее сблизит ее поэзию с «парижской нотой».

Второй период в творчестве Кнорринг начинается с 1925 г., когда она с семьей переезжает в Париж.

Это время ее вхождения в литературную среду Парижа. Кнорринг завязывает творческое общение, посещает литературные вечера, продолжает учебу. В этом смысле показательным ее стихотворение «Шумят мне ветвистые клены...» (1925), написанное вскоре после переезда во Францию. Оно наполнено напряженным ожиданием, хорошо передает чувства человека, шагнувшего в неизвестность. Это ночное или вечернее размышление происходит «под сенью сфаятской иконы» (икона Божией Матери «Светлая Обитель странников бездомных»). Небольшая подробность, которая, однако, дает дополнительную глубину мыслям о продолжающихся скитаниях. В ряд к этому стихотворению можно поставить «Мне нра-

⁵ Оpubл.: Последние новости. 1924. 12 окт. № 1370. С. 3.

⁶ Кнорринг Н.Н. Предисловие // Кнорринг И. После всего: Третья книга стихов (посмертная). Париж, 1949. С. VII.

⁷ Он же. Книга о моей дочери. С. 36.

вилось солнце и душный сирокко...» (1926), возвращающиеся к этим переживаниям по прошествии года. В нем Кнорринг испытывает некоторое смущение за ту радость, с которой оставила Африку, но все равно радуется. Подобное чувство должен испытывать провинциал за поспешность, с которой покидает свой угол ради чаемой столицы.

В связи с этим первое время в ее стихах больше обычного выступает тема странствий и неизвестного будущего. А в теме родины, напрямую связанной с темой эмиграции, видны прежние мысли в более углубленном виде.

Она осознает необходимость дальнейшего творческого развития и ищет путей к нему. У нее происходит некоторая переоценка своего прежнего творчества, что выразилось, например, в ее размышлениях накануне второго посещения вечера Союза молодых поэтов и писателей в Париже. На первом она читала стихи экспромтом. Как она писала в дневнике, для второго посещения, уже вдумчиво отбирая стихи для чтения, она ничего не смогла найти: «Стала перебирать свои черновики и пришла к выводу, что мне нечего читать. <...> ...Все обо мне и о Сфаяте, нужно знать и меня и Сфаят, а так они ровно ничего не дадут. Стало ясно, что так стихов не пишут, нужно искать какие-то новые пути»⁸.

Кнорринг сама сознает необходимость дальнейшего развития и ищет свой путь.

Париж представлял собой благодатную почву для этого. С переездом для Кнорринг открылись новые культурные горизонты. В ее стихи проникает эстетика европейской культуры. Это находит отражение в отдельных образах, вплетенных в общее поэтическое повествование. Например, стихотворение «Старый квартал» (1928), описывающее эмигрантское существование, заканчивается строками: «И над входом в убогий отель / В темной нише смеется Мадонна».

Особенностью творчества Ирины Кнорринг является преобладание личных тем. Н. Кнорринг так говорит об этом периоде в жизни дочери: «Ее бесспорное дарование требовало развития не в направлении стихотворной техники, которой Ирина владела в достаточной степени, а в сторону углубления ее поэтического служения. Было ясно, что быть летописцем своих переживаний — явление вполне нормальное для лирического поэта, но остановка на этом этапе может быть оправдана лишь у крупнейших поэтов. Между прочим, в детские годы ее занимали самые разные сюжеты, не только личные; теперь же, чтобы выйти из круга интимной лирики, требовалась уже значительная культура и оригинальность»⁹.

Надо отметить, что сама Кнорринг не стремилась покинуть свою «девичью комнату». Творчество ее сложилось как глубоко камерное и интимное. И в этом нет какого-либо недостатка. Возможно, проживи она дольше, ее творчество могло бы измениться. Но подобные размышления кажутся нам бессмысленными, так как творческий путь поэта предстает перед нами в его завершенности. Ирина Кнорринг — поэт, состоявшийся как певец лиричный, камерный.

⁸ Кнорринг И. Повесть из собственной жизни: Дневник. Т. 1. С. 500.

⁹ Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери. С. 56.

Примерно через год после переезда ее внимание начинает смещаться с формы на мелодику. Примером может служить стихотворение «Я не помню» (1926). Постепенно у нее все более явно будет звучать та самая тихая интонация, которая определит ее поэзию.

Действительно, с переездом во Францию открывается новый период в ее творчестве, связанный с интенсивным общением в творческих кругах. Она много публикуется. Ее стихи удостаиваются критики признанных мэтров. Ее замечает Зайцев, разговор с которым описан ею в дневнике¹⁰. О ее стихах в общем благосклонно отзывается Адамович. Она знакомится с Терапиано, Ладинским, Кузнецовой, Кнутом и многими другими поэтами и писателями как старшего, так и младшего поколения. Большое впечатление чтением своих стихов произвела на нее Цветаева, на вечере которой она присутствовала. Под впечатлением от него Кнорринг пишет стихотворение «Цветаевой». Она кое-что взяла из цветаевского опыта. Например, формальные обрывы, неточные рифмы, но в целом ее тихая поэзия была чужда бурной поэзии Цветаевой.

Стоит заметить, что в творчестве Кнорринг была самостоятельна и не признавала покровительственного тона по отношению к себе.

К этому моменту формируется общее критическое мнение о ее стихах. Критики отмечают как характерные черты ее поэзии дневниковость, эскизность, краткость, отсутствие стремления к внешнему эффекту, а также влияние Ахматовой. Последнее сильно волновало Кнорринг, так как она опасалась навсегда остаться в тени Ахматовой.

Это время отмечено яркими любовными переживаниями Кнорринг. Предметом их стали поэт Ладинский (охлаждение к которому наступило после его заочного негативного высказывания о ее стихах), а также студент Карпов (без взаимности). Переживания Кнорринг находили отражение в ее произведениях. Так, чувства к Константину Аристову отразились в посвященном ему цикле стихов «Стихи об одном» (1926). В «Стихах об одном» очень явно ощущается влияние Ахматовой, ее интонация. Надо сказать, что Кнорринг будет стремиться преодолеть ахматовское влияние, избавиться от этого ярлыка. Со временем ей это удастся. Отдельные удачи встречаются в неформальном цикле любовных стихотворений о Версале, посвященном будущему мужу.

Анализируя собственные стихи, Кнорринг на страницах дневника отмечает исчезновение у себя пафоса и трагических жестов и появление на их месте иронии. Со стороны техники Кнорринг пробует небольшие эксперименты, например пользуется усеченной строкой.

В это время Кнорринг формулирует свое жизненное и творческое кредо: молодость, поэзия, счастье (включающее в себя любовь). Она размышляет о поэтическом даре: поэзия предстает как камертон, которым проверяется истинная ценность явления.

В стихах, относящихся к началу этого периода, еще чувствуется остаток прежнего максимализма в размышлениях о старости и смерти. Но за эти несколько лет она пройдет большой путь. Образы ее станут более телесны и реалистичны, утрачивая последний романтический налет.

¹⁰ См.: Кнорринг И. Повесть из собственной жизни: Дневник. Т. 1. С. 522–523.

1925 г. ознаменован прорывом в ее творчестве в виде нескольких отдельных особенно сильных стихотворений: «Рождество», «Стучали волны в корабли глухие...» и др. О стихотворении «Рождество», выражая общее мнение, будущий друг семьи поэт Мамченко скажет ей следующие слова: «И за это я вас очень благодарю. Серьезно. Я вас раньше не любил, а вот это... Я вам за это стихотворение когда-нибудь жизнь спасу!...»¹¹ Она учится ставить интонационную точку в финале стихотворения. В 1926 г. идет постепенное закрепление успехов и дальнейшее совершенствование.

Постепенно поэтический голос ее окрепнет, все яснее будет звучать собственная интонация и развиваться все то, что было заложено во время жизни в Африке. В ее поэзию входят образы мировой культуры. Изредка у нее возникают не только европейские, но и библейские образы, переплетавшиеся в ее сознании с воспоминаниями об Африке.

Поэтическое окружение Кнорринг подталкивало ее к выходу из круга личных тем. Так, в 1927 г. она напишет стихотворение «Пилигримы», в котором критика увидит иные, не присутствовавшие до того в ее поэзии общественные мотивы. Сохранилась запись, сделанная по этому поводу Ириной Кнорринг в своем дневнике, где она отмечает, что все, в том числе Ю.Б. Софиев, будущий муж, приветствовали поворот в ее поэзии. Интересно, что сама она в связи с этим ощущает другое чувство — жалость. Критики говорили только об одной стороне данного стихотворения, которая связана с темой религиозной, отчасти темой оставленной родины, и не заметили, что в этом произведении присутствует тема смысла или бессмысленности жизни, и на описываемый путь пилигримов проецируется представление о будущей жизни Ирины Кнорринг и Юрия Софиева — такой, как она ей виделась. Таким образом, она продолжает говорить о своей жизни, несколько изменив манеру. Как уже говорилось, она экспериментирует очень умеренно, боясь изменить себе. И этот небольшой шаг, обогатив ее опыт, тем не менее не увел ее в сторону с выбранной лирической стези.

Также надо отметить пессимизм, начинающий постепенно усиливаться в стихах Ирины Кнорринг. Даже в стихах, обращенных к жениху накануне свадьбы, порой звучат горькие ноты и сомнения в возможности счастья. В этом смысле показательно стихотворение Кнорринг «Счастье» (1927), не вошедшее в ее поэтические сборники, в котором героиня называет его «невозможным» и оттого умирает на его последней черте.

Тоска Кнорринг проистекает от осознания невозможности счастья. Например, стихотворение «Всегда все то же, что и прежде...» (1927) завершается строками: «Весь этот подлый мир любить / Слегка кощунственной любовью». И здесь открываются творческие параллели между мировосприятием И. Кнорринг и И. Анненского. Эта связь с одним из «учителей» «парижской ноты», как и дневниковая манера письма, интонационно сближает поэзию Ирины Кнорринг с творчеством последователей «ноты».

В стихах Кнорринг этого периода идет творческий поиск, происходит процесс развития и становления поэта, выражающийся, в частности, в выявлении индивидуальной интонации и выходе на определенный технический уровень.

¹¹ Кнорринг И. Повесть из собственной жизни: Дневник. Т. 1. С. 533.

Граница следующего, *третьего периода* размыта и приходится на временной промежуток с 1929 по 1931 г. — за эти годы Кнорринг завершает свое поэтическое становление. Через год после замужества, в 1929 г., у нее рождается ребенок, а в 1931-м она выпускает свою первую книгу. Два эти события имели большое значение для ее жизни и творчества. С рождением сына связано появление одной из основных тем ее поэзии — матери и ребенка. А первая книга является своеобразным подведением итогов предыдущего периода. В ней видны практически все характерные черты творчества Ирины Кнорринг.

В сборнике «Стихи о себе» нет хронологической последовательности в расположении произведений. Книгу открывает стихотворение «Я пуглива как тень на пороге...» (1928), которое Кнорринг считала своим лучшим стихотворением, наиболее полно выражающим все, что она хотела сказать. По словам ее отца, она не считала возможным повторить эту удачу, написав что-то столь же передающее ее чувства.

Публикацию первого сборника Кнорринг оценивала как серьезную веху на своем творческом пути. После выхода «Стихов о себе» она обрела внутреннюю уверенность в отношении критики своих стихотворений. Постепенно, что также связано и с болезнью, она отдаляется от бурлящей жизни «Монпарнаса».

Если 1920-е гг. для нее являются временем поиска, то в 1930-е этот поиск уже завершен. Процесс творческого становления заканчивается. К этому времени Кнорринг уже сформировалась как поэт. Вместе с собственной интонацией она открывает и развивает собственную тему — жены и матери. Особенно глубоко в ее стихотворения входят образы детского мира и ребенка. Через эту тему по-новому предстает и тема покинутой родины. Воспоминания собственного детства Кнорринг порой переплетаются, связываются с рассказом о детстве сына.

Г.П. Струве в своей рецензии на ее сборник, размышляя о дальнейшем творческом развитии Кнорринг, говорил, что оно будет зависеть от того, найдет ли она как поэт что сказать. И Кнорринг нашла свою тему, что тот же Струве, уже после ее смерти, отметит в книге «Русская литература в изгнании».

Кнорринг, как и прежде, подробно, с дневниковой точностью пишет о своей жизни и своих переживаниях. Она фиксирует повседневный быт эмигрантского существования. В ее поэзию входит образ временного и неустроенного дома-отеля, который по-своему опять перекликается с темой покинутого дома, родины и бесконечных скитаний.

Дневниковость описания порой становится бытописанием. Но за перечислением повседневных мелочей (будильник, запах супа и др.), отражающих тяжесть ее жизни и ее личную трагедию, просвечивает трагедия мировая. Кнорринг хорошо усвоила уроки акмеизма, и в частности Ахматовой, в умении передавать сознание через бытие. В ее стихах мировой надлом прочитывается именно в жизни конкретного человека. При прочтении смысловые пласты углубляются, и за описанием, казалось бы, обыденной жизни лирический герой Кнорринг выступает как представитель своего эмигрантского поколения и более глобально — как представитель всей эпохи.

Именно о «человеческом документе» говорил Г. Адамович. А. Бахрах же рассматривал «человеческий документ» применительно к стихам Кнорринг в своей статье «Семеро в поисках своего “я”».

Также в 1930-е гг. происходит и преодоление ахматовского влияния на творчество Кнорринг. Связано это с появлением темы материнства в ее стихах. В сравнении со стихами Ахматовой ее поэзия более приниженно-бытовая, и также большое значение в формировании собственной интонации у Кнорринг сыграла ирония.

Временами она продолжает заимствования. Эти влияния можно отследить, но они не подавляют ее собственного творчества, переросшего их.

Поэзия ее, несомненно, женственна. Об этом говорил еще Ходасевич, рассматривая ее «Стихи о себе». Жизнь она воспринимает сердцем, интуитивно. Отдав в ранней юности дань героическому пафосу, теперь она оставляет его другим, что видно, например, в стихотворении «Вы строите большие храмы...» (1929) с посвящением двум Юриям (Ю. Софиеву и Ю. Терапиано). Сама же углубляется в обыденную жизнь. В ее стихах, наполненных повседневными мелочами, чувствуется глубокое и горестное ощущение жизни, восходящее еще к плачу Ярославны. Отойдя от общественно-литературной суеты, она пишет об одной из самых невзрачных сторон жизни, проходящей «в кухонном едком чаду». Однако это только способ подачи материала, а темы, волновавшие ее, находились и вне этой плоскости. Она продолжает говорить о главной своей боли — потерянной России. В эти годы Кнорринг пишет одно из лучших своих стихотворений «О России» (1933), являющееся ее своеобразной визитной карточкой.

Постепенно ее произведения все больше пропитываются скептицизмом. Он проникает и в ее восприятие родины, что видно в стихотворении «Я уж не так молода, чтобы ехать в Россию...» (1938). Скептицизм отражается также в ее стихотворениях, касающихся собственного творчества и восприятия религии. Два эти аспекта объединены нами не случайно. Дело в том, что Кнорринг в отличие от большинства современников-эмигрантов не ищет утешения в религии. Ее религиозные чувства сложны. Бог в ее стихах не отрицается, но чаще всего констатируется разьединенность с ним. Однако в некоторых стихотворениях происходит объединение посредством творчества. Например, когда она в стихотворении «Только память о страшной утрате...» (1931) замечает: «Кто-то жизнь мою горько возвысил», говоря о своем поэтическом даре. Или же в другом произведении, «Стихи» (1926), с посвящением Юрию, она признается, что стихи для нее «отрадней, чем слова молитв», добавляя, однако: «Ведь каждый как умеет славит Бога».

Хотя Кнорринг и чужда обрядовости, вера для нее, воспринятая неразрывно с традицией, ощущается утраченной вместе с прошлым, детством и Россией. Однако из сказанного можно сделать вывод, что порой творчество для нее является той потерянной связью с Богом.

Смысл и оправдание своей жизни она видит в творческом даре. Но с годами общее разочарование у нее нарастает, усиливаются и сомнения, высказанные ею

в стихотворении «Верно, мне не сделаться поэтом...» (1929). Н. Кнорринг писал в «Книге о моей дочери», что она считала свою жизнь неудавшейся, растроченной впустую. Примером подобных мыслей самой Ирины Кнорринг может служить стихотворение «Лиле» (1938), обращенное к институтской подруге и подводящее определенный итог прошедшим годам.

Основной цвет, который она использует в своей палитре, серый. Фоном в ее произведениях часто присутствуют дожди и туманы. Для ее стихов типично описание состояния тяжелой усталости, бессонницы или тягостной сонливости, полубреда, боли моральной и физической, связанной с болезнью. Все это шло от ее жизни.

Но и эту жизнь она любит «мучительной любовью». Как пишет Кормилов: «“Рай” в стихах Кнорринг — земной и не наступивший»¹². Но, несмотря на это, временами в ее стихах прорывается острое и подчас связанное с болью желание любви к простой земной жизни.

Ее переживания, связанные с семейными отношениями, естественно находят свое отражение в ее стихах. В них Кнорринг стремится к искренности и самоанализу. Их сложно назвать счастливыми. Якорем, держащим ее в этой жизни, она признает ребенка.

Велосипедные поездки с мужем дают дополнительные впечатления. Эти переживания окрашены в более светлые тона, чем остальные. Они проявляются в невыделенном цикле, посвященном дорогам и путешествиям, который несколько расширяет тему скитаний, подает ее в ином ключе. К этому циклу относятся такие произведения, как «Поэма дороги» (1935), «Этим летом опять поедем...» (1936), «Считать тоскливо километры...» (1937) и др.

В ее творчестве повторяются мотивы тоски, одиночества, бессмысленности, усталости от тяжелой домашней работы. В это время у Кнорринг начались осложнения сахарного диабета, которым она страдала. Все чаще в стихах появляется больничная тематика, а к концу этого периода стихи наполняются тяжелыми размышлениями о смерти.

В 1939 г. она выпускает свой второй сборник стихов «Окна на север». Он заметно сильнее первого. По преобладающей в ней мрачной интонации видно, что книга эта предсмертная. Также видно, что, достигнув определенного творческого уровня в конце 1920-х — начале 1930-х гг., она углубляется в разработку собственных тем. Собственная неподдельная интонация звучит в ее поэзии, о которой Г. Струве сказал, что она едва ли не самая грустная во всем зарубежье.

С рубежа 1939–1940 гг. начинается последний, *четвертый* период творчества Ирины Кнорринг. Его можно назвать *военным периодом*. В ее поэзию входят гражданские мотивы, выходящие за автобиографические рамки. Но, естественно, она также продолжает говорить о себе и своей семье. Кнорринг с болью размышляет о будущей судьбе своего сына и пишет своеобразное завещание в стихах, в котором передает ему весь свой «опыт — в беспомощных строфах» (сти-

¹² Кормилов С.И. Кнорринг И.Н. // Русские писатели 20 века: Биограф. слов. / Гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М., 2000. С. 348.

хотворение «Жизнь прошла, отошла, отшумела...» (1940). Незадолго до смерти Ирина Кнорринг составит отдельную тетрадь со стихами, посвященными сыну — «Стихи о тебе».

Прежние темы преломляются у нее в теме войны, обретают новое звучание. Даже собственная смерть переплетается с глобальным разрушением и смертью, которые несет война.

Война поднимает вопросы о сохранении домашнего очага и о возможных дальнейших скитаниях. Например, этому посвящено стихотворение «Сбываются сны роковые...» (1940), эпитафией к которому служит отрывок из упоминавшегося стихотворения Кнорринг «О России» (1933). Таким образом, тема эмиграции вторично переосмысливается ею. Ее стихи проникнуты сильным антивоенным порывом. Одно из самых характерных в этом смысле произведений Кнорринг — стихотворение «Уверенный, твердый, железный...» (1942) о молодом немецком мальчишке-солдате. Будучи полно боли и сожаления, оно говорит о бессмысленности войны. В то же время Кнорринг с патетикой пишет о героях Сопротивления.

Третий ее сборник, который она почти полностью составила сама, выпустил ее отец уже после смерти Ирины Кнорринг. В нем представлены стихотворения с 1924 по 1940 г. Ранние произведения Ирины Кнорринг были добавлены в сборник ее отцом при подготовке к печати. Таким образом, третья книга «После всего» представляет собой отражение творческого пути Кнорринг.

Критика отнеслась к нему благосклонно. Г. Иванов в статье «Поэзия и поэты» сказал, что у скромной книжки Кнорринг больше шансов остаться в памяти потомков своей неподдельно благоуханной поэзией, чем у более известных в тот момент книг.

Обводя взглядом все творчество Кнорринг, следует сказать, что стиль ее устоялся и ее поэзия обрела собственное лицо. Заимствования, проявлявшиеся на ранних этапах ее поэтического становления, были в дальнейшем переработаны и органично включены в собственное творчество. Стилистика ее поэзии проста. Она проводила незначительные эксперименты, но в основном оставалась верна классическому метру, обычным четверостишиям с перекрестными рифмами. Пожалуй, самыми заметными отступлениями от канонов в ее творчестве были неточные рифмы и оборванные, укороченные строки.

В сборнике «После всего», как и в остальных произведениях Кнорринг, стихи предстают своеобразными лирическими мемуарами. Поэзия ее исторична, так как отражает помимо собственной судьбы тяжелое существование эмиграции, судьбу целого поколения.

Е.Н. Проскурина

КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТЬ И ТЕАТРАЛЬНОСТЬ
РОМАНА И.В. ОДОЕВЦЕВОЙ «ЗЕРКАЛО»

Основа сюжета в романе И. Одоевцевой «Зеркало» — любовная драма героев, разыгрывающаяся на фоне кинематографической карьеры главной героини Люки. Беллетристическая интрига, граничащая с бульварным типом сюжета, выводится из сферы банальности богатой поэтической оркестровкой текста, где в качестве ведущих выступают черты кинопоэтики и театральности. Тема кинематографа — одна из модных в литературе 1920–30-х гг., в том числе прозе младоэмигрантов — Г. Газданова («Возвращение Будды»¹), В. Набокова («Королек», «Камера обскура»), И. Немировски (цикл «Звуковое кино»), Н. Берберовой («Курсив мой») и др., где частым эпизодом была сцена в синема или похода в кино. Похожая ситуация открывает и роман Одоевцевой, вышедший в 1938 г.: начинающийся с эпизода на кинофестивале, сюжет «Зеркала» задает интенцию восприятия рассказываемой истории как мелодраматического киноромана². К элементам кинопоэтики, в частности, относится характерный для фильмов этого времени прием — включение в киносценарий музыкальных номеров, что привело к возникновению нового жанра — киномюзикла³. У Одоевцевой это два киноэпизода в начале и в конце текста. Первый — с пением итальянца, в рамках романного сюжета играющий роль музыкальной метафоры: «...страстный, лукавый, сладостный итальянский голос... легко поднимается все выше, все слаще, вот на минуту задерживается на высоком ля. Сейчас он полетит еще выше, еще есть надежда на спасение, все еще может устроиться. Но голос, будто поколебавшись немного, поддается благоразумному зову рояля и кубарем летит вниз. И за ним падает последняя надежда и разбива-

¹ Предыдущий свой роман «Призрак Александра Вольфа» Г. Газданов, по свидетельству Марии Ламзаки, племянницы и правопреемницы писателя, создавал с расчетом на его возможную экранизацию. См.: Цымбал Е.В. Роман Газданова «Призрак Александра Вольфа»: Попытка кинематографического прочтения // Возвращение Гайто Газданова. Научная конф., посвященная 95-летию со дня рождения. 4–5 декабря 1998 г. М., 2000. С. 105.

² Под кинороманом в данном случае имеется в виду сочетание типа сюжета, словно специально созданного для перенесения на киноэкран, и ярко выраженного зрелищного начала произведения.

³ Первый в жанровом ряду — фильм А. Кросленда «Певец джаза», за которым последовала целая волна киномюзиклов: «Бродвейская мелодия» Г. Бомонта (1929), «Время свинга» Дж. Стивенса (1936), «Давайте потанцуем» М. Сэндрича на музыку Дж. Гершвина (1937) и мн. др. Советский кинематограф вписывается в этот ряд созданными по голливудскому образцу музыкальными фильмами 1930–50-х гг.: «Волга-Волга», «Цирк», «Веселые ребята» Г. Александрова с Л. Орловой в главных ролях; «Богатая невеста», «Кубанские казаки», «Свинарка и пастух» И. Пырьева с участием М. Ладыниной и др.

ется у ног Люки в грохоте аккордов. Еще четыре такта, и неудавшаяся судьба с грубой жестокостью встает перед Люкой»⁴.

Кинематограф как отраженная реальность становится, таким образом, в романе Одоевцевой одним из модусов зеркальности. Разыгрывающаяся на экране музыкальная история превращается для неискушенной Люки в «пытку музыкой», откровение ее *настоящего*: до этого момента она не знала, что несчастна. Но сияющая атмосфера фестиваля, предстоящая перед ней «фантастическая счастливая судьба» киногероини (466) высвечивают, словно лучи софита, ее провинциально закручивающиеся локоны, топорщащееся накрахмаленное платье, жалко блестящие чулки. Сразу же развеялась иллюзия скромного счастья, отлитого в формулу «мой муж, мой дом, мой обед»...» (467), сменившись ощущением одиночества и пустоты. Ключевую роль сыграл здесь зрелищный эффект кинематографа, усиленный музыкальным сопровождением, что оказывает гораздо большее влияние на подсознание в сравнении с книжным текстом⁵.

Однако, как окажется в финале, именно этот непритязательный мир и был единственно подлинной жизнью Люки, с которой она так опрометчиво рассталась, поддавшись магии кинообъектива и чарам «знаменитого режиссера» Тьерри Ривуара (его имя созвучно имени известного французского режиссера Ж. Ренуара), пообещавшего сделать из нее кинодиву. Лукавый итальянский голос, таким образом, пел не о настоящем, а о будущем Люки, соблазнившей ее обманчивым дьявольским блеском, принимаемым ею за ангельское сияние: «Тьерри Ривуар... о котором она читала в газетах... стоит перед ней. От его черных волос, от его белых зубов, от его светлых глаз исходит сияние. Он стоит перед ней в сиянии и славе. Так в сиянии и славе на землю спускается архангел, посланник неба. Она смотрит на него. Он стоит перед ней, нет, не он — они. Их двое, четверо, двенадцать, сто... Они дwoятся, четверятся, отражаются в зеркальной стене. Целая толпа, целый сонм ангельских сил — в сиянии и славе» (468).

Акцентирование деталей провинциальной внешности Люки и почти вслед за тем лощеного облика Ривуара, подобно киноприему крупного плана, выхватывающего из общего портрета в одном случае — провинциальные локоны, плохо сидящее платье, дешевые чулки, в другом — черные волосы, белые зубы, сияющие глаза, дает возможность особенно выразительно показать принадлежность героев разным мирам. В последнем цитированном эпизоде впервые возникает образ зеркала, в дальнейшем становящийся одним из главных в романе. Он задает двойственный смысл происходящему, в данном случае образу Ривуара: его множасьщийся в зеркалах облик, в котором героине видятся ангельские лики, отсвечивает тенью змея-искусителя, у которого, как известно, свой сонм сил, «имя» которого «легион».

Хотя роман был завершен на исходе 1930-х гг., в двойственном изображении автором киномира слышны отзвуки полемики русской эмиграции о кинематогра-

⁴ Одоевцева И. Зеркало: Избранная проза. М., 2011. С. 466. Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках. Курсив мой. — Е.П.

⁵ Подробно см.: Зелинский С.А. Манипуляции массами и психоанализ. СПб., 2008 (глава «Кинематограф и литература. Единство и борьба противоположностей в контексте влияния на подсознание»).

фе, разгоревшейся на страницах периодической печати русского зарубежья в середине 1920-х гг., т. е. еще в эпоху Великого немого, где центром спора стал вопрос о приятии или неприятии кино «как эстетического явления»⁶. Главным упреком «антисинемистов» в адрес кинематографа было его поверхностное изображение жизни: «Современный зритель охотно приковывает взор к внешним узорам жизни и не чувствует особого влечения к углублению в психологические тайники человеческой души, его интересуют люди, а не человек; положения, а не те глубокие и трудно уловимые движения души, которыми эти положения создаются; столкновения страстей в их наружных очертаниях, калейдоскопическая смена жизненных картин, а не внутренняя лаборатория человеческого духа»⁷. В итоге, по мнению противников кино, и у зрителей, и у создателей фильмов притупляется, если не вовсе исчезает, чувство реальности, что у Одоевцевой достигается игрой семантическими оттенками мотива зеркала.

В желании сделать из Люки звезду Ривуар попадает на своем чисто кинематографическом восприятии реальности: случайно остановив на ней взгляд во время пения итальянца, он наблюдает, как по ее щеке скатывается одинокая слеза — в тот самый миг, когда она неожиданно осознает, что несчастна. Во время назначенной ей встречи он объяснит, почему его выбор на роль звезды пал именно на нее: он был поражен, насколько тонко она чувствует музыку, слушает сердцем. «Дар слез, — говорит он, — дар еще более ценный, чем дар смеха. Актриса — это обыкновенно кирпич, из которого не выжмешь слезы. <...> Я сделаю из вас знаменитость» (470).

После этих многообещающих, манящих слов Люка уже боится признаться, что он «нашел не ту, которую искал», поскольку она «не понимает, не любит музыки, она не плакса, которую растрогаешь пением» (470). Но она так заморожена открывающейся новой для нее блестящей жизнью, что готова начать ее с обмана. Для обоих героев этот шаг становится роковым: их мелодраматический любовный роман приводит и того и другого к смерти. Люка после окончания съемок в фильме, готовившем ей триумф, узнав об измене Ривуара, гибнет в автокатастрофе; Ривуар, существующий в иллюзорном игровом мире и боящийся реальности, слишком поздно понимает, что по-настоящему любил только Люку. И это понимание опустошает его настоящее и обесмысливает будущее, приводя к самоубийству.

В начале отношения героев строятся по архетипической модели Пигмалион — Галатей. Внимательно разглядывая Люку при их первой встрече, Ривуар уверяется в мысли о том, что делает правильный выбор: «Да, я не ошибся. Вы именно такая, как мне надо. У вас молодое, совсем новое, как из магазина, лицо... Еще не помятое, не запачканное жизнью и воспоминаниями. Такое именно, как мне надо» (470).

То есть Люка для Ривуара — материал для его творчества, сродни глине или куску мрамора, из которого он намеревается создать шедевр. Но этот шедевр,

⁶ См.: «Синефилы» и «антисинемисты»: Полемика русской эмиграции о кинематографе в 1920-х гг. / Предисл. и подгот. текста Р.М. Янгирова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 345.

⁷ Кизеветтер А. «Кинематограф». [Опубл.:] «Синефилы» и «антисинемисты»... С. 351.

по его представлениям, должен быть скроен в соответствии с образцом глянцевого кинотовара, на котором не должно быть отпечатков реальной жизни⁸. Симптоматично, что он даже не спрашивает ее согласия на роль в его фильме. Но то был бы лишний вопрос — внутренне она уже погружена в новый для нее, сияющий мир и готова принять его, не желая сосредоточиться на своих могущих растревожить сознание наблюдениях. «Электрическая улыбка» — так определяет Люка улыбку Ривуара в первую минуту их встречи в его кабинете (определение кинематографа как «электрического» мира не раз встречается на страницах эмигрантской критики). Оставшись в нем одна, она разглядывает находящиеся здесь вещи — дорогие, модные, красивые: «...и громадные кресла, покрытые почти белой шелковистой кожей... и светлый персидский ковер, и на необъятном письменном столе фантастическая лампа с плоским стеклянным диском. <...> ...Она смотрит на почти белые блестящие, голые стены. Очень успокоительны эти большие, пустые пространства — успокоительно, холодно и одиноко. В такой комнате, должно быть, легко думать и трудно жить. На круглом зеркальном столике в хрустальной вазе — букет роз, но воды в вазе нет. *И книг тоже нет, ни одной книги*» (471).

Последняя деталь служит еще одной отсылкой к указанной полемике о кинематографе, где в числе главных обвинений в его адрес было то, что, по мнению критиков, кино «отучает от чтения»⁹: «Театр, книга, картина оттесняются кинематографом не потому, что здесь для искусства открываются новые горизонты, а потому, что здесь обретается в известной степени прибежище от всякого труда, в том числе от труда воспринимать искусство»¹⁰.

Приведенный фрагмент романа является знаковым для развития всего его сюжетного действия. Он напоминает театральную ремарку с встроенными в нее попутными замечаниями наблюдателя, в данном случае — наблюдательницы. Взгляд Люки не просто скользит по глянцевой поверхности комнаты и находящихся в ней вещей. Они создают у нее впечатление блестящей безжизненности: голые белые стены, отсутствие воды в вазе с цветами, отсутствие книг и др. словно подтверждают представление о кинематографе как «воплощенном отсутствии», «явленном ничто»¹¹. Но героиня боится признаться в собственной догадке — иначе ее мечта, надежда на изменение судьбы разрушатся. К тому же на фоне ее скромного жилища этот феерический блеск превращается в символ ожидаемого чуда, к которому «она уже почти привыкла» (471). На такой динамике внешней зречести и внутренней слепоты и будет автором строиться характер Люки, наивной, трогательной и эгоистичной.

С самого начала романа в изображении персонажей действует принцип антитезы жизнь — игра. Наиболее завершенный образ «человека играющего» пред-

⁸ «Одно из правил кинематографической индустрии — не касаться никаких серьезных тем» (Муратов П. Кинематограф. [Опубл.] «Синефилы» и «антисинемисты»... С. 348).

⁹ Айхенвальд Ю. Вместо литературы. [Опубл.] Там же. С. 359.

¹⁰ Ходасевич В. Кинематограф. [Опубл.] Там же. С. 355.

¹¹ «Его тени, его призраки, игра его пустоты — все это ему к лицу, к отсутствующему лицу его, потому что кинематограф — это именно, если можно так выразиться, воплощенное отсутствие, явленное ничто, олицетворенное небытие. Кинематограф — это нигилизм» (Айхенвальд Ю. Вместо литературы [Опубл.] Там же. С. 360).

ставляет Ривуар с его показными жестами, «электрической улыбкой», избравший себе роль режиссера чужих судеб. И его внешность, и обстановка кабинета, и черный автомобиль, на котором он катает Люку в Булонском лесу, выявляют в нем человека новой эстетики, носителя того стиля, который позднее будет назван «ар-деко», стиля послевоенных «безумных» 1920-х гг., с его подчеркнутой декоративностью, эклектичностью, искусственностью¹². Во многом этот стиль заимствован из американского кинематографа: его яркая зрелищность, динамизм в сочетании с неизменным *happy end*’ом становились для неискушенного европейского зрителя манящим и обманчивым образцом настоящей жизни¹³. Однако уже с самого начала романного действия заметно, что Ривуару не совсем уютно в выбранном амплу: стоит ему забыть, как он «вдруг как-то темнеет, оседает, будто в нем потушили его электрический свет» (475). Его лицо становится неподвижным и безжизненным, а взгляд — тусклым. Но, опомнившись, «он сейчас же снова улыбается своей электрической сияющей улыбкой» (475). Юный восторг перед ним Люки словно вливает в него новые силы, он всерьез начинает верить, что ее присутствие в его жизни — гарантия удачи и собственного режиссерского триумфа: «Теперь, с тех пор как я нашел вас, я не сомневаюсь в успехе. Мне нужны были именно вы. В вас есть что-то трогательное... когда я вас нашел, я совсем спокоен» (484).

Это вампирическое самоудовлетворение Ривуар принимает за любовь, в которой вновь и вновь признается доверчивой Люке. Таким образом, уже в самом начале романа герой показан в разных проекциях: как блестящий режиссер и почти одновременно как жалкий, уставший от жизни-игры и суеверный человек — по подобию изображения героев Чарли Чаплина: бродяги / миллионера в «Золотой лихорадке» или сказочного принца / простого человека в «Огнях большого города». Однако наивная Люка видит Ривуара пока только в одной-единственной ипостаси — героем из ее детской сказки, дарителем жизни-счастья. Другой его лик, хотя и смутно ощущаемый, до времени сокрыт для нее. Предчувствие этой обратной стороны «я» героя скрыто в аллюзии на «Алису в Стране чудес», возникающую в сцене ужина Люки и Ривуара в ресторане: за его улыбкой, напомнившей ей образ Чеширского Кота, героине вдруг чудится волчий оскал: «Нет, кот вам не подходит. Вы скорее волк, улыбающийся волк — вот вы кто» (485).

Пока еще это сравнение вызывает смех у обоих, реализуясь позднее, в сцене их драматического разрыва: «Он подходит к ней, он стоит перед ней, глядя на нее сверху вниз блестящими, оскаленными, стеклянными глазами.

— Я думал, что ты приносишь счастье, я верил в тебя. Ты обманула меня. Ты проклята... Ты приносишь несчастье, позор, разорение. Ты играла в моей картине, и она провалится. Я боюсь тебя...» (573–574).

Оксюморонное выражение «оскаленные глаза» — поэтическая находка Одоевцевой, зрелищно представляющая облик зверски разъяренного Ривуара. Но его страхи — не более чем суеверие: именно участие Люки в его фильме при-

¹² См.: Рубинс М. Парижская проза Ирины Одоевцевой // Одоевцева И. Зеркало... С. 21.

¹³ «...Зритель синема освобожден приблизительно от всего, что требуется от человека жизнью, книгой или театром: от разочарований, от страха и волнений перед неизвестностью; от суда и оценки...» (Антон Крайний [Гиптус З.]. Синема [Опубл.:] «Синемфиль» и «антисинемисты»... С. 357).

несет ему триумфальный успех, однако для обоих это случится слишком поздно. Пока же ей предстоит до глубины постичь жестокую губительную суть кинематографического глянца. Один из поэтических способов выражения этой сути в романе — прием крупного плана, дробящего реальность: «Лица, головы, флаконы, аппараты для завивки и сушки волос, зеркала под разными углами, отражающие эти лица, флаконы и аппараты... <...> Глаз, отражающийся в скошенной плоскости facetsа, глаз сам по себе, увеличенный, сияющий, как осколок каменного угля во льду... Глаз, не составляющий целого ни с чьим лицом, не освещающий, не гармонизирующий, не украшающий — глаз сам по себе. И внизу, в продольном четырехугольнике зеркала, рука сама по себе, рука с длинными пальцами и красными ногтями, отрезанная у кисти металлической рамой» (496).

Описание в этом эпизоде, ведущееся будто бы от лица героини, осматривающей предметы в парикмахерской, постепенно преобразуется в метаповествование¹⁴, представляющее иллюзорный мир кинематографа пространством смерти. Причем симптоматично использование с этой целью поэтических средств сюрреализма с характерным для этого направления изображением мира, словно отраженного в разбитом зеркале¹⁵.

Толчком к знакомству с «другим» Ривуаром стал исповедальный рассказ Люки о том, как несколько лет назад она оказалась невольной причиной смерти своей старшей сестры Веры: влюбленная в ее жениха, она наивно полагала, что и он на самом деле любит ее, Люку. Любовная неразбериха завершилась трагедией разоблачения: не выдержав измены, Вера умирает со словами проклятия в адрес сестры. Эта история составила сюжет первого романа И. Одоевцевой «Ангел смерти». В «Зеркале» она всплывает в ночных страхах Люки и в исповедальном признании Ривуару, к которому вынуждает ее ресторанная сцена с итальянским гадалеком, грубо врывающимся в ее прошлое: «Они говорят о ясновидении, о предсказаниях.

— Я умею читать по руке, — почти поет сладостный, заманчивый голос итальянца и обрывается, ожидая, чтобы Люка протянула ему руку.

<...>

Она качает головой: «Не хочу». Но он настаивает, и голос его утомительно привязчив...» (531).

Глядя на ее красивую руку и обещая ей счастливую судьбу, при разглядывании линий он, однако, неожиданно отшатывается со словами:

«Какая у вас страшная рука. <...> ...на вашей руке кровь, родственная кровь...» (531).

¹⁴ Такая отстраненность коррелирует с изобразительностью немого кино, удерживающей дистанцию между происходящим на экране и зрителем.

¹⁵ Мотивика этого «сюрреалистического» эпизода втягивает в интертекстуальное поле романа такие разножанровые произведения, как, например, «Циники» А. Мариенгофа (1928), где встречается образ отрезанной руки (кстати, лицо Ольги, героини «Циников», напоминающее повествователю «игральную карту... из новой колоды», соотносится с «магазинной» внешностью Люки), или фильм Л. Бунюэля и С. Дали «Андалузский пес» (1929), построенный на смене зрительных образов «самих по себе», говоря языком И. Одоевцевой, среди которых — препарированный глаз, отсеченная кисть руки и др.

Введение в текст этого эпизода представляется несколько искусственным. Однако автору он дает возможность усилить заявленную в начале произведения мысль об иллюзорности образа итальянца как персонификации счастья, а в дальнейшем распространить ее на представление об Италии как земном рае, варьируя тем самым ведущий романский мотив зеркала.

Услышав реплику хироманта, Ривуар вынуждает Люку на исповедальное признание и, узнав, что имеет дело с проклятой, да еще и возлагая на нее свои надежды на успех, исполняется суеверного ужаса, начинает бояться за свою карьеру и спешит разорвать с ней отношения. Таким образом, та искусственная реальность, которую он для себя срежиссировал, разрушилась в один миг, не выдержав столкновения с живой жизнью. Начальная фраза романа «Резкое столкновение сна и реальности, толчок — и сна уже нет» (465) становится по-своему символической для судьбы каждого из героев.

Залатать образовавшуюся брешь в любовных отношениях Ривуар пытается через восстановление связи со своей бывшей подругой — кинозвездой Терезой Кассани (отметим итальянское имя этой героини, служащее в данном случае маркером ее антигеройности). Тереза — достойная партнерша знаменитого режиссера в его жизни-игре. Черная широкополая шляпа и черные глаза, белое лицо, красный рот — вот то, на чем останавливается взгляд Люки при их первой встрече в кафе, на которую она приходит вместе с Ривуаром. Этот сценический облик, построенный на характерном для стиля ар-деко контрасте красного и черного, дополняет деланое равнодушие в голосе и манера говорить нараспев: «Я уезжаю завтра утром, — у Терезы Кассани низкий, глухой голос, отсутствующий, равнодушный взгляд, будто ей безразлично, что она говорит, будто она даже не слышит этого. — Мы видимся в последний раз» (474).

Ее речь, произнесенная с напускным равнодушием, адресована Ривуару — с легко считываемой им целью показать, что ее совершенно не трогает то, что у нее появилась молодая соперница — и в кино, и в его постели. Являясь частью того же, что и Ривуар, киношного мира, Тереза, в отличие от Люки, оказывается способной выдержать лицедейство героя, вступить с ним в любовную игру без надежды на истинное чувство. При своем следующем появлении в момент острого объяснения бывших любовников она ведет себя, как героиня дешевой мелодрамы: «Дверь без стука открывается — Тереза Кассани в облаке духов и перьев с длинным треном входит, останавливается, оглядывается — *совсем как на сцене.*

— Тьери, что же ты? Я жду тебя, — и поворачивается к Люке. — Ах, простите, я, кажется... — и не заканчивает фразы, *совсем как на сцене.*

<...>

— Ты напрасно не подождала у себя, Тереза.

Замешательство. Тьери говорит:

— Тебе, Люка, лучше всего уехать завтра. Прости меня, я, кажется, погорячился.

Люка молчит. Тереза Кассани смотрит на них.

— Объяснение? — произносит она нараспев и пожимает плечами. — Неприятно, но иногда необходимо.

Она поднимает руку, проводит ладонью по губам Тъери. Облако духов, шелка и перьев приходит в движение.

— Не улыбайся так отвратительно, Тъери. Перестань, слышишь? Как мертвец в гробу.

— Разве я улыбаюсь?

Тъери отстраняет ее руку, мускулы на его скулах сокращаются, улыбка вспыхивает еще ярче, почти нестерпимым сиянием...

— Я сейчас запишу тебе адрес доктора... <...> Конечно, я заплачу за аборт, ты не беспокойся.

— Вот оно что. Аборт? — перья, духи, шелк Терезы снова приходят в трепет и движение. — Ты зверь, Тъери, а вы, дорогая, слишком наивны. О таких несчастьях не рассказывают любовникам. Они этого не любят. Но Тъери все-таки зверь. Хуже зверя.

Люка встает, у нее достаточно сил, чтобы встать, чтобы пройти мимо Тъери и Терезы... <...> Тъерри открывает перед ней дверь: “Прости меня, Люка”, и он низко кланяется ей. Глаза Терезы вспыхивают победой. Она обнимает Люку широким торжествующим жестом: “Бедная, какая вы бедная”, — почти поет она в дыхании духов и шелесте перьев... <...> Люка, отстранив ее, выходит в коридор...» (574).

Вся эта сцена насыщена сценарными репликами, перемежающимися диалогами (Тереза «входит, останавливается, оглядывается», «замешательство», «Тъерри говорит», «Люка молчит» и пр.), и дешевыми театральными жестами (Тереза «поднимает руку, проводит ладонью по губам Тъери», «мускулы на его скулах сокращаются», «он низко кланяется ей», «она обнимает Люку широким торжествующим жестом» и пр.). Изобразительность движений в этом эпизоде схожа с жестикуляцией немого кино, с его экспрессией движения, жеста, мимики. Если из этой сцены убрать диалоги, ее смысл останется не менее ясным наблюдателю. Собственно, это было основным принципом Великого немого, где театральность жеста доведена до высшей точки экспрессии. Не случайно его звезды, в том числе Чарли Чаплин, были так испуганы появлением в кино звука, опасаясь, что с введением диалогов снизится уровень актерского мастерства — за меньшей востребованностью. По всей вероятности, Тереза, которая гораздо старше Люки, была когда-то звездой немого киноэкрана. Для противников же кинематографа движения подобного рода — не более чем «механика», лишенная естественности жестикуляция. По их мнению, «немой актер на мертвом экране, этот призрак, эта движущаяся фотография, никогда не волнует. Отсюда ничего не идет. Живые токи прерваны»¹⁶. Такая техника жеста имеет мало общего с высоким драматическим искусством. Однако в финальной роли Люки Одоевцева покажет возможность кинематографа и способность киноактера передать динамику внутренних переживаний, что свидетельствует о ее более сложном отношении к данному виду творчества, чем это представляется в начале произведения. К этой сцене мы вернемся ниже.

Романной поэтике добавляет эффекта театральности яркая декорированность обстановки, контрастность цветов, что характерно не только для «Зеркала»,

¹⁶ Пильский П. Глухонемой выскочка. [Опубл.:] «Синефилы» и «антисинемисты»... С. 352.

но и для двух предыдущих романов Одоевцевой — «Ангела смерти», «Изольды»: «Они едут в Булонский лес. Октябрь, а почти жарко... деревья еще зелены и птицы поют. <...> По синему пруду плывет гордый белый лебедь, на зеленом берегу стоит гордая белая борзая. Лебедь похож на борзую, борзая на лебеда» (472).

Такого рода изобразительные фрагменты, рассыпанные по всему тексту «Зеркала», активизируют зрелищные интенции словесной художественности. Характерно, что эта рельефность природной картины открывается исключительно взору Люки. Ривуар, по-режиссерски внимательный к композиции, цветовой аранжировке своих фильмов, в жизни совершенно равнодушен и к цвету, и к свету, и к окружающему: «Люка протягивает руку: “Посмотрите”. Ривуар поворачивает голову к пруду. Он не замечает ни борзой, ни лебеда. “Вода, — говорит он. — Хорошо бы выкупаться...”» (472).

Для характера Люки смыслообразующее значение имеет внутренний поединок между жизнью и игрой, что лишает ее образ однозначности, марионеточности. Она самая живая из персонажей романа. Ее неспособность до конца воспринять жизнь как игру в итоге и приводит Люку к гибели. Но это же качество делает ее в результате настоящей кинозвездой.

Еще одной чертой театральной и одновременно кинематографической поэтики в «Зеркале» является используемое автором повествовательное настоящее время, создающее впечатление действия, развертывающегося на глазах у зрителей. На эту темпоральную особенность сразу же обратили внимание современники И. Одоевцевой. Так, Г. Газданов в своей рецензии на роман отмечает в нем эффект сценарности, создаваемый как раз тотальностью настоящего времени, что, по его мнению, подрывает беллетристическую убедительность произведения¹⁷. Но и Газданов, и другие рецензенты (В. Яновский, написавший свой отзыв под псевдонимом В. Мирный, а также К. Элита-Вильчковский) отмечают как творческий парадокс тот факт, что при всей искусственности изобразительных средств «Зеркало» свидетельствует о несомненном таланте автора¹⁸.

В отличие, например, от И. Немировски, обратившейся к теме кинематографа в цикле «Звуковое кино» в те же 1930-е гг. («Filmsparlés», 1934), для кинопоэтики которой характерен телеграфный стиль, минимум описаний, отсутствие психологических характеристик, акцент на диалогах, автономность сцен¹⁹, что больше соответствует сценарному типу дискурса, повествование И. Одоевцевой отличается пластичностью стиля, совмещение зрелищности и речевого плана, психологическая мотивированность поведения героев, связность текста, несмотря на выделенность в нем главных эпизодов и динамичность сюжета. Так, сцена после первой измены Люки мужу сравнима с лучшими художественными образцами психологического жанра: «Она входит в дом. Вот и случилось. Она поднимается

¹⁷ См.: Газданов Г. Ирина Одоевцева. Зеркало. Роман. Брюссель, 1939 // Одоевцева И. Зеркало... С. 638.

¹⁸ См.: Мирный В. [Яновский В.]. Ирина Одоевцева. Зеркало. Роман // Одоевцева И. Зеркало... С. 637–638; Элита-Вильчковский К. Ирина Одоевцева. Зеркало // Там же. С. 639–640.

¹⁹ См.: Рубинс М. Ирэн Немировски: Стратегии интеграции // Новый журнал. 2008. № 253. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/253/ru15-pr.html>.

по лестнице, она у себя, она — дома. Она садится на постель, ноги стынут в промокших туфлях, влажная кофточка тяжело давит плечи. Она сидит, не раздеваясь, не двигаясь. Ей хочется плакать. Так плакать, как плакали ее бабушки и прабабушки, уткнувшись головой в подушку. Но бабушки и прабабушки плакали от «падения», греха и стыда. А она? Ей совсем не стыдно, не жаль мужа... И все-таки она утыкается в подушку головой...

В спальне совсем светло, она смотрит на часы — уже шесть часов. В восемь вернется Павлик. Она встает, она раздевается, мнет простыни и одеяло, чтобы казалось, что она спала. Но лечь она не может. Она дрожит, у нее, должно быть, жар, она простудилась. О том, что случилось, она не думает. Она ходит по спальне взад и вперед — от камина к стене ровно пять шагов, и снова поворот и пять шагов. Волнение не проходит, волнение увеличивается, ему нет выхода, и все те же пять шагов, камин, стена. Выход — прыжок в окно, в рассветное небо, на еще чистый, только что вымытый дождем тротуар.

— Ты с ума сошла, Люка, — кричит она. — Ты сошла с ума. Скорей бы вернулся Павлик, — она прислушивается к своему голосу и слышит щелканье ключа в прихожей. Павлик! Она бежит к нему, она обнимает его за плечи, виснет на нем...

<...>

— Я ждала тебя, Павлик, я не могла спать.

От его сильных рук, оттого, что ноги ее уже не касаются земли, оттого, что она над землей, в воздухе, она чувствует легкость освобождения, успокоение...» (489–490).

Третье лицо в сочетании с *настоящим повествовательным* больше соответствует сценарному типу дискурса. Однако постоянные повторы: «она встает», «она раздевается», «она дрожит»; «волнение не проходит», «волнение увеличивается» и пр. создают эффект медитативной наррации — словно героиня наблюдает себя со стороны, в отраженном свете своего сознания, в зазеркалье собственного бытия, как будто она переступила за грань собственной жизни и проживает теперь чью-то чужую судьбу. Этот эффект отраженной жизни постоянно сопровождает повествование: «В большом зеркале отражается широкая кровать, люстра под потолком. Лакей закрывает дверь. Они одни. Она смотрит в зеркало, она видит свое отражение, отражение Ривуара, и кровати, и люстры. Она видит, как отражение Ривуара наклоняется к ней, поднимает ее, кладет в отражение постели. Видит, но ничего не чувствует... Она больше не видит своего отражения в зеркале, только люстра еще отражается. Но ее, Люки, уже не видно — ее больше нет в зеркале...» (487).

Вместе с тем образ зеркала, с его холодной отражающей поверхностью, становится своеобразной преградой, овнешняющей жизнь и чувства героев, не давая автору возможности в полной мере погрузиться в психологические глубины их характеров. С другой стороны, комплекс мотивов зеркала, отражения в сочетании с мотивом исчезновения нагнетает в тексте ощущение тревоги, усиливающееся чувством безотчетного страха, сопровождающего героиню. Этот мотив становится ведущим в романе в связи с изображением кинокарьеру Люки. А в одном из видений, вплывающем в ее сознание в самом начале новой жизни под шум аппарата для сушки волос, она становится зрителем собственной гибели, ко-

торая станет реальностью в финале романа: «Она стоит на дороге, вместе с тем в одно и то же время сидит в аэроплане. Она одна, пилота нет. Она правит аэропланом, она судорожно держит руль, ей страшно. Страшно, как было страшно, когда она училась править автомобилем. Нет, еще страшней. Только бы не налететь на тучу, не задеть звезды. Она тормозит, она нажимает акселератор, она вертит руль, она совсем не знает, что делать. Но все идет прекрасно. Аэроплан слушается ее. Вот сейчас она благополучно снизится, долетит до той Люки, которая стоит там, внизу, на дороге. Но вдруг в глазах темнеет, руки слабеют и выпускают руль, нет ни воли, ни сил. Ужас глухо ударяет в сердце. Это черная точка. Черная точка, от которой пилоты теряют сознание.

Люка открывает глаза и невидящим взглядом смотрит в зеркало на свое смертное лицо, на сестру милосердия в белом халате. Но это не сестра, а маникюрша» (498).

Для передачи ощущения «страшного сна» в этом эпизоде автор использует элементы сновидческой поэтики: раздвоение «я», наблюдение одной его части за другой, потеря контроля над собой, беспомощность. Тот же прием расщепления «я» будет использован и в финальной сцене автокатастрофы, становящейся отражением этого эпизода, придавая развитию сюжета своеобразную симметрию. Однако во втором случае он означает разъединение души с телом, вызывая у героини не чувство страха, а ощущение полного счастья: «Дорога вдруг заворачивает направо, белая, обсаженная цветущими яблонями. Но ведь здесь не было поворота, не было яблонь. Белая дорога поднимается вверх, прямо к небу, прямо к луне. Люка круто заворачивает на белую дорогу, и автомобиль несется между белыми яблонями, все выше и выше. И вот уже Люка стоит на мосту и Тъери бежит ей навстречу: “Это Венеция, Люка. Неужели ты не узнаешь?” Они стоят на мосту, крепко обнявшись.

Нет, она не узнала бы. Так вот она какая, Венеция.

В облаках, под черным горбатым мостом, проплывает голубая венецианская луна. И еще ниже где-то, совсем далеко, в детской Люки, между рядами игрушечных деревьев, сверкая желтыми, круглыми фонарями, катится белый игрушечный автомобиль. Очень прямо, очень быстро. Но вот он сворачивает, налетает на дерево и останавливается. И в окно автомобиля, как птица из клетки, вылетает светловолосая голова куклы и ударяется о ствол.

Но Люке некогда смотреть на то, что происходит там, внизу, в ее детской, с игрушками. Она вспоминает, что она стоит с Тъери на новом мосту, что надо пожелать, и желание исполнится... Она смотрит в освещенные снизу луной глаза Тъери и громко говорит.

— Никогда не расставаться. Вечно быть с тобой, Тъери» (604).

Перед нами изображение райского топоса: белая дорога, поднимающаяся к небу, цветущие деревья, мост, соединяющий два пространства: земное и небесное, — куда органично вписывается архетипический образ Венеции, связанный с воплощением абсолютной радости, грезы, мечты, земного рая²⁰. Хотя в таком

²⁰ См.: *Меднис Н.Е.* Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. С. 11.

облике города-рая Венеция возникает только в предсмертном видении Люки. В реальности же она стала для нее реализацией не давней лелеемой мечты, а обмана и разочарования. Представляя поездку в Венецию романтическим путешествием с возлюбленным, героиня, однако, едет туда лишь со съемочной группой фильма — Ривуар, оправдавшись вынужденной поездкой с матерью в Швейцарию, на самом деле проводит там время с Терезой Кассани, о чем доверчивая Люка не догадывается. Пробыв без него два дня в Венеции, она не воспринимает, не замечает красот этого города, стыдясь «своего равнодушия, своего нелюбопытства» (565): «Это Венеция. Это площадь Св. Марка. Это венецианские голуби. Это крылатый лев. Все, о чем она так долго мечтала... И вот венецианские бульжники под ее ногами, венецианские голуби на ее плечах, золотые крылья венецианского льва в голубом небе над ней. Все, как рассказывал Тьери. Венеция... Конечно, это Венеция, как на картинках и в рассказах. Но без Тьери жизнь не жизнь и Венеция не Венеция...» (565).

Перечислительный характер передачи открывающихся героине венецианских артефактов показывает сторонность их восприятия: отсутствие любимого человека омертвляет ее мечту, чувство реальности, таким образом, стирается, и явленная Венеция становится открыточной, ее образ превращается в бутафорный реквизит к снимаемому фильму.

Но и в последнем видении Люки чистота райского венецианского топоса мутится навязчивым мотивом луны, служащим намеком на миражность открывающегося ей чудного мира, что становится реализацией двойственного начала Венеции, являющейся, по выражению Л. Лосева, городом «зеркальных поверхностей», «городом-зеркалом в метафорическом и метафизическом плане»²¹. Путь в Эдем по черному мосту, освещаемому лунным светом, в соответствии с принципом зеркальности должен стать, таким образом, для героини входом в «пространство наоборот»²². При этом магическая сторона венецианского локуса проявляется в романном сюжете исполнением последнего предсмертного желания Люки: Тьери действительно не сможет жить без нее, и после самоубийства он будет похоронен рядом с ней.

Любопытен художественный прием, который использует автор при изображении смерти героини: финальный земной сценарий показан в цитированном эпизоде как игрушечный мир, в котором она оказывается не более чем куклой в руках бездушного кукловода. Само же изображение двух параллельных миров, где отлетевшая душа наблюдает последние минуты жизни собственного тела, наиболее динамично и зрелищно возможно только в кинематографе, что вновь связывает романное повествование Одоевцевой со сценарным дискурсом.

О возможности кинематографа быть включенным в ряд «эстетических явлений» и причисленным к видам истинного искусства свидетельствует последняя роль Люки. Если ее благополучная карьера не отражалась на уровне ее мастерства, а подтверждала мысль о кино как чистой «механике»: не пережитый жизнен-

²¹ Лосев Л. Реальность зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского // Иностранная литература. 1996. № 5. С. 234.

²² Там же.

ный опыт реализовался в ее ролях искусственными приемами и жестами, делая ее плохой актрисой, — то после пережитой любовной драмы в ставшую для нее последней роль она вкладывает уже всю силу невостребованного чувства отвергнутой возлюбленной. Типичный мелодраматический сюжет, снятый по модели: *разрыв — болезнь — последняя встреча — смерть возлюбленной — позднее прозрение любовника* (ср. с «Дамой с камелиями» А. Дюма²³), — оказывается художественно состоятельным только вдохновенной игрой Люки. До ее появления на экране зрителям все кажется пустым, ненужным, творчески беспомощным. Причем Одоевцева описывает картину сначала глазами бывшего мужа Люки Павлика, а затем — глазами Ривуара. Павлик не выдерживает встречи с мертвой женой, ее образ, ее загробный голос кажутся ему призывными, и он бросается на зов. В итоге с ним случается нервный припадок, и его выносят из зала. Ривуар же, как ни пытается убедить себя в провале картины и бездарной игре Люки, внутренне понимает, что так проявляет себя его чувство вины перед нею: «Люка в белом платье в гондоле, бледная, почти призрачная, почти прозрачная, такая, что странно, почему сквозь нее не просвечивают каналы, дворцы и гондолы. И вот она в театре, на сцене... Она поет. Сквозь злорадство, сквозь ненависть, сквозь презрение ко всему, что делается там, на экране Тъери вдруг чувствует слабый укол. Как хорошо поет Люка, как безнадежно. Букет роз падает к ее ногам, и это вполне справедливо, заслуженно. Первое не фальшивое место в фильме — цветы после такого пения» (612).

Чем дальше длится просмотр, тем яснее понимает Ривуар, что Люка не играет, а проживает на экране настоящую жизненную драму, за которой уже видится тень смерти, символизированная ее почти бесплотным обликом, брошенными к ее ногам цветами *после* пения. Ощувив глубину и неподдельность этих экранных чувств, Ривуар неожиданно осознает, что смерть Люки была не несчастным случаем, не следствием автокатастрофы, а самоубийством: «Да это было самоубийство — он это понял вчера, глядя на экран. Как она просила, как пела, как плакала... Талант? У нее не было никакого таланта. Это было горе, это было отчаяние, а не талант. Она играла самое себя, она плакала о себе, она уже знала, что умрет, если... Тогда еще оставалось “если” — если, как в фильме, он не вернется к ней. Нет, это была не игра, это была ее жизнь. Оттого, когда любовник вернулся к ней и она так потрясающе упала, она не подняла, не показала своего лица. Лицо должно было быть счастливым, но изобразить счастье она уже не могла. “Навсегда” — сдавленным тихим голосом, спрятав лицо, спрятав горе. Да, он понял тогда, что она нарочно налетела на дерево. Она была горда, она не хотела, чтобы догадались...» (614–615).

Через поток мысли героя автор проводит собственное убеждение о том, что кинематограф может в неискаженном виде передать и силу, и глубину переживаний. Главное здесь — искренность актера, его способность прожить экранную жизнь как свою. Именно это актерское качество отличает хорошее кино от пло-

²³ Возможно, именно история Маргариты Готье (в реальности Мари Дюплесси) легла в основу фильма Ривуара. На эту мысль наводит тот факт, что незадолго до выхода «Зеркала», в 1936 г., роман А. Дюма был экранизирован с Г. Гарбо в главной роли.

хого, как и хорошую театральную постановку от плохой. В данном отношении И. Одоевцеву можно назвать непрямой продолжательницей полемики о кинематографе, в которой она оказывается в числе защитников экрана²⁴. Правда, отметим в скобках, к этому времени кино уже не нуждалось в оправдании, прочно заняв место ведущего вида искусства XX в.

Любопытна финальная часть романа, где мертвая героиня словно проживает свою вторую жизнь — как триумф безвременно умершей кинозвезды. Воспоминания о ней постепенно превращаются в легенду: «Огромный успех фильма, ее портреты и биографии в газетах и журналах, ее несомненный талант, о котором настойчиво повторяли критики, — все это было пищей, от которой воспоминания крепили, прибавлялись в весе, росли. Росли, перерастая, подменяя собой горе. Но их нельзя держать про себя, ими надо делиться, они требуют слушателя» (617).

И первой в ряду таких жадных слушателей становится некая Лоранс Герэн, дочь богатого продюсера, финансирующего фильмы Ривуара. «Влюбленная в память Люки» (617), она делает ее центром собственной жизни. В этой части «Зеркала» ощущается аллюзия на «Легкое дыхание» Бунина: легендаризация образа умершей юной героини ее тайной почитательницей соотносится со «страстной мечтой» классной дамы Оли Мещерской, смерть которой стала предметом «ее неотступных дум и чувств»²⁵. Одоевцева разворачивает бунинский мотив влюбленности в память умершей, сюжетизирует, детализирует его. То, что в «Легком дыхании» выражено несколькими строчками (образ мертвой Оли в гробу, описание могилы, чувства классной дамы), в «Зеркале» развернуто на несколько страниц: детальное описание мертвой Люки, длинные похороны, чувства присутствующих, в центре которых — образ Лоранс: «Лоранс стоит на паперти сгорбленная от горя рядом со старухой-нищенкой, сама как старуха нищенка. <...> Она плачет, она всхлипывает, затыкая рот платком...» (605).

А после похорон, просмотра фильма с участием Люки — долгие беседы Лоранс о ней со своим отцом, с ее мужем, оставленным Люкой, но по-прежнему влюбленным в нее. Пуантом этой сюжетной линии становится день рождения Лоранс, на который в качестве подарка она просит отца поставить памятник на могилу своего кумира: «Пожалуйста, пожалуйста. Настоящий памятник. Статую. Как на площади. Закажи знаменитому скульптору.

²⁴ Финальной киноролей Люки Одоевцева словно художественно доказывает критическую мысль, проводимую М. Каракашом в статье «Искусство ли кинематограф?»: «Работа кинематографического артиста весьма сложная, весьма трудная, но и очень живая... <...> Обладая меньшим запасом средств, чем, например, драматический артист (статья написана в эпоху немого кино, в 1926 г. — Е.П.), кинематографический артист должен усиливать эти средства, чтобы достигнуть того же результата — вот почему киноартист должен пережить больше, чем всякий другой; только настоящее переживание души может отразиться в его глазах, дать ему естественные движения и жесты, дать те настоящие реальные слезы, которые мы видим на экране... В то время, как машина “крутит”, аппарат записывает движение — артист переносится в другой мир, в котором он, в зависимости от своей роли, в настоящий момент живет, то есть радуется, страдает, плачет, смеется...» («Синефилы» и «антисинемисты»... С. 354).

²⁵ Бунин И.А. Легкое дыхание // Бунин И.А. Роза Иерихона: Избранные произведения. М., 1994. С. 103.

Герэн удивлен.

— В виде ангела. Как в фильме.

— Но зачем ангел? Лучше просто ее статуя.

— Нет, непременно ангелом. Она была больше ангелом, чем женщиной. Я уже давно решила» (624).

Соответствие образа умершей и ее надгробного памятника выступает здесь контрапунктом изображения могилы Оли Мещерской в бунинском тексте, построенном на антитезе живого и мертвого, легкости и тяжести, чистоты и греха: «На кладбище над свежей глиняной надписью стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжелый, гладкий.

<...>

Возможно ли, что под ним та, чьи глаза так бессмертно сияют из этого выпуклого фарфорового медальона на кресте, и как совместить с этим чистым взглядом то ужасное, что соединено теперь с именем Оли Мещерской?»²⁶

У Одоевцевой образ Люки строится на иной антитезе: живой человек и кукла, что соответствует авторскому творческому «заданию» изображения мира как театра кукол, оживляемых таинственной неведомой силой и возвращаемых смертью в свое изначальное, «кукольное» состояние: «Мертвое лицо Люки. Не девическое, даже не детское — кукольное лицо. Когда кукла еще в работе и ей еще не придали никакого выражения. Решительно никакого. Отсутствие всякого выражения, невозможное, пока человек еще жив. Но Люка мертва, и это сразу видно... Смерть не придала ее лицу ни мраморной прекрасности, ни гордого покоя... ни просветленной кротости, ни строгости, ни святости. Нет, смерть, ничего не дав ему, сразу, не дожидаясь тления, покончила с этим лицом, уничтожила, стерла его. Эта белая девочка-кукла совсем не похожа на живую Люку. Как будто Люка состояла только из оживления, прелести и движения. Она даже не красива, эта кукла. Это не Люка, это труп Люки...» (605).

Это описание сделано с уровня авторского плана, что открывает новую проблему в исследовании творчества Одоевцевой, связанную с поэтикой смерти.

Персонажное же отношение к памяти Люки закрепляет за ней статус человека-легенды, воплощенного совершенства, что характерно для театрального мира, а в XX в. в особенности для кинематографической среды. И это выражается не только в восторженном чувстве Лоранс или любви бывшего мужа, но и в последнем желании Ривуара быть похороненным «...рядом с Людмилой Дэль» (622).

²⁶ Бунин И.А. Легкое дыхание. С. 99, 103.

О.К. Землякова, В.В. Леонидов

«Я РЕШИЛ ОСТАТЬСЯ СВОБОДНЫМ ПИСАТЕЛЕМ...»:
О ПИСЬМАХ И.С. ШМЕЛЕВА Ю.А. КУТЫРИНОЙ (1923)

Она была необыкновенно красивая, яркая женщина. Певица, сказительница, радиоведущая, неутомимый организатор русских вечеров в Париже. Юлия Александровна Кутырина со всего мира получала письма от своих соотечественников, выброшенных из России после кровавых событий 1917–1920 гг. и Второй мировой войны.

Встречаются люди, которые помогают жить другим своим примером, своей неустанной деятельностью. Таких было много среди русской эмиграции, тех, кто не давал опускать руки собратям по изгнанию, кто все время работал и дарил окружающим надежду. Именно так и жила Юлия Александровна Кутырина (1891–1979).

Однако в историю русской литературы она вошла как хранительница и спасительница наследия великого русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева.

Юлия Александровна родилась в Москве в семье дворянина Александра Дмитриевича Кутырина, юриста, философа и Олимпиады Александровны Охтерлони, дочери генерала, героя Крымской войны. Предки ее были выходцами из Германии и Шотландии¹. Кутырина получила прекрасное образование, окончила с серебряной медалью Московский Екатерининский институт, была прекрасной пианисткой, ее ценил сам Рахманинов. Но для нас очень важно другое — Юлия Александровна была родной племянницей Ольги Александровны, жены Шмелева, кончину которой в 1936 г. Иван Сергеевич еле смог пережить. Сын Кутыриной, Ивистион Жантийом, стал для Шмелевых родным. «Ивушка» — ласково называл его Иван Сергеевич. Он заменил им сына, расстрелянного в Крыму в 1921 г. Много лет спустя Жантийом писал в своих воспоминаниях «Мой дядя Ваня»: «Они восприняли меня как дар Божий. Я занял в их жизни место Сережи»².

Отцом Ива был французский дипломат Андре Эдмонд Жантийом. Юлия Александровна вышла за него замуж и в 1918 г. уехала из революционного Петрограда в Париж. В 1920 г. у них родился сын, которого и назвали Ивистион. Его крестным отцом стал Иван Сергеевич Шмелев.

¹ См.: Ни Е.А. Родственники Шмелевой О.А., урожденной Охтерлони // И.С. Шмелев и духовная культура православия: XI Крымские международные шмелевские чтения. Симферополь, 2003. С. 14–19.

² *Жантийом-Кутырин И.* Мой дядя Ваня. М., 2001. С. 11.

Вскоре родители Ива разошлись. Но Кутырина не сгибалась ни перед какими трудностями. Она сумела открыть модную мастерскую, а потом начала выступать на французском радио с русскими, украинскими и белорусскими сказами. Тогда же начались ее сольные вечера, посвященные русскому фольклору.

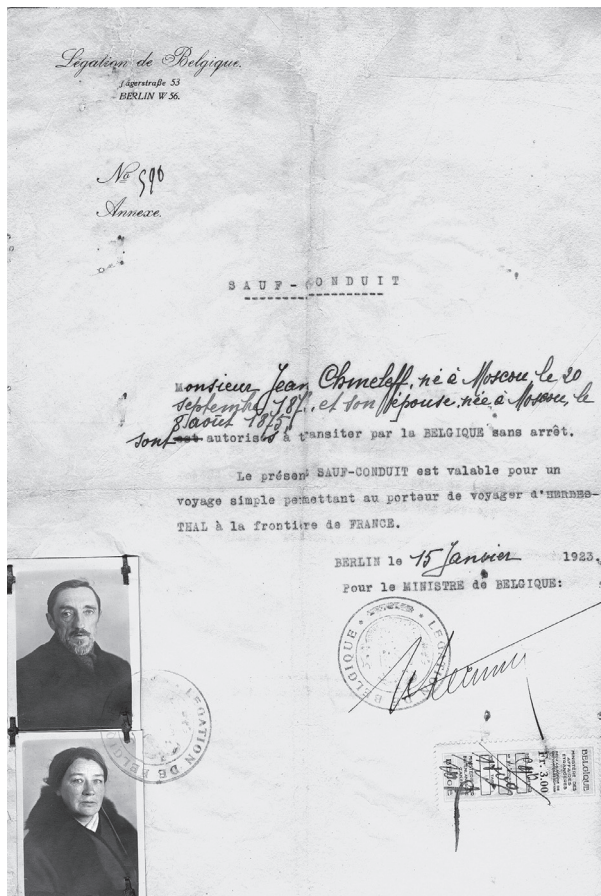
После смерти Ольги Александровны ее племянница и Ив стали, наверное, главной опорой в жизни Ивана Сергеевича. Кутырина вела переписку с издателями Шмелева, помогала ему во всем. А после кончины этого замечательного мастера прозы в 1950 г. Юлия Александровна создала в своей квартире его музей.

Умерла Юлия Александровна Кутырина в доме-приюте для престарелых в 1979 г.

Мы так подробно рассказываем об этой удивительной женщине, потому что она сыграла огромную роль в сохранении и спасении шмелевского наследия и издании его произведений. Кутырина вела неутомимую переписку с издателями, читателями, проводила литературные вечера и лотереи. И она же первая приступила к обработке огромного архива писателя.

Архив долго хранился в квартире Жантийома под Парижем, в городке Буадю-Руа. Там же находилось и множество документов, связанных с фантастической по своим масштабам деятельностью Кутыриной, в том числе и архив второго мужа, поэта Ивана Новгород-Северского, автора знаменитого гимна Белой армии «Пусть свищут пули, льется кровь...». «Певцом ледяной пустыни» называл его И.С. Шмелев.

Сам Ивистион Жантийом жил со своей женой Серенной Труси, итальянкой, влюбленной в русскую культуру, в городе Безансон на юге Франции. И именно там его в 1998 г. разыскала вице-президент Российского фонда культуры Елена

Разрешение на въезд во Францию
И.С. и О.А. Шмелевым.
Берлин. 1923

*Ю.А. Кутырина у бюста И.С. Шмелева.
Скульптор Л. Лузановская. Париж. 1950*

Николаевна Чавчавадзе. После долгих переговоров она убедила передать архив Шмелева в Россию, в Российский фонд культуры и дать согласие на перезахоронение останков писателя и его жены Ольги Александровны на кладбище Донского монастыря.

Елена Николаевна стала и главным организатором акций, связанных с возвращением памяти о Шмелеве в Россию.

Наверное, многие помнят майские дни 2000 г., перезахоронение и тот огромный резонанс, который это событие имело в истории новой России. Выступление патриарха Алексия II и президента Фонда культуры Н.С. Михалкова на церемонии в Донском монастыре, открытие бюста Шмелева работы Лидии Лузановской напротив Третьяковской галереи, большая научная конференция, телерепортажи по центральным каналам,

многочисленные статьи в газетах. Имя Ивана Сергеевича Шмелева мощно и полноправно вернулось в нашу культуру³.

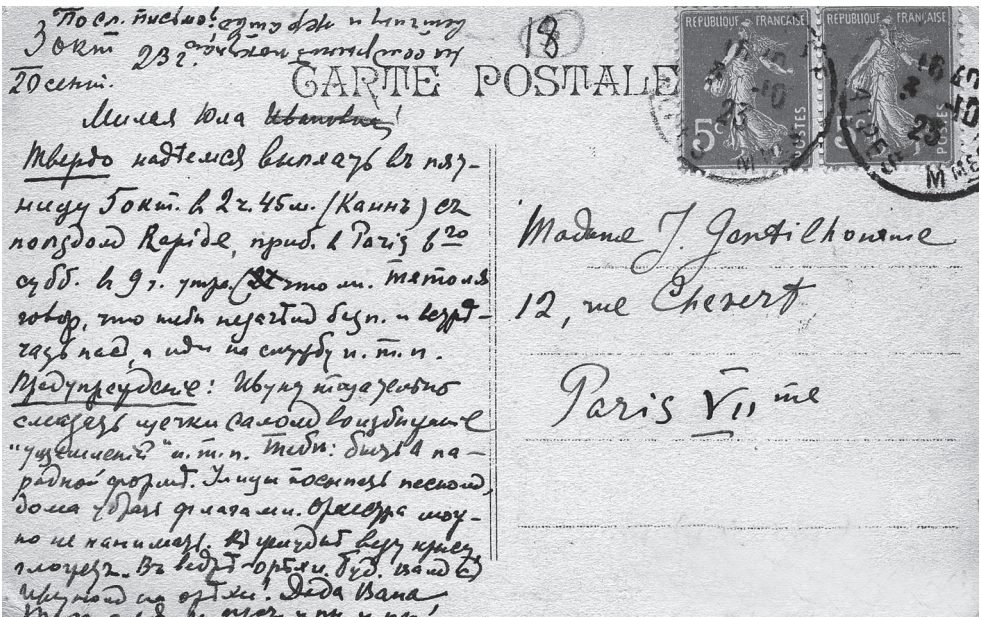
Сегодня архив Ивана Сергеевича Шмелева, принадлежащий Российскому фонду культуры, находится на временном хранении в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Среди уникальных материалов шмелевского архива, рукописей, корректур и переписки наше внимание привлекли письма писателя, отправленные им Кутыриной в конце 1922 — 1923 г. Это был один из главных периодов в судьбе писателя. После всего пережитого в 1920–1922 гг. в Крыму и Москве они с женой получили разрешение выехать на лечение в Германию. Начинаясь новая жизнь, жизнь в эмиграции. Правда, в самом начале Иван Сергеевич не имел четкого решения о выборе пути.

«Чувствую, что необходимо мне и жене моей отдохнуть и полечиться в условиях более благоприятных... чем Москва, где ютишься в сырой комнате, где не найдешь средств не только на лечение, но и на питание сносное.

Чувствую, что мне необходимо — душу свою собрать. Я буду хлопотать о разрешении мне и жене выезда за границу», — писал незадолго до отъезда Иван

³ См.: Замостьянов А., Шотова О., Чавчавадзе Е. Наш Иван Шмелев // Венок Шмелеву. М., 2001. С. 11–16.

Почтовая карточка И.С. Шмелева Ю.А. Кутыриной.
Грасс. 3 октября 1923

Сергеевич в Берлин главному редактору журнала «Новая русская книга» Александру Семеновичу Яценко⁴. Позади остались страшные годы в Алуште, Гражданская война, голод, террор и, главное, полное неведение о судьбе сына, сгинувшего в ЧК в Крыму. Иван Сергеевич и Ольга Александровна писали куда только можно, ходили на прием к разным представителям новой власти. Но в ответ не было ничего. Кто мог знать, что Сергей Шмелев вместе с другими офицерами, священниками и просто чиновниками был расстрелян в январе 1921 г.

Не успев приехать в Берлин, Шмелев сразу писал Кутыриной в Париж 1 декабря 1922 г.: «Случится ежели (а случится разве к весне) добраться до Парижа, хоть на день, на два да завернем, чтобы не растеряться. Но пока я не соберу денег, чтобы чувствовать себя на ногах, пока я не буду располагать хотя бы 5–6 тысячами франков, не выдвинусь из Берлина. Да и ехать в Париж зимой, глядеть в его в мусть и слякоть и притом еще платить за это унылое зрелище. Уж если видеть Париж — так в весеннем блеске, когда Ваши старые каштаны выкинут светло-фиолетовые свечи венчающейся весны, когда парижские голуби зашумят — заворкуют на мансардах! Когда весенний блеск заплещет — куда ни глянь, а на отсыревших щеках зимнюю озабоченность сменят глянца солнечных поцелуев. Когда даже в перезвонах старого Нотр-Дама уловишь веселенькое весеннее лепетание столетий и парижские кошки будут бешено выводить по-французски ма-у-ра! И сигать по крышам, когда даже глупо расставившая свои ножищи башня Эйфеля может показаться наивной и по-весеннему навеселе, и даже консержки-старухи вдруг по рассеянности приколуют к выцветшим волосам бантики, и даже инвалиды Великой войны заиграют на костылях — вот тогда мы увидим Париж и я прослушаю, не разучились ли Ваши энергичные ручки играть Шопена...»

Шмелев, конечно, оставался блистательным русским прозаиком в каждой строке. Но сквозь все пробивалась тоска и печаль. Мысли о сыне порою делали жизнь невыносимой: «Итак, я, может быть, попаду в Париж, потом увижу Гент, Отсенде, Брюгге — затем Италия на 1–2 месяца. И — Москва. Смерть в Москве, может быть — в Крыму. Уеду умирать туда. Туда, да. Там у нас есть маленькая дачка. Там мы расстались с нашим бесценным, с нашей жизнью. Так я любил его, так любил и потерял страшно. О, если бы чудо! Чуда, чуда хочу! Кошмар это, что я в Берлине. Зачем? Ночь, за окном дождь, огни плачут... Почему мы здесь и одни, совсем одни, Юля! Одни, пойми это, без цели, ненужные...»⁵

И сегодня, через девяносто лет, эти строки невозможно спокойно читать: «Мы в Берлине. Неведомо для чего. Бежал от своего горя. Тщетно... Мы с Олей разбиты душой и мыкаемся бесцельно... И даже впервые видимая заграница — не трогает... Мертвой душе свобода не нужна»⁶.

13 января 1923 г. Шмелевы шлют Кутыриной открытку: появилась надежда. «Получили сведения, что С.И. Шмелев находится в Индии, штабс-капитан, все

⁴ Цит. по: *Сорокина О.* Московянина. М., 2000. С. 115.

⁵ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Берлин — Париж. 18 ноября — 1 декабря 1922 г. // Российский фонд культуры (далее — РФК). Архив И.С. Шмелева. № 10350 (134).

⁶ Цит. по: *Кутырина Ю.* Трагедия Шмелева // Россия (Нью-Йорк). 1954. 26 июня. С. 2.

это подходяще, но года не указаны. Посылаем туда справку»⁷.

Но, как вспоминала сама Кутырина в своей статье много лет спустя, «все оказалось жуткой эксплуатацией чужого горя, гангстерство человеческой скорби. Ими внесена была довольно крупная сумма на справки...»⁸

Через несколько дней Шмелевы прибыли в Париж. В архиве сохранилось разрешение на въезд во Францию с 17 января 1923 г., которое выхлопотал для них И.А. Бунин⁹. Газета «Последние новости» так приветствовала писателя: «На днях приезжает Иван Сергеевич в Париж. Читатели знают автора знаменитого “Человека из ресторана”, большого и своеобразного таланта, плоть от плоти и кость от кости России, чувствующего Россию всеми фибрами»¹⁰.

По прибытии Иван Сергеевич и Ольга Александровна остановились в небольшой квартирке Кутыриной на улице Шевер, 12. Они заняли одну комнатку, окна которой выходили на Дворец инвалидов. Там, где похоронен Наполеон.

В марте Шмелевы получили письмо от одного из редакторов берлинской газеты «Руль», И.В. Гессена, которое практически ставило страшную точку в их беспрепятственных поисках сына: «Доктор Кипин, ссылаясь на помещенное в “Руле” объявление о розыске С. Шмелева, сообщил, что ему доподлинно известно, что С. Шмелев, с которым он вместе сидел в ЧК в Феодосии, расстрелян в последних числах ноября там же, в Феодосии. В их партии находилось 450 человек. Кроме того, во всех подробностях, т. е. о последних минутах С. Шмелева, ему сообщила хорошая знакомая С. Шмелева — Мария Васильевна Терчукова, сестра Красного Креста, оставшаяся в Феодосии»¹¹.

В июне Шмелевы переехали на дачу, в гости к Буниным, которые сняли дом в Грассе, в 34 километрах от Ниццы. Иван Сергеевич к тому времени начал работу над «Солнцем мертвых» — книгой, где, по словам А.И. Солженицына, «такая

Ю.А. Кутырина в русском народном costume.
Париж. 1938

⁷ О.А. Шмелева — Ю.А. Кутыриной. Открытое письмо. Берлин — Париж. 23 января 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (133).

⁸ Кутырина Ю.А. Трагедия Шмелева. С. 2.

⁹ Разрешение на въезд во Францию И.С. Шмелеву // РФК. Архив Шмелева. № 10350 (1).

¹⁰ Цит. по: Кутырина Ю.А. Трагедия Шмелева. С. 3.

¹¹ И.В. Гессен — И.С. Шмелеву. Берлин — Париж. 14 марта 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (415).

правда, что и художеством не назовешь... В русской литературе первое по времени настоящее свидетельство о большевизме... Страшной этой книги — есть ли в русской литературе?»¹²

Главы из «Солнца мертвых» стали появляться на страницах русской эмигрантской печати: в альманахе «Окно» и газетах «Звено» и «За свободу»¹³. Шмелеву потоком шли письма от потрясенных русских и иностранных читателей. Вот что снова писал Шмелеву И.В. Гессен 9 июля 1923 г.: «Несомненно, “Солнце мертвых” есть самый крупный литературный памятник переживаемой эпохи и самый внушительный урок всем эти молодым господам, которые пытаются, с одной стороны, криком, с другой стороны — нелепыми вывертами отразить сущность катастрофы»¹⁴.

Жизнь на берегу моря, среди гор, теплое отношение Ивана Алексеевича Бунина и его жены Веры Николаевны постепенно оказали свое воздействие на Ивана Сергеевича и Ольгу Александровну. И хотя находили на писателя приступы отчаяния, он все больше возвращался к жизни.

12 июня писатель пишет Кутыриной: «Мне уже совестно, я тебя засыпал поручениями, но больше не буду. Ей-Богу, не буду!

Могут понадобиться книги, детские.

Сегодня встал в 5 утра и прошел 7 километров. Соловьи, ручьи, запахи цветов... солнце, сигналы на трубе... планы рассказов. Но сегодня пишу 12 письмо!»¹⁵

В письмах Шмелева появляется все больше новых, веселых интонаций, мало для него характерных. Вот еще одно письмо Кутыриной, от 20 августа: «Милая Юла Ивановна!..

А что ты одеваться думаешь — это очень хорошо, ибо тебе давно пора “кутить”. И если б мы были богаты и счастливы, то купили бы авто и выезжали бы в Булонь, ты бы сидела в этакой шляпе, Ивун в этакой, и все бы спрашивали: это не американцы? И ты бы сошла за богатую американку...

Ах, ты, ворона! Конечно. Надо уметь кокетничать, бантики, ленточки, башмачки, глазки, и все такое. Для игры души. Чтобы шум дошел до Праги, надо сделаться на четверть француженкой, на четверть полькой, на остальные — русско-англичанкой. И больше ничего. Вот тебе мои советы опытного знатока женщин, флирта — одним словом, “знатока души”.

Ну, заболтался. Пойду, выпью мара — дрянь, но крепкая, ибо на джин и виски денег пока нет. А красное надоело. Запиваю от тоски»¹⁶.

Интересно, что впервые за долгое время этот текст написан на пишущей машинке. Писатель снова входил в прежнюю колею.

¹² Солженицын А.И. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых» // Венок Шмелеву. М., 2001. С. 46.

¹³ Шмелев И.С. Солнце мертвых // Окно. 1923. № 2, 3; Утро: (Из книги «Солнце мертвых») // Звено. 1923. 9 апр.; Волчье логово: (Из книги «Солнце мертвых») // Там же. 4 июня; Человечий голос: (Из книги «Солнце мертвых») // Там же. 23 июля; Утро: (Из книги «Солнце мертвых») // За свободу. 1923. 18 апр.

¹⁴ И.В. Гессен — И.С. Шмелеву. Берлин — Париж. 9 июня 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (418).

¹⁵ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 12 июня 1923 г. // Там же. № 10350 (140 а).

¹⁶ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 20 авг. 1923 г. // Там же. № 10350 (134).

Тем временем в Париж приезжает известный издатель, в прошлом — революционер, бежавший с Туруханской каторги, Николай Семенович Ангарский (Клестов). Впоследствии он стал одним из главных прототипов «Театрального романа» М.А. Булгакова. Именно благодаря поручительству Ангарского Шмелевы сумели выехать за границу.

22 июня Иван Сергеевич послал ему большое письмо, где отказывался от гонорара в советских изданиях: «Я не могу брать по какому-то непреодолимому чувству, не по капризу. Теперь, когда я знаю, что у меня отняли и убили сына, я не могу принять даже доброго слова от той власти, именем которой столько ужасного совершено». Иван Сергеевич практически предупредил Ангарского о своем нежелании возвращаться: «Вы признаете, что, может быть, я нарушил формальное доверие, но не в силах был поступить иначе... Здесь, в иной обстановке, я еще могу, не напрягая воли, что-то писать, чем-то обманывать себя. Там жить у меня не хватит сил душевных»¹⁷.

Но Ангарский не оставляет попыток встретиться со Шмелевым. И тогда Иван Сергеевич снова пишет Кутыриной 22 августа. Он категорически не желает нового свидания с гостем из СССР. Это письмо Кутыриной очень многое значило в жизни писателя. Шмелев подтвердил свое твердое намерение жить вне России: «У меня к тебе большая просьба. Ты переслала мне письмо-пневматик от Ник. Сем. Ангарского. Он мне пишет: хотелось бы повидаться. Зайдите... Я не хочу ему отвечать. Сделай так. Пошли ему пневматик, указав, что если он хочет что-нибудь сообщить о родных дяди Вани, он может зайти к тебе, но не указывая в письме своего адреса. ...Скажи ему, что он может говорить совершенно свободно с тобой, так как я тебе все доверяю. А что я живу на юге, лечусь и работаю. Узнай от него, как дело с его поручительством, меня это очень мучает. Я надеюсь, чтоб ему не было особых неприятностей. Я решил остаться свободным писателем, чего

Ю.А. Кутырина. Париж. 1920

¹⁷ Цит. по: Иван Шмелев: Долгий путь домой: 1950–2000. М., 2000. С. 13.

в России нельзя получить... Скажи, что я по-прежнему признателен ему за все, что видел от него доброго, и надеюсь, что моим родным не придется потерпеть от правительства за мое поведение»¹⁸.

Однако Ивану Сергеевичу, конечно, не давала покоя сложившаяся ситуация, и на следующий день, 24 августа, он шлет Кутыриной еще более откровенное письмо: «В дополнение ко всему прошу тебя никак не стесняться с моей просьбой, и если ты найдешь ненужным видеть у себя Николая Семеновича — не приглашай. Может быть, даже так и лучше... Может быть, лучше кратко в письме, не обозначая своего адреса, сообщи от имени племянницы — и только — что мой дядя с июня живет на юге, переезжая с места на место. Не хочу, чтобы он и адрес мой знал, а то будет меня письмами тревожить и укорять еще...»

Если получишь от него сборник «Недра» — запри в шкафе. Посылать мне его не надо. Я и думать-то о нем не хочу. Дал я в Москве для его сборника «Это было» в первой редакции, ткнул ему в глотку как бы взятку за его поручительство, и думать больше не хочу»¹⁹.

Речь идет о публикации в 1923 г. в издававшемся Н.С. Ангарским альманахе «Недра» повести «Это было» — фантазмагории, происходящей в сумасшедшем доме²⁰. Тогда Шмелева, как и в течение нескольких последующих лет, еще печатали в СССР.

Теперь понятно, что резкие слова Ивана Сергеевича можно объяснить тем, что ему уже не надо было играть в сотрудничество с новой властью, которую он ненавидел яростно, всеми силами души. И Ангарский (а ему Шмелев, конечно, оказался более чем обязан, в том числе и публикацией на родине этого почти откровенно антибольшевистского произведения и выездом из СССР) тоже означал для него в той или иной степени ту сатанинскую силу, которая поглотила Россию и его единственного сына.

В этом же письме впервые Шмелев с раздражением упоминает о слухах вокруг его имени, которые начинают возникать в эмигрантской среде: «А демократкам ничего не говори. Они, гляди, небось и так уж радостно сообщают о моих политических взглядах, т. е. что я юдофоб, монархист, националист и прочее»²¹. Впоследствии писателю немало пришлось страдать от подобных обвинений. Его восхищение старой Россией, старым укладом, страной церковью и малинового звона не всем приходилось по душе.

Через несколько дней, 26 августа, он шлет Кутыриной новое письмо. Оно звучит как набатный колокол. Судя по тексту, Юлия Александровна с сыном собралась уезжать на время в СССР. И Шмелев предостерегает ее: «Там уже совсем нет хлеба духовного, ибо уже нет былой русской общественности, культурности, интеллигентности в незатрепанном смысле. Там — или крыса, выцарапывающаяся из помоек,

¹⁸ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 22 авг. 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (135).

¹⁹ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 24 авг. 1923 г. // Там же. № 10350 (136).

²⁰ Шмелев И.С. Это было // Недра: Литературно-художественный сборник. М., 1923. № 1. С. 99–151.

²¹ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 24 авг. 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (136).

или наездник лихой, или лисица, или волк, или собака — пес. Там же ведь нет воздуха, одна гнусная советская правда. Там люди перестали быть, там — влачатся...

По-моему, лучше временно быть без России, чем в ней жить с затынутым ртом, с заплеванной душой и со связанными руками, питая даже признательность за то, что тебя терпят и дают хлеба, пока ты ходишь с покорной головой»²².

Отъезд не состоялся. Через некоторое время, 2 сентября, Шмелев шлет Кутыриной новое послание. Он был в ярости, что его стали причислять к публицистам: «Я знаю, что я пишу! ...Я знаю. Публицистика — это Вересаев, у которого всегда была публицистика и будет, попади она хоть на луну. А знаю я их. Зелен виноград! Раз про них, то ты тут хоть ошекспишься, отолстовься — все будет публицистика! Они лирику, пафос с публицистикой мешают! Ну да они “Бесов” Достоевского не могут переварить. Я писал и пишу с великим трудом и болью. О современном. Но это не значит, что я рассуждаю. Я могу негодовать, я могу скорбеть, я могу все, но только не рассуждать спокойно, как делает публицистика! Им важно меня залучить в яму! Знаю! Они боятся!»²³

И снова и снова продолжает звенеть боль о сыне, о своем Сереже: «Я согласился бы за все мои книги получить кусок земли в Грассе, пятьсот сажен и хибарку. Я бросил бы писать, а стал бы копать землю и не думать. Если бы я мог получить мальчика моего, я бы все отдал и пошел бы ходить босой по земле и нигде не имел бы крова. А тут подлая жизнь ставит какие-то пестрые заманки, пустоцвет и пустпорожнь»²⁴.

9 сентября — последнее послание из Грасса. До этого Иван Сергеевич известил Юлию Александровну, что они с Ольгой Александровной приезжают в Париж поездом 6 октября в 9 утра.

Шмелев по-детски радуется полученному переводу на французский его «Солнца мертвых», сделанному Анри Монго и опубликованному в журнале «Меркюр де Франс» 15 сентября 1923 г.: «Сам Господь Бог не мог бы перевести лучше, если б родился французом и прожил года в России. ...Ново для меня — читать себя по-французски, как будто меня одели у лучшего парижского портного и я каким-то чудом стал говорить на языке Гюго и Рабле, пахнет от меня фиалками и вот-вот примусь горделиво говорить — мы, французы. Но сие, конечно, на миг один, ибо я весь из калужского теста и люблю запах антоновки, ржи, рябины и по-московски а-каю»²⁵.

Это был первый год изгнания. Впереди предстояли и слава, и трагедии, и неустанная работа. И вечная благодарность Юлии Александровне за то, что она сберегла для нас наследие одного из самых пронзительных писателей, когда-либо творивших на русском языке.

²² И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 26 авг. 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (137).

²³ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 2 сент. 1923 г. // Там же. № 10350 (138).

²⁴ Там же.

²⁵ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 9 сент. 1923 г. // Там же. № 10350 (139).

«...НЕ СКРЫВАЙТЕ ОТ МЕНЯ ВАШЕГО НАСТОЯЩЕГО МНЕНИЯ»:
ПЕРЕПИСКА Г.В. АДАМОВИЧА С М.А. АЛДАНОВЫМ
(1944–1957)

Предисловие, подготовка текста и комментарии
О.А. Коростелева

Переписка с М.А. Алдановым — один из самых крупных корпусов эпистолярия Г.В. Адамовича. И это при том, что сохранились лишь письма послевоенного периода.

Познакомились оба литератора, вероятно, еще в начале 1920-х гг., но об этом в переписке ничего нет, ранние письма утрачены вместе со всем довоенным архивом М.А. Алданова.

Об их возможных взаимоотношениях в самые первые годы эмиграции говорить трудно за неимением свидетельств, однако к 1927 г. они наверняка были не только знакомы шапочно, но и вступали в контакты по литературным делам. Не могли они не встречаться, к примеру, в редакции «Дней», где Алданов руководил литературным отделом. Адамович сотрудничал в «Днях» с октября 1927 по июнь 1928 г., печатая одну-две статьи в месяц.

И впоследствии оба печатались по преимуществу в одних и тех же изданиях: «Последних новостях», «Современных записках», после войны — в «Новом журнале».

В последние годы их встречи были уже постоянными. В воспоминаниях «Мои встречи с Алдановым» Адамович писал, что во время приездов в Ниццу они «встречались раза два или три в неделю в маленьком кафе на площади Моцарта. <...> Литературные наши разговоры почти всегда кончались Толстым и Достоевским»¹.

Оба симпатизировали друг другу, заведомо числя по аристократическому разряду эмигрантской литературы — небольшому кружку, границы которого определялись исключительно переменчивыми мнениями людей, со свойственной им борьбой амбиций, репутаций и влияний.

Впрочем, безоговорочным профессионалом и почти классиком Алданов слыл больше среди эмигрантов старшего поколения, преимущественно из окружения «Современных записок», где он был одним из главных авторов, на которых журнал строил свою литературную политику². Парижские прозаики из младшего поколения склонны были считать Алданова скорее эпигоном (впрочем, некоторые из них охотно записывали в эпигоны и Бунина³).

¹ Адамович Г. Мои встречи с Алдановым // Новый журнал. 1960. № 60. С. 112–113.

² Подробно см. в публикации: «Современные записки», с которыми я так связан...»: М.А. Алданов / Публ., вступ. ст. и примеч. Е.Б. Рогачевской // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2011. Т. 2. С. 31–132.

³ См., напр., в мемуарах В.С. Яновского: «Бунина и Шмелева, прополов, издают теперь в Союзе полумиллионными тиражами. Россия еще долго будет питаться исключительно эпигонами» (Яновский В.С. Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1973. С. 9–10).

К Адамовичу, которого они наряду с поэтами признавали своим духовным лидером, не раз приставали с недоуменными вопросами: действительно ли он считает Алданова большим писателем или одобрительно отзывается о нем исключительно из вежливости и политкорректности. Адамович отшучивался как мог и как мог защищал Алданова от нападков молодежи.

Сомнения были небеспочвенны, Адамовичу за долгую карьеру критика нередко приходилось соблюдать политес и писать не совсем то, что он думал. Его ближайшее окружение прекрасно это понимало и стремилось читать его статьи между строк⁴.

Но об Алданове Адамович отзывался высоко вполне искренне и долго не мог убедить своих младших коллег, что в данном случае не кривит душой. В.С. Яновского он шутливо учил правилам литературного этикета в письме от 7 июля 1946 г.: «Алданова тоже не обижайте, и будет у Вас жизнь легкая, а через двадцать лет *prix Nobel*»⁵. И позже поддразнивал его в ответ на негативные отзывы: «Алданов — очень хороший писатель, лучший, какой в России был после Толстого или даже до него»⁶.

В том же духе Адамович писал и Варшавскому 9 мая 1953 г.: «Вы меня возмутили и разозлили дерзкими нападками на моего любимого автора во всей русской литературе — М.А. Алданова. Конечно, “сами все знаем, молчи!” Но если бы Вы помнили, какой это грустный, умный, милый и вежливый человек, то разделили бы мое к нему пристрастие»⁷.

В письмах к людям старшего поколения отзывы оставались неизменно высокими. Так, 1 ноября 1952 г. Адамович писал А.А. Полякову: «У меня к Алданову слабость — и как к человеку, и как к писателю. Первое — всем понятно, второе — многих удивляет. Но, по-моему, он очень хороший писатель, пока не пускается в поэзию (любовь или природу). Полная противоположность Бунину»⁸.

Моральный авторитет Алданова был для Адамовича непререкаемым. Весьма щепетильный во всем, от политики и общественных дел до бытовых мелочей, Алданов был известен в эмиграции тем, что ни разу ни с кем не поссорился и не сделал ни одного необдуманного поступка. Адамович этим похвастаться никак не мог, но искренне завидовал. 21 сентября 1945 г. Адамович писал Алданову: «Без капли лести, Вы для меня единственный человек — плюс М.Л. Кантор, — у которого я не могу даже в воображении заподозрить греха».

⁴ И.В. Одоевцева в своих воспоминаниях привела характернейший эпизод о том, как взволновался Мережковский одной из статей Адамовича и успокоился только после того, как тот признался, что дал положительный отзыв исключительно «из подлости»: «Так бы и говорили! А то я испугался, что он вам действительно нравится. А если из подлости, то понятно, тогда совершенно не о чем говорить» (*Одоевцева И.В.* На берегах Сены. М., 1989. С. 65).

⁵ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. New York (далее — BAR). Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1.

⁶ Там же. Письмо от 23 ноября 1954 г.

⁷ «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 268.

⁸ BAR. Coll. Poliakov. Box 1. Folder 1.

С Алдановым Адамович не раскрывался настолько, как, например, в переписке с Бахрахом, с которым охотно обсуждал сплетни, зубоскалил и вполне мог рассказать не слишком приличный анекдот. Джентльмен до мозга костей, Алданов попросту не понял бы такого панибратства. Поэтому тон Адамовича в письмах к нему все же во многом светский, как оставался он светским почти во всей его переписке, за редкими исключениями совсем уж близких друзей. Однако отношения Адамовича с Алдановым при всей их внешней светскости можно назвать дружескими.

Сам Алданов, вероятно, вообще никогда не раскрывался, т. е. был именно таким, каким и выглядел в письмах — застегнутым на все пуговицы. Его политес был врожденным, а не напускным, он так думал и только потом уже так говорил. Адамович часто говорил не то, что думает, и в письмах (по требованиям этикета и из светских манер), и особенно в статьях (подчиняясь литературной политике, из боязни задеть, обидеть, необходимости поддержать и т. д.). Понимая это, Алданов просит Адамовича писать ему более искренно, но Адамовича особо просить не приходится, он и впрямь в переписке с Алдановым пишет то, что думает, высказывает по преимуществу свое настоящее мнение, пусть и смягчая его постоянными оговорками, нередко спорит, вежливо, но твердо (по поводу Блока, в частности, полемика тянулась годами, но Адамович упорно не желал уступать Алданову кумира своей юности).

Одна из постоянных тем переписки — состояние стареющего Бунина, которого оба нежно любили со всеми его причудами (отчасти даже именно за эти причуды). А после смерти Бунина оба особенно остро ощущали, как стремительно сужается их круг, который еще совсем недавно, до войны, казался таким основательным и постоянным.

19 марта 1954 г. Алданов писал Адамовичу: «Со дня кончины Ивана Алексеевича *ничье* мнение не может быть мне более ценно, чем Ваше».

Это один из тех редких случаев, когда сохранились не только письма Адамовича, но и ответы его адресата (хоть и не в оригиналах, а лишь во вторых машинописных отпусках). Ответы отложились не в бумагах Адамовича, который из всей своей обильной переписки оставил лишь письма Бунина и Гиппиус (да и то не полностью), но в архиве куда более аккуратного во всех отношениях Алданова, который старательно сохранял не только письма своих корреспондентов, но и вторые копии собственных посланий (большую их часть он писал не от руки, а на пишущей машинке, на всякий случай закладывая под копирку второй лист, к радости архивистов и исследователей).

Основной корпус писем сохранился в Бахметевском архиве: VAR. MS. Coll. Aldanov. Наша искренняя благодарность куратору Бахметевского архива Татьяне Чеботаревой за любезное разрешение опубликовать эти письма, а также Манфреду Шрубe, взявшему на себя труд по их копированию и сверке иностранных слов и выражений.

Несколько писем отложилось в бумагах Алданова, ныне находящихся в архиве Дома-музея Цветаевой в Москве (письма Адамовича Алданову от 26 августа, 20 октября и 4 ноября 1956 г., а также письмо Алданова Адамовичу от 24 ноя-

бря 1956 г. и письмо Адамовича Т.М. Алдановой от 23 февраля 1959 г., которое дается в приложении). Хочется выразить глубокую признательность директору Дома-музея Цветаевой Э.С. Красовской за любезное разрешение присоединить эти письма к общему корпусу публикации.

Несколько фрагментов из писем уже появлялись в печати⁹, но в полном виде переписка публикуется впервые.

Тексты печатаются по оригиналам в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации (но с сохранением специфических особенностей, отражающих индивидуальную авторскую манеру). Разрядка в письмах дается курсивом, подчеркивания остаются, как в оригиналах. Конъектуры даются в угловых скобках, вставки публикатора — в квадратных скобках, общепринятые сокращения не раскрываются. Общеизвестные имена, факты и события не комментируются. Общеизвестные иноязычные слова и выражения не переводятся. При подготовке писем к печати учтены примечания М. Грин, Е.Б. Рогачевской, А.А. Чернышева.

1. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

6 декабря 1944 г. Ницца

14, av. Fragonard
Nice (A. M.)
France
6/XII.44

Biencher Marc Alexandrovitch, j'étais heureux d'avoir un mot de vous et de vous savais, vous et madame votre femme, en bonne santé. Merci de me demander de collaborer à votre revue. Je n'y manquerai pas, quand cela deviendra possible. Merci aussi de m'annoncer la prochaine arrivée d'un colis. J'espère qu'il ne se perdra pas en route. Vous ne pouvez vous imaginer à qu'il point cela peut être précieux ici en ce moment.

J'ai passé les années de l'occupation allemande sans ennuis personnels, et sans bauer de Nice. Mais je ne me console pas de la déportation en Allemagne de notre pauvre Loulou Kan. et de celle de Nic. Berng. Freud-n. Je ne garde qu'un faible espoir de les revois un jour, tous les deux. Et vous, cher M. A. comment allez vous? J'ai en vent, il y a deux ans, de vas grands succès littéraires et croyez moi, je m'en suis réjouir de tout coeur. A propos, je n'ai jamais reçu la lettre de 1942 dont vous me parlez. Je retournerai à Paris dans un mois au deux, mais mon adresse niçoise restera toujours bonne. N'oubliez pas de me rappeles au bon souvenirs de Tat. M-na et croyez à ma très sincère amitié.

Georges Adamovitch

⁹ В частности, в публикации: «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М.А. Алданова / Вступ., публ. и примеч. А.А. Чернышева // Октябрь. 1998. № 6. С. 142–163.

*Перевод с французского*¹

Дорогой Марк Александрович, я счастлив получить от Вас известие и узнать, что Вы и Ваша жена в добром здравии. Спасибо за приглашение сотрудничать в Вашем журнале². Воспользуюсь им, когда это станет возможным. Спасибо также за сообщение о скором прибытии посылки. Я надеюсь, что она не потеряется по дороге. Вы не можете представить, насколько это ценно здесь в настоящий момент.

Я провел годы немецкой оккупации без личных неприятностей и не покидая Ниццы. Но я не могу забыть о депортации в Германию нашей бедной Лулу Каннегисер³, а также Ник<олая> Берн<гардовича> Фрейд<енштейна>⁴. У меня остается слабая надежда однажды вновь увидеть их обоих. А вы, дорогой М<арк> А<лександрович>, как Ваши дела? Я слышал, года два тому назад, о Ваших больших литературных успехах⁵ и, поверьте, радовался от всего сердца. Кстати, я никогда не получал то письмо 1942 г., о котором Вы говорите. Я возвращаюсь в Париж через месяц или два, но мой ниццкий адрес всегда остается верным. Не забудьте передать Тат<ьяне> М<арковне>⁶ мои лучшие пожелания и заверения в самой искренней дружбе.

Георгий Адамович

¹ С момента оккупации Франции немецкой армией цензура военного времени запрещала посылать письма на иностранных языках (помимо французского) из оккупированной зоны в свободную, а также в другие страны. Запрет действовал до 1 марта 1943 г., а фактически до полного освобождения Франции.

² Речь идет о «Новом журнале», который Алданов с М.О. Цетлиным и М.М. Карповичем основали в Нью-Йорке в 1942 г.

³ Каннегисер Елизавета Иоакимовна (Лулу) — сестра Л.И. Каннегисера.

⁴ Фрейдентейн Николай Бернгардович (псевд. Юрий Фельзен; 1894–1943) — прозаик «незамеченного поколения». С 1918 г. в эмиграции в Риге, с 1921 г. в Берлине, с 1924 г. в Париже. С 1929 г. член (с 1935 г. председатель) Союза молодых писателей и поэтов (позднее переименованного в Объединение русских писателей и поэтов). Участник сборников «Зеленой лампы», «Кочевья», «Перекрестка», «Круга». Секретарь редакции журнала «Числа». В 1942 г. арестован нацистами, погиб в концлагере Аушвиц.

⁵ В январе 1943 г. роман Алданова «Начало конца» был удостоен высокой литературной награды, стал лауреатом клуба «Книга месяца», что на время сделало Алданова популярной фигурой в литературном мире США (роман выдержал несколько изданий, в американской печати были опубликованы интервью с Алдановым и статьи о нем).

⁶ Имеется в виду Ландау Татьяна Марковна (урожд. Зайцева; 1893–1968) — жена М.А. Алданова.

2. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

6 декабря 1944 г. Ницца

14, av. Fragonard
Nice (A. M.)
France
24/III 45

Mon cher ami, je viens de recevoir deux colis remplis des bonnes chères introuvables ici, l'un du «Lit. Fund», l'autre de l'Amicale des «Dern<i>ère</i> N<i>ouvelle</i>». Je vous en remercie de tout coeur car je suis certain que c'est surtout à vous que je le dois. Veuillez remercier de ma part tous ceux qui ont bien voulu y participer. J'en suis d'autant plus heureux que j'ai auprès de moi ma soeur malade qui à besoin d'être bien alimentée. Comment allez vous? N'avez vous pas l'intention de venir à Paris, ne fut-ce que pour quelques mois? Je serais heureux de vous revoir, comme le seraient certainement tous vos nombreux amis d'ici. Je vois Bounine assez souvent, «plus jeune que jamais». Au revoir, bien cher Marc Alexandrovitch. Croyez à me très sincère amitié — et merci une fois encore.

Bien à vous G. A.

Перевод с французского:

Дорогой друг, я только что получил две посылки, наполненные хорошими продуктами, которых здесь не найти, одну из «Ли<тературного> фонда», другую от Содружества «Последних новостей»¹. Я Вас за это благодарю от всего сердца, так как уверен, что главным образом именно Вам я этим обязан. Пожалуйста, поблагодарите от меня всех, кто столь любезно принимал в этом участие. Я тем более счастлив, что на моем попечении больная сестра², которая нуждается в хорошем питании. Как Ваши дела? Не имеете ли Вы намерения приехать в Париж, хотя бы на несколько месяцев? Я был бы счастлив снова увидеть Вас, как и, разумеется, все ваши многочисленные друзья здесь. Я видел Бунина довольно часто, «более юного, чем обычно». До свидания, дорогой Марк Александрович. Верьте моей самой искренней дружбе — и еще раз спасибо за все.

Ваш Г. А<дамович>

¹ Содружество «Последних новостей» (Amicale des «Dernière Nouvelle») — существовавшая в 1940-е гг. общественная эмигрантская организация, основанная бывшими сотрудниками с целью воссоздания газеты (что не увенчалось успехом).

² Осенью 1929 г. родную сестру Адамовича Ольгу разбил паралич. 8 ноября 1929 г. Адамович писал З.Н. Гиппиус: «У моей сестры случился паралич на почве сердечной болезни. Это очень серьезно, и если она поправится, будет очень долго. Она не говорит и, по-видимому, наполовину потеряла рассудок» (Письма Г.В. Адамовича к З.Н. Гиппиус: 1925–1931 / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора. Вып. 3. 2002. С. 528). После смерти матери (1933) Адамович заботился о сестре до ее кончины в 1952 г.

З. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

20 июня 1945 г. Париж

39, rue Pascal
Paris
20/VI 45

Bien cher ami, j'ai reçu il y a quelques jours par l'entremise de B.K. Zaitseff le colis que vous avez bien voulu m'envoyer. Je ne sais comment vous en remercier. Croyez que je suis profondément touché de votre attention et de votre bon souvenir. J'envoie cette lettre par avion. Peut être vous parviendra-t-elle avec moins de retard de coutume.

J'ai vu hier — à la soirée Bounine — madame votre soeur, et j'ai été heureux d'apprendre que tout allait bien chez vous. Le «tout Paris» russe y était. J'ai rencontré des gens, que je croyais morts ou disparue. La vie reprend peu à peu, assez péniblement il faut bien le dire — et certainement jamais elle ne rédeviendra ce qu'elle à été.

Mon ami Stavrov vous envoie par ce même courrier une nouvelle pour votre revue et me pris de vous en parler. Tout ce que je me permettrai de faire, c'est de la recommander à votre attention. Je croie jamais que Bounine vous à déjà écrit à ce même sujet, donc je n'ai qu' à m'effacer devant notre «bon maître», très viellé à propos et à mon goût plus charmant sucre dans sa revolte contre l'inevitable. Vous voyez bien ce que je vous dire. Je l'aimois moins auparavant. Quant à Stavrov, si vous voulez bien le lire avec attention et n'être par trop sévère pour quelques maladresses voulues d'un style resolutement nonchalant, je vous en serais très reconnaissant. Excusez moi de cette demarche, et ne croyez pas que j'attache à ma recommandation trop de poids.

Pensez vous vraiment venir faire un tour en France? Inutile de vous dire la joie que j'aurais à vous revoir. Je pars pour Nice dans deux trois jours, j'y resterai jusqu' à la fin du mois de septembre. Mon adresse là-bas est toujours la même — 14, avenue Fragonard.

Croyez, cher Marc Alexandrovitch, à mon très sincère dévouement et veuillez me rappeler au bon souvenir de madame votre femme.

Bien à vous *Georges Adamovitch*

Перевод с французского:

Дорогой друг, я получил несколько дней тому назад через Б.К. Зайцева посылку, которую Вы мне любезно послали. Не знаю, как вас за это благодарить. Поверьте, я глубоко тронут Вашим вниманием и тем, что Вы обо мне помните. Я посылаю это письмо авиапочтой. Может быть, так оно дойдет с меньшими задержками.

Я видел вчера — на вечере Бунина¹ — Вашу сестру² и был рад узнать, что у Вас все в порядке. «Весь Париж» русский был там. Я встретил людей, которых считал умершими или пропавшими без вести. Жизнь понемногу налаживается, достаточно болезненно, надо сказать, — и, конечно, никогда она уже не будет прежней.

Мой друг Ставров³ посылает Вам этой же почтой рассказ для Вашего журнала и просит меня поговорить с Вами о нем⁴. Все, что я могу позволить себе сделать, — это

рекомендовать его Вашему вниманию. Не думаю, чтобы Бунин написал Вам об этом, поэтому делаю отступление о нашем «добром мэтре», который, кстати, очень стар и, на мой вкус, совершенно очарователен в своем восстании против неизбежного. Вы хорошо понимаете, что я имею в виду. Раньше я его меньше любил. Что касается Ставрова, если Вы прочтете его внимательно и не будете слишком строгими к отдельным небрежностям его беспечного стиля, я буду Вам очень признателен. Извините меня за этот демарш и не считайте, что я придаю большой вес своей рекомендации.

Вы действительно думаете вернуться во Францию? Не могу выразить, как я рад был бы Вашему возвращению. Я уезжаю в Ниццу через два-три дня и останусь там до конца сентября. Мой адрес там всегда тот же — 14, avenue Fragonard.

Верьте, дорогой Марк Александрович, моей самой искренней преданности и, пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания Вашей супруге.

Ваш *Георгий Адамович*

¹ 19 июня 1945 г. в парижском зале «Шопен-Плейель» состоялся закрытый вечер Бунина, вернувшегося с юга Франции.

² *Полонская* Любовь Александровна (урожд. Ландау; 1893–1963) — сестра М.А. Алданова, жена юриста, журналиста и библиофила Якова Борисовича Полонского (1892–1951).

³ *Ставров* Перикл Ставрович (Ставропуло; 1895–1955) — поэт, переводчик, с 1920 г. в эмиграции в Греции, с 1926 г. в Париже, участник объединения «Круг» (1935–1939), председатель Объединения русских писателей и поэтов во Франции (1944). Вернувшись после войны из Ниццы, Адамович в 1945–1947 гг. жил в его парижской квартире (39, rue Pascal, Paris 13e). См. некролог: *Адамович Г. Довид Кнут и П. Ставров // Новое русское слово*. 1955. 29 мая. № 15737. С. 8.

⁴ Ни проза, ни стихи Ставрова не публиковались в «Новом журнале».

4. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

12 июля 1945 г. Нью-Йорк

12 июля 1945

Дорогой Георгий Викторович

Очень рад был Вашему письму, спасибо. Я его переслал Михаилу Осиповичу <Цетлину>, который болеет и сейчас находится в санатории. Он главный редактор «Нового журнала» по делам первого отдела (беллетристика и стихи), а Мих<айл> Мих<айлович> Карпович по делам второго отдела (общее направление, публицистика). Я вначале принимал самое близкое участие в редактировании журнала. Потом эта работа, которую я всегда терпеть не мог, мне смертельно надоела: она (будучи, конечно, бесплатной) отнимала у меня почти все время, и я отошел от нее. Совершенно не участвовал бы в ней, если бы Мих<айл> Ос<ипович> не болел. Как только он выздоровеет, я совершенно и отойду. Теперь же делаю часть работы за Михаила Осиповича, но главные редакторы он и Карпович, как и сказано на облож-

ке. Они Вам и ответят после редакционного совещания в августе. Вы, кстати, ничего не сообщаете о том, пришлете ли нам что-либо? Слышал, что Вы политически с нами расходитесь, но «Новый журнал» — орган довольно широкой «коалиции». Редакция просила недавно о сотрудничестве Маклакова¹. Вашему участию она, я знаю, была бы чрезвычайно рада. Недавно вышла 10-я книга, а в конце августа должна появиться одиннадцатая. Видели ли Вы журнал? Буду очень признателен, если откровенно напишете мне свое мнение об «Истоках»². Именно мне, — рецензии ни к чему.

Но это письмо я пишу Вам по совершенно другому делу. Вы, верно, знаете, что я состою в президиуме здешнего Лит<ературного> фонда³ (который у Вас, кажется, смешивают с Толстовским фондом⁴ А.Л. Толстой, — между тем как эти две организации на самом деле не в таких уж добрых отношениях между собой). Председателя мы после кончины Н.Д. Авксентьева⁵ не избирали, и у нас довольно многочисленный «президиум»: Коновалов, Николаевский, Зензинов, Авксентьева, я из парижан и несколько нью-йоркцев, Вам едва ли известных. После освобождения Франции президиум единогласно принял решение не оказывать никакой помощи писателям, ученым, общественным деятелям, сочувствовавшим немцам, — все равно, активным или не очень в этом активным. Это было отступлением от правила старого Красного Креста, который оказывал помощь всем в ней нуждавшимся. Но и положение теперь не то, — решение было принято единогласно, утверждено позднее многолюдным собранием, и мы от него не отступим и не хотим отступать. Мы послали множество продовольственных посылок во Францию и при их отправке исходили из этого решения. Так как информация у нас о том, как кто был настроен в период оккупации, естественно, не полна и не безупречна (теперь же многие перекрасились), то мы, вероятно, сделали несколько ошибок — и очень странно, что нас в этом обвиняют. Между тем обвиняют нас, как мы слышали, очень резко, чуть ли не в том, что мы заведомо «поддерживаем явных германофилов» и т. д. Это очень неприятно, как обычно бывает неприятна клевета, и к тому же практически вредно фонду, — т. е. нуждающимся писателям и ученым. Здешняя русская колония (а деньги у фонда только от нее) настроена совершенно непримиримо в отношении явных и тайных германофилов, и если она клевете поверит, то касса фонда, постоянно пустеющая и вновь пополняющаяся, иссякнет раз навсегда. Повторяю, я допускаю, что из нескольких сот посылок (по 6–8 долларов каждая), отправленных фондом во Францию, четыре или пять (никак не думаю, что больше) были нами по неведению посланы людям, сочувствовавшим немцам. Мы не знали об их симпатиях, — узнали гораздо позднее и, конечно, больше им ничего посылать не будем. Возможно еще следующее. Один большой груз, в дополнение к тем сотням индивидуальных посылок, мы отправили на имя доктора Н.С. Долгополова⁶, человека честнейшего и по немецкой линии стоящего выше подозрений (как Вы, как Бунин). Но Долгополов взял на себя также распределение посылок, отправляемых другими русскими организациями, которые, насколько мне известно, стоят ближе к позиции старого Красного Креста, хотя ни малейших симпатий к немцам никогда не имели. Возможно (только возможно, — я этого не знаю), что эти организации отправили посылки и людям, которым мы (фонд) ни-

чего отправлять не стали бы. Возможно, что они допустили и больше невольных ошибок, чем мы. И я могу допустить, что в Париже нам приписывают посылки, отправленные не нами. Иначе мне просто трудно понять раздражение и даже, кажется, «негодование», которое вызывает у вас, т. е. в Париже, деятельность фонда. Мы никакой благодарности не требуем и, попав в сытую страну, не имеем на нее права, хотя и много работаем по сбору денег (это ведь дело очень нелегкое). Но, каюсь, мы не ждали и «негодования» вместо благодарности.

Зачем я Вам все это пишу? Вот зачем. Кроме старого списка лиц, которым мы оказываем помощь (из него мы, повторяю, с опозданием, от нашей воли не зависевшим, вычеркнули несколько имен), появляются, естественно, и новые кандидаты. Мы ведь и адресов многих не знали, не знали даже, и живы ли некоторые люди, — или, в сомнении об их симпатиях в пору оккупации, иным писателям и ученым посылок не отправляли. Чтобы избежать новых ошибок, мы решили в каждом таком случае требовать чего-то вроде поручительства, вполне ясного и определенного. Зензинов написал об этом Долгополову. Я пишу Вам. В качестве возможных и необходимых «гарантирующих лиц» мы наметили из писателей в тесном смысле слова Вас и Бунина, а из публицистов и политических деятелей несколько человек, как тот же Долгополов, Альперин⁷ и др. Предвижу, Вы скажете: «это неприятная задача, я ее не принимаю». Очень просим Вас этого НЕ делать. Конечно, это «корвэ»⁸, но почему же возлагать ее только на нас?!

Однако если бы Вы и отказались от нее как от «корвэ» общей, то вот частный случай, от которого Вы уж никак не можете и не имеете права отказаться. Вчера я получил письмо от Георгия Владимировича (Villa Turquoise, av. Edouard VII). Он пишет мне, что и жена его, и он сам больны от недоедания, и просит хлопотать в фонде об отправке ему посылок. Надо ли говорить, что как писатели они были бы в числе первых же кандидатов? Фонд их знает, а Вам известно, как и я, в частности, высоко ценю их талант. Адреса их фонд не знал. Но дело было не только в этом. Г<еоргий> В<ладимирович> пишет, что какой-то его враг сообщил в Нью-Йорк о «нашей дружбе с немцами». Я не знаю, кого он имеет в виду, и мне ничего о таком сообщении кому бы то ни было не известно. Однако какой-то глухой слух об этом здесь действительно прошел еще в пору оккупации, года два тому назад. Получив письмо Г<еоргия> В<ладимирович>а, я позвонил одному из парижан-литераторов. Он сказал то же самое: ни о каком сообщении из Парижа об этом я ничего не слышал, а глухой слух был, и поэтому фонд «в сомнении воздержался», да и считали их людьми состоятельными. Между тем Г<еоргий> В<ладимирович> добавляет, что в жеребковской газете его называли «писателем» в кавычках, что немцы ограбили его до нитки, сожгли рукописи, вывезли обстановку. Это я тоже прочел упомянутому парижанину, и он, человек в фонде весьма авторитетный, сказал то же, что думаю я! Фонд не будет отправлять посылок без того, что я выше назвал «поручительством» — бесполезно ему и предлагать. И он же посоветовал мне то же самое: напишите Адамовичу. Я это и делаю.

Как Вы и Г<еоргий> В<ладимирович> сами поймете, фонд не удовлетворится одним заявлением самого заинтересованного лица. Но если Вы и Бунин подтвердите, что оно никогда немцам не сочувствовало и с ними не являлось, то мы (с упомяну-

тым литератором), несомненно, тотчас проведем отправку серии посылок (считаюсь и с тем, что Г<еоргий> Вл<адимирович> до сих пор ничего не получал). Не ручаюсь, но считаю возможным, что достаточно будет и одной Вашей гарантии (Ваша «ориентация» здесь всем давно известна), но решено было требовать двух поручителей, и было бы гораздо лучше, если бы и Бунин к Вам в этом присоединился. Я Бунину не пишу, так как он мне ответит через месяц, а здесь дело идет о голодающих людях. Может быть, Вам ответит открыткой тотчас. Но *Вас* я очень прошу ответить мне сейчас же, письма по воздушной почте теперь идут 7–8 дней. Г<еоргий> Вл<адимирович> просит меня о том, чтобы фонд об этом телеграфировал Долгополову. Это было бы совершенно невозможно по правилам фонда, даже если бы не было необходимости в поручителях: ни одна посылка отправлена быть не может без формального заседания президиума с занесением в протокол и т. д. Отчасти это объясняется крайним формализмом членов президиума не-парижан, а отчасти тем, что вся деятельность фонда проходит под точным контролем правительственных органов. Между тем ближайшее заседание президиума состоится в августе. Наши заседания обычно происходят каждые две недели (иногда чаще). Но теперь летнее время и почти все разъехались. На последнем заседании все дела закончили, раздали на новые посылки во Францию все деньги, бывшие в кассе, и на месяц прекратили работу, — работа по сбору пожертвований производится независимо от заседаний.

Как только получу от Вас ответ, что Вы (лучше Вы и Бунин) «гарантию» даете, я все сделаю и напишу Г<еоргию> Вл<адимировичу> о результате. Знаю, что Вы, независимо от симпатий и антипатий, фонда не подведете, да и оснований никто не имеет думать, что в «глухом слухе» была правда ввиду указываемых фактов. Но без *посторонней* гарантии (т. е. Вашей и Бунина или, в крайнем случае, не-писателей Долгополова, Альперина) фонд ничего сделать не может. Я не знаю, каковы у Вас сейчас личные отношения с Г<еоргием> Вл<адимировичем>, но не сомневаюсь, что Вы с ними считаться не будете, а его известите.

Простите, что пишу только об этом, о другом в другой раз, а сейчас я очень устал. Надолго ли Вы уехали в Ниццу? Где будете жить в Париже, когда вернуться? Очень прошу извещать о Ваших переездах и адресах, — это необходимо и для правильной отправки посылок, как от фонда, так и от «Амикаль де Дерниер Нувель»⁹.

На всякий случай сообщаю Вам адреса и Лит<ературного> фонда: [пропуск в машинописи]

и Толстовского фонда: [пропуск в машинописи]

Татьяна Марковна благодарит Вас за память и, как я, шлет Вам самый сердечный привет. Так давно я Вас не читал! А что книга, которую Вы задумали в 1943 году?¹⁰ Что пишете теперь? Как здоровье Вашей сестры?¹¹

¹ В.А. Маклаков принял приглашение и неоднократно печатался в «Новом журнале» начиная с 12-го номера.

² «Истоки» — роман Алданова, печатавшийся в «Новом журнале» (1943. № 4, 6; 1944. № 7–9; 1945. № 10–12; 1946. № 13), а позже выпущенный двухтомником (Париж: YMCA-Press, 1950).

³ Учрежденный в Нью-Йорке в 1918 г. Литературный фонд (Fund for the Relief of Russian Writers and Scientists in Exile / Фонд помощи русским писателям и ученым в изгнании) от-правлял нуждающимся русским литераторам во Франции продовольственные и другие по-сылки, а также переводил деньги.

⁴ Толстовский фонд основан в 1939 г. А.Л. Толстой (при участии С.В. Рахманинова, М.И. Ростовцева, Б.А. Бахметева, В.В. Сергиевского, Т.А. Шауфус и др.) с целью помощи русским эмигрантам. Подробнее о нем см.: *Шауфус Т.А.* История Толстовского фонда // Нива (Нью-Йорк). 1955. № 110. С. 8.

⁵ *Авксентьев* Николай Дмитриевич (1878–1943) — председатель Литературного фонда в Нью-Йорке в 1941–1942 гг., затем до своей кончины — член президиума.

⁶ *Долгополов* Николай Саввич (1879–1972) — врач, общественный деятель, депутат II Государственной думы, представитель Временного правительства на Черноморском по-бережье и в Кубанской области, участник Ледяного похода, министр народного здравоох-ранения в правительстве Деникина, с ноября 1920 г. в эмиграции в Париже, председатель Земгора и американских благотворительных фондов, основатель Русского дома для пре-старелых в Кормей-ан-Парижи (1949), кавалер ордена Почетного легиона.

⁷ *Альперин* Абрам Самойлович (1881–1968) — юрист, помощник присяжного поверен-ного (В.Ф. Зеелера), общественный деятель, предприниматель, создатель и член правления Ростовского купеческого банка, заведующий табачными фабриками Асмолова и Кушнерева, заместитель председателя Донского общества помощи казакам (1918–1919). С 1919 г. в эми-грации в Париже, глава крупного табачного дела, основатель и один из директоров фабрики «Биотерапия», масон. В годы Второй мировой войны руководитель еврейского движения Соппротивления в оккупированной зоне Франции, один из создателей (1946) и председатель (с 1947) Общества помощи русско-еврейской интеллигенции им. Я.Л. Тейтеля (Тейтелевского комитета). Подробнее о нем см.: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000. М., 2001. С. 54–55.

⁸ От фр. *corvée* — барщина (используется для обозначения всех видов отработочной повинности).

⁹ От фр. *Amicale des «Dernière Nouvelle»* (см. примеч. 1 к письму 2 наст. публ.).

¹⁰ По всей видимости, Адамович рассказывал Алданову о своих планах дневниковой книги военных лет, которая вышла после войны на французском языке: *Adamovitch G.* *L'autre patrie.* P.: Eglöf, 1947.

¹¹ См. примеч. 2 к письму 2 наст. публ.

5. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

28 июля 1945 г. Ницца

En russe

Written in russian

28 июля 1945

14 avenue Fragonard

Nice

Дорогой Марк Александрович

Получил сегодня Ваше письмо от 12/VII — и отвечаю немедленно.

Относительно «негодования» или хотя бы «раздражения», которое будто бы вызывает в Париже деятельность нью-йоркского Лит<ературного> фон-

да, я узнал впервые из Вашего письма. Я провел в Париже два с половиной месяца, видел довольно много людей — и, кроме признательности, ничего по Вашему адресу не слышал. Поверьте, что пишу это не из вежливости, а с абсолютной правдивостью. Очень боюсь, что сведения о «негодовании» исходят от Я.Б. Полонского¹. Позиция Полонского такова, что многие даже (в шутку, конечно) считают его больным. Его непримиримости поистине нет предела. А так как сочувствия и согласия она почти ни в ком не встречает (не по существу, а из-за той слишком уж кипучей формы, в которую его «непримиримость» облечена), то негодует он безостановочно, — и мог, конечно, свое личное негодование по поводу одной какой-нибудь ошибки в распределении посылок приписать всем. Повторяю, кроме доброго слова, я ничего никогда о Вас — т. е. о фонде — ни от кого не слышал. Сейчас видел Роговского², который вчера вернулся из Парижа и видел там сотни людей. Не называя Вас и не ссылаясь на Ваше письмо, я навел его на разговор о посылках и на то, что будто бы есть недовольные. Ответ тот же: «В первый раз слышу». Я мог не слышать по своей рассеянности к общественным делам. Но Роговского-то в этом пороке упрекнуть никак нельзя. Не думайте, что о Полонском я пишу отрицательно. Нисколько. Я с ним в самых добрых отношениях — его стойкость мне даже импонирует. Он в данном вопросе — одиночка и никого, кроме самого себя, не представляет.

Вопрос второй — о гарантиях, которые я должен был бы давать. Спасибо за доверие, я искренне ценю его. Но принужден отказаться. Все эти годы я прожил безвыездно в Ницце. Доходили до меня только слухи. В Париже слухи проверить трудно (все, конечно, были «резистантами»), да и охоты у меня к этому нет. Лично мне ближе и понятнее позиция старого Кр<асного> Креста, о которой Вы пишете: помогать всем нуждающимся (т. е., в сущности, не подражать нашим врагам). Но может быть, Вы и правы, *par letemps qui court*³. Только я никак не могу взять на себя роль судьи, больше всего потому, что у меня нет для того нужных сведений. Это не «корвэ», как Вы пишете. От «корвэ» я не отказался бы. Это нечто такое, за что я не могу взять нужной Вам ответственности.

Наконец, третье — о Г.В. Иванове. Скажу откровенно, вопрос о нем меня смущает. Вы знаете, что с Ивановым я дружен, и дружен давно, хотя в 39 году почти разошелся с ним⁴. Я считаю его человеком с такой путаницей в голове, что на его суждения не стоит обращать внимания. Сейчас его суждения самые ортодоксальные. Но прошлое не таково. Я был бы искренно рад, если бы Вы послали ему хоть десять посылок, но дать то ручательство, которое Вам нужно, не могу. Писать мне это Вам тяжело. Но Вы просите меня «не подвести фонда», и по всему тону Вашего письма я чувствую, что не имею права отнестись к поставленному Вами вопросу легкомысленно. Пусть официальной причиной моего отказа дать гарантию останется общее мое нежелание их давать. Остальное — строго между нами. Не скрою от Вас, что мне было бы неприятно, если бы о нашей переписке по этому поводу узнал сам Иванов. Он истолковал бы мое поведение как недоброжелательство. А недоброжелательства нет. Но я не могу в отношении Вас — и при моем уважении к Вам — поступить иначе. Кстати, Роговский мне только что рассказал, что на совещании у Долгополова Иванову было в выдаче посылки отказано на

том основании, что он состоял членом сургучевского союза писателей⁵. К сожалению, я думаю, что такой факт, всем, к тому же, известный, делает все гарантии ненужными и недействительными. Если Вы принимаете во внимание раскаяние и понимаете — дело, конечно, другое. Но, судя по Вашему письму, в Нью-Йорке настроения не таковы. (Мне сейчас приходит в голову: не возникла ли у Вас мысль о гарантиях только в связи с мнимым «негодованием»? Нужны ли они, если негодования нет, и так ли страшны ошибки?)

К сожалению, письмо мое сегодня только деловое. Спасибо большое за ответ насчет рассказов Ставрова. Спасибо и за желание узнать мое мнение о «Истоках»⁶. Я их еще не читал — и «Нового журнала» не видал. Надеюсь вскоре прочесть и жду этого с нетерпением. А в том, что «рецензии ни к чему», я согласен с Вами совершенно, и чем больше рецензий сочиняю (именно сочиняю), тем сильнее чувствую, какой это вздор.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Примите мой самый сердечный привет и передайте мои лучшие пожелания Татьяне Марковне. Еще раз благодарю Вас за память, внимание и доброе отношение.

Преданный Вам

Г. Адамович

P.S. Вы спрашиваете о моих переездах. До конца сентября я в Ницце. А потом в Париже, но где там буду жить, не знаю.

¹ Полонский Яков Борисович (1892–1951) — юрист, журналист, библиофил, муж сестры Алданова Любови Александровны. После войны проявил особую непримиримость к коллаборантам, сочувствующим им и заподозренным в сочувствии. См. письмо Полонского А.А. Полякову от 15 июня 1945 г.: «Для нас после Гитлера основное, что определяет отношение к людям, это — был ли человек морально на той или на этой стороне в годы войны. <...> К гитлеровцам же у меня настоящая звериная злоба, в то время как у нью-йоркцев открылись огромные залежи евангельского всепрощения в отношении эмигрантской сволочи» (BAR. Coll. Poliakov. Box 2).

² Роговский Евгений Францевич (1888–1950) — до революции помощник присяжного поверенного, член партии эсеров, в 1917 г. петроградский градоначальник, депутат Учредительного собрания, осенью 1918 г. товарищ председателя Уфимского государственного совещания, товарищ министра внутренних дел, заведующий милицией в Омске, выслан за границу колчаковцами. В эмиграции «бизнесмен, пользовавшийся репутацией афериста и спекулянта», по характеристике Е.Г. Эткинда (Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 1. Иерусалим, 1992. С. 317). Во второй половине 1940-х гг. был директором Русского дома в Жуан-ле-Пэн (Juan le Pins), курортном местечке на Лазурном Берегу, близ г. Антиба. Подробнее о нем см.: Звягин С.П. Эсер Е.Ф. Роговский: попытка реконструкции биографии // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: Опыт уходящего столетия: М-лы конф. Ч. 1. Омск, 2000. С. 113–120.

³ По нашим временам (*фр.*).

⁴ Подробнее об их взаимоотношениях см.: Эпизод сорокапятителетней дружбы-вражды: Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее: Ист. альманах. 21. М.; СПб., 1997. С. 391–502; То же: «Если чудо вообще воз-

можно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 449–552.

⁵ Сургучевским союзом называли писательскую организацию, действовавшую во время Второй мировой войны в Германии и в оккупированной зоне Франции. Осенью 1940 г. инициативная группа в лице И.Д. Сургучева, Н.Н. Брешко-Брешковского, Г.А. Мейера, Б.И. Ивинского, В.И. Горянского и др. приступила к созданию нового Объединения русских деятелей литературы и искусства (См.: Новое слово. 1940. 20 октября). 10 ноября новая организация начала действовать, председателем объединения был избран князь А.Л. Церетели, а председателем сразу двух секций — писателей и журналистов, — а также драматической стал И.Д. Сургучев. После войны участие в этом объединении антифашистски настроенные эмигранты часто рассматривали как коллаборантство.

⁶ Речь идет об очередном отрывке романа Алданова «Истоки», печатавшегося в «Новом журнале» на протяжении четырех лет (1943. № 4. С. 90–173; 1943. № 6. С. 11–121; 1944. № 7. С. 44–137; № 8. С. 52–153; № 9. С. 69–154; 1945. № 10. С. 51–132; № 11. С. 69–154; 1946. № 12. С. 48–114; № 13. С. 53–112), а затем вышедшего отдельным двухтомным изданием (Р.: YMCA-Press, 1950).

6. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

21 сентября 1945 г. Ницца

In russe
Written in russian
21/IX-45
Nice
14 av. Fragonard

Дорогой Марк Александрович

Пишу Вам сегодня по делу, схожему с теми, о которых писал в прошлый раз.

У меня сейчас гостит Ставров. Он взволнован дошедшими до него слухами, будто в Нью-Йорке в список «сомнительных» включено и его имя. В связи с этим он озабочен тем, что на письмо, которое он послал Вам весной, и, кажется, на рукопись до сих пор нет от Вас ответа. Ему кажется это не случайным — и он думает, что Вы не хотите с ним общаться.

Будьте так добры, дорогой Марк Александрович, сообщите мне конфиденциально, так ли это? Даю Вам слово, что ответ Ваш знать буду лишь я один. В Нью-Йорке, насколько мне известно, ходят слухи часто и вздорные. По роду деятельности Ставрова обвинить могли и его (как, кажется, обвинили Вейдле — человека чистого¹). Ставрова я знаю прекрасно, знал и во время оккупации — и в безупречности его поведения уверен. Но, как я писал Вам уже, сейчас есть люди больные, которые выдают за реальность свои галлюцинации.

Простите, если надоедаю Вам. Кстати, меня продолжает смущать то, что я написал Вам о Г. Иванове. Не знаю, был ли я прав. У меня к нему отношение, как было у бедной З.Н. Гиппиус к Блоку, — помните: «общественно» или «необщественно»?² А лично у меня чувство такое, что надо бы устроить торжествен-

ное чаепитие и в слезах и лобызаниях забыть общие грехи. (Без капли лести, Вы для меня единственный человек — плюс М.Л. Кантор³ — у которого я не могу даже в воображении заподозрить греха). Крепко жму Вашу руку и жду ответ.

Ваш Г. Адамович

¹ Чем занимался во время войны П.С. Ставров, неизвестно. В.В. Вейдле продолжал консультировать по вопросам искусства и антиквариата.

² В воспоминаниях З.Н. Гиппиус есть рассказ о встрече с Блоком в трамвае после того, как тот написал «Двенадцать»: «Подымаю глаза. Блок. Лицо под фуражкой какой-то (именно фуражка была — не шляпа) длинное, сохлое, желтое, темное.

— Подадите ли вы мне руку?

Медленные слова, так же с усилием произносимые, такие же тяжелые.

Я протягиваю ему руку и говорю:

— Лично — да. Только лично. Не общественно» (*Гиппиус З.Н. Мой лунный друг //* *Окно. 1923. № 1. С. 150).*

³ *Кантор* Михаил Львович (1884–1970) — поэт, литературный критик, юрист; с 1919 г. в эмиграции в Ревеле, с 1921 г. в Берлине, с 1923 г. в Париже, секретарь редакции (1923–1926), затем редактор «Звена». Вместе с Адамовичем редактировал журнал «Встречи» (1934) и составлял антологию «Якорь» (1936).

7. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

1 октября 1945 г. Нью-Йорк

1 октября 1945

Дорогой Георгий Викторович.

Получил Ваше письмо от 21 сентября. Хочу успокоить Вас насчет Ставрова. Не скрою, слухи о нем ходили здесь еще в ту пору, когда письма из Франции не приходили. Кто-то из уехавших сюда до оккупации что-то говорил. Как Вы, вероятно, правильно предполагаете, это могло быть связано с родом его деятельности. Но когда оккупация кончилась и стали приходиться письма, то выяснилось, что ни в чем конкретном его никто не обвинял. А со слухами мы, естественно, не очень считаемся. Наш Литературный фонд давно отправляет ему продовольственные посылки, и это должно было бы его вполне успокоить: людям, сочувствовавшим немцам, мы посылок не отправляем. Что до меня, то я вначале, правда, «воздерживался в сомнении», — как вначале и фонд. Однако и с самого начала я плохо верил, что он мог сочувствовать немцам. Как Вы знаете, я его рассказы давно передал проф. Карповичу с отзывом в пользу принятия их в «Новый журнал». Не очень давно, хотя и задолго до получения Вашего письма, я написал Ставрову: поблагодарил его за «Встречи»¹, сообщил, что знал об его рассказах, и т. д. Разве он не получил этого моего письма?

Относительно его рассказов я, к сожалению, все еще ничего не могу ответить. Главный редактор Карпович живет в Бостоне, приезжает сюда не часто и пере-

гружен работой. Он был здесь на прошлой неделе и сказал мне, что еще не успел прочесть Ставрова.

Благодарю Вас за полученное мною в свое время письмо об Иванове. Разумеется, я на него (на Ваше письмо) не ссылался. Но одновременно с моим запросом, отправленным Вам, Зензинов запросил об Иванове Долгополова. Николай Саввич ответил совершенно определенно, да еще сослался на решение его Координационного комитета, постановившего не оказывать помощи Иванову. При таких условиях мы решительно ничего сделать не могли. Фонд не может подходить к делу «общественно» или «необщественно», хотя бы уже потому, что он себя здесь погубил бы: повторяю, по отношению к людям, сочувствовавшим немцам, русский Нью-Йорк совершенно пока непримирим (есть разница только в оттенках, — меня, например, причисляют к наименее непримиримым — на обе стороны). Что же нам было делать? Мы с Зензиновым написали Г. Иванову общее письмо (он писал и Владимиру Михайловичу): сказали всю правду, — фонд запросил своего официального представителя в Париже, д-ра Долгополова, и ввиду его отрицательного заключения ничего сделать не может. От себя посоветовали ему, Иванову, устроить суд чести (указали и желательных, по нашему мнению, кандидатов в «судьи»: Маклакова, Бунина, Нольде², Альперина, Тер-Погосяна³, Зеелера⁴, еще кого-то). Разумеется, если бы суд чести признал, что по отношению к Иванову была допущена ошибка или несправедливость, мы, и я в частности, сделаем для него все возможное. Без этого и до этого не можем сделать ничего. Зная меня, Вы догадываетесь, как мне неприятно и тяжело было писать такое письмо. Но иначе мы поступать не можем. Я давно пишу в Париж, что пора бы Вам устроить суд чести из беспристрастных, спокойных и справедливых людей, который, хотя бы и без «приговоров» или «решений», просто установил бы фактическую сторону дела в каждом отдельном случае (ведь таких случаев и вообще немного). О моем письме к Вам и о Вашем ответе я, конечно, не писал *ни слова*.

Вы пишете: «...надо бы устроить торжественное чаепитие и в слезах и лобзаниях забыть общие грехи». Вероятно, этим дело и кончится. В Париже, быть может, это произойдет очень скоро. Нью-йоркцы год-другой подождут. Покойный Илья Исидорович, наверное, на это всех благословил бы. Но он — с христианской точки зрения, я хочу сказать, с евангельской. А Вы с какой? Я читал Вашу истинно блестящую статью во «Встречах»⁵ «А его сожгли в печке». Да, сожгли. Все же устроим чаепитие и будем «лобызаться» с теми, кто сочувствовал людям, которые его сожгли в печке? Не люблю говорить и писать «пышно», — скажу все же, что для всевозможных духов Банко⁶ такое чаепитие было бы весьма подходящим местом. Для Лулу Каннегисер, которую я очень, очень любил, для Юрия Фельзена, который меня терпеть не мог, для матери Марии, для многих, многих других. Нет, я еще подожду, — хотя меня, скажу еще раз, здесь считают слишком снисходительным и слишком равнодушным ко всему человеком. Мне пишут (НЕ Полонский, — кажется, у Вас считают, что во всем виноват Полонский, а пишут сюда из Парижа человек десять, если не больше), итак, мне один старик-публицист пишет о другом старике-писателе⁷, будто он печатно выражал сожаление, что такой прекрасный памятник искусства, как Нотр-Дам, выстроен «в честь одной жидовочки». Это так хорошо,

что даже и неправдоподобно. У меня со старым писателем были довольно добрые, хотя и отдаленные, отношения. Звать ли и его на торжественное чаепитие? Со всем тем, повторяю, оно наверное будет, и я против неизбежного не возражаю. Я только думаю, что не мешало бы немного повременить. И еще думаю, что для избежания тяжелых несправедливостей (люди много перенесли, раздражены и не всегда беспристрастны) *необходим* суд чести из спокойных беспристрастных людей.

Сердечно благодарю Вас за добрые и незаслуженные слова в конце письма.

Если увидите Ставрова, скажите ему, пожалуйста, что мое письмо с отзывом о «Встречах» никак не предназначается для печати. Принять его просьбу о сотрудничестве я не могу. Занимаюсь только «Истоками» и из русских изданий печатаюсь только в «Новом журнале».

Простите длинное и бестолковое письмо, — как видите, о слоге я не заботился. Шлем Вам самый сердечный привет, самые лучшие пожелания. Вы скоро получите тяжелую продовольственную посылку. Но умоляю Вас, сообщите тотчас парижский адрес.

Разумеется, все это письмо совершенно конфиденциально, кроме его начала (о Ставрове).

¹ «Встреча» (Париж, 1945) — литературный сборник, выпускавшийся Объединением русских писателей во Франции. Ко времени написания письма вышел первый номер в июле 1945 г. и готовился второй, появившийся в ноябре 1945 г. и оказавшийся последним. П.С. Ставров с декабря 1944 г. был председателем объединения и, по-видимому, послал первый номер Алданову, приглашая к сотрудничеству.

² *Нольде* Борис Эммануилович (1876–1948) — барон, юрист, общественно-политический деятель, до революции профессор Политехнического университета и Высших женских курсов в Петербурге, член партии кадетов, в 1917 г. помощник министра иностранных дел (П.Н. Милюкова). С 1919 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Париже, декан Русского юридического факультета при Институте славяноведения, председатель Главного управления Российского Красного Креста.

³ *Тер-Погосян* Михаил Матвеевич (1890–1967) — эсер, депутат Учредительного собрания. С 1919 г. в эмиграции в Берлине, сотрудник и редактор «Дней», с 1925 г. в Париже, член комитета Политического Красного Креста, после войны член правления (с 1958 г. председатель) общества «Быстрая помощь». Массон, мастер ложи «Объединенное братство».

⁴ *Зеелер* Владимир Феофилович (1874–1954) — общественно-политический деятель, журналист, юрист. С 1920 г. в эмиграции в Париже, один из руководителей Земгора, секретарь Союза русских адвокатов во Франции, один из организаторов (1921), затем генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов, член редколлегии газеты «Русская мысль» (с 1947 г.).

⁵ Первый номер сборника открывался статьей Адамовича о возвращении к мирному времени: «Надо быть, как все. Но вдруг пронизывает мысль: как — после всего, что случилось? Пять лет тому назад я так же сидел, вот на таком же кожаном диване, и так же говорил с человеком, которого называл своим другом, о тех же стихах, том же Пушкине? А после этого его сожгли в печке? И я это знаю?» (*Адамович Г. Возвращение // Встреча. 1945. № 1. С. 2–3*).

⁶ *Банко* — персонаж пьесы Шекспира «Макбет», после того как был убит Макбетом, явился на пир в виде духа и занял место Макбета.

⁷ Неустановленные лица.

8. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

12 февраля 1946 г. Париж

12/II-46
39, rue Pascal
Paris 13^e

Дорогой Марк Александрович

Б.К. Зайцев передал мне посылку, присланную Вами для меня на его адрес. Не знаю, как Вас благодарить за память, за внимание, за доброе отношение. Но скажу еще раз, и поверьте, совершенно искренне: Ваше внимание меня смущает! Не заставляйте же меня больше, дорогой Марк Александрович, это смущение испытывать. Как все, что Вы прислали, здесь ни ценно, все же я человек одинокий, проживу и без этого. Пишу и чувствую, что звучит лицемерно. Но поверьте, лицемерия нет, а просто мне неловко принимать подарки. Я Вам глубоко признателен, и все же не могу от чувства этой неловкости избавиться. Но *merci de tout coeur*¹. Когда Вы приезжаете? Слышал, что к концу весны? Верно ли это и надолго ли? На днях я получил (вернее, достал), «Новый журнал», 9-я и 10-я книжки. Предыдущих я так и не видал. Но читал «Истоки» не отрываясь, хотя и поневоле сразу с середины. Увлекательны не факты, а то, что Вы говорите о людях — о Чернякове², например. Это типичный образец Вашей «жертвы», и скольким таким Черняковым, не плохим и не очень глупым, в сущности, людям, должно быть страшно с Вами встречаться. Когда-то я об этом с Вами говорил — по поводу Кременецкого³ — и Вы со мной как будто не соглашались. Но едва ли Вы были правы. Необыкновенно интересно у Вас, впрочем, все — в частности, о Ал<ександре> II. Да и весь журнал хороший (кроме стихов, по-моему⁴). Вы меня когда-то в него приглашали. Если наши политические «расхождения» — более внешние и формальные, чем подлинные, вероятно — не являются для Вас препятствием, я все мечтаю написать большие воспоминания о доме Мережковских и о них самих⁵. При жизни З.Н. <Гиппиус> я не мог бы этого сделать, как я ни был ей предан. А дом и атмосфера были все-таки *unique au monde*⁶, хотя и с множеством комического.

До свидания, дорогой Марк Александрович, — и, надеюсь, скорого! Передайте мой привет и низкий поклон Татьяне Марковне.

Вам, вероятно, все более или менее известно о Париже. Бунин был очень болен, но поправляется. А вообще-то здесь не только «конец литературы», но даже и конец бриджей. Монпарнас пытался ожить, но тщетно.

Ваш Г. Адамович

¹ Спасибо от всего сердца (*фр.*).

² Персонаж романа Алданова «Истоки», профессор-либерал.

³ *Кременецкий* Семен Исидорович — персонаж романной трилогии Алданова «Ключ», «Бегство», «Пещера». Рецензируя номера «Современных записок», в которых печатались главы трилогии, Адамович несколько раз останавливался на образе Кременецкого, пока-

завшемся ему чрезвычайно удачным: «Не перестаем мы удивляться Семену Исидоровичу Кременецкому, этому русскому мосье Омэ из “Мадам Бовари”, этому шедевру “типичности”! Когда-нибудь будут говорить “Кременецкий”, как теперь мы говорим “Обломов”» (Адамович Г. По поводу «Пещеры» // Последние новости. 1936. 28 мая. № 5544. С. 2).

⁴ В 9-м и 10-м номерах «Нового журнала» были опубликованы стихи Г. Голохвастова, Т. Остроумовой, В. Набокова и Т. Тимашевой.

⁵ Адамович опубликовал немало статей, заметок и мемуарных фрагментов о Мережковских, но «больших воспоминаний» так и не написал. Подборку см.: «...А в книгах нет почти ничего»: (Г.В. Адамович о Д.С. Мережковском) / Предисл. и сост. О.А.Коростелева // Литературная учеба. 2008. № 2. Март — апрель. С. 163–190. Гораздо более полный вариант: URL: <http://www.emigrantika.ru/publications/687-adammer>.

⁶ Единственные в мире (фр.).

9. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

6 марта 1946 г. Нью-Йорк

6 марта 1946

Дорогой Георгий Викторович.

Особенно рад был на этот раз Вашему письму, так как опасался, что, быть может, Вы на меня за что-либо сердитесь (хоть вины никакой за мной как будто нет). Вы ведь на последнее мое письмо не ответили. Это то письмо, в котором я писал, что к Ставрону никто здесь ни малейших враждебных чувств не имеет, а я всего менее, что Лит<ературный> фонд отправляет ему посылки и т. д.

Сердечно благодарю Вас за лестный отзыв об «Истоках». Вы отлично знаете, что Ваше мнение имеет для меня очень большое значение. Точнее, мне во всей эмиграции по-настоящему интересно мнение шести-семи человек. Но Бунин или Сирин, боюсь, мне своего искреннего мнения и не сказали бы (как я не сказал бы, каюсь, им, если бы мне их произведение не понравилось). Вы же критик и по профессии, — самый смысл ее *требует* искреннего суждения. Вы, верно, раз навсегда себе сказали, что не будете считаться с «обидами» и т. п.? А так как знатоков искусства, подобных Вам, немного, то Вы легко поймете, как Ваше суждение для меня важно. Но вот, ей-Богу, мне трудно поверить, будто Черняков у меня избражен в непривлекательном свете (Кременецкий — другое дело). Нет, я его своей жертвой не считаю.

Теперь дело. Мы много раз просили Вас принять участие в «Новом журнале». Просили еще тогда, когда его редактировали Цетлин и я. Михаил Осипович умер. Я умолил проф. Карповича стать главным редактором. Он согласился. Я еще ему помогаю, но все решает он. Михаил Михайлович чрезвычайно Вас почитает. Позавчера он приехал из Кембриджа в Нью-Йорк. Я сообщил ему, что Вы предлагаете нам статью. Это очень его обрадовало. Тогда я ему сообщил сюжет, который Вы предлагаете: «Дом Мережковских». У Михаила Михайловича вытянулось лицо: Вы выбрали, кажется, *единственный* неприемлемый сюжет! Не знаю, попался ли Вам мой некролог Мережковского в одной из первых книг «Нового жур-

нала»¹. Я написал о нем как о большом человеке и писателе. Бунин и Сирин были этим недовольны по линии чисто литературной, — это ничего. Но на меня ополчился весь Нью-Йорк по линии политической. Когда я писал этот некролог, мне (и никому другому) здесь не была известна политическая позиция Мережковского при Гитлере. И она всем стала известна вскоре после того, как эта книга журнала вышла². Мое мнение о ней (о прогитлеровской их позиции) Вам известно — и, вероятно, не очень отличается от Вашего. Однако я человек терпимый и, хотя с большим напряжением, мог бы отделить политику от литературы — по крайней мере, в известных пределах. Но, во-первых, согласитесь, «известные пределы» тут были перейдены. А во-вторых, не все так терпимы или так равнодушны, как я стал на старости лет. Появление хвалебной статьи о Мереж<ковском> и Гиппиус теперь здесь вызвало бы скандал, — какие оговорки Вы ни сделали бы. Ее большой ум и талант всем известны. Тем не менее *эта* тема для «Нового журнала» не подходит. Карпович умоляет Вас дать что-либо другое³. Я к этому присоединяюсь. Говорю все это Вам конфиденциально.

Не совсем понял Ваши слова о «конце литературы» в Париже. Надо ли понимать: *русской* эмигрантской литературы? Почему бы кончиться литературе французской? К ней пополнение может поступать правильно, как во времена органические. Следите ли Вы за литературой американской? Хемингуэй, Стейнбек и, по-моему, особенно Марканд⁴ — писатели огромного таланта.

Пишете ли Вы что-либо большое? Грех Вам — если не пишете. Говорю это — не в первый раз — совершенно искренне.

Татьяна Марковна очень Вам кланяется, — она тоже большая Ваша почитательница. Недавно говорила мне, читая американский литературный журнал: «А все-таки Адамовича у них нет». Это верно. Хотя есть прекрасные критики (Эдмунд Вилсон, например).

Шлю Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

Извините бессвязное письмо, я замучен, и теперь второй час ночи.

¹ В некрологе Алданов взял далеко не всегда ему присущий восторженный тон: «Это был человек выдающегося ума, блестящего литературного и ораторского таланта, громадной разностороннейшей культуры, — один из учнейших людей нашей эпохи» (Алданов М. Д.С. Мережковский // Новый журнал. 1942. № 2. С. 368).

² Когда и как именно до США дошли известия о позиции Мережковских во время войны, исследователи продолжают гадать до сих пор, см., напр., статьи Ю. Зобнина. Посмертная публикация Мережковского в парижской коллаборационистской газете появилась двумя годами позже некролога, написанного Алдановым (Мережковский Д. Большевизм и человечество // Парижский вестник. 1944. 8 янв. № 81).

³ В результате сотрудничества Адамовича с журналом началось лишь через десять лет: Адамович Г. Наследство Блока // Новый журнал. 1956. № 44. С. 73–87.

⁴ Маркенд (Marquand) Джон Филлипс (1893–1960) — американский писатель, лауреат Пулитцеровской премии (1937). Адамович вскоре опубликовал большой, растянувшийся на два номера, обзор американской литературы, в котором основное место уделил Фолкнеру, Хемингуэю и Стейнбеку, лишь упомянув Маркенда: Адамович Г. Новая американская литература // Русские новости. 1946. 26 апр. № 50. С. 6; 10 мая. № 52. С. 4.

10. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

5 апреля 1946 г. Париж

Paris 13^e
39, rue Pascal
5/IV-46

Дорогой Марк Александрович

Большое спасибо за письмо. Очень был рад ему. Хотелось бы мне продолжить спор насчет Чернякова — но спор был бы слишком долгий. Может быть, он и не Ваша «жертва», и я был не прав, но он до того человек «средний», что каждому читателю хочется быть хоть на волосок выше и больше его. И его «средность» Вы ведь все время даете чувствовать! Простите за спор с автором. Но — без малейшей лести — Вы слишком большой художник, чтобы отвечать за созданных Вами людей больше, чем Господь Бог отвечает за своих. А у Господа Бога бывают, вероятно, сюрпризы.

Насчет статьи о Мережковских. Это был un projet vague¹, не больше, и если придумаю, я с удовольствием напишу что-нибудь другое. Но о Мережковском я ничуть не собираюсь писать хвалебно, нет — скорее с удивлением, чем с восхищением. Увы, никак не могу согласиться, что он был «большой человек» (или писатель). Но был человек удивительно-странный и с редким, по-моему, неопределенно-пророческим чутьем, в писаниях его почти не сказавшимся². А американские непримиримые страсти меня, между прочим, тоже удивляют! Тут у нас все на все склонны махнуть рукой, и хотя Ваша позиция достойнее, наша для меня понятнее. Вероятно, до Вас доходят из Парижа и нотки другого тона, но, поверьте, мои с каждым днем gagnent du terrain³. Утешение мое и радость — Бунин. Вы его тоже любите, и я рад, что мы согласны, какой это очаровательный человек и умница. Я его недавно, подвыпив, стал спрашивать, считает ли он себя все-таки хуже Толстого — и он, хотя тоже после десятой рюмки, всячески отвиливал от ответа, а потом глухо и сердито пробурчал: «Ну, хуже, хуже, ну так что из того?» Кстати — у меня есть два приятеля, которые очень бы хотели Вашего литературного покровительства: один хочет явно и откровенно, Варшавский, с просьбой за него перед Вами вступить, а другой — Яновский — по-видимому, по письмам обижен недостаточным общим признанием. Это «строго конфиденциально», конечно. Яновский человек заносчивый и несчастный, Вы, впрочем, видите его сами. По-моему, у него есть дарование. А Варшавский — по-настоящему чист, вдумчив, серьезен и искренен. C'est beaucoup⁴. Да, еще кстати: Яновский мне пишет, что Вы поддержали мои дела в Лит<ературном> фонде или не знаю где⁵. Я ничего не просид, но если они склонны что-либо для меня сделать — я очень, очень благодарен. Благодарю Вас за доброе содействие. Крепко жму Вашу руку, дорогой Марк Александрович, и надеюсь скоро видеть здесь. Низкий мой поклон и привет Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Неопределенный проект (*фр.*).

² Спустя несколько лет Адамович записал и опубликовал эти свои мысли и ощущения: «Мережковский был и остается для меня загадкой. Должен сказать правду: писатель он, по-моему, был слабый, — исключительная скудость словаря, исключительное однообразие стилистических приемов, — а мыслитель почти никакой. Но в нем было “что-то”, чего не было ни в ком другом: какое-то дребезжание, далекий, потусторонний отзвук, а отзвук чего — не знаю... <...> А в книгах нет почти ничего» (*Адамович Г. Tabletalk // Новый журнал*. 1961. № 64. С. 104).

³ Завоевывают позиции (*фр.*).

⁴ Это много (*фр.*).

⁵ Среди сохранившихся писем Яновского Адамовичу такого письма нет (см.: BAR. MS. Coll. Yanovsky); частично опубл.: *Адамович Г. Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / Публ. и примеч. Вадима Крейда и Веры Крейд // Новый журнал*. 2000. № 218. С. 121–151.

11. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

16 апреля 1946 г. Нью-Йорк

16 апреля 1946

Дорогой Георгий Викторович.

Получил вчера Ваше интересное письмо от 5-го, — опять стали медленно идти письма (а то доходили в 3–4 дня).

Действительно, не стоит в письмах спорить о Чернякове. Он и в самом деле по замыслу автора «средний» человек. Но я возражал не против этого: «жертвой» моей он, я думаю, не был, — почему же средний человек жертва? Во всей литературе девять десятых людей — средние люди.

Очень удивило меня Ваше сообщение о Яновском и Варшавском. Помилуйте, зачем же им нужно мое «покровительство» в «Новом журнале»?! Личные отношения у меня с ними прекрасные, а Карпович их лично не знает. Вл<адимир> Серг<еевич> прислал нам один очерк, и он тотчас был принят журналом¹. Вас<илий> Семенович в журнале напечатал довольно много, и, кажется, больше, чем кто бы то ни было другой, за исключением Бунина и меня («Истоки», правда, заняли много места, но они скоро кончаются). И сейчас журнал печатает пятьдесят страниц из романа Яновского (в 12-й и 13-й книгах)². Я их обоих ценю, с Варшавским мы как раз только что обменялись письмами, и я не думал, что он недоволен журналом. Если Вы не ошиблись, то — тяжелое дело редакторская работа. Как хорошо, что я теперь только помогаю Карповичу, а скоро и помогать перестану. Он отлично справляется с работой и, главное, любит ее, тогда как я терпеть не могу и иногда проклиная день и час, когда задумал «Новый журнал».

Вы, как и Бунин, и Сирин, находите, что я переоцениваю Мережковского. Думаю, что с *Вами* это у меня больше спор о словах. Может быть, «большой» слишком сильное слово («великих» писателей, по-моему, после Толстого и Пруста в мире вообще не было и нет, да и насчет Пруста еще «можно спорить»), но

«Толстой и Достоевский» — вещь замечательная, и в самом Мережковском, как Вы, впрочем, признаете, были черты необыкновенные. Помню, когда-то в разговоре со мной в Петербурге это признал М. Горький. Как самоучка, и самоучка немалому научившийся, он особенно ценил познания и культуру Мережковского. Повторяю, с *Вами* мы едва ли очень тут расходимся.

Теперь о «непримиримых страстях» в Америке. У меня их нет. После Зензинова и давно уехавшего отсюда Керенского я здесь наиболее терпимо отношусь к тем пяти-шести писателям, о которых идет речь. Я Вам (и другим) давно писал, что со временем все забудется и что это надо предоставить времени. Кажется, некоторые из них свою ненависть к Полонскому почему-то перенесли на меня? Я о них в печати не сказал (ни о ком) ни единого слова, и, ей-Богу, на старости лет менее всего думаю о «разоблачениях», «карах» вроде исключения из союзов и т. д. Но именно *Ваша* позиция мне неясна. Сюда писали (не мне), что Вы были чрезвычайно возмущены результатами недавних выборов в Союз журналистов³. Верно ли это? Я этому поверил, так как после выборов из союза ушел Кантор, которого Вы (как и я) очень высоко ставите и с которым в общественных делах согласны (Вы мне недавно об этом писали). Поскольку же дело идет о Берберовой, то ведь отрицательное отношение к ней здесь года четыре тому назад установилось в значительной мере именно вследствие *Вашего* чрезвычайно резкого письма о ней к Александру Абрамовичу⁴ и столь же резкого *Вашего* отзыва о ней в разговоре с Яновским в Ницце⁵. Ваши письмо и привезенный Яновским отзыв были, кажется, *первыми*, позднее последовали другие, много других⁶. Я этого никому не говорю и не пишу, но ведь это так. Мне казалось, что я в этом вопросе был много снисходительнее (или много равнодушнее) Вас. Если бы я теперь жил в Париже, то поступил бы как Бунин: ни в каком списке моего имени не было бы. Я никого не хочу ни «топить», ни «обелять», — меня это совершенно не волнует. Повторяю, надо это предоставить времени. Если бы «виновные» сами признали свою тяжелую ошибку, меня это с ними примирило бы. Если же был бы какой-то суд чести, то я, вероятно, высказался бы за «порицание» (разумеется, действительно виновным) с указанием на то, что, в конце концов, никто из писателей не обязан разбираться в морально-политических делах и все «подсудимые» имеют право на снисхождение и отпущение грехов. Что же до той «чашки чаю» со слезами, о которой Вы мне не так давно писали (в некотором противоречии с тем, о чем я говорю выше: Ваше письмо и разговор с Ян<овским>), то я продолжаю думать, как и писал Вам тогда в ответе на Ваше письмо, что лучше еще подождать. Все это говорю Вам конфиденциально. И буду очень благодарен, если Вы так же конфиденциально сообщите мне: 1) почему в союзе был забаллотирован Дон-Аминадо (Полонский, очевидно, за «разоблачения» и за требование «чистки»), 2) верно ли, что Вы были возмущены результатами (Ваше мнение имеет для меня большое значение), 3) почему ушел М.Л. Кантор?⁷ Очевидно, теперь будут два союза?⁸ Тогда можно предсказать, что один будет объявлен большевизанским, а другой «фашистским» или «коллорационистским», — я уже слышал такие разговоры. Очень это печально. Сирин (не по этому, впрочем, поводу) очень остроумно написал мне, что парижская эмиграция напоминает сливочную пасху, которой в

понедельник ножом стараются придать прежний вид. Жаль, если так. Я эту пасху в ее воскресном виде любил.

Теперь о деле. Уж я, право, не знаю, просить ли у Вас извинения или нет. Действительно, я внес в фонд предложение отправить Вам посылки и деньги. Все единогласно приняли это тотчас: Вас чрезвычайно ценят в фонде. Казначей, 76-летнему старику, предложено было «изыскать пути». Он месяца два искал и не нашел. Это действительно очень трудно, но он мог бы доложить, что не нашел! Этого он не сделал. Получив сообщение Яновского (что Вы денег не получили), я позвонил Николаевскому. Он справился у казначея. «Не послано!» Я взял это на себя и нашел путь, хотя и с трудом. Пожалуйста, через несколько дней после получения этого письма зайдите к Як<ову> Бор<исовичу> Полонскому, и он передаст Вам пятнадцать т<ысяч>. Если же выйдет какой-либо сюрприз, дайте мне знать тотчас. И прошу Вас никому об этом не говорить, — случай был исключительный, другого у меня не будет. Адрес Полонского: 2 рю Клод Лоррэн. Продовольственные посылки Вам тоже посланы, но давно: две Вы должны получить от Долгополова, а остальные по почте. Посылками у нас ведаёт Зензинов [пропуск в машинописи для вписывания адреса]. Увы, многие из них пропадают. В здешней французской газете «Виктуар» была об этом возмущенная статья под заглавием «Позор».

Относительно Бунина мы совершенно согласны. Очень забавно это Вы написали о Толстом.

«Новый журнал» надеется, что Вы сдержите обещание дать статью.

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

Срезал листок для веса (воздушная почта).

¹ *Варшавский В.* Первый бой // Новый журнал. 1946. № 14. С. 114–129.

² В первых номерах журнала Яновский опубликовал отрывок из «Портативного бессмертия» (1943. № 6. С. 135–155), «На полпути» (1944. № 9. С. 134–155) и роман «Американский опыт» (начатый в упомянутых Алдановым № 12 и 13, роман был завершен в № 14–15, 18–19).

³ Союз русских писателей и журналистов в Париже, существовавший в 1920–1940 гг., после войны возобновил свою деятельность. На общем собрании 16 марта 1946 г. сопатриоты (Н.Я. Роцин, А.Ф. Ступницкий, Д.М. Одинец) предложили обратиться в Москву с просьбой стать парижским отделением советского Союза писателей. Результаты общего голосования оказались не в пользу сопатриотов, председателем правления был избран Б.К. Зайцев, товарищами председателя С.П. Мельгунов и Р.Б. Гуль, казначеем и генеральным секретарем В.Ф. Зеелер. См. подробное описание этого собрания: *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. Нью-Йорк, 1981–1989. Т. 3: Россия в Америке. Нью-Йорк, 1989. С. 115–116. Слишком выраженная победа «правых» привела к череде конфликтов и расколов, а к 1951 г. деятельность союза почти совсем прекратилась на четыре года (общие собрания не проводились с 29 июня 1951 г. до 26 марта 1955 г.).

⁴ Осенью 1941 г. Адамович из Ниццы писал А.А. Полякову в недатированном письме: «Получил я от Ninon Берберовой открытку, что “теперь мы с Вами (т. е. со мной) на-

верно поссорились бы». Она, очевидно, предупреждает о перемене своих настроений и симпатий. Кое-что я об этом уже слышал. Не одобряю и даже “не прощаю”, как говорит Зинаида. Вы считали Нину умной женщиной, а я всегда сомневался: единственное для меня оправдание в этом» (BAR. MsColl. Poliakov. Box 1. Folder 1). Однако после войны от-казался от своих слов в письме к А.А. Полякову от 27 августа 1945 г.: «Не помню, кстати, писал ли я Вам что-нибудь о Ninon. Она меня упрекает, что я ее оклеветал. Я толком ничего о ней не знаю и знать не желаю. Если я Вам что-нибудь писал, то как сплетню — и, пожалуйста, не ссылайтесь на меня в разговорах о ней и о парижанах вообще. Здесь все друг друга травят, а правит бал, вместо сатаны, Полонский, чуть-чуть рехнувшийся, по-моему» (Там же).

⁵ Позже Яновский рассказал об этом в своих мемуарах: «Весною 1941 г. я встретился с Адамовичем в Ницце; он мне показал открытку от Фельзена: “Я теперь не бываю у Мережковских, — минорно оповещал Фельзен. — Там теперь бывают совсем другие люди”.

Кстати, тогда же Адамович мне рассказал об открытке, полученной недавно Буниным от Б<ерберовой>; она приглашала Ивана Алексеевича вернуться из свободной зоны в Париж, уверяя, что “теперь объединение всей русской эмиграции вполне возможно”.

— Стерва, еще подводит идейную базу! — решили мы, посмеиваясь» (*Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 51*).

⁶ См. об этом: *Будницкий О.В. «Дело» Нины Берберовой // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 141–173*; см. также приложение к публикации: *Переписка И.А. Бунина и Н.Н. Берберовой (1927–1946) / Вступ. ст. М. Шраера; публ. М. Шраера, Я. Клоца и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2 / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. С. 101–108*.

⁷ См. объяснение Адамовича в след. письме.

⁸ Алданов очень верно понимал ситуацию. Вскоре в эмигрантских газетах было объявлено о возникновении инициативной группы по созданию Профессионального союза русских журналистов и писателей (См.: *Русские новости. 1946. 26 апреля. № 50. С. 5*), но эта инициатива увяла, не принеся результата. Юридически союз не раскололся на два, но позиции его членов примирить не удавалось еще долго, так что трения продолжались не один год, сопровождаясь фракционной борьбой и периодическими исключениями не-угодных (то настроенных просоветски, то коллаборантски).

12. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

8 мая 1946 г. Париж¹

[начало письма не сохранилось]

Полонский — вероятно, не только за это, а из-за количества нажитых им врагов. Кантор на собрании не был, имя его значилось в обоих списках — а ушел потому из Правления, что не хотел быть с «правым» большинством, возглавляемым сейчас Зайцевым. Теперь, очевидно, будет два Союза плюс Объединение, где выборы сегодня вечером² и где страстей меньше, но тоже достаточно. Я вспоминаю Сологуба: «где люди, там скандал»³. Вы пишете, что моя позиция Вам неясна. Она неясна и мне самому — кроме скуки и удивления. Казалось бы, кому и жить в мире, как не писателям, — а вот подите же! И ведь каких-то счетов, не совсем *apomables*⁴, тут больше, чем принципов.

Впрочем, я сам тоже хорош! Вы пишете — конфиденциально — что дурная слава Берберовой началась в большой доле с моего письма Ал<ександру> Абр<амови>чу. Верьте мне или не верьте, я был твердо убежден, что никогда о ней ничего не писал — и на ее упреки неизменно ей клялся в своей невиновности! А оказывается, писал, да еще Бог знает что! Ничего не помню, ничего не понимаю, как это меня «угораздило» — и во всяком случае, очень жалею об этом. Это все отсутствие «шу», которое я часто с ужасом в себе вижу. К Берберовой у меня симпатии мало, но это совсем другое дело, да, в сущности, и не знаю я о ней ничего, кроме открытки 41 года, о которой Вам говорил. Она сейчас держится довольно комично, не в пример Ивановым, которые, по крайней мере, в резистанс не играют. А в Монте-Карло я на днях видел другого резистанта, Лифаря, который, по крайней мере, так глуп, что с него нечего спрашивать⁵. Балерины всегда жили с великими князьями, и у него психология приблизительно та же.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Еще раз от души благодарю Вас и шлю низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Датируется предположительно по содержанию.

² Согласно газетной хронике общее собрание Объединения русских писателей во Франции, на котором планировалось обсудить отчет правления, было назначено на 15 апр. 1946 г. в кафе «Грильон» на площади Дантона (см.: Русские новости. 1946. 12 апр. № 48. С. 6; Советский патриот. 1946. 12 апр. № 77. С. 3), но затем перенесено и проведено 8 мая 1946 г. (77, rue de Lourmel). Председателем правления был избран Г.А. Раевский, товарищами председателя Ю.Б. Софиев и П.С. Ставров, генеральным секретарем А.А. Гефтер, казначеем С.К. Маковский.

³ См. запись в дневнике Брюсова, сделанную в марте 1899 г.: «Перед ужином Сологуб вдруг обнаружил некоторое оживление. “Надо думать, что сегодня будет скандал”, — вдруг предрек он. “Почему? Что вы?” — “А это такая теорема: ‘где люди, там скандал’ ”» (Брюсов В. Дневники 1891–1910 / Подгот. к печ. И.М. Брюсовой; примеч. Н.С. Ашукина. [М.:] Изд-во Сабашниковых, 1927. С. 78).

⁴ аномальных (фр.).

⁵ Сергей Михайлович Лифарь (1905–1986) в период немецкой оккупации оставался в Париже и возглавлял Гранд-опера. Французы-резистанты обвинили его в коллаборационизме и приговорили к смертной казни, поэтому в 1944 г. Лифарь вынужден был уехать из Парижа и до 1947 г. возглавлял труппу «Новый балет Монте-Карло» («Les nouveaux Ballets de Monte-Carlo»), после чего вернулся в Гранд-опера, когда Национальный французский комитет по вопросам «чистки» снял обвинение.

13. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

26 августа 1946 г. Ницца¹

Понедельник, 26/VIII
6, avenue Gustave Nadaud
Cimiéz
Nice
Tel. 818-93

Дорогой Марк Александрович

Спасибо, что вспомнили обо мне и написали. Искал Вас два дня подряд на Promenade des Anglais около 6 ч. вечера — но тщетно! Сегодня и завтра я едва ли туда попаду, но на этой неделе непременно зайду к Вам в указанные Вами часы, если не встречу до того. Очень хочу Вас видеть.

Будьте добры передать мой искренний привет и поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Год дается предположительно (26 августа приходилось на понедельник в 1946 и 1935 гг.).

14. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

1 ноября 1946 г. Париж

Paris, 13^e
39, rue Pascal
1 ноября 46

Дорогой Марк Александрович

Вас, вероятно, удивит это мое письмо. Пишу я Вам после встречи с Георгием Ивановым и почти что по его просьбе.

Он очень тяготится разрывом (или чем-то вроде разрыва) с Вами¹. Я ему говорил, что тут надо различать «общественное» и «личное» — как, помните, Гиппиус говорила Блоку после «Двенадцати», — но этот ответ для него, очевидно, неубедителен. Мне кажется, он за последнее время изменился, во всех смыслах. Вы его знаете — это странный и сложный человек, по-моему даже больной. Если в результате этого моего письма что-либо улучшилось бы в Вашем отношении к нему, я был бы искренно рад. Простите за самонадеянность — хотя, правду сказать, я ни на что и не надеюсь.

Шлю Вам самый искренний привет и крепко жму руку. Сколько времени Вы еще в Париже?

Ваш Г. Адамович

¹ В этом же фонде среди переписки с Адамовичем сохранился черновик письма Алданова Г.В. Иванову, датированный 30 октября 1946 г.: «Многоуважаемый Георгий Владимирович. Я сейчас нездоров и встретиться с Вами до отъезда не могу. Уезжаю в Италию, затем на Ривьеру. Мы можем встретиться месяца через два, если Вы тогда будете в Париже. Поверьте, что и без тяжелых “объяснений” (по делам, которые меня не касаются) я искренне желаю Вам всего самого лучшего. Преданный Вам М. Алданов».

15. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

7 мая 1947 г. Париж

Paris, 14^e
9, Boulevard Edgar Quinet
Hôtel du Montparnasse
7 мая 47

Дорогой Марк Александрович

Вчера я видел Ставрова, который мне передал, что Вы будто бы обижены тем, что я, будучи в Ницце, не зашел к Вам.

Правду сказать, мне не очень в эту обиду верится. Но я, во всяком случае, хочу объяснить Вам, в чем дело.

За время Вашего пребывания в Париже у меня создалось впечатление, что Вы никаких встреч ни с кем или почти ни с кем — не ищите. Виделись мы с Вами всего два раза. Зная Вас, я был уверен, что если бы я в Ницце выразил желание быть у Вас, Вы встретили бы меня с Вашим неизменным радушием и приветливостью. Но я не был уверен, что не нарушил бы этим, хотя бы и не надолго, тот образ жизни, который Вы избрали.

Вот и все, с полной откровенностью. Об этом я говорил и Ивану Алексеевичу. А видеть Вас мне очень хотелось, и если бы не эти scrupules¹, — м. б. и излишние, — я, конечно, постарался бы с Вами встретиться.

Кстати, у меня было к Вам и дело. Я хочу написать в «Русс<ких> нов<остях>» статью об «Истоках»², о чем уже говорил и с редакцией. Не были ли бы Вы добры мне сказать, в каких номерах журнала был Ваш роман напечатан? У меня есть только разрозненные номера, и мне нужно бы знать, каких именно у меня недостает.

Крепко жму Вашу руку и шлю самый сердечный привет. Не откажите передать мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Сомнения (*фр.*).

² Адамович опубликовал статью об «Истоках» несколько месяцев спустя, в связи с выходом английского перевода романа: *Адамович Г.* Литературные заметки: М.А. Алданов. «Истоки» // Русские новости. 1947. 17 окт. № 124. С. 4.

16. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

10 мая 1947 г. Нью-Йорк

10 мая 1947

Дорогой Георгий Викторович.

Я действительно был очень огорчен тем, что Вы не дали о себе знать, когда были на юге. Вы совершенно ошибаетесь, предполагая, что мне не хотелось Вас видеть. Если Вы помните, я в прошлом сентябре, пробыв в Ницце лишь несколько часов, просил Вас о свидании на вокзале. В Париже действительно мы встречались не часто, и я об этом искренно сожалел, о чем говорил и Бунину. В Ницце же встречи с Вами были бы особенно приятны, так как здесь нет парижской сутолоки и спешки. У меня, по крайней мере, здесь знакомых почти нет.

Мне будет чрезвычайно приятно узнать Ваше мнение об «Истоках». Был несколько удивлен Вашим сообщением, что Вы намерены поместить о них статью¹ в «Русских новостях»: думаю, что ко мне в этой газете относятся неблагоприятно. «Истоки» печатались во всех книгах «Нового журнала» от 4-й до 13-й за единственным исключением 5-й книги. Полные комплекты могут быть (не ручаясь) у Полонского, у Буниных, у Зайцевых. Забавно: роман этой осенью выходит по-английски² у Скрибнера³, появится, конечно, и на других языках, а оригинал издать трудно. Знаете ли Вы, что в 1920–23 году в разных странах эмиграции было более *шестидесяти* русских издательств? Теперь фактически остались «ИМКА» и «Возрождение», да и они, кажется, выпускают по три с половиной книги в год. Подождем, как говорится, лучших времен. Я очень Вам признателен за внимание к «Истокам».

В надежде скоро Вас увидеть шлю самый сердечный привет. Т<атьяна> М<арковна> присоединяется. Пожалуйста, кланяйтесь Ставровым.

¹ Появившаяся через несколько месяцев статья была приурочена к выходу английского перевода романа: *Адамович Г.* Литературные заметки: М.А. Алданов. «Истоки» // Русские новости. 1947. 17 окт. № 124. С. 4.

² *Aldanov M.* Before the deluge / Trans. from the Russian by Catherine Routsky. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1947.

³ *Издательство Скрибнера* (более полное и точное название «Чарльза Скрибнера сыновья»; «Charles Scribner's Sons») — одно из старейших американских издательств, основанное в 1846 г. В то время (1932–1952) его возглавлял Чарльз Скрибнер III (1890–1952).

17. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

15 июля 1947 г. Нью-Йорк

15 июля 1947

Дорогой Георгий Викторович.

Получил Вашу книгу, сердечно Вас благодарю. Обычно я отвечаю благодарственным письмом тотчас по получении книги (сегодня написал Жюлю Берто¹ и полковнику Анри Каре²), но *Вам* не хотел ответить, пока не прочту «Л-отр Патри»³. Прочел не «в один присест», а в несколько, в течение нескольких дней. Книга Ваша поистине сверкает умом и талантом на каждой странице. Надеюсь, Вы этому поверите (хотя мне, как и Вам, случается говорить и неискренние комплименты). Умолите Вашего издателя, чтобы он сделал все возможное для распространения книги: она имеет, по-моему, все шансы на очень большой успех. Послали ли Вы ее видным французским писателям?

По существу книги писать в письме невозможно. Вдобавок, Вы скоро должны быть в Ницце? Я даже не уверен, дойдет ли до Вас письмо. Все же хотел бы сказать несколько слов. Не о политической части книги (ведь в ней есть и политическая часть): каждое Ваше «политическое утверждение» сопровождается неизменно оговорками и контр-оговорками, очень затрудняющими спор, да у меня и нет охоты к политическим спорам. На стр. 243 Вы высказываете те же мысли, какие в моем «Начале конца» высказывал в конце Вислиценус (юг, солнце, книги), и я слишком понимаю эти мысли и чувства для того, чтобы их опровергать: предоставим это Вишняку или Тихонову, для кавалерийской атаки справа или слева (слева, по-моему, Вишняк). Это отнюдь не значит, что я разделяю такие настроения. Просто политика внушает мне нечто весьма близкое к отворачиванию при полной уверенности в том, что отворачивание надо в себе преодолеть. Только как это сделать? Добавлю, что Ваши страницы 247–255 — лучшее, что я читал о советской литературе.

Удивило же меня (очень) обилие в Вашей книге того, что Вы называете на стр. 187 *les reflets galiléens*⁴. У Вас бывали эти «рефлэ» и в прошлом, но я не думал, что они в Вас так сильны. Удивление мое — приятное, хотя я человек неверующий. Если бы покойный Мережковский ушел в монастырь, то это, несмотря на тысячи страниц, написанных им о христианстве, удивило бы меня в такой же мере, как если бы в монастырь ушел Эренбург, писавший тридцать лет тому назад недурные католические стихи. А насчет Вас не поручусь. Я, конечно, шучу. Все же Вы преувеличиваете, говоря (стр. 197), будто православие опередило католицизм и даже очень сильно *sur la voie des Lévités*!⁵ Помилуйте, возможно ли это? Говорю со стороны, но вопрос меня интересует.

Ваши замечания о России в громадном большинстве чрезвычайно умны и тонки. Однако (это единственное мое *критическое* замечание) и у Вас, даже у Вас есть склонность к особому роду «ам слав». Хочу пояснить свою мысль. По-моему, наряду с классической французской «ам слав», над которой у нас только ленивый

не смеялся, т. е. наряду с гранд дюшесс Сашка, есть еще *русская* «ам слав», выдуманная русской же интеллигенцией, приписывающая русскому человеку свойства, совершенно для него не обычные или присущие ему не в большей степени, чем другим людям. Не скажу даже, чтобы эти свойства были такие уж лестные, но они почему-то нравятся национальному самолюбию. Всякие бездонности и бескрайности — это тоже гранд дюшесс Сашка. За единственным исключением Достоевского (да и то), ни один большой русский писатель не был «крайним» ни в философии, ни даже в политике. Вы скажете, Толстой. Но все-таки положите на одну чашу фантастических весов его публицистику, а на другую — остальное. Ведь все-таки Пушкин, Гоголь, Тургенев, Тютчев, Гончаров, Герцен (даже он), Писемский, Салтыков, Островский, Чехов были либо либералы разных оттенков, либо умеренные консерваторы. (Хотел было добавить Лескова, чтобы следовать мо-д-ордр⁶, общему и в Москве, и в русском Париже, и в русском Нью-Йорке, но недавно прочел снова «Соборяне» и «Некуда» — и, ей-Богу, не могу!) «Крайние» персонажи в русской литературе — это Рахметов и, пожалуй, боголюбивый откупщик Муразов⁷, но им во всех отношениях грош цена. Таково же, по-моему, общее правило и в других областях русской культуры от Ломоносова и обычно забываемого Сперанского до Михайловского, В. Соловьева и Милюкова. Бури же и бездонности больше всего любил горьковский буреветник (да еще Иванов-Разумник). Да и сам бескрайний Достоевский в письмах обычно очень ограничивал все свои бездонные глубины, частью, кстати сказать, им заимствованные на буржуазном Западе. Оговариваюсь: Вы в Вашей книге не так уж много места бескрайностям и уделяете, но маленький грех в этом отношении есть и у Вас. Надеюсь, Вы на меня не рассердитесь? Я так высоко ценю Вашу книгу, что могу это сказать.

Заодно и два педантических замечания: к стр. 133 — пушкинская речь Достоевского была сказана ведь в 1880 году, а не в 1881-м, к стр. 115 — Достоевский умер ДО начала царствования Александра III. Я не сомневаюсь, что Ваша книга выйдет и вторым изданием, обмолвки можно будет исправить.

Когда же Вы приедете в Ниццу? Дайте о себе знать. Часа в 4 дня я почти всегда дома.

Татьяна Марковна очень Вам кланяется (уже просила меня дать ей Вашу книгу).

Шлю самый сердечный привет.

Очень благодарю Вас за любезные слова обо мне в книге.

Я не знал слов Толстого о «Братьях Карамазовых»: «В этом есть что-то еврейское»⁸. Откуда это? Замечание очень тонкое и глубокое, но, вероятно, оно относилось к некоторой истеричности романа, а не к философской бездонности, которую Толстой недолюбливал и которая, по-моему, не более свойственна еврейской литературе, чем русской. Это не мешает Вашему сопоставлению быть очень интересным (антисемиты будут недовольны). Кстати, Паскаля Вы критикуете (блестящая страница Вашей книги, одна из многих превосходных) никак не с «русской» (в Вашем смысле слова) точки зрения; но не могу понять, почему Вы при этом называете глупой критику Вольтера, по существу очень близкую к Вашей.

¹ *Berto* (Bertaut) Жюль (1877–1959) — французский писатель и литературовед. По всей вероятности, он прислал Алданову одну из своих книг, которых у него в 1947 г. вышло сразу несколько (с переизданиями): *Bertaut J. Madame Récamier*. Grasset, 1947; *Idem. Le pere Goriot de Balzac*. P.: S.F.E.L.T., 1947; *Idem. Visages romantiques*. P.: J. Ferenczi, 1947; *Idem. L'époque romantique*. P.: Tallandier, [1947].

² Не удалось найти сведений.

³ Адамович послал Алданову свою французскую книгу: *Adamovitch G. L'autre patrie*. P.: Eglhoff, 1947.

⁴ галилейские отражения (*фр.*).

⁵ на пути левитов (*фр.*).

⁶ От *фр.* mot d'ordre — лозунг.

⁷ *Рахметов* — персонаж романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?»; *добродетельный откупщик Муразов* — персонаж второго тома «Мертвых душ» Гоголя.

⁸ В мемуарном очерке «Лев Толстой» Горький писал: «О Достоевском он говорил неохотно, натужно, что-то обходя, что-то преодолевая.

— Ему бы познакомиться с учением Конфуция или буддистов, это успокоило бы его. Это — главное, что нужно знать всем и всякому. Он был человек буйной плоти. Рассердится — на лысине у него шишки вскакивают и ушами двигает. Чувствовал многое, а думал — плохо, он у этих, у фурыеристов, учился думать, у Буташевича и других. Потом — ненавидел их всю жизнь. В крови у него было что-то еврейское» (*Горький М.* Собр. соч.: В 18 т. М., 1963. Т. 18. С. 83).

18. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

24 декабря 1947 г. Нью-Йорк

24 декабря 1947

Дорогой Георгий Викторович.

Сердечно поздравляем Вас с праздниками, шлем лучшие пожелания. Мы сегодня вечером будем у Мако¹. Как жаль, что Вы покинули Ниццу.

Вы мне как-то сказали, что, быть может, то французское издательство, которое выпустило Вашу книгу, согласилось бы издать и мою. Было ли бы Вам трудно их запросить — в общей, ни к чему не обязывающей форме? Я говорю о своей философской книге. План ее у меня сложился как будто окончательно. Она будет состоять из следующих шести частей:

1. Dialogue sur l'état d'esprit cartésien

2. Dialogue sur les idées russes (имею в виду старые философские идеи, а не большевистские)

3. Dialogue sur l'état d'esprit existentialiste

4. Le vrai chez Hegel, Cohen et Russell

5. Le hasard

6. La conception metaesthétique²

Первая часть уже написана (я все пишу прямо по-французски) и составила 85 страниц, — таких, как эта. Вторая и третья часть написаны начерно, а осталь-

ные только задуманы. Мне хотелось бы печатать эту книгу *выпусками* (т. е. каждую часть отдельно, хотя может быть одна нумерация страниц; иными словами, второй выпуск будет продолжать первый и т. д. Я знаю, что философские книги вообще не находка для издателей. Поэтому хотел бы соблазнить их дешевизной товара: они могли бы первый выпуск издать без обязательства издавать следующие, т. е. он обошелся бы им недорого; кроме того, я был бы готов — с проклятьями, конечно, — отдать им первый выпуск бесплатно: если они издадут, скажем, три тысячи экземпляров, то с них могут мне ничего не платить. В случае успеха платили бы, начиная с четвертой тысячи, тогда для второго выпуска условия были бы уже обычные, я получал бы гонорар с каждого экземпляра. Разумеется, права иностранных переводов, кроме тех, которые устроили бы они сами, должны остаться за мной. Первый выпуск я могу им послать немедленно. Но всецело полагаюсь на Ваше впечатление: если они скажут «пусть Алданов пришлет», а Вы вынесете впечатление, что они это говорят без желания напечатать книгу, то посылать не стоит, я лучше передам дело агенту. Очень ли это Вам затруднительно? Если да, то ничего им не говорите, и, разумеется, я несколько не обижусь. Если же скажете, то заранее сердечно благодарю, хотя возлагаю мало надежд на успех.

И еще одно. Моя книга философская, но в первом выпуске есть политические страницы; они не понравятся ни большевикам, ни антибольшевикам (такая уж моя судьба: Вишняк считает меня большевиком, а большевики — правым. В следующих пяти выпусках никакой политики не будет. Однако если Ваше издательство очень левое, то бесполезно посылать ему первый выпуск. Очень правым оно быть, очевидно, не может, так как выпустило Вашу книгу).

Мои «Истоки» совершенно неожиданно для меня имеют в Америке очень большой художественный успех. Я ежедневно получаю от бюро вырезок конверты с рецензиями, и они в громадном большинстве очень лестны. Были и ругательные отзывы, но в малом числе и не грубые. В общем, ни одна из моих книг нигде такой хорошей «прессы» не имела. Однако Скрибнер упорно мне не отвечает на просьбу сообщить, сколько экземпляров продано; это плохой симптом: мы с ним в хороших отношениях, и он не хочет меня огорчать. Боюсь, что продается книга неважно, тем более что во многих лестных рецензиях справедливо отмечалось, что роман трудный, особенно для иностранцев (извините «хвастовство»). Это вредит продаже больше, чем грубые рецензии. Пишу Вам обо всем этом, зная Ваше благожелательное отношение к моим писаньям, за которое еще раз очень, очень благодарю.

Вы мне не сообщили Вашего адреса, обращаюсь опять к любезному посредству Перикла Ставровича. Им искренний привет и лучшие новогодние пожелания.

Татьяна Марковна и я шлем Вам сердечный привет.

¹ Мако Сергей Александрович (1885–1953) — художник, после революции в эмиграции в Финляндии, затем во Франции, жил в Ницце, приятель Алданова и Адамовича.

² В русском варианте главы носили названия: «I. Диалог об аксиомах»; «II. Диалог о случае и теории вероятностей»; «III. Диалог о случае в истории»; «IV. Диалог о “красоте-дobre” и о борьбе со случаем»; «V. Диалог о русских идеях»; «VI. Диалог о тресте мозгов».

19. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

31 декабря 1947 г. Париж

1bis avenue de Montespan
Paris 16^e
31/XII-1947

Дорогой Марк Александрович

П.С. Ставров мне только вчера передал Ваше письмо, написанное 24 декабря. Отвечаю сегодня только для того, чтобы объяснить Вам свое молчание. В издательство пойду после Нового года — и тогда немедленно сообщу о результатах разговора. Мне нисколько не затруднительно — как Вы предполагаете — исполнить Ваше желание. Наоборот, я очень рад сделать это, а в частности, быть в какой-то мере Вашим литературным представителем для меня очень лестно.

Насчет «Истоков» — как видите, я оказался прав. Не забудьте, что мы держим пари о их успехе или неуспехе — я рассчитываю в августе на вкусный завтрак en qualité de gagnant¹.

Начал я писать с тем, чтобы поздравить Татьяну Марковну с Новым годом — а по рассеянности о делах заговорил раньше! Простите. Шлю Татьяне Марковне и Вам самые искренние и сердечные поздравления и пожелания. Вы пишете, что в Сочельник собираетесь к Мако — и мне стало завидно, или, вернее, обидно, что я не в Ницце. С наслаждением провел бы вечер с водкой и разговорами о книге Виноградова (кажется) о Стендале².

Видели ли Вы Ивана Алексеевича? Он уехал отсюда в состоянии совсем плохом. И слышали ли Вы — думаю, что да — о письме Марии Самойловны? Если передача его стиля и содержания правильна (т. е. была мне сделана правильно), то это действительно давление американского капитала на Европу. Мне кажется, следовало бы сделать так, чтобы И.А. письмо это осталось неизвестно, оно его взволнует наверно, а ему это вредно. Но не напишете ли Вы американцам от себя? Вы, вероятно, единственный европеец, — хотя бы и временный — который может их убедить, что с Буниным так обращаться нельзя. Кстати, и entre nous³, он и в деле Союза писателей — не в пример Вере Николаевне — определенной позиции не занял и остался «меж двух стульев»⁴.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Спасибо за поздравление к праздникам. Не откажите передать мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. Не думайте, ради Бога, что я «забыл» об остатке своего долга Вам. Cela me tracasse⁵, а денег все не хватает, и именно в тот день, когда хочу послать перевод. Не отвечайте мне ничего на это, п<отому> что отвечать и нечего, — правда?

¹ В качестве выигравшего (*фр.*).

² Роман Анатолия Корнелиевича Виноградова (1888–1946) о Стендале «Три цвета времени» впервые вышел еще до войны (М., 1931), а ко времени написания письма появилось пятое (последнее прижизненное) издание (М., 1945). Позже увидело свет переработанное издание (М., 1957), много раз переиздававшееся.

³ Между нами (*фр.*).

⁴ На собрании парижского Союза русских писателей и журналистов 22 ноября 1947 г. было выбрано новое правление и внесены изменения в устав, запрещающие пребывание в союзе лиц, имеющих советское гражданство, после чего из членов союза в знак протеста вышли ряд писателей, в их числе Г.В. Адамович, В.Н. Муромцева-Бунина, А.В. Бахрах, В.С. Варшавский, Л.Ф. Зуров, А.П. Ладинский, Ю.К. Терапиано, Г.И. Газданов. 11 декабря 1947 г. письмом в правление о своем выходе из союза заявил также И.А. Бунин. Подробнее см.: Хроника // Русская мысль. 1947. 29 нояб. № 33; Распад Союза журналистов // Русские новости. 1947. 5 дек. № 131; 26 дек. № 134. Узнав об этом, М.С. Цетлина 20 декабря через Б.К. Зайцева отправила Буниным разрывающее отношения письмо в незапечатанном конверте, сделал его, таким образом, достоянием общественности. Получив письмо, Бунин 1 января 1948 г. написал ответ, разослав копии нескольким друзьям, в том числе Адамовичу (одновременно свой ответ Цетлиной написала и В.Н. Бунина). О подробностях инцидента см.: Дубовиков А.Н. Выход Бунина из парижского Союза писателей // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. М., 1973. С. 398–407; Пархомовский М.А. Конфликт М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 4. Иерусалим, 1995. С. 310–325.

⁵ Это меня беспокоит (*фр.*).

20. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

28 января 1948 г. Париж

Paris, 28 января 1948

1bis avenue de Montespan, XVI

Дорогой Марк Александрович

Простите, что отвечаю Вам на Ваше деловое письмо с таким опозданием. Но моей вины тут нет. Как я, кажется, уже сообщал Вам, заведующий издательством был в отсутствии, а потом заболел гриппом на три недели. Сам Egloff¹, хотя и в Париже, но робок, как дитя, и ни в какие переговоры лично не вступает.

LUF² в принципе были бы рады издать Вашу книгу — и, думаю, на лучших условиях, чем те, на которые Вы заранее соглашаетесь. Т. е. о бесплатной передаче им первого выпуска нет речи, и я им об этом не говорил. У них много денег (хотя деньги в Швейцарии, и из-за этого бывают затруднения), и мне кажется, что дешевой изданием их соблазнять не следует.

Но надо дать им прочесть рукопись. Вы говорите, что если у меня сложится впечатление, что говорят они это так, без большой охоты взять книгу — то лучше откровенно Вам это сообщить. Нет, у меня впечатление получилось другое: книга их интересует, хотя ее философское содержание их, может быть, слегка и смущает (т. е.

степень ее доступности и «читабельности»), вернее всего, смущает их политическая сторона при условии, что книга не представляет собой что-либо узко-партийное и сектантское. Я их уверил, что этого в книге наверно нет, а ко всяким политическим увлечениям или склонностям, правым или левым, они одинаково терпимы.

Вот, кажется, все, дорогой Марк Александрович. Если Вы не изменили своего решения, пришлите мне Вашу рукопись — во всяком случае она будет в полной сохранности. Крепко жму Вашу руку и шлю поклон и сердечный привет Татьяне Марковне. Я Вам писал в прошлый раз о письме Марии Самойловны к Бунину со слов Тэффи³, не прочитав самого письма еще. Вижу, что оно менее грубо и финансово-возмутительно, чем я предполагал. Но и глупее, чем я предполагал. Я Вам очень завидую, что Вы в Ницце.

Ваш Г. Адамович

¹ Эглофф (Egloff) Вальтер (1909–1986) — швейцарский и французский издатель и книготорговец, в 1935–1944 г. владел издательством LUF в Швейцарии, после освобождения Парижа открыл во Франции издательство «Egloff». Подробнее см. некрологи: *Chuard C. Walter Egloff n'est plus // La Liberté*. 1986. 15–16 mars. P. 24; *Landau E.-M. In memoriam Walter Egloff // Bulletin de la Société Paul Claudel*. 1986. № 103. P. 21–22.

² LUF (Librairie de l'Université de Fribourg) — издательство Фрибургского университета (Швейцария). См. каталог: *Walter Egloff et la L.U.F. (1935–1953): Une librairie idéale, une aventure éditoriale: catalogue de l'exposition: Fribourg, Bibliothèque cantonale et universitaire, du 24 septembre au 23 octobre 1999 / Textes réunis par M. Dousse et S. Roth; Préf. par M. Nicoulin. Fribourg, 1999.*

³ 8 января 1948 г. Тэффи писала Бунину: «Ужасно взволновало меня письмо Марьи Самойловны, о котором гудит весь Париж. Эдакая дурища! Понимает ли она, что Вы потеряли, отказавшись ехать? Что Вы швырнули в рожу советчикам? Миллионы, славу, все блага жизни. И площадь была бы названа сразу Вашим именем, и станция метро, отделанная малахитом, и дача в Крыму, и автомобиль, и слуги. Подумать только! — Писатель, академик, Нобелевская премия — бум на весь мир! И все швырнули им в рожу. Не знаю — другого, способного на такой жест, не вижу (разве я сама, да мне что-то не предлагают, то есть не столько пышности и богатства). <...> Меня страшно возмутила Марья Самойловна. Папская булла. Предала анафеме. А ведь сама усижена коммунистками, как зеркало мухами: Шура, Ангелина, сам толстопузый Прегель “отдает должное советским достижениям”. Пишу бессвязно, но уж очень меня возмутила ее выходка. Эдакая дура наглая» (Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Бунинными. 1939–1948 / Публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер // *Дiaspora*. [Вып.] 2. СПб., 2001. С. 548–549).

21. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

28 января 1948 г. Ницца

29 января 1948

Дорогой Георгий Викторович.

Только что получил Ваше письмо. Я *чрезвычайно* Вам благодарен и буду совсем в восторге, если издательство примет выпуск. При сем его прилагаю. Не скрываю, что возможность не утратить агента поисками издателей меня очень соблазняет.

Пожалуйста, напомните заведующему, что издание прилагаемого первого выпуска НЕ обязывает его печатать следующие. В первом выпуске, который мне хотелось бы издать возможно скорее, будет, по-моему, от 100 до 150 страниц, в зависимости от того, захотят ли они разогнать книжку или сжать ее. Первые три выпуска написаны «легко», остальные три будут гораздо менее «читабельны», но уж совсем скучны, по немецкому профессорскому образцу, едва ли будут и они. «Политика» есть *только* в прилагаемом первом выпуске и, конечно, не «узко-партийная».

Мы в марте уезжаем в Нью-Йорк, хотя сведений о продаже «Истоков» я все еще от Скрибнера не имею. Буду рад угостить Вас завтраком, хотя бы было продано два с половиной экземпляра: так я рад художественному успеху романа в Америке.

Относительно письма Цетлиной, несмотря на свою долголетнюю дружбу с ней, я не могу не согласиться с Вами — безотносительно к великим и грандиозным событиям в Зеелеровском союзе, которому решительно нечего делать и в старом и новом составе. С тех пор как я стал стар и вдобавок ушел в философские книги, меня *такие* события не волнуют. Но, читая ее письмо, я только разводил руками. Добавлю, что, когда Иван Алексеевич поехал с визитом в посольство, она всячески его защищала!¹ Какая муха ее укусила теперь, — не знаю. Пишу Вам это «не для печати». Впрочем, Вы, верно, знаете, что Вера Николаевна написала Марье Самойловне очень резкое письмо (мне показала только часть его и *после* отправки). В ответ пришла от Цетлиной телеграмма: Reçu lettres. Merci (!) Explications suivent². Письма еще нет.

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный привет, я еще раз очень, очень Вас благодарю. Буду с нетерпением ждать ответа.

Ради Бога, и не думайте о Вашем долге мне. Отдадите после моего возвращения из Нью-Йорка.

Если Вы прочтете первый диалог, то Вам он, вероятно, покажется легковесным и сбивающимся на статью. Не думаю, чтобы это было верно. Каюсь, я избрал форму диалога не только из-за своей двойственной «тезы» А и L (L сделал французом), но и для того, чтобы «занять» читателя и хоть немного заинтересовать его дальнейшим развитием «метаэстетической концепции», которая в первом диалоге лишь еле намечена. В дальнейшем изложение будет и развивать, и выяснять мысли, а форма станет более тяжелой, исторические анекдоты прекратятся. Простите нескромность того, что я говорю, и гадкое слово «метаэстетический».

¹ В нашумевшем визите группы видных эмигрантов во главе с В.А. Маклаковым к советскому послу А.Е. Богомолу 12 февраля 1945 г. Бунин не принимал участия, поскольку в то время находился в Грассе. Он посетил посольство осенью 1945 г. Событие это бурно обсуждалось в эмиграции, и в тот период М.С. Цетлина действительно была на стороне Бунина. Сам Алданов по этому поводу писал Г.П. Струве 26 января 1946 г.: «Визит Бунина меня весьма огорчил, — я этого от него не скрыл. Но он стар, болен, и я очень, очень его люблю. Поэтому стараюсь не слишком его упрекать. Здесь им многие возмущаются чрезмерно. Я тоже слышал, что он уже “жалееет”» (*Струве Г. Из моей переписки с писателями: Письма Г. Иванова, М.И. Цветаевой, М.А. Алданова // Мосты. 1968. № 13/14. С. 402.*)

² Письма получили. Спасибо. Объяснения следуют (*фр.*).

22. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

10 марта 1948 г. Париж

1bis avenue de Montespan
Paris XVI
10/III-48

Дорогой Марк Александрович

Вы, вероятно, удивлены моим долгим молчанием. Постараюсь Вам объяснить его — и передать в точности, как обстоит дело с Вашей рукописью.

Конечно, я виноват в том, что не написал Вам тотчас же по ее получении. С Вашего позволения я ее прочел, и должен сказать — прочел с живейшим интересом и восхищением. При таком чтении не требуется согласия с автором, да оно и не возможно полностью. Но диалог этот так блестящ qu'il force l'admiration¹ даже и при несогласии. И мне кажется, именно в блеске — его внутренняя скромность: другой писатель напустил бы тумана и лирики там, где Вы находите возможным быть все-таки causeur'ом², делая вид, что никаких «бездн» не касаетесь. Но не хочу надоедать Вам своим впечатлением. Простите и за эти строки.

А положение с рукописью такое.

В свое время я отнес ее в LUF, где она была передана Pierre Emmanuel'ю³, «литер<атурному> директору». У него как раз случилась язва в желудке (хотя это человек совсем молодой), и он уехал из Парижа. Вернулся он с неделю тому назад, «surchargé»⁴ всякими запущенными делами. Сегодня я у него был. Он встретил меня какой-то неясной болтовней: с одной стороны — комплименты и восторги по поводу Вашей книги, с другой — толки о том, что у них программа издательства наполнена на годы вперед, что издатель Egloff недоволен количеством взятых рукописей, что он не может «ангажироваться» и т. д. В ходе разговора я что-то о Вашем диалоге сказал, т. е. сослался на какую-то сделанную Вами цитату. Он улыбнулся — «tiens!»⁵, — достал из одного из бесчисленных ящиков Вашу рукопись, стал перелистывать — и на добрых четверть часа погрузился в чтение. У меня создалось впечатление, — и едва ли я ошибся, — что он читает рукопись в первый раз и никакого понятия о ней не имеет. Подтверждает мое предположение то, что после этой четверти часа он попросил меня рукопись ему оставить и сказал, что он ее «перечтет», подумает и т. д. На этом мы расстались. Через несколько дней я должен ему телефонировать — он обещал дать ответ.

Вот, дорогой Марк Александрович, полный и точный отчет о Вашем деле. Простите за проволочку, но я тут ни при чем — как не могу принять ответственность и за «рассеянность» или не знаю, как это назвать, Пьера Эмманюэля. В этом издательстве нет lecteur'a⁶, он все допреж читает сам, и, по-видимому, читает кое-как, а то и не читает вовсе. Между прочим, в первой части нашей беседы он назвал мне имя издателя Flamenc⁷ (кажется, пишется так) и сказал, что, по его мнению, книгу следует предложить ему. Qu'en pensez vous?⁸ — если с LUF'ом так ничего и не выйдет.

Когда Вы уезжаете в Америку и будете ли скоро в Париже? Крепко жму Вашу руку и шлю низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ что он вызывает восхищение (фр.).

² собеседником (фр.).

³ *Эммануэль* (Emmanuel) Пьер (наст. имя Noël Mathieu; 1916–1984) — французский поэт, журналист, общественный деятель.

⁴ перегруженный (фр.).

⁵ вот как! (фр.).

⁶ чтеца (фр.).

⁷ Вероятно, Адамович записал неверно, такого издателя во Франции не было.

⁸ Что Вы об этом думаете? (фр.).

23. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

24 сентября 1948 г. Ницца

Nice

14 av. Fragonard

24/IX-48

Дорогой Марк Александрович

Вы, конечно, сами понимаете, как мне неприятно и неловко просить у Вас денег взаймы.

Не можете ли Вы одолжить мне 2000 fr. до начала будущего месяца? Я перед отъездом в Париж продам кое-какую мебель и отдам без «отсрочек». А сейчас у меня всякие медицинские расходы для сестры, et je suis très embêté¹. Если бы не крайность, поверьте — я не стал бы просить.

Сегодня часов в 6 вечера я приду в Grande Taverne, где мы были третьего дня. Может быть, Вы там будете? Раньше 6 часов у них, вероятно, будет закрыто из-за забастовки. Но может быть, и нет, не знаю точно — в газетах насчет café ничего нет.

Простите, дорогой Марк Александрович, что еще раз надоедаю Вам.

Ваш Г. Адамович

¹ и я весь в заботах (фр.).

24. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

14 января 1949 г. Ницца

14 января 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Моя сестра написала нам, что Вы прочли превосходный доклад¹. Сообщила к слову, что Вы два раза цитировали меня: о «Войне и мире», чему я чрезвычайно рад, и о том, что «Хаджи-Мурат» «последняя прекрасная вещь в русской литературе». Вероятно, моя сестра не совсем правильно передала Ваши слова: я говорил, что это последний великий роман в русской литературе. Я предполагаю (и надеюсь), что Ваш доклад будет полностью напечатан в «Р<усских> новостях»?² Если так, то очень прошу либо внести эту «поправку», либо, еще лучше, эту цитату из нашего разговора в статье выпустить. Я уверен, что Иван Алексеевич за себя обиделся бы. А Вы знаете, что он серьезно болен, и я избегаю всячески всего того, что могло бы его волновать: Вам известно, как я его люблю. Да и Вы тоже очень его любите.

Отчего же Вы, несмотря на Ваше обещание, так к нам больше и не зашли! Мы были очень огорчены. Не собираетесь ли опять в Ниццу? Не скажу, чтобы здесь было так хорошо, но я теперь как старый князь Болконский: везде плохо, но уж лучше всего этот уголок в диванной, за пианино³.

Шлем Вам самый сердечный привет.

Это письмо, конечно, «конфиденциально».

¹ 11 января 1949 г. в помещении Российского музыкального общества за границей состоялась устроенная Объединением русских писателей и поэтов публичная лекция Г.В. Адамовича «Перечитывая Толстого и Достоевского».

² Статья Адамовича с таким названием в «Русских новостях» опубликована не была. Возможно, именно суждения, изложенные в лекции, легли в основу нескольких фрагментов «Комментариев», в частности «Толстой и Достоевский...» и «Перечитываю — в который раз! — Достоевского...», опубликованных много позже в журнале (*Адамович Г. Table talk // Новый журнал. 1961. № 66. С. 87–88*). Во всяком случае, слова Алданова о «Хаджи-Мурате» Адамович привел именно в «Комментариях», правда, еще позже и в иной версии: «Великая русская литература кончилась на “Хаджи-Мурате”...» (*Адамович Г. Оправдание черновиков // Новый журнал. 1965. № 81. С. 79*).

³ Речь идет об эпизоде романа Л.Н. Толстого (Война и мир. Т. 3. Ч. 2. III), в котором мучимый бессонницей князь Н.А. Болконский выбирал, где попытаться заснуть: «Везде ему казалось нехорошо, но хуже всего был привычный диван в кабинете. Диван этот был страшен ему, вероятно по тяжелым мыслям, которые он передумал, лежа на нем. Нигде не было хорошо, но все-таки лучше всех был уголок в диванной за фортепиано: он никогда еще не спал тут» (*Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 11. С. 109*).

25. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

21 января 1949 г. Париж

21 янв<аря> 1949
53, rue de Ponthieu
Paris 8^e

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо. Я был очень рад получить его.

Любовь Александровна <Полонская>, очевидно, не совсем точно передала мои слова о «Хаджи-Мурате». Я привел Ваше мнение: «это последняя великая вещь в русской литературе». Хорошо помню, что сказал именно «великая», а не «прекрасная» — и в качестве комментария добавил, что были вещи, может быть, и не хуже написанные, но не в этом дело... Должен признаться, что немножко уклонился от истины, сказав, что Вы говорили об этом в присутствии Бунина, который будто бы немедленно и без всякой обиды с Вами согласился¹. Но это — из области фантазии, по-моему правдоподобной. И для Бунина, мне кажется, скорей выгодной (т. е. рисующей его в хорошем свете), чем отрицательной, — правда? Впрочем, по рассказу В. Микулич, Лесков десять лет помнил, что она сказала ему «простите, вы все-таки не Толстой»², и сердился ужасно, хотя и старался уверить ее, что сердится только от ее предположения, будто он может себя и Толстого сравнивать. Но Ваши слова о «Хаджи-Мурате» имеют, по-моему, не тот смысл. Я, во всяком случае, представил их так, что на Т<олстом> кончился «золотой век русской литературы», а замечательные писатели и были, и еще будут.

Доклад мой нигде, ни всего менее в «Р<усских> нов<остях>», напечатан не будет. Во-первых — он не написан, и читал я его по конспекту, ужасно спутав и скомкав все о Достоевском (очень трудно о нем, особенно о тоне его, и тут я ничего не нашелся сказать из того, что вспомнил, вернувшись домой). А во-вторых — газете это не интересно, да и вообще, по отзывам «до» и «по» люди интересуются исключительно «новинками» и хотят быть au courant³, главным образом. Одна дама, впрочем, подошла и спросила: «Почему Вы не прочли что-нибудь другое... вот, например, о Малларме?» Отчего о Малларме — неизвестно. Даже не новинка.

Дорогой Марк Александрович, хочу воспользоваться случаем и спросить Вас о деле, ничего не имеющем общего с литературой.

Некоторые из моих друзей, зная положение моих дел, спрашивают меня: «Отчего вы не устроитесь переводчиком в ONU?»⁴ Мне сначала, и довольно долго, казалось это невозможным из-за необходимости жить в Париже и даже во Франции, — а теперь я думаю: почему, в сущности, невозможно? Сестру я мог бы устроить где-нибудь, если бы для того были средства. По наведенным мной справкам — все зависит от Григоровича-Барского⁵, живущего в Нью-Йорке. Он будто бы — персона важная, и надо найти к нему ход. Его знает Влад. Андр. Могилевский⁶, но я не уверен, что письмо от В.А. имело бы для него большое значение. Знаете ли Вы его? Если знаете, согласились ли бы Вы написать ему обо

мне и моем желании? Спрашиваю об этом только «теоретически», еще ничего не прося. Если Вы с ним не знакомы, кто, по-Вашему, мог бы ему написать? И какое вообще Ваше мнение об этом деле и возможности добиться успеха? Плохо то, что могу я быть переводчиком только russe-français и обратно. Английский я знаю плохо и не возьмусь быть не только interprète⁷, но и traducteur⁸. Переведешь не так Вышинского⁹, а потом будет война.

Буду очень благодарен за ответ. Как Вы живете в Ницце, куда я, кстати, с удовольствием переселился бы. Если бываете в Жуан, видите ли мою хозяйку Mme Frauin¹⁰, которая — судя по письмам ее — действительно не совсем «в себе»?

Шлю самый сердечный привет, дорогой Марк Александрович, и крепко жму руку. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

Я окончательно спугал орфографии. Простите, если пишу то по старой, то по новой.

¹ Опубликованный позже фрагмент «Комментариев» Адамовича начинался именно с этого вымышленного эпизода: «Алданов однажды сказал в присутствии Бунина: “Великая русская литература кончилась на ‘Хаджи-Мурате’...” Бунин покачал головой, поворчал: “Что-то, Марк Александрович, стали вы чересчур строги! Были и после Толстого неплохие писатели!” — но мне показалось, что ворчит он скорее так, для виду, чтобы не сразу сдаться, а на деле с Алдановым согласен» (Адамович Г. Оправдание черновиков // Новый журнал. 1965. № 81. С. 79).

² В. Микулич (Лидия Ивановна Веселитская; 1857–1936) пришла к Лескову познакомиться в январе 1893 г., начав знакомство словами: «Я знаю, что Вы больны и что Вы любите Льва Николаевича, и я пришла к Вам» (Микулич В. Встречи с писателями: Лев Толстой. Достоевский. Н. Лесков. Всеволод Гаршин. Л., 1929. С. 270).

³ в курсе (фр.).

⁴ ONU (Organisation des Nations Unies) — ООН (Организация Объединенных Наций).

⁵ Григорович-Барский Дмитрий Николаевич (1871–1958) — адвокат, общественный деятель, член ЦК Партии народной свободы (1916), старший председатель Киевской судебной палаты (1917–1919). С 1921 г. в эмиграции в Берлине, с 1923 г. в Париже, один из организаторов и товарищ председателя совета Объединения русских адвокатов во Франции (1926–1939). В 1939 г. переехал в США, товарищ председателя Чикагского комитета Толстовского фонда (1941). Подробнее см.: Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энцикл. словарь. М., 2001 С. 271–272.

⁶ Могилевский Владимир Андреевич (1879–1974) — журналист, общественный деятель. За участие в акциях социал-демократов выслан за границу, вернулся в Россию в 1917 г., избран керченским, затем севастопольским городским головой. С 1920 г. вновь в эмиграции, администратор газеты «Последние новости». После войны управляющий делами издательства О.Г. Зелюка «Франко-русская печать» («La presse française et étrangère»).

⁷ синхронным переводчиком (фр.).

⁸ письменным переводчиком (фр.).

⁹ Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) — советский государственный деятель, с 1939 г. член ЦК ВКП(б), в 1949–1953 гг. министр иностранных дел СССР.

¹⁰ Квартирная хозяйка Адамовича в Париже (53, rue de Ponthieu) в 1949–1954 гг.

26. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

23 января 1949 г. Ницца

23 января 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Очень рад был Вашему письму. Значит, все в порядке. Но жалко, что Ваша лекция не будет напечатана. Немного Вы меня удивили тем, что сделали Бунина участником нашего разговора. Здесь был бы (при мегаломании) случай сказать: «вот как пишется история!» Бог Вас, однако, простит.

С Григоровичем-Барским я немного знаком: раза два видел его в Америке, на заседаниях этой самой Организации. Он говорил мне любезности, так что, может быть, отнесется к моей просьбе и внимательно, хотя я в этом далеко не уверен. С удовольствием напишу ему о Вас, но для этого мне нужно знать его имя, отчество и адрес. Вероятно, Вл<адимир> Андреевич знает. Сообщите мне, и я тотчас ему напишу. Должен Вам, однако, сказать следующее: 1) Он человек правых взглядов и к «Р<усским> новостям», вероятно, относится очень враждебно; а ему, конечно, известно, что Вы там пишете. 2) Все кандидаты в переводчики должны сдавать экзамены, и кандидатов там много. Экзамен как будто не поверхностный: один мой знакомый, поляк, прекрасно знающий французский и русский языки, не был принят. Однако дело не в этом, а в том, можно ли этот экзамен сдавать в Париже? Если да, то Вы ничем не рискуете. Если же экзамены сдаются теперь только в Нью-Йорке, то, конечно, Вы от Вашего плана откажетесь: не ехать же туда на свои деньги без уверенности в том, что место для Вас будет. Вероятно, в Париже еще остались какие-либо органы ОНЮ¹. Советую Вам там справиться. Быть может, это знает Ваш коллега К.К. Грюнвальд². Должна бы знать и семья Тхоржевского³: сын⁴ Ив<ана> И<ванови>ча именно переводчик в ОНЮ (кстати, я слышал, как он переводил речь Громыко⁵, — переводчик он совершенно изумительный). Неужели Вы согласитесь переехать в Нью-Йорк?!

У Буниных я бываю часто, но госпожу Фруэн не видал: Ив<ан> Ал<ексеевич> никого к себе не пускает, мы сидим у него в комнате, где он и завтракает, и обедает, так что из жильцов дома я никого не вижу. История с Союзом, мне давно смертельно надоевшая, его, Бунина, еще очень волнует. Напрасно он, по-моему, пишет и письма в редакцию, Яблоновскому, Зайцеву⁶.

Вот обрадуете, если приедете в Ниццу! Как прошла Ваша французская книга?⁷ Много ли работаете?

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный привет. Как только Вы мне напишете о сказанном выше, я постараюсь написать Григоровичу-Барскому возможно убедительнее. Не скрою, в успех верю мало. Там платят огромные жалованья, и поэтому лингвисты всех стран стараются туда попасть. Сын В.В. Вырубова⁸, служивший там в секретариате, говорил мне, что в ОНЮ скопилось двадцать тысяч прошений! (конечно, из них только небольшая часть относится к должностям «интерпрэтеров» и «транслэторов»).

¹ Эмигрантская калька с французской аббревиатуры ONU (Organisation des Nations Unies).

² *Грюнвальд* Константин Константинович (1881–1976) — до революции чиновник Министерства финансов. С 1919 г. в эмиграции в Лондоне, управляющий делами Русского торгово-промышленного союза, с 1921 г. в Париже, журналист, сотрудник «Возрождения», «Иллюстрированной России» и др. После войны сотрудник «Русских новостей», почему Алданов и именует его коллегой Адамовича.

³ *Тхоржевский* Иван Иванович (1878–1951) — поэт, переводчик, журналист, общественный деятель. С 1919 г. в эмиграции в Финляндии, с 1920 г. в Париже, член правления Русского торгово-промышленного банка, председатель Национального объединения русских писателей и журналистов во Франции (1937), после войны первый редактор журнала «Возрождение» (с 1949).

⁴ *Тхоржевский* Георгий Иванович (р. 1915) — журналист, хранитель архива отца.

⁵ *Громыко* Андрей Андреевич (1909–1989) — советский дипломат и государственный деятель. В 1946–1948 гг. постоянный представитель СССР при ООН, в 1949–1952 гг. 1-й заместитель министра иностранных дел СССР.

⁶ Имеется в виду опубликованное тремя неделями ранее письмо Бунина в редакцию (Новое русское слово. 1948. 30 дек. № 13397. С. 3), в котором он протестовал против некоторых трактовок его выхода из парижского Союза писателей, возражая, в частности, Б.К. Зайцеву и С.В. Яблоновскому (Потресову).

⁷ В эмигрантской печати книга Адамовича «L'autre patrie» (P.: Egloff, 1947) была оценена довольно высоко; см.: *Бахрах* А. «Иное отечество» // Русские новости. 1947. 18 июля. № 111. С. 7; *Оцун* Н. Под знаком Пушкина и Толстого // Новоселье. 1948. № 37/38. С. 130–137. Хотя в некоторых отзывах высказывалось несогласие с политической позицией Адамовича, см.: *Веселитский* М. Нотабены // Возрождение. 1949. № 3 [Май]. С. 183–192; *Иванов* Г. «Конец Адамовича» // Возрождение. 1950. № 11. С. 179–186; *Струве* Г. Десница и шуйца г. Адамовича // Русская мысль. 1951. 13 июня. № 353. С. 5. См. также оценки в позднейшей исследовательской литературе: *Johnston* R.H. The Great Patriotic War and the Russian Exiles in France // Russian Review. 1976. July. Vol. 35. № 3. P. 313, 321; *Bethea* D.M. 1944–1953: Ivan Bunin and the Time of Troubles in Russian Emigre Literature // Slavic Review. 1984. Spring. Vol. 43. № 1. P. 1–16.

⁸ В ООН служил Николай Васильевич Вырубов (1915–2009), младший сын общественного деятеля Василия Васильевича Вырубова (1879–1963).

27. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

28 апреля 1949 г. Париж

28/IV-49

53 rue de Ponthieu

Paris 8^e

Дорогой Марк Александрович

Прежде всего, простите, пожалуйста, что я не написал Вам после Вашего, такого любезного, письма, где Вы предлагали мне помочь в устройстве дел с ONU. Объясняется это тем, что я все думал, как быть и что делать, а потом пришел к заключению, что самое правильное — не делать ничего. Все равно ничего не выйдет.

Спасибо большое, во всяком случае, за Ваше доброе желание. Я был очень тронут Вашим письмом и тем сильнее «угрызаюсь», что сразу Вам не ответил.

А сегодня я Вам пишу по совсем другому поводу.

Меня, да и не одного меня, занимает мысль об устройстве пушкинского вечера¹. Я думал сначала, что будет устроен вечер общий, действительно объединенный с «правыми» и «левыми», на один вечер примирившимися. Но это оказалось невозможным, и есть для примирения пределы (даже для меня). Надо бы, по-моему, все-таки чествование устроить, в дополнение или в противовес тому, которое возглавил, к моему удивлению, Маклаков². Я написал на днях Ив<ану> Ал<ексееви>чу с просьбой быть председателем и главой всего³. Он ответил, что не может сидеть на эстраде, но я надеюсь, что имя он даст. Согласен Ремизов, согласна Тэффи. Скажу Вам правду, мне казалось, что Вы не согласитесь, и я это чувствовал с такой уверенностью, что даже не хотел Вам писать, считая мечтания о Вашем участии вполне «бессмысленными». Вы много раз говорили и мне, и другим о своем желании быть в стороне от всего. Но Надежда Александровна мою уверенность поколебала. «Как? Почему? Марк Александрович наверно согласится!» — вот ее восклицания по телефону. Может быть, она права? Может быть, Вы правда согласитесь дать свое имя, как участника комитета⁴, если к самому вечеру не будете в Париже? Это было бы, Вы сами знаете, до крайности ценно и важно.

Вечер будет без всякого политического оттенка. Если бы Вы согласились дать имя, я обещаю, что до каких бы то ни было объявлений и заметок в газетах Вы были бы извещены о полном составе участников и программе вечера во избежание всяких для Вас сюрпризов⁵. Лишь получив Вашу санкцию, я считал бы дело окончательно решенным.

Но вот один предварительный вопрос: мы думали вторую часть вечера сделать артистической, и возник вопрос о Лифаре⁶, *qui à été vaguement pressente*⁷. Это все-таки самое большое русское артистическое имя в Париже. Было ли бы его участие для Вас препятствием? Мне кажется, его имя опасно для Зеелера или для Берберовой, но не для людей иного толка, и я согласен с тем, что когда-то сказал Боголюбов: «Нас интересуют его ноги, а не его голова»⁸. Но Ваше отношение может оказаться другим, и, конечно, не может быть ни минуты сомнения насчет того, кем в этом случае пожертвовать. Даю Вам при этом слово, что в случае Вашего «отвода» никто ничего знать не будет, и мы просто о Лифаре забудем.

Простите за длинное и скучное письмо, и надеюсь на быстрый ответ. Крепко жму Вашу руку, дорогой Марк Александрович, и прошу передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ К 150-летию со дня рождения Пушкина в Париже было устроено множество самых разнообразных мероприятий, подробно см.: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1 (5): 1940–1954. М.; Р., 2000.

² В.А. Маклаков был председателем Пушкинского комитета, совместно с Сорбонной организовавшего 8 июня 1949 г. (16, rue de la Sorbonne) торжественное заседание под пред-

седательством К.Р. Кровопускова, посвященное 150-летию со дня рождения Пушкина. Заседание открылось речью В.А. Маклакова.

³ Пушкинский вечер под председательством И.А. Бунина был устроен Объединением русских писателей и поэтов в Париже 21 июня 1949 г. в помещении Российского музыкального общества за границей. На вечере выступили и Бунин, и Адамович.

⁴ Алданов отказался принять участие в комитете по подготовке вечера, см. след. письмо.

⁵ Фрагмент от слова «обещаю» и до конца предложения отчеркнут на полях рукой Адамовича.

⁶ Второе отделение вечера действительно было концертным, но С.М. Лифарь в нем не принимал участия.

⁷ который вызывает сложные чувства (*фр.*).

⁸ Возможно, речь о шахматисте Ефиме Дмитриевиче Боголюбове (1889–1952). Источник высказывания о Лифаре установить не удалось.

28. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

29 апреля 1949 г. Ницца

29 апреля 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Вы, значит, лучше меня знаете, чем Надежда Александровна. Нет, я ни с Лифарем, ни без Лифаря в Пушкинский комитет войти не могу. И само собой, от этого комитету ни малейшего ущерба нет. Желая большого успеха. Но все-таки зачем *два* комитета? Я слышал, что образован и комитет под председательством Маклакова. Меня туда не звали, но, если б и пригласили, то я тоже отказался бы. Все же мой зять Яков Борисович <Полонский>, который с семьей гостил здесь, еще сегодня говорил мне, что, насколько он помнит, неприемлемых людей в этом комитете нет. А Вам известно, как Я<ков> Б<орисович> к этому чувствителен. Он говорит только, что в комитете под председательством Маклакова, кажется, вообще нет или почти нет писателей. Это действительно странно, но ведь, верно, не к этому относятся Ваши слова «которое возглавил, к моему удивлению, Маклаков»? Во всяком случае, прошу Вас на меня не гневаться за отказ и очень Вас благодарю за приглашение. Еще раз искренно желаю успеха Вашему комитету (без политики).

Увидим ли мы Вас в Ницце? Очень, очень хотелось бы повидать Вас, Вы и во время пребывания здесь нас посещениями не баловали, однако раза три мы могли побеседовать, и это мне было чрезвычайно приятно.

Шлем Вам оба самый сердечный привет и лучшие пожелания.

29. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

14 октября 1949 г. Париж

53 rue de Ponthieu

Paris 8^e

14/X-1949

Дорогой Марк Александрович

Я очень виноват перед Вами. Простите мне, пожалуйста, мою неаккуратность. Принужден, к стыду своему, просить Вас подождать еще немного возвращения моего Вам долга. Дело в том, что расчеты мои с Е.Ф. Роговским кончились не совсем так, как я ждал. В середине ноября я устраиваю вечер, вернее лекцию¹ (устраиваю с отвращением). Как только наберу немного денег, сейчас же вышлю Вам долг. Надеюсь, что я не очень Вас «подвел» и еще раз прошу простить.

Как Вы живете, дорогой Марк Александрович, и как Ваше здоровье? С искренним удовольствием вспоминаю часы — впрочем, редкие, — проведенные с Вами, и очень жалею, что Вы не в Париже. Здесь мало нового, и я каждую осень неизменно удивляюсь, что наша здесь призрачная жизнь все-таки продолжается. Газета в состоянии предсмертном, но *qui sait*², может и воскреснуть. Надеюсь, что если оживет она в прежнем виде, то уже без меня. Но вероятно, что будут перемены.

У меня к Вам две просьбы. Не от себя лично, а от людей, которые просят меня «замолвить слово» за них перед Вами.

Первый из этих людей — Влад<имир> Серг<еевич> Варшавский, который стесняется сам Вам о своем деле написать. Он закончил свой роман и мечтает о его издании³. Мария Самойл<овна> Цетлина обещала просить Зайцева рекомендовать его в «ИМКУ», но ничего не сделала. Да и надежды на успех мало. Он хочет собрать деньги по предварительной подписке⁴ и уже кое-что сделал в этом отношении во Франции. У него есть тут преданные ему друзья, которые ему помогают. Деньги должны поступать не ему лично (во избежание неизбежных предположений, что он их растратит и ничего не издаст), а лицу, которое он укажет, — вероятно, М.Л. Кантору. Вон он и спрашивает, не могли ли бы ему как-либо помочь в Америке: указать лицо, к которому обратиться, написать кому-нибудь и т. д.? Или Вы считаете это дело для себя неприемлемым и вообще безнадежным? Я откровенно сказал В<ладимиру> Серг<ееви>чу, что не знаю, как Вы к его просьбе отнесетесь. Он пока просит только совета, и всякое Ваше указание будет ему очень ценно.

Второе дело — совсем другого рода. Знаете ли Вы о существовании некоей Евгении Максимовны Клебановой⁵ (Женя для всех ее друзей)? Она долго жила в Париже, была, между прочим, дружна с Ив<аном> Алексеевичем, а теперь живет в Нью-Йорке. Ее родители и сестра были депортированы и погибли в Германии. Думаю, что если Вы лично ее не знаете, то знает ее Татьяна Марковна, и, кстати, просьба о ней исходит от Шляпоберских⁶, у которых я этим летом с Татьяной Марковной играл в бридж.

Женя Клебанова служила во время войны и в первые годы после нее в State Department, в отделе, который позднее был весь распушен. Сейчас у нее иссякают средства, и она хотела бы снова в State Department поступить, предпочтительно в русский отдел. Для этого нужна рекомендация, и лучше всего рекомендация Керенского. Насколько знаю, у Вас сохранились с А.Ф. добрые отношения. Не согласились ли бы Вы, Марк Александрович, ему о ней написать? Женя полностью удовлетворяет обоим условиям, которые, кажется, нужны: лояльность в отношении USA (даже смешная, на мой взгляд, — больше, чем сами американцы, вероятно, ждут) и абсолютная *virginité* по части всего коммунистического. Она вообще милый и верный во всех смыслах человек, и я не взялся бы передавать просьбу о ней, если бы не знал хорошо ее сам. Если Вы Керенскому написать согласны, то можно для простоты послать письмо прямо Клебановой: Ms E. Klebanoff, 338 West 89, NewYork.

Простите, дорогой Марк Александрович, что беру на себя роль ходатая по разным чужим делам. Многие люди ищут Вашей помощи и заступничества, а я не могу им отказать в том, чтобы их просьбы Вам передать, хотя и чувствую, что надоедаю Вам.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать низкий поклон и привет Татьяне Марковне. Хороший город — Ницца, и мне очень жаль, что я с ним расстался. Простите, если где-нибудь у меня вкралось «е» вместо «ѣ». Я пишу по малодушию по той или иной орфографии в зависимости от настроения моих корреспондентов, а для Вас избрал старую, но, вероятно, не без примеси новой.

Ваш Г. Адамович

¹ 18 ноября 1949 г. Адамович читал в помещении Русского музыкального общества за границей устроенную Объединением русских писателей и поэтов лекцию «Судьба и смысл русской литературы».

² кто знает (*фр.*).

³ Речь идет об автобиографической повести Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1978) «Семь лет»; главы из нее печатались в «Новоселье» в 1949–1950 гг., отдельное издание вышло на следующий год (Париж, 1950).

⁴ Подробнее об этом см.: Хазан В. «Семь лет»: история издания. Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом // Новый журнал. 2010. № 258. С. 183–184.

⁵ Клебанова Евгения Максимовна (?–1975) — знакомая Адамовича по Петербургу, затем по Парижу, после войны жила в США, работала клерком в Госдепартаменте, затем в информационных и туристических агентствах.

⁶ Не удалось найти сведений.

30. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

20 октября 1949 г. Ницца

20 октября 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Я уезжал и *только что* вернулся в Ниццу, где застал в числе других писем Ваше от 14-го. Пожалуйста, извините опоздание в ответе. Не волнуйтесь насчет долга, я подожду.

По делу Владимира Сергеевича — я всей душой рад ему помочь. Но как? Разумеется, я буду одним из подписчиков, — сообщите адрес для посылки денег и цену. Однако я не совсем представляю себе, что можно сделать в Америке? Я мог бы указать десяток (не больше) состоятельных людей, которые, быть может, купили бы книгу. Но ведь это гроши, даже если они все пришлют деньги (а ведь обычно только обещают). Человека, который в Америке объезжал бы возможных подписчиков, я не знаю, и едва ли такой найдется. Даже наверное не найдется. Если Вы помните, был один такой случай предварительной подписки на книгу, — биографию Пушкина, которую должен был написать Ходасевич¹. Тогда же в «Посл<едних> новостях» и «Возрождении» было помещено воззвание за подписью Бунина, Маклакова, Коковцева и моей². Там был повод: юбилей Пушкина. Здесь такого повода нет. Если хотите, я напишу А.А. Полякову³ и попрошу его (а через него и книжный магазин «Н<ового> р<усского> слова») дать заметку (анонимную) о предстоящем выходе книги В<ладимира> С<ергееви>ча и о том, что книжный магазин этот принимает подписку. Заранее говорю, что это почти ничего не даст. Русская колония в Америке вообще на покупку книг не тратится, поэтому там нет ни одного русского издателя. Боюсь также, что книжный магазин потребует себе значительную часть платы. Тем не менее, попытаться можно, и я охотно напишу А<лександр>у А<брамови>чу. Сделает ли он, — не знаю.

Второе дело. Я и сам не знаю, каковы *теперь* мои отношения с Керенским. За мой отказ войти в Лигу он, очевидно, на меня гневается. Мы уже около года не обменивались письмами. Но главное, как раз сегодня из письма Якова Борисовича я узнал, что в «Русской мысли» было сообщено, что Керенский в начале октября приехал в Лондон, к своим сыновьям. Мне давно писали из Нью-Йорка, что он собирается в Париж и Лондон. Его адреса лондонского и парижского я не знаю. Советую Вам поступить так: милейший человек Абрам Самойлович Альперин, конечно, увидит Александра Федоровича в первый же день. Обратитесь к нему, — у Вас с ним наверное множество общих знакомых (напр<имер>, М.Л. Кантор, которому, пожалуйста, кланяйтесь). А<брам> С<амойлович> наверное не откажется попросить Керенского. Я лично не знаю Е.М. Клебановой, но мне ее желание не совсем и понятно: если она служила несколько лет в Государственном департаменте, хотя бы и в совершенно другом отделе, то зачем ей Керенский?! Рекомендация того отдела была бы в сто раз лучше. Сомневаюсь, чтобы Гос<ударственный> департамент очень считался с Александром Федоровичем, — во всяком случае,

послужной список и письмо начальника закрывшегося отдела имеют гораздо больше значения. Однако если Альперин откажется просить А<лександра> Ф<едоровича>, то я мог бы написать в Нью-Йорк Я.Гр. Фрумкину⁴, который уж наверное в дружеских отношениях с К<еренским> и теперь. Для этого, очевидно, надо подождать его возвращения в Америку.

Мы оба шлем Вам сердечный привет и самые лучшие пожелания. Мне тоже очень жаль, что мы так мало встречались в Ницце. В Париж мы раньше декабря не будем.

Здоровье все то же, скрипим. А Вы?

Сердечный привет Вл<адимиру> Серг<еевичу>.

¹ Подробно о планах написания биографии Пушкина, истории с подпиской 1935–1936 гг. и отказе Ходасевича от своего замысла см.: В.Ф. Ходасевич и И.Н. Голенищев-Кутузов: Переписка / Публ. Д. Малмстада // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 214–218, 220–222, 243. Там же и текст «воззвания», рассылавшегося гипотетическим подписчикам и опубликованного в парижских газетах.

² Воззвание подписали пять человек: В.Н. Коковцов, В.А. Маклаков, И.А. Бунин, Н.К. Кульман, М.А. Алданов (см.: Возрождение. 1935. 17 янв. № 3515. С. 3).

³ Поляков Александр Абрамович (1879–1971) — юрист, журналист, сотрудник «Биржевых ведомостей» и «Русского слова». С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1922 г. Париже, секретарь (позже заместитель главного редактора) «Последних новостей», с 1940 г. в Нью-Йорке, секретарь «Нового русского слова».

⁴ Фрумкин Яков Григорьевич (1880–1971) — адвокат, общественный деятель, до революции член Партии народной свободы, активный участник Союза для достижения полноправия еврейского народа в России и организаций содействия евреям — депутатам Государственной думы. После революции в эмиграции; после Второй мировой войны жил в Нью-Йорке, возглавлял нью-йоркское отделение еврейской благотворительной организации ХИАС, старый друг А.Ф. Керенского еще по Петербургу.

31. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

14 ноября 1949 г. Париж

14/XI-49

53 rue de Ponthieu

Paris 8^e

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо с ответом насчет Варшавского и Жени Клебановой — и простите, что благодарю Вас с опозданием.

Два слова еще относительно Варшавского. После долгих с ним разговоров мы решили, что самое лучшее было бы составить два «комитета» по распространению его книги. Первый — *très restreint*¹, роль которого свелась бы исключительно к тому, чтобы подписать несколько слов о характере книги и желательности ее появления в печати. Второй — который занялся бы всей деловой сто-

роной предприятия. Подписать первое, чисто литературное обращение могли бы (по нашему с Влад<имиром> Серг<еевичем> идеальному плану) три лица: Вы, Бунин и Маклаков — больше никто. Бунин согласен². Маклаков (с ним говорил М.Л. Кантор) ответил пока уклончиво, но, по-видимому, только потому, что боялся соседства нежелательных лиц; у нас тогда была еще мысль дать 10 или 15 подписей. Думаю, что при Вас и Бунине он отказываться не найдет причин. Значит, остается получить лишь Ваше согласие. Надеюсь, дорогой Марк Александрович, что Вы Вашу подпись дадите. Я знаю, как Вы щепетильны, но поверьте — ничего нет и не будет в этом деле такого, что могло бы с какой-либо стороны быть Вам неприятно. Разумеется, Вл<адимир> Сергеевич пришлет Вам на просмотр макет обращения и заранее принимает все Ваши поправки.

Буду очень благодарен за скорый ответ. Я это дело принимаю близко к сердцу потому, что искренно люблю Варшавского, исключительно достойного и скромного человека, и ценю его писания.

Примите мой сердечный привет и не откажите передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ очень сдержанный (*фр.*).

² Переговоры с Буниным, вероятно, велись при личной встрече. В сохранившейся переписке Адамовича с Буниным следов этих переговоров нет, см.: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 8–164.

32. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

16 ноября 1949 г. Ницца

16 ноября 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Я тоже очень ценю Владимира Сергеевича и его талант и чувствую к нему большую симпатию, — Вы это знаете, я Вам говорил. Текст «воззвания» меня несколько не «пугает», хотя, конечно, я должен был бы его предварительно просмотреть. Если Бунин и Маклаков согласны подписать воззвание, то согласен и я, но при одном *непременном* условии, которое, боюсь, может быть для Вас неприемлемо. Предполагаете ли Вы печатать это «воззвание»? Если да, то я могу согласиться на помещение его ТОЛЬКО в нью-йоркском «Н<овом> р<усском> слове». Ни в одном из печатающихся во Франции изданий я не могу поместить ничего, так как, по нашим обычаям, даже помещение простого обращения, вроде этого, устанавливает какую-то долю политической солидарности с изданием. По-моему, *польза* для подписки на книгу может быть преимущественно от личного обращения к тому или другому покупателю, т. е. от посылки ему обращения за нашими тремя

подписями. Появление обращения в газетах едва ли может способствовать подписке, тем более что редко знаешь, как относится покупатель к тому или другому изданию. Вы мне не сообщили, *что* Вы хотите с обращением сделать. Если дело идет лишь о рассылке обращения состоятельным людям, то я, конечно, рад присоединить свою подпись к подписям Маклакова и Бунина. (В этом случае, Вы понимаете, обращение не может быть послано М. Цетлиной, так как Бунин и я с ней в ссоре). Если же дело идет о *печатаньи*, то я должен просить от Вас *честного слова* в том, что наше обращение будет помещено ТОЛЬКО в «Н<овом> р<усском> слове» Все это сообщаю *доверительно* Вам и Вл<адимиру> С<ергееви>чу.

Как Вы живете? Чем кончилась история в «Р<усских> новостях»?¹

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет.

¹ В ноябре 1949 г. Адамович без каких бы то ни было печатных заявлений прекратил сотрудничество в «Русских новостях» (которые после этого продолжали выходить до 1970 г.). Его последние публикации в газете — статья о книге А. Ремизова «Пляшущий демон» (Адамович Г. Литературные заметки // Русские новости. 1949. 11 нояб. № 232. С. 4) и рецензия на комедию В. Шкваркина (Г. А. «Ночной смотр» (Русский драматический театр) // Русские новости. 1949. 18 нояб. № 233. С. 7).

33. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

*Начало декабря 1949 г. Париж*¹

53 ruedePonthieu

Paris 8^e

Ely 68-88

Дорогой Марк Александрович

Прилагаю проект того обращения о книге В.С. Варшавского, о котором я Вам писал. Согласились ли бы Вы его подписать? Напоминаю, что предполагаются только три подписи — Ваша, Ив<ана> Алекс<ееви>ча и Маклакова. Само собой разумеется, что любые изменения или поправки Ваши в тексте принимаются без рассуждений.

A part cela², мне очень бы хотелось Вас видеть, но Вы, вероятно, дорожите своим парижским временем и рассчитываете каждый час. Кажется, мы должны встретиться в пятницу у Рубинштейнов?³ Был бы очень рад, если б это было так.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Г. Адамович

P.S. Конечно, было бы правильнее, чтобы Варшавский обратился бы к Вам сам, а не через меня. Я это ему и советовал. Но он болезненно застенчив и все боится, что он не то скажет или не так выразится.

¹ Датируется предположительно по содержанию.

² Кроме того (*фр.*).

³ *Рубинштейн* Яков Львович (1879–1963) — адвокат, общественный деятель, после революции в эмиграции в Париже, один из руководителей Земгора, один из генеральных секретарей Лиги Наций, член правления Нансеновского офиса Лиги Наций по делам беженцев, с 1936 г. председатель Совета общественных организаций в эмигрантском комитете в Женеве, после войны председатель Объединения русских адвокатов во Франции.

34. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

9 декабря 1949 г. Париж

9 декабря 1949

Дорогой Георгий Викторович.

Ведь Вы получили мое довольно длинное письмо из Ниццы по делу В.С. Варшавского? Я Вам писал, что охотно подпишу воззвание с Маклаковым и Буниным *при условии*, что оно нигде не появится в печати, кроме «Н<ового> р<усского> слова». Вы на это не отвечаете. Если это условие для Вас приемлемо, то, разумеется, я рад подписать прилагаемый текст Ваш и никаких поправок не имею. Боюсь только, что это ровно ничего Владимиру Сергеевичу не даст.

Мне тоже очень хотелось бы повидать Вас. Мы встречаемся у Рубинштейна во вторник 13-го.

Шлю сердечный привет.

35. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

16 февраля 1950 г. Оксфорд

16/II-1950

Wellington Hotel

2, Wellington Square

Oxford

Дорогой Марк Александрович

Шлю Татьяне Марковне и Вам искренний привет из Оксфорда. Je fais lanavette¹ между этим очаровательным городом и Манчестером², который очарователен значительно менее. Если у Вас были бы какие-нибудь поручения в Лондоне, я с удовольствием все исполню. Буду там, вероятно, раза два. До Вас, вероятно, доходят слухи о многотрудных родах новой парижской газеты³. Я уехал, когда все еще висело в воздухе — и, кажется, так оно и висит по сей день. Мне пишут, что наш экс-патрон⁴ собирается вложить в дело свой собственный миллион и бодро про-

должать свою линию. Если это так, положение осложняется. Но сами пишущие не очень верят такой щедрости — и считают, что дни «Р<усских> н<овостей>» сочтены⁵.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Надеюсь быть в Париже 15 марта. По возвращении я Вам напишу. Это «турне» немножко поправит мои финансовые дела. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Я курсирую (*фр.*).

² В 1950 г. Адамович приезжал в Англию с лекциями, а в следующем году по рекомендации Б.И. Элькина получил место лектора в Манчестерском университете, где преподавал русский язык и литературу до 1960 г.

³ Разговоры о проекте новой парижской газеты, на которую обещал дать деньги М.Н. Павловский, тянулись в эмиграции на протяжении нескольких месяцев, с лета 1949 г. до осени 1950 г., обсуждались кандидатуры редакторов (в частности, кандидатуры Г.В. Адамовича, А.В. Бахраха, Дон-Аминадо), но дело так ничем и не кончилось.

⁴ Имеется в виду *Ступницкий* Арсений Федорович (1893–1951) — журналист, юрист, участник Белого движения. В эмиграции жил в Париже, сотрудник редакции газеты «Последние новости», после Второй мировой войны близок к движению советских патриотов, редактор газеты «Русские новости» (в 1945–1951).

⁵ 8 февраля 1946 г. Адамович писал А.В. Бахраху: «Теперь — относительно газеты. Я не совсем понял Ваше отчаяние, которым полно первое Ваше письмо. Пусть “Русс<кие> нов<ости>” лопнут хоть завтра — перерыв не так страшен, а он не может длиться очень долго. Завтра “Р<усские> н<овости>” все-таки не лопнут. Я говорил это Зелюку, и он со мной соглашался: одна-две недели перерыва не только не вредны, но даже желательны. (Михельсон с этим, кажется, не согласен, а по-моему, так лучше). Но вообще-то Михельсон прав: Зелюк Вас пугает и морочит Вам голову. <...> Боюсь, что газета вообще может преждевременно скончаться из-за всех этих глупых склок» (BAR. Coll. Bacherac).

36. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

19 февраля 1950 г. Париж

19 февраля 1950

Дорогой Георгий Викторович.

Спасибо за письмо. Оксфорд — очаровательный город, я его знаю. Довольны ли Вы работой? Пожалуйста, *очень* кланяйтесь С.А. Коновалову¹. Вдруг я в апреле — мае съезжу в Англию, — тогда, конечно, у него буду. В Ницце я зашел к нему «с обратным визитом», хотел познакомиться с его супругой, но они накануне уехали. Не забудьте ему это сказать.

Никаких поручений у меня нет, благодарю Вас. Но отчет же Вам не зайти или не позвонить моим родным, которых Вы знаете. Их адрес: [пропуск в машинописи для вписывания адреса]

О миллионе Ступницкого я не слышал. А вот и от Кусковой, и от Маклакова, и от Кантора слышу, что Вы будете редактором новой газеты. Вчера получил от Михаила Львовича приглашение в ней сотрудничать. Вчера же его отклонил по причинам, которые Вы знаете или о которых догадываетесь. Не знаю, согласились ли Екатерина Дмитриевна и Василий Алексеевич. Во всяком случае, я искренно рад, что будет *другая* газета, и желаю успеха. Ради Бога, тотчас, в первой же передовой статье, сожгите то, чему поклонялись — если не Вы, то экс-патрон. Но сожгите так, чтобы всем было ясно: сожжено все, пепел развеян, началась новая страница. Тогда я хоть *читать* буду с удовольствием. Догадываюсь, впрочем, что Вы ничего не сожжете, а будут те придаточные предложения, о которых мы с Вами в Ницце говорили. *Очень* хотел бы в этом ошибиться. А как я Ваш талант и ум почитаю, — Вы давно знаете.

Татьяна Марковна и я шлем сердечный привет.

Кстати, отчего бы Вам не пригласить в сотрудники по музыкальной части Л.Л. Сабанеева?² Ему очень хочется писать, и человек он компетентный и даровитый.

¹ Коновалов Сергей Александрович (1899–1982) — русист, историк, профессор Бирмингемского (с 1927 г.), затем Оксфордского университета (с 1929 г.), редактор «Oxford Slavonic Papers».

² Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968) — музыковед, композитор. С 1926 г. в эмиграции во Франции, преподаватель Русской консерватории им. С.В. Рахманинова, сотрудник «Современных записок» и «Нового журнала».

37. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

13 марта 1952 г. Манчестер

13/III-52

c/o Mrs Davies

104, Ladybarn Road

Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Я случайно в здешней университетской библиотеке нашел Вашу книгу «Огонь и дым»¹ — которую, представьте себе, никогда не читал! — и прочел ее с таким интересом и увлеченностью, что захотелось Вам написать. Особенно — о славянофилах и их «родстве» с большевиками². Это то, что давно меня занимает, а у Вас я нашел многое в объяснение моих личных догадок или соображений. Да и все вообще так интересно, что я удивлялся — как это я раньше этой книги Вашей не знал!

А кроме того, я вспоминал о Вас по другим, тоже литературным причинам. Вы летом мне в Ницце говорили, что Чехов лучше Тургенева — а я протестовал слабо, плохо Тургенева помня. Но вот теперь я перечел «Отцы и дети», и мне захотелось

протестовать уже иначе. C'est très fort³, и, по-моему, никогда Чехову до этого не дописаться бы. Что Толстой над «О<тцами> и д<етьми>» заснул⁴ — это я, пожалуй, понимаю. Для него все в них было — мимо. Но вообще-то, это, по-моему, вещь замечательная и более сложная, чем все другое у Тургенева. Если Базаров и говорит глупости, то по вине эпохи. А там, где он сам по себе, — он очень умен и как-то странно современен. Зато «Дым» — удручительно, даже в любовной части, которая когда-то очень мне нравилась.

Простите, Марк Александрович, за это непрошеное литературное рассуждение. Когда читаешь чью-либо книгу, хочется с автором поговорить (не всегда, конечно, и не все книги). Значит, отчасти и сами того не зная, Вы меня на разговор вызвали.

Я летом собираюсь быть в Ницце, месяца на два. Надеюсь на встречи в Café de Lyon. Здесь я — до конца мая, с перерывом на Пасху. Город мрачный, вечерами я сижу один и греюсь у печки, но есть в этом и что-то хорошее, «пора подумать о душе».

Крепко жму Вашу руку и прошу передать сердечный привет и поклон Татьяне Марковне.

Искренне Ваш

Г. Адамович

¹ Книга представляла собой сборник «этюдов» о французской и русской революциях, Эрхе Людендорфе и Жорже Клемансо (Алданов М. Огонь и дым. Париж: Франко-русская печать, 1922).

² Имеется в виду следующее рассуждение Алданова: «Куда же пристегнет историк большевиков в смысле теории? Да скорее всего, к их антиподам, — к славянофилам. Последнее родство у нас в общественное самосознание не проникает. В силу чисто внешних “акцидентий” нам трудно привыкнуть к мысли, что Ленин и Троцкий, хотя бы отчасти, являются духовными наследниками Киреевских и Аксаковых. Конечно, внешние признаки говорят против такого сравнения. И социальная структура большевизма совершенно отлична от славянофильской, и Троцкий сам по себе, разумеется, нисколько не похож на Киреевского. *Словесность, мундир, обряды* у славянофилов были другие. Константин Аксаков не носил красной повязки. Он носил русскую (по словам специалистов, впрочем, персидскую) мурмолку и зипун 17 столетия, “сшитый французским портным”. Славянофилы пили шампанское, разбавляя его квасом. В советской России пьют денатурат, ничем его не разбавляя. Тогда в Москве был Третий Рим (“Москва есть Третий Рим, а четвертому не бывать”). Теперь в Москве Третий интернационал (четвертому, конечно, тоже не бывать). Не об этом и речь. За различием *акцидентий* не должно просмотреть поразительное местами сходство *субстанций*: большевики оказались чрезвычайно злой сатирой на славянофилов» (Алданов М. Огонь и дым. С. 105–106).

³ Это очень сильно (*фр.*).

⁴ Этот исторический анекдот вряд ли достоверен. Ссора И.С. Тургенева с Л.Н. Толстым произошла 27 мая 1861 г. в имении Фета Степановка и была вызвана, по воспоминаниям Фета, совсем другими причинами, после чего оба писателя не встречались на протяжении 17 лет.

38. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

19 марта 1952 г. Ницца

19 марта 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Очень Вы меня обрадовали письмом. Я просто смущен тем, что Вы пишете о моей книге «Огонь и дым», о которой я и думать забыл, не заглядывал в нее, верно, лет двадцать пять. Я в свои старые книги вообще заглядываю редко, кроме «Истоков», — эту книгу я люблю. Только что, например, в Англии вышла моя старая книга «Ключ» — «Бегство» (в Америке и теперь в Англии оба романа идут в одном томе, под заглавием «The Escape»¹). Пока я прочел только одну (холодную) рецензию в «Таймс». Судя по ней (хотя по одной рецензии судить, конечно, нельзя), роман успеха в Англии иметь не будет. Напротив, «Истоки» («Before the Deluge») имели немалый успех, были выбраны «Book Society», и пресса была очень хороша. Я подумал, что англичане правы. Я этот роман («Ключ» — «Бегство») начал как роман уголовный, имея в виду роман «символический», — где же иностранному читателю в этом разобраться (да и идея была сомнительная).

Если память мне не изменяет, я в нашем разговоре о Тургеневе именно выделил «Отцы и дети» как книгу очень талантливую и превосходную. Во всяком случае, Ивану Алексеевичу я еще не так давно писал, что, по-моему, у Тургенева самое лучшее: «Отцы и дети», «Поездка в Полесье» и «Старые портреты». Помните ли Вы «Старые портреты»? Это маленький шедевр. Все остальное неизмеримо хуже, особенно «Дым», «Накануне», «Новь». В юности мне чрезвычайно нравились «Вешние воды». И напрасно.

Мы оба чрезвычайно рады тому, что Вы летом приедете в Ниццу, и надолго. Надеемся, что это Ваше твердое решение? Каковы вообще Ваши планы? Я не знаю, получили ли Вы *постоянное* место в Манчестере или только временное? Где Ваша сестра? Недавно Яновский в письме просил меня Вам кланяться. Я должен был ему ответить, что мне и Ваш адрес неизвестен.

Имеете ли известия из Парижа? Правда ли, что Георгий Иванов очень болен? Есть ли еще литературная жизнь у эмигрантов? Пожалуйста, напишите о себе. О чем Вы читаете лекции? Много ли слушателей? Имеете ли (без «скромности») успех.

О «душе» же действительно пора подумать. Мое «думанье» о ней выражается преимущественно в той самой философской книге. Написав ее до половины по-французски, я вдруг передумал: стал писать с самого начала по-русски. Две причины: 1) Кое-что из того, что я хотел сказать, иностранцам и не очень интересно, — если вообще интересно в ней что бы то ни было, 2) Как ни странно, быть может, русского издателя мне будет для этой книги легче найти, чем французского: по-русски кто-либо издаст в случае моей смерти². Впрочем, после того известного Вам неудачного опыта я больше французского издателя не искал. Еще много надо поработать. Другого сейчас у меня ничего нет. Моя «Повесть о Смерти» кончена и начнет печататься в «Новом журнале» с ближайшей книги³.

Мако довольно тяжело болен (сердце очень не в порядке, да и другое), он уже с полгода не выходит.

Через месяц мы собираемся в Париж. Когда Вы там будете точно?

Оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания. А я еще очень благодарю за добрые слова и за то, что вспомнили.

Ваш М. Алданов

¹ *Aldanov M. The Escape.* N. Y.: Charles Scribners's Sons, 1950.

² Так долго ждать не пришлось, книга была опубликована уже в следующем году: *Алданов М. Ульмская ночь: Философия случая.* Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

³ Журнальный вариант печатался на протяжении двух лет: *Алданов М. Повесть о смерти* // *Новый журнал.* 1952. № 28–31; 1953. № 32–33. Отдельное русское издание появилось много лет спустя после смерти автора (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969).

39. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

2 мая 1952 г. Манчестер

2/V-52

104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Благодарю Вас за письмо, и простите, что не могу ответить на вопросы, которые в нем были. Бумаги мои остались в Париже, где я провел две недели на Пасхе. А о чем Вы меня спрашивали — не могу вспомнить. Думаю, что ничего важного не было, иначе я помнил бы, да и ответил бы вовремя.

Сегодня я пишу Вам по делу. Дело касается не меня, а приятеля моего — П.С. Ставрова.

Если я обращаюсь за советом к Вам, то потому, что уверен, что только Вы и можете мне его дать.

Несколько времени тому назад Ставров послал рукопись на просмотр в Чеховск<ое> изд<ательст>во. Рукопись вернулась с отказом, не вполне категорическим, но, по-видимому, надежды не оставляющим (я письма не видал, было оно от В. Александровой¹). Обескуражило это Ставрова до крайности. С неделю назад я получил от него письмо, где он просит помочь ему, написать о нем статью в «Нов<ом> р<усском> слове» и что-либо придумать с целью добиться успеха.

Мне не хочется сделать то, что было бы самое простое и естественное: ответить, что я бессилен и помочь ему не могу. Он — человек больной, положение его в материальном отношении трудное и т. д.

Но к Чеховскому изд<ательст>ву я действительно никакого отношения не имею, никого там и не знаю. Писать им, тем более о ком-либо просить, что-либо

им предлагать — было бы с моей стороны глупо: почему — скажут они — я вообразил, что мое суждение имеет какой-либо «вес»?

Статья в «Нов<ом> русск<ом> слове»? Никакого значения она не имела бы. Да я и не могу написать такой статьи, какой Ставров, несомненно, ждал бы, имея в виду цель ее. Об этом я откровенно написал ему. Да и повода для статьи ведь нет².

Все это я пишу Вам, дорогой Марк Александрович, с единственной целью: спросить Вас, можно ли, по Вашему, что-нибудь сделать, и если да, то что именно?

Я Вас ни о чем не прошу, не думайте, что у меня есть эта скрытая мысль. Уверен, что Вам с такими просьбами надоедают и что удовольствия от них для Вас мало. Но если можно, дайте мне совет и скажите, безнадежно ли, по Вашему, это дело или не совсем.

Пишу Вам в Ниццу, хотя слышал, что Вы сейчас в Париже. Я здесь до конца мая.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать поклон и сердечный привет Татьяне Марковне.

Преданный Вам

Г. Адамович

¹ Александрова Вера Александровна (урожд. Мордвинова; 1895–1966) — критик, литературовед, публицист. В январе 1922 г. эмигрировала с мужем С.М. Шварцем (1883–1973) из Москвы в Берлин, в 1933 г. переехала в Париж, с 1940 г. в США, сотрудник редакции журнала «Америка» (1946–1948), главный редактор Издательства имени Чехова (1952–1956).

² Вскоре Адамович все же отозвался о Ставрове в «Новом русском слове», но не в персональной статье, а в обзоре эмигрантской прозы «незамеченного поколения», упомянув его в одном ряду с В.В. Набоковым, В.С. Яновским, В.С. Варшавским, Ю. Фельзенем и др.: Адамович Г. Герои нашего времени // Новое русское слово. 1952. 9 нояб. № 14806. С. 8.

40. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

8 мая 1952 г. Париж

8 мая 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Я не вижу, как Вы или я могли бы быть полезны Ставрову. Насколько мне известно, порядок в Чеховском издательстве таков: Александрова читает рукопись, делает доклад Вредену¹, который, кажется, после нее тоже рукопись читает или просматривает, а затем, по его докладу, решение принимается на заседании американского комитета. Если Ставрову рукопись *вернули*, то, по-моему, это решение окончательное: некоторым другим авторам они написали, что, быть может, возьмут их книгу позднее, не в этом году, — и спрашивали их, желают ли они, чтобы им рукопись была при этих условиях возвращена.

Но если б я и думал, что какая-то надежда на принятие книги Ставрова есть, я все же писать о нем Вредену или Александровой никак не мог бы: я им «реко-

мендовал» девять авторов, смертельно им надоел, — и три мои «рекомендации» не имели успеха. Больше ни о ком я поэтому им писать не могу.

Не совсем понял то, что Вы пишете о статье Вашей в «Н<овом> р<усском> слове». Возможно, что редакция ее напечатает, хотя они в свое время очень меня ругали за подпись в «коллективном письме» о Ставрове (действительно, письмо было странное, а *что* мне писал о нем Иван Алексеевич, лучше не передавать²). Но если Вашу статью и напечатают при отсутствии для нее повода (они Вас чрезвычайно любят и почитают), то какое же это отношение имеет к издательству! Ни Вреден, ни тем более американские члены Комитета, не знающие по-русски, русских газет не читают. Если решение уже принято (а это весьма вероятно), то его ничто не изменит. Впрочем, попробуйте. Все это пишу Вам конфиденциально. Не знаю, идет ли дело о той же книге Ставрова, по поводу которой мы подписали то воззвание?

Мы вернемся в Ниццу около 1 июня. Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам сердечный привет и лучшие пожелания. Здоровья Вам.

¹ *Вреден* Николай Романович (1901–1955) — кадет Императорского военно-морского училища в Петрограде, участник Белого движения в армии Юденича. В эмиграции в США с 1920 г., с 1939 г. управляющий книжным магазином Скрибнеров в Нью-Йорке, в 1944–1955 гг. главный редактор (позже вице-президент и член совета директоров) нью-йоркского издательства Даттона (E.P. Dutton), директор Издательства имени Чехова со времени его основания в 1951 г. Вреден долгое время выступал в качестве литературного агента Алданова в Великобритании и США и переводчика его произведений на английский язык.

² Ни в одну из нескольких вышедших публикаций переписки И.А. Бунина с М.А. Алдановым (печатавшейся во всех случаях с большими купюрами или вообще отдельными фрагментами) этот отзыв И.А. Бунина о П.С. Ставрове не включен; см.: *Fedoulova R. Lettres d'Ivan Bunin à Mark Aldanov // Cahiers du monde russe et soviétique*. 1981. № 22. P. 471–488; 1982. № 23. P. 469–500; Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / Публ. А. Зверса // *Новый журнал*. 1983. № 150. С. 159–191; № 152. С. 153–191; № 153. С. 134–172; 1984. № 154. С. 97–108; № 155. С. 131–146; № 156. С. 141–163; «Этому человеку я верю больше всех на земле»: Из переписки И.А. Бунина и М.А. Алданова / Вступ., публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева // *Октябрь*. 1996. № 3. С. 115–156.

41. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

28 июня 1952 г. Париж

28/VI-52
53, rue de Ponthieu
Paris 8

Дорогой Марк Александрович

Любовь Александровна <Полонская> сообщила мне о письме Шварца¹ к Вам (и прочла по телефону несколько строк из Вашего письма). Помимо того, я только

что получил открытку от Даманской² с сообщением об «ответе» Шварца и с советами, что лучше всего было бы в изд<ательст>во предложить!

Я не могу на нее сердиться — потому что, вероятно, в ее действиях не было никаких дурных помыслов. Было, м. б., желание продемонстрировать свою влияние и свое право покровительствовать молодежи, только и всего.

Видел я Авг<усту> Фил<иппов>ну в присутствии Любовь Александровны и по своей рассеянности думал, что, м. б., в ответ на ее уговоры или даже предложение написать Александровой только неопределенно что-нибудь «промычал» (это было бы возможно и дало бы А<вгусте> Ф<илипповне> основание считать, что я с ней согласен). Но Любовь Александровна утверждает, что разговор наш хорошо помнит и что я никаких намеков на согласие не делал. Значит, все это выдумка Даманской, без малейшего и хотя бы невольного моего участия. В таком духе я ей и отвечаю: спасибо, но занимайтесь впредь своими делами, а не моими!³

Единственное, что мне неприятно, это то, что Шварц и Александрова могут думать, что инициатива моя. Если будет случай, дорогой Марк Александрович, будьте добры, сообщите им, как обстоит дело. Глупо во всей этой истории то, что Д<аманская>, по-видимому, написала, что «Адамович боится отказа»: значит, я будто бы считаю себя столь важной особой, для которой отказ недопустим!

Вот это-то я и хотел бы опровергнуть: ничего я не боюсь, ничего не жду, ничего не предлагаю, а, как говорят, кажется, в Одессе, «сизу и не рыпаюсь».

Благодарю Вас очень, что сообщили об этом происшествии. Удивительный человек Даманская, не знаешь, чего от нее можно ждать!

Надеюсь быть недели через 2–2½ в Ницце. Любовь Александровна <Полонская> как будто еще колеблется, ехать ей туда или нет. По-моему, ей все-таки будет там лучше, чем где бы то ни было — и во всяком случае лучше, чем в Париже одной.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. Адамович

¹ Шварц Соломон Меерович (урожд. Монозон; 1883–1973) — общественный и политический деятель, революционер, большевик, с 1907 г. меньшевик, литератор. В январе 1922 г. выслан из России, жил в Берлине, член Заграничной делегации РСДРП, редактор «Социалистического вестника». С 1933 г. в Париже, с 1940 г. в Нью-Йорке, профессор Новой школы социальных исследований (New School for Social Research), с 1970 г. в Иерусалиме. Муж В.А. Александровой.

² Даманская Августа Филипповна (урожд. Вейсман; 1875–1959) — писательница, переводчица, журналистка. В эмиграции с 1920 г., сначала в Эстонии, затем в Париже, сотрудница «Последних новостей». Часто публиковалась под псевдонимом Арсений Мерич. Открытка Даманской вместе со всеми остальными ее посланиями Адамовичу не сохранилась. В бумагах Даманской сохранились 14 писем Адамовича 1947–1957 гг. (BAR. Coll. Damanskaia), но никаких упоминаний об этой открытке и инциденте в целом в этих письмах нет.

³ 20 июля 1952 г. Адамович писал об этом А.В. Бахраху: «С Чех<овским> изд<ательст>-вом у меня вышла история: Даманская, никого не спросив, решила покровительствовать молодежи и спросила их, не издадут ли они сборник моих старых статей. Они об этом запросили Алданова (“почему Ад<амович> действует через третьих лиц?”), в 7 ч<асов> утра мне об этом телефонировала Полонская, я написал Даманской, что она дура, и Даманская ответила мне афоризмом: “Я огорчена, что Вы огорчены”» (BAR. Coll. Bacherac).

42. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

2 июля 1952 г. Ницца

2 июля 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Вы напрасно огорчены: эта небольшая история с Даманской не имеет значения. Я напишу Шварцу (как Вы этого хотите), что Вы тут ни при чем.

Не решаюсь Вам советовать, но думаю, что Вы могли бы «официально» предложить издательству книгу об эмигрантской литературе. Я думаю, что Вам ведь легко ее написать, а платят они прекрасно. Насколько мне известно, они принимают книгу и заключают договор (с авансом) лишь по представлении половины рукописи (для Маклакова сделали исключение и на днях подписали с ним договор, хотя он представил много меньше половины¹). Но обычно авторы их запрашивают сначала «в принципе»: склонны ли Вы были бы напечатать такую-то книгу? Положительный ответ почти ни к чему издательство (да и автора) не обязывает. Однако и он имеет значение. Там сидят люди очень порядочные, и если им такая-то книга и «в принципе» кажется неподходящей или если их программа перегружена, то они так и отвечают, чтобы не вводить писателя в заблуждение.

К большому и приятному моему удивлению, некоторые книги продаются у них отлично. Лучше всего «Тайга» Максимова², — готовится второе издание! Прекрасно идет и «Жизнь Арсеньева»³. По совести, я не надеялся на денежный успех издательства. Очевидно, в самом деле там появился *новый* читатель! Почему же его нет в Европе? Ю.П. Трубецкой⁴ пишет мне, что в Германии ди-пи книг не покупают. Русский «рынок» во Франции мы знаем.

Мы оба очень надеемся, что Вы тотчас дадите о себе знать, когда приедете в Ниццу. До того шлем Вам самый сердечный привет.

¹ Книга вышла через два года: *Маклаков В.А. Из воспоминаний*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.

² *Максимов С. Тайга*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. О Сергее Сергеевиче Максимова (наст. фам. Пасхин; 1916–1967) см. цикл статей Андрея Любимова в «Новом журнале» (2007. № 246; 2008. № 250; 2009. № 254–257).

³ *Бунин И. Жизнь Арсеньева: Юность*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

⁴ *Трубецкой Юрий Павлович* (наст. фам. Нольден; 1898–1974) — поэт, прозаик, литературный критик. В 1930-е гг. подвергался репрессиям (отбывал заключение в лагере). С середины 1940-х гг. жил в Германии. Подробно о нем см.: *Хазан В. «Но разве это было все на самом деле?»: (Комментарий к одной литературно-биографической мистификации) // A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes / Ed. by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006. С. 464–489.*

43. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

7 октября 1952 г. Манчестер

7/X-1952

c/o Mrs Davies

104, Ladybarn Road

Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Шлю сердечный привет из Манчестера, где все как обычно: дожди, мгла и холод. С грустью вспоминаю Ниццу и завидую Вам. Кстати, Вы ведь были и в Италии, куда я всю жизнь собираюсь поехать и где все еще не был. Чем я становлюсь старше, тем все чувствительней к солнцу, а судьба уводит меня от него все дальше.

В Париже я был недолго, видел Любовь Александровну <Полонскую>, был у Буниных¹. Получил недавно из Нью-Йорка письмо от Яновского², который между прочим сообщает, что видел Александрову (до ее болезни), счел нужным заговорить с ней обо мне и в ответ услышал жалобу, что «Ад<амович>ч все подсылает к нам ходатаев». Ну как и где мне доказать, что никогда я никого не «подсылал», а страдаю от излишней услужливости друзей?! Но это — пустяки. А вот что меня заинтересовало:

«Здесь оживление. Цетлинша с Гринбергом собираются издавать журнал с участием лучших сил. Редакторами предполагаются Иваск, Пастухов и Глинка»³.

Что это? И что Вы об этом думаете? Пастухова⁴ я знаю. Это — пианист с литературными поползновениями, когда-то писавший стихи. Но кто Глинка?⁵

Видел (и завтракал с ним) А.А. Полякова⁶, который не то что изменился, а как-то осел и притих (написал «осел» и вздохнул о старой орфографии: плохо выходит по новой!). Ратнер⁷ пытался с ним встретиться, но тщетно.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович приехал из Манчестера в Париж 14 сентября 1952 г. и обедал у Полонских 17 сентября, см. его письмо А.В. Бахраху от 18 сентября 1952 г. (BAR. Coll. Bacherac). В конце сентября уехал в Ниццу, так что визит к Буниным мог состояться только в последней декаде.

² Письмо Яновского не сохранилось, но сохранилось ответное послание Адамовича от 7 октября 1952 г., в котором он писал: «Обо мне Вы с Александровой говорили напрасно! Без моего согласия и спросу с ней обо мне говорило уже несколько человек (Даманская даже писала!), и она по-своему права думать, что я кого-то “подсылаю”. Но видит Бог, никого я к ней не подсылал. В результате всех этих историй летом я по совету Алданова (получившего на эту тему письмо от Шварца) написал в Чех<овское> из<дательство>во в том духе, что не желают ли они, мол, от меня книги, например о литературе в эмиграции. Ответила Терентьева в том смысле, что why not [почему нет? (англ.)] На этом пока дело и кончилось. Я кое-что напишу и пошлю им “на пробу”» (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1).

³ По всей вероятности, Адамович приводит цитату из того же несохранившегося письма В.С. Яновского.

⁴ *Пастухов* Всеволод Леонидович (1894–1967) — пианист, музыкальный деятель, поэт, прозаик. Молодость провел в Петербурге, посещал «Бродячую собаку» и «Привал комедиантов», был знаком с М.А. Кузминым, Г.В. Адамовичем, Г.В. Ивановым и др. С 1921 г. в эмиграции в Риге, создатель и руководитель музыкальной школы, после Второй мировой войны в США, в 1953–1954 гг. совместно с Р.Н. Гринбергом редактировал первые три номера журнала «Опыты».

⁵ *Глинка* Глеб Александрович (1903–1989) — поэт, прозаик, литературовед. В 1925 г. окончил Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова. Участник литературной группы «Перевал». В 1941 г. ушел на фронт, попал в плен, содержался в концентрационных лагерях. После войны жил в Брюсселе, затем в Нью-Йорке, сотрудничал в «Новом журнале».

⁶ В сентябре 1952 г. А.А. Поляков приезжал из Нью-Йорка в Париж, где, в частности, виделся с Адамовичем, предложившим ему встретиться в письме от 17 сентября 1952 г.: «Мне было бы правда очень жаль, если бы Вы уехали, не повидавшись со мной. Вы, вероятно, бываете в городе. Назначьте любое время и любое место: я всегда могу освободиться и прийти» (BAR. Coll. Poliakov. Box 1. Folder 1). 1 ноября 1952 г. Адамович уже из Манчестера писал в Нью-Йорк А.А. Полякову: «Ваш парижский визит был действительно мимолетен. По крайней мере, для меня. Вероятно, осталось у вас такое впечатление, будто Вы побывали на пепелище, — не Парижа вообще, но нашего русского Парижа. Я лично на этом пепелище хотел бы и дожить свою жизнь» (BAR. Coll. Poliakov. Box 1. Folder 1).

⁷ *Ратнер* Евсей Владимирович (1905–1970) — журналист, после революции в эмиграции в Париже, сотрудник «Последних новостей», после войны — «Русских новостей».

44. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

13 октября 1952 г. Ницца

13 октября 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Извините, что немного задержался с ответом на Ваше письмо от 7-го. Меня поразила по-настоящему внезапная кончина Тэффи¹, с которой мы были в тесной дружбе несколько десятилетий. Я вернулся из Италии после очень приятной поездки, в самом лучшем настроении духа — и нашел на столе краткое сообщение о том, что она скончалась.

О журнале Цетлиной — Гринберга я ничего не слышал, — узнал из Вашего письма и из письма Любови Александровны <Полонской>, которой Вы это сказали. Кто такой Глинка, мне тоже неизвестно, — вероятно, какой-нибудь литератор ди-пи. Пастухова я раз в жизни встретил в Нью-Йорке, с Иваском не встречался, кажется, никогда. Выбор редакторов действительно неожиданный, — если в журнале будут, как Вам пишет Яновский, участвовать «лучшие силы» (?), то и редакторов могли бы выбрать поизвестнее? Доказывает же появление нового журнала лишний раз то, что Цетлина, выставленная Карповичем из его издания, а другими из Литературного фонда и из «Надежды»², умирала от скуки и безделья³. «Дай Бог

поболее журналов», — но не думаю, чтобы этот расплодил читателей и мог составить конкуренцию «Новому журналу»⁴. Желаю ему успеха.

Действительно, давно было бы Вам пора съездить в Италию, благо из Ниццы так близко и недорого. Вот для Вас еще основание скоро снова приехать в Ниццу (чего бы мне — и не мне одному — очень хотелось). Мы с Лялей [А.Я. Полонским] были в Венеции, Флоренции, Неаполе и на Капри. Я в Италии был раз десять, в Венецию до первой войны приезжал чуть ли не каждый год, но на Капри не был никогда. Не без труда разыскал тот дом, где жил Ленин, где была его школа пропагандистов⁵ и откуда «все пошло». Остров необыкновенно красивый, но и необыкновенно мрачный (и скучный), — я написал Ивану Алексеичу, что удивляюсь и Тиберию, и ему: как он мог там жить по несколько месяцев в год! В Неаполе Ляля мне сказал, что его знаменитая бухта не так красива, как Ниццкая, и, по совести, я не уверен, что он неправ. Вдобавок с той поры, как я в последний раз в Неаполе был, Везувий «потух». Тогда он еще дымился и по вечерам сверкало пламя. Помоему, самый прекрасный город Италии — это Венеция, — у меня, очевидно, банальный вкус. На конгрессе⁶ встретил там много писателей, познакомился с некоторыми английскими, — кого прежде не знал. Конгресс был скучноватый, да я и приехал только к его концу.

Пишете ли Вы уже эту книгу для Чеховского издательства?⁷ Надеюсь, хоть начали? Мы оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

¹ Тэффи скончалась 6 октября 1952 года в 4 часа дня. Через несколько дней Адамович опубликовал некролог «Памяти Тэффи» (Новое русское слово. 1952. 17 окт. № 14783. С. 8).

² Эмигрантское общество взаимопомощи «Надежда», действовавшее в Нью-Йорке.

³ Алданов довольно точно указывает первопричину появления «Опытов». В 1952 г. «Новый журнал» получил долгосрочную субсидию от Фонда Форда, и М.С. Цетлина, которая на протяжении десяти первых лет существования «Нового журнала» давала деньги на его издание, а также вела финансовые дела редакции, в сложившейся ситуации стала не нужна и принялась придумывать себе новое занятие. В относящемся к тому же 1952 г. недатированном письме Иваск сообщил Адамовичу: «Как-то летом Мария Самойловна написала мне, что очень скучает от ничегонеделанья: Просит ее занять каким-нибудь литературным предприятием» (Amherst Center for Russian Culture, Amherst College, Amherst, Massachusetts (далее — Amherst). Yurii Ivask Papers).

⁴ Непростую историю издания, а также особенности рецепции его в эмигрантской среде см.: Коростелев О.А. «Опыты» в отзывах современников // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 3–46.

⁵ Партийная школа, основанная на Капри одной из фракций РСДРП, действовала в августе – декабре 1909 г. В.И. Ленин относился к ее деятельности негативно (сам он приезжал на Капри дважды — в 1908 и 1910 гг.).

⁶ Не удалось найти сведений.

⁷ О перспективах написания и выхода книги, затянувшихся на три года, см. в переиздании послесловие «Подведение итогов (книга Адамовича «Одиночество и свобода» в его переписке с друзьями)», а также приложение: «“Простите, что пишу Вам по делу...”: Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955)» (Адамович Г.В. Собр. соч.: Одиночество и свобода / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 2002. С. 309–322; 323–346).

45. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

20 октября 1952 г. Манчестер

20/X-52
с/o Mrs Davies
104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Очень рад был Вашему письму. Спасибо. Вы говорите, что ничего не знаете о предполагающемся в Нью-Йорке новом журнале. На днях я получил письмо от Вл.С. Варшавского, — и делаю из него цитату, не меняя ни слова. (Отчасти по соображениям корыстным, т. к. хочу просить у Вас совета и мнения.)

«Здесь затевается новый журнал, толстый, в 300 стр. Устроительница — М.С. Цетлина. Редакция — Р.Н. Гринберг, Иваск, Глинка и еще кто-то, не могу вспомнить имени. Гринберга и Иваска Вы знаете, а те двое — люди петербургского вида, поэты, музыканты, эстеты. Журнал будет литературный и художественный, чуть ли не “Числа”. Никакой злободневной политики. Публицистика только самая высокая, в виде *essai*. Вы приглашаетесь, значит, вот как раз место, где Вы можете писать “за жизнь”. (Это я писал как-то Варшавскому, что хотел бы лучше писать не критику, а “за жизнь”, как говорит один мой знакомый. Г.А.). Мне кажется, Вы должны согласиться. Гринберг сказал мне, что пошлет Вам официальное приглашение. Он очень этим журналом увлечен»¹.

Вот, дорогой Марк Александрович, разрешите обратиться к Вам за советом. Я никакого еще «приглашения» не получал, не знаю, получу ли.

С Гринбергом у меня отношения скорей натянутые (были когда-то хорошие) после того, как он года два тому назад в Париже, пригласив меня обедать, стал мне читать нотации за участие в «Русск<их> новостях»².

Но если получу — соглашаться или нет? Только, пожалуйста, не отвечайте мне формально и не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения. Мне некого, кроме Вас, спросить, и я Вам верю, как никому другому. На всякий случай даю Вам честное слово сохранить Ваш ответ в тайне.

Все дело, конечно, в Марье Самойловне. Я знаю, как она поступила по отношению к Вам и Ив<ану> Ал<ексееви>чу³. Считаете ли Вы, что журнал, ею издаваемый, — место неподходящее для Ваших и Ив<ана> Ал<ексееви>ча друзей?⁴ Есть ли в согласии сотрудничать в таком журнале что-либо зазорное? Не скрою, что мне, конечно, хотелось бы сотрудничать, *au moment*⁵, что в «Новом журнале» я не состою. Но стоит ли, надо ли?

Буду Вам крайне благодарен за ответ и еще раз обещаю твердо сохранить его в абсолютной тайне, если бы Вы этого желали.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. Я Вам говорил летом, что Пушкин выше всего ставил у Шекспира какую-то его сравнительно второстепенную драму: «Цимбелин»⁶. Хотел его перечесть, но здесь нет перевода, а в подлиннике мне Шекспира читать трудно. «Он любил “Цимб<елин>” даже больше “Ромео и Дж<ульетты>”»⁷.

¹ Несохранившееся письмо В.С. Варшавского было ответом на письмо Адамовича от 9 октября 1952 г., именно в нем тот говорил, что предпочел бы писать не критику, а «за жизнь»: «С Чеховск<им> изд<ательств>вом у меня переписка, кажется, дело налаживается, но книга моя — о литературе в эмиграции — только в проекте и мечтах. А за мечты денег не дают, надо что-то сочинить и послать. Тема неприятная, п<отому> что все о знакомых. А знакомые все у меня сплошь гении. О покойнике можно написать, что собственно гением он не был, а о живых невозможно, не купив предварительно домика на необитаемом острове. Я бы предпочел писать взгляд и нечто, вообще, обо всем и ни о чем, “за жизнь”, как говорит мой Рабинович, но им нужны вещи серьезные и солидные» («Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 266).

² Отношения вскоре наладились, см.: «...Поговорить с вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 355–422.

³ Речь идет о разрыве М.С. Цетлиной с И.А. Буниным в 1947 г.; см. примеч. 4 к письму 19 наст. публ.

⁴ Бунин, вскоре скончавшийся, принять участие в «Опытах» не успел, но в журнале появился целый ряд статей о нем, отзывов на его книги, а кроме того, Адамович опубликовал фрагменты из писем Бунина к нему. Алданов в «Опытах» не участвовал.

⁵ в момент (*фр.*).

⁶ «Цимбелин» (1609) — пьеса Шекспира последнего периода творчества.

⁷ Ср. «Знакомство с Гоголем (Из литературных воспоминаний)» Г.П. Данилевского: «“Цимбелин” был любимой драмой Пушкина; он ставил его выше “Ромео и Юлии”» (Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред., предисл. и коммент. С.И. Машинского. М., 1952. С. 443).

46. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

22 октября 1952 г. Ницца

22 октября 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Только что получил Ваше письмо. Я *очень* ценю, что Вы, да еще со столь добрыми словами, обратились за советом именно ко мне. Отвечаю Вам тотчас и совершенно искренно.

Я не вижу ровно ничего «ззорного» в Вашем участии в этом журнале. То, что его издает Цетлина, по-моему, никак не может быть препятствием. Уже после ее письма к Бунину и его и моего ухода из «Н<ового> журнала» Карпович остался редактором (хотя был ею чрезвычайно недоволен, а нас упрашивал остаться со-

трудниками), а он мой старый приятель. Остались и все сотрудники, хотя вынесли резолюцию о нежелательности нашего возвращения (Далину было даже поручено лично убеждать в этом меня, а через меня и Ивана Алексеевича, — он тогда по своим делам побывал в Ницце); между тем у меня среди них было (и осталось) много приятелей и друзей. Мне (не знаю, как Ивану Алексеевичу) и в голову не приходило на них сердиться за то, что они остались в «Новом журнале». Да я и сам, уже после нашей ссоры, числился с Цетлиной и в Правлении Литературного фонда, и в обществе «Надежда», пока ее оттуда не «ушли» (отнюдь не из-за нас, Бунина и меня, и не при моей помощи). Это никак, думаю, не может быть и препятствием для Вашего участия в ее журнале. Да и других причин не участвовать я не вижу. Не запросили ли бы Вы еще А.А. Полякова?¹ Ему на месте виднее.

Меня разве только удивляет, зачем это Вам? Собственно, все то, что Вы хотите писать, Вы могли бы печатать (с продолжениями) в «Н^{овом} р^{усском} слове», будь это критика или «за жизнь». Правда, для журнала можно писать и чуть иначе (именно чуть, так как и в газете появляются статьи, стоящие на уровне хороших журналов). Зато у «Н^{ового} р^{усского} слова» есть огромное преимущество: эту газету, верно, читает не менее 50 000 человек, а этот журнал едва ли будут читать пятьсот. Выходить же он будет, должно быть, не часто, вроде как «Новоселье»². Карпович мне сказал в Ницце, что книга в 300 страниц теперь обходится не менее как в 1500 долларов. Цетлина бережлива, и боюсь, будет выпускать — много, если две книги в год. Я до этого Вашего письма думал, что Гринберг будет *издателем* (с ней). Но Вы теперь пишете, что он будет редактором. Значит, весь убыток должна будет покрывать она? Впрочем, не знаю. Во всяком случае, скажу еще раз: Вы, конечно, можете в этом издании писать. Имейте, кстати, в виду, что «Новый журнал» теперь платит *два* доллара за страницу. Все сотрудники нового издания могут настаивать по крайней мере на такой же плате.

Я не знал, что журнал будет аполитический. И еще меня удивляет, как в составе редакции нет Берберовой³. Где же все-таки они возьмут беллетристику? Я никак не думаю, чтобы Карпович поставил беллетристам, поэтам и критикам условие: либо у меня, либо там. Но ведь Зайцев печатает своего «Глеба» в «Новом журнале», и ничего другого у него нет⁴. Вероятно, из старых эмигрантов там будет только Ремизов, а остальные все — «молодежь» и в парижском 50-летнем возрасте, и ди-пи в более близком к этому слову смысле⁵. Что ж, я искренно рад, что будет еще одно издание. Иваска и Глинку я не знаю, а Гринберг очень милый человек. Сирин, хотя его друг, к ним, верно, не пойдет⁶: он и вообще по-русски не пишет, и люто ненавидит М^{арию} С^{амойлов}-ну.

Кстати, уже после моего ответного письма к Вам я получил письмо от Яновского (он мне никогда не пишет). В^{асилий} С^{еменович} спрашивал Ваш адрес и тоже сообщал об этом журнале, — но его сообщение целиком совпадало с Вашим первым и было очень кратким.

Так Пушкин, правда, так восторгался Цимбелином?! Впрочем, помнится, и Виктор Гюго восторгался этой драмой, особенно ее развязкой. Но это вроде того, что Андре Жид говорил мне: лучшая вещь Достоевского — «Вечный муж»!

Мы оба шлем самый сердечный привет и лучшие пожелания. Не забывайте.

¹ Такого запроса в сохранившихся письмах Адамовича А.А. Полякову нет (см.: BAR. Coll. Poliakov).

² «Новоселье» (1942–1950) — литературно-художественный журнал, выходивший в Нью-Йорке (в 1950 г. в Париже). Редактор-издатель С.Ю. Прегель.

³ Н.Н. Берберова в редакцию «Опытов» не входила, но в журнале печаталась, а также предоставляла для публикации материалы из архива Ходасевича и своего собственного архива.

⁴ В «Новом журнале» печатались главы из третьей и четвертой частей тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» (1946. № 12, 13–14; 1947. № 15; 1952. № 28–30). Однако и в «Опытах» Зайцев принимал участие начиная с самого первого номера: Зайцев Б. Дни (Записи) // Опыты. 1953. № 1. С. 159–162; *Он же*. Отдых (глава из книги «Чехов») // Там же. № 2. С. 25–33; *Данте*. Ад / Введ. и перевод 5-й песни Бориса Зайцева // Там же. 1955. № 4. С. 21–32.

⁵ Предположение Алданова не оправдалось. В «Опытах» публиковались произведения А.М. Ремизова, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцева, Ф.А. Степуна, Л.И. Шестова, А.Л. Толстой, С.К. Маковского, М.И. Цветаевой, В.Ф. Ходасевича, В.В. Вейдле, Г.В. Адамовича, Г.В. Иванова, Н.А. Оцуца и др., так что в результате эмигранты второй волны даже начали упрекать журнал в консервативности и малой заинтересованности в новых авторах.

⁶ Набоков печатался в «Опытах» с первого номера, опубликовав стихи, воспоминания и «Заметки переводчика». О его непростых отношениях с журналом и его первым редактором Р.Н. Гринбергом см. в публикациях их переписки: «Дребезжание моих ржавых русских струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и коммент. Р. Янгирова // *In memoriam: Ист. сб. памяти А.И. Добкина*. СПб.; Париж, 2000. С. 345–397; *Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967* / Вступ. статья, публ. и коммент. Р. Янгирова // *Диаспора: Новые материалы*. Вып. 1. Париж; СПб., 2001. С. 477–556.

47. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

25 октября 1952 г. Манчестер

25/X-52

c/o Mrs Davies

104, Ladybarn Road

Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Спасибо большое за быстрый ответ. Буду, значит, считать, что участие в журнале приемлемо «в принципе», — ну, а там видно будет. Гринберг — кроме редакторства, наверно, будет и полу-издателем. Он — человек более чем состоятельный, и я не думаю, чтобы его могли пригласить редактором без денежной поддержки журнала.

Вы спрашиваете, «зачем это мне»? Особого рвения у меня и нет. Но я не согласен с Вами, что в газете можно писать то же, что в журнале. Нет, в газете и темы другие, и отношение к теме другое, — пожалуй, именно потому, что читают газету

50 000 человек. В газете я стараюсь все «разжевывать», а иногда это себе самому надоедает. (И, по-моему, надоедает какому-то маленькому % читателей.)

Но пока все это — гадательно. Я не уверен, что журнал будет, не уверен, что в нем буду я. Хотел только знать Ваше мнение и еще раз очень за него благодарю.

На днях я читал Чаадаева и нашел у него неожиданный отзыв о «Переписке» Гоголя, — которого, как Вы, конечно, знаете, он терпеть не мог: в книге Гоголя есть «des pages d'une étourdissante beauté, des pages telles que celui qui les lit se sent heureux et fier de parler la langue dans laquelle de pareilles choses sont écrites»¹.

Это — из письма к Вяземскому. Я до сих пор знал только презрительные отзывы Ч<аадаева> о Гоголе и потому был удивлен. Но сразу вспомнил Вас, — потому что Вы никаких «beautés²» в «Переписке» не находите. Я согласен, что книга противная. Но написана она местами так, как никто другой не написал бы. Еще, тоже на днях, нашел в той же «Переписке» фразу, которая ни у кого, кроме Гоголя, в те времена немыслима:

«Если и музыка нас покинет, что будет с нашим миром?»

По-моему, сказано удивительно по интонации, по предчувствию всего того, что потом стали говорить Мережковский и К^о, но гораздо хуже. Простите, дорогой Марк Александрович, за эту литературную интермедию. Кстати, мне писала М^{ме} Терентьева, чтобы я прислал пробную часть предполагаемой книги «в ближайшие дни». Я ответил с просьбой о сроке в 2 недели — и пошлю ей на днях страниц 30–35, где две статьи — о Мережковском и о Шмелеве³. Остальное — потом, если эти листы будут приняты. Не понимаю, почему нужно торопиться, я думал послать больше, а теперь не знаю — писать ли дальше, до получения ответа.

Крепко жму Вашу руку, кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович цитирует в неточном французском переводе письмо П.Я. Чаадаева П.А. Вяземскому от 29 апреля — 10 мая 1847 г.: «страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся» (Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 202–203).

² красот (фр.).

³ 29 октября 1952 г. Адамович написал Т.Г. Терентьевой письмо, отправляя одновременно в издательство две главы будущей книги — «Мережковский» и «Шмелев», см.: «Простите, что пишу Вам по делу...»: Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства им. Чехова (1952–1955) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 206–207.

48. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

Ноябрь 1952 г. Манчестер¹

104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Я только что кончил статью о Вашем романе² и посылаю ее Вейнбауму³. А самый роман кончил читать вчера и весь еще «полон» им.

Думаю, что многого в «Ж<иви> к<как> хоч<ешь>» не понял, не могло быть иначе. Вы писали Вашу книгу года два, едва ли меньше, я читал ее десять дней — и наверно многое прошло для меня незамеченным. Я об этом не написал в статье, но только потому, что такие признания обыкновенно подхватываются теми, кто рад на чужой счет поиронизировать.

Мне все хотелось — и не удавалось — объяснить «смысл» романа и его названия, т. е. «что автор хотел сказать». А потом я вспомнил слова Толстого (из предисловия к Поленцу⁴):

«Если смысл художеств<енного> произведения можно выразить своими словами, незачем было писать художественное произведение» (кажется, нет «СВОИМИ»⁵).

И это, конечно, верно, — и, значит, хорошо, что мне не удалось объяснить ничего, кроме общего тона и склада (м. б., это тоже не удалось, не знаю, но то наверно было бы искажением).

А вообще-то Ваш роман втягивает в себя, как в живой, незнакомый мир. Удивительно при этом то, что люди Ваши вовсе не очень привлекательны — а расстаться с ними трудно. Какой-то круговой порукой они связаны со всеми людьми, разгадка, вероятно, в этом. Мне милее всех из Ваших людей Сильвия, жена Пемброка, о которой сказано у Вас два слова, но которая наверно похожа на Там<ару> Матвеевну Кременецкую, образ чудный, вроде пушкинской капитанши Мироновой. И еще — эта несчастная «ведьма», которую сожгли: есть что-то в ней très poïgnant⁶. Вы, наверно, подумаете, что я пишу Вам вздор.

Пожалуй! Я сел писать с желанием что-то сказать, а чувствую только какое-то смущение и волнение от прочитанного, как, м. б., и должно быть. C'est très triste en somme, mais on ne dirait pas — en quittant votre univers — que le monde soit irrémédiablement perdu⁷.

Я вспомнил Герцена в статье⁸, и все больше думаю, что у Вас с ним много общего. Вообще, замечательно то, что, читая теперешние русские книги — даже Бунина, — не вспоминаешь из прошлого решительно ничего. А у Вас наш grand siècle⁹ — продолжается, со многими темами его. Простите, Марк Александрович, весь этот болтливый туман. Письма надо бы писать толково, на французский лад, а я будто сижу в café Mozart, да и то вместо кофе выпил коньяку.

Ваш Г.А.

¹ Датируется по содержанию.

² *Адамович Г. «Живи как хочешь»* (Новый роман М.А. Алданова) // Новое русское слово. 1952. 4 дек. № 14831. С. 8.

³ *Вейнбаум* Марк Ефимович (1890–1973) — журналист, с 1913 г. жил в США, сотрудник (с 1914 г.), затем редактор-издатель (с 1923 г.) газеты «Новое русское слово».

⁴ *Поленц* (Polenz) Вильгельм фон (1861–1903) — немецкий писатель. Роман «Крестьянин» (1895) привлек внимание Л.Н. Толстого, который написал предисловие к русскому изданию 1902 г.

⁵ В «Предисловии к роману В. фон Поленца “Крестьянин”» Л.Н. Толстого слова «своими» действительно нет: «Если смысл художественного произведения может быть выражен словами, то незачем было и писать мнимо-художественное произведение» (*Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 34. С. 520*).

⁶ очень трогательное (*фр.*).

⁷ Все это очень грустно, но, покидая этот мир, я бы не сказал, что он безвозвратно потерян (*фр.*).

⁸ Адамович писал в статье: «Я читал роман Алданова — и вспоминал Герцена, не легко в двух словах объяснить почему. Есть что-то поздне-герценовское, печально-прозорливое, почти — но все-таки не совсем — безнадежное во внутреннем складе романа, с его обращенностью к будущему и будто сжимающимся за судьбу этого будущего сердцем. Есть то, что заставило Герцена говорить о жизни как о “вихре случайностей”, после того как были в его сознании сметены и разбиты все навеянные Гегелем надежды на неотвратимо-осмысленный ход истории» (*Адамович Г. «Живи как хочешь»* (Новый роман М.А. Алданова). С. 8).

⁹ великий век (*фр.*).

49. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

30 ноября 1952 г. Ницца

30 ноября 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Ваше письмо и очень тронуло меня, и даже несколько взволновало. От души Вас благодарю.

Я не послал Вам экземпляра «Живи как хочешь» по следующей причине. Месяца полтора тому назад Столкин¹ показал мне письмо, полученное им от Г. Света², сотрудника «Н<ового> р<усского> слова». Свет писал ему и просил сообщить мне, что он предложил Вейнбауму написать о моем романе. Вейнбаум ответил, что отзыв даст Адамович. Надеюсь, вы мне поверите: я ни одного слова не писал «Н<овому> р<усскому> слову» (ни другим изданиям), что прошу поручить рецензию такому-то. Но, разумеется, был чрезвычайно рад тому, что они просили о рецензии именно Вас. Ваше мнение для меня *чрезвычайно* важно, — Вы это знаете давно. Если б я после письма Света послал Вам книгу, то это было бы «каптация беневоленциэ»³.

Не знаю, конечно, *что* Вы написали. Если то, что пишете в письме, то как же мне этому не радоваться? Ничто не может быть более лестно, чем сравнение с

Герценом, в какой бы форме оно ни было сделано. Столь же лестны и Ваши слова о продолжении «гран сиекль»⁴.

Я над романом работал даже не два, а три года. Вы говорите, что потратили на его чтение десять дней, этого больше чем достаточно. У американских критиков, даже у самого известного из них, Орвиля Прескотта⁵, пишущего четыре рецензии в неделю в «Нью-Йорк таймс», всегда есть один, очень много если два дня для рецензии о любой книге. Мой роман вышел по-английски 10 ноября, я уже получил с десяток рецензий от нью-йоркского бюро вырезок. Пока есть и очень лестные, и нелестные. Тот же Орвиль Прескотт начинает с совершенно незаслуженного мною комплимента, — будто я «без сравнения самый выдающийся из современных русских писателей» (!), — а затем разносит книгу. Невольно я себя спросил: если «самый выдающийся» так не знает своего дела, то что же сказать о других эмигрантских и советских писателях?! Пока его рецензия самая неблагоприятная из всех — и самая важная («Таймс»!). Вижу, что нововведение — «активизация» действующих лиц романа посредством перенесения их в гораздо более драматическую обстановку в пьесах, вставленных в роман, — ему очень не понравилось, — как не понравились пьесы и некоторым другим критикам. Боюсь, что книга успеха иметь не будет.

Заго приятное известие. Вреден как будто выпустит в 1953 году по-русски мою философскую книгу⁶. Я тогда скажу: «Нунк димиттис»⁷ (кстати, удивительно глупыми кажутся иностранные слова, написанные русскими буквами. Вы, правда, подумаете, отчего же было не сказать «ныне отпускаеши», и Вы будете правы).

Имеете ли Вы новые известия от Чеховского издательства? Конечно, иметь их Вы можете, только если уже послали им несколько глав из Вашей книги. Надеюсь, Вы над ней работаете, правда?

Я не помнил процитированных Вами слов Толстого. Какой он был во всем кладезь мудрости — даже тогда, когда с ним согласиться трудно, — ведь этот Поленц был очень средний писатель. По крайней мере, показался мне таким лет сорок тому назад, с тех пор я ничего его не читал. Вероятно, он «подкупил» Льва Николаевича тенденцией.

Что же с журналом Цетлиной — Гринберга? Мне писал Я.Г. Фрумкин, что от периодического издания она будто бы уже отказалась, а будет выходить альманах, — вероятно, раз в год. Другой осведомитель сообщил, что там все уже в плохих отношениях между собой. Нисколько не ручаюсь в верности обоих сообщений, но если первое окажется верным, то подтвердит то, что я Вам давно писал. Получили ли Вы «официальное» приглашение? Если получили, то скажу еще раз: примите его. Вы могли бы, кстати, там напечатать и отрывки из Вашей книги.

А вот удивили меня Ваши слова о том, что персонажи моего романа («кроме Сильвии»!) не очень привлекательны. Неужели непривлекательны и Надя, и Яценко, и Дюммлер, и Лафайетт! По-моему, кроме Делавара, Гранда и Тони, в этой моей книге нет вообще непривлекательных людей. Кстати, Маклаков мне пишет, что Тони (по-моему, самый неудачный из персонажей) ему «до жути напоминает» одну женщину, которую он близко знал (не пишет, кто это).

Простите, что пренебрег в письме правилом «ле муа э айссабль»⁸, — но тут Вы сами виноваты, я ведь отвечаю. Еще раз сердечно благодарю. Мы оба шлем Вам самый сердечный привет. Довольны ли Вы Манчестером?

¹ Столкинд Абрам Яковлевич (?–1964) — юрист, журналист, общественный деятель, меценат. До революции сотрудник «Русского слова», в 1908 г. корреспондент в Государственной думе. После революции в эмиграции в США, сотрудник «Нового русского слова», председатель Литературного фонда, миллионер. В 1943 г. по состоянию здоровья поселился на юге Франции (Канны, Ницца), где был широко известен своей благотворительной деятельностью. Награжден орденом Почетного легиона (1954).

² Свет Гершон (Герман) Маркович (1893–1968) — журналист, общественный деятель. После революции в эмиграции в Берлине, с 1933 г. в Париже, с 1934 г. в Палестине, корреспондент «Нового русского слова» и «Форвертс», с 1948 г. в Нью-Йорке, редактор газеты «Ауфбау».

³ От лат. *captatio benevolentiae* — снискание расположения.

⁴ См. примеч. 9 к предыдущему письму.

⁵ Прескотт (Prescott) Орвилл (1907–1996) — американский литературный критик, сотрудник «Ньюсвик», затем редактор «Кью», а в 1942–1966 гг. постоянный автор «Нью-Йорк таймс» (действительно публиковавший еженедельно три-четыре рецензии на протяжении многих лет).

⁶ Алданов М. Ульмская ночь: Философия случая. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

⁷ От лат. «*Nunc dimittis...*» («Ныне отпускаеши...») — слова Симеона Богоприимца, произнесенные в Иерусалимском храме в день Сретения (Лк. 2: 29–32) и вошедшие в состав богослужебных песнопений.

⁸ От фр. «*Le moi est haïssable*» — «Я» отвратительно» (из «Мыслей» Блеза Паскаля).

50. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

9 декабря 1952 г. Манчестер

104, Ladybarn Road

Manchester 14

3/ХП-52

Дорогой Марк Александрович

Я всегда боюсь отвечать на письма, которые сами по себе были ответом, п<отому> что выходит, будто навязываешься на переписку. Но на этот раз позволяю себе сделать исключение.

Спасибо за письмо. Я был очень рад ему. То, что Вы пишете об отзывах о Вашем романе, т. е. о том, что отзывы есть всякие — меня не удивляет. Независимо от художественных достоинств романа в нем есть что-то вызывающее и почти презрительное в отношении *soi disant*¹ «нового искусства», вроде того, к которому склонен Ваш кинематографический режиссер. А 90 % критиков эта тенденция не по душе, п<отому> что они-то эту «новизну» и поддерживают, боясь, как бы кто не подумал, что они ее не понимают. Вот недавно умер Eluard², поэт, м. б., и замечательный, не знаю, не берусь судить. Но почти во всех статьях его памяти эта комическая и жалкая склонность быть на стороне «нового», «передового во что бы то ни стало» просто умилительна. А у Вас и в самом складе романа, а кое-где и прямо — это выведено на чистую воду, и не может всем критикам нравиться. Я очень люблю Бодлера. Но его мало было бы повесить за его стих — «*au fond de*

l'inconnu pour trouver du nouveau!»³ Он, вероятно, не предвидел, сколько глупости и пошлости от этого его «лозунга» пошло.

А вообще критика — пустое дело, и я все больше в этом убеждаюсь. Отчасти именно потому, что критик читает в два дня то, что писатель пишет два года. По долгу службы я здесь перечитываю наших «великих» критиков, Белинского, Добролюбова и К°. Какая это все болтовня! И если я Вам пишу об этом, то с мыслью о снисхождении, которого должен бы у Вас просить за то, что написал сам. Конечно, для автора, для Вас — это все мимо, и только читатели по простодушию думают, что критик что-то понял, разобрал, оценил и указал. За собой я признаю, кстати, только одно достоинство, которое, вероятно, считается недостатком: то, что у меня нет системы и твердого взгляда, вроде как у Добролюбова. Когда начинаются системы, то критика становится чепухой окончательной.

Относительно «непривлекательности» Ваших персонажей — я, конечно, не точно выразился. Дюмлер и Яценко привлекательны, хотя Яценко *par le temps qui court*⁴ избалован жизнью, и читатели эмигрантские скажут, вероятно, что он блажит и недоволен положением, которое почти все они считали бы верхом благополучия и счастья. Надю я как-то не чувствую, а между тем чувствую, что это один из Ваших любимых образов, часто у Вас повторявшийся. Пемброк тоже привлекателен, и даже Грант — не совсем подлец. Он был бы подлецом вполне в романе Поля Бурже⁵, но не в романе Толстого, а Вы к Толстому ближе, чем к Бурже. Ну, довольно, — простите за этот фельетон, к тому же непрошенный.

Насчет нового нью-йоркского журнала — «ни слуху ни духу». Похоже, что не будет ничего, хотя Иваск утверждает, что будет.

Вы спрашиваете о моих делах с Чех<овским> изд<ательст>вом. Месяца полтора тому назад Терентьева просила прислать пробные листки «как можно скорее». Я послал в конце октября страниц 25–30 — о Мережковском и о Шмелеве, с указанием, что посылаю мало из-за спешки. Недели две назад Терентьева сообщила мне, что она «в восторге» (или что-то в этом роде) от прочитанного, передала все Вредену и надеется вскоре дать ответ определенный. С тех пор еще не было ничего. Надеюсь, что ответ будет благоприятный, *mais on ne sait jamais*⁶.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Пожалуйста, не считайте, что письмо это требует ответа, и кланяйтесь сердечно Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. Я дал «Ж<иви> к<ак> х<очешь>» здешнему русскому профессору Добрину⁷, человеку умному, хотя мало литературному. Он прочел книгу в один день и, возвращая ее мне, сказал: «Дюмлер, конечно, списан с Маклакова». Мне это не пришло в голову, думаю, Вам тоже.

¹ так называемого (*фр.*).

² *Элюар* Поль (наст. имя Eugène Émile Paul Grindel; 1895–1952) — французский поэт, один из основателей дадаизма, затем сюрреализма, скончался 18 ноября 1952 г.

³ Из стихотворения Бодлера (1821–1867) «Путешествие» («*Le voyage*», 1859). В переводе М. Цветаевой: «В неведомого глубь — чтоб новое обрести!»

⁴ по нашим временам (*фр.*).

⁵ *Бурже* (Bourget) Поль Шарль Жозеф (1852–1935) — французский писатель, первоначально поэт-декадент и критик, затем автор психологических романов, с 1894 г. член Французской академии.

⁶ но никогда не знаешь (*фр.*).

⁷ *Добрин* Самуил Иосифович — юрист, до революции помощник М.М. Винавера по адвокатуре, после революции в эмиграции в Англии, профессор кафедры русистики Манчестерского университета.

51. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

9 декабря 1952 г. Ницца

9 октября¹ 1952

Дорогой Георгий Викторович.

Сегодня получил от Александра Абрамовича <Полякова> Вашу статью о моем романе². От души Вас благодарю. Я чрезвычайно рад ее появлению, и не только потому, что она столь лестна и что оценка исходит от Вас: без этой статьи, боюсь, девять десятых читателей плохо поняли бы смысл и конструкцию романа. Прочел Вашу статью два раза, тогда как американские рецензии, даже очень лестные, только пробегаю. Подумал, что, быть может, и назвать роман следовало бы «Покой и воля». Я этот стих только вставил в текст: давать второй эпитаф, в дополнение к строкам из Мопассана³, мне не хотелось.

Удивило меня лишь то, что Вы нашли сходство между Дюммлером и Лафайеттом. Я первого во втором никак не «активизировал» и, по-моему, они друг на друга не похожи.

Думаю, что после письма к Вам Терентьевой можно считать решенным вопрос о принятии Вашей книги Чеховским издательством. Все же полной уверенности у меня нет: до сих пор они неизменно требовали от авторов представления по крайней мере *трети* рукописи, а главы о Мережковском и Шмелеве, вероятно, составляют меньше трети? Незачем Вам говорить, как я хотел бы, чтобы Ваша книга была возможно скорее окончена и напечатана. Кто ведь знает, долго ли будет существовать Чеховское издательство. Не подумайте, что у меня есть сведения, будто издательство будет существовать недолго, — избави Бог! Никаких таких сведений или даже слухов нет ни у меня, ни, насколько я знаю, у других. Но Карпович мне в Ницце говорил, что они обеспечены лишь на три года. А ведь почти полтора года уже прошли. Для всех нас будет катастрофой, если издательство почему-либо закроется. Хотя это только *теоретическая* возможность, пишу Вам об этом совершенно доверительно и больше для того, чтобы Вы по возможности ускорили работу над Вашей книгой.

Луиц⁴ на днях говорил мне, что где-то видел Гринберга. Тот сказал ему, что «Опыты» *будут*, хотя есть трудности.

Изумлен словами Добрин, будто Дюммлер «списан с Маклакова»! Верно, он Василия Алексеевича не знает. Вы правы: мне это и в голову не приходило.

Верно, к Новому году мы приедем в Париж. Собираетесь ли Вы во Францию? «Покоя и воли» больше всего в моем случае в Ницце. Но нужна и Национальная библиотека или Нью-Йоркская публичная.

Еще раз спасибо. Шлем оба самый сердечный привет.

Перечел Ваше письмо. Вы как будто «оправдываетесь», что не сказали всего о романе и его идеях! Помилуйте, как же можно было бы в небольшой статье сказать все о двухтомной книге.

¹ Опечатка Алданова, письмо написано в декабре.

² *Адамович Г.* «Живи как хочешь» (Новый роман М.А. Алданова) // Новое русское слово. 1952. 4 дек. № 14831. С. 8.

³ Эпиграфом к своему роману Алданов взял слова Ги де Мопассана: «Этот критик считает романом более или менее правдоподобное происшествие, рассказанное по образцу театральной пьесы в трех актах: в первом изложение, во втором действие, в третьем развязка. Такой род творчества вполне допустим, но при условии, что будут считаться приемлемыми и все другие. Разве существуют правила для создания романа, вне которых написанная история должна носить какое-либо другое название? Каковы же эти пресловутые правила? Откуда они взялись? Кто их установил?».

⁴ *Луниц Григорий Максимович* — литератор, журналист, книгопродавец-букинист, библиофил, друг Алданова.

52. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

22 декабря 1952 г. Париж

22/XII-52

53 rue de Ponthieu

Paris 8^e

Дорогой Марк Александрович

Благодарю Вас за письмо — и простите, что делаю это с опозданием. Я получил его в Манчестере накануне отъезда в Париж, а здесь в первые дни — обычная суета, переписке мешающая.

Я очень рад, если статья моя о «Живи как хочешь» не показалась Вам слишком пустой и неверной¹. У меня были насчет нее большие сомнения, как всегда, впрочем, когда хочешь написать хорошо, а не просто отделаться от книги (или автора). Да и теперь я все думаю: надо было сказать то-то и то-то, а совсем не то, что сказал в действительности. Я терпеть не могу Шарля Моррасса, но у него есть об этих «мучениях» при чтении уже напечатанной статьи несколько очень верных строк (в предисловии к «La vie intérieure»²). О сходстве Дюммлера с Лафайетом: что-то общее у них есть, хотя и очень смутное. Какой-то «дон-кихотизм», высокого порядка. К тому же оба очень стары — так что смешать их было естественнее, чем других. У меня осталось в памяти от разных прочитанных книг, что Лафайет был глупым человеком, — не знаю, верно ли это. А у Вас он не глуп, хотя Дюммлер и умнее.

Вчера был у Буниных. Иван Алексеевич — лучше, чем был осенью, и при мне сделал надпись на портрете Горького в какой-то книге: «полотер, вор, убийца». Так что все в порядке. Сейчас его главный враг Зин<аида> Гиппиус, не знаю почему. Вы знаете, что я его очень люблю и чувствителен к его «шарму» и многому другому в нем. Но жаль все-таки, что к старости у него ничего лафайето-дюмлеровского не осталось или, вернее, не появилось. А может быть, и «шарм» его — в этом отсутствии, при всяких других дарах.

Сегодня должен обедать у Любовь Александровны <Полонской>.

Крепко жму Вашу <руку> и прошу передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. «Покой и воля» — действительно было бы очень хорошим названием романа. По-моему, вообще лучше называть книгу существительным в именит<ельном> падеже, как всегда делали раньше, а не фразой (хотя фразы есть у Толстого и др.). Книга есть мир или вещь, и должна иметь имя, а не характеристику содержания. А «Покой и воля» и звучит прекрасно.

¹ Адамович Г. «Живи как хочешь» (Новый роман М.А. Алданова) // Новое русское слово. 1952. 4 дек. № 14831. С. 8.

² Вероятно, Адамович имеет в виду предисловие Шарля Морраса (Maurras; 1868–1952) к книге «La Musique intérieure» (P.: Grasset, 1925).

53. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

4 января 1953 г. Ницца

4 января 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Искренно Вас благодарю за письмо. Помимо прочего, Вы несколько успокоили меня насчет Ивана Алексеевича. У меня в последнее время нервная тревожность увеличилась. Всякий раз, когда от него долго писем нет, я начинаю беспокоиться, и Ваше письмо пришло как раз в такой момент. Все же должен оговориться. Получив Ваше письмо, я тотчас ему написал и сегодня получил письмо с «опровержением»: Адамовичу, пишет, только показалось, что вид у меня лучше, а я чувствую себя плохо. — Вдобавок едва ли не в первый раз в жизни он не пишет мне пером, а диктует письмо Вере Николаевне. Тем не менее Ваше письмо меня несколько успокаивает, — даже фактами, тем, что он ругательски ругал Горького и Гиппиус. А почему ее? Вы совершенно правы: ему дюмлеровское начало чуждо, но это тоже особенность его очарования.

Лафайетта считал недалеким человеком Наполеон. Не думаю, чтобы он был прав, да он и всех «идеалистов» презирал, как всех «идеологов». Мы с Вами, кроме того, сходимся в признании полной неопределенности понятия «ум».

Была у меня Мадам Лезелль¹, — взяла книги Тэффи для Н.В. Милюковой². «Войну и мир» она уже прочла, так что это никак не должно быть препятствием к Вашему приезду в Ниццу. Боюсь, что Вы ни теперь, ни на Пасху не приедете? А относительно лета я не загадываю, — далеко лето.

У меня впечатление, что Бунины почти «заброшены», что к ним почти никто не ходит. Быть может, я тут и ошибаюсь? Было ли у них хоть какое-либо подобие встречи Нового года? У нас ничего не было, но нам это не тяжело, да в Ницце никого ведь и нет. Встречали ли Новый год Вы? Мы поедem в Париж в конце месяца, но слышали (от Мадам Лезелль), что Вы скоро возвращаетесь в Манчестер. Когда именно и надолго ли? Я уверен, что Вы до отъезда еще побываете у Ивана Алексеевича. Могу ли я просить Вас тогда, до отъезда, опять мне написать? Заодно тогда, пожалуйста, сообщите мне, имеете ли что-либо от Чеховского издательства? И еще маленькая *конфиденциальная* просьба. Вам, верно, известен *весь* состав руководящего комитета издательства «Рифма». Я знаю, что туда входят Яссен, Терапиано, Маковский, Чиннов, но есть, кажется, еще один или два человека³. Кто именно? Не подумайте, что я начал писать стихи.

Я от Чеховского издательства уже месяца полтора никаких известий не имею. Вреден не пишет. Таким образом, я не знаю, как продается мой роман по-английски (в последние дни рецензии от бюро вырезок почти все хорошие). По-русски, верно, идет очень плохо, — прежде всего по необыкновенно высокой цене двух томов. Но и об этом мне ничего не сообщают.

Не собираются ли какие-либо пишущие люди в Ниццу, в Жуан-ле-Пэн?

Оба шлем Вам самые сердечные пожелания к Новому году (простите, что чуть запоздалые) и столь же сердечный привет.

¹ *Мадам Лезелль* (M-me Lesell) — квартирная хозяйка Адамовича в Ницце (4, avenue Emilia, Nice).

² *Милюкова* Нина (Антонина) Васильевна (урожд. Григорьева; в первом браке Лаврова; ? — после 1959) — музыкантша, вторая жена П.Н. Милюкова (с 1935 г.).

³ «*Рифма*» — издательство, основанное в Париже в 1949 г. И. Яссен и печатавшее только сборники стихов. В редколлегию входили, помимо самой Яссен, Г.В. Адамович, С.К. Маковский, Георгий Раевский, П.С. Ставров, а также А.М. Элькан, которая была и секретарем издательства. После смерти И. Яссен издательством заведовала С.Ю. Прегель (до своей кончины в 1972 г.), а затем Ю.К. Терапиано. Подробнее см.: *Терапиано Ю.* Последнее объединение // Новое русское слово. 1976. 14 марта.

54. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

5 января 1953 г. Париж

Paris 8°
53, rue de Ponthieu
5/1-53

Дорогой Марк Александрович

Я думал, что Вы в самом начале января будете в Париже, и потому не написал Вам к Новому году. А оказывается, Вы приезжаете еще не скоро; во всяком случае, после моего возвращения в Англию.

Шлю Татьяне Марковне и Вам самые искренние пожелания благополучия, здоровья и успеха во всех делах.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Г. Адамович

55. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

11 января 1953 г. Париж

Paris
11 января 1953

Дорогой Марк Александрович

Получил третьего дня Ваше письмо¹, спасибо. Уезжаю в Англию послезавтра, а вчера был у Буниных. Ему было хуже, чем обычно, т. к. у него жар. При мне был Зернов², который считает, что жар от каких-то кишечных причин, т. е. что это осложнение случайное и не важное. Потеря крови, мучившая И<вана> А<лексеевича> все последнее время, прекратилась. В общем — все то же, но вчера он был слабее, чем на прошлой неделе, и говорил с трудом. У Веры Николаевны вид совсем измученный, т. к. он ей почти не дает спать.

Вы спрашиваете о моих делах с Чех<овским> изд<ательст>вом. Никаких дел! Со времени письма Терентьевой, о котором я Вам сообщил, — ни слова. Я написал ей по приезде в Париж с просьбой сказать, продолжать ли писание (т. к. у меня здесь хранятся всякие материалы, которые я взял бы с собой, если «да») — ответа никакого. Все это довольно странно, каково бы ни было их решение. Из «Опытов» приглашение получил³. Entre nous⁴ (но совсем entre nous), Гринберг пишет, что не решается к Вам обратиться, зная Ваше отношение к М<арии> Самойловне <Цетлиной>⁵. Она, по-видимому, его к этому подталкивает, и, вероятно, Гринберг «зондирует почву». Я ничего ему еще не ответил и не знаю, что ответить.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Письмо от 4 января 1953 г.

² *Зернов* Владимир Михайлович (1904–1990) — доктор, лечащий врач Буниных.

³ Первым обратился к Адамовичу с предложением сотрудничества в «Опытах» В.Л. Пастухов в письме от 12 декабря 1952 г., текст письма опубликован в примечании к первому письму Гринберга, см.: «...Поговорить с вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 358–359.

⁴ Между нами (*фр.*).

⁵ Р.Н. Гринберг в своем письме Адамовичу от 2 января 1953 г. назвал и другую причину, почему он не хотел просить у Алданова прозу для журнала: «Где, у кого искать ее, я думаю, прозу, не даму. У Алданова? Он так поссорился с М.С. Цетлиной, нашей издательницей, что боюсь сунуться, но кроме того, его проза “не курьезна” больше, примелькалась, истерлась, и сказать ему, судя по последнему роману, “Пиши как хочется”, кроме цитат, нечего. Это — между нами. Марк Алекс<андрович> такой любезный человек и чувствительный, что я бы не хотел...» («...Поговорить с вами долго и длинно и даже посплетничать...». С. 357–358).

56. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

23 января 1953 г. Ницца

23 января 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Очень огорчило меня Ваше сообщение об Иване Алексеевиче. Я ему написал и ответа не имею.

Дня через два или три после Вашего письма я получил и непосредственное приглашение от Р.Н. Гринберга принять участие в «Опытах», он написал очень любезно, я ответил так же, но приглашение отклонил. А успеха им пожелал весьма искренно. Они едва ли будут конкурентами «Новому журналу»¹. Между тем писателям печататься почти нигде: «Новый журнал» может отводить беллетристам, например, не более 500 страниц в год. Гринберг пишет, что редакторы он и Пастухов. Иваска не называет. Какие у них главные сотрудники, не знаю.

От Чеховского издательства я получил договор на мою философскую книгу «Ульмская ночь». Я им послал в свое время 150 страниц, это без малого половина книги. Вреден мне тогда же написал, что принимает книгу, и отозвался о ней очень лестно. Но договора я ждал месяца два, получил его только вчера. Таким образом, произошло то же, что с Вами, с той разницей, что я послал 150 страниц, а Вы гораздо меньше. Препроводительное письмо было не от Вредена, а от его помощницы по административной части, госпожи Диллон Планте². Александрова вернулась к работе. Вреден мне давно писал, что будет в марте в Париже. Если я его увижу, поговорю с ним и о Вашей книге, — предполагая, что Вы против этого не возражаете? Писать же ему бесполезно, — когда он по два месяца не отвечает! Я запросил бы Александрову, но, как Вы помните, ее муж давно мне намекнул,

что о других писать ей не следует. Вы могли бы, конечно, ей теперь же написать. По-моему, Вы даже должны это сделать.

О составе кружка, руководящего издательством Яссен, Вы мне не ответили, — на то есть, верно, причины. Это не так важно.

Прилагаю интервью Цвибака³. Недавно я прочел в «Н<овом> р<усском> слове»⁴, что издательство выпустило книгу Г. Иванова «Петербургские зимы»⁵. Значит, они отказались от своего правила, по которому у них не принимаются книги, уже выходявшие отдельными изданиями. Тем лучше, разумеется (прежде они делали исключение только для Бунина, зная, что у него новых книг нет и не будет). У Ивана Алексеевича они приобрели три книги, он мне давно писал, что продал им еще две после «Жизни Арсеньева», но недавно сообщил, что вторая и третья выходят сразу в 1953 году. Это меня чрезвычайно обрадовало: я опасался, что «Митина любовь» назначена на 1954 год. По две книги они взяли у нескольких авторов, в том числе и у меня («Живи как хочешь» и «Ульмская ночь»). О продаже не знал ничего. Не знаю, как «Живи как хочешь» продается и по-английски. Рецензии продолжают еще поступать. Преобладают приятные.

Дней через восемь будем в Париже.

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

¹ Мнения такие, однако, высказывались, хотя речь шла, конечно, о конкуренции не буквальной, а интеллектуальной. Проводил такие параллели, в частности, и сам Адамович, писавший Ю.П. Иваску 25 апреля 1959 г.: «Как “противостояние” СССР — “Опыты” вернее “Н<ового> ж<урнала>”, даже если у них есть слабости и крайности. <...> Эмиграция все равно кончается. Через 10 лет (maximum) кончится все. Значит, лучше: кончиться с “Оп<ытами>” как неким знаменем, чем с процветающим “Н<овым> ж<урналом>”» (Amherst. Yurii Ivask Papers). Подробнее см.: Коростелев О.А. Журнал-лаборатория на перекрестке мнений двух волн эмиграции: «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР — России 1941–2001 гг.: Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле (сост.), О.В. Будницкого. М., 2007. С. 103–117.

² Диллон Планте Лилиан (Dillon Plante) — исполнительный директор (Associate Director) Издательства имени Чехова.

³ Неясно, о каком именно интервью Я.М. Цвибака (А. Седых) идет речь.

⁴ Публикация не выявлена.

⁵ Иванов Г. Петербургские зимы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. По сравнению с первым изданием (Париж: Родник, 1928) книга Иванова была существенно переработана.

57. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

19 февраля 1953 г. Париж

19 февраля 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Ваше письмо сегодня получил — в Париже. Я здесь уже две недели и пробуду еще столько же. Т<атьяна> М<арковна> ни за что не хотела со мной сюда приехать: она удручена предстоящей нам в июне поездкой в Нью-Йорк (наша обратная виза в Америку в июне истекает, и она никуда до того ездить не хочет). Действительно, не может быть ничего глупее: тратить огромные для нас деньги только для того, чтобы побыть там месяца три и получить новую обратную визу! Мне тоже очень не хочется это делать, но иначе пришлось бы навсегда порвать с возможностью уехать в С<оединенные> Штаты.

Вреден до 28 февраля пробудет в Лондоне (Grosvenor House, Park Lane), а 1 марта приезжает в Париж, где я с ним 1 марта вечером и встречу в Ройаль Монсо. Повидать его Вам не мешало бы, но не думаю, чтобы он мог Вам сказать что-либо в дополнение к тому, что Вам сообщило Чеховское издательство: Бунин и Зайцев, предложившие издательству новые книги, получили (разумеется, каждый отдельно, как они и писали) точно такой же ответ, что Вы: до мая Чеховское издательство никаких новых договоров подписывать не может (?). Иван Алексеевич, как Вы знаете, уже продал им три книги, Зайцев пока только «Древо жизни», но сносился с ними о биографии Чехова, которую он хочет написать, и они уже давно ответили, что «в принципе» очень рады (договора же, повторяю, с ним на нее еще не подписали). В Париже Вреден пробудет всего три дня. Если хотите, я с полной готовностью поговорю с ним о Вас. Вы знаете, как я хочу, чтобы Ваша книга была ими принята. Напишите мне об этом (я живу у сестры¹). Но по опыту я знаю, что мои (да и не только мои) рекомендации у них большого успеха не имеют. Я очень им рекомендовал воспоминания покойной Тэффи, а недавно ее дочь Грабовская² написала мне, что получила от них отказ! Причины мне совершенно непонятны, — кажется, они их Грабовской и не указали³.

Любовь Александровна <Полонская> просит передать Вам (как и Ляля <А.Я. Полонский>) самый сердечный привет и сообщить Вам, что она Вам не пишет, так как Вы, по Вашим собственным словам ей, писем не читаете (?).

Примите и мой самый сердечный привет. Когда Вы приезжаете? Будете ли скоро в Ницце?

Ив<ан> Алек<еевич> чувствует себя не очень плохо.

¹ Л.А. Полонской.

² Грабовская (Grabowska) Валерия Владиславовна (урожд. Бучинская; 1892–1964) — старшая дочь Тэффи, переводчица, сотрудница польского правительства в изгнании, с которым уехала из Польши во Францию, затем в Португалию и в Англию, где поселилась до конца жизни.

³ В 1951 г. Тэффи предложила Издательству имени Чехова сборник рассказов, но ее предложение не было принято. Писательница скончалась, не успев завершить работу над мемуарной книгой «Моя летопись». Сборник ее рассказов вышел в издательстве уже постморти: *Тэффи Н.А.* Земная радуга. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

58. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

21 февраля 1953 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
21/II-53

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо. Конечно, я ничего не имею — и не могу иметь — против того, что бы Вы поговорили с Вреденом о моей книге, — если будет случай, если это Вам ни в малейшей степени не неприятно и т. д. По письму Т.Г. Терентьевой дело как будто бы улажено, но от дела, сделанного «в принципе», до подписанного контракта — есть расстояние. Мне не совсем ясно, почему контракты (по-видимому, все) не могут быть подписаны сейчас. Если сейчас нет денег, аванс может быть выслан позже. Но какая-то причина задержки есть.

Ваше письмо меня очень огорчило. Я собираюсь летом в Ниццу, и был уверен, что наши встречи в *café Mozart* продолжатся. А оказывается, Вы летом будете в Нью-Йорке! Мне правда это очень, очень жаль. Почему бы Вам не поехать раньше, а не в июне, — раз все равно ехать надо? Все говорят, что лето в Нью-Йорке — ад, а Вы как раз едете на самое жаркое время. Вы, конечно, сами об этом подумали, но я ищу доводов в пользу Вашего летнего пребывания в Ницце, хотя и знаю, что они напрасны.

Еще я хочу поделиться одним моим сомнением. Я сегодня послал в «Опыты» рукопись, озаглавленную «Комментарии»¹ — как Гринберг и просил. Но «Комментарии» пишет теперь Карпович². Он, конечно, не обязан знать, что я этим названием пользовался еще 20 лет назад и что у меня есть на него некие «авторские права»³. Может выйти, что это в «пику» ему, тем более что и «Опыты» — отчасти в пику его журналу⁴. Название мне не хочется изменять, я его люблю и свыкся с ним. Что Вы об этом думаете? Между моими «Ком<ментария>ми» и карповичевскими нет ничего общего, но все-таки — что-то меня тут смущает. И, несомненно, 99 % читателей в Америке решат, что я название у Карповича украл.

Любовь Александровна <Полонская> взводит на меня напраслину. Действительно, я иногда письма не дочитываю (зная по опыту, что ничего не теряю), но написал я ей об этом только потому, что она сама об этом догадалась, и написал с заверениями, что к ней относиться это никак не может. Кстати, где же стихи Гизеллы Лахман?⁵ Боюсь, что Л<юбовь> А<лександровна> решила, что я предпочитаю от них уклониться, а это совсем не так⁶.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, самый сердечный поклон Любови Александровне <Полонской> (*malgré la*⁷ напраслина) и Ляле <А.Я. Полонскому>.

А когда будете писать, то кланяйтесь очень Татьяне Марковне.

Хочу с Вами поделиться словами Толстого о «Жизни Иисуса» Ренана, в письме к Страхову. Я только что их с восхищением прочел: «Это детская, пошлая и подлая шалость»⁸. До чего верно, и как сказано!

Спасибо заранее, если ответите о Карповиче, и за разговор с Вреденом.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович Г. Комментарии // Опыты. 1953. № 1. С. 93–106.

² «Комментарии» М.М. Карповича появлялись в «Новом журнале» на протяжении восьми лет почти в каждом номере (1951. № 26–27; 1952. № 28–29, 31; 1953. № 32–35; 1954. № 37–39; 1955. № 41–43; 1956. № 44–47; 1957. № 48; 1958. № 52–54).

³ Заметки под названием «Комментарии» Адамович публиковал на протяжении всей своей эмигрантской жизни — с 1923 по 1971 г. — в разных журналах и альманахах («Цех поэтов», «Числа», «Современные записки», «Круг», «Новоселье», «Опыты», «Новый журнал»). Первая порция появилась даже не двадцатью, а тридцатью годами ранее этого письма: Адамович Г. Комментарии // Цех поэтов. 1923. Кн. 4. С. 59–64.

⁴ Опасения Адамовича оказались небеспочвенными, русские американцы обратили внимание на совпадение названий, в частности, написал об этом Адамовичу В.С. Яновский в несохранившемся письме, см. ответ Адамовича от 7 марта 1953 г.: «Вы мне сообщаете, что “Комментарии” — теперь название Карповича. Я это знаю и этим смущен. Но с другой стороны, оно было моим раньше, чем стало его, и мне оно по душе. Конечно, многие решат, что я название у него украл, а другие скажут, что это ему и его журналу в пику» (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1).

⁵ Лахман Гизелла Сигизмундовна (урожд. Рабинерсон; 1890–1969) — поэтесса, переводчик. С 1918 г. в эмиграции в Германии, с 1933 г. в Швейцарии, с 1940 г. в США, работала в библиотеках Филадельфии и Нью-Йорка, с 1950 г. библиограф Библиотеки конгресса. Подробнее о ней см.: Левинг Ю. «Ахматова» русской эмиграции — Гизелла Лахман // Новое литературное обозрение. 2006. № 81 (5). С. 164–173; *Он же*. Забытые имена русской эмиграции. Поэт Гизелла Лахман // Евреи из России в Америке: Кн. 2 / Ред.-сост. Эрнст Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 103–105.

⁶ По-видимому, Л.А. Полонская просила Адамовича отозваться в печати на книгу Г.С. Лахман «Пленные слова» (Нью-Йорк: Изд-во Кружка русских поэтов в Америке, 1952). Адамович написал о сборнике в обзоре наряду с новыми книгами С.Ю. Прегель, С.К. Маковского и Ю.П. Иваска: Адамович Г. Новые стихи // Новое русское слово. 1953. 4 окт. № 15135. С. 8.

⁷ несмотря на (*фр.*).

⁸ Точная цитата из письма Л.Н. Толстого к Н.Н. Страхову от 17–18 апреля 1878 г. (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 62. С. 414).

59. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

12 марта 1953 г. Ницца

12 марта 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Простите, что долго Вам не отвечал (хотя Ваше письмо было ответным): я задержался в Париже и только теперь, вернувшись в Ниццу, могу засесть за корреспонденцию, — там не было буквально ни одной свободной минуты.

Я обедал с Вреденом 1 марта, было очень весело (много выпили), но больше я его не видел. Он обещал на следующий день позвонить мне, обещал встретиться с Маклаковым, Буниным, записал их адреса и телефоны, но не позвонил ни им, ни мне. Очевидно, уехал еще раньше, чем думал. Я с ним говорил и о Вас, и еще о других писателях. Он, как всегда, был очень мил, сказал, что все сделает, но прибавил (я уже это знал и от Бунина, и от Зайцева), что новые договоры они начнут подписывать только с лета, когда будет вторая ассигновка. В том, что они эту ассигновку получают, Вреден *нисколько не сомневается*. Будем надеяться, что это так: исчезновение Чеховского издательства было бы настоящей катастрофой для всех нас, особенно же для Ивана Алексеевича, так как иначе (говорю конфиденциально) ему просто будет, и очень скоро, нечем жить. Как будто все меценатские возможности уже использованы, а новых иностранных переводов он не ждет. Я просто боюсь об этом думать.

Завтракал я в Париже и с Николаевским¹. Я ему устно повторил то, что раньше писал. Я отклонил приглашение войти в их Координационный центр² и не могу по тем же причинам принять участие в газете Координационного центра³. Но так как мы с ним в очень хороших *личных* отношениях, то я счел возможным спросить его о Вас (и еще о двух писателях): как он и будущий редактор отнеслись бы к Вашему постоянному участию в этой газете. Заверил его (ведь это правда), что говорю от себя, что Вы меня на это никак не уполномочили. Он ответил, что не только не будет возражать, но всячески поддержит это предложение, так как высоко Вас ставит. Прибавил: «Правда, Адамович годами сотрудничал в “Русских новостях”, но для меня это препятствием не будет. Допускаю, что могут быть возражения со стороны Мельгунова». Однако и тогда за завтраком он мне сообщил, что Мельгунов редактором газеты не будет (его почти никто не хочет — это достоверно⁴), а может возражать разве только как председатель К<ординационного> центра. А когда я уезжал из Парижа, туда пришло известие, что Мельгунов из К<ординационного> центра вышел⁵. Это известие «официального подтверждения» не получило до сих пор. Я ему не очень верю. Во всяком случае, редактором будет не он. Теперь говорят больше всего о Зензинове, — с ним поладить легко. Или же будет редакционная коллегия, — не знаю, в каком составе.

Вреден поразил меня сообщением, будто моего романа «Живи как хочешь» уже продано 1500 экземпляров. Я ему не поверил, так как стоит мой роман чрезвычайно дорого и так как «Истоков» не за четыре месяца, а кажется, за три года

продано всего 1100 экземпляров. Он меня заверил честным словом, что это так, и добавил, что некоторые другие книги, особенно Зоценко⁶, продавались еще много лучше. Я этого просто не понимаю. *Кто* может покупать книги по подобным ценам? Боюсь, что в конце концов все эти тиражи окажутся недоразумением, — не могу лишь понять, в чем оно заключается.

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

¹ Николаевский Борис Иванович (1887–1966) — историк, архивист, журналист, общественный деятель, с 1920 г. член ЦК РСДРП(м). В январе 1922 г. выслан из России, жил в Берлине, сотрудничал одновременно в эмигрантских и советских изданиях, официальный представитель в Берлине московского Института Маркса — Энгельса (1924–1931), а также пражского Русского заграничного исторического архива. С 1933 г. в Париже, директор парижского отделения Международного института социальной истории (Амстердам), с 1940 г. в США, в 1949 г. один из организаторов Лиги борьбы за народную свободу.

² Имеется в виду *Координационный центр Совет освобождения народов России* (позже Координационный центр антибольшевистской борьбы), созданный в августе 1951 г. и субсидируемый Американским комитетом союз эмигрантских организаций под председательством С.П. Мельгунова (первоначально их было 5, затем 9, 12, а к 1953 г. 15 организаций, в том числе НТС, Союз борьбы за освобождение России, Российское народное движение, Союз борьбы за освобождение народов России, Лига борьбы за народную свободу, Центральное объединение послевоенных эмигрантов, Комитет объединенных власовцев, а также национальные организации).

³ Газета в результате так и не была создана, Координационный центр антибольшевистской борьбы выпускал «Вестник» (Мюнхен, 1953–1954; вышло 7 номеров). В редколлегия издания вошли И.А. Курганов, А.Н. Михайловский и Г.А. Сааруни.

⁴ Ср. отзыв в воспоминаниях Р.Б. Гуля: «За то время, что Б.И. <Николаевский> был в Париже, мы все, что нужно, обсудили, обговорили. Он спросил о Мельгунове. Я сказал, что едва ли останусь у него в редакции: тут и неврастенический характер С.П., и его методы работы, да иногда и направление журнала. Все говорит за то, что я оттуда уйду. Б.И. рассказал о скором основании в Нью-Йорке Лиги борьбы за народную свободу. Просил быть, пока негласным, представителем ее в Париже. Я согласился. Я рассказал, что ни Ник. Влад. Вольский (Валентинов), ни П.А. Берлин к Мельгунову в журнал не идут, издавна зная его характер. Упомянул, что когда я сказал Ник.Влад. Вольскому, что вступил в редакцию Мельгунова, Вольский с горячностью ответил: “Ну, большей глупости, дорогой мой, вы сделать не могли. Я же его знаю еще по Москве. С ним нельзя работать. Он патологический тип, невропат”» (*Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 3: Россия в Америке / Предисл. и развернутый указ. имен О. Коростелева. М., 2001. С. 137*).

⁵ С.П. Мельгунов остался председателем Центрального бюро Координационного центра, но сам союз столь разных по устремлениям организаций изначально был нежизнеспособным, к тому же сразу дали о себе знать и личные амбиции их руководителей. Трения между ними происходили постоянно, а в начале июня 1953 г. в Координационном центре произошел окончательный раскол, и вскоре Американский комитет прекратил его поддерживать, констатировав в заявлении от 27 августа 1953 г., что единый фронт эмиграции создать не удалось. После этого Координационный центр еще продолжал некоторое время существовать на взносы и пожертвования.

⁶ *Зоценко М. Повести и рассказы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.*

60. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

15 марта 1953 г. Манчестер

Manchester 14
104, Ladybarn Road
15/III-1953

Дорогой Марк Александрович

Я получил Ваше письмо из Ниццы и хочу сказать Вам, что я чрезвычайно тронут Вашим желанием наладить какие-то мои отношения с будущей газетой. Тронут потому, что Вы, конечно, думаете при этом обо мне, а не о газете. Но едва ли из этого что-нибудь выйдет! Я не хочу перед Вами «ломать комедию» и уверять, что у меня есть сомнения в позволительности участвовать в таком издании. *Après tout*¹ (и во французском, и в русском смысле — т. е. после всего, что было) мне все равно, а распространяться, почему, как и отчего все равно — не стоит. Я прекрасно понимаю, что Вы туда не идете. Как сложится будущее — неизвестно, и испортить себе биографию участием в таком предприятии можно еще успешнее, чем писанием в «Русск<их> новостях». Но я на биографию не рассчитываю и скажу еще раз: мне все равно. Может быть, это позорно и постыдно, но я не могу заставить себя чувствовать иначе. Однако другим не «все равно». Мельгунову, наверно, не «все равно», а м. б., и другим. Никаких *démarche*'ей я делать не склонен и не буду, да и их (т. е. Мельгунова и его друзей) сомнения о том, не осквернятся ли они, приглашая «большевика» или хотя бы «экс-больш<евика>», мне противны. М. б., они по-своему правы, как политики. Но... а впрочем, и об этом не стоит писать, долго и скучно. Я почти уверен, что из Ваших добрых желаний ничего не получится, но за самое желание — искренно благодарю². Уверен, что Вы мне возразили бы, что никаких *démarches* с моей стороны и не ожидается. Да, но есть что-то ложное и в этой боязни их сделать, и в осторожности со стороны *puissance invitante*...³

Спасибо и за сведения о Чех<овском> изд<ательст>ве. Что же, будем ждать и надеяться! Уверенность Вредена в получении ассигновки была бы залогом верным, если бы были другие времена. А теперь возможны всякие «новые веяния» и всякие повороты. Очень рад, что Ваш роман так хорошо идет. Он, по-моему, менее занимателен, чем некоторые прежние Ваши романы, и то, что это не препятствует его успеху, делает честь читателям. Есть где-то у Метерлинка очень замечательная страница о занимательности и о том, что ему скучно именно то, что прельщает других⁴. Но я не думал, что сейчас у нас столько Метерлинков, мне, наоборот, казалось, что «Живи как хоч<ешь>» может оказаться всяким новым ди-пи «не по зубам».

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ После всего (*фр.*).

² Адамович писал А.В. Бахраху 26–28 марта 1953 г.: «Какие новости здесь? В сущности — никаких. Насчет газеты — *très vague* [очень неясно (*фр.*)], и отчасти ввиду неясности общего положения и возможности американских желаний не дразнить тигра, явно поджавшего хвост. Вчера был у Бунина: он говорит, что газеты не будет. Но эти сведения у него от Алданова, который мне пишет совсем другое, и Бунин явно что-то путает. Алданов сообщил мне (уже из Ниццы), что завтракал с Николаевским, говорил с ним обо мне и “еще нескольких литераторах” и Николаевский выразил радость, готовность, но сказал, что решение зависит не только от него. На что я Марку Ал<ександрови>чу ответил, что мне довольно противны их колебания и опасения, что с Мельгуновым я во всяком случае дела иметь не могу (да он и не захочет), что мне все равно, кто будет редактор (кроме Мельгунова), что я очень рад в газете писать, но что сам ни одного шага не сделаю и никаких авансов не “эскисирую” [от *фр. esquisser* — намечать], как выражается Маковский. Кстати, выразил некоторое вежливое недоумение, почему он, Алданов, — ратует за участие других, считая лично для себя участие недопустимым. Ответа не получил, да едва ли ответ (на это) будет. В общем — это ящик очень долгий, и даже если бы что-нибудь и вышло, рассчитывать на это нельзя» (BAR. Coll. Vacherac).

³ власть предержавших (*фр.*).

⁴ О каких произведениях идет речь, установить не удалось.

61. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

8 июня 1953 г. Нью-Йорк

8 июня 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Только что получил Ваше письмо¹. Спасибо. Мы оба тоже *очень* жалели, что не повидали Вас перед отъездом.

Одновременно с Вашим письмом пришло из Ниццы письмо от Анны Григорьевны, моей тещи. Она сообщает, что в Сиота в больнице скончался наш бедный Сергей Александрович Мако, прилагает теплый некролог из «Нис-Матэн»². Я знал, что ему жить недолго, но это для меня все-таки тяжелый удар, — я очень его любил, мы годами встречались в кофейнях раза три в неделю. Знаю, что и Вы будете огорчены. Если б Вы как-либо могли способствовать помещению в парижских газетах заметок о нем, это было бы прекрасно, но ведь едва ли Вы можете это сделать? Некролог «Нис-Матэн» я сегодня же послал в Нью-Йорк Лит<ературному> фонду с просьбой о помощи семье.

У меня было тоже впечатление, что Л.Ф. [Зуров] болен³, но признаюсь, мне не приходило в голову, что это может быть *опасно* для И.А. [Бунина]. Боюсь, что Ваши опасения основательны. Но просто не знаю, что же можно сделать?

О статье Ив<ана> Ал<ексеевича>⁴ я чрезвычайно сожалел и так ему и сказал. Был ли уже ответ «Р<усской> мысли» и какой?

Т<атьяна> М<арковна> и все здесь шлют Вам самый сердечный привет. Надеемся скоро вернуться. Не забывайте.

¹ Письмо не сохранилось.

² Публикация не выявлена.

³ В начале 1953 г. у Л.Ф. Зурова проявились первые симптомы душевной болезни. В июле 1953 г. он был помещен в клинику, откуда после успешного завершения курса лечения вернулся 12 декабря 1953 г.

⁴ В своей статье Бунин, в частности, писал: «Нелепая ложь Зеелера была и есть вполне законна в том потоке лжи, которой целых три года, при безмолвном соучастии Зайцева, старалась опозорить меня “Русская мысль”, начав со лжи о том, будто я совершил “сальто-мортале” к большевикам» (Бунин И. К моим «Воспоминаниям» // Новое русское слово. 1953. 17 мая. № 14995. С. 8).

62. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

21 сентября 1953 г. Париж

53, rue de Ponthieu, Paris 8e (до 28-го)

После: The University of Manchester

Russian Department

Manchester

21 сент<ября> 1953

Дорогой Марк Александрович

Надеюсь, что письмо мое еще застанет Вас в Нью-Йорке. У меня есть к Вам маленькая просьба, но — спешу сказать — не связанная ни с какими хлопотами или *démarche*'ами.

Вы, вероятно, помните, что я нахожусь в каких-то смутных переговорах с Чех<овским> изд<ательст>вом. Около года тому назад (в ноябре) я послал им, по срочному требованию Т.Г. Терентьевой, две главы из предполагаемой книги о литературе в эмиграции. В январе получил одобрительный отзыв и обещание прислать контракт в мае. С тех пор — ни слова, ни с моей стороны, ни с их.

Я им писать не хочу. По-моему, это — скорей их дело.

Летом Яновский мне конфиденциально сообщил, что «Вреден колеблется между Вами (т. е. мной) и Слонимом»¹. Это — его право, пусть колеблется и решает.

Но я хотел бы знать, *à quoi m'on tenir*², и хочу Вас спросить, дорогой Марк Александрович, какое Ваше мнение об этом. Вы, вероятно, осведомлены и о будущности Чех<овского> изд<ательст>ва, и о их планах. Повторяю, что ни о чем другом, кроме Вашего личного суждения, я не прошу. Я уезжаю через неделю в Манчестер, и мне хотелось бы знать, надо ли о книге думать — или не стоит. Конечно, за истекший год я мог бы представить изд<ательст>ву не 25–30 страниц текста, а по крайней мере половину книги. Но они об этом не просили, и я не хотел работать впустую.

Простите за эту просьбу. Надеюсь, она Вас не обременит.

Очень жалел, что летом Вас не было в Ницце. Я изредка встречался с Сабанеевым — и всегда вспоминали Вас.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. Ив<ан> Алексеевич, по-моему, совсем плох. В таком состоянии, как сейчас, я его еще никогда не видел. Доктор будто бы говорит, что «ничего» — но я по опыту знаю, что эти докторские «ничего» ничего и не значат.

¹ 7 марта 1953 г. Адамович отвечал В.С. Яновскому на несохранившееся письмо: «Насчет Вредена, ничего я не “проворонил”, согласно Вашему элегантному выражению, а просто мне не о чем с ним было говорить и не за чем к нему в Лондон ехать. Хочет — издаст, не хочет — не надо. Терентьева мне писала, что “да”, значит, я жду и надеюсь, а подлизываться к начальству не намерен. Все это я изложил в письме к Алданову, который должен Вредена видеть в Париже» (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1). К этому же вопросу Адамович вернулся в письме от 10 октября 1953 г.: «Что Вреден колеблется для книги между мной и Слонимом — ну, пусть колеблется! Скажу Вам честно, до денег я жаден, но писать книгу о здешней литературе надо бы, только купив предварительно домик на необитаемом острове. Вы же первый возопите, если я напишу, что хотя Вы и гений, но Шекспир и Гомер тоже были гениями. А другие! <...> Конечно, Слониму лучше книгу на эту тему не поручать. Он напишет, что Пузанов из Воронежа лучше Бунина, <потому> что он именно из Воронежа» (Там же).

² на что мне рассчитывать (*фр.*).

63. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

2 октября 1953 г. Манчестер

2/X-1953

104, Ladybarn Road

Manchester 14

Дорогой Марк Александрович

Искренно благодарю Вас за быстрый ответ и справку о делах Чех<овского> изд<ательств>ва¹. По разным доходившим до меня слухам и толкам я так положение себе и представлял. Будем, значит, ждать — и надеяться.

A part cela², у меня есть к Вам еще просьба, совсем другого характера. Вера Николаевна с возмущением сообщила мне, что кто-то писал Вам, будто Зуров хотел убить Бунина. Я вполне искренно отвел от себя всякие подозрения. А оказывается, виной — именно я! Думаю, что я писал Вам о своей боязни, что внезапные вспышки безумия иногда так кончаются. Действительно, такие опасения у меня были. Но только — опасения, в сущности ни на чем не основанные, кроме взаимной неприязни З<урова> и Б<унина>³. Но Вы знаете, как Вера Николаевна болезненно Зурова взволнована, как она нервна и даже сбита с толку. Мне было бы очень

неприятно быть причиной лишнего ее волнения, и я очень Вас прошу меня не то что «не выдавать», а объяснить — если уж пойдет речь — то, что я имел в виду. Лучше же всего — просто об этом с ней не говорить.

Иван Алексеевич показался мне в это мое пребывание совсем, совсем плох, как я и писал Вам. Но накануне отъезда я был у него на минутку — он меня удивил: такой же был бодрый, как весной. Дай Бог, чтобы это не было именно только на минутку!

В Манчестере я уже два дня. Читаю «Отца» Ал<ександры> Львовны⁴ и места-ми поражаюсь безграничной ее наивности, вроде рассуждения о том, почему до сих пор люди читают «Войну и мир». Но о матери — много лучше, чем в прежних ее писаниях, и, вероятно, вернее. До свидания, дорогой Марк Александрович. Не откажите передать низкий поклон Татьяне Марковне. Счастливого пути в Европу!

Ваш Г. Адамович

¹ Письмо не сохранилось.

² Кроме того (*фр.*).

³ Адамович писал Алданову о болезни Зурова в несохранившемся письме от конца мая — начала июня 1953 г. (см. выше ответ Алданова от 8 июня 1953 г., письмо 61 наст. публ.). Еще несколькими месяцами ранее, 26–28 марта 1953 г., Адамович писал об этом Бахраху: «Бунин плох, хуже, чем был в январе, опять какие-то задыхания и все другое. Но В<ера> Ник<олаевна> в тревоге сообщила мне, что Леня тоже очень нездоров и плохо спит по ночам. “Иван Ал<ексеевич> не знает, но я совсем измучилась, т. к. тоже не сплю из-за этого”» (BAR. Coll. Vacherac).

⁴ Воспоминания Александры Львовны Толстой (1884–1979) были опубликованы двухтомным изданием: *Толстая А.Л. Отец: Жизнь Льва Толстого*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

64. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

14 октября 1953 г. Нью-Йорк

14 октября 1953

Дорогой Георгий Викторович.

Вчера я наконец повидал Вредена, завтракал с ним в его клубе. Он поправился, но в Чеховском издательстве еще не был. К большой моей радости, он мне сказал, что считает издание Вашей книги почти решенным делом, — с той единственной, относящейся к нам ко всем, тяжелой оговоркой: если Чеховское издательство получит деньги. Вреден не сомневается в том, что деньги будут получены, — привел мне много доказательств этого, но все-таки знать это он не может. Как Вам, вероятно, известно, Генри Форд оставил 500 миллионов долларов на культурно-просветительные цели (при одном условии: они не должны быть связаны с политикой). Правление фордовской организации почему-то находится в Калифорнии, и заседает оно раз в месяц (на последнем заседании, как сообщают газеты, они

ассигновали 12 миллионов долларов какому-то американскому университету!). Таким образом, ни Вреден, ни даже члены правления русского отдела фордовской организации, Джордж Кеннан¹ и профессор Мозли², не могут, по-моему, знать, когда, на каком заседании, будет обсуждаться крошечный, по ее масштабам, вопрос о Чеховском издательстве. Оно ждало ответа еще в мае. Теперь говорят о конце ноября, раз в октябре вообще заседания не будет.

Совершенно конфиденциально скажу Вам, что Александрова и Терентьева обе заговорили со мной о Ваших «конкурентах», Слониме и Струве, и заговорили по *своей* инициативе: я по понятным соображениям ни слова не сказал об этом. Обе чрезвычайно Вас хвалили: и те страницы, которые Вы им прислали, и другие Ваши работы. И обе, особенно первая и особенно о первом (об его, Слонима, писаниях), высказались очень отрицательно (как Вы догадываетесь, я молчал и только хвалил Вас, не сказав ничего о С<лониме> и С<труве>). Еще более обрадовало меня то, что и Вреден вчера, хотя и гораздо более сдержанно, сказал мне, и опять по своей инициативе: «Нам предлагал книгу об эмигрантской литературе и Слоним, но какой же он конкурент Адамовичу!»

Со всем тем (независимо от вопроса об ассигновке) лично я не считаю дело решенным, — могут быть посторонние влияния, может быть и то, что они «в первую очередь» книги об эмигрантской литературе не возьмут, — мало ли что может быть. Говорю это, впрочем, лишь на всякий случай.

Если ассигновка последует в конце ноября, то, как сказал мне Вреден, договоры будут подписываться только в самом конце года. Александрова и Терентьева обещали твердо помнить о Вашей книге, но я тогда напомню и Вредену. А вот как сказать Ивану Алексеевичу в его нынешнем состоянии, что если ассигновка и будет, то денег он не получит до января, — я просто не знаю!

Любовь Александровна [Полонская], верно, Вам объяснила, почему я написал Вере Николаевне о Зурове. Подробно повторять не стоит. Я ей Вас НЕ назвал, — сказал только, что «один писатель» писал мне, что опасается покушения З<урова> на Ивана Алексеевича. Кстати, еще до проявления болезни Зурова Иван Алексеевич сам не раз говорил мне, что тот ему грозил («хотел меня бить» и т. д.)³. Так было еще в Грассе. Бедная Вера Николаевна, верно, просто потеряла голову. Скажу ей, как Вы желаете.

Мы послезавтра садимся на пароход. Писать можно по адресу моей сестры.

Оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие наши пожелания. Надеюсь, побываете в Ницце?

¹ Кеннан (Kennan) Джордж Фрост (1904–2005) — американский дипломат, политолог и историк, в марте — сентябре 1952 г. посол США в СССР, с 1953 г. на научно-преподавательской работе; профессор Принстонского университета (с 1956 г.), основатель Института Кеннана.

² Мозли (Mosely) Филипп Эдвард (1905–1972) — ученик М.М. Карповича, профессор Колумбийского университета, директор Русского института, один из организаторов и первый глава Бахметевского архива. См. о нем некролог: *Dallin A. Philip E. Mosely, 1905–1972 // Russian Review. 1972. Vol. 31. № 2 (Apr.). P. 209–211.*

³ О сложных взаимоотношениях двух писателей см. в публикации их переписки: «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым (1928–1929) / Вступ. ст. И. Белобровцевой; публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 232–284; «Дорогой Еруслан», «Дорогой Бова», «Милый, милый Леня»: Переписка И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым. Часть 2 (1933–1953) / Вступ. ст. И. Белобровцевой; публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2 / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. С. 179–224.

65. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

23 октября 1953 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
23/X-1953

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо и за то, что Вы сообщаете о Чех<овском> изд<ательств>е. Еще больше — за то, что Вы говорили с Вреденом о моей предполагаемой книге. Поверьте, у меня не было и в мыслях просить Вас об этом. Но если был случай, если это было Вам не слишком неудобно, — что же, я очень рад. Меня несколько удивило, что, по Вашим словам, Александра в этом деле — скорей мой сторонник. Бывает ведь, что на расстоянии, без всяких конкретных оснований, чувствуешь отношение к себе. Так мне почему-то казалось, что Александра *n'est pas mon homme*¹ и скорей сторонница слонимовской линии в литературе. Если я ошибся, тем лучше. Но вообще-то я об этой книге думаю со страхом и даже тоской. «И хочется, и колется». Ее следовало бы написать, предварительно уехав на необитаемый остров.

Надеюсь, что Вы совершили приятное путешествие и рады возвращению в Европу. Передайте, пожалуйста, привет и низкий поклон Татьяне Марковне. Как ее и Ваше здоровье? У меня есть слабая надежда побывать на Рождество — или чуть-чуть позже — в Ницце. Был бы очень рад пожать Вашу руку, посидеть в *café de Lyon*, да после здешних сплошных туманов и посмотреть на ниццское небо было бы приятно.

Ваш Г. Адамович

¹ не мой человек (*фр.*).

66. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

12 января 1954 г. Манчестер

[на бланке Манчестерского университета]

104, Ladybarn Road

Manchester 14

12/I-1954

Дорогой Марк Александрович

Хотел написать Вам еще из Парижа, но в обычных парижских хлопотах — не успел. С удовольствием вспоминаю наши встречи в Ницце и жалею, что они были так коротки. От всей души желаю, чтобы Ваши семейные невзгоды и болезни оказались мимолетны и все вошло бы в норму. Par le temps qui court¹, это единственное, о чем лично я мечтаю: чтобы ничего не изменялось.

У Люб<ови> Александровны <Полонской> я был два раза, и, м. б., виноват тем, что несколько встревожил ее рассказом о Вашем грустном настроении. Мы не условились с Вами насчет этого, и я откровенно передал ей свое впечатление. Простите, если что-нибудь получилось не так, как следовало бы. Подчеркиваю, что говорил я не о здоровье — Вашем или Татьяны Марковны — а именно о настроении.

Вера Николаевна как-то еще растеряннее, чем была. Мне показалось, что Леня опять возбужден и вообще странен, хотя ни одного ненормального слова он не сказал. Говорили обо всем, в частности о сборнике памяти И<вана> А<лексеевича>². Мысль о редактировании Александровой явно В<ере> Н<иколаев>не не по душе, как и Лене, конечно. Сборник будто бы будет «не наш», и так, т. е. на этом, разговор и кончился. В том, что Чех<овское> изд<ательст>во сдержит все свои обещания, В<ера> Н<иколаевна> не сомневается и ждет контракта в ближайшие дни. Я не стал ее смущать и пугать. Денег у нее совсем нет, хотя какой-то чек на 400 долл. должен вскоре прийти, и задержка только формальная. На Лит<ературный> фонд большая обида из-за того, что деньги обещаны, но не высланы, а что не высланы они по соображениям «опеки» — В<ера> Н<иколаевна>, очевидно, не знает и не догадывается.

Вот, кажется, всё. Насчет Мельгунова: разрыв с Гукасовым³ произошел будто бы бурно и мгновенно, а причина разрыва — денежная, чуть ли не с обвинениями в растрате. Первым кандидатом в редакторы был Г. Мейер⁴, но почему-то отказался или не подошел. В день моего отъезда я узнал, что редактором будет Померанцев⁵. Это — ближайший друг Г. Иванова, человек не бездарный, но бестолковый, а при слабой общей грамотности все время цитирующий Парменида или Гейдеггера. Едва ли он редактор — надолго.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Крепко жму Вашу руку. Передайте, пожалуйста, низкий поклон и привет Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ По нынешним временам (*фр.*).

² Идея сборника принадлежала А.В. Бахраху, см. письмо Адамовича к нему от 17 ноября 1953 г.: «Ваша идея о сборнике — правильна. Что-то такое — “*hommage*” [дань уважения (*фр.*)], по возможности, коллективный — надо бы сделать. К сожалению, коллектив наш только довольно скудный, а из “того” лагеря — т. е. зайцевского — никого приглашать не надо бы, да, в сущности, и там никого нет. Чех<овское> изд<ательство>во вообще на ладан дышит, и еще неизвестно, прельстится ли оно этой идеей, мало “рентабельной”. Но это, как Вы верно рассудили, область и дело Алданова, и Вы хорошо сделали, что первому ему об этом написали» (Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху (1952–1953) / Публ. Вадима Крейда и Веры Крейд // Новый журнал. 1989. № 217. С. 71–72). Первоначально предполагалось, что редактором сборника будет Адамович, но он категорически отказался выступить в этом качестве, см. его письмо А.В. Бахраху от 25 ноября 1953 г.: «О сборнике памяти И<вана> А<лексеевича>: ни в коем случае быть его единоличным редактором я не согласен, несмотря на высокую честь. Если в компании — *pourquoi pas?* [почему бы и нет? (*фр.*)]. По-моему, и лучше коллективное редакторство, а еще лучше никаких редакторских имен не упоминать» (BAR. Coll. Bacherac).

³ С.П. Мельгунов редактировал издававшийся А.О. Гукасовым журнал «Возрождение» с сентября 1949 г. по январь 1954 г. (№ 5–31). После того как в редакции «Возрождения» в конце 1953 г. произошли перемены (в частности, секретарем стал Е.М. Яконовский, а Г.А. Мейер ближайшим сотрудником), многие авторы печатно заявили о прекращении сотрудничества с журналом. С.П. Мельгунов, ознакомившись с № 31 (январь 1954 г.), заявил о том, что не может больше «сотрудничать с “Возрождением” Гукасова» (*Мельгунов С. Письмо в редакцию // Русская мысль. 1954. 8 янв. № 622. С. 5*). На обложке следующего номера его имени уже не было, номер открылся неподписанным сообщением об уходе С.П. Мельгунова, завершавшимся словами: «Издательство просит адресовать письма и статьи на имя секретаря редакции Евгения Михайловича Яконовского» (От издательства «Возрождение» // Возрождение. 1954. Март — апр. № 32. С. 8). В таком виде, без утвержденного редактора, журнал выходил на протяжении целого года, затем появилось объявление: «Издательство просит адресовать письма и статьи на имя Георгия Андреевича Мейера» (Возрождение. 1955. Янв. № 37. С. 4).

⁴ Мейер Георгий Андреевич (1894–1966) — публицист, критик, литературовед, сотрудник «Родной земли», позже «Возрождения». В 1955 г. исполнял обязанности редактора «Возрождения», но недолго, уже осенью в журнале появилось объявление: «Вследствие болезни Г.А. Мейера издательство просит адресовать письма и статьи на имя Владимира Александровича Верещагина» (Возрождение. 1955. Ноябрь. № 47. С. 4), а в марте 1956 г. (№ 51) статьи предлагалось адресовать на имя нового секретаря редакции И.К. Мартыновского-Опишни. В таком состоянии журнал выходил на протяжении почти трех лет, и лишь после ряда высказанных в печати недоумений по поводу никем не управляемого издания в январе 1959 г. (№ 85) на титульном листе появился официальный список редакторов: «...при ближайшем участии кн. С.С. Оболенского, В.А. Злобина и И.К. Мартыновского-Опишни».

⁵ Померанцев Кирилл Дмитриевич (1907–1991) — поэт, журналист, сотрудник «Возрождения» и «Русской мысли», где, помимо стихов и рецензий, публиковал статьи и эссе философской тематики, весьма пафосные, но не очень глубокие. Ср. относящийся к этому же времени отзыв Д.И. Кленовского в письме к В.Ф. Маркову от 14 января 1954 г.: «Читаете ли вы “Рус<скую> мысль”? Заметили ли Вы там высказывания об эмигрантской поэзии некоего К. Померанцева, который подвизается, кроме того, там же и в “Возрождении” как поэт, романист, философ, историк и т. д. и т. д. Нечто совершенно умопомрачительное по апломбу и безответственности! Меня от его писаний в дрожь бросает! И не находится никого, кто бы поставил его на место» («Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 105).

67. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

16 января 1954 г. Ницца

16 января 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Очень благодарим Вас за письмо и за неизменное внимание. Мне еще больше, чем Вам, жаль, что Вы были в Ницце так недолго.

Ничего худого не было в том, что Вы сказали Любове Александровне <Полонской> о наших настроениях. Я им сам об этом писал.

А вот удивили Вы меня сообщением о Вере Николаевне. Я от нее вчера получил письмо, в котором она пишет, что никаких известий от Чеховского издательства не имеет и что это ее беспокоит. Вы же пишете, что она «не сомневается» в исполнении издательством всех (?) его обещаний и ждет контракта «в ближайшие дни». Обещание (словесное, т. е. не обязательство) было только в отношении книги рассказов, т. е. они в издательстве все мне летом говорили, что эту книгу издадут (как и мою «Повесть о смерти»). Что же они могли обещать еще? О сборнике памяти Ивана Алексеевича, насколько мне известно, пока и речи с ними не было? А я все не могу сообщить Вере Николаевне ничего и о книге рассказов. На днях я получил коротенькие письма и от Александровой, и от Терентьевой, но в них не было *ни слова* ни об этой книге, ни о «Повести о смерти». Позавчера я написал Александровой и решил ее спросить и о них, и о Вашей книге. Когда получу ответы, сообщу и Вам, и Вере Николаевне.

Теперь о сборнике памяти И.А. <Булнина>. Думаю (разумеется, не уверен), что шансов в Чеховском издательстве мало (уж скорее в «УМСА-Пресс»?). Напишет ли Бахрах или кто другой Чеховскому издательству? Повторяю, я в редакторы ни за что не пойду. Если и Вы не согласны, а В.Н. <Булнина> не хочет Александровой, то кого же предложат? По-моему, на Зурова и там не согласятся, — это уже подорвало бы все шансы у них. Что же Вам об этом сказала В.Н. <Булнина>? Неужели она хочет, чтобы был Леонид Федорович <Зуров>? Ведь говорили же Вы с ней и о редакции? Я ничего ей об этом писать не могу, а издательству тем более¹.

Кускова и Маклаков пока не получили моей «Ульмской ночи». Вероятно, еще не получили и Вы? Сообщите, пожалуйста, когда получите.

По совести, думаю, что будет «смешанная», хоть и с комплиментами, быть может, рецензия в «Н<овом> р<усском> слове», а затем, кроме брани, ничего не жду².

Мориак отказался председательствовать на спектакле в память Бунина в «Вье Коломбье»³. Не знаю, будет ли этот спектакль. Вера Николаевна очень хочет, чтобы он был. Думает, что она и без Рогнедова⁴ продаст билеты! Я этого не думаю.

Она еще пишет (как будто по поводу ненапечатанного дневника Ивана Алексеевича, но без всякой связи с ним): «О многом не могу писать... И мерзавцы же есть на свете». Мне было бы неприятно ее спрашивать, что и кого она имеет в виду. Вероятно, она говорила то же и Вам? Пожалуйста, сообщите, в чем дело⁵.

У нас нового ничего. Все так же невесело, — очень невесело.

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет и наши лучшие пожелания.

Узнали ли в Париже еще какие-либо литерат<урные> новости? Напишите.

¹ 27 января 1954 г. Адамович писал А.В. Бахраху: «Алданов спрашивает, “написал ли Бахрах Чех<овскому> изд<ательст>ву с предложением сборника памяти И<вана> А<лексеевича>?” Я ответил, что, по-моему, Вы считаете, что это его роль и дело. Правда? Но я думаю, что сборник лучше отложить ввиду неладов из-за редакторства» (BAR. Coll. Bacherac). Сборник в результате так и не увидел свет.

² В «Новом русском слове» рецензию написал Адамович, оценив книгу очень высоко (Адамович Г. «Ульмская ночь» // Новое русское слово. 1954. 4 апреля. № 15317. С. 8). О том, что Адамович на этот раз в своей оценке не лукавил, свидетельствует его письмо от 24 февраля 1954 г. к А.В. Бахраху, с которым Адамович был наиболее откровенен: «Насчет того, что еще возможны всякие “сюрпризы”, то об этом я как раз читаю сейчас книгу Алданова “Ульмская ночь”: все в жизни есть случай! Кстати, книга очень интересна, но не для Вас, а для любителей чтения серьезного» (BAR. Coll. Bacherac). Среди прочих отзывов, хоть и попадались «смешанные», но «брани» не содержали и они.

³ «*Vue Colombie*» (Théâtre du Vieux-Colombier; «Театр старой голубятни») основан в 1913 г. Жаком Копо в шестом округе Парижа (21, rue du Vieux-Colombier). После войны здесь нередко ставили русскую классику (в частности, Ю.П. Анненков). Сведений о том, что спектакль памяти Бунина состоялся, найти не удалось, но возможно, что организаторы просто немного изменили планы. В это время состоялось несколько мероприятий памяти Бунина в разных городах и странах. В Париже вечер памяти Бунина под почетным председательством В.А. Маклакова был проведен совместно Объединением русских писателей и поэтов и Комитетом по увековечению памяти И.А. Бунина 11 апреля 1954 г. (в Salle Chopin; 8, rue Daru), он открылся выступлением Адамовича. Еще один вечер под названием «Hommage à Ivan Bounine» состоялся 10 мая 1954 г. в Париже (в помещении La maison internationale des P.E.N. Clubs; 66, rue Pierre-Charon).

⁴ *Рогнедов* Александр Павлович (?–1958) — импресарио в Киеве, позже в Париже, имевший широкие связи в Европе. См. о нем очерк Б.К. Зайцева «Наш Казанова» (Русская мысль. 1959. 3 февр. № 1325).

⁵ В сохранившейся переписке Адамовича с Верой Николаевной таких упоминаний нет. (См.: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 8–164.)

68. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

24 января 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
24/I-54

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо — и за то, что в письме Чех<овскому> изд<ательст>ву спросили и обо мне. Судя по всему, что я знаю (от Вас), надежды у меня мало, но пока нет отказа, есть все-таки «огоньки впереди»¹. Едва ли Бахрах уже писал им и предлагал издать сборник памяти И<вана> А<лексеевича>. Думаю, что он надеялся в этом смысле на Вас (хотя ничего определенного не знаю). Мне кажется, что ввиду всяких разногласий и неурядиц идею эту вообще лучше отло-

жить. Такой сборник может выйти и через год-два. А вот вечера памяти И<вана> А<лексеевича> устраиваются даже в Венесуэле. А в Париже — ничего. Насчет того, кто «мерзавцы», о которых писала Вам Вера Ник<олаев>на, ничего сказать не могу. Кроме обычных разговоров о Зайцеве, ничего такого от нее не слышал. Кантор мне пишет, что она считает, что у нее осталось 4 друга: Вы, Любовь Ал<ександров>на <Полонская>, он (Кантор) и я. Мне ее очень жаль, она сбита с толку, ни в чем отчета себе не отдает и, действительно, друзей у нее мало (как было их в последние годы мало и у самого И<вана> А<лексеевича>). Но ее беспокорство о Чех<овском> изд<ательств>е — для меня новость. При мне она ждала желанного письма со дня на день и считала дело верным.

«Ульмской ночи» я еще не получил. На днях пришел от них пакет, и я был уверен, что это Ваша книга, но оказалось — поэтическая антология Иваска, со множеством таинственных для меня незнакомцев, вероятно, из ди-пи². Спасибо большое за книгу. Буду ее читать со всем вниманием, на которое способен — а главное, медленно, п<отому> что чем больше живу и читаю, тем яснее вижу, что от быстрого чтения и проку нет, да и понимаешь $\frac{1}{10}$ из того, что сказано автором. Бердяев читал толстую философск<ую> книгу в два часа. У меня еще убавилось к нему доверия и почтения, когда я узнал это.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Как все у Вас? Как глаза Анны Григорьевны? Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Отсылка к популярному в начале века стихотворению в прозе Короленко «Огоньки» (1900): «Свойство этих ночных огней — приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своей близостью... Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, и они еще далеко. И опять приходится налегать на весла... Но все-таки... все-таки впереди — огни!» (Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1953. Т. 1. С. 379).

² Речь идет о книге: На Западе: Антология зарубежной поэзии / Сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. Вскоре Адамович посвятил этой антологии статью, в которой вел речь лишь о тех поэтах, которые составили последний раздел «Новые голоса» (Д. Кленовский, И. Елагин, О. Анстей, Ю. Трубецкой, В. Марков, Н. Моршен, Ю. Галь): Адамович Г. Новые голоса // Новое русское слово. 1954. 6 июня. № 15380. С. 8.

69. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

31 января 1954 г. Ницца

31 января 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Получил Ваше письмо, а вчера и письмо от Александровой. Я ее о Вашей книге запросил, и она отвечает: «Думаю, что не превышу своих полномочий, если скажу Вам, что мы очень хотели бы издать Адамовича, — и ждем от него продолжения

его рукописи». — От себя добавляю: это не обязательство, но похоже на что-то вроде морального обязательства. Действительно, ведь Вы им послали очень немного страниц (от Маклакова они потребовали трети рукописи, и он им прислал 80 печатных страниц ДО заключения договора). Убедительно Вам советую исполнить их желание. В самом худшем случае, если они все-таки книги не возьмут, — Вы, верно, будете иметь возможность почти все написанное напечатать в «Опытах», в «Н^{овом} р^{усском} слове» или еще где-либо.

О Вере Николаевне и обо мне она пишет тоже довольно неопределенно, — дело, мол, в принципе решенное, — но договора мы пока не имеем. Между тем и «Петлистые уши», и моя «Повесть о смерти» сданы им были полностью еще летом. Тем не менее, я почти уверен, что они книги издадут.

Разумеется, Вы можете сослаться на вышеприведенные слова Александровой в письме к ней. Но лучше с той же ссылкой пришлите ей и продолжение. Помимо всего прочего и само собой разумеющегося, ведь это немалые деньги. Если Вы долго будете ждать, то они могут, боюсь, предложить Вашу тему другим. Тем более что Александрова понимает, что я ее слова Вам немедленно сообщу, — «а он не откликнулся». Всего легче, — напишите ей тотчас, что к такому-то сроку сдадите им столько-то страниц, а все — тогда-то.

Анна Григорьевна¹ чувствует себя лучше, вчера Т^{атьяна} М^{арковна} водела ее опять к окулисту, и он очень обнадеживает.

Вы мне писали, что редактором «Возрождения» будет Померанцев. Совершенно ли это достоверно? Я как раз на днях получил письмо от Бор. Зайцева, и он мне сообщает к слову, что в «Возрождении» длительный кризис и что Гукасов его, Зайцева, вызывал к себе, — не то для совещания, не то для предложения ему редакторского поста (для чего именно, из письма Б^{ориса} К^{онстантинови}ча не ясно).

Маклаков и Кускова уже получили «Ульмскую ночь». Надеюсь, получили и Вы? Вы ведь говорили, что Кантор все Вам пересылает, — все приходящее по Вашему парижскому адресу.

Совершенно с Вами согласен о Бердяеве.

При нынешнем нашем положении в Ницце я едва ли скоро смогу приехать в Париж. Между тем с вечером памяти Ивана Алексеевича в Пен-Клубе как будто Рогнедов спешит. Помните Ваше обещание приехать и прочесть о нем доклад для французов.

Мне тоже очень жаль В^{еру} Н^{иколаевну} <Бунину>, — ее материальное положение также отнюдь не улучшается². И это через три месяца после кончины Ивана Алексеевича! Что же будет потом?! Пишу письмо за письмом, и толку мало.

Оба шлем самый сердечный привет и самые лучшие наши пожелания. У Т^{атьяны} М^{арковны} нормальное давление крови держится.

¹ Зайцева Анна Григорьевна (1871–1959) — теща Алданова.

² В 1954 г. В.Н. Бунина с помощью парижского литературного агента Дженнифер Брэдли смогла получить от американского правительства авторские отчисления за изданные в США переводы книг Бунина. Деньги были «заморожены» с конца 1940 г., поскольку Бунины проживали на оккупированной территории (гонорары за послевоенные американские издания

Бунин получал исправно, а о деньгах, накопившихся за время войны, видимо, даже не подозревал). Первую часть денег (380 долларов) В.Н. Бунина получила в июне, а вторую (488 долларов) в середине ноября 1954 г. См. дневниковые записи В.Н. Буниной за 5 февраля, 13 июня и 19 сентября 1954 г. (Leeds Russian Archive. University of Leeds (далее — Leeds). MS.1067/501 и 431), а также письмо Дж. Брэдли от 5 ноября 1954 г. с приложением чека и извещения от государственной казны США (Leeds. MS. 1067/1493-1495).

70. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

3 февраля 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
3/II-54

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо, за цитату из письма Александровой — и еще за то, что сообщаете о здоровье Татьяны Марковны и Анны Григорьевны. Я рад не только хорошим вестям, но и тому, что Вы, значит, верите, что справлялся я об этом не потому, что «так принято».

Александровой я отвечаю сегодня же¹, но отвечаю не совсем то и не совсем так, как Вы советуете. Я ей пишу, что произошло недоразумение (разумеется, в самом что ни на есть вежливом и сговорчивом тоне). Больше года тому назад Терентьева, ее заместительница, сообщила мне, что они обе чуть ли не «в восторге» от тех двух глав, которые я по ее требованию спешно послал, и постарается выслать контракт, как только это будет возможно.

Из этого я вправе был заключить, что для решения: да или нет? — присланных глав достаточно, и работу прекратил. Все время я ждал, что письмо и обещание Терентьевой получит продолжение. Но их молчание длилось больше года — а теперь, оказывается, они «ждут продолжения рукописи»! В ближайшие 2–3 месяца я занят: мне надо написать к апрелю маленькую книжку о советск<ой> литературе для «Amis de la liberté»² и, кроме того, надо кончить большую книжку, которую я забросил и оставил на половине³. Я пишу Александровой откровенно, что был бы ей очень благодарен, если бы она обещание Терентьевой оставила в силе — и при решении брать книгу или не брать считала бы, что с этой стороны все в порядке, т. е. что присланных двух глав достаточно. В таком случае я всю рукопись ей доставил бы к концу сентября. Ну, а если нельзя — то нельзя, и пусть делает как знает. Никаких дополнительных глав «на пробу» я сейчас, да и вообще до конца весны, в лучшем случае, послать ей не могу. Помимо того — но об этом я пишу Вам, а не ей — до осени все может опять измениться, и моя «проба» пропадет напрасно. С договором — дело верное.

Простите, Марк Александрович, что так подробно пишу Вам о том, что, в сущности, Вас не интересует. Но Вы сами оказались по своей воле *intermediaire*'ом⁴ между Александровой и мной. Оттого я считаю нужным Вам о положении дела сообщить.

Насчет «Возрождения» и Померанцева — Вы правы: он, по-видимому, сам распустил слух о своем редакторстве, когда еще не был на этот высокий пост назначен. Меня это известие удивило, т. к. даже для «Возрождения» это было бы падением. Мне пишут из Парижа, что теперь Померанцев в унынии, дело сорвалось, а кто будет редактором — неизвестно.

Писал ли Вам из Лондона Колин-Гершун⁵ о вечере памяти И<вана> А<лексеевича> в эмигрантском отделении Пен-клуба?⁶ Он сам читает доклад⁷, а меня просит быть председателем (т. к. их председательница М^{ме} Кунцевич⁸ сейчас в Ницце) и сказать несколько слов для вступления. Будет это 19 февраля. Я согласился, но с тем, что говорить буду по-французски, а не по-английски, — кроме того, советовал написать Вам и попросить Вас прислать хотя бы полстранички о Бунине, которые он и огласил бы. Кроме того, он хотел писать В<ере> Н<иколаевне> с просьбой прислать портрет И<вана> А<лексеевича> — которых у нее много, всех размеров. Не знаю, сделал ли он все это. Я его вообще почти не знаю, он приезжал в Манчестер на один вечер и произвел на меня впечатление болтуна не без развязности. Посмотрим, что будет за доклад. Он непременно хотел пения на слова И<вана> А<лексеевича>. По-моему, никто романсов на его слова не писал, — или я ошибаюсь? Только что пришел сюда «Новый журнал», и я вижу, что там Ваша статья о И<ване> А<лексеевиче>⁹. Прочесть ее я еще не успел, — но думаю: м. б., Колин мог бы перевести что-нибудь оттуда, если Вам не хочется писать для него специально?

Насчет рогнедовского вечера в Пен-клубе: Вы мне напоминаете о моем обещании приехать, если надо. Конечно, если надо, я приеду. Но надо ли? В этом я сомневаюсь искренне, без всякого притворства. Но если надо, мне было бы крайне желательно, чтобы вечер был в пятницу или субботу (университет очень строг насчет отпусков, каковы бы ни были причины). А во-вторых, я сказал Вам, что дорога — aller retour¹⁰ — стоит 30 фунтов. Нет, всего 16, о чем сообщаю «во избежание недоразумений». С 25 марта до 20 апреля я во всяком случае рассчитываю быть в Париже.

«Ульмской ночи» все еще нет. Кантор — человек аккуратный и мне пересылает все, да и моя консьержка тоже пересылает ему все без особой задержки. Но, конечно, могло что-нибудь произойти, и в последнем письме Кантор писал мне, что простудился: может быть, он не выходит (допускаю еще и то, что, получив книгу, он на несколько дней оставил ее у себя для прочтения, — на что есть у него от меня полное разрешение).

До свидания, дорогой Марк Александрович. Простите за чрезмерно длинное письмо. М. б., пригласить Веру Марковну на вечер 19 февраля? Не знаю только, стоит ли: м. б., вечер будет таким, что лучше его и не рекламировать! Передайте, пожалуйста, самый сердечный поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович действительно написал В.А. Александровой в тот же день, изложив все свои соображения, которые привел и в письме М.А. Алданову, см.: «Простите, что пишу Вам по делу...»: Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955)

// «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 208–209.

² «Друзья свободы» (фр.).

³ Ни ту ни другую из упомянутых здесь книг Адамович так никогда и не написал.

⁴ посредником (фр.).

⁵ Гершун-Колин Андрей Иванович (1892–1957) — литератор, философ, участник Белого движения, в эмиграции жил в Англии, один из организаторов «Центра писателей-беженцев» при английском ПЕН-клубе.

⁶ Три недели спустя, 24 февраля 1954 г., Адамович писал А.В. Бахраху о вечере памяти И.А. Бунина, организованном «Центром писателей-беженцев» и лондонским ПЕН-клубом: «Был на днях в Лондоне, на вечере памяти И<вана> А<лексеевича>. Ничего, могло быть много хуже. Я, как Вам известно, был президентом, произнес блестящую речь, но по-французски, а не по-английски. Все, кажется, были достаточно грамотны. Вчера был даже отчетик об этом вечере в “Manchester Guardian”, довольно неожиданно» (BAR. Coll. Vacherac). 7 марта 1954 г. Гершун-Колин прислал В.Н. Буниной более подробный отчет: «Вечер в память усопшего Вашего мужа прошел с большим подъемом, при большом стечении русской, польской и английской публики. Хотя вечер был организован мною, председательствование было предложено мною Георгию Викторовичу Адамовичу, как большому знатоку русской литературы и другу покойного Бунина. Он предложение принял и специально приехал из Манчестера. Сказав несколько слов по-английски, Г<еоргий> В<икторович> продолжал свою речь по-французски. Почти все его понимали и очень оценили его речь. В.П. Белявина говорила о богоискательстве Бунина. Mr. R. Evans произнес речь об отражении бунинского творчества в восприятиях тех англичан, которые либо по подлинникам, либо по переводам знакомы с его произведениями. Г-жа Fitz Lyon прочла переведенную ею на англ<ийский> язык статью М. Алданова о Бунине в “Le Monde”. Стихотворения покойного, специально переведенные в стихах г-жой F, были прочитаны декламаторшей, г-жей Crosland. Д.М. Леско пела романсы, под аккомпанемент гитары. Я же сделал подробный доклад о творчестве Бунина и прочел несколько отрывков по-русски и по-английски. Доклады и декламация заняли 2 часа, но все оставались до самого конца. Память покойного Ив<ана> Ал<ексеевича> была достойно почтена!» (Leeds. MS. 1067/2342).

⁷ По всей видимости, тезисы этого доклада А.И. Гершун-Колин и положил в основу своей статьи о Бунине, которая вскоре была опубликована на английском языке: *Colin A. G. Ivan Buninin retrospect // The Slavonic and East European Review. 1955. Vol. XXXIV. № 82. P. 156–173.* Русский перевод А.В. Курт см. в изд.: *Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы): Антология / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М., 2010. С. 487–494.*

⁸ *Кунцевич* (Kunsewiczowa) Мария (1897–1989) — польская писательница русского происхождения, прозаик, эссеист, филолог, переводчица; в 1940–1955 гг. жила в Великобритании, председатель эмигрантского отделения ПЕН-клуба.

⁹ Алданов М. О Бунине // *Новый журнал.* 1953. № 35. С. 130–134.

¹⁰ туда и обратно (фр.).

71. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

6 февраля 1954 г. Ницца

6 февраля 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Ну что ж, надо ожидать ответа Александровой. Боюсь только, что по 20–30 страницам рукописи они договора еще не подпишут. Меня ведь удивило не то, что теперь написала Александра, а то, что Вам год тому назад написала Терентьева: насколько мне известно, они до сих пор ни разу не подписывали договоров, не получив трети или хоть четверти рукописи. А чаще всего требовали, чтобы им прислали не меньше половины.

Я просил издательство послать Вам «Ульмскую ночь» уже давно. Давно получили ее Кускова и Маклаков. Из этого я заключаю, что либо они моего желания не исполнили, либо книга пропала. Поэтому я сегодня отправил Вам отсюда мой экземпляр (один из двух). Но прошу Вас непременно, если Вы все-таки получите экземпляр от издательства, пришлите его мне по почте. Разумеется, незачем Вам торопиться с чтением, — прочтете, если захотите и когда захотите. Но я советовал бы Вам пропустить или отложить две первые главы, они особенно скучны и отобьют у Вас охоту читать дальше, как отбили у моей сестры, у моего приятеля Лунца и, быть может, у других.

Дальше от руки (строк 5): застопорилась машинка.

72. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

10 февраля 1954 г. Манчестер

Manchester

10/II-1954

Дорогой Марк Александрович

Получил сегодня книгу, и очень за нее благодарю, притом не только за внимание Ваше (и надпись, меня приведшую в некоторое смущение и замешательство!), но заранее за читательское удовольствие: я только перелистал книгу, и почувствовал к ней такой «аппетит», чуть не к каждой странице, что примусь читать завтра же, и жалею, что кое-что прочел наспех, без связи с целым. Вы мне советуете не читать первых глав! Но при всей моей малограмотности в этих вопросах интерес и любопытство у меня к ним великое, — как же я это пропущу! Мимоходом видел, что Вы чуть-чуть обидели Платона, и «возмутился духом», ибо даже сквозь плохие переводы (но «Федон» переведен хорошо, кажется, Жебелевым¹, недавно) там есть какая-то такая «прозрачная и прохладная» прелесть, м. б., не столько самой мысли, сколько чего-то над ней и около нее, что не знаю, с кем и сравнить.

Похоже на лучшее, что есть у Пушкина, — будто отсутствие красок, все черное и белое, особенно в «Федоне» именно, хотя доказательства там и детские. Простите за непрошенные рассуждения.

И насчет «клякс» в «Войне и мире» — очень мне понравилось и показалось очень верно². Там есть замечательная не «клякса», а пропуск в сцене туалета Наполеона, перед Бородиным³. Все взято у Лас-Каза⁴, но пропущено то, что хорошо — чтобы вышло противно.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Еще раз спасибо. Если получу книгу от Чех<овского> изд<ательст>ва, сейчас же ее Вам вышлю. Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941) — историк, специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии и классической филологии, академик АН СССР (1927); профессор кафедры греческой словесности Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета (в 1904–1927), затем сотрудник Государственной академии истории материальной культуры. Адамович имеет в виду его перевод «Федона», опубликованный в издании: Полное собрание творений Платона: В 15 т. / Под ред. С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, Э.Л. Радлова. Пб.; Л.: Academia, 1922–1929. Т. 1: Евтифрон. Апология Сократа. Критон. Федон / Пер. С. Жебелева. Пб., 1923.

² Имеется в виду рассуждение Алданова: «“Величайшая книга всех времен — это ‘Война и мир’ Толстого”, — недавно сказал Сомерсет Мохэм. И если в ней редко, чрезвычайно редко встречаются крошечные кляксы, то они объясняются тем, что Толстой, едва ли не в первый раз в художественном произведении, хотел подогнать жизнь под свою философию и впадал в противоречие сам с собой» (Алданов М. Ульмская ночь: Философия случая. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 16–17).

³ Речь идет об эпизоде романа Л.Н. Толстого (Война и мир. Т. 3. Ч. 2. XXVI): «25-го августа, накануне Бородинского сражения... Император Наполеон еще не выходил из своей спальни и оканчивал свой туалет. Он, пофыркивая и побряхтывая, поворачивался то толстой спиной, то обросшей жирной грудью под щетку, которою камердинер растирал его тело. Другой камердинер, придерживая пальцем склянку, брызгал одеколоном на выхоленное тело императора с таким выражением, которое говорило, что он один мог знать, сколько и куда надо брызнуть одеколому. Короткие волосы Наполеона были мокры и спутаны на лоб. Но лицо его, хоть опухшее и желтое, выражало физическое удовольствие: “Allez ferme, allez toujours...”» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 11. С. 213). Сцену утреннего туалета Наполеона Л.Н. Толстой несколько раз переписывал, см. черновики к роману.

⁴ Лас Каз (Las Cases) Эммануэль Огюстен де, граф (1766–1842) — французский картограф, камергер Наполеона, автор книги о нем «Мемориал святой Елены» (*Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène suivi de Napoleon dans l'exil par M. M. et de L'Historique. Tt. I–VIII. P., 1822–1824*). Во время работы над «Войной и миром» Л.Н. Толстой пользовался двухтомным иллюстрированным изданием книги Лас Каза, вышедшим в серии «Le panthéon populaire»: *Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène suivi de Napoleon dans l'exil par M. M. et de L'Historique. P.: Gustave Barba, Librairie Éditeur, [1852]*. Это издание с многочисленными пометами Толстого хранится в яснополянской библиотеке. Толстой одно время даже хотел перевести на русский язык книгу Лас Каза, о чем писал П.И. Бартеневу 14 сентября 1868 г., но намерение свое не осуществил.

73. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

18 февраля 1954 г. Ницца

18 февраля 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Сердечно благодарю Вас за письмо, все в нем (даже написанное только после просмотра книги) было мне *чрезвычайно* приятно.

Я не «обижал» Платона, но за исключением страниц ста из его произведений они не производили на меня по-настоящему потрясающего впечатления, такого, как «Экклезиаст», начало «Иова» и многое другое в обоих Заветах или из Гомера. Не все, вероятно, и его, т. е. в самом деле им написано. Но спорить не могу: вероятно, правы Вы и столь бесчисленные его поклонники (всего).

От Чеховского издательства ни Вера Николаевна, ни я не имеем никаких известий. В<ера> Николаевна поссорилась окончательно с Рогнедовым, вернее, не поссорилась, а сделала почти невозможными дальнейшие деловые отношения. Правда, виноват *он*, но отпадает и этот источник небольших денег для нее. По не очень понятным мне причинам ей, по-видимому, страстно хочется устроить вечер или даже вечера (дело тут у нее никак не в деньгах). Французский *спектакль* и раньше казался мне делом рискованным: пустой зал, плохая или ничемная программа и убыток. Но уж теперь без Рогнедова о *спектакле*, по-моему, и говорить не приходится. Я приехать и читать не могу. Надеюсь на Ваш доклад в Пен-клубе, с Мориаком или Моруа, как только Вы приедете в Париж. Вера Николаевна тоже очень этого (Вашего доклада) хочет. Затем для *русского* вечера у нее уже есть Кедрова¹ и Вырубов². Я ей советовал еще добавить хорошего пианиста, который сыграл бы, например, Вторую сонату Шопена, с похоронным маршем. Как она ни заиграна, вот это именно, по-моему, вещь потрясающая. Знаю, что мне очень хотелось бы, чтобы ее сыграли в мою память, — она ведь проходит и в моих романах, — да этого не будет: будут похороны в Ницце с моими, Сабанеевым, Тейтелем³ и мадам Лезелль в числе десяти провожающих. И Левашев⁴ скажет слово или же Масловский⁵. Но, без неуместных тут шуток, убедите Веру Николаевну в том, что французский спектакль ни к чему. Без ужаса не могу себе представить, как какая-нибудь завалиющая французская артистка, по настоянию Мориака и ради «Figaro», прочла бы что-либо из книг Ивана Алексеевича в переводе! И при пустом зале.

А как сошел вечер в Лондоне?

Нового ничего. Оба шлем Вам самый сердечный привет. И еще раз спасибо.

¹ Кедрова Елизавета (Лиля) Николаевна (1918–2000) — актриса, снималась во французских комедиях, затем в голливудских фильмах. В 1964 г. получила «Оскар» за лучшую женскую роль второго плана, позже переехала в Канаду.

² *Вырубов* Александр Александрович (1882–1962) — актер 1-й студии МХТ; с 1922 г. в Берлине, входил в состав Пражской труппы МХТ, затем в Париже.

³ *Тейтель* Яков Львович (1851–1939) — юрист, общественный деятель, до революции судебный следователь. С 1921 г. в эмиграции в Германии, председатель Союза русских евреев в Германии, затем в Париже, организатор ряда филантропических учреждений. Подробнее о нем см.: *Капитайкин* Э. «Веселый праведник» — Яков Львович Тейтель // Евреи в культуре русского зарубежья: Сб. ст., публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1: 1919–1939 гг. / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. С. 465–475.

⁴ Возможно, *Левашов* (князь Вяземский) Владимир Леонидович, граф (1889–1960) — лейтенант лейб-гвардии Гусарского полка. С 1919 г. в эмиграции в Париже, управляющий конным заводом и скаковой конюшней Л.А. Манташева, сотрудник «Последних новостей» и «Русской мысли», историк масонства.

⁵ *Масловский* Евгений Васильевич (1876–1971) — генерал-майор Генштаба, военный писатель; участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1921 г. в Болгарии, с 1927 г. во Франции, жил в Ментоне под Ниццей, с 1940 г. заведовал церковной библиотекой в Ницце, публиковался в «Часовом», «Иллюстрированной России», «России и славянстве».

74. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

20 февраля 1954 г. Манчестер

Manchester
20/II-1954

Дорогой Марк Александрович

Так как Вы интересовались моими делами с Чех<овским> изд<ательст>вом и были настолько добры, что принимали в них участие, сообщаю Вам, что получил письмо от Александровой:

«...Вчера видела Н.Р. Вредена и, в результате разговора, он склонен сделать для Вас исключение, т. е. заключить контракт с Вами, не дожидаясь высылки всей рукописи. Но для этого нужно, чтобы Вы дослали хотя бы одну (подчеркнуто Ал<ександров>ой) треть рукописи».

Я ответил, что благодарю за исключение и дошло нужное число страниц в марте. По точному смыслу письма надо бы дослать треть. Но надеюсь, что если треть получится вместе с имеющимися у них главами, все будет в порядке. Сейчас я, к сожалению, никак не могу взяться за писание, и не умею писать две вещи сразу.

Ответ, как видите, благоприятный. Спасибо Вам большое. Не знаю ни Александровой, ни Вредена, но думаю, что без Вашего вмешательства ответ был бы, пожалуй, другой.

Вчера я был в Лондоне, на вечере памяти И<вана> А<лексееви>ча¹. Сошло лучше, чем я думал, — за исключением никчемной (и очень плохой) музыки в конце. После нескольких моих вступительных слов была прочтена в переводе Ваша статья, а затем сделал доклад Колин (тоже лучше, чем я ждал). Во втором

отделении читали вещи И<вана> А<лексеевича>, и какой-то неведомый мне англичанин (Evans) очень толково и умно говорил о том, что действует на англичан у Бунина. Этот Evans, еще молодой человек, «начальство» Колина на каких-то курсах по русскому языку и бывший оксфордский студент. Было человек 50, всех национальностей.

Еще хочу Вам сказать, что я прочел две первые главы «Ульмской ночи» почти что с возмущением; вдруг бы я Вас послушался и стал бы читать сразу с 3-й главы! Не понимаю, как могут эти первые две главы быть кому-либо неинтересны! Ведь это действительно о «самом важном», как любила выражаться Зин<аида> Николаевна, и знаете, я уверен (а м. б., с Вашей точки зрения, ошибаюсь?), что дальнейшие главы, как бы они ни были литературно увлекательны, все же менее существенны, чем первые главы. Дальше ведь идет иллюстрация того, что сказано здесь — или я действительно ошибаюсь? Не решаюсь Вам докучать сверхдилетантскими рассуждениями о прочитанном. Для меня это — подтверждение того, что давно я скорей чувствовал, чем знал или думал, à jamais² восемнадцатый век и отчасти девятнадцатый строили мир по человеческой мерке, в согласии с человеческим разумом. А когда выяснилось (благодаря тому же разуму, который по своей ненасытности роет себе могилу), что мир вовсе к нашему пониманию и спокойствию не приспособлен, создается впечатление, что живем мы в сумасшедшем доме. Когда-то в университете проф. Кареев³ читал кончающим студентам лекции «о выработке мирозерцания»⁴. Я тогда уже сомневался в его «мирозерцании», а теперь хотел бы дать ему Ваши две главы! Между прочим, меня поразили отдельные Ваши замечания — например, о числе 2, к которому человек подгоняет природу. А о вероятности я когда-то читал Е. Бореля⁵, ради рулетки⁶, правда: он утверждает, что если одну неделю выходили больше красные номера, то «le rétablissement est certain⁷», выйдут затем черные. Почему certain⁸? Это то, что у Вас определено как уверенность статистическая, не больше. Ну, простите, я увлекся и пишу то, что покажется Вам, верно, болтовней и чепухой. Но еще раз: как могли вы счесть, что эти главы кому-либо «неинтересны», не говоря уже о бездне учености? Да, хочу с Вашего разрешения украсть у Вас цитату из И. Лойолы⁹ для рассуждений о совет<ской> литературе: уж очень подходит, в самую точку.

Вот позвали меня обедать, а на столе лежит у прибора Ваше письмо. Спасибо большое. Насчет Платона остаюсь при особом (впрочем, «особое» — именно Ваше мнение) мнении, а насчет Шопена и его Второй сонаты согласен совсем. А Третья соната у него еще лучше. По-моему, это самая вершина музыки, и только Моцарт (иногда) и Бах еще лучше. Но на похоронах своих я хотел бы, чтоб только прочли молитву, а ничего не играли. Ваша мысль, что хорошо было бы сыграть эту сонату на вечере памяти И<вана> А<лексееви>ча, по-моему, опасна: если бы сказать, что да, заиграно, почти опошлено, «а все-таки...» и растолковать бы смысл и содержание этого «а все-таки», было бы великолепно. Но Вы этого не сделаете, сонату сыграют плохо, и это будет тот Шопен, о котором Балакирев¹⁰, его боготворивший, сам себе говорил, когда играл его: «и никаких юнкеров! никаких институток!»¹¹ Знаете ли Вы, что такое Вырубов, уже Верой Ник<олаевной>, по Вашему письму, будто бы приглашенный? Это — ужасный актер, худший тип, потому что это

Чухлома с неврастений, претензией на трагизм, Достоевского и т. д. Шопен с ним заодно превратится совсем в Бог знает что.

То, что Вы пишете о вечере в Пен-клубе, где будто бы я должен прочесть доклад, — меня очень смутило. Когда? Наверно ли — или это только планы? Все-таки не могу же я написать это в один вечер, а Вы пишете — «как только Вы приедете в Париж». Надеюсь, что если что-нибудь решится, В<ера> Н<иколаевна> мне сообщит все, что знать нужно.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Мне правда очень совестно и неловко, что пишу я Вам — кажется, вторично — столь длинные и мало связанные письма. Простите. Кланяйтесь, пожалуйста, сердечно Татьяне Марковне. Как все у Вас, как здоровье?

Ваш Г. Адамович

¹ О вечере см. в наст. публ. письмо 70 и примеч. к нему.

² всегда (фр.).

³ Кареев Николай Иванович (1850–1931) — русский историк и философ, с 1910 г. член-корреспондент Петербургской академии наук, с 1929 г. почетный член АН СССР.

⁴ Эти лекции были выпущены отдельным изданием: Кареев Н.И. Беседы о выработке мирозозерцания. СПб., 1895; книга неоднократно переиздавалась.

⁵ Борель (Borel) Феликс Эдуард Жустин Эмиль (1871–1956) — французский математик и политический деятель, преподаватель Лионского университета (с 1893), профессор Эколь Нормаль (с 1897), во время Второй мировой войны участник французского Сопротивления.

⁶ Борель был одним из основоположников теории меры и ее приложений в теории вероятности, в качестве модели случайных чисел использовал, среди прочего, рулетку. Адамович, скорее всего, читал его книгу «Случай»: Borel E. Le hasard. P., 1914 (русский перевод: Борель Э. Случай. М.; Л., 1923).

⁷ достоверно определено (фр.).

⁸ достоверно (фр.).

⁹ Адамович имеет в виду следующее место из «Ульмской ночи» Алданова: «Новое, введенное Лойолой, заключалось даже не в принципе абсолютного послушания воле начальства: ведь это всегда было основой и военной дисциплины. Новое заключалось в том, что с начальством надо быть и внутренне-согласным. Так прямо сказано в “Exercices”: “Необходимо всегда следовать правилу: то, что мне кажется белым, я должен считать черным, если таково иерархическое определение предмета”. Эта идея стала завоевывать мир именно в двадцатом столетии».

¹⁰ Балакирев Милий Алексеевич (1836/1837–1910) — композитор, пианист, дирижер, глава «Могучей кучки».

¹¹ См. воспоминания Б. Асафьева об игре Балакирева: «У меня было впечатление, что Балакирев нарочито и вызывающе “снимает” с Шопена все, что содержало хотя бы намек на “ушеугодие”, на любовную романтику. Уже играя, он проворчал: “Никакого Мюссе и уж, конечно, ни юнкеров, ни лицейстов!”» (цит. по: Алексеев А. Русские пианисты. М.; Л., 1948. С. 156).

75. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

25 февраля 1954 г. Ницца

25 февраля 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Я чрезвычайно рад тому, что Ваше дело с Чеховским издательством устроилось. Устроилось как будто и мое. Терентьева мне пишет, что, как мне будто бы давно известно от Александровой, моя книга утверждена. На самом деле Александрова мне об этом ничего не писала! Но, вероятно, это так.

Еще раз сердечно Вас благодарю за то, что Вы пишете об «Ульмской ночи». Но одно Ваше замечание *очень* меня огорчило: Ваши слова о «сумасшедшем доме»! Неужели Вы усмотрели в моей книге что-либо нигилистическое или атеистическое? Это было бы неверно и очень печально. Вы увидите, дочитав книгу до конца, что Вы тут ошиблись, — если я правильно понял Ваши слова.

Рад, что лондонский вечер сошел недурно. Я получил письмо от Рогнедова (который помирился с Верой Николаевной). Он сообщает, что вечер во французском Пен-клубе назначен на 17 марта и что доклады будут Анри Труайя¹ и либо Паскаля², либо Андре Пьера³. Ну и слава Богу. Тогда ни Вам, ни мне тоже выступать не нужно (а я и не мог бы). Но Вера Николаевна так путано пишет, что я и понимаю с трудом. Очевидно, она хочет, чтобы Вы и я выступили на *русском* вечере (по-видимому, в конце марта). Я тем более на русском вечере не выступлю: ведь для *французского* вечера достаточно было бы кратких общих мест. Мне приехать почти и невозможно. Но Вы тогда будете в Париже, Вам отказаться нельзя, и я *уверен*, что Вы согласитесь. Умоляю Вас не отказываться. В<ера> Н<иколаевна> настаивает на том, чтобы выступали друзья Ивана Алексеевича, и только друзья. Кроме того, в день полугодовщины предполагается (опять при помощи Рогнедова) французский *спектакль*. Таким образом, *три* вечера!!⁴ У В.Н. как будто «комплекс», что она должна что-то делать, особенно устраивать чествования. Невольно себя спрашиваю, что же будет в следующем году?! В связи с этим у меня возникла мысль. Хотя она на меня явно сердится (за что?!), я хочу ей посоветовать, чтобы *она* написала биографию И.А. — Никто не знает его жизнь так, как она, она писала когда-то статьи и может справиться с этой задачей. Тогда у нее будет дело. Не очень верю, что Чеховское издательство напечатало бы ее книгу, но ее можно издать и по подписке (несмотря на неудавшийся прецедент с Зуровым: подписчики нашлись, деньги поступили, частью истрачены, — и книга не вышла⁵). Во всяком случае, *когда-либо* книга вдовы Бунина о нем *будет* напечатана, так что ее работа не пропадет. Это могло бы и заменить проблематический сборник статей в память Ивана Алексеевича. Как Вы об этом думаете? Напишите мне Ваше мнение, и я тогда обращусь с этим советом к Вере Николаевне⁶.

Вырубова я никогда не видел и не слышал. Но В<ера> Н<иколаевна> мне сообщила как об удаче об его согласии выступить. Хмара⁷ несовместим с Кедровой (которая *гораздо* нужнее всех других артистов). Быть может, Богданов⁸ или Рощина-Инсарова?⁹

Для музыкального номера я, кроме Ирины Энери¹⁰, никого не вижу. А Вы? Орлов, кажется, живет в Англии?

Я не знаю Третьей сонаты Шопена. Что Вы имеете в виду? Сонату с виолончелью или концерт? По-моему, при хорошем исполнении Вторая соната лучше всего. Или «Фюнерай» Листа?¹¹ Впрочем, без пианиста и говорить об этом рано. Вера Николаевна о музыке упорно молчит. Кажется, ей нужны преимущественно доклады...

У нас нового ничего. Оба шлем Вам самый сердечный привет. Получите аванс за книгу, — приезжайте в Ниццу, очень, очень обрадовали бы.

¹ *Труайя* (Troyat) Анри (наст. имя Лев Асланович Тарасов; 1911–2007) — французский писатель российской-армянского происхождения.

² *Паскаль* (Pascal) Пьер (1890–1983) — французский славист, переводчик. В 1916–1933 гг. жил в России, был секретарем Г.В. Чичерина в Наркоминделе, работал в отделе печати Коминтерна, затем в Институте Маркса — Энгельса. С 1937 г. профессор Школы восточных языков, с 1959 г. — Сорбонны.

³ *Пьер* Андре (Pierre; 1887–1966) — славист, журналист, переводчик. Среди прочего опубликовал в разные годы несколько статей о Бунине во французской печати.

⁴ См. примеч. 3 к письму 67 наст. публ.

⁵ В 1950–1952 гг. В.Н. Бунина вела сбор средств по подписке на издание романа Л.Ф. Зурова «Зимний дворец», но книга не была выпущена.

⁶ Адамович всячески поддержал эту идею Алданова занять В.Н. Бунину и в письмах к ней часто интересовался, как идет работа над книгой.

⁷ *Хмара* Григорий Михайлович (1882–1970) — в 1910–1920-х гг. актер МХТ. С 1915 г. снимался в кино. С 1920 г. жил во Франции, продолжал сниматься в кино, в том числе с Гретой Гарбо, играл на сцене. Активно работал до войны в парижских театрах миниатюр, студиях, в том числе и собственной.

⁸ *Богданов* Александр Николаевич (1892–1963) — актер, режиссер, театральный деятель. С начала 1920-х гг. в эмиграции в Праге, с 1924 г. в составе Пражской труппы МХТ; с 1926 г. в Париже, один из организаторов Русского драматического театра в Париже, член правления Союза русских театральных и кинематографических деятелей.

⁹ *Рощина-Инсарова* Екатерина Николаевна (урожд. Пашенная, в замужестве гр. Игнатьева; 1883–1970) — актриса, сестра В. Пашенной. В эмиграции с 1919 г., в 1923–1925 гг. глава русской труппы, затем русского Камерного театра в Риге; с 1925 г. в жила в Париже. Покинула сцену в 1949 г., в 1957 г. поселилась в старческом доме в Кормей-ан-Паризи (Cormeilles en Parisi).

¹⁰ *Энери* Ирина Алексеевна (урожд. Горяинова, в замужестве Боровская; 1897–1980) — пианистка, педагог. С 1923 г. в эмиграции во Франции, выступала вместе с вокальным квартетом Н.Н. Кедрова, квартетом имени М.П. Мусоргского, с 1934 г. профессор Русской консерватории в Париже. В 1933 г. принимала участие в чествовании И.А. Бунина по случаю присуждения ему Нобелевской премии.

¹¹ «*Funérailles*» («Погребальное шествие», 1849) — фортепианная элегия Ф. Листа.

76. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

27 февраля 1954 г. Манчестер

Manchester 14
104, Ladybarn Road
27/II-54

Дорогой Марк Александрович

Меня всегда стесняет отвечать сразу, — или даже отвечать на письмо, которое само является ответом, — будто приглашение и вызов к тому же! Не поймите моей спешки именно так.

А отвечаю я сразу из-за Шопена, «возмутившись духом» из-за Вашего вопроса, не считаю ли я его Третьей сонатой сонату виолончельную или фортепианный концерт? (которых у него два). Нет, я писал Вам о Третьей фортепианной сонате. По-моему, она еще лучше Второй, кроме финала. Гуго Риман¹ утверждал, что самый большой мелодический дар был у двух людей — Шуберт и Шопен, и для Шопена где-то ссылается при этом на мелодию (действительно какую-то «бесконечную») в начале Третьей сонаты. Простите, я как будто хочу блеснуть ученостью, но это действительно так! Попросите Сабанеева Вам эту сонату сыграть, стоит того. Насчет русского вечера памяти И<вана> А<лексеевича>, я, конечно, согласен на все, что В<ере> Н<иколаевна> считает нужным. Она мне пишет об «инициативной группе», о «кооптации» новых членов группы и, по-видимому, очень этим занята. Ее, по-видимому, очень огорчило, что Вы участвовать не можете (не думаю, что она на Вас «сердится» — как Вы предполагаете). Не согласились ли бы Вы, Марк Александрович, на такой компромисс: не написали бы Вы специально для этого вечера нескольких строк об И<ване> А<лексеевиче>, с тем чтобы Ваше имя было в программе, а на вечере было объявлено, что Вы приехать не могли, но прислали текст того, что хотели сказать? По-моему, это было бы крайне желательно, и наверно В<ере> Ник<олаев> не пришлось бы по душе. Должен Вам покаяться, что я об этом ей написал, не спрося Вашего согласия². А то что же это будет за вечер! Нельзя же ограничиться только актерами?

Относительно музыки на вечере: я написал В<ере> Н<иколаевне>, что в Лондоне вечер был испорчен частушками и песнями в конце. Она ответила: и прекрасно, Иван Ал<ексеевич> был бы доволен! он терпеть не мог ничего похоронного! Так что Ваша идея о сонате Шопена или «Фюнерай» Листа ей едва ли понравится.

Par contre³, идея Ваша о биографии И<вана> А<лексеевича>, которую бы она написала, — ей, думаю, понравится наверно. Это во всех отношениях хорошая мысль, прежде всего для самой В<еры> Н<иколаевны>: это надолго ее займет и заполнит ей жизнь. (Кстати, читали ли Вы книгу Слонима о брачной жизни Достоевского? Я не хотел об этом настаивать в заметке для «Н<ового> р<усского> слова»⁴, но, по-моему, там проявлена редкостная бестактность в описании любовных подробностей.)

А о «Ульмской ночи» я писал Вам, что мы живем в сумасшедшем доме, без желания заподозрить Вас в нигилизме. Если по Эйнштейну — пространство конечно и притом

имеет форму какой-то спирали, то это для меня и есть «сумасшедший дом», т. е. мир, не согласованный с нашим рассудком. Я, конечно, при этом плохо выражаюсь. Но это ничего общего не имеет с нигилизмом (насчет атеизма уверенности у меня меньше). А книгу Вашу я продолжаю читать с великим интересом и увлечением. Эпизод с дивизиями Клапареда и Фриана меня давно уже поразил, и я был рад прочесть, что Вы — при Вашем отношении к Толстому — отметили, что это явный вздор⁵. Ген. Фуллер⁶, оказывается, — фашист, и во время войны был отставлен от всех должностей именно из-за этого, хотя, как мне сказал здешний историк, военно-научный авторитет его в Англии чуть ли не первый из всех. Но на Money-Power⁷ он нападает не с марксистской, а с гитлеровской точки зрения, и до 1939 г. агитировал за союз с Гитлером.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Риман (Riemann) Гуго (1849–1919) — немецкий музыковед и лексикограф, автор «Музыкального словаря».

² Адамович писал В.Н. Буниной 25 февраля 1954 г.: «Не лучше ли было бы отложить вечер на июнь? Это у меня мысль не по личным соображениям, а потому, что летом — все лучше, как-то светлее и торжественнее. Может быть, и Алданов тогда приехал бы. По-моему, было бы хорошо сделать с Алдановым так, если он согласен, конечно: поставить его имя на афишу, попросить его написать небольшую статью о И<ване> А<лексеевиче>, а на вечере сказать, что он приехать не мог, но прислал то, что хотел прочесть сам. Все convenances [приличия (*фр.*)] были бы соблюдены, и не думаю, чтобы М<арк> А<лександрович> мог от этого отказаться» (Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 121).

³ Напротив (*фр.*).

⁴ Имеется в виду рецензия на книгу М. Слонима «Три любви Достоевского» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953): Адамович Г. Три любви Достоевского // Новое русское слово. 1954. 14 февр. № 15268.

⁵ Речь идет об эпизоде из «Войны и мира» (Т. 3. Ч. 2. Гл. XXXIV), в котором Наполеон в ходе сражения внезапно меняет решение и отдает другой приказ: «Хотя не было никакого преимущества в том, чтобы вместо Клапареда послать дивизию Фриана, и даже было очевидное неудобство и замедление в том, чтобы остановить теперь Клапареда и послать Фриана, но приказание было с точностью исполнено. Наполеон не видел того, что он в отношении своих войск играл роль доктора, который мешает своими лекарствами» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 11. С. 243).

⁶ Фуллер (Fuller) Джон Фредерик Чарльз (1878–1966) — английский военный историк и теоретик, генерал-майор (1930). С 1933 г. в отставке. Адамович имеет в виду упоминание о нем в «Ульмской ночи» Алданова: «У марксистских историков в самое недавнее время появился довольно неожиданный и курьезный “союзник”, английский военный историк Фуллер. Этот старый генерал, недавно разработавший план расчленения России, написал книгу “Решительные сражения”, чрезвычайно ученую и по-своему очень интересную. Из Наполеоновской эпохи он берет два сражения, под Иеной и под Лейпцигом, и по их поводу высказывает ту мысль, что главным врагом Наполеона была не Россия, не Англия, а Власть Денег, — он и пишет эти два слова не без мистического ужаса с больших букв: The Money Power».

⁷ Власть денег (*англ.*).

77. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

13 марта 1954 г. Ницца

13 марта 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Вера Николаевна, по-видимому, ухватилась за мысль о том, чтобы написать биографию Ивана Алексеевича. Говорит только, что знает его жизнь лишь с тех пор, как ему было 36 лет, а до того у нее «нет материалов». Кажется, она больше на меня — поэтому ли? — и не сердится. Я сказал ей, что готов, если она *настаивает*, прислать краткое слово для оглашения. А вот Кедрова участвовать не может или не хочет, а музыки «не хотят все», т. е., верно, именно она сама (В.Н.). Будут Крыжановская¹, Рощина-Инсарова и Вырубов!

По поводу музыки. Я ведь Вам писал только, что я не знаю Третьей сонаты Шопена. И я отнюдь не знаток. Впрочем, я спросил Сабанеева. Он сначала сказал, что существуют лишь две сонаты Шопена. Затем несколько изменил свое сообщение: есть еще одна соната, но посмертная, авторство Шопена не доказано, и ее часто приписывают Мошелесу². Наверное, Вы правы.

Об «Ульмской ночи», к моему приятному удивлению, появилась в «Русской мысли» очень лестная рецензия Сперанского³. Очень лестная и, между нами, довольно наивная. Если у моей книги есть какое-либо достоинство, то разве в том, что в ней основное — *ново*, а он об этом не сказал ни слова. Насколько мне известно, пока была только эта рецензия. «Новое русское слово» еще никакой не дало, и я не знаю, кто у них пишет. Не знаю также, будут ли рецензии в «Новом журнале», в «Возрождении». Слышал, что редактором «Возрождения» назначен Витт⁴, ученик Струве, — я его не знаю. В том же номере «Русской мысли», в котором помещена рецензия об «Ульмской ночи» и который мне прислал Маклаков, было письмо в редакцию Терапиано. Он просит сообщить, что и он не может участвовать в «Возрождении» «при нынешнем составе редакции»⁵. Не знаете ли Вы, что это значит? Очевидно, в газете раньше был список ушедших сотрудников и они объяснили, почему именно уходят. Статья Рогаль-Левицкого⁶, верно, тут ни при чем, так как Мельгунов, бывший тогда редактором и поместивший ее, с тех пор ушел, и слова о «нынешнем составе редакции» к нему относиться, значит, не могут.

Я, конечно, знал, что ген. Фуллер никак не марксист, и даже упомянул об его антисемитизме. Я и не говорил, что он нападает на Монея Пауер слева. Разумеется, справа.

Маклаков, только что выпустивший в Чеховском издательстве свои воспоминания, называет их в письме ко мне «последним словом подсудимого». И каждому из нас надо сказать это последнее слово. Не знаю, будет ли им для меня «Ульмская ночь». *По существу* почти наверное будет.

Нового у нас ничего. Приятного тоже ничего.

Вероятно, в Париже мы в этот Ваш приезд не увидимся. Но не приедете ли опять в Ниццу? Очень, очень хотелось бы Вас увидеть.

Сегодня почему-то вспоминал начало эмиграции: 1919–22 годы в Париже. Мы жили тогда одной компанией, в центре был не Отей, а Пасси, и встречались чуть не каждый день: Тэффи, Ал. Толстой, Бунин, Ал. Яблоновский, Куприн и — стояли несколько более обособленно — Мережковские. Зайцев тогда еще был в России, Вы тоже. И вот из этой, тогда дружной, компании остался в живых один я... Да еще, пожалуй, Вера Николаевна, — «пожалуй» потому, что по ресторанам и кофейням она ходила меньше. Я еще не был женат.

Оба шлем Вам самый сердечный привет, лучшие наши пожелания.

¹ *Крыжановская* Мария Алексеевна (1891–1979) — драматическая актриса, с 1915 г. в МХТ, участница качаловской группы; после участия в зарубежных гастролях МХТ (1922–1924) примкнула к Пражской труппе; неоднократно участвовала в зарубежных театральных предприятиях М.А. Чехова.

² *Мошелес* (Moscheles) Игнац (Исаак) (1794–1870) — богемский пианист, дирижер, композитор, педагог.

³ *Сперанский* Валентин Николаевич (1877–1957) — философ, правовед, публицист, общественный деятель; до революции профессор Санкт-Петербургского университета и Высших женских (Бестужевских) курсов; с 1922 г. в эмиграции в Ревеле, с 1925 г. в Париже, читал лекции на русском факультете Парижского университета, выступал с докладами на эмигрантских собраниях, сотрудник «Последних новостей», «Дней», «Возрождения», «Иллюстрированной России», после войны постоянный автор «Русской мысли», где появилась, в частности, и рецензия его на «Ульмскую ночь» (Русская мысль. 1954. 5 марта. № 638. С. 6).

⁴ Так и остается невыясненным, которому из двух братьев предлагали стать редактором «Возрождения»: Дмитрий Львович де Витт (1896–1963) и Лев Львович де Витт (1897–1961) оба были военными, оба жили во Франции, печатались в одних и тех же изданиях (наиболее часто в «Военной были»), оба выступали в качестве военных писателей и публицистов. В любом случае Витт очень недолго исполнял обязанности редактора «Возрождения», так как не сошелся с А.О. Гукасовым и не был официально утвержден на этом посту.

⁵ Через два месяца после того как С.П. Мельгунов заявил о своем уходе из «Возрождения» (см.: *Мельгунов С.* Письмо в редакцию // Русская мысль. 1954. 8 янв. № 622. С. 5), такое же письмо опубликовал и Ю.К. Терапиано: «Позвольте присоединить мое имя к списку сотрудников тетрадей “Возрождения”, отказавшихся принимать участие в этом журнале при настоящем составе редакции» (*Терапиано Ю.* Письмо в редакцию // Русская мысль. 1954. 5 марта. № 638. С. 6).

⁶ *Рогаль-Левицкий* (Рогаля-Левицкий) Юрий Сергеевич (1895–1959) — поэт, критик. С 1918 г. в эмиграции в Швейцарии, затем в Париже, до войны участник монпарнасских бдений, член Союза молодых поэтов и писателей, после войны резко «поправел», сотрудничал в «Возрождении», «Русской мысли» и «Русском воскресении». Речь идет об откровенно рассчитанной на скандал, снабженной эпиграфом из «Вырождения» Макса Нордау статье Ю.С. Рогалья-Левицкого, в которой тот поминал недобрым словом своих старых приятелей-поэтов, пытаясь развенчать Адамовича и всю «парижскую ногу» в целом, обрушиваясь заодно на «Числа», «Новоселье», Мережковских: «В памяти нашей проходит ряд мизерных литературных силуэтов <...> Прежде всего, Борис Поплавский, поэт *par excellence* “заумный”, певший сломанным голосом, в свое время немало нашумевший, впрочем... даже лучшие стихотворения Поплавского, как “Флаги” или “Черная мадонна”, содержали в себе, наряду со стилистическими погрешностями, очевидные нонсенсы. <...> Поэтесса Лидия Червинская задавала читателю не менее головоломные загадки <...>

Авторов-прозаиков в «Союзе» было значительно меньше, чем поэтов. Все они, за редким исключением, отличались кто тою же, что и поэты, заумностью, кто полным незнанием языка, а иные одновременно и тем и другим. Единственной, быть может, их заслугой было то, что они, не переставая употреблять до невероятности безграмотные обороты речи, приводили читателя в веселое настроение <...> Несуразностью отличались писания Агеева, Варшавского, Горного, Яновского» (*Рогаля-Левицкий Ю.* Горе-авторы нашего зарубежья // Возрождение. 1953. № 30. С. 179).

78. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

17 марта 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
17/III-54

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо. Я только что кончил читать «Ульмскую ночь», а читал особенно долго, потому что был очень занят, да и нельзя Вашу книгу читать быстро.

Вы просили меня сказать Вам свое впечатление, независимо от статьи в печати. Хочу передать главное: я давно не читал книги более увлекательной (в настоящем смысле слова), важной и правдивой. Последнее — в особенности должно бы каждого поразить: правдивость в толстовском смысле, без умственной позы и всякой рисовки, без эффектов. По-моему, это одна из самых замечательных Ваших книг, даже в художественном смысле. Я, когда читаю роман, всегда постаринному хочу знать: что автор «хотел сказать»? (как у Вас Вермандуа спрашивает Гете — да?¹). Здесь все концы сведены, все ответы даны, насколько ответ вообще возможен. Я, конечно, писал Вам вздор о «сумасшедшем доме»: к Вам это не относится. Но книга все-таки ужасно грустная в выводах, т. к. никакого «треста мозгов» не будет, а вероятно, и «21-го века не будет»². Или будет такой, что лучше бы его не было. Ну, долго обо всем писать, да мне и неловко Вас занимать своими соображениями. Мне хотелось бы исписать всю Вашу книгу на полях всякими вопросами и доводами. Не могу никак, почти ни в чем, согласиться насчет отсутствия «бескрайности» в русской культуре. Конечно, с Вами и за Вами Пушкин, но только он один из «вершин», потому что Тургенев все-таки не в счет. Если начать обо всем этом говорить, то будет не письмо, а трактат. Спасибо за книгу. Знаете, иногда критики пишут в статьях — «поблагодарим автора» и т. д., обычно с указанием на хороший шрифт и плотную бумагу: на этот раз надо бы сказать «спасибо» всерьез и по-настоящему. Простите за громкое слово, — но Вы спасаете честь нашей литературы самым уровнем вопросов и отношения к ним. Вот, например, Бердяев — не пустой же был человек, а теперь всеевропейская знаменитость! Читали Вы его отрывки в последнем «Новом журнале»?³ Ведь стыдно читать, даже если и не глупые мысли: стыдно по развязности, безвкусию и всему такому! Европу «тянет на капусту», и ей это может нравиться.

Но мы свою капусту слишком хорошо знаем и цену ей знаем. Кажется, ни у кого, кроме Вас, нет к ней нужного отвращения.

Статьи Сперанского я не читал (всегда вспоминаю, как И<ван> А<лексеевич> его назвал: «бритая лошадь»). Хочу сегодня попытаться написать статью для «Н<ового> р<усского> слова». Если там уже что-нибудь и появилось, не думаю, чтобы вторая статья была лишней. Отзыва или «рецензии» на «У<льмскую> ночь» написать невозможно, не та тема, не то значение книги. А «вокруг да около» у каждого из пишущих будут разные все равно. Но наверно, вне всякого сомнения, Вам, автору, то, что я напишу, покажется пустым и неверным. Не может иначе быть, никогда иначе не бывает. Вы думали о своей книге несколько лет, критик думает о ней несколько дней, и не только пропустит лишь 99 % ее сущности, но и остающуюся $\frac{1}{100}$ поймет не так. Заранее прошу прощения за все промахи или ошибки.

Надеюсь в конце будущей недели быть в Париже. Насчет «Возрождения» и письма Терапиано о его уходе дело, вероятно, объясняется тем, что Терапиано теперь в большой дружбе с Померанцевым, а Витт отказался печатать продолжение померанцевского романа⁴ и чуть ли не предпочитает даже судиться, чем уступить (а еще более категорически отказался от продолжения Одоевцевой⁵, сказав будто бы, что «на чистых страницах нашего журнала нет места адюльтерным пошlostям»).

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, сердечный привет и поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

P.S. Pour en finis⁶ с Шопеном: я впервые слышу, что одна из его сонат приписывается Мошелесу. Но во всяком случае, речь может идти только о Первой сонате, вещи юношеской, сравнительно слабой, очень редко исполняемой (и тогда соната с похоронным маршем оказалась бы не второй, а первой!). Насчет Третьей сонаты сомнений никаких быть не может, и приписывать ее Мошелесу — слишком большая для него честь. При всем моем уважении к музыкальной учености Л<еонида> Л<еонидови>ча, думаю, что он что-то тут напутал.

P.<P.>S. Кто, какой «авторитетный человек» сравнил Розанова с Паскалем?⁷ Я оттого об этом спрашиваю, что месяца три назад, в статье для № 4 «Опытов» (которые на днях выйдут) написал:

«...наши литературные неврастеники сравнивают Розанова чуть ли не с Паскалем»⁸.

Помню, что такие сравнения делали, но теперь хочу знать, кого именно я обидел.

¹ Адамович вспоминает эпизод из романа Алданова «Начало конца», о котором он потом не раз писал, заводя разговор об Алданове: «Есть у него страница о старике писателе, французе Вермандуа, на ночь читающем Гёте, — страница, которую ради простоты и человечности сказанного, ради чувства круговой поруки, ее внушившего, следовало бы помнить поэтам, склонным вслед за Бальмонтом воскликнуть “я зову мечтателей, вас я не зову”, хотя бы по заблуждению своему они теперь Бальмонта союзником и не считали. У Алданова замечательно то, что Вермандуа ничуть не прикрашен: нет, он — сибарит, он — слабоволен и готов на любой компромисс, он — светский, усталый человек, не очень

счастливый, не очень несчастный, в сущности, самый обыкновенный человек. Но мужество автора именно в том, что от имени обыкновенного человека он говорит о вещах тоже обыкновенных и — и при этом неотвратимых» (*Адамович Г.* Мои встречи с Алдановым // Новый журнал. 1960. № 60. С. 110).

² Адамович имеет в виду «Диалог о тресте мозгов» М.А. Алданова с его вопросом: «Вы совершенно уверены, что 21-е столетие *будет?*» (*Алданов М.* Ульмская ночь. Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1953. С. 234).

³ Адамович имеет в виду публикацию: *Бердяев Н.А.* Выдержки из писем к госпоже Х. // Новый журнал. 1953. № 35. С. 172–189; 1954. № 36. С. 189–204.

⁴ В «Возрождении» печатались главы из романа К.Д. Померанцева «Восьмой день» (1953. № 26–30; 1954. № 31–32).

⁵ Из прозы Одоевцевой в «Возрождении» печатались: глава из романа «Оставь надежду навсегда» под названием «Карьера Веры Оглоблиной» (1949. № 6. С. 58–82), а позже главы начатого в «Новом журнале» романа «Год жизни» (Возрождение. 1957. № 63–65, 67–68). Витт, вероятно, отказывался печатать продолжение именно этого романа, опубликованного после того, как он перестал исполнять обязанности редактора.

⁶ Для завершения (*фр.*).

⁷ По-видимому, первым такое сравнение сделал А.В. Руманов в написанной в 1910-е гг. и оставшейся неопубликованной статье «О Розанове»: «В нем слышится *голос*, голос Киркегарда и в минуту подъема — голос Паскаля» (РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 9); цит. по: *Черниченко Л.Л.* Руманов Аркадий Вениаминович // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2008. С. 838). Сам Розанов часто сравнивал с Паскалем П.А. Флоренского.

⁸ В журнальном варианте был опубликован абзац, который позже, готовя книжное издание «Комментариев», Адамович снял: «Да, вспомнил Розанова: в сущности, жалкий писатель, непомерно сейчас раздуваемый, гений для разбитых душ, для растерянных, сбитых с толку людей, для всех тех, кто болен несварением духовного желудка, отказывающегося принимать твердую пищу, болтун, которого наши литературные неврастеники чуть ли не сравнивают с Паскалем, — и все-таки единственный русский подлинно христианский писатель по тону и интонации, т. е. по тому, что нельзя подделывать. “И да сияют образа эти вечно!” Ведь как сказано, с какой болью, с какими отзвуками! Да и все это предисловие, как оно написано! А примечания к статье Сикорского в “Темном лике”! Если бы хоть раз, у одного из наших нео-христиан, попалась хоть одна такая фраза, все значение их писаний было бы иное...» (*Адамович Г.* Комментарии // Опыты. 1954. № 3. С. 109).

79. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

19 марта 1954 г. Ницца

19 марта 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Пишу кратко, — только для того, чтобы от души Вас поблагодарить за Ваше письмо от 17-го. Со дня кончины Ивана Алексеевича *ничье* мнение не может быть мне более ценно, чем Ваше. Вы, верно, себе представляете, как меня обрадовало Ваше суждение.

Мне, разумеется, чрезвычайно приятно и то, что Вы написали или пишете об «Ульмской ночи» для «Нового русского слова». Я и по сей день не знаю, кто у них помещает (или поместил?) рецензию. Вероятно, кто-либо из приятелей мне прислал бы ее, если б она появилась.

Относительно «безмерности». Почему же только Пушкин и Тургенев? Я на странице 248 назвал много имен¹ — и ведь не ограничился именами, говорил и о фактах. Понимаю, конечно, что Вы в письме этого не обсуждаете.

Теперь из Вашего письма узнал, в чем дело с Терапиано и Виттом. Не знаю только, *кто* еще ушел из журнала. Георгий Иванов и Померанцев?

О Розанове — Паскале говорил Мережковский. Если память мне не изменяет, то он это и напечатал². Но во всяком случае, я слышал, как он это *говорил*.

Вы ничего не пишете о приезде в Ниццу. Значит, верно не приедете? Мы в Париже будем не так скоро.

Еще раз: сердечно Вам признателен.

Т<агьяна> М<арковна> и я шлем Вам самые лучшие наши пожелания, самый сердечный привет. Надеюсь, это письмо застанет Вас еще в Манчестере. Счастливого пути.

Получил длинное, чрезвычайно лестное, незаслуженное (как и Ваше) письмо об «Ульмской ночи» от Карповича.

¹ Противопоставляя русской «безмерности» русскую же системность, Алданов привел имена В.В. Зеньковского, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, И.И. Лапшина (см.: Алданов М. Ульмская ночь. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 248).

² Не удалось найти такого сравнения в опубликованных материалах.

80. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

15 апреля 1954 г. Ницца

15 апреля 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Разрешите от души Вас поблагодарить за вашу интереснейшую статью об «Ульмской ночи»¹. Мне было *чрезвычайно* приятно прочесть ее. Конечно, она слишком лестна, и кое-что я отношу на счет Ваших дружественных чувств. Кое с чем и по существу не могу согласиться, — например, с тем, что эта книга увлекательна! Могу ли я сказать, что и написана статья превосходно? Мне ее прислали по воздушной почте, не сговариваясь, четыре человека и очень ее хвалят в препроводительных письмах. Еще раз спасибо. При встрече, надеюсь, поговорим и о статье, и о книге.

А сегодня я получил письма от Маклакова и Титова². В них много тоже о Вас, но, разумеется, по иному поводу. Василий Алексеевич, правда, ссылается на свою глухоту, — пишет, что почти никого и ничего не слышал, — но добавляет, что

Ваша речь была «пъес де резистанс»³: «Говорили, что его речь была очень интересна, в этом не сомневаюсь... Он был центром». Очень хвалит Ваш доклад и Титов, пишет о нем довольно подробно и очень лестно. Оба считают, что вечер был удачным. Маклаков немного жалуется на плохую организацию (это сообщаю Вам доверительно). Осталась ли довольна Вера Николаевна?

Надолго ли Вы уезжаете в Англию? Там, кажется, семестр кончается в июне или в начале июля? Вот бы тогда приехали в Ниццу, а?

Оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания, оба просим не забывать.

¹ См. примеч. 2 к письму 67 наст. публ.

² *Титов* Александр Андреевич (1878–1961) — ученый-химик, предприниматель, политический и общественный деятель, меценат. До революции приват-доцент Московского университета (с 1905), один из организаторов и в 1917–1918 гг. член ЦК Народно-социалистической (трудовой) партии; в 1917 г. товарищ министра продовольствия и снабжения Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции, член Русского политического совещания, основатель и директор фармацевтического предприятия «Биотерапия» в Париже, основатель и пожизненный председатель Общества русских химиков.

³ От фр. *pièce de résistance* — основное блюдо.

81. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

28 апреля 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
28/IV-54

Дорогой Марк Александрович

Простите, что отвечаю с большим опозданием. В Париже у меня жизнь всегда светлая, и я отложил всю переписку до возвращения в Манчестер.

Я очень рад, что статья моя о Вашей книге была Вам приятна. В ней, конечно, нет ни одного слова написанного — как Вы предполагаете — «по дружественным чувствам». Книга действительно увлекательна, по крайней мере увлекла меня. Но статьи я еще не видел и чувствую наперед, что перечитывать ее буду со всякими сожалениями и сомнениями: «то не так, и это не то...» Некоторые отзывы, которые я слышал в Париже о книге, — Кантор, Татаринов¹, — вполне совпадают с моим мнением, притом даже насчет «увлекательности».

Вы спрашиваете, осталась ли Вера Николаевна довольна вечером. Не знаю. Она в странном и каком-то «невменяемом» состоянии, и о вечере говорила так, будто, в сущности, это и не ее была затея. Организация же вечера была не «плохая», как Вам пишет Маклаков, а никакая: из-за этого и зал был не совсем полон, и кончился вечер так, будто единственное желание публики — поспеть на метро.

Здесь я числа до 10 июня, надеюсь, не позже. Если буду жив, надеюсь в начале июля приехать в Ниццу и заранее с удовольствием думаю о встречах в *café Mozart* или в *café de Lyon*. Я как-то даже не представляю себе лета вне Ниццы и не хочу никаких новых красот природы искать, привыкнув к красотам старым.

Спасибо за письмо, дорогой Марк Александрович. Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне. Как у Вас все здоровья, во множественном числе?

Ваш Г. Адамович

¹ *Татарин* Владимир Евгеньевич (1892–1961) — журналист, литератор, общественно-политический деятель; участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Берлине, участник объединения «Веретено», секретарь и член редакции газеты «Руль»; с 1933 г. в Париже, член Союза русских писателей и журналистов, сотрудник «Иллюстрированной России», «Чисел», «Голоса эмигранта», «Возрождения», «Сегодня», «Руля» и других эмигрантских, а также французских изданий; после войны один из учредителей и генеральный секретарь Объединения русской эмиграции по сближению с советской Россией (1945), член Союза советских патриотов, в 1945–1951 гг. сотрудник газеты «Русские новости», затем сотрудник «Русской мысли».

82. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

23 мая 1954 г. Ницца

23 мая 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Не знаю, переписываетесь ли Вы с Верой Николаевной? На всякий случай хочу сообщить Вам, что вечер памяти Ивана Алексеевича, устроенный французским Пен-клубом, прошел, по ее словам, хорошо. Андре Шамсон¹, председатель (Шлумберже² не приехал «по болезни»), произнес отличную речь. Зал был полон. Вера Николаевна скорее хвалит и актеров (я ни одного из них не знаю и по имени).

Мы через несколько дней уезжаем с Татьяной Марковной в Париж. Остановимся почти наверное, как всегда, в «Отель де ла Порт Сен-Клу», на рю Гюден, но для верности адрес даем сестры. 10–20 июня еще будем в Париже и чрезвычайно рады будем встретиться с Вами. Особенно же приятно Ваше обещание в начале июля приехать в Ниццу. Это подтвердила мне и мадам Лезель. У нее, кстати, недели две прожила госпожа Элькан³. Видел ее, она много рассказывала. Сообщила, что Буров⁴ предлагает миллион франков на журнал⁵. Если не ошибаюсь, сказала (она или кто-то другой), будто «Опыты» все-таки не прекращаются⁶, в отличие от того, что мне говорила С.Ю. Прегель⁷, которая тоже была в Ницце.

Новостей нет. Ла ви н-э па белль⁸. Да это давно людьми сказано, как и прямо противоположное. Но нам, старым людям (имею в виду только себя), пора прилечь именно к прямо противоположному.

Татьяна Марковна и я шлем Вам самый сердечный привет и лучшие наши пожелания.

¹ *Шамсон* (Chamson) Андре (1900–1983) — французский писатель, член Французской академии (1956), участник движения Сопротивления.

² *Шлюмберже* (Schlumberger) Жан (1877–1968) — сын эльзасского фабриканта, брат основателей известной ювелирной компании «Шлюмберже», французский писатель, друг А. Жида, один из основателей журнала «Нувель ревью франсез».

³ *Элькан* Анна Морисовна (Морицевна) (урожд. Абельман; 1899–1962) — литератор, общественный деятель, жена Бернарда Веньяминовича Элькана, коллекционера картин, организатора издательства «Аквилон». В 1948–1956 гг. секретарь правления Объединения русских писателей и поэтов во Франции, председателем которого был тогда С.К. Маковский, занимавший две комнаты в большой квартире А.М. Элькан на ул. Тильзит; хозяйка единственного в послевоенном Париже литературного салона. Адамович, знакомый с А.М. Элькан еще по Петербургу, посещал салон, приезжая из Манчестера в Париж, выступал там с лекциями. См.: *Крейд В. Неточкин салон: О салоне Анны Элькан // Русское еврейство в зарубежье. Т. 3 (8). Иерусалим, 2001.*

⁴ *Буров* Александр Павлович (наст. фам. Бурд; 1876–1957) — инженер, литератор, меценат. С 1919 г. в эмиграции в Германии, затем в Париже, с конца 1930-х гг. жил в Амстердаме; печатался в «Числах», «Иллюстрированной России», написал несколько книг (как правило, выпускавшихся на средства автора). Подробнее см.: «Чудак, дурак, “писатель”, богатей...»: (Александр Буров и его корреспонденты) / Обзор С.В. Шумихина // Встречи с прошлым. Вып. 10. М., 2004. С. 551–644.

⁵ Эти планы не были претворены в жизнь, хотя такая возможность всерьез рассматривалась в эмиграции на протяжении нескольких лет, см., напр., письмо Адамовича А.Ф. Даманской от 4 февраля 1957 г.: «Насчет Бурова должен Вам сказать, что он и меня одно время забрасывал письмами (все больше об Алданове или Ремизове или о том, что его “Бурелом” — новая “Война и мир”). Я ему пытался объяснить, почему не могу о нем писать, — но не уверен, что он понял. Это странный человек, не бездарный, делающий много добра, — но не вполне грамотный, во-первых, а во-вторых, обливший грязью людей, которые никак этого не заслуживали. Ну, Бог с ним! Говорят, в делах у него голова ясная, но в литературе это человек полупомешанный. Досадно, — потому, что мог бы издавать журнал, если бы там согласились дать ему первую роль (т. е. если бы участие при этом было бы в журнале возможно)» (BAR. Coll. Damanskaia).

⁶ «Опыты» продолжали выходить до 1958 г., после третьего номера М.С. Цетлина лишь поменяла руководство, сделав редактором Ю.П. Иваска. Подробнее см. в публикациях тематического номера: Журнал «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958): Исследования и материалы / [Сост. О.А. Коростелев] // Литературоведческий журнал. 2003. № 17.

⁷ *Прегель* Софья Юльевна (1894–1972) — поэтесса, издатель. После революции в эмиграции в Константинополе, с 1922 г. в Берлине, с 1932 г. в Париже, с 1940 г. в США, редактор-издатель журнала «Новоселье» (1942–1950), с 1950 г. вновь в Париже, директор издательства «Рифма» (в 1957–1972 гг.).

⁸ От фр.: *La vie n'est pas belle* — жизнь не красива.

83. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

23 сентября 1954 г. Париж

53, rue de Ponthieu
Paris 8^e
23/IX-54

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за пересланное Вами письмо Аминадо. Значит, так я и сделаю, т. е. пошлю статью Я.М. Цвибаку¹.

Как Вы живете? Как Ваше и Татьяны Марковны здоровье? Я все вспоминаю Ниццу и все, что в ней есть или было хорошего.

Собираюсь в Англию дней через 10. В Париже, кажется, ничего нового, кроме того, что всем мало-помалу живется труднее.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать Татьяне Марковне сердечный поклон.

Ваш Г. Адамович

P.S. Только что получил письмо от В.А. Александровой: «ждем всей рукописи в октябре»². Надеюсь, что успею, с расчетом скорей на Манчестер, чем на Париж.

¹ По-видимому, речь идет о юбилейном приветствии А.А. Полякову к 75-летию со дня рождения и 50-летию литературной деятельности: *Адамович А. Поклон А.А. Полякову // Новое русское слово. 1954. 17 окт. № 15513. С. 3.* Дон-Аминадо упоминается в тексте заметки.

² Письмо не сохранилось. Ответом на него, по-видимому, является письмо Адамовича В.А. Александровой от 26 октября 1954 г., в котором он, в частности, сообщает: «Вот еще две главы» («Простите, что пишу Вам по делу...»: *Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 212).*

84. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

24 сентября 1954 г. Ницца

24 сентября 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Очень обрадовался Вашему сообщению относительно ответа Вам Александровой. Как раз вчера я получил от Лунца по воздушной почте прилагаемую заметку из «Н<ового> р<усского> слова» от 20-го¹. Теперь уже, так сказать, официально издательством объявлено, что на все остающиеся ему 15 месяцев

жизни программа «совершенно заполнена». Из письма к Вам Александровой (вероятно, от той же приблизительно даты) несомненно следует, что книги, *уже принятые*, хотя и без контракта, включаются в эти 45 книг, — иначе она Вам прямо написала бы, что Вы опоздали. Но боюсь, что это не относится к 4-й книге покойного Ивана Алексеевича. Насколько мне известно, Вера Николаевна им только ее предложила, а они пока не откликнулись. У меня еще есть маленькая надежда на следующее. Вы в заметке прочтете о «некоторых классиках», и то же мне пишет Лунц: они его магазин и все книжные магазины (циркулярно!) запросили, *какого* классика данный магазин им рекомендовал бы на остающиеся у Чеховского издательства «два-три места» и сколько экземпляров рекомендованного им классика он готов купить! Ведь Иван Алексеевич — тоже классик. Вера Николаевна имела в виду и стихи. Стихов Лунц (да и другие книжники) не предложит, так как мог бы, верно, обязать купить только три-четыре экземпляра. Если еще не поздно, я мог бы попросить Лунца рекомендовать еще книгу *прозы* Ивана Алексеевича. Как Вы думаете и как думает Вера Николаевна? Пожалуйста, поговорите с ней, — Вам на месте виднее. Но, по-моему, шансов теперь мало, — если только они не получат новых денег.

Умоляю Вас прислать им всю Вашу рукопись в октябре. Иначе они будут впра- ве сказать, что Вы нарушили моральное соглашение.

У нас нового ничего. Нет перемен и в состоянии здоровья. Т<атьяна> М<арковна> сердечно Вас благодарит за внимание, как и я. Оба Вам шлем самый сердечный привет.

Заметку вы можете отдать Vere Николаевне. Ей ведь все это надо знать. Надо что-то придумывать всем, а ей особенно.

¹ 20 сентября 1954 г. в «Новом русском слове» был опубликован проспект Издательства имени Чехова со списком книг, готовящихся к выходу в ближайшее время.

85. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

3 октября 1954 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8
3/X-54

Дорогой Марк Александрович

Простите, пожалуйста, за опоздание с ответом. Я в хлопотах с переездом, да, кроме того, в Париже всегда есть и многое другое, что заставляет почти все откладывать «на завтра». Надеюсь, Вы не будете на меня в претензии.

Спасибо за присылку вырезки относительно Чех<овского> изд<ательст>ва. Веру Николаевну я видел раза три, ездил с ней на могилу Ив<ана> Алексеевича. После обмена письмами с В.А. Александровой они остановились на том, что бли-

жайшей книгой для издания будет «Освобождение Толстого». Думаю, что это удачное решение и, вероятно, книготорговцы согласятся эту книгу рекомендовать. Вера Николаевна, по-видимому, не сомневается, что книга издана будет.

Благодарю Вас, дорогой Марк Александрович, за постоянный интерес и даже заботу о моей предполагаемой книге. В Манчестере я засяду за ее продолжение и в октябре пошлю еще по меньшей мере страниц 75–100, так что будет у них уже страниц 200, а то и больше. Уверенности, однако, у меня ни в чем нет, и то, что В<ера> А<лександрова> «ждет присылки рукописи», не кажется мне верной гарантией (основанной на предыдущей переписке!). Отчасти смутило меня то, что сказал мне Терапиано:

Он получил письмо от Глеба Струве, который сообщает ему, что Чех<овское> изд<ательст>во хотело поручить писание «Истории эмигр<антской> литературы» кому-либо из парижан. Было будто бы два кандидата. Но т. к. возникло опасение, что парижане будут восхвалять и превозносить все парижское, то книга поручена ему, Глебу Струве¹.

Не знаю, насколько это все верно. Не знаю и того, совпадает ли это с моим делом, т. к. я пишу не Историю, а ряд отдельных очерков, без притязаний на полноту. Сообщаю я Вам об этом исключительно потому, что Вы проявляли ко всему этому интерес и внимание.

Уезжаю завтра в Англию. Адрес мой прежний: 104, Ladybarn Road, Manchester 14. Крепко жму Вашу руку, от души желаю благополучия и здоровья и прошу передать низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Такая книга была Глебу Струве заказана, написана и вышла вскоре после книги Адамовича: *Струве Г. Русская литература в изгнании*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.

86. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

20 октября 1954 г. Манчестер

[на бланке Манчестерского университета]
104, Ladybarn Road,
Manchester 14
20/X-54

Дорогой Марк Александрович

Шлю Татьяне Марковне и Вам искренний привет и поклон из Манчестера, серого и мокрого, как обычно. Как Вы живете? Как Ваше здоровье? Надеюсь, что Ваши мрачные мысли о нем рассеиваются, тем более что и причин для них, вероятно, нет. Был бы очень рад получить от Вас несколько слов об этом, — а о себе мне рассказывать нечего, даже если бы я этого хотел. Les jours se suivent et se ressemblent¹. О том, что «Опыты» продолжаются с редактором Иваском, Вы,

вероятно, уже знаете. Яновский мне пишет, что, по его мнению, «продолжение» будет кратковременным, но я в этом не уверен, т. к. Ян<овск>ий в «оппозиции» «Опытам» и добра им не желает. Кстати, Мария Самойловна просила меня написать предисловие к переводам ее мужа к Е. Браунинг². Я согласился, написав, что об условиях «спишемся потом». А сегодня получил от нее довольно забавный ответ на это (но *сесі*³, конечно, *mot entre nous*⁴). Видели ли Вы книгу Ходасевича?⁵ Там есть рассуждение о «Казаках», настолько странное и даже детское, что я руками разводил, читая. Еще есть утверждения, что Богданович лучше Лафонтена. Мне не хочется об этом писать в газете, скажут — сводит счеты, но стоило бы! Книга обманчиво-умная, скорей — поза под умного человека, с какой-то показной суровостью в мыслях, чем ум и чутье настоящие.

Дела мои с Чех<овским> изд<ательст>вом все в том же положении, да надо сказать, что и милейшая Вера Леонидовна⁶ не очень торопится с перепиской. Я послал дважды, страниц по 20, — до сих пор не получил ничего! Если видите Леон<ида> Леон<идовича>, будьте добры, попросите его поторопить. Я ведь им посылаю переписку по их же желанию, отчасти с расчетом на быстроту.

Простите, что пишу чернильным карандашом, оттого неясно. До свидания, дорогой Марк Александрович, крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. Адамович

Я послал Цвибаку, как было условлено, статью об Ал<ексandre> Абр<амови>че⁷. Надеюсь, что он ее получил вовремя, но не помню, когда был самый день юбилея и был ли уже или будет.

¹ Дни следуют друг за другом и похожи один на другой (*фр.*).

² Книга была выпущена: *Браунинг Е. Португальские сонеты* / Пер. М. Цетлин, И. Астров; предисл. Г. Адамовича. Нью-Йорк: Experiments, 1956.

³ это (*фр.*).

⁴ между нами (*фр.*).

⁵ *Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания* / Ред. и предисл. Н. Берберовой. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. Адамович откликнулся на нее рецензией: *Адамович Г. На полях книги Ходасевича // Новое русское слово. 1954. 21 нояб. № 15548. С. 8.*

⁶ *Сабанеева Вера Леонидовна* (в браке графиня Ланская; р. 1919) — художник по фарфору, служащая; дочь Л.Л. Сабанеева, ребенком увезена родителями во Францию, с 1926 г. жила в Париже, с 1933 г. в Ницце; вышла замуж за Н.П. Ланского; окончила Школу декоративных искусств, работала стенографисткой-машинисткой, менеджером, секретарем во французских издательствах.

⁷ См. примеч. 1 к письму 83 наст. публ.

87. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

24 октября 1954 г. Ницца

24 октября 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Мы оба сердечно Вас благодарим за память, за вопросы о состоянии здоровья. Оно в прежнем положении и у Т<атьяны> М<арковны>, и у меня; хуже не стало, а моя программа теперь вообще: чтобы не стало хуже. А как Вы?

Об уходе Гринберга из «Опытов», с объявлением об этом в газете¹, я узнал из писем Лунца и Романа Гуля (он мне писал по делам моей повести в «Новом журнале»). Лунц сообщил еще, что ушел и Пастухов, что теперь Иваск, но журнал будет выходить книжками всего в 96 страниц. Причина ухода Гринберга, по словам Лунца, — денежное расхождение с Цетлиной. Покойный Иван Алексеевич и я ушли в свое время из «Нового журнала» без писем в редакцию, без сообщения в газетах.

Цвибак прислал мне страницу «Н<ового> р<усского> слова» об Александре Абрамовиче². Я прислал бы ее Вам, но Яков Моисеевич в препроводительном письме сообщает, что посылает то же Вам и Д. Аминадо. Ваша статья хороша, а стихи Аминадо — плохие, как мне в более сильных словах написали два человека из Нью-Йорка (не Цвибак).

Т<атьяна> М<арковна> и я оба глубоко возмущены Вашим поступком в отношении нас: Вы сообщаете в письме, что на Ваши слова об условиях Марья Самойловна прислала «довольно забавный ответ» — а какой ответ, не сообщайте!!! Да еще просите держать это (что?!) в секрете!!!! Ультимативно требуем, чтобы Вы подробно и по возможности скоро объяснили, *что* она Вам ответила. В этом случае, но только в этом, обязуемся никому ничего не сообщать. В самом деле, пожалуйста, напишите, — особенно интересуется Т<атьяна> М<арковна>. И не подумайте, что у нас против нее злора, — нет никакой, — а просто нужны же «забавы» в нашей скучной жизни.

Я не читал книги Ходасевича, и достать ее здесь негде. Покойный Х<одасевич> был очень выдающийся поэт и такой же знаток *поэзии*, но у меня всегда было определенное впечатление, что он в *прозе* понимает очень мало. Не приписывайте это мое впечатление личной обиде, — он иногда меня ругал (и больше меня, чем мои книги), но много чаще очень хвалил. Вдобавок у него не хватало и просто знаний. Языков же он, кажется, совершенно не знал, — только этим и можно еще кое-как объяснить то, что он ставил Богдановича выше Лафонтена.

Позавчера, за день до получения Вашего письма, я как раз видел Веру Леонидовну, — она недели две была в отсутствии, по делам ее фирмы. Сказала мне, что завтра (почти наверное сказала: завтра) высылает Вам рукопись. От нее узнал, что она переписывала страницы о Штейгере, Поплавском, Фельзене³. Значит, вы изменили план книги? Леонида Леонидовича увижу послезавтра и непременно ему, на всякий случай, напомним.

Кончаю письмо. Несмотря на проливной дождь, иду в Артистик на концерт пианиста Рофе⁴. Мне всучил билет Масловский, который ему покровительствует. Сабанеев же, в полное отличие от генерала, говорит, что Рофе играет неважно. Программа интересная.

Татьяна Марковна и я шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания.

¹ Публикация не выявлена.

² «Новое русское слово» к юбилею А.А. Полякова опубликовало сразу несколько похвалительных статей и заметок, а также стихотворение Дон-Аминадо.

³ Адамович объяснял свое решение в письме В.А. Александровой от 26 октября 1954 г.: «Мне не хотелось бы касаться в книге т. н. “молодых” писателей. Делаю исключение лишь для трех, которых уже нет на свете (и для Набокова, который не в счет)» («Простите, что пишу Вам по делу...»: Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 212).

⁴ Не удалось найти сведений.

88. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

28 октября 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
28/X-54

Дорогой Марк Александрович

Очень рад был получить от Вас письмо. Спасибо. Рукопись от Веры Леонидовны я получил третьего дня, а писал о Поплавском, Штейгере и Фельзене потому, что, боюсь, одними «старшими» не заполню всю книгу (т. к. 300 страниц или около того). Я этих трех выделил как покойников, да, кстати, у меня и были о них старые статьи. Теперь собираюсь писать о Вас и Зайцеве, но простите заранее — многое тоже будет взято из прежних статей. Мне кажется, это мое законное право, а что из всего этого предприятия выйдет — не знаю.

Получил сегодня письмо от Софьи Юльевны Прегель с сообщением, что «у Веры Ник<олаевны> все сошло блестяще», т. е. собрание 23-го¹. Были какие-то речи и очень много народу. Что же, тем лучше, и я рад за В<еру> Н<иколаевну>. Выступал даже Зуров, «сменив гнев на милость». В чем и почему был гнев, С<офья> Ю<льевна> не пишет.

Относительно инцидента с Марией Сам<ойлов>ной: я напрасно употребил слово «забавный». Ничего забавного нет, а дело вот в чем.

Предложение написать предисловие к переводам Мих<аила> Ос<ипови>ча сделал мне Пастухов, от имени М<арии> С<амойловны>, с просьбой ответить не ему, а ей и с указанием, что об условиях речь будет после. Так я и сделал, об усло-

виях упомянув вскользь. В ответ пришло письмо от М<арии> С<амойловны> с благодарностью за согласие, с сообщением, что рукопись мне послана, и с такими словами: «Заплачу Вам по 1 доллару за страницу, как в “Опытах”».

Предисловие мое будет — страницы 2–3. Поэтому я хочу написать М<арии> С<амойловне>, что никак на ее условия согласиться не могу, не хочу вступать ни в какие пререкания, что журнал — другое дело, и поэтому прошу ее 3 долларов мне не присылать, а работу эту я сделаю даром, из уважения к памяти М<ихаила> О<сиповича>.

Надо сказать, что я еще в Париже говорил об этом с Кантором. Он сказал «minimum 50 долларов», и это я и думал написать М<арии> С<амойловне>, если бы она n'avait pas pris les Levants². Ведь переводы надо сравнить с оригиналом, а сонетов этих довольно много, да и вообще, даже в слове «заплачу» — не спрашивая моего согласия — М<ария> С<амойловна> проявила большую désinvolture³, по-моему.

Вам, вероятно, скучно читать столь подробное изложение столь ничтожного дела, но Вы сами у меня подробностей потребовали. Как по Вашему, именно так следует М<арии> С<амойловне> ответить — или не отвечать ничего?

Иваск меня забрасывает письмами об «Опытах» и о своих планах. Очень жаль, что Вы для них недоступны. В ближайшем № будет «Ад» Зайцева — Данте, о котором Иваск отзывается кисло, но помещения которого требует издательница.

Да, С<офья> Ю<льевна> пишет, что очень болен Ремизов и что д-р Зернов настроен пессимистически. А я как раз собирался написать о его последней книге с «бездарным Толстым»⁴ и прочим в дополнение к дифирамбу, написанному в «Н<овом> р<усском> с<лове>» Мазуровой⁵. Кстати, я эту Мазурову не знаю, но Тэффи когда-то мне очень смешно рассказывала, что она — т. е. Тэффи — однажды написала ей довольно резкое письмо с литературными возражениями, а в ответ получила письмо от Мазуровой: «Спасибо, что хоть вы меня побранили, а то со всех сторон слышишь — умная, талантливая, замечательная!»

Простите за длинное письмо, к тому же со всякими глупостями. Если Вы меня «побраните», то я, во всяком случае, как Мазурова, Вам не отвечу.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ 23 октября 1954 г. на парижской квартире Буниных состоялся организованный Верой Николаевной вечер памяти И.А. Бунина по случаю 84-летия со дня его рождения.

² не взяла Левант (фр.).

³ бесцеремонность (фр.).

⁴ Имеется в виду книга: Ремизов А. Огонь вещей: Сны и предсонье. Париж: Оплешник, 1954. В главке «Горичары» этой книги Ремизов писал: «Словесно-бездарный Толстой, расстрепанный и неповоротливый — русский во французской упряжке (синтаксис) — работая над словом неизвестно как и почему, но с одной мыслью ясности, при своем гениальном гоголевском зрении изобразил жизнь в глубину и даль, касаясь незримого простому глазу задального» (Ремизов А. Огонь вещей. М., 1989. С. 59).

⁵ Мазурова Александра Николаевна (1891–?) — литератор, критик, журналист. С 1919 г. в эмиграции в США, печаталась в «Новоселье», «Гранях», «Новом русском слове». Возможно, речь идет о статье: Мазурова А. О пропущенной книге А. Ремизова // Новое русское слово. 1953. 5 июля. С. 8.

89. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

7 ноября 1954 г. Ницца

7 ноября 1954

Дорогой Георгий Викторович.

Думаю, что Вы вполне правильно наметили ответ М<арии> С<амойловне>. Я, кстати, не знал, что от покойного Цетлина осталось достаточно переводов для книги. А что же Вы дадите Иваску?¹

О том, что Ремизов нездоров, мне давно писал Зайцев, — об опасности я узнал из Вашего письма. Вера Николаевна нам подробно написала о вечере — или приеме днем? — у нее. Писали и некоторые другие. Было больше пятидесяти человек. О речах не все отзывы так лестны, как отзыв Софьи Юльевны. Говорила и сама Вера Николаевна! Воображаю, как этот прием ее измучил. Каюсь, я рад, что не был, — Вы поймете почему и, должно быть, и Вы рады по тем же причинам.

От Чеховского издательства почти никаких сведений не имею. Говорю «почти» потому, что получил от Терентьевой коротенькое препроводительное письмо к гранкам «Ключа». Я не надеялся, кстати, получить гранки так скоро. Когда выйдет роман, она не пишет². Вообще ничего не сообщила ни о чем. Так Вы теперь пишете обо мне? Спасибо и очень рад. Разумеется, Вы правы, что пользуетесь для книги старыми Вашими статьями и рецензиями. А я Вам позавидовал, что у Вас, очевидно, все сохранилось, — все о каждом из нас. До второй войны я аккуратно собирал по папкам разные рецензии обо мне на разных языках (записан я только в американском бюро вырезок, но иногда присылали и знакомые). Собирал также иностранные издания своих книг. Но в 1940 году все это увезли немцы, о чем я и по сей день жалею. С тех пор набралось много нового (т. е. рецензий), а иностранных изданий у меня больше почти нет, — по крайней мере, из тех стран, которые оказались после второй войны по ту сторону ж<елезного> занавеса (надоели эти слова о занавесе, да нет других).

Мазуровой я никогда не встречал, но обменялся с ней несколькими письмами. По ее *статьям* у меня осталось впечатление, вполне согласное с Вашим забавным сообщением о ней. А вот я хочу ей уподобиться, — не гневайтесь и не смейтесь. Набоков (Сиринов) получил «Ульмскую ночь» тотчас после ее выхода, т. е. месяцев десять тому назад, и не откликнулся. Я и не ожидал, что он мне напишет. Вл<адимир> Вл<адимирович> писем терпеть не может, и мы года три не переписывались, да и до того переписывались редко, — больше по делам, в то время, когда я был редактором «Нового журнала». И вдруг недели две тому назад я получил от него об этой самой «Ульмской ночи» необычайно лестное, совершенно восторженное письмо!³ Вот не ожидал. Он сообщает, что прочел книгу теперь. Разумеется, я искренно рад.

В конце ноября я уезжаю в Париж и пробуду там с месяц. Может быть, там увидимся? Или в Ницце? Т<атьяна> М<арковна> со мной ехать почему-то не хочет, — не знаю, удастся ли ее убедить.

Вспоминаю, как полагается в моем возрасте, старые времена. В первые годы эмиграции почти вся зарубежная печать была левая, — либеральная или социалистическая. Самым правым изданием было «Общее дело», которое издавал — Бурцев!⁴ Теперь же из левых изданий остались, кажется, только два, «Новое русское слово» и «Новый журнал» (в которых забавным образом половина сотрудников — правые). Все остальные зарубежные издания (полдюжины, если не больше, в одной Германии) в руках правых, и в них друзей нет никого, — даже на «теплые некрологи» нам рассчитывать нельзя. А скоро и печататься будет негде.

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие, дружеские пожелания.

¹ Первый из вышедших под редакцией Ю.П. Иваска номер «Опытов» открывался стихотворением Адамовича «Посвящение» («Я не тебя любил, но солнце, свет...») (с. 3–4); кроме того, в номере была также опубликована статья Адамовича «Поэзия в эмиграции» (Опыты. 1955. № 4. С. 45–61).

² Книга вышла в следующем году: *Алданов М.* Ключ. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

³ Публикатор переписки, приводя фрагмент этого письма Набокова от 10 октября 1954 г.: «Пишу Вам только два слова между двумя лекциями — только чтобы сказать Вам, что во время случайного досуга (в поезде между Итакой и New York'ом) я прочитал вашу «Ульмскую ночь». Я был взволнован этой вашей самой поэтической книгой — ее остроумие, изящество и глубина составляют какую-то чудную звездную смесь — именно «ульмскую ночь», сопроводил его собственным замечанием: «Панегирик настолько парадоксален, что наводит на мысль: а не бросился ли Набоков писать это письмо сразу после того, как только отыскал единственный живой образ, даже не дочитав книгу до конца» («Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова / Публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 124).

⁴ В.Л. Бурцев начал издавать газету «Общее дело» в Петрограде в 1917 г. и затем продолжил в Париже (1918–1922, 1928–1933).

90. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

10 февраля 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
10/II-55

Дорогой Марк Александрович

Давно собираюсь Вам написать, но одолевают болезни: то был грипп, а потом — очевидно, на почве гриппа — воспаление глаз. Я сижу в темных очках, пишу и читаю с трудом.

Как Вы живете? Как здоровье Ваше и Татьяны Марковны? Давно ничего о Вас не знаю. Сегодня нашел здесь «Новый журнал» — два или три последних номера, — с Вашим «Бредом»¹, который примусь читать, когда — и если — поправлюсь. Получил, еще до болезни, корректурные листки книги Цвибака². Книгу Вы,

конечно, получите, он прислал мне корректуру для того, чтобы скорей была о нем статья. Иваск мне пишет с жалобами (очень осторожными) на Зайцева, который будто бы обращается к нему «в диктаторском тоне». Новостей никаких нет, оттого я и сообщаю Вам такие мелочи. Очень был бы рад получить от Вас «весточку». Ивановы отбыли на жительство, по-видимому постоянное, в Nyères, в какой-то бесплатный дом, но французский, а не русский³.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Шлю Татьяне Марковне и Вам лучшие самые искренние пожелания здоровья и благополучия.

Ваш Г. Адамович

¹ Алданов М. Бред // Новый журнал. 1954. № 38–39; 1955. № 40–42; 1957. № 48.

² Андрей Седых (Я.М. Цвибак) прислал Адамовичу для рецензии гранки своей книги рассказов «Только о людях» (Нью-Йорк: Новое русское слово, 1955). Рецензия была опубликована незамедлительно: Адамович Г. «Только о людях» (новая книга Андрея Седых) // Новое русское слово. 1955. 13 февр. № 15632. С. 8.

³ В начале февраля 1955 г. Г.В. Иванов и И.В. Одоевцева переехали на жительство в созданный под эгидой ООН интернациональный дом «Босежур» («Beau-Séjour», av. du XV Corps, Nyères, Var).

91. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

13 февраля 1955 г. Ницца

13 февраля 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Мы оба были очень рады Вашему письму и искренно благодарим. Огорчены только Вашими болезнями. Разве бывает воспаление глаз на почве гриппа? Проходит ли уже оно? Мы все по-прежнему. Здоровье не хуже и у Т<атьяны> М<арковны>, и у меня, — и то слава Богу.

«Бред» Вам, боюсь, не понравится. А книга «Нового журнала», кроме лубочного Гузенко¹ и обычного Ремизова², очень интересна. Весьма недурен, по моему, Ершов³. Из статей мне всего интереснее была статья незнакомого мне автора⁴ о Софье и Максиме Ковалевских, — оба в новом свете, по крайней мере для меня (совершенно, увы, справедлива и заключительная в ней цитата из Джордж Эллиот⁵). Очень интересна и последняя книжка «Возрождения»⁶ (мне ее случайно прислали из Парижа). Узнал, кстати, из нее (из очень сочувственной статьи), что А. Блока «невыразимо обрадовала» (цитирую буквально) гибель «Титаника»: «есть еще океан!»⁷ Есть о нем и многое другое, тоже замечательное. Вы его, к крайнему моему негодованию, сравнивали с Толстым. Вы скажете, что сравнивали только в смысле «гениальности». Может быть, однако слова о «Титанике» имеют некоторое отношение и к гениальности — или уж во всяком случае к уму. Нет, «как прав, как безжалостно прав»⁸ был — тут

не Толстой, как сказано у Чехова, а покойный, истинно незабвенный Иван Алексеевич.

По поводу Бунина. Вы, конечно, читали о московском заявлении Федина: Бунин стал советским гражданином!⁹ Это вызвало в эмиграции большой шум. Очень многие поверили! Вы удивитесь, если я Вам скажу, что эта история имела последствием (не очень, разумеется, важным и, надеюсь, лишь кратковременным) «холодок» у меня — одновременно с Верой Николаевной и с Бор. Зайцевым (вещь довольно редкая). С Верой Николаевной потому, что я два раза убедительно просил ее тотчас опровергнуть ложь Федина, а ей почему-то не хотелось это делать, и приводила она совершенно беспомощные доводы, даже тот, что у нее нет времени! Я просил ее об опровержении, конечно, из уважения к памяти Ивана Алексеевича (которого и в Ницце, и в Париже (и не враги) уже начинали сравнивать с Ал. Толстым!), да еще из заботы об ее собственных интересах: «вдова не опровергает, значит, это правда!» Она ответила мне довольно нелюбезно. С Зайцевым, конечно, другое. По Вашим словам, он пишет Иваску «в диктаторском тоне». Мы с ним дружески переписываемся (не часто), и я диктаторского тоне не замечал, — разве только более величественный тон, чем прежде. Но об этом заявлении Федина он мне написал странно — и, по-моему, с радостью: «Бунин Ф<един> назвал советским гражданином. Это неверно, но у каждого писателя свой облик и своя известность. Сомневаюсь, чтобы меня кто-нибудь назвал советским гражданином»!! Таким образом, надо сделать вывод, что у Ивана Алексеевича был большевистский облик и большевистская известность!!! И почему Бунину противопоставляется тут именно он, Б<орис> К<онстантинович>? Я не ответил, чтобы не поссориться. Сообщаю об этом лишь Вам, и совершенно доверительно. Не сообщил бы и Вам, если б Зайцев мне сказал, что он об этом говорит конфиденциально. Но он и этого не сказал. Все же прошу Вас НИКОМУ не говорить об этом ни слова. Не получив от меня ответа, он, наверное, рассердился, — что ж делать? А мне хочется знать Ваше мнение.

Иванов мне в Париже по секрету сообщил, что переедет навсегда в убежище в Йере. Я никому и не говорил. О том, что он уже переехал, я узнал из Вашего письма.

Мы оба шлем Вам сердечный дружеский привет. Поправляйтесь поскорее.

¹ *Гузенко И.* Падение Титана: Разговор Федора Новикова с Михаилом Гориним: Отрывок из романа // Новый журнал. 1954. № 39. С. 51–70.

² *Ремизов А.* Тонь ночи // Там же. С. 119–132.

³ *Ершов П.* Нинель // Там же. 1954. № 37. С. 30–70; № 38. С. 72–114; № 39. С. 71–118.

⁴ *Каннак* Евгения Осиповна (урожд. Залкинд; 1903–1986) — литератор, переводчик, мемуарист. С 1919 г. в эмиграции в Германии, участник Берлинского кружка поэтов, сотрудник «Руля»; с 1933 г. в Париже, печаталась в «Последних новостях», после войны в «Русской мысли», «Новом журнале», «Мостах».

⁵ *Каннак Е. С. В.* Ковалевская и М. М. Ковалевский // Новый журнал. 1954. № 39. С. 194–211. Статья завершалась словами Джордж Элиот, приведенными в воспоминаниях С. В. Ковалевской: «Когда в жизни положение становится уж слишком натянутым, когда не видать исхода, тогда является смерть и открывает новые пути, о которых никто не думал».

прежде». Мемуарный очерк С.В. Ковалевской был впервые опубликован по-шведски в газете «Stockholms Dagblad» в апреле 1885 г.; русский вариант появился на следующий год: *Ковалевская С.В. Воспоминания о Джорже Эллиоте // Русская мысль. 1886. Кн. VI (июнь). С. 93–108* (второй пагинации); полный текст цитаты: «Когда в жизни положение становится уж чересчур натянуто, когда нигде не видать исхода, когда обязанности самые священные взаимно противоречат одна другой, тогда является смерть, внезапно открывает новые пути, о которых никто и не думал прежде, и примиряет то, что казалось непримиримым» (*Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести / Вступ. ст. М.В. Нечкиной; примеч. П.Я. Кочиной, А.Р. Шкирич и др. М., 1986. С. 328.*

⁶ Речь идет о январской книге «Возрождения» за 1955 г. (№ 37), в которой среди прочего были опубликованы статьи В. Маклакова «Толстой и университет», В. Сперанского «Из истории Московского университета», А. Тырковой-Вильямс «Тени минувшего», Г. Мейера «Фатализм Лермонтова», В. Рябушинского «Кризис религиозного искусства на Западе и роль иконы при этом», проза А. Ремизова, Б. Ширяева, И. Сургучева, стихи Ф. Сологуба, В. Смоленского.

⁷ Эту фразу из дневника Блока (запись 5 апреля 1912 г.) привел в своей статье В. Смоленский: «Катастрофа с “Титаником” его невыразимо обрадовала: “есть еще океан!”» (*Смоленский В. Мистика Блока // Возрождение. 1955. № 37. С. 125.*

⁸ Алданов приводит слова Лаевского из «Дуэли» Чехова: «В прошлую ночь, например, я утешал себя тем, что все время думал: ах, как прав Толстой, безжалостно прав! И мне было легче от этого. В самом деле, брат, великий писатель!» (*Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1985. Т. 7. С. 355.*

⁹ Выступая 25 декабря 1954 г. на II Всесоюзном съезде советских писателей, Федин назвал Бунина классиком, заявил, что его нельзя отчуждать от истории русской литературы и выразил желание, чтобы читатели узнали все ценное из наследия Бунина. Среди прочего он произнес фразу: «Недостало сил, уже будучи советским гражданином, вернуться домой Ивану Бунину» (*Литературная газета. 1954. 26 дек. № 159 (3343). С. 6.*

92. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

16 февраля 1955 г. Манчестер

Manchester 14
104, Ladybarn Road
16/II-55

Дорогой Марк Александрович

Получил вчера вечером Ваше письмо.

О фразе Федина на московском съезде я знал по «Литературной газете», но не знал, что она вызвала такое волнение и толки. Слова Федина не то что не ясны, нет, но упоминание о «советском гражданстве» сделано вскользь, по видимому, без всякого желания вызвать сенсацию (м. б., он считал, что это факт, всем уже известный).

Ваше письмо меня очень смутило и даже взволновало. Если Вера Николаевна не даст опровержения, то, конечно, враги Ивана Алексеевича станут слухи о нем всячески распространять. Результаты будут во всех смыслах

печальные. По-видимому, что-то Веру Ник<олаев>ну удерживает от опровержения: нормально, она должна была вскипеть, возмутиться и сделать все, что нужно, даже без Вашего к ней письма. В чем дело? Не хочу пускаться в догадки. Допускаю, что тут есть вмешательство «Лени», хотя и не знаю какое. Почему-то мне чудится, что тут есть его влияние, да по его общим настроениям это и возможно.

О Зайцеве и его письме к Вам я, конечно, ничего никому не скажу согласно Вашему желанию. Хорошо все-таки, что он Вам написал, что «это неверно». Мог бы и поверить, как, вероятно, поверят Берберова, Глеб Струве и др.

C'est lire triste¹, в общем. Удивляет меня то, что из Парижа никто о «сенсации» мне не сообщил. От самой В<еры> Н<иколаевны> у меня, впрочем, давно нет ни слова; знаю, что она на меня обижена: уехал, не попрощавшись. Но я был у нее за 3 дня до отъезда.

Федина я немного знаю, еще по петербургским воспоминаниям. Он, кажется, человек порядочный, да и отозвался он об И<ване> А<лексеевиче> на этом съезде хорошо и смело. Возможно, что он слышал о визите И<вана> А<лексеевича> к Богомолу² — и сделал отсюда выводы, ни на чем, кроме этого визита, не основанные.

Начал читать «Бред», но с трудом «по причине глаз». Почему Вы меня предупредили, что мне он «не понравится»? Я прочел не много, но жалею об этом: интересно очень, и притом какой-то новый для Вас склад и тон. (Как всегда у Вас: хочется при чтении все время делать заметки на полях, — *поэтому* что «задевает».) Прочел стихи (кроме Волошина³ — длинно и, наверно, плохо). Хоть бы Вы на них подействовали, чтобы они не печатали Ир. Легкую!⁴ Кто это, не знаю, но это не стихи, а позор сплошной, — а она у них не в первый раз!

До свидания. Крепко жму Вашу руку, дорогой Марк Александрович, и шлю низкий поклон и лучшие пожелания Татьяне Марковне. Очень рад, что Ваши здоровья никаких хлопот Вам не доставляют.

Ваш Г. Адамович

¹ Грустно это читать (*фр.*).

² См. примеч. 1 к письму 21 наст. публ.

³ В 39-м номере «Нового журнала» были напечатаны стихи З.Н. Гиппиус, М.А. Толстой, И.И. Легкой, А. Величковского и Ю. Одарченко, а также подборка стихов М.А. Волошина с предисловием С.К. Маковского (Новый журнал. 1954. № 39. С. 133–142).

⁴ *Легкая* Ираида Иоанновна (в первом замужестве Ванделлос, во втором Пушкарева; р. 1932) — поэтесса, родилась в семье русских эмигрантов в Латвии, жила в Риге, в 1944 г. вывезена в Германию, с 1949 г. в США, работала на радиостанции «Голос Америки»; в «Новом журнале» ее стихи несколько раз публиковал М.М. Карпович, которого они чем-то затронули. Подробнее см.: Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания / Сост. Л. Флам. М., 2006. С. 432–438.

93. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

5 марта 1955 г. Ницца

5 марта 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Очевидно, я неявно выразился в моем прошлом письме о деле, связанном с выступлением Федина: оно уже тогда было благополучно ликвидировано и оставило след только на личных отношениях. Эта история, собственно, началась с того, что «Русская мысль» перепечатала жирным шрифтом слова Федина об Иване Алексеевиче и снабдила их примечанием, — что-то вроде следующего: «Нам неизвестно, принял ли Бунин советское гражданство, но вот к чему привели его разные знакомства с советскими людьми»¹ и т. д. (цитирую приблизительно, на память). Буря произошла из-за этой перепечатки, ведь эмигранты советских газет не видят. Я, правда, узнал о словах Федина еще немного раньше, из взволнованного письма Кусковой, которая *читает* советские газеты. Почти одновременно газета (или журнал?) «Посев» спешно запросила Веру Николаевну. Она письма в редакцию писать не хотела, но на запрос ответила, что Федин ошибся. «Посев» напечатал опровержение², и на этот раз «Русская мысль» вполне корректно перепечатала заметку «Посева»³; потом перепечатало и «Новое русское слово». Мы с Верой Николаевной обменивались письмами, и Зайцев написал мне ДЮ второй заметки «Русской мысли». Потом Вера Николаевна чуть не месяц мне не писала (последнее письмо было мое). На днях, однако, я получил от нее очень милое письмо, где она больше к инциденту не возвращается. Значит, с ней восстановлены самые лучшие отношения. Пишу Вам об этом так подробно потому, что Вас тоже, как и меня, как и десяток моих корреспондентов или собеседников, эта история взволновала. С Зайцевым я больше письмами не обменивался.

Еще раз от души благодарю за то, что говорите о моих писаниях, о «Бреде».

Вера Николаевна в этом последнем письме сообщает сразу о кончине Каллаш, Довида Кнута и Ставрова!⁴ Это, очевидно, за одну неделю. И все трое были не стары...

Не знаю, кто такая поэтесса Легкая, но писать о ней «Новому журналу» не могу: во-первых, это дело редактора, а во-вторых, может быть, она кузина Карповича или тетя Гуля? Я никогда о ней и не слышал и ее не читал.

Еще несколько слов о Федине. Вы предполагаете, что он мог добросовестно ошибиться. Так думает Вера Николаевна, так думал вначале и я и даже в письме к Кусковой высказал такое предположение. Но она мне ответила, что в СССР таких ошибок не бывает. Если Федин сказал и, главное, если советские газеты это напечатали, то, значит, там *хотели* это сказать. Быть может, для того, чтобы там печатать книги Ивана Алексеевича?

Видели ли Вы советский фильм «Дворец науки»⁵, — о новом московском университете! Мы здесь видели. Университет производит огромное впечатление своей грандиозностью. А вот учащаяся молодежь жалкая, плохо одетая, с не очень

«интеллигентными» лицами. Если идет в Манчестере (с тремя русскими балетами, — так, по крайней мере, было в Ницце), — пойдите.

Как же Ваши глаза? Вы об этом во втором письме и не сообщаете.

Оба шлем Вам самый сердечный привет и наши лучшие пожелания.

¹ Аркадий Слизкой в своем отчете о съезде писателей привел цитату из речи Федина о Бунине, а редакция газеты сопроводила отчет примечанием: «**Был ли у И.А. Бунина советский паспорт, — мы не знаем, но слухи о его встречах с некоторыми представителями советского правительства были достаточно обоснованы.** Теперь мы видим, к каким результатам иногда приводят подобного рода разговоры» (Слизкой А. Съезд писателей // Русская мысль. 1955. 21 янв. № 730. С. 3; выделено редакцией).

² Фрагменты стенограммы съезда с этой частью выступления Федина были напечатаны в журнале «Посев» (Выпад против литературной эмиграции // Посев. 1955. 23 янв. № 4 (455). С. 10), и в том же номере был опубликован протест В.Н. Буниной: «В ответ на Ваше, полученное мною сегодня утром письмо, в котором Вы сообщаете, что в своем выступлении на втором съезде Союза писателей К. Федин помянул имя моего покойного мужа, заявив, что “только упадок сил помешал советскому гражданину И. Бунину вернуться на родину”, утверждаю, что Иван Алексеевич никогда не брал советского паспорта и не думал возвращаться на родину. Я считаю, что К. Федин ошибся, спутав Ивана Алексеевича с другим старым писателем, взявшим советский паспорт, но не вернувшимся на родину» (И.А. Бунин никогда не брал советского паспорта: Письмо вдовы писателя в «Посев» // Посев. 1955. 23 янв. №4 (455). С. 10).

³ «Ошибка» К. Федина: И.А. Бунин не был «советским гражданином» // Русская мысль. 1955. 28 янв. № 732. С. 9.

⁴ Писательница и религиозный деятель Мария Александровна Каллаш (урожд. Новикова; 1886–1955) скончалась 26 февраля 1955 г. в Париже. Довид Кнут (наст. имя и фам. Давид Миронович Фиксман; 1900–1955) умер 15 февраля 1955 г. в Тель-Авиве от обострившихся последствий перенесенной в юности аварии. Некоторое время спустя Адамович опубликовал статью, посвященную обоим поэтам: *Адамович Г.* Довид Кнут и П. Ставров // Новое русское слово. 1955. 29 мая. № 15737. С. 8. Поэт и переводчик Перикл Ставрович Ставров (1895–1955) скончался от рака легких 10 февраля 1955 г. в пригороде Парижа.

⁵ Возможно, под таким названием шла за границей советская хроника «Строительство ГЗ МГУ». Новый корпус Московского университета был построен на Ленинских горах в 1949–1953 гг. (архитекторы Б.М. Иофан, Л.В. Руднев, С.Е. Чернышёв, П.В. Абросимов, А.Ф. Хряков, В.Н. Насонов) и в то время был самым большим зданием Европы.

94. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

23 марта 1955 г. Париж

[на бланке Манчестерского университета]

Мой парижский адрес:

7, rue Frédéric Bastiat

Paris 8^e

23/III-55

Дорогой Марк Александрович

Пишу Вам, сидя в университете, и потому на официальной бумаге. Спасибо за Ваше письмо. Инцидент с Фединым улажен, и слава Богу. Я все-таки думаю, что он мог сказать это «так», без подготовки.

На будущей неделе собираюсь в Париж, до 25 апреля. Получил приглашение приехать 18 марта в Париж, на собрание о будущем «съезде»¹, подписанное Зайцевым, Набоковым и Пэджом или Пэгом² (не помню, как точно). Если бы я даже хотел там быть, то уехать отсюда в это время мне было бы трудно. Но я и не хочу³.

Хочу спросить Ваше мнение о заглавии моей книги в Чех<овском> изд<ательст>ве. Я думал, думал — и предложил Александровой «Судьба эмигр<антской> литературы». По-моему, неплохо, а главное — просто. Но она нашла, что это вяло, бледно, и просила найти что-нибудь другое (кстати, предложив кое-какие свои названия, совершенно невозможные: напр., «С Россией в сердце»). Я ей предложил: «Испытание свободой». Знаю, что это плохо, книжно, банально — претенциозно. Но не могу ничего выдумать другого, если она «Судьбы» не хочет. Qu'en pensez vous?⁴ И нет ли у Вас своего какого-нибудь варианта? Мне заранее книга противна, если останется она «Испытанием свободой», хотя по смыслу это — довольно верно.

Читали ли Вы статью Ульянова о Ходасевиче?⁵ Кантор, человек très ponderé⁶, возмутился ею настолько, что даже послал возражение в «Нов<ое> русское слово»⁷ — не по поводу Ходасевича, конечно, а о том, что Ульянов пишет об эмигр<антских> литер<атурных> делах, совершенно их не зная (в частности, все о том же — что «молодых» игнорировали и даже притесняли).

Как Вы вообще живете, дорогой Марк Александрович? Не соберетесь ли на Пасху в Париж? У Вас, наверно, уже лето или почти, а я о лете только еще мечтаю. И радуюсь, что оно все ближе, иногда думаю: да, но ведь это и жизнь уходит! До свидания, так или иначе, надеюсь — не очень далекого. Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне и передайте самые искренние пожелания.

Ваш Г. Адамович

¹ Второй Всесоюзный съезд советских писателей, прошедший в Москве 15–26 декабря 1954 г., вызвал в эмиграции идею провести съезд писателей русского зарубежья. Инициаторами съезда выступили руководители радиостанции «Освобождение» (позже — «Свобода»), см. воспоминания одного из ее сотрудников: «В 1955 году “Свобода” стара-

лась организовать съезд русских писателей зарубежья. Она бы оплатила все расходы, связанные со съездом, как снятие помещения и прочее, но официально ответственным за ее организацию были бы русские зарубежные писатели. Насколько помню, Ремизов сослался на болезнь, которая мешала ему принять участие в этом съезде-конференции, в то время как Борис Зайцев, Георгий Адамович и Одоевцева согласились» (*Мирковский Б. Чучи — дитя обалдевшей вдовы. Донецк, 2001. С. 67*). Съезд долго планировался и обсуждался, однако так и не состоялся.

² Не удалось найти сведений.

³ Подробнее свою позицию Адамович изложил в письме И.В. Чиннову от 4 мая 1955 г.: «В январе, когда я был в Париже, о съезде я слышал со всех сторон. Слышал и то, что “первое приглашение получил Смоленский”. Против Смоленского я решительно ничего не имею, но согласитесь — “первое приглашение Смол<енско>му” дает отпечаток всему предприятию. Меня никто никуда не приглашал, — кроме разговоров Г. Иванова. В марте, в Манчестере, я получил приглашение прибыть (“с оплачен<ными> расходами”) на предварительное совещание, 18 марта, — начинавшееся так: “Вы, вероятно, слышали от Г. Иванова о предстоящем съезде...” Если бы устроители действительно желали моего участия в съезде, я слышал бы о нем прежде всего от них! Форма приглашения мне показалась по меньшей мере странной. Я ответил двумя строками: занят, благодарю за внимание, но приехать не могу. Это, кстати, совершенная правда: действительно, я не мог приехать в марте, даже если бы хотел. На этом мои отношения с устроителями съезда — Зайцев, Набоков, Пас, подписавшие письмо, — кончились. Я не отказывался от участия в съезде прежде всего потому, что меня звали лишь на предварительное совещание. Прежде отъезда или согласия я должен был бы знать, что это будет за съезд — и кто в нем участвует. Должен, однако, признаться, что то, что я по этому поводу знаю, энтузиазма во мне не возбуждает, ни с какой точки зрения. В Париже — когда я был на Пасху — о съезде хлопочет и что-то болтает Маковский. Он мне тоже объяснил мой “отказ” доводами политическими. Очевидно, другие лучше меня знают, чем я сам. В сущности, я думаю, что вся эта затея в конце концов провалится. А если какие-нибудь старцы будут что-то шамкать, как Зайцев, или блистать, как Сперанский, то кроме позора ничего не получится» («Жаль, что Вы далеко...»: Письма Г.В. Адамовича И.В. Чиннову (1952–1972) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 31).

⁴ Что Вы об этом думаете? (*фр.*).

⁵ *Ульянов Н. Застигнутый ночью* // Новый журнал. 1954. № 39. С. 143–154.

⁶ очень уравновешенный (*фр.*).

⁷ Публикация не выявлена.

95. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

26 марта 1955 г. Ницца

26 марта 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Спасибо за письмо. Но Вы не пишете, в каком состоянии Ваши глаза. Надеемся, все прошло? Мое здоровье не очень хорошо, — не хочется сегодня писать, — и едва ли мы весной приедем в Париж. Значит, верно, увидимся только летом в Ницце.

Согласен с Вами в том, что «Судьба эмигрантской литературы» простое и хорошее заглавие. Но не согласен, что «Испытание свободой» заглавие плохое. По-моему, ничего «банально-претенциозного» в нем нет. Единственный его недостаток я вижу в том, что оно не вполне, а только отчасти соответствует сюжету: Вы ведь пишете главным образом о старших писателях, а они знали в своем деле свободу и при старом строе. Скажем правду, при «царизме» никто из них от цензуры почти не страдал, так как о политике они не писали (и не стали бы писать, если бы никакой цензуры не было), с 1905 года посягательств на их свободу было чрезвычайно мало, — что-то вышло у Мережковского с «Александром I»¹, тоже не страшное, а больше я ничего сейчас и не могу вспомнить. Таким образом, настоящего испытания свободой в эмиграции не было. Со всем тем, я это заглавие оставил бы, оно отнюдь не плохое. Тем более что до некоторой степени было испытание свободой — от цензуры общественного мнения: при старом строе писателю *надо* было быть левым, и почти все «левыми» и были. Теперь, пожалуй, *надо* быть правым, и почти все правыми и стали. Но все же, как мы с Вами знаем, это не так уж обязательно.

Что же Вы ответили на приглашение Набокова — Зайцева — Пача? Я ответил вежливым отказом без всякого объяснения причин. Они мне тоже послали приглашение приехать к 18 марта, хотя могли бы не посылать после тех двух длинейших телеграмм мне, о которых я Вам говорил в Ницце и на которые я тогда же ответил отказом. Зайцев в свое время писал мне, что к нему пришел Пач и звал его участвовать, причем добавил, что председателем назначен я! Вероятно, будет борьба за председательское звание: Зайцев, или Степун, или Вейдле, или еще кто-нибудь? Но я по-прежнему не понимаю, *что* будет делать этот съезд? Так как осенью отвечать московскому съезду писателей было бы поздно, то, по-видимому, предполагается идейный смотр достижениям эмиграции. Докладчиком намечается, кажется, Степун.

Я как-то пропустил статью Ульянова. Она была в «Новом журнале»? Я отослал 39-ю книгу моей сестре и не могу проверить.

Мы оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие дружеские пожелания. Пожалуйста, из Парижа напишите поскорее «обо всем».

¹ Вскоре после выхода романа Д.С. Мережковского «Александр I» Департамент полиции предложил подвергнуть его судебному разбирательству, в связи с чем 28 января 1912 г. обратился с письмом к начальнику главного управления по делам печати А.В. Бельгарду. Наблюдающий за беллетристической частью «Русской мысли» статский советник Генц, а затем член совета главного управления Э. Берендтс в своих докладах оспорили мнение Департамента полиции, придя к выводу, что причин для возбуждения преследования редактора журнала «Русская мысль» не имеется. Подробнее см.: *Евгеньев-Максимов В.* «Александр I» Мережковского и Департамент полиции // *Жизнь искусства.* 1922. 28 марта. № 13 (836). С. 5; *Михин А.Н.* Роман Д.С. Мережковского «Александр I»: художественная картина мира: Дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004.

96. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

10 апреля 1955 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8^e
10/IV-55

Дорогой Марк Александрович

Получил Ваше письмо, пересланное из Манчестера. Спасибо. Очень жалею, что Вы сюда не приедете. Почему-то мне казалось, что на Пасху Вы будете в Париже.

Вы спрашиваете, что я ответил на приглашение приехать на совещание 18 марта. Ответил, что приехать не могу, потому что занят. А здесь Маковский мне вчера сказал, что мой отказ истолковали «политически», т. е. как нежелание участвовать «в чем-либо американском». Маковский очень занят будущим съездом и хочет, чтобы масоны сделали из него свое дело (он вернулся в масонство). Но те — судя по тому, что я слышал от Дм.Н. Ермолова¹, — недоумевают и колеблются. Я лично прежде всего не знаю, что это будет. Объяснения Маковского крайне *vagues*². Он, между прочим, надеется, что Вы свой отказ пересмотрите и участвовать в конце концов согласитесь. А я скорей думаю, что одними разговорами и завтраками дело и кончится. Затея крайне странная, и у меня впечатление от всего, что я здесь слышу, такое, что нужно все это людям — Пагу, Гольдштейну³ или др. — которые должны проявлять какую-то деятельность и оправдать в этом смысле какие-то полученные кредиты, суесться, «шуметь» и т. д. Ивановы — он и она — все уговаривают меня дать согласие на участие. Но они откровенно смотрят на это как на развлечение и описали мне «совещание» (с угощением в «Праге») крайне иронически⁴. Вы, вероятно, знаете больше меня, — в частности, от Набокова.

Был у Любви Александровны <Полонской>, два раза. Был и у Веры Николаевны, которая крайне растеряна и нервна — очевидно, и своими личными делами, и отсутствием денег. Чех<овское> изд<ательст>во все не дает ей твердого ответа насчет книги И<вана> А<лексеевича> о Чехове⁵. Кстати, о Чех<овском> изд<ательст>ве: моя книга будет называться «Одиночество и свобода». Это одно из трех заглавий, которые я предложил Александровой. Я рад, что она выбрала его, а не «Испытание свободой», которое мне было противно. По-моему, «Од<иночество> и св<обода>» — лучше, хотя и тяжеловато.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Новостей здесь вообще мало, кроме печальных — Миркин-Гецевич, Прокопович⁶ и др. Я всегда еду в Париж с радостью, а приехав, думаю: зачем, собственно говоря, приехал?

Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Ермолов Дмитрий Николаевич (1884–1963) — предприниматель, общественный деятель, сотрудник Министерства иностранных дел, в годы Гражданской войны служил в белой разведке. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, член Церковного комитета помощи голодающим при Высшем церковном управлении (Русское посольство в Константинополе), с 1923 г. в Софии, представитель Американского комитета проф. Уиттмора, оказывавшего помощь русским студентам, с 1931 г. в Париже, промышленник, масон (с 1933 г.), почетный мастер ложи «Юпитер» (1947–1956, 1959–1962), член Русского особого совета 33-й степени (1956–1958). См. некролог: *Адамович Г. Памяти Д.Н. Ермолова // Вестник объединения масонских лож Д. и П. Шотландского Устава. 1963. № 11. С. 1–2.*

² неясны (*фр.*).

³ Непонятно, какой именно из Гольдштейнов имеется в виду.

⁴ Письмо Г.В. Иванова и И.В. Одоевцевой не сохранилось, Адамович отвечал 3 апреля 1955 г.: «Насчет съезда — посмотрим. Хотя я Вас высоко уважаю, но считаю своим *directeur de conscience* [духовным наставником (*фр.*)] Марка Александровича и должен выслушать его мнение. Да если Съезд будет осенью, то едва ли я и могу присутствовать, ибо буду в Манчестере. Что это вообще за глупая затея! Как развлечение — пожалуй, но они-то ведь не развлекаются, а думают, что это что-то серьезное» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Русский путь, 2008. С. 466).

⁵ Книга вышла в том же году: *Бунин И. О Чехове*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

⁶ Правовед, публицист Борис Сергеевич Миркин-Гецевич (1892–1955) скончался 1 апреля 1955 г. в Париже. Экономист и общественный деятель Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955) скончался 4 апреля 1955 г. в Женеве.

97. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

13 апреля 1955 г. Ницца

13 апреля 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Спасибо за письмо. Жаль, что опять не сообщили ничего о глазах, но, верно, и Вы не очень любите писать о болезнях.

Заглавие недурное, хотя слово «Одиночество» мне тут не очень понятно.

О Вере Николаевне Вы уже, верно, знаете. Книгу о Чехове приняли — и предложили ей всего 750 долларов! Просто не понимаю, почему наследникам платят вдвое меньше, чем еще живым авторам. Я ей советую поторговаться и попросить Кодрянских¹ написать убедительно Мрс. Планта, с которой они в очень добрых отношениях. Она Вам сама все расскажет. Мне за нее очень больно. Не знаю, как она вообще будет жить. Легко понять, что она нервничает.

Нет, Маковский ошибается: мой отказ участвовать в съезде окончателен и бесповоротен. Однако ни малейшей враждебности к съезду или к Американскому комитету у меня нет. По-моему, Вы объясняете эту затею совершенно правильно. Вероятно, Вы колеблетесь? (так я заключил из Вашего письма). Можно и участие-

вать. Лучше было бы для них самих (американцев), если б они заменили съезд, который займет только три-четыре скучных дня, каким-нибудь постоянным «духовным центром», как кто-то им предлагает. Знаю это не от Набокова: он мне не только ни разу не написал после нашей ниццской беседы (кроме того приглашения за подписью его, Зайцева и Пача), но даже не поблагодарил за «Ульмскую ночь», посланную ему мною. Кто же из русских душа этого дела? Маковский? Как европеец, прекрасно говорящий по-французски, да и вообще, он, по-моему, очень подходящий человек для роли председателя съезда или духовного центра. Вера Николаевна сегодня мне сообщила, что Американский комитет ассигновал на это дело десять миллионов франков! Если они окончательно останутся именно на съезде, то не могу понять, на что будет тратиться эта огромная сумма. Если же духовный центр, то это понятнее. Я не буду участвовать в обоих случаях. А какое-либо постоянное дело, — не на три дня, — при подходящем председателе, при американском хорошем секретаре, как Гольдштейн или Пач, многим могло бы быть полезно или интересно.

А вот при чем тут масоны, я совершенно не понимаю. Это им только могло бы помешать.

Меня чрезвычайно огорчила кончина Бориса Сергеевича <Миркина-Гецевича>. Я знал его сорок лет. Прокоповича знал гораздо меньше. Я ведь и переписывался только с Екатериной Дмитриевной <Кусковой>, а с ним очень редко, лишь обменивались приветами.

Пригласил ли Американский комитет русских писателей из Америки? Не знаю, чем он вообще руководится в выборе? Ремизова пригласили, хотя у него советский паспорт. Были ли еще отказы от писателей? Но моя айзолэшен², в отличие от Англии 19-го века, никак не будет «сплендид»³: ведь политические деятели наши все рассорились (в отличие от меня) с Американским комитетом, — теперь и Мельгунов.

Татьяна Марковна и я шлем Вам самый сердечный привет. Не поленитесь, напишите поскорее обо всех новостях.

¹ Жившие в США писательница Наталья Владимировна Кодрянская (1901–1983) и ее муж Исаак Вениаминович Кодрянский (1894–1980), представитель фирмы по производству электрических лампочек «Tungsten», меценат.

² От англ. isolation — изоляция.

³ Splendid isolation (блестящая изоляция) — английская политика неучастия в европейских делах эпохи премьерства Бенджамина Дизраэли и маркиза Солсбери.

98. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

30 апреля 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
30/IV-55

Дорогой Марк Александрович

Я оставил в Париже Ваше последнее письмо, собрался сейчас писать Вам, — но не помню, были ли с Вашей стороны какие-либо вопросы. Простите, если были и если остаются они без ответа.

О Париже я, кажется, писал Вам. У меня, в общем, впечатление такое, что съезда не будет. Но основано оно на разговорах ни в какой мере не «официальных». Ни Зайцева, ни Набокова я не видел. Зато видел несколько раз Маковского, который и хочет, чтобы съезд был, и боится, что будет он жалким и серым.

Писали ли Вам Ивановы, он или она, о необходимости их перевода из южного дома в дом около Парижа? Спрашиваю об этом потому, что пишут они всем, кто может «повлиять» (на Долгополова, Кровопускова¹ и др.). К сожалению, их не хотят, и вовсе не из-за политических причин, как они думают, а из-за боязни всяких историй и капризов. По-моему, они изменились и присмирели, а она пишет мне, что на юге ей жить категорически запрещено². Не знаю, удастся ли их *imposer*³. Старается В.В. Вырубов, да и не только он.

У Любовь Александровны <Полонской> был несколько раз. В последний раз — вечером 24-го — она была взволнована болезнью своего beau-frère'a⁴. Не знаю, поправился ли он и насколько припадок был серьезен.

А как Ваше здоровье, дорогой Марк Александрович? Как Татьяна Марковна? С удовольствием думаю, что лето уже совсем недалеко. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. Адамович

¹ Кровопусков Константин Романович (1881–1958) — юрист, до революции член партии эсеров, служащий Одесской городской управы (в 1918 г. товарищ городского головы). С 1919 г. в эмиграции во Франции, с 1921 г. управляющий делами Российского земско-городского комитета помощи беженцам, с 1924 г. член Русского эмигрантского комитета, с 1925 г. один из руководителей Объединения русских земских и городских деятелей за границей. После Второй мировой войны заместитель директора Офиса по делам русских беженцев во Франции, член координационного комитета благотворительных и гуманитарных организаций, в 1950–1954 г. один из организаторов домов для престарелых эмигрантов, основатель Русского дома в Ганьи.

² 6 мая 1955 г. Адамович отвечал на несохранившееся письмо Одоевцевой: «Мои сведения сводятся к тому, что хлопоты о Вас наталкиваются на препятствия. Но дело никак не в политике, т. к. весь принцип этих домов “а-политичен”, и живут в них люди самых крайних, в обе стороны, мнений и с любыми политическими репутациями. Для Долгополова это будто бы “основная заповедь”. Дело в чем-то другом, а в чем точно — не знаю. По одной фразе из письма ко мне я склонен думать, что связано это с Вашим пре-

быванием у Роговского, <потому> что, кажется, это единственный случай, когда Вы жили в таком доме (или в Montmogensy?). Были у Вас там какие-нибудь истории, кроме денежных? (Денежные, конечно, значения теперь не имеют.) Я не уверен, что предположение мое — правильно, но не вижу, какая другая может быть загвоздка. А пишу я Вам сегодня для того, чтобы поддержать оптимизм, *malgre tout* [несмотря ни на что (*фр.*)]. Только что получил письмо от Ермолова, который пишет, что видел Вырубова и что тот “надеется на благоприятный исход дела об Ивановых” (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 469).

³ убедить (*фр.*).

⁴ зятя (*фр.*).

99. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

8 мая 1955 г. Ницца

8 мая 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Вы спрашиваете, не было ли вопросов в моем последнем письме. Для верности я его перечел. Вопрос был разве в том, как Вы *окончательно* отнеслись к идее съезда и к суждениям Маковского (мне, кстати, показалось по копии, что я что-то «докторально» высказал Вам об этом свое мнение; если это так, то извините, — Вы знаете, что мне докторальный тон не свойствен). Участвовать же в съезде или в его «духовных центрах» я ни в каком случае не буду.

По делу Одоевцевой я писал ряду лиц: Долгополову и Кровопускову с просьбой принять Ивановых в свои дома, а Буниной и Маклакову с просьбой повлиять на Долгополова и Кровопускова. Сделал что мог один Маклаков, но я вижу, что надежды немного. Ирине Владимировне, которая мне писала, я, не называя имен, сообщил полученные мною сведения, по возможности смягчая. Вы, конечно, правы.

Здоровьем похвастать не могу. Недели через две мне предстоит в Ницце операция простаты. Она считается неопасной, но все может быть. Если исход будет «неблагоприятный» — «The sixties are very dangerous¹», — говорит Сомерсет Моэм², — то сообщите через кого-нибудь из сотрудников в лондонскую какую-либо газету, — моим близким все же «утешение», хотя и небольшое. Однако надеюсь на благоприятный исход и даже на «оздоровление и омоложение всего организма», которое мне обещают. Сделает операцию доктор Клерг³, его хвалят. К собственному моему удивлению, я не очень волнуюсь. А все-таки *еще один* роман хотел бы написать. Как Вы знаете, «Бред» я давно кончил и уже отослал последние два *отрывка* «Новому журналу». Полный же текст, как и полный текст «Повести о смерти», давно находятся у Вредена, который по сей день мне ничего об этом не написал!!

О состоянии своего здоровья Вы не пишете упорно. Между тем я слышал, что Вы жалуетесь.

У нас сейчас гостит Вера Марковна. Скоро вернется в Лондон.

Когда же точно Вы приедете в Ниццу? Я в клинике буду лежать, верно, три или четыре недели, — во всяком случае, пропадает самый прекрасный месяц года.

Оба шлем Вам самый сердечный дружеский привет. Очень кланяется и Вера Марковна.

О Чеховском издательстве новых сведений не получал. Верно, и Вы тоже нет?

¹ Седьмой десяток — очень опасный возраст (*англ.*).

² Моэм (Maugham) Уильям Сомерсет (1874–1965) — английский писатель и разведчик.

³ Не удалось найти сведений.

100. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

10 мая 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
10/V-55

Дорогой Марк Александрович

Получил сегодня Ваше письмо с известием, что Вам предстоит операция. Меня это взволновало, хотя операция эта действительно не опасна, и я уверен, что все пройдет хорошо. Мой здешний патрон, Добрин, подвергся такой операции прошлой весной, притом у него болезнь была очень запущена, и он действительно — как Вы и пишете — помолодел и окреп после нее (ему уже за 70 лет). Имени д-ра Клерга я не знаю, — кажется, Вы прежде лечились у Гайяра¹, ниццской звезды. Но, верно, Вы выбрали врача хорошего и умелого.

Я очень бы хотел быть *au courant*² Вашего состояния после операции, но думаю, что Татьяне Марковне будет не до того! Попрошу поэтому Любовь Александровну <Полонскую> меня осведомлять, как только узнает что-либо она сама. А если все-таки Татьяна Марковна будет так добра и напишет мне два-три слова, буду ей очень, очень благодарен.

Спасибо, дорогой Марк Александрович, что спрашиваете о моем здоровье. Ничего, более или менее все пришло в норму, жаловаться нечего.

Шлю Вам и Татьяне Марковне самые лучшие и искренние пожелания. В сущности, я даже рад, что Вы решились на операцию, это лучше, чем полумера, и, по крайней мере, Вы отделаетесь сразу от всех недомоганий, и даже — надеюсь — летом будете пить вино и все прочее без страха, не повредит ли.

Крепко жму Вашу руку. Если Вера Марковна еще у Вас, не откажите передать ей низкий поклон.

Ваш Г. Адамович

¹ Не удалось найти сведений.

² в курсе (*фр.*).

101. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

22 июня 1955 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8^e
22/VI-55

Дорогой Марк Александрович

Я был вчера у Любови Александровны <Полонской> и с радостью узнал, что Вы продолжаете поправляться и вскоре, по-видимому, будете совсем здоровы. Не писал Вам все это время, чтобы напрасно не беспокоить, но поверьте — не забывал о Вас и ждал с нетерпением новостей о Вашем здоровье. Крепко жму Вашу руку, шлю Татьяне Марковне и Вам лучшие, самые сердечные пожелания. Надеюсь недели через три быть в Ницце и застать Вас совсем окрепшим, а Татьяну Марковну совсем уже отошедшей от своих волнений.

Ваш Г. Адамович

102. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

4 июля 1955 г. Ницца

4 июля 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Сердечно Вас благодарим за внимание и участие. Простите, что делаю это только теперь: мое выздоровление идет медленно, кое-что еще не в порядке, вдобавок совершенно не сплю (много, если два часа в сутки), хотя почти каждый день принимаю снотворное Соннериль. Так будто бы бывает всегда после этой операции. Но, конечно, худшее уже позади. Обещанной мне врачами и не-врачами «радости жизни», «обновления организма» и т. д. пока не вижу. Надеюсь, что все это еще будет. Вчера все же в первый раз зашел в кофейню.

А как Вы? По Вашему письму, Вы должны через десять дней приехать в Ниццу. Я уже сообщил об этом Сабанееву. И он, и мы с Татьяной Марковной чрезвычайно этому рады. Надеюсь, приезжаете надолго, правда?

Еще раз спасибо. Оба шлем Вам самый сердечный привет и самые лучшие наши пожелания. А что писательский съезд? Меня в клинике навестил Вейнбаум и между прочим сообщил, что никакого съезда не будет. Я забыл у него узнать, откуда это ему так твердо известно. Вера Николаевна писала мне, напротив, что в Скрибе¹ идут совещания. Кто же в них участвует?

¹ Вероятно, речь идет о парижском отеле «Скрибе» («Scribe»).

103. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

17 сентября 1955 г. Ницца

Nice
17/IX-55

Дорогой Марк Александрович

Спасибо, что вспомнили и написали из Милана¹.

К сожалению, я Вас не дождусь в Ницце, т. к. уезжаю завтра, в воскресенье. Очень жалко, но надо ехать.

Шлю Татьяне Марковне и Вам самые искренние пожелания. Будьте благополучны и здоровы. С радостью и вполне чистосердечно хочу сказать, что у Вас у обоих был в последнее время отличный вид. Надеюсь видеть Вас в Париже, осенью или зимой, а пока крепко жму руку.

Ваш Г. Адамович

¹ Письмо не сохранилось (из Милана Алданов, скорее всего, писал от руки, а не на машинке с копиркой, как обычно).

104. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

12 октября 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
12/X-55

Дорогой Марк Александрович

Шлю Татьяне Марковне и Вам привет и поклон из Манчестера, неожиданно ставшего похожим на Ниццу: тепло, синее небо, солнце — даже не верится!

Как Вы живете? Как здоровье и настроение? В Париже я слышал от нескольких человек, что Чех<овское> изд<ательст>во деньги действительно получило, — и порадовался за Вас: в таком случае Ваш финансовый срок «2 года» продлится еще на год — или два. Но Вы, верно, знаете лучше меня, верны ли эти слухи. Из Нью-Йорка я получил два или три письма, но без упоминания о делах Чех<овского> изд<ательст>ва. А нашлась ли наконец рукопись, посланная Вами Вредену?

В Париже я провел две недели, довольно скучно. Очень был рад узнать, что моя книга не только не «раздражила» Зайцева (как уверяла Вера Ник<олаевна>) но даже будто бы ему понравилась. Ремизов тоже доволен, хотя с оговорками. Зато Набоков, по сведениям Терапиано, «рвет и мечет». Не знаю почему: из-за характера ли книги вообще или из-за главы о нем. Ничего обидного для него лично, по-моему, в книге нет.

С отсутствием имени Зурова Вера Ник<олаевна> примирилась, узнав от меня, что глава о Набокове включена по ультиматуму покойника Вредена. («Я так и думала».)

Простите, что пишу о себе. Но это наполовину и о других.

Любовь Александровна <Полонская> ждет Вас и Татьяну Марковну в Париже. Я раньше Рождества туда не попаду, а Рождество далеко.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Кланяйтесь Ницце. Как в «Бригадире»: «тело мое находится там-то, но душа принадлежит короне французской»¹.

Ваш Г. Адамович

¹ Слова из пьесы Д.И. Фонвизина «Бригадир» (действие третье, явление первое) — ответ сына Иванушки Бригадирю: «Тело мое родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской».

105. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

20 октября 1955 г. Ницца

20 октября 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Оба искренно Вас благодарим за память. Рады были Вашему письму.

Рукописи мои нашлись, я их еще не получил из Америки, но мне пишут, что, по-видимому, не хватает только страниц тридцати. Нашлась и рукопись английского перевода «Ульмской ночи», сделанного Вреденом. Он перевел по своей инициативе и на свой риск. При его связях он, вероятно, нашел бы издателя и для этого тяжелого произведения, но без него я не найду. Не знаете ли Вы чего-либо о британских университетских издательствах, издают ли они новые книги такого содержания? Не помню, кто издал книгу об исторической философии «Войны и мира» Берлина¹. Кажется, какое-то университетское издательство? Очень жаль, что покойный Вреден не начал с «Бреда» или «Повести о смерти» (к ним он и не приступил), — а их было бы устроить легче. Один из этих романов переведет на свой риск Кирилл Зиновьев (Fitzlyon)², — говорят, он превосходный переводчик. Английская газета писала, что его переводы Достоевского «лучше подлинника». Вы, верно, его знаете. Теперь я ищу в С<оединенных> Штатах литературного агента, — при Вредене было не нужно, он не только сам переводил, но и сам все мое устраивал.

О Чеховском издательстве все оказалось выдумкой. Кускова прислала мне письмо к ней Карповича, написанное неделю тому назад. Это ведь тут — «первоисточник» (она в курсе всего). Он сообщает, что у Чеховского издательства осталось денег на четыре месяца, а у «Нового журнала» на три, а шансов на получение денег от Фордовского комитета чрезвычайно мало. Мозли даже ему не пишет об

этом. Карпович надеется, что «Новый журнал» (который, как Вы знаете, тоже получал деньги от Фордовской организации) будет все же выходить дальше в меньшем размере, без платных служащих, без квартиры и при сокращенном вдвое гонораре авторов. Так что напрасно Вы за меня радовались: не похоже на «поправку дел».

Я и думал, что Зайцев будет очень доволен главой о нем в Вашей книге. О Ремизове этого не думал. И очень удивлен тем, что Вы пишете о Набокове, — откуда Терапиано это знает?

Сегодня французские газеты сообщили, что наиболее вероятными кандидатами на Нобелевскую премию в этом году считаются исландец Лэкснесс («полукommунист», — я его не читал) и Шолохов³. А кого называют в Англии?

Вы пишете, что Манчестер теперь похож на Ниццу. Зато Ницца стала похожа на Манчестер: целый день дождь.

У нас нового ничего. Здоровье у обоих только сносное, настроение очень скверное. Еще не скоро отправимся в Париж. Много работаю над этим романом из эпохи начала 20-го века. А если и напишу (много, очень много времени уйдет), то где его печатать?⁴ Как продается Ваша книга? Александрова на этот вопрос всегда отвечает, а прежде называла даже цифры продажи. Теперь они счета не подводят, — верно, с горя. Прежде для каждого автора каждый месяц вели счет продаж.

Пишите, дорогой Георгий Викторович. И примите наш самый сердечный дружеский привет.

Разумеется, Екатерина Дмитриевна <Кускова> мне отроду не писала о Буниной: «не обращайтесь внимания на эту сумасшедшую старуху»!!! Не писала даже ничего хоть сколько-нибудь похожего. И не могла написать: она сама относится к Вере Николаевне очень хорошо и знает, как отношусь я. А за последние 6–8 месяцев мы с Кусковой в письмах имени Буниной и вообще не упоминали.

¹ Берлин (Berlin) Исайя (1909–1997) — английский философ, историк и переводчик русского происхождения. С 1921 г. в эмиграции в Англии. Алданов имеет в виду его книгу «Еж и Лиса. О взглядах Толстого на историю»: *Berlin I. The Hedgehog and the Fox: An Essay on Tolstoy's View of History*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1953.

² Зиновьев-Фицлайон Кирилл Львович (р. 1910) — переводчик, увезен из России ребенком. С 1918 г. в эмиграции в Лондоне; во время принятия английского подданства гремел скандал с так называемым «Письмом Зиновьева», и, чтобы не возникало вопросов и путаницы, он решил взять приставку к фамилии от своего отчества (Fitzlyon — сын льва (англ.)).

³ В 1955 г. Нобелевскую премию по литературе получил исландский писатель Халлдор Кильян Лакснесс (Laxness; наст. имя Halldór Guðjónsson; 1902–1998). М.А. Шолохов получил Нобелевскую премию десять лет спустя, в 1965 г.

⁴ Имеется в виду роман «Самоубийство», который был опубликован уже посмертно: Алданов М. Самоубийство: Роман / Предисл. Г. Адамовича. Нью-Йорк: Издание Литературного фонда, 1958.

106. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

27 октября 1955 г. Манчестер

[на бланке Манчестерского университета]

104, Ladybarn Road
Manchester 14
27/X-55

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо. Вижу, что Вы в настроении не очень веселом, но надеюсь, что это «так», без причины, а главное — временно.

Вы пишете, что слухи о Чех<овском> изд<ательст>ве оказались выдумкой. А вот что мне сообщает Поляков (сегодня получил письмо):

«Из осведомленных источников утверждают, — но по очень большому секрету — что издательство будет существовать, если не на субсидию фордовского, то другого и даже других фондов»¹.

Приблизительно то же мне пишет Варшавский: верного еще ничего нет, но надежда не потеряна².

Кирилла Зиновьева я, кажется, знаю — встречал в Лондоне, в русском Пушкинск<ом> клубе — но не уверен, что это был именно он (простите, нет больше чернил в стило — продолжаю другим!³). Я должен читать в этом клубе 16 декабря, а он о чем-то на неделю раньше, но, верно, будет и 16-го. Если есть к нему какие-нибудь поручения, пожалуйста, напишите. Сейчас получил письмо от Веры Ник<олаевны> с описанием собрания памяти И<вана> А<лексеевича>⁴. Она очень довольна тем, что Вы о нем написали. Я написал тоже⁵, но, кажется, не совсем то и так, как следовало бы. Как продается моя книга, не знаю и не хочу справляться. Продаваться хорошо она не может. Цвибак мне прислал air mail⁶ свою статью о ней, в «Н<овом> р<усском> слове»⁷. Много комплиментов, но о поведении Мережковских во время войны он вспомнил напрасно, и как будто сводя какие-то счета. С Зин<аидой> Ник<олаевной>, впрочем, у него счета были⁸. Слышал, что Вы отказались приветствовать Даманскую в день ее юбилея⁹ (или только участвовать в комитете?). По-моему, обижать ее ни к чему, что-то есть в ней очень жалкое. Кстати, она мне недавно написала — после почти двухлетнего молчания — и сообщила, что «отказалась от публичного чествования, на котором настаивали друзья»! К письму приложила стихи о страстной любви к кому-то, не вполне грамотные. Я все вспоминаю царя Соломона, вот читая и discours¹⁰ Жана Кокто — не только Даманскую — вспомнил его. Но, в сущности, это, вероятно, скорей по старости и безразличию ко всему, чем потому, что действительно все «суета сует». Не могу сейчас ответить на Ваш вопрос, какому британск<ому> изд<ательст>ву следовало бы предложить «Ульмскую ночь» и существуют ли подходящие университет<ские> издательства. Мой единственный здешний советник по таким делам сейчас в отсутствии и вернется на будущей неделе. Тогда я у него наведу справку и Вам напишу.

Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне. Очень рад, что ее и Ваше здоровье, по Вашим словам, «сносное»: я перевожу — хорошее.

Ваш Г. Адамович

¹ Письмо (ответ на письмо Адамовича от 9 октября 1955 г.) не сохранилось.

² 9 октября 1955 г. в письме Варшавскому Адамович спрашивал: «В Париже говорили, что Чех<овское> изд<ательств>во получило новые и большие деньги. Правда это? Я бы им что-нибудь предложил еще, если они будут существовать» («Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 293). По-видимому, Варшавский изложил свое видение ситуации в несохранившемся ответе.

³ Первые абзацы письма написаны черными чернилами, а окончание — синими.

⁴ 23 октября 1955 г. на парижской квартире Буниных состоялся вечер памяти И.А. Бунина, организованный Верой Николаевной. На вечере были зачитаны письма, присланные Адамовичем и Алдановым.

⁵ По-видимому, этот текст не был тогда напечатан; ближайшая по времени публикация Адамовича, посвященная Бунину, была полемикой с рецензией М. Слонима на книгу Бунина «О Чехове»: Адамович Г. Бунин о чеховских пьесах // Новое русское слово. 1956. 19 февр. № 15576. С. 8.

⁶ авиапочтой (англ.).

⁷ Седых А. [Цвибак Я.М.] Итоги Г.В. Адамовича // Новое русское слово. 1955. 2 окт. № 15436. С. 8.

⁸ В начале своей журналистской карьеры Андрей Седых опубликовал в газете «Звено» цикл интервью с парижскими писателями, в том числе: «У Д.С. Мережковского» (Звено. 1925. 16 марта. № 111. С. 3) и «У З.Н. Гиппиус» (Там же. 30 марта. № 113. С. 3). Вскоре после этого Гиппиус опубликовала статью, в которой описала внешность и манеры интервьюера (не назвав его по имени): Гиппиус З. Наше убожество // За свободу. 1925. 7 апреля. № 94 (1498). С. 2. В своих мемуарах Седых писал: «С Мережковскими встретился я лично только один раз. Встреча была неприятная и оставила на всю жизнь отвратительный осадок» (Седых А. Далекие, близкие. М., 1995. С. 229).

⁹ В 1955 г. Даманской исполнилось 80 лет, но, поскольку она скрывала свой возраст и в эмиграции «омолодила» себя на десять лет, чествование состоялось 3 декабря 1955 г. по поводу семидесятилетия.

¹⁰ По-видимому, речь идет о книге: Cocteau J. Colette: Discours de réception à l'Académie royale de langue et de littérature françaises (P.: Grasset, 1955).

107. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

31 октября 1955 г. Манчестер

[на бланке Манчестерского университета]

31/X-55

Дорогой Марк Александрович

Сегодня вернулся мой здешний приятель, о котором я Вам писал, и я говорил с ним об «Ульмской ночи».

Университетские издательства, которые могли бы Вашей книгой заинтересоваться, по его утверждению, существуют, но переговоры с ними лучше вести через какого-нибудь авторитетного университетского деятеля. Книга Берлина о философии Толстого издана у «Weidenfeld and Nicolson».

Сделать, по мнению Willets'a¹ (т. е. моего приятеля), лучше всего так.

Пошлите Вашу книгу именно Берлину (Mr. Issaiah Berlin, New College, Oxford) и спросите его мнение, имеет ли она шансы быть переведена и издана в Англии. Берлин говорит по-русски, как мы с Вами. Я его немножко знаю: он человек, как говорится, «блестящий», хотя, м. б., и слишком, т. е. слегка поверхностный. Но это значения не имеет. Интересуется он преимущественно философией и в Англии пользуется большой известностью. Если книга его заинтересует — а в этом я почти не сомневаюсь, тем более что есть в ней и глава о «Войне и мире», — он наверно может устроить ее перевод в одном из английских издательств, притом он лучше кого-либо другого знает, в каком именно. Берлин — человек очень живой, любезный, иметь с ним дело во всяком случае не будет для Вас неприятно.

Willets сначала назвал Коновалова, думая об оксфордских издательствах. Но потом вспомнил о Берлине и считает, что, конечно, у Б<ерлина> во всех смыслах больше веса и влияния.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. Адамович

¹ Уиллетс (Willets) Гарри (р. 1922) — преподаватель Манчестерского университета в 1952–1955 гг., находился на дипломатической службе в Москве и в Лондоне в 1956–1960 гг., позже преподавал в Оксфорде, переводил на английский язык произведения Солженицына и др.

108. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

3 ноября 1955 г. Ницца

3 ноября 1955

Дорогой Георгий Викторович.

Искренно Вас благодарю за Ваши ценные для меня сведения. Я напишу Берлину и пошлю ему «Ульмскую ночь», но надо сначала ее выписать из Парижа, — у меня нет ни одного экземпляра, хотя я уже немало купил на свои деньги. Покупал в Париже, так как там книги Чеховского издательства без скидки продаются дешевле, чем в Нью-Йорке со скидкой. Странные люди в Чеховском издательстве: они, как американские издатели, дают авторам бесплатно по 6 экземпляров, между тем у американцев книги действительно продаются, тогда как у них, верно, в большинстве лежат на складе, а когда издательство кончится, будут, верно, распродаваться за гроши кучами, наспех.

Будем надеяться, что сообщенные Вами сведения Полякова и Варшавского верны, но мои сведения другие. Александрова совсем недавно мне сообщила, что никаких денег они не получили, а о Черчилле и об его ходатайстве впервые слышат. Бедный Берлин¹ напрасно распустил эти всех взволновавшие слухи, — говорю «бедный», — его на днях разбил удар (теперь, кажется, есть улучшение).

Я не отказывался написать Даманской приветственное письмо (и послал для нее С. Прегель небольшую сумму), но письмо пошло не через комитет (т. е. не для сообщения в газетах), а после юбилея и совершенно частное. Сказал настоящую причину Софье Юльевне: я в последние три года отказался от участия в юбилеях трех вполне почтенных политических людей, только очень поправевших; не могу публично чествовать и Августу Филипповну, которая вдобавок не только слишком полевела, но и писала о «пресловутых зверствах» в СССР. Потом она мне в письме сообщила, что написала это «из озорства», но все же зачем чествовать «озорников»? Лично против нее я, разумеется, ничего не имею и об «озорстве» никому, ни Прегель, ни кому-либо другому, кроме Вас, не писал и не говорил. Кстати, знаете ли Вы, какую загробную неприятность ей учинил Александр Блок? Она недавно писала о нем в «Русских новостях»² с упоением. А Глеб Струве в ответ напечатал выдержки из напечатанных писем Блока, где он чрезвычайно презрительно говорит о «разных эмигрантских Даманских» и что-то приводит из ее статей³. А.Ф. <Даманская> возмущенно запросила меня, читал ли я «неслыханную низость», напечатанную о ней Струве (о Блоке не упомянула).

Оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожелания. Еще раз спасибо.

Вы ошибаетесь: Вера Николаевна очень довольна Вашим письмом об И<ване> А<лексеевиче>.

¹ Берлин Павел Абрамович (1877–1962) — историк, экономист, общественный деятель; редактор журнала «Новая жизнь». С 1922 г. в эмиграции в Берлине, с 1928 г. в Париже; после войны член правления Объединения русско-еврейской интеллигенции и Тейтелевского комитета; печатался в «Новом русском слове», «Новом журнале», «Социалистическом вестнике».

² Публикация не выявлена.

³ См. подготовленную Г.П. Струве публикацию «Александр Блок и зарубежная печать» (Русская мысль. 1955. 31 авг.). О Даманской Блок упомянул не в письме, а в незавершенной статье об эмигрантской печати, которую писал весной 1921 г. для первого номера «Литературной газеты», не увидевшего свет: «Первые бежавшие за границу были из тех, кто совсем не вынес тяжелых ударов исторического молота <...> Они стали визгливо лаять, как мелкие шавки из-за забора; разносить, вместе с обрывками правды, самые грязные сллетни и небывицы. Теперь голоса этих господ и госпож “Даманских” всякого рода замолкают... с Россией и со всем миром случилось нечто гораздо более важное и значительное, чем то, что г-жам Даманским приходилось читать лекции проституткам, есть капусту и т. п.» (Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 491).

109. Г.В. АДАМОВИЧ – Т.М. АЛДАНОВОЙ

31 декабря 1955 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8^e
31/XII-55

Дорогая Татьяна Марковна

Шлю Вам и Марку Александровичу самые искренние и лучшие пожелания к Новому году. Очень жалею, что не попаду на этот раз в Вашу чудную Ниццу (знаю, что Вы другого мнения!) на праздниках. Надеюсь, М<арк> А<лександрович> хорошо доехал. Я рад был видеть, что у него прекрасный вид et qu'il était très en forme¹. Если буду жив, надеюсь быть в Ницце летом.

Ваш Г. Адамович

¹ и он был в отличной форме (*фр.*).

110. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

11 февраля 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
11/II-56

Дорогой Марк Александрович

Получил сегодня письмо от M-me Lesell, которая пишет, что видела Вас на русском спектакле. С удовольствием узнал, что, значит, Вы здоровы и благополучны. Надеюсь, что и Татьяна Марковна — в добром здравии. У нас тут — Сибирь и Северный полюс, что еще усиливает мою обычную «ностальгию» по Ницце.

Хочу спросить у Вас мнения и совета по делу, о котором, впрочем, мы с Вами уже говорили. Но тогда оно было еще в зачаточной стадии.

Я получил от Водова¹ письмо с предложением сотрудничества и с просьбой ответить, да или нет. У него были какие-то затруднения с Г. Струве из-за меня. Но Струве прислал ему статью о моей книге («крайне одностороннюю», по Водову, а от других я знаю, что крайне отрицательную), он ее ему вернул — и считает, что у него теперь «развязаны руки»².

Мне не хочется ответить Водову то, что ответили ему уже многие, но, насколько знаю, — не Вы: пусть сначала появится у Вас X. или Y. в качестве «заложника демократии». Каждый должен и решать, и отвечать за себя. Что на меня будут всех собак вешать, — теперь скорей слева, чем справа, — не сомневаюсь. Но меня это мало трогает. Сотрудничество в «Р<усской> м<ысли>» мне было бы скорей приятно³, п<отому> что это — Париж, а не что-то заокеанское и далекое, как другая планета. Это доводы — «за». Есть, конечно, и «против». *Qu'en pensez vous?*⁴ И известно ли Вам что-нибудь об отношении «демократов» к «Р<усской> м<ысли>» с тех пор, как мы с Вами виделись?

Газету мне теперь присылают регулярно. Политика в ней такая же, как везде⁵, — т. е. в «Н<овом> р<усском> с<лове>», — но налет провинциальности, по моему, сильнее. Но это — не препятствие.

Не знаю, в случае, если ответить «да», как бы это так обставить, чтобы было dignified⁶ (слово, над которым где-то Вы смеялись, — не могу вспомнить где). А то выйдет, что только меня поманили, я и обрадовался!

Делюсь с Вами своими сомнениями и колебаниями вполне откровенно, зная, что они — *entre nous*⁷. А если Вы мне так же ответите, буду очень благодарен. У Вас есть в сознании общественный барометр или нечто вроде, которого нет у меня даже в помине. Пожалуй, не барометр, а компас.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, поклон и сердечный привет Татьяне Марковне. Как Вы нашли книгу Ив<ана> Ал<ексееви>ча о Чехове? По-моему, в ней много замечательного, а вот А.А. Поляков ею возмущен почему-то. Все верно: и о Станиславском, и о театре, и другое. Ваше предисловие тоже замечательное и многое к книге добавляет.

Ваш Г. Адамович

¹ Водов Сергей Акимович (1898–1968) — журналист, участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Праге, член редколлегии журнала «Студенческие годы»; с 1925 г. в Париже, секретарь Национального союза русской молодежи, сотрудник «Последних новостей», член редколлегии (с 1947), затем редактор (с 1954) газеты «Русская мысль».

² Статья была опубликована в другом издании годом позже: *Струве Г.* Об Адамовиче-критике: По поводу книги «Одиночество и свобода» // Грани. 1957. № 34/35. С. 365–369.

³ Через месяц в газете появилась статья Адамовича по поводу писаний советских критиков о Достоевском: *Адамович Г.* Не ко двору: Достоевский в СССР // Русская мысль. 1956. 15 марта. № 873. С. 4–5. С этого времени он стал постоянным автором «Русской мысли» и печатался в ней вплоть до самой смерти.

⁴ Что Вы об этом думаете? (*фр.*).

⁵ «Русская мысль» изменила свое направление с правого на более демократическое вскоре после того, как С.А. Водов сменил В.А. Лазаревского на посту главного редактора газеты.

⁶ достойно (англ.).

⁷ между нами (фр.).

111. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

13 февраля 1956 г. Ницца

13 февраля 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Спасибо за письмо, мы оба чувствуем себя не худо, хотя и хватать особенно здоровьем не приходится. У меня одышка не проходит. По письменному требованию д-ра Вербова¹ я поэтому недавно побывал у того же Гирана, который мне сделал электрокардиограмму до операции. Он сделал ее вторично и опять признал, что сердце в порядке. Дал три лекарства, но одышка за три недели пока не уменьшилась. Была у д-ра Мрозовича² и Т<атьяна> М<арковна>. Он и ее успокоил. Давление крови у нее (18) и у меня (19) несколько повышенное, но не слишком.

Недели полторы тому назад я получил письмо от Бориса Суварина³ — о том же предмете, о каком пишете Вы. В отличие от Вас он уже месяц или полтора тому назад начал печататься в «Р<усской> мысли»; но, по его словам, его за это ругнули слева (не сообщает, кто именно; думаю, что меньшевики). Спрашивает совета: уйти ли ему из газеты? Я ему с полной искренностью ответил, что не вижу для этого никаких оснований, что теперь, при Водове, «Р<усская> мысль» очень мало отличается по направлению от «Нового русского слова», в котором и меньшевики, и эсеры часто печатаются. Только то же самое могу сказать и Вам. (Уже довольно давно Кускова мне написала, что мне теперь следовало бы печататься в «Русской мысли».) Два «заложника демократии» в газете, как Вы знаете, уже есть: Вольский⁴ и сам Суварин (бывший когда-то секретарем Коминтерна!). Вам, по моему, теперь еще потому не очень приятно было бы отказаться, что все-таки из-за Вас (хотя Вы тут и ни при чем) Водов, очевидно, отказался от сотрудничества Глеба Струве⁵. И думаю, что все-таки в самом деле надо печататься и во Франции. Ведь живущие во Франции русские не читают «Нового русского слова», как почти не читают и «Нового журнала», и «Опытов».

Мы с негодованием (особенно Т<атьяна> М<арковна>) прочли, что у Вас из-за холодов в Манчестере усилилась тоска по Ницце!! Т<атьяна> М<арковна> требовала, чтобы я разыскал и послал Вам фотографии «Нис-Матэн»: Ницца покрыта сугробами снега. Мне лень было искать, но действительно здесь каждый день идет снег и чрезвычайно холодно, хотя чуть теплее, чем в Париже. Никогда в жизни такого в Ницце мы не видели. Вдобавок из-за льда ходишь по улице с риском сломать себе шею. В Петербурге этой опасности было гораздо меньше, так как существовали калоши.

Искренно Вас благодарю за то, что Вы говорите о моем предисловии к книге Ивана Алексеевича. О книге я думаю то же, что Вы. Все давно напечатанное превосходно или, по крайней мере, многое там превосходно. Последняя же длинная часть вся состоит из цитат, которые иногда сопровождаются двумя-тремя словами И<вана> А<лексееви>ча! Вера Николаевна в свое время просила меня не требовать присылки (для моего предисловия) этой части, сказала, что издательство настойчиво ее торопит, и прислала, по моей просьбе, лишь несколько нарочно ею для этого переписанных страниц. Если б я прочел всю эту часть, я посоветовал бы ей всю ее выпустить, так как нельзя же под именем Бунина печатать то, что на 99 процентов написано другими. Книга была бы короче (чуть не вдвое), но В<ера> Н<иколаевна> все-таки исполнила бы свой долг и получила бы те же деньги (ей дали всего 750 долл.). И главное, она (и Зуров?) *пропустила* в одном месте чрезвычайно неприятное *фактическое* противоречие между строчкой примечания И<вана> А<лексееви>ча и тем, что он *сам* написал в первой части: в примечании назвал это «брехней»⁶. Дело идет о пустяке, но, конечно, это рано или поздно будет использовано недоброжелателями: вот как, мол, можно вообще верить Бунину! Пожалуйста, не пишите об этом и не говорите Вере Николаевне. Я ей об этом теперь с досадой написал, но она, по-видимому, не понимает, какую услугу она оказала памяти И<вана> А<лексееви>ча! Сослалась на то же: торопилась.

Пишите чаще, дорогой Георгий Викторович, и примите наш сердечный привет и лучшие пожелания.

Очень мило и верно написал о Вас Г. Иванов в «Новом журнале»⁷.

Что такое затеял Н. Оцуп?⁸ Я ничего из газеты не понял⁹.

¹ *Вербов* Сергей (Самуил) Федорович (1883–1976) — врач, мемуарист. После революции в эмиграции в Берлине, член Союза русских врачей; с 1930-х гг. в Париже, член Общества русских врачей имени Мечникова; автор книг «По Днепру через пороги» (1956) и «На врачебном посту в земстве» (1961). На последнюю книгу Адамович откликнулся рецензией: *Адамович Г.* «На врачебном посту в земстве» // Русская мысль. 1961. 2 марта. № 1650. С. 6–7.

² Неустановленное лицо.

³ *Суварин* Борис Константинович (наст. фам. Лифшиц; 1895–1984) — журналист, политический деятель, советолог. С 1906 г. жил с родителями во Франции, с 1919 г. один из секретарей III Интернационала в Париже, в 1930-е гг. издатель журналов «Critique sociale», «Est & Ouest», редактор газеты «Фигаро», автор работ по истории СССР и коммунистического движения, сотрудник французских и эмигрантских изданий, в том числе «Русской мысли», «Вестника РСХД», «Континента».

⁴ *Вольский* Николай Владиславович (1879–1964) — журналист, экономист, политический деятель. До революции сотрудник «Русского слова» и одновременно революционер-подпольщик, после революции редактор «Торгово-промышленной газеты»; в 1928 г. не вернулся из заграничной командировки, перейдя на положение невозвращенца, член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже, сотрудник французских и эмигрантских изданий, в том числе «Последних новостей», «Современных записок», «Русских записок», после войны также «Нового журнала», «Нового русского слова», «Русской мысли».

⁵ Похоже, временный разрыв Г.П. Струве с «Русской мыслью» был вызван именно отказом опубликовать статью о книге Адамовича. Еще 12 сентября 1955 г. Г.П. Струве

писал В.Ф. Маркову: «Р<усская> м<ысль>» сейчас улучшается, и ее редактор Водов хочет повысить ее культурный уровень, просил меня найти соответствующих сотрудников (я сам обещал давать чаще свой “Дневник читателя”)» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес). Однако именно с осени 1955 г. сотрудничество Г.П. Струве с «Русской мыслью» прекращается, его следующие публикации в газете появились лишь пять лет спустя.

⁶ В книге на странице 53 идет описание кабинета Чехова, «украшением которого служили только две-три картины Левитана», а на странице 409 приводится цитата из воспоминаний Е.П. Карпова «Две последние встречи с А.П. Чеховым» (См.: Рампа и жизнь. 1914. № 24 и 25): «Антон Павлович радушно принял меня в уютном кабинете, со стен которого грустно смотрели чудные, полные глубокого настроения картины Левитана», сопровождаемая ремаркой: «Брехня. Не было ни одной картины. Был только пейзаж на стене над камином. (И. Б.)».

⁷ Г.В. Иванов опубликовал рецензию на книгу Адамовича «Одиночество и свобода» (Новый журнал. 1955. № 43. С. 296–297).

⁸ 4 февраля 1956 г. в парижском зале Русского музыкального общества за границей состоялся вечер литературно-художественной группы «Числа», на котором Н.А. Оцуп выступил с докладом о персонализме под названием «Попытка обоснования нового литературного направления в свете французской и русской культуры».

⁹ Имеется в виду газетный отчет: «Литературно-художественный вечер “Чисел” собрал полный зал РМОЗа — явление редкое для подобных вечеров. Но самым интересным, знаменательным и почти небывалым явлением было присутствие многих молодых французов, учащихся русскому языку, вместе с их профессорами <...> Это — вид нового франко-русского литературного сотрудничества, сотрудничества двух великих культур <...> Литературно-художественные вечера “Персонализма” будут продолжаться регулярно на русском и французском языке» (Ф.Р. На вечере «Чисел» // Русская мысль. 1956. 11 февр. № 859. С. 4).

112. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

21 февраля 1956 г. Манчестер

Manchester
21/II-1956

Дорогой Марк Александрович

Спасибо большое за быстрый ответ и за совет относительно «Р<усской> мысли». Я после Вас написал еще А.Абр. Полякову¹, но он еще мне не ответил. Уверен, что он будет против, и даже с возмущением. Кончится, однако, по-видимому, тем, что я в «Р<усской> м<ысли>» — буду. Мне пишут, что очень легко — даже с радостью — согласился Вишняк. Так что заложников демократии теперь у Водова хоть отбавляй! Струве, насколько знаю, отвергнут, хотя мне лично решительно все равно, будет он в газете или нет. Я даже был бы рад, — если бы представился случай, — написать о нем беспристрастно или одобрительно, настолько мне все эти страсти, счеты и злобствования чужды. Выходит, что я как будто лучше его, но думаю, что не лучше, а равнодушнее.

«Нового журнала» я еще не получил. Вы пишете о рецензии Г. Ив<ано>ва: «очень мило и верно», а Кантор назвал ее «кисло-сладкой». Не знаю, как она покажется мне. Но Иванов едва ли писал с кислотой умышленной.

Кантор же пишет мне с возмущением о романе Ульянова² и добавляет, что это «очень плохая подделка под Алданова». По его словам, возмущены многие, главным образом темой, слишком еще близкой. *Qu'en pensez vous?*³ И действительно ли он Вам подражает? Мне его статьи казались талантливыми, но неприятно-гладкими и самоуверенными, чуть-чуть под Федотова, но без его «шарма».

Да, вот что мне хочется Вам написать: достаньте где-нибудь январскую книжку «Нового мира». Там напечатаны найденные в Ниж<нем> Тагиле письма Карамзиных (вдова, дочь и сын) о дуэли и смерти Пушкина⁴. Ничего нового, но интересно необычайно, и я еще раз подумал, что это тема — для Вас, все это milieu⁵ с Пушкиным в центре, с Дантесом, царем и какой-то до сих пор невыясненной путаницей в отношениях. Насчет царя, думаю, советские историки все-таки слегка наврали, и ревновал Пушкин именно к Дантесу, а не к нему. Вот написали бы обо всем этом книгу: был бы вечный вклад в литературу, кроме Вас, никому этого не сделать и не понять. Главное — не понять.

Я послал в «Опыты» три выдержки из писем Ив<ана> Ал<ексееви>ча о Чехове и Горьком, в дополнение к тому, что сказано в его книге⁶. Есть в письме и те стихи Чехова (ужасные), о кот<орых> в книге только упомянуто. Послал все это и Вере Ник<олаевне> на цензуру, но думаю — она возражать не будет.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ В письме А.А. Полякову от 11 февраля 1956 г. Адамович изложил ситуацию наиболее подробно: «На Рождестве, в Париже, я два раза виделся с Водовым, теперь единоличным редактором “Русской мысли”. Вы, вероятно, слышали о его желании перестроить газету на “демократический” лад. Он говорит, что при Зеелере и К страдал от их грубости (в частности, в инциденте с Буниным), черносотенства, но выполнял роли только технические. Теперь он — царь и хочет царствовать в духе Милюкова и “Посл<едних> нов<остей>”. Но у него — всяческие затруднения. Все “демократы”, к кому он обращался, — в частности, Алданов, — говорят: да, *rougquoi pas*, но пусть у Вас сначала появится такой-то, дабы сомнений в демократичности “Р<усской> м<ысли>” больше не было. А эти “такие-то” — Вишняк и др., даже Маклаков, — отвечают то же самое, и получается порочный круг. Водов очень обескуражен и не знает, что делать. Лично о моем сотрудничестве у меня были с ним разговоры уклончивые, и я тоже держался линии “*rougquoi pas?*”, без чего-либо определенного. Вчера я от Водова получил письмо с просьбой ответить: да или нет? Вот об этом я у Вас и спрашиваю. Я знаю, что Вы человек страстный, а я “к добру и злу постыдно равнодушен” гораздо больше, чем вы. Кроме того, на старости лет я стал склонен к овечьей кротости и всепрощению. Ответьте мне, что Вы на моем месте сделали бы? Тактика: “пусть сначала другие” мне противна. Каждый должен решать за себя, не боясь всяких княгинь Марий Ал<ексеев>н. Не сомневаюсь, что мои многие “друзья” воспользуются случаем позлословить и даже поклеветать. Мне это — все равно. Не скрою и того, что мне скорей хочется сказать “да”, п<отому> что хотя есть “Н<овое> р<усское> слово”, но Париж это Париж, и все тут рядом, под боком, а не где-то за тридевять земель, как на другой планете.

Но вне всех этих соображений, как по-Вашему: да или нет? Я очень верю Вашему чутью, правда, с поправкой на страстность и нетерпимость. Совместить “Р<усскую> м<ысль>” с “Н<овым> р<усским> с<ловом>”, по-видимому, можно, раз там пишет Терапиано и другие. Больше всех был бы возмущен, конечно, Ратнер, да и Могилевский, много раз предлагавшие мне вернуться к ним. Кстати, я ничуть не раскаиваюсь в своем участии в “Р<усских> нов<остях>” и продолжаю считать, что тогда это было правильно. М. б., только ушел я оттуда поздно, надо было бы раньше! Но дело было лично в Ступницком. Вы его очень недолго любили, да и я в “П<оследних> н<овостях>” — скорей тоже. Он был несомненно глуп и “дубинист”, но это был верный человек, лояльный в дружбе и отношениях, как мало кто. Я это в нем очень оценил. И от последнего моего разговора с ним — в кафэ, когда я сказал ему, что ухожу, — у меня осталось воспоминание почти трагическое. Я не своему уходу лично, конечно, приписываю его растерянность, а тому, что он чувствовал, что он вообще остается в одиночестве (после меня сразу ушел Татаринов, Бахрах и др.). Ну, об этом так, мимоходом. Значит, вот: жду Вашего ответа и суждения. Надеюсь, что все, что я пишу Вам, — останется секретом. Но если Вы расскажете о содержании письма Андрею Седых и напишете, что думает он, — буду только благодарен. Больше — никому» (BAR. Coll. Poliakov).

² По-видимому, Адамович имеет в виду главы из романа «Сириус», который начал печататься в «Новом журнале» и продолжал время от времени появляться отдельными главами на протяжении 20 лет (Новый журнал. 1955. № 43; 1962. № 67; 1967. № 88; 1968. № 90–92; 1969. № 95; 1971. № 104; 1972. № 106; 1973. № 111–112; 1975. № 118). Предыдущий роман Ульянова вышел четырьмя годами раньше и вряд ли мог обсуждаться в качестве новинки: *Ульянов Н. Атосса: Роман*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

³ Что Вы об этом думаете? (*фр.*).

⁴ Из писем Карамзиных / Публ. Н. Боташева; пояснит. текст И. Андроникова // *Новый мир*. 1956. № 1. С. 153–209.

⁵ окружение, среда (*фр.*).

⁶ *Бунин И.А. О Чехове: (Из писем Г.В. Адамовичу) // Опыты*. 1956. № 6. С. 25–27.

113. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

3 марта 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
3/III-56

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо¹.

Насчет Вишняка и его участия в «Р<усской> м<ысли>», боюсь, что это была «утка». Мне об этом писали со стороны, а Водов не пишет ничего. Зато сегодня с торжеством сообщил, что согласился Денике². Я плохо знаю, кто он, каков его демократический ценз и заслуги. Знаю имя, читал статьи, но как-то не соображаю, насколько это «видная» фигура. Моя первая статья появится, вероятно, 15-го³, а дальше — видно будет. «Нов<ый> журн<ал>» я так и не видел: сюда он еще не дошел.

Насчет Пушкина я не совсем с Вами согласен. Вы пишете, что он не мог не понять намека на царя в «дипломе», раз упомянут Нарышкин. По-моему, мог прекрасно, и ведь только лет 20–25 назад какой-то советский историк на это указал!¹⁴ Щеголев согласился, но сам в «Дуэли и смерти П<ушкина>» об этом не писал, а не согласиться с любым обвинением царя в советской> России было трудно. Я допускаю даже, что Долгоруков — если он автор диплома! — назвал Нарышкина как самого крупного рогоносца без мысли, что П<ушкин> идет по его стопам. Но если Долг<оруков> об этом и думал, Пушкин мог не понять намека. Несомненно, он знал, что Нат<алья> Ник<олаевна> царю нравится, и сам об этом вскользь писал. Но между «нравится» и тем, что было между ней и Дантесом, — большая разница. Кстати, где-то я читал (Тынянов?), что Н<аталья> Н<иколаевна>, по-видимому, стала любовницей царя в 1839, когда после двухлетнего траура вернулась в Петербург. Не знаю, на чем это основано. Вы пишете, что мы всех любовниц русских царей знаем. Едва ли всех. У Ник<олая> I и у Ал<ександра> II было их много, а уследить было трудно. Вероятно, даже с царицами — не все нам известно.

Все-таки мне очень жаль, что Вы обо всей этой ужасной истории никогда ничего не напишете. Остаюсь при том же мнении, о котором Вам писал. А если роман Вас отпугивает, то нечто вроде *biographie romancée* не требует такого труда и усилия. Дело действительно темное. Вы недоумеваете, между прочим, чего хотел «старый» Геккерен (кажется, 45 лет!). Это психологически разгадать можно бы, хотя без всякой уверенности, и вот все такое в этом деле, никем еще не затронутое, Вы бы и написали, как никто другой.

По поводу «Нов<ого> журн<ала>» Вера Николаевна мне пишет, что «все», весь Париж, восхищены рассказами Лени⁵ и что это действительно «необыкновенная вещь». *Qu'en pensez vous?* Леня гораздо способнее, чем обычно о нем думают, и даже не так глуп, как иногда кажется. Но действительно ли это бессмертные шедевры?

Бедный Кантор уязвлен шпильками Аронсона по его адресу (рецензия на «Опыты»⁶). Он мало и редко пишет и, верно, ждал похвал. Но Аронсон — не человек, а ходячая шпилька, притом ставит всем баллы без мотивировок и объяснения, почему хорошо или почему плохо.

До свидания, дорогой Марк Александрович. У Вас в Ницце — судя по радио — полная весна, а здесь все тот же мрак, хотя и не холодно.

Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне. Теперь по радио много играют Моцарта, и я, слушая, негодовал на нашего Леонида Леонидовича, который в нем разочаровался. Конечно, «где уж нам уж» в музыке, но, по-моему, это самые райские звуки, которые вообще существуют, и такие, после которых всякую другую музыку тошно слушать. Будто «и звуков небес заменить не могли...»⁷

Ваш Г. Адамович

¹ Письмо не сохранилось.

² *Денике* Юрий Петрович (1887–1964) — историк, профессор Московского университета (1920–1922). В 1922 г. командирован в Берлин, работал в советском полпредстве, перешел на положение эмигранта, примкнул к социал-демократической группе журнала «Социалистический вестник», с 1933 г. жил в Париже, с 1941 г. в США, соредатор «Социалистического вестника» (в 1954–1963 гг.) и «Нового журнала» (в 1959–1964 гг.).

³ *Адамович Г.* Не ко двору: Достоевский в СССР // Русская мысль. 1956. 15 марта. № 873. С. 4–5.

⁴ Впервые это предположение появилось в книге: *Поляков А.С.* О смерти Пушкина: По новым данным. Пб., 1922.

⁵ В «Новом журнале» были опубликованы рассказы Л.Ф. Зурова «Ксана» и «Гуси-лебеди» (1955. № 43. С. 20–32).

⁶ М.Л. Кантор опубликовал в журнале подборку афоризмов: *Кантор М.* Записи // Опыты. 1955. № 5. С. 16–19. Аронсон в своей рецензии отозвался об этой публикации прохладно. См.: *Аронсон Г.* «Опыты», книга пятая // Новое русское слово. 1956. 29 янв.

⁷ Из стихотворения Лермонтова «Ангел» («По небу полуночи ангел летел..») (1831).

114. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

10 марта 1956 г. Ницца

10 марта 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Кускова вчера мне сообщила, что получила письмо от Водова. Он говорит ей, что Вы, Вишняк и Денике согласились принять участие в газете, и надеется, что доведет ее «до самого демократического направления». Вы спрашивали о Денике. Я его хорошо знаю. Он внучатый племянник композитора Глинки (что не относится к Вашему вопросу), меньшевик, сотрудник «Соц<иалистического> вестника». Прошлое хуже: годами служил в берлинском торгпредстве (как, впрочем, и милый, почтенный П.А. Берлин), еще больше, чем Вишняк, был связан работой с мюнхенцами и власовцами. Все-таки и он демократ. А о Вишняке, значит, первое Ваше сообщение не было уткой.

Ваши возражения о Пушкине, по-моему, основательны, но, быть может, не совсем. Действительно, у Николая I и у Александра II *могли* быть любовницы, о которых мы не знаем. Но уже о такой незначительной и случайной, как Шебеко, нам известно. А как же могла бы не стать известной такая «сенсационная», как жена Пушкина? Верно и то, что в печати первый увидел намек на царя в «дипломе», относительно недавно, Поляков. Но, во-первых, прежде, до революции, об этом писать было бы невозможно (да и занимались дуэлью Пушкина ученые в прежние времена гораздо меньше), а во-вторых, Пушкин читал диплом не так, как ученые: по сто раз, верно, обдумывал каждое слово; да и «подписи» ему были известны много лучше, чем нам, — иначе авторы диплома ими бы и не воспользовались.

О том, будто царь стал любовником Пушкиной в 1839 году, я нигде не читал.

О Зурове с Вами согласен. Его два рассказа недурно написаны, но оба крошечные. Второй все же слишком длинен (страниц семь), чтобы быть стихотворением в прозе, — хотя по стилю это как будто так, даже слова, особенно глаголы, расставлены так, как их обычно в прозе не расставляют. (Сколько покойный Иван Алексеевич издевался над тем, что Зайцев ставит прилагательное после существительного!) Сюжета же нет ни в первом, ни во втором рассказе «Лени». Не

знаю, очень ли восторгаются читатели, — мне никто, естественно, не говорил, да никто и не писал, — но, по-моему, в *его* интересах было для первого появления в «Новом журнале» дать что-либо более значительное. А описания хороши. Вера Николаевна и мне написала о колоссальном успехе этих двух рассказов! Я ей отвечаю, что и мне они понравились, — в этом неискренности не будет. Но, пожалуйста, ни ей и ни кому другому не говорите о том, что я пишу *только* Вам.

Я не читал статьи Кантора. Напрасно он огорчается по поводу отзыва Аронсона. Тот действительно «ходячая шпилька».

О Моцарте я сказал Сабанееву, он стоит на своем. По странному совпадению, я как раз накануне получения Вашего письма говорил с ним о Моцарте по другому поводу. В «Фигаро» появилась интересная статья о Моцарте Бруно Вальтера¹. Он говорит то же, что Вы, но меня удивило то, что он вершиной всей музыки считает «Волшебную флейту». Мне совестно сознаться, что я года три тому назад слышал ее в нью-йоркском Метрополитэн с изумительным ансамблем — и немного скучал. Еще лишний раз убеждаюсь, что очень не хватает мне музыкальной культуры при большой любви к музыке. Не только до Бруно Вальтера (о нем что уж говорить!), но и до Вас, не-специалиста, мне далеко, и гораздо больше, чем далеко. Жаль, очень жаль. Леонид Леонидович <Сабанеев> в своем суждении очень уж уверен. Говорит, что помнит и «Волшебную флейту» чуть не наизусть — и не слишком высоко ставит.

Когда Вы будете во Франции?

Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам самый сердечный наш привет.

Понравилась ли Вам книга Варшавского?²

¹ Бруно Вальтер (полное имя до 1911 г. Bruno Walter Schlesinger; 1876–1962) — дирижер и композитор немецкого происхождения, с 1939 г. в США.

² Речь идет о только что вышедшей книге: *Варшавский В.С. Незамеченное поколение*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. О рецепции этой книги в эмиграции см. в недавнем переиздании: *Варшавский В.С. Незамеченное поколение / Предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста приложения, послесл. М.А. Васильевой. М., 2010.*

115. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

13 апреля 1956 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat

Paris 8^e

13/IV-56

Дорогой Марк Александрович

Я был сегодня у М.Л. Кантора, который показал мне Ваше письмо. В-первых, простите, что я Вам не ответил. Очевидно, это случилось из-за переезда из Англии в Париж, да, впрочем, при переписке не очень частой могло случить-

ся и вообще, особенно ввиду моей «дырявой головы». Мне казалось, что последним писал Вам я.

Во-вторых — о 1000 фр., о которых Вам рассказал Ляля <А.Я. Полонский>. Уверен, что Вы шутя написали Кантору о вопросе, как Вам быть. Это такие пустяки, о которых я сказал Ляле, только чтобы рассмешить его, и, вероятно, давно бы сам забыл об этом происшествии, если бы Ляля Штром¹ (т. е. Елена Николаевна) при каждой встрече, давась от смеха, не вспоминала: «А помните наш обед с М<арком> А<лександровичем>?» Она почему-то и тогда еще была настолько «развеселена» (не нахожу, какое тут нужно слово), что все не могла успокоиться и меня дразнила. А видел я ее совсем недавно, и опять она мне сказала то же самое.

Вон, passons².

В Париже я уже недели три и через дней 10 собираюсь обратно в Манчестер. Несколько раз видел Водова, который просил меня помочь ему в «демократизировании» его газеты. Очень занят был этим и В.В. Вырубов, но с птичьего полета и без каких-либо практических решений. В результате дня через три должна состояться встреча Водова с тремя «демократами», которые, по-видимому, будут при нем совещательной группой — Ермоловым (Дмитрием), Татариновым и Кантором. Я предложил это Водову, вопреки мнению Вырубова, в форме очень мягкой — т. е. «посмотрите, подойдет Вам это или нет». Но он согласился сразу, с большой охотой, чему я даже был удивлен. Предполагается, что «группа» будет раз в неделю собираться для обсуждения всего, что представится, — но насколько Водов подчинится ее указаниям, я еще не знаю. Судя по его характеру, вероятно, он сопротивляться ни в чем не будет, но есть ли за ним другие люди — для меня вопрос неясный еще. К сожалению, Татаринов едва ли в силах будет бывать регулярно. Я его не видел давно, он очень «сдал» и наполовину — развалина. По-видимому, ничего не имел бы против такой же роли Тер-Погосян, но пока — он еще в стороне. Кантора предложил не я, а Ермолов, и, по-моему, это хорошо, чтобы «группа» не была чисто масонской.

Но насколько все это будет реально и осуществимо — сказать трудно. Посмотрим, как пройдет первый «контакт». Ермолов утверждает, что Татаринов очень «полевел» (он его прежде считал чуть-чуть зубром). Ну, а Кантор скорей поправел. Кстати, в «Возрождении» должна будто бы появиться заметка о «Русск<ой> мысли», à savoir³, что мы думали до сих пор, что это газета правая, в нашей, гукасовской линии, а теперь сомнения нет — это «Последн<ие> новости» и линия миллюковская⁴.

Был вечер о Достоевском⁵, довольно тягостный во всех смыслах, но при полном зале. Меня интересовал Зеньковский, которого я даже и не видел никогда. Но ждал я от него много большего, и уж очень бездарно было все у него изложено, да и мыслей не много.

Кажется, новостей больше нет. Еще раз простите за неаккуратность с отчетом и за рассказ Ляли. У меня с ним всегда слегка балаганный тон, в таком порядке я ему это и рассказал.

До свидания, надеюсь, теперь довольно скорого, ибо лето близится, — чему я очень рад (хотя с уходом зимы уходит еще кусочек жизни). Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне и не будьте на меня, дорогой Марк Александрович, в претензии.

Ваш Г. Адамович

¹ Штрот Елена Николаевна (урожд. Богданян; 1901–1962) — служащая. После революции в эмиграции в Париже, сотрудница «Последних новостей» (машинистка, администратор), работала в возглавлявшемся В.А. Маклаковым Русском офисе, после войны в русской секции Французского офиса по делам беженцев.

² Ладно, оставим (фр.).

³ известно (фр.).

⁴ В ближайших номерх «Возрождения» такой заметки не появилось.

⁵ Вечер памяти Ф.М. Достоевского к 75-летию его кончины был устроен Союзом русских писателей и журналистов в Париже 10 апреля 1956 г. (Salle Chopin, 8, rue Daru). В.В. Зеньковский выступил на вечере с докладом «Памяти Достоевского», а Б.К. Зайцев с докладом «Достоевский и Оптина пустынь». Через день, 12 апреля, Адамович сам выступил с докладом «О Достоевском» на собрании масонской ложи «Северная звезда» (8, rue Puteaux, Paris, 17^e).

116. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

17 апреля 1956 г. Ницца

17 апреля 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Мы оба чрезвычайно рады тому, что Вы хоть летом приедете, — очень соскучились.

За мной бутылка шампанского, если Вы возвращения денег не хотите. А Ляля Штрот, право, могла бы тогда же мне сказать о проявленной мною рассеянности (которая вообще мне не свойственна).

Интересны Ваши сообщения о «Русской мысли». По совести говоря, я не очень вижу, какая польза может быть от какого-либо совещательного комитета при газете. Водов знает свое дело и ведет газету интересно. Лучше было бы, по-моему, если б Татаринов и Кантор писали в «Русской мысли» (Тер-Погосян не пишущий человек, — не знаю, как Ермолов?). Но состав намеченного комитета, думаю, хорош. Меня и самого интересует, может ли Водов *самостоятельно* распоряжаться в газете, т. е. без издателей, если таковые существуют? Вера Николаевна недавно мне писала, что, по ее мнению, правые читатели начнут бойкотировать газету (а левых мало). Боюсь, что это в самом деле возможно, — особенно если в «Возрождении» появилась или появится заметка, о которой Вы мне сообщили, и если «Русское воскресение» начнет тоже выходить раза три в неделю.

Прочел Вашу статью¹ о книге Варшавского. Эта статья, как я сказал и Сабанееву, даже не блестящая, а сверх-блестящая. По-моему, многое в ней и вполне справедливо, но, к сожалению, многое справедливо и в том, что написал о книге Вишняк². Я люблю Варшавского, он очень милый человек и хороший писатель, рад успеху его книги, однако меня, помимо указанного Вишняком, раздражило то, что он написал о Фондаминском. О Милюкове что уж говорить, — тут Варшавский просто пошел по давно проложенному пути. Но и Фондаминский, о котором написано вообще очень мало, был гораздо умнее и значительнее большинства людей, о которых В<аршавский> счел нужным так подробно писать. И если принять во внимание и всю его жизнь и смерть, если подумать, что знают Фондаминского так мало, то это якобы благожелательное или даже «дружественное» воспоминание о нем, с явным намеком, будто он был глуп, — очень нехорошо. Да и все «незамеченное» (!) поколение, вдобавок, очень, очень многим обязано Фондаминскому. Конечно, не пишите об этом моем мнении Владимиру Сергеевичу, — я после некоторого колебания решил ему об его книге не писать, именно по этой причине. Книгу мне Чеховское издательство прислало без авторской надписи, то есть от себя, и я, значит, могу его (Варшавского) не благодарить.

В «Русской мысли» был только очень краткий отзыв³ о вечере памяти Достоевского, — по-видимому, автор отчета (не подписанного) был того же мнения, что Вы. Неужели Зеньковский был так слаб? Книга его об истории русской философии⁴ ценна и беспристрастна. Он очень ученый человек. Мы с ним когда-то учились в университете, но он был тремя курсами старше меня, а с тех пор я его ни разу не видел. В ту пору он был, как и я, на физико-математическом факультете. Тем более удивительно, что в истории своей он даже не упомянул о Лобачевском⁵ и Чебышеве!⁶ Между тем *философское* значение их трудов много больше, чем значение многих профессоров философии, которые уж для *западного* мира не имеют никакого значения и ему совершенно не известны.

Не имеете ли Вы сведений о том, чем кончилось последнее (именно последнее) обращение Чеховского издательства за деньгами к какому-то богачу? Знаю об этом обращении из статьи Вейнбаума⁷. Больше ничего не знаю. Сабанеев (помнится, и Вы?) говорил мне, что природа и литература пустоты не терпят, что какое-либо издательство, конечно, *будет*. Пока не видно. Пора нам всем на кладбище — во всех смыслах: какие же писатели, если на своем языке не издаются. И тут тоже Вы справедливо нас хороните в «Р<усской> м<ысли>»⁸.

Вера Николаевна сообщила мне, что начала получать деньги (меньше, чем ожидала) за книги И<вана> А<лексеви>ча, но о цифре скромно умолчала, что и несколько обидно. Сообщила ли Вам?

Оба шлем Вам, дорогой Георгий Викторович, самый сердечный привет.

¹ Адамович Г. О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // Новое русское слово. 1956. 25 марта. № 15611. С. 8.

² Вишняк М. О «незамеченном поколении» // Новое русское слово. 1956. 2 марта. № 15588. С. 3, 4.

³ Русская мысль. 1956. 17 апр. № 887. С. 4.

⁴ Зеньковский В. История русской философии: В 2 т. Париж: YMCA-Press, 1948–1950.

⁵ Лобачевский Николай Иванович (1792–1856) — математик, создатель неевклидовой геометрии.

⁶ Чебышёв Пафнутий Львович (1821–1894)— математик и механик, один из основоположников теории приближения функций.

⁷ Публикация не выявлена.

⁸ По-видимому, Алданов имеет в виду большую, на два газетных номера, статью о неуклонно снижающемся литературном уровне эмигрантской печати: Адамович Г. После войны // Русская мысль. 1956. 5 апреля. № 882. С. 4–5; 12 апр. № 885. С. 4–5.

117. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

1 мая 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road

Manchester 14

1 мая 56 г.

Дорогой Марк Александрович

Спасибо за письмо. Я получил его в Париже, а отвечаю из Манчестера. Кстати, слышал от Любость Алекс<андровны>, будто Вы в Париж собираетесь. Вы ничего об этом не пишете.

Веру Ник<олаевну> я видел два или три раза, но не с глазу на глаз, и <о> своих делах она мне ничего не говорила. По сведениям Каплана¹ (Дом книги), к началу переговоров имевшего близкое отношение, она получает каждый месяц 50–60 тысяч. Он лично будто бы посоветовал кому следует назначить ей вроде пенсии вместо единовременной большой выдачи. Но едва ли это — результат его совета. По-моему, это расчет хитрый и с «их» точки зрения верный: для всего дальнейшего — она у них в руках, или «пенсия» прекратится.

В «Русской мысли» демократизация в полном ходу. Видели ли Вы передовую Водова о «непримиримости к февралю»², т. е. о собрании на эту тему? По-моему, он даже слегка переусердствовал в демократизме и действительно может испугать своих читателей. Татаринцов, кажется, уже сотрудничает. Кантор собирается говорить с Водовым о «культурном» уровне газеты и, в частности, о нашем общем знакомом А.А. Шике³, который человек не плохой, но не может же писать сегодня о Гомере, затем о Пикассо или Гиндемите (о Гомере была недавно его статья с совершенно уморительным началом, вроде того, что «Илиада» — «одно из известнейших произведений в мировой литературе». Видели Вы ее?). Я спросил Водова, в последнее свое с ним свидание: скажите, кто у вас читает стихи? Он радостно ответил: «О, насчет этого будьте спокойны, все стихи проходят через Бор<иса> Конст<антиновича>». Я не беспокоюсь, но стихи — ужасны, впрочем, не хуже, чем в «Н<овом> р<усском> с<лове>».

О Чеховском изд<ательстве> знаю мало. По всему, что слышал, конец решен и неотвратим.

Только что читал рецензию Карповича на книгу Варшавского (в корректуре «Опытов»⁴). Очень одобрительно, но с оговорками. Варшавский стал знаменитостью⁵, в эмигрантских размерах, и я этому рад. О Фондаминском он написал действительно несправедливо, хотя мое личное впечатление от него (но я его мало знал, хотя часто встречал) было все-таки ближе к его мнению, чем к Вашему. Несправедливо то, что при поклонах и реверансах во все стороны Варшавский к нему оказался так требователен, и невольно думаешь, что если бы Ф<ондаминский> был жив, все было бы иначе. Впрочем, *c'est la vie*⁶, удивляться нечему, а я и не осуждаю В<аршавского>, п<отому> что сам себя не раз ловлю на том же самом⁷.

В Манчестере на лето еще не похоже, даже и на весну — маловато. Но этому тоже удивляться нечего.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Если действительно едете в Париж, желаю приятно провести время. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Каплан Михаил Семенович (1894–1979) — владелец книжного дела в Париже (магазина «Дом книги» и одноименного издательства). Подробнее см.: *Гузевич Д. Парижский «Дом книги» (Михаил Каплан) // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе: В 2 кн. Кн. 2 / Сост., ред. и изд. М. Пархомовский; науч. ред. и сост. Д. Гузевич. Иерусалим, 2002. (Русское еврейство в зарубежье. Т. 4 (9)) С. 98–110.*

² Публикация не выявлена.

³ Шик Александр Адольфович (1887–1968) — юрист, литератор, общественный деятель. До революции помощник присяжного поверенного, член партии кадетов; с 1924 г. в эмиграции в Риге, затем в Берлине, с 1933 г. в Париже; в годы Второй мировой войны доброволец французской армии, затем участник Сопротивления, после войны сотрудник «Русской мысли» и «Нового журнала», товарищ председателя правления Союза русских писателей и журналистов. Автор книг об А.С. Пушкине, Н.В. Гоголе, Д.В. Давыдове.

⁴ О книге В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956) Карпович отозвался весьма одобрительно (Опыты. 1956. № 6. С. 101–104).

⁵ Подробнее об этом см. в приложении к переизданию книги: *Варшавский В.С. Незамеченное поколение / Предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста приложения, послесл. М.А. Васильевой. М., 2010.*

⁶ такова жизнь (*фр.*).

⁷ Вскоре Адамовичу пришлось объясняться с М.В. Вишняком по поводу упоминания Фондаминского в собственной статье. Подробно см.: «Не будьте на меня в претензии...»: Письма Г.В. Адамовича М.В. Вишняку 1938–1968 гг. / Публ. О. Коростелева // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 418–435.*

118. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

10 мая 1956 г. Ницца

10 мая 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Действительно, «Русская мысль» теперь вполне либеральная газета. Видел я и передовую о «непримиримых к февралю», очень был рад и ей, тем более что она не первая у них в этом роде. Хвалят газету и Маклаков, и Кускова, и Титов, находящийся сейчас в Канне. Он только (и не он один) немного недоумеает: откуда берутся деньги? Никто из них никакого «подозрения» в этот вопрос не вкладывает: ни малейшего. Спрашивают из простого любопытства и из давнего соображения: эмигрантское издание окупаться не может. Я отвечаю правду: насколько мне известно (со слов Водова), газета как-то сводит концы с концами.

Художественная сторона газеты. Чего же Вы и Кантор хотите? Ухода Шика? Раздела его тем между другими? Где их взять среди людей, постоянно живущих в Париже, — а ведь для рецензий о концертах, спектаклях и выставках надо жить в Париже и писать быстро. Я, например, очень хотел бы, чтобы музыкальные рецензии писал Сабанеев, человек теперь в эмиграции наиболее компетентный. Кажется, и ему очень хочется писать и в «Русской мысли», но уж музыкальные рецензии в Ницце писать не о чем. Кроме того, у него есть свой недостаток: он очень «безжалостен». Читали ли Вы, например, его статью о Гречанинове, на днях появившуюся в «Новом русском слове»?¹ Вероятно, все в ней справедливо, но я не сомневаюсь, что она в Нью-Йорке вызвала негодование, тем более что Г<речанинов> только что умер. Сабанеев и свои воспоминания, почти всегда умные и интересные, пишет так, что люди переворачиваются в могилах. Собираюсь его просить не писать обо мне некролога! Или стихи? Мне тоже не нравятся обычно стихи, печатающиеся не только в газетах, но и в журналах (вполне признаю мою *гораздо* меньшую тут компетентность по сравнению с Вами), но где же Зайцеву находить поэтов? Вы, к общему сожалению, стихов не печатаете, то же можно сказать еще о двух или трех поэтах, не появляющихся в газетах. Я все это к тому говорю, что, по-моему, бесполезно *так* ставить вопрос в разговорах с редакторами: надо указывать людей.

Чеховское издательство кончено. Вчера я прочел в «Русской мысли» отрывок из статьи Карповича² с прямым указанием, что оно кончено. Кускова мне не в первый раз на днях написала, что «все» в этом вина (и «очень сильно ругают») меня!! Если б я, мол, в свое время принял предложенную мне Вреденом должность, то издательство продолжало бы существовать!!! Это, разумеется, дестная брань, только это совершенный вздор, не стоит и отвечать.

Да, Вы, видно, мало знали Фондаминского, а я знал его хорошо. Но об этом мы не раз говорили. Вы пишете, что о покойнике Варшавскому было говорить легче, чем о живых. Именно. Однако его никто не заставлял и вообще говорить о Фондаминском, — да он о нем ничего умного и не сказал. И расхвалил некоторых

покойников, которые — говоря совершенно объективно — никак этого не стоили и в политическом, и во всех других отношениях.

В конце концов, Вера Николаевна несколько не обязана была говорить и Вам, и мне, сколько ей заплатил или заплатит Госиздат, но *могла бы* нам сказать. А то это мне немного напомнило Алексея Толстого, — долго рассказывать, и Бог с ней. Рад, что она не будет нуждаться. А известно ли при Вас было другим писателям в Париже (Зайцеву, напр<имер>), что она начала получать деньги? Титову *было* известно, — не от меня, а от нее. Между тем В<ера> Н<иколаевна> заклинала мою сестру никому не говорить! (Меня не заклинала и даже не просила об этом.) Говорила ли она с Вами о «Лене» и его рассказах? Кстати, что же Вы о них думаете? Вы меня спрашивали.

Наконец, в Ницце превосходная погода. Приезжайте поскорее. Мы в Париже будем в июне, не раньше. Встретимся ли там?

Оба шлем Вам, дорогой Георгий Викторович, самый сердечный привет.

Читали ли Вы фальшивку «Лайф» о Сталине? Дело не в том, что фальшивка, а в том, что исторически безграмотная. Хороша А.Л. Толстая, давшая «полную гарантию»!³

¹ Сабанев Л. О Гречанинове // Новое русское слово. 1956. 6 мая.

² В «Русской мысли» был напечатан фрагмент «Комментариев» М. Карповича, посвященных 15-летию «Нового журнала» и целиком опубликованных в № 44: Карпович М. О «Новом журнале» // Русская мысль. 1956. 8 мая. № 896. С. 4–5.

³ 18 апреля 1956 г. А.Л. Толстая провела пресс-конференцию, на которой предала гласности письмо Департамента полиции, должное свидетельствовать о сотрудничестве И.В. Сталина с царской охранкой. В тот же день вышел номер журнала «Лайф» (датированный 23 апреля) со статьей Исаака Дон-Левина, в которой воспроизводилось письмо: *Don Levine I. An authority on the Soviet presents a document implicating Stalin as czarist spy // Life Magazine. 1956. 23 Apr. P. 11–14.* Б.И. Николаевский и Н.В. Валентинов-Вольский сразу назвали документ фальшивкой.

119. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

22 мая 1956 г. Манчестер

Manchester
104, Ladybarn Road
22/V-56

Дорогой Марк Александрович

Я получил сегодня «Р<усскую> мысль» и увидел, что там появилась Кускова¹. Дальше в демократизации идти Водову некуда! Не исполните ли Вы его страстную мечту и не дадите ли ему что-нибудь? Пишу об этом без всякого с его стороны вмешательства, а просто так, — вспомнив мои с ним разговоры. Верно то, что Вы и в «Н<овом> р<усском> с<лове>» пишете чрезвычайно редко, — а это было Вашим главным доводом.

Насчет денег — т. е. откуда в «Р<усской> м<ысли>» — навел справки Вырубов и пришел к заключению успокоительному. Но денег там мало, отчасти — я умаю — оттого там так процветает Шик: он денег не требует. Если бы писал Сабанеев, было бы очень хорошо. Кстати, я не нашел ничего «возмутительного» в его статье о Гречанинове. Никто ведь Гречанинова великим музыкантом не считал, и в конце концов, «aux morts on ne doit que la vérité»².

Вопреки Вам я уверен, что если бы Вы были на месте Александровой, Чех<овское> изд<ательст>во еще не скончалось бы. Вы считаете, что это «вздор, не стоит и отвечать» (Кусковой). Нет, с Вами и при Вас все было бы иначе, да и вес у изд<ательст>ва был бы другой. Я пишу это не для того, чтобы сказать Вам что-либо «лестное», а потому, что это правда.

Читали ли Вы в «Н<овом> журнале» М. Иванникова³ (кто это?) — «Правила игры»⁴. По-моему, очень талантливо, но до невозможности «воняет литературой» и похоже на Андрея Белого. А о Зурове — отвечаю на Ваш вопрос — я думаю, что его рассказы тоже талантливы и со всякими живописными достоинствами, но приторны в своей «русскости»: наше русское небо, русские птицы — *et ainsi de suite*⁵. Сами знаем, что русские, незачем напоминать. И наши птицы ничем не лучше других.

Очень рад, что Вы в июне думаете быть в Париже. Я надеюсь быть там между 15 и 20, не позже. Шлю низкий поклон и сердечный привет Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

¹ Публикация не выявлена.

² «о мертвых только правду» (*фр.*). Неточная цитата из трагедии Вольтера «Эдип» (1718). У Вольтера: «On ne doit que la vérité aux morts» (*Voltaire. Oedipe. 2de éd. Préface. Note 20 de la première des huit lettres.*)

³ *Иванников* Михаил Дмитриевич (1904–1968) — прозаик. С середины 1920-х гг. участник пражских литературных объединений «Далиборка» и «Скит», с 1934 г. участник белградского кружка «Литературная среда», печатался в «Последних новостях», «Современных записках», «Новом журнале». Подробнее о нем см.: *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников // «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской; сост., биогр. Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева. М., 2006. С. 247–249; см. также: *Данилевский А.А.* Из наблюдений над повестью М. Иванникова «Дорога» // Вторая проза: Сб. ст. Таллин, 2004. С. 246–284; *Он же.* Как сделаны «Правила игры» М. Иванникова // Диаспора: Новые материалы. IX. Париж; СПб., 2007. С. 253–295.

⁴ *Иванников М.* Правила игры // Новый журнал. 1955. № 44. С. 5–21. Новую повесть Иванникова Адамович очень высоко оценил как в печати: «Правила игры» — вещь на редкость талантливая» (*Адамович Г.* «Новый журнал» // Русская мысль. 1956. 5 июля. № 921. С. 3), так и в частной переписке, спрашивая Ю.П. Иваска 5 июня 1956 г.: «Читали Вы Иванникова в “Но<вом> журнале”? Смесь Сирина с Белым, но очень талантливо, хотя “воняет литературой” за сто верст. <...> Кто этот Иванников? Если он не стар, это настоящий писатель» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску: 1935–1961 / Публ. Н.А. Богомоллова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 485–486). Об отношении Адамовича к Иванникову и его отзывах (устных и печатных) подробно см.: *Данилевский А.А.* Как сделаны «Правила игры» Михаила Иванникова. С. 253–295.

⁵ и так далее (*фр.*).

120. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

2 июня 1956 г. Ницца

2 июня 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Я чрезвычайно рад тому, что Вы будете в Париже между 15 и 20 июня. В это время буду и я, остановлюсь у моей сестры. Татьяна Марковна приедет немного позднее, и тогда мы переедем в гостиницу.

Рассказ Иванникова и мне показался талантливым, — немного, правда, под Сирина, но ведь и Сирин этот жанр создал только в *нашей* литературе. Он большой мастер, но подражать ему трудно. Вы спрашиваете, *кто* он (Иванников). Меня этот Ваш вопрос смутил. Когда-то в «Современных записках», по-моему, появились два рассказа Иванникова, и их заметили и очень хвалили¹. Я думал, что это тот самый? Больше ничего не знаю. Как Вы отнеслись к статье Маркова «Моцарт»?² Мне в свое время очень понравились воспоминания этого автора (не знаком с ним) о петербургских студентах в советское время³. Я о них даже кое-кому в письмах говорил, — кажется, Полякову и др. Если хотите, литературный дар виден и в «Моцарте», но уже так «изысканно», что сил никаких нет. Нарочно показал эту статью Леониду Леонидовичу. Он прочел и сказал, что автор в музыке, видно, ничего не понимает. Каково Ваше мнение?

Вы были недовольны стихами «Русской мысли». Поэтому привожу стихи поэта Юрия Каменецкого⁴, напечатанные на самом видном месте совсем недавно в «Советской культуре» (привожу только начало):

Ленин — это весны цветенье,
Ленин — это победы клич,
Славься в веках, Ленин,
Наш дорогой Ильич

и т. д. Стихи имеют огромный успех и уже положены на музыку каким-то советским композитором⁵. Ловкие люди, что и говорить.

Искренно рад тому, что Вы появились в «Новом журнале»⁶, — но жаль, что, по-видимому, уже в пору его агонии. Многое Вам простится за страницы о «Двенадцати», — если у Вас есть литературные грехи. А я, многогрешный, вдобавок прозаик, «э рьен ке⁷ прозаик», и в 1918 году *никак* не сравнивал эту поэму с «Медным всадником»⁸ и писал о ней тогда в книге⁹ то же самое, что писал Вам в письме о суждении великого мыслителя о гибели «Титаника». Знаю, что Вы меня сочтете за это Геростратом, самодовольным святотатцем или, в лучшем случае, просто дураком.

Вы, конечно, тоже получили циркулярное письмо от Чеховского издательства о ликвидации наших книг. Кускова почему-то страшно возмущена. Я принял предложение издательства и только в частном порядке просил Мрс. Планта

прислать мне бесплатно не 20 экземпляров каждой моей книги, как она предлагает, а только 10, вместо же вторых 10 — 10 экземпляров каких-либо других их изданий, хотя бы по их выбору. Вероятно, они и этого не сделают по их рутинности.

Чрезвычайно меня огорчила кончина Мельгунова¹⁰. Все-таки я знал его без малого 40 лет...

Оба шлем Вам самый сердечный привет и лучшие пожеланья.

¹ Адамович и сам до войны несколько раз писал о прозе Иванникова («Современные записки», кн. 57-я. Часть литературная // Последние новости. 1935. 21 февр. № 5082. С. 3; «Современные записки». Кн. 61. Часть литературная // Там же. 1936. 30 июля. № 5606. С. 3; «Современные записки», кн. 65. Часть литературная // Там же. 1938. 20 янв. № 6144. С. 3; поначалу встретив ее неодобрительно, но позже признав автора «приобретением для нашей здешней литературы и, может быть, даже писателем с большим будущим» (Адамович Г. «Современные записки», № 66. Часть литературная // Там же. 1938. 2 июня. № 6276. С. 3).

² Марков В. Моцарт // Новый журнал. 1956. № 44. С. 88–113. Почти одновременно была опубликована статья Адамовича с тем же названием (Адамович Г. Моцарт // Новое русское слово. 1956. 20 мая. № 15667. С. 3). В печати Адамович о статье Маркова отозвался отрицательно: «Три-четыре оригинальных замечания тонут у Маркова в море суждений опрометчивых, скороспелых, а порой и фактически ошибочных. Стиль статьи, к сожалению, соответствует ее внутреннему складу. Досадно видеть под ребяческими, мнимо-поэтическими красотоми и эффектами, которыми “Моцарт” в изобилии приправлен, подпись подлинного поэта» (Адамович Г. «Новый журнал» // Русская мысль. 1956. 5 июля. № 921. С. 4–5). 8 июня 1956 г. Марков писал Г.П. Струве: «Все-таки мой “Моцарт” сильнее (думаю, что могу тут быть объективным) его очень слабой статейки о Моцарте в “Н<овом> р<усском> с<лове>” (может быть, тут “соперничество”, и он на моего “Моцарта” реагирует, как Сальери?)» (Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers). 12 июля 1956 г. Ю.К. Терапиано писал В.Ф. Маркову: «Я говорил с Адамовичем о Вас, в частности, — по поводу “Моцарта”. А<дамович> утверждает, что у Вас, по его мнению, недостатки: 1) “многословие” и второй: “самоуверенная легкость” (плод молодости — он думал, что Вы оч<ень> молоды). Зато хвалил Ваши воспоминания (“...in Arcadia”)...» («В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...»: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1972) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 269).

³ Марков В. Et ego in Arcadia // Новый журнал. 1955. № 42. С. 164–187.

⁴ Каменецкий Юрий Семенович (р. 1924) — советский поэт-песенник.

⁵ «Песня о Ленине» на слова Ю. Каменецкого была положена на музыку композитором Александром Николаевичем Холминовым (р. 1925). Алданов приводит четверостишие, ставшее припевом.

⁶ Адамович Г. Наследство Блока // Новый журнал. 1956. № 44. С. 73–87.

⁷ От фр. et rien que — и не кто иной, как.

⁸ Алданов имеет в виду рассуждения Адамовича в статье: «При появлении “Двенадцати” блоковскую поэму сравнивали с пушкинской и без колебаний приписывали ей одинаковое значение в нашей литературе. Было действительно в ней что-то опьяняющее, затруднявшее беспристрастный анализ — кто же станет это отрицать? Откровенно признаюсь, что и мне в те годы параллель “Медный всадник” — “Двенадцать” не казалась пре-

увеличенной, а если я об этом упоминаю, то лишь для того, чтобы избежать подтасовки фактов во всем знакомом жанре: “я всегда утверждал”, “я и тогда предвидел” и так далее. Но поэма выдохлась. Она насыщена злободневностью и потому увяла, обветшала. В ней нет, — как бывало в лучших стихах Блока, — второго подводного течения, не говоря уже о волнах таинственной и вещей музыки, поднимавшейся когда-то из глубин его сознания. Все ясно, нечего перечитывать. Остроумно, в особенности начало, но как-то непривычно мелко, бойко, чуть-чуть плоско и суетливо» (Адамович Г. Наследство Блока // Новый журнал. 1956. № 44. С. 85).

⁹ «Певцом “великой пролетарской зари” оказался г. Александр Блок. Почему этот подлинный поэт очутился в числе соперников г. Демьяна Бедного, может быть, не совсем понятно. Но нетрудно отыскать в таком представительстве символику, если принять во внимание юношескую свежесть и девственную чистоту таланта г. Блока. <...> Звезда, павшая с неба и воплотившаяся в прекрасную незнакомку, была, как известно, просто уличной женщиной. Органически кошунственный талант мог возвести октябрьскую революцию в перл создания» (Алданов М. Армагеддон. Пг., 1918).

¹⁰ Историк Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) скончался от тяжелой формы рака горла 26 мая 1956 г. в предместье Парижа Шампиньи-сюр-Марн.

121. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

14 июля 1956 г. Ницца

14 июля 1956

Дорогой Георгий Викторович.

Иду на Вы: в пятницу 20 июля часов в пять буду в кафе «Моцарт», — уже известил Леонида Леонидовича <Сабанеева>. Приходите. Я буду скучно, длинно, мучительно нудно рассказывать о каждом заседании, банкете и приеме. Это займет, думаю, часов 20 или 30. Что же тут такого? Будем ночевать там же в кофейне и с утра я буду возобновлять рассказ. Правда?

Оба (и Гаскели¹) шлем Вам самый сердечный привет.

¹ Сестра жены Алданова Вера Марковна Зайцева в 1926 г. вышла замуж за балетного критика и исследователя балета, впоследствии директора Королевской школы балета Арнольда Хаскелла (Haskell; 1903–1980). Сестры часто навещали друг друга и любили отдыхать вместе.

122. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

19 августа 1956 г. Ницца

4, avenue Emilia
c/o Lesell
Nice
19/VIII-56

Дорогой Марк Александрович

Прилагаю часть письма Д.Н. Ермолова, которое получил вчера. Я его увижу в четверг, и был бы рад передать ему Ваше мнение по интересующим его вопросам.

Приду в café Mozart во вторник ровно в 5 часов. Может быть, Вы были бы добры прийти тоже за четверть или полчаса до общей встречи, чтобы поговорить об этом?

Merci d'avance¹.

Ваш Г. Адамович

¹ Спасибо заранее (фр.).

123. Г.В. АДАМОВИЧ – М.А. АЛДАНОВУ

26 сентября 1956 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8
26 сент<ября> 56

Дорогой Марк Александрович

Я как раз собирался Вам писать, а сегодня получил Ваше письмо. Адреса Чеквер¹ я не знаю, но узнаю его — и письмо Ваше перешлю. Она была летом в Hôtel Jeriba, но давно уже уехала в Америку.

В Париже я уже почти две недели. У Любовь Александровны <Полонской> был несколько раз. Она, по-моему, в меланхолии, отчасти из-за смерти одной из кошек. Но, может быть, есть и другие причины. Сегодня — или вчера — вернулась Вера Николаевна и через Бахраха просила меня зайти: Зуров будто бы «хочет рассказать о Швейцарии»². А я как раз чрезвычайно люблю рассказы путешественников! У Иванова я был в Нуёгес совсем мимолетно³. Статьей⁴ моей она очень довольна, в чем я далеко не был уверен. Он — совсем развалина, с tension⁵ 28–29. Она, кстати, прислала мне докторское свидетельство, что ему южный климат вреден. Я видел Вырубова и говорил с ним опять о их переводе в Париж. Он что-то предпринимает, но, по его словам, Долгополов заявил, что в тот день, как Иванов будет в одном из здешних домов, он подает в отставку.

Вот, кажется, все новости. Вернее — новостей нет. М^{ме} Вольская⁶ полна Вами и ни о чем другом не говорит, впрочем, ревнуя Вас к Яконовскому⁷, который будто бы считает Вас теперь своим ближайшим другом⁸. Это — в порядке сплетен и отсутствия сплетен более интересных.

Я тоже в меланхолии — из-за осени, близости Манчестера, дальности Ниццы и всего такого. А отчасти и из-за того, что с каждым годом жизни остается все меньше. Это, конечно, мысль новая и глубокая, но я ею занят, и еще занят тем, что делаю из нее всякие выводы.

Простите за болтовню. Крепко жму Вашу руку, дорогой Марк Александрович и от всей души желаю Вам и Татьяне Марковне здоровья и благополучия. Когда начнет печататься Ваш роман? То, что у Вас «24 часа в сутки свободны», продлится, вероятно, недолго: *je ne vous vois pas*⁹ без всяких писаний и планов. Отчасти я Вам в этом завидую, т. е. Вашей страсти к работе, — потому что меня безделье ничуть не тяготит. Скорей наоборот.

Ваш Г. Адамович

¹ Чеквер Рахиль Самойловна (псевд.: Ирина Яссен; 1893–1957) — поэтесса, издательница, меценатка. С 1923 г. в эмиграции в США, член редколлегии журнала «Новоселье» (1942–1950), составительница (совместно с Ю.К. Терапиано и В.Л. Андреевым) антологии «Эстафета» (1948), основательница и фактический директор (в 1949–1957 гг.) издательства «Рифма».

² 12 августа 1956 г. Бунина и Зуров выехали из Парижа в Швейцарию, Вера Николаевна остановилась в Туне, а Зуров отправился в Бриенц, а потом путешествовал по другим городам. Встретились они в первой половине сентября у Татьяны Сергеевны Конюс (урожд. Рахманинова; 1907–1961), младшей дочери С.В. Рахманинова, жены Бориса Юльевича Конюса (1904–1988), в Сенаре, усадьбе, построенной отцом на берегу Люцернского озера. 21 сентября 1956 г. оба выехали обратно в Париж; см. дневник Буниной (Leeds. MS.1067/432), а также письмо Зурова Милице Грин от 15 сентября 1956 г. (Leeds. MS. 1068/2621).

³ Адамович приезжал в Йер к Ивановым на несколько часов 13 сентября 1956 г. по дороге из Ниццы в Париж (см. его сентябрьские письма к ним: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 490–491).

⁴ Вероятно, речь идет о рецензии на 44-ю книгу «Нового журнала», в которой Адамович отозвался, в частности, и о стихах Г.В. Иванова, опубликованных в этом номере: «Четырнадцать стихотворений Георгия Иванова объединены общим названием “Дневник”. И это действительно дневник, если угодно, повесть о чем-то очень личном, очень смутном и очень горестном. <...> Не так часто поэзия, полностью оставаясь поэзией, перестает быть литературой в верленовском, условном, отрицательном значении слова, чтобы можно было ею не заслушаться. <...> Послевоенные стихи Иванова — замечательное явление в нашей литературе. Тихим, приглушенным, вкрадчивым голосом, с причудливым, тончайшим смешением иронии и лиризма, с какими-то неожиданно — “достоевскими”, — из “Кроткой” или из “Бобка”, — интонациями в мелодии, он ведет монолог, ни от кого и ни откуда не ожидая отклика или ответа. Меньше всего от судьбы» (Адамович Г. «Новый журнал» // Русская мысль. 1956. 5 июля. № 921. С. 4–5).

⁵ давление (фр.).

⁶ *Вольская* Нина Борисовна (урожд. Лилиенфельд фон Тоаль; 1891–1957) — литератор. В эмиграции в Ницце, после войны в Париже, сотрудничала в «Иллюстрированной России», «Русской мысли» и «Возрождении».

⁷ *Яконовский* Евгений Михайлович (1903–1974) — инженер, литератор, участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Югославии, затем во Франции, работал инженером-механиком, сотрудничал в «Возрождении»; после войны сотрудник «Граней», «Русской мысли» и «Русского воскресения», секретарь редакции и член редколлегии журнала «Возрождение» (1953–1956).

⁸ Адамович намекает на статью Яконовского, в которой Алданов был назван «мэтром русского романа, духовным наследником Толстого и величайшим русским писателем двадцатого века... одним из любимейших... авторов всех времен» (*Яконовский Е. Глазами читателя // Русское воскресение. 1956. № 56–57. 12–19 июля. С. 4.*)

⁹ я не вижу Вас (*фр.*).

124. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

20 октября 1956 г. Манчестер

20/X-56
104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогой Марк Александрович,

Получил сегодня Ваше письмо — и отвечаю сразу. Мне жаль, что Вы решительно отказались от «банкета»¹. Водову чрезвычайно хотелось его устроить, хотя он и соглашался, что это не должен был быть банкет «Русской мысли» (т. е. — по инициативе «Р<усской> м<ысли>»). Он боялся, что сам — плохой организатор, и думал взять в помощницы С.Ю. Прегель, устроительницу чествования Даманской, где все было «au dessus de la mêlée»². Должно было все происходить в каком-нибудь русском ресторане, конечно, — в отдельном зале, и, м. б., прошло бы неплохо. Водов считал, что, кроме Сперанского — ораторов «настоящих» нет. Но, видя, что я от этого не <в> восторге, решил выписать Степуна.

Ну, теперь все это — в прошлом. Но жаль. Кстати, Цвибак писал мне, что не сочувствует устройству «банкета» в Нью-Йорке — т. к. было бы серо и провинциально, и что он Вам свое мнение сообщил. Может быть, Вас это и испугало? Я думаю, что в Нью-Йорке было бы изобилие ораторов, и Цвибак оказался бы прав. Ну, а в Париже, если один Степун, несколько слов Зайцева и еще что-нибудь короткое — было бы, может быть, иначе. (Кстати, по поводу страхов Цвибака. Вы не любите Розанова, но у него где-то есть удивительная страница о похоронах Толстого: как разные адвокаты спешили на всякие траурные собрания: «Вы будете говорить?» — «N.N. будет говорить, я тоже буду говорить...»³)

Прочел сейчас 80-летие генерала⁴ — и спешу ему написать. Я думал, что это событие еще не скоро. У меня к нему живейшая симпатия, да я и юбилей Леон<ида> Леон<идови>ча пропустил⁵ — и только третьего дня написал ему!

О Гумилеве и Блоке.

Маковский или все забыл, или умышленно «искажает истину»⁶.

Гумилев неизменно отзывался о Блоке как о самом большом современном поэте, — но, правда, любил, чтоб ему возражали, и это всегда было видно по его лицу. Он ведь с Блоком соперничал и литературно враждовал. Думаю, что он чуть-чуть и ревновал к его славе и престижу. Отзывы в печати, по крайней мере в последние 10 лет, были всегда восторженно-почтительные, хотя и с оговорками насчет того, что «символизм» — это прошлое, а теперь эпоха «акмеизма». Я помню дословно отзыв в «Аполлоне» того же Маковского, где Гумилев писал по поводу Блока о «достойном Байрона царственном безумии, влитом в полновзвучный стих»⁷.

А Байрон был для Гумилева *un dieu*⁸, как сочетание поэта с героем и тип «короля жизни». Позднее он так же восхищался д'Аннунцио, т. е. по той же причине.

А что Блок был глуп, — я бы ответил: дай Бог всякому! Тупость в нем, м. б., и была, но в соединении с чем-то близким к мудрости. Никакой «быстроты ума» у него, конечно, не было. Но это свойство не столь ценное, по-моему, если не считать Пушкина и людей его склада. А если Блок иногда и говорил глупости («океан»), то потому, что не успел отрясти прах глупого окружения и глупой эпохи. Он ведь и воротнички носил особо поэтические с особыми галстуками. Все это — не он, а то, что ему навязали.

Кстати, и Гумилев не был глуп, хотя держался Бог знает как и на людях, *roué érater*⁹, говорил чепуху. А когда не ломался, был тоже — дай Бог всякому!

Вам, верно, надоело читать эту литературу. Простите! Но Вы меня сами на нее вызвали.

Получил опять милое письмо о Кусковой. (Сегодня прочел в статье Жерби¹⁰: «незабвенная Е.Д.»!!)

До свидания, дорогой Марк Александрович. Когда Вы собираетесь в Париж? Передайте, пожалуйста, низкий поклон Татьяне Марковне.

Ваш Г. Адамович

Вере Николаевне пишу покаянное письмо. Действительно, я у нее не был — не знаю, как и почему!

¹ Речь идет о 70-летнем юбилее М.А. Алданова, родившегося 7 ноября (26 октября ст. ст.) 1886 г. «Русская мысль» 6 ноября выпустила к юбилею номер со статьями об Алданове Г.В. Адамовича, В.А. Маклакова, Е.Д. Кусковой, Б.К. Зайцева, С.А. Водова и др.

² над схваткой (*фр.*).

³ Адамович имеет в виду запись В.В. Розанова в «Уединенном» (1912): «Поразительно, что к гробу Толстого сбежались все Добчинские со всей России. <...> О Толстом никто не помнил: каждый сюда бежал, чтобы вскочить на кафедру и, что-то проболтав, — все равно что, — ткнуть перстом в грудь и сказать “Вот я, Добчинский, живу, современник вам и Толстому. Разделяю его мысли, восхищаюсь его гением, но вы запомните, что я именно — Добчинский, и не смешайте мою фамилию с чьей-нибудь другой”. <...> В воздухе вдруг пронеслось ликование: “И я взойду на эстраду”. Шум поднялся на улице. Едут спешат: “Вы будете говорить?” — “И я буду говорить” — “Мы все теперь будем говорить”. <...> Это продолжалось, должно быть, недели две. И в эти две недели вихря никто не почувствовал позора».

⁴ 16 октября (4 октября ст. ст.) 1956 г. исполнилось 80 лет общему приятелю Адамовича и Алданова генерал-майору Е.В. Масловскому.

⁵ Л.Л. Сабанеев родился 1 октября (19 сентября ст. ст.) 1881 г. и отмечал свой 75-летний юбилей.

⁶ По-видимому, речь идет о какой-то газетной статье Маковского (первопубликация не выявлена). Вскоре статья «Николай Гумилев» была опубликована в журнале (Грани. 1957. Окт. – дек. № 36. С. 132–152), а позже статьи С.К. Маковского «Александр Блок (1880–1921)» и «Николай Гумилев (1886–1921)» были включены в его книгу «На Парнасе серебряного века» (Мюнхен: Издательство Центрального объединения политических эмигрантов из СССР, 1962. С. 143–175; 195–222).

⁷ В рецензии на «Антологию» книгоиздательства «Мусает» (М., 1911) Гумилев писал: «Александр Блок является в полном расцвете своего таланта: достойно Байрона его царственное безумие, влитое в полновзвучный стих» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. № 7. С. 76*).

⁸ бог (*фр.*).

⁹ для эпатажа (*фр.*).

¹⁰ *Жерби А.* (наст. имя Людвиг Григорьевич Герб; 1873–1966) — журналист, социал-демократ. После революции в эмиграции; с 1932 г. жил в Ницце, с 1941 г. в США, сотрудник «Нового русского слова» и «Русской мысли». Упомянутая Адамовичем его статья не выявлена.

125. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

4 ноября 1956 г. Манчестер

4/XI-56
104, Ladybarn Road
Manchester 14

Дорогой Марк Александрович,

Ко дню Вашего рождения от всей души желаю Вам благополучья, здоровья и долгой хорошей жизни. Иногда желают прожить «столько же!» В нашем с Вами возрасте это, пожалуй, желание и мечтание «бессмысленные». Сколько Бог даст, за все спасибо — но главное, прожить без забот и болезней, передайте, пожалуйста, мое сердечное и самое искреннее поздравление Татьяне Марковне: я уверен, это и ее праздник. Судя по интервью, Вы в этот день пойдете в синама, но, наверно, перед этим посидите с друзьями в Café Mozart, куда я пришел бы, не будь Ницца так далека.

Не пишу ничего больше, т. к., наверно, Вы получите сотни писем, значит, не надо юбиляра утруждать. И, пожалуйста, Марк Александрович, не отвечайте мне! Вы знаете, что я всегда рад Вашим письмам, но в эти дни Вам, вероятно, придется писать с утра до вечера, а я, право, не обижусь, если Вы мне напишете после всех других.

Крепко жму Вашу руку. Мне все-таки не верится, что Вам 70 лет. Вы хорошо сказали как-то: «И как мы это допустили!»

Ваш *Г. Адамович*

126. М.А. АЛДАНОВ — Г.В. АДАМОВИЧУ

24 ноября 1956 г. Ницца

24 ноября 1956

Дорогой (даже очень дорогой) Георгий Викторович.

В Вашем поздравительном письме Вы сказали, что не надо отвечать Вам. Разумеется, не только надо, но более чем — особенно и потому, что Вы написали обо мне такую статью!¹ Она так лестна, что я не могу говорить о ней по существу. Но Вы легко догадываетесь, какое она мне доставила удовольствие. От души благодарю. Знаю, что Вы были и одним из инициаторов моего чествования. И мне совестно, что я благодарю Вас с таким опозданием. Но, действительно, довольно долго писал по 7–10 писем в день, да и теперь мне приходят поздравления, — так, сегодня пришло из Мюнхена от Газданова. И я нахально решил: «Георгий Викторович предлагает ему не отвечать, — отложу ответ ему до той поры, когда станет легче». Так и делаю.

Татьяна Марковна тоже очень тронута Вашей статьей, письмом и вниманием. Вы давно знаете, как она Вас любит и ценит. Просит очень-очень благодарить.

В предпоследнем Вашем письме Вы много говорили о Блоке — по поводу того, что Сабанееву и мне говорил Маковский. Вчера появилась вторая статья Маковского о Блоке, — по-видимому, последняя². Он в печати смягчил то, что говорил в кафе «Моцарт», но все-таки статья вышла жестокая и, на мой взгляд, кое в чем «неотразимая». Вы приводили слова Гумилева о «достойном Байрона царственном безумии». Маковский приводит из того же Гумилева другие слова о Блоке: «Превосходнейший человек, но в поэзии мало смыслит»³. Вероятно, дело идет о *разных* периодах? Я не знаю, что такое «царственное безумие» и у кого оно в самом деле было. Думаю, что у Байрона его не было, — ни царственного, ни обыкновенного. У него был *необыкновенный ум*, чувствующийся и в его письмах, в каждом слове, как у Пушкина, даже еще больше, чем у Пушкина. Люди часто *стараются* писать блестящие письма, зачем-то в них много острят. Байрон, по-видимому, и не старался: лился естественный поток. У Блока этого не было и в помине: лилось нечто совершенно иное, — и в письмах, и в статьях. И я уверен, что Вы, как я, с тягостным чувством прочли у Маковского цитаты с лучезарным взором, пронзающим, как меч, все миры с плеромами и с цветом, «который мне легче (?) назвать пурпурно-лиловым»⁴. Вероятно, Вольский в Париже прочел эти цитаты без тягостного чувства. Уж очень похож *его* Блок на то, что сказано в статье Маковского⁵. И ведь Вы не можете тут сослаться на то, что не меньшевистскому публицисту судить о великом поэте. Не нашел бы такого Вольский у Байрона, Пушкина или Гете. Ум все-таки бесполезен великим поэтам, и дело не в эпохе и не в среде. Бунин был современником Блока и *мог бы* выбрать ту же среду. Это было даже очень легко. Вот на Вас же приблизительно та же среда *ни мало* не отразилась. Давайте сговоримся на том, что Блок был *очень талантливый* поэт и довольно ограниченный, малокультурный человек с «красноватым углем проро-

ка»?⁶ (Хотя что же он предсказал?) Знаю, что Вы не согласитесь и еще выругаете меня крепкими словами.

Нового у нас ничего. В день моего рождения действительно пошли вдвоем в кинематограф.

От нечего делать (ответы на письма — не дело) прочел взятые у генерала романы Ольги Форш. Узнал из них многое: Достоевского в ее время (ведь ей, кажется, 250 лет?) называли Достоевским, т. е. произносили фамилию с ударением на втором слого. Едва ли это верно, — сужу по стиху Тургенева: «Достоевский юный пыщ»⁷. Кант два раза в неделю занимался онанизмом и записывал это в книжечку. Тоже едва ли верно, — нигде отроду я об этом не читал. Больше нового ничего не узнал.

Оба шлем Вам самый сердечный привет, самые лучшие наши пожелания. И еще раз спасибо за все (кроме гипотетических крепких слов).

¹ Имеется в виду статья Адамовича к 70-летию Алданова, появившаяся в юбилейном номере «Нового русского слова»: *Адамович Г. Поклон М.А. Алданову // Новое русское слово. 1956. 4 нояб. С. 3.*

² См. примеч. 6 к письму 124 наст. публ.

³ По всей видимости, устное высказывание Гумилева.

⁴ Отвечая на доклад Вяч. Иванова «Заветы символизма», Блок 26 марта 1910 г. прочитал доклад, текст которого был опубликован под названием «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 21–30). Маковский и Алданов приводят цитаты из этой статьи: «Миры, предстающие взору в свете лучезарного меча, становятся все более зовущими; уже из глубины их несутся щемящие музыкальные звуки, призывы, шепоты, почти *слова*. Вместе с тем они начинают *окрашиваться* (здесь возникает первое глубокое знание о цветах); наконец, преобладающим является тот цвет, который мне всего легче назвать пурпурно-лиловым (хотя это название, может быть, не вполне точно). Золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгорается ослепительно — и пронзает сердце теурга».

⁵ Н.В. Валентинов-Вольский предлагал «Новому журналу», в котором ранее была опубликована его статья об А. Белом, статью «Чревоещатель невнятиц», в которой А.А. Блок предстал лживым, циничным и извращенным пьяницей. М.М. Карпович отказался ее напечатать, и Н.В. Валентинов-Вольский опубликовал сокращенный вариант статьи в газете (Новое русское слово. 1961. 4 июня. № 17618. С. 2; 5 июня. № 17619. С. 2, 3; 6 июня. № 17620. С. 2, 3), а в полном виде включил отдельной главой в свою книгу «Два года с символистами» (Stanford: Stanford University Press, 1969. С. 71–87).

⁶ Алданов имеет в виду строки А.А. Блока «Я безумец! Мне в сердце вонзили / Красноватый уголь пророка!» из стихотворения «Ночная» («Спи. Да будет твой сон спокоен...») (1904).

⁷ Из эпиграммы И.С. Тургенева и Н.А. Некрасова «Послание Белинского к Достоевскому» («Витязь горестной фигуры...») (1846).

127. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

29 ноября 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
29/XI-56

Дорогой Марк Александрович

Большое спасибо за письмо. Я знал, что Вы мне напишете, но не ждал письма раньше, чем через месяц. А получил его раньше.

Водов пишет, что Вы довольны его стараниями, а он доволен тем, что Вы довольны. По-моему, в самом деле *présentation* была недурна и все вышло довольно торжественно, даже, пожалуй, лучше, чем в «Н<овом> р<усском> слове»¹. Он (Водов) в Вас безнадежно влюблен, а Вы не платите ему взаимностью.

Но от него же (вчера) я получил известие, что Вы нездоровы. Что это? Верно или нет? Он пишет, что Вы должны были быть в Париже, но поездку отложили.

Относительно Блока: мы с Вами так часто о нем говорили, что я мог бы только повторить то же самое. «On mordra dans du granit»². Вы пишете: «Согласимся, что он был очень талантливым поэтом». Он был единственным и, как выражается о себе Буров, «неповторимым» поэтом, а талантливых — хоть пруд пруди. Должен признаться (между нами), что статью Маковского я не дочитал, не мог: от скуки и раздражения. Он говорит авторитетным тоном самые обыкновенные *platitudes*³ (и пустяки — вроде «у вечности в руках» вместо «на руках»⁴). А о Гумилеве, т. е. что Гумилев считал, что «Блок в поэзии мало смылит», — совершенно верно. Гумилев это не раз говорил, отчасти из-за того, что Блок не любил его стихов. Но что Блок — плохой поэт, Гумилев не говорил никогда. Он, наоборот, подчеркивал свое преклонение, но — кажется, я уже Вам писал это, — любил, чтобы ему возражали. Гумилев всегда хотел быть «властителем дум» и ревновал к Блоку, который им был в самом деле. Я думаю, *roug en finir*⁵, что теперь начать любить Блока человеку, который не любил его прежде, действительно невозможно. Слишком поздно (немножко как с Вагнером⁶). Но кто любил его «первой любовью», никогда его не разлюбит, *р<отому>* что слишком многое с ним в душе связано. Уверяю Вас, что ту статью о «лиловых мирах» и прочем в «Аполлоне», которую вспоминает Маковский, я знаю местами наизусть. Это может быть бредом, — не знаю, — но не было ложью и притворством.

Достоевский. Ольга Форш совершенно права. Мой отец был ненамного моложе Д<остоевского> и даже однажды был у него, для подписки на «Дневник писателя». Он всегда говорил Достоевский, и в детстве я другого произношения не знал. Вероятно, произносили и так, и так, — но произношение с ударением на о было распространено. А вот насчет Канты и его развлечений — не знал. Ничего невероятного, — кроме записи в книжечку — в этом нет, и если бы все (всё) люди всё обо всех знали, сюрпризов было бы без конца. Может быть, и лучше, что не знают.

До свидания, дорогой Марк Александрович. Кланяйтесь, пожалуйста, Татьяне Марковне и поблагодарите ее за добрые слова, Вами переданные. Я недели через 2–2½ собираюсь быть в Париже. Может быть, приедете и Вы?

Ваш Г. Адамович

¹ Речь идет о номерах «Русской мысли» и «Нового русского слова» с подборками статей к юбилею Алданова.

² «Сломают зубы о гранит» (*фр.*). Адамович приводит окончание фразы, произнесенной Наполеоном на острове Св. Елены: «La postérité ne pourra rien contre moi, on mordra sur du granit» («Потомство против меня бессильно, оно ломает зубы о гранит»).

³ пошлости (*фр.*).

⁴ Маковский придирался к строкам Блока «Ты, как младенец, спишь, Равенна, / У сонной вечности в руках» из стихотворения «Равенна» («Все, что минутно, все, что бrenно...») (1909).

⁵ чтобы закончить (*фр.*).

⁶ Несколькими годами ранее Адамович опубликовал фрагмент «Прощание с Вагнером», позже включенный в «Комментарии»: «Вагнер. Имя незаменяемое, хотя и вызывающее досаду, сомнения: свет сильный, но не вполне чистый. Волшебство, огромным усилием воли достигнутое, но без благодати. Вагнер, да, да, — нестерпимая театральщина, романтизм, почти уже выдохшийся, звуки, оказавшиеся — увы! — все же легковеснее и беднее, чем мы верили. <...> Вагнер — наша круговая порука, будто одним нам только и было понятно, о чем вспоминает Зигфрид перед смертью» (Адамович Г. Из записной книжки // Новоселье. 1947. № 33/34. С. 103).

128. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

31 декабря 1956 г. Париж

7, rue Frédéric Bastiat

Paris 8me

31/XII-56

Дорогой Марк Александрович

Шлю Татьяне Марковне и Вам лучшие пожелания к Новому году. Надеюсь, Вы оба будете здоровы, благополучны. А dans la mesure de possible¹ всем довольны. Вчера начал читать Ваш роман, и жалею, что придется читать с большими перерывами. Начало крайне интересно. А вот «Война и мир» — фильм — привел меня в уныние и ужас². Много хуже, чем я думал, судя по отзывам³.

Крепко жму Вашу руку. До свидания, — но когда и где? Неужели до Ниццы?

Ваш Г. Адамович

¹ По возможности (*фр.*).

² Фильм по роману Л.Н. Толстого поставил на студии «Парамаунт» Кинг Видор в 1956 г., исполнителями главных ролей стали Генри Фонда, Одри Хепберн и Мел Феррер. Адамович вскоре опубликовал рецензию на эту экранизацию, высказав все свои претензии печатно: «Как долго, как скучно! Фильм длится три с половиной часа, однообразно, тягуче, вяло, навевая тоску и дремоту. <...> Одри Хепборн мила, но не более того. <...> Попадают эпизоды остроумные и удачные. Но банальщины и безвкусыя неизмеримо больше» (Адамович Г. «Война и мир» на экране // Русская мысль. 1957. 14 февр. № 1017. С. 5).

³ Свою рецензию Адамович начал с обзора отзывов: «Фильм “Война и мир” имеет очень большой успех. Статей о нем было много, в большинстве случаев восторженных или по крайней мере одобрительных. Андре Моруа, заявив, что считает “Войну и мир”

прекраснейшим из всех когда-либо написанных романов, признался, что испытал в темном зрительном зале то же наслаждение, как и при чтении. Клод Мориак, сын знаменитого романиста, нашел, что на полотне некоторые сцены лучше, нежели у Толстого. В нашей газете была статья за подписью А. Ш. тоже чрезвычайно похвальная, хоть и с отдельными незначительными оговорками. Список можно было бы продолжить, но ясно и так: отзывы о «Войне и мире» были самые положительные» (Там же).

129. Г.В. АДАМОВИЧ — М.А. АЛДАНОВУ

6 февраля 1957 г. Манчестер

[на бланке Манчестерского университета]
104, Ladybarn Road
Manchester 14
6/II-57

Дорогой Марк Александрович

Как Вы живете? Как себя чувствуете? Целый век ничего о Вас не знаю (кроме сведений от Любови Александровны <Полонской>). Никогда не помню, ответил ли я на предыдущее письмо. Если нет, простите. В Париже я, вращаясь в вихре света, переписку запустил, и, может быть, я у Вас в долгу.

С великим интересом читаю «Самоубийство», по крайней мере в тех номерах, которые до меня доходят¹. Газету получает за меня Кантор и мне ее пересылает, но не всегда аккуратно. Я только теперь понял название романа — если понял верно! — и должен сказать, что общее впечатление усиливается еще тем, что в другом виде, с другими людьми и, вероятно, другой развязкой то же самое, в сущности, происходит и теперь: все к «самоубийству» неуклонно идет. Есть во всем этом какая-то «Немезида», как выражались au bon vieux temps², и 21-го века, м. б., в самом деле не будет! Мне чрезвычайно понравилась глава о Морозове, и еще — о Муссолини. Но и все другое замечательно, жаль только, что читать приходится с перерывами и пропусками. Мне всегда неловко говорить авторам, — не всем, конечно, а таким, как Вы, — приятные слова. Во всяком «комплименте» есть что-то не совсем вежливое, но, надеюсь, — Вы примете то, что я пишу, как должно. (Кстати, по поводу слов вообще и внутреннего значения всякого стиля: читали ли Вы — наверно читали — в «Н<овом> р<усском> с<лове>» письма Бунина Толстому?³ И обратили внимание на фразу: «когда можно к Вам завернуть, Лев Ник<олаевич>?»⁴ Меня это «завернуть» ужасно резнуло. Бунину тогда было 20 лет, но таким, каким мы его знали, он наверно «завернуть» Толстому бы не написал!)

Я сейчас вожусь с Конст<антином> Леонтьевым. Замечательный был писатель все-таки, хотя и не романист совсем. И знаете, оказалось, что в новой большой Сов<етской> энциклопедии нет даже его имени⁵. Есть три каких-то Леонтьева, а этого нет! Incroyable⁶.

Как Вам понравилась статья Карповича о Вас?⁷ Он всегда пишет интересно, но как-то уклончиво, в противоположность Ульянову, который уж очень подо-

зрительно «блестящ». Говорят, Карпович считает его заместителем Федотова, но Федотов был лучше, хотя тоже грешил иногда «блеском». Обратите внимание в «Н<овом> ж<урнале>» на стихи Madame Горской о душе и духе⁸. Они украсили бы любой «Будильник» или «Сатирикон». Как они могут такое у себя печатать!

У Вас, наверно, весна, а здесь мгла и мрак, по-прежнему. Кланяйтесь, пожалуйста, сердечно Татьяне Марковне. Ваш племянник Ляля делает карьеру в известных Вам кругах и состоит там общим любимцем, «нашей сменой» и надеждой⁹.

До свидания, дорогой Марк Александрович.

Ваш Г. Адамович

¹ Роман Алданова «Самоубийство» печатался в «Новом русском слове» с 11 декабря 1956 г. по 2 мая 1957 г. (№ 15872–16014).

² в старые добрые времена (фр.).

³ Публикация не выявлена. В библиографии публикаций бунинского эпистолярия она не значится. (См.: Письма И.А. Бунина и его корреспондентов: Библиография. 1896–1997 годы / Сост. С.Н. Морозов // Российский литературоведческий журнал. 1999. № 12. С. 197–213.)

⁴ Не вполне точная цитата из письма И.А. Бунина Л.Н. Толстому от 12 июня 1890 г. У Бунина: «Напишите же, глубокоуважаемый Лев Николаевич, могу ли завернуть к Вам и когда?» (Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2003. С. 31).

⁵ Вскоре Адамович посвятил этому отдельную статью: Адамович Г. Мракобесие // Новое русское слово. 1957. 19 мая. № 16031. С. 8.

⁶ Невероятно (фр.).

⁷ Карпович М. Комментарии: Алданов и история // Новый журнал. 1956. № 47. С. 255–260.

⁸ Адамович имеет в виду стихотворение Антонины Алексеевны Горской (урожд. Подерни, по мужу Гривцова; 1893–1972) «Душа смиренна. Дух мятежен...» (Новый журнал. 1956. № 47. С. 107).

⁹ Речь идет о масонских собраниях. Александр Яковлевич Полонский (1925–1990) был посвящен в масоны в ложе «Юпитер» 20 октября 1955 г. (среди проводивших опрос был Адамович), через год возведен во вторую степень, а еще через год в третью, позже был помощником эксперта, помощником секретаря. Подробнее см.: Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энцикл. словарь. М., 2001. С. 654, 1176, 1203.

130. М.А. АЛДАНОВ – Г.В. АДАМОВИЧУ

13 февраля 1957 г. Ницца

13 февраля 1957

Дорогой Георгий Викторович.

Пожалуйста, простите, что отвечаю на Ваше столь милое, очень меня радовавшее письмо с небольшим опозданием. Вы, верно, знаете, что во Франции какая-то странная почтовая забастовка, переходящая из одного города в другой, в Ницце она продолжалась два дня и, как на беду, как раз в такое время, когда надо было писать по спешным делам.

Мы очень расстроены. Вам, верно, известно уже, что Веру Алексеевну Зайцеву¹, жену Бориса Константиновича, разбил удар, отнялась вся правая часть тела, потеряна способность речи. К ней никого не пускают. Что может случиться с человеком хуже, если не какой-нибудь рак! Даже нельзя желать «выздоровления».

Сердечно благодарю за то, что Вы пишете о «Самоубийстве». Прежде для меня имело самое большое значение мнение Ивана Алексеевича, а потом Ваше. Теперь Ваше для меня важнее всех других. Роман печатается без авторской корректуры в очень плохом виде, но я знал, что иду на это, и поступить иначе не мог. В «Новом журнале» мне присылали бы корректуру и выходило бы в этом отношении хорошо, однако там роман растянулся бы на три года. Разве я могу столько ждать! Ошибки, перестановки, пропуски, все это можно было бы исправить в отдельном издании, да его никогда не будет. Кажется, Вы тоже, как Сабанеев, говорили, что природа пустоты не терпит, что вместо Чеховского издательства должно создаться другое? Где оно?

Вы справедливо ругаете стихи поэтессы «Нового журнала». Эпиграф, кажется, из Бердяева! Если было что-то уж совершенно Бердяеву чуждое, то, верно, поэзия и литература вообще. А все-таки непонятно мне, почему в упадке эмигрантская поэзия? Беда эмигрантской прозы в значительной мере в том, что ее сюжеты не могут быть интересны (или уж это так с художественной прозой вышло). Вот Иванников талантливо пишет, но почему такой ничтожный и противный сюжет?² Дело, конечно, не в «отрицательных типах», — Вы, наверное, и не думаете, что я имею в виду *это*, — а в том, что сюжет именно ничтожен и не интересен. К поэзии же это относиться не может. Да и общая материальная бедность у поэтов давит меньше, хотя и давит. Впрочем, долго об этом говорить, в письме выходит и непонятно.

Вы говорите о стиле письма Бунина к Толстому. Первый я этого не сказал бы, но теперь каюсь; меня тоже чрезвычайно резнули и отдельное слово, и весь тон его обращения к Толстому (начиная со слова «многоуважаемый»). Неужели Иван Алексеевич тогда был другой?! Кстати, письма И<вана> А<лексеевича> напечатаны в «Н<овом> р<усском> слове» не целиком.

Согласен с Вами относительно Константина Леонтьева, я о нем писал в «Ульмской ночи» как об очень выдающемся писателе. Отдельные мысли в особенностях у него часто бывали удивительные. От Сов<етской> энциклопедии у меня было впечатление, что твердой «литературной политики» у них не установилось, — по крайней мере, в отношении прошлого. Иногда цитировали и даже хвалили «реакционеров», чаще замалчивали, как Леонтьева.

Погода у нас действительно прекрасная, но настроение у меня и у Т<атьяны> М<арковны> никак не весеннее. Иногда становится совсем худо. Ах, как жаль, как жаль (говорю с полнейшей искренностью, «сто процентной»), что Вы не живете в Ницце: так хотелось бы с Вами поговорить «обо всем». Кстати, не так давно, хотя Масляная еще не наступила, мы с Масловским и Сабанеевым (они для поднятия настроения пили водку) ели блины у Ретинского³, и Леонид Леонидович, со слов госпожи Шимкевич⁴, сообщил, что Вы приедете в Ниццу на Пасху! Верно ли это?

Шлем Вам оба самый сердечный, дружественный привет, лучшие наши пожелания. Не забывайте, очень прошу.

Не знал, что Ляля считается у масонов «нашей сменой и надеждой». Кто это Вам говорил?

¹ *Зайцева* Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, по первому мужу Смирнова; 1878–1965) — жена Б. К. Зайцева с 1912 г.

² *Иванников* М. Заговор // Новый журнал. 1956. № 46. С. 5–24.

³ *Ретинский* (Ратинский) Павел Петрович (1896–1970) — предприниматель, меценат, после революции в эмиграции в Ницце, хозяин магазина и ресторана «Рысак».

⁴ Неустановленное лицо.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г.В. АДАМОВИЧ — Т.М. АЛДАНОВОЙ

23 февраля 1959 г. Манчестер

3, Scarsdale Road
Victoria Park
Manchester
23/II-59

Дорогая Татьяна Марковна.

Мне хочется написать Вам несколько слов к годовщине Марка Александровича, хотя что именно написать, не знаю: Вы это поймете сами. Повторять, что в словах ничего не выразишь, как будто бы ни к чему, но ведь действительно это так! Есть люди, которых нельзя забыть, и Марк Александрович был одним из таких, очень редких людей. Я не могу сказать, что был его ближайшим другом: наверное, у него были друзья гораздо ближе меня! Но в памяти у меня остался след навсегда от наших встреч и бесед, от всего его душевного облика, даже как будто от всего, чего он по своей сдержанности не успел и не хотел сказать, о чем промолчал.

Вы, наверно, будете в один из ближайших дней на кладбище. Пожалуйста, положите на могилу М.А. какой-нибудь, самый маленький цветок от меня. Это — не сентиментальность, не условность, это — то, что мне сейчас хотелось бы сделать самому.

Ваш *Г. Адамович*

ПИСАТЕЛЬ И ПАПАРАЦЦИ:
ИТАЛЬЯНСКИЕ ИНТЕРВЬЮ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

*Предисловие, подготовка текста и примечания Н.Г. Мельникова;
перевод с итальянского Е.В. Лозинской, А.Ю. Магадовой*

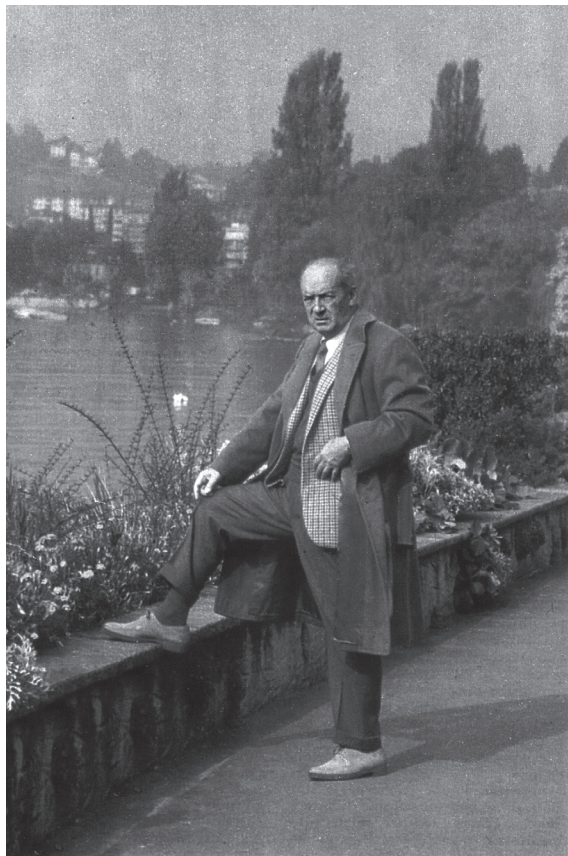
За свою долгую писательскую карьеру Владимир Набоков обращался едва ли не ко всем большим и малым жанрам художественной и нехудожественной литературы. Роман, рассказ, новелла, поэма, трагикомедия, драма, эссе, рецензия, литературоведческий комментарий — в каждый из этих жанров он привнес что-то новое, везде проявил себя как взыскательный художник, который не довольствуется привычными схемами и трафаретами, не вмещается в заранее заданных рамках. Не претендуя на роль разрушителя-авангардиста, он «никогда не ломал хребет традиции», а «лишь переставлял внутренние органы — с менее эффективными, но более жизнеспособными результатами»¹: например, переворачивая онегинскую строфу (в «Университетской поэме»), скрещивая роман с философским трактатом о времени («Ада») или выращивая причудливый гибрид из поэмы, не имеющего к ней прямого отношения циклопического комментария и путаного именного указателя («Бледный огонь»).

Столь же творчески Набоков подошел и к такому маргинальному с точки зрения высокой литературы жанру, как интервью, который стал для него особенно важным в после-«Лолитный» период творчества, когда «незаметнейший писатель с непроизносимым именем» превратился во всемирно известного автора скандального бестселлера.

Во многом благодаря интервью, с конца 1950-х раздававшимся направо и налево падким на сенсации журналистам и телевизионщикам, Набоков и сформировал доживший до наших дней и не потускневший имидж эксцентричного гения, не подверженного никаким литературным влияниям и презирающего подавляющее большинство писателей — как классиков, так и современников, — надменно-го аристократа, равнодушного к «мерзкой гражданской суете», интересующегося лишь бабочками и «сочинением загадок с изящными решениями»². Образ каприз-

¹ Высказывание Набокова о Пушкине из письма Эдмунду Уилсону от 16 июня 1942 г., в полной мере применимое и к нему самому, цитируется по публикации: «Хороший писатель — это в первую очередь волшебник...»: Из переписки Владимира Набокова и Эдмунда Уилсона / Сост. и пер. с англ. А. Ливерганта; вступ. ст. и коммент. Н. Мельникова // Иностранная литература. 2010. № 1. С. 106.

² Подробнее о публичной персоне Набокова, а также об особенностях набоковских интервью см.: Мельников Н. Сеанс с разоблачением, или Портрет художника в старости // Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Ред.-сост. Н.Г. Мельников. М., 2002. С. 7–50; Он же. «Творимая легенда» Владимира Набокова: О «литературной личности» писателя // Русская словесность. 2003. № 1. С. 11–20.

В.В. Набоков. Монтрё.

Фото из журнала «Рапогата». 6 ноября 1969.

Фотограф Джузеппе Пино (Giuseppe Pino)

ного мэтра и сноба, который и по сей день отбрасывает тень на набоковские произведения (но, к счастью, не заслоняет от чутких читателей их смыслового богатства), целенаправленно внедрялся Набоковым в сознание читателей на протяжении всего швейцарского периода творчества. Помимо предисловий к переводам русскоязычных романов, именно интервью стали той площадкой, на которой он мог отчетливо формулировать свои эстетические принципы, казнить и миловать собратьев по перу (первое происходило чаще), а при необходимости пояснить недогадливым читателям и критикам, как надо и как не надо воспринимать его творения, в чем заключается их «простая и изящная суть». При этом журналисту, как правило, отводилась чисто вспомогательная роль: не равноправного участника диалога, а скорее подносчика снарядов (если не стеночки для теннисной разминки). Хорошо известно, что

Набоков соглашался отвечать на заранее оговоренные вопросы интервьюеров только в письменной форме, причем список вопросов мог быть изменен, сами вопросы — отредактированы, поэтому бедолаге интервьюеру приходилось выкручиваться, чтобы залатать дыры в тексте и, связав концы с концами, придать ему характер непринужденной беседы. Со временем писатель дошел до того, что стал требовать от редакторов периодических изданий авторские права на тексты интервью — на это, кстати, соглашались далеко не все из них.

В ноябре 1973 г. нью-йоркское издательство «Макгро-Хилл» выпустило сборник нехудожественной прозы «Твердые суждения», основу которого составили отредактированные Набоковым интервью — главным образом из англо-американских газет и журналов. К тому времени представители американской и европейской прессы взяли у него не менее сорока интервью. В книгу же вошла лишь половина из них (плюс два текста, целиком написанные самим Набоковым и стилизованные под интервью). Причины подобного отсева вполне очевидны. Отбирая материал

для сборника, должного окончательно выкристаллизовать его литературную личность, Набоков, во-первых, стремился избежать повторов, которыми изобиловали его «беседы» с журналистами, а во-вторых, забраковал тексты, принадлежащие к гибриднему жанру «эссе-интервью», где первую скрипку играл интервьюер, вместо точной передачи беседы потчующий читателя рассказом о встрече с «одним из самых оригинальных прозаиков нашего времени» (К. Константины), рассуждениями (зачастую весьма банальными) о его творчестве, о его биографии, о замкнутом образе жизни в роскошном «Палас-отеле» и т. п. Вопросно-ответная часть занимала в них весьма скромное место, а «твердые суждения» великого В.Н., вкрапленные в текст, напоминали крохотные островки в разливанном море журналистской болтовни или, еще хуже, пересказывались говорливым собеседником.

Была и еще одна, чисто языковая причина, по которой «последний из великих модернистов XX века» (А. Кейзин)³ не включил в сборник интервью, ранее опубликованные в немецких, итальянских и французских изданиях, — ведь в 1950–60-е гг. он позиционировал себя именно в качестве американского литератора и все свои произведения, в том числе и «Твердые суждения», предназначал прежде всего для англоязычного книжного рынка. К тому же французским языком писатель владел не с таким блеском, как английским⁴, а немецкого и итальянского и вовсе не знал (с немецкими и итальянскими интервьюерами он изъяснялся либо по-английски, либо по-французски). Необходимость полного или частичного перевода на английский язык французских, итальянских или немецких интервью сделала их неконкурентоспособными по сравнению с текстами, напечатанными в англоязычных газетах и журналах.

«Прежде всего я писатель, а мой стиль — это все, что у меня есть», — писал Набоков одному из своих интервьюеров, Роберту Хьюзу, настаивая на серьезных сокращениях в распечатке «импровизированных» фрагментов телеинтервью 1965 г., поскольку был «крайне огорчен и подавлен своими неподготовленными ответами», которые оказались «скучными, плоскими, изобилующими повторами, с неуклюже построенными фразами, и все шокирующим образом отличаются от того, как я пишу»⁵. Что уж тут говорить о стиле спонтанных интервью, которые обескураженный от свалившейся мировой славы писатель раздавал настырным журналистам во дни «l'affaire Lolita»? Сыграв свою роль в создании паблисити «мистеру “Лолита”», эти тексты позже не были востребованы ни им самим, ни англоязычными исследователями его творчества, хотя знакомство с некоторыми из них многое бы прояснило в непрозрачных набоковских творениях.

³ Цит. по: Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост., подгот. текста Н.Г. Мельникова, О.А. Коростелева. М., 2000. С. 597.

⁴ Этого не скрывал и сам Набоков. В телеинтервью Бернару Пиво (май 1975 г.) он заявил: «Французский же язык, а точнее — мой французский, ибо это уже нечто особенное, никак не желает покориться терзаниям и пыткам моего воображения. Его синтаксис не позволяет мне вольностей, которые самым естественным образом возникают на двух других языках» (цит. по: Набоков о Набокове и прочем. С. 394).

⁵ *Nabokov V. Selected Letters. 1940–1977 / Ed. by D. Nabokov and Matthew J. Bruccoli. N. Y., 1989. P. 381–382.*

В частности, предотвратило бы пустопорожнюю и бесплодную дискуссию, до сих пор не утихающую среди западных «набокоедов», — об «истинном авторстве» поэмы «Бледный огонь» и комментария к ней. В своих «неканонических» интервью Набоков высказался на сей счет более чем определено: «Эта книга, в основу которой положены новые литературные приемы, в своей первой части повествует о жизни и творчестве вымышленного поэта, затем же следуют бредовые комментарии его исследователя, безумца и главного героя романа»⁶; «Эта книга гораздо веселее других, в ней запрятано много изюминок, и я надеюсь, кто-нибудь их обнаружит. Например, малосимпатичный комментатор — вовсе не бывший король Земблы и не профессор Кинбот, а сумасшедший русский профессор Боткин (Botkine). В его комментарии много замечаний, касающихся энтомологии, орнитологии и ботаники. Рецензенты утверждают, будто я втиснул в роман мои любимые темы. Но они не заметили, что Боткин в них ничего не смыслит и все его замечания чудовищно ошибочны... Никто не заметил, что мой комментатор покончил с собой, прежде чем завершил указатель к книге: в последнем пункте нет постраничных ссылок»⁷.

Таким образом, до сих пор европейские и американские набокофилы довольствуются лишь избранными, «шибко избранными» текстами из «Твердых суждений», в то время как многие весьма любопытные англоязычные и иноязычные интервью остаются погребенными в толщах периодики.

Русским читателям в этом плане повезло гораздо больше: в сборник «Набоков о Набокове и прочем» (2002) помимо «канонических» текстов из «Твердых суждений» вошли переводы наиболее содержательных интервью из американской и европейской периодики, в том числе шесть французских интервью и одно — в переводе с итальянского. Чуть позже в качестве своеобразных спутников «Набокова о Набокове» при моем участии были опубликованы переводы нескольких интервью-эссе, по своим жанровым особенностям не вписавшихся в книгу⁸.

Материалы разноязычных интервью-эссе, которые, по сути, представляют собой очерки и литературные портреты с куцыми вставками прямой речи Набокова, были задействованы при составлении сборного интервью, вобравшего в себя более десятка публикаций из западной периодики 1950–70-х гг.⁹ В соответ-

⁶ L'Écrivain Vladimir Nabokov aime Montreux et adore les papillons // Journal de Montreux. 1964. 23 jan. P. 2. (Пер. с фр. М. Дадяна.)

⁷ Dolbier M. Books and Authors: Nabokov's Plums // New York Herald Tribune (American edition). 1962. 17 June. P. 5.

⁸ Набоков о Набокове / Пер. с фр. М. Дадяна; публ. и вступ. заметка Н. Мельникова [переводы вопросно-ответной части двух франкоязычных интервью: *Mercadié C.* Sur la Promenade des Anglais Vladimir Nabokov le père de «Lolita» a planté sa tente de nomade // Nice-Matin. 1961. 13 avr. P. 5; L'Écrivain Vladimir Nabokov aime Montreux et adore les papillons // Journal de Montreux. 1964. 23 jan. P. 1–2] // Литературная газета. 2002. 3–9 июля. № 27. С. 7; Мельников Н. Набоков после «Лолиты»: Неотлакированное интервью «великого В.Н.» [перевод интервью-эссе: *Macrae R.* Nabokov, butterflies, and the Cote d'Azur // Daily Express. 1961. 8 Apr. P. 6] // Московские новости. 2002. № 21. С. 31; Современная любовь глазами автора «Лолиты»: Из интервью Владимира Набокова Альберто Онгаро [*Ongaro A.* L'Amore Oggi: Visto dall'autore di «Lolita» // Europeo. 1966. 23 giugno. P. 28–33] // Вопросы литературы. 2005. № 4. Июль – авг. С. 68–75. (Пер. с ит. М. Вайзеля.)

⁹ Набоков В. «Знаете, что такое быть знаменитым писателем?»: Из интервью 1950–1970-х годов / Сост. и предисл. Н. Мельникова; пер. Н. Мельникова, М. Дадяна, Е. Лозинской // Иностранная литература. 2003. № 7. С. 208–219.

ствии с композиционными принципами, выработанными в «Твердых суждениях» (например, при воспроизведении интервью 1971 г. Курту Хоффману), почти все вопросы интервьюеров были опущены, а набоковские ответы сгруппированы по тематическому принципу и снабжены заголовками. Основу этого монтажа составили фрагменты интервью, появившихся в разномастных англоязычных и франкоязычных изданиях: от крупнейших газет («New York Herald Tribune (American edition)», «New York Times Book Review», «Los Angeles Times», «Observer») и глянцевого монстра типа «New York Times Magazine», «People» и «Vogue» до малотиражных эстетских журналов и университетских ежеквартальников («Arts», «Ivy magazine», «Nouvelles littéraires», «Russian Literature Triquarterly» и др.).

В гораздо меньшей степени были задействованы итальянские образчики жанра, в частности очерк Роберто Табозци «Царь Набоков», опубликованный в 1969 г. в миланском журнале «Panorama»¹⁰. И в этом, и в других итальянских «интервью» прямая речь Набокова представлена скупо — по сравнению с рассуждениями журналистов, их мнениями, замечаниями и вопросами (порой неотличимыми от полемических реплик). Неудивительно, что ни одно из итальянских интервью не вошло в «Твердые суждения»: в отличие от канонических набоковских интервью здесь безраздельно господствует интервьюер, а интервьюируемый превращен в диковинного персонажа, «l'eccentrico romanziere», чьи реплики передаются весьма выборочно и лишь дополняют ту характеристику, которую дает ему его собеседник.

Теперь, в 2010-е гг., когда набоковомания в нашей стране не думает утихать и даже черновик незаконченного романа сделался сенсацией, ни у кого, надеюсь, не возникнет сомнений в том, что всеми забытые итальянские интервью Набокова, эти, как выразился бы Юрий Тынянов, «факты быта» знаменитого писателя, в полной мере можно воспринимать как полноценные «литературные факты».

* * *

Первые интервью итальянским журналистам Набоков дал во время рекламного тура осени 1959 г., когда он посетил Париж, Лондон и Милан, чтобы участвовать в презентациях местных изданий «Лолиты». На родину Данте и Леопарди Набоковы прибыли в ноябре 1959 г. из Лондона, вскоре после триумфального банкета в отеле «Риц», на котором английский издатель скандального романа Найджел Николсон громогласно объявил о том, что после долгих парламентских дебатов правительство решило не возбуждать судебного иска против романиста и его «бедной американской девочки».

Как и в Лондоне, в Риме, в Генуе, Милане и даже на Сицилии, куда в поисках солнца добрались Набоковы, их осаждали репортеры и фотокорреспонденты. Если верить Стейси Шифф, «одного пришлось буквально спустить с лестницы»¹¹. Изрядно устав от назойливого внимания представителей «четвертой власти», но благоразумно не желая отказываться от них как от главного инструмента публицити, Набоков соглашался на групповые встречи с итальянскими журналистами, во время которых настойчиво давал понять собеседникам, что перед ними — не

¹⁰ Tabozzi R. Lo Zar Nabokov // Panorama. 1969. 6 Nov. P. 50–56.

¹¹ Шифф С. Вера: Миссис Владимир Набоков. М., 2002. С. 346.

случайно пригретый славой автор-однодневка, а знающий себе цену Мастер, с уникальным видением мира и своеобразными представлениями о литературе. Как и при встречах с американскими и английскими журналистами, «*l'eccentrico romanziere*» ошарашивал своих итальянских визави нелестными отзывами о литературных авторитетах. Например, корреспонденту «*Giorno*» он заявил, что не испытывает никакой симпатии к «стремительной и автоматичной» манере письма Стендаля: «На мой взгляд, его нельзя назвать в полной мере художником, ему недостает стиля»¹². Когда же интервьюер завел речь на тему литературных сопоставлений и (в который раз!) сравнил писателя с Джозефом Конрадом, Набоков протестовал столь же решительно, как и в своих американских интервью: «Я не принимаю подобного сравнения. Во-первых, Конрад писал произведения исключительно на английском языке, в то время как я, еще до “Лолиты”, написал на русском восемь книг, которые обеспечили мне если и не известность, то определенную литературную репутацию. Во-вторых, я считаю себя автором для взрослых, а Конрада — скорее юношеским писателем, уступающим в мастерстве Кипплингу. Более того, у него тяжеловесный английский, его глухие периоды не скрывают грубой работы ремесленника»¹³.

Подобные «твердые суждения», да и сама уверенная манера новоиспеченного литературного гуру, судя по всему, производили сильное впечатление на интервьюеров: «Популярность “Лолиты” поразила ее создателя? Возможно. Но она застала его прекрасно к ней подготовленным, — рассуждал корреспондент «*Giorno*». — В этом русском аристократе с наружностью американского профессора чувствуется уверенность и гордость, слегка окрашенная изысканной учтивостью и совершенными манерами. “Лолита” означает, кажется, его первый успех, но вовсе не последний»¹⁴.

Эти слова оказались пророческими. После публикации «Бледного огня» и перевода на основные европейские языки целой россыпи русскоязычных романов, наконец-то востребованных издателями, Набоков обрел статус непререкаемого литературного мэтра и превратился в «великого мандарина американской прозы» (М. Скэмел)¹⁵.

Именно в этой роли он предстал перед итальянскими журналистами, в конце октября 1969 г. съехавшимися в Монтрё в связи с выходом итальянского перевода «Ады», подготовленного издательством «Мондадори» всего спустя семь месяцев после первого англоязычного издания.

¹² *Napolitano G. Anche tra le fartale ha scoperto una «ninfetta» // Giorno. 1959. 19 Nov. P. 5.* (Пер. с ит. А. Магадовой.)

¹³ *Ibid.* Ср. с реакцией на то же сравнение с Конрадом в интервью американским журналистам: «Меня слегка раздражают сравнения с Конрадом. Не то чтобы я был недоволен в литературном плане, я не это имею в виду. Суть в том, что Конрад никогда не был польским писателем. Он сразу стал английским писателем» (*Breit H. Talk With Mr. Nabokov // New York Times Book Review. 1951. 1 July. P. 17*); «...мое отличие от Джозефа Конрадикально. Во-первых, он не писал на своем родном языке, прежде чем стать английским писателем, и, во-вторых, сегодня я уже не переносу его полированные клише и примитивные конфликты» (телеинтервью Роберту Хьюзу; цит. по: Набоков о Набокове и прочем. С. 171).

¹⁴ *Napolitano G. Anche tra le fartale ha scoperto una «ninfetta».*

¹⁵ Цит. по: Переводы Набокова, или Сотрудничество по переписке // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 277.

Согласно Брайану Бойду Набокову «пришлось согласиться на шесть интервью с итальянскими корреспондентами»¹⁶. Мне удалось разыскать тексты четырех интервью, которые, судя по совпадениям, были даны монтрёйским небожителем во время группового сеанса в «Палас-отеле». Помимо литературного портрета Роберто Табози «Царь Набоков», отчасти использованного в уже упомянутой публикации 2003 г., это тексты из миланской газеты «Corriere della Sera»¹⁷, римской «Messagero»¹⁸ и туринской «Stampa»¹⁹.

Переводы этих импровизированных, спонтанных интервью (с небольшими сокращениями пояснений интервьюеров) я и предлагаю вашему благосклонному вниманию.

Конечно, вряд ли они откроют что-то принципиально новое в публичной персоне Набокова и в его воззрениях на литературу и писательское мастерство. Но все же они представляют безусловный историко-литературный интерес, поскольку содержат в себе блестящие апофеизмы, которыми Набоков любил щеголять перед интервьюерами. К тому же они добавляют любопытные штрихи к портрету писателя, представленного не биографом, безнадежно влюбленным в объект своего исследования (мой поклон Брайану Бойду!), а с точки зрения независимого наблюдателя — пусть даже и весьма критически настроенного, как в случае с Костанцо Константино, — чьи непосредственные впечатления от общения с классиком не менее интересны, чем глубокомысленные опусы об «эстетическом пэттернировании прошлого» или «интертекстуальных переключках», коими пробавляются нынешние препараты набоковских произведений.

Клаудио Горльер

ФЕХТОВАНИЕ С НАБОКОВЫМ

Новый роман стоил русско-американскому писателю пяти лет работы. —
«Я наследник самого себя»

В свои семьдесят лет Владимир Набоков не довольствуется манипуляциями с собственной популярностью. Новый роман «Ада»¹ в США повторяет успех «Лолиты», а тем временем Тони Ричардсон уже экранизировал «Смех во тьме»². Русско-американский писатель отдыхает («Ада» стоила ему, кажется, пяти лет ежедневной восьмичасовой работы³), читая и препарирруя свои труды о бабочках, здесь, в Монтрё, в одной из тех необъятных и анахроничных гостиниц в духе *belle époque*⁴, некогда посещаемых персонажами Джеймса или Тургенева и, разумеется, самого Набокова. Не склонный к громкой рекламе, Набоков не избегает эпизо-

¹⁶ Бойд Б. Владимир Набоков: Американские годы. М.; СПб., 2004. С. 682.

¹⁷ Gorlier C. La scherma di Nabokov // Corriere della Sera. 1969. 30 Ott. P. 12.

¹⁸ Costantini C. Per Nabokov non esiste crisi del romanzo // Messagero. 1969. 2 Nov. P. 3.

¹⁹ Tumati G. Signor Nabokov, un'altra «Lolita?» // Stampa. 1969. 30 Ott. P. 3.

дических встреч с некоторыми гостями, журналистами и критиками (коих недолюбливает) и не уклоняется от вопросов, хотя и отвечает остротами и чересчур личными рассуждениями — например, говоря о своем «побеге» в Швейцарию, страну, которую принято считать зажиточной и в то же время скупой на фантазию и чувства. Выбор писателя, возможно, отражает отказ от Америки или, выражаясь общим языком, от безликой и нивелирующей жизни мегаполиса?

«Не нахожу ничего более скучного, чем политические страсти в странах менее удачливых, чем Швейцария. Здесь мир и справедливость. Готов признаться, что предпочитаю честного швейцарского торговца дюжине поэтических посредственностей любой другой страны. Улицы швейцарского города такие же оживленные, как и улицы Бостона или Багдада. Я не согласен с тем, что процветание и механизация нечто анонимное и нивелирующее. Нет ничего более безликого и нивелирующего, чем бедность. Мой выбор вызван не только отсутствием политических бурь, но и предпочтениями семьи. <...> Я вспоминаю об Америке с любовью и ностальгией, надеюсь туда вернуться и задержаться там подольше, как только найду необходимую мне энергию».

Внезапно возникает вопрос: подходит ли к нему этикетка «американский писатель»?

«С 1920-го по 1939-й я был русским эмигрантом и писал на родном языке. После 1940-го я стал гражданином США. Да, я горд тем, что считаюсь американским писателем».

А теперь поговорим о литературе: здесь Набоков делается все более уклончивым. Ему нравится играть, замечаю я, со своими героями, указывать на механизмы устройства своих романов, комментировать. Его вера в литературу не допускает чужих вторжений. Но в таком случае разве он не подвергает читателя опасности, расставляя ему ловушки, вовлекая его в шествие перед вереницей зеркал?

«Я абсолютно равнодушен к литературным течениям. У меня есть ограниченный список любимых книг, в том числе и моих, и в этом — моя единственная связь с литературой».

Вопреки немного раздосадованной учтивости Набокова опрос становится похожим на стремительную атаку, поиск секретного укола, способного уязвить хорошо защищенного привника. Поэтому затронем тему набоковского языка, такого богатого, перегруженного, полного изоощренных изобретений и окрашенного авторской иронией. Эта ирония никогда или почти никогда не рождается из джойсовских приемов, игры слов, не правда ли?

«Да, естественно. Ирония, основанная на игре слов, еще хуже, чем ирония сама по себе. То, что некоторые читатели воспринимают как иронию, — всего лишь способ моего видения мира. Порой ирония — это лишь некто, поздно возвращающийся с маскарада и однажды утром застающий врасплох ничего не ведающих домохозяек. Словесные маневры, поражающие моих критиков, — пригоршня конфетти на пороге дома».

И все же звук и ритм становятся смысловыми означающими набоковской страницы. Этот факт можно принять, но лишь в качестве дополнительного аспекта. Суть в другом. В чем же? Мир романов Владимира Набокова лишен окон: дей-

ствительность — прерогатива персонажей, истории, их истории. По сравнению с таким подходом и Пруста можно было бы считать реалистом.

«Я никогда не понимал, почему история, предположим, семьи виноградарей или социологический роман о рабочем должны производить больший эффект реальности и вызвать больший интерес, чем, скажем, рассказ о безвестном ботанике. Все предметы и элементы индивидуальной действительности ограничены: это не только постулат искусства, но и принцип органики».

Рядовой читатель готов согласиться с этим указанием? Он читает роман в том ключе, который сообщил ему писатель? Наблюдение обретает смысл, когда присутствуют элементы эротики, непристойности или порнографии, как, например, в случае с современной беллетристикой.

«Порнография меня несколько не интересует. Мне известно, что существуют читатели, пролистывающие солидный роман, останавливаясь лишь на словах “ночь” и “нагой” или “нагая”. Но вместе с тем они не хуже тех, кто читает Толстого в надежде узнать об условиях жизни в старой России или Данте, дабы ощутить, каково находиться в аду. В действительности я готов принять любых читателей, исключая тех, кто берет книги взаймы вместо того, чтобы их купить».

(Это не отменяет того, что Набокову мучительно нездоровое истолкование некоторыми читателями «Лолиты», этой «невиннейшей и чистой книжки».) Секс, настаивает Набоков, это элемент, структура («как цветы и фрукты для Караваджо»). Там нет символических значений или философских подтекстов. Защитная «стойка» Набокова не ослабевает даже при ответе на вопросы, о каких структурных моделях он размышляет, к какой литературной традиции принадлежит.

«В моих русскоязычных произведениях я создал собственную традицию. В плане техники я не чувствую себя ничьим кредитором — идет ли речь о моих русских или английских вещах. В каком-то смысле я унаследовал самого себя»⁵.

Возможно, это и есть самый разоблачающий ответ пожилого русского эмигранта, американского гражданина, космополита старого образца, который в своем элегантно замаскированном высокомерии, во внезапном упорстве («я не желаю говорить о Джойсе») всем своим видом стремится нивелировать какое-либо литературное прошлое позади себя. Или же так: Россию, уже пятьдесят лет прекратившую свое существование.

Перевод А.Ю. Магадовой

¹ Благодаря мощной рекламной поддержке, организованной издательством «Макгро-Хилл», один из самых сложных романов Набокова стал бестселлером в США и занял четвертое место в книжном рейтинге «New York Times». Подробнее о рецепции «Ады» в англоязычном литературном мире см.: Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве Владимира Набокова / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост., подгот. текста Н.Г. Мельникова, О.А. Коростелева. М., 2000. С. 444–451.

² Фильм английского режиссера Тони Ричардсона (Richardson; 1928–1991), снятый по англоязычной версии романа «Камера обскура», вышел на экраны в мае 1969 г. (в главных ролях Анна Карина и Никол Уильямсон), но не снискал одобрения у критиков и не пользовался успехом у массового зрителя.

³ Набоков приступил к написанию «Ады» в феврале 1966 г., хотя первые наброски романа были сделаны уже в 1959 г.

⁴ прекрасной эпохи (*фр.*).

⁵ Столь же решительно на тему о влияниях Набоков высказался в беседе с корреспондентом журнала «Panorama»: «Единственные писатели, у которых я в долгу, — это Федор Годунов, Себастьян Найт, Адам Крут, Джон Шейд и Ван Вин, герои моих романов» (*Tabozzi R. Lo Zar Nabokov // Panorama. 1969. 6 Nov. P. 56; пер. А. Магадовой*).

Гаэтано Тумьяти

ЕЩЕ ОДНА ЛОЛИТА, ГОСПОДИН НАБОКОВ?

«Господин Набоков, вы создали образ нимфетки, многие ваши книги построены вокруг подростковой любви, в том числе и ваш новый роман “Ада, или Эротиада”. К этой теме вы постоянно возвращаетесь. Как вы объясните это постоянство?»

Владимир Набоков, 70 лет (*«я родился в Санкт-Петербурге в 1899 году, 23 апреля, в один день с Шекспиром и Ширли Темпл¹»*), автор «Лолиты» и еще пятнадцати романов, человек, которого ряд критиков считают самым значительным из ныне живущих и пишущих на английском языке, остается невозмутимым, по крайней мере внешне. Мы расположились в кабинете «Палас-отеля», гигантской гостиницы в стиле *belle époque*, где со дня своего отъезда из Соединенных Штатов Набоков и его жена живут уже восемь лет; из окна видны серые просторы Женевского озера и силуэты пролетающих чаек.

Автор — высокий мужчина, могучий и в то же время немного вялый. Его лицо с нордическим румянцем также несет отпечаток вялости и изменчивости; губы, иногда сложенные в широкую улыбку или ухмылку, порой скептически поджимаются, абсолютно исчезая из поля зрения; светлые глаза излучают детскую беззащитность, время от времени нарушаемую ироническим подмигиванием и искрами холодного высокомерия.

В течение часа с мастерством виртуозного фехтовальщика Набоков пытается уклониться от ответа на задаваемые ему вопросы. Тот, о подростковом эротизме, был вполне предсказуем, писателю задают его всегда, и на него непременно есть готовый ответ: *«У каждого художника есть свои любимые темы, Караваджо любил изображать цветы, Бодлер — слонов, и у меня есть свои предпочтения»*.

Он не поясняет какие, ведь это было бы проявлением дурного тона, а Набоков прежде всего эстет. Все его сочинения — это шедевры утонченности и эстетизма, насыщенные звуковой и образной игрой, за что его называют волшебником слова. Разговор о содержании произведений ему интересен, если не нарушает установленной им границы, а когда он слышит рассуждения о «послании» к читателю, его охватывает нервная дрожь. Ассонансы и аллитерации его очаровывают, их он наделяет мистическими значениями, недоступными только рациональному подходу.

«Я люблю красивые слова, например, меня очаровывает слово “страгегема”²². Для меня с раннего детства у каждой буквы свой цвет: “р” — зеленая, цвета незрелого яблока, английские звуки “у” и “и” — оливковые».

Попробуем уязвить этого великого эгоиста. А как же общество? Политика? Они его не интересуют.

«Единственный мой критерий, по которому я сужу о политическом режиме, — это свобода мысли и слова. Все остальное — социализм, капитализм, монархия, республика, административный кретинизм — в моих глазах имеют минимальное значение».

Ему нравится жить в этой старой роскошной гостинице. *«Конечно, я предпочел бы собственный дом — с садом, высокими деревьями, красивой мебелью, старой прислугой. Но где его найти? И потом, он никогда бы не достиг того совершенства, которое было присуще имению в Выре под Санкт-Петербургом, где я провел детство».*

Он ни с кем не встречается, ему никто не нужен. *«Когда мне действительно нужны люди, я их рисую на стенах своей пещеры».* Другими словами, он пишет.

Ему нравятся бабочки, шахматы, составление головоломок и шарад. Но прежде всего — бабочки, строение и сфера обитания которых им досконально исследованы. Набоков убежден, что чувство, с которым он открывает на альпийских лугах ранее неизвестную бабочку, равносильно удовольствию от написания хорошо удавшейся страницы.

«Я не вижу разницы между моей деятельностью как энтомолога и как писателя».

Бабочкам он посвятил свой отпуск, литературе — ежедневный труд, восемь часов без перерыва за письменным столом, без исключений, будто бы обреченный соблюдать расписание, составленное для него свыше. Неторопливый при редактировании, готовый бесконечное количество раз переписывать одну и ту же страницу, он потратил пять лет на «Аду, или Эротиаду», которая в следующем месяце выйдет в итальянском переводе. Набоков презирает писателей, создающих роман за пару месяцев, его не интересует мнение критики; он невозмутимо отрицает мысль о каких-либо литературных влияниях на свое творчество и считает Шекспира величайшим автором всех времен. Когда же мы просим ограничить его оценку современниками, после мгновения напряженного ожидания со своей утрюмой ухмылкой он вновь отвечает вполголоса: *«Шекспир».*

У него нет никакого желания вернуться в Россию, чтобы вновь увидеть места, где прошло его детство. *«Я со своей обычной спесью отказался бы от посещения строек и музеев. Думаю, что через два дня американское посольство прилагало бы неслыханные и, возможно, безрезультатные усилия, чтобы вытащить меня из советских застенков. Моя память — самый лучший хранитель прошлого».*

Иногда утверждают, что его книги, хотя и великолепные с формальной точки зрения, имеют один фундаментальный недостаток: в них не говорится о страдании. Что он может сказать по этому поводу? Какое место страдание занимает в его жизни и творчестве? И на этот раз Набоков дает ответ без малейших колебаний: *«Уже много лет я страдаю от ужасных приступов ревматизма и, кроме*

того, от невыносимой зубной боли. Возможно, я истолковал ваш вопрос в узком смысле. В этом случае прошу меня извинить. Еще можно вспомнить, что самого популярного из моих персонажей зовут Долорес³. Лолита — это всего лишь уменьшительная форма».

Перевод Е.В. Лозинской и А.Ю. Магадовой

¹ Темпл Ширли Джейн (Temple; р. 1928) — американская киноактриса, начавшая сниматься в трехлетнем возрасте и к десяти годам ставшая звездой Голливуда; в 1934 г. была удостоена «детского Оскара»; по завершении актерской карьеры стала дипломатом.

² Хитроумный план, оригинальный путь к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей.

³ Игра слов: по-итальянски «dolore» означает боль, горе, страдание, печаль.

Костанцо Константини

ВСТРЕЧА В МОНТРЕ С АВТОРОМ «ЛОЛИТЫ»

Для Набокова не существует кризиса романа

«Я ничего не знаю о теориях эротизма, — сказал Владимир Набоков в ответ на мой вопрос. — Могу только сказать, что, поскольку искусство действует на чувства, нет ничего необычного в присутствии в нем эротической тенденции. И еще в одном я уверен: абсурдно искать эротические символы повсюду, в любых предметах — кожаных касках, калошах, зонтиках и т. п.»

Владимир Набоков всегда отрицал, что в «Лолите» есть что-либо автобиографическое: «Единственным автобиографическим элементом в этой книге, — заявил он недавно, — являются мотели». Но если у него нет ничего общего с Гумбертом Гумбертом, испытывающим маниакальное влечение к Лолите, то, конечно, с Лужиным, шахматным чемпионом из «Защиты Лужина», его нечто объединяет. Страстный игрок в шахматы, в не меньшей степени, чем главный герой его третьего романа (кажется, что для него является обычным делом потребовать выложить ванные комнаты в гостиницах, где он живет, кафельной плиткой под шахматную доску и то время, которое он проводит там по утрам, использовать для изучения новых ходов), русско-американский писатель ведет беседу как будто играет в шахматы: прозрачно-голубые, но холодные глаза спрятаны за стеклами очков, на лице постоянное выражение подозрительности и осторожности; он притворяется, что не понял слова собеседника и заставляет его повторить или же уходит в сторону, чтобы выиграть время, а когда ответ подготовлен, быстро и уверенно наносит удар ясными, точными словами. Он возвел шахматную технику в своего рода философию: «Мои ответы будут более спонтанными, если вы мне дадите время на их обдумывание», — его слова только кажутся парадоксом. Или же: «У вас прекрасные вопросы, но мне нравится уходить в сторону». Единственное его нововведение, отличающее разговор от игры в шахматы, — отказ отвечать, в

то время как в шахматной партии нельзя не решаться сделать ход на протяжении долгого времени: так, он отказывается отвечать на мои вопросы о разнице между эротикой и порнографией, о Джеймсе Джойсе, о современных писателях.

Я встретился с Владимиром Набоковым в Монтрё в салоне старого и роскошного «Палас-отеля», где он вместе с женой уже около десяти лет занимает апартаменты из семи комнат. На нем отличного покроя дымчато-серый костюм, оживленный ярко-синим шелковым галстуком. На указательном пальце правой руки — массивное золотое кольцо вроде обручального. Он внушительный мужчина: высокий, с утонченной внешностью петербургского аристократа, получившего образование в Кембридже и укоренившегося на Западе. Он интересен с любой точки зрения: фигура из иных времен — из XIX века или рубежа веков, странный и молчаливый, занимательный и недоступный, добровольно замкнувшийся в своей личной маленькой вселенной, наполненной насекомыми и призраками, не поддающимся расшифровке символами и шутливыми фантазиями. *«Я не терплю общества, — сказал он мне, — а когда у меня возникает потребность в компании, рисую образы на стенах моей пещеры».* Распространенные фотографии Набокова не передают его верный облик: при личной встрече в нем не видишь ничего неоднозначного, по крайней мере, ничего от той расхожей и тенденциозно извращенной двусмысленности, которую его персонаж — Гумберт Гумберт — наложил на его лицо, которое обычно описывают в выражениях несколько двусмысленных и мрачных. Неоднозначность должна рассматриваться, если уж на то пошло, как категория психологического и литературного порядка и соотноситься с многогранной, богатой и сложной индивидуальностью писателя, проявляющейся на различных и не связанных друг с другом уровнях. Один из самых оригинальных прозаиков нашего времени, он четко разграничивает свое писательское творчество и свою человеческую личность, зная об опасности, которую несет их смешение: он не желает, чтобы кончина персонажа повлияла на судьбу романиста. Он противится тому, чтобы его принимали за писателя наподобие Д'Аннунцио или Байрона. *«Д'Аннунцио был персонажем, как и Байрон, — сказал он мне, — а когда персонажи гибнут, гибнут и писатели».* Он не только писатель, но и энтомолог: *«Если бы я не стал писателем, я бы стал ученым»;* он конструирует свои романы подобно тому, как собирает насекомых или бабочек, то есть на основе продуманной, искусной, тонкой и изысканной лингвистической и стилистической игры. Однако он отрицает, что игра, изворотливость, загадка доминируют в его творчестве, как это заявляют некоторые критики. *«Не думаю, — сказал он мне, — что словесная игра имеет преобладающее значение в моих книгах. Просто я влюблен в слова, в звучание и цвет слов, у меня цветной слух. Сейчас, не знаю почему, я влюблен в слово “стратагема”. У меня с этим словом флирт или роман».*

Неутомимый труженик, он распределяет свое время по строгому плану даже сейчас, когда ему исполнилось семьдесят лет: восемь часов в день работает над одним из романов, два часа разбирает корреспонденцию и еще два или три часа просматривает переводы своих книг. Он считает, что переводчики по большей части никуда не годятся и мало понимают в том, что хотел сказать писатель. «Аду», роман, который уже вышел в Соединенных Штатах и скоро выйдет в Италии в из-

дательстве Мондадори, он писал на протяжении пяти лет, по восемь часов в день, не пропуская ни одного дня. В общем, изо дня в день, час за часом он занимается тем, что созидает свою посмертную славу.

<...>

Возможно, предчувствуя свою скорую канонизацию, Владимир Набоков иногда отказывается от присущей ему оборонительной манеры и переходит в несвойственную ему атаку. Он мне на самом деле сказал, что плюет на суждения критиков, что так называемый кризис романа — это изобретение третьеразрядных романистов, что он не испытывал никаких литературных влияний и что сегодня есть три или четыре первоклассных романиста и почти никому из них не суждено остаться в памяти потомков.

Акты агрессии он перемежает ироническими высказываниями, где временами показывает высшую степень мастерства. На вопрос о том, каким из своих книг он отдает предпочтение, отвечает ссылкой на Гомера и Шекспира, а между тем известно, что он особенно любит «Приглашение на казнь», «Лолиту» и «Аду». На просьбу расположить по степени значимости вещи, которые он больше всего любит, — роман, вино, бабочек и женщин — отвечает, что в Италии бабочки заметно лучше, чем женщины. Спрашиваю его, каких из современных писателей он уважает больше всего. Отвечает: «Шекспира». Настаиваю: «Я же сказал “современных писателей”». Ответ: «Все равно Шекспира». Набоков утверждает, что положение писателей в России остается одним и тем же вот уже пятьдесят лет и что он не видит ничего странного в том, что в его романах повторяются некоторые мотивы, как, например, подростковая эротика, старые гостиницы, мотели. «*Караваджо*, — говорит он, — любил фрукты и цветы. Бодлер — белых слонов, а я — старые гостиницы и мотели. Нет никаких символов в моих романах, включая “Аду”».

Но потом он снова переходит к обороне, уклоняясь от темы, возвращаясь к недоверчивости и осторожности. В один из моментов, отвлекшись, он дает возможность застать его врасплох и поговорить о Д'Аннунцио: «Я его читал в молодости, мне нравился “Дождь в сосновом лесу”; мне неизвестен никто другой, чья голова так восхитительно напоминала бы яйцо, как у Д'Аннунцио». Но на нашу просьбу отказывается говорить о нем, как он отказывается говорить и о современных итальянских писателях. «Я мало читаю, и почти ничего из литературы последнего времени. Из Д'Аннунцио прочитал одну книжку во французском переводе, но не могу сказать, хорош или плох перевод. Поэтому я не в состоянии вынести какое-либо суждение». Говорю: «Вы не очень любезны к итальянским женщинам», — а он: «Моя прерогатива — искренность».

Сомневаюсь, что Владимир Набоков был искренен в буквальном и примитивном смысле слова. Наблюдательный, многоликий и неуловимый, он взвешивает каждый свой поступок, каждое свое слово — все, что делает. Он большой любитель шахмат, как и Лужин. Но сомневаюсь при этом, что он вообще может быть, как Лужин, уничтожен шахматной атакой — реальной или вымышленной.

Перевод Е.В. Лозинской

ИЗ ИСТОРИИ
ФИЛОСОФСКОЙ
И РЕЛИГИОЗНОЙ
МЫСЛИ

Н.В. Ликвинцева

ГЛУБЖЕ, ЧЕМ ПОЛИТИКА:
ПУБЛИЦИСТИКА МАТЕРИ МАРИИ (СКОБЦОВОЙ) В ГАЗЕТЕ «ДНИ»

ОТ ПОЛИТИКИ К ИСТОРИОСОФИИ:
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Если посмотреть, в каких изданиях эмигрантской периодики наиболее активно печаталась при жизни Елизавета Юрьевна Скобцова (в монашестве мать Мария), то первенство здесь принадлежит, по всей видимости, именно газете «Дни», издававшейся в 1922–1932 гг. А.Ф. Керенским сначала в Берлине, затем (с 1927 г.) в Париже. Выбор именно этой газеты не удивит, если вспомнить активное правоэсеровское прошлое матери Марии. Интереснее другое: проследить, как меняется характер и тематика ее газетных публикаций¹, как автор в статьях и вызванных ими оживленных дискуссиях оттачивает и углубляет свою мысль, движется от эсеровского прошлого к своему будущему: монашеству в миру (постриг в 1932), объединению «Православное дело», богословию «внехрамовой литургии», спасению евреев во время войны и гибели в 1945 г. в газовой камере концлагеря Равенсбрюк.

Начинается ее участие в газете в конце 1924 — 1925 г. рядом чисто политических заметок, посвященных защите демократии и прав угнетенных (в данном случае эмигрантских рабочих), т. е. тех же общественно-политических ценностей, которые и привели ее в свое время в ряды эсеровской партии²; целый ряд статей посвящен проблемам казачества³, одна — современной трансформации идей социализма⁴. В «Днях» же были опубликованы прозаические опыты Е.Ю. Скобцовой: рассказ «Йота»⁵, рассказы очеркового типа «Жуткое» и

¹ Почти вся публицистика матери Марии в «Днях», за исключением нескольких статей, ни разу не переиздавалась и, таким образом, выпала из поля зрения исследователей. Она целиком войдет в Собрание сочинений матери Марии, готовящееся в издательстве «Русский путь».

² См., напр.: Ю.Д. Союз рабочих во Франции «Труд» // Дни (далее — Д.). 1924. 11 нояб. № 613. С. 1–2; Ю.Д. Под сурдинку: (Письмо из Франции) // Там же. № 629. 30 нояб. С. 2; Ю.Д. Русские во Франции // Там же. 1925. 14 марта. № 715. С. 2. Подробная библиография публикаций матери Марии в «Днях» за 1924–1927 гг. составлена Т.В. Викторовой (Париж).

³ Интерес к проблемам казачества связан прежде всего с тем, что казачьим общественным деятелем был муж Елизаветы Юрьевны Даниил Ермолаевич Скобцов, бывший член Кубанского правительств. См., напр.: Ю. Данилов. Казаки за рубежом // Д. 1925. 26 сент. № 811. С. 2; Юрий Данилов. Казачьи дела // Там же. 29 окт. № 839. С. 2; Юрий Данилов. Казачьи несогласия // Там же. 1 дек. № 867. С. 2; Юрий Данилов. «Русское патриотическое дело» (о джигитах, политике и прочем) // Там же. 30 дек. № 891. С. 2; Ю. Данилов. Крушение зарубежных и казаки // Там же. 1926. 19 янв. № 907. С. 2; Д. Юрьев. Казачьи разговоры // Там же. 18 мая. № 1008. С. 2.

⁴ См.: Ю.Д. Против социализма: (Письмо из Франции) // Там же. 1925. 19 марта. № 719. С. 2. (Полемика с А.А. Аргуновым.)

⁵ Ю. Данилов. Йота: (Рассказ) // Там же. 1924. 1 июня. № 475. С. 7.

«Соседи»⁶ и мемуарный очерк о К.П. Победоносцеве «Друг моего детства»⁷. Все публикации 1924–1926 гг. даны под псевдонимами: Ю.Д., Юрий Данилов, Дан. Юрьев, Ю. Данилов (псевдоним)⁸. Из собственно публицистических работ этого периода наибольший интерес представляют две статьи конца 1925 г., поднимающие темы, которые позднее станут одними из центральных: ответственности («Нечто о лозунготворчестве») и соотношения религии и демократии («Религия и демократия»)⁹. В 1926 г. (а именно тогда начинается участие Елизаветы Юрьевны Скобцовой в Русском студенческом христианском движении) к перечисленным темам прибавляются отклики на съезды РСХД¹⁰, на открытие Религиозно-философской академии Н.А. Бердяева или акт Свято-Сергиевского православного богословского института, рецензия на очередной номер журнала «Путь» или прочитанный доклад Н.А. Бердяева¹¹.

Чтобы лучше понять общий контекст творчества Е.Ю. Скобцовой середины 1920-х гг., лишь частью которого и является ее публицистика в «Днях», стоит не терять из вида особенности, характерные для всей творческой эмиграции того времени и непосредственно связанные с только что пережитыми событиями: революцией, Гражданской войной, ломкой устоявшегося мира и быта, изгнанием и потерей родины, даже имя которой стало другим. Естественна первичная интенция в такой ситуации: еще раз вспомнить, оживить в памяти все то, что произошло со страной и с самим человеком в ходе самих событий, и то, что им предшествовало, попытаться нащупать причины и смысл исторической катастрофы. Творческой переработкой такого взглядывания в собственное прошлое для Елизаветы Юрьевны, как и для многих, стали мемуары¹² и художественное слово, проза. Именно эти области становятся в тот период основным руслом движения мысли в осмыслении истории, тогда как газетным текстам остается лишь

⁶ Ю. Данилов. Жуткое: (Очерк) // Д. 1926. 3 янв. № 894. С. 2; Ю. Данилов. Соседи: (Очерк) // Там же. 21 марта. № 960. С. 2.

⁷ Скобцова Е. Друг моего детства // Там же. 1925. 18 сент. № 804. С. 3; 19 сент. № 805. С. 2–3.

⁸ Под своим именем (Е. Скобцова) дан только очерк «Друг моего детства». Псевдоним составлен из имен отца и сына (Юрий) и мужа (Даниил) Елизаветы Юрьевны.

⁹ Юрий Данилов. Нечто о лозунготворчестве // Д. 1925. 12 нояб. № 851. С. 2; Ю. Данилов. Религия и демократия // Там же. 9 окт. № 822. С. 2. К содержанию этих статей мы обратимся ниже.

¹⁰ Юрий Данилов (псевдоним). Богомолье // Там же. 30 июля. № 1067. С. 2; Юрий Данилов (псевдоним). Знаменья // Там же. 1926. 21 авг. № 1086. С. 2.

¹¹ Дан. Юрьев. Теософия и христианство: (На докладе Бердяева) // Там же. 23 мая. № 1013. С. 2; Ю. Данилов (псевдоним). Акт Богословского института // Там же. 25 июня. № 1037. С. 2; Юрий Данилов (псевдоним). «Путь», № 4 // Там же. 16 сент. № 1108. С. 2–3; Ю.Д. Открытие религиозно-философской академии // Там же. 18 нояб. № 1162. С. 3.

¹² Кроме упомянутых воспоминаний о К.П. Победоносцеве: Юрий Данилов. Последние римляне // Воля России. 1924. № 18/19. С. 103–124; Ю.Д. Как я была городским головой // Там же. 1925. № 4. С. 63–80; № 5. С. 68–80. Осмыслению революции и Гражданской войны посвящены (помимо упомянутого рассказа «Йота») ее прозаические опыты того времени: Юрий Данилов. Равнина русская: (Хроника наших дней) // Современные записки. 1924. № 19. С. 79–133; № 20. С. 125–215; Юрий Данилов. Клим Семенович Барынькин: (Повесть) // Воля России. 1925. № 7/8. С. 3–37; № 9/10. С. 3–38. На эту же тему написана глубокая и интересная повесть «Несколько правдивых жизнеописаний» (в одном из главных героев которой угадывается А.Ф. Керенский), неопубликованная и сохранившаяся в рукописях (повесть подготовлена к изданию и войдет в Собрание сочинений матери Марии, готовящееся в издательстве «Русский путь»).

сфера политики: разумного устройства эмигрантского бытия, защиты прав и достоинства рядового эмигранта, поиска возможностей как-то облегчить его существование (задачи, которых мать Мария не оставляет и далее, которые словно входят в саму ткань ее жизни).

1926 г. добавляет ко всему перечисленному нечто новое. Это год, ставший во многом переломным, — год смерти младшей дочери Насти¹³ и начала сотрудничества Е.Ю. Скобцовой с РСХД. Мать Мария и РСХД — отдельная большая тема. Отметим только один момент, принципиальный для фиксации изменения точки зрения Елизаветы Юрьевны на историю, в том числе и на политическую историю, что отразилось в публицистике «Дней». Это — одно из многочисленных мероприятий движения, в которых Е.Ю. Скобцова принимает активное участие: создание кружка по изучению России. Кружок возникает в 1927 г. при активном участии Скобцовой (именно к ней «Вестник РСХД» просит обращаться всех потенциальных участников¹⁴), пик его активности приходится на 1928 г.: Елизавета Юрьевна выступает в нем с целым рядом докладов¹⁵, активно участвует в обсуждениях, подробно пишет о работе кружка в двух посланных в «Дни» статьях¹⁶. Кружок постепенно подразделяется на ряд семинаров, один из которых, историософский, возглавляет Г.П. Федотов, другой, посвященный изучению марксизма, Н.А. Бердяев. Стоит сразу заметить, что в этой совместной и, судя по регулярности семинаров, довольно напряженной работе (активно включенной в более широкий контекст встреч в РСХД, Свято-Сергиевском православном богословском институте и Религиозно-философской академии Н.А. Бердяева) встречается группа единомышленников и друзей. Они нередко значительно расходятся в конкретике, спорят между собой, и в этом взаимном общении и общении с молодежью РСХД каж-

¹³ Четырехлетняя девочка умерла 7 марта 1926 г. в Пастеровском институте от менингита. Именно через глубокое переживание этой утраты Скобцова приходит к осознанию «всеобъемлющего материнства» как своего призвания.

¹⁴ В разделе «Хроника жизни движения» «Вестника РСХД» (1927. № 9) сообщается: «Особенно интенсивно работает президиум кружка по изучению России, предполагающий не только расширить свою деятельность в Париже, но и помогать другим кружкам, желающим заняться изучением современной России, главным образом ее духовной жизни. В Париже, кроме общих собраний кружка, предполагается организовать три семинара: 1 — Марксизм и христианство. 2 — Религиозный смысл событий современной русской истории и 3 — Русская литература. Всех интересующихся этими вопросами, как парижан, так и иногородних, просят обращаться за всеми справками к Елизавете Юрьевне Скобцовой (по адресу Движения)» (С. 30).

¹⁵ В «Хронике...» упоминаются следующие доклады Е.Ю. Скобцовой, прочитанные в рамках этого кружка в 1927–1928 гг.: 13 марта 1927 г. — «Будущее России»; 27 декабря 1927 г. — «Марксизм, религия и антирелигиозная пропаганда» (на семинаре «Христианство и марксизм»); 25 декабря 1927 г. — «Племя незнакомое» (доклад был послан в «Дни», машинопись хранится в архиве газеты); 21 марта 1928 г. — «О Г.П. Данилевском»; 7 ноября 1928 г. — «Судьба России»; 26 ноября 1928 г. — «Масоно-мистические течения в эпоху Александра I» (на семинаре по истории русской религиозной мысли XIX в. под руководством Н.А. Бердяева); 5 декабря 1928 г. — продолжение прений по докладу Е.Ю. Скобцовой «Русские мыслители о судьбах Европы».

¹⁶ См.: Скобцова Е. По поводу заметки «Раскол в РСХД» // Д. 1927. 26 окт. № 1218. С. 3. См. также посланный в редакцию «Дней», но не опубликованный текст, хранящийся в архиве редакции: Она же. Русское христианское студенческое движение. ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 355. Маш. Архивные материалы газеты «Дни» также принимаются во внимание в данной работе; их библиография собрана парижским исследователем Т.В. Викторовой.

дый из них оттачивает свои собственные мысли. Это Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун, И.И. Фондаминский, Е.Ю. Скобцова. Сложившаяся общность сохранится и продолжится в 1931–1939 гг. в журнале «Новый Град», издавать который будут четверо из перечисленных мыслителей (кроме Н.А. Бердяева, чьи статьи тоже займут свое место на страницах журнала). В период деятельности кружка эта общность, рождающаяся в переключке и подчас взаимоотталкивании частных философских концепций и идей, возникает из общей направленности взгляда, так охарактеризованной Г.П. Федотовым: «Наше усилие направлено к разгадке лица России, затуманенного революционной бурей. Мы стремимся разглядеть его в настоящем — сквозь разделяющие нас пространства, сквозь новый, чуждый нам язык; разглядеть его в прошлом, в культуре, в исторических судьбах России, в ее самосознании, разглядеть и в будущем, поскольку это будущее определяется ее призванием. Мы не ставим себе задач чисто образовательных, не думаем конкурировать с “Народным университетом”, хотя момент информации, изучения входит в современное и в историческое постижение России. Но наше изучение подчинено задачам деятельного служения. Идея России, которая опознается нами, должна определить путь нашего будущего служения ей. Мы не выдвигаем конкретных задач этого служения, — особенно избегаем политических тем. Мы предвидим, что общность идеи не создает еще единства служенья. На пути к реализации лежат бесконечные трудности и блуждания. То, что мы можем уже сейчас ставить своей задачей, — это работа над новым национальным сознанием. У нас есть незыблемое начало — православие. Есть изменчивая, становящаяся, постигаемая нами материя — Россия в ее исторической жизни. Мы надеемся, что этот расплавленный ныне металл скоро отольется в твердую форму национального самосознания»¹⁷.

Елизавету Юрьевну в этой совместной кружковой работе больше всего привлекает именно историософский семинар, ставший, по ее выражению, «как бы лабораторией, в которой каждый человек имеет возможность серьезно и объективно проверить свои взгляды, найти им подтверждение в прошлом, оформить их и заострить соответственно требованиям настоящего. Само собой разумеется, что основной линией, по которой ведется работа, является религиозное осмысление русской истории. Чтобы понять недавние события, приходится понять их религиозный смысл, приходится зачастую углубляться в дальнейшее историческое прошлое, восстанавливать общую концепцию Киевской Руси и Московского царства, Петровского периода и русской революции»¹⁸.

Вглядимся, как отразилась эта «лабораторная» работа на страницах «Дней». В 1927 г. «Дни» переезжают из Берлина в Париж и потому выходят только с октября: на страницах газеты появляются, кроме упомянутой заметки о РСХД, три статьи Елизаветы Юрьевны — две посвященные проблемам молодежи и отклик на лекцию Мережковского¹⁹. Характерно, что с этого времени все статьи уже пе-

¹⁷ Федотов Г.П. Изучение России // Вестник РСХД. 1928. № 2. С. 20–31.

¹⁸ Скобцова Е. Русское христианское студенческое движение // ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 355.

¹⁹ Она же. Комсомольский быт // Д. 1927. 27 окт. № 1219. С. 2–3; Она же. Берендеевцы // Там же. 5 нояб. № 1228. С. 2; Она же. На лекции Мережковского // Там же. 20 дек. № 1273. С. 3.

чатаяются под ее именем, без псевдонимов: Е. Скобцова. В 1928 г. в газете уже напечатано семнадцать ее статей²⁰, причем часть из них вызывает бурную полемику на страницах «Дней» и «Последних новостей». К содержательному обзору этих статей мы обратимся ниже, так как прежде всего именно публицистика 1928 г. будет в фокусе нашего внимания. Пока же заметим только, как постепенно меняется сама стилистика этих статей: от сухой и политически ангажированной лексики заметок начала 1920-х гг. к историко-философской терминологии и эмоциональной образности личного, равнодушного отклика на все происходящее, подаче идей и событий, заставляющей не просто мгновенно реагировать на них, но включиться в постепенный и углубляющийся процесс осмысления. Осенью 1928 г. «Дни» становятся еженедельником, что значительно сократило объем публикуемого в них материала. В 1929 г. появляются две статьи Е.Ю. Скобцовой о Церковном соборе 1917 г. и одна о докладе Н.А. Бердяева о русском нигилизме²¹. В 1930 г. вышла очень важная для уяснения самого хода историсософской мысли Елизаветы Юрьевны статья «По обе стороны»²²; в 1931 г. на собраниях «Дней» Е.Ю. Скобцовой был прочитан не менее важный в этом отношении доклад «Будни эмиграции»²³.

Характерно, что в таком медленном движении от политики к историсософии постоянно происходит переосмысление самой политики, своеобразная попытка ее углубления: политическая злободневность и немедленное реагирование на нужды сегодняшнего дня, которые автора ни в коей мере не перестают волновать, представляются чем-то плоским и бьющим, соответственно, мимо цели. Политическая тактика должна быть словно бы омыта исторической мыслью, встроена в контекст истории и мысли об истории, только тогда она сможет снова стать действенной. Для подлинного разрешения политических вопросов нужно, по мнению Елизаветы Юрьевны, найти «предпосылки не только злободневной политики или столкновения экономических интересов, — другими словами, предпосылки, могущие меняться и перемещать центр тяжести и разрешенные вопросы, — а нечто более существенное, метафизически предопределяющее и

²⁰ Скобцова Е. «Версты» № 3 // Д. 1928. 21 янв. № 1305. С. 3; Она же. По поводу // Там же. 4 февр. № 1319. С. 3; Она же. Основы новых идеологий // Там же. 11 февр. № 1326. С. 3; Она же. Новая секта в России // Там же. 12 февр. № 1327. С. 2; Она же. Дело личной совести // Там же. 17 февр. № 1332. С. 3; Она же. «Древние поверия» и завтрашний день // Там же. 29 февр. № 1344. С. 2; Она же. «Современные записки» № 34. (Часть общественно-политическая) // Там же. 3 марта. № 1347. С. 3; Она же. Герань и Иоанн Калита // Там же. 9 марта. № 1353. С. 3; Она же. «Классический марксизм и русский ленинизм»: (Доклад Н.А. Бердяева) // Там же. 16 марта. № 1360. С. 2; Она же. Шуба от северного ветра // Там же. 1 апр. № 1376. С. 2; Она же. Два события // Там же. 12 апр. № 1387. С. 2; Она же. Миссия народов // Там же. 24 апр. № 1399. С. 3; Она же. Прошлое и настоящее комсомола // Там же. 6 мая. № 1410. С. 2; Она же. Две меры // Там же. 10 июня. № 1445. С. 2; Она же. Есть ли в поле жив человек? // Там же. 11 ноября. № 10. С. 9–10; Она же. Об истинной революционности // Там же. 9 дек. № 14. С. 13–14; Она же. Парадоксы церковного сознания // Там же. 30 дек. № 17. С. 9–10.

²¹ См.: Она же. Истоки русского нигилизма // Там же. 1929. 3 марта. № 26. С. 12–13; Она же. О церковном Соборе 1917 года // Там же. 12 апр. № 36. С. 11–12; Она же. Еще о положении Церкви при Временном правительстве: (Доклад А.В. Карташева) // Там же. 9 июня. № 40. С. 9.

²² Она же. По обе стороны // Там же. 1930. 7 сент. № 105. С. 13–14.

²³ См.: Корин А. Собрания «Дней». XLV. «Будни эмиграции». Доклад Е.Ю. Скобцовой // Там же. 1931. 1 марта. № 125. С. 4–11.

практические выводы»²⁴. В своей статье «Две меры»²⁵ она приводит пример своего собственного чтения, уже в эмиграции, российских газет мая – июня 1914 г. (для одного американца, пишущего книгу об ответственности за Первую мировую): накануне войны все газеты в один голос твердили о ее невозможности. Она рисует образ политиков как людей, вводящих «в свои расчеты только те силы, которые уже обнаружили свое присутствие. Им даны сложные алгебраические выражения без иксов и без игреков. Они могут только преобразовывать эти выражения, абсолютно не привнося в них и не убавляя от них никаких величин». Но существуют еще иксы и игреки, которые «ждут своего срока, чтобы ворваться в формулу и совершенно переместить все массы, — положительные величины переделать на отрицательные, деление на умножение и т. д. Подспудно зреют новые данности, подспудно поднимаются волны новых настроений, растут противоречия, меняется психология, нарождается иной пафос, тают и обсыпаются еще действующие силы, — для того чтобы в какую-то минуту все это новое ринулось на поверхность и определило собой завтрашний день». Внимательность к такому становящемуся новому (которой накануне войны обладали «только одинокие метаисторики, поэты-провидцы, — главным образом Блок»), неразрывно связанную с пристальным вглядыванием в саму историю, в ее незаметный ход, она определяет как новое, «двойное» видение, противопоставляя его плоскостному зрению «злободневной политики». Именно попыткой обретения такого нового зрения, позволяющего видеть будущее в его неразрывной связи с прошлым и настоящим, и становится для Е.Ю. Скобцовой историософия. Попробуем проследить ее элементы по статьям и темам, вызвавшим целые волны полемики и газетных дискуссий.

ПОЛЕМИКА ОБ «ОТЦАХ И ДЕТЯХ»: ОБРАЩЕННОСТЬ К БУДУЩЕМУ

В статье «Знаменья»²⁶, вдохновенно передающей впечатления от съезда РСХД, Елизавета Юрьевна радостно вглядывается в облик движенческой молодежи, встреча с которой ее окрыляет и обнадеживает: будущее возможно, так как есть те, кто может принять культурное и духовное наследство. Автор пишет: «Смена идет. Наследие не только любовно принято, но, несомненно, будет приумножено, потому что среди молодого поколения есть и живые, и творческие, духовно-напряженные люди. И вся их суть, — не распад, а созидание». Корень этой надежды — осознание начавшейся здесь встречи интеллигенции с Церковью: «Это приближение к встрече православных церковных кругов с теми кругами русской интеллигенции, которые творили русскую духовную и общественную культуру в последнем столетии. Веря в творческие силы русской интеллигенции, чтя ее многострадальный дальний путь в прошлом, принимая ее творческие достижения, — нельзя не радоваться этой грядущей встрече и не ждать от нее какой-то новой эры в русской духовной культуре». В неопубликованной статье «Русское студенческое

²⁴ Скобцова Е. Герань и Иоанн Калита // С. 3.

²⁵ Она же. Две меры // Там же. 10 июня. № 1445. С. 2.

²⁶ Юрий Данилов (псевдоним). Знаменья // Там же. 1926. 21 авг. № 1086. С. 2.

христианское движение» она охарактеризует движение как «самую многочисленную и прочную из всех организаций молодежи»²⁷.

Надежда вообще является одной из ключевых составляющих мировоззрения матери Марии, ничему так не противоположного, как безнадежности. Само наличие живой, творческой и думающей молодежи — для нее уже залог будущего. Поэтому не случайно ее активное участие не только в РСХД, но и, позже, в обществе «Круг», задуманном как встреча талантливых монпарнасских «огарочников» с религиозно мыслящими «отцами», и в Пореволюционном клубе, где она будет дискутировать с национал-максималистами. А о. Сергей Гаккель, по крупицам собиравший все свидетельства о пребывании матери Марии в нацистском лагере и о ее влиянии на других узников, пишет: «Она особенно ладила с советской молодежью — ровесницами Гаяны [старшая дочь матери Марии]: с ними она вела оживленные беседы о западноевропейской жизни, о русском прошлом и настоящем»²⁸.

Поэтому неудивительно это ее пристальное вглядывание во все современные ей молодежные течения, в которых можно увидеть хотя бы крупицу жизни и возможности будущего. Так, пристально она пытается всмотреться в советский комсомол, которому в «Днях» посвящены три ее статьи: «Комсомольский быт» (1927), «Прошлое и настоящее комсомола» (1928), «Есть ли в поле жив человек?» (1928). За карикатурностью комсомольской идеологии и псевдонравственности, переданной беспощадно-критически, она пытается разглядеть в комсомольцах хоть что-то светлое (как всю жизнь высматривает это светлое во всех встреченных людях): своеобразный аскетизм, который может привести к тому, что со временем, может быть, «лучшая часть комсомола почувствует себя наследниками иных отцов и продолжат связь с иными традициями»²⁹. Постепенно карикатурность даже комсомольской аскетики становится для Елизаветы Юрьевны все более внятной, но взгляд пытается найти свет даже в сгустившейся советской тьме, не надевая розовых очков и не обольщаясь этой тьмою. Болевой вопрос: «Есть ли в поле жив человек?»³⁰ — попытка поверить в существование за завесой мертвой идеологии той самой «внутренней эмиграции» (наследие которой уже в наше время воссоединилось с наследием русского зарубежья), т. е. творческой молодежи, из которой и вырастет Россия будущего.

Не меньшее внимание будущая мать Мария уделяет и эмигрантским молодежным течениям: младороссам и национал-максималистам. Младороссам посвящена статья «Берендеевцы», критически анализирующая их идеи, и прежде всего — монархизм. Однако автор и здесь высказывает надежду, что у них «романтика будущего, максималистическая творческая — съест романтику прошлого»³¹. Еще пристальнее она вглядывается в национал-максималистов. С ними основной костяк кружка

²⁷ Скобцова Е. Русское студенческое христианское движение // ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 355. Маш. Статья не датирована; судя по содержанию, написана в 1928 г.

²⁸ Гаккель С., отец. Мать Мария. Р., 1992. С. 246.

²⁹ Скобцова Е. Комсомольский быт. С. 3.

³⁰ См.: Она же. Есть ли в поле жив человек? С. 9–10.

³¹ Она же. Берендеевцы // Там же. 1927. 5 нояб. № 1228. С. 2.

по изучению России роднит понятие «пореволюционный»: революция стала столь ощутимым историческим сдвигом, что после нее образовалась совершенно новая историческая, «пореволюционная» реальность. С лидером национал-максималистов князем Ю.А. Ширинским-Шихматовым мать Мария будет спорить не только в газетной публицистике, но и в 1930-е гг. в созданном им Пореволюционном клубе и на страницах его журнала «Утверждения»: несмотря на коренное расхождение в некоторых принципиальных вопросах, это был продолжительный и, видимо, для обоих продуктивный диалог, закончившийся единомыслием по отношению ко Второй мировой войне. Итогом такого единомыслия стала гибель обоих в нацистских концлагерях. Пока же для «Дней» Е.Ю. Скобцова пишет статью «Национал-максималисты» (не опубликованную, но сохранившуюся в архиве газеты)³². Статья без подписи, с таким же названием³³, но с по-иному расставленными акцентами и более жесткой критикой выходит в «Днях» в октябре 1927 г. А в январе с таким же названием выходит передовица «Последних новостей»³⁴, ставшая поводом для полемики ответа Елизаветы Юрьевны и завязавшейся между двумя газетами оживленной дискуссии.

Автор передовицы «Последних новостей» (за которым прочитывается позиция П.Н. Милюкова) острие критики направляет на сочетание у национал-максималистов «очень правой идеологии с очень левой (с точки зрения эмиграции) тактикой». Е.Ю. Скобцова отвечает в «Днях» статьей «По поводу»³⁵, в которой фокусирует внимание именно на проблеме поколенческого взаимонепонимания «отцов» и «детей», говорящих на разных языках. «Последние новости» — «типичный образчик “языка отцов”», тогда как критикуемое течение говорит на «языке “детей”». Чтобы понять причины взаимонепонимания, Елизавета Юрьевна предлагает взглянуть на «философскую генеалогию “отцов”», которые, приняв наследство славянофильства и западничества, не очень поддающееся делению на правое и левое, «конкретизировали идеологические построения предшествующих поколений в точные политические программы. И эти точные политические программы сделали их правыми или левыми». Затем, уже после революции, «отцы» словно застыли на этом уровне политических программ, забыв об их историософских истоках: «Конкретизация подменила миросозерцательный процесс. И ни события революции, ни коренная логика того строя, к борьбе или к поддержанию которого эти программы были приспособлены, не изменили у “отцов” этого состояния историософской закостенелости». «Дети» в этом отношении принципиально иные: никакая конкретная политическая работа им просто не дана, поэтому они находятся пока «вне левизны и правизны» за неимением конкретных политических программ. «Но с другой стороны, — весь напор недавних событий поставил

³² Скобцова Е. Национал-максималисты // ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 357. Маш.

³³ Б. н. Национал-максималисты // Д. 1927. 11 окт. № 1203. С. 3. Данная статья является откликом на ту же брошюру «Национал-максимализм и национал-большевизм», что и статья Е.Ю. Скобцовой. По всей видимости, редакцию не устроило отношение Скобцовой к данному течению, поэтому газета заказала статью на ту же тему у другого автора.

³⁴ Б. н. Национал-максималисты // Последние новости. 1928. 20 янв. № 2494. С. 1.

³⁵ Е. Скобцова. По поводу // Д. 1928. 4 февр. № 1319. С. 3.

их в необходимость коренного пересмотра самых своих миросозерцательных основ. В этом отношении формально работа их гораздо ближе к работе русских деятелей XIX века. На очереди пересмотр идеологий Чаадаева, Аксакова, Хомякова, Данилевского, Леонтьева, Герцена, Михайловского, Достоевского, Соловьева, ранних народников, марксистов и т. д. На очереди вопрос о смысле всего русского исторического процесса, о значении русской революции, о заданиях русского народа. Евразийцы доходят до времен Чингисхана, национал-максималисты говорят о выпрямлении русской исторической линии. Какой? Правой столыпинской или левой милюковской? — Надо думать, что речь идет об обеих. Все это бурление имеет чрезвычайно большое симптоматическое значение. Оно несомненный пролог к крупному национальному творчеству». Ошибки того или иного политического направления связаны именно со стремлением к тактическим установкам без основательной проработки самих истоков своего мировоззрения, которые «могут породить и левую, и правую программу».

Обвиненные в «закостенелости» «отцы» из «Последних новостей» буквально на следующий же день ответили передовой «Ни правое, ни левое»³⁶, соглашаясь с тем, что «госпожа Скобцова углубляет вопрос и доказывает, что суть не в политических программах, а в “идеологических настроениях”». Но тут же и возражая ей тем, что все предложенные ею «идеологии» давно пересмотрены, поскольку «человеческая мысль вообще не остается стоять на одном месте, а человеческая наука — может быть, и несовершенный, но все-таки единственный путь познания — постепенно меняет сами основы тех или других “идеологий”». (Методологическая отсылка к позитивистской науке как единственному способу познания мира станет принципиальной не только в этой, но и во всех дискуссиях Е.Ю. Скобцовой с «Последними новостями».) В своем постепенно-поступательном развитии «отцы» давно ушли вперед от споров славянофилов с западниками, так что Елизавета Юрьевна с ее пересмотром идеологий «плохой гид» для «детей».

Ответом и новой репликой в споре с «Последними новостями» стала статья Е.Ю. Скобцовой в «Днях» «Основы новых идеологий»³⁷, которая начинается с выражения чувства удовлетворения тем, что на этот раз вопрос о психологии «детей» «рассматривается более углубленно», без приклеивания правых или левых ярлыков. Елизавета Юрьевна выступает именно против упомянутой «постепенности» «отцов», нечувствительных к пережитому историческому срыву и грани, отделяющей пореволюционное от дореволюционного. «Но революция совершенно исключила возможность такой *постепенности* в идеологических процессах. Она выдвинула все вопросы во всей их остроте заново». Именно так, заново, с состояния «не помнящих родства» и начинают выработку своих мировоззрений «дети», оказываясь здесь ближе к «дедам», чем к уравновешенным и постепенным «отцам»³⁸. Далее Елизавета Юрьевна пытается очертить, «что отвергают дети

³⁶ Б. и. Ни правое, ни левое // Последние новости. 1928. 5 февр. № 2510. С. 1.

³⁷ Скобцова Е. Основы новых идеологий // Д. 1928. 11 февр. № 1326. С. 3.

³⁸ Есть два человека, по мнению Е.Ю. Скобцовой, среди «отцов», кого не надо переводить «детям»: это И.И. Фондаминский и Ф.А. Степун, чьи мысли органически созвучны по-новому осмысливаемым идеологическим спорам XIX в.

и в чем их связь с XIX веком». «Все утверждения позитивизма, рационализма и материализма» для «детей» неубедительны, они ближе к идеалистическим направлениям философской мысли, а нередко и имеют четкий религиозный фундамент. Они возвращаются к характерным для славянофилов «поискам целостного мировоззрения» (хотя эти поиски и не всегда успешны: так, евразийцы пришли лишь к механическому, а не органическому соединению его частей). Для «детей» характерно также «утверждение абсолютной и максимальной самобытности русского исторического процесса» (даже если эта самобытность не всегда предстает как нечто положительное). И третье — это «вера в мессианство русского народа». Поэтому особенно актуально сейчас наследие славянофилов и народничества: «...молодежь празднует именно их праздник».

Ответом стали сразу две статьи в «Последних новостях»: передовица «Молодежь и национализм» и статья В.И. Талина «Деды, отцы и дети»³⁹, которые при продолжающемся дискуссионном расхождении сторон приятно удивляют уважительным отношением к искренности своего оппонента⁴⁰ и к интересности доводов, налагающих, по слову передовой, «обязанность продолжить нашу беседу». Главное возражение вызывают сделанные Е.Ю. Скобцовой обобщения, особенно касающиеся религиозности молодежи, а также направление взгляда на «темные провалы самобытности» и «древние поверья», совершенно бесперспективное, по мнению «Последних новостей». Слова «самобытность» и «мессианство», как магниты, притянут на себя новую волну спора, к ней мы обратимся ниже, пока же искра противоречия между позитивистическим свободомыслием и выбором религиозности разгорится в еще один, может быть самый оживленный из рассматриваемых, спор.

ЦЕРКОВЬ И СВОБОДА: СПОР О СВОБОДОМЫСЛИИ

Весьма примечательно, что сама попытка «углубления» и спуска с уровня политических программ к лежащей в их основе расплавленной и раскаленной массе идеологической мысли, которая еще должна отлиться в форму искомого «целостного мирозерцания» и определить собою новую, искомую политику или уже больше чем политику,⁴¹ неизбежно ведет к вопросу о религиозной вере и ее совместимости с той или иной партийно-политической принадлежностью. Этот вопрос Е.Ю. Скобцова поднимала на страницах «Дней» еще в 1925 г. в ста-

³⁹ Б. п. Молодежь и национализм // Последние новости. 1928. 16 февр. № 2521. С. 1; Талин В.И. Деды, отцы и дети // Там же. С. 2.

⁴⁰ См., напр., в статье В.И. Талина: «Е. Скобцова, несомненно, пишет о том, что есть, что она сама наблюдает, в чем она сама участвует, что на страницах “Дней” проповедует. Подлинная ее искренность и вера в свое дело не подлежат сомнению». Следующая, уже полемическая фраза начинается соответственно с «но».

⁴¹ В поздних статьях мать Мария сформулирует эту задачу как поиск «целостной жизни», органично охватывающей уровень мысли, веры и тесно связанный с ними и бессмысленный вне их уровень практического действия. Попыткой реализации такого синтеза и станет созданное ею «Православное дело».

ть «Религия и демократия»⁴². 17 февраля 1928 г. на страницах «Дней» появилась статья Е.Ю. Скобцовой «Дело личной совести»⁴³, ставшая откликом на три статьи: передовицу А.Ф. Керенского в «Днях» «Право на веру», статью В.В. Сухомлина в том же номере «Дней» «О партиях, идеологии и нетерпимости» и передовицу «Последних новостей» «Партия и религия»⁴⁴. Формальной причиной спора стал вопрос о мировоззренческой совместимости социализма и религии. В.В. Сухомлин видит противоречие между деятельным и сознательным участием в социалистическом движении и принадлежностью к какой-либо церкви, т. е. подчинением «догматам и иерархии», оговариваясь, что для имеющих в социалистическом лагере церковных социалистов решение такого противоречия — дело их личной совести. А.Ф. Керенский в том же номере мягко увещевает своего корреспондента, считая, что из свободомыслия не стоит делать очередную обязательную религиозную догму и что каждый человек имеет «право на веру». П.Н. Милюков, прочитываемый оппонентами за автором передовиц в «Последних новостях», в «Партии и религии» предпочитает разграничить социализм как партию и социализм как мировоззрение. Второе в своем становлении совпадает с «вековым процессом секуляризации мысли и быта», что, несомненно, есть явление прогрессивное. Результатом свободомыслия как метода свободного мышления будет «мировоззрение, по необходимости исключаящее другие», отрицающее «ложные религии». Критерием же участия в социалистических организациях является опять-таки личная совесть каждого.

Елизавета Юрьевна начинает свой ответ с того, что признает совершенно законной установку Керенского; однако, будучи установкой «извне» религии, она не в состоянии ответить на недоумение Сухомлина о том, как примирить противоречие свободы мысли и божественного авторитета в личной совести. Именно на этот вопрос (корневой в дискуссии) и пытается ответить Е.Ю. Скобцова уже «изнутри» церковной традиции, безоговорочно принимая склонность своих оппонентов к свободомыслию, понимаемому именно как свобода мысли, и пытаясь раскрыть перед ними ту, еще большую степень свободы, которую она нашла в Церкви. Свобода является самой основой Церкви: «Ведь “где Дух, там Свобода” и “познайте Истину, и Истина сделает вас свободными”... Это основные положения евангельского учения, мимо которых пройти нельзя. Всякий акт уверования имеет в себе обязательный критерий *свободы* этого уверования, *свободного* выбора и *свободного* решения. Христианство, утверждая свободный выбор между добром и злом, совершенный первым человеком, тем самым обосновывает и раз навсегда закрепляет свободу

⁴² Ю. Данилов. Религия и демократия // Д. 1925. 9 окт. № 822. С. 2. Основная идея статьи: разграничение функций религии и демократии, примером смешения которых является религиозное восприятие социализма. По мнению автора, религия в дореволюционной России была слишком общественно-политична, а общественность религиозна. Такое типологическое разграничение приведет к освобождению церкви от навязанных ей государством и чуждых ей внешних заданий.

⁴³ Скобцова Е. Дело личной совести // Д. 1928. 17 февр. № 1332. С. 3.

⁴⁴ Керенский А.Ф. Право на веру // Там же. 8 февр. № 1323. С. 1; Сухомлин В.В. О партиях, идеологии и нетерпимости // Там же. С. 2. (Статья Сухомлина, в свою очередь, — это ответ на неподписанную статью «Партия и мировоззрение» (Последние новости. 1928. 15 янв. № 2489. С. 1).); Б. п. Партия и религия // Там же. 9 февр. № 2514. С. 1.

как главное начало во взаимоотношениях человека и Бога. Без свободного выбора, без свободного «прихождения» к Богу немислимы никакие отношения к Нему». Эмпирическая церковь, связанная не только с божественным, но и с человеческим началом, конечно, не раз нарушала этот закон свободы, лежащий в ее основе, требуя от своих членов лишь формального подчинения авторитету; Достоевский называл такой период пребыванием церкви «в параличе». Но людям вообще свойственно срываться с пути свободы; один из таких недавних срывов — «пламенная инквизиция большевизма, инквизиция во славу свободомыслия как мирозозерцания, как обязательной религии». Но эмпирические недочеты не меняют самой основы Церкви: «Свобода же человеческого духа, через Христа «усыновленного» Богу, — является таким основным положением христианства»⁴⁵. Против же прогрессивности секуляризации свидетельствует сам большевистский эксперимент по ее насильственному и несвободному насаждению.

В.В. Сухомлин, защищая социалистическое «право на неверие», ответил Е.Ю. Скобцовой двумя развернутыми статьями⁴⁶; и даже Д.С. Мережковский со страниц «Возрождения» подал свой возмущенный голос, обдавая сарказмом прежде всего позицию П.Н. Милюкова в данном споре (да и всех остальных, впрочем, не жалуя)⁴⁷. Самым конструктивным голосом в дискуссии стали снова «Последние новости», уже через день ответившие передовой «Свободомыслие и традиция»⁴⁸, опять отсылая к искренности оппонента, побуждающей откликнуться. Разграничив свободомыслие как метод и как его результат, автор передовицы «Последних новостей» настаивает, что такой результат исключает те мировоззрения, которые основаны не на подобном же свободомыслии, а на «традиции». Сама Елизавета Юрьевна согласна, что «только по традиции верить нельзя», но ее мысль об эмпирической церкви, предполагающая наличие какой-то еще «невидимой» Церкви, доказывает лишь тот факт, что «свободомыслие есть метод, который уже применяется самой госпожой Скобцовой», а это легко может вовлечь ее в ересь, а в прошлом могло навлечь на нее гонения, от которых как бы «Последним новостям» и не пришлось тогда ее защищать.

На этот выпад Е.Ю. Скобцова ответила развернутой статьей «Церковь и свобода»⁴⁹, так и не опубликованной в «Днях», поскольку в ней содержится уже явно не «газетная» экклезиология. Здесь она предлагает углубить базу спора, исключив из него злободневность политических вопросов. В продемонстрированном неверном понимании Церкви неожиданно встретились две традиции: «традиция синодально-официозная и традиция — либерально-вольнодумная», и это очередной итог «двухсотлетнего паралича» церкви. Подтверждением того, что эмпирической церковь не исчерпывается все понятие Церкви, служат примеры

⁴⁵ Скобцова Е. Дело личной совести. С. 3.

⁴⁶ Сухомлин В.В. Социалисты против права на веру или церковь против права на неверие?: Статья первая // Д. 1928. 31 марта. № 1375. С. 2–3; Он же. Где подлинная свобода?: Ответ Е. Скобцовой // Там же. 5 мая. № 1409. С. 3.

⁴⁷ Мережковский Д.С. Дневник читателя. Белыми чернилами // Возрождение. 1928. 9 марта. № 1011. С. 2–3.

⁴⁸ Б. н. Свободомыслие и традиция // Последние новости. 1928. 19 февр. № 2524. С. 1.

⁴⁹ Скобцова Е. Церковь и свобода // ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 356. Маш.

Афанасия Великого и Максима Исповедника, экклезиология вполне православного А.С. Хомякова, недавний пример патриарха Тихона и его последователей в их противостоянии «живоцерковникам». Церковь включает в себя как божественное, так и человеческое начало (ересь же берет во внимание только одно из них, исключая другое), а человеческое начало естественным образом связано со свободомыслием, поэтому «необходимо полное напряжение свободы и свободного творчества в том, кто подчинился церковным догматам и церковной иерархии». Именно отсутствие такого творческого притока в церковь в период ее закостенения и обусловило относительную, хотя и одностороннюю, прогрессивность секулярного гуманизма. Современная задача Церкви — «в синтетическом усвоении и преобразовании этой мысли».

Видимо, именно эти газетные дебаты и стали поводом для проведения 1 апреля 1928 г. в Религиозно-философской академии Н.А. Бердяева открытого диспута «Христианство и свободомыслие» (собравшего в переполненном зале около 500 человек) с докладом Н.А. Бердяева и выступлениями П.Н. Милюкова (главного бердяевского оппонента), митрополита Евлогия, Б.П. Вышеславцева, В.В. Зеньковского, В.Н. Ильина, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского и др.⁵⁰

Тема свободы, поднятая в этой дискуссии, не просто центральная во всем творчестве матери Марии начиная от ранних стихов и кончая поздними статьями, это одна из главных интуиций ее жизни, того стержня, вокруг которого строятся «целостное мирозерцание» и «целостная жизнь». Именно «ощущение большой духовной свободы... во всем Движении»⁵¹ привлекает ее в ряды РСХД; центральность этой темы у Н.А. Бердяева во многом обеспечивает их долгую и непрекращающуюся дружбу; нечувствительность же евразийцев «к самому понятию свободы», атрофия у них «какого-то духовного органа, воспринимающего идею свободы»⁵² делает для нее неприемлемыми все их построения. Следя за «идеологическим бурлением молодых», она надеется, что оно приведет их рано или поздно к выработке программы, «стоящей под знаком идеи человеческой личности и свободы»⁵³.

Неразрывная связь самой сущности Церкви со свободой обуславливает характер публицистики Е.Ю. Скобцовой на церковные темы в «Днях». В центре внимания здесь собор 1917 г., освободивший церковь «от два века тяготевших на ней пут служения государству»⁵⁴, его значению посвящен ряд статей⁵⁵. Эта интуиция свободы объясняет и четкость ее позиции в вопросах церковной политики:

⁵⁰ Елизавета Юрьевна написала об этом диспуте статью, которая сохранилась в архиве «Дней»: Скобцова Е. Два языка // ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. № 358. О диспуте см. также: Б. н. Христианство и свободомыслие // Вестник РСХД. 1928. № 5. С. 25–27; Корин П. Христианство и свободомыслие // Д. 1928. 3 апр. № 1378. С. 2; Н.П.В. Христианство и свободомыслие: Публичный диспут // Последние новости. 1928. 4 апр. № 2569. С. 2–3.

⁵¹ Юрий Данилов (псевдоним). Богомолье // Д. 1926. 30 июля. № 1067. С. 2.

⁵² Скобцова Е. «Версты» № 3 // Там же. 1928. 21 янв. № 1305. С. 3.

⁵³ Она же. Основы новых идеологий // Там же. 11 февр. № 1326. С. 3.

⁵⁴ Юрий Данилов (псевдоним). Знаменья // Там же. 1926. 21 авг. № 1086. С. 2.

⁵⁵ См., напр.: Скобцова Е. О церковном Соборе 1917 года // Там же. 1929. 12 апр. № 36. С. 11–12; Она же. Еще о положении Церкви при Временном правительстве: (Доклад А.В. Карташева) // Там же. 9 июня. № 40. С. 9.

абсолютное неприятие карловацкого раскола, поддержка политики митрополита Евлогия, ориентация на «новую церковную Москву», давшую «православие мучеников и исповедников»⁵⁶, поддержка позиций патриарха Тихона в его отказе благословить Белое движение и даже согласие с «Декларацией» митрополита Сергия (Страгородского), поскольку она для нее есть «отказ от политики... невмешательство в распрю земными средствами»⁵⁷ ради сохранения церковного единства, т. е. оружие Давида в его борьбе с Голиафом (любимый ее образ). Интуиция той неслыханной свободы, в которой оказалась эмигрантская церковь, наведет ее в дальнейшем на размышления о той новой ответственности, которую требует от каждого церковного человека такая свобода, о том, как быть этой свободой достойными. Пока же, вернувшись к полемике, разворачивающейся на страницах «Дней», будем держать в уме эту тему свободы как принципиальный момент всех историсофских построений Елизаветы Юрьевны.

ПОЛЕМИКА О САМОБЫТНОСТИ. СТРАННОЕ МЕССИАНСТВО И НОВОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

29 февраля Е.Ю. Скобцова публикует в «Днях» статью, подхватившую брошенную оппонентами фразу о «древних поверьях»: «Древние поверия» и завтрашний день»⁵⁸. Статья начинается с многообещающего заявления: «Спор об отцах и детях... доведен до такой стадии, что его надо договаривать до конца». Такое «договаривание» звучит довольно парадоксально и уже без всяких осторожностей в отношении умеренных позиций остальных участников диспута. Автор предлагает раскрыть «псевдонимы»: подлинным предметом спора являются не «отцы и дети», не «старые и новые», а «старое и новое». Новое принесено в жизнь великим событием, русской революцией⁵⁹, ставшей срывом и ломкой старого, рассекшим наше время и наши жизни. Ни одна из доктрин дореволюционной общественности не смогла предвидеть масштаба событий. Теперь нужно учесть ошибки, и ключ к загадке происшедшего надо искать не в научном подходе «Последних новостей» (ссылки на экономику, политику и ошибки последнего царствования ничего не дадут, все это было и раньше): «Надо искать ключ к уразумению народного Ахерона. Надо понять жуткое и точное сходство русского народа смутного времени и времен Пугачева, когда никакая научно-обоснованная интеллигенция не возглавляла его, — с народом 17-го года, спутавшего все планы и карты, разбившего все расчеты, поведшего Россию по пути, которого никто не ждал и никто не предвидел». Большевики победили, возможно, потому, что

⁵⁶ Юрий Данилов (псевдоним). Знаменья // Д. 1926. 21 авг. № 1086. С. 2.

⁵⁷ Скобцова Е. На лекции Мережковского. С. 3. Обоснованию своей позиции по вопросу о «Декларации» митрополита Сергия посвящена отдельная статья: *Она же*. Парадоксы церковного сознания // Там же. 1928. 30 дек. № 17. С. 9–10.

⁵⁸ Скобцова Е. «Древние поверия» и завтрашний день // Там же. 29 февр. № 1344. С. 2.

⁵⁹ В повести «Несколько правдивых жизнеописаний» она называет ее Великим Событием — с прописных букв.

«была минута, когда они были созвучным каким-то нами не учтенным народным голосам». Нужно всмотреться «в собственные ошибки, в собственный отрыв от каких-то подлинных и всепобеждающих народных корней», а не предпочитать свою научность подлинной реальности этих отвергаемых «древних поверий». Самобытность оспаривать бесполезно, потому что «эта русская самобытность нас выплеснула, а большевиков в себе потопила». Поэтому нужно пересмотреть все традиции, как «классического либерализма», так и «классического национализма», всмотреться в историю, в Петровские реформы, оторвавшие образованное и быстро развивавшееся меньшинство от инертного большинства: «...народное меньшинство ответило через столетие взлетом Пушкина, а большинство ответило через два столетия срывом Ленина». Парадоксальность статьи в том, что, развернув перед читателем эту страшную картину «народного Ахерона», автор тут же возвращается как к чему-то неотменяемому к темам, которые уже знакомы и привычны ее оппонентам: «один из ключей к пониманию событий находится в руках тех, кто говорит о коренном значении религиозной устремленности русского народа»; «если принцип свободы личности, например, является тем, что мы хотим проводить в жизнь, то это отнюдь не потому, что мы его подобрали на широкой европейской дороге, а потому, что свобода и человеческая личность являются ценностью сами по себе. Точно так же и демократия ценна для нас не тем, что по этой дороге идут все европейские народы, а тем, что в этих формах наиболее полно и наиболее творчески сумеет выразить себя наш самобытный народ».

Столь странная «самобытность», взорвавшаяся как грозный вулкан и в то же время не отменяющая принципов свободы личности и демократии как задач, которые она должна осуществить, вызвала очередную волну откликов с нотками недоумения и несогласия: либо с тезисом о русской самобытности (поскольку самобытны все народы и у всех своя религиозная устремленность), как А.Ф. Керенский и передовик «Последних новостей» (настаивающий на том, что русский народ тоже европейский), либо с возможностью сочетания такой самобытности с идеей свободы личности, как В.И. Талин⁶⁰. Попробуем пристальнее всмотреться в эту загадочную «самобытность» и в само понятие народа, каким оно предстает в анализируемой публицистике Е.Ю. Скобцовой.

Еще в статьях 1924–1925 гг. автор пристально вглядывается в «рядовое русское беженство»⁶¹, в страдания и потребности «Иванов и Петров»⁶², предлагая за политическими лозунгами всегда видеть конкретных живых людей, да и сама принципиальная для нее тема демократии (народоправства) — тоже ракурс ее понимания народа. В 1928 г. к этой осязаемой конкретности народа «Иванов и Петров» прибавилась та загадка, тайна, о которой говорили ее художественные женственные образы России в прозе (например, в «Равнине русской»). Мы уже упомянули о загадке «народного Ахерона»: в статье «Классический марксизм

⁶⁰ См.: Керенский А.Ф. О самобытности // Д. 1928. 1 марта. № 1345. С. 1; Б. п. К «пересмотру традиций» // Последние новости. 1928. 1 марта. № 2535. С. 1; Талин В.И. Самобытная окрошка // Там же. 3 марта. № 2537. С. 2.

⁶¹ Ю.Д. Под сурдинку: (Письмо из Франции) // Д. 1924. 30 нояб. № 629. С. 2.

⁶² Юрий Данилов. Нечто о лозунготворчестве // Там же. 1925. 12 нояб. № 851. С. 2.

и русский ленинизм” (доклад Н.А. Бердяева)⁶³ она называет ее «темной народной тайной», наряду с которой имеет место и «светлая тайна русского народа». Именно последняя и составляет предмет искреннего философского интереса, именно в ней залог будущего. От «темной тайны» получил свой заряд коммунизм. В светлую всегда вглядывалось народничество (к нему мы еще вернемся). Темную религиозность коммунизма можно одолеть только противоположной ему религиозной установкой, «только встретившись со светлой тайной народа и получив от него достаточный заряд»: «...надо найти подлинное звучание сермяжной, народной, равнинной Святой Руси, чтобы не остаться заново в интеллигентских кабинетах, без всяких приводных ремней к народной русской истории». Ключом к этой «светлой тайне» русского народа является для Елизаветы Юрьевны его «мессианство».

Вопрос о мессианстве, продумываемый ею именно в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (прежде всего в размышлениях о мыслителях XIX в. — А.С. Хомякове, В.С. Соловьеве, Ф.М. Достоевском)⁶⁴, в газетной публицистике поднимается не как отдельная тема, а именно как направленность взгляда на разгадывание упомянутой «светлой тайны». Ближе всего она подходит к нему в статье «Миссия народов»⁶⁵. Разговор о национальном характере и исторической миссии того или иного народа Е.Ю. Скобцова начинает с примера Израиля: она говорит о сохранности самосознания еврейского народа даже во времена рассеяния и о несовпадении величия задачи, стоящей перед народом, с государственной мощью (так, обладавшие такой мощью римляне переродились в итальянцев, евреи же так и остались евреями). Миссии народов подобны человеческим задаткам и склонностям: «...человек с психологией созерцателя не может иметь миссию завоевателя». О России говорить трудно потому, что ее миссия еще не выполнена, она подобна человеку, который хоть и сделал уже немало, но еще «находится в положении человека, “подающего надежду”». На каком же основании можно говорить о миссии и даже мессианстве русского народа? «Если на протяжении веков, начиная от московских философствований о третьем Риме, — а четвертому не бывать, — кончая “Скифами” Блока или строками Белого: “Россия, Россия, Россия, Мессия грядущего дня”, — народ в лице своей интеллигенции, — в лице своего мыслительного аппарата, — именно так утверждает свое историческое самосознание, — то не есть ли это такая же историческая реальность, как распространение Московского государства от Белого моря до Черного, как Империя, занимающая одну шестую мировой суши, и т. д. Национальное самосознание, образовываясь в частном сознании даже не мыслителей и провидцев, а просто рядовых граждан, думающих на эти темы, является известной реальностью, влияющей на общий ход исторического развития данного народа, с которой нельзя не считаться».

⁶³ Скобцова Е. «Классический марксизм и русский ленинизм» (доклад Н.А. Бердяева). С. 2.

⁶⁴ В 1929 г. в издательстве «УМСА-Press» выходят три ее брошюры, посвященные этим мыслителям: Скобцова Е. А. Хомяков. Р., 1929; Она же. Достоевский и современность. Р., 1929; Она же. Мирозозерцание Вл. Соловьева. Р., 1929. См. также статью, посвященную именно теме мессианства: Она же. Российское мессианское призвание // Утверждения. 1931. № 2. С. 23–29.

⁶⁵ Она же. Миссия народов // Д. 1928. 24 апр. № 1399. С. 3.

Может быть, самое интересное в таком подходе — это само всматривание в образ и судьбу народа через его задание, т. е. через то, что придает смысл его существованию (ошибки и падения не отменяют высоты задачи), а также то, что выработывает свое самосознание народ именно в лице своей интеллигенции, являющейся его мыслительным аппаратом; тогда в согласованности этого «аппарата» со всем организмом как целым — залог будущего народа. История мысли при таком подходе является не просто частью истории, но одной из ее движущих сил; стало быть, развитие народа во многом зависит от динамики развития мысли и плодотворности интеллигенции: «Многовековая история русской мессианской идеи, характеризующейся основными национальными свойствами русского народа, является, помимо всего прочего, подлинным свидетелем некоторой национальной реальности, с которой надо считаться, чтобы вообще понять русскую историю». Мы не будем сейчас подробно останавливаться на истории мессианской идеи в понимании Е.Ю. Скобцовой, отметим только тот минимум, который необходим для понимания всего комплекса ее идей. Мессианство связано для нее с идеей Боговоплощения; оно уже проявлено рождением Христа в еврейском народе, ставшем Богоприимцем. Но сама идея Богочеловечества позволяет думать и о воплощении Христа в истории, о претворении человечества в Богочеловечество. Именно к такой задаче подводит основное течение русской философской мысли — от идеи Третьего Рима до славянофилов, Соловьева, Достоевского и о. Сергия Булгакова, — пытавшееся связать земное и небесное (сама тема Софии), в земном уловить и воплотить небесный замысел. Именно в этом ключе и рассматривается особая религиозная устремленность русского народа, подводящая к его «светлой тайне».

Отметим сразу еще один момент, принципиальный для правильного понимания мысли автора: ее мессианская идея не только не совпадает с национализмом в любых его проявлениях, но полностью противоположна ему. Это связано и с теоретическим разграничением понятий «народ» и «нация», которые в истории русской мысли оказались разведены так, что из первого вышло революционное народничество с его заботой об угнетенных, а из второго — правый национализм, связанный с угнетателями⁶⁶. Но в первую очередь это связано с тем, что матери Марии во все периоды ее жизни был органически чужд какой бы то ни было национализм, какое бы то ни было превозношение одного народа над другим. В статье «Шуба от северного ветра»⁶⁷ она приводит два примера из собственной жизни: один — «полного национального унижения», второй — «национальной гордости». Первый: «По окончании гимназии я подала прошение на курсы. И вскоре узнала, что моя одноклассница, еврейка, учившаяся не хуже меня, не попала в процентную норму, так как у нее в пятом классе обнаружилась какая-то четверка, а я на курсы принята, хотя у меня тоже можно было обнаружить четверку. И вот тогда я испытала чувство глубочайшего унижения и стыда». Второй: «Февраль

⁶⁶ См. об этом ее подробную статью: Скобцова Е. К истокам // Современные записки. 1929. № 38. С. 488–500. Хотя упомянутая статья была опубликована в «Современных записках», первоначальный ее вариант под названием «Нечто о новаторстве и консерватизме» был послан именно в «Дни» и хранится в архиве газеты.

⁶⁷ Она же. Шуба от северного ветра // Д. 1928. 1 апр. № 1376. С. 2.

1920 года. Самостоятельная грузинская республика. Мы — уже беженцы, уже пришлые, после разгрома Деникинской армии, после Новороссийской эвакуации. <...> Фронт по ту сторону Кавказского хребта? Сыпной тиф? Разоренные станции? Гражданская война? — Знаете, какой существовал афоризм на этот счет в Тифлисе? — *Шуба от северного ветра*. <...> Не дают визу, — эдакая своеобразная черта оседлости, проведенная для русских Европой. Друзья предлагали мне хлопотать о грузинском подданстве. Вот он, момент полной и ничем не смущаемой национальной гордости. Я отказалась от грузинского паспорта и пошла со своим неудобным русским по всяким английским, французским и итальянским мятарствам. Никакой ценой, ни за какие визные благополучия нельзя было предать свою причастность к кровавой завесе, которую так цинично называли в Тифлисе “шубой от северного ветра”».

Если мессианство — это прежде всего избранничество, то такие примеры национального унижения и национальной гордости, в корне противоположные общепринятым, наводят на размышления о характере подобного избранничества. След такого понимания мы можем найти еще в одной статье «Дней», посвященной национальному вопросу: «Герань и Иоанн Калита»⁶⁸. Споря с сепаратистски настроенными представителями малых национальностей, она приводит пример величия Великороссии, не менее парадоксальный, чем приведенные примеры национального унижения и национальной гордости: «Иоанн Калита, — Великороссия, — заплатила за выход во *Все-Россию* отказом от своего местно-национального лица. Великороссия умерла, чтобы воскрес путь в масштабах Всероссийских. И потому теперь голос наследников ее, как собирательницы земли русской, как Калиты, — имеет право заявить: все всероссийское наследие, — с Пушкиным и Шевченко, с Рубинштейном и Глинкой... — все мое, — потому что я отрекся от своего частного, маленького, великорусского, отрекся во имя всероссийского целого. И не мое, а наше. А моего нет». Эта тема избранничества как жертвы и самоотдачи, лишь намечаемая здесь⁶⁹, с новой силой вспыхнет во время Второй мировой войны в ее не менее парадоксальном развороте темы избранничества Израиля, гонимой ветхозаветной Церкви, которую встречает также гонимая и свободная от союза с государством Церковь новозаветная, так что в этой разделенности страданий «создается новый и таинственный союз»⁷⁰, — концепция, озвучить которую мог, пожалуй, лишь тот, кто в итоге заплатил за нее жизнью: погибнув в концлагере за спасение евреев.

⁶⁸ Скобцова Е.И. Герань и Иоанн Калита. С. 3.

⁶⁹ Идея эта неразрывно связана с мыслью Вл. Соловьева, выделявшего в русской истории тактику самоотречения. В более позднее время эта линия продолжится в публицистике А.И. Солженицына как тема самоограничения.

О противоположности идеи мессианства национализму писал еще в «Судьбе России» Н.А. Бердяев: «Националистам всякий мессианизм со своим безумием и жертвенностью должен представляться не только враждебным, но и опасным. Националисты — трезвые, практические люди, хорошо устраивающиеся на земле» (Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 102).

⁷⁰ *Мать Мария*. Размышления о судьбах Европы и Азии // Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария). Жатва Духа. СПб., 2004. С. 496. Сходно раскрывает эту же тему Креста и избранничества Израиля Эдит Штайн, ученица Гуссерля, философ и католическая святая еврейского происхождения, погибшая в Освенциме.

Затронутая тема жертвы оказывается центральной и в народническом отношении к народу, к которому призывает вернуться не только Е.Ю. Скобцова. В 1927 г., например, выходит статья В.В. Зеньковского «Новое о народничестве», в которой он призывает к новому, «религиозному народничеству»: им должна стать пришедшая в Церковь интеллигенция⁷¹. Новое отношение к народничеству продумывает и Елизавета Юрьевна, и мы уже не раз упоминали об этом в связи с темой пересмотра идеологий. В статье «Классический марксизм и русский ленинизм» (доклад Н.А. Бердяева) она спорит с Бердяевым именно в ракурсе недооценки последним народничества: «Но ведь на самом деле основной чертой народничества было не противоположение себя народу, а стремление преодолеть это двухвековое противоположение. Для народничества тайна народа была и своя тайна, а не лежащая вовне». Заслуга революционного народничества для нее именно в том, что «оно совершенно правильно отказалось от притяния темной народной тайны, не захотело стать Стенькой Разиным, возглавить “русский бунт, бессмысленный и беспощадный”. Потому что этим отказом от властвования во что бы то ни стало народничество сохранило за собой право на представительство светлой тайны русского народа. Да, в этом была большая доля традиционной жертвенности русского народничества. Но и в этом же заключен залог его дальнейшего развития».

Отказ от власти как выбор «светлой», а не «темной тайны» народа — здесь не просто еще один пример жертвенности и самоотречения. Он связан с принципиальным для Е.Ю. Скобцовой различием народа и государства, с двумя типами исторического мышления, ставящими во главу угла одно из этих двух начал: римского, основанного на государственности, которой подчинен народ; и израильского, где в центре внимания народ, а государственность является моментом второстепенным. Симпатии автора, естественно, на стороне второй концепции, но в русской истории она видит их противоборство. Победа римского начала связана всегда с мертвечиной, «окоستنением», утратой свободы, тогда как подлинно народная линия несет с собой жизнь, творчество и духовную свободу. Потому что государство — искусственно созданный механизм, инструмент (которым просто нужно уметь пользоваться), тогда как народ — подлинный субъект истории, живая личность⁷².

Именно этот живой народ, живую Россию она и пытается разглядеть под пленкой коммунистической идеологии, «под ВКПб и Коминтерном»⁷³, видя залог величия их будущего в освобождении церкви от влияния государства, от «параллели»; в новом нарождающемся народном единстве, связанном с тем, что события революции и Гражданской войны переживались «всем народом», невзирая на классы и сословия. Это рождающееся единство связано с опытом колоссального страдания, и именно это страдание и должно оказаться в центре внимания нового народничества, которому естественно ответить на него состраданием и любовью. Только такое зрение и позволяет увидеть «светлую тайну», не закрывая глаза на

⁷¹ См.: Зеньковский В.В. Новое о народничестве // Современные записки. 1927. № 33. С. 469–480.

⁷² См. об этом в ее статье «К истокам».

⁷³ Скобцова Е. Две меры // Д. 1928. 10 июня. № 1445. С. 2.

«темную»: точно так же мать Мария видит самого Христа, образ Божий в каждом встреченном человеке, при этом человеческие грехи и недостатки лишь побуждают пристальнее всматриваться в свет и самоотверженнее за него бороться. В своих поздних статьях мать Мария назовет такое зрение «мистикой человекообщения».

В 1930 г., уже будучи разъездным секретарем РСХД, посетив немало эмигрантских пристанищ и увидев немало горя и нищеты, Е.Ю. Скобцова публикует в «Днях» статью «По обе стороны»⁷⁴. Она видит море страдания по обе стороны границы: в России, с ее голодом и жутким сталинским террором, в ужасах и доведенной до абсурда бессмысленности которого она полностью отдает себе отчет: «Машина давит, давит и своих и чужих. Россия — растерзанная плоть, и кровь смешалась с пылью. Россия Соловков, Россия будней, лишенцев, Россия, караемая отнятием права есть. Старики без жилплощади; дети, перед которыми стоит уже раз испытанная дорога: через голодный год в банду беспризорных, в то, что по ту сторону бытия. А рядом скоморошество, маскарад. ...Кровь, голод, отчаянная ненависть всех, ненависть отчаяния, а рядом скоморошье “силны как никогда”». И параллельно этим страданиям — страдания рядовых русских эмигрантов (о которых она писала еще в политических статьях 1925 г.): «А вот что такое настоящая эмиграция, раскинутая по заводам, по французским трущобам? Тут тоже примеры не менее страшные, чем те, которые приходят с той стороны. Эмиграция — это завод и кабак». Только внимательностью и любовью к тому, что по эту сторону, — любовью к ближним, и может быть осуществлено сострадание и к тем, дальним; в страдающий эмигрантский народ и должно идти новое народничество: «...надо принять медика-пьяницу, притоны, тоску, скитания из города в город. Всю эту истерику и безвыходность настоящей, мученической эмиграции принять до конца и чувствовать, что только так и может быть, когда в России кровь и пыль и скоморошьи личины. <...> Ведь тут помощь — только в любви к этим потерявшимся и пьяненьким, помощь в отказе от своих белых одежд. Дело в том, что только через эти раны и лежит единственная дорога в Россию. ...Только при этом и возможно единое с Россией биение сердца. Соловки и скоморошьи кровавые крестные ходы, выбитые окна домов от планового взрыва церковей — это параллельно кабакам, заводам и тоске русской рядовой эмиграции. Все прочие или должны это понять и освободиться от бездарной и чуждой обывательщины, которой они заполнили свою жизнь, прикрывая это высокими словами о миссиях, признании и белых эмигрантских ризах, или должны обречь себя на такое европейски-уездное прозябание, которому нет ни оправдания, ни пути к страшной, холодной, тоскующей России».

Такому народничеству мать Мария и посвятила свою жизнь — вплоть до смерти в самой гуще народа, «с гурьбой и гуртом», в битком набитой газовой камере.

⁷⁴ Скобцова Е. По обе стороны // Д. 1930. 7 сент. № 105. С. 13–14. Тему эмигрантского народа и его страданий, поднятую в этой статье, Е.Ю. Скобцова продолжит в докладе на собрании «Дней» в 1931 г. См.: Корин А. Собрания «Дней». XLV. «Будни эмиграции». Доклад Е.Ю. Скобцовой // Д. 1931. 1 марта. № 125. С. 4–11. (Изложение доклада, прочитанного Е.Ю. Скобцовой 20 февраля 1931 г. на очередном собрании «Дней» под председательством А.Ф. Керенского, и прений по нему.)

О НЕРАВНОДУШИИ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Из прослеженных нами оживленных дискуссий, разворачивавшихся в 1928 г. на страницах «Дней» вокруг статей Е.Ю. Скобцовой, мы не осветили в подробностях одну: спор о «герани». 9 марта она публикует текст «Герань и Иоанн Калита»⁷⁵, ставший реакцией на собрания «Дней» с дебатами по национальному вопросу⁷⁶. Елизавета Юрьевна начинает с чувства неудовлетворенности решением вопроса на уровне «злободневной политики», предлагая, как обычно, его углубить. Далее она пытается ответить на вопрос: что ее, «не империалистку, не шовинистку — раздражает в самодовольной и заносчивой позиции малых народностей?». Дело тут не в столкновении экономических интересов, а в чувстве «русской, исторической судьбы». Далее следует еще один неожиданный поворот все той же темы избранничества: «Величаяя и трагическая поступь русской истории, все конфликты и антиномии, заложенные в ней, все взлеты и падения, ею уже осуществленные, — удивительно точно психологизировались в абсолютном и крайнем отрицании мещанства, мещанского благополучия, мещанской “герани” на окне, которое так определенно проходит через всю русскую литературу. <...> И за наше право существовать “без герани” мы платим очень дорогой ценой. Вот психологический ключ к уразумению нашего отношения к окраинным идеалам, “герани”». И уже далее именно в этом ключе автор поднимает тему добровольной смерти Великороссии ради жизни Все-России, о чем мы уже говорили.

«Герань» вызвала возмущенные отклики в «Днях» некоего А.Х., одного из представителей «малых наций»⁷⁷; ответом на них стала статья в «Последних новостях» «В защиту “герани”»⁷⁸, а в РСХД даже было проведено собрание кружка по изучению России, посвященное обсуждению данной статьи⁷⁹. Что не удивительно. «Герань», «шуба от северного ветра», «тепло и не дует» — может быть, самые хлесткие образы в рассматриваемой публицистике. Они обрисовывают то явление, которое вызывает наибольшее возмущение автора: мещанство. Мещанство в понимании Елизаветы Юрьевны — отнюдь не привилегия той или иной национальности: она пишет о «великом звере мещанства, правящем сейчас Россией под видом диктатуры коммунистической партии»⁸⁰. Мещанство никоим образом не

⁷⁵ Скобцова Е. Герань и Иоанн Калита. С. 3.

⁷⁶ См.: Корин А. Собрания «Дней» IX. Доклад М.В. Вишняка «Национальные вопросы в России // Д. 1928. 7 февр. № 1322. С. 2–3. (Собрание 30 января под председательством Н.Д. Авксентьева.); *Он же*. Собрания «Дней» X. Прения по докладу «Национальные вопросы в России» // Там же. 15 февр. № 1330. С. 2–3. (Собрание 9 февраля под председательством Н.Д. Авксентьева.); *Он же*. Собрания «Дней» XI. Прения по докладу «Национальные вопросы в России» // Там же. 25 февр. № 1340. С. 2–3. (Собрание 20 февраля под председательством Н.Д. Авксентьева.); *Он же*. Собрания «Дней» XII. Прения по докладу М.В. Вишняка «Национальные вопросы в России» // Там же. 1 марта. № 1345. С. 3. (Собрание 25 февраля под председательством А.Ф. Керенского.)

⁷⁷ См.: А.Х. Об исторической миссии России // Там же. 9 апр. № 1384. С. 2; *Он же*. Об особой психологии русского народа // Там же. 16 апр. № 1391. С. 2; *Он же*. Иоанн Калита сам толкает герани // Там же. 23 апр. № 1398. С. 2.

⁷⁸ Мейснер Д. В защиту «герани» // Последние новости. 1928. 10 апр. № 2575. С. 3.

⁷⁹ См.: Е.Ф. «Герань». РСХД // Д. 1928. 22 апр. № 1397. С. 5.

⁸⁰ Скобцова Е. Комсомольский быт. С. 2–3.

совпадает с судьбой маленького человека: мы хорошо помним, как печется мать Мария о его судьбе. Мещанство — это равнодушие и выбор безответственности, т. е. то, что в корне противоположно свободе, ответственности и жизни. «Шубе от северного ветра» (а статья с таким названием продолжает и развивает тему «герани») Е.Ю. Скобцова противопоставляет «принятие на себя максимальной ответственности за все совершившееся»⁸¹, за весь ужас Гражданской войны, за все срывы и падения народа.

Теме равнодушия посвящена очень эмоциональная статья «Два события»⁸² — представляющая собой отклик на то, как в русских газетах было сообщено о смертной казни двух польских бандитов и о толпе, кричавшей «Смерть!» еще одному арестанту, подозреваемому в убийстве. Это, наверно, самая возмущенная из всех статей Е.Ю. Скобцовой в «Днях»: она пишет о «третьем» событии, «нашем русском безразличии к этим чужим казням»: «Тут перед нами две дороги. Или слыша постоянно: такой-то расстрелян, такой-то замучен, у такого-то казнили сыновей, у такой-то в Чеке погиб муж, — мы отупели, мы приняли известную бытовую обыденщину казней, — и уж не удивишь нас, не затронешь даже просто наших нервов казнью каких-то двух бандитов. Что бандиты, чужие нам, когда столько близких нет? — И если мы на этом пути, то вообще нам спасения нет, — погибнем, значит, от медленной отравы чужой кровью, в себя приняли самый страшный яд чекистского начала. И другой путь. Путь соучастия в предсмертных муках казнимого. Путь ощущения казни человека как поругания человечества и как своего личного поругания. “Человек, — это звучит гордо”. — Это могло звучать гордо до подвалов Чеки. Сейчас это звучит очень жалобно и тоскливо, потому что человек — это тот, кого убивают, человек, — это тот, кто убивает. И в любой казни всегда казнится и мое человеческое достоинство. Мы должны себя чувствовать соказненными».

Именно в этой статье почти невольно прорывается у нее «негазетная» тема Креста и Голгофы, окончательно расставляющая точки над *i* в ее теме избранничества и мессианства: «И может быть, наше — русское — последнее оправдание сейчас в том и в том наш выход на иные дороги, что тень Креста на казнях русских явственнее и виднее». Слова «Крест» и «выход» недаром стоят рядом, в одной фразе. Развитие и завершение историософии матери Марии можно найти в ее богословии времен «Православного дела», неотделимого от самого этого дела как части «целостной жизни» и «целостного мирозерцания».

⁸¹ Скобцова Е. Шуба от северного ветра. С. 2.

⁸² Она же. Два события // Там же. 12 апр. № 1387. С. 2.

К. Пьералли

КРАТКИЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОЧЕРК
О РУССКОЙ МАСОНСКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
В ЭМИГРАЦИИ:
ТЕМАТИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В русской культуре XX в. существуют прозаические тексты, которые до сих пор не введены в широкий исследовательский оборот, но представляют значительный интерес; речь идет о масонских докладах писателей-эмигрантов в Париже. По определению В.И. Старцева, это «оригинальное культурное и политическое явление»¹, с одной стороны, в контексте истории русской мысли, а с другой — в контексте русской эмиграции; эти тексты примечательны не только для историков русского масонства, но и прежде всего для литературоведов, поскольку они посвящены осмыслению русской культуры, и прежде всего творчества ярчайших представителей русской словесности.

Масонские доклады русской эмиграции являются особым типом нехудожественной литературы в ряду других многочисленных жанров соответствующего рода. Они создавались в период с 1920-х по 1960-е гг. выдающимися писателями-эмигрантами, прежде всего знаменитыми критиками и публицистами, а также поэтами и прозаиками, оказавшимися в изгнании, такими как Г.В. Адамович, М.А. Осоргин, С.К. Маковский, П.А. Бобринский, Г. Газданов, принадлежавшими к русским эмигрантским ложам, основанным в Париже и Берлине русской диаспорой в начале 1920-х гг. Отметим, что такой феномен оказался особо распространенным прежде всего в Париже. Известные публицисты и критики М. Осоргин, С. Маковский, Г. Адамович регулярно выступали на заседаниях русскоязычных лож. Например, Адамович являлся особо талантливым масоном-оратором; по нашим подсчетам, им написаны и прочитаны 27 докладов о русской литературе и его собственной эпохе².

¹ *Старцев В.И.* Русское эмигрантское масонство во Франции (1918–1939 гг.) // Российское зарубежье: история и современность. М., 1998. С. 50.

² Фонд Адамовича хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 754). Возможно, некоторые материалы не были учтены, так как очень трудно восстановить полностью состав данных источников (в настоящем очерке не учитываются материалы, оставшиеся в Париже в архиве Великой Ложы Франции).

СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Часть источников по истории русского эмигрантского масонства опубликована (хотя и не переиздана) в эмигрантской прессе или в труднодоступных масонских изданиях — «Вестнике объединения русских лож» и «Русском вольном каменщике», другая часть так никогда опубликована и не была. Что касается рукописей (написанных от руки и часто с большим трудом поддающихся чтению), то они разбросаны по российским архивам: в личных фондах писателей-эмигрантов в Российском государственном архиве литературы и искусства, прежде всего в фондах Евреинова, Маковского и др., Российском государственном военном архиве, где число таких материалов было до недавнего времени колоссальным, только в последние годы значительная часть документов, в том числе русскоязычных лож, была возвращена Франции³, и в богатейшем фонде Адамовича в отделе рукописей РГБ, где хранятся не только его масонские доклады, но также доклады других масонов (более всего Ермолова и Маковского) и полная история ложи «Юпитер» в Париже, составленная Адамовичем. Большое количество этих текстов ныне доступно в собственном архиве Великой Ложи Франции (Париж). Разобраться в этих источниках непросто, поскольку огромное количество материалов не было должным образом систематизировано, папки дел упорядочены по ложам, однако в каждой из них можно обнаружить весьма разнородные документы (масонские доклады, смешанные с протоколами или с перепиской и официальными сообщениями), часто относящиеся к совершенно разным историческим периодам. Описи фондов не были разработаны⁴.

Что касается печатных докладов, то фрагментарно они были опубликованы в периодических изданиях лож, выходявших за пределами России. Речь идет о, скажем так, «сектантских публикациях», т. е. изданиях, предназначенных исключительно для членов русских эмигрантских лож (в частности, «Русский вольный каменщик» — бюллетень объединения русских лож, существовавший с 1935 г., — который вышел только в 1946 г., и «Вестник объединения русских лож», издававшийся

³ Возвращение документов французского происхождения, хранящихся в РГВА, — соответственно, материалов эмигрантских масонских лож — происходило в два этапа, в 1993–1994 гг. и в 2000 г. Среди интереснейших для изучения русского эмигрантского масонства материалов фонд 93 (Великая Ложа Франции) был целиком передан во Францию, где теперь размещен в отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже. Что касается документов русских мастерских в межвоенный период, в РГВА целиком сохранились только архивы белоэмигрантской ложи «Астрея» (ф. 730к), архив берлинской ложи «Великий Свет Севера» (ф. 729к), некоторые документы ложи «Гермес» (ф. 111к), белоэмигрантской ложи «Лотос» (ф. 1354к). Несколько интересных материалов по истории русского эмигрантского масонства можно обнаружить также в обширном фонде «Великий Восток Франции» (ф. 92к), который также в основном передан, но часть которого сохранилась в виде фотокопий. Многочисленные материалы о деятельности эмигрантской ложи «Юпитер» (к которой принадлежал и Маковский) хранятся в личном фонде Г. Адамовича в ОР РГБ (ф. 754. К 4–5). Подробные сведения о судьбе материалов этих лож также представлены в исследовании А.И. Серкова (Серков А.И. История русского масонства (1845–1945). СПб., 1997. С. 13–22), где описывается состояние хранения источников до 1997 г.

⁴ См. об этом: Пиералли К. Влияние масонства на эстетические взгляды С.К. Маковского в эмиграции (на основе архивных разысканий): к постановке темы // Литературный текст XX в.: Проблемы поэтики. Челябинск, 2009. С. 210.

в Париже в 1959–1964 гг.). Некоторые из этих докладов были использованы их авторами в качестве основы для критических статей, публиковавшихся в эмигрантских журналах и газетах (мы обнаружили такого рода тексты у Адамовича, Терапиано, Маковского, печатавшихся в «Русской мысли», «Новом журнале», «Мостах» и др.).

Как нам удалось установить, доклады хранятся в полном или сокращенном, схематизированном виде. Под второе определение подпадают архивные «Тезисы к докладу». Эти наброски имеют строго тезисную структуру, обозначающую существенные пункты сообщения (во время выступлений отдельные тезисы излагались более развернуто). Хранятся они чаще всего в общих папках, содержащих материалы, связанные с деятельностью ложи, в свою очередь, размещенные в личных фондах писателей-масонов.

Суммируя содержание этих докладов, можно выделить некоторые общие контекстуальные, содержательные и формальные элементы: цель (мотивировка и контекст), темы и ключевые проблемы, жанровое своеобразие, структура аргументации и стиль.

Масонские доклады писались, затем произносились на заседаниях русскоязычных лож и преследовали определенные цели. Масоны изучали историю русской культуры и периодически посвящали этой теме доклады. С ними они выступали как на заседаниях русскоязычных лож, так и на совместных встречах русских и французских лож. Такая культурно-исследовательская деятельность расценивалась русскими масонами как одна из главных просветительских задач. Масонские кружки воспринимались их членами как лаборатория умственного образования. Как свидетельствуют архивные документы о деятельности русских эмигрантских лож с 1920-х по начало 1960-х гг., масонство — это прежде всего работа мысли⁵; такое понимание особенной миссии движения связано с условиями, в которых находилась русская эмигрантская диаспора, — необходимостью сохранения и распространения русского культурного наследия.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ. ОБРАЗ Л.Н. ТОЛСТОГО У РУССКИХ МАСОНОВ

В 1920–30-е гг. в русских масонских ложах происходили значительные изменения; сначала ложи интересовались преимущественно политическими вопросами, а их деятельность носила конспиративный характер. Однако с конца 1920-х гг., с угасанием надежд на возвращение на родину, политические интересы постепенно уступали место вопросам символики, просветительской философии и традиции, и, шире, основательному изучению идеологии современного русского масонства. К началу 1930-х гг. духовно-просветительская миссия в работах русских масонских лож все больше

⁵ Довольно показательными в этом отношении являются предписания одного из масонских орденов: «Нам нужны мыслители, и нам не создаст их университетское преподавание. <...> Масонство предлагает своим адептам мыслить самостоятельно. <...> [Оно] стремится развивать... мыслителя и мудреца» (Инструкция об обязанностях членов ложи // РГВА. Ф. 730. Оп. 1 Д. 23. Л. 2, 3, 27).

выходила на первый план (наиболее популярными темами их рефлексии являлись положение русской эмиграции и задачи эмигрантского масонства перед Россией, а также взаимоотношения масонства и тоталитарных систем — социализма и фашизма⁶). Внимание эмигрантских масонов привлекали также проблемы современного общества, религиозно-философские движения России и других стран, масонские проблемы философского обоснования посвящения и масонских ценностей, а больше всего их интересовала русская литература золотого и Серебряного веков (что не кажется удивительным, если мы возьмем в расчет сознательные усилия русских эмигрантов первой волны по сохранению дореволюционной культурной традиции⁷). Творчество русских писателей часто анализировалось в свете идеалов масонской философии (показательным примером являются три доклада об отношениях Льва Толстого с масонством, на чем более подробно мы остановимся ниже). Темы выступлений не были случайными: каждый год руководство ложи объявляло специфическую тему исследования, на которую докладчики должны были ориентироваться⁸.

Критическое осмысление российской словесности в свете масонских учений особенно сфокусировалось на фигуре Л. Толстого. Стремясь кратко проиллюстрировать эту тенденцию, мы остановимся на трех докладах, посвященных Толстому, и покажем, как масоны-эмигранты интерпретировали его творчество. В первую очередь, речь идет о докладе Г. Адамовича «Значение Толстого» (прочитан в Париже на заседании русской ложи «Юпитер» 7 апреля 1960 г., не опубликован и хранится в отделе рукописей РГБ⁹). Во-вторых, это публикуемый нами доклад С.К. Маковского «Бес равенства (Антиэстетика Толстого)», сделанный в Париже на заседании русской ложи «Астрея» в том же 1960 г. Доклад был опубликован

⁶ Об этом красноречиво свидетельствуют программы работ лож; см., напр., «Программу работ л<ожи> Лотос на 1935 г.», посвященную «современному состоянию идеологии и задач русского масонства» (РГВА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2. Л. 9).

⁷ Данный вектор в концептуализации опыта изгнания был по-разному интерпретирован историками русской диаспоры и литературоведами. Среди них М. Раев настаивает прежде всего на стремлении «сохранить» («эмиграция... приобретала характер духовной миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжать творческую жизнь ради духовного прогресса родины» (Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994. С. 14), другие выделяют различные фазы развития в разработке идеи «миссии диаспоры», как, напр., А. Азов, выявивший первый этап в сохранении дореволюционной культурной традиции, второй в выработке новой идеологии для новой, возрождающейся России, освобожденной от режима, третий в преобразовании русской культуры в новый тип мировой культуры на православной основе (см.: Азов А. Проблема теоретического моделирования самосознания художника в изгнании. Ярославль, 1996. С. 148 и след.).

⁸ См.: Серков А.И. О создании «Истории ложи Юпитера» // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 52. М., 2004. С. 372–376.

⁹ Доклад имел подзаголовок: «По случаю 50-летия его кончины». На обложке тетради, в которой написан доклад, стоит помета: «Толстой — Puteaux». (На парижской улице Пюто находится масонский храм Великой Ложи Франции.) На первом листе, до текста доклада, есть своеобразный эпиграф, написанный рукой Г.В. Адамовича, — цитата из «Войны и мира» Л.Н. Толстого: «О чем? Главное, о чем ему хотелось плакать, была страшная противоположность между чем-то бесконечно-великим и непреодолимым, бывшим в нем, и чем-то узким и телесным, чем он был сам» (НИОР РГБ. Ф. 754. К. 2. Ед. хр. 46).

тогда же в переработанном виде в альманахе «Мосты» (Мюнхен)¹⁰. В-третьих, это доклад П.А. Бурышкина «Масонство в романе Толстого “Война и мир”», опубликованный в журнале «Русский вольный каменщик» (1946. № 2). Три упомянутых <...> нами текста показывают общее концептуальное ядро — центральное положение Л.Н. Толстого в сознании русских эмигрантских масонов.

Основную мысль доклада Адамовича можно свести к тому, что Толстой имеет огромное значение для философии русского масонства, потому что он максимально воплощает идеалы его философии, т. е. достижения свободы духа через полное осознание принадлежности к своему народу («он писал не только для себя, а как будто за весь свой народ, выражая то, о чем молчали миллионы людей»). Кроме того, для того чтобы быть хорошим масоном, нужно уметь чувствовать себя «общечеловеческим», «а для того чтобы чувствовать общечеловеческим, нужно прежде всего чувствовать себя человеком своего народа»¹¹.

Доклад Маковского является в своей первой части краткой пояснительной иллюстрацией к трактату Толстого «Что такое искусство?» и вместе с тем защитой его аргументации против идеи искусства как наслаждения и красоты для красоты. У Маковского главной темой является восстание Толстого для освобождения искусства от эстетики. Маковский, так же как и Адамович, пытается выявить масонские корни в толстовских концепциях искусства: он замечает, что главный довод Толстого против искусства составляет равенство людей — искусство должно служить развитию религиозного сознания, что заключается в братской жизни всех людей, в их всемирном единении. Во второй части доклад представляет интереснейшее развертывание толстовского христианства, его понимания этики и эстетики, а также открытие удивительного сходства большевистской концепции демократического искусства («искусства для всех») с учением писателя.

Бурышкин говорит о том, что Толстой очень глубоко интересовался идеями масонства, читал масонские рукописи Румянцевского музея и именно этому движению посвящено немало страниц романа «Война и мир». Толстой никогда и не упоминает масонство, но молчит он по цензурным соображениям. Для Бурышкина Безухов является центральной фигурой в русском масонстве, и поэтому он ставит вопрос о том, верно ли это изображение, носит ли оно портретный характер. По оценке Бурышкина, Толстой нарисовал верную картину масонства той эпохи, ухватил его дух и сущность и добросовестно воспользовался источниками (особенно при описании посвящения Пьера в орден). Однако Толстой в своем романе все-таки осуждает масонство и выражает это противопоставлением каратаевских рассуждений масонским поучениям, его «правды» масонскому лабиринту лжи, которую ощущал разочаровавшийся в масонстве Пьер. Книга Толстого, по Бурышкину, сыграла значительную роль в процессе ознакомления русских людей с былым русским масонством — именно по описаниям деятельности и переживаний Безухова: «В смысле популяризации ордена вольных каменщиков эпопея Толстого сделала не меньше, чем вся историческая литература, и сделала так, что в кругах интеллиген-

¹⁰ Черновой машинописный автограф хранится в РГАЛИ (Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 65).

¹¹ Там же.

ции любили и ценили старое русское масонство. И многие стали верить, как и Пьер, в возможность братства людей, соединенных с целью поддерживать друг друга на пути добродетели, и таковым представляется им масонство»¹².

Итак, отметим, что образ Толстого становится весьма значимой точкой отсчета в критическом сознании русских эмигрантов-масонов. Данный аспект эмигрантской культуры вполне подтверждает правильность выводов М. Раева об особенностях понимания миссии диаспоры как именно духовной. Усматривая в творениях Толстого различные качества подлинного духовного осмысления жизни и ее отношения к искусству, описанные нами тексты вполне вписываются в комплекс документов, свидетельствующих об особенной рецепции понятия «миссия» в эмигрантской интеллигенции.

Внимание к творчеству Толстого среди эмигрантов, конечно, далеко не новость: как уже было отмечено, в 1920–1930-е гг. Толстой особо занимал именно русскую эмиграцию, как свидетельствуют отдельные работы знаменитых писателей-эмигрантов (Бунина, Алданова, Шестова, Струве), посвященные Толстому, а также хранящиеся в РГАЛИ фонды Союза русских писателей и журналистов и Союза ревнителей чистоты русского языка в Югославии¹³. Интерпретации творчества Толстого писателями-эмигрантами сходятся в основной идее исключительной сложности, невозможности исчерпывающего определения Толстого¹⁴. Одновременно восприятие Толстого с 1925 г. начинает меняться: как у представителей советской власти (Луначарский), так и среди литераторов эмиграции появляется критическое, если не враждебное отношение к Толстому, в особенности к его социальным идеям и нравственной проповеди. Итак, если позиции эмигрантов по отношению к Толстому со временем стали расходиться и не были однозначными, то в масонской среде можно отметить обратный феномен — единый взгляд на значение и ценность толстовского наследия.

Отличительной чертой осмысления творчества Толстого русскими масонами в сравнении с другими деятелями культуры и писателями-эмигрантами становится именно стремление «присоединить» великого писателя к масонскому учению или к истокам масонской идеологии. Этот довольно распространенный среди «собратьев» подход к прочтению произведений Толстого можно интерпретировать как намерение обосновать значимость масонской философии и системы ценностей, доказать и аргументировать ее, быть может, именно в глазах тех русских, которые хотя и не вступили в ряды эмигрантского масонства, но тем не менее ценили писателя, считая его сочинения великим культурным наследием дореволюционной России.

¹² Бурыйшкин П. Масонство в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Русский вольный каменщик. Париж, 1946. Вып. 2. С. 14.

¹³ См.: Пономарев Е.Р. Лев Толстой в литературном сознании русской эмиграции 1920–1930-х годов // Научная онлайн-библиотека «Порталус». URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showcomments&id=1195564009&archive=1195597215&start_from=&ucat=&. С. 204.

¹⁴ См.: Там же.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Масонские тексты русской эмиграции представляют интерес и с жанровой точки зрения. При изучении жанровой природы данных текстов, относящихся к нехудожественной литературе (критика, эссеистика, философская проза, литературная теория и критика, публицистические тексты, мемуарная литература, ораторская проза), мы попытались применить бахтинскую теорию речевых жанров¹⁵. Бахтин причислял тексты, относящиеся к «разнообразному миру публицистических выступлений» (и в частности, доклады), к речевым жанрам¹⁶. Мы представим краткий обзор наиболее значимых попыток определить жанровую природу масонских «докладов», уже появившихся в научных исследованиях.

Первое жанровое определение этих специфических текстов принадлежит историку русского масонства А.И. Серкову, согласно которому доклады следует отнести к «масонской критической литературе»¹⁷. Ученый, однако, не останавливается подробно на изучении их жанровой структуры.

Рассмотренные нами произведения представляют собой самостоятельный жанр, который соотносится, с одной стороны, с традиционным видом критической, публицистической статьи, а с другой — с докладом или, вернее, устным выступлением. Бахтинское определение речевых жанров, функционально-стилистически обоснованное, хорошо подходит и к нашим текстам, которые можно рассматривать как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказывания»¹⁸.

Некоторые параметры, отмеченные Бахтиным для определения речевых жанров, можно использовать при характеристике наших текстов, например:

1. Целенаправленность высказываний: доклады построены с учетом ситуативного контекста и функциональной ориентированности высказываний («в каждом высказывании мы ощущаем... речевую волю говорящего и ее границы»¹⁹). Согласно Бахтину «каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою определяющую его как жанр типическую концепцию адресата. <...>

¹⁵ Под речевыми жанрами Бахтин понимает широкий спектр разнородных письменных и устных тематически и ситуативно обусловленных типов высказываний, которые частично пересекаются с литературными жанрами. Речевые жанры отличаются друг от друга формально-синтагматически или функционально (см.: *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х гг. С. 159–167; *Деннингхаус С.* Теория речевых жанров М.М. Бахтина в тени прагмалингвистики // *Жанры речи*: Сб. науч. ст. Саратов, 2002. Вып. 3. С. 109).

¹⁶ Там же. С. 160.

¹⁷ См.: *Серков А.И.* Масонские доклады Г.И. Газданова // *Новое литературное обозрение*. 1998. № 39. С. 174–185.

¹⁸ *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. С. 164. К речевым жанрам Бахтин причислял как бытовую диалог, так и разнородный мир публицистических выступлений.

¹⁹ Там же. С. 270. В отличие от сторонников теории речевых актов Бахтин сосредоточивает внимание на типе текста, а не на типе действия. Тем не менее Гольдин замечает, что термин «речевой жанр» до сих пор понимается по-разному, а на самом деле он «находится между речевыми актами, текстовым типом и тональностью общения» (*Гольдин В.Е.* Проблемы жанроведения // *Жанры речи*: Сб. науч. ст. Саратов, 1999. С. 4–7).

Этот учет определит и выбор жанра высказывания, и выбор композиционных приемов, и, наконец, выбор языковых средств, то есть с т и л ь высказывания»²⁰. Высказывание Бахтина вполне применимо к анализируемым здесь текстам, где отношение говорящего к публике строго определено и структурируется в известных и устойчивых рамках общения, порой включающего элементы обрядности.

2. Параметр «апперцептивного фона адресата речи»²¹ (к которому, по Бахтину, относится так называемый нейтрально-объективный стиль): это особого рода отношения говорящего со слушающим, которые играют очень важную роль при обороте коммуникативных приемов и языковых средств.

Как кажется, еще более подходит к нашим материалам метод анализа, предложенный К.А. Долининым. Долинин делает акцент на детерминированности речевого поведения экстралингвистическими факторами, т. е. он выделяет параметры коммуникативной ситуации (автор, адресат, наблюдатель, канал связи, время, обстановка и др.) и определяет иные параметры, по которым можно определить тип жанра того или иного нехудожественного текста или речевого сообщения. По словам Долинина, это устойчивое, повторяющееся сочетание необходимо для существования речевого жанра как фиксированного образца речевого поведения: целенаправленность, которая функционирует как некая движущая сила высказывания, статус и роль автора (субъект речи, рассматриваемый как носитель некоего статуса, роли, как субъект некоего действия, преследующего определенную цель), наблюдатель и адресат, личностные взаимоотношения партнеров, окружающая обстановка (более конфиденциальные жанры), референтная ситуация, условные роли и речевое поведение — предписания и ожидания²².

В свете этой схемы Долинин предлагает следующее определение речевых жанров: «Речевой жанр можно определить как установленный в данном социуме тип речевого поведения, задаваемый речевой ролью и регулируемый жанровыми предписаниями и / или взаимными ожиданиями партнеров по общению»²³. Следуя данному определению, можно признать в наших текстах особую типологию речевых жанров.

Особенно интересным в отношении поставленной нами проблемы представляется теория Долинина о прямо пропорциональной соотнесенности и «выделимости» (как четко очерченных таксономических единиц; определение Долинина) речевых жанров с конвенциональными ролями²⁴. Рефлексия о жанровой «выделимости» рассмотренных нами докладов как особого текста влечет за собой изучение взаимоотношений речевых жанров и речевых актов. Что касается докладов, то они все-таки являются «речевыми событиями», чья особенность заключается в их «двухмерном измерении», т. е. в том, что они существу-

²⁰ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. С. 200–201.

²¹ Там же. С. 203.

²² См.: Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. ст. в честь проф. Ц.Г. Ильенко. СПб., 1998. С. 37–40.

²³ Там же. С. 39–40.

²⁴ См.: Там же. С. 41.

ют в двух отдельных гипостазах (в письменном тексте и устно, в выступлении). Исходя из этого основного утверждения, следовало бы выяснить, есть ли у этих текстов речевые стратегии и тактики и каковы композиция и стилистика их дискурса.

Например, два, казалось бы, очень схожих типа речевых сообщений, таких как лекция и доклад, должны, как отмечает Долинин, строиться по-разному, в соответствии с уровнем подготовленности слушателей²⁵. Это не удивляет, если подумать, что лекция носит более утверждающе-монологический характер, в то время как доклад является более диалогическим и ознакомительным по своим характеристикам.

Классификационный принцип речевых актов составляет их иллокутивная сила, т. е. *цель высказывания*, как учил английский лингвист и философ Дж.Л. Остин²⁶. Некоторые лингвисты использовали сравнительное изучение общих характеристик доклада и лекции с целью описания взаимосвязей речевых жанров и речевых актов. В этом отношении наиболее интересная попытка была предпринята А. Вежицкой²⁷. В любом случае следует отметить, что речевые жанры (к которым мы относим масонские доклады) образуются из речевых актов. Тем не менее, как отмечено Долининым, свести тот или иной речевой жанр к тому или иному речевому акту или к их сочетанию невозможно. Речевые жанры — функция целого ряда аргументов, интегрировать которые теория речевых актов неспособна²⁸. Согласно Долинину доклад — это яркий пример того, как могут соотноситься речевые жанры и акты.

Согласно интерпретации теории речевых жанров, разработанной О.Б. Сиротиной, доклад нельзя рассматривать как речевой жанр, поскольку он включает в себя элементы спланированной конструкции речи, он является суммой речевых жанров. Действительно, «один и тот же жанр может быть чисто речевым при отсутствии специально спланированного, сознательно использованного построения речи и употребления в ней определенных языковых средств»²⁹. На самом деле, по Бахтину, доклад, так же как и трактат, закономерно считать речевым жанром, т. е. устойчивым типом высказывания монологического типа письменного текста³⁰.

²⁵ См.: Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина. С. 40.

²⁶ Теория речевых актов (speech act theory) была изложена Остином в курсе лекций под названием «Как совершать действия при помощи слов» («How To Do Things With Words»), прочитанном в Гарвардском университете в 1955 г. Новым элементом в рефлексии Остина является понятие иллокуции, так как локуцией всегда занималась семантика, а перлокуция была объектом изучения риторики. Однако Остин не дает точного определения понятию «иллокутивный акт», а для его объяснения он только приводит примеры — вопрос, ответ, информация. Единый речевой акт в понимании Остина представляется трехуровневым образованием. Речевой акт в отношении к используемому в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт; в отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления — как иллокутивный акт; в отношении к своим результатам — как перлокутивный акт (см.: Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М., 1999. С. 13–135).

²⁷ См.: Вежицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.

²⁸ См.: Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина. С. 45.

²⁹ Сиротина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевые жанры» и «риторические жанры» // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов, 1999. С. 26–30.

³⁰ См.: Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. С. 172–173.

Что касается формального своеобразия этих текстов, то здесь можно выделить некоторые их структурные характеристики. Стремясь описать композицию масонского доклада, обратим внимание на следующие факторы:

а) *Структура доводов* — система расположения тематических блоков сообщений (система организации информации в тексте). В масонских докладах темы не имеют строго организованной структуры распределения доводов по тексту. Главный вопрос, которому посвящается сообщение, не уточняется автором в начале, так что тема доклада с первых его строк очевидной не становится. Начало сообщения свидетельствует о стиле, в котором написаны тексты масонских выступлений: ощутима печать индивидуальности говорящего (уход от научной речи). В этом отношении следует учитывать, что более или менее все ораторы начинают с объяснения, почему они избрали именно эту тему для выступления. Далее заметен плавный переход от одной темы к другой, без какого бы то ни было четкого разграничения. Сообщения являются одним целым, без разделения на те или иные части текста.

б) *Проблема адресата и восприятия* — к кому обращаются докладчики и как воспринимают произнесенное слушатели. Масонские доклады были предназначены замкнутому кругу людей, разделяющих с автором точку зрения на основные духовные ценности.

в) *Стиль*, в котором написаны (и прочтены) данные тексты, не однороден — в основном это научная речь, а также ораторская и повествовательная проза, запечатленная в письменном виде.

Теперь мы обратимся к описанию стилистических приемов масонских докладов. Ярчайшая черта этих текстов — это их двойное измерение: устная и письменная ипостаси. Доклад — это все-таки текст и одновременно «речевое событие», он существует в двух отдельных моментах времени³¹. Эти два плана отражаются на диалогическом (устном) характере письменного текста. Из этой их особенности вытекает вторая структурная характеристика: совпадение автора и говорящего / выступающего.

Стилевые приемы, которые встречаются наиболее часто в докладах, — это риторические приемы, типичные для устной речи («прежде всего я бы хотел сказать...»). Такие формы исчезают из текста при публикации. Что касается синтаксической организации текста, то мы наблюдаем здесь фразы, построенные по схеме «вопрос — ответ» и организованные в косвенных конструкциях, причем ответ дается только говорящим и включен в речь. Подобное уклонение от официальной речи также указывает на относительную близость речевого субъекта к публике («Если бы поставить вопрос, что в толстовском художественном творчестве наиболее существенное... то, я думаю, самый верный ответ свелся бы к тому, что никто никогда не чувствовал с такой полнотой и глубиной, что такое жизнь во всех ее стихийных проявлениях»³²).

Еще одна важная черта рассмотренных произведений — четкая обращенность к присутствующей публике. Ситуативный контекст отражается в пись-

³¹ См.: Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. С. 177.

³² Адамович Г. Значение Толстого // НИОР РГБ. Ф. 754. К. 2. Ед. хр. 46. Л. 1.

менном тексте: «То, что с ним в духовном смысле произошло, выражает нечто общее для русского духа и русской культуры. И если это не почувствовать, то как бы внимательно “Войну и мир” или “А<нну> Каренину” вы ни читали, едва ли Толстого поймете»³³ или же: «Вы, может быть, решите, что я вопреки тому, что сказал только что, хочу заняться критическим разбором толстовских романов и замкнуться в области художественной литературы. Ни в коем случае»³⁴.

Среди присущих устному выступлению форм встречаются и обращения к публике с переходом на «ты», причем «ты» носит безличный характер. Эти формы включены в наиболее «разговорные» фрагменты выступления («когда иногда думаешь, что же такое в конце концов человеческая культура...»³⁵), явно удаленные от официального, «книжного» стиля. В текстах встречаются также вставки, абсолютно недопустимые в научной / журналистской прозе, где автор выражает свое отношение к сказанному («несмотря на время, мне хотелось бы опять все начать с самого начала, чтобы лучше убедить в том, что представляется мне несомненным...»³⁶). Кроме того, можно отметить употребление таких текстуальных стратегий интенсификации публичного восприятия текста, как череда вопросительных предложений, имеющих целью привлечь внимание и создать ситуацию ожидания, употребление так называемых фраз топографического значения, заодно напоминающих нам об устной природе текста (или, вернее, авторской концепции текста): «Я сказал в самом начале своей беседы, что Толстой есть вершина России...»³⁷; «Пора кончать»³⁸. Текст носит порой повествовательный и исповедальный характер, о чем свидетельствует включение в доклады фрагментов биографического повествования, что тоже удаляет доклады от стиля чисто научной прозы.

Для описания и определения жанра полезно сопоставить доклады с их печатанными вариантами — газетными статьями. При анализе и сопоставлении выясняются следующие детали: если особенность исходных текстов заключается в том, что они сориентированы на устную / ораторскую речь, то после переделки в статью они превращались в письменный публицистический текст с более нейтральной интонацией. Мы можем отметить переход из «двухмерного» текста в «одномерный» и вместе с тем диамезическое изменение³⁹, которому подвергается сообщение. Разумеется, выбор того или иного средства передачи сообщения значительно воздействует на его лингвистическую конфигурацию. В этом процессе выделяются следующие изменения: в первую очередь, снимаются все черты, присущие устной / ораторской речи (прежде всего формулы обращенности). Доклад обогащается аппаратом сносок, предоставляющих читателю верные ссыл-

³³ Адамович Г. Значение Толстого // НИОР РГБ. Ф. 754. К. 2. Ед. хр. 46. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 2.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 5.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Под диамезическим изменением имеется в виду изменение средства сообщения (устное, письменное, видеосообщение и т. д.) в том или ином речевом действии.

ки на цитаты, уточняется информация при добавлении слов, данных, ссылок и т. п. Кроме того, интересно заметить, например, что переход в журнальную публикацию иногда означает устранение частей явно масонской направленности. Довольно показателен в этом смысле пример масонского доклада Маковского о поэте К.К. Случевском и аналогичной газетной статьи (опубликованной в «Новом журнале»⁴⁰), где полностью снимаются отсылки к масонской философии (в то время как в докладе Случевский признавался великим именно потому, что воплощал идеалы масонства; этот аргумент составлял концептуальную суть сообщения⁴¹).

Показательным примером переработки текста доклада для статьи представляется и доклад Маковского «Бес равенства (Антиэстетика Толстого)», появившийся в альманахе «Мосты»⁴². Так, мы обнаруживаем в нем большее число цитат по сравнению с докладом (в устных выступлениях это прежде всего связано с прагматической функцией, с потребностью поддерживать внимание адресатов).

На стилистическом уровне отмечаются изменения и правка (автор правил пунктуацию в пользу четкости и определенности речи; например, многоточия в докладе часто замещаются точкой в статье). В синтаксисе обороты часто переформулируются ради более гармоничного и прозрачного стиля, вместе с тем вводятся связующие предложения или новые фрагменты. Например, в публикуемом нами тексте С. Маковского имеется заключение, отсутствующее в докладе. Более того, заметна тенденция к замене настоящего времени устного выступления на прошедшее время в письменном тексте: «Правда, Толстой признает, что красота есть наслаждение» (доклад) — «Конечно, Толстой не мог не признавать, что красота есть наслаждение» (статья). В информационном и структурном плане текст обогащается и оттачивается, уточняется информация при добавлении слов, данных, ссылок и т. п. Более того, статьи иногда обладают более четкой структурой, здесь встречаются разделения, отсутствующие в докладах. Статья С. Маковского отличается от исходного текста, например, и тем, что в ней оказываются удаленными те утверждения, которые могли бы прозвучать скандальными и провокационными (например, фраза «его [Толстого] нравственный догматизм дальше всего от сути Евангелия» не встречается в напечатанной версии доклада). Это легко объясняется тем, что определенное средство передачи текста обуславливает уровень ограничений, применяемых к высказываниям, порождает своего рода авторскую самоцензуру.

В заключение можно сказать, что рассмотренные нами тексты безусловно соотносимы с речевыми жанрами по Бахтину (так же как и по более позднему определению Долинина) и в то же время с жанром философской или литературоведческой статьи, так что они являются жанроподобными образованиями.

⁴⁰ Маковский С. К. Случевский. Предтеча символизма // Новый журнал. 1960. Кн. 59. С. 71–92.

⁴¹ См.: Он же. К. Случевский. Забытый писатель: Статьи (1959–1962). РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 37.

⁴² Он же. Бес равенства // Мосты: Литературно-художественный и общественно-политический альманах (Мюнхен). 1960. № 6. С. 209–218.

Одновременно именно отсутствие окончательно разработанной таксономии речевых жанров затрудняет определение и описание стилиевой и жанровой природы этих текстов, особенной формы, вобравшей характеристики устной ораторской и диалогической речи, в строго структурированной среде, со специфической концепцией адресата и отбором языковых средств сообщения. Мы хотели обозначить данную проблему и сделать первую попытку определить жанр текстов, находящихся на стыке устного и письменного слова.

В нашем распоряжении находятся около двухсот масонских докладов выдающихся деятелей и писателей русского зарубежья. Речь идет о философских и литературоведческих статьях, посвященных интерпретации русской культуры в свете философии масонства. Они представляют собой особенное явление в истории русского масонства, и не только. Изучение этих источников, обычно исключаемых из исследований по русской послереволюционной эмиграции, позволяет реконструировать культурную среду русской эмиграции в Париже и ее интеллектуальную историю. Анализ этих материалов делает возможным прочертить другую перспективу в осмыслении важнейших моментов русской культуры прошлого и современности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сергей Маковский

БЕС РАВЕНСТВА (АНТИЭСТЕТИКА ТОЛСТОГО)

Сергей Константинович Маковский (1877–1962) — художественный критик, поэт, сотрудник газеты «Возрождение», мемуарист. В 1921 г. Маковский уехал из России, сначала в Прагу, затем в Париж, где окончательно поселился с 1925 г. В эмиграции его деятельность как журналиста, а также как искусствоведа и теоретика искусства стала еще более плодотворной. В масонство посвящен в парижской ложе «Северное сияние» 19 июля 1926 г.; примкнул к ложе «Золотое руно» 19 ноября 1926 г., а когда та в 1927 г. раскололась на ложи «Прометей» и «Юпитер», стал членом последней. Его деятельность в масонской организации была очень интенсивной и плодотворной: он посещал заседания, выступал с докладами по истории и философии русской культуры, писал отчеты о деятельности ложи (см.: РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 536). Маковский был возведен во 2-ю степень 11 марта 1927 г., в 3-ю степень 26 июля 1927 г. Юридический делегат масонского ордена в 1928–1930 гг. Оратор в 1931–1933, 1956, 1959 гг., выполнял эти же функции в 1957–1958 гг. Депутат в Великой Ложе Франции в 1933 г. Радиирован 20 июня 1935 г. Был реинтегрирован в ложу «Юпитер» 4 марта 1955 г (см.: *Адамович Г. История ложи «Юпитер» // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 53. М., 2008. С. 545*). Почетный член ложи с 5 февраля 1959 г. Помощник оратора и член административной комиссии в 1958 г. Знаменосец в 1960–1961 гг. Член ложи до своей кончины. В личном фонде в РГАЛИ (Ф. 2512) хранится документация о ложе «Юпитер» 1950–60-х гг.

Доклад «Бес равенства (Антиэстетика Толстого)» Маковский прочитал 5 июля 1929 г. в русскоязычной ложе «Северное сияние» (Париж). По данным, приведенным в «Истории ложи Юпитер», доклад Маковского был одним из очень немногих, которые прозвучали в том году (см.: *Адамович Г.В.* История ложи «Юпитер» // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 52. М., 2004. С. 391). Печатается по машинописному автографу Маковского (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 65). Все значительные расхождения, обнаруженные при текстологическом сопоставлении с журнальной статьей, вышедшей в альманахе «Мосты» (1960. № 6. С. 209–218) в том же году, приводятся в примечаниях. Доклад публикуется по современным правилам орфографии и пунктуации с учетом особенностей, присутствующих в тексте. Выделения, написание имен собственных, а также написание со строчной / прописной букв (за исключением явных опечаток) сохраняются.

Недавно перечитывая статью А. Блока, я задумался над одной фразой, оброченной поэтом¹; она вызвала во мне вихрь мыслей, которому имя — Толстой...

Блок описывает свое восхождение на какую-то гору обрывистой тропой. На большой высоте он опасно оступился и чуть не упал вниз, в пропасть...² Оправившись от испуга, он оглянулся и был поражен красотой вида на окрестность³. И тут (поэт еще под впечатлением испуга) он полушутливо замечает⁴: «Эстетика теряет смысл для человека, чувствующего себя на высоте и едва не упавшего в пропасть...»

Мы знаем, у Толстого уже в преклонном возрасте был «перелом»⁵, когда, задав себе «проклятый вопрос»⁶ о смысле жизни, он «едва не упал в пропасть». Писатель был близок к сумасшествию, к самоубийству. Тонко разобрано это духовное потрясение Львом Шестовым (в одном из его философских отрывков)⁷.

⁸Толстой почувствовал себя на высоте обретенной им моральной истины, и...⁹ эстетика потеряла смысл¹⁰. Опровержению эстетики стало с тех пор служить почти все его писательство. Прежние мысли о «неправде» красоты предстали ему как неопровержимая правда совести.

Семидесяти лет от роду он отрекся, как известно, от того, чем восхищался смолоду в искусстве, отрекся и от собственного своего художественного творчества, от гениальных своих романов и повестей, говорил о них пренебрежительно как о побасенках¹¹. После пятнадцатилетней работы над проблемой «Что такое искусство?» — он с неумолимой последовательностью причислил и свою прозу к дурному искусству, за исключением рассказа «Бог правду любит» (признавал он еще пушкинского «Кавказского пленника», да и то с оговорками)¹².

Книга «Что такое искусство?» не памфлет и не парадокс, а глубоко выстраданное, всестороннее продуманное отречение от красоты и вывод из всего мировоззрения «почувствовавшего себя на высоте» Толстого. Если и замечает он прекрасный вид, открывшийся с его горы, а иногда и залюбовывается им невольно, то все же: «эстетика потеряла смысл»¹³. Перед вопросами жизни и смерти, вплотную, на краю обрыва что все очарования земной видимости, прелесть линий, красок, звуков и слов!¹⁴

Но для Толстого это вовсе не значит, что искусство потеряло смысл, искусство, каким оно должно быть. Напротив, искусству в ограничительном смысле Толстой придает огромное моральное значение¹⁵. Все рассуждения Толстого приводят его к провозглашению искусства величайшей силой в достижении того «Божьего Царства», что и представлялось ему конечной целью мира¹⁶. Он говорит: «Искусство есть один из двух органов прогресса человечества»; «Через слово человек общается мыслью, через образы искусства он общается чувством со всеми людьми, не только настоящего, но и прошедшего, и будущего»; «Искусство есть великое дело...»; «Искусство должно устранить насилие»; «И только искусство может сделать это...» и т. д.

Однако именно потому, что искусство есть «великое дело», его надо освободить от эстетики, от ложного кумира красоты. Людям нужно искусство, дружное с добром...¹⁷ Противоречия, возникающие между красотой и добром, Толстой устраняет решительным отказом от красоты. Красоту, т. е. то, что для другого великого русского, Достоевского, было «не только страшной, но и таинственной вещью», Толстой казнит простым отождествлением красоты или наслаждения.

На протяжении всей книги¹⁸ «Что такое искусство?» он повторяет: «красота, т. е. наслаждение» — то, что доставляет «людям удовольствие», «наслаждение, т. е. красоту», все то, «насколько оно красиво, другими словами — насколько оно доставляет наслаждение», «красота не что иное, как то, что нам нравится».

Правда, Толстой признает¹⁹, что красота есть наслаждение особого рода, но на этом отличии он не останавливается. В конце концов, для него даже не важно, насколько эстетическое наслаждение отличается от удовлетворения грубой похоти. Тем хуже, если оно требует утонченных чувств! Довод против «наслаждения красоты», которым Толстой пользуется с прямолинейностью, устраняющей всякую неясность, оттого и кажется ему неопровержимым, что это наслаждение — для немногих, не для всех; — наслаждение, утверждающее неравенство между людьми, и еще прямее — между сословием привилегированным, созданным ложной, языческой и лжехристианской культурой, и огромным большинством простого народа²⁰, стоящего по нравственному облику несравненно ближе к «братьям Царствия»²¹.

Общепризнанное искусство — красота, по Толстому, есть забава утратившего религиозное сознание меньшинства. Оно развратное, потому что «доступное только людям, угнетающим других людей, людям праздных богатых классов», тогда как содержание истинного искусства, «христианского искусства» — это такие чувства, которые содействуют единению всех с Богом и между собой». Толстой настаивает: непременно всех, «совершенно всех людей без исключения». Искусство должно передавать только «чувства, доступные всякому человеку». Поверх всяческих различий, имущественных, сословных и, конечно, национальных — ведь патриотизм для Толстого тоже разврат.

Прежде всего искусство должно служить²² развитию религиозного сознания, а «религиозное сознание нашего времени есть сознание того, что наше благо, и

материальное и духовное, и отдельное и общее, и временное и вечное, заключается в братской жизни всех людей»... Искусство, имеющее «целью наслаждение некоторых», уже по одной своей исключительности противно «тому христианскому началу всемирного единения, которое составляет религиозное сознание нашего времени»... Как бы ни затемнилось это сознание нашей ложной культурой. «Христианское искусство»... должно быть кафоличным, всемирным, соединяющим всех людей. Соединяют же всех людей только два рода чувств: чувства, вытекающие из сознания сыновности Богу и человеческого братства, и чувства самые простые, житейские, такие, что доступны всем без исключения, как чувство веселия, умиления, бодрости, спокойствия и т. п. «Только эти два рода чувств составляют предмет хорошего по содержанию искусства».

Итак, главный довод Толстого против эстетики есть равенство людей. «Хорошее искусство всегда понятно всем». «Великие предметы искусства только потому и велики, что они доступны и понятны всем». «Подлинное искусство действует на людей независимо от степени их развития и образования».

С точки зрения критерия универсальной общедоступности Толстой отрицает и всякий смысл критики и сочувственно приводит изречение: «Критика — это глупые люди, которые пишут об умных»... Впрочем, это не мешает ему тут же разразиться беспощадной, уничтожающей критикой против наиболее прославленных художников, в особенности — нашего века. Я напомним о некоторых его оценках. Вагнер — «ограниченный, самонадеянный, дурного тона и вкуса немец»; Бодлэр и Верлен — «стихотворцы, очень неискусные по форме и весьма низкие и пошлые по содержанию»... Вообще все современное искусство, за очень редкими, редчайшими исключениями, «посвящено только тому, чтобы описывать, изображать, разжигать всякого рода половую любовь во всех ее видах»... «и невольно кажется, что существующее искусство имеет одну только определенную цель: как можно более широкое распространение разврата».

В прошлом дело обстоит не многим лучше²³. Девятая симфония Бетховена — «нехорошее произведение искусства». К той же категории относятся: «Освобожденный Иерусалим», «Божественная Комедия», произведения Шекспира и Гёте, а в живописи — всякие изображения чудес и «Преображение» Рафаэля... Из писателей Толстой-критик снисходительнее лишь к очень немногим: к Виктору Гюго («Les Misérables»), к Диккенсу, к Достоевскому, («Мертвый дом»), к Джорджу Элиот («Адам Вид»), к Сервантесу и в особенности почему-то к Мольеру, которого он называет «едва ли не самым всенародным и потому прекрасным художником нового, т. е. христианского, искусства». В музыке он щадит только (лишь) ноктюрн Es dur Шопена, скрипичную арию Баха, еще две-три пьесы. Но и тут оговаривается, что не придает особого веса этому выбору, так как сам-то «принадлежит к словию с извращенным, ложно воспитанным вкусом и потому может ошибаться, принимая за абсолютное достоинство то впечатление, какое произвела на него вещь в молодости»²⁴.

Кто же истинные ценители искусства?²⁵ Это — простой народ, рабочие, трудящиеся массы — те, кому доступны всеобщие чувства. Словом — «естественный человек». В его реальность Толстой верит не меньше, чем верил когда-то Руссо.

Таким образом, искусству, освобожденному от эстетики для немногих, и суждено сделаться «органом прогресса» в этом всемирном «естественном человечестве», спаянном евангельской моралью. Когда-нибудь настанут счастливые времена, и «не нужны будут школы художественного образования». К чему? «Все будут в первоначальных школах обучаться музыке и живописи наравне с грамотой, так, чтобы всякий человек, получив первые основания в живописи и музыкальной грамоте, чувствовал способность и призвание к какому-либо из искусств, мог бы усовершенствоваться в нем... в то же время зарабатывал свое существование каким-либо трудом» — не искусством. Искусство нельзя продавать за плату. Да и будет тогда искусство не трудом профессиональных художников: «искусство будет производиться всеми людьми из народа, которые будут им заниматься тогда, когда они будут чувствовать потребность в такой деятельности». «Деятельность художественная будет тогда доступна для всех людей», и вовсе не понадобится сложной техники, «которая обезображивает произведение искусства нашего времени и требует большого напряжения и траты времени, но будет требоваться, напротив (?), ясность, простота и краткость...»

Это толстовское «напротив» — восхитительно. Будто для ясности, простоты и краткости не бывает нужно подчас и больше напряжения, и больше времени! Как бы то ни было, искусство, по уверению Толстого, пышно расцветает в эти блаженные времена, ибо «все гениальные художники, теперь скрытые в народе, делаются участниками искусства и дадут образцы совершенства».

Вот совсем русский, интеллигентский парадокс — поклонение «всем, всем, всем». Не кажется ли эта картина будущего всенародного творчества без профессионалов, без высшего образования, без оплаты художественного труда, с равным «шансом» для всех представителей рабочего люда быть художниками, зарабатывая пропитание «каким-либо трудом», — не кажется ли эта утопия всеобщего «братства» в искусстве удивительно близкой к тому, что пытались провести в жизнь наши коммунисты, хотя исходили они из мировоззрения, имеющего как будто мало общего с моралью Толстого? Право, можно подумать, что первый «нарком искусства» Луначарский и его соратники — последователи толстовского учения!

Действительно так: коммунисты в России в свою романтическую пору проповедовали почти «до точки» то же, что и Толстой, ту же всеобщность творчества с начальным обучением «всех, всех, всех» искусству, с отрицанием искусства «для немногих», с привлечением заводских рабочих на театральные подмостки, с поощрением малограмотных пролетариев-стихотворцев и т. д. У них была вера в неограниченную одаренность «естественного человека». Правда, провозглашалась «естественность» по Марксу, т. е. классовая, пролетарская, а не евангельская, как у Толстого, но утопия этого русского марксизма, этого «советского рая», кажется все-таки сколком с толстовского «Царствия».

Что же так сблизило большевиков, эстетствующих глашатаев насилия, и непротивленца, отрешившегося от эстетики, Толстого?

Прежде всего²⁶ — идея равенства, признание всякой личности, замена творчества личного творчеством коллективным, иначе говоря, идея равенства как вывод

из этического рационализма и реализма. Все отличие здесь — что коммунисты предписывали декретами тот Ханаан, куда Толстой звал путем внутреннего подвига. Но цель одна: равенство, отказ от гордыни исключительных, недоступных всем чувств и мыслей. Отказ от индивидуального начала, от мятежа одиноких дерзаний, от трагедий ищущих божественной правды и от восторгов перед «святыней красоты».

В своей упрощенной теории искусства как заражения авторским чувством «возможно большего числа людей» Толстой, не колеблясь, проходит мимо антинормии личного и всечеловеческого сознания (допустим, что оно есть), он просто называет извращением личности все отделяющее ее от «всех людей». Тут обнаруживается в Толстом не столько метафизического воображения²⁷, сколько полная неспособность к антиномическому мышлению вообще²⁸. Он не допускает иррационального. Если инстинктом и чувствует, — иначе не был бы гениальным художником Толстым, — то разумом не хочет и не может смириться перед непостижимостью. Духовные страдания Толстого, «кризис», едва не погубивший его²⁹ в 80-е годы, эти страдания он испытывал прежде всего от страстной борьбы между чувством неведения³⁰, — зачем жизнь? — и упрямым, деспотическим требованием дать на все ясный, исчерпывающий ответ.

Толстой спасся, когда нашел этот ответ. Почувствовав себя «на высоте», он отверг эстетику. Именно нашел ответ, а не поверил *quia absurdum*³¹. Вот почему все время и говорит о религии как о знании, а не как о вере. Евангелие для него не чудо мистической веры, а очевидность морального знания, решенная теорема житейской мудрости. Истинность Евангелия для Толстого — прямой вывод разума, преодолевшего соблазны ложной культуры. Без мистики и без мифа. Без тайн и таинства. От этого рассудочного аскетизма — кощунства Толстого. Как ненавистно ему все чудесное, недоказуемое, вплоть до... Преображения Рафаэля! И в религии, и в искусстве ненавистны Толстому противоречия, неясность, безумие творческих угадываний духа и прикровенная символика. Он осмеивает церковную литургию («Воскресение») тем же описательным приемом, каким осмеивает оперное представление в «Воине и Мире». Красота кажется Толстому лишенной смысла, — не только вредной, как наслаждение, развращающее христианские «добрые» чувства в человеке, но именно — лишенной смысла, потому что этот смысл не вкладывается ни в какие логические рамки.

Гениальный художник Толстой конечно не мог не поддаваться обаянию Данте, Бетховена, Пушкина, Гёте, но самоотверженным усилием воли он боролся с этой своей слабостью, нарушающей согласие его этических построений. Душа прорывалась, ум давил и отрицал. Толстой — антиэстетик — мучитель и мученик. Чувство глубокого сострадания к этому необыкновенно чувствующему жизнь писателю охватывает нас, когда мы читаем его критические исповеди, сострадания, жалости к его муке, потому что все в этих писаниях — о нем самом, Толстом, крылатом и бескрылом гении.

Красота и равенство, «одинаковость» всех — понятия несовместимые. Христианство их примирило и примиряет верой, как примиряет многое другое: предопределение и свободу, аскетизм и размножение рода человеческого, законо-

мерность природы и чуда, греховность человека и богочеловечество... Великая сила христианства и заключается в том, что более других религий христианство сверхразумно, потусторонно и дает не ответы, а только надежды на иное ведение — когда-нибудь, Там. Евангелие — вдохновенный псалом Тайне. Но для Толстого таинственное Евангелие — универсальная пропись: сердечное дважды два четыре. Его нравственный догматизм дальше всего от сути Евангелия. И потому, я добавляю, так мало удивительна его проповедь любви и непротивления (с особенной яркостью сказалась эта неубедительность в переписке Толстого с Владимиром Соловьевым о загробной жизни). Не заражает, несмотря на духовное его мученичество, перед которым склоняются, как бы фальшиво ни звучали иногда приговоры Толстого.

В этой проповеди братства и любви не ощущаешь любви, любви как всепрощающего смирения. Какая разница с Пушкиным и Достоевским, даже с нехристианином Чеховым. Толстой, строгий к себе, ничего не прощал другим. Менее всего — тем, кого не понимал, а не понимал он очень многих и очень много.

Был ли он добр, этот апостол добра? Конечно был, в жизни, в житейских отношениях, в сострадании. Никто, кажется, ласковее не мог отнестись к ребенку, к животному, даже к дереву, скошенному топором, и знал он, как нагнуться к низшим, к меньшим. Но как насмешливо-зло рассчитывался Толстой с нелюбимыми своими героями из того круга привилегированных, к какому сам принадлежал. Редко прощал им, даже в минуты их смерти («Три смерти», «Холстомер», и сколько других «казней» Толстого). О, разумеется, злобы в обычном смысле в нем не было. Но мало было и прощающей любви. Была карающая строгость: «Мне отмщение и Аз воздам». Житейски мягкий, умственно он был сух и беспощаден. И горд, ревниво горд. Когда ему приходилось подымать голову, чтобы увидеть величие несходных с ним душ, он раздраженно насуплялся и попросту «не принимал». Ни Данта, ни Гёте, ни Шекспира.

Шекспира в особенности Толстой не выносил. Нет обидных слов, каких не сказал бы он, обращаясь к этому «великому». Целую книгу посвятил он в доказательство его ничтожества. Он чувствует «неотразимое отвращение», читая Шекспира. Он, отрицающий эстетику, доказывает «полное отсутствие эстетического чувства у Шекспира». У великого англичанина все фальшиво, глупо, бездарно, плохо по языку, заимствовано, бессмысленно и т. д. Толстому, по-видимому, была совершенно недоступна символика шекспировских образов и художественный гиперболизм его языка. Он критикует Короля Лира так, как можно критиковать разве что... повесть Боборыкина. Тот, кого Гюго называл «le plus grand Créateur après Dieu»³², ля Толстого просто напыщенный фигляр, безнравственный и далекий резонер (хороши же все мы, восторгающиеся Шекспиром!). Можно не любить даже очень славного писателя, но чтобы до такой степени возненавидеть мировую славу, может быть, славнейшего из писателей, надо быть по меньшей мере... плохим христианином. Аполлон Григорьев где-то замечает: Шекспир настолько великий гений, что может стать по плечу русскому человеку. К сожалению, надо сознаваться, что ни один из величайших русских художников не мог стать по плечу Шекспиру...

Толстой не понял Пушкина, о котором брезгливо заметил (в юбилейный пушкинский год, ознаменованный речью Достоевского): «Вся заслуга его в том, что писал стихи о любви, часто очень неприличные». Да и не мог он понять Пушкина, Пушкина, сказавшего: «Самый пронырливый из современных бесов — бес равенства, бес малых, бесчисленных, имя которых легион» (помнится, об этом афоризме говорит Смирнова в своих мемуарах). Гигант Толстой был соблазнен бесом «малых». Это и сделало его в конце жизни борцом против эстетики.

Наивно опровергать Толстого. Но не легко «принимать» его, ничего не возражая, без взволнованного недоумения. Такая ширь и такая узость вместе! За что это испытание нам, русским? Не за то ли, что мы вообще мало и плохо любили красоту? Пусть красота <нрзб, слово запечатано> христианское братство в Боге, гордыня красоты и евангельское смирение в любви антиномия для рассудка, но они примиримы в вере и примирены в чудесах искусства, что создали человеческие века, прекрасные, грешные и святые века. И если искусство их было не для «всех», то потому что искусство всегда всеми разное воспринималось. Не в этом ли таинственное свойство души человеческой, быть разной? И не в этом ли красота души?

С высоты Бога вдохновенных душ, — не тех, что боятся упасть в пропасть, эстетика не теряет смысла³³.

¹ Фраза «над одной фразой, оброненной поэтом» в статье исправлена на: «над оброненной им фразой».

² В статье: «не упал в пропасть».

³ Фраза «он оглянулся и был поражен красотой вида на окрестность» в статье исправлена на: «поэт посмотрел вокруг и был поражен красотой открывшегося вида».

⁴ Фраза «И тут (поэт еще под впечатлением испуга) он полушутливо замечает» в статье исправлена на: «Но тут же, еще под впечатлением испуга, он невольно сказал себе».

⁵ В статье: «духовный перелом».

⁶ В статье: «когда, замучив ум и сердце “проклятым вопросом”».

⁷ Фраза «Тонко разобрано это духовное потрясение Львом Шестовым (в одном из его философских отрывков)» исправлена в статье на: «это психическое потрясение Толстого убедительно разобрал наш тончайший философ-психолог Л. Ш.».

⁸ В статье здесь добавлена фраза: «Приближаясь к восьмому десятку лет».

⁹ В статье добавлено «для него».

¹⁰ В статье здесь вставлен следующий фрагмент, отсутствующий в докладе: «Более того: красота как самоцель, стала ему, гениальному художнику, ненавистна, он увидел в ней греховный соблазн на пути религиозного приятия земного существования, и “опровержению эстетики” стало служить почти все позднейшее... мысли о “неправде” красоты сделались неопровержимой правдой совести. Опровержению эстетики стало с тех пор служить почти все его писательство. Прежние мысли о “неправде” красоты предстали ему как неопровержимая правда совести».

¹¹ В статье: «Он отрекся от всего, чем восхищался смолоду в искусстве, говорил о своих романах и повестях, как о “побасенках”».

¹² Предложение так переформулировано в статье: «С неумолимой последовательностью, проработав лет 15 над проблемой “Что такое искусство?”, Т. причислил свою прозу к “дурному искусству”, за исключением нескольких рассказов, вызывающих “добрые

чувства», как «Бог правду любит». Произведения других писателей признавал он тоже постольку, поскольку они эти чувства вызывали (например, пушкинского «Кавказского пленника»).

¹³ В статье два предложения переформулированы следующим образом: «Статья “Что такое искусство?”, появившаяся в “Вопросах философии и психологии”, не памфлет и не “игра парадоксального воображения”, а глубоко выстраданное, мучительно продуманное отречение от “красоты для красоты”. Это — вывод из всего мировоззрения, “почувствовавшего себя на высоте” Толстого, на высоте Евангельской истины; если и замечал он прекрасный вид с этой “горы” и любовался им невольно, то все же — “эстетика потеряла смысл”, потому что не совпадала с нравственной правдой жизни сей».

¹⁴ В статье вместо «что все очарования земной видимости, прелесть линий, красок, звуков и слов!» — «отверг очарования художественных преобразений, не служащих “добру”, отверг не связанную с “добром” прелесть линий, красок, звуков и всех волшебств искусства».

¹⁵ В статье: «придавал» вместо «придает».

¹⁶ В статье: «бытия» вместо «мира».

¹⁷ В статье: «дружное не с красотой, а с добром».

¹⁸ В статье «отповеди» вместо «книги».

¹⁹ В статье: «Конечно, Толстой не мог не признавать».

²⁰ В статье: «п. н.»

²¹ В статье здесь фрагмент, отсутствующий в публикуемом докладе: «Отсюда — вся христианская мораль Толстого, не признающего церковной мистики. В одной из своих статей Мережковский говорит так об этой морали, в связи с “дневником” Толстого (90-х годов): “Во всех своих религиозных исканиях он кажется рационалистом. Но до какой степени рационализм для него несущественен, поверхностен, видно из этого ‘Дневника’. Там, где чисто христианская святость кончается, святость его начинается”. Потому что “он весь — воплощенное угрызение социальной совести, воплощенная боль социального неравенства”. И кончается эта характеристика Толстого-мыслителя, помнится мне, так: “Не святой, не пророк, не учитель, а рабочий, чернорабочий, поденщик Христов”».

²² В статье: «Для Толстого искусство должно служить».

²³ В статье: «И в искусстве прошлого дело обстоит не многим лучше».

²⁴ Здесь в статье вставка: «Тем не менее гениальным чутьем своим Толстой, как, может быть, никто другой из русских писателей, утверждал власть музыки, его романы полны ею, главные его герои почти все к ней прикосновенны. Он любил музыку, всю музыку, — от народной песни до классической симфонии; любил слушать и сам охотно садился за рояль, играл “в четыре руки”, даже сочинял вальсы. Но музыкально одарен не был. Композитор В.И. Поль, бывавший у Толстых и в Ясной Поляне, и в Хамовниках, не раз рассказывал мне об этих на удивление плохеньких вальсах Толстого и о чрезвычайно упрощенных его суждениях о музыке (по крайней мере — в последнюю пору). Как-то спросил он Поля, только что сыгравшего “Этюд” Рубинштейна: “Что это вы играли?” Поль ответил: “Этюд Рубинштейна”. — “Этюд? — строго переспросил Толстой. — Значит, упражнение, пустота, не душевное, это не нужно играть”. Ему нравилось пение жены Поля, знаменитой камерной певицы Ян Рубан (несравненной исполнительницы классического репертуара), но он не вникал в чары того союза музыки и поэзии, который является одним из высочайших достижений искусства, — он настаивал на том, что в романах все дело в мелодии: “Текст не важен, можно петь хоть на ‘тру-ля-ля’”».

Более чем скептически относился Толстой к музыкальным профессионалам, к мнению “знатоков” и вообще — к ученой художественной критике...»

²⁵ В статье: «Кто истинные ценители искусства для Толстого?»

²⁶ В статье: «больше» вместо «прежде».

²⁷ Так в тексте.

²⁸ В статье так: «сколько слабость метафизического воображения».

²⁹ В статье: «тот кризис, что едва не погубил».

³⁰ В статье: «объясняются прежде всего страстной борьбой между чувством неведения...»

³¹ Из выражения: «Credo, quia absurdum est» — «Верю, потому что невероятно» (лат.).

³² «Самый великий творец после Бога» (фр.).

³³ В статье слова «не теряет смысла» написаны в кавычках. Также в статье автор добавляет следующее заключение: «Но и не хочется мне кончать этих строк, посвященных Толстому, не сказав о моем восхищении им, творцом, художником, независимо от его назидательной предвзятости, религиозного морализма и уравнилельной схоластики “толстовства”. Толстой велик величием подсознательной своей стихии. В этом — и всемирность его, и национальная, очень русская сущность... Хорошо сказал о нем в одном из своих фельетонов в газете “Возрождение” ревностный почитатель его, несправедливо забытый беллетрист Иван Лукаш. В моем “архиве” нашлась выписка из этого фельетона (на двадцатилетие со дня смерти Толстого) под заглавием “Ясная Поляна”:

“Толстой, можно сказать, прожил всю жизнь в русском лесу. За Толстым как бы слышен всегда могущественный гул дубов, и кленов, и ясеней, мелькающее блистание красных осин, то светлый лесной шум, то скрежет, грохот леса под зимней стужей... “Война и мир” написаны в той Поляне. Можно сказать, что “Война и Мир” написаны в лесу... Лес, самое могущественное, живое и доброе, что только есть на земле. И лес шумит во всех толстовских героях...” И так заканчивает Лукаш эту образную характеристику великого писателя: “Кажется теперь, что через прозрачного Толстого безмолвно сквозит вся Россия, наша безмолвная ясная Поляна, со всеми ее перелесками и проблесками, мокрыми полями, горькой прохладной, и тонким дымом, и тяжелыми облаками, скученными над ее далью, ее тишиной, и далекими ее лесами в медных блистаниях, отражающих свои красновато-влажные осенние брони”».

ПИСЬМА Г.В. ФЛОРОВСКОГО П.П. СУВЧИНСКОМУ
(1922–1923)

Предисловие, подготовка текста и комментарии
О.Т. Ермишина

Богослов и философ Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) хорошо известен в России и на Западе. Книги и сборники статей Флоровского постоянно переиздаются и обсуждаются в научной литературе, проходят посвященные ему научные конференции. Ученики Флоровского в США составили и выпустили сборник о жизни и научном наследии учителя¹. Вместе с тем остаются не до конца проясненными некоторые страницы биографии Флоровского, мало изучено его эпистолярное наследие, хотя первые шаги в этом направлении уже сделаны².

В 1993 г. в «Вестнике русского христианского движения» было опубликовано письмо Г.В. Флоровского к П.П. Сувчинскому, датированное 31 августа (13 сентября) 1923 г.³ В 2010 г. в том же журнале появилось в сокращении еще одно письмо Г.В. Флоровского к П.П. Сувчинскому, относящееся к 1922 г.⁴ Опубликованные два письма уже приоткрывают завесу над очень интересными материалами, значимыми для понимания первых лет Г.В. Флоровского в эмиграции и его участия в евразийском движении. Дальнейшим шагом является публикация всех писем Флоровского к Сувчинскому. Введение этих писем в научный оборот исключает в дальнейшем какие-либо мифы, многие из которых сформировались вокруг поздней статьи Флоровского «Евразийский соблазн» (1928). В письмах к Сувчинскому Флоровский сам ясно говорит о своем отношении к евразийству. Он мыслил себя евразийцем, даже какое-то время претендовал на роль евразийского лидера, но только его представление об евразийстве было личным и оригинальным, во многом не совпадающим со взглядами П.П. Сувчинского, П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого. Точка зрения Флоровского какое-то время воспринималась евразийцами как част-

¹ Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman. Crestwood, 1993 (рус. пер.: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995).

² См., напр.: Яницен В.В. Материалы Г.В. Флоровского в базельском архиве Ф. Либа (1928–1954) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2004/2005 год / Под ред. М.А. Колерова. М., 2007. С. 475–596; Софроний (Сахаров), архим. Переписка с протоиереем Георгием Флоровским. [Сергиев Посад], 2008.

³ См.: Флоровский Г.В., прот. От евразийства к Р. С. Х. Движению: Письма к П.П. Сувчинскому и Н.С. Трубецкому // Вестник РХД. 1993. № 168. С. 61–65.

⁴ Флоровский Г., прот. Письмо к П.П. Сувчинскому // Там же. 2010. № 196. С. 79–81. В публикации письмо от 13 (26) июля 1922 г. ошибочно датировано 13 (26) сентября.

ное мнение, заслуживающее обсуждения⁵. Противоречия обострились после того, как Флоровский в конце 1923 г. вошел в состав Братства Святой Софии, где был членом-учредителем наряду со священником Сергием Булгаковым (председатель братства), Н.А. Бердяевым, В.В. Зеньковским, А.В. Карташевым, П.Б. Струве и др., т. е. представителями старшего поколения, к которым евразийцы относились очень критически. Флоровский, по сути, попытался соединить цели Братства Святой Софии (церковно-богословское просвещение и церковно-общественное делание) и евразийства, а когда его попытка не удалась, наступил неизбежный разрыв с прежними соратниками.

Ниже публикуются письма Г.В. Флоровского по рукописным текстам, которые хранятся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына⁶. Письмо от 31 августа (13 сентября) 1923 г., полностью опубликованное в «Вестнике русского христианского движения», в данную публикацию не включено. Предпочтение отдано остальным, ранее не опубликованным письмам. Исключение сделано только для письма от 13 (26) июля 1922 г., которое в отличие от журнальной публикации дано в полном объеме. Письма П.П. Сувчинского к Г.В. Флоровскому недавно найдены А.Е. Климовым в архиве Свято-Владимирской семинарии (Нью-Йорк, США) и опубликованы⁷.

Перед каждым письмом Г.В. Флоровского публикатором даны общая нумерация и курсивом датировка по новому стилю (часть писем Флоровского датирована по старому и новому стилям), а также место написания. Сокращения слов раскрыты в угловых скобках. Так же, в угловых скобках, даны конъектуры. Общепринятые сокращения не раскрываются. Подчеркивания и квадратные скобки в тексте сохранены и принадлежат самому Г.В. Флоровскому. Все публикуемые письма заканчиваются авторскими подписями (фамилии или фамилии с инициалом имени), которые раскрыты как «Флоровский» или «ГФлоровский». Оригиналы писем содержат примечания Г.В. Флоровского и П.Н. Савицкого⁸, которые помещены постранично под звездочками, а их авторство отмечено: *Примеч. Г.В. Флоровского; Примеч. П.Н. Савицкого*. Тексты публикуются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, но отдельные авторские особенности в написании слов оставлены без изменений.

⁵ Напр., Н.С. Трубецкой писал в письме к П.П. Сувчинскому в июле 1923 г.: «Несмотря на то что “Европа и Человечество” вышла не под фирмой Евразии и что даже само евразийство зародилось во время споров и возражений против “Евр<опы> и Чел<овечества>”, все же эту мою книгу считают как бы первой ласточкой евразийства. А в ней есть один соблазн, на который правильно указывает Флоровский: т<ак> к<ак> европейская культура *soi disant* [якобы (*фр.*)] христианская, то толкуют “Евр<опу> и Чел<овечество>” как выпад против христианства. Я думаю, что нелишним будет попытаться это недоразумение устранить» (*Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 50–51*).

⁶ Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 1–19; Ед. хр. 30. Л. 1–10, 13–16.

⁷ Письма П.П. Сувчинского Г.В. Флоровскому // Записки Русской академической группы в США. [Нью-Йорк], 2011. Т. 37.

⁸ После переезда из Софии в Прагу Г.В. Флоровский и П.Н. Савицкий первое время жили на одной квартире и вместе вели переписку с П.П. Сувчинским.

13 января 1922 г. Прага

13/I 1922. Praha

Дорогой Петр Петрович,

Was soll bedeuten¹ Ваше гробоподобное молчание? Мы с Савицким немедленно ответили заказными письмами на Ваши, и вот уже две недели истекли, и от Вас ни звука, ни приветов... От софианских евразиятов² тоже. Словно Вы все наложили на себя обет молчаливости и затворились в какой-то обители. У нас за это время столько событий, что и не пересказать. Первое, явная победа над Струве³, расточающим комплименты и берущим для «Р<усской> м<ысли>» и мое письмо, и хвалебную рецензию на «Исход» Бицилли⁴ и загоняющим Зайцева⁵ и т. д. Второе, резкий рост интереса к «евразийству» в чешском обществе — выдвинута идея лекции-диспута от имени чешско-русской Jednota⁶. А мы как рыбы на песке без entente⁷ с «иностранными» евразийцами. Ради Бога, напишите немедленно, что у Вас, говорили ли Вы с Гессеном?..⁸ Он напечатал статью Савицкого с многоговорящим примечанием. Стало быть, он — «наш». Как же шанс сборника? Что с обложкой? Не томите нас молчанием. — Мои статьи замерзли, отчасти из-за какого-то ощутительного разлада между нами — Берлин, Прага, София не представляют того единства, которое создал «Исход». А еще и то, что меня сильно предвосхитил в богословской статье Новгородцев⁹. Из-за отсутствия вестей от Вас и из Софии свою статью он отдал в «Р<усскую> м<ысль>», т. к. я колебался за свой риск просить ее для нас. А писать параллельно с ним я не могу, ибо это будет прямое повторение.

Мои личные занятия еще не наладились. Первое время с непривычки после болгарской Чухломы глаза разбегаются, внимание рассеяно... Масса новых книг. Встречи — с чехами, со Струве, с Новгородцевым и др. Заседания и хлопоты. Болтовня с Савицким. А вдобавок простуда, вылившаяся в форму невралгии тройничного нерва, — только сегодня я почти здоров. Здесь есть любопытный субъект — Гурвич¹⁰, философ права, он был недавно в Берлине, его знает Белый и другие. Я с ним уже завел перманентную дискуссию. Знаете, П<етр> П<етрович>, в чем, по-моему, очередная выходка «хитрости разума»?¹¹ Рушится протестантство в философии, связанное с кантовской философией — идеалистической и очень «субъектной», и вдруг резко вырастает подавляющая опасность католичества — все сейчас кинулись в метафизику, стали кричать о Всеедином, о Сущем, об Абсолюте, проклинаят *rationem*¹², восстанавливают сверхлогические начала — а по существу это горший соблазн: недвижимый мир первообразов, мир этических сумм и авторитета. Словом, *Sein*¹³ без *Werden*¹⁴. Читаю новую марбургскую штуку — Hartmann's «Grundzüge der Metaphysik der Erkenntnis»¹⁵, 1921. Да, Марбурга уже нет, но родилось что-то худшее — Фома Аквинский торжествует в сердце «протестантизма». В воскресенье состоится мое знакомство со здешними немецкими философами. И все же я хочу приехать в Герм<анию>, м<ожет> б<ыть> и надолго — в этом ли году на-

долго, или в будущем, еще неясно. Но на сколько-нибудь надо будет побывать сравнительно скоро, — пишите. Как же с книгами? Не надо ли Вам перевести деньги и сколько? Привет Анне Ив<ановне>, Марии Алекс<еевне>, Анне Дм<итриевне>, Павлицеву¹⁶ и всем. Только пишите же, наконец.

Ваш Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 1–2.

¹ что значит (*нем.*).

² Под «софианскими евразиятами» имеются в виду оставшиеся в Софии участники евразийского движения Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) и Андрей Александрович Ливен (1884–1949).

³ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — экономист, философ, общественный и политический деятель, с 1920 г. в эмиграции, в 1921 г. возобновил ранее выходивший в Москве (1880–1918) журнал «Русская мысль» (София, 1921; Прага, 1922; Прага — Берлин, 1922–1924; Париж, 1927), в котором появились первые рецензии и отзывы на евразийские издания.

⁴ Бицилли П.М. [Рец. на кн.:] Исход к Востоку. Утверждение евразийцев. София. 1921 // Русская мысль. 1922. Кн. 1/2. С. 380–382.

⁵ Зайцев Кирилл Иосифович (в монашестве Константин; 1887–1975) — правовед, публицист, богослов, выпускник Петербургского университета, состоял в Белой армии на юге России, с 1920 г. в эмиграции, жил в Софии, Праге, Париже, Харбине, Шанхае, Джорданвилле (США), с 1945 г. священник, в 1949 г. принял монашество, с 1954 г. архимандрит, профессор Свято-Троицкой духовной семинарии, редактор журнала «Православная Русь» (1949–1975). К.И. Зайцев был активным сотрудником выходивших под редакцией П.Б. Струве периодических изданий (в 1921–1924 гг. — журнала «Русская мысль», в 1925–1927 гг. — газеты «Возрождение»), в 1921 г. писал статьи для каждого номера журнала «Русская мысль», в основном о настоящем и будущем России, т. е. на близкие евразийцам темы (см., напр.: Зайцев К. Буржуазная Европа и Советская Россия // Русская мысль. 1921. Кн. 5/7. С. 115–130; Он же. Земельная революция в России // Там же. Кн. 10/12. С. 263–273).

⁶ Речь идет о Чешско-русском объединении (*Česko-ruská jednota*) — благотворительной и просветительской организации, осуществлявшей культурный диалог между чешским обществом и русской эмиграцией в 1919–1939 гг.

⁷ согласие, взаимопонимание (*фр.*).

⁸ Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — юрист, издатель, публицист, политик, член кадетской партии, с 1919 г. в эмиграции, один из основателей и первый редактор газеты «Руль» (1920–1931), глава Союза русских писателей и журналистов в Берлине.

⁹ Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) — философ, правовед, политический и общественный деятель, приват-доцент и профессор Московского университета (1896–1906), ректор Московского высшего коммерческого института (1906–1918), с 1920 г. в эмиграции, основатель и декан Русского юридического факультета в Пражском университете (1922–1924). Флоровский подразумевает статью Новгородцева «Православная Церковь в ее отношении к духовной жизни новой России» (Русская мысль. 1922. Кн. 1/2).

¹⁰ Гурвич Георгий (Жорж) Давыдович (1894–1965) — социолог, философ, выпускник Петербургского университета. С 1921 г. жил в Праге, затем переехал во Францию, в 1928 г. принял французское гражданство, с 1932 г. профессор философии в лицее Севинье, позднее профессор Страсбургского университета. С 1940 г. жил в США, преподавал в Гарвардском и Колумбийском университетах. С 1948 г. снова во Франции, профессор

Сорбонны, автор фундаментального труда «Трактат по социологии» (Traité de Sociologie. P., 1958–1960. Vol. 1–2).

¹¹ Флоровский отсылает к названию своей статьи с критикой западного рационализма в первом евразийском сборнике (Флоровский Г.В. Хитрость разума // Исход к Востоку. София, 1921).

¹² здравый смысл (лат.).

¹³ бытие (нем.).

¹⁴ становление (нем.).

¹⁵ Гартман (Hartmann) Николай (1882–1950) — немецкий философ, профессор Берлинского и Геттингенского университетов. Флоровский упоминает его книгу «Основы метафизики познания» («Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis», 1921).

¹⁶ Павлицев (далее в письмах также упоминается как Павлик) — Челищев Павел Федорович (1898–1957) — русский художник, с 1920 г. в эмиграции, жил в Германии, Франции, США, умер в Италии. Челищев оформил обложки двух первых евразийских сборников «Исход к Востоку» (1921) и «На путях» (1922).

2

4 февраля 1922 г. Прага

Дорогой Петр Петрович,

Не получая от Вас никаких известий целую неделю, мы гипотетически предполагаем одну из причин этого в уклончивости «Геликона», на что некоторое основание дали Вы сами своею яркою картинкою кипения «еврейски-европейских кругов» Берлина. Надеемся, что это не так, — но на всякий случай уполномочиваем Вас за свой личный риск, ни с кем не сговариваясь и ни от кого согласия не дожидаясь (наипаче же от софиан, вставших в беспросветный колит и клозетоманию), заключить предварительный договор с любым издательством, которое Вы найдете приемлемым, и на условиях, которые Вам представляются возможными и неубыточными. Исключение единственное: не ставить на нашей книге фирмы, которая уже определено связана с каким-нибудь политическим направлением (с есёрами, правыми или левыми, или большевиками); печатать-то можно всюду, но тогда без фирмы вообще. Впрочем, эту оговорку делаю лично я, не обсудивши ее с Савицким, — просто не знаю, как он выскажется по этому поводу*. В смысле материала все у нас наготове, и к 15 числу может быть Вам препровождено в печатогодном виде — кроме статей Трубецкого, которые еще не прибыли: но они по нашему плану должны пойти в последних листах. К 1-му же марту безусловно все может быть сдано в набор. О ходе своих переговоров немедленно сообщите нам и вообще держите в курсе дела, не останавливаясь, однако, в решениях текущих вопросов, — конечно, если не случится чего-нибудь совершенно чрезвычайного и невообразимого. С нетерпением ждем вестей от Вас. Пишут ли Вам софиане?

* Я принимаю мысль Г.В. как обращенное к Вам пожелание. Но это пожелание пусть не помешает Вам принять немедленное решение: и «Геликон», и «Грани» безусловно приемлемы. — Крепко обнимаю. Савицкий. — *Примеч. П.Н. Савицкого.*

Я получил ругательный шматок бумажки от Ливена и «послание обличительное о престарелых публицистах, кадетские гримзы то ж» от Трубецкого; они оба неврастенически ругаются и впали в маразм и расслабленное самоутешение, — точно дьявол в самом деле кружит их по сторонам. Трубецкой так запуган кадетскою опасностью, что боится даже того, что мы здесь в Праге бываем в одних комитетах с «почтенными покойниками и полу-покойниками» и говорим с ними «без рук»; Вас он ставит нам в пример: скажите, сколько волос вырвали из рыжей бороды Стр<уве>, когда он был в Берлине, и сколько раз отколошматили его??. Без шуток, я совсем не пойму, что Труб<ецкому> нужно. Timeo Danaos et dona ferentes¹ — тактика правильная, но, во-первых, из этого не следует, что нужно избивать всякого встречного и поперечного, а во-вторых, и dona никаких нет... Просто люди идут своей дорогою, встречаются с нами, отчасти идут некоторое время по пути, отчасти расходятся скоро... Какую важность это имеет для нас? Нужно твердо осознать, что «мы», «евразийцы» уже вошли в историю [«русской общественной мысли»], и вошли под своим именем, и нам принадлежит неограниченное право и реальная сила красить нашу вывеску в любой цвет. «Внешние» могут лишь присоединяться и тогда должны «плясать по нашей дудке». И все зависит от того, будем ли мы стойки и упорны в своем самоопределении: а для этого надо прежде всего бросить перебранку и не отлаиваться по сторонам, а идти своей дорогою, вообще двигаться, и всем вместе. Не знаю, понятны ли эти рассуждения по поводу неизвестных Вам софианцевских писаний, — думаю, что князя успели пожаловаться Вам на нас, поэтому и пишу кратко. Ваш «Вечный Устой»² читаю и очень хвалю: но не следовало бы в целях большей экспрессии и импресси кое-что сократить; у меня кое-где впечатление того, что Вы топите свою *idée-force*³ в переливах самоцветных образов — Ваша мысль так узорчато играет, что местами перестаете замечать, что она тянется, движется, развивается: получается самогипноз у читателя, вроде того дурмана, который нападает на факиров, смотрящих в перламутровый шар. Я не стану Вам ничего навязывать, но перечтите внимательно страницы (по рукописи) пятую — седьмую, — не получится ли у Вас самого такого же ощущения?*. По содержанию, помните, я в Соф<ии> очень одобрял Вас и говорю теперь почти то же самое в иных, гораздо более лапидарных и тяжкодумных словах в своем «Патриотизме». Я указываю только на форму — и единственно под углом зрения ее действительности в восприятии читателя. И еще — на стр. 7 я бы выбросил цитату из Тютчева, слишком она затаскана и мне лично звучит на мотив из цыганского романса**. На стр. 9 новая игра образов***. На стр. 10 между концом первого и началом второго абзаца hiatus⁴, который резок в виду конца 7 и 8 стр.: о «народе» ни слова, Вы начинаете говорить об искусстве, о «чистом» иск<усстве>, тогда как риторический вопрос в конце 9 стр. настраивает мысль в духе 7 и 8. Здесь, несомненно, возникнут недоумения: в какой мере сдвиг художественно-идеологический есть сдвиг русского мироощуще-

* У меня этого ощущения нет. Страницы кажутся мне хорошо написанными. — Примеч. П.Н. Савицкого.

** Безусловно согласен: такой цитаты делать не стоит. — Примеч. П.Н. Савицкого.

*** И очень хорошо! Сав<ицкий>. — Примеч. П.Н. Савицкого.

ния?*) Мне кажутся не вполне скомпонованными 7–8 и 10 стр. в отношении их планов рассмотрения. — Простите все эти мелочные замечания: мне Ваша статья настолько близка, что именно сегодня я вдруг ощутил, как много у нас не общего даже, а прямо одинакового — несмотря на всю несоизмеримость наших интуитивных плоскостей — так, как воспринимаете Вы, я никогда не воспринимаю, и обратно, — но воспринимаем мы одно и то же. И я скажу больше, для меня сейчас всего реальнее созвучность с Вами. Вот почему я так цепляюсь. — Одно общее замечание: мне мешает то, что у Вас мало «собственных имен»: именно от игры образов это получается, — слишком я всё, и контуры не проступают. — На стр. 10 решительно нехороша «психомеханика», — выкиньте красночернильную вставку**. Все, что Вы говорите об искусстве, в качестве идеала, задания — верно, я воспринимаю все Ваши слова до конца, но это ли в соврем<енном> искусстве? Здесь тема для крупного спора: скажу лишь одно — не проглядывает ли Вы содержания, качества конкретизации? Вы все говорите о «форме», о «топосе», о «ритме»... И не говорите о Боге и дьяволе. А дьявол — это «изнанка» и потому по форме очень похож на лицо. И именно потому, что Вы говорите все время о форме, стирается грань добра и зла. А это не согласуется и с самим в<ысшим> заданием — преодоления голого формализма. Религия несет откровение — и когда в искусстве Святого и Божественного вдохновения еще нет, то его «вдохновенность» не от «оборотня» ли? Богоборчество, согласен, признак религиозной одаренности, но после Христа, «примирившего» Бога и Человека, есть ли вообще место «богоборчеству»? Единственное благословенное богоборчество было даже до пророков — Иакова (я бы добавил — Иова), а теперь — богоборцы шествуют в свите царя бесов. — Стр. 13 о соборности и коллективизме — блестяща и глубинна, в особ<енности> фраза, переходящая на 14 и следующая антитеза. Но затем следует бесформенный и вялый абзац, после к<оторого> опять идут острые слова, — хорошо!!! Только «форма» у Вас значит вовсе не «форма» — а именно так «внешние» поймут, а «воплощение», «воплощенность», «конкретность» (эти два «сти» очень нехороши) — и этого они не поймут. А тогда все ухнет — чуда <нет>, где «серо» (а черт — серый!). Либо — да, либо — нет, а там — так часто переливается да и нет, что стоит только звон в ушах.

А в общем хорошо. До другого раза. Весь Ваш. Целую.

Флоровский

Привет А<нне> Ив<ановне>, А<нне> Дм<итриевне>, М<арии> Ал<ексеевне>, Павлицеву. Пишите!!

Рукопись о Герцене пытался устроить в «Слове» (Письмо к Гулькевичу переслать — адрес нужно проверить).

Переговорить о возможности напечатать книгу о Герцене по-немецки и вообще о возможности издания по-нем<ецки> аналогичных — по содержанию и направлению — книг. (В частности, той книжки о рел<игиозно>-фил<ософских> те-

* Присоединяюсь к замеч<анию> Г.В. Искусство «выскакивает» случайно. Сав<ицкий>. — *Примеч. П.Н. Савицкого*.

** Замечание Г.В., безусловно, правильное; здесь «психомеханика» не нужна, контекст и без нее вразумителен. Сав<ицкий>. — *Примеч. П.Н. Савицкого*.

чениях в России» (Соловьев — Тареев — Булгаков — Флоренский)⁵, о которой мы говорили).

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 3–6.

¹ Бойся данайцев и дары приносящих (*лат.*); цитата из «Энеиды» Вергилия (2, 49).

² Сувчинский П.П. Вечный устой // На путях. Берлин, 1922. С. 99–133.

³ идея-сила (*фр.*); здесь — ведущая идея.

⁴ расщелина, отверстие, ущелье (*лат.*).

⁵ О русских религиозных философах и богословах Владимире Сергеевиче Соловьеве (1853–1900), Михаиле Михайловиче Тарееве (1867–1934), Сергее Николаевиче Булгакове (1871–1944), Павле Александровиче Флоренском (1882–1937) Флоровский написал позднее в книге «Пути русского богословия» (1937).

3

12–16 февраля 1922 г. Прага

12/II 1922. Praha

Дорогой Петр Петрович, сегодня приехал Новгородцев и привез письма, газеты и книги. За Keyserling¹ спасибо, уже принялся за чтение. Найдите способ переправить и остальные — Spengler² был у меня две недели, но я не успел его прочесть, теперь охочусь за другим его экземпляром — П<авла> Ивановича — и надеюсь иметь его на днях. Hegel пока мне, действительно, не нужен. С деньгами, если позволите, поступим так: не переводите Савицкому его гонорара и потом придержите получку из «Геликона», а сосчитаемся здесь. Хотя платить за марки чешскими кронами теперь и выгодно (за 100 — 24,50), я не хотел бы возиться с переводом. Я очень хотел бы попросить Вас заказать для меня еще ряд книг, если Вас это не затруднит; можно сделать так: сдайте список в лавку с моим адресом (Praha VI, Vyšehradzka třída 16, Městski Chudobinec, Ruský profesorský Sbor. Pan profesor Florovsky), разрешение на вывоз они могут (как я слышал) получить сами, так что Вам останется только заплатить деньги. Все эти деньги мне нужны не очень скоро — в течение 6–8 недель, поэтому напишите, нужно ли немедленно рассчитаться с Вами или можно отложить. Деньги у меня свободные есть и сейчас, но неохота ходить по банкам. Прибегаю к Вашему посредству, т. к. покупать книги здесь или отсюда выписывать выходит много дороже. Напишите по этому поводу теперь же — несколько слов и будьте совершенно откровенны. Еще одна просьба — достать мне последний каталог издательства «F. Meiner» в L<ei>pz<ig'e> (специально философская и лучшая в Германии фирма!) — Если Вас утруждают мои просьбы, так прямо и скажите — я не хочу недомолвок. — В Сборник я даю только одну мою статью, но большую — листа на 3, — это мой переработанный «патриотизм», в него вошла теперь часть материала для «бого-

словской» статьи, что подняло всю трактацию над уровнем злобы дня. Большого на мою долю отвести места в сборнике и технически нельзя. Теперь я занялся своею строго научной работой — прежде всего, по славянофильству. Кстати, Вы ничего не пишете о судьбе моего Герцена; П. Ив. Новг<ородцева> я не успел еще спросить о результатах его разговоров с Гессеном. Если (1) не случится ничего неожиданного, (2) если мне удастся съездить в Вену и к Вам, в Берлин, и найти кое-какие недостающие мне книги, то я рассчитываю свою диссертацию о славянофилах окончить к осени. Здесь я имею (а) подлинники всех главных славянофилов, (б) большую часть литературы о них, (в) почти полностью тех немецких (и франц<узских>) философов, которые влияли на слав<янофилов> и с<к>от<о>рыми их надо сопоставить. Недостаёт (а') нескольких русских книг о славянофилах и Соловьева, (б') полного комплекта русских толстых и историч<еских> журналов, особ<енно> старых и (в') кое-каких мелочей. В частности, для Герцена я имею здесь в Museum regni Bohemiae³ комплект «Колокола» до 1862 г., и мне хотелось бы перед печатанием проредактировать еще раз IV главу своей книги. — Стараюсь не отвлекаться, хотя много увлекательных тем, — когда я пишу письма, — между прочим, Бицилли, — они невольно разрастаются в «статьи», отдельные письма сливаются друг с другом, тяготея сложиться в некую книгу. То же происходит и с Бицилли, — наши письма занимают обычно до 16–20 полулистов. Так вырисовывается задача систематического и принципиального анализа «рационализма», от которой я пока уклоняюсь. Нужно, наконец, сделать что-нибудь «большое», напечатать книгу: а то у нас у всех очень мало «багажу» — вот почему я так настаиваю на разъяснении судьбы моего Герцена [Если «Слово» уклоняется или тянет, то, пожалуйста, поищите другое издательство, хотя бы тот же «Геликон»]; но здесь примите во внимание: (1) свою личную книгу я не согласен печатать по «новой орфографии», в которой объективно вижу убиение русской культуры, а субъективно — ощущаю веяние духа сперва безверного кадетизма, а потом одержимого коммунистического сатанизма (в общем — «жидокадетство»); (2) глава IV должна быть пересмотрена, добавлена еще одна — VI глава («от Герцена до наших дней», — конечно, без заголовка) и написано заново предисловие. Я обязуюсь это сделать очень быстро, так что печатание может быть начато сразу. Если бы было можно, я хотел бы получить право просмотра корректурных листов (это можно заменить предварительным просмотром манускрипта). Очень прошу Вас потратить немного времени на эту историю. — На днях я должен начать чтение курса «истории русской литературы» в чешском Высшем коммерч<еском> институте — Vysoka Škola Obchodna. Курс размером на один семестр и уровня гимназического, но горе в том, что нет никаких книг и придется в большой мере опираться на память.

Вы ничего не пишете о нашей свалке с Ландау⁴. Больше отвечать ему ни к чему. Он — попросту борзописец и ёрник. Головой колотиться о стенку полезнее, чем «убеждать» беспринципного жида. Одолеть нас он не может и потому вступает на путь клеветы и облепливания. Когда-нибудь выйдет на чистую воду и он. А Ваше мнение на этот счет?

Все деловые вопросы обскажет Вам Савицкий, — его очень задело хамство Ландау, и его тянет ответить письмом в редакцию... А я не чувствую себя за-

пачканным. В печатающейся новой книжке «Р<усской> мысли», январь — февраль 1922, — уже набрано мое пресловутое письмо к Струве и его очень слабый и бессодержательный ответ; там же будет рецензия Бицилли на наш сборник, принятая Струве под нашим давлением, с заключением, что «Исход» — крупное явление et caetera.

Не могу сказать, чтобы мне все не надоело: слишком мало жизни и слишком много шума, дрызг, марева и обольщений. Право, в пустыне или в затворе лучше.

Привет Анне Дмитриевне, Анне Иван<овне>, М<арии> Алекс<еевне> и Павлицеву. Почему П. не пишет. Что он делает?

Ваш ГФлоровский

А новая орфография мне очень не по нутру. Неужели необходимо капитулировать? Если да, то пусть! А все-таки противно.

13/II 1922

Вы спрашиваете меня, кого из современных философов я считаю всего ближе к себе. Ответить трудно. Поскольку я считаю нужным ориентировать философское размышление на основе православно-церковного опыта, ко всему «инославному» я отношусь оборонительно, не отрицая того, что проблемы ставятся и критика производится состоятельно и у «романо-германцев». Прямо я указал бы только на Джэмса⁵ (его филос<офские> сборники статей есть и в переводах нем<ецких>, фр<анцузских> и р<усских>, к сожалению, сейчас не могу сделать точн<ую> библиографию ссылок) и на нек<оторых> французск<их> писателей — м<ежду> прочим, очень советую книжку Leroу⁶ «La dogme et la critique», во время войны перевед<енную> по-русски с пред<исловием> Бердяева. Очень глубок и свеж Ройс⁷ — американец, в Европе почти что неизвестный. Его главные книги:

- 1) «World and individual»⁸, 2 тома,
- 2) «Spirit of christendom»⁹, 2 тома,
- 3) «Spirit of modern philosophy»¹⁰, еще 1892 г.

А затем очень советую Шеллинга — его «второй» период, см. его *Sammtliche Werke, Zweite Abth<eilung>*¹¹, все там подряд. Есть только одно полное издание — его сына, выш<ло> в 1850–<18>60 гг. и антикварно еще доступное. *Auswahl*¹² был недавно издан Meiner'ом — посм<отрите> по каталогу. — Вот и все. А самое лучшее — взяться за чтение святых отцов: это и есть настоящая «основа» для грядущего филос<офского> синтеза. Все прочее — либо техническая аппаратура и технический язык, либо симптомы разложения (саморазложения) и судорожного искания «свежего воздуха». — Не знаю, удовлетворил ли Вас. В нем<ецких> переводах можно достать, напр<имер>, Григория Нисского, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина — есть такая *Bibliothek der Kirchenväter*¹³; — Нак<онец>, возьмите Renouvier¹⁴, что попадетя: это один из сильнейших спекуляторов соврем<енной> романо-германской среды, выбивающейся из светской схоластики.

13 вечером. Павел Иванович только что мне сказал, что мой «Герцен» находится на рассмотрении Сергея Иосифовича Гессена, от заключения которого зависит разрешение его судьбы. И он же мне посоветовал через Вас поторопить С<ергея> Иос<ифовича>, — к сожалению, я лично с ним не знаком. Очень и очень Вас прошу повидаться с ним и выяснить вопрос, принявши во внимание все сказанное выше, — и в случае благоприятного ответа продолжить разговор со «Словом» на условиях, аналогичных «Геликонским» для сборника, — если они не предложат лучших! — с тем чтобы издания очень надолго не откладывали.

Мы до сих пор не имеем от Вас никаких решительно сведений о судьбе берлинского запаса «Исхода», — из Софии добиться экземпляров невозможно, а между тем здесь явный спрос — и у нас лично, и у «Нашей речи». Подтверждаем нашу настоятельную просьбу выслать, если это возможно, 20 экз. изд<ания> — «Наша речь» с указанием об уплате стоимости П.Н. Савицкому и не менее 10 экз. На наше имя gratis¹⁵, конечно. Софианские евразийцы совершенно выпали из связи, не пишут ни звука... В последнюю субботу в здешней чешской газете «Tribuna» появилась статья о евразийстве, — начало (I), где пересказано с простыми пояснениями предисловие «Исхода»^{*}; а вчера известный прикарпаторусский деятель пр<офессор> Д. Вергун¹⁶ на своей публичной лекции — мы не были, и узнали это, к своему удивлению — призывал в ряды евразийцев.

За общей суматохой, произведенной в особенности статьями Ландау, мы не имеем времени хорошенько организовать среди публики. Брошюрку Гурко еще не прочли, — но принципиально желательно пока воздержаться. Я очень склоняюсь к мысли о своем повременном органе, — но это надо очень и очень обсудить. Напишите немедленно по всем практич<еским> вопр<осам>, затронутым в этом моем письме, особ<енно> о Ландау и о Герцене. Кончаю, чтобы не разлезться на целую стопу.

Целую.

Ваш ГФлоровский

Напишите о всех берл<инских> новостях.

16/II. Кончаю письмо. В суматохе Kayserling покоится в углу, не могу развернуть и «переписки из углов»¹⁷. Нажмите на Гессена вовсю, ибо драматический исход, предполагаемый Савицким, мне мало по вкусу. Другое дело — наплевать жидам в глаза на самом деле, а разводиться эпистолярно-литературные скандалы — слишком гривуазная проза. — Очень прошу выяснить судьбы моего Герцена, теперь бесконечно осложненные всей этой жидоскотской нелепицей. Вдобавок С.И. Гессен выставил свою кандидатуру в Прагу, и мне, как единств<енному> специалисту, придется давать о нем заключение в нашем русск<ом> факультете (это вполне секретно!) — конечно, ни на минуту я не поколеблюсь сказать, он — «величина», но... согласитесь, что канитель завязалась гнусная.

Насчет нац<ионал>-большевиков напишу подробно потом. Пока ряд пунктов: 1) участники «См<ены> вех» — шваль, мелочь и тупицы, 2) морально их идеоло-

* «Tribuna» <—> газета «самого президента» (Масарика), и статья, кажется, инспирирована им. Евразийство в ней квалифицируется как новая разновидность русского империализма. — *Примеч. Г.В. Флоровского.*

гия отдает сатанизмом и черной мессой, 3) по всему видно, что они «политиканствуют». Мы в разных плоскостях: какой же блок?! Не ругать их? Так как мы не жидоскоты, то мы не «ругаемся», а раскрытию их идеологического гнилокровия посвящена целая глава моего «Патриотизма», который Вы скоро получите — он в диктовке и переписке. Я хочу шарахнуть Устрялова за его сатанически-безобразные статьи в «Окне» (Харбин, 1921) о «Кривых путях истории» и о «крови как удобрении для гениев». Меня от нац<ионал>-б<ольшевиков> тошнит и рвет. Мое личное — оговариваюсь! — полуфизиологическое ощущение — вроде как проглотил таракана. — То же и о Белом: не могу переносить демонического тумана, невольно крестишься... Чур меня, перечур!

Крепко целую.

Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 7–10.

¹ *Кейзерлинг* (Keyserling) Герман (1880–1946) — немецкий философ, автор работ по антропологии и философии культуры. Вероятно, Флоровский читал его новую книгу «Творческое познание» («Schöpferische Erkenntnis», 1922).

² *Шпенглер* (Spengler) Освальд (1880–1936) — немецкий философ, автор двухтомного труда «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes», 1918–1922). Первый том «Заката Европы» вскоре после его выхода был уже хорошо известен в России, поэтому Флоровский, скорее всего, читал новый, второй том.

³ *Museum regni Bohemiae* — старое название современного Национального музея в Праге, на Вацлавской площади. В состав музея входит большая библиотека.

⁴ В январе — феврале 1922 г. на страницах берлинской газеты «Руль» ее сотрудник Г. Ландау в ряде статей выступил с критикой евразийства.

⁵ *Джемс* (James) Уильям (1842–1910) — американский философ, основатель прагматизма, профессор Гарвардского университета. В начале XX в. на русский язык были переведены сборники его статей «Воля к вере» (Зависимость веры от воли и другие опыты популярной философии. СПб., 1904) и «Прагматизм» (СПб., 1910).

⁶ *Леруа* (Le Roy) Эдуард (1870–1954) — французский философ, профессор Коллеж де Франс. Его книга «La dogme et la critique» вышла на русском языке в издательстве «Путь» с предисловием Н.А. Бердяева: *Леруа Э. Догмат и критика*. М., 1915.

⁷ *Ройс* (Royce) Джосая (1855–1916) — американский философ, профессор Гарвардского университета, сторонник идеалистического персонализма.

⁸ «Мир и индивидуальность» (англ.).

⁹ «Дух христианского мира» (англ.).

¹⁰ «Дух современной философии» (англ.).

¹¹ Полное собрание сочинений, 2-е отделение (нем.).

¹² сборник (нем.).

¹³ Библиотека отцов Церкви (нем.).

¹⁴ *Ренувье* (Renouvier) Шарль (1815–1903) — французский философ, неокантианец, сторонник этического персонализма.

¹⁵ бесплатно (лат.).

¹⁶ *Вергун* Дмитрий Николаевич (1871–1951) — филолог-славист, с 1921 г. жил в Праге, преподавал русский язык и славяноведение в гимназиях и высших учебных заведениях. С 1940 г. жил в Югославии, в 1947 г. переехал в США.

¹⁷ Имеется в виду кн.: *Гершензон М.О., Иванов Вяч.И.* Переписка из двух углов. Пг., 1921. Об этой книге Флоровский написал в статье «В мире исканий и блужданий» (Русская мысль. 1923. Кн. 4).

24 февраля 1922 г. Прага

24/II 1922

v Prahe

Дорогой Петр Петрович.

Вчера написал Вам длинное письмо, но не успел его отправить, как получил Ваше от 20 <февраля> и предложение «Слова» от 21 <февраля> (без рукописи пока), а Савицкий одновременно след<ующее> письмо Гессена от 20 II на бланке «Руля». «Ваше письмо заканчивается угрозой, которая противоречит добрым литературным правилам и лишает нас возможности вступить с Вами в какие-либо объяснения по затронутому Вами вопросу, ибо эта угроза, очевидно, должна стеснять свободу нашего решения». Письмо это адресовано «Господину П. Савицкому» и не содержит ни одного намека на то, что является ответом на коллективное обращение двух лиц. Напротив, второе лицо одновременно получает предложение за тою же подписью об издании его книги. Вдумайтесь, дорогой, в это сочетание и поймите, что наделал Гессен. Вчера мы обсуждали все положение с Новгородцевым. Я определенно настаивал, что в нашем письме не было никаких «угроз» и оно было написано более чем мягко; со вторым письмом П.Н. отписка Гессена разминулась. Как действовать дальше? Мы полагаем, что Новг<ородцев> прав, отсоветывая предпринимать резкие шаги, ибо при таком обороте дела оружие будет сильнее в руках тех, кто владеет прессою и т<ому> под<обное>, а по существу эта шумиха не дает ничего. Но нам представляется излишним и то, что он предлагает требовать от Гессена оглашения нашего письма и обращения в случае отказа в другие газеты или писание ему запроса от моего имени. Все это, разумеется, ни к чему реальному не поведет, а размениваться на личные препирательства скучно. Поэтому либо надо просто плюнуть, либо ответить Гессену так: «Простое указание срока Вы приняли за угрозу. — Есть люди, с которыми лучше не соприкасаться. Вы из их числа». При этом я лично уклоняюсь от всякого ответа «Слову» и передаю Герцена в другое издательство. — Лично я бы, может быть, и вовсе плюнул. У нас есть дела более важные, а своей чести я с самого начала запачканной не ощущал. Не г<осподам> Ландау и Гессенам до нее добраться. Но теперешнее поведение Вашего Гессена меня возмущает, — он идет на взятки и подкуп? Что это за наглость?! На нее лучше ответить презрением, а не шумом. Вот мое мнение, — но презрительное письмо Гессену от нас двоих я подпишу. — Скажите Ваше мнение немедленно. Мы будем молчать до истечения срока, т. е. до 3 марта. Это советует Новгородцев. От меня лично к Вам просьба немедленно спросить в «Геликоне», не возьмется ли он за издание моего Герцена, притом по старой орфографии, и то же спросите в «Гранях» и т. д. Рукопись Гессен, по-видимому, уже выслал, я ее Вам верну в оконч<ательном> виде недели через три — месяц. При сложившихся обстоятельствах идти на приманку «Слова» было бы самопродажей, хотя я и учитываю вполне, что, может быть, хороню свою книжку навсегда, ибо, подчеркиваю,

своей единоличной книги, да еще по истории русской культуры, безграмотной кадетско-большевистской орфографией пачкать не стану. Никакого «проекта договора» Гессен мне не прислал, а только предложение издать за 10 % прод<ажной> цены. Он — явный плут. Вот все, что я скажу по этому поводу.

Вчера я получил целую пачку писем отовсюду, и голова у меня вспухла. А к тому же я чувствую себя весьма неважно. — Первая половина рукописей сб<орника> В<ам> будет выслана первого марта, вторая — спустя неделю. Как с обложкой? Очень прошу внимательно прочесть мой «Патриотизм», — в гл<аве> 3 дана критика «национал-большевизма» и «скифов», — из нее Вы поймете, почему я буду со всей решительностью настаивать на невозможности какого-либо контакта с ними. Вопреки Трубецкому я думаю, что наше разделение с ними не случайно, — в отношении себя я слишком ярко чувствую все различие плоскостей — и исходов, и целей, и путей. Нас делит и топос, и идеология. И н<ационал>-б<ольшевики>, и «скифы» — решительные рационалисты и западники, а все их «евразийство» — краденая бутафория. К тому же и те и другие тяготеют к злободневности — к «конкретному» большевизму, — здесь, в Праге, лекция н<ационал>-б<ольшевика> (А. Попова¹) была sub auspiciis² сов<етской> миссии и в присутствии самого Раковского³. Это — политиканство, от которого нам надо держаться дальше. Наше дело — церковное, а «кто не со Мною, тот против Меня»⁴, — сказал Христос. Черту с младенцем действовать заодно неместно. — Согласитесь, что я рассуждаю не «легкомысленно». О том же пишу в Софию.

Относительно Вашего вопроса об эстетике отвечать мне очень трудно, ибо Ваших немцев я не читал, да и не считаю нужным их читать. Скажу одно — Гуссерль⁵ мне резко антипатичен, это — чистый рационализм. И все эти Werttheorien⁶ — схоластическая галиматья. То же относится и к Brentano⁷. А Ласк⁸ — прежде всего жид и «преодолевает» рац<ионализм> со всею жид<овской> ловкостью — ничего не выходит в итоге. Выписку — примечание Ваше возвращаю, — она ясна для меня, но будет бесполезна для рядового читателя, который эстетич<еской> лит<ературы> не читал. Вообще, я вдруг стал чувствовать, что все немцы — теперешние — ни к чему: дальше и глубже Фихте, Шеллинга, Гегеля и, допустим, Лотце никто не идет в Европе. Воистину, это — «хитрость разума», и ее пути — не к добру. Кажется, Лопатин⁹ был прав, когда говорил, что развитие философии в Евр<опе> в 60-х гг. прекратилось. — Насчет вставки конкретно и технически сказал бы так: она вполне уместна, но вся Ваша трактация чрезмерна сгущена и мало понятна для лаиков¹⁰, здесь, м<ожет> б<ыть>, прав Труб<ежкой> и Савицкий. Впрочем, это Ваше дело. Поправки к вставке я пометил на ней. Се и прилагаю.

То, что Вы пишете про С. Гессена, мне вполне понятно и тем неприятнее в связи с его кандидатурой в Прагу. — Это ужасная вещь — загрузнуть в современных течениях з<ападно>евр<опейской> и особ<енно> немецкой философии. Бойтесь этого более всего прочего. Во всем этом страшно много упадничества, — нет творческого пафоса, а есть Ordnung und Zucht¹¹. Такими не были философы поры «великих» систем немецкого идеализма. Право, немцы поглупели. Бросьте их, дорогой, — читайте Шеллинга, он много Вам даст в смысле эстетики, невыразимо больше всех теперешних жидонемцев. (Заметьте, Ласк тоже кабардинец.) — О «Переписке из двух углов» я рас-

хожусь в мнении с Вами: у Иванова есть топос, и он, по-моему, замечателен. Я кое-что написал по этому поводу, проектируя поместить в «Р<усской> м<ысли>». На днях перепису на машинке и тогда для прочтения пришлю Вам с усл<овием>, что Вы ответите по существу. «Переписка» сейчас в чтении — Новгородцев, Вернадский etc.

Пока крепко целую. Привет всем Вашим.

Флоровский

I. Очень прошу не замедлить зондирования почвы насчет Герцена в других издательствах.

II. Пришлите мне Гегеля.

III. Пошлите софианцам гессеновскую переписку — наши к Г<ессену> письма.

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 11–12.

¹ Сведений об А. Попове установить не удалось.

² под руководством, с благословения (лат.).

³ Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) — болгарский революционер, советский партийный деятель, один из основателей Коминтерна, участник Гражданской войны на Украине. С 1919 г. член ЦК РКП (б), в 1919–1923 гг. возглавлял Совнарком и Наркоминдел Украинской Советской Республики. В 1922 г. в составе советской делегации участвовал в Генуэзской конференции, с 1923 г. заместитель наркома иностранных дел и полномочный представитель советской России в Великобритании (1923–1925) и Франции (1925–1927). Один из участников троцкистской оппозиции, в 1927 г. исключен из партии, репрессирован, расстрелян.

⁴ Мф. 12: 30.

⁵ Гуссерль (Husserl) Эдмунд (1859–1938) — немецкий философ, создатель феноменологического метода, выступил против философского психологизма за объективное познание на основе чистой логики («Логические исследования», 1900–1901).

⁶ теории ценностей (нем.).

⁷ Brentano (Brentano) Франц (1838–1917) — немецкий философ, профессор Вюрцбургского и Венского университетов, автор книги «Психология с эмпирической точки зрения» (1874). Разработал учение о психических феноменах, ставшее основой феноменологии Э. Гуссерля.

⁸ Ласк (Lask) Эмиль (1875–1915) — немецкий философ, профессор Гейдельбергского университета, разработал учение о категориях («Die Logik der Philosophie und der Kategorienlehre», 1911).

⁹ Лопатин Лев Михайлович (1855–1920) — русский философ, профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества. Его точка зрения на историю философии заключалась в том, что в 1860-е гг. в Западной Европе восторжествовали натурализм и материализм, которые влияют на все другие философские направления. Лопатин не утверждал, что развитие философии в Западной Европе прекратилось, но общую философскую ситуацию считал кризисной. Он писал: «Правда заключается в том, что европейская мысль в наши дни переживает один из самых болезненных и тяжелых кризисов за всю свою историю» (Лопатин Л.М. Положительные задачи философии. М., 1891. Ч. 2. С. 22).

¹⁰ Лаики (от греч. «λαῖός» — народ) — в христианской церкви миряне в отличие от клириков (священнослужителей).

¹¹ порядок и дисциплина (нем.).

8 апреля 1922 г. Прага

8/IV 1922 v Prahe

Дорогой Петр Петрович.

Воображаю Ваше изумление при чтении этого письма! Я женюсь, и свадьба совершится через две недели. Вам нетрудно представить то настроение, в котором я нахожусь сейчас: поэтому ничего «толкового» от меня не ждите. Невеста моя — Ксения Ивановна Симонова — старая знакомая (еще по Чернигову) Петра Ник<олаевича>, знакомство и сближение с ней произошло уже здесь, в Праге, и сразу отлилось в форме «союза навек». Я ощущаю себя страшно и безмерно разбогатевшим и не сомневаюсь, что я просто возрастаю духовно и душевно от производимого мною переворота в своей судьбе. П<етр> Н<иколаевич> <Савицкий> такого же мнения. Содружество евразийское, т<аким> обр<азом>, обогащается новым участником. Порадуйтесь за меня и поздравьте.

Привет Вашим. Скажите про мои новости Павлицеву: в этом причина тому, что я не могу ответить на его милое письмо. Поцелуйте его от меня. Крепко обнимаю и целую.

Флоровский

P. S. Мы оба (я и П<етр> Н<иколаевич>) ждем вестей о Сборнике, — начался ли набор?

П.Н. даже волнуется и мучается неизвестностью.

Пишите.

Жду Гегеля.

Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 13.

26 июля 1922 г. Прага

Прага, 13/26.VII.1922

Дорогой Петр Петрович,

Ваше последнее письмо не идет у меня из головы. Вы не можете учесть еще, какими неисчислимыми бедами, — и бедами непоправимыми, — угрожает всем нам и нашему общему делу то опрометчивое решение, которое Вас сейчас соблазняет. Нет сомнений, Ваше возвращение в Р<оссию> означало бы не только гибель и конец евразийства, но и конец каждого из нас, — нам перестали бы верить.

И по праву. Ибо как не оценивать исторический смысл и внутреннее значение совершающейся революции, остается бесспорным, что теперешняя власть богоотступна, богоборственна и проклята. Нельзя убаюкивать себя оговорками, что в злое дело, творимое большевиками, Вы не вложите ни своего участия делом, ни сво<его> сердечного сочувствия. Всякий, кто хотя бы тем, что не саботирует, хотя бы тем, что остается на «незаменимом» месте, способствует протягиванию того адского шабаша в Р<оссии>, который ничего общего со стихийными свершениями не имеет. И тем более возвращающийся. Если прежде эта непримиримость могла казаться преувеличенной, то теперь ведь все маски сняты. И представьте, что можно сказать о людях, вышедших в тяжелую эпоху под православным знаменем и во имя Святой Руси, если они «примут» — хотя бы по маловерию — теперешнюю Р<оссию>, где отдают детей на растление иезуитам, где кощунственно разграбляют святыни, где клеветуют на священноначалие, где предают мученической казни первосвятителей, где обманом колеблют церковные устои... Если нас назовут прельстителями, — будут правы.

Поймите, дорогой, что сейчас мы в самой пучине соблазнов, — не мы лично, вся Россия, весь православный мир. И еще соль обуяет, чим осолится?¹ Волею Божией мы поставлены на вершину горы и ту ответственность, которая налагается на нас тем, что не во имя свое, а во Имя Вышнее мы вошли в жизнь, под страхом гнева Вышнего мы должны остро переживать. И я знаю, что не суду, а геенне повинны мы, если не устоим, и падением своим соблазним тьмы еще братий наших меньших.

Да, соблазны велики, и именно потому, что преспел наш час. Готовится разбойничий «собор»², соборище иудейское, да Спасителя всех и Христа предадут. И в этот момент дискредитировать тех, кто во имя православное вышел, не будучи связан ни с чем «политическим», для врага так важно. Да, именно теперь дьявол ждет, чтобы нас сеяли точно пшеницу. И надо бдить и молиться, да не внидем в горшие напасти. Да, именно так толкую я «Лицемерные похвалы» «Накануне», на которые поймался и Струве. И дай Боже, — будем страстно молиться, — чтобы из соблазнительной сети вера наша извела нас.

Дорогой, вникните во все то, о чем так трудно внятно сказать на письме. Поймите, что ныне Вас «Он» соблазняет иудовыми сребренниками, — и ищите Вышней помощи, чтобы устоять.

Скажу прямо, Вы готовите предательство и убийство. Я знаю, что сколько бы мы ни обличали Вас потом, сколько бы мы ни призывали на Вас проклятий и гнева, сего дела мы не спасем, ибо нам скажут — среди Вас тот, кто предает и убивает. И как будет горько сознавать, что этот упрек справедлив, что мы действительно не сумели удержать и сохранить брата нашего, что действительно мы сеем соблазны. И горше всего то, что ведь не только случай нас свел, — нас, «евразийцев», — а нечто сильнейшее узами метафизической упругости связывает нас. Сердце друзей разобьете, окровавите и оскверните Вы... отдадите в поругание псам.

И за что? И ради чего?

Вас соблазняют мнимые блага. Там ждут Вас мучения совести и угрызения незримые. И ужас в том, что это будет бесповоротно. Только духовник на смертном одре сможет отпустить Вам этот ненужный грех, — и именно потому, что ненуж-

ный, — смертный. На нас лежит долг удержать Вас от падения. Не противьтесь нашей любви.

Знаем хорошо и по опыту, что нелегко жить и трудно разбираться в мелочах житейских. Но не будем маловеерами. — Вы говорите, что Вам средств хватит много-много на несколько месяцев. Про себя скажу, что более или менее обеспечен (своею вольной вакансией) только до 1.1, а там... даже сбережений ни гроша. Я тоже не один. Сестра уже лишилась места в Софии. Семинария под угрозой отобрания и уничтожения. В Болгарии неспокойно. Но ужели же от этого впадать в уныние! И я ли исключение?! Тысячи живут хуже и неувереннее. Но ведь жизнь — борьба! Не за существование, животное «во что бы ни стало», а за праведное и достойное... Надо бороться и искать... И толкующему отверзется. А судьбу, уготованную рабу, схоронившему талант из-за страха гнева господина, Вы знаете. Да сохранит Господь от нее.

Молитесь! И ежели позволите сказать все до конца — мы все грешны тем, что о Боге и Церкви говорим много, а в Церковь глядим и о Боге только размышляем. Молиться и не умеем, и не хотим. И вот мы поставлены на лезвие ножа. Да не умрем к смерти! — верой!.. Кто грешен «более»? Не будем перекоряться. Любовью обьемем друг друга и тяготы друг друга понесем. Но надо молиться, плача и рыдая, пред Богом Сил, — чтобы Он безумия нашего и слабости человеческой в конечное осуждение нам не вместил.

Нельзя счесть того горя и тревоги, которые Вы вносите сейчас в наши души. Мы ощущаем адские туманы вокруг. Рассеем их взаимным напряжением верующей веры!..

Будьте стойки! Отвергнитесь уныния!

Мы с П<етром> Н<иколаевичем> <Савицким> приедем к Вам, как только это станет возможно, — через три недели. А пока мы настойчиво просим, чтобы всеми деньгами, полученными от «На путях», Вы располагали как своими. Потом Вы позволите нам помочь Вам в отыскании более длительных пособий для Вашего, — и Ваших, — благополучия. Не колеблитесь и не упорствуйте. Мы требуем такой уступки Вашей дружбы.

Я считаю необходимым немедленно посвятить в это дело Ливена и Трубецкого. Уверен, что их оценки совпадают с нашими и что нам удастся убедить Вас, — более того, спасти Вас.

Простите резкость и лапидарность слога. Дело слишком трудное, и волнение слишком велико... Вы, я знаю, поймете и простите... Но любовь не должна смягчить и расслаблять. И я не поколеблюсь пред самым бесповоротным осуждением и гневом, хотя бы с кровавою болью в душе, если Вы не захотите победить духа уныния и недозволительного малодушия и помечете бисер псам. Да, Ваши умыслы предательственны и греховны. Вас соблазняет мелкая любовь к благам века сего. И соблазняет потому, что тысячами ухищрений уже размягчено Ваше сердце. Я знаю, как все мы слабы, знаю, что не было близких духом подле Вас эти последние месяцы. Но нет извинений, когда волею избираешь то или иное. Да, нам всем простой веры недостает, и о ней надо тосковать и молиться. Вы заставили над многим задуматься и заставили узнать то, что раньше не виделось. Надо

многое отбросить из сказанного нами. Надо, ибо не иных даже мы соблазнили, а себя самих. Увы, мои давние сомнения оправдались! Революцию нельзя принимать даже метафорически.

Боритесь, дорогой, с натурализмом созерцания и привидениями Апокалипсиса...

Да хранит Вас Господь Всеблагий и да пошлет Вам Ангела мирна, доброго хранителя душам и телесам Вашим.

Крепко обнимаю.

Молитесь!

Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 14–16.

¹ Мф. 5: 13. Флоровский цитирует Евангелие по церковнославянскому тексту, в русском синодальном переводе: «Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую?»

² В мае 1922 г. началось обновленческое движение, получившее негласную поддержку ГПУ и направленное на отстранение патриарха Тихона от управления Русской церковью. Обновленцы создали Высшее церковное управление и начали подготовку «собора», который прошел в Москве в конце апреля — начале мая 1923 г. На «соборе» обновленцы приняли резолюции о поддержке советской власти и лишении сана патриарха Тихона.

7

27 ноября 1922 г. Прага

Передайте прил<агаемое> письмо Лосскому¹

Прага Чешская

27 XI 1922

Дорогой Петр Петрович.

Надеюсь, что мое неблагоприятное поведение, молчание и как бы «саботаж» не разрушили Вашей приязни и Вы не откажете в моей просьбе возможно тотчас устроить мне и П<етру> Николаевичу въездную визу в Герм<анию> (для меня в Берлин, Кенигсберг и Гейдельберг) на месяц. У меня чешский загр<аничный> паспорт сроком с 5/XII по 5/I. Быть может, здесь оказалось бы полезным содействие Höttsch². Я хотел бы выехать возможно скоро, чтобы к 24-му <декабря> вернуться и провести праздники дома. Поеду я один — экономии ради. Только сейчас узнал, что теперь визы без запроса в Б<ерлин> не дают. Очень прошу Вас от нашего общего имени (моего и П<етра> Н<иколаевича>) <Савицкого> помочь нам. Быть м<ожет>, даже телефонировать! Я хотел бы выехать не позже 8–10.

В связи с этим напишите, как устроиться с помещением и сколько надо взять денег — какова стоимость жизни?.. У П<етра> Н<иколаевича> завтра экзамен — последний, и потому пишу я.

Не пишу больше, т. к. рассчитываю на скорую личную встречу. Очень сблизился с Завадским³.

Привет и низкий поклон всем Вашим. Крепко Вас целую.

ГФлоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 17.

¹ В конце ноября 1922 г. высланный из советской России философ Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) находился в Берлине, ожидая визу на въезд в Чехословакию. Вероятно, Флоровский писал Лосскому в связи с его предстоящим приездом в Прагу (Лосский приехал в Прагу 13 декабря 1922 г.).

² О ком идет речь, установить не удалось.

³ *Завадский* Сергей Владиславович (1870–1935) — русский ученый, правовед. С 1921 г. в эмиграции, профессор Русского юридического факультета в Праге, автор 6-томного труда «Гражданское право» (Прага, 1923–1926).

8

27 декабря 1922 г. Прага

Praha IV. Keplerova ulica
Hotel Savoy, č.17 1
4/27 XII 1922

Дорогой Петр Петрович.

Я надеюсь вскоре написать Вам более подробно и сейчас хочу только разверить Вас в Ваших опасениях на мой счет. Статью для сб<орника> пишу — но с большим трудом, т. к. мысли разбежались, а главное, ушли в сторону чисто теоретич<еских> филос<офских> проблем. Поэтому изложение не дается, а для многого нет времени и сил. Насчет берд<яевского> журнала — я особого мнения. Кон<ечно>, надо подождать I книжки, но я лично собираюсь послать ему — когда изготовлю — довольно большую статью о пантеизме и теодицее, главу из своей филос<офской> «системы», кот<орая> все одно для евраз<ийского> изд<ания> не подойдет. Никак не могу сесть за писание — читаю и думаю сразу о трех вещах — о «системе», о книге о В. Солов<ьеве> (в связи с читаемым мною курсом о нем) и о теократии в XIX в. (читаю масонов и Местра¹). Все это — око-до кат<олического> сборника², и потому так трудно писать для него — менять «установку». Не сердитесь на меня и верьте, что я мало изменился. Привет Вашим.

Ваш ГФлоровский

Где Павлик? Привет и ему.

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 18.

¹ *Местр* (Maistre) Жозеф Мари де (1753–1821) — французский писатель, публицист, мыслитель, политический деятель, создатель консервативного и теократического учения, согласно которому абсолютная власть над народами принадлежит римскому папе.

² Речь идет о сборнике статей «Россия и латинство» (Берлин, 1923), который вышел в Евразийском книгоиздательстве и был посвящен критике Католической церкви. Флоровский написал для него статью «Два завета».

9

30 декабря 1922 г. Прага

30/17 XII

Дорогой Петр Петрович.

Присоединяюсь ко всем соображениям П<етра> Н<иколаевича> <Савицкого>. С Гессеном заключайте формальное соглашение. Ваши статьи безусловно необходимы для сборника — раз Вы думаете об отдельном издании, не упорствуйте насчет редакционных изменений для сборника: потом можете изменить текст. Раз решится вопрос с Гессеном о сборнике, подвиньте моего Герцена и скажите Гессену, что я хотел бы добавить еще заключение с проведением мостов к современности, в частности с экскурсом на тему «Герцен и Достоевский». Скажите, что на это меня толкает Кондаков¹. Скажите еще, что я уже имею предложение чешского перевода (но умолчите пока, что перевод уже осуществляется, ибо я не знаю сроков печатания). Спросите у него приблизительные условия. Я думаю, что он возьмет Герцена, ибо даже Кондаков нашел, что книга должна быть ходкой и своевременной. — Книги для меня, если Вы получили разрешение на их пересылку, немедленно заказною посылкой вышлите сюда по адресу Chudobines² — кому и сообщите стоимость расходов (и способ перевода денег Вам). Как вообще осуществляется получение разрешения на пересылку книг? Дело в том, что я хотел бы периодически выписывать книги из Германии — покупать здесь невыгодно, ибо здесь цену в марках по номинальной стоимости они переводят в кроны. Можно ли было бы навязать это на Вас? У меня целая серия заказов.

Привет всем Вашим. Поздравьте М<арию> Ал<ексеевну> с выздоровлением. Скажите Павлицеву, что я очень жду от него обещанного мне в Софии письма. Пусть не сердится из-за обложки.

Целую.

Ваш Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 19.

¹ *Кондаков* Никодим Павлович (1844–1925) — русский ученый, искусствовед, археолог, профессор Петербургского университета, специалист по византийскому и древнерусскому искусству. С 1920 г. в эмиграции, профессор Софийского (1920–1923) и Пражского (1923–1925) университетов.

² Богадельня (*чешск.*). В письме 3 упоминается как «Městski Chudobines».

28 апреля 1923 г. Прага

Praha IV. Keplerova 8, Hotel Savoy, 16-7
28.IV.1923

Дорогой Петр Петрович,

Одновременно Вам возвращаю Шпета и прошу от меня поблагодарить Бердяева. Вас за присылку крепко обнимаю и винюсь в опоздании. — Теперь о Ваших сомнениях насчет, т<ак> ск<азать>, блока евраз<ийцев> с «Софией»¹. Я представляю себе дело так: привлекать их в наши издания решительно нельзя, но нам следует у них писать, отдавая им менее типичное. И главное то, что наше ядро фактически и действительно треснуло: Труб<ецкой> отказывается и от статей, и от обзоров, предлагая только об евразийском вопросе. Это не всё. По-видимому, он потерял связь с действительностью, ставши Herr Ordentlicher Professor², погрязши в житейской суете и коликах. С нами он связь — живую — тоже утратил. Я вовсе не хочу от него откалываться, но... на деле, Вы и П<етр> Н<иколаевич> <Савицкий> меня поймете, и я вас, а князь не живет одною с нами думой. С тем большей ясностью я вижу необходимость «расширения», expansion, и меня страшит угрюмая недоверчивость Н<иколая> С<ергеевича> <Трубецкого> ко всем. На Новг<ородцева> он сдался, против Зеньк<овского>³ протестует, Арс<еньева>⁴ опорачивает. На каких лошадях мы поедем? Сборники наши осуществимы только при привлечении новых сил. Я думаю, что о протестантизме следует заказать статью Спекторскому⁵ как лучшему русскому знатоку дела и автору прекрасных статей о прот<естантском> рационализме. Я слегка зондировал почву и убедился, что он напишет. С католицизмом дело плохо — Бицилли обуял романо-германский дух и хандра, Верн<адский>⁶ трепещет Византии. Новг<ородцев> согласен на небольшую статью об отношении эсхатологии и общ<ественного> идеала. Сестра пишет о разделении церкви. И в итоге получается очень мало. Боюсь, что это угроза всему делу и что и первый сборник сами мы не оборудуем. Падать духом нечего, но надо пробовать. Я в ближ<айшие> дни принимаюсь за писание обеих своих статей. Задумал я их отчетливо, но еще не знаю, что выйдет. «Е<вразийство> к<ак> философская проблема» д<олжна> б<ыть> по замыслу основоположной, решать прямо, что такое и что для нас Европа и что Россия в мировом «плане». Очень думаю над книгою Бердяева⁷. Еще ответственнее о «Православии к<ак> пути творчества». Но в общем я сейчас в мыслительном подъеме, несмотря на все опасения. — Теперь возвращаюсь к блоку. Вопрос о «кооперации» я решаю пристрастно — под впечатлением измены Ливена⁸, падения Бицилли и отступничества Труб<ецкого>. Мы — трое должны вести евраз<ийский> фронт и сохранять репутацию и действительность евраз<ийского> голоса. Поэтому — а) наши «Устои»⁹ во что бы то ни стало должны выйти и быть сильными: если мы сами дадим много, то участие «чужих» будет для стороннего зрителя знаком нашей силы и победы; но как бы много мы ни дали, одни не справимся; б) нужно стать твердою ногою

и в чужих делах, — опять в своем духе; имею в виду «Софию» и рел<игиозно>-фил<ософскую> академию, безотносительно к согласию с ними и их оценке. Мне лично мало бы улыбалось ездить в Берл<ин>, но ради евраз<ийского> дела, вероятно, было бы полезно мне туда всадиться гастролером и запечатлеть евраз<ийскую> позицию. Если со мною согласны, позондируйте почву. Что и о чем читать, вопрос дальнейший, но материал у меня есть, и я могу даже предложить спец. «курс» о Соловьеве. Во всяком случае, по-видимому, мой приезд в Берл<ин> был бы евразийски полезен и дал бы возможность конкрет<етного> решения «проблемы взаимодействия». Как мне ни не хочется прерывать налаженный режим работы, и лично я очень хотел бы побеседовать с «ними», — и с Вами, разумеется. Теперь о «Софии». I — многое новое заставляет меня желать высказаться, и в «Устои» всего не вклеишь, просто ради уважения плана. Поэтому я заинтересован лично участием в «С<офии>». II. И это с той же общей точки зрения евраз<ийского> престижа желательно. Но нужно деят<ельное> участие и других евраз<ийцев>, — Ваше! Надо войти в оркестр хотя бы для того, чтобы диссонировать. При условии одновременного издания «Устоев» нашу физиономию это не обезличит. И даже, я думаю, желательно было бы проникнуть в ред<акционный> комитет, — конечно, негласно. Я говорю все о внешней стороне, не касаясь внутренней. Чужими ересями заразиться лично не боюсь, т. к. скорее стою на острие своих собственных. Опасные уклоны у Бердяева, Франка, Ильяина, конечно, налицо, и нету у них простоты. Это требует гласных оговорок. Но скорее мы идем вместе с ними. Конкретно я пока предлагаю: 1) Вам выговорить у Бердяева обеспеченное место для евраз<ийцев> в каждом № «Софии»¹⁰ — листа 2 ½ в рецензиях и статьях, 2) Подумать, чтобы Вы могли сейчас туда дать [а что в «Устои»? напишите мне определенно, да и вообще о плане «У<стоев>»], 3) предложите сейчас же Бердяеву для ближайшего № мою статью «Метафизические» предпосылки общ<ественного> утопизма» (не менее 2 листов, будет готова к 20.V) и ангажируйте с моей стороны статью «Проблема Запада в сознании Достоевского», и рецензии на «Wirklichkeitslehre» Дриша¹¹ (большую), и хорватскую книжечку Зеньковского¹². Отвечайте срочно. В обзоре катастрофических восприятий я хочу четко разграничить нашу точку зрения от тех уже опошленных декламаций, которыми начало положил Бердяев. Новгородцев дал мне книжку Pannwitz'a, «<Die> Krisis d<er> eur<opäischen> Kult<ur>»¹³, и мне стало ясно, что за проповедью конца ев<ропейской> культуры у этих немецких гг. [господ] скрывается безверие и антихристианство: конец Европы для них конец христианства и заря нового синкретизма. Иначе это повторение Ницше, Вагнера, панвавилонистов, Блаватской. И потому о Востоке надо говорить осторожно и о равноценности культур тоже. Вместо абстрактной историологии нужна конкретная метафизика, история, берущая Европу как индивид. Систематически эту тему я хочу раскрыть в самостоятельной статье — «Европа как> философская проблема». Но там для полемики нет места. А разграничение необходимо, и не только с немцами, но и с Белым, и с Ландау. Отчасти я это сделал в статье по поводу «Эпопеи», кот<орая> мною написана еще прошлым летом, но появится только в 3–4 <номере> «Р<усской> мысли» за этот год. Нужно обозреть все главное. Мне лично это интересно и с

особой точки зрения — для систематического построения по фил<ософии> культуры. Поэтому я бы очень просил достать Шелера¹⁴, — все, кроме «Формализма», кот<орый> есть у Новг<ородцева>, а особ<енно> «Von Ewigem <im Menschen>». Сколько стоит это посл<еднее>? Надо было бы впоследствии конкретизировать и мою «Хитрость разума» в обзоре. В теперешней филос<офской> заварухе Запада надо найти поῦ στῶ¹⁵ для русской философии. Напишите, на что, по-вашему, надо обратить внимание в обзоре, спросите у Бердяева, что он знает о кризисе, — я за книгами мало слежу, да и доставать книги нерусские здесь трудно. — В церк<овном> обзоре надо дать прежде всего фактич<еские> справки, а затем углубленный отчет о внут<реннем> смысле теперешних движений Р<оссии>. Все, что у Вас есть, хоть бы и частного характера, сообщите. Достали с П<етром> Н<иколаевичем> книжечку Титлинова¹⁶, — отвратно, но поучительно. М<ожет> б<ыть>, следовало бы коснуться (впоследствии?) и католич<еского> вопроса, и польской автокефалии, — но для этого информация у нас слишком случайна и не проверена. Я предлагал бы организовать теперь же регулярную сводку материалов — вырезок, выписок из писем и т<ому> под<обного> — по церк<овным> вопросам (и рел<игиозно>-фил<ософским>). Посоветуйтесь с Араповым¹⁷. Это было бы очень важно широко поставить — определенно освещенные сводки были бы очень влиятельны. — Вот Вам мои евраз<ийские> планы.

Мои личные планы таковы: после статей для сборников взяться за две большие вещи: первое — то, о чем я уже писал, — переработка курса о Соловьеве. Здесь будет не только изложение, и даже более чем критика: я замышляю своего рода философию русской философии и хочу ее раскрыть на образе Сол<овьева> как на типической и центральной фигуре XIX в. Поэтому часть книги — конец — надо посвятить тому, что было после Соловьева: сюда д<олжны> войти характеристика Рел<игиозно>-фил<ософских> собраний¹⁸, Блока и Белого, «Пути»¹⁹, Трубецких²⁰ и т. д. Многого пока я еще не нашел, но исподволь накапливаю материал. Левиафан²¹ мой выйдет криворотым, т. к. трудно сочетать историч<еские> и критич<еские> части. Сюда же должна войти и характеристика з<ападно>евр<опейской> филос<офии> XIX в., от «кризиса»²² кот<орой> Сол<овьев> отправлялся. Поэтому мне приходится раскидывать свои сети очень широко, — вплоть до Гуссерля и Когена. Не буду очень торопиться, т. к. издат<ельские> перспективы равны нулю. Но откладывать тоже не буду. Второе ж более конкретно: неб<ольшую> книжечку о Дост<оевском> — «Трагедия свободы. Религиозное сознание Д<остоевского>». Для этого я хотел бы подыскать издат<ельскую> возможность к осени. Очень актуальная тема! Я ее продумываю уже второй год и, кажется, достиг той точки, от которой можно, обложившись книгами, начать писание. Я это хочу сделать за лето. Ужасно противно с книгами — на розыски тратится колоссально много времени. Все эти планы лишь части большого целого, которое я с тягостью ношу в голове. Писать о нем трудно, — надо говорить. Я вечно думаю то с хвоста, то с головы, и при таких условиях выполнять планы трудно.

3.VI — мой диспут. А диссертация т<ак> и не печатается. Ее ангажировали в издат<ельстве> «Р<усской> м<ысли>» без отчетливого сговора со мною, т<ак> ч<то> в «Слове», вероятно, взбесились и меня чествят. Но теперь для само-

го себя прошу заказать в «Книге», если нельзя достать для прочтения и отсылки след<ующее>:

1. Лукьянов. Влад<имир> Соловьев в молодые годы. П<етроград>, 1922. т. III (если можно и первые два).

2. А.И. Огнев. Л.М. Лопатин. П<етроград>, «Колос», «Биографич<еская> библиотека», 1922.

3. Г.Г. Шпет. Эстетические фрагменты, вып. 1. П<етроград>, «Колос», 1922.

4. Г.Г. Шпет. Очерк развития русской философии, т. 1 (хотелось бы иметь в собственность).

5. Творчество Достоевского, сборник под ред. Л. Гроссмана. Одесса, 1922 (ссылка по «Печати и революции», I, 3).

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 30. Л. 1–4.

¹ В данном случае под «Софией» подразумевается Братство Святой Софии, которое возникло в России в 1919 г. и было возобновлено в эмиграции в конце 1923 г. (председатель — священник Сергей Булгаков, секретарь — В.В. Зеньковский, члены — А.В. Карташев, А.В. Ельчанинов, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев и др.). О братстве подробнее см.: Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939. М.; Париж, 2000.

² господин ординарный профессор (нем.).

³ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) — священник, философ, богослов, литературовед, историк русской философской мысли. С 1920 г. в эмиграции, сначала в Югославии, в 1920–1923 гг. профессор Белградского университета, в 1923–1926 гг. в Праге, директор Русского педагогического института. С 1926 г. во Франции, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института. О проекте Г.В. Флоровского по изданию религиозно-философского журнала и сотрудничестве с Зеньковским Н.С. Трубецкой писал 12 февраля 1923 г.: «Флоровскому придумается, с одной стороны, придумывать для других темы, с другой — вводить в число сотрудников разных посторонних нам людей вплоть до Зеньковского» (Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 46).

⁴ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977) — философ, богослов. С 1920 г. в эмиграции, в 1920–1944 гг. преподавал в Кенигсбергском университете, по совместительству в 1926–1938 гг. читал курсы на православном богословском факультете Польского государственного университета в Варшаве. В 1945–1948 гг. профессор Богословского института св. Дионисия в Париже, с 1948 г. жил в США, профессор Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке.

⁵ Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951) — русский философ, правовед, профессор Киевского университета (1913–1919). С 1920 г. в эмиграции, в 1920–1924 и 1927–1930 гг. профессор Белградского университета, в 1924–1927 гг. профессор Русского юридического факультета в Пражском университете, с 1930 г. профессор Люблянского университета. В 1945 г. переехал в Италию, с 1947 г. жил в США и был профессором Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке.

⁶ Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) — русский историк, приват-доцент Петербургского университета (1914–1917), профессор Таврического университета (1918–1920). С 1920 г. в эмиграции, сначала жил в Греции, с 1922 г. в Праге, профессор Русского юридического факультета, сотрудничал с евразийцами, писал для евразийских изданий статьи по древнерусской истории. С 1927 г. жил в США, профессор Йельского университета.

⁷ Наиболее вероятно, что Флоровский имеет в виду новую книгу Н.А. Бердяева «Смысл истории» (Берлин, 1923).

⁸ После того как в конце 1921 г. и в 1922 г. Г.В. Флоровский, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Н.С. Трубецкой покинули Софию, А.А. Ливен перестал отвечать на их письма и полностью отстранился от евразийского движения.

⁹ Флоровский предлагал издавать религиозно-философский журнал под названием «Устои». После того как он отвел ведущую роль в новом издании священнику Сергию Булгакову, идея журнала не была поддержана другими евразийцами, и проект не состоялся.

¹⁰ Под редакцией Н.А. Бердяева вышла только одна книга сборника «София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии» (Берлин, 1923).

¹¹ *Дриш* (Driesch) Ханс (1867–1941) — немецкий философ, профессор Лейпцигского университета, создатель системы критического витализма. Флоровский упоминает его книгу «Учение о действительности» (Wirklichkeitslehre. Leipzig, 1917).

¹² В 1922 г. в Загребе Зеньковский издал в переводе на сербскохорватский язык книгу «Критика европейской культуры у русских мыслителей», позднее книга вышла на русском языке под названием «Русские мыслители и Европа» (Париж, 1926).

¹³ *Панвитц* (Pannwitz) Рудольф (1881–1969) — немецкий поэт и философ, выдвинул учение о преодолении религии и метафизики. Флоровский читал его книгу «Кризис европейской культуры» (1917).

¹⁴ *Шелер* (Scheler) Макс (1874–1928) — немецкий философ, профессор Кельнского университета, первоначально сторонник феноменологии, затем создатель оригинальных учений в области аксиологии и антропологии. Флоровский упоминает его работы «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1913, 1916) и «О вечном в человеке» (1921).

¹⁵ где-то портик (*др.-греч.*). В Древней Греции портик (колоннада) в доме или общественном здании был предназначен, в частности, для прогулок во время дождя или защиты от солнца.

¹⁶ *Титлинов* Борис Васильевич (1879 — после 1937) — русский церковный историк, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (1911–1918), Петроградского университета (1919) и Высшего богословского института в Петрограде (1924–1929), примкнул к церковному обновленческому движению. Под «книжечкой Титлинова» Флоровский подразумевает книгу «Новая церковь» (Пг.; М., 1923).

¹⁷ *Аранов* Петр Семенович (1897–1938) — активный деятель евразийского движения в 1923–1930 гг., инициатор контактов евразийцев с организацией «Трест», в 1930 г. вернулся в СССР, был арестован, расстрелян на Соловках (по данным НИЦ «Мемориал»).

¹⁸ Религиозно-философские собрания в Петербурге проходили с 29 ноября 1901 г. по 19 апреля 1903 г., были разрешены обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым и направлены на установление диалога между интеллигенцией и духовенством (председатель собраний — епископ Ямбургский Сергей (Страгородский), члены Совета — В.А. Тернавцев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, В.С. Миролубов). Стенограммы заседаний Религиозно-философских собраний были опубликованы в журнале «Новый путь» (1903–1904), затем — отдельным изданием (Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906), переизданы в 2005 г. (Записки Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). М., 2005).

¹⁹ «Путь» — издательство (1910–1919), организовано в Москве активными участниками Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, занималось подготовкой и изданием книг религиозно-философского содержания, финансовую помощь как издательству, так и Религиозно-философскому обществу оказывала М.К. Морозова. Об издательстве подробнее см.: *Голлербах Е.А.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000.

²⁰ *Братья Трубецкие* — Сергей Николаевич (1862–1905) и Евгений Николаевич (1863–1920) — русские религиозные философы, входили в круг московских идеалистов конца XIX в. (вместе с В.С. Соловьевым и Л.М. Лопатиным), занимались разработкой религиозно-философских проблем (С.Н. Трубецкой — проблем соборного сознания и Логоса; Е.Н. Трубецкой — проблем западной теократии, метафизических основ познания, смысла жизни).

²¹ *Левифан* — животное из библейской книги Иова (см.: Иов. 41), олицетворяющее мощь и силу. Флоровский иронично использует этот образ, подразумевая масштабность предполагаемого исследования.

²² Флоровский имеет в виду магистерскую диссертацию В.С. Соловьева «Кризис западной философии» (1874).

11

4 мая 1923 г. Прага

Прага. 1923.V.4

Дорогой Петр Петрович, читаю Вашу статью в «Софии»¹ и вспоминаю, как в тумане, наши беседы в другой Софии!.. О Чехове, помните, мы долго говорили еще вместе с Трубецкими. Теперь Вы его вставили в очень глубокий контекст. Несмелова² напомнить было очень кстати, хотя, знаете — есть в нем какое-то косноязычие, начинающееся уже на титульном листе: к чему это подчеркивание своей позитивной благонадежности — наука, дескать, о человеке, а не метафизический туман какой. И в итоге подлинной философской, — религиозно-метафизической, — антропологии у него не получилось, как бы ни были замечательны его книги. Очень жалко, что здесь (в Праге) не могу их перечитать. Разгадка религиозно-философских антиномий лежит именно в концепции человека... Противостоят две усеченных тезы: человек весь в бывании, либо как преходящая организованность душевно-физических сил и процессов, либо как столь же преходящая индивидуализация сверхличной стихии и — человек подлинно бытиен, имманентно-вечен — своим разумом, своею «совестью»... И как усеченные, эти тезы переливаются друг в друга: быть прочими они не могут, т. к. не стоят позади единственно спасающей Веры во Единого Бога Отца... Без нее никак не разобрать, есть ли лицо в человеке, и самый искренний субстанционалист-спиритуалист, даже монадологист, в конце концов этого не знает: всюду лики и оттого лиц не видать... Вы правильно оттеняете в начале всего значительность и остроту проблемы времени. Но она много сложнее. Есть ли время? Казалось бы, нет, и временно только что-нибудь; время не существительное, а прилагательное, неправомерно субстанционализированное, гипостазированное — во что же? Не в пустую ли схему-формулу прямой линии от α до β , от α до β или от ∞ до ∞ ? Не есть ли время то же, что тварь? Не есть ли положение (фихтевское *Setzung*)³ безусловного волей Божественной Твари — «начало времен»? И это кажется верным: хотя бы потому, что «до» творения нечему было быть во времени, нечему было течь и меняться, не могло быть реального различия моментов... Но, с другой стороны, чаем, что «времени больше не будет»⁴, а тварь не упразднится и не перестанет быть тварью, т. е. ограниченным, индивидуализованным, конечным бытием, хотя и «обогретым», преображенным, пронизанным Славою... Будет ли это вечный миг?! Переживание мига есть проекция Вечности во время, а не просто в тварь. Вы правильно отметили разрушающую реальность устремления в пустое время: можно было бы сказать с Флорен-

ским, что здесь предзачатие «смерти второй», «огня неугасающего»⁵. (заметьте динамику этого причастия: здесь есть — в пустоте нирваны — реальное дление, *durée réelle*. . . Я не склонен толковать это «гносеологически» — по Бергсону⁶ и Карсавину⁷, — что, дескать, здесь рассудочная дисперсия «всеединства» и непрерывности: боюсь, не будет ли психологизмом считать, что в геенне грешникам Вечность будет представляться дурною бесконечностью. Об этом напряженно, но бесплодно, на мой взгляд, рассуждает Евг<ений> Трубецкой в «Смысле жизни»⁸. Нет, там будет нечто реальное). Проблема времени неразъятно связана с проблемой зла: прибавлю, ведь и вся история человеческая — это осознанное время, есть процесс искупления от зла, и потому так соблазнительно смешать тварность и греховность, искупительное становление мира как рост Царства Божия и временное течение (бергсоновский ком!) как таковое. — Отвлеченный динамизм — безрелигиозен, это монистично-пантеистическое плескание стихий. Но и отвлеченный адинамизм, атемпорализм, уходящий в «голую» вечность, тоже неверием дышит: это «преодоление времени» уходит либо в гегелевский панлогизм и в «мировую формулу» Лапласа, либо в «дырмоляйское»⁹ моральное резонерство Толстого. И там и здесь утопия! Из-за краткости Вы не сказали всего до конца и предела. Оттого и реалистична религия, что реально и время! Не пустую же форму мы наполняем и не просто индивидуализуем «вечный тип» в одну из логически равно возможных форм (*Gestaltung*)... Неповторимы мгновения не только психологически и не только в смысле неотразимости конкретного *élan*¹⁰, но и еще как-то: всякое *t* онтологически озаменовано, как вот эта 7 секунда 11 минуты такого-то часа такого-то дня. «Теория относительности» — скверный «гносеологический» мираж. Есть онтологическое время — и есть не только в вещах, — но есть и как реальная потенция утвердиться в другой бесконечности. Нет надобности заходить так далеко, как Бердяев, и «процессуальность» переносить в Абсолютное; «небесная история» не во времени происходит, но во время не только «проецируется», а как-то «полагает» время — актуальное и потенциальное, творчески наполняемое и пустое (опустошаемое). Карсавинское «Всеединство» пахнет иллюзионизмом панкосмического неба. — Здесь много трудных и узловых проблем. И они выступают всюду при метафизически-углубленной постановке любой «специальной» задачи. Есть метафизика искусства, и у нее свои апории и антиномии. Ее проблема есть частный случай проблемы спасения — Красота спасает мир! Искупленная и приывшая искупление тварь «преображается», просиявает¹¹ Фаворским светом, «тихим светом святых славы»... И что есть «красота», определяется тем, что есть бытие и что — небытие греха и погибели. Все, что Вы говорите о романтизме, глубоко верно, грех его именно в беспредельности, почему так легко выворачивается мечтательный ром<антический> иррационализм в брутальность, «бестиализм» натуралистического антропологизма Фейербаха и левого гегельянства. Но Вашу тезу я бы иначе поставил! Ром<антический> иррационализм — рационалистичен, и смычка происходит через «интуитивную категорию» (кантовская «наглядная априорность») «оформленной рядоположенности»: для панлогиста «бытие» есть стальная паутина логических переходов от «бытия» до «вот это», для романтика оно есть неразрывная сплошность бесконечно выматываемого клубка

природных потенций, заранее данных и лишь оказывающих себя *in actu*¹². Если хотите, это и есть гипостазирование процесса, линейного движения, *élan vital*¹³. Но главное здесь в двумерности, плоскостности мироощущения, в отсутствии перспективности третьего измерения. Надо истолковывать мир по трем координатным осям: «этот» мир и «тот». Я пересказываю Ваши же мысли, и очень скверно, обрывисто, — но стараюсь уточнить постановку вопросов. «Реализм» Ник<олая> Кузанского¹⁴, проповедуемый нынче С.Л. Франком¹⁵, есть столь же ложный путь, к<ак> и романтика: это есть спроектированная в плоскость трехмерность! «Вечное», подлинное этого мира все перенесено в «тот», так что «этот мир» в своей идеальной структуре есть лишь проявление потусторонней пластинки. Н. Куз<анский> есть подлинный родитель романтизма и родоначальник новоевроп<ейского> неверия. Посмотрите о нем, кроме карс<авинского> Бруно¹⁶, еще поучительную книгу Herm<ann'a> Schwarz'a — «Der Gottesgedanke in der Geschichte der Philosophie»¹⁷ («Synthesis», серия, изд. С. Winter'ом в Heidelberg'e, т. IV, 1913) и его же дельную статью — «Die Entwicklung des Pantheismus in der Neueren Zeit»¹⁸ в «Zeitschr<ift> f<ür> Philosophie und Philos<ophischen> Kritik»¹⁹, 1915, Bd. 157, Hl. 1, II. <S.> 20–80. Здесь очень хорошо поставлены вопросы, хотя итоги и требуют синтетического подъема над собою. Главный грех двумерности в том, что она окована необходимостью: свободе просто неоткуда взяться; и обратно, со свободой некуда броситься, ибо за пределами необходимого бывания есть только пустота, мэ он²⁰. Отсюда-то и нигилизм хотя бы Толстого, Шопенгауэра и т<ому> под<обное>. Отсюда томительный позыв, гипостазированный в готике, бессильное рвотное движение... Но, возвращаясь к теме, — есть «красота» и в романтике, и в готике. В чем же она? Во всяком случае, нельзя переоценивать платонического момента форм, что привело бы к мнимо статическому, холодному миру первообразов. Есть две статики! Благословенная статика откровения реально-запредельного в свободе и пустоцветная статика прорастания «ядра» — «идеи». Между этими реализмами — бездна, определяемая антитезой подвига и роста. И именно здесь центральная проблема метафизики искусства — понять его как подвиг, а не «развитие». Романтизм двуличен: и Гете, и Шлейермахер (эпохи «Речей»²¹) не менее романтики и не более полны, нежели Новалис и Тик. У Вас второй лик романтики недостаточно учтен, а в нем-то главный соблазн.

Не знаю, удалось ли мне преодолеть свое теперешнее косноязычие, обусловленное тем, что мысли еще не отстоялись. Все, что я написал Вам, подлежит развитию в книге о Соловьеве, которая стоит на очереди и из-за которой выглядывает конспект «системы». Поэтому мне очень важно хотя бы намеками высказываться и выслушивать окрики и возражения. То, что продумано, я «программатически» излагаю в своей статье «Метафизич<еские> предпосылки общ<ественного> утопизма», которую до конца месяца пришлю с просьбой передать Бердяеву для «Софии». Статья о Дост<оевском> пока отпадает, т. к. ее у меня просят в «Славию»²², где заплатят кронами, а это по моим обстоятельствам важно. Новгородцев дал мне два томика очень интересных «Outspoken Essays» — Inge'a²³, декана <собора> Св. Павла в Лондоне, напис<анных> после войны и очень ярко выявляющих беспомощную растерянность мнимо христ<ианской> мысли Запада. Есть у него совсем евраз<ийские>

мысли, — отрицание прогресса и европоцентризма и т. д. Но нету души, а одна литература. Inge — автор новой 2-томной книги о Плотине и черпает все из него; называет себя «христ<ианским> платонистом» и полагает, что «христ<ианский> платонизм» есть третья «школа в христ<ианской> церкви» наряду с кат<олической> и прот<естанской> «партиями». Забвение о православии в устах англиканца характерно. Confessio fidei Inge²⁴ (т<ак> н<азываемая> вводная статья) очень мало носит в себе подлинной христ<ианской> религиозности, он открыто становится на точку зрения эманатизма. Но много тонких мыслей, м<ежду> про<чим> и на тему рел<игиозной> культуры — показательных по безнадежности. Я бы хотел об этом написать статью — обзор тоже для Софии, — думаю, что мог бы тоже к началу июня. И, нак<онец>, о Дрише (в связи со Шварцем, о кот<ором> выше) ряд соображений о проблеме пантеизма и теодицеи. — Пишу это В<ам> к тому, что Бердяев пригласил меня в «С<офию>» через Сав<ицкого>, кот<орый> получил от него письмо.

Об «Устоях» поговорите с Ар<сеньевым> — о его статье. Я ему написал подр<обное> письмо. Бицилли о кат<олицизме> писать не будет, и под впечатлением ст<атьи> Карсавина о «Дост<оевском> и кат<олицизме>» в сборнике о Дост<оевском> петерб<ургского> изд<ательства>²⁵. Мне пришло в голову, не предложить ли эту тему Карсавину. Как Ваше мнение? Я на этом нисколько не настаиваю, но забочусь о полноте материала, а авторов не вижу. — Простите мне бессвязность и «авторитарность» моего прошлого письма! Я совсем развинулся с нервами из-за желуд<очных> потрясений и стал злющим. Работа, одн<ако>, скорее клеится, чем нет.

Крепко обнимаю.

Ваш Флоровский

Передайте мой привет всем Вашим и поскорее пишите. Что же сборник? Письмо Гл<еба> Струве²⁶ пошлите по почте.

Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 30. Л. 5–8.

¹ Сувчинский П.П. Миросозерцание и искусство // София (Берлин). 1923. С. 108–124.

² Несмелов Виктор Иванович (1863–1937) — русский философ и богослов, профессор Казанской духовной академии, автор двухтомного фундаментального труда «Наука о человеке» (Казань, 1898–1903).

³ полагание (нем.).

⁴ Откр. 10: 6.

⁵ Флоровский ссылается на главу «Письмо восьмое: Геенна» из книги священника Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины» (М., 1914).

⁶ Бергсон (Bergson) Анри (1859–1941), французский философ и психолог, автор книги «Творческая эволюция» (L'évolution créatrice. P., 1907), в которой время понимается как длительность (durée).

⁷ Карсавин Лев Платонович (1882–1952) — русский историк и философ, профессор Петроградского университета. В 1922 г. выслан из советской России, жил в Берлине, затем примкнул к евразийскому движению и в 1926 г. переехал в Париж. С 1928 г. профессор Каунасского университета в Литве, в 1949 г. арестован советскими властями и отправлен

в лагерь, где вскоре умер. Флоровский подразумевает учение Карсавина о всеединстве, согласно которому человечество есть всеединый, всепространственный и всевременный субъект (см.: *Карсавин Л.П.* Философия истории. Берлин, 1923).

⁸ Речь идет о разделе «Свобода твари и ад» в главе «Теодицея» из книги Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни» (М., 1918).

⁹ О «дырмоляйстве», которое сравнивалось с проповедью Л.Н. Толстого, писал В.С. Соловьев в предисловии к «Трем разговорам о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900): «Много лет тому назад прочел я известие о новой религии, возникшей где-то в восточных губерниях. Эта религия, последователи которой назывались вертидырниками или дырмоляями, состояла в том, что, просверлив в каком-нибудь темном углу в стене избы дыру средней величины, эти люди прикладывали к ней губы и много раз настойчиво повторяли: “Изба моя, дыра моя, спаси меня!” Никогда еще, кажется, предмет богопочитания не достигал такой крайней степени упрощения» (Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 636–637).

¹⁰ порыв (*фр.*).

¹¹ Так в тексте.

¹² в действии (*лат.*).

¹³ жизненный порыв (*фр.*).

¹⁴ *Николай Кузанский* (Nicolaus Cusanus; 1401–1464) — немецкий теолог и философ, кардинал Католической церкви, ориентировался на неоплатонизм, создал учение о Боге как актуальной бесконечности и потенциальной основе всего сущего.

¹⁵ *Франк Семен Людвигович* (1877–1950) — философ, приват-доцент Петербургского университета (1912–1917), профессор Саратовского университета (1917–1921). В 1922 г. выслан из советской России, жил в Германии, в 1937–1945 гг. во Франции, с 1945 г. в Англии. В трудах по метафизике и гносеологии (Предмет знания. Пг., 1915; Непостижимое. Париж, 1939; Реальность и человек. Париж, 1956) Франк неоднократно ссылался на Николая Кузанского, которого понимал как одного из своих идейных предшественников.

¹⁶ *Карсавин Л.П.* Джордано Бруно. Берлин, 1923.

¹⁷ «Мысль о Боге в истории философии» (*нем.*).

¹⁸ «Развитие пантеизма в Новое время» (*нем.*).

¹⁹ «Журнал философии и философской критики» (*нем.*).

²⁰ От μη οὐν — небытие (*греч.*).

²¹ *Шлейермахер* (Schleiermacher) Фридрих (1768–1834) — немецкий теолог и философ, проповедовал проникнутое идеализмом и романтизмом учение о религии в произведении «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим» (1799), позднее занимался разработкой «системы философской этики».

²² Научный филологический журнал «Slavia» издавался в Праге с 1922 г. В наиболее полной библиографии Г.В. Флоровского, составленной Э. Блейном, статья о Ф.М. Достоевском для журнала «Slavia» отсутствует (см.: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 371–409).

²³ *Индж* (Inge) Уильям Ральф (1860–1954) — английский писатель и богослов, англиканский священник, декан собора Св. Павла в Лондоне, исследователь неоплатонизма («Философия Плотина», 1918), автор многочисленных книг и статей. Флоровский упоминает его двухтомные «Откровенные эссе» (Outspoken essays. London, 1919, 1922).

²⁴ исповедание веры (*лат.*).

²⁵ *Карсавин Л.П.* Достоевский и католицизм // Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы. Пг., 1922.

²⁶ *Струве* Глеб Петрович (1898–1985) — историк русской литературы, поэт, переводчик, сын П.Б. Струве. С 1918 г. в эмиграции, жил в Берлине, Париже, Лондоне, профессор Лондонского университета (1932–1946). С 1946 г. жил в США, профессор Калифорнийского университета в г. Беркли (1947–1967).

12

26 мая 1923 г. Прага

Прага Чешская, 26.V.1923

Дорогой Петр Петрович,

С рукописью моего Герцена произошло недоразумение. Вы, очевидно, передали Гл. Струве тот старый экземпляр, который когда-то получили от доктора Блюменфельда, а не новый, чистый и окончательный, который был в «Слове» и о котором я писал Вам с приложением двойной доверенности Вам и Арапову. Я выписал себе экземпляр от Струве и убедился в ошибке. Между тем для диспута мне дозарезу нужен именно окончательный экземпляр. Если Вы его еще не взяли из «Слова», убедительно прошу взять и немедленно express'ом прислать мне, т. к. иначе я рискую многим на защите. Простите за беспокойство, но еще и еще раз подчеркиваю свою просьбу: до получения буду страшно волноваться. И непременно express'ом по моему адресу: Praha IV; Keplerova 8, Hotel Savoy, čielo 16–17. Думаю, что тогда получу 30–31 мая. Имейте в виду, что 31-го чешский праздник и почта закрыта.

«Метафизические предпосылки общественного утопизма» предназначаются для «Софии», — прошу передать Бердяеву.

Получил Ваше письмо и отвечу подробно после диспута.

Крепко обнимаю и целую.

Ваш ГФлоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 30. Л. 9.

13

16 августа 1923 г. Герберсдорф

Görbersdorf (Schlesien), Dr. Weicker's
Sanatorium «Marienhaus», 1923, VIII, 16

Дорогой Петр Петрович,

Привет Вам из Герберсдорфа.

Спешу попросить у Вас прощения за нечаянный увоз Несмелова. Обнаружил я это только в вагоне, т. к. держал его в Берлине все время в портфеле вместе с выписками и не доглядел. Верну его Вам через Ольденбурга¹ или Струве jun², которые будут скоро отсюда возвращаться. Не сердитесь на меня.

Совсем забыл Вас спросить, посланы ли были экземпляры «России» и латинства³ Бицилли? Он очень обижен их неполучением. Это надо исправить.

Еще не начал заниматься, но уже предчувствую, что «Р<усская> философия к<ак> задача» просто упраздняется — часть из нее отойдет в статью для «Софии», а об остальном просто не время еще говорить.

П<етр> Ник<олаевич> еще здесь. Скоро напишу опять.

Ваш ГФлоровский

Пишите по адресу, выше обозначенному. Пробуду здесь дней 10–12.

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 30. Л. 10.

¹ *Ольденбург* Сергей Сергеевич (1887–1940) — русский историк и публицист, сын академика С.Ф. Ольденбурга. С 1920 г. в эмиграции, сотрудник выходивших под редакцией П.Б. Струве периодических изданий (журнала «Русская мысль», газет «Возрождение» и «Россия»), автор знаменитого труда «Царствование императора Николая II» (Белград, 1939).

² молодой, юный (*лат.*). О «молодом Струве» см. примеч. 24 к письму 11.

³ См. примеч. 2 к письму 8.

14

5 октября 1923 г. Прага

Praha IV. Hradčany.
Keplerova ul. 8 Hotel «Savoy»,
č. 16–17
1923.X.5

Дорогой Петр Петрович,

Ваше долгое, бесконечное молчание в ответ на мое последнее письмо наводит меня на грустные догадки:

1) что Ваши личные дела не совсем благополучны, — на это мне намекал в неясной форме с чьих-то слов Н.А. Бердяев, и я хотел бы знать, не могу ли быть чем-либо В<ам> полезен;

2) Что Вы на меня сердитесь и между нами, так сказать, «все кончено».

Втор<ая> догадка для меня бесконечно тревожна и мучительна. Ее подтверждает обращение Савицкого к отцу Сергию Булгакову с просьбой взять на себя руководство изданием рел<игиозно>-ф<илософского> сб<орника> на английск<ом> языке, средства для кот<орого> дает тот же америк<анский> друг Савицкого (?!), что субсидирует и англ<ийский> евраз<ийский> сборник. Я сделал отсюда для себя два практических вывода, руководясь принципом «насиленно мил не будешь», и прошу их принять объективно и в качестве категорических императивов:

1. Я затрудняюсь принимать участие в англ<ийском> евраз<ийском> сборнике и прошу исключить из него переводы моих прежних статей, тем более что они устарели для меня.

II. Боюсь, что пребывание мое в недрах «Евраз<ийского> издат<ельства>» и «Общества р<усско>-аз<иатских> изучений» наложит на меня хотя бы косвенную ответственность за поступки, о которых я даже и знать не буду, и т. к. фактически я уже выпал из сферы информации, то принуждаюсь теперь же настойчиво просить вычеркнуть мою подпись из всех (к счастью, только частных) актов, касающихся издат<ельства> и «общества», и впредь считать меня в этом отношении совершенно частным человеком. Я прошу этого не из обиды или нетерпимости, но ради ясности и ради того, чтобы изъять из сферы наших личных отношений все поводы к столкновениям и несогласиям.

Мне очень неприятно, что Вы лично, дорогой П<етр> П<етрович>, не захотели расчленив евразийского и личного. Иногда думается, не от того ли так случилось, что я как таковой и вообще для Вас безразличен, а пользовался Вашей благосклонностью лишь в качестве технич<еского> сотрудника «по направлению». Я не столь самомнителен, чтобы считать себя очень интересным знакомым и достойным дружбы. Но я думал, что у нас существуют личные отношения. Теперь вижу, что ошибался, что была лишь партийная связь. Вышел скандалист из партии, и никому больше не нужен!..

Простите резкость моих суждений. Я думаю, что лучше уж все точки над всеми буквами поставить. Вас из своего сердца и любви не выбрасываю и горюю, что выпал сам из Ваших.

Крепко обнимаю и целую.

Ваш *ГФлоровский*

Привет Анне Дм<итриевне> и всем Вашим, в т. ч. Арапову.

P. S. 1. Несмелова посылаю через Берд<яева>.

2. Если Арс<еньев> передаст Вам для меня книгу Труб<ецкого> о Сол<овьеве>¹ и у Вас нет возможности теперь же переслать ее мне, верните ее Арсеньеву, — она мне очень нужна, и жаль, что не воспольз<овался> поездкою Берд<яева> сюда для передачи.

<P.>P.S. Прочтя письмо свое, я захотел добавить еще несколько слов. Но только не сумею выразить то болезненное чувство, которое испытываю, воспроизводя в памяти обстоятельства нашего «разрыва». Я чувствую, что рвутся какие-то глубокие нити, протянувшиеся в Софии, что надрывом кончается некий цикл, «евразийством» вовсе не исчерпывающийся. И я совсем не знаю, «надо» ли это и к чему оно... Поверьте и почувствуйте, что мое «отпадение» предметно — необходимо, а вся «психологистическая» мотивировка совершенно эпифеноменальна и не в ней суть. Князь это, по-видимому, понял, и я ему очень благодарен за его теплое, хотя и твердое письмо, кот<орое> он написал, получивши от Вас мою «абдикацию»². Он не хочет расставаться со мною. А в Вашем хотении (иначе я не могу объяснить В<ашего> молчания!) расстаться я вижу новое доказательство лжеверности евраз<ийской> односторонности и «определенности».

Это, вероятно, последнее письмо, которое я Вам пишу. Пусть же кончится оно теплым и любящим приветом.

Целую и обнимаю.

Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 30. Л. 13–14.

¹ Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл.С. Соловьева. М., 1913. Т. 1–2.

² От лат. *abdicatio* — отречение.

15

23 ноября 1923 г. Прага

Praha IV. Hradčany,
Keplerova ulice 8, Hotel Savoy, č. 16–17

1923.XI.23

Дорогой Петр Петрович,

Мне давно уже следовало написать Вам подробное и существенное письмо. Но всякие внешние заботы мешали мне достигнуть того равновесного настроения, при котором находились бы соответственные слова. Вскоре после получения В<аших> последних писем, т. е. уже месяц т<ому> наз<ад>, я имел продолжит<ельный> разговор с П<етром> Ник<олаевичем>. Из него я вынес тяжелое впечатление о какой-то поспешной подозрительности, кот<орая> овладела Вами (лично) в отношении ко мне. Не стоит тратить время на плоские «объяснения». Вы писали, что «слово за мною...». Теперь я беру это слово. Вы правы, что-то недоброе со всеми нами приключилось этим летом. Но я верю, что доброго намерения нашего достаточно, чтобы весь этот вражий туман рассеять. Я охотно винюсь в своей опрометчивости, но должен еще раз подчеркнуть, что руководила мною одна цель, от кот<орой> и сейчас не должен и не смею отказаться. Меня продолжает смущать преувеличенная привязанность к «евраз<ийскому>» лозунгу, особенно когда Вы обрушили на меня поток нервных слов из-за того, что я подумал о возможности уступить Булгакову в вопросе об издат<ельской> марке. Это его пожелание, а не мое. Я только не смел думать, что эта мелочь может быть достаточна для отказа от помощи такого сильного человека в деле церковном. Это — не упрек. Но, право, мы, евразийцы, слишком заражены кружковщиной и подозрительны не в меру к «старшему» поколению. Это — худая обстановка для начинаний. Забудем это недоразумение. Теперь на носу более важные дела. По моему ощущению, началась всеобщая бестолковица и совершенно неотложно выступить с церковным действием... Все острее чувствую, что иные слова поблекли. Это мое интимное ощущение, и оттого мне мистически страшны все наши недоразумения. М<ожет> б<ыть>, я не прав, но тогда обличите меня, не отлучайте от друж<еской> любви. Напрасно Вы, П<етр> П<етрович>, подумали, что я «Вас» на кого-то променял. Вас всех я крепко люблю и не могу перестать, но нельзя же впадать в интеллигентскую мягкотелость. Тема «евраз<ийской> самобытности» для меня потеряла всю остроту свою, ибо я чувствую, что мы вдвинулись в иной эон, в

небывалое... И теперь ко времени только общеправосл<авные>, вселенские темы. Не могу сейчас по правде непреложно верить и в славное будущее Вел<икой> России. Несомненно уже прославлена чудотворениями Святая Русь, но явится ли она в образе «правосл<авной> империи» — не знаю. На очереди соблазны веры, а не национально-историч<еского> сознания. Поэтому я могу только жалеть, что мы потратили свои силы на запоздалый (по моему внутр<еннему> чувству) «Евраз<ийский> врем<енник>» и заложили надолго издания православного, церк<овного> и рел<игиозно>-фил<ософского> хар<актера>. Если я ото всего «отказался», то не потому, что я решил бросить вас, а потому, что не хотел мешать вам идти своей дорогой и навязывать и себе, и вам какой-то незаконнорожденный компромисс. Уже почти год я твержу, что надо издавать рел<игиозные> сборники. По-моему, только это и есть дело. И в этом деле я всею душою с Вами и только жду, чтобы и всем Вам стало ясно, что с этого надо начинать и в это вложиться. Тогда и евраз<ийские> темы снова оживут. Пока же, простите, не могу отделаться от мысли, что это все интеллигентская забава.

Поймите, наконец, всю серьезность моей евразийской боли: личные недоразумения только заслоняют суть. Буду очень ждать Вашего ответа.

Я не хочу отделяться от Вас, но лучше для всех нас, чтобы наше согласие держалось не на компромиссе, а на испытанной разделением и возрождением дружбе, терпящей упреки и разногласия.

Не лишайте меня Вашей дружбы, кот<орая> для меня и теперь дорога больше многого. Но не могу быть одному и сейчас особенно остро переживаю некое «святое недовольство», предвещающее переход на «высшую» ступень. Последнее время довольно много работал, м<ежду> пр<очим> по первохрист<ианской> истории, и со всею остротою чувствую протест<антское> разложение. Готовлюсь писать о Соловьеве большую книгу. И очень жалею, что Вы не прислали мне арсеньевского Трубецкого. Начал четырехчас<тный> цикл о Достоевском. Но всем недоволен. Старое все я изжил, и надо усилием воли переместиться в новое. От этого роста я и стал как-то угловат.

Кончаю новым пожеланием, чтобы это письмо нашло у Вас созвучный отклик и Вы скоро на него ответили.

Привет Анне Дм<итриевне>. Уехала ли Анна Ивановна во Францию? Кланяйтесь Арапову.

Крепко обнимаю и целую Вас, мой дорогой Петр Петрович, любящий Вас

Флоровский

П<етр> Н<иколаевич> <Савицкий> хотел говорить со мною о каких-то лит<ературных> планах, но заболел, и я не знаю, в чем дело.

ГФлоровский

АЛЬБОМ-ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ
ЮЛИИ НИКОЛАЕВНЫ РЕЙТЛИНГЕР
ИЗ ТАШКЕНТА В МОСКВУ И ЛЕНИНГРАД В МАЕ 1959 г.

*Предисловие, подготовка текста и комментарии
Н.П. Белевцевой*

Стоит при входе в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына поднять голову чуть вверх, как становятся видны панно на религиозные сюжеты, размещенные между окнами второго этажа: Распятие, Крещение, Воскресение. Своей трехчастностью они напоминают алтари католических храмов, а нижними рядами святых — фрески византийских церквей. Краски необычайно интенсивны и густы, а манера письма импрессионистична. Это росписи, выполненные в 1932 г. для храма Св. Иоанна Воина в Медоне (предместье Парижа, где было много эмигрантов из России) Юлией Николаевной Рейтлингер (1898–1988), через три года ставшей инокиней Иоанной.

Росписи, сделанные на загрунтованной фанере, спас из разрушающейся в конце 1980-х гг. церкви Никита Алексеевич Струве, вместе с помощником отделивший их от стен. Затем фрагменты хранились в Монжеронском замке, где находился Центр помощи русским беженцам во Франции. Благодаря материальной помощи центра, а также Натальи Дмитриевны и Александра Исаевича Солженицыных удалось частично отреставрировать и закрепить росписи на щитах.

Как только появилась возможность, в 2003 г. Н.А. Струве доставил росписи в Россию, разместив их в тогда Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» (БФРЗ). Это заложило основу музейного фонда Ю.Н. Рейтлингер в БФРЗ.

Свое развитие фонд сестры Иоанны получил благодаря пражским документам, найденным в составе переданного посольством Франции в БФРЗ Архива Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей: это ее студенческие билеты философского факультета Карлова университета и Пражской академии художеств с фотографиями, а также свидетельства об успешной сдаче ею экзаменов в академии по анатомии и живописи за семестр 1924/25 учебного года.

Многочисленные документы и изобразительные материалы были подарены в 2005 г. многолетним другом Юлии Николаевны Л.Н. Теренецким. Это прежде всего «Дневник духовный» 1928–1935 гг.¹ В эти годы Юлия Николаевна становится подлинным иконописцем-новатором. А 11 сентября 1935 г. она принимает монашеский постриг. Вот строки из этого дневника, передающие момент испытания

¹ Оpubл.: *Рейтлингер Ю.Н. Дневник духовный (1928–1935) // Вестник РХД. 2007. № 192. С. 88–159; 2008. № 193. С. 13–41.*

веры и художнического предназначения: «23 Февр. <1932> Если бы у меня была твердая к<a>к камень вера, то я бы встала прямо перед Ним и вопила бы: Господи дай, Господи дай, Господи дай! Если нельзя так молиться о здоровье близких, о вещах житейских — то ведь о том, чтоб Ты присутствовал в Твоей иконе — ведь можно? В Твою Славу!»

На графических работах начала 1930-х гг. (размер блокнота), решенных в лилово-розовых и салативо-оливковых тонах, запечатлен о. Сергей Булгаков: «О. Сергей, отдыхающий в горах Франции», «Параклит», «О. Сергей в лесу под Парижем».

Эмиграция сестры Иоанны заканчивается в 1955 г., и начинается испытание Ташкентом. Сохранился альбом карандашных зарисовок видов этого города за 1962–1963 гг. Взгляд художника помогает в чужом — и климатически, и духовно — городе видеть прекрасное. Поразительны подписи, передающие ассоциативный смысл изображаемого: «Крест XX века» — там, где зарисованы крыши с телевизионной антенной; «Башня XX века» — там, где строится высотный дом и рядом с ним подъемный кран.

В мае 1959 г. сестра Иоанна первый раз совершила путешествие из Ташкента в Москву и Ленинград. Она вела дневник-альбом, записывая и зарисовывая впечатления. Он представляет собой обычный для того времени школьный альбом для рисования в картонной обложке (14,9 × 20,5 см). Собственно листов для рисования — 37, они заполнены автографами, фотографиями, открытками, акварелями. Шестого мая Юлия Николаевна садится в поезд. Зарисовки начала пути мастерски передают мелькание телеграфных столбов в окне вагона, лаконичны силуэты верблюдов, радостно-красочна композиция переезда из Азии в Европу.

Зачин альбома таков: «Здесь рассказывается о том, как некая старушонка, влюбленная в свою Родину, проживающая в населенном пункте Ташкенте, в 62ую весну своего существования на земле, отправилась путешествовать в родные края (родилась она в северной Пальмире)» (Л. 1).

Впечатления от железной дороги идилличны: «...прекрасные вагоны, чистота, красота, удобство. Койка, чистое постельное белье, одеяло, кипятки, чай, ресторан, еду еще разносят весь день. С ужасом вспоминаю путешествия из Парижа на южный берег Фр<анции>, или из Мезилаб<орце> в Прагу. Пожалуй в теперешнем возрасте оно было бы мне уже не под силу, когда не только нет мягкого матраца, подушки, постель<ого> белья и одеяла, но даже нельзя протянуть ноги, и всю ночь сидишь с отчаянными судорогами в ногах. 6/V 59».

В Москве Юлия Николаевна живет в семье своей единокровной сестры Нины Николаевны Светозаровой, много гуляет. Ее восхищает Кремль: «...Чехи прекрасно издали фотографии Праги, и действительно Прага вся в целом — *c'est bijou* [драгоценность, сокровище (*фр.*)], и этот альбом, ея фото передает ея богатство. Но самый чешский (вставка простым карандашом. — Н.Б.) “кремль”, т. е. “Храд” — далеко уступает богатству Московского кремля, и ошибаются те, кто его не видел, думая, что наш Московский кремль бедней. Куда “Храду” до него!!» (Л. 9 об.). На Красной Пресне она еще застаёт «много старых солидных очаровательных деревянных домов — на фоне высотных зданий» (Л. 10 об.).

Средняя Азия. Без подписи.
Акварель из альбома-дневника Ю.Н. Рейтлингер (Л. 3)

Здравствуй Россия! Оренбург. Ново-Сергиевка.
Акварель из альбома-дневника Ю.Н. Рейтлингер (Л. 7)

15 мая Юлия Николаевна уже в Ленинграде, когда-то родном Петербурге. Первая ее поездка — в Александро-Невскую лавру, на могилу старшей сестры Оли, умершей от скарлатины гимназисткой 14 лет: «...оказывается это совсем близко — а 40 лет тому назад это было целое путешествие на “паровичке”. <...>

...Иду на кладбище, открытое для посетителей, приблизительно в те места, где была могила старшей сестры. Чисто. Хорошо» (Л. 18 об.).

Приходит Юлия Николаевна и к дому, где семья Рейтлингер жила до революции. Это Фонтанка, д. 76 — район министерств и финансовых учреждений. Дом, в котором была квартира высокопоставленного служащего банковской системы Николая Александровича Рейтлингера (1862–1931), — это здание Управления государственными сберегательными кассами с жилыми флигелями (архитектор В.П. Цейдлер; 1910–1911 гг.). Именно к нему относится запись: «...Кажется там и тогда лучше рисовала!..» На акварели рамой родному дому служат углы домов Ссудной казны и Государственной сберегательной кассы (архитекторы А.А. Бертельс, Р.П. Голенищев, А.И. фон Гоген; 1898–1900). Все три здания в настоящее время являются охраняемыми памятниками истории и культуры, правда, исчезла чугунная ограда, а в бывшем управлении помещается налоговая инспекция (см. л. 26 об.).

Затем Юлия Николаевна навещает свою духовную сестру, знакомую по эмиграции Елену Ивановну Казимирчак-Полонскую. Еще в 1927 г. о. Сергей благословил Елену Ивановну на монашество в миру, а постриг она приняла уже в конце жизни, в 1987 г. В 1959 г. Елена Ивановна — доктор физико-математических наук, сотрудник Института теоретической астрономии АН СССР. Фотография, сделанная Юлией Николаевной, не подписана, и нигде не обозначено, что «свидание» во время прогулки по городу было именно с Еленой Ивановной. Но фотография говорит сама за себя (см. л. 32 об.).

Юлия Николаевна провела в Ленинграде десять дней, и о каждом есть запись и картинка. Прочтем альбом с 15-го листа — с первого дня в родном городе².

² Альбом-дневник Ю.Н. Рейтлингер достаточно большой, и здесь нет возможности воспроизвести его целиком. Купюры в тексте касаются неинтересных бытовых подробностей. При подготовке мы старались воспроизвести расположение авторского текста в альбоме в соответствии с оригиналом.

Тексты альбома публикуются по правилам современной орфографии, за исключением характерных для поколения Юлии Николаевны окончаний прилагательных и местоимений, а также прописных букв в обозначении некоторых имен и реалий. Полностью воспроизводится пунктуация оригинала. Авторские надписи на акварелях воспроизводятся курсивом. Нумерация листов дается по правилам архивного хранения.

НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

П.А. Трибунский

МАТЕРИАЛЫ К БИОБИБЛИОГРАФИИ
РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ:
«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК»¹

Период между двумя мировыми войнами ознаменовался многочисленными проектами международной научной кооперации. Среди наиболее амбициозных и, что немаловажно, полностью реализованных проектов «Энциклопедии социальных наук» (*«Encyclopedia of the Social Sciences»*) по праву принадлежит одно из первых мест.

Потребность в энциклопедии диктовалась развитием социальных наук в конце XIX — начале XX в., приведшим к их обособлению от других гуманитарных дисциплин. Инициаторами создания энциклопедии выступили в 1923 г. два члена Американского социологического общества — А.А. Гольденвейзер (эмигрант из России) и Г.Б. Вулстон. К инициативе социологов со временем присоединились еще девять американских ученых обществ. В 1927 г. было достигнуто окончательное соглашение по вопросу о подготовке энциклопедии, главным редактором которой стал известный американский экономист Э.Р.А. Селигман. Энциклопедия получила финансовую поддержку от научных обществ и трех частных фондов (Рокфеллера, Карнеги и Рассела Сейджа), издателем согласилась выступить компания «Макмиллан»².

Селигман осуществлял общее руководство проектом, общаясь с учеными обществами, благотворительными организациями и издателем. Человеком, сосредоточившим в своих руках текущую работу над «Энциклопедией социальных наук», стал экономист А.С. Джонсон, приглашенный Селигманом на пост редактора. Джонсон убедил Селигмана сделать ставку на молодых ученых в качестве членов редакции (среди семи помощников редактора был и выходец из России — экономист Соломон А. Кузнец, в 1925 г. защитивший магистерскую диссертацию в Колумбийском университете) и на максимально возможное привлечение ученых со всего света. С этой целью летом 1927 г. Селигман совершил турне по европейским странам, где проект энциклопедии был полностью поддержан. Вместе с тем нескольким сотням авторитетных ученых был разослан единый детализированный

¹ Считаю своим приятным долгом выразить благодарность архивисту Сюзан А. Дейолл (Susan A. Dayall) за предоставленные материалы из архива колледжа Гэмпшир (Амхерст, Массачусетс, США).

² См.: Memorandum of the Projected Encyclopedia of the Social Sciences [N. Y., 1927] // Rare Book and Manuscript Library, Butler Library, Columbia University in the City of New York (USA). E.R.A. Seligman papers. Box 38; Johnson A.S. Pioneer's Progress: An Autobiography. N. Y., 1952. P. 305–307; *Idem*. Foreword // International Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. by D.L. Sills. N. Y., 1968. Vol. 1. P. XI–XII; Seligman E.R.A. Preface // Encyclopedia of the Social Sciences / Ed.-in-chief E.R.A. Seligman; associate ed. A.S. Johnson. N. Y., 1930. Vol. 1. P. XVII–XIX. Далее в отсылках на статьи из «Энциклопедии...» даются лишь номера томов и страницы.

словник, который вызвал многочисленные пожелания, замечания и предложения. Была выработана система статей: короткие (500–800 слов), крупные (до 20 000), биографические справки о главнейших фигурах в социальных науках (умерших)³.

Джонсон не был догматиком и привлекал к сотрудничеству специалистов, стоящих на различных общественных и научных позициях, иногда весьма радикальных⁴. Толерантность Джонсона не сказывалась пагубно ни на качестве статей, ни на общей направленности «Энциклопедии...». Организация работы редакции предполагала, что помимо предварительно составленного списка тем и перечня возможных авторов Джонсон и его сотрудники вырабатывали рекомендации, в каком направлении следовало развивать ту или иную тему. Статьи подвергались стилистической правке, тщательному рассмотрению по содержанию, приведенные в них факты и библиографические отсылки проверялись. Иногда авторов просили исправить присланный материал. Исследователи отмечают, что Джонсону и его помощникам удалось добиться от авторов взвешенного объективного изложения, практически избежать ошибок, широко охватить все вопросы социальных наук. Допуская к сотрудничеству специалистов различных взглядов, Джонсон, однако, закрепил основные концептуальные темы за хорошо знакомыми ему учеными и людьми близких ему общественных взглядов, тем самым обеспечив политическое и методологическое единство в главных статьях⁵. В общей сложности в пятнадцати томах «Энциклопедии...» (1930–1935 гг.) были опубликованы статьи 1960 авторов, преимущественно из США и западноевропейских стран. Исследователи отмечают непропорционально высокий процент ученых из Германии⁶.

Не остались в стороне от создания «Энциклопедии...» и представители разных потоков / волн российского научного зарубежья⁷. Их участие в международном проекте такого уровня определялось рядом факторов: а) выросло и полноправно вошло в западное академическое сообщество поколение еврейской молодежи, покинувшее Россию в конце XIX — начале XX в. и получившее образование в странах-реципиентах; б) незавершенность оформления границ академической науки позволяла привлекать в качестве специалистов политических эмигрантов, бежавших из России и до, и после прихода большевиков к власти, а также общественных и государственных деятелей стран, возникших на обломках империи;

³ См.: *Seligman E.R.A.* Preface. P. XVIII, XX–XXII; *Johnson A.S.* Pioneer's Progress. P. 308–309; *Idem.* Foreword. P. XIII; *Rutkoff P.M., Scott W.B.* New School: A History of the New School for Social Research. N. Y.; L., 1986. P. 65, 67–69, 71.

⁴ См., напр.: *Sombart W.* Capitalism // Vol. 3. P. 195–208; *Beer M.* Communism // Vol. 4. P. 81–86; *Hook S.* Materialism // Vol. 10. P. 209–220; *Jászi O.* Anarchism // Vol. 2. P. 46–53; *Idem.* Socialism // Vol. 14. P. 188–212; *Lorwin L.L.* Class Struggle // Vol. 3. P. 538–542; *Idem.* Communist Parties // Vol. 4. P. 87–94; *Stern B.J.* Women's Position in Society // Vol. 15. P. 444–451 и др.

⁵ См.: *Seligman E.R.A.* Preface. P. XX; *Johnson A.S.* Pioneer's Progress. P. 309–313; *Idem.* Foreword. P. XIII; *Rutkoff P.M., Scott W.B.* New School. P. 70–72.

⁶ См.: *Krohn C.-D.* Intellectuals in Exile: Refugee Scholars and the New School for Social Research. Amherst, 1993. P. 61.

⁷ Подробнее о термине «российское научное зарубежье», его границах и содержании см.: *Сорокина М.Ю.* Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 75–94.

в) ослабевшая надежда на крушение советской власти и возвращение на родину все активнее толкала представителей научного сообщества к интеграции в структуры и институты стран-реципиентов, что обеспечивало вхождение их трудов и идей в мировую науку и признание достижений в международном масштабе. Немаловажным было и то, что изучение России и государств, получивших в 1917–1920 гг. национально-государственную самостоятельность, в европейской и американской науке находилось еще в зачаточном состоянии, и эксперты рекрутировались в основном из уроженцев бывшей Российской империи.

Способы и характер вовлечения разных групп российского научного зарубежья в подготовку «Энциклопедии...» варьировались. Относительно широко и безболезненно к сотрудничеству были привлечены представители еврейской эмиграции, уже завоевавшие определенные позиции в западном научном мире. Большинство из них осели в США, многие — в Нью-Йорке, где преподавали в учебных заведениях, сотрудничали в ряде организаций. Прогрессивные взгляды сближали их с Джонсоном и делали многих из них желанными сотрудниками «Энциклопедии...», которым доверяли важные по значению темы (А.А. Гольденвейзер, М.Р. Коэн, Д. Ястров, братья Семен и Соломон А. Кузнец, Я. Маршак, И.М. Рубинов, А.Ц. Ярмолинский и др.).

В качестве авторов биографий политических и революционных деятелей редакция «Энциклопедии...» привлекла, не придерживаясь жестких рамок академической науки, политических эмигрантов из России со сходными убеждениями (Р.А. Абрамович, А.И. Балабанова, В.Л. Бурцев, Е.Д. Кускова, А.Н. Потресов, Ш. Раппопорт, Н.С. Русанов, Б. Суварин, Д.Н. Шуб). В таком же качестве выступили политические деятели новой, независимой Польши (М. Рапацки, А. Сливинский).

Возрождение Польши и появление новых государств в Прибалтике привели к формированию национальных научных кадров, ранее подданных Российской империи, которых мы, вслед за М.Ю. Сорокиной, рассматриваем как составную часть российского научного зарубежья. Слабая изученность на Западе польских реалий способствовала активному вовлечению, в основном для написания биографических статей, тамошних ученых (С. Дзевульский, В.М. Завадский, Ф.В. Знанецкий, К.Б. Кржекзковский, Л. Крживицкий, В.А. Ледницкий, Я. Лещинский, Я. Рутковский, М. Хандельсман). Лишь Я. Лещинскому редакция «Энциклопедии» заказала единственную предметную статью — о гетто. Представители Латвийского университета Л.А. Арбузов и В.А. Косинский оказались востребованы лишь как авторы биографий деятелей Российской империи.

Основная масса представителей российского научного зарубежья (пореволюционная волна), разбросанная по Европе и США, оказалась вне пределов России в качестве эмигрантов или высланных из страны. Во время европейского турне Селигман встречался с эмигрантами из России — как вовлеченными в том или ином качестве в академические сообщества, так и оставшимися вне них. Недостаточная изученность России требовала серьезной ревизии предварительного списка тем и перечня авторов, составленных в редакции «Энциклопедии...». Российское научное зарубежье приняло активное участие в исправлении и дополнении словника. Правда, несовпадение американских представлений о методах подготовки «Энциклопедии...» с собственными взглядами весьма быстро

охладило пыл доброхотов. Так, П.Н. Милюков, активно вовлекавшийся редакцией «Энциклопедии» в качестве координатора подбора пишущих на русские темы авторов и авторитетного специалиста, ограничил свои советы буквами «В» и «С», а в дальнейшем отказался от каких-либо рекомендаций⁸.

Редакция «Энциклопедии...», заказывая конкретные статьи представителям российского научного зарубежья пореволюционной волны, видела в последних специалистов почти исключительно по российской проблематике (биографии, социальные явления в дореволюционной России). Все, что было связано с советской Россией, принципиально отдавалось на откуп европейским и американским ученым. Перечень авторов, которым редакция предложила представить материал по общим вопросам социальных наук и по нероссийской проблематике, весьма невелик (В.С. Войтинский, Г.Д. Гурвич, С.М. Дубнов, В.В. Леонтович, Ю.Э. Маргулиес, П.Н. Милюков, П.А. Сорокин).

По нашим подсчетам, в «Энциклопедии социальных наук» приняли участие 83 специалиста, представлявших разные волны / потоки российского научного зарубежья, что составляло чуть более 4 % от общего числа авторов.

Было бы неверным полагать, что материалы, связанные с Россией и странами, получившими в 1917–1920 гг. национально-государственную самостоятельность, составлялись в «Энциклопедию...» исключительно бывшими подданными Российской империи. В европейских странах и США сформировалось пусть и малочисленное, но все же экспертное сообщество, представители которого в ряде случаев рассматривались редакцией «Энциклопедии...» как наиболее желательные и квалифицированные авторы. Иностранном ученым в «Энциклопедии...» принадлежал ряд биографических очерков, освещавших, как правило, жизнь и деятельность выходцев из Российской империи, получивших известность и на Западе (экономист Я.А. Новиков, социологи Е.В. де Роберти и М.Я. Острогорский, химик, историк, литератор М.В. Ломоносов, революционные деятели и мыслители П.Б. Аксельрод, Я.С. Левински, П.А. Кропоткин, М.А. Бакунин, В. Махайский, философы А. Гинзберг, А.Д. Гордон, государственные деятели А.П. Извольский, С.Д. Сазонов, И.А. Каподистрия, психолог В.М. Бехтерев, востоковед М. Ястров, историки П.Г. Виноградов, И.В. Лучицкий⁹). Исключительно иностранные ученые выступили авторами статей о государственной и политической

⁸ См.: E.R.A. Seligman — P.N. Miliukov. January 27, March 23, June 25, November 2, 1928; January 29, March 13, November 8 (with the attached Memorandum), 1929; P.N. Miliukov — E.R.A. Seligman. February 22, December 1, 1928; February 12, August 7, 14, December 31, 1929; Solomon A. Kuznets — P.N. Miliukov. June 30, August 18, 1928; Solomon A. Kuznets — E.R.A. Seligman. July 28, 1928; P.N. Miliukov — A.S. Johnson. May 17, August 7, 1929; A.S. Johnson — P.N. Miliukov. May 31, 1929; E.R.A. Seligman — A.S. Johnson. August 12, 1929; *Miliukov P.N.* The list of proposals for the B and C. Russian articles, 1929 // *Encyclopaedia of Social Sciences, Inc., Records. Archives, Hampshire College, Amherst (MA, USA).* Series 4. Box 7. Folder «P.N. Miliukov».

⁹ См.: *Abel T. Novikov, Y.A.* // Vol. 11. P. 402; *Bouglé C. Roberty, E. de.* // Vol. 13. P. 412–413; *Eastman M. Axelrod, P.B.* // Vol. 2. P. 370–371; *Fay S.B. Izvolsky, A.P.* // Vol. 8. P. 358; *Idem. Sazonov, S.D.* // Vol. 13. P. 560–561; *Ginzburg B. Lomonosov, M.V.* // Vol. 9. P. 604–605; *Kantor J.R. Bekhterev, V.* // Vol. 2. P. 498–499; *Kohn H. Ginsberg, A.* // Vol. 6. P. 663–664; *Idem. Gordon, A.D.* // Vol. 6. P. 702–703; *Krzyżanowski A. Lewinski, J.S.* // Vol. 9. P. 425; *Macmahon A.W. Ostrogorsky, M.Y.* // Vol. 11. P. 503–504; *Mondolfo R. Kropotkin, Prince P.A.* // Vol. 8. P. 602–604; *Montgomery J.A. Jastrow, M.* // Vol. 8. P. 374; *Nettlau M. Bakunin, M.* // Vol. 2. P. 393–394; *Nomad M. Machajski, W.* // Vol. 9. P. 654–655; *Phillips W.A. Capodistrias, J.* // Vol. 3. P. 215; *Seagle W. Vinogradoff, Sir P.* // Vol. 15. P. 263–264; *Sée H. Luchitsky, I.V.* // Vol. 9. P. 625–626.

структуре Финляндии и балтийских государств¹⁰. Ряд социальных явлений, характерных для бывшей Российской империи (сельскохозяйственная кооперация, профессиональные союзы, аграрное движение в Прибалтике и Финляндии), были описаны европейскими специалистами¹¹.

В целях объективности именно иностранным авторам было доверено написание биографий немногочисленных умерших большевистских деятелей (В.И. Ульянов (Ленин), М.Н. Покровский, А.А. Богданов)¹², статей о революции в России и явлениях социальной жизни, характерных для советской России¹³. Отметим, что трое авторов, которым редакция «Энциклопедии...» заказала написание статей о реалиях советской России (Г. Ласки, М. Добб и О. Гетч), придерживались весьма левых взглядов.

Недогматичный подход к поиску авторов для «Энциклопедии...» позволил Джонсону пригласить к сотрудничеству специалистов, проживавших в Советском Союзе. Их число было невелико (11 человек), почти все сформировались как ученые в дореволюционной России. Три человека — М.С. Возняк, М.С. Грушевский, М.Н. Покровский — в определенный период времени были составной частью российского научного зарубежья. Основные статьи, написанные советскими учеными, — это биографии. Исключение — работа экономиста И.М. Кулишера, посвященная ярмаркам, и обзор М.Н. Покровского, характеризующий развитие социальных наук в советской России¹⁴.

Успех «Энциклопедии...» вызвал последующие переиздания без каких-либо изменений, последнее из которых, шестнадцатое по счету, вышло в 1967 г. Широкое использование «Энциклопедии...» в учебном процессе стало причиной появления однотомника избранных концептуальных статей с сохранением па-

¹⁰ См.: *Andrén G. Government (Sweden and Finland) // Vol. 7. P. 63–65; Graham M.W. Government (Baltic States) // Vol. 7. P. 70–75; Idem. Parties, Political (Baltic States) // Vol. 11. P. 624–626; Tingsten H. Legislative Assemblies (Scandinavian States and Finland) // Vol. 9. P. 387–389; Idem. Parties, Political (Scandinavian States and Finland) // Vol. 11. P. 621–624.*

¹¹ См.: *Digby M. Cooperation (Scandinavian Countries: Agricultural Cooperation) // Vol. 4. P. 382–384 (сельскохозяйственная кооперация в Финляндии описана на странице 383); Idem. Cooperation (Russia: Agricultural Cooperation) // Vol. 4. P. 388–390; Koch W. Trade Unions (Russia) // Vol. 15. P. 32–35; Mangel E.R. Agrarian Movements (Poland and Lithuania) // Vol. 1. P. 507–508; Idem. Agrarian Movements (Latvia and Estonia) // Vol. 1. P. 508.*

¹² См.: *Epstein F. Pokrovsky, M.N. // Vol. 12. P. 181–182; Hecker J.F. Bogdanov, A. // Vol. 2. P. 617; Laski H.J. Ulyanov, V.I. // Vol. 15. P. 140–143.*

¹³ См.: *Dobb M. Bolshevism // Vol. 2. P. 623–630; Idem. Gosplan // Vol. 4. P. 705–713; Fainsod M. Soviet // Vol. 14. P. 269–274; Hoetzsch O. Government (Soviet Russia) // Vol. 7. P. 67–70; Kohn H. Russian Revolution // Vol. 13. P. 474–493.*

¹⁴ Статьи советских ученых в «Энциклопедии...»: И.Н. Винников (*Vinnikov I. Sternberg, L.Y. // Vol. 14. P. 388*), М.С. Возняк (*Wozniak M. Franko, I. // Vol. 6. P. 422*), М.С. Грушевский (*Hruševsky M. Drahomanov, M.P. // Vol. 5. P. 233; Idem. Khmel'nitsky, B. // Vol. 8. P. 562; Idem. Kostomarov, N.I. // Vol. 8. P. 594–595*), В.Э. Ден (*Dehn V.E. Chuprov, A.I. // Vol. 3. P. 463*), В.Я. Железнов (*Gelesnoff V. Jakob, L.H. von // Vol. 8. P. 365; Idem. Storch, F. von // Vol. 14. P. 412–413; Idem. Turgenev, N.I. // Vol. 15. P. 131*), Н.И. Кареев (*Kareyev N. Danilevsky, N. Y. // Vol. 4. P. 708*), Е.А. Косминский (*Kosminsky E.A. Savin, A.N. // Vol. 13. P. 548; Idem. Yanzhul, I.I. // Vol. 15. P. 512*), И.М. Кулишер (*Kulischer J. Fairs // Vol. 6. P. 58–64*), М.Н. Покровский (*Pokrovsky M. Introduction (The Social Sciences as Disciplines: Soviet Russia) // Vol. 1. P. 287–291*), С.И. Солнцев (*Solntsev S. Tugan-Baranovsky, M.I. // Vol. 15. P. 128–129*), В.Н. Твердохлебов (*Tverdokhlebov V. Hertenstein, M.Y. // Vol. 7. P. 340*).

гинации первоисточника. Однотомник был подготовлен сотрудниками Тичерз-колледжа при Колумбийском университете (1937 г.)¹⁵ и выдержал ряд переизданий (1944, 1947, 1948, 1959 гг.). В однотомник вошло несколько статей представителей российского научного зарубежья (две статьи М.Р. Коэна: «Вера» («Belief») и «Научный метод» («Method, Scientific»)), и одна статья М. Гинзберга, «Классовое сознание» («Class Consciousness»).

Бурное развитие социальных наук в 1930–40-е гг. поставило вопрос о соответствии «Энциклопедии...» запросам времени. Проведенная А.С. Джонсоном по заказу издательства «Макмиллан» в 1950 г. ревизия показала, что оптимальным вариантом было бы создание новой энциклопедии, нежели попытка переделать старую. Начатая Джонсоном кампания за новую энциклопедию социальных наук не сразу, но все же была поддержана как учеными, так и благотворительными организациями¹⁶. В 1968 г. вышли 17 томов «Международной энциклопедии социальных наук» («International Encyclopedia of the Social Sciences»), позже дополненные отдельным томом биографий¹⁷. Преемственность двух энциклопедий олицетворяли 63 человека, принявших участие в качестве авторов в обоих предприятиях. Среди них лишь два представляли российское научное зарубежье — Я. Маршак и П.А. Сорокин¹⁸.

«Энциклопедия социальных наук» по праву рассматривается как один из наиболее удачных проектов и как самый значительный вклад США в международное научное сотрудничество в первой половине XX в. Всеобщее признание и заслуженный международный авторитет издания, как ни странно, до сих пор не привлекли внимания к вкладу российского научного зарубежья в создание «Энциклопедии...». В современных «Энциклопедии...» библиографических указателях работы представителей российского научного зарубежья не отмечены, кроме немногочисленных случаев¹⁹. Не изменилась эта ситуация и поныне. Одно из счастливых исключений — П.Н. Милюков, учет статей которого, помещенных в «Энциклопедии...», был произведен и в прижизненной, и в посмертной библиографиях²⁰.

¹⁵ Selections from the Encyclopedia of the Social Sciences / Ed.-in-chief E.R.A. Seligman; associate ed. A.S. Johnson. N. Y., 1937.

¹⁶ См.: *Johnson A.S. Pioneer's Progress*. P. 314–315; *Idem. Foreword*. P. XIII; *Sutton F.X. Developing the Idea of a New Social Science Encyclopedia // American Behavioral Scientist*. 1962. Vol. 6. № 1. P. 27–30; *Walls W.A. Preface // International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 1. P. XVI–XVII.

¹⁷ *International Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. by D.L. Sills*. N. Y., 1968. Vol. 1–17; 1979. Vol. 18: Biographical supplement.

¹⁸ См.: *Marschak J. Decision Making. Economic Aspects // International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 4. P. 42–53; *Sorokin P.A. Social Differentiation // Ibid.* Vol. 14. P. 406–408. Полный перечень авторов — участников двух энциклопедий см.: *Sills D.L. Introduction // Ibid.* Vol. 1. P. XXVIII–XXIX.

¹⁹ См., напр.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). Белград, 1931. Вып. 1; Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930–1940). Белград, 1941. Вып. 2. Ч. 1.

²⁰ См.: *Евреинов Б.А. Библиография печатных трудов Павла Николаевича Милюкова (1886–1930) // П.Н. Милюков: Сб. материалов по чествованию его семидесятилетия / Под ред. С.А. Смирнова, Н.Д. Авксентьева, М.А. Алданова, И.П. Демидова, Г.Б. Слиозберга, А.Ф. Ступницкого. Париж, [1930]. С. 351; Bohn T.M. Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905: Pavel N. Miljukov und die Moskauer Schule. Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 402, 404, 405.*

С целью ликвидировать образовавшуюся лакуну в учете произведений представителей российского научного зарубежья и составлен помещаемый ниже указатель. Он включает в себя библиографическое описание материалов, вошедших в «Энциклопедию социальных наук». Указатель составлен по первому изданию «Энциклопедии...», которое было просмотрено нами *de visu*²¹. В описании статей приводятся лишь номера томов и страниц.

В указателе принята группировка авторов по алфавиту. Описанию статей предшествует краткая информация об авторе, включающая в себя полное имя, транслитерацию, принятую в «Энциклопедии...», даты жизни, основной вид деятельности. В ходе работы над указателем удалось выявить техническую ошибку, допущенную сотрудниками «Энциклопедии...»: инициалы экономиста В.А. Косинского фигурируют в двух томах в разном написании (V.A. в 6-м томе, и W. — в 9-м²²), соответственно, в указатель авторов «Энциклопедии» включены два человека, тогда как речь должна идти об одном лице.

За пределами указателя остались несколько авторов²³, чье место рождения и, соответственно, принадлежность к подданным Российской империи точно установить не удалось, хотя их связь с Россией, по всей видимости, выходит за рамки простого научного интереса.

ПРИЛОЖЕНИЕ
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
В «ЭНЦИКЛОПЕДИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК»

АБРАМОВИЧ (наст. фам. Рейн; Abramowitsch, R.) Рафаил Абрамович (1880–1963), политический деятель, публицист.

Martov, L. // Vol. 10. P. 171–172.

АКЦИН (Akzin, B.) Биньямин (1904–1985), правовед.

Martens, F.F. // Vol. 10. P. 161.

АНЦЫФЕРОВ (Antsiferov, A.N.) Алексей Николаевич (1867–1943), экономист, статистик, деятель кооперативного движения.

Cooperation (Russia: Credit Cooperation) // Vol. 4. P. 386–388; Hübner, N.P. // Vol. 7. P. 528.

²¹ Encyclopedia of the Social Sciences / Ed.-in-chief E.R.A. Seligman; associate ed. A.S. Johnson. N. Y., 1930. Vol. 1: AAR–ALL; Vol. 2: ALL–BRI; Vol. 3: BRI–COM; 1931. Vol. 4: COM–DAN; Vol. 5: DAN–EXI; Vol. 6: EXP–GOS; 1932. Vol. 7: GOS–IND; Vol. 8: IND–LAB; 1933. Vol. 9: LAB–MAC; Vol. 10: MAC–MOR; Vol. 11: MOR–PAR; 1934. Vol. 12: PAR–PUN; Vol. 13: PUR–SER; Vol. 14: SER–TRA; 1935. Vol. 15: TRA–ZWI, INDEXES.

²² См.: Kossinsky V.A. Fortunatov, A.F. // Vol. 6. P. 388–389; Kossinsky W. Ludogovsky, A.P. // Vol. 9. P. 629.

²³ Это проживавшая в Париже Вера Миколь (даты жизни неизвестны) (Mikol V. Boulanger, G.E. // Vol. 2. P. 649; *Idem.* Déroulède, P. // Vol. 5. P. 105); сотрудник «Энциклопедии социальных наук» Натан Райх (1900–?) (Reich N. Diamand, H. // Vol. 5. P. 126; *Idem.* Lipinsky, V. // Vol. 9. P. 489–490; *Idem.* Pulp and Paper Industry // Vol. 12. P. 705–711; *Idem.* Staszic, S.W. // Vol. 14. P. 327–328; *Idem.* Wronski-Hoene, J.M. // Vol. 15. P. 504–505); профессор Свободного польского университета в Варшаве Владислав Малиниак (1885–1941) (Maliniak W. Hube, R. // Vol. 7. P. 525; *Idem.* Modrzewski, A.F. // Vol. 10. P. 568–569).

- АРБУЗОВ (Arbusow, L.H.) Леонид А. (1882–1951), историк.
Bunge, F.G. von // Vol. 3. P. 67.
- АРДЗРУНИ (Ardzrooni, L.) Леон (1884–1959?), экономист.
Abovian, K. // Vol. 1. P. 375.
- БАЛАБАНОВА (Balabanoff, A.) Анжелика Исааковна (1877–1965), социалистка, политический деятель.
Lazzari, C. // Vol. 9. P. 281.
- БИЦИЛЛИ (Bizilli, P.) Петр Михайлович (1879–1953), историк, филолог.
Lappo-Danilevsky, A.S. // Vol. 9. P. 169–170.
- БОРТКЕВИЧ (Bortkiewicz, L. von) Владислав Иосифович (1868–1931), экономист, статистик.
Dmitriev, V.K. // Vol. 5. P. 185–186.
- БУРЦЕВ (Bourtzeff, V.) Владимир Львович (1862–1942), политический деятель, публицист.
Garon, G.A. // Vol. 6. P. 568–569.
- ВАСИЛЬЕВ (Vasiliev, A.A.) Александр Александрович (1867–1953), византинист.
Fallmerayer, J.P. // Vol. 6. P. 64–65; Finlay, G. // Vol. 6. P. 253; Krumbacher, K. // Vol. 8. P. 605; Theodosius I // Vol. 14. P. 615–616; Theodosius II // Vol. 14. P. 616; Uspensky, F.I. // Vol. 15. P. 193; Vasilevsky, V.G. // Vol. 15. P. 231–232.
- ВЕРНАДСКИЙ (Vernadsky, G.) Георгий Владимирович (1887–1973), историк.
Alexander II // Vol. 1. P. 630–631; Dyakonov, M.A. // Vol. 5. P. 295–296.
- ВОЙТИНСКИЙ (Woytinsky, W.) Владимир Савельевич (1885–1960), революционер, экономист.
Hours of Labor // Vol. 7. P. 478–493; Wages (History and Statistics) // Vol. 15. P. 302–320.
- ГЕОРГИЕВСКИЙ (Georgievsky, P.I.) Павел Иванович (1857–1938), экономист.
Semenov, P.P. // Vol. 13. P. 660–661; Yanson, Y.E. // Vol. 15. P. 511–512.
- ГИНЗБЕРГ (Ginsberg, M.) Моррис (1889–1970), социолог.
Association // Vol. 2. P. 284–286; Class Consciousness // Vol. 3. P. 536–538; Conventions, Social // Vol. 4. P. 351–353; Courtship // Vol. 4. P. 538–540; Hobhouse, L.T. // Vol. 7. P. 396–397; Mechanism and Vitalism // Vol. 10. P. 267–271.
- ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР (Goldenweiser, A.) Александр Александрович (1880–1940), антрополог.
Bastian, A. // Vol. 2. P. 476; Evolution, Social // Vol. 5. P. 656–662; Goldenweiser, A.S. // Vol. 6. P. 693–694; Huxley, T.H. // Vol. 7. P. 562; Rivers, W.H.R. // Vol. 13. P. 398–399; Totemism // Vol. 14. P. 657–661.
- ГРОНСКИЙ (Gronski, P.) Павел Павлович (1883–1937), юрист, политический деятель.
Government (Imperial Russia) // Vol. 7. P. 65–67.
- ГУЛАК (Gulak, A.) Ашер (1881–1940), историк права.
Law (Jewish) // Vol. 9. P. 219–225.
- ГУРВИЧ (Gourvitch, A.) Александр Миронович (1886–1955), экономист.
Ardashev, P.N. // Vol. 2. P. 181; Food Industries (Food Distribution: Russia) // Vol. 6. P. 323–330; Gershuni, G.A. // Vol. 6. P. 639.

- ГУРВИЧ (Gurvitch, G.) Георгий (Жорж) Давидович (1894–1965), социолог.
Chicherin, B.N. // Vol. 3. P. 372; Fichte, J.G. // Vol. 6. P. 223–225; Gradovsky, A.D. // Vol. 7. P. 134–135; Justice // Vol. 8. P. 509–515; Kistyakovsky, B.A. // Vol. 8. P. 575–576; Korkunov, N.M. // Vol. 8. P. 591–592; Menger, A. // Vol. 10. P. 310–311; Natural Law // Vol. 11. P. 284–290; Petrazhitsky, L.I. // Vol. 12. P. 103–104; Secrétan, C. // Vol. 13. P. 623–624.
- ГУСИК (Husik, I.) Исаак (1876–1939), историк.
Philo Judaeus // Vol. 12. P. 118.
- ДЗЕВУЛЬСКИЙ (Dziewulski, S.) Стефан (даты жизни неизвестны), юрист, экономист.
Strojnowski, H. // Vol. 14. P. 426.
- ДИОНЕО (наст. фам. Шкловский; Dioneo-Shklovsky, I.V.) Исаак Владимирович (1865–1935), публицист.
Chernyshevsky, N.G. // Vol. 3. P. 369–370; Leontyev, K.N. // Vol. 9. P. 410–411.
- ДОРОШЕНКО (Doroshenko, D.) Дмитрий Иванович (1882–1951), политический деятель, историк, литературовед.
Shevchenko, T. // Vol. 14. P. 23.
- ДУБНОВ (Dubnow, S.) Семен Маркович (1860–1941), историк, общественный деятель.
Diaspora // Vol. 5. P. 126–130; Graetz, H. // Vol. 7. P. 135–136; Jewish Autonomy // Vol. 8. P. 391–394; Josephus, F. // Vol. 8. P. 418–419.
- ЕВРЕИНОВ (Evreinov, B.) Борис Алексеевич (1888–1933), историк, политический деятель.
Beliayev, I.D. // Vol. 2. P. 500.
- ЗАВАДСКИЙ (Zawadzki, L.) Владислав Мариан (1885–1939), экономист.
Czerkowski, W. // Vol. 4. P. 688.
- ЗНАНЕЦКИЙ (Znaniński, F.) Флориан Витольд (1882–1958), философ, социолог.
Gumplowicz, L. // Vol. 7. P. 227 (в соавторстве с супругой, Эйлин Маркли-Знанецкой; Markley-Znaniński, E. (1886–1976)).
- ИОХЕЛЬСОН (Jochelson, W.) Владимир (Вениамин) Ильич (1855–1937), этнограф, антрополог.
Anuchin, D.N. // Vol. 2. P. 127.
- КАЧОРОВСКИЙ (Кочаровский; Kocharovsky, K.) Карл-Август Романович (1870 — после 1937), экономист, статистик.
Haxthausen, A. von // Vol. 7. P. 283–284; Karishev, N.A. // Vol. 8. P. 546; Kaufman, A.A. // Vol. 8. P. 549–550; Orlov, V.I. // Vol. 11. P. 495–496; Shchapov, A.P. // Vol. 14. P. 18; Vasilchikov, Prince A.I. // Vol. 15. P. 231; Vorontsov, V.P. // Vol. 15. P. 287.
- КЕЙДЕН (Kayden, E.M.) Евгений Маркович (1886–1977), переводчик, экономист.
Cooperation (Russia: Consumers' Cooperation) // Vol. 4. P. 384–386.
- КИЗЕВЕТТЕР (Kiesewetter, A.A.) Александр Александрович (1866–1933), историк.
Alexander I // Vol. 1. P. 630; Betsky, I.I. // Vol. 2. P. 531; Cherkassky, V.A. // Vol. 3. P. 369; Ivan IV // Vol. 8. P. 356–357; Kiselev, Count P.D. // Vol. 8. P. 574–575; Milutin, N.A. // Vol. 10. P. 490–491.

- КОЙРЕ (наст. фам. Койранский; Kouyé, A.) Александр Владимирович (1892–1964), философ, историк науки.
 Pobedonostsev, K.P. // Vol. 12. P. 177–178; Pogodin, M.P. // Vol. 12. P. 178–179; Samarin, Y.F. // Vol. 13. P. 527.
- КОН (Kohn, S.) Станислав Салезиевич (1888–1933), экономист, статистик.
 Chuprov, A.A. // Vol. 3. P. 462–463.
- КОСИНСКИЙ (Kossinsky, V.A.; Kossinsky, W.) Владимир Андреевич (1864–1938), экономист.
 Fortunatov, A.F. // Vol. 6. P. 388–389; Ludogovskiy, A.P. // Vol. 9. P. 629.
- КОЭН (Cohen, M.R.) Моррис Рафаэль (1880–1947), философ, правовед.
 Atheism (History and Doctrine) // Vol. 2. P. 292–294; Austin, J. // Vol. 2. P. 317–318; Belief // Vol. 2. P. 500–503; Bradley, F.H. // Vol. 2. P. 672–673; Davidson, T. // Vol. 5. P. 10; Descartes, R. // Vol. 5. P. 106–107; Fictions // Vol. 6. P. 225–228; Hegel, G.W.F. // Vol. 7. P. 311–315; Method, Scientific // Vol. 10. P. 389–396.
- КРЖЕКЗКОВСКИЙ (Krzeckzkowski, K.) Константин Бронислав (1879–1939), экономист.
 Skarbek, Count F.F. // Vol. 14. P. 71.
- КРЖИВИЦКИЙ (Krzywicki, L.) Людвиг (1859–1941), антрополог, экономист, социолог.
 Krauz-Kelles, Baron K. // Vol. 8. P. 598; Warýnski, L.T. // Vol. 15. P. 365.
- КУЗНЕЦ (Kuznets, Simon) Семен Абрамович (1901–1985), экономист.
 Conjecture // Vol. 4. P. 203–204; Curve Fitting // Vol. 4. P. 652–656; National Income // Vol. 11. P. 205–224; Time Series // Vol. 14. P. 629–636.
- КУЗНЕЦ (Kuznets, Solomon) Соломон Абрамович (ок. 1900–?), экономист.
 Agricultural Machinery Industry // Vol. 1. P. 554–558; Cernuschi, H. // Vol. 3. P. 316–317; Hoffmann, J.G. // Vol. 7. P. 398–399; Kankrin, Count E.F. // Vol. 8. P. 538; Kavelin, K.D. // Vol. 8. P. 552; Khomyakov, A.S. // Vol. 8. P. 562–563; Kireyevskiy, I.V. // Vol. 8. P. 573–574; Orzhentsky, R.M. // Vol. 11. P. 499; Pavlov-Silvansky, N.P. // Vol. 12. P. 32; Pawnbroking // Vol. 12. P. 32–40.
- КУСКОВА (Kuskova, E.) Екатерина Дмитриевна (1869–1958), политический деятель, публицист.
 Filosofova, A.P. // Vol. 6. P. 234.
- ЛЕДНИЦКИЙ (Lednicki, W.) Вацлав Александрович (1891–1967), историк литературы, литературовед.
 Spasowicz, W. // Vol. 14. P. 274–275.
- ЛЕОНТОВИЧ (Leontovich, V.) Виктор Владимирович (1902–1959), юрист, историк.
 Religious Institutions, Christian (Byzantine) // Vol. 13. P. 262–265.
- ЛЕЩИНСКИЙ (Lestschinsky, J.) Яков (1876–?), литератор, экономист.
 Ghetto // Vol. 6. P. 646–650; Liebermann, A.S. // Vol. 9. P. 452–453; Medem, W. // Vol. 10. P. 271.
- МАРГУЛИЕС (Margouliès, G.) Юрий (Георгий) Эммануилович (1902–1972), китаист.
 Ssü-ma Ku-ang // Vol. 14. P. 309.
- МАРШАК (Marschak, J.) Яков (1898–1977), экономист.
 Consumption (Problems of Measurement) // Vol. 5. P. 295–301; Wages (Theory and Policy) // Vol. 15. P. 291–302.

- МЕЙЕНДОРФ (Meyendorff, A.) Александр Феликсович (1869–1964), юрист, экономист, политический деятель.
Agrarian Movements (European Russia) // Vol. 1. P. 505–507.
- МИЛЮКОВ (Miliukov, P.) Павел Николаевич (1859–1943), историк, политический деятель.
Appanage // Vol. 2. P. 130–131; Arsenyev, K.K. // Vol. 2. P. 222–223; Catherine II // Vol. 3. P. 268–269; Chaadayev, P.Y. // Vol. 3. P. 320–321; Herzen, A.I. // Vol. 7. P. 341–342; Karamzin, N.M. // Vol. 8. P. 543–544; Kareyev, N.I. // Vol. 8. P. 545–546; Katkov, M.N. // Vol. 8. P. 549; Kluchevsky, V.O. // Vol. 8. P. 577–578; Pestel, P.I. // Vol. 12. P. 95–96; Peter I // Vol. 12. P. 96–97; Pososhkov, I.T. // Vol. 12. P. 266–267; Radishev, A.N. // Vol. 13. P. 67; Religious Institutions, Christian (Russian) // Vol. 13. P. 265–267; Solovyev, S.M. // Vol. 14. P. 255–256; Solovyev, V.S. // Vol. 14. P. 256; Tatishchev, V.N. // Vol. 14. P. 525–526; Witte, Graf S.Y. // Vol. 15. P. 433–434.
- МЯКОТИН (Miakotin, V.) Венедикт Александрович (1867–1937), историк, политический деятель.
Annensky, N.F. // Vol. 2. P. 67–68; Antonovich, V.B. // Vol. 2. P. 126–127; Bestuzhev-Riumin, K.N. // Vol. 2. P. 530; Chaykovsky, N.V. // Vol. 3. P. 362; Cossacks // Vol. 4. P. 463–466; Dobrolubov, N.A. // Vol. 5. P. 186–187; Efimenko, A.Y. // Vol. 5. P. 439–440; Granovsky, T.N. // Vol. 7. P. 151; Leontovich, F.I. // Vol. 9. P. 410; Semevsky, V.I. // Vol. 13. P. 661; Shcherbatov, Prince M.M. // Vol. 14. P. 18–19; Speransky, M.M. // Vol. 14. P. 296–297; Stolipin, P.A. // Vol. 14. P. 410.
- НОЗАДЗЕ (Nosadzé, V.) Виктор (1893–1975), литературовед, политический деятель.
Chavchavadze, I. // Vol. 3. P. 361.
- ОДИНЕЦ (Odinetz, D.) Дмитрий Михайлович (1883–1950), историк.
Sergeyevich, V.I. // Vol. 13. P. 671.
- ПЕРРИ (Parry, A.) Альберт Осипович (1901–1992), историк науки.
Morozov, S. // Vol. 11. P. 19–20.
- ПОТРЕСОВ (Potresoff, A.) Александр Николаевич (1869–1934), политический деятель.
Plekhanov, G.V. // Vol. 12. P. 168–169.
- ПРОКОПОВИЧ (Procorovicz, S.) Сергей Николаевич (1871–1955), экономист, политический деятель.
Kablukov, N.A. // Vol. 8. P. 533; Kulizhny, A.E. // Vol. 8. P. 609–610; Peshekhonov, A.V. // Vol. 12. P. 92–93; Zelgeim, V.N. // Vol. 15. P. 525.
- РАВИДОВИЧ (Rawidowicz, S.) Симон (1896–1957), философ, общественный деятель.
Krochmal, N. // Vol. 8. P. 602; Mendelssohn, M. // Vol. 10. P. 307–308; Nordau (Südfeld), M.S. // Vol. 11. P. 395–396.
- РАДИН (Radin, P.) Пол (1883–1959), антрополог, этнограф.
Ancestor Worship // Vol. 2. P. 53–55.
- РАПАЦКИ (Rapacki, M.) Мариан (1884–1944), политический деятель.
Mielczarski, R. // Vol. 10. P. 418–419.
- РАППОПОРТ (Rapport, C.) Шарль (1867–1941), социалист, журналист, писатель.
Jaurès, J. // Vol. 8. P. 374–375; Merrheim, A. // Vol. 10. P. 354–355.

- РОЗЕНБЕРГ (Rosenberg, V.) Владимир Александрович (1860–1932), экономист, журналист.
 Korolenko, V.G. // Vol. 8. P. 592.
- РОСТОВЦЕВ (Rostovtzeff, M.) Михаил Иванович (1870–1952), историк, археолог.
 Meyer, E. // Vol. 10. P. 402–403.
- РУБАКИН (Roubakine, N.) Николай Александрович (1862–1946), библиограф, книговед, писатель.
 Dörpfeld, F.W. // Vol. 5. P. 219–220; Girard, J.-B. // Vol. 6. P. 666; Uvarov, Count S.S. // Vol. 15. P. 203.
- РУБИНОВ (Rubinow, I.M.) Исаак Макс (1875–1936), теоретик и исследователь социального страхования.
 Group Insurance // Vol. 7. P. 182–188; Hourvich, I.A. // Vol. 7. P. 494; Industrial Hazards // Vol. 7. P. 697–705; Old Age // Vol. 11. P. 452–462; Poverty // Vol. 12. P. 284–292; Social Insurance // Vol. 14. P. 134–138.
- РУСАНОВ (Rusanov, N.) Николай Сергеевич (1859–1939), революционер.
 Lavrov, P.L. // Vol. 9. P. 201; Mikhailovsky, N.K. // Vol. 10. P. 445–446.
- РУТКОВСКИЙ (Rutkowski, J.) Ян (1886–1949), историк, экономист.
 Lubecki, F.X. // Vol. 9. P. 623; Steinkeller, P.A. // Vol. 14. P. 384.
- СЛИВИНСКИЙ (Śliwiński, A.) Артур (1877–1953), политический и государственный деятель.
 Mochnacki, M. // Vol. 10. P. 564.
- СЛОНИМСКИЙ (Slonimsky, H.) Генри (1884–1970), философ.
 Wise, I.M. // Vol. 15. P. 432.
- СОРОКИН (Sorokin, P.A.) Питирим Александрович (1889–1968), социолог.
 Ammon, A.O. // Vol. 2. P. 36; Artel // Vol. 2. P. 260–261; Mobility, Social // Vol. 10. P. 554–555.
- СПЕКТОРСКИЙ (Spektorski, E.) Евгений Васильевич (1875–1951), правовед, философ.
 Kovalevsky, M.M. // Vol. 8. P. 595–596.
- СТРУВЕ (Struve, P.) Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, историк, философ, политический деятель.
 Introduction (The Social Sciences as Disciplines: Imperial Russia) // Vol. 1. P. 280–287; Aksakovs // Vol. 1. P. 610–611; Bunge, N.C. // Vol. 3. P. 67–68; Danielson, N.F. // Vol. 4. P. 707; Land Tenure (Russia) // Vol. 9. P. 106–110.
- СТУДЕНСКИЙ (Studenski, P.) Пол (1887–1961), экономист.
 Chambers of Commerce // Vol. 3. P. 325–329; Pensions // Vol. 12. P. 65–69; Repudiation of Public Debts // Vol. 13. P. 321–324.
- СУВАРИН (наст. фам. Лифшиц; Souvarine, B.) Борис Константинович (1895–1984), социалист, журналист.
 Boissel, F. // Vol. 2. P. 620; Lafargue, P. // Vol. 9. P. 10; Varlin, L.E. // Vol. 15. P. 229–230.
- ТАРАНОВСКИЙ (Taranovsky, T.) Федор Васильевич (1875–1936), историк права.
 Kadlec, K. // Vol. 8. P. 533–534; Vladimírsky-Budanov, M.F. // Vol. 15. P. 271–272.

- ТОТОМИАНЦ (Totomianz, V.) Вахан Фомич (1875–1964), экономист, деятель кооперативного движения.
Arzruni, G. // Vol. 2. P. 265; Balakshin, A.N. // Vol. 2. P. 394–395; Busch, E. // Vol. 3. P. 79; Godin, J.B.A. // Vol. 6. P. 685; Raffi, H.M.H. // Vol. 13. P. 69; Šimáček, F. // Vol. 14. P. 60.
- ТЮРИН (Turin, S.P.) Сергей Петрович (1880–1951), экономист.
Manuilov, A.A. // Vol. 10. P. 105–106.
- ФАЙНМАН (Fineman, H.) Хаим (1886–1959), политический деятель, филолог.
Boruchov, B. // Vol. 2. P. 644; Syrkin, N. // Vol. 14. P. 500–501.
- ХАНДЕЛЬСМАН (Handelsman, M.) Марцелий (1882–1945), историк.
Czartoryski, A.J. // Vol. 4. P. 687; Długosz, J. // Vol. 5. P. 185; Lelewel, J. // Vol. 9. P. 406; Wielopolski, A. // Vol. 15. P. 419.
- ЧЕРИКОВЕР (Tscherikower, E.) Илья Михайлович (1881–1943), историк.
Hirsch, Baron M. de. // Vol. 7. P. 354–355.
- ЧУБИНСКИЙ (Chubinsky, M.) Михаил Павлович (1871–1943), юрист.
Foynitsky, I.Y. // Vol. 6. P. 407; Kistyakovsky, A.F. // Vol. 8. P. 575.
- ШАЦКИЙ (Shatzky, J.) Яков (1893–1956), историк.
Jost, I.M. // Vol. 8. P. 419.
- ШМУРЛО (Šmurlo, E.) Евгений Францевич (1853/54–1934), историк.
Ewers, J.P.G. von // Vol. 5. P. 663; Križanić, J. // Vol. 8. P. 601–602.
- ШУБ (Shub, D.) Давид Натанович (1887–1973), революционер, журналист, историк.
Barondess, J. // Vol. 2. P. 464–465.
- ЯНОВСКИЙ (Janowsky, O.I.) Оскар Исайя (1900–1993), историк.
Zangwill, I. // Vol. 15. P. 524.
- ЯРМОЛИНСКИЙ (Yarmolinsky, A.) Абрам Цалевич (1890–1975), литературный критик, переводчик.
Belinsky, V.G. // Vol. 2. P. 503; Dostoevsky, F.M. // Vol. 5. P. 220–221; Nihilism // Vol. 11. P. 377–379; Tolstoy, L.N. // Vol. 14. P. 648–649.
- ЯСТРОВ (Jastrow, J.) Джозеф (1863–1944), психолог.
Abnormal Psychology // Vol. 1. P. 360–369; Conversion, Religious // Vol. 4. P. 353–355; Ladd, G.T. // Vol. 9. P. 9; Mesmer, F.A. // Vol. 10. P. 355–356; Prince, M. // Vol. 12. P. 405; Psychology // Vol. 12. P. 588–596.

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:
ПИСЬМА ЗООЛОГА К.И. ГАВРИЛОВА ИСТОРИКУ Н.Е. АНДРЕЕВУ
(1948–1980)

*Предисловие Е.Н. Андреевой, М.Ю. Сорокиной;
подготовка текста А.А. Жидковой;
комментарии Е.Н. Андреевой, Н.Ю. Масоликовой, М.Ю. Сорокиной*

29 сентября 1938 г. в пражском аэропорту провожали делегацию Чехословакии во главе с президентом Эдуардом Бенешем (1884–1948), улетающую в Мюнхен на переговоры канцлера Германии А. Гитлера с главами правительств Великобритании, Франции и Италии о будущем чехословацких Судет, где проживало значительное немецкое население. Вопреки обещанию чехословацкие представители не были допущены к обсуждению, и в час ночи 30 сентября 1938 г. Н. Чемберлен, Э. Даладье, Б. Муссолини и А. Гитлер подписали Мюнхенское соглашение, положившее начало расчленению Чехословакии и оказавшее историческое влияние на будущее Европы.

В эти судьбоносные для Чехословакии и всего мира часы в зале ожидания пражского аэропорта скопилось значительная группа пассажиров, чьи вылеты были отложены на 1,5–2 часа. Среди них был и тридцатилетний преподаватель Карлова университета зоолог Константин Иванович Гаврилов (1908–1982)¹, чей путь лежал на южноамериканский континент, в Аргентину, где с начала 1920-х гг. уже находилась большая часть его семьи.

Беженский опыт Гавриловых, вынужденно покинувших Россию в годы Гражданской войны, подсказывал, что тучи военно-политического безумия все более сгущаются над Чехословакией и всей Европой, и глава семьи — инженер-кораблестроитель Иван Александрович Гаврилов — вызвал сына в казавшуюся безопасной в своем заокеанском отдалении Латинскую Америку. Гаврилов-старший работал на военно-морской флот Аргентины и имел право свободной погрузки на учебные военные суда, уходившие в Южное полушарие, которым и воспользовался для переправки сына. Маршрут Константина Гаврилова пролегал через многие страны: из Праги через Швейцарию и Нидерланды он летел в германский Бремен, откуда 1 октября 1938 г. должен был отплыть в Аргентину.

Страна, в которую ехал К.И. Гаврилов, начиная с конца XIX в. уже испытала несколько иммиграционных волн из России. После введения всеобщей воинской по-

¹ О нем см.: *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 138; *Ульянкина Т.И.* Жизнь в изгнании: Письма М.М. Новикову — бывшему ректору Московского университета // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2001. № 1. С. 142–145; *Александров Д.А.* Михаил Михайлович Новиков: ученый, общественный деятель, организатор науки // *Деятели русской науки XIX–XX вв.* Вып. 2. СПб., 2002. С. 105; *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье». Пилотный выпуск 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в. М., 2010. С. 30–31; *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 138–139.

винности в России в 1874 г. сюда отправилось немало российских поволжских немцев и евреев из западных областей Российской империи, а также регулярно приезжали сезонные работники, в основном крестьяне из центральных и западных губерний².

Сравнительно комфортный климат, обилие плодородных земель для создания земледельческих колоний, толерантная к культурным и религиозным традициям иммигрантов социальная среда, предоставлявшая большие возможности для личностного и профессионального развития и воплощения индивидуальных проектов, — все это привлекало российских переселенцев. Немало способствовал российскому продвижению на латиноамериканском континенте и знакомству россиян с культурой и жизнью Аргентины первый посланник России в этой стране Александр Семенович Ионин (1837–1900). В 1880–1890-е гг. он участвовал в установлении дипломатических отношений России с Аргентиной, Уругваем и Мексикой и вдоль и поперек объездил весь континент. Четырехтомник Ионина «По Южной Америке» (1892–1902) — фактически первый фундаментальный труд по истории Аргентины — был удостоен Императорской Академией наук премии имени митрополита Макария.

К началу XX в. Аргентина стала второй после США страной, куда направлялись эмигранты из России³. Иммигранты славянского происхождения составили здесь третье по численности (после итальянцев и испанцев) национальное меньшинство — более 100 тыс. человек.

С окончанием Гражданской войны в России небольшой поток «белых» эмигрантов также направился в Латинскую Америку, Аргентину в частности. Консульские службы латиноамериканских государств в Европе, частные колонизационные общества с участием русских иммигрантов, а также Общество русских эмигрантов для переселения в Южную Америку способствовали их переезду и трудоустройству⁴. Однако существование «белых» русских беженцев в Аргентине, особенно на первом этапе адаптации к

² К 1914 г. в Аргентине проживало свыше 40 тыс. российских немцев и около 100 тыс. евреев из России. Считается, что собственно русские массово появляются в этой стране после 1906 г. (подробнее см.: *Крюков Н.А.* Аргентина. СПб., 1911; *Путятова Э.Г.* Русские источники по истории трудовой эмиграции в Южную Америку в конце XIX — начале XX века // *Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.* М., 1997. С. 71–78).

³ См.: *Парчевский К.К.* В Парагвай и Аргентину. Париж, 1936; *Окунцов Н.К.* Русские эмигранты в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967; *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980; *Русское зарубежье в Латинской Америке.* М., 1993; *Мосейкина М.Н.* Аргентина и аргентинцы в восприятии российских эмигрантов конца XIX — первой трети XX в. // М-лы Всеросс. науч. конф. «Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия». М., 2008. С. 95–99; *Она же.* Российская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1930-х гг. // *Российская история.* 2010. № 3. С. 80–100.

⁴ См.: Совет по расселению русских беженцев: М-лы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). Константинополь, 1921. Вып. 1; *Владимирская Т.Л.* Проблемы адаптации российских эмигрантов в странах Латинской Америки // *История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках.* М., 1996. С. 152–162; *Мосейкина М.Н.* Из истории адаптации русской эмиграции в Аргентине в 1920–1930-е гг. // *Россия и мировая цивилизация: М-лы междунаrodn. науч.-теорет. конф.* М., 1996. С. 23–44; *Она же.* Роль политических и общественных организаций в процессе адаптации русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1917–1945 гг. // *Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.): Сб. ст. М., 1999. С. 100–115; Она же.* «И вот я... в столице Буэнос-Айрес!»: Белая эмиграция в Аргентине в начале 1920-х гг. // *1920 год в судьбах России и мира: Апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: Сб. м-лов междунаrodn. науч. конф.* Архангельск, 2010. С. 54–57.

новой среде, было весьма сложным и напряженным. В отличие от своих соотечественников, осевших в Европе в чемоданном настроении, многие из них понимали, что такая межконтинентальная миграция означала эмиграцию в один конец. К тому же им приходилось заниматься преимущественно тяжелым промышленным трудом, а бывшие офицеры, игравшие важнейшую роль в русской диаспоре, не принимались на службу в аргентинские вооруженные силы, хотя и были востребованы как военные специалисты⁵.

Тем не менее в 1920–30-е гг. столица Аргентины Буэнос-Айрес была для российской диаспоры своего рода южноамериканским Парижем. Здесь еще с конца XIX в. служил в православном храме отец Константин (Израцов; 1865–1953) и существовала русская православная община (с правами юридического лица), издавалось пятнадцать русских газет и журналов, был создан отдел Русского общевоинского союза, функционировали многочисленные общества, кружки и объединения эмигрантов. Связующим центром для них служила еженедельная газета «Русский в Аргентине», тираж которой доходил до 4 тыс. экземпляров и рассылался по всей Южной Америке. В Национальном аргентинском театре осуществлялись постановки русских опер («Борис Годунов», «Сказка о царе Салтане», «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии» и др.). И все-таки, как справедливо замечено историком, это был довольно замкнутый мир, живший собственными интересами, читавший собственные газеты, отдыхавший в собственных клубах и молившийся собственному Богу⁶.

После Второй мировой войны и нового исхода беженцев из СССР и Европы в страны Латинской Америки русская диаспора в Аргентине резко возросла. В 1948 г. президент страны генерал Хуан Доминго Перон (1895–1974) согласился принять до 10 тыс. русских, независимо от их возраста и семейного положения. Последние два обстоятельства были особенно важными, так как другие страны объявляли значительно более жесткие условия приема беженцев. Однако перебралось в Аргентину примерно вдвое меньше. Состав прибывших был очень разнообразный — от перемещенных лиц (ди-пи) и бывших советских военнопленных в Германии до кадетов, членов катакомбной церкви и узников Соловецкого концлагеря.

Среди россиян, прибывших в Южную Америку до и после Второй мировой войны, были и научные специалисты, но современная историография почти не упоминает о них. Между тем латиноамериканские государства оказались для российских ученых не только временным убежищем, но местом сохранения и приумножения своего научного потенциала. В отличие от ряда коллег, утративших в изгнании высокий социальный и профессиональный статус, в Аргентине и Бразилии, Чили и Парагвае ряд российских ученых стали основоположниками научных школ, основателями институтов и лабораторий⁷. Особенно большое значение

⁵ Так, напр., генерал-лейтенант Алексей Владимирович Шварц (1874–1953) служил профессором фортификации в аргентинской Высшей технической военной академии; генерал-майор Анатолий Аполлонович Бейер (1876–1938) — экспертом-химиком на газовом заводе в Буэнос-Айресе.

⁶ См.: *Мартынов Б.* Парагвайский Миклухо-Маклай: Повесть о генерале Беляеве. М., 1993.

⁷ См., напр.: *Ульянова О., Норамбуэна К.* Русские в Чили. Santiago, 2009; «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / Предисл., сост., подгот. текста и коммент. Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 363–384.

для латиноамериканских стран имел их богатый организационный, инженерный и научный опыт в нефте- и горнодобывающих отраслях промышленности. Дети российских специалистов с успехом адаптировались к новому культурно-историческому и социально-политическому ландшафту и навсегда остались в этих странах, внося большой вклад в развитие национальной науки и образования.

Настоящая публикация писем профессора Константина Ивановича Гаврилова впервые вводит в научный оборот значительный эпистолярный комплекс российского ученого, жившего и работавшего в Аргентине на протяжении нескольких десятилетий XX в., и приоткрывает почти неизвестный на родине мир российской научной диаспоры в этой стране.

Зоолог, зоопсихолог и психоаналитик Константин Иванович Гаврилов (Gavrilloff; Gavrilov) родился 27 июля (9 августа) 1908 г. в деревне Боровенка Новгородской губернии в семье, имевшей богатые профессиональные традиции. Почти все ее представители на протяжении десятилетий были связаны с морской службой.

Его отец — Иван Александрович Гаврилов (1873–1966) — был известным российским судостроителем и имел весьма примечательную профессиональную карьеру. Выпускник кораблестроительного отделения Николаевской морской академии (1898), он в 1899–1902 гг. осуществлял наблюдение за постройкой эскадренного броненосца «Цесаревич» и крейсера 1-го ранга «Баян» во Франции. Здесь Гаврилов-старший прослушал также курс в Высшей электротехнической школе в Париже. По возвращении в Россию в 1903 г. он был назначен старшим помощником заведующего Опытным судостроительным бассейном Ивана Григорьевича Бубнова (1872–1919), создателя первых российских подводных лодок, а затем служил на Невском судостроительном заводе. В 1908 г. Гаврилов был зачислен по Корпусу подводных командиров, а в 1908–1912 гг. возглавлял техническое бюро Адмиралтейского завода. В эти годы он участвовал в проектировании крейсера-разведчика 30-узловой скорости (1904), подводных лодок, канонерских лодок для Каспийского моря («Карс», «Ардаган»). С 1912 г. И.А. Гаврилов — технический директор создававшегося в Ревеле судостроительного завода акционерного Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов (в 1913 г. трансформированного в Русско-Балтийский завод). Здесь, в Ревеле, Гаврилов продолжал служить до 1920 г.

Мать Константина Гаврилова, Александра Константиновна (1879–1962), принадлежала к знаменитому роду Пилкиных, также известному своей многовековой службой российскому военному флоту. Ее отец, полный адмирал Константин Павлович Пилкин (1824–1913), возглавлял Морской технический комитет (1888–1896), состоял в свите императора Николая II (1909–1913)⁸. Именем К.П. Пилкина назван мыс в бухте Провидения в Беринговом море.

Александра Константиновна была единственной дочерью в семье потомственных военных. Все пятеро ее братьев служили в вооруженных силах и военно-морском флоте Российской империи. Старший, Владимир (1869–1950), достиг звания контр-адмирала флота. Участник обороны Порт-Артура во время Русско-япон-

⁸ См.: Коршунов Ю.Л. Адмирал, которого мы забыли // Нева. 1999. № 4. С. 207–213.

ской войны, командир эсминца «Всадник» (1909–1911), линкора «Петропавловск» (1911–1916), 1-й бригады крейсеров Балтийского моря (1916–1917), он в период Гражданской войны был морским министром в Северо-западном правительстве при генерале Н.Н. Юдениче⁹. В эмиграции В.К. Пилкин возглавлял Кают-компанию русских морских офицеров в Ницце (Франция), где и скончался. Его брат Алексей (1881–1960) последовательно командовал эскадренными миноносцами «Смелый» и «Москвитянин», в 1916–1917 гг. — миноносцем «Новик». В 1918 г. Алексей Пилкин участвовал в Ледовом походе Балтийского флота, а по окончании Гражданской войны эмигрировал в США. Третий из братьев Пилкиных, Константин (1870–1948), полковник, участник Первой мировой войны и Белого движения, также умер в эмиграции.

После 1917 г. в советской России остались двое братьев Пилкиных. Сергей (1872–1944 (?)), заведовавший иностранным отделом Библиотеки Академии наук, в 1929 г. был арестован по известному «делу Академии наук» и в 1931 г. приговорен к высшей мере наказания, замененной 10 годами лагерей, которые он отбывал на Соловках. Ротмистр гвардии, кавалерист Михаил Пилкин (1878–1924) также скончался в России.

Трагическая судьба Пилкиных — эмиграция и / или смерть в России — очень характерна для многих тысяч русских семей, чья жизнь оказалась изломана событиями большевистской революции и Гражданской войны. В полной мере они затронули и семью юного Константина Гаврилова, жившую в то время в Петрограде. О том, что им пришлось пережить в революционную стихию, ярко говорит запись из дневника его дяди, В.К. Пилкина, от 26 февраля 1919 г.:

Бедная, бедная Ася [мать К.И. Гаврилова]! Она сообщает, что деньги ее подходят к концу, что за две недели она истратила 10 тысяч рублей, что если бы она тратила меньше — дети ее умерли бы с голоду, что она пухнет от голода и холода, пухнут Алек и Миша, а Вера и Костя худеют. Ася приложила письма детей. Верочка ничего не написала, я понимаю отчего. Ей тяжело было писать, а Костя написал письмо, и письмо это совершенно взрослого человека, хотя ему всего только 10 лет. Он тоже пишет о голоде, холоде, о дороговизне и просит отца взять их к себе, в Ревель... Ваня [И.А. Гаврилов] был потрясен, я это видел. Да и все мы были потрясены... Я не спал всю ночь¹⁰.

Только в сентябре 1920 г. Александра Константиновна Гаврилова с детьми добралась до Нарвы и воссоединилась с мужем¹¹. Так семья Гавриловых на много лет осела в Эстонии.

Константин Гаврилов окончил русскую гимназию в Таллине, где учился в одном классе с будущим известным историком Николаем Ефремовичем Андреевым (1908–1982), ставшим его ближайшим другом. «Эту дружбу мы сохранили на всю

⁹ Недавно опубликован его дневник этого периода: *Пилкин В.К. В белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920 гг. М., 2005.*

¹⁰ Там же. С. 117.

¹¹ См.: Там же. С. 362.

жизнь, — писал позднее Андреев, — хотя, к сожалению, потом мы жили очень далеко друг от друга»¹².

По воспоминаниям Андреева, Гаврилов уже в гимназические годы был «человеком донкихотского стиля»¹³. Он носил черные куртки, был всегда бледен — «наследственная черта. Рано начал седесть, к 18 годам половина головы была седой. Носил он очки... Знающий, трудолюбивый, отличный товарищ и очень популярный...». Одноклассники даже сложили о Косте стишок: «Кто у нас анахорет? Любитель умных пыльных книг? То — Гаврилов наш, аскет, безумный девственный старик»¹⁴.

Андреев ценил в друге его верность идеалам, правде и дружбе. Хотя К.И. Гаврилов больше интересовался естественными науками, а Н.Е. Андреев занимался филологическими предметами, они вместе ходили в театр¹⁵ и интересовались русской литературой и поэзией¹⁶. Они оба окончили русскую гимназию в Таллине с отличием, получив диплом «cum laude», а в 1927 г. вместе поехали учиться в Прагу (Чехословакия), где продолжали дружить, часто встречались и поддерживали друг друга как в академических вопросах, так и в личной жизни.

Юный Гаврилов уже тогда точно определил сферу своих интересов — естественные науки. Он был членом гимназической академической группы, а в 1927 г. поступил на естественное отделение философского факультета Карлова университета в Праге, который окончил в 1932 г.¹⁷ Старшие коллеги сразу высоко оценили научный потенциал молодого ученого: русские профессора-эмигранты Михаил Михайлович Новиков (1876–1965)¹⁸, Лев Владимирович Черносвитов (1902–1945), Николай Евграфович Осипов (1877–1934), Семен Людвигович Франк (1877–1950) и др. постоянно

*К.И. Гаврилов (слева) и Н.Е. Андреев.
День отъезда из Таллина в Прагу. 1927*

¹² То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева: В 2 т. / Под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллин, 1996. Т. 1. С. 168–169 (далее — Андреев, 1996).

¹³ Там же. С. 206.

¹⁴ Там же. С. 210.

¹⁵ См.: Там же. С. 191.

¹⁶ См.: Андреев Н. К.И. Гаврилов — почетный аргентинский академик // Новое русское слово. 1978. 31 января.

¹⁷ К.И. Гаврилов также занимался несколько семестров и на медицинском факультете университета.

¹⁸ Воспоминания К.И. Гаврилова об учителе см.: М.М. Новиков и его научная деятельность // Русский врач в Чехословакии (Прага). 1936. № 4.

Слева направо: стоят Н.Е. Андреев, К.И. Гаврилов; сидят К.И. Тенукест, Г.Д. Хохлов. Прага. Начало 1930-х

поддерживали его научные устремления и изыскания¹⁹. Уже в студенческие годы Гаврилов увлекся и психоаналитической концепцией Зигмунда Фрейда (1856–1939) и занимался психоанализом с Н.Е. Андреевым и Ф.Н. Досужковым²⁰.

В то же время круг интересов молодого Гаврилова не ограничивался биологическими и психологическими науками. В 1930 г. он был членом редколлегии и постоянным автором литературного альманаха «Новь», редактировавшегося Н.Е. Андреевым²¹. Он очень любил театр и сам выступал в Народном университете в Таллине у С.М. Шиллинга²².

После окончания Карлова университета К.И. Гаврилов преподавал здесь некоторое время зоологию. Уезжая в 1938 г. в Аргентину, он не предполагал, что останется там навсегда. Еще в 1939 г. Гаврилов хлопотал о переезде в США к известному физиологу, профессору Василию Николаевичу Болдыреву (1872–1946), возглавлявшему Рефлексологический институт в Бэттл-Крик (штат Мичиган). Однако сумма денежной гарантии, требуемой иммиграционными властями США, оказалась

столь велика, что молодому зоологу пришлось остаться в Буэнос-Айресе.

Годы Второй мировой войны оказались очень тяжелыми для К.И. Гаврилова и всей его семьи. Вот как он сам описывал их в письме М.М. Новикову:

Начались годы скитаний и беспочвенности. В физиологическом институте проф. Houssay'a²³ не оказалось средств, да к тому же не было большой любви к рус-

¹⁹ См.: Андреев, 1996. Т. 2. С. 62.

²⁰ См.: Там же. С. 60, 62, 63. О Ф.Н. Досужкове см. примеч. 7 к письму 1.

²¹ См.: Там же. С. 308–309. См. публикации К.И. Гаврилова: Д.И. Менделеев: К девяностолетию со дня рождения // Новь. 1929. № 2. Октябрь. С. 2; И.М. Сеченов — И.П. Павлов: Объективное изучение нервной деятельности // Там же. 1920. № 2. Октябрь. С. 4–5; Опыты М.М. Завадовского: Формообразовательная роль маскулизма и феминизма // Там же. 1930. № 3. Октябрь. С. 8.

²² См.: Андреев, 1996. Т. 2. С. 61.

²³ Хуссэй (Усэй) Бернардо (1887–1971) — аргентинский физиолог, первый Нобелевский лауреат среди ученых Латинской Америки; в 1947 г. разделил Нобелевскую премию по физиологии (с Карлом Ф. Кори и Герти Т. Кори) за открытие роли гормонов гипофиза в регуляции количества сахара в крови животных.

ским, которых всех причисляли к «красным». В лаборатории профессора Frank Soler, второго физиолога медицинского факультета, царил беднота и интриги, и, при всех усилиях принятый туда *gratis*²⁴, я ничего не мог достать, борясь больше с людьми — ассистентами, чем с проблемами, которые хотел изучить (генитальная иннервация у собаки). Пришел момент, когда почувствовалась необходимость денег, и мне пришлось поступить в коммерческую (фармацевтическую) лабораторию — сперва как химик, и потом как биолог (проблема антивирусов). Опять пришлось бороться с завистью и недоброжелательством, одновременно с разработкой методов приготовления медикаментов Безредки²⁵. В ту же эпоху сблизился со здешними психоаналитиками, которые только что организовывались, и у них нашел признание, дружбу, доброжелательство и тот научный энтузиазм, который так ценю и ищу. Выпросил один день в неделю на службе, чтобы мне позволили ходить в детский госпиталь, где психоаналитики начали свою работу. Участвовал в их исследованиях и многому научился у них²⁶.

В 1944 г. Гаврилову удалось устроиться в фармацевтическую лабораторию «LEA» (Laboratorio Endocrínico Argentino).

Еврей — директор этого учреждения, на которого произвело впечатление мое обещание «увеличить груди всем аргентинским женщинам посредством лизатов»²⁷, не хотел контракта, и мне пришлось начинать опыты в качестве простого служащего. По интуиции или по логике — не знаю, но с первых же шагов опыты пошли удачно, и вскоре я имел разработанными шесть медикаментов: против астмы, против давления крови, против гипертрофии тиреоидной железы, против экземы, против отсутствия молока у рожениц и против *amigilures* (смерзания пальцев). С этого момента начался новый период борьбы. Оказалось, что с моими результатами, которые от меня самого хотели скрывать (мне пришлось проверить их в частном порядке с участием друзей-врачей), делали выгодные аферы и чуть даже не регистрировали их на чужое имя в министерстве. Слава Богу — по логике или по интуиции, опять не знаю — я в течение работы регистрировал все мои достижения, никому не говоря, как «интеллектуальную собственность», и этим спас все положение. Разочарование моих шефов было огромное, но я этим выиграл, и им пришлось подчиниться мне²⁸.

Накопив «критическую массу» контактов в местной среде, Гаврилов сумел наладить профессиональную научную карьеру, которая со второй половины 1940-х гг.

²⁴ без содержания (*лат.*).

²⁵ *Безредка* Александр Михайлович (1870–1940) — микробиолог, иммунолог, ученик И.И. Мечникова. Заместитель директора Пастеровского института в Париже.

²⁶ Цит. по: Ульянкина Т.И. Жизнь в изгнании. С. 142–143.

²⁷ Препараты, полученные из желез внутренней секреции. Считалось, что они оказывают тонизирующий, омолаживающий и «эротизирующий» эффект на организм. Получили большое распространение в начале 1930-х гг. в СССР благодаря методике доктора И.Н. Казакова. Среди его пациентов были А.В. Луначарский, В.Р. Менжинский, М.М. Литвинов и И.В. Сталин.

²⁸ Цит. по: Ульянкина Т.И. Жизнь в изгнании. С. 143.

*К.И. Гаврилов со студентами
на практических работах по биологии.
Тукуман. 1957*

пошла резко вверх. С 1949 г. и до конца жизни он преподавал в Тукуманском университете — крупнейшем университете в северной части Аргентины — и очень скоро стал доцентом, затем профессором университета. Много лет профессор Гаврилов возглавлял здесь Школу естественных наук и кафедру сравнительной анатомии, эмбриологии и физиологии. В 1974 г. он был удостоен золотой медали Тукуманского университета в честь 25-летия непрерывной и плодотворной работы.

Почетный член Академии естествознания при Аргентинской академии наук (1977), профессор Константин Гаврилов был автором более восьмидесяти опубликованных научных работ²⁹, многие из которых, как, например, монография о рефлексологии невротозов, пользовались большим успехом среди коллег и научной общественности Латинской Америки.

В Аргентине К.И. Гаврилов нашел и свое личное счастье. Он был дважды женат на местных жительницах, но его дети носили

только русские имена: сын Игорь родился в 1962 г., дочери Людмила и Лариса — соответственно в 1964 и 1970 гг.

К.И. Гаврилов скончался 25 ноября 1982 г. в Тукумане³⁰, всего через полгода после ухода из жизни его любимого друга Николая Андреева — историка, литературоведа и специалиста по иконам³¹.

²⁹ Библиографию его работ см.: *Revista Brasileira de Zoologia*. 1983. Vol. 2. № 3.

³⁰ Некрологи см.: *Historia Natural (Corrientes)*. 1982. № 2. P. 238; *Acta Zoologica Lilloana*. 1983. № 37. P. 181–182; *Revista de la Asociacion de Ciencias Naturales del Litoral*. 1983. № 14. P. 16; *Revista Brasileira de Zoologia*. 1984. № 2. P. 181–186.

³¹ О нем см.: *Белобровцева И. Н.Е. Андреев: Ревель — Прага — Ревель // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Praha, 1995. С. 653–659; Базанов Н.П. Русский ученый-эмигрант Н.Е. Андреев в Англии // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). М., 2002. С. 158–165; *Szefel M. Nikolay E. Andreyev as Historian of Russia. 1908–1982. Reminiscences // Записки Русской академической группы в США*. 1983. № 16. С. 357–374.*

Гаврилов и Андреев встретились в 1922 г., когда они учились в гимназии в Таллине, и подружились — навсегда. Гаврилов часто бывал в доме Андреевых и особенно любил Екатерину Александровну Андрееву (1883–1961), мать Николая Ефремовича, которая всегда была в хороших отношениях с молодыми людьми, помогая им советами. В 1927 г. друзья вместе поехали в Прагу продолжать образование.

Николай Андреев окончил философский факультет Карлова университета (1927–1932), изучал славянскую литературу, филологию и историю; был личным стипендиатом президента Чехословакии Томаша Г. Масарика (1850–1937). Участник Кондаковского семинария с ноября 1928 г., он в 1931 г. стал сотрудником, а в 1939–1945 гг. — фактическим директором Археологического института им. Н.П. Кондакова в Праге / Белграде — едва ли не самого значимого и удачного коллективного научного проекта российской эмиграции в первой половине XX в.

Весной 1945 г., перед приходом советских войск в Прагу Андреев принял решение оставаться в городе, чтобы обеспечить сохранность собраний Кондаковского института, и 23 мая 1945 г. был арестован Смершем. До 1947 г. историк находился в заключении под Дрезденом (Германия), а после освобождения поехал в Берлин и сразу начал искать друзей и знакомых. Некоторые из них пропали в конце войны, некоторые стали беженцами и находились в лагерях для перемещенных лиц (ди-пи), ожидая разрешения уехать за границу. Другие уже уехали и устраивали жизнь по-новому. В 1948 г. Н.Е. Андрееву удалось выехать в Великобританию, где он получил место лектора русского языка по кафедре славистики Кембриджского университета на один год³². В этот момент и возобновилась переписка между Константином Гавриловым и Николаем Андреевым. После 1938 г. они уже никогда не встречались и только мечтали об этом.

К.И. Гаврилов с женой Марией-Терезой и сыном Игорем. Буэнос-Айрес. 1962

³² В 1973 г. Н.Е. Андреев получил звание экстраординарного профессора славистики.

К.И. Гаврилов (слева) и В.Ф. Римский-Корсаков. Буэнос-Айрес. 1970-е

Публикуемые письма отправлены в Англию из Аргентины в период с 1948 по 1982 г. Это только часть переписки Н.Е. Андреева и К.И. Гаврилова, не все письма сохранились. К сожалению, пока ничего не известно о том, что случилось с архивом К.И. Гаврилова и с письмами Н.Е. Андреева к нему. Архив Н.Е. Андреева также пока не полностью разобран. Сам К.И. Гаврилов сравнительно часто пишет, что письмо или поздравление не дошло. Но, по-видимому, некоторые письма из тех, что дошли, тоже пропали. Ясно, что друзья переписывались не совсем регулярно, хотя продолжали думать друг о друге. Частично это происходило по вполне понятным причинам, поскольку они были очень заняты: материальное положение обоих оставляло желать лучшего, оба поздно женились, поздно появились дети, так что времени на переписку оставалось мало.

То, что первое письмо К.И. Гаврилова (от 8 сентября 1948 г.) сохранилось у Н.Е. Андреева, показывает, как много оно значило для него. В это время Андреев еще не знал, как долго он останется в Кембриджском университете, жил на квар-

тире у хозяйки, где снимал комнату, и при этом он не владел английским языком. Ему было так трудно, что он даже хотел уехать из Англии. В этот период у Андреева не было места для личной библиотеки, и он часто дарил прочитанные книги другим людям. Только после брака в 1954 г. с Джилл Хаддлстон Андреев стал собирать книги и держать бумаги. И несмотря на все указанные трудности, письмо Гаврилова сохранилось, ибо было важной связью с бывшей жизнью и с человеком, которого он очень ценил и которому полностью доверял.

Публикуемые письма освещают не только личные отношения между К.И. Гавриловым и Н.Е. Андреевым и обстоятельства их жизни, но также ярко характеризуют саму эпоху, в которой им довелось жить, и некоторые обстоятельства и проблемы, с которыми сталкивались русские эмигранты после Второй мировой войны. Важно отметить и то, что, несмотря на международное признание научных заслуг профессора К.И. Гаврилова, — а это всегда было проблематично для русских ученых-эмигрантов, оторванных от русской научной жизни, — ему были очень дороги отношения со школьным товарищем, которому он был верен до самой смерти.

Оригиналы публикуемых писем К.И. Гаврилова Н.Е. Андрееву (автографы) хранятся в личном архиве дочери Николая Ефремовича — Екатерины Николаевны Андреевой (Оксфорд, Великобритания). Письма публикуются с сохранением лексических и стилистических особенностей, нередко связанных с отсутствием регулярной практики употребления русского языка в эмиграции. Публикация полного корпуса писем К.И. Гаврилова планируется в скором времени в составе сборника статей «Российское научное зарубежье: новые имена и архивы»³³.

1

Тукуман¹, 8 сентября 1948 г.

Дорогой мой Кока²,

сегодня (только что) получил твою третью открытку и спешу ответить, ибо, если отложу опять, вероятно, снова будет длительная задержка с этим ответом. Скажу искренне: я счастлив, что ты выбрался в Англию³ и что опять можешь работать. В этом отношении жизнь нам сделала большой подарок. Был рад узнать, что ты хочешь жениться⁴. Очень советую.

Не знаю, что писать. Столько хочется сказать и так не хочется писать. Ты меня знаешь: не очень я хороший переписчик. До сих пор не писал тебе из-за чрезвычайного количества работы. Был в отъезде — делал большую экскурсию для коллекционирования червей, а когда вернулся, накопилось столько всяких дел (инвентарь лаборатории, опыты, статьи, подготовка к курсу, практические занятия и т. д. и

³³ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда (10-03-93609к/К).

т. п.), что все откладывал письма — не только тебе, но и Ирине, бывш<ей> Вергун⁵, Паниной⁶, Досужкову⁷, Ировцу⁸ и многим, многим другим. А кроме того, семейная жизнь тоже занимает много времени — главные вечера. Сейчас Рут⁹ уехала в Буэнос-Айрес, к своей маме, и я более свободен. Впрочем, через три дня, в воскресенье 12-го, еду туда тоже на очень короткий срок. Семейная жизнь моя идет очень хорошо. Не значит это, что нет трудностей, проблем, конфликтов, ссор и непонимания. Но в целом мы счастливы и любим друг друга. Рут очаровательна, притягивает людей, как свет — бабочек, веселая, подвижная, самостоятельная, властолюбивая, непокорная, общительная. Вокруг нее огромное общество, которое мне иногда мешает. Но я понимаю его необходимость в этом маленьком городке, который для одного очень скучен и монотонен. А Рут «одинока», ибо я работаю с утра до 9 часов вечера и домой возвращаюсь только на обед. Окружающие считают меня очень хорошим и либеральным, спокойным мужем. Рут иногда впадает в «революционные» настроения, которые, впрочем, всегда кончаются поцелуями и объяснениями в любви. Она хорошая, но трудная — вся стихия, движение, скачки, которые трудно предвидеть. Легче было бы, если бы я был более податлив и принял бы подчиненное положение. Но у меня это не выходит, а она тоже не из таких, кто подчиняется. Приходится быть очень психологом. Но в общем все это удается, и я считаю себя искренне счастливым. Это чувствую особенно сейчас, когда отъезд Рут подчеркивает все ее исключительное значение для меня, всю ее прелесть, всю жизнь, которую она вливает в меня, в весь мир, что ее окружает. Эта маленькая, хорошенькая дама, которая прекрасно поет, исключительно хорошо танцует, умна (ибо все схватывает легко и быстро), знающая держаться перед людьми [sic], быстрая и свободная в движениях, дословно покорила весь Тукуман [sic]. Весь город ее любит и вместе с ней — меня. Но она непостоянна, быстро утомляется монотонностью, быстро утомляется от повторения, ничто не может продолжаться долго, начинает ряд вещей и бросает — и это меня пугает и заставляет особенно бережно относиться к ней. Скоро уже год мы живем вместе, как муж и жена. Кажется, до сих пор она этим не утомилась. Здоровье ее неважное. Хуже всего, что сейчас ей нельзя иметь детей. Это было бы для нее психологически большой базой [sic]. Она очень артистична, но здоровье даже мешает ей как должно заняться танцами, которые она очень любит.

Пишу много о ней, потому что много о ней думаю и хочется разделить с тобой эти чувства.

В остальном я тоже доволен. В университете читаю лекции по зоологии (кафедра общей и специальной зоологии для агрикультуров). Делаю опыты. Еще немного сделал работ, но в будущем надеюсь, что это пойдет в стиле бедного дяди Левы¹⁰: сериями.

Дома — в Буэнос-Айресе — все хорошо. Старики еще бодры и сильны¹¹. Обе сестры¹² замужем и имеют по дочке. Алек¹³ — еще «soltero» (холостяк) — в будущий понедельник открывает вторую свою выставку картин. Этот раз — пейзажи и фигуры. Он очень хорошо рисует (особенно женские фигуры) и имеет большой успех как профессор в академии «Питман»¹⁴ — очень большой и известной в Буэнос-Айресе. Я еду в Буэнос-Айрес как раз к открытию этой выставки, где появлюсь неожиданно как для семьи, так и для Рут.

Вот пока и все обо мне. Если пишу редко, не сердись. Такова глупая моя натура. Не значит, что не думаю о тебе и обо всех вас.

Написали мне Сережа Левицкий¹⁵, Ириночка Завойко (бывш<ая> Вергун) и Панина.

Сделаю несколько выдержек.

Из письма Ирины: «Я очень обрадовалась, что наконец обнаружился его (т. е. твой) адрес и что можно начать ему конкретно помогать».

О браке: «Это, пожалуй, стержень всей жизни».

«Застрелился или был застрелен Сережа Бевад»¹⁶.

«...через пару недель ожидаю прибавления семейства»¹⁷.

«По службе мужа связаны мы с “диким западом” — Техасом».

«Моя последняя “эпоха” самая счастливая».

«Ксения¹⁸ работает в Нью-Йорке, а родители с мальчиками — Мишей и Алешей — на ферме Толстой»¹⁹».

Когда приедет Ксения — «...тогда вместе состряпаем посылку Николаю <Андрееву>».

«Что с Острогорскими?»²⁰

«Сегодня же (29 июня <19>48) пишу длинное письмо Николе <Андрееву>. В Праге я была еще в апреле 1945 года и “язык сломала”, убеждая Николу драпать — он не хотел оставить Институт²¹ и бросать книги на произвол судьбы... жаль мне ужасно мать Николы²² — какая очаровательная женщина».

Из письма Паниной

«...его (твоей) судьбой очень озабочен Ник<олай> Петр<ович> Толль²³».

«Получив Ваше письмо, я тотчас же написала Толлю и Ирине <Вергун>. Последняя немедленно же отправила Ник<олаю> Ефр<емович>у продуктовую посылку и будет их отправлять систематически, а Толль сообщил мне след<ующие> последние новости: он получил из Англии письмо от Виктора Франка²⁴, кот<орый> сообщает, что ему удалось устроить приглашение Андреева в Cambridge лектором русского языка. Это чрезвычайно неожиданно, ибо в Англию очень трудно проникнуть, особенно русским. Если это приглашение дойдет до Андреева раньше Вашего, то пускай он за него хватается, а главное, выберется как можно скорее из Европы вообще и из Берлина в частности». «Но, несмотря на эти утешительные вести от Франка, я бы на Вашем месте продолжала хлопотать о вывозе его (тебя) в Аргентину»... «за Англию нужно, конечно, ухватиться, если Ваше приглашение задержится, но оттуда все же следовало бы перекочевывать к Вам. Ну, решать будет, конечно, сам Андреев, я только высказываю свои соображения. Как это ни странно, но труднее всего выбраться сюда, в США». Пишет, что в С<оединенные> Ш<таты> приехала Шуня, бывш<ая> Сергеева²⁵, и многие другие.

Из письма Левицкого (многое не понимаю из-за почерка):

«Коку страшно жалко. Ему нельзя было оставаться».

Остальное — ты, вероятно, слышал от него самого.

Теперь адреса:

Irina Zavoiko
1403 City National Bank Building
Houston, Texas. USA.

Countess S. Panina
548 Orange Str. New Haven 11, Conn. USA
или летом она часто бывает на ферме Толстовского Фонда:
Reed Farm, Valley Cottage, N. Y. USA.

Dr. N.P. Toll
34 Batter Terrace, New Haven, Conn. USA.

Мне остается перечитать твои письма и ответить на некоторые пункты:

1) Рад (еще раз повторяю), что ты устроился в Англии. Это, конечно, лучше Тукумана — шире и больше возможностей. В Тукумане ты бы скучал страшно, и надо было бы многое ломать, чтобы освоиться. Жалею, что ты не со мной, но для тебя лучше Англия, где твое будущее, конечно, имеет больше перспектив. Здешний университет маленький, еще строится. Люди внешне отзывчивы, но часто в них нет того духа, к которому ты привык. Мне обещали тебя принять, но, конечно, нужно было еще много долбить, чтобы это стало реальностью.

2) Что касается твоей работы, которую ты хочешь напечатать здесь, то пока ничего еще не могу сказать. Сейчас были большие перемены в организации факультетов, и пока все это еще не утряслось, я предложение не сделал. Во всяком случае, за работу они, кажется, не платят.

3) Относительно семейства Видякиных²⁶ отсюда мне хлопотать очень трудно. Когда буду в Буэнос-Айресе, изучу почву и тебе сообщу, что можно сделать. С буэнос-айресовским батюшкой²⁷, который, кажется, стоит во главе общества, упомянутого тобой, большинство русских не в ладу, кажется, моя семья тоже. Когда буду в Буэнос-Айресе, узнаю.

То же скажу о Dr. Mentschel²⁸.

4) Рите²⁹ помогу, если будет в силах.

5) Все время хочу помочь тебе и Левицкому деньгами или посылками, но пока это удастся плохо. Еще висит на мне большой долг (моя свадьба), а с жалованья вычитывают очень много на всякие взносы и страховки. Жизнь дорога. Не хочу ограничивать Рут. Она не понимает мою необходимость помочь друзьям и вряд ли смогла бы ограничить себя. Я и не требую. В будущем месяце с меня вычитывают для «jubilacion»³⁰ (на случай старости и болезней) около 1100 пезо, так что будет еще труднее. Но как только я справлюсь, вероятно, смогу что-либо сделать — тебе, Вере Пилкиной³¹, Сереже, Рите.

Посылки мои (их было 3), вероятно, пропали. Не жалею. Кто-нибудь их съел. Узнаю, можно ли посылать в Англию (это через одно швейцарское общество), и тогда что-либо пришлю тебе. Если будет добавочный приход, то, может быть,

удастся прислать немного денег, хотя это трудно, ибо запрещено и связано с большими хлопотами.

б) Безумно жалко Ирочку <Завойко>. Бедная, бедная. Если будешь ей писать, то от всего моего сердца перешли ей мой большой привет и крепкое пожатие руки.

То же Сереже.

Вот и все, Кока. Много и разбросан<н>. Писал от души. Не думай, что эта душа стала сухой. Но мне будет очень и очень грустно, если ты останешься недоволен от моего письма и если я не сумел написать так, как надо. Ведь были мы с тобой и сейчас, на расстоянии, остаемся очень большими друзьями. Всегда ценил и теперь особенно ценю тебя. Но мне стыдно, что тебе трудно. Всегда думаю о твоей маме. Знаешь ли ты о ней что-либо?

Привет всем — прежде всего Виктору <Франку> и Кайгородовым³², как самым близким по расстоянию.

Не ленись и пиши, несмотря на мое молчание.

Вероятно, Рут послала бы тебе свой привет, если бы была здесь. Думаю, что имею право послать его заочно. Чтобы ты имел представление о ней, прилагаю две фотографии, которые имею свободными. Лицо не видно хорошо, но общее очертание схвачено. Если тебя интересует, каков муж, прилагаю на всякий пожарный случай также и мою фотографию.

Крепко тебя обнимаю и целую и всегда помню.

Твой К. Г.

¹ Тукуман — город на северо-западе Аргентины, центр одноименной провинции, где располагался университет, основанный в 1914 г.

² Здесь и далее Кока, Кокище — прозвища Н.Е. Андреева. Первое — семейное, второе — придумано К.И. Гавриловым.

³ Кембриджский университет пригласил Н.Е. Андреева на год как лектора Славянского отдела. Он уехал из Германии 1 августа 1948 г.

⁴ Неизвестно, кем интересовался Н.Е. Андреев в это время.

⁵ *Вергун* Ирина Дмитриевна (1913–2000) — младшая дочь историка и филолога-слависта Дмитрия Николаевича Вергуна (1871–1951). Замужем за Василием Васильевичем Завойко (1899–1975). Н.Е. Андреев ухаживал за ней в Праге, а К.И. Гаврилов хорошо знал эту семью. Подробнее см.: Андреев, 1996. Т. 1. С. 316, 318, 319 и др.

⁶ *Панина* Софья Владимировна, графиня (1871–1956) — известная благотворительница, член ЦК конституционно-демократической партии. С 1921 г. жила в эмиграции в Праге. Основательница «Русского очага». В 1939 г. переехала в США, жила в Нью-Хейвене.

⁷ *Досужков* Федор Николаевич (1899–1982) — психоневролог, психоаналитик, один из основоположников и популяризаторов психоанализа в Чехословакии, куда приехал в 1921 г. Окончил медицинский факультет Карлова университета в Праге. Ученик и сподвижник Н.Е. Осипова. В 1934 г. открыл собственную клинику, практиковал как невролог и психоаналитик; находился в контакте с З. Фрейдом. В 1946 г. воссоздал в Праге Общество изучения психоанализа, однако после прихода к власти в 1948 г. коммунистов прекратил открытую психоаналитическую практику, которую возобновил на короткое время в период «пражской весны» 1968 г. О нем см.: *Михлова* С. Николай Осипов и Федор Досужков. Врачевать душу // Дом в изгнании: Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. Прага, 2008. С. 127–132; *Фишер* Е. Федор Досужков // Ежегодник истории и теории психоанализа.

Ижевск, 2009. Т. 3. С. 139–145. В 1972 г. в переводе К.И. Гаврилова в Аргентине была издана одна из статей Ф.Н. Досуждкова (Revista Argentina de Clinica Psicológica. 1972. № 3. P. 37–50).

⁸ *Ировец* (Jírovec) Отто (1907–1972) — чешский профессор паразитологии и протозоологии. Вместе с К.И. Гавриловым учился в пражском Карловом университете, где затем преподавал в течение многих лет. В 1949–1952 гг. возглавлял департамент зоологии, позднее — Институт зоологии. В 1954–1961 гг. директор Лаборатории паразитологии Чехословацкой академии наук.

⁹ Подруга К.И. Гаврилова.

¹⁰ *Черновитов* Лев Владимирович (1902–1945) — зоолог-гельминтолог. С 1921 г. жил в эмиграции в Чехословакии. Окончил естественный факультет пражского Карлова университета, доктор естественных наук (1926/27). Ученик М.М. Новикова. Участник Пражского зоологического семинара, специализировался на изучении малощетинковых червей. В 1931 г. переехал в Аргентину, в 1933 г. вернулся в Прагу, затем жил в Великобритании (Лондон). Сотрудничал в Британском музее естественной истории.

¹¹ Отец и мать К.И. Гаврилова. О них см. подробнее в предисл. к наст. публ.

¹² Сестры К.И. Гаврилова Вера и Нина жили с семьями в Буэнос-Айресе. Вера была замужем за участником Белого движения гардемаринном Александром Ивановичем Алексеевым. Нина — за аргентинцем Альберто Далто.

¹³ Здесь и далее Алек — родной брат К.И. Гаврилова.

¹⁴ Академия «Питман» существует с 1919 г. для подготовки специалистов в различных областях коммерческой и административной деятельности.

¹⁵ Здесь и далее Сережа — *Левицкий* Сергей Александрович (1908–1983) — философ. Вместе с Н.Е. Андреевым и К.И. Гавриловым учился в русской гимназии в Таллине (Эстония), с 1928 г. жил в Чехословакии. Ученик и последователь Н.О. Лосского. Доктор философии (1941), дисс. «Свобода как условие возможности объективного познания». После Второй мировой войны находился в лагере ди-пи под Касселем (Германия). В 1949 г. уехал в США. Профессор Джорджтаунского университета в Вашингтоне.

¹⁶ *Бевад* Сергей Иванович (1918–1944) окончил русскую гимназию в Праге. Член Национально-трудового союза (НТС). Во время Второй мировой войны находился на службе в казачьих частях германской армии.

¹⁷ В семье И.Д. и В.В. Завойко было двое сыновей — Василий (р. 1948) и Георгий (р. 1952), а также дочь Вера (р. 1951).

¹⁸ В семье Дмитрия Николаевича и Веры Николаевны (урожд. Новосильцева; 1875–1962) Вергун было четверо дочерей. Ксения (в замуж. Сапарова; р. 1909) была медсестрой, жила в США; Татьяна (р. 1904) — в Аргентине; Анастасия (в зам. Киселева; 1905–2000) — также в США.

¹⁹ Миша, Алеша — дети Кирилла Дмитриевича Вергуна (1907–1944), инженера, члена исполкома НТС, который был убит во время бомбежки Пльзена (Чехословакия). Его жена умерла вскоре после этого. Упомянутая ферма располагалась в Вэлли-Коттедж (штат Нью-Йорк) и принадлежала дочери писателя Л.Н. Толстого Александре Львовне Толстой (1884–1979), основательнице Толстовского фонда помощи русским беженцам. С 1940 г. ферма функционировала в основном как дом для престарелых и детский лагерь, но с 1947 г. стала местом приюта первых ди-пи из Европы. Только за семь лет (1947–1954) через нее прошло более 3,5 тыс. человек. Директорами толстовской фермы в эти годы были Ксения Андреевна Родзянко и Марта Андреевна Кнутсен.

²⁰ *Острогорский* Георгий Александрович (1902–1976) — историк-византинист, сотрудничал с Археологическим институтом им. Н.П. Кондакова (Кондаковским институтом) в Праге. До 1933 г. жил в Германии, затем профессор Белградского университета (Югославия). В 1938 г. возглавил Кондаковский институт в Белграде, основатель (1948) и директор Института византиноведения Сербской академии наук и искусств. Скончался в

Белграде. Здесь же жила его сестра Анна (в зам. Шайкович; 1904–1988). Сын Острогорского Александр стал физиком.

²¹ Речь идет о библиотеке Кондаковского института в Белграде.

²² Андреева Екатерина Александровна (урожд. Квашенинникова; 1883–1961) — мать Н.Е. Андреева.

²³ Толль Николай Петрович (1894–1985) — археолог, в 1932–1938 гг. директор Кондаковского института в Праге, с 1939 г. жил в США, сотрудничал с Йельским университетом. Его жена — Нина Владимировна (1898–1986) — психиатр, сестра историка Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973), одного из основателей Кондаковского семинария в Праге и преподавателя Йельского университета.

²⁴ Франк Виктор Семенович (1909–1972) — журналист, сын философа Семена Людвиговича Франка (1877–1950). Жил в Великобритании. Н.Е. Андреев написал о нем очерк «Блуждающая судьба» (см.: Памяти Виктора Франка / Ред. Л.В. Шапиро. Лондон, 1974).

²⁵ Сергеева Александра Митрофановна — член молодежной организации «Витязей» в Праге, дочь Марии Ивановны (урожд. Компанейская; 1883–1964) и полковника Митрофана Николаевича (1883–1964) Сергеевых. Ее брат — Николай Митрофанович Сергеев (1909–1944) — медик, глава Берлинской группы НТС, был арестован и погиб в немецком концлагере.

²⁶ Возможно, речь идет о семье полковника В.К. Видякина, жившей в Эстонии.

²⁷ По-видимому, речь идет об отце Константине (Израцзове; 1865–1953), основателе Общества взаимопомощи русских эмигрантов, многолетнем настоятеле Свято-Троицкого храма в Буэнос-Айресе. С началом Второй мировой войны призвал поддержать Германию в борьбе со сталинским СССР. Отец К.И. Гаврилова Иван Александрович был активным прихожанином другого русского православного собора в Буэнос-Айресе — Благовещенского (Московский патриархат).

²⁸ Лицо не установлено.

²⁹ Здесь и далее Рита — Маргарита Мейендорф (урожд. Улк; 1907–1979) — актриса и поэтесса, была первой серьезной любовью Н.Е. Андреева. Замужем за бароном Георгием Богдановичем Мейендорфом (1894–1982). До Второй мировой войны жили в Эстонии. Их дочь — известная в будущем актриса Маргарита Мейендорф — родилась в лагере ди-пи в Германии. Впоследствии жили в Няке, недалеко от Нью-Йорка (США).

³⁰ пенсия (исп.).

³¹ Пилкина Вера Владимировна (ум. 1993) — дочь адмирала В.К. Пилкина (см. примеч. 1 к письму 3). Жила с отцом, матерью Марией Константиновной (урожд. Леман; ум. 1931) и сестрой Марией в Ницце (Франция).

³² Кайгородовы — Анатолий Дмитриевич (1878–1945) — художник, ученик А.И. Куинджи, и его жена Маргарита Карловна (1891–1984). Жили в Эстонии с 1920 г. Помогли Н.Е. Андрееву уехать в Прагу в 1927 г. Их дочь Ирина (1911–1984) училась в таллинской женской гимназии; поэтесса, печаталась в альманахе «Новь». Замужем за англиканским священником Джоном Файндлоу (1915–1970), представителем архиепископа Кентерберийского при Ватикане в Риме (1962). См. о нем: Irina Findlow Journey into Unity (L., 1975); Андреев Н.Е. Каноник John Findlow // Русская мысль (Париж). 1970. 18 июня. Их дочь Нина Анатольевна Штильмарк (1912–2004) скончалась в Лондоне.

Тукуман, 25 мая 1952 г.

Дорогой мой Кока,

целую вечность не писал тебе и такую же вечность не имел вестей от тебя. Вероятно, ты очень серддишься на меня. Оправдаться трудно. Только не думай, что тебя забыл и что не думаю о тебе часто и с искренним дружеским чувством. Время летит так быстро, и всяческие дела — за последнее время, мелкие, мешающие, нервующие и неприятные — заполняют все дни. Откладываешь на завтра все самое главное, где хочешь чувствовать себя личностью и где ждешь удовлетворения в более глубоком и существенном плане. Это самое главное: работа в вопросах наиболее интересующих, устройство личной жизни, письма самым близким друзьям — тебе, Рите, Алеку, маме и другим. Мешают обстоятельства, как я сказал, мелкие и преходящие, но, к сожалению, затяжные. Прежде всего, еще до сих пор не кончился мой развод, хотя первую инстанцию я выиграл, и теперь противники апеллируют. Стараются затянуть дело, ибо это дает возможность в качестве «временных алиментов» (по глупейшему здешнему закону) вытягивать из меня тысячи. Мое жалованье из-за всех этих вычетов уже уменьшилось на $\frac{1}{2}$, и этого не хватает на жизнь. Все усилия ускорить дело, освободить мои деньги, жить собственную жизнь, без зависимости от той «проститутки», которая была моей «спутницей», разбиваются об стену подкупов, жульничества, незаконной протекции и прочих подлостей. Но надо иметь терпение: в конце концов, выигрываю я, и через известный срок все эти неприятности будут превращены в «юмористические воспоминания».

Вторая область мелочей — наш университет, где после ухода Descole¹ с должности ректора начались политические и личные раздоры, неразбериха, беспорядок невероятный, произвол полный, постоянные перемены в программах, методах, организации, полный упадок значения профессора и зависимость от организаций, где фигурируют люди, ничего общего не имеющие с научными и преподавательскими целями. Все это тоже временно, ибо наш президент — Перон² — старается бороться с этой неразберихой, но пока это дает себя чувствовать. На мне лично это не отражается пока, но многие друзья разбежались уже по разным другим университетам, и это ослабляет наши научные кадры. Слава Богу, что ни ты, ни Сережа, ни Алек не попали сюда. Было бы очень трудно. Все ждем, когда это кончится и опять придет время творческое и созидательное, которое помним с эпохи Descole и которое опять нам даст энтузиазм и уверенность. Несмотря на все это, продолжаем нашу научную и преподавательскую работу по мере сил и возможности, и кое-что получается. Оптимизма ни я, ни другие не теряем, хотя материальное положение профессора сейчас аховое (жизнь вздорожала в 10 раз без преувеличения, а жалованье не повышают — остается на уровне 1948 года). Продолжаю ту же работу, как раньше. Уже напечатал несколько работ о червях *Oligochaeta*³. Кроме того, несколько статей рефлексологически-психоаналитических⁴. Сейчас издаю мою вторую книгу о рефлексологии и психоанализе (уже под-

писал контракт с одним большим издательством в Буэнос-Айресе)⁵. Моя первая книга⁶ имела большой успех среди медиков, и ее часто цитируют. Это все дает удовлетворение и радость.

Пишу все о себе. Но начал письмо с желанием говорить о тебе и поздравить тебя от всего сердца с магистерским званием⁷ и с теми успехами, которые ты заслуженно достигаешь. Все в восторге от твоей фотографии в тоге магистра. Показывал ее дома, в Буэнос-Айресе. Володя⁸ и его жена Нина тоже ее видели. Прислали поздравить тебя и передать тебе их лучшие пожелания, привет и дружеское пожатие руки. Мои тоже присоединяются к этому. Надеюсь, что ты продолжаешь так же хорошо твою работу, как раньше, и что в твоей личной жизни тоже много света и счастья. Ты так заслуживаешь это последнее. Если иногда трудно, не надо унывать. В жизни столько красоты и хорошего, что моменты уныния и тоски — вполне оправданные в известные минуты — не должны пугать. В памяти остается только хорошее; плохое исчезает, бессильное воспроизвестись. А хорошее сохраняется как произведение искусства, как нечто творческое, созидательное, большое, даже если реально оно уже исчезло. Так живу я, и мне легко. Ловлю каждую минуту, наслаждаюсь каждой встречей. Самое гнетущее для меня — монотонность и однообразие, но и с ними мирюсь, ибо они временны. Философия, ставшая жизнеощущением.

Всегда вспоминаю тебя, Кока. У меня ты, Алек, Рита и, может быть, Ракель — самые близкие и дорогие друзья, которых люблю от всего сердца и которых считаю самым большим в этой жизни. Говорю о Ракель «может быть», т. к. есть обстоятельства, которые нас разъединяют, мешают. Кроме того, люблю ее как женщину и не только как друга. С ней вижусь, когда бываю в Буэнос-Айресе. Увидим, что хочет от нас жизнь, как она нас направит.

Алек уезжает в Парагвай, в Асунсион, искать счастья и новых мотивов для своего творчества. Потом, кажется, хочет перебраться в Кубу. Это интересное путешествие. Хорошо, что он его осуществляет. Буэнос-Айрес для творческих людей стал «кислым».

Ну, кончаю. Жду твоих писем и, если есть возможность, твоих трудов (тех, которые ты сочтешь интересными для меня). Не забывай и не будь мстительным — т. е. пиши, даже не получая ответа. Тебе это дается легче. Крепко жму руку. Когда будешь писать Екатерине Александровне, привет от меня. Как она? Надеюсь, что сведения о ней все хорошие.

Твой *Костя*

Адрес мой пока тот же, что и раньше: Chacabuco 42.

Пиши теперь вместо «Tucumán» — «San Miguel de Tucumán». Переменили наименование нашего города.

¹ *Десколе* (Descole) Горацио (1910–1984) — ботаник, фармацевт, ректор Тукуманского университета (1948–1951). Под его руководством в университете были проведены глубокие преобразования научной и образовательной деятельности. После революционных событий в 1955 г. подал в отставку и переехал в Буэнос-Айрес. В 1973 г. вернулся в

Тукуманский университет, директор Института Лилло. В конце 1976 г. вновь отстранен от директорства правительством военных.

² Перон (Perón) Хуан Доминго (1895–1974) — президент Аргентины (1946–1955, 1973–1974).

³ Sobre la reproducción uni y biparental de los Oligoquetos // Acta Zoológica Lilloana. 1948. № 5. P. 221–311.

⁴ Reflexologické poznámky k psychoanalytické theorie o snech // Psychoanalytická Rocenka. Praga, 1950; La reflexología y la medicina psicósomática // Psicósomática. 1951. № 2. P. 10–16; Las enfermedades psicógenas a la luz de los estudios reflexológicos // Revue Latino-Americana de Psiquiatria. 1952. № 1. P. 18–24.

⁵ El psicoanálisis a la luz de la reflexología: (Enfoques biológicos de la psicología profunda). Buenos Aires, 1953.

⁶ El problema de las neurosis en el dominio de la reflexología. Buenos Aires, 1944.

⁷ Кембриджский университет присвоил Н.Е. Андрееву почетную степень магистра (МА) в знак того, что он там преподавал. В этот период Кембридж не признавал степени других университетов.

⁸ Римский-Корсаков Владимир Федорович (1907 — не ранее 1984) — соученик Н.Е. Андреева и К.И. Гаврилова по таллинской гимназии. В октябре 1907 г. официально усыновлен Федором Воиновичем Римским-Корсаковым (1863–1923) (контр-адмирал с 1913, зав. отделением плавучих и подъемных средств судостроительного завода в Ревеле, после 1917 г. возглавлял Союз взаимопомощи моряков в Эстонии) и его супругой Марией Павловной (урожд. Колинковской). В октябре 1908 г. указом императора Николая II присвоена фамилия Римский-Корсаков и дано разрешение пользоваться правами потомственного дворянства. В эмиграции жил в Аргентине, работал в газовой промышленности. После выхода на пенсию принял сан священника. Протоиерей, настоятель Благовещенского собора в Буэнос-Айресе. Его супруга — Нина Рудольфовна (ум. 1978). Генеологию Римских-Корсаковых см.: Дворянский календарь. СПб., 2000. Тетр. 8.

3

Тукуман, 20 октября 1953 г.

Дорогой мой Кока,

ты прав: абсолютно непростительно наше молчание. Но, понимая эту «непростительность», что-то толкает меня просить именно прощение и в первую очередь изложить доводы, которые могли бы меня оправдать. В общем они сводятся к тому, что ты сам подчеркиваешь. Занятость, работа, которая берет весь день и все силы, и вечерняя усталость, которая вот уже в течение трех недель по получении твоего письма (которому был бесконечно рад) обуславливает совершенно нелегальное мое поведение [sic]: постоянное откладывание на завтра того, что должен сделать сегодня. Подчиняюсь даже формуле, очень ходкой в нашей стране, а именно: что возможно, сделать послезавтра. Но решительно хочу тебя уверить, что о тебе думаю много и часто и что все эти годы, что нас отделяют и что направили наши жизни по различным путям, ничего не значат. Ты по-прежнему мой самый большой друг в этой жизни, которого искренне люблю и ценю. Меня интересует и беспокоит твоя судьба. Я рад, что работа тебя удовлетворяет (это

ведь самое главное), что ты встретился со старыми друзьями, много ездил и сохраняешь твой всегдашний оптимизм, без которого трудно тебя вообразить. Не задумывайся над личной жизнью. Цени момент, когда он красив и дает ощущение счастья. А большое и главное (как ты пишешь) придет само, в момент неожиданный, не тобой, а всем ходом жизни создаваемый, и не ты, а оно будет менять твоё теперешнее положение. Ты сам удивишься, как это происходит. Не задумывайся о непрочности и неясности будущей судьбы. Это — общее. Только в идее существует прочность. Мы здесь, в стране благополучия, со всеми правами граждан, в том же положении, что и ты. Вопрос о продлении наших контрактов (каждые 3 года) ставился под сомнение — из-за экономии. Многие волновались. Я — нет. Даже об этом не думал. Контракты продлили, и вот будем работать еще. А что будет потом — увидим. Но это не значит, что когда придет «большое и главное», нужно его отвергнуть из-за этой непрочности. Я уверен, что в твоей жизни будет много хороших, прекрасных страниц еще; что ты мне напишешь о своем счастье и что все наши мечты — правда, в других красках, в других масштабах и в других формах — найдут свое осуществление в жизни. Не думай, что это только философия. Как сказал бы мой дорогой дядя Воля¹, отец Верочки: это опыт жизни.

Ты спрашиваешь меня о личной жизни. Может быть, именно желание подробно написать тебе о ней, обо всем, что заполняет ее (а это много), и составляло главное затруднение сестры за письмо, ибо пугает писать много (а к тому же я очень плохой писак писем). Только недавно кончил судебные дела — всего два месяца назад. Вытащили огромные деньги. В сущности, все эти годы я работал даром: все отдавал неизвестно кому. Экс-супружница (которую я искренне презираю) отдала меня на растерзание адвокатам, и эти постарались. Теперь, конечно, все официальное (я полностью разведен по вине жены), но остаются «хвосты», и для их ликвидации нужно еще ждать порядочно. Но это уже привычное. Оно не позволяет пока думать о том, что ты называешь «прочным», ибо все окружение всегда думает именно об этом, и объекты даже самые очаровательные ставят это «прочное» на первое место. Но иногда «непрочное», мимолетное, бывает красиво, и когда я его имею, стараюсь ценить и любить, забывая об этикете. Жаль, что все это «непрочное» имеет свою психологию специфическую — тоже связанную с деньгами (впрочем, здесь трудно найти «прочное» или «непрочное», абсолютно чуждое этой проблеме). Впрочем, привычка берет верх, и умение найти красивое в том, что его содержит в той или иной мере, дает свой результат совершенно удовлетворительный.

Но все это абстрактно. Конкретно дела обстоят так: Ракель (о которой я тебе писал) я, по-видимому, потерял. Опять влезла Рут, экс-жена, наговорила в ее семье всякую чушь на меня, и борьба против меня, и без того обостренная всегда, приняла решительные формы, нас отделила совершенно и заменила меня каким-то женихом, о котором Ракель говорила довольно тоскливым голосом. Я вернулся и ушел; и остался с прекрасным портретом Ракель (в карандаше), сделанным Алеком и висящим в моей комнате над ночным столиком у кровати. Есть женщина, которая меня любит и хотела быть моей женой, но хотя я и имел ее, и ценю ее, телесно и по культуре она не то, что мне нужно. Есть еще два объекта, к

которым у меня большая нежность. Но им чуть больше 20 лет. Я не чувствую себя старым и не считаю нужным портить настоящее мыслью о возможных неурядицах в старости, но сегодня я остаюсь в стороне, не приближаюсь и жду, когда все «хвосты» моих судебных дел будут отрезаны. Пока же я живу «авентурой»², хотя иногда и скучаю от этого и нуждаюсь в чем-то большем.

Академические дела идут хорошо. «Хорошо», если не считаться с постоянной борьбой против бесчисленных затруднений, которые нам, профессорам, ставят бюрократические инстанции, от коих мы зависим. Теряется много времени от этих бессмыслиц, и, конечно, это не дает возможности развернуться во всей потенции и в полном объеме. Но работаем, и своей работой я тоже наслаждаюсь и ею доволен. Занимаюсь червями, продолжая линию дяди Лёвы <Черносвитова>, а кроме того, психологическими и зоопсихологическими проблемами. Даже в этих последних областях достиг большего, чем в первой. Здесь меня считают в некотором смысле авторитетом (против моего ожидания) и в Буэнос-Айресе тоже. В медицинских кругах меня ценят за мои книги по рефлексологии. Недавно послал тебе мою последнюю книгу «Психоанализ в свете рефлексологии»³, которая, кажется, имеет успех. Во всяком случае, была очень положительная рецензия о ней в одной из больших газет Буэнос-Айреса, и специалисты тоже отзывались об этой работе «с уважением». Я ее написал после «семейного инцидента», когда встретился с одной очаровательной женщиной, в сущности спасшей меня от страсти и влившей в меня новую струю жизни. Писал по ночам, легко, быстро. Это плод долгого думания, начатого еще в Праге и под большим твоим влиянием — ибо изучать Павлова и Фрейда я начал по твоему совету⁴.

В моей лаборатории я чувствую себя очень хорошо. Она уютна. В ней строится (правда, уже два года без особого результата, т. е. черепашьим шагом, из-за всех уже упомянутых формальностей) «камера» типа Павлова для изучения условных рефлексов⁵. Пока я занят кошками (их у меня 9), которых изучаю в простых, но интересных экспериментах.

Кроме того, у меня несколько кафедр. Должен написать несколько учебников — по биологии, зоологии и зоопсихологии, — но время уже чересчур ограничено, и все это висит надо мной и давит, ибо необходимость растет с каждым месяцем.

Дома у нас все хорошо. Приехали родственники — те, что жили в Вараджине⁶ (правда, без дяди, который умер) — и оживили обстановку. Мама была больна, но теперь оправилась, а папа, 80-летие которого мы недавно праздновали, во многом моложе и живее нас «молодых». Продолжает работать и интересуется всем. Сестры замужем, и у каждой по дочке — обе очаровательные: одной 20 лет уже, а другая малютка. Алек в прошлом месяце женился на одной моей коллеге из университета по специальности «психотехника». Женщина очень положительная, красивая и умная. Ее имя Луиза (по-девичьи: Перальга). Свадьба была отпразднована здесь, в Тукумане. Все вышло очень неожиданно. В прошлом году Алек сделал «турнэ» по северу страны, добрался до Парагвая и собирался продолжить путь до Кубы и Сев<ерной> Америки. Всюду выставлял свои картины и имел большой успех во всех смыслах — включая материальный. Два раза проехал через

Тукуман, и второй его приезд оказался для него «фатальным». Я его познакомил с Луизой, и... началось, и... кончилось. Кончилось свадебным путешествием на водопад Игуану (до которого, однако, они не доехали) и изменением всех планов: вместо Кубы и Сев<ерной> Америки город Сальта — соседний с Тукуманом, куда Алека еще раньше приглашали профессором в академию и как художника «при губернаторе». Я очень рад этой перемене. Алека я очень люблю. Он замечательный человек, и его близость для меня — большая поддержка.

Римские-Корсаковы живут очень хорошо. Построили себе домик — уютный и удобный — под Буэнос-Айресом. Володя и Нина — оба работают. Их сын Андрияша — скромный и очень умный мальчик, с большим моральным содержанием.

От Верочки Пилкиной давно не было вестей. Она много работает. В одном из писем она мне жаловалась, что ты бросил ей писать и что это ее очень огорчает. Дядя Алёша⁷ был болен. Пишем мы друг другу очень редко. Происходит то же самое, что с письмами тебе.

Ну, дорогой Кокище, теперь ты не должен жаловаться, что пишу мало. Это, конечно, дефект — не уметь писать коротко. Но в данном случае он простителен, принимая во внимание предыдущее молчание.

Буду рад, если мне напишешь еще. Напиши о себе подробнее. Напиши об Екатерине Александровне <Андреевой>, если что-нибудь о ней знаешь. Так часто вспоминаю ее и всегда с лучшим чувством. Беспокоюсь о ней и рад был бы узнать, что она живет хорошо или, по крайней мере, удовлетворительно.

Если можно говорить о переписке в случае многомесячных интервалов, то я тоже «переписываюсь» с Ритой. Давно ей не писал, но всегда ее помню и люблю — теперь уже как одного из моих настоящих больших друзей. Ей очень трудно в жизни, но она всегда остается Ритой — той же, что мы ее знали, живой и полной движения и беспокойства. Она чуткая и на этом огромном расстоянии понимает меня лучше многих людей, что живут рядом, меня видят и со мной говорят.

Левицкий же мне бросил писать с тех пор, что уехал из Германии, и я даже не знаю, где он⁸. Напиши мне, пожалуйста, его адрес.

Тоже потерял из виду Людмилу Александровну⁹, что проехала через Буэнос-Айрес и потом из Тринидада мне написала открытку.

С Ириночкой <Завойко> иногда обменивались открытками (кажется, всегда — к Новому году).

Чаще всего я писал Михаилу Михайловичу Новикову¹⁰. Он живет в том же городе, что и Рита, и с ней видится. Сейчас я ему тоже послал мою книгу. Помнишь Гессена¹¹, как он спрашивал: «И... удалось ему их соединить?» Кажется, удалось. Во всяком случае, в известной части.

Мне жаль, что моя переписка (в кавычках) с Федором Николаевичем Досужковым прекратилась, и на этот раз не столько из-за моего «неписания», сколько из-за обстоятельств внешних, географических. Когда он выехал в Лондон, на психоаналитический конгресс, он написал мне за две недели три письма: предупреждал, что не только он читает мои письма в Праге; а потом замолчал совсем. Не ответил даже на мою поздравительную открытку к Новому году. Не знаю, могу ли послать ему мою книгу или это рискованно.

Уже больше двух часов ночи. Завтра надо рано начинать день. Кончаю, хотя, начав говорить с тобой, хочу продолжать еще и еще. Прости мне ошибки и синтаксис. На запятые большое влияние оказывает испанский язык, и, вероятно, многие пропустил. Спасибо тебе за журнал твоих учеников¹². Очень хорошо пишут. Кроме того, видно, как они тебя любят и ценят.

Не забывай, добрый Кока, и пиши хоть изредка.

Твой Костя

Привет Франку, если он живет в Cambridge.

¹ Пилкин Владимир Константинович (1869–1950) — адмирал. Командовал 1-й бригадой крейсеров Балтийского моря (1916–1917). Во время Гражданской войны — морской министр в Северо-Западном правительстве генерала Н.Н. Юденича (см.: Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920 гг. М., 2005). В эмиграции председатель Кают-компании русских морских офицеров в Ницце (Франция), где и скончался.

² От исп. aventura — приключение.

³ Gavrilov K. El Psicoanalysis a la luz de la Reflexologia: Enfoques biológicos de la psicología profunda. Buenos Aires, 1953.

⁴ Имеются в виду труды физиолога, лауреата Нобелевской премии Ивана Петровича Павлова (1849–1936) и основателя психоанализа Зигмунда Фрейда (1856–1939). Подробнее см.: Андреев, 1996. Т. 1. С. 60–64.

⁵ Для опытов по выработке условного рефлекса необходимо было создать условия для реакции только на один раздражитель. С этой целью собаку в опытах И.П. Павлова помещали в камеру, куда не проникали никакие случайные раздражители (запахи, шумы и т. д.).

⁶ Вараждин — город в бывшей Югославии (ныне в Хорватии). Здесь жила семья дяди К.И. Гаврилова по материнской линии — полковника Константина Пилкина (1870–1948), эвакуированного в 1920 г. из Крыма в Королевство СХС. Умер в Вараждине.

⁷ Имеется в виду Пилкин Алексей Константинович (1881–1960) — русский морской офицер. В 1916–1917 гг. он командир миноносца «Новик». В 1918 г. участвовал в Ледовом походе Балтийского флота. В эмиграции жил во Франции. После смерти брата Владимира в 1950 г. избран председателем Кают-компании русских морских офицеров в Ницце.

⁸ После Второй мировой войны С.А. Левицкий находился в лагере для перемещенных лиц Менхегоф под Касселем (Германия). С 1949 г. жил в США. О его деятельности в годы войны см.: Андреев, 1996. Т. 2. С. 144–148.

⁹ Возможно, Камборо Людмила Александровна — знакомая К.И. Гаврилова по Таллину.

¹⁰ Новиков Михаил Михайлович (1876–1965) — зоолог. Последний избранный ректор Московского университета. В эмиграции жил в Чехословакии. После Второй мировой войны переехал в США. К.И. Гаврилов написал о нем статью еще в Чехословакии (М.М. Новиков и его научная деятельность // Русский врач в Чехословакии. (Прага). 1936. № 4). Письмо Н.Е. Андреева и два письма К.И. Гаврилова М.М. Новикову опубликованы в извлечениях, см.: Ульянкина Т.И. Жизнь в изгнании. С. 132–133, 142–145.

¹¹ Вероятно, Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) — философ, педагог, историк образования и педагогики, литературовед и публицист. С 1924 г. жил в Чехословакии (Прага). Совместно с С.И. Карцевским основал и редактировал журнал «Русская школа за рубежом».

¹² Журнал «Плоды», издававшийся по-русски студентами в Кембридже в 1951 и 1952 гг. «при снисходительной цензуре по грамматике и ударениям Николая Ефремовича

Андреева, русского лектора Славянского отделения». Н.Е. Андреев редактировал журнал. В частушках, сочиненных студентами для вечеринки Славянского общества 7 июня 1951 г., они так писали о Н.Е. Андрееве:

С континента Коку Колю
Неожиданно сюда
Бросила слепая доля
В пасмурные острова.
Здесь он славно развернулся,
И ему вдруг всякий рад!
Если бы когда вернулся,
Плакал бы и детский сад!

Студенты тогда были старше и уже отслужили военную повинность — многие начали заниматься русским языком именно во время военной повинности. «Детский сад» относится к молодым студенткам, среди которых и была Джилл Хаддлстон, будущая жена Н.Е. Андреева.

4

Тукуман, 6 февраля 1954 г.

Дорогой мой Кока,
повторилось опять то же самое. Время отщелкивает дни, и лучшие желания всегда оказываются связанными с «завтра». И вот так прошел весь январь, в течение которого хотел тебе ответить на твое милое письмо; хотел также тебя поздравить с прошедшим Новым годом и пожелать тебе от всей души много счастья и удачи и вообще чувствовал (и это искренне) тягу поговорить с тобой. Но заведенная машинка отщелкивает дни (я не взял так называемых «vacationes»¹ и продолжаю работать); жара помогает и лень в свободные моменты тоже. И вот пришел сегодняшней день — третий после получения твоего письма с заметкой² о моей книге, за которую (за заметку) я тебе очень благодарен и которая очень мне по душе (особенно потому, что в связи с ней вспомнил Прагу, наши начинания, и нашу молодость, и тебя в ту эпоху, энтузиаста и немного диктатора, но всегдашнего добродушного, веселого и жизнерадостного Коку). Пришел сегодняшний день — воскресенье — и я пошел в кино. Главное потому, что хотел подышать свежим искусственным [sic] воздухом. Видел очень милый фильм. И, вернувшись домой, органически взялся за перо, чтобы написать тебе. Вместе с этим письмом, в отдельном конверте и по морю, посылаю тебе — в подарок — единственный (второй) номер «Нови»³, который у меня сохранился. Статья о Павлове из первого номера у меня только в виде вырезки между моими работами, переплетенными вместе. Очень возможно, что кто-нибудь в Буэнос-Айресе имеет первый номер: мои родители или Володя <Римский-Корсаков>. Когда поеду туда, спрошу их и, если достану, перешлю тебе этот второй подарок из далекого прошлого. Я понимаю, как дорог тебе этот ответ прошлых лет. Мне этот номер не нужен, так

что храни его для себя. Помнишь, как мы работали, по ночам и по дням, приготавливая издание «Нови»? Помнишь, как нам помогала наша дорогая Екатерина Александровна <Андреева> и как все мы жили будущим, любили безумно что-то, что казалось целью и смыслом всей жизни, как идеализировали, как готовились драться с ветряными и не-ветряными мельницами и как радовались от улыбки и бодрящих слов нашей дорогой теперешней подруги на всю жизнь, Риты, исключительной всегда женщины и человека. «Новь» для меня — символ настоящего содержания, настоящего в жизни, и всегда стараюсь сохранить ее дух в себе и передать моим ученикам, хотя здешняя среда совсем по-иному думает и чувствует. В сущности, из «Нови» выросла эта книга, о которой ты так хорошо отозвался в твоей заметке и которая здесь постепенно завоевывает успех в кругах, которые ее понимают. Как хотел бы я лично повидаться с создателем этой «Нови», с Кокой, поговорить с ним после стольких лет и стольких событий.

Ты мне пишешь о книге Новикова⁴. Он мне ее прислал, но до сих пор я только имел время перелистать ее, но целиком еще не прочел. Книги Северцова⁵ у меня нет, так что, если она тебе не нужна, был бы очень тебе признателен за этот «привет» (как ты пишешь) из далекой Европы. Вообще, если можешь достать мне книги из России (особенно мне нужна книга Быкова «Кора головного мозга и внутренние органы»⁶), то я их охотно купил бы. Только надо найти способ, как переслать тебе их стоимость.

Жизнь моя идет все так же, как раньше. В общем, работа заполняет все. Тоже немного (или много) разбрасываюсь (тут и Oligochaeta, и сексуальность, и рефлексология, и зоопсихология, и психология человека, и психоанализ, и много еще других сфер), но уж так я сделан и ничего с собой поделывать не могу. В личной жизни — новое в потенции, если мое «бескровье» разведенного не испортит все. Может быть, женюсь на одной моей ученице, если ее не испугают ограничения, которые ставят здешние законы человеку в моем положении (нельзя венчаться в католической церкви; надо регистрироваться не здесь, а за границей и т. д.). Она 22 лет, но я решил не думать о возрастных разницеах, которые опасны лишь в старости, до которой я, может быть, и не доберусь. Зачем портить сегодняшний день мыслью о «счастливой» старости? Предпочитаю быть несчастным в старости и счастливым сейчас. Да и несчастье в старости совсем не обязательно. Во всяком случае, предложение сделано, и ответ не отрицателен, хотя еще не определен (подумает). Зная, что женщина не говорит «да», я внутренне чувствую себя женихом. Может быть, это преждевременно, но усиленно стараюсь устроить свои дела, кончить выплату всех «хвостов» от прошлого, разрешить проблему квартиры и прочие, и прочие дела, которые стеной встают здесь неизбежно перед каждым, кто хочет нормально жить и нормально чувствовать. Мешает маленькое жалованье профессоров. Есть слух, что нам его повысят, но пока мы все в трудном материальном положении, особенно если были большие потери денег.

Пока о себе пишу только это. Может оказаться, что все это иллюзия и что я напрасно оптимист. Когда встанут затруднения — формальные, но сильные, все может пойти прахом, и я опять окажусь у разбитого корыта. Но я сил не теряю и оптимист. Сейчас внутренне чувствую, что меня ждет это счастье.

Переписываюсь (хоть и редко) с Ритой. Она сохраняет свою сущность, несмотря на всю трудную жизнь, что ей пала на долю. В последнем письме она очень глубоко человечна. Мне жаль ее усилий и горечей, но саму ее жалеть не могу, ибо она сохраняет себя так, как надо. Ее можно только глубоко и сильно уважать и ценить. Пиши ей чаще. Она нуждается в твоих письмах и их очень любит. Пишу также изредка Новикову, и он мне тоже. В последнем письме он сообщил мне о смерти брата Льва Владимировича Черносвитова⁷. С ним я тоже переписывался в прошлые годы, и он мне доставал работы по *Oligochaeta*. За последнее время замолчал; теперь мне стало понятным это резкое прекращение переписки.

Буду ждать твоих писем. Пиши о себе больше. Между твоими строками проскальзывает довольство и удовлетворение, несмотря на неуверенность положения и сомнения. Это меня радует. Напиши мне о Екатерине Александровне, если имеешь о ней сведения, и о знакомых, коих вспомнишь и о которых что-либо знаешь.

Все мои (уже давно) шлют тебе привет. В их числе Алек, который счастливо живет со своей женой в соседнем городе и изредка сюда приезжает.

Как всегда, письмо оказалось длинным и растянутым. Но уж прости мне это. Крепко жму твою руку и желаю всего лучшего и удачного.

Твой друг *Костя*

¹ Выходные дни (*исп.*).

² Русская мысль (Париж). 1954. 22 янв.

³ Альманах «Новь: Сборник произведений молодежи ко Дню русской культуры» издавался в Таллине в 1928–1935 гг. Комитетом по организации Дня русской культуры в г. Ревеле. Первые три выпуска в газетном формате редактировал Н.Е. Андреев. Упомянутая ниже статья К.И. Гаврилова (подписанная К.Г.) «И.М. Сеченов — И.П. Павлов. Объективное изучение нервной деятельности» была опубликована не в первом, а во втором номере альманаха (1929. С. 4–5), где также была помещена его заметка «Д.И. Менделеев. К девяностолетию со дня рождения» (С. 2). В третьем номере появилась еще одна небольшая работа К.И. Гаврилова — «Опыты М.М. Завадовского. Формообразовательная роль маскулизма и феминизма» (1930. С. 8).

⁴ Имеются в виду мемуары М.М. Новикова «От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике», изданные в Нью-Йорке в 1952 г.

⁵ *Северцов* Алексей Николаевич (1866–1936) — зоолог; уделял много внимания выяснению общих закономерностей эволюционного процесса. Этим проблемам посвящена его монография «Морфологические закономерности эволюции» (М.; Л., 1939), которую, возможно, имел в виду Н.Е. Андреев.

⁶ *Быков* Константин Михайлович (1886–1959) — физиолог. В 1921–1950 гг. работал в Институте экспериментальной медицины (в 1921–1932 гг. под непосредственным руководством академика И.П. Павлова). В 1948–50 гг. директор Института физиологии центральной нервной системы Академии медицинских наук СССР; с 1950 г. директор Института физиологии АН СССР. Член Академии медицинских наук СССР (1944), Академии наук СССР (1946). Упомянутая монография издана в 1947 г. в Москве.

⁷ *Черносвитов* Борис Владимирович (1900–1953) — химик. Жил и скончался во Франции.

Тукуман, 21 октября 1955 г.

Дорогой Кока,

сегодня был обрадован твоим письмом (очень обрадован) и только сегодня почувствовал (в связи с твоим успехом), как пробежало время с того дня, когда узнал, что и мой дружище Кокище стал папашей¹. Не поверишь, что с этого самого момента до сегодня все время нахожусь в «потенции» написать тебе и от всей души поздравить тебя и Джилл с появлением прелестной — не сомневаюсь — дочурки. Не поверишь, что эта «потенция» оказалась почти что вневременной в смысле Сережи <Левицкого>, ибо откладывание на послезавтра того, что можно сделать завтра, оказалось действительно непростительным. Трудно на расстоянии понять все эти препятствия, которые вместе с моей «письмофобией» являлись причиной такого запоздалого ответа на твое радостное письмо о семейном событии. В тот момент находился в интенсивной работе в связи с изданием новиковской «Сравнительной анатомии»² (которое теперь, к сожалению, задержалось). Вскоре потом получил телеграмму и телефонное сообщение о болезни моего отца, о необходимости операции, опасной в его возрасте (83 года). Должен был спешно лететь в Буэнос-Айрес и провести там, дежуря по ночам в клинике, несколько недель. Вернувшись в Тукуман, должен был исполнять и исполнять ряд дел в связи с нашим институтом и по ночам, вернувшись домой, засыпал под столом, усталый от всей этой кутерьмы. А потом началась пре-революция, была пережита революция, и переживается в довольно беспокойной и бессмысленной форме пост-революция, которой не видно еще конца³. Сегодня решил преодолеть все эти препятствия и написать тебе во что бы то ни стало. Не поверишь, что рождение твоей дочки, так же как дочурки Алека, я пережил словно личное счастливое событие. Мне очень не хватает этой стороны жизни, и именно дочки. Не думал никогда, что буду иметь отцовские инстинкты и что они будут проявляться впусую в связи с неудачной личной жизнью, предписанной мне судьбой. Но радость за тебя, за Алека и за некоторых других друзей в этом смысле мне компенсирует эту пустоту. Прими от меня и от всей моей семьи самые искренние и горячие поздравления и передай их Джилл. Поцелуй за меня Катеньку и позже, когда она подрастет, расскажи ей, что в Аргентине живет такой худощавый дядя Костя, который был твоим другом и ее очень любит.

О себе трудно писать. Переживаем (уже давно) время переходное и живем как туристы, с непрерывным ожиданием, что в конце концов уедем куда-нибудь. Еще при прежнем режиме⁴ университетские профессора «оплевывались» непрерывно. Жили бедно и водимые только своей любовью к работе. Сейчас еще того хуже. Все мы находимся «en suspension»⁵, т. е. нас держат условно, даже тех, кто имеет 20–30 лет давности. Будут конкурсы, где политический момент, кажется, будет играть большую роль. В общем, производят «чистку», еще раз оплевывая все профессорское сословие. Жалование не увеличилось с 1948 года. Тогда оно было втрое больше минимума для жизни. Сейчас оно вдвое (если не втрое) меньше минимума, необходимого профессору. Как будут производиться конкурсы, неизвестно. Как будут смотреть на заграничных докторов — тоже. В общем, надо ждать и ждать, что будет? А люди здесь очень глупые и мошенники. Все, что делают, делают пло-

хо. Теряют бесконечно время и переделывают все в самом бессмысленном виде. Сущность их не интересует. Или они ее не понимают. Ругают того, кого выкинули (хотя в нем было в разных смыслах довольно много положительных черт), а сами делают то же самое, и даже хуже (пока). Посмотрим, куда все это приведет. Ясно, что при таких обстоятельствах настоящая научная работа задержана и все силы уходят на другое — бессмысленную сутолочь университетских неурядиц.

Наш институт всегда представлял исключение в этом общем правиле. Был словно крепость, где царил известная традиция настоящей работы, настоящей науки. Все благодаря нашему директору — доктору Десколе. Сейчас и у нас неурядицы. Ряд профессоров (дураки!!!) под влиянием моды борются против этой традиции и под влиянием всяческих новых тенденций и личных интересов вносят распри и интригу. Я, к сожалению, в центре всех этих нападков в связи с моим положением директора университетской Школы естественных наук и председателя Ассоциации доцентов нашего института. Приходится защищать Десколе и все то, что годами сложилось в институте как настоящая линия работы. Приходится принимать все удары и нейтрализовать интригу. Мне помогает моя натура, которая всегда идет напрямик (пусть даже по зигзагу, но напрямик), но иногда не знаешь, что делать с чувством горечи и отвращения, которое невольно возникает в связи со всеми этими бессмыслицами и неверностью людской (изменниками оказались даже бывшие т<ак> наз<ываемые> «друзья»). Сейчас трудно сказать, что получится, выиграет ли настоящее или все эти модные движения разрушения подточат камень и разрушат здание. Во всяком случае, работа задержана и вся университетская деятельность сводится к тому, что здесь называется «маленькая политика» (т. е. «политика», ограниченная институтскими или университетскими делами).

В личной жизни тоже пока нет никаких положительных моментов. Попытки конструктивные, направленные на восстановление настоящей личной жизни, почти все (или, вернее, все до сих пор) срывались. Условность, заинтересованность, глупые влияния религиозных предрассудков (я все более и более ненавижу религию, во всяком случае католицизм) всегда мешали в этом смысле. Я получил полный развод (и в этом отношении должен быть благодарен бывшим руководителям и их прогрессивным точкам зрения). Но это не помогает. Увидим, что получится. Пока же я один, и уже привык к этому, и думаю, что здесь так протечет вся моя жизнь, ибо за все эти 17 лет моего пребывания в Ю<жной> Америке я не могу уподобиться им и живу всегда вне «общей психологии». Не думаю, что здесь встречу женщину, которая могла бы думать так же, как я. Но все это не важно. Важно, что счастлив Алек, счастлив ты, и что время возьмет свое, и в конце концов все будет лучше и осмысленнее.

Я рад, что ты повидался с Сережей. Он пишет, чтобы я «очеловечился» и отозвался. Но не указывает своего адреса. Куда писать ему?

Не ленись и пиши. Тебе и Джилл (и тоже Катюше) мой самый сердечный и дружеский привет. Не забывай.

Твой Костя

Адрес Володи Р<имского>-К<орсакова>: Chalet «Nina». Spagaffini (Ranelagh). F. C. N. g. Roca. Provincia de Buenos Aires. Rep. Argentina.

¹ Н.Е. Андреев женился на своей бывшей студентке Джилл Хаддлстон (Gill Huddleston) 16 июля 1954 г., и у них в апреле 1955 г. родилась дочь Екатерина.

² Книга вышла только в 1963 г.: *Novikoff M.M. Fundamentos de la morfologia comparada de los Invertebrados. Buenos Aires, 1963.*

³ Имеются в виду события июня 1955 г., когда движение за свержение режима президента Перона, возглавлявшееся офицерами военно-морского флота, сумело добиться своей цели. Преемником Перона на посту президента стал генерал Эдуардо Лонарди. Однако уже в ноябре 1955 г. произошел новый переворот, в результате которого во главе страны оказался генерал Педро Эухени Арамбуру (у власти до 1 мая 1958 г.).

⁴ Т. е. в период президентства Х. Перона.

⁵ в подвешенном состоянии (*исп.*).

6

Тукуман, 22 ноября 1965 г.
(Воскресенье)

Дорогие Кокище и Джилл,

неделями чувствую потребность написать вам. Неделями определяю часы, когда сяду за письмо. И неделями всякий раз что-то мешает и отклоняет от этой потребности моей. Решил написать как выйдет. Сейчас ночь и вся семья спит¹. Завтра опять работа и всяческие дела, которые снова могут помешать. Буду краток (в моем смысле), ибо, если начну писать, вероятно, смог бы заполнить много, очень много страниц.

Прежде всего, спасибо вам за фотографии ваших прелестных, умных, очень и очень симпатичных детишек, которые всех нас очаровали. Поздравляем вас от всего сердца. Вероятно, сейчас они уже сильно изменились, но не сомневаюсь, что сохраняют все этот особенный глубокий и пронизательный взгляд, очень характерный и очень обещающий в смысле их будущего развития.

Кроме того, спасибо за твой подарок этой нужнейшей мне книги Stephenson'a об олигохетах². Всегда ее буду хранить как знак твоего дружеского внимания и чувства.

Не помню, когда я получил твое последнее письмо: до или после моей первой поездки в Буэнос-Айрес — со всей семьей — для чтения курса в тамошнем университете. Но не успели мы вернуться, как я был вызван по телеграфу опять ехать туда в связи с болезнью моего папы. Ему почти 94 года, и у него начался процесс склероза мозга. Провел много ночей у его постели. Днем о нем заботилась моя сестра Нина. Другие растерялись и помогали мало. Крепкий организм победил временно проявления этого недуга. Сейчас ему лучше. Мы наняли сиделку, и, по видимому, болезнь продлится еще достаточно времени. Но возраст не оставляет надежд, и то, что я видел и пережил, укрепило во мне единственный страх, который еще во мне живет, — это страх перед старостью, перед этой пока непобедимой силой, которая хуже всякой смерти, этого неизбежного сна, о котором никто из нас никогда не будет знать, когда он начался.

Прости, если пишу с некоторой нотой грусти. Здесь, в Тукумане, из тех, кто вместе со мной начали работать в университете в 1947 году, остались только я и

д<окто>р Дальма — тот, кто написал пролог в моей книге 1953 года³. Остальные уже ушли. Bubita ругает меня за все эти грустные мысли, и она права. Достаточно видеть Игорчука и Людмилочку, фотографии которых (от 9.VII.65) я посылаю вам (к сожалению, нет более поздних достаточно хороших), чтобы понять, что все эти «старческие» (57!) сентиментализмы, вероятно, не больше как результат усталости и не имеют основания. Но в этом письме я, вероятно, произвожу их т<ак> наз<ываемую> абреакцию⁴ в Досужков'ском смысле. Вспоминаю часто Федора Николаевича. Он через других друзей и сам, в одном письме из Италии, куда поехал на один конгресс, меня просил не писать ему — по причинам внешним — и я не знаю уже много времени, что с ним и как он живет.

Работы масса. Кроме статей об *Oligochaeta*, продолжаю писать мой курс сравнительных анатомии и физиологии⁵. Сейчас сижу над дыхательными органами. Получается большой, но имеет успех во всех здешних университетах.

От всего сердца все мы — Bubita, я, Игорчук и Людмила Константиновна (уже почти 2 лет) — шлем всем вам наш самый сердечный, дружеский и теплый привет. Надеемся, что все вы здоровы и счастливы как всегда и что все у вас хорошо. Не забывайте нас, даже если я пишу так редко.

Ваш *Костя* и семейство

Сердечный привет от Бубиты.

P. S. Любые работы относительно *Oligochaeta* (Beddard, Stephenson, Michaelsen, Cognetti de Martiis, Benham, Stolte и др.⁶) меня интересуют. Здесь литература очень бедна. Если можешь достать что-либо из этой сферы, пришли, но с условием, что все расходы плачу я. Интересуют монографии Beddard'a и Stolte.

К.

¹ В сентябре 1961 г. К.И. Гаврилов женился на своей бывшей ученице Марии-Терезе Виллалба (домашнее имя Бубита). В 1962 г. у них родился первенец — сын Игорь, затем дочь Людмила.

² Stephenson J. *The Oligochaeta*. Oxford, 1930.

³ Имеется в виду монография: Gavrilov K. *El psicoanálisis a la luz de la reflexología* (Enfoques biológicos de la psicología profunda). Buenos Aires, 1953. Предисловие к ней написал профессор Хуан Дальма (1895–1977), основатель медицинского факультета Тукуманского университета, автор нескольких монографий по истории медицины.

⁴ Термин в психоанализе, означающий сознательное переживание уже случившегося травматического события с целью дать выход избытку сдерживаемых эмоций.

⁵ Он так и не был опубликован в законченном виде.

⁶ Речь идет о: Beddard F. *Monograph of the Order of Oligochaeta*. Oxford, 1895; Benham W. *Oligochaeta of Macquarie Island*. Sydney, 1922; Cognetti de Martiis L. *Gli oligocheti della regione neotropica: memoria*. Torino, 1905; Michaelsen W. *Das Tierreich 10: Vermes, Oligochaeta*. Berlin, 1900; Stolte H. *Oligochaeta*. Leipzig., 1933.

Тукуман, 2 декабря 1966 г.

Дорогой мой Кокище,

прости, что не сразу тебе ответил на твое сердечное и доброе письмо, написанное в связи с известием о смерти моего папы. Спасибо тебе за твои хорошие слова и за твою память, всегда ценимую мной (несмотря на редкость моих писем). Не мог сразу ответить, т. к. был завален работой. Недавно кончил Jornadas Zoológica Argentinas¹ (нечто вроде зоологического конгресса), которые устраивал здесь наш институт, и мне пришлось спешно готовить две работы — одну относительно одного из наших тукуманских червяков и другую на тему «Поведение и конфликт»² — для «круглого стола» (mesa redonda), где я был назначен одним из реляторов³. А потом пришлось писать годовой отчет о деятельности моих секций и, кроме того, начался период экзаменов. Сейчас пишу тебе из лаборатории, где я один (т. к. сегодня суббота).

Я рад, что у вас все хорошо, что ты и Джилл счастливы и что у вас такие милые, замечательные детишки. Убежден, что ты с увлечением и с успехом продолжаешь твои работы.

У нас тоже все хорошо. Изменения, о которых ты, конечно, читал в газетах, наш институт не затронули. Здесь все спокойно, и хотя все время приходится бороться с известной бедностью в смысле возможностей работы, мы продолжаем, как всегда, наши занятия и, в общем, не должны жаловаться. Дома все хорошо. Детишки растут так быстро, что фотографии, которые я прилагаю к письму (пока других у меня нет) уже устарели. Они сняты, кажется, в начале 1966 (не помню в этот момент даты). Сейчас Игорчук значительно выше; он умный и интересуется книгами, буквами и цифрами. Характер у него похож на мой — вспыльчивый, но с хорошим внутренним чувством. Людмилочка похожа на мою маму, особенно глазами, но тоже манерами. Она самостоятельна, иногда капризна, но нежная; любит танцевать, выдумывая свои собственные балетные па. Бубита, как всегда, замечательная и понимающая жена. Она не хотела, чтобы я посылал фотографию, где она со мной и детьми (говорит, что плохо вышла), но я все же посылаю ее контрабандой, т. к. пока не имею другую. Прилагаю тоже фотографию моей лаборатории (сняты в 1954, но мой уголок не изменился с того времени почти ни в чем). Жаль, что теперь строят новый дом, куда нас хотят перевести, — этот уголок придется через несколько лет покинуть. А я так к нему привык. Кончаю.

Всех вас крепко целую и желаю вам всем много, много счастливых моментов. Бубита шлет свой самый сердечный привет.

Твой друг *Костя*

Алек, мой брат, работает в моей секции как рисовальщик. Поражает всех своей быстротой и техникой. Я рад, что мне удалось его устроить в нашу лабораторию.

¹ Дни аргентинской зоологии (*исп.*).

² Опубл.: *Conducta y conflicto: (Algunos aspectos del problema)* // *Acta Zoológica Lilloana*. 1969. Т. 24. Р. 237–254.

³ От *исп. relator* — докладчик.

8

Тукуман, 24 сентября 1970 г.

Дорогой Кокище,

был рад твоему письму и хорошим вестям от тебя. Прости, что не ответил сразу, но должен был произвести некоторую работу, чтобы собрать данные, которые тебя интересуют. К сожалению, не могу ответить на все вопросы. У меня такие же проблемы памяти, как у тебя. Это вытеснение. Еще до твоего письма¹ хотел просить тебя напомнить мне имена некоторых наших учителей в Ревеле (например, как звали социолога? Каковы имя, отчество и фамилия «Пирога»? имя и отчество Рота?² и т. д.). О Праге кое-что вспомнил и кое-что нашел в журнале «Русский врач в ЧСР» и в других книгах и документах. Начну по пунктам:

1) Мы приехали в Прагу 19.X.1927 (19 října 1927), рано утром. Эта дата фигурирует как день легализации моего «*Seznam přednašek*»³. Я помню, что Володя Римский-Корсаков со станции (Wilsonovo Nádraží) повел меня в деканат, чтобы закончить все хлопоты записи в университет и легализовать *Seznam*.

2) Названия станции, с которой мы уезжали и через которую возвращались в Újezd nad Lesy, я точно не помню. Осуществив с собой эксперимент со свободными ассоциациями, я все время возвращаюсь к слову «*Vrřovice*», но я не уверен, что оно соответствует имени станции; моментами мне кажется, что это округ самого города Праги⁴. Так что в этом пункте остается?

Несмотря на это, уже с точностью могу сообщить, что следующая станция (в сторону Праги) называлась «*Věchovice*» (оттуда у меня собран червивый материал, как отмечено в одной из моих работ); потом была по дороге большая станция «*Libeň*», где имела «колония» русских. А вокзал, куда мы приезжали, назывался *Masarykovo Nádraží*.

3) Имен твоих хозяев в Újezd nad Lesy не помню. Также забыл название улицы, где ты жил с Теннукестом⁵ первый год (рядом жил Хохлов⁶, если я правильно помню это имя).

4) Из *Ozdravovny* в Прагу мы все, кажется, переехали в конце 1929 года или в начале 1930: я — в *Strašnice*, а ты — не помню куда. Мама с Ниной, проезжая через Прагу в Италию, чтобы взять пароход до Аргентины, меня навестили уже во второй моей комнате (квартире) в *Strašnice*, это было в 1931.

5) Не помню, если в начале, когда жил еще Беляев⁷, *Seminarium Kondakovianum*⁸ находился на *Hradčany*⁹. Но потом он занимал верхний этаж на *Slunná 10, Střešovice*. Мне кажется, что в эпоху наших докторских промоций «*ve Velké Aule Staroslovné University Karlovy*»¹⁰, *Praha I, Ovocný Trh* (твоя: 30.VI.1933; у меня: 27.IV.1934) мы уже жили на *Slunná 10*. Можно считать, что Кондаковский институт уже находился на *Slunná 10* с 1932 (или раньше?).

6) Адрес Педагогического бюро, где собирался «Скит»¹¹, не помню. Но адрес для сношений, в связи с изданиями «Скита», был: Dr. A. Bem¹², Bučková 29, Praha XIX (Bubeneč). Это адрес профессорского дома; рядом находился другой проф<ессорский> дом, с № 24. Другой проф<ессорский> дом, где жил Толль и Окуневы¹³, если мне не изменяет память, находился на Podbobská třída 24, Bubeneč.

7) Точного адреса «Русского очага»¹⁴ не могу сообщить, не помню. В пакете моих докладов, произнесенных в нем, отмечено только «Русский очаг» без адреса (это большой пробел). Насколько мне не изменяет память, он находился на той же улице, где и знаменитая пивная «U Fleka» (?). По методу свободных ассоциаций прихожу к названию «Mysliková» или «Mysličkova» (?), но иногда также и «Voličková», хотя — насколько помню — это последняя улица шла от Jungmannová 10, где жил Dr. Dosužkov k Vaclavské namestí.

8) «Земгор»¹⁵ находился на Sokolská (без сомнений), приблизительно № 100 (?), на той же улице, где были Lekařský Dům у Lekařské Knihkupectví, № 27, Praha II. Vědecké Knihkupectví Jar. Tožička помещалось на Lipová 4, Praha II.

9) Смену адресов «Народного (Свободного) университета»¹⁶ не помню, но его последний адрес у меня отмечен: Krakovská 8, Praha II. Но адрес «Справочного листка при Свободном университете в Праге»¹⁷ другой: один из его редакторов — М. Стахевич¹⁸ — указывает адрес Žižková 25, Praha XVIII, а другой — А. Воеводин¹⁹ — Čestmírová 27, Praha XIII; ответственный редактор — Fr. Herman — жил на Belehradské 97, Praha XII.

10) Может быть, тебе будет интересен адрес: Slovansky Ústav²⁰ — v Lobovickém Paláci v Praze III, Vlašská 19.

А также моего института: Zoologický Ústav, U Karlovy 3, Praha II.

Пока что только это. Потом разберусь в старых письмах (сейчас не хватает времени) и, может быть, найду какие-либо другие даты. Если у тебя нет и ты хотел бы иметь твою пригласительную карточку на докторскую промоцию, у меня есть один экземпляр, и я мог бы тебе его прислать. Рад, что Грохолинский²¹ жив и уже на свободе.

О себе не буду писать много, чтобы не увеличивать письма.

В семье все хорошо. 15 июня этого года родилась наша симпатичная, спокойная и приветливая Лариса (Лара) — третья, после Игоря (8 лет) и Людмилы (6 лет). Я стал семьянином и меньше провожу времени с работой в сравнении с прошлыми годами, но работаю все время, хотя часто борясь с некоторой «обломовщиной», которая меня привлекает. Вероятно, последствия возраста и не очень приятных условий нашего современного университетского режима, который охлаждает и даже пугает — не только меня, но и всех моих коллег и сотрудников. Этот режим — новые законы, требования, методы — чересчур жандармского типа, полон бюрократии и ограничений планами и абсурдными требованиями; и в нашем институте к нему прибавляется еще типичная адлеровская²² психология директора, со своим «инстинктом власти» и ежовыми рукавицами. Скоро все мы должны пройти через новые конкурсы. Наш институт находится еще в прелюдии этого, но на других факультетах сделали жестокую и бессмысленную чистку, не жалея даже тех, кто больше 20 лет исполнял функцию. Все это абсурдно и, конечно, пугает. Но, может быть, «не так страшен черт, как его малютки...»²³.

Рад, что ты доволен и счастлив. Твоей супруге Джилл и всей семье от меня и от всех моих самый сердечный и большой привет. Тебе тоже.

Твой друг *Костя*

Всегда хотел спросить тебя, что ты знаешь о Чегринцевых?²⁴ Как они провели войну и где живут после войны? Никогда ты мне о них не писал.

¹ По-видимому, уже в это время Н.Е. Андреев начал подготовку к написанию воспоминаний и старался уточнить разные детали, которые появились позднее в его мемуарах (см. Андреев, 1996).

² Упомянуты преподаватели таллинской гимназии, где учились Н.Е. Андреев и К.И. Гаврилов: Сергей Васильевич Пирожников; Николай Федорович Роот (1870–1960), художник, ученик А.И. Куинджи, соученик Н.К. Рериха, с которым дружил многие годы. С 1919 г. жил в Эстонии. В гимназии вел уроки рисования. Член правления Союза русских просветительских и благотворительных обществ, председатель правления Литературного кружка в Таллине.

³ Диплом (чеш.).

⁴ Память не подвела К.И. Гаврилова: указанное название соответствует и станции, и району Праги.

⁵ *Теннукест* Константин Иванович — одноклассник Н.Е. Андреева и К.И. Гаврилова по гимназии, уехал в Австралию.

⁶ *Хохлов* Герман Дмитриевич (псевд. Ал. Новик; 1908–1938) — одноклассник Н.Е. Андреева и К.И. Гаврилова по таллинской гимназии. В 1927 г. переехал в Прагу, где одновременно учился на философском факультете Карлова университета и в Русском институте сельскохозяйственной кооперации. Был близок к литературному объединению «Скит поэтов». После учебы работал во Франции. Печатался в «Современных записках», «Воле России» и др., принимал участие в альманахе «Новь». В 1933 г. вернулся в СССР. Печатался на литературные темы в советской прессе. 11 октября 1936 г. арестован НКВД. 14 мая 1937 г. Военным трибуналом Московского военного округа «за оказание помощи международной буржуазии» осужден на 10 лет лагерей с последующим поражением в правах сроком на 5 лет. 14 мая 1938 г. тот же трибунал по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации приговорил его к расстрелу. Расстрелян 10 сентября 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. Подробнее см.: Андреев, 1996; Белобровцева И. Двойной портрет: Николай Андреев и Герман Хохлов (литературные критики из «незамеченного поколения») // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 34. Р. 159–174.

⁷ *Беляев* Николай Михайлович (1899–1930) — археолог, историк. Участник Белого движения. В 1920 г. эвакуирован из Крыма в Константинополь. С 1922 г. жил в Праге. Один из основателей Семинария имени Н.П. Кондакова (вместе с Г.В. Вернадским, А.П. Калитинским, Н.П. Толлем).

⁸ *Seminarium Kondakovianum* — Семинарий имени Н.П. Кондакова; основан в 1925 г. В 1931–1952 гг. Археологический институт им. Н.П. Кондакова.

⁹ *Градчаны* — один из четырех исторических районов Праги, сохранявших до 1784 г. право на самоуправление. Название района произошло от слова «hrad», что на чешском языке означает «замок, крепость, укрепленное поселение».

¹⁰ То есть в период защиты докторских диссертаций в Большой аудитории Карлова университета.

¹¹ «Скит поэтов» — литературное объединение в Праге. Бессменный руководитель — А.Л. Бем. См.: «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевой; сост., биографии Л.Н. Белошевой, В.П. Нечаева. М., 2006.

¹² *Бем Альфред* Людвигович (1886—1945 (?)) — филолог-славист, критик, общественный деятель. С января 1922 г. жил в эмиграции в Праге. Член пражского Союза русских писателей и журналистов. Организатор и секретарь Общества по изучению Ф.М. Достоевского при Славянском институте. Активно сотрудничал в Педагогическом бюро по делам средней и низшей русской школы за границей и журнале «Русская школа за рубежом». Руководил литературной группой «Скит поэтов».

¹³ *Окунев Николай Львович* (1885—1949) — историк-византист, археолог, славяновед, историк искусства, коллекционер живописи. С марта 1923 г. жил в Праге. С 1925 г. профессор истории искусства Византии и восточных славян философского факультета Карлова университета. Член Семинария / Археологического института им. Н.П. Кондакова, Славянского института. Его жена: Вера Петровна (урожд. Патрик; 1888—?). Дочери: Ирина (в замужестве Расовская; 1913—1941), историк искусства; Вера (в замужестве Покорная; 1915—1998). Сын: Михаил (р. 1919).

¹⁴ «Русский очаг» — культурно-просветительский центр русской эмиграции, открытый в ноябре 1925 г. Располагался в центре Праги, на Кременцовой улице в доме 8. Им руководила графиня С.В. Панина. Включал библиотеку, имевшую в том числе и советские газеты и журналы, залы для проведения лекций и семинаров, учебных занятий, литературных и музыкально-художественных собраний, выставок и других мероприятий (кроме политических).

¹⁵ Земгор — объединенный комитет Земского и Городского союзов. Создан в июле 1915 г. для помощи в организации снабжения русской армии.

¹⁶ Речь идет о Русском народном университете в Праге, открытом Земгором в 1923 г. Создан по примеру университета А.Л. Шанявского в Москве. Предоставлял всем желающим возможность познакомиться с различными отраслями знаний, для чего организовывалось чтение курсов, лекций и докладов, посещение музеев, выставок и т. п.

¹⁷ «Справочный листок при Свободном университете в Праге» — газета Русского свободного университета в Праге, издавалась в 1934—1939 гг.

¹⁸ *Стахевич Михаил Сергеевич* (1893—1948) — редактор и основатель «Морского журнала», органа Кают-компании в Праге.

¹⁹ *Воеводин Александр Александрович* (1888—1944) — историк и писатель. Издавал литературный журнал «Жили-были» в Тунисе. В 1922 г. переехал в Прагу. Заведующий канцелярией Русского свободного университета в Праге, секретарь Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1944 г. арестован гестапо, погиб в концлагере.

²⁰ Славянский институт (чеш.).

²¹ *Грохолинский Юрий Владимирович* — химик, член НТС. Упоминается в воспоминаниях Н.Е. Андреева.

²² Психолог Адольф Адлер (1870—1937), основатель школы индивидуальной психологии, исходил из того, что люди всегда находятся в движении к личностно значимым жизненным целям.

²³ Каламбур, впервые встречающийся у Н.С. Лескова (рассказ «Зимний день»).

²⁴ *Чегринцева Эмилия Кирилловна* (урожд. Цегоева, 1905—1989) — поэт. В эмиграции в Чехословакии. Училась на философском факультете Карлова университета в Праге. В 1930 г. вышла замуж за Сергея Валерьяновича Чегринцева (1904—1977) — инженера, увлекавшегося филателией и державшего филателистический магазин. В том же году у них родилась дочь Марина. Член литературного объединения «Скит поэтов», собрания которого часто проходили на квартире Чегринцевых в Виноградском районе Праги. После Второй мировой войны преподавала русский язык в чешских гимназиях и институтах, в том числе в Пражской театральной академии. В 1960—70-е гг. неоднократно приезжала к родным в СССР. 16 ноября 1989 г. скончалась в городке Наход на севере Чехии, где жила в последние годы вместе с дочерью.

Тукуман, 2 сентября 1972 г.

Дорогой Кокище,

уже давно, очень давно, не имею от тебя вестей. Тоже не пишу. Переживаем здесь тяжелые условия университетской жизни — хаотичные, глупые, полные бессмысленной неразберихи. Днями и даже в течение нескольких недель не могу попасть в мою лабораторию, потому что институт занят учениками, которые никого не пускают. Все это очень грустно, очень странно. Но понятно, т. к. исчез авторитет, и теория Фрейда полностью подтверждается с прибавлением всяких политических влияний. Из газет ты, вероятно, знаешь о нашей университетской жизни. Не знаю, куда ведут все эти события.

Пишу сейчас только с мыслью о тебе. Напиши мне хотя бы две-три строчки, чтобы я знал, что у тебя все хорошо, что ты и все твои здоровы и что твое молчание зависит только от «неписанья», подобного моему. Напиши сразу, получив это письмо.

В моей семье все хорошо. Дети растут — растут так быстро, что не успеваешь отмерить время. Самая маленькая — Лариса — уже начинает говорить и является центром всех наших эмоций.

Мне писал Досужков из Праги. Просил передать тебе привет. Он продолжает со своими психопатическими исследованиями, несмотря на трудности, которые постоянно встречается.

В марте этого года умер Jiroves, директор Зоологического института нашего университета (University Carolina). Не знаю, помнишь ли ты его.

Рита мне написала уже давно. Не ответил до сих пор из-за нашего беспокойного состояния, которое мешает не только в работе (уничтожает всяческую творческую искру), но также и в остальной жизненной сфере.

Кончаю. Пишу только чтобы показать тебе, что хотя бы одна или две строчки от тебя были бы для меня очень радостными.

Привет всей твоей семье.

Твой *Костя*

Тукуман, 11 декабря 1973 г.

Дорогой Кокище,

тебя и твою семью все мы поздравляем с праздниками и с наступающим Новым годом, желаем, как всегда, всего наилучшего и шлем Вам наш самый сердечный привет.

Был рад твоему письму. Вижу, что ты здоров, полон энергии, творческого вдохновения и оптимизма и что у Вас в семье все хорошо.

У меня тоже в семье все хорошо. Моя большая любовь — маленькая Марта — растет и с каждым днем радуется своими новыми проявлениями этой, может быть, лучшей эпохи своей жизни. Другие уже большие. Людмила учится танцам (классическим и испанским), а Игорь, хотя и прошел хорошо в школе и более или менее в теоретическом английском, кажется, провалился в «писательском» и должен повторить эту часть экзамена в марте. Людмила, кроме танцев, учится в школе, и с большим успехом.

Прости, что целую вечность не писал тебе. Ты знаешь мой характер в этом отношении, но к этому дефекту сейчас прибавляются другие, связанные с нашей хаотической университетской жизнью, которая уже годами не может наладиться и в этот момент — после всех новых изменений — приняла характер достаточно странный и полный противоречий. Материально не затрагивает нашего — профессоров — положения, но новые волны, пропитанные разными идеологиями, мешают работе.

Сейчас начинают доминировать те, у которых еще не обсохло молоко на губах, и, кажется, хотят требовать — под лозунгом «наука для народа», — чтобы наша работа имела только прикладной, практический смысл. Это пока слова. Но если будут продолжаться в том же духе, кто и где проведет границу между этой прикладной и общей наукой. Профессора с 25–30-летней деятельностью в области преподавания оказались на заднем плане в выработке новых планов учения и исследования (эти планы меняются каждый момент), и это, конечно, кладет свой грустный отпечаток на всю университетскую жизнь. Меня лично ученики любят и слушают, но это не меняет общей картины. В этих условиях, вместе с огромным количеством бюрократических обязательств, то, что Фрейд называет сублимацией, идет книзу. Нет вдохновения. Сейчас занят моим учебником сравнительных анатомии и физиологии, который получается очень большим, и хотя имеет большой успех не только в Аргентине, но и в соседних странах (говорят «obra fundamental»¹), лично для меня представляет «болото»: одну ногу вытащишь, другая увязнет. Для других тем нет времени, да и, в сущности, всяческие планы официальные не позволяют развивать темы по собственному взгляду, приходится ограничивать их к предписанным схемам.

Вот пока и все, Кокище. Жму твою руку и всей твоей семье шлю от всех нас самый теплый привет.

Твой Костя

¹ фундаментальный труд (*исп.*).

Тукуман, 18 августа 1974 г.

Дорогой Кокище,
целую вечность не писал тебе. Все время собирался ответить на твое милое последнее письмо, но все в связи с разными обстоятельствами откладывал и откладывал. Был очень рад этому письму и тому, что у вас — в твоей семье — все хорошо.

Рад тоже, что Володя и Нина Р<имские>-Корсаковы нашли меня бодрым и молодым, хотя на самом деле уже чувствуется возраст: нет уже прежней энергии и выносливости, ночная работа сократилась и т. д. и т. п. Сейчас переживаю неприятную эпоху «перестройки» зубной системы, и это меня выбивает из колеи. Также мешает аллергия кожи к разным веществам, что в лабораторной работе мешает. Но, в общем, жаловаться не могу. Анализы, которые мне сделали в связи со случайным небольшим недугом, показали, что мой организм в лучшем состоянии, исключая, может быть, маленькое уменьшение эритроцитов (вероятно, в связи с некоторыми медикаментами, которые принимал).

Несмотря на это, за последнее время чувствую известную усталость и депрессию. Вероятно, причины внешние. Была больна Бубита, моя жена (очень повышенное артериальное давление), и пришлось осуществить целую серию клинических исследований. Все оказалось хорошо, и сейчас она поправляется или даже относительно поправилась.

Больше всего влияет наша хаотическая университетская жизнь. Это часть общего хаоса, который усилился после смерти Перона¹, большого человека, который умел преодолевать все эти бессмысленные обстоятельства. Газеты полны сообщениями о бомбах, перестрелках, похищениях, столкновениях и т. д., и т. д. Исчезают продукты.

В университете доминируют студенты и разные демагогические личности. Студенты часто применяют методы «силы». В разработке новых планов учения — довольно абсурдных — нас, опытных профессоров, в руках которых остается преподавание, — ничего не спросили (нас отставили в сторону), и эти планы были нам навязаны комиссиями, состоящими из учеников и этих новых личностей, которые я упомянул. Новый университетский закон неплох, но посмотрим, как его будут применять. Он устанавливает возрастной предел — 65 лет для профессоров обыкновенных (включая full time). В прошлом году я уже перешел этот предел, и, в сущности, мои функции «ordinarias»² должны были кончиться в марте этого года. Но есть выход: меня могут провозгласить профессор «emeritus»³ или контрактировать. Все зависит от людей, в руках которых окажется дело. Все это, конечно, волнует, т. к., если придется идти в отставку, жалование (пенсия) уменьшается почти в 3 раза. Сейчас все конкурсы, которые мы только что выиграли, аннулировали, и все мы продолжаем работать в так называемые «comisión»⁴. Будут новые конкурсы, но из-за возраста я не могу представиться. Если в отношении меня (есть несколько таких профессоров) примут упомянутые выше меры, все уладится. Меня убеждают многие друзья, что так оно и будет. Я уже 27 непрерывных лет на этом месте. Получал золотую медаль за 25 лет и нечто вроде «свидетельств», где признается качество и продуктивность моей работы и где меня поздравляют в этом смысле. Но все будет зависеть от этих новых личностей, о которых я упомянул выше. Поживем — увидим. Со студентами у меня отношения очень хорошие. Меня любят и признают. Хотел написать всего несколько строк, и видишь, что получилось. Все мы шлем тебе и всем твоим наш самый сердечный привет.

Твой Костя

Что с Ритой? Я ей писал, но не было ответа. Если знаешь что-либо о ней, со-
общаи, пожалуйста. Еще раз привет всем вам.

Наш № дома сейчас 3411. Надо писать: 3411 (antes 332).

¹ Генерал Перон одержал победу на выборах президента летом 1973 г. Его жена Мария Эстела Мартинес де Перон (Исабелита) была избрана на пост вице-президента. Экономическая политика Перона, включая замораживание цен и заработной платы, позволила на время замедлить темпы инфляции в стране. 1 июля 1974 г. Перон умер, и пост президента заняла его вдова. В марте 1976 г. военная хунта свергла Марию Перон, и президентом стал генерал Хорхе Рафаэль Видела.

² ординарный профессор (*исп.*).

³ заслуженный профессор (*исп.*).

⁴ комиссии (*исп.*).

12

Тукуман, 27 февраля 1978 г.

Дорогой Кокище,

прости, что долго не писал. Но мешал целый ряд обстоятельств, но, прежде всего, операция, которой должна была подвергнуться Бубу (умбиликальная грыжа — по-видимому, устаревшие следы последних родов) и которая заставила меня провести в санатории несколько дней и ночей. Сейчас Бубу поправляется, и, по-видимому, все будет хорошо.

Спасибо тебе за твои милые письма, поздравления и статью обо мне, которая перенесла меня в наши юные (одно «н»?) годы, полные дорогих воспоминаний. Отличие, которое я получил 16 декабря в Буэнос-Айресе, заключалось в провозглашении меня «Socio Honorario de la Asociación Argentina de Ciencias Naturales»¹. Это, несомненно, большая и важная академическая организация национального значения, но я не знаю, соответствует ли полностью или нет полученный мной «чин» рангу академика, как его понимают в Европе. Во всяком случае, это большая честь, судя по вводному слову доктора Ringuet² (старшина здешних зоологов), который представлял меня аудитории, и по многочисленным подтверждениям, словесным и письменным, которые я получил³.

Я рад, что ваша поездка в Северную Америку была такая удачная⁴. В своем последнем недавнем письме Рита мне описала Вашу встречу. Она (и вообще все) в восторге от твоего ораторского таланта. Твои конференции все были по-русски или тоже некоторые по-английски? Во всяком случае, вы получили много новых и ценных впечатлений и повидались со старыми друзьями после стольких лет. От тебя, от Риты и от Володи Р<имского>-К<орсакова> я имею сведения о многих из наших приятелей юных лет. Но до сих пор никто мне не сообщил о судьбе Инночки Раудсепп⁵. И тоже ничего не знаю о Верочке Пилкиной. Она никому не пишет, а на меня, кажется, обиделась (это длинная история недоразумений).

Как твои глаза?⁶ Существуют хорошие капли для подлечивания глаукомы. Моя мама страдала этим недугом, но в течение многих лет поддерживала свое зрение специальными каплями. Не сомневаюсь, что ты тоже достигнешь этого.

Уже начинаем новый академический год. Маленькая поправка к твоей статье обо мне. Я не только продолжаю мою исследовательскую работу, но также сохраняю мои кафедры (сравнительная анатомия и эмбриология, зоопсихология и др.). Мое положение не изменилось, т. к. изменили закон о возрастном пределе и вот уже 31 год минет 1 марта, как я на моем посту в нашем университете. Другие поправки: я родился в 1908 году — по церковному русскому календарю 27 июля (как фигурирует тоже в моих официальных документах), т. е. 9 августа. Исключая аллергическую экзему (на формалин и т. д.), аллергический синусит (по тем же причинам) и некоторую глухоту левого уха, на здоровье не могу пожаловаться.

Вот пока и все. Это письмо дойдет до тебя немного раньше дня твоего рождения. Поздравляю тебя с ним и желаю тебе много здоровья, энергии, удачи и семейного счастья.

Не забывай и пиши, даже если я отвечаю редко.

Сердечный привет от всех нас тебе, Джилл и всем твоим.

Дружески обнимаю.

Костя

P. S. Рита вскоре после твоего отъезда заболела (язвы желудка). Пишет об этом мало, но, по-видимому, поправилась вполне. Лежала в клинике.

¹ Почетный член Аргентинской ассоциации естественных наук (*исп.*).

² *Рингуле* Рауль Адольф (1914–1982) — аргентинский зоолог.

³ См.: *Андреев Н. К.И. Гаврилов* — почетный аргентинский академик // Новое русское слово. 1978. 31 янв.

⁴ Осенью 1977 г. Н.Е. Андреев с женой навестили дочь, которая училась в Гарвардском университете. Н.Е. Андреев выступал с докладами по-английски и по-русски в Гарварде, Нью-Йорке, Вашингтоне и в Монреале (Канада). Он видел много старых друзей (в том числе упоминаемых в настоящей переписке Риту Мейендорф, Ирину Завойко и Н.П. Толля), с некоторыми из них это была первая встреча после окончания школы.

⁵ Художник Инна Раудсепп продолжала жить в советской Эстонии, занималась книжной иллюстрацией.

⁶ У Н.Е. Андреева обнаружилась глаукома и позднее катаракта.

Тукуман, 17 января 1980 г.

Дорогой мой Кокище,

известие о смерти Риты наполнило меня грустью и тоской, но оно не было неожиданным. В течение долгого времени — много недель — меня преследовало пред-

чувствие этой смерти, и недавно, когда писал Рите поздравление к праздникам, у меня мелькнула мысль (сразу подавленная), что, может быть, мое письмо уже ее не застанет. Тоже предчувствовал, что о смерти Риты узнаю от тебя; поэтому со страхом открывал твое последнее письмо.

В этом предчувствии нет ничего сверхъестественного. Оно объясняется тем впечатлением, которое оставило во мне последнее письмо Риты, где она жаловалась на повторяющиеся кишечные кровотечения. Обманывая себя сознательно (т. е. внушая себе, что болезнь излечимая), бессознательно я чувствовал, что это чересчур серьезно, что это конец, и это ощущение (не признаваемое моим сознанием) меня мучило все это время.

Болезнь Риты не была кратковременная, как тебе сообщили, а длительная — начала проявляться вскоре после твоей поездки в Соединенные Штаты (а сколько времени была латентной, неизвестно). Вероятно, кратковременным было только осложнение, обострение этого недуга.

Рита ушла. Была необыкновенным человеком, необыкновенной женщиной. Для нас, ее друзей, ее смерть — большой удар. Но в памяти сохраняется ее облик — у меня с 1931 года, когда ее видел в Эстонии в последний раз.

Вероятно, Георгий Богданович <Мейендорф> с трудом вынесет свою потерю.

Но довольно о грустном. В твоем письме тоже есть оптимистические строчки, которые подчеркивают снова твою жизненную силу, твой творческий порыв и постоянный свет в твоём служении культуре.

Я рад, что твои коллеги, друзья и ученики издадут твои труды¹. Это, несомненно, наполнит тебя удовлетворением и радостью.

Надеюсь, что у тебя и у всех твоих все хорошо.

У нас все хорошо. В этом году уже должен хлопотать пенсию (из-за 71, почти 72), хотя меня ре-контрактировали на один год для писания моего учебника (но уже без кафедр).

Сейчас работаю в одиночестве — должен закончить до конца этого месяца одну работу по Oligochaeta для San Diego Univ<ersity>, USA. В одиночестве, потому что все мои поехали отдыхать к морю (San Clemente de Tuyú). Я не мог присоединиться к ним из-за этого компромисса. Работаю дома, т. к. это спокойнее, чем каждый день ездить в институт, где сейчас полная пустота из-за летних каникул.

Дорогой Кокище, не забывай и пиши. Всем вам самый сердечный привет. Обнимаю от всего сердца.

Твой Костя

¹ Имеется в виду сборник, изданный в честь Н.Е. Андреева: To Honor Nikolay Andreyev. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. № 1/2, Spring – Summer; а также издание, которое вышло посмертно: Poetry, Prose and Public Opinion. Aspects of Russia 1850–1970. Essays presented in memory of Dr N.E. Andreyev / Ed. by W. Harrison and A. Pyman. Letchworth, 1984.

Тукуман, 24 августа 1980 г.

Дорогой Кокище,

был глубоко тронут твоей открыткой. Спасибо за поздравление. В отличие от тебя, я никогда никого не поздравляю, т. к. не помню дат. Это стыдно.

Из твоих кратких строк вижу, что в твоей семье все хорошо.

У нас тоже, исключая самочувствие в связи с обязательным переходом — из-за возраста — на положение пенсиониста. Применение соответствующего закона долго откладывалось, но новый министр ввел это правило без оговорок, несмотря на то что многие кафедры остаются без специалистов. Например, моя главная кафедра сравнительных анатомии, эмбриологии и физиологии осталась в руках моих ассистентов (все женского пола), а другая кафедра — зоопсихология — оказалась в воздухе, без профессора. Все бюрократические новые условия, потеря кафедр и прочие негативные обстоятельства этого нового периода жизни, после 33 лет активной деятельности в университете, меня угнетают, так что не могу похвастаться хорошим настроением. Кроме того, ухудшается довольно значительно экономическая сторона. Семья, до сих пор в пределах сравнительно скромных, но достаточных возможностей — хорошо обеспеченная, должна будет привыкнуть к значительному уменьшению денежного прихода.

Но довольно об этом. Кое-как придется приспособиться. Ты пишешь об итогах, а у меня продолжают планы. Вероятно, меня оставят *ad honorem*¹ в лаборатории для продолжения исследовательской работы (*oligochaeta*). Но пока это только на словах.

Пишу редко и мало из-за всех этих обстоятельств, с которыми не могу бороться.

Старость не радость, говорит пословица. А я не чувствую старости (исключая некоторого увеличения лени), здоров и мог бы продолжать работу, как раньше. Но ничего не поделать. Цифры против меня. Только смотря на детей, понимаю, что время действительно бежит, и очень быстро. Игорь уже в университете — выбрал геологию на нашем факультете естественных наук. Людмила уже кончила школу классических и испанских танцев и собирается открыть свою собственную академию танцев. А маленькая Лариса уже приближается к переходу из начальной в среднюю школу.

Вот пока и все, дорогой Кокище. От меня, от Бубу и от моих сердечный привет тебе и Джилл, и то же всем остальным членам твоей семьи.

Твой Костя

P. S. Странно, со временем забываются многие вещи, особенно имена. Но меня удивляет, что стих Морковина², который вызвал столько споров при издании последнего номера «Нови», остался до сих пор свежим в моей памяти. Воспроизведу его для твоего архива воспоминаний:

Зал сосал Цейссами сцену / Зал бил шквал слез / Зал застеклянил глаз стену / Зал умирал — туберкулез / Кровь коралла, цвет без цвета / В рот платок — Виолета / Руки скрючил замученный труп / Зал закусил кровь губ.

Не знаю, может быть, ты тоже его помнишь. Но зная, как ты ценишь прошлое, сообщаю тебе его на всякий случай.

¹ Заслуженный профессор (*лат.*).

² *Морковин* Вадим Владимирович (1906–1973) — инженер, литературовед, поэт. Член литературного объединения «Скит поэтов» в Праге.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К.И. ГАВРИЛОВ – ДЖИЛЛ ХАДДЛСТОН

Тукуман, 18 марта 1982 г.

Дорогая Gill,

с глубоким чувством печали, с бесконечной скорбью узнал из Вашего письма (и из письма Володи Римского-Корсакова, полученного почти в то же самое время) о смерти нашего дорогого, очень дорогого Коки. Понимаю, как Вам было тяжело, трудно пережить эту потерю. Для меня это тоже очень тяжелый удар. Кока был моим самым большим другом в течение почти всей жизни, с юношеских лет. Его уход оставляет меня сиротой, хотя и буду хранить в памяти его образ необыкновенного, большого — очень большого — человека, во всех смыслах.

Выражаю Вам и всей Вашей семье мое глубокое сочувствие. К нему присоединяется моя жена, Бубу, которая говорит, что будет молиться о Коке (она очень религиозна). Она знает о нем — о моем незаменимом Кокище — по моим рассказам.

В этот момент это единственно, что могу написать. Нужно благодарить судьбу, что Кока умер без мучений, характерных для его болезни (рак)¹. Умер во сне, без страданий.

Дорогая Gill, кончаю это письмо с выражением моего самого искреннего дружеского чувства ко всем вам.

Ваш *Костя*

¹ Н.Е. Андреев скончался 25 февраля 1982 г.

ХРОНИКА

ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЕ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ

7 декабря 2010

7 декабря 2010 г. состоялось знаменательное событие: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына отметил 15-летие своего существования. Пятнадцать лет — срок небольшой, вместе с тем это определенный рубеж в становлении и развитии. На праздник в Москву съехались друзья Дома — представители российской эмиграции более чем из десяти стран мира. К торжественному дню в Доме русского зарубежья были открыты экспозиции, рассказывающие о его истории, научно-исследовательской деятельности, а также выставки из архивно-музейного собрания.

Огромную роль в процессе обновления общества играет осмысление минувшего, восприятие, изучение и сохранение богатейшего историко-культурного и литературного наследия нашего отечества, преодоление разрыва, который произошел в культуре России в XX в. Мы испытываем огромное удовлетворение от того, что в решении этой важной задачи Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына занимает свое совершенно определенное и, надеемся, важное место.

Мы благодарны всем друзьям нашего Дома, представителям российской эмиграции, которые смогли приехать в этот памятный день.

Ведущий: директор Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына В.А. Москвин.

Выступления: мэр Москвы С.С. Собянин, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Волоколамский Иларион, заместитель министра культуры П.В. Хорошилов, исполняющий обязанности руководителя «Росохранкультуры» В.В. Петраков, руководитель Россотрудничества Ф.М. Мухаметшин, главный редактор издательства «УМСА-Press» Н.А. Струве, председатель комитета «Книги для России» Л.С. Флам-Оболенская, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинский, член правления Русского Благотворительного Фонда Александра Солженицына М.А. Банкул, представитель Русского монархического центра в Австралии Т.А. Вентура-Ладуска (Щеглова), президент Русского общественного фонда Александра Солженицына Н.Д. Солженицына.

Приветствия: Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин, министр культуры Александр Алексеевич Авдеев.

В.А. Москвин: Уважаемый Сергей Семенович, Ваши Высокопреосвященства, Ваше Преосвященство, дамы и господа, дорогие друзья! У нас сегодня большой праздник. И фильм «Посольство на Таганском холме» — это рассказ и о русском зарубежье, и о деятельности Дома. Я позволю себе лишь дополнить увиденный вами фильм несколькими цифрами. В нашем Доме сейчас более 18 тысяч музейных предметов, свыше 80 тысяч архивных документов и столько же — почти 80 тысяч — книг. У нас 2202 дарителя из разных стран мира. Практически со всех континентов в Дом на Таганке стекаются реликвии, сюда приходят книги, журналы, газеты, и мне хотелось бы выразить глубочайшую, самую сердечную благодарность всем, кто передал сюда самое ценное, что у них есть, — семейные реликвии, потому что исполняется завет миллионов наших изгнанников. Ведь они жили для того, чтобы служить России, и они служили России. Пусть им не пришлось вернуться самим, но идет возвращение книгами, рукописями. Вчера к нам приехали 36 гостей из-за рубежа, из разных стран мира, вчера здесь состоялся вечер, на котором мы получили очень много ценнейших, удивительнейших даров. Еще раз огромное спасибо.

Все 15 лет нам помогало московское правительство, благодаря которому мы начали этот проект с маленького домика, который потом вырос в крупнейший в России многофункциональный научный и культурный центр, который включает в себя музей, архив, библиотеку, научный центр, издательство, киностудию и книжный магазин. Я хотел бы поблагодарить московскую власть за поддержку и помощь. С большой радостью предоставляю слово мэру Москвы Сергею Семеновичу Собянину.

С.С. Собянин: Дорогие гости, друзья, Наталия Дмитриевна! Я присоединяюсь к душевным поздравлениям, которые прозвучали здесь по поводу 15-летия Дома русского зарубежья. Действительно, это событие неординарное. Потому что другого такого Дома нет в России, нет в мире, и не по формальному какому-то признаку — библиотек разных и музеев очень много. Но это — и музей, и дом, и библиотека... оно уникально. Уже сказано, что 80 тысяч книг и периодики здесь, 80 тысяч единиц архивного хранения, 18 тысяч единиц музейного хранения. Но это — такая вот сухая статистика, ни о чем не говорящая. На самом деле можно себе представить, как это все собиралось: люди, которые находились за десятки тысяч километров от России, от Москвы, думали о том, как свои домашние предметы, домашнюю историю перенести в этот центр. Я могу представить, насколько это было непросто — поверить этому Дому, людям, которые являются организаторами этого Дома, отдать частичку своей души, истории, перенести ее сюда. Такая специальная история каждого из этих десятков тысяч предметов, которые находятся здесь, — и я думаю, они являются частичкой или такой связующей нитью: человек, перенес свою историю сюда, уже ощущает себя связанным и с этим Домом, и с этим местом — Москвой и Россией. Мне кажется, что это место и сама идея этого Дома реализовали связь между поколениями, странами, между историями и между русским миром в целом. Я считаю, что это очень важно и что этот проект удался. Виктор Александрович сказал о том, что московское

правительство всегда помогало; я подтверждаю, что и будет помогать развиваться Дому русского зарубежья, и уверен, что мы многие материальные проблемы, которые сегодня стоят, решим. На будущий год мы закладываем финансовые ресурсы для проектирования нового здания, и я думаю, что мы в ближайшее время реализуем, будем реализовывать этот проект в том объеме, в котором он был задуман, для того, чтобы те хранилища, которые сегодня есть и которые малодоступны для посетителей, открыли свои двери, для того, чтобы мы имели залы, где можно все это посмотреть и где можно с этим работать. Учитывая тот объем книг и музейных экспонатов, которые сюда притекают, можно с уверенностью сказать, что новое здание не будет пустовать. Это означает, что идея этого Дома продолжит жить и развиваться. Я вас поздравляю. Ну и чтобы совсем не с пустыми руками прийти сюда, я сделаю тоже небольшой подарок, как многие вчера и сегодня. Московское правительство дарит вам письма и рукописи Алексея Ремизова, переписку Бориса Вышеславцева и письма Владимира Рябушинского. (*Аплодисменты.*)

В.А. Москвин: Дорогие друзья, пришло много поздравлений с юбилеем из разных стран мира, от различных российских организаций. Я их не буду все зачитывать, а зачитаю только одно — от Председателя Правительства Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

«Поздравляю участников, организаторов и гостей торжественного вечера со знаменательным событием — 15-летием Дома русского зарубежья.

Основанный по инициативе А.И. Солженицына, этот уникальный и востребованный проект успешно развивается, вовлекает новых участников в орбиту своей многогранной творческой деятельности. Искреннего признания заслуживает активная исследовательская, издательская, просветительская работа Дома русского зарубежья, его вклад в сохранение богатейшего историко-культурного и литературного наследия нашего отечества, популяризация русского языка и расширение русскоязычного информационного пространства. И конечно, миссией Дома является укрепление связей между Россией и нашими соотечественниками за рубежом. Желаю новых достижений на этом благодородном поприще и всего вам самого доброго. В. Путин».

Пятнадцать лет назад, когда открывался Дом, на его открытие приехал председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. А сегодня на наше 15-летие приехал председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион.

Митрополит Волоколамский Иларион: Уважаемый Сергей Семенович, уважаемая Наталия Дмитриевна, уважаемый Виктор Александрович! Уважаемые участники праздничного вечера, дорогие братья и сестры! Сердечно приветствую всех собравшихся на праздничном вечере, посвященном 15-летию открытия Дома русского зарубежья. С большой радостью передаю вам слова приветствия, благопоже-

лания и благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по случаю сегодняшних торжеств. Дом русского зарубежья в Москве был открыт в 1995 году благодаря трудам великого русского писателя, общественного деятеля и гражданина Александра Исаевича Солженицына. Как известно, тогда, в день открытия Дома, присутствовал председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ныне Патриарх Московский и всея Руси. Таким образом, это начинание было поддержано Русской православной церковью, а также многими известными представителями российской интеллигенции и соотечественниками из дальнего зарубежья.

За прошедшие годы ученики и последователи Александра Исаевича немало потрудились для того, чтобы духовное и культурное наследие русской эмиграции обрело новую жизнь в российском обществе. Собирая бесценное творческое наследие русского зарубежья, Дом является в настоящее время одним из значимых научных и культурных центров по взаимодействию с соотечественниками, проживающими за рубежом. Этот благородный труд служит преодолению последствий гражданского противостояния начала XX века, братоубийственного разделения, которое, верю, никогда более не повторится. Желаю всем участникам памятного вечера успеха в трудах по воссозданию духовного единства нашего общего дома — исторической Руси. Божие благословение да пребывает со всеми вами. Хотел бы в знак признательности Дому русского зарубежья и в честь его 15-летия преподнести библиотеке этого Дома свою книгу о Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Кирилле и двухтомник под названием «Православие», где одна из глав посвящена русскому зарубежью, и в частности трудам богословов так называемой парижской школы, которые внесли очень важный, весомый вклад в развитие православного богословия и вписали одну из золотых страниц в историю нашей Церкви. (*Аплодисменты.*)

В.А. Москвин: Нашему дому на протяжении всех 15 лет помогало Министерство культуры Российской Федерации, и министр культуры Александр Алексеевич Авдеев является одним из наших дарителей, в частности, благодаря Александру Алексеевичу и Никите Алексеевичу Струве сохранены уникальнейшие фрески сестры Иоанны Рейтлингер, которые вы можете видеть здесь, в нашем Доме. Я хотел бы пригласить к микрофону заместителя министра культуры Павла Владьевича Хорошилова и исполняющего обязанности руководителя Россохранкультуры Виктора Васильевича Петракова.

П.В. Хорошилов: Добрый вечер, уважаемые Сергей Семенович, Наталия Дмитриевна, Владимир Александрович! Александр Алексеевич очень хотел быть среди вас на этом замечательном вечере, вместе с вами почувствовать атмосферу настоящего праздника, когда вместе собирается огромное количество честных, преданных своему делу людей, но он сопровождает президента в его рабочей поездке, поэтому вы видите перед собой того, кого видите. Тем не менее хочу донести до вас слова, которые Александр Алексеевич обращает сегодня к вашему Дому в связи с его юбилеем.

«Рад приветствовать организаторов, участников и гостей торжественного вечера, посвященного 15-летию Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Этот уникальный культурный и научно-исследовательский центр хорошо известен россиянам и нашим соотечественникам, проживающим в разных странах мира. “Светящимся мостом, соединяющим память эмиграции и нашей Родины” назвал его Александр Исаевич Солженицын, который внес самый большой вклад в его создание. Лучше и не скажешь. Именно здесь, в этом Доме, формируется фонд памятников духовной и материальной культуры русской эмиграции, русского зарубежья. Здесь хранятся уникальные документы из архивов Мережковского и Бердяева, Деникина и Врангеля, исторические реликвии, картины, медали... Именно здесь встречаются сегодня выдающиеся ученые и деятели культуры, представители российской и мировой интеллигенции — все те, кому не безразлична судьба России, ее прошлое, настоящее и будущее.

Уверен, что деятельность Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына будет и впредь способствовать укреплению и развитию наших культурных связей с русским зарубежьем, сохранению и приумножению национального культурного наследия. А.А. Авдеев».

В.В. Петраков: Дорогие друзья, в дополнение к поздравлению нашего министра я хотел бы вручить поздравление от федеральной службы «Росохранкультура» Виктору Александровичу, с которым мы сотрудничаем очень тесно на протяжении более чем 10 лет, а также наш публичный отчет, в котором прописана наша официальная благодарность Дому и Виктору Александровичу лично. (*Аплодисменты.*)

В.А. Москвин: В нашем Доме практически каждый день проходят лекции, встречи, мы проводим выставки. Мы подсчитали, что за 15 лет было более четырех тысяч встреч, лекций, выставок в залах нашего Дома. И очень много мы также проводим выставок, встреч, кинофестивалей, кинонедель за рубежом. И теснейшим образом взаимодействуем с Россотрудничеством. В прошлом году мы вместе провели за рубежом более 20 только выставок. Я хотел бы пригласить к микрофону руководителя Россотрудничества Фарита Мубаракшевича Мухаметшина.

Ф.М. Мухаметшин: Приветствую и поздравляю от имени нашей организации — Россотрудничества — коллектив Дома русского зарубежья. Могу с уверенностью сказать, что ваш Дом хорошо известен не только москвичам и жителям нашей страны, но и далеко за ее пределами. Этот Дом — поистине уникальное учреждение. Он объединяет людей в России и за рубежом, считающих себя сопричастными нашей истории и культуре. Россотрудничество, проводя многоплановую работу по формированию позитивного образа нашей страны за рубежом, опирается прежде всего на поддержку своих партнеров. Одним из самых активных и надежных среди них является Дом русского зарубежья, за это мы вам очень благодарны. На базе наших центров мы совместно проводим работу по ознаком-

лению зарубежной общественности с богатым культурным, научным и интеллектуальным составом России и русского зарубежья. Программа нашей совместной деятельности включает в себя широкую палитру различных гуманитарных акций. Это книжные выставки, круглые столы, фестивали, молодежные встречи и многое другое. Только за последние два месяца мы провели уникальные выставки и круглые столы в российских центрах науки и культуры Аргентины, Австрии, Болгарии, Чили, Бразилии. Книжные экспозиции, предоставленные Домом, явились поистине украшением торжественных открытий наших центров в Пекине и Минске. Мы высоко ценим ваш значительный вклад в формирование того огромного духовного и культурного пространства, которое мы именуем сегодня русским миром. Весьма символично, что Дом носит имя великого русского писателя и мыслителя современности Александра Исаевича Солженицына, сыгравшего ключевую роль в его создании и наполнении фондов ценнейшими материалами.

В лице нашей организации вы всегда найдете надежного партнера в реализации всех ваших планов и идей. От всей души желаю коллективу Дома благополучия и процветания, успеха в благородном деле сохранения, приумножения и популяризации духовного наследия нашей великой родины. (*Аплодисменты.*)

В.А. Москвин: Я хотел бы попросить выйти к микрофону одного из создателей Дома Никиту Алексеевича Струве — профессора Парижского университета, руководителя издательства «УМСА-Press», главного редактора «Вестника русского христианского движения», члена совета учредителей Дома русского зарубежья.

Н.А. Струве: Многоуважаемый Сергей Семенович, дорогая Наталия Дмитриевна, многоуважаемые пастыри, архипастыри! Я действительно оказался у истоков создания этого — я бы не сказал учреждения — потому что я вообще считаю, что само создание этого дома — это некоторое чудо. Я об этом говорил пять лет назад и глубоко уверен в этом теперь, и чудо в каком-то смысле продолжается. Чудо — потому что оно родилось почти из ничего по инициативе одного человека (это тоже довольно удивительно) — Виктора Александровича Москвина, к которому многие из нас присоединились и поняли, что органически необходимо, чтобы в Москве был именно Дом русского зарубежья. Долгое время я был немножко огорчен, что это была Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», и всегда мечтал, чтобы он превратился именно в Дом. Это не только учреждение, не только научный центр, не только хранилище, но и Дом с большой жизнью — я бы сказал, с очень доброй жизнью. Вообще, это начинание было добрым делом, и оно развивалось — это не так уж часто бывает, что доброе дело остается добрым и даже в своей доброте, своей благодати продолжает развиваться. И то, что ему было присвоено имя Александра Исаевича Солженицына, величайшего писателя XX века мирового масштаба, — это не только благодарность ему за то, что он сделал для этого Дома, но и нечто большее. Я думаю, что это обеспечивает будущее, потому что мы знаем, что в именах вообще есть суть — это философски и религиозно обосновано, и я уверен, что имя будет охранять этот дом и вдохновлять его сотрудников, тут я вижу некоторую уверенность — хотя 15 лет — это

уже немалый срок. Можно за будущее бояться, будущее не обеспечено, культура в мировом масштабе падает, потому это накладывает на Дом русского зарубежья еще большую ответственность. И тем не менее я уверен, что он будет расти. Дом будет свидетельствовать о русской эмиграции — беспрецедентной в истории. Мережковский считал, что такого с исхода Израиля не было — 70 лет, когда цвет страны выехал, это ни с чем не сравнимо в современной истории. Об этом свидетельствовать необходимо, и свидетельствовать необходимо в духе русской эмиграции — в той ее свободе, ее бедности, ее бескорыстности, такой абсолютной, которой мы, потомки этой эмиграции, были свидетелями и остаемся восторженными почитателями. Остается пожелать Дому дальнейших конкретных успехов. Ему предстоит расширение — в смысле основания живого музея истории. В нем пока еще недостаточно музейных экспонатов, музейного свидетельства, это не так легко создать, хотя все фонды и основания уже имеются. Вот уже два или три года посетителей встречают над входом замечательные иконописные фрески гениальнейшей иконописицы XX века сестры Иоанны Рейтлингер, вдохновленные гениальнейшим мыслителем-богословом XX века отцом Сергием Булгаковым. Это сочетание творческого вдохновения, верности традиции при удивительной свободе и удивительном дерзновении должны служить примером и призывать нас смотреть в будущее с надеждой, работать по примеру русской эмиграции на наше общее будущее. Так как все дарят подарки... Я хочу передать дому корпус документов, который очень существенен для нашей парижской эмиграции. Это документы, подарок от «УМСА-Press», — переписка Андерсена с родственниками нашей великой героини Вики Оболенской, которая была сопротивленкой и которая до сих пор питает нашу гордость. (*Аплодисменты.*)

В.А. Москвин: У нашего Дома очень много друзей, и специально в помощь Дому в Америке был создан комитет «Книги для России». Из Соединенных Штатов мы получили восемь контейнеров с десятками тысяч книг, архивных документов, музейных предметов. Я хотел бы пригласить к микрофону председателя комитета Людмилу Сергеевну Флам-Оболенскую.

Л.С. Флам-Оболенская: Уважаемые гости, дорогая Наталия Дмитриевна, Виктор Александрович! Я должна сказать, что я совершенно сражена последним подарком, полученным вашим Домом, поскольку я занималась темой Вики Оболенской в течение многих лет, недавно здесь как раз вышло третье издание книжки о ней, но я не знала об этой переписке, и мне безумно интересно на нее посмотреть. Что касается сегодняшнего дня, конечно, это большой праздник. И конечно, я бы хотела поздравить Дом и его сотрудников не только от своего имени, не только от имени нашего комитета «Книги для России», и в частности от двух присутствующих здесь его членов, но также беру на себя смелость принести поздравления от имени огромного числа наших жертвователей в Соединенных Штатах и Канаде, пожелавших внести свою лепту в формирование фондов Дома. В списке наших дарителей приблизительно 300 имен, и всех их можно причислить к друзьям и доброжелателям Дома зарубежья из-за той готовности, с которой они откликаются

на возможность передать в Россию любимые ими книги, произведения живописи, рукописи, фотографии и даже семейные реликвии.

Наш комитет начал работать спустя два года после основания Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Чем мы были движимы? Ну конечно, в первую очередь побудителем этого был факт существования здесь Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье», куда можно было направлять вышедшую в российской диаспоре литературу. Но более всего это отвечало нашему давнишнему стремлению (я говорю сейчас о моих современниках и о предшествовавшем поколении) — стремлению донести до российского читателя ту литературу, которую мы открывали когда-то сами для себя. Все, что выходило в таких местах скопления русских, как моя родная Рига, Белград, Варшава и, конечно, Берлин и Париж, — все это было для нас большим источником сохранения нашей русскости и нашего восприятия русской культуры. Это было то, чем мы хотели поделиться с людьми, жившими в период советской цензуры и не имевшими доступа к этой литературе.

Сегодня многое из того, что было достоянием Запада, издается в самой России. Когда-то нам об этом даже мечтать не приходилось. Но Россия велика, поэтому наш комитет собирается продолжать деятельность по сбору книг. Но одновременно мы ставим во главу угла собирание и пересылку сюда музейных предметов, рукописей и произведений живописи и других художественных произведений, о чем вы можете судить, посетив здесь выставку «Новый свет». (*Аплодисменты.*)

В.А. Москвин: Спасибо, Людмила Сергеевна. Поступило очень теплое приветствие от Илариона, митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского, первоиерарха Русской православной церкви за рубежом. Я не буду его зачитывать, оно очень большое, очень хорошее и очень теплое. Я хотел бы предоставить слово руководителю Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаилу Сеславинскому и поблагодарить Вас, Михаил Вадимович, и Федеральное агентство за огромную поддержку нашей издательской деятельности.

М.В. Сеславинский: Уважаемый Сергей Семенович, дорогая Наталия Дмитриевна, дорогой Виктор Александрович! Вчера мы уже начинали торжественный вечер, который проходит в двух сериях, и я вспомнил английское выражение: «Любовь делает дом как здание местом обитания». И действительно, та команда, которая работает здесь во главе с Виктором Александровичем, сумела сделать так, что эта любовь распространилась на многие страны и континенты. И тысячи людей приезжают сюда как к себе домой. Сергей Семенович сказал сегодня замечательную вещь о том, что Правительство Москвы, которое поддерживало Дом, будет рассматривать и воплотит планы дальнейшего развития Дома. Потому что — что такое дом? В доме надо все-таки иметь возможность переночевать. А один из планов команды Дома русского зарубежья — создать небольшой гостевой дом внутри этого Дома, и я подумал: вот сидит Сергей Львович Голлербах. Как хорошо сделать это, чтобы он расписал в лучших традициях один из номеров в этом Доме, чтобы Никита Алексеевич Струве оставил

свои маргиналии и размышления на какой-нибудь стене о судьбах русской литературы. И это сразу бы стало памятником, создало бы дополнительную теплоту в этом большом гостеприимном Доме. Еще одно большое дело сделал Дом вместе с Наталией Дмитриевной, когда два года назад они обратились в Правительство Москвы; и произошел очень символический для нас для всех акт — улица Большая Коммунистическая была переименована в улицу Александра Солженицына. А это хотелось бы воспринимать как начало большой работы, так же как и строительство гостиницы. (*Аплодисменты.*) Давайте задумаемся сами... Марина Ивановна Цветаева. Какой еще поэт может быть более культовым для москвичей, для жителей Москвы? После хрестоматийных строк Пушкина, наверное, все сразу вспоминают слова Марины Ивановны Цветаевой — и тысячи юношей и девушек учат наизусть стихи о Москве. Достояна Цветаева того, чтобы на географической карте Москвы появилась либо улица, либо сквер, либо площадь Марины Цветаевой?! И это можно отнести ко всем другим поэтам, писателям, литераторам, с которыми кровью связана судьба Москвы. Я сам собиратель. Когда заходишь в фонды Дома русского зарубежья, то, конечно, становится приятно, потому что такого количества документов, автографов, реликвий, которое сосредоточено здесь, никакому собирателю не может присниться ни в каком, даже самом радужном, сне. И что подвигает всех людей, чтобы этот кусок своего сердца, души, которые ты пронес через поколения, отдать сюда? Конечно, не само великолепное хранилище и не те замечательные стеллажи, которые мы видели, а находящийся рядом читальный зал. Потому что, когда ты видишь, как исследователи работают в читальном зале с документами, переданными Дому русского зарубежья, — понимаешь, для чего все это делается. И это самое главное — чтобы поток людей, исследователей, которые идут сюда, не прекращался, не оскудевал. И чтобы малую толику тоже внести, я хотел бы передать Виктору Александровичу (большая коробка, я не смог сюда внести) переписку из моего собрания Владимира Сосинского с Адой Черновой. Эта переписка для меня поучительна тем, что муж и жена переписывались каждый день — такого сейчас себе уже представить невозможно. Если ты куда-то уехал от своей семьи, развитые средства массовых коммуникаций не дадут тебе возможности написать письма своим детям и своей супруге. Этому надо учиться, и я надеюсь, что это будет воспитываться у наших детей. С праздником! (*Аплодисменты.*)

В.А. Москвин: Спасибо, Михаил Вадимович. Одна из программ Дома — это поддержка библиотек за рубежом. Более чем за 10 лет библиотекам России и стран СНГ было подарено более 400 тысяч книг. Эту программу вел Русский Благотворительный Фонд Александра Солженицына. И поэтому я с большим удовольствием предоставляю слово члену правления Фонда Солженицына профессору Марии Александровне Банкул из Швейцарии.

М.А. Банкул: Дорогие гости, дорогие друзья, приехавшие из-за границы! Здесь столько было сказано хорошего, ласкового, умного. Я хочу начать с совсем маленькой цитаты из стихотворения князя Касаткина-Ростовского. Стихотворе-

ние длинное, и моя мать сократила его очень сильно, и мы — я, мои дети — всегда его читали на всех елках, на всех праздниках зарубежья. Оно было написано вскоре после эмиграции.

РУССКИМ ДЕТЯМ

Копите силы молодые,
В изгнанье, в дальней стороне
Не забывайте о России,
О нашей русской старине...

Тут автор говорит о том, что продолжается и сегодня. Нашу первую эмиграцию рассеяло по свету. Русские были везде, и я думаю, мой опыт эмиграции похож на другие судьбы. Я родилась в Праге, которая была очень крупным культурным центром эмиграции. Там была большая эмиграция, там был университет, который давал те же права, что и чешский университет. Там была гимназия. Мы жили недалеко от Праги, в маленьком местечке Черношицы, недалеко от того места, где жила Марина Цветаева. Мы были еще совсем маленькие, и у нас был детский сад, одна из воспитательниц которого окончила Бестужевские курсы. Это говорит об уровне этой пражской эмиграции. Мне было 11 лет, когда волею судьбы нашу семью забросило в Тегеран, в Персию. Там я увидела совсем другое. И там я поняла, что больше всего нас связывало в эмиграции: наша вера. Церковь существовала везде. Она могла быть подвальной, в какой-то комнате. Там всегда были священники, которые служили, там были люди, которые прекрасно расписывали эти подвалы, было много вывезенных эмигрантами икон. Церковь была всегда. Но многие из тех детей, к которым обращал стихи Касаткин-Ростовский, не вернулись в Россию. Они лежат в чужой земле, и сегодня мы о них молились все вместе. И тут встает вопрос: для того чтобы вы, приехавшие сегодня сюда, и все эти жертвователи, более тысячи человек, смогли сохранить себя, свою культуру — ведь их надо было воспитать русскими.

И это я очень хорошо почувствовала в Тегеране. Там не было ни гимназий, ни университетов, ни детских садов — ничего. И там все должны были сами воспитывать своих детей, тех, кто сегодня привозит все эти дары. Через два года я попала в Бейрут, в Ливан. Это тогда был французский протекторат, и образование там все было на французском языке. В четверг в этих школах не учились, и у нас была русская четверговая школа, но это было совсем далеко от того, что было в Праге. Когда школа закрылась, моя мать решила, что этих уже подростков как-то надо приобщить к русскому языку, к русской культуре. Она основала кружок русской молодежи в Бейруте. Он собирался по воскресеньям, моя мать вела урок русского языка. Потом были лекции по литературе. Моя мать составила учебник литературы, потому что советские учебники ее не удовлетворяли. Ее учебник был рукописным, и он до сих пор у меня есть. Я думаю, такие вещи и интересуют Дом русского зарубежья. Мы сами должны были делать доклады. После этого была трапеза и танцы. Это очень привлекало молодежь. Самое интересное то, что мы,

14–17-летние, стали издавать журнал. Он был машинописный, со многими разделами. Его называли «Маяк». Это было очень символично, потому что этот огонек должен был помочь всем нам — утлым корабликам, разбросанным по всем морям, не погибнуть, не утонуть и прийти в свою родную гавань. А эта гавань — это наша родина, и мы сейчас ее вновь обрели и очень благодарны этому Дому, который сделал очень многое возможным, о чем мы даже и мечтать не думали. Мы, конечно, передаем наследие наших отцов и дедов — но благодаря тому, что нас воспитали русскими.

Я хочу поблагодарить всех. Конечно, Вас, Виктор Александрович, за то, что Вы здесь ведете все. Всех, кто здесь трудится. Вы много делаете — очень большое, нужное, доброе дело. Вы его делаете с большой любовью. И за это вам всем наш поклон общий и большое спасибо. И также, конечно, большую благодарность мы выражаем всем попечителям и всем, кто помогает этому Дому не только существовать, но и продолжать развиваться. Большое вам всем спасибо. (*Аплодисменты.*)

В.А. Москвин: Спасибо, Мария Александровна. Я хотел бы предоставить слово Тамаре Александровне Вентуре-Ладуске (Щегловой) из Австралии.

Т.А. Вентура-Ладуска (Щеглова): Ваше Высокопреосвященство, Наталия Дмитриевна, Виктор Александрович, дамы и господа! Я, Тамара Вентура, урожденная Щеглова, передаю в дар Дому русского зарубежья имени Александра Солженицына кулон — пасхальное яйцо фирмы Фаберже, которое принадлежало великой княгине Ксении Александровне, сестре императора Николая Второго. Этот кулон Ксения Александровна подарила Надежде Успенской, дочери отца Николая, ее духовника. От Надежды этот кулон перешел ко мне, так как наши отцы были большими друзьями. Они вместе просидели девять лет в ГУЛАГе. Я чувствую, что единственное место, где эта бесценная реликвия должна быть, — в нашем любимом Доме русского зарубежья. (*Аплодисменты, слезы Тамары Александровны.*)

Я поздравляю вас всех с сегодняшним днем. И благодарю вас за то, что вы есть. Спасибо России, в которую я вернулась и которую я потеряла, когда мне было пять лет.

В.А. Москвин: Спасибо, Тамара Александровна. Я хотел бы также поблагодарить Московскую городскую думу за постоянную помощь и поддержку. Владимир Михайлович Платонов прислал совершенно замечательное поздравление нашему Дому. Огромное спасибо городской думе, председателю и всем депутатам. И я хотел бы пригласить к микрофону Наталию Дмитриевну Солженицыну, учредителя Дома. Без Наталии Дмитриевны и Александра Исаевича этого Дома не было бы.

Н.Д. Солженицына: Поправка состоит в том, что учредитель — Александр Исаевич, а вовсе не я.

Дорогой Сергей Семенович, высокочтимый владыка Кирилл, дорогие гости и сотрудники Дома русского зарубежья! Выступать последней очень легко, потому что до меня уже все сказано.

Я не могу не выразить согласие с Никитой Алексеевичем Струве, что и сам этот Дом, и тот слет, который сегодня здесь проходит, — это из разряда чудес. После кончины Александра Исаевича этому дому было присвоено его имя едва ли не на следующий день. Я должна признаться, что это вызвало у меня двойственные чувства. Хотя Александр Исаевич сделал многое для создания этого Дома и для наполнения его тем содержимым, которое сегодня так блистательно растет, но все-таки он по преимуществу принадлежит к метрополии, к физической России, а не к русскому зарубежью, в котором он прожил меньше четверти своей жизни — поневоле, впрочем, как и все, кто оказался в изгнании.

И все-таки в присвоении этого имени есть весомые основания. Судьба завывернула Александра Исаевича в изгнание, но она же сделала его живым мостом между двумя разрубленными берегами русской культуры. Здесь уже говорилось о том, что история этого дома началась не 15 лет назад, а значительно раньше, когда Александр Исаевич призвал соотечественников немедленно сесть и писать воспоминания, и отклик был горяч: больше тысячи рукописей мы привезли и передали этому Дому. Но еще намного раньше, 45 лет тому назад, еще даже не предвидя своего изгнания, Александр Исаевич писал в «Архипелаге ГУЛАГ» о русской эмиграции — писал о том, что в Гражданскую войну произошел отток значительной части духовных сил России — этот отток увел от нас большую важную ветвь русской культуры. Он говорил, что каждый, кто истинно любит русскую культуру, будет стремиться к воссоединению обеих ветвей — метрополии и русского зарубежья, и лишь тогда она достигнет полноты, и лишь тогда она обнаружит способность к неущербному развитию. Он писал: «Я мечтаю дожить до того дня». Божьей милостью он до того дня дожил, он вернулся на родину, он помог создаться этому Дому, передал сюда все собранное за годы изгнания, и теперь уже ничто не мешает воссоединению ветвей русской культуры. Но вот достигла ли русская культура полноты и обнаруживает ли она сегодня способности к неущербному развитию? Честный ответ на этот вопрос будет — «нет». Русская культура еще не достигла полноты. Она вынуждена сейчас жить по принципу купли-продажи; слабеет духовная составляющая в культуре; после всех немислимых испытаний, через которые прошла Россия в XX веке, и тех, через которые она проходит сейчас, в большой массе народа подорваны нравственные устои, разрушено объединяющее национальное сознание. Поэтому путь не окончен, труба еще не играет отбой, и от каждого из нас зависит возрождение той нравственной почвы, на которой только и может развиваться подлинная культура. (*Аплодисменты.*)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЙ ПАРИЖ МЕЖДУ ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙН»

Москва. 1–3 декабря 2010

Тема «Русский Париж» уже давно стала знаковой и собирательной, достигла в научных разработках самодостаточной «критической массы», выйдя на уровень комплексных фундаментальных исследований. Прошедшая 1–3 декабря 2010 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына международная научная конференция «Русский Париж между двух мировых войн» (руководитель проекта М.А. Васильева) во многом была призвана подвести итоги многолетней исследовательской работы. Организованный при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и посольства Франции в Москве, проект был приурочен к году России во Франции и Франции в России. Как одна из наиболее масштабных по означенной теме (75 участников), конференция привлекла ведущих российских и зарубежных исследователей, представителей разных поколений и научных школ. Продемонстрировав широкую географию российского участия, конференция представила доклады ученых из университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Владикавказа, Тюмени, Новосибирска, Вологды, Барнаула, Казани, Петрозаводска, Омска, Воронежа. Среди иностранных ученых были представители Франции, Германии, Швейцарии, Канады, Великобритании, Австрии, Эстонии, Польши. На приглашение участвовать в конференции откликнулись многие видные исследователи: Жорж Нива (Женевский университет), Елена Менегальдо (Университет г. Пуатье), Жервез Тассис (Женевский университет), Ирина Белобровцева и Александр Данилевский (Таллинский университет), Томаш Гланц (Берлинский университет имени Гумбольдта) Ирина Обухова-Зелиньска (Союз историков искусства Польши), Андрей Лишке (Парижский университет) и др.

Структура конференции отразила несколько направлений в области изучения русской эмиграции во Франции межвоенного периода: литература, философия, история, культура. По этим направлениям работали четыре секции. В работе самих секций были сформированы отдельные тематические заседания, посвященные Г.И. Газданову и Б.Ю. Поплавскому (секция «Литература»), восприятию русской литературы религиозно-философской мыслью русского Парижа (секция «Философия»), правовому положению русских эмигрантов в межвоенном Париже, истории русской печати и военного дела (секция «История»). Секции «Культура» был предоставлен специальный рабочий день конференции (3 декабря), что позволило участникам и слушателям наиболее полно представить озвученные

темы докладов в сопровождении аудио- и видеопрезентаций. Событием стал доклад Е.В. Кривцовой «Опус 45: Странствующее “странно” Сергея Прокофьева» — в ходе которого впервые был представлен на аудионосителе опус 45 С.С. Прокофьева в исполнении выдающейся пианистки М.В. Юдиной и воспроизведена на слайд-шоу партитура этого произведения.

По признанию оргкомитета и участников конференции, ряд докладов, озвученных на секциях, тематически перекликался с направлениями других секций. Это отразило тенденцию всестороннего изучения русской эмиграции во Франции с междисциплинарным подходом и привлечением различных методов разработки темы. К подобным докладам можно отнести выступление О.А. Коростелева «Периодика русского Парижа сквозь призму дневника Антонина Ладинского», Ю.В. Матвеевой «Русский Париж 1920–30-х гг. как русский культурный миф XX века»; А.П. Козырева «Софиологические споры: интерлюдия между двух войн. Парижский контекст»; О.В. Марченко «“Пирамида света и тьмы”: историко-философские заметки о прозе Б. Поплавского»; А.А. Медведева «Феномен Достоевского в религиозной философии Н.С. Арсеньева»; М.Ю. Сорокиной «Basile Nikitine: “эмир” из “страны голубых антилоп”»; Т. Гланца «Русский авангард в русском Париже — типологические замечания»; О.В. Костиной «Международная выставка в Париже в 1937 г.: русское присутствие»; М.А. Васильевой «“Следует, пожалуй, определить это ускользающее поколение...”: спор вокруг термина Владимира Варшавского»; Ф.П. Федорова «Лирика Александра Гингера как факт изгнаннического самосознания» и др.

Специальные доклады осветили новые спектры исследования означенных тем и новые архивные разыскания. К таким докладам можно было бы отнести выступления М.А. Колерова «Большевики и создание лояльной интеллигенции: Париж, 1920–1921 гг.»; А.Г. Гачевой «Кламарский раскол евразийства: факты, идеи, интерпретации»; М.А. Маслина «Философия культуры Г.П. Федотова»; И.В. Домнина «Русский Париж как центр военной культуры зарубежной России»; А.М. Грачевой «Парижские ученики Алексея Ремизова»; С.Р. Федякина «Мемуаристика Георгия Иванова между двух мировых войн»; Э.В. Соколовой «Шалапин в Париже»; Б.Н. Тарасова «На полях воспоминаний З.А. Шаховской»; Д.В. Токарева «“Парижское подземелье” Бориса Поплавского», М. Рубинс «Парижская антиутопия Василия Яновского», Н.В. Ликвинцевой «Образ дома в творчестве матери Марии (Скобцовой)»; О.Т. Ермишина «Русский Париж в воспоминаниях В.В. Зеньковского»; З.С. Бочаровой «Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е гг.»; А.В. Урядовой «Голод в 1921 г. в советской России и русские комитеты помощи, созданные во Франции»; И. Обуховой-Зелинской «Юрий Анненков — творческая и жизненная стратегия художника в межвоенном Париже»; М.П. Рахмановой «Николай Черепнин: “кучкист” в Париже»; С. Кэмпбелла «Русский Париж Сергея Рахманинова»; С.Г. Зверевой «Дирижер Николай Афонский и православный музыкальный Париж»; А.В. Толстого «Парижские университеты русских художников» и др.

К этим дням были приурочены выставки и презентации, ставшие органичным продолжением работы конференции. На выставке «Русский Париж в фондах

Дома русского зарубежья» были представлены редкие архивные материалы из фондов А.Н. Анцыферова, М.И. Цветаевой, Н.П. Рябушинского, Н.А. Струве и др. Специальную часть экспозиции составили документы из фонда В.С. Варшавского (Ф. 54), автора известной книги «Незамеченное поколение» (1956), всесторонне отразившей жизнь русской эмиграции в межвоенной Франции. Воспоминания его вдовы, Т.Г. Варшавской, почетного гостя конференции, подарившей обширный архив писателя Дому русского зарубежья имени Александра Солженицына, — одна из ярчайших страниц последнего дня конференции. Знаменательно, что открывалась конференция также воспоминаниями — докладом Ж. Нива «Мой русский Париж».

Большим событием, получившим резонанс в музыкальной жизни Москвы, стало выступление хора «Кастальский» под управлением А.М. Рудневского с участием протодиакона собора Св. Александра Невского в Париже Александра Кедрова. Представленные на концерте произведения А. Кастальского, П. Чеснокова, С. Рахманинова, Н. Черепнина отразили пути развития духовной музыки в эмиграции и особый стиль исполнения этих произведений, которым славится Собор Св. Александра Невского.

Событием также стала презентация изданий: «Собрание сочинений» Бориса Поплавского (В 3 т. / Сост., коммент., подгот. текста А.Н. Богословского, Е. Менегальдо. М., 2009) и «Зеркало: Избранная проза» Ирины Одоевцевой (Сост., вступ. ст. и коммент. М. Рубинс. М., 2010) с участием составителей Е. Менегальдо и М. Рубинс. Эти книги были также специально представлены на стенде посольства Франции в России на 12-й международной ярмарке интеллектуальной литературы «Non/fiction».

Торжественное закрытие конференции сопровождалось демонстрацией фильмов, непосредственно связанных с темой «История кинематографа русского Парижа» — «Монпарнас» («Montparnasse», 1929; режиссер и оператор Эжен Деслав / Евгений Славченко) и «Башня» («La tour», 1928; режиссер Рене Клер, оператор Николай Рудаков), снятых на парижской киностудии «Альбатрос», исторически связанной с кинотворчеством русской эмиграции.

М.А. Васильева

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КОЛЛОКВИУМ
«МЫСЛЯЩИЕ МИРЫ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА:
ГРАФИНЯ СОФЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ПАНИНА
(К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)»

Марфино (Московская обл.) – Москва. 29–31 мая 2011

29–31 мая 2011 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына состоялся Международный научный коллоквиум из серии «Мыслящие миры российского либерализма» (куратор — кандидат исторических наук, заведующая отделом истории русского зарубежья М.Ю. Сорокина). Коллоквиум проводился в рамках серии конференций, посвященных исторической судьбе либералов в России и эмиграции и был приурочен к 140-летию со дня рождения выдающегося российского общественного деятеля графини Софьи Владимировны Паниной (1871–1957).

Графиня Панина была первой в мировой истории женщиной — членом правительства. Начиная с мая 1917 г. она являлась товарищем министра государственного призрения Временного правительства, затем товарищем министра

Дворец в Марфине

народного образования. В дореволюционные годы графиня стала создательницей Лиговского народного дома в Петербурге, демократический дух которого заметно отличал его от подобных акций в рамках традиционной благотворительности того времени. Лидерские качества графини были ее яркой отличительной чертой как общественного деятеля. В эмиграции С.В. Панина стала одним из лидеров русской эмигрантской общины в Чехословакии и затем в США. Она участвовала в основании Толстовского фонда помощи русским эмигрантам, работая с Александрой Львовной Толстой и другими видными русскими эмигрантами в Америке, включая С.В. Рахманинова и Б.А. Бахметева.

Сквозь призму судьбы графини Паниной — общественного деятеля, благотворительницы, политического эмигранта — на коллоквиуме был рассмотрен широкий круг проблем деятельности российских либералов в политической, общественной, научной,

Графиня С.В. Панина.
Портрет работы И.Е. Репина. 1909.
Русский музей

Могильная плита: здесь покоятся останки отца и сестры С.В. Паниной

Семейное захоронение Паниных в Марфине

Стерегущие Марфино грифоны

Марфинский мостик

культурной, интеллектуальной жизни Российской империи и СССР, российских диаспор, различных профессиональных сообществ и стран-реципиентов российской эмиграции. В работе коллоквиума приняли участие историки, краеведы и музееведы из Воронежа, Владимира, Москвы, Петербурга, Омска, Череповца, Брянска и других российских городов. С основным докладом выступила профессор Адель Линденмайер (Университет Вилланова, США), автор единственной монографии о графине С.В. Паниной.

Открытие коллоквиума состоялось 29 мая в бывшем подмосковном имении графини С.В. Паниной Марфино (Мытищинский р-н Московской обл.), где ныне расположен санаторий Министерства обороны Российской Федерации, администрация которого оказала значительное содействие в проведении коллоквиума. Здесь состо-

ялся круглый стол «Наводя мосты: российская диаспора и международные благотворительные организации», в котором приняли участие профессор А. Линденмайер, президент фонда «Либеральное наследие» А.А. Кара-Мурза, профессор О.В. Будницкий; хозяйка коллоквиума — М.Ю. Сорокина, П.А. Трибунский, а также другие участники. Круглый стол проводился при поддержке Программы Фулбрайт (США).

Переехав в Москву, в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 30–31 мая коллоквиум работал в рамках трех секций — «Графиня С.В. Панина: жизнь и судьба», «Дворянское гнездо Паниных», «Благотворительность в России в конце XIX — первой половине XX в.: люди и институты, историческая судьба на родине и в эмиграции».

В первой секции, где председательствовали заместитель директора по науке Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына доктор исторических наук Н.Ф. Гриценко и профессор А. Линденмайер, выступили: А. Линденмайер («Графиня С.В. Панина в истории русской филантропии и демократии»); О.А. Жукова («Ценности и социальная практика христианского либерализма в России: опыт графини С.В. Паниной»); М.М. Горинов («О дате рождения С.В. Паниной: поиски и находки в архивах»); В.Ю. Волошина («Розтокская русская колония: начало пражского периода эмиграции С.В. Паниной»); П.А. Алипов («С.В. Панина и М.И. Ростовцев: вехи сотрудничества двух лидеров русской эмиграции»); Л.А. Мнухин («Материалы С.В. Паниной в архиве А.М. Петрункевич (Библиотека современной международной документации, Франция)»); П.А. Трибунский («Письма И.И. Петрункевича А.И. Петрункевичу как источник по истории либерализма в России рубежа XIX–XX веков»); А.Н. Егоров («Дискуссии российской эмиграции 1920–30-х гг. о роли либералов в Февральской революции»); Л.П. Лаптева («Рус-

Открытие коллоквиума. Слева направо: М.Ю. Сорокина, А.А. Кара-Мурза, А. Линденмайер

Представитель санатория «Марфино» Ю.П. Затеева вручает памятный подарок Дому русского зарубежья имени Александра Солженицына. Слева П.А. Трибунский

Выступает О.В. Будницкий. Слушает А. Линденмайер

Выступает Л.А. Мнухин

ские славяноведы-эмигранты в Праге 1920–30-х гг.»); О.В. Будницкий («Б.А. Бахметев и русские благотворительные организации в США в 1918–1951 гг.»).

Во второй секции, «Дворянское гнездо Паниных», которой руководила М.Ю. Сорокина, доклады представили: Т.В. Фролова («Усадьба графов Паниных в Городце (по материалам фонда Главной конторы по управлению делами Паниных Центрального архива Нижегородской области)»), И.Е. Косыгин («Усадебный комплекс Марфино. Проблемы сохранения и реставра-

Участники коллоквиума на экскурсии по Марфино.

Слева направо: А. Линденмайер, П.А. Алипов, Е.В. Кривова, Г.И. Ульянова

ции»), В.И. Маслов («Долгий путь Софьи Владимировны Паниной / Марфино»), В.В. Каширцева, Е.В. Айви («Памяти Софьи Владимировны Паниной: Презентация интернет-музея»).

Секция «Благотворительность в России в конце XIX — первой половине XX в.: люди и институты, историческая судьба на родине и в эмиграции» возглавлялась профессором А. Линденмайер, докторами исторических наук Г.Н. Ульяновой и В.М. Соловьевым. Здесь выступили: Г.Н. Ульянова («Анонимно или гласно? Практика анонимных и именованных пожертвований в истории российской филантропии XIX — начала XX века»); Н.Б. Хайлова («Едва ли найдется в России лицо, которому удалось бы совершить столько в области народного образования (А.И. Чупров): либерал-центрист М.М. Стасюлевич и народное просвещение в России в конце XIX — начале XX в.»); В.В. Вышкварцев («Общее благо и либеральный критицизм М.А. Рейснера»; И.В. Сабенникова («Земгор как институт благотворительности русского зарубежья 1917–1939 гг.»); Н.А. Родионова («Творившая благо: А.С. Милюкова в семье и обществе»); В.М. Соловьев («Купец 1-й гильдии А.И. Морозов: исторический портрет»); Е.А. Ростовцев («Столичный университет и система благотворительных учреждений в Петербурге в начале XX в.»); О.Ю. Солодянкина («Благотворительные организации по поддержке воспитательниц и учительниц в Российской империи рубежа XIX–XX вв.»); Е.Е. Седова («Роль общественной и частной благотворительности в деятельности учебных заведений русского зарубежья первой половины XX века»); В.П. Пономарева («Преподаватели Харбинского юридического факультета и благотворительность. 20–40-е гг. XX в.»).

Работа коллоквиума получила широкое освещение в центральных и региональных средствах массовой информации, а также на различных интернет-сайтах. По результатам коллоквиума будет выпущен сборник докладов участников. Третий коллоквиум из цикла «Мыслящие миры российского либерализма» состоится в 2013 г. и будет приурочен к 150-летию со дня рождения академика В.И. Вернадского.

А. Линденмайер в музее санатория «Марфино»

М.Ю. Сорокина

Фото Л.А. Пуховой, М.Ю. Сорокиной

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ
«РУССКАЯ ДИАСПОРА И ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИНОСЛАВЯНСКОМ И ИНОСТРАННОМ
ОКРУЖЕНИИ»

Белград. 1–2 июня 2011

1–2 июня 2011 г. в Белграде состоялся Международный научный симпозиум «Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении». Организатором этого научного форума выступили Славистическое общество Сербии, филологический факультет Белградского университета, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына при содействии Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Международного педагогического общества в поддержку русского языка, Русского Дома в Белграде.

Изучение различных аспектов истории российской эмиграции в Сербии занимает особое место. Только в течение двух последних десятилетий, кроме индивидуальных исследований, был проведен целый ряд научных мероприятий: конференций, симпозиумов, круглых столов, организаторами которых явились Славистическое общество Сербии и филологический факультет Белградского университета. Сербская русистика, которой уже более 130 лет, бережно хранит имена наших соотечественников, преподававших в Белградском университете (П. Митропан, Г. Орлов, Ф. Тарановский, К. Свинарский). Изучение русского языка и литературы остается значимой частью учебного и научного процесса. Организация именно в Белграде научного симпозиума, посвященного изучению истории и многообразного наследия российской эмиграции, является закономерным.

Участниками симпозиума стали почти сорок ученых из Сербии, России, Болгарии, Словении, Белоруссии, Болгарии, Словакии, Литвы, Чехии, Хорватии, Латвии, Швеции. На симпозиуме был рассмотрен широкий круг проблем, охватывающих различные аспекты истории и культурной жизни наших соотечественников, волей исторической судьбы оказавшихся вне пределов исторической родины.

Доклады, представленные на симпозиуме, можно сгруппировать по следующим группам:

— публикации, направления и результаты научных исследований по истории российской эмиграции (А.Б. Арсеньев, В. Белокапич-Шкунца (Сербия), Н.Ф. Гриценко, Е.Ю. Иванова (Россия));

— российские ученые-эмигранты и их вклад в становление и развитие европейской науки и технологий (М.Ю. Сорокина, Ю.С. Гудович, Л.Г. Барсова, Н.А. Бондаренко (Россия), С.П. Гочева, Г.Н. Гочев, В.В. Манчев (Болгария), Б. Станкович, В. Пузович (Сербия), А. Дерганц (Словения));

Филологический факультет Белградского университета

— проблема сохранения русского языка и русской культуры (Ю.А. Горячев, В.Ф. Захаров (Россия), В. Джапа-Иветич, К. Кончаревич, Е. Матияшевич (Сербия), Лукашанец (Белоруссия, М. Станчева (Болгария));

— литературоведческая славистика, лингвистика (Е. Гинич (Сербия), И. Поспишил (Чехия), П. Буняк (Сербия));

— роль российских эмигрантов в развитии православных церковных общин (Н.П. Видмарович (Хорватия), Б. Косанович (Сербия)).

В докладах были затронуты и другие аспекты истории и культурной жизни российской диаспоры в странах рассеяния.

Симпозиум открылся приветственными обращениями представителей организаторов и гостей. С приветственными словами выступили заместитель министра образования Сербии Весна Фила, председатель Славистического общества Сербии Боголюб Станкович, заместитель директора по науке Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына Н.Ф. Гриценко и др.

На открытии симпозиума с рассказом о Доме русского зарубежья выступила координатор балканских программ Т.Ю. Иринархова. Н.Ф. Гриценко проанализировала основные направления и результаты научных исследований ученых научно-исследовательского центра Дома русского зарубежья.

На пленарном заседании были представлены семь докладов. Доклад А.Б. Арсеньева был посвящен обзору публикаций последних лет о российской эмиграции в

*Открытие симпозиума. В президиуме (слева направо):
 Б. Станкович, председатель Славистического общества Сербии;
 А. Вранеш, декан филологического факультета Белградского университета;
 Н.Ф. Гриценко, заместитель директора по науке Дома русского зарубежья
 имени Александра Солженицына; Ю.А. Горячев, председатель экспертного совета
 Международного педагогического общества в поддержку русского языка;
 И.С. Тяпков, директор образовательных программ Русского Дома в Сербии*

Сербии. Ю.А. Горячев и В.Ф. Захаров рассказали о международных педагогических инициативах развития русской школы за рубежом. Исследователь из Чехии И. Поспишил представил брненскую литературоведческую славистику и роль российской эмиграции в ее развитии. Доклад А. Дерганц был посвящен деятельности слависта А.В. Исаченко в Любляне (в 1938 — начале 1941 г.), оставившего заметный след в развитии словенского языкознания. В докладе исследователей из Болгарии С.П. Гочевой и Г.Н. Гочева анализировалось научное наследие профессора Г.А. Тагамлицкого. П. Буняк в своем докладе главное внимание сосредоточил на недостаточно известных биографических фактах из жизни К.Ф. Тарановского и на разработанном им структуралистском научном методе. Этот метод К.Ф. Тарановского опирался на лучшие традиции русских формалистов и Пражского лингвистического кружка.

Во второй половине дня 1 июня и 2 июня работа симпозиума шла в двух секциях. В секционных заседаниях с докладами выступили сотрудники Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.Ю. Сорокина (заведующая отделом истории российского зарубежья) представила доклад «Пересекающая границы: российские ученые-эмигранты — члены Сербской академии наук и искусств»; Ю.С. Гудович (главный специалист отдела музейного и архивного хранения) выступила с докладом «Инженер и археолог С.Н. Смирнов при дворе Карагеоргиевичей»¹.

¹ Тезисы докладов участников симпозиума опубл.: Международный научный симпозиум «Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении» (Белград, 1–2 июня 2011 г.): Тезисы докладов. Белград, 2011.

В зале заседания симпозиума

Заседание секции.

*В центре: председатель Славистического общества Сербии Б. Станкович.
Справа: М.Ю. Сорокина, заведующая отделом истории русского зарубежья ДРЗ;
Н.Ф. Гриценко, заместитель директора по науке Дома русского зарубежья имени
Александра Солженицына; Е.Ю. Иванова (крайняя справа),
профессор филологического факультета Санкт-Петербургского университета.
Третья слева: Ю.С. Гудович, главный специалист отдела музейно-архивного хранения
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*

*Заключительное заседание симпозиума. Круглый стол.
Слева направо: М.Ю. Сорокина, Н.Ф. Гриценко, Ю.С. Гудович, Е.Ю. Иванова*

В заключительной части симпозиума состоялся круглый стол по теме «Русская диаспора как ресурс распространения русского языка и русской культуры в мире».

Проводимые Славистическим обществом Сербии международные научные симпозиумы способствуют сохранению и развитию в Сербии и других славянских странах общего исторического и культурного наследия и пробуждают интерес к изучению русского языка и русской культуры. Проблемы, поднятые участниками научного форума, дополняют культурную историю регионов российского рассеяния. Вместе с тем необходимо отметить, что изучение российской эмиграции, особенно 1917–1930-х гг., подошло к такому этапу, когда необходимо перейти к созданию обобщающих работ.

Огромную роль в организации симпозиума сыграл председатель Славистического общества Сербии профессор Боголюб Станкович. Он был полон творческих планов, в начале 2012 г. собирався представить в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына изданный сборник материалов симпозиума. К нашему глубокому прискорбию, организованный им симпозиум оказался для него последним.

Н.Ф. Гриценко

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«П.А. СТОЛЫПИН И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕФОРМ
В РОССИИ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ П.А. СТОЛЫПИНА)»

Москва. 28–30 сентября 2011

28–30 сентября 2011 года в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына прошла Международная научно-практическая конференция «П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России (к 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина)».

Конференция была открыта приветственным выступлением директора Дома русского зарубежья В.А. Москвина, отметившего в своем выступлении, что Петр Аркадьевич Столыпин прошел большой путь на государственном поприще и встал во главе правительства России в сложное время — время политического и общественного раскола. От главы правительства требовались не просто несгибаемая воля, но и личное мужество, готовность взвалить на себя весь груз ответ-

Открытие конференции.

*В президиуме (слева направо): академик РАО, д.и.н. С.О. Шмидт;
директор Дома русского зарубежья к.и.н. В.А. Москвин;
директор ГА РФ д.и.н. С.В. Мироненко;
академик РАН, директор института Всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян;
президент Фонда по изучению наследия П.А. Столыпина П.А. Пожигайло*

Открытие конференции. Выступает директор Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына В.А. Москвин

ственности за положение в стране, и Петр Аркадьевич в полной мере проявил все эти качества.

В.А. Москвин зачитал приветствие, поступившее в адрес конференции от министра культуры Российской Федерации А.А. Авдеева.

С приветственными словами выступили уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукин, академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян, директор Государственного архива Российской Федерации д.и.н. С.В. Мироненко, д.и.н. академик Российской академии образования, советник РАН С.О. Шмидт. Выступившие с приветствиями подчеркнули важность и актуальность исторического опыта ре-

Заседание секции «П.А. Столыпин и аграрные преобразования в России». Секцию ведут профессора Штефан Мерль (Гамбург) и М.А. Давыдов (Москва)

форм П.А. Столыпина, отметив его мудрость политика и патриотизм. П.А. Столыпин считал, что только сильная, дееспособная государственная власть, опирающаяся на деловую, гражданскую инициативу миллионов людей, способна обеспечить развитие, гарантировать спокойствие и стабильность огромной многонациональной державы, нерушимость ее границ. Петр Аркадьевич Столыпин сумел не только сформировать идеологию реформ, но и запустить процесс этих масштабных преобразований, которые затронули практически все стороны жизни.

Президент Фонда по изучению наследия П.А. Столыпина П.А. Пожигайло в своем приветственном выступлении познакомил участников и гостей конференции с деятель-

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукин

Н.В. Случевский (Сан-Франциско) и Н.А. Рубцова (Сан-Франциско)

И.Г. Комо (Демидова) (Париж)

ностью возглавляемого им фонда по изучению и популяризации наследия П.А. Столыпина.

На открытии конференции были продемонстрированы кадры кинохроники из собрания Российского государственного архива кинофотодокументов.

Всего за два дня конференции было заслушано 40 докладов. В конференции приняли участие шесть зарубежных исследователей, в том числе потомки П.А. Столыпина из США, Франции, Германии, Литвы, Японии; 34 российских исследователя из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Омска, Саранска, Владимира, Нальчика, Тамбова, Тулы, Перми, Петрозаводска, Мичуринска.

Л.И. Сараскина (Москва) и С.В. Мироненко (Москва)

Конференция проходила по трем направлениям:

1. Государственная деятельность П.А. Столыпина.

2. П.А. Столыпин и аграрные преобразования в России.

3. П.А. Столыпин: личность, окружение. П.А. Столыпин и российская эмиграция.

Через судьбу и государственную деятельность П.А. Столыпина был рассмотрен широкий круг проблем, раскрывающих взаимоотношения возглавляемого им правительства, либеральных и консервативных кругов; развитие столыпинских идей модернизации России в консервативных проектах русского зарубежья; политика правительства в Прибалтике и Финляндии; вопросы финансово-бюджетной политики

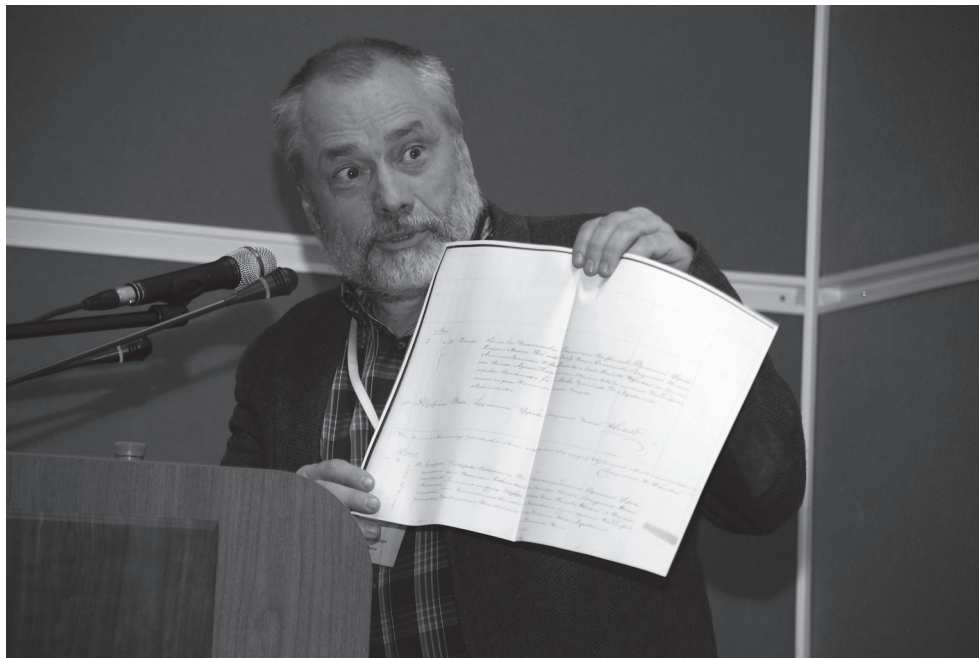

Профессор Кимутака Мацумато (Санпоро)

Заседание секции

*«П.А. Столыпин: личность, окружение. П.А. Столыпин и российская эмиграция».
М.Ю. Сорокина (Москва), Д.Н. Шилов (Санкт-Петербург) и А.А. Чирков (Петрозаводск)*

В.К. Кантор (Москва) демонстрирует запись о крещении П.А. Столыпина в православной церкви Дрездена

правительства в III Государственной думе (1907–1912); региональные аспекты реформаторской деятельности правительства, возглавляемого П.А. Столыпиным; проблема соотношения преемственности и новаций в аграрной политике П.А. Столыпина и другие важнейшие аспекты программы модернизации России в начале XX в. На конференции с интересными докладами выступили известные российские и зарубежные ученые: профессора М.А. Давыдов (Москва), Кимитака Мацузато (Саппоро), Штефан Мерль (Гамбург), д.и.н. З.И. Перегудова (Москва), к.и.н. С.В. Куликов (Санкт-Петербург) и др.¹

Большой интерес у участников конференции вызвало выступление потомков П.А. Столыпина — Нины Александровны Рубцовой, Николая Владимировича Случевского (США) и внучки сподвижника П.А. Столыпина А.А. Кофода Ирины Георгиевны Комо (Демидовой) (Франция).

В рамках культурной программы в первый день работы конференции был продемонстрирован фильм «Жизнь и смерть Петра Аркадьевича Столыпина», состоялась встреча с режиссером фильма Вячеславом Хотулевым. Конференция завершилась экскурсионной поездкой в бывшую подмосковную усадьбу Столыпиных Середниково, где П.А. Столыпин жил в годы своего детства — с 1862 по 1869 г.

¹ Программа конференции: URL: http://www.bfrz.ru/data/konf_stolupin_28-30_09_2011/programma_stolupin_28-30_09_2011.pdf.

Участники конференции в усадьбе Средниково

К работе конференции была приурочена выставка «П.А. Столыпин: страницы государственной деятельности. К 100-летию со дня гибели». На выставке были представлены документы из собраний Государственного архива Российской Федерации, фотографии из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов, материалы архивно-музейного собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына и семейные фотографии из личного архива Н.В. Случевского, правнука П.А. Столыпина. К конференции также была подготовлена выставка книг из собрания Дома русского зарубежья, изданных за рубежом и посвященных жизни и деятельности П.А. Столыпина.

Н.Ф. Гриценко

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР
«РОССИЙСКИЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ НЕКРОПОЛЬ:
НАСЛЕДИЕ, КОТОРОЕ МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ПОТЕРЯТЬ»

Москва

ВСТУПЛЕНИЕ

В рамках научно-исследовательской и научно-просветительской программ Научного центра в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына постоянно действуют семинары по некрополистике и историческому краеведению российского зарубежья, а также семинар по истории философской и религиозной мысли.

Научно-просветительский семинар «Российский зарубежный некрополь: наследие, которое мы не должны потерять» начал работу с февраля 2010 г. Кураторы семинара — заведующая отделом истории российского зарубежья кандидат исторических наук Марина Юрьевна Сорокина и старший научный сотрудник отдела Наталья Юрьевна Масоликова.

Семинар имеет открытый характер, он доступен для участия всех желающих. На его заседаниях обсуждаются общие методологические проблемы культуры памяти и конкретные вопросы некрополистической эвристики.

В течение 2010–2011 гг. проведено пять заседаний, на которых были представлены материалы, собранные сотрудниками Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына во время зарубежных поездок. М.Ю. Сорокина сделала обзор российских некрополей североамериканского континента, фокусируя внимание на истории научного зарубежья; Н.Ю. Масоликова рассказала о поиске захоронения ученого-правоведа, депутата III и IV Государственных дум Российской империи А.Ф. фон Мейендорфа в Великобритании; П.А. Трибунский — о розыске могилы историка Г.В. Вернадского в Нью-Хейвене (США). Историк военного зарубежья И.В. Домнин представил доклад «Деятели русской военной культуры и зарубежный воинский некрополь», И.А. Лопухина поделилась впечатлениями о состоянии русского некрополя в Чили, С.В. Романова рассказала об истории русских могил острова Сан-Микеле (Венеция, Италия).

В планах семинара на 2012 гг. — заседания, посвященные историческим памятникам российского зарубежья в Польше, Китае, Тунисе, Сербии, Греции.

Надеемся, что наш семинар станет площадкой для оживленных дискуссий, неожиданных встреч — через время и пространство, и одновременно — для тихой минуты памяти и скорби.

Ниже публикуются очерки участников семинара (Н.Ю. Масоликовой, С.В. Романовой, П.А. Трибунского), открывающие новые страницы истории российского зарубежья и раскрывающие методику поиска конкретных захоронений в различных странах.

М.Ю. Сорокина

С.В. Романова

ПО СЛЕДАМ ГРАФА А.А. БОБРИНСКОГО
В ЮЖНОМ ТИРОЛЕ

Регион на севере Италии, на границе с Австрией — Трентино-Альто-Адидже (Южный Тироль), провинция Больцано. Сказочной красоты горные пейзажи. Чистейший альпийский воздух. Великолепно оборудованные горнолыжные трассы. Источники целебных термальных вод, которые были открыты здесь еще во времена Римской империи. Ни с чем не сравнимое чувство умиротворения и покоя. Это райское место привлекает сегодня множество туристов: одни приезжают на лечение, другие — кататься на горных лыжах, третьи осваивают пешеходные горные маршруты. Как сегодня, так и сто лет назад этот регион, входивший в состав Австро-Венгерской империи и присоединенный в 1919 г. по аннексии к территории Италии, был популярен среди туристов и путешественников, бежавших от суеты, искавших простых и естественных радостей жизни. В конце XIX в. в столицу Больцано (Боцен), в расположившийся в долине знаменитый своими термами город Мерано и в небольшие горные селения начали приезжать и русские отдыхающие. Между Санкт-Петербургом и Мерано было установлено прямое железнодорожное сообщение. Три раза в неделю в 6.45 утра экспресс Санкт-Петербург — Мерано отправлялся с Варшавского вокзала и, проехав через Варшаву и Вену, спустя 53 часа после начала маршрута прибывал в Мерано. Поезд был оборудован всем необходимым для удобного и приятного путешествия русских курортников: роскошные и комфортабельные купе, места для отдыха и чаепитий, стильная мебель, зеркала и пр. Существование поезда продлилось до начала Первой мировой войны. В 2010 г. Россия возобновила железнодорожное сообщение с этим регионом Италии, маршрут поезда №17/18 Москва — Ницца проходит через Южный Тироль с остановкой в Больцано.

Трудно поверить, но в этой небольшой провинции очень трепетно относятся к сохранению памяти о живших здесь русских, стараются поддерживать интерес к русской культуре и русскому языку. В Тироле вот уже более 20 лет существует и активно работает культурная ассоциация «Русь», возглавляет которую потрясающая женщина, настоящий энтузиаст России, русской истории, культуры, языка, автор многих исследований, посвященных русским эмигрантам в Южном Тироле, Бьянка Марабини-Цегелер. Именно от нее я впервые услышала о русской колонии в Мерано. Синьора Марабини не просто безупречно владеет этой темой; она стала делом всей ее жизни.

Состав русской колонии в Мерано был довольно пестрым: среди отдыхающих были и аристократы, и представители среднего класса. Именно для таких больных,

находившихся на лечении в течение одного или нескольких, обычно зимних, сезонов, но не имевших достаточно средств для оплаты дорогого курортного жилья, и был создан Русский дом. Две расположившиеся рядом виллы «Москва» и «Петербург» были построены на средства Надежды Ивановны Бородиной, приехавшей лечиться от туберкулеза в Мерано (впоследствии, после ранней смерти благотворительницы, весь русский комплекс в Мерано получил ее имя). На втором этаже виллы «Москва» была организована православная церковь Св. Николая Чудотворца — особо почитаемого в России святого и покровителя города Мерано. Историю Русского дома им. Н.И. Бородиной подробно описали Бьянка Марабини-Цеггелер и ее соавтор Михаил Талалай в книге «Русская колония в Мерано: К 100-летию Русского дома им. Бородиной», опубликованной в Больцано в 1997 г.

Конечно, русская колония в Мерано не была такой многочисленной, как, например, в Париже или Белграде. В ней встречались известные и не очень имена, но у каждого из них была интереснейшая и иногда незаслуженно забытая история.

Одно из таких имен — граф Алексей Алексеевич Бобринский (1861–1938). Талантливый ученый. Этнограф. Искусствовед. О жизни этого человека, особенно об итальянском ее периоде, известно обидно мало.

Граф был потомком Алексея Григорьевича Бобринского (1762–1813) — внебрачного сына императрицы Екатерины II и графа Г.Г. Орлова — и последним владельцем родовой усадьбы Бобрики в Тульской области.

Примечательно, что в Тульской области находятся два усадебных комплекса, принадлежавших роду Бобринских. Великолепный дворцово-парковый комплекс в городе Богородицке некоторое время назад был отреставрирован, очищен пруд. Второе поместье — усадьба Бобрики в поселке Бобрин-Гора недалеко от города Донского — находится у истока Дона. В усадьбе сохранились парк, несколько построек и усыпальница графов Бобринских (XIX в.).

Небольшое лирическое отступление: в середине 1980-х гг. часть огромной территории усадебного парка была превращена в детский санаторий и лагерь. В детстве я бывала в пионерском лагере в Бобрин-Горе. Запомнилось немного: совершенно заросший, запущенный и бесконечный, как мне тогда казалось, парк. Через парк были проложены асфальтовые дорожки, но и они постепенно зарастали, уступая место буйной растительности. Пустые и страшные, раньше белые, а теперь потемневшие от времени беседки в классическом стиле. В этом было что-то гнетущее и пугающее, но в то же время таинственное и манящее. Мы рассказывали друг другу выдуманные истории, одна страшнее другой, о жившем здесь когда-то графе, имени которого мы, конечно, не знали, о страшной семейной тайне, неразделенной любви и поговаривали, что ночью в парке появляются привидения. С тех пор прошло много лет. Не знаю, что случилось с детским лагерем, но усадьба Бобринского сохранилась, сегодня это историко-мемориальный музейный комплекс «Бобрики».

Алексей Алексеевич Бобринский родился 9 (21) декабря 1861 г. в семье помещика графа Алексея Васильевича Бобринского (1831–1888), заводчика породистых лошадей, и графини Софьи Алексеевны Шереметевой (1842–1871). Алексей получил домашнее образование. Увлечение этнографией стало его профессией. Он стал известен благодаря трудам по этнографии народов Средней Азии и Русского Севера. Неоднократно при содействии Общества любителей естествозна-

Русский дом в Мерано

Церковь Русского дома в Мерано

Церковь в Кастельротто

таджиков Дарваза» Алексей Алексеевич был награжден золотой медалью Императорского Археологического общества, а в 1905 г. граф стал действительным членом Русского географического общества.

Наблюдения за бытом народов Русского Севера побудили графа Бобринского к изучению народных промыслов и искусства. В путешествиях по северу и северо-западу России был собран уникальный материал (фотографии, предметы быта, деревянные изделия) и подготовлены альбомы «Народные русские деревянные изделия: предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода» (Вып. 1–12. М., 1910–1914); «Резной камень в России» (М., 1916).

В Тироль А.А. Бобринский впервые приехал в 1909 г. — его жене графине Элизе Петерсон требовалось лечение от туберкулеза. В небольшом горном городке Сиузи Бобринский купил крестьянскую усадьбу и полностью перестроил ее. Перед Первой мировой войной семья Бобринских вернулась в Россию. В 1915 г. супруга графа скончалась и была похоронена в Бобриках. Второй женой Алексея Алексеевича стала Мария Дмитриевна Вакарина. В 1916 г. Бобринский снова приехал в Сиузи, где и остался до конца своей жизни. На склоне лет, видимо испытывая финансовые трудности, граф превратил виллу в пансионат, а затем и вовсе продал ее. Вилла графа Бобринского в Сиузи сохранилась, сейчас в ней находится гостиница «Мирабэль».

ния, антропологии и этнографии при Московском университете совершал экспедиции (в 1895, 1897 и 1901 гг.) по Средней Азии, на Памир для сбора этнографических, антропологических, зоологических и метеорологических данных. На основании собранных материалов и путевых заметок опубликовал немало сочинений: «Зеравшанские горы и верховья Аму-Дарьи» (М., 1899); «Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара)» (М., 1900); «Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы): Очерки быта» (М., 1908). За книгу «Орнамент горных

Общий вид кладбища в Кастельротто

*Могила А.А. Бобринского и М.Д. Вакариной.
Надписи на надгробии и на металлической пластине около него*

*Могила графа А.А. Бобринского и его супруги
М.Д. Вакаринной на кладбище Кастельротто*

Алексей Алексеевич скончался 4 декабря 1938 г. и похоронен на церковном кладбище в небольшом поселке Кастельротто недалеко от Сиузи.

В июне 2011 г. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына организовал в Мерано выставку российских книг, которые затем были подарены библиотеке ассоциации «Русь». Открытие выставки и участие в мероприятиях ассоциации мне удалось совместить с поездкой в Кастельротто, на могилу графа. Поселок Кастельротто, что в переводе с итальянского значит «разрушенный замок», находится в горах, на высоте более 1000 м. Большинство домов в поселке — это двух-трехэтажные виллы, в которых рас-

положены отели и пансионаты для отдыхающих. Среди туристических предложений, не считая фантастической красоты пейзажей и чистейшего воздуха, разветвленная сеть горных пешеходных маршрутов и конечно горные лыжи. Кругом слышна преимущественно немецкая речь; немецкий язык здесь преобладает и на вывесках отелей и магазинов (государственным является итальянский язык, но в этой автономной провинции немецкий уравниен с ним в правах).

Вояж в Кастельротто я совершала самостоятельно, но перед поездкой получила от коллег из ассоциации подробные инструкции, как найти могилу Бобринского. Мне сказали, что она находится на церковном кладбище. Найти церковь в этом местечке было нетрудно. Самое красивое здание в центре поселка — католическая приходская церковь Свв. Петра и Павла. Церковную колокольню видно издали — это единственная здесь высокая постройка. Кладбище находится за церковью на открытой, не затененной никакой растительностью площадке. Оно небольшое. Строгие ряды крестов. Кругом — никого, ни одного человека. Обста-

новка кладбища крайне аскетична, но открывающийся с этой площадки вид на горы такой, что дух захватывает. Большая часть надписей на надгробиях сделана готическим шрифтом, читать который невообразимо трудно. С ужасом понимаю, что здесь под палящим июньским солнцем искать могилу графа придется долго. Вдруг в самом дальнем левом углу замечаю необычный, отличающийся от других и совсем не похожий на православный, каменный крест. На металлической пластине, вплотную примыкающей к каменному надгробию, надпись: «Gräfin Bobrinski / geb. Maria Wakarina / 5.2.1876 in Moskau / 9.6.1957 in Seis». Это вторая жена А.А. Бобринского М.Д. Вакарина. Но где же могила самого Алексея Алексеевича? И тут, присмотревшись внимательнее, вижу, что за пластиной на камне выбито: «Conte Alessio Bobrinski». Признаюсь, что, достигнув цели своего путешествия в эти места после получасовой езды по горному серпантину, испытала радость первооткрывателя, какую, наверное, испытывал сам граф во время экспедиций на Памир. Приятно удивило состояние могилы — она ухожена, а значит, есть люди, которые навещают графа и приводят в порядок место его захоронения.

Можно ли назвать историю судьбы Алексея Алексеевича Бобринского забытой страницей в истории русской эмиграции? «Все минувшие годы книги его читались и читаются, более того, букинисты за последние годы подняли цену на эти редкие и ценные издания, особенно когда стала проявляться личность автора. Плодами его трудов пользовались как ученые, так и мастера русского народного искусства, ссылались на его книги в литературе, однако, ссылаясь на них, не имели ни малейшего представления о самом авторе, а если имели, то эти представления были абстрактными, не конкретными. Личность за его именем не проглядывала, да и не было в нашей недавней истории надобности в этом»¹. Выясняется любопытная деталь: долгое время Алексея Алексеевича Бобринского путали с его дальним родственником, председателем Императорской Археологической комиссии графом Алексеем Александровичем Бобринским (1852–1927), который также скончался в эмиграции. Некоторые из трудов Алексея Алексеевича были даже приписаны Алексею Александровичу. Справедливости ради стоит сказать, что в последние годы ситуация меняется к лучшему. И в том, что имя этого талантливого ученого и история его жизни в Италии постепенно выходят из тени, большая заслуга режиссера-документалиста Давлата Худоназарова, историков русской эмиграции Бьянки Марабини-Цеггелер и Михаила Талалая. В честь 150-летия со дня рождения графа А.А. Бобринского вышла в свет книга этого авторского коллектива «Граф Бобринский: долгий маршрут от Памира до Доломит». (*Marabini Zoeggeler B., Talalay M., Khudonazarov D. GRAF BOBRINSKOJ: Der lange Weg vom Pamir in die Dolomiten. Bozen (Bolzano, Italy): Edizion RAETIA, 2012.*) Настоящий очерк — наша скромная дань памяти выдающегося соотечественника.

Фото С.В. Романовой

¹ Худоназаров Д.Н. В поисках архива графа А.А. Бобринского в Южном Тироле: К 150-летию ученого // Вестник архивиста. 2011. № 4. URL: <http://www.vestarchive.ru/lica/1454-v-poiskah-arhiva-grafa-aa-bobrinskogo-v-ujnom-tirole-k-150-letiu-ychenogo.html>. (Дата обращения 22 октября 2011 г.)

П.А. Трибунский

ПОТЕРЯННАЯ И ОБРЕТЕННАЯ: МОГИЛА СУПРУГОВ ВЕРНАДСКИХ В НЬЮ-ХЕЙВЕНЕ

Поиск могил российских эмигрантов за границей — задача сколь увлекательная, столь и трудноисполнимая. Частая смена стран проживания, нестабильная транслитерация имен собственных, изменения фамилий — все это сопровождало изгнанников при жизни, до сих пор мешая установить места их захоронения.

Современная широкомасштабная деятельность зарубежных правительственных и частных организаций по созданию баз данных, охватывающих основные даты жизни граждан, работа по учету могил на специализированных ресурсах и сайтах кладбищ немало способствовали развитию некрополистики российского зарубежья. Однако уровень охвата материала пока явно недостаточен для того, чтобы полагаться исключительно на электронные ресурсы. Поиск захоронения супругов Вернадских, осуществлявшийся в 2010 г. по просьбе М.Ю. Сорокиной, интересен именно как сочетание традиционных эвристических методов с использованием данных, находящихся в сети Интернет.

Первый этап поиска включал в себя исследование традиционных ресурсов. Изучение справочника «Незабытые могилы», некрологов Г.В. Вернадского, материалов наиболее авторитетных и представительных генеалогических сайтов (www.ancestry.com, www.linkpendium.com, www.archives.com) позволяло лишь ответить на вопрос о точной дате смерти (20 июня 1973 г., Нью-Хейвен, штат Коннектикут). Сведений о месте захоронения Г.В. Вернадского и супруги указанные выше ресурсы не содержали.

Второй этап поиска по специализированным сайтам, содержащим обобщающую информацию о захоронениях на территории США (www.findagrave.com, www.interment.net), также не привел ни к каким результатам.

Могло показаться, что поиски зашли в тупик. Их очередной тур начался с изучения общей ситуации с кладбищами в Нью-Хейвене, которых насчитывается четыре: Эвергрин Семетри (Evergreen Cemetery), Фэр Хейвен Юнион Семетри (Fair Haven Union Cemetery), Бивердейл Мемориал Парк (Beaverdale Memorial Park), Гроув Стрит Семетри (Grove Street Cemetery). Лишь последние два имели собственные сайты, на которых присутствует функция поиска по записям о погребении (www.beaverdale.net, www.grovestreetcemetery.org). Запрос на искомую фамилию снова не дал никакого результата. Оговоримся, что полностью доверять результатам поиска по сайтам кладбищ не приходится: так, попытка установить, используя функцию поиска на сайте, место захоронения другого эмигранта, про-

фессора Йельского университета М.И. Ростовцева, на кладбище Гроув Стрит не увенчалась успехом. И лишь когда в строку поисковика была введена только фамилия без имени, могила обнаружилась: в кладбищенском реестре она числится как совместная могила Софии Ростовцевой и ее супруга М.И. Ростовцева. Самостоятельной записи о могиле М.И. Ростовцева кладбищенский реестр не имеет. Как увидим ниже, не все записи о погребении могут быть обнаружены и на сайте кладбища Бивердейл Мемориал Парк.

*Вход на кладбище Бивердейл Мемориал Парк.
Фото с официального сайта кладбища*

Не имея первоначально возможности побывать в Нью-Хейвене, поиск начался с ряда предварительных действий. Прежде всего, была проверена возможность захоронения Г.В. Вернадского на кладбище Гроув Стрит, бывшее местом упоко-

Общий вид кладбища Бивердейл Мемориал Парк. Фото П.А. Трибунского

Указатель секции М. Фото П.А. Трибунского

ения большинства сотрудников университета. Был направлен запрос в администрацию кладбища с просьбой проверить, не имеется ли запись о погребении Г.В. Вернадского, не учтенная в базе данных на сайте. Ответ был отрицательный.

Далее, были исследованы базы данных сообщений о смерти и некрологов на сайтах местных периодических изданий. Параллельно были сделаны запросы в редакции газет о том, не помещался ли некролог Г.В. Вернадского с указанием места погребения. К сожалению, редакции газет проигнорировали запросы.

Отдельно был проведен поиск самого осведомленного американского биографа Г.В. Вернадского — Чарльза Гальперина. Последний вступил в переписку

Общий вид захоронения Г.В. и Н.В. Вернадских. Фото П.А. Трибунского

ску, однако данными о месте погребения героя своего исследования не располагал. Предположение Гальперина о возможности историка Р. Фишера помочь в установлении места захоронения его учителя, Г.В. Вернадского, к сожалению, осталось нереализованным: Фишер не ответил на посланный запрос.

Параллельно переписке с Чарльзом Гальпериным был сделан запрос на факультет истории Йельского университета, где Г.В. Вернадский трудился без малого 30 лет. На письмо откликнулся профессор Пол Бушкович, который выразил желание принять участие в поисках.

Определенные надежды возлагались на изучение личного фонда Г.В. Вернадского в Бахметевском архиве, который пополнялся и после его смерти. К сожалению, в материалах, связанных со смертью Г.В. Вернадского, данных о захоронении также не было.

Более продуктивным оказалось изучение личного фонда ближайшего друга Г.В. Вернадского, историка С.Г. Пушкарева, в Йельском университете, среди материалов которого сохранилась подборка документов, связанная со смертью и погребением первого. Самым ценным документом оказалось письмо Г.В. Вернадского своей сестре, Н.В. Толль, от 14 июня 1970 г., сообщающее о покупке им двух мест на кладбище Бивердейл Мемориал Парк для себя и супруги с точным указанием: Burial estate № 252, section M, spaces 7 and 8. Обнаруженные данные совпали с информацией, которая была самостоятельно установлена Полом Бушковичем по местной периодике, где сообщалось о месте захоронения Г.В. Вернадского на кладбище Бивердейл Мемориал Парк. Уточнив название кладбища, профессор Бушкович позвонил в кладбищенскую контору, где ему подтвердили наличие могилы супругов Вернадских в секции М. Соединившись с профессором П. Бушковичем, мы провели натурный поиск на кладбище в секции М, где и была обнаружена скромная могила супругов Вернадских.

РУССКАЯ МОГИЛА АНГЛИЙСКОЙ РИВЬЕРЫ:
АЛЕКСАНДР ФЕЛИКСОВИЧ ФОН МЕЙЕНДОРФ В ПЕЙНТОНЕ¹

Для того, чьи интересы, профессиональные или личные, связаны с историей российской эмиграции первой половины XX в., надгробие с православным крестом в другой стране вызывает чувство родства и нескрываемой потребности «знакомства». Впрочем, кресты на российских могилах могут быть разными. А вот имя по-русски — практически на каждом захоронении. Поэтому, посещая сельские церковные кладбища в Англии или городское Ольшанское кладбище в Праге (Чехия), продолжаешь работать, внутренне успокаиваясь и отдыхая. Многие могилы уже давно не имеют своих посетителей. Иногда внешний вид захоронений удручает до такой степени, что автоматически берешься за щетку, ведро воды, перчатки и — за работу. Именно такая история-встреча произошла на юго-востоке Великобритании, в графстве Девон (Devon), в одном из городов английской Ривьеры — Пейнтоне (Paignton), куда мы приехали, чтобы разыскать могилу российского правоведа, экономиста и историка барона Александра Феликсовича фон Мейендорфа (von Meyendorff; 1869–1964).

Несмотря на то что в российской части своей жизни барон фон Мейендорф был весьма заметной общественно-политической и научной фигурой, депутатом III и IV Государственных дум, оказалось, что его могилу найти очень трудно. Как многие тысячи его соотечественников, волею революционных катаклизмов он оказался изгнанником, беженцем и скончался в Великобритании 20 февраля 1964 г. Свой последний приют барон нашел на тихом и уютном кладбище города Пейнтон, с видом на океан, среди реликтовых сосен и кипарисов, о чем сообщал английский некролог². Однако этим известная до настоящего момента информация о захоронении и исчерпывалась. Между тем, собирая материалы об А.Ф. Мейендорфе для «Словаря российского научного зарубежья», нам хотелось найти его могилу и зафиксировать ее расположение.

Следует заметить, что в отличие от других стран с компактным проживанием российской диаспоры (Франция, Италия и др.), где проведена значительная работа по поиску, описанию и сохранению различных памятников эмигрантской культуры, Великобритания очень плохо освоена в смысле топографии российских некрополей и отдельных захоронений. Поэтому, планируя личное посеще-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ (№ 10-03-93609к/К), которому автор приносит благодарность за поддержку.

² См.: Slavonic and East European Review. 1964. Vol. 42. № 99. P. 440.

ние графства Девон, мы решили предварительно связаться с администрацией кладбища. Нам повезло, и на первое же письменное обращение мы получили оперативный ответ с подтверждением и номером захоронения. Через два дня неожиданно по почте мы получили карту кладбища с подробными обозначениями. Это было приятно, развеивало множество сомнений и только еще сильнее подстегивало желание реализовать задуманное. Справедливости ради надо сказать, что база захоронений даже в благополучной Англии обновляется нерегулярно, поэтому своим поиском мы также невольно внесли в нее свои коррективы.

*Вид надгробия на могиле
А.Ф. Мейендорфа до расчистки*

День нашей экспедиции (август 2008 г.) был очень солнечным, что для Англии — необычайная благодать. Английская Ривьера не зря считалась местом отдыха аристократии. Мы без труда нашли единственное кладбище в небольшом дружелюбном городе и начали поиск каменной таблички с именем А.Ф. фон Мейендорфа — так, по данным администрации, должно было выглядеть его захоронение. Час за часом следовали под непривычно палящим английским солнцем, а результатов все не было. Официальные номера на захоронениях часто просто зарастают или исчезают в силу погодных условий, если за могилой долго не ухаживают, а таких здесь было немало, датированных, например, 1750-ми гг. Понимая, что уехать ни с чем невозможно, мы снова связались с администрацией кладбища по мобильному телефону, и в течение двадцати минут (!) девушка «водила» нас от фамилии к фамилии, от ряда к ряду, ориентируясь по своей компьютерной базе и учитывая наши сообщения о том, что мы видели на местности.

В итоге милая леди была благодарна нам за внесенную в кладбищенские данные правку не меньше, чем мы ей за терпение и готовность помочь. Примерно через три часа совместных усилий мы нашли то, что искали. Это была не таблетка с надписью, а полноценное надгробие. Было понятно, почему пришлось искать его так долго — мы проходили мимо этой могилы уже не раз, но надписи совершенно не было видно, глаз ни за что не цеплялся. Только нагнувшись максимально низко и сильно прищурившись, мы начали, к своему трепету, удивлению и счастью, различать кириллицу.

К сожалению, могила барона фон Мейендорфа и его супруги была одинока и заброшена. Наша маленькая экспедиция приняла единогласное решение привести ее в должный порядок, о чем и рассказывают фотографии, сделанные автором настоящей статьи. Но прежде чем читатель увидит итог работы, расскажем не-

*Процесс благоустройства захоронения
А.Ф. Мейендорфа и его жены*

России и занимали весьма высокое положение в российской государственной элите. Так, барон Эрнест Петрович фон Мейендорф (1836–1902) был секретарем российских посольств в Берлине и Риме, посланником в Португалии (1896–1899). Дядя А.Ф. фон Мейендорфа — барон Петр Казимирович фон Мейендорф (1796–1863) — членом Государственного совета. В ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра Российской империи он провел многие годы в Штуттгарте (1832–1839), Пруссии (1839–1850) и Вене (1850–1854); о его профессионализме весьма благосклонно отзывался канцлер Германской империи князь Отто фон Бисмарк (1815–1898).

Александр Феликсович фон Мейендорф родился 29 марта (10 апреля) 1869 г. в Баден-Бадене (Германия). Его отец — Феликс Казимирович фон Мейендорф

много о судьбе А.Ф. фон Мейендорфа и его семьи.

Барон Александр фон Мейендорф известен в российской истории в трех основных ипостасях: как один из многочисленных потомков баронского рода прибалтийских немцев, как общественный деятель, один из основателей партии «Союз 17 октября», ратовавшей за эволюционное развитие России на основе конституционной монархии, а также как правовед-ученый, специалист по аграрному законодательству России.

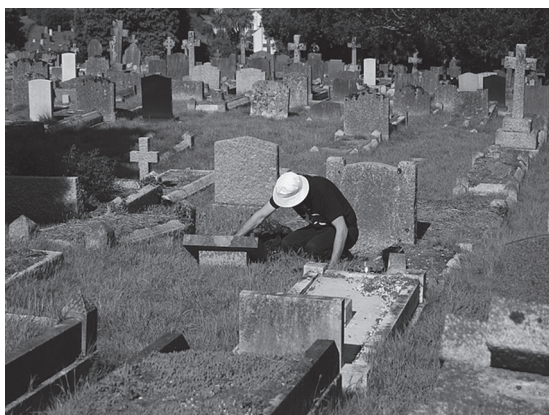
Мейендорфы принадлежали к одной из ветвей древнего рода баронов фон Икскулей, известного с начала XIII столетия. Их ветвь отделилась в конце XV в., а 6 апреля 1679 г. грамотой шведского короля Карла XI ее представители были возведены с нисходящим потомством в баронское достоинство с присвоением фамилии фон Мейендорф³. В 1865 г. баронский титул за фон Мейендорфами был признан и в России.

Многие члены этого остзейского рода состояли на службе в

³ Об этом роде см.: *Андреева Н.С.* Мейендорфы // Немцы России: Энциклопедия. М., 2004. Т. 2. С. 443–444; *Илльяшевич В., Гайнуллин М.* Прибалтийцы на российской дипломатической службе. Таллин, 2005; *Мейендорф М.Ф.* Воспоминания. Ишим, 2003; *Бройтман Л.И.* Петербургские сюжеты: О жизни людей известных и не очень. М., 2009. С. 295–313. Большой семейный архивный фонд российских Мейендорфов хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 573).

(1834–1871) — служил российским посланником в Веймаре (1867–1870) и Ганновере (1870–1871). Мать Александра, Ольга Михайловна (1837–1926), также принадлежала к титулованному и очень известному российскому роду Горчаковых. Ее отец, князь Михаил Дмитриевич Горчаков (1793–1861), генерал от артиллерии, с 1856 г. был наместником царства Польского⁴. Однако более всего Ольга Михайловна известна своими дружескими связями со знаменитым венгерским композитором Ференцем Листом (1811–1886)⁵, музой которого была в течение последнего периода его жизни и на коленях которого ее сын Александр фактически вырос. Переписка Ольги Михайловны с композитором, многие десятилетия хранившаяся в семейном архиве, была продана в 1950-е гг. в один из американских архивов и после публикации в Вашингтоне в 1979 г. стала настоящей культурной сенсацией⁶.

Материнская фамильная линия вообще сыграла очень важную роль в жизни Александра фон Мейендорфа. По этой линии он был двоюродным братом Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911), премьер-министра России в 1906–1911 гг.⁷ Несмотря на то что Александр был на семь лет моложе кузена, они были дружны и сотрудничали всю жизнь. В студенческие годы Александр фон Мейендорф многократно бывал в доме отца П.А. Столыпина в Москве, а в зрелые — приглашался им в правительство как специалист по аграрному законодательству, однако отклонил это пред-

Процесс благоустройства захоронения
А.Ф. Мейендорфа и его жены

⁴ См.: Генерал-адъютант князь Михаил Дмитриевич Горчаков. СПб., 1872; *Нарбут А.Н.* Князя Горчаковы. М., 2004.

⁵ См.: *Jung H.-R.* Liszt and the Meyendorff Family // *New Light on Liszt and His Music: Essays in Honor of Alan Walker's 65th Birthday* / Ed. A. Walker, M. Saffle, J.A. Deaville. N. Y., 1997. P. 53–74.

⁶ *The Letters of Franz Liszt to Olga von Meyendorff, 1871–1886 in the Mildred Bliss Collection at Dumbarton Oaks.* Washington, 1979. Ольга Михайловна похоронена на некатолическом кладбище Тестаччо в Риме (Италия).

⁷ Мать П.А. Столыпина, Наталья Михайловна, была урожденной княжной Горчаковой, родной сестрой Ольги Михайловны фон Мейендорф.

Вид надгробия
на могиле А.Ф. Мейендорфа после расчистки

ложение, предпочтя заниматься проблемами переустройства современной ему Российской империи на общественном поприще⁸. Несмотря на этот отказ, Мейендорф, выпускник юридического факультета и приват-доцент Санкт-Петербургского университета, имевший обширные связи в научном сообществе, нередко консультировал своего высокопоставленного кузена по кадровым вопросам в области образования. Так, в частности, именно он предложил на пост министра народного просвещения профессора-правоведа Льва Аристидовича Кассо (1865–1914), с именем которого впоследствии был связан известный жесткий министерский курс в отношении либеральной профессуры и студенчества⁹.

Завершая тему родственных связей, отметим, что среди родственников Александра Феликсовича были советский нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936), богослов и церковный историк отец Иоанн Мейендорф (1926–1992), художник и иконописец Николай фон Мейендорф (1888–1969), американская актриса Маргарита Мейендорф и многие другие более и менее известные военные, общественные и культурные деятели.

Отыскивая следы рода Мейендорфов, нельзя не упомянуть и о таком любопытном факте: замок, принадлежавший баронам Мейендорф в Барвихе, является ныне подмосковной резиденцией президента Российской Федерации¹⁰. Как известно, до революции 1917 г. владельцами замка были баронесса Надежда Александровна фон Мейендорф (ур. Казакова, в первом браке Веригина) и ее второй муж, дипломат барон Михаил Феликсович фон Мейендорф (1861–1941), старший брат А.Ф. Мейендорфа. Хозяева жили в замке только летом, а в 1914 г. уехали за границу, в Данию, и после окончания Первой мировой войны остались за рубежом. В первые годы советской власти во дворце существовала колония для детей погибших красноармейцев, а с 1935 г. здесь начал функционировать санаторий Совета народных комиссаров (позднее — Совета министров) СССР «Барвиха».

⁸ См.: Андреева Н.С. Политик А.Ф. Мейендорф // Немцы в России. Петербургские немцы: Сб. ст. СПб., 1999. С. 225–231; Она же. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008; Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960. Köln; Wien, 1970. S. 511; Hagen M. Zwischen Nationalitäten und Fraktionen — Alexander Baron Meyendorff (1869–1964) // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 1978. Bd. 27. S. 558–615.

⁹ См.: Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 619–620.

¹⁰ Подробнее см.: Блюмин Г.З. Царская дорога. М., 2005; Рудомино А.В. Легендарная Барвиха. М., 2009.

Александр фон Мейендорф был натурой смелой, страстной, деятельной. Дважды, в 1907 и в 1912 гг., барон избирался в III и IV Государственные думы по Херсонскому избирательному округу. В 1907–1909 гг. он товарищ председателя Государственной думы¹¹. В обеих думах Мейендорф нередко высказывался в противовес большинству и зарекомендовал себя защитником гражданских прав и свобод. Революционные и социальные катаклизмы, потрясшие Российскую империю во время Первой мировой войны, способствовали разочарованию Александра Феликсовича в поддерживаемых им политических проектах. В начале Гражданской войны, в 1918 г., он еще пытался заниматься освобождением заложников из «бывших», но вскоре вместе с женой Варварой Михайловной уехал в Латвию, а еще через год перебрался в Англию.

В британской эмиграции барон фон Мейендорф провел всю вторую половину жизни. В отличие от тех соотечественников, для которых изгнание с родины означало крушение всех жизненных идеалов и профессиональных карьер, Александр Феликсович сумел устроить свою новую жизнь. Еще в дореволюционные годы он издал ряд экономико-правовых исследований¹² и в Лондоне начал читать курс «Экономическое развитие России» в Школе экономики (London School of Economics). Параллельно он занимался переводами русских классиков на английский язык (И.А. Крылова, И.С. Тургенева и др.), а также опубликовал немало научных работ по истории и экономике России, перечень которых вошел в знаменитые белградские «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом»¹³.

*Общий вид могилы
А.Ф. Мейендорфа и его жены
после работ по благоустройству*

¹¹ См.: Николаев А.Б. [Мейендорф] // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. М., 2008. С. 366–367; Гаврилова О.А. Барон А.Ф. Мейендорф — защитник российских немцев в IV Государственной думе // Немцы в государственности России. СПб., 2004.

¹² Прусская конституция с объяснениями. СПб., 1905; Крестьянский двор в системе русского законодательства и общинного права и затруднительность его упорядочения. СПб., 1907; Вопрос о толковании закона и компетенция департаментов правительствующего Сената прежнего устройства. СПб., 1914; Материалы к пересмотру законов о печати. СПб., 1915. Вып. 1 и др.

¹³ См.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1940): [В 2 т.] / Под ред. Е.В. Спекторского. Белград, 1931. Т. 1. № 246. С. 203. См. также: The History of Ownership of Land in Russia and Its Influence on Political Developments // Proceedings of the Anglo-Russian Society. L., 1919; Англичане XVII и XVIII столетий о русских и России // Сб. ст., посвященных П.Б. Струве: Ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности. 1890 — 30 января 1925. Прага, 1925. С. 299–312; Императрица Евгения и Россия после пленения Наполеона III 2 сентября 1870 года: (По неизданному документу, хранящимся в архиве Лондонского посольства) // Сб. ст., посвященных Павлу Николаевичу Милюкову: 1859–1929. Прага, 1929. С. 497–512; The Background of the Russian Revolution. N. Y., 1929; Conversations of Gortchakov with Andrassy and Bismarck in 1872 // The Slavonic and East European Review. 1929. Vol. 8. December. P. 400–408.

В 1930 г. Александр Феликсович был удостоен Даремским университетом степени доктора наук *honoris causa* и тогда же был избран товарищем председателя Англо-русского общества, стремившегося содействовать культурному диалогу двух народов. Председателем общества стал известный историк, директор Школы славяноведения сэра Бернард Пэрс (Pares; 1867–1949)¹⁴.

В 1935–1939 гг. барон фон Мейендорф жил в Финляндии, но затем вернулся в Англию, где после окончания Второй мировой войны работал в Британском музее, продолжая исследования в области истории русских революций 1917 г. Интенсивные контакты с соотечественниками составляли важную часть его жизни в годы эмиграции. Личные архивные фонды А.Ф. фон Мейендорфа, хранящиеся в Великобритании, Германии, США, Финляндии, сохранили сотни листов его переписки с русскими коллегами, которым он всегда стремился помочь¹⁵. «Очаровательный и умнейший человек» — так отзывался о Мейендорфе историк-эмигрант младшего поколения Николай Андреев (1908–1982), который встречался с ним в Англии в 1950-е гг.¹⁶

Александр Феликсович был дважды женат: в первом браке на княжне Нине Цулукидзе (ум. в 1906), во втором — на княжне Варваре Михайловне Шервашидзе (в первом браке Цулукидзе; 1859–1946)¹⁷. Детей у Мейендорфов не было.

Последние годы жизни Александр Феликсович и Варвара Михайловна фон Мейендорф провели в Пейнтоне, поэтому местом их захоронения стало кладбище этого курортного английского городка. Два древних и знатных рода, неразрывно связанных с историей России и служением ей, нашли упокоение вместе на английской Ривьере, где столь желанные солнечные лучи туманного Альбиона согревают их последнее пристанище. Сегодня, после наших усилий по очистке, надпись на каменной плите надгробия Мейендорфов вновь стала хорошо читаемой, а само надгробие — по-английски сухим, но одновременно идеально ухоженным. В заключение добавим, что в тот день за памятником нашим соотечественникам ухаживали и дети и взрослые, и русские и англичане.

Фото Н.Ю. Масоликовой

¹⁴ См.: *Грабовый В.* Англия // Русский учитель в эмиграции. Прага, 1926. С. 191.

¹⁵ Личные фонды А.Ф. фон Мейендорфа, помимо указанных, хранятся также в Британской библиотеке политических и экономических наук и Школе славянских и восточноевропейских исследований (Лондон, Великобритания); Институте Гердера (Марбург, ФРГ).

¹⁶ Цит. по: *Ульянкина Т.И.* Жизнь в изгнании: Письма М.М. Новикову — бывшему ректору Московского университета // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 1. С. 141.

¹⁷ Об истории рода князей Шервашидзе — одного из самых древних на Кавказе, «владельцев» Абхазии, см.: *Чиковани Ю.* Род абхазских князей Шервашидзе: Историко-генеалогическое исследование. Тбилиси, 2007.

IN MEMORIAM

БОГОЛЮБ СТАНКОВИЧ (1938–2011)

1 августа 2011 г. на 74-м году жизни скоропостижно скончался профессор Белградского университета, председатель Славистического общества Сербии Боголюб Станкович.

Международное сообщество русистов и славистов высоко ценило профессора Станковича как ученого и общественного деятеля, замечательного организатора многочисленных научных форумов, конкурсов и олимпиад. Долгие годы Боголюб Станкович избирался в президиум Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, а в 1997 г. был удостоен ее высшей награды — медали А.С. Пушкина — за распространение русского языка в мире.

В Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына профессор Станкович не раз бывал в качестве участника международных конференций и встреч, представляя Международное педагогическое общество в поддержку русского языка и возглавляемое им Славистическое общество Сербии — нашего верного и надежного партнера по научным и общественным проектам изучения русской диаспоры в Сербии. Его личный вклад в их осуществление переоценить невозможно. Компетентность, ответственность и принципиальность Б. Станковича в решении любых вопросов вызвали глубочайшее уважение, а невероятная доброжелательность и обаяние — не просто симпатию, а искреннюю любовь.

Трудно смириться с невосполнимой утратой, еще труднее найти слова соболезнования и поддержки для родных и близких Боголюба...

Глубоко скорбим вместе со всеми, кто живет сегодня в различных странах мира, но хранит в своем сердце светлые и теплые воспоминания и чувство благодарности за добрые дела, которые оставил на этой земле Боголюб Станкович.

И.А. Лопухина

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА СМЕТАНКИНА
(1923–2011)

1 августа 2011 г. в Буа-Коломб, одном из ближних пригородов Парижа, в своем доме на 89-м году жизни скончалась Мария Васильевна Сметанкина, урожденная Гудкова. Трагическую весть сообщил мне по телефону в тот же день муж усопшей — Андрей Львович Сметанкин.

Вместе с горечью утраты вновь пришло обостренное осознание того, что историческое Русское Зарубежье тает на глазах; все чаще, одного за другим, оно теряет своих давних верноподданных.

Мария Васильевна принадлежала ко второй волне эмиграции — миллионам людей (кто их точно сосчитал, кто сочтет?!), которых вынесло на чужбину Второй мировой войной, огульно проклятых здесь и далеко не сразу принятых там. Она родилась 18 апреля 1923 г. в Екатеринославе (Днепропетровске) в семье профессора-филолога Василия Михайловича Гудкова, сыгравшего заметную роль в организации и развитии народного просвещения на юге России в конце XIX — начале XX в. В 1941–1943 гг. Гудковы находились в оккупации и вынужденно покинули родину. В Западной Европе их пути временно разошлись: к концу 1945 г. родители добрались до Франции, а дочь, не зная их судьбы, попала в Голландию. Впрочем, страна тюльпанов не оказала ей гостеприимства. Чудом разыскав родителей, Мария Васильевна в 1946-м соединилась с ними в Курбеуа, близ Парижа, где проживало много русских. Отец, бывший уже в преклонном возрасте (Мария Васильевна — его поздняя дочь от второго брака), вскоре умер. С мамой, Глафирой Викторовной, Мария Васильевна прошла тяжелый начальный путь беженской жизни. С терпением и достоинством преодолев все тяготы и невзгоды, проявив блестящие способности в учебе, получила медицинское образование и стала врачом-дерматологом. Затем трудилась по специальности свыше сорока лет.

Постоянно, до последних дней своих вернейшую опору находила она в Русской православной церкви. Очень важное место в ее жизни занимал родной приход церкви Христа Спасителя в Аньере (соседний с Курбеуа и Буа-Коломб пригород Парижа), в котором она состояла 65 лет. Эта — по форме — маленькая домовая церковь по духовному масштабу, по составу прихожан была подлинным храмом, одним из соборных, знаковых центров русской Франции. Ее многолетним настоятелем был известный в зарубежье священнослужитель владыка Мефодий Кампанский (Кульман), а первым старостой — генерал граф М.Н. Граббе.

Не случайно Мария Васильевна, не имея прежде литературного опыта, на склоне лет почувствовала позыв написать небольшую книгу, посвященную памяти своих духовных наставников — прежде всего монахини матери Нонны (Л.С. Волковой), полжизни посвятившей аньерскому приходу, «служению Богу и людям». Автор и главная героиня книги были очень близки духовно. С благодарностью начертав светлый образ монахини, Мария Васильевна немало внимания уделила и владыке Мефодию, и прихожанам. Кроме того, она осветила отдельные эпизоды богатой истории своего храма, в частности возобновление паломнических поездок на Святую землю, организатором которых стал архимандрит, впоследствии епископ Мефодий, а М.В. Сметанкина не раз была среди паломников.

Перед отпеванием Марии Васильевны, проходившем 4 августа в Свято-Александро-Невском кафедральном соборе на рю Дарю при немалом стечении народа, близко знавшая ее игуменья женского монастыря Покрова Божьей Матери в Бюсси-ан-От мать Ольга (Е.И. Слезкина) произнесла трогательную речь. Среди главных заслуг покойной назвала и эту книгу как свидетельство не только творческого начала личности, но и деятельного благородства души.

Не без гордости заметим, что книга Марии Васильевны «Мать Нонна: Сестра милосердия Российского Красного Креста Лидия Савельевна Волкова (1896–1975)» (М., 2009) достойно издана Домом русского зарубежья, с которым семью Сметанкиных связывают годы дружбы и сотрудничества. Мария Васильевна и ее супруг Андрей Львович — их союз длился почти полвека — неоднократно передавали нашему Дому ценные дары: книги, журналы, фотографии, документы, коллекцию эмигрантских открыток, насчитывающую около полутора тысяч штук. Все это говорит и о чувстве исторической ответственности, присущем Марии Васильевне, которая тщательно хранила попадавшие в ее руки архивные материалы. Обладая хорошим эстетическим вкусом, она знала толк в живописи, предметах прикладного искусства.

Общаясь с ней много лет, пользуясь неизменным гостеприимством, добротой и доверием Сметанкиных, я не раз находил поддержку в делах, связанных с выполнением задач нашего Дома, миссия которого вызывала горячее одобрение у Марии Васильевны.

Искренне и глубоко скорбя по ушедшей, будем помнить ее вклад в память о всемирном русском рассеянии. Будем спешить и в своем труде, в стремлении успеть собрать последние свидетельства бытия незримого великого континента, имя которому Русское Зарубежье.

И.В. Домнин

ОБ АВТОРАХ

Андреева (Andreyev) Екатерина Николаевна — доктор философии (Ph. D.), преподаватель современной истории в колледже Крайст-Чёрч (Оксфорд, Великобритания).

Научные интересы: военная и политическая история России XX в., история русской эмиграции.

Арсеньев Алексей Борисович (р. 1946; Кикинда, Сербия) — потомок русских эмигрантов, вывезенных в 1920 г. из Крыма и обосновавшихся в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Окончил машиностроительный факультет Новисадского университета (1969); по специальности инженер-теплоэнергетик.

Автор научных исследований и публицистических книг и статей, посвященных истории русской эмиграции в Югославии и русско-сербских культурных связей. Переводчик с русского на сербский, редактор, библиограф. Живет в г. Нови-Сад (Сербия).

Бакунцев Антон Владимирович — старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья ДРЗ, доцент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научные интересы: история печати Белого движения, история журналистики и литературы русского зарубежья, биография и творчество И.А. Бунина.

Белевцева Наталья Павловна — ведущий научный сотрудник отдела музейного и архивного хранения ДРЗ.

Научные интересы: эпистолярное и художественное наследие русского зарубежья.

Васильева Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, ученый секретарь ДРЗ, ответственный соредактор научной серии «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Материалы и исследования», член редколлегии научной серии ДРЗ «Ex Cathedra».

Научные интересы: литературоведение русского зарубежья, творчество младоземигрантов первой волны русской эмиграции.

Гриценко Наталия Федоровна — доктор исторических наук, заместитель директора ДРЗ по науке.

Научные интересы: история российского либерализма и правительственного консерватизма, история России второй половины XIX — первой половины XX в., история российской эмиграции.

Домнин Игорь Владимирович — помощник директора ДРЗ, заместитель редактора «Российского военного сборника».

Научные интересы: русская военная классика, творческое наследие русской военной эмиграции.

Егорова Надежда Алексеевна — заведующая справочно-библиографическим отделом библиотеки ДРЗ.

Научные интересы: литература русского зарубежья.

Ермишин Олег Тимофеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история русской философии, религиозно-философская мысль русской эмиграции 1920–30-х гг., научное наследие В.В. Зеньковского.

Ефимов Михаил Витальевич — заместитель директора по науке Государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника «Парк Монрепо» (Выборг).

Научные интересы: Д.П. Святополк-Мирский и его наследие, В.В. Набоков и литература русского зарубежья, биография А.Ф. Мейендорфа, история имения Монрепо.

Жалнина-Василькиоти Ирина Леонидовна (Афины; Греция) — искусствовед, выпускница МГУ им. М.В. Ломоносова; исследовательница истории русской эмиграции в Греции. Директор греческого отделения Фонда греческих исследований (Россия).

Научные интересы: русское присутствие в Греции, история первой волны русской эмиграции в Греции.

Жидкова Анна Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история науки, в том числе научного зарубежья.

Землякова Ольга Кузьминична — искусствовед, главный хранитель Российского фонда культуры.

Научные интересы: история культуры русского зарубежья.

Коростелев Олег Анатольевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом литературы и печатного дела российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: русская литература и периодика XX в., литература и печатное дело русского зарубежья, история русской литературной критики, библиография.

Кручинин Андрей Сергеевич — главный библиотекарь справочно-библиографического отдела ДРЗ.

Научные интересы: история Белого движения периода Гражданской войны и русской военной эмиграции (персоналии, история военного искусства, награды и наградные системы).

Кузнецов Никита Анатольевич — старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история российского флота 1860–1922 гг.; история участия моряков в Белом движении в период Гражданской войны (1917–1922); история русского морского зарубежья.

Леонидов Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, главный библиограф ДРЗ.

Научные интересы: литература и культура русского зарубежья.

Ликвинцева Наталья Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: опыт XX в. и его осмысление в религиозно-философской и богословской мысли русского зарубежья.

Лозинская Евгения Валентиновна — научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

Научные интересы: литературоведческие школы XX в., история итальянской литературы.

Лопухина Ирина Анатольевна — заведующая отделом по связям с общественностью ДРЗ.

Научные интересы: русский язык как иностранный, поэзия русского зарубежья.

Магадова Амина Юсуповна — студентка филологического факультета МГУ.

Научные интересы: западноевропейская литература XX в., история кино.

Марченко Татьяна Вячеславовна — доктор филологических наук, заведующая отделом культуры российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: литература послереволюционной русской эмиграции, рецепция русской литературы XX в. на Западе, творчество Бунина — проблемы поэтики и текстологии.

Масоликова Наталья Юрьевна — старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: социальная и персональная история отечественной психологии, история российского научного и педагогического зарубежья, некрополистика российского научного зарубежья.

Мельников Николай Георгиевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: литература русского зарубежья, история русской литературной критики, рецепция русской литературы XX в. на Западе

Нива (Nivat) Жорж (р. 1935, Клермон-Ферран) — французский славист, культуролог, литературный переводчик. Профессор Женевского университета (1972–2000), директор Европейского института Женевского университета (1998–2000), почетный профессор ряда европейских университетов.

Автор многих научных работ, в том числе об истории русского символизма, российского инакомыслия, о жизни и творчестве Александра Солженицына.

Петрова Татьяна Георгиевна — старший научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН.

Научные интересы: литература, печатное дело, периодика, литературная критика и библиография послереволюционной русской эмиграции.

Пьералли (Pieralli) Клаудиа — доктор философии (Ph. D.) по специальности «Современная русская литература и культура», доцент русской литературы и русского языка в Государственном университете г. Мачерата (Италия).

Научные интересы: литература и культура русской эмиграции первой волны во Франции, творчество Н.Н. Евреинова периода эмиграции, лагерная литература XX в.

Проскурина Елена Николаевна (Новосибирск) — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск).

Научные интересы: сюжеты и мотивы русской литературы, литература XX в., творчество эмигрантов первой волны, автодокументалистика.

Пухова Любовь Андреевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история русской дипломатической эмиграции, история дипломатии, внешней политики, международных отношений.

Романова Светлана Витальевна — сотрудник отдела международного и межрегионального сотрудничества ДРЗ.

Научные интересы: история российского зарубежья, русский язык в современном мире.

Семенов Константин Константинович — научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история русской военной эмиграции, участие белоэмигрантов в военных конфликтах первой половины XX в., гражданская война в Испании 1936–1939 гг., Вторая мировая война.

Соколова Вера Александровна — научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: литература русского зарубежья.

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история науки, в том числе российского научного зарубежья, история и некрополистика российского зарубежья, история Второй мировой войны.

Трибунский Павел Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ.

Научные интересы: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых.

СОДЕРЖАНИЕ

КАФЕДРА

Ж. Нива. Мой русский Париж 7

НАУЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

*Иван Алексеевич Бунин (1870–1953). Жизнь и творчество
К 140-летию со дня рождения писателя
Международная научная конференция. Москва. 11–13 октября 2010*

Т.В. Марченко. Вступление 15

А.В. Бакунцев. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной
и творческой судьбе писателя 17

Т.В. Марченко. «...Мало бунинской атмосферы, нужна и блоковская»: Поэма
А.А. Блока «Двенадцать» в художественном сознании И.А. Бунина 45

М.В. Ефимов. И.А. Бунин и Д.П. Святополк-Мирский: Poleмика, идеология,
контекст 74

Т.Г. Петрова. Рецепция творчества И.А. Бунина в критическом сознании
русского зарубежья. (По страницам газеты «Последние новости») 98

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

И.Л. Жалнина-Василькиоти. Русская белая эмиграция в Салониках
(1919–1980-е гг.) 121

А.Б. Арсеньев. Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) 140

К.К. Семенов. Русская военная эмиграция во Франции в 1920–1945 гг. 170

Н.А. Кузнецов. Афанасий Михайлович Бухтеев — моряк-эмигрант,
исследователь Арктики 190

А.С. Кручинин. «Константинопольская брошюра» генерала Я.А. Слащова-
Крымского: К вопросу о стилистическом и жанровом своеобразии 206

- «...Не время изучать политику, когда нужно одерживать победы»:
Н.В. Чарыков на Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Письма к отцу.
Предисловие, подготовка текста и комментарии Л.А. Пуховой 217

О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ

- Н.А. Егорова. К истории одного автографа Аркадия Аверченко 245
- В.А. Соколова. Поэтические особенности творчества Ирины Кнорринг:
К вопросу о периодизации 254
- Е.Н. Проскурина. Кинематографичность и театральность романа
И.В. Одоевцевой «Зеркало» 265
- О.К. Землякова, В.В. Леонидов. «Я решил остаться свободным писателем...»:
О письмах И.С. Шмелева Ю.А. Кутыриной (1923) 280
- «...Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения»: Переписка
Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957). *Предисловие, подготовка
текста и комментарии О.А. Коростелева* 290
- Писатель и папарацци: Итальянские интервью Владимира Набокова.
*Предисловие, подготовка текста и примечания Н.Г. Мельникова;
перевод с итальянского Е.В. Лозинской, А.Ю. Магадовой* 479
- Клаудио Горльер. Фехтование с Набоковым* 485
- Газетано Тумьяти. Еще одна Лолита, господин Набоков?* 488
- Костанцо Константино. Встреча в Монтрё с автором «Лолиты»* 490

ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

- Н.В. Ликвинцева. Глубже, чем политика:
Публицистика матери Марии (Скобцовой) в газете «Дни» 495
- К. Пьералли. Краткий источниковедческий очерк о русской масонской
критической прозе в эмиграции: Тематические и жанровые особенности 517
- Письма Г.В. Флоровского П.П. Сувчинскому (1922–1923). *Предисловие,
подготовка текста и комментарии О.Т. Ермишина* 539
- Альбом-дневник путешествия Юлии Николаевны Рейтлингер из Ташкента
в Москву и Ленинград в мае 1959 г. *Предисловие, подготовка текста
и комментарии Н.П. Белевцевой* 575

НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

П.А. Трибунский. Материалы к библиографии российского научного зарубежья: «Энциклопедия социальных наук» 595

Российские ученые в Южной Америке: Письма зоолога К.И. Гаврилова историку Н.Е. Андрееву (1948–1980). *Предисловие Е.Н. Андреевой, М.Ю. Сорокиной; подготовка текста А.А. Жидковой; комментарии Е.Н. Андреевой, Н.Ю. Масоликовой, М.Ю. Сорокиной* 608

ХРОНИКА

Пятнадцатилетие Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Торжественное заседание. 7 декабря 2010. 655

М.А. Васильева. Международная научная конференция «Русский Париж между двух мировых войн». Москва. 1–3 декабря 2010. 667

М.Ю. Сорокина. Международный научный коллоквиум «Мыслящие миры российского либерализма: Графиня Софья Владимировна Панина (к 140-летию со дня рождения)». Марфино (Московская обл.) — Москва. 29–31 мая 2011. 670

Н.Ф. Гриценко. Международный научный симпозиум «Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении». Белград. 1–2 июня 2011. 676

Н.Ф. Гриценко. Международная научно-практическая конференция «П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России (к 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина)». Москва. 28–30 сентября 2011. 681

Научно-просветительский семинар «Российский зарубежный некрополь: наследие, которое мы не должны потерять». Москва

М.Ю. Сорокина. Вступление. 688

С.В. Романова. По следам графа А.А. Бобринского в Южном Тироле. 689

П.А. Трибунский. Потерянная и обретенная: Могила супругов Вернадских в Нью-Хейвене. 696

Н.Ю. Масоликова. Русская могила английской Ривьеры: Александр Феликсович фон Мейендорф в Пейнтоне 700

IN MEMORIAM

Боголюб Станкович (1938–2011)	709
Мария Васильевна Сметанкина (1923–2011)	710
Об авторах	712

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына
2011

Ответственный редактор
Гриценко Наталия Федоровна

Редактор *М.В. Архиреев*
Корректор *О.А. Савичева*
Верстка *Л.А. Фирсовой*

Подписано в печать 01.11.11. Формат 70x100/16. Бумага писчая.
Гарнитура MinionС. Усл. печ. л. 45,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2.
Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48
www.domrz.ru